

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLIV.

1887.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1887.

Екзотурининистіі кан., д. № 78.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(1867 года сентября 13-го). „Ординарному профессору Императорской военно-медицинской академіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Пашутину—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ занимаемой должности“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (29-го іюля 1887 года). О принятіи Императорскою Академіею Наукъ капитала, пожертвованнаго дочерью генерала отъ инфантеріи дѣвицею Софіею Шубертъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскою Академіею Наукъ пожертвованнаго дочерью покойнаго почетнаго члена Академіи Наукъ, генерала отъ инфантеріи Федора Федоровича Шуберта, дѣвицею Софіею Шубертъ капитала въ десять тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, съ причисленіемъ такового къ спеціальнымъ средствамъ Академіи, и 2) на учрежденіе на проценты съ сего ка-

питала при Академіи Наукъ преміи имени О. О. Шуберта, выдаваемой каждые два года, согласно волѣ жертвовательницы, за выдающіеся сочиненія по математикѣ или по теоретической астрономіи, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ означенной преміи.

2. (8 го. сентября 1887 года). Объ освобожденіи приватъ-доцентовъ Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лица отъ призыва изъ запаса въ армію и отъ службы въ государственномъ ополченіи.

Вслѣдствіе ходатайства начальства Московскаго учебнаго округа министръ народнаго просвѣщенія входилъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ освобожденіи приватъ-доцентовъ Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лица отъ призыва изъ запаса въ армію и отъ службы въ государственномъ ополченіи.

Комитетъ министровъ полагалъ: испросить на сіе, согласно съ представленіемъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 8-й день сентября 1887 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

3. (16-го августа 1887 года). О порядкѣ представленія къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 4 ст. лицъ, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію.

Военный министръ, генераль-адъютантъ Ванновскій увѣдомилъ тайнаго совѣтника Кидошенкова, что Государю Императору, въ 16-й день августа 1887 года, благоугодно было повелѣть: принять за правило, чтобъ удостоеніе къ ордену св. Владиміра 4-й ст. лицъ, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, допускалось въ тѣхъ лишь случаяхъ, если лица эти прослужили въ офицерскихъ или классныхъ чинахъ не менѣе 20 лѣтъ и имѣютъ уже орденъ св. Анны 2 степени.

Къ сему военный министръ присовокупилъ, что виѣстъ съ тѣмъ Его Величество соизволилъ указать ему, генераль-адъютанту Ванновскому, о принятіи сего Высочайшаго повелѣнія къ руководству по всѣмъ вѣдомствамъ сообщить управляющему собственною Его Императорскаго Величества канцеляріей.

Объ изложенной Монаршей волѣ, сообщенной, за управляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріей, тайнымъ

совѣтникомъ Кидошенковымъ, министръ юстиціи предложилъ правительствующему сенату.

4. (13-го сентября 1887 года). О разрѣшеніи открыть подписку среди медицинскихъ обществъ и частныхъ лицъ въ Россіи для образованія стипендіи имени доктора медицины Петрова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе состоящему при Казанскомъ университетѣ Обществу врачей открыть подписку среди медицинскихъ обществъ и частныхъ лицъ въ Россіи, съ цѣлю приобрѣтенія необходимыхъ суммъ для образованія стипендіи имени покойнаго профессора названнаго университета доктора медицины Петрова.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го сентября 1887 года). Правила о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ восемь тысячъ руб., завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Александромъ Михайловичемъ Сазоновымъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 8,000 руб. учреждаются при Московскомъ университетѣ единовременныя денежныя пособія имени завѣщателя капитала „коллежскаго совѣтника Александра Михайловича Сазонова“.

§ 2. Проценты съ капитала, за исключеніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, въ количествѣ 380 руб. въ годъ выдаются по полугодно, въ размѣрѣ, по усмотрѣнію правленія университета и съ разрѣшенія г. попечителя учебнаго округа, бѣднѣйшимъ студентамъ христіанскаго исповѣданія.

§ 3. Назначаемыя студентамъ пособія могутъ быть обрабаемы въ уплату за слушаніе ими профессорскихъ лекцій и въ такомъ случаѣ на руки не выдаются, а перечисляются правленіемъ университета въ соотвѣтствующіе источники.

2. (19-го сентября 1887 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Константиновича и Маріи Петровны Куманиныхъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 10,000 рублей учреждаются двѣ стипендіи, коимъ согласно волѣ завѣщателя присвоивается наименование: „стипендіи имени Константина Константиновича и Маріи Петровны Куманиныхъ“.

§ 2. Размѣръ каждой стипендіи, за исключеніемъ изъ процентовъ съ капитала 5%, государственнаго налога, двѣсти тридцать семь руб. пятьдесятъ коп. (237 руб. 50 коп.) въ годъ.

§ 3. Кандидатовъ на стипендіи избираютъ душеприкащики Константина Константиновича Куманина, и затѣмъ таковыя назначаются правленіемъ университета и утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

§ 4. Стипендіи назначаются студентамъ православнаго исповѣданія, всѣхъ сословій, безъ различія факультетовъ.

§ 5. По смерти всѣхъ душеприкащиковъ, право избранія кандидатовъ на стипендіи переходитъ къ правленію университета.

§ 6. Если стипендіату, по болѣзни, или по какому-либо другимъ независящимъ отъ него обстоятельствамъ не будетъ зачтено полугодіе, то онъ не лишается права на дальнѣйшее полученіе стипендій.

§ 7. При освобожденіи стипендіи за окончаніемъ стипендіатомъ курса, или по какому-либо другимъ причинамъ, душеприкащики К. К. Куманина извѣщаютъ объ этомъ университетомъ для избранія новаго кандидата.

§ 8. Если по какому-либо случаю образуются свободныя остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковыя, по мѣрѣ накопленія, присоединяются къ капиталу съ цѣлью постепеннаго увеличенія размѣра каждой стипендіи.

§ 9. Полученіе стипендіи не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (20-го сентября 1887 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ освобожденіи приватъ-доцентовъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лицея отъ призыва изъ запаса въ армію и отъ службы въ государственномъ ополченіи.

Вслѣдствіе ходатайства начальства Московскаго учебнаго округа

я входилъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ освобожденіи приватъ-доцентовъ Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лица отъ призыва изъ запаса въ армію и отъ службы въ государственномъ ополченіи.

Комитетъ министровъ полагалъ испросить на сіе, согласно съ моимъ представленіемъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 8-й день сентября 1887 года на сіе Высочайше соизволилъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій.

4. (27-го сентября 1887 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недоимкахъ за земствами и городскими обществами по содержанію учебныхъ заведеній.

Управляющій министерствомъ финансовъ, при отношеніи отъ 27-го минувшаго августа за № 4170, препроводилъ ко мнѣ вѣдомость о недоимкахъ пособій государственному казначейству, состоящихъ за семьями и городскими обществами разныхъ губерній, по содержанію учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Изъ означенной вѣдомости видно, что за уплатами, произведенными въ текущемъ году, по 27-е августа, остается въ недоимкѣ пособій государственному казначейству: за городскими обществами 650.283 руб. 36 коп. и за земствами 274.604 руб. 65 коп., а всего 924.888 руб. 01 коп.

Начало образованія недоимокъ относится къ 1864 году, и сумма ихъ постепенно увеличивается, въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, такъ что недоимка за одинъ 1866 годъ достигла 233.620 руб. изъ общей суммы пособій 1.077,181 рубля, исчисленныхъ по государственной росписи на тотъ же годъ.

Въ виду крайне затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, управляющій министерствомъ финансовъ признаетъ дальнѣйшее продолженіе такого порядка безусловно невозможнымъ и проситъ меня принять мѣры къ возможно скорѣйшему погашенію недоимокъ и къ обезпеченію исправности платежей на будущее время, присовокупляя, что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ вынужденъ ходатайствовать о прекращеніи производимаго нынѣ отпуска суммъ казны въ счетъ пособій изъ постороннихъ источниковъ.

Призывая, съ своей стороны, требованіе управляющаго министерствомъ финансовъ исполнѣ основательнымъ и принимая во вниманіе, что проектируемая тайнымъ совѣтникомъ Вышнеградскимъ мѣра весьма вредно отзовется на многихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности, гдѣ пособія изъ постороннихъ источниковъ болѣе или менѣе значительны, и даже можетъ повлечь за собою закрытіе ихъ, я вмѣстѣ съ симъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о содѣйствіи къ погашенію недоимокъ; но, полагая, что мѣрою этою не исчерпываются всѣ способы къ разясненію и пополненію недоимокъ, я нахожу нужнымъ привлечь къ участию въ этомъ дѣлѣ учебно-окружныя начальства и начальниковъ учебныхъ заведеній, такъ какъ это близко касается интересовъ сихъ послѣднихъ со стороны обезпеченія дальнѣйшаго ихъ существованія.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, препровождая при семъ вѣдомость о недоимкахъ, состоящихъ за земствами и городскими обществами по содержанію учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство: 1) провѣрить чрезъ начальниковъ подлежащихъ учебныхъ заведеній цифры недоимокъ съ документами городскихъ и земскихъ управъ, а также мѣстныхъ казначействъ, обративъ при этомъ вниманіе названныхъ начальниковъ на тѣ случаи, когда кредиты остаются не истребованными и, поступая въ ресурсы казны, погашаютъ недоимки по пособиямъ, на счетъ которыхъ они ассигнованы; 2) если бывали случаи, что земства или городскія общества вносили деньги, минуя казначейства, прямо въ учебныя заведенія, то выяснить, сколько принято такихъ денегъ и за какое время; 3) если недоимки были сложены или уплата ихъ разсрочена, или наконецъ, обязательные взносы пріостановлены по постановленіямъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, то выяснить подробно, на основаніи какихъ распоряженій или законоположеній послѣдовало то или другое; 4) по выясненіи цифры недоимокъ и другихъ, связанныхъ съ ними, обстоятельствъ, поручить начальникамъ учебныхъ заведеній войти въ сношеніе съ представителями городскихъ и земскихъ учреждений и о послѣдующемъ донести вашему превосходительству, и 5) вмѣнить въ обязанность тѣмъ же начальникамъ слѣдить на будущее время за поступленіемъ пособій и, въ случаяхъ неисправности въ платежахъ, доводить до свѣдѣнія учебно-окружнаго управленія, для принятія зависящихъ мѣръ понужденія къ уплатѣ чрезъ подлежащихъ губернскихъ властей.

По полученіи отъ начальниковъ учебныхъ заведеній надлежащихъ

свѣдѣній о недоимкахъ, ваше превосходительство имѣете принять и съ своей стороны всѣ зависящія мѣры къ погашенію ихъ и содѣйствовать къ тому, чтобы на будущее время взносы пособій производились исправно, во избѣжаніе разнаго рода мѣропріятій, которыя могутъ съ ущербомъ отозваться на учебныхъ заведеніяхъ.

По мѣрѣ поступленія въ управленіе ввѣренными вамъ округомъ донесеній начальниковъ учебныхъ заведеній о недоимкахъ за прежнее время, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщать мнѣ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ сему вопросу, присовокупляя, что болѣе или менѣе полезная дѣятельность означенныхъ начальниковъ будетъ разсматриваться мною какъ служебное отличіе.

Для правильнаго сосредоточенія въ управленіи округомъ свѣдѣній о поступленіи пособій государственному казначейству съ 1888 года, считаю нужнымъ, чтобы начальники учебныхъ заведеній сообщали ихъ два раза въ годъ, къ 1-му іюля и къ 1-му января, для того, чтобы управленіе округомъ принимало въ свое время надлежащія мѣры и въ случаѣ надобности доводило бы о нихъ до свѣдѣнія министерства.

5. (6-го декабря 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Императора Александра II при Старицкомъ уѣздномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 27-го сентября 1887 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ триста руб., пожертвованнаго Старицкимъ городскимъ обществомъ въ память 25-ти-лѣтія царствованія Императора Александра II, учреждается при Старицкомъ уѣздномъ училищѣ пять стипендій съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи Императора Александра II“.

§ 2. Обеспечивающій стипендіи капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, составляетъ неотъемлемую собственность училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ этого училища, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей передачѣ въ казну, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатовъ въ училищѣ.

§ 4. Стипендіями могутъ пользоваться ученики Старицкаго уѣзд-

наго училища изъ дѣтей недостаточныхъ родителей преимущественно городского званія, достойнѣйшіе по успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Право назначенія стипендій предоставляется педагогическому совѣту уѣзднаго училища по представленію городской управы.

§ 6. Стипендіаты пользуются стипендіями до окончанія курса или выхода ихъ по какимъ-либо причинамъ изъ училища, но и во время пребыванія могутъ быть по опредѣленію педагогическаго совѣта лишены стипендій за безуспѣшность или неодобрительное поведеніе.

§ 7. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ стипендій причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (6-го октября 1887 года). Правила о единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго провизора Павла Семеновича Язгевича.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія),

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала 5,000 руб. учреждаются при Московскомъ университетѣ единовременныя денежныя пособія имени завѣщателя капитала покойнаго „провизора Павла Семеновича Язгевича“.

§ 2. Проценты съ означеннаго капитала въ размѣрѣ, за исключеніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, двухъ сотъ тридцати семи руб. пятидесяти коп. въ годъ назначаются по полугодо, въ пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ для взноса платы за слушаніе лекцій.

§ 3. Пособія назначаются правленіемъ университета съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

§ 4. Преимущественное право на полученіе пособій имѣютъ студенты изъ уроженцевъ города Вильны.

§ 5. Такъ какъ пособія назначаются для уплаты за слушаніе лекцій, то таковыя не выдаются на руки студентамъ, а перечисляются правленіемъ университета въ соотвѣтствующіе источники, но правленію университета предоставляется право назначать пособія и на иныя надобности нуждающимся студентамъ.

7. (8-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Михаила Власіевича Грумъ-Гржимайло при Тверской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи руб., пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Власіевичемъ Грумъ-Гржимайло, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну, по закону 20-го мая 1885 года, государственнаго 5⁰/₁₀₀ налога, учреждается при Тверской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, а равно и процентныя бумаги, пріобрѣтенныя на не израсходованные проценты съ этого капитала (пунктъ 7-й положенія), хранятся въ Тверскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Тверской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновенными.

§ 3. Въ стипендіаты избираются дѣти служащихъ и служившихъ по почтово-телеграфному вѣдомству и преимущественно сироты послѣднихъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Тверской гимназіи, который въ семъ случаѣ поступаетъ по § 3 положенія о сей стипендіи, выбирая стипендіата изъ воспитанниковъ, заслуживающихъ сего по успѣхамъ въ наукахъ и по отличному поведенію или, по меньшей мѣрѣ, хорошему въ четырехъ низшихъ классахъ.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или оставленія на второй годъ въ томъ же классѣ, по причинѣ малоуспѣшности, стипендіатъ лишается стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Если же малоуспѣшность стипендіата произошла отъ продолжительной болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ сохранить за нимъ право на полученіе стипендіи и на второй годъ пребыванія его въ томъ же классѣ.

§ 7. Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала на сумму не менѣе 50 рублей должны быть пріобщаемы въ основному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (8-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Михаила Никифоровича Каткова, при Бѣльскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на проценты съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Петровичемъ Клитинымъ и женой его Марьей Ивановной, учреждается при Бѣльскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ пять стипендій имени тайнаго совѣтника Михаила Никифоровича Каткова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ суммы, подлежащей передачѣ въ казну на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, обращаются на плату за право ученія пяти стипендіатовъ; остающіеся же 3 руб. 75 коп. расходуются на приобрѣтеніе для нихъ учебниковъ.

§ 4. Могущій производти остатокъ отъ временнаго незамѣщенія стипендій обращается на усиленіе стипендій.

§ 5. Въ стипендіаты избираются сироты и дѣти бѣднѣйшихъ гражданъ г. Бѣлаго, выдѣляющіеся изъ среды учениковъ примѣрнымъ поведеніемъ, доброй нравственностью и хорошими успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 7. Стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса въ училищѣ, но можетъ быть лишенъ ея и ранѣе, по опредѣленію педагогическаго совѣта, за малоуспѣшность или неодобрительное поведеніе.

§ 8. Если, въ случаѣ увеличенія платы за ученіе, процентовъ окажется недостаточно для взноса платы за ученіе всѣхъ пяти стипендіатовъ, то недостающая сумма уплачивается родителями стипендіатовъ или лицами, заступающими ихъ мѣсто.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (11-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Ивана Зноско и дворянки Аполлоніи Зноско при Виленской 1-й мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, (нынѣ въ суммѣ четырнадцать тысячъ семисотъ пятидесяти руб. сорока одной коп.), образовавшагося изъ имѣнія и денегъ, пожертвованныхъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Зноско и дворянкою Аполлонією Зноско, учреждаются при 1-й Виленской мужской гимназіи четыре стипендіи имени жертвователей, двѣ по сто пятидесяти руб. каждая, для учащихся мужскаго пола въ низшихъ и двѣ по двѣсти руб. каждая, для учащихся мужскаго пола въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Вильны.

§ 2. Въ случаѣ закрытія 1-й Виленской гимназіи капиталъ Зноско передается для той же цѣли въ другое, подобнаго рода, мужское казенное учебное заведеніе, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 3. Учреждаемыя стипендіи предназначаются для лицъ изъ фамиліи Зноско, а за неимѣніемъ таковыхъ изъ ближайшихъ родственниковъ этой фамиліи, если таковые найдутся; самый же выборъ и утвержденіе стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 4. Проценты съ капитала, оставшіеся за удовлетвореніемъ личнаго состава стипендіатовъ, обращаются на образованіе новыхъ стипендій, а также на выдачу пособій окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ стипендіатамъ при поступленіи ихъ въ высшія учебныя заведенія.

§ 5. Обезпечивающій стипендіи капиталъ хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Виленской 1-й гимназіи, составляя неотъемлемую собственность этой гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 6. Стипендіаты пользуются стипендіями во все время пребыванія учениковъ низшихъ и среднихъ казенныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, но изъ нихъ оказавшіеся неспособными къ ученію или неисправимо дурнаго поведенія лишаются стипендій по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

10. (13-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени священника Іоанна Попова при Боровичской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ 300 руб., пожертвованнаго священникомъ Іоанномъ Поповымъ учреждается одна стипендія имени жертвователя при Боровичской женской прогимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетѣ государственнаго банка, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи, составляя неприкосновенную собственность означеннаго учебнаго заведенія.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ части, причитающейся, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, обращаются на плату за ученіе стипендіатки, дочери бѣднѣйшаго жителя гор. Боровичъ или сироты, не имѣющей отца, заслуживающей того по успѣхамъ и поведенію, а остающіяся затѣмъ деньги выдаются ей на одежду и обувь.

§ 4. Право избранія стипендіатки, при жизни священника Попова, принадлежитъ ему совмѣстно съ попечительнымъ совѣтомъ прогимназіи, а по смерти жертвователя стипендіатка избирается попечительнымъ совѣтомъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

18-го сентября 1887 года. Утверждены: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Паткановъ и Харьковскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Зарубинъ — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, первый съ 6-го сентября 1886 г. и послѣдній съ 17-го іюля 1887 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ Васильевъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ чистой математики, съ 1-го августа 1887 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Овсянко-Куликовскій — экстраординарнымъ

профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, съ 21-го августа 1887 г.; преподаватель института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, магистръ ботаники Палладіиъ — профессоромъ общей и лѣсной ботаники сего института, съ 1-го сентября 1887 г.; магистръ химіи Гемиліанъ — адъюнктъ-профессоромъ химической технологіи Харьковскаго практическаго технологическаго института, съ 1-го августа 1887 года; временно-исправляющій должность директора Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ Адо — въ сей должности, съ 1-го августа 1887 года; исправляющій должность директора Гомельской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Кольнеръ — директоромъ Минской гимназіи, съ 1-го августа 1887 года; инспекторъ Кутаисской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Топорковъ — директоромъ Кубанской войсковой гимназіи, съ 14-го августа 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Варшавской 1-й мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Розановъ — директоромъ Петровской мужской гимназіи, съ 1-го сентября 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Маріампольской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Рождественскій — директоромъ Лодзинской мужской гимназіи, съ 1-го сентября 1887 года; директоръ Преславской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Паховскій; инспекторъ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Покровскій и заслуженный преподаватель Виленской первой гимназіи, коллежскій совѣтникъ Яхонтовъ — директорами прогимназій: первый — Аккерманской, второй — Гомельской, оба — съ 1-го августа 1887 года, и послѣдній — Мозырской — съ 16-го августа 1887 года; инспекторъ Бахмутской прогимназіи, преобразованной изъ четырехклассной въ шестиклассную, коллежскій совѣтникъ Мальцевъ — директоромъ сей прогимназіи, съ 1-го августа 1887 года; инспекторъ Владикавказской Ольгинской женской гимназіи, статскій совѣтникъ Карповичъ — директоромъ Тифлискихъ женскихъ великой княгини Ольги Θεодоровны гимназіи и прогимназіи, съ 7-го августа 1887 года; статскіе совѣтники: Журавскій и Эрдели, капитанъ-лейтенантъ Милетинъ, титулярный совѣтникъ Нестроевъ, инженеръ-поручикъ Куликовскій, дворянинъ Скадовскій, дѣйствительный студентъ Пискорскій, потомственный почетный гражданинъ Волохинъ, почетный гражданинъ Агарковъ и купецъ Калчановъ — членами попечительства Херсонскаго реальнаго училища, на три года; исправляющій должность младшаго чиновника особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ, коллежскій реги-

страторъ Меметь Мурза Карашайскій—вновь почетнымъ попечителемъ Симферопольской татарской учительской школы, на три года, съ 24-го марта 1887 года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ физической географіи Воейковъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ физики и физической географіи, съ 29-го іюля 1887 года; профессоръ Бернского университета, докторъ-медицины Петри—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ географіи и этнографіи, съ 29-го іюля 1887 года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, магистръ гражданского права Табашниковъ и магистръ богословія Алмазовъ—экстраординарными профессорами Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрамъ: первый—римскаго права и послѣдній—церковнаго права,—оба—съ 29-го іюля 1887 года; преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Курбатовъ—исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора химіи сего института, съ 1-го августа 1887 г.; инспекторъ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, надворный совѣтникъ Богоявленскій и наставникъ Молодечненской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Малевичъ—исправляющими должность директоровъ учительскихъ семинарій: первый—Молодечненской и послѣдній—Свислочской; оба съ 1-го августа 1887 года.

Опредѣлены по С.-Петербургскому практическому технологическому институту, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23-го марта 1887 года положенія о семъ институтѣ: инспекторъ работъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лабзинъ—помощникомъ директора института и профессоромъ технологіи металловъ; профессоръ математики, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кросновскій—профессоромъ аналитической механики; преподаватели института: инженеръ-технологъ: надворный совѣтникъ Щукінъ, коллежскій ассессоръ Демьяновъ и титулярный совѣтникъ Котурницкій и состоящій при институтѣ для приготовленія къ преподавательской дѣятельности, инженеръ-технологъ Ланговой—адъюнктъ-профессорами института: первые трое—механики и послѣдній—механической технологіи; старшій наблюдатель при учащихъ въ институтѣ, коллежскій совѣтникъ Смирновъ—инспекторомъ института, профессоръ института, коллежскій совѣтникъ Тавилдаровъ—секретаремъ учебнаго комитета; всѣ съ 1-го августа 1887 года; изъ отставныхъ

коллежскій секретарь Николай Зиновьевъ—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному, съ 30-го августа 1887 года.

Перемѣщены: директоръ Могилевскаго на Днѣстрѣ реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Гольдерекеръ—директоромъ Ровенскаго реальнаго училища, съ 13-го сентября 1887 года; директоры учительскихъ семинарій: Молодечненской—статскій совѣтникъ Крыловъ и Новобугской—Левницкій—директорами учительскихъ семинарій: первый—Новобугской и послѣдній—Преславской; оба съ 1-го августа 1887 года.

Переведенъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, привать-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи докторъ медицины, надворный совѣтникъ Патенко—съ назначеніемъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ судебной медицины Императорскаго Харьковскаго университета, съ 10-го августа 1887 года.

Оставлены на службѣ: на два года: директоръ Тотемской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Соболевъ, съ 30-го іюля 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣевъ, съ 16-го августа 1887 года; на три года: директоръ Рязской городской гимназіи, статскій совѣтникъ Шведеръ, съ 1-го августа 1887 года; директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левницкій, съ 31-го августа 1887 года; на пять лѣтъ: директоры реальныхъ училищъ: Бакинскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Каменскій и Выборгскаго—статскій совѣтникъ Сербуловъ; первый—съ 15-го іюля и второй—съ 10-го сентября 1887 года.

Командированы: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета статскій совѣтникъ Трачевскій и членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Николай Барсуковъ—въ разныя губерніи Россіи: первый на четыре и второй—на два мѣсяца.

Продолженъ срокъ отпуска: директору Варшавской V мужской гимназіи, статскому совѣтнику Канскому—на двадцать-восемь дней, въ Россіи; ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, статскому совѣтнику Розенбергу—на 25 дней, за границу; учителю С.-Петербургской Ларинской гимназіи Залеману—по 15-е октября 1887 года, за границу.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Благовѣщенскій и директоръ народныхъ училищъ Витебской губерніи, статскій совѣтникъ Масловскій—на три недѣли; причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: дѣйствительный статскій совѣтникъ Гришинъ и коллежскій секретарь Зиновьевъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій и директоръ народныхъ училищъ Терской области, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грушевскій—на двадцать-восемь дней; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лясковскій—на мѣсяцъ и десять дней; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій секретарь графъ Бобринскій—на два мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Троицкій—по 1-е декабря 1887 года, и б) за границу: учитель С.-Петербургской третьей гимназіи, коллежскій ассессоръ Сидоровъ—на восемнадцать дней; лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Де-Метцъ—на двадцать-восемь дней; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и командированный въ распоряженіе попечителя Дерптскаго учебнаго округа, губернскій секретарь Пенскій—на четыре мѣсяца, по болѣзни.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: статскій совѣтникъ Весинъ, надворный совѣтникъ Норупъ и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Корзинъ—по случаю назначенія учителями гимназій: перваго—Житомирской мужской, съ 1-го августа 1887 г., втораго—Варшавской первой мужской и третьяго—Лодзинской женской, послѣднихъ двухъ—съ 1-го сентября 1887 года.

Уволены, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Андреевскій; директоръ Екатеринбургскаго Алексѣевского реальнаго училища, статскій совѣтникъ Ломоносовъ и директоръ Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Петрушевскій—отъ сихъ должностей, первый и третій—съ 1-го августа и второй съ 1-го іюля 1887 г.; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Козловъ, директоры мужскихъ гимназій: Петровской—статскій

совѣтникъ Мигулинъ и Лодзинской—статскій совѣтникъ Мазюкевичъ; директоръ Аккерманской прогимназіи, статскій совѣтникъ Годзяцкій и директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барскій—отъ службы; Козловъ—съ 21-го іюля, по болѣзни, Барскій и Годзяцкій—съ 1-го августа, Мигулинъ и Мазюкевичъ—съ 1-го сентября 1887 г., съ дозволеніемъ Барскому, Мигулину и Мазюкевичу носить въ отставку мундирный полукафтаны, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: бывшему предсѣдателью попечительнаго совѣта Ярославской Марининской женской гимназіи, генералъ-маіору Быченскому—за продолжительную его дѣятельность на пользу означенной гимназіи; попечителю Оедоровскаго начальнаго училища, Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи, дворянину Каншину—за постоянныя его заботы о преусиженіи сего училища и за значительныя пожертвованія въ пользу онаго; супругъ Волчанскаго уѣзднаго предводителя дворянства графиня Гендриковой и коллежскому совѣтнику Бѣлокопытову—за пожертвованія въ пользу Волчанской женской прогимназіи; землевладѣльцамъ Самарскаго уѣзда, титулярнымъ совѣтникамъ Самарину и Сибирякову, за пожертвованія и заботы ихъ о народномъ образованіи.

Исключенъ изъ списковъ умершій, директоръ Ровенскаго реальнаго училища Павловъ.

7-го октября 1881 года. Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Помяловскій—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на четыре года, съ 10-го сентября 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Легонинъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 1-го сентября 1887 года; старшіе ассистенты клиническаго института великой княгини Елены Павловны, доктора медицины Никитинъ и Тилингъ—доцентами сего института: первый—по предмету ларингологіи и послѣдній по предмету хирургіи—оба съ 1-го сентября 1887 года; директоръ Измаильской прогимназіи, статскій совѣтникъ Аквилоновъ—директоромъ гимназіи Императора Александра III въ Болградъ—съ 1-го сентября 1887 года; директоръ Московской первой прогимназіи, статскій совѣтникъ Шварцъ—директоромъ Московской пятой гимназіи—съ 23-го сентября 1887 года, съ оставленіемъ экстраординар-

нимъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета; исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской пятой гимназій, статскій совѣтникъ Крутковъ—директоромъ Златопольской гимназій, съ 24-го сентября 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Московской третьей гимназій, учитель сей гимназій Войнаховскій—директоромъ Московской первой прогимназій, съ 23-го сентября 1887 года; исправляющій должность инспектора народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской Верецагинъ—въ сей должности, съ 25-го сентября 1887 года; исправляющій должность журналиста департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Дьяковъ—въ сей должности, съ 10-го сентября 1887 года.

Назначенъ: инспекторъ Евпаторійской прогимназій, надворный совѣтникъ Орловъ—исправляющимъ должность директора Измаильской прогимназій, съ 1-го сентября 1887 года.

Опредѣлены: коллежскій совѣтникъ фонъ-Авремъ—профессоромъ физиологій клиническаго института великой княгини Елены Павловны, съ 1-го сентября 1887 года; инженеръ-технологъ Богаевскій—адъюнктъ-профессоромъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института по химической технологіи, съ 1-го сентября 1887 года; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской седьмой гимназій, коллежскій ассессоръ Аполлинарій Прибыльскій—вновь на службу, причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, съ 29-го сентября 1887 года; учительскій помощникъ Болховскаго городского училища Иванъ Смирновъ—на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія помощникомъ дѣлопроизводителя сего департамента, съ 12-го сентября 1887 года, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ нынѣ должности.

Оставлены на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Легонинъ, съ 1-го сентября 1887 года, директоры гимназій: Черниговской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Кизимовскій, со 2-го августа; Владикавказской—статскій совѣтникъ Виноградовъ, съ 30-го августа, и Гродненской—статскій совѣтникъ Татлинъ, съ 14-го сентября 1887 года.

Оставленъ на службѣ по выслугѣ 30-ти лѣтъ въ учебной части: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степановъ, съ 10-го іюля 1887 года.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ и экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Табашниковъ — на двѣ недѣли; директоръ Θεодосійской гимназій, статскій совѣтникъ Виноградовъ — на три недѣли; инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи снхъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Миловскій — на двадцать-восемь дней; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Душта-Душинскій — на мѣсяць.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ министерству: Сонни, съ 1-го іюля 1887 г., вслѣдствіе назначенія его приватъ-доцентомъ Императорскаго университета св. Владиміра и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Гренъ, съ 1-го сентября 1887 года, по случаю назначенія его инспекторомъ народныхъ училищъ Тифлисской губерніи.

Уволены согласно прошеніямъ отъ службы: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Дымша, съ 24-го сентября 1887 года, и помощникъ дѣлопроизводителя сего департамента, неимѣющій чина Шалацкій, съ 29-го августа 1887 года.

Дозволено: бывшему директору Кубанской войсковой гимназій, статскому совѣтнику Вондоловскому — носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: штатному смотрителю Дисненскаго уѣзднаго училища Адамчику, учителю Дисненскаго приходскаго училища Ефимко и учителю Язненскаго народнаго училища Бѣганскому — за особенное усердіе ихъ въ обученіи своихъ учениковъ церковному пѣнію и чтенію.

Исключены изъ списковъ умершіе: директоры гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ, Московской, пятой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Басовъ и Златопольской, статскій совѣтникъ Ильинъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Н. Воскресенскій. Словесность — наука, ея значеніе въ учебной литературѣ и въ дѣлѣ преподаванія русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ В. Истоминъ. Варшава, 1887“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Для русскихъ гимназій обработали И. Мейеръ и В. Рейнеръ. Изданіе 3-е. Москва. 1887. Въ 8-ку, стр. 334. Цѣна 1 руб. 20 коп.“ — одобрить какъ руководство для старшихъ классовъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— „Наглядную таблицу всемірной исторіи И. Пясецкаго (съ объясненіемъ на 64 стр.). С.-Пб. 1887. Цѣна таблицы съ объясненіемъ къ ней 3 руб.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Заразные болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Корь, скарлатина, оспа, тифъ, дизентерія, дифтеритъ, коклюшъ, свинка и др. Составилъ докторъ медицины А. С. Виреніусъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку, стр. VII—164“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Теорія словесности. Курсъ первый (проза). Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный по новой методѣ Ѳ. А. Зеленогорскимъ. Харьковъ 1887. Въ 8-ку 50 стр. Цѣна 45 коп.“ — одобрить для среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго пособия.

— Книгу „Lehrbuch der Geschichte für die oberen Klassen höherer Lehranstalten von Dr Friedrich Hofman. IV Heft. Neuere Geschichte; Von der Reformation bis zu Friedrich dem Grossen. Berlin 1886“ — допустить какъ учебное пособие при преподаваніи всеобщей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края.

— Книгу „Краткій курсъ ботаники. Составилъ М. Сіазовъ. Съ 118 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 коп.“ — одобрить

къ употребленію въ качествѣ учебника въ 4-мъ и 5-мъ классахъ женскихъ гимназій.

— Книгу „Учебникъ латинскаго языка. Выпускъ первый (для низшихъ классовъ гимназій). Составили И. Смирновъ и О. Клеменчичъ. Изд. 4-е, 1887. Въ 8-ку 106 стр. Цѣна 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ руководства для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книги П. П. Фанъ-деръ-Флита: 1) „Основанія механики (для студентовъ-натуралистовъ и медиковъ). С.-Пб. 1885. Цѣна 1 р. 50 коп.“, и 2) „Введеніе въ механику. Часть I. Основныя законы движенія (кинематика точки).—Часть II. Основныя законы силъ (динамика точки). С.-Пб. 1886. Цѣна за обѣ части 4 руб.“—одобрить, какъ учебныя пособія по механикѣ, для реальныхъ училищъ и рекомендовать для библіотекъ, какъ основныхъ, такъ и ученическихъ, среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено.

— Книгу „Азбуковникъ церковно-славянскаго языка съ изборникомъ для чтенія для начальныхъ училищъ. Составилъ П. Случевскій, Ставрополь Кавказскій. 1887. Цѣна 15 коп.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книги Вс. Миропольскаго (изданіе 3-е): 1) „Курсъ русской грамматики для низшихъ учебныхъ заведеній. Часть первая. Этимология. Воронежъ 1887. Въ 8-ку 114 стр. Цѣна 30 коп.“ и 2) „Курсъ русской грамматики для низшихъ учебныхъ заведеній. Часть вторая. Синтаксисъ. Воронежъ. 1887. Въ 8-ку 112 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Какъ останавливать кровь и можно ли ее заговаривать. Популярное изложеніе способовъ останавливанія кровотеченій, приспособленное къ пониманію дѣтей школьнаго возраста. Составилъ врачъ Ив. Милотворскій. Нижній-Новгородъ. 1887. Въ 8-ку 20 стр. и 4 стр. рисунковъ. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— „Книгу „Учебникъ русской грамматики. Этимологія съ необходимыми дополненіями изъ синтаксиса. Пособіе для сельскихъ школъ. Арзамасъ. 1887. Въ 16-ю д. л. 29 стр. Цѣна 8 коп.“—допустить въ употребленію въ народныхъ училищахъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ, открыты слѣдующія училища, городскія: въ г. Плоцѣ четырехклассное, въ г. Каширѣ двухклассное, при Богодуховскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ открытъ третій классъ; инородческое для чувашъ и мордвы начальное училище открыто въ деревнѣ Кайраклинской, Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, при 32 учащихся.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1879, 1880 И 1881 ГОДА ¹⁾.

II. ГИМНАЗИИ И ПРОГИМНАЗИИ.

Число гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ отчетное трехлѣтіе, съ 1879 по 1881 годъ, увеличилось семью. Вновь учреждена гимназія въ Болградѣ, въ замѣнъ существовавшаго тамъ центральнаго училища, и шесть прогимназій: С.-Петербургская 2-я, Старобѣльская, Елатомская, Нарвская, Ташкентская и Вѣрненская преобразованы въ полныя гимназіи. Послѣднія три прогимназій еще въ 1879 г. преобразованы были въ 6-ти-классный составъ, а съ 1881 г. при нихъ открыты VII и VIII классы. Въ Болградской же гимназій были открыты только приготовительный и первый классы; въ прочихъ классахъ оставленъ курсъ центральнаго училища, и преобразование сихъ классовъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 29-го ноября 1880 г., приостановлено впредъ до точнаго выясненія количества предназначенныхъ на содержаніе названной гимназій доходовъ отъ оброчныхъ статей, на которые содержалось Болградское центральное училище.

Число прогимназій увеличилось тринадцатью: одна открыта въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ (въ г. Петергофѣ), по двѣ въ округахъ: Московскомъ (въ Карачевѣ и Ефремовѣ) и Кіевскомъ (въ Черкасахъ и Кіевѣ), и по четыре въ округахъ: Харьковскомъ (въ Бобровѣ, Ворисоглѣвскѣ, Острогомжскѣ и Рыльскѣ) и Одесскомъ (въ

¹⁾ См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

Елисаветградѣ, Бахмутѣ, Аккерманѣ и Измаилѣ). Острогжская прогимназія учреждена въ составѣ шести классовъ, Елисаветградская преобразована въ концѣ отчетнаго трехлѣтія также въ шестиклассный составъ, остальные вновь открыты—четыреклассныя. Кромѣ того, четыреклассныя прогимназіи въ гг. Егорьевскѣ, Коломнѣ, Бѣломѣ, станицѣ Нижне-Чирской и въ г. Ростовѣ-на-Дону преобразованы въ шестиклассныя.

Открытыя и преобразованныя въ 1879—1881 гг. гимназіи и прогимназіи содержатся преимущественно на суммы государственнаго казначейства, съ болѣе или менѣе значительнымъ пособіемъ отъ мѣстныхъ обществъ; такъ, между прочимъ, на содержаніе Старобѣльской гимназіи городское общество ассигнуетъ 2.000 р. и земство 14.000 р., а Егорьевской прогимназіи городъ 5.000 р. и земство 7.000 р.; Нарвская гимназія и перечисленныя выше прогимназіи, кромѣ Ростовской-на-Дону, содержиной на мѣстныя средства, получаютъ пособія отъ земствъ и городскихъ обществъ въ размѣрѣ отъ 3.500 р. до 10.000 р. каждая.

Съ причисленіемъ вновь открытыхъ и преобразованныхъ учебныхъ заведеній, во всѣхъ учебныхъ округахъ къ 1-му января 1882 г. состояло: гимназій 136 (съ коллегіей Павла Галагана въ Кіевѣ), прогимназій—шестиклассныхъ 27 и четырехклассныхъ 57, всего же учебныхъ заведеній того и другаго разряда 220.

Въ 1871 г., въ годъ преобразованія гимназій и прогимназій по новому уставу, 30-го іюля ихъ числилось 158, въ томъ числѣ реальныхъ гимназій 12 и 1 реальная прогимназія. Число классическихъ гимназій и прогимназій увеличилось въ первое десятилѣтіе со времени реформы на 75.

Приготовительные классы учреждены почти при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (при 213 изъ 220).

Общее число параллельныхъ отдѣленій увеличилось въ отчетное трехлѣтіе съ 316 до 394, то-есть, на 24,6%; а въ 1871 г. ихъ было лишь 213. Число параллельныхъ классовъ было особенно значительно въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго (43), Московскаго (63), Кіевскаго (56), Варшавскаго (66) и Дерптскаго (41). Изъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній особенное вниманіе обращали на себя, по численности параллельныхъ отдѣленій, гимназіи: С.-Петербургскія 4-я и 5-я, Московскія 1-я и 2-я, Новочеркасская, 1-я и 2-я Кіевскія, Житомирская, Каменецъ-Подольская, Немировская, Дерптская и Рижская, имѣвшія отъ 5 до 9 параллелей каждая.

На содержаніе гимназій и прогимназій въ 1881 г. поступило всего до 8.151.976 р., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 4.710.132 р., изъ сбора платы за ученіе и за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ и стипендіатовъ различныхъ вѣдомствъ въ пансіонахъ при гимназіяхъ 2.281.488 р.; остальные 1.160.356 р. отпускались изъ слѣдующихъ источниковъ: отъ городскихъ обществъ назначено въ пособіе гимназіямъ и прогимназіямъ до 301.889 р., отъ земствъ 230.611 р., изъ дворянскихъ суммъ 113.219 р., изъ войсковыхъ 143.420 р., изъ свѣчнаго и коробочнаго сбора съ евреевъ 12.807 р., изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 149.229 р.; новыхъ единовременныхъ пожертвованій поступило 158.087 р. 78 к. и изъ разныхъ другихъ случайныхъ источниковъ 51.090 р. Такимъ образомъ оказывается, что въ теченіе отчетнаго трехлѣтія главнымъ источникомъ содержанія гимназій и прогимназій служило, какъ и въ прежніе годы, государственное казначейство, отпускавшее болѣе половины всѣхъ суммъ, вносимыхъ въ ежегодный бюджетъ этихъ учебныхъ заведеній (57, 77%); наиболѣе значительнымъ, затѣмъ, источникомъ дохода является сборъ платы за ученіе и за содержаніе воспитанниковъ въ разнѣрѣ 2.281.488 р. 77 к. (27, 98%); если же къ сей послѣдней суммѣ присоединить проценты съ капиталовъ, ранѣе пожертвованныхъ въ пользу гимназій и прогимназій (149.229 р. 13 к.), то общая сумма специальныхъ средствъ сихъ заведеній составитъ 2.430.717 р. 90 к., то-есть, около $\frac{1}{3}$ всего ихъ бюджета. Изъ вышеприведенной общей суммы въ 8 милл. рублей 6.439.015 р. поступило собственно на содержаніе гимназій и 1.712.961 р. на содержаніе прогимназій. Въ 1871 году расходъ по содержанію всѣхъ гимназій и прогимназій не превышалъ 4.467.644 р.; слѣдовательно, сумма, удѣляемая государствомъ и обществомъ на эти учебныя заведенія, увеличилась за послѣднее десятилѣтіе въ общей сложности на 82, 4%; при этомъ сумма сбора за ученіе и за содержаніе пансіонеровъ возросла съ 830.432 р. 50 к. до 2.281.488 р. 77 к., на 174,7%; суммы, отпускаемыя дворянствомъ—съ 33.877 р. 44 к. до 113.219 р. 35 к.—на 234%; городскими обществами—съ 37.610 р. 12 к. до 301.889 р. 62 к., на 700%; земствами съ 64.115 р. 73 к. до 230.611 р. 82 к., на 259%; вообще плата за ученіе и содержаніе пансіонеровъ увеличилась почти втрое (на 1.450.000 р.), дворянскія и земскія суммы болѣе чѣмъ втрое, а городскія пособія возросли въ восемь разъ сравнительно съ отпускавшимися въ 1871 г.

Большая часть пожертвованій частныхъ лицъ въ пользу гимназій и прогимназій предназначена на учрежденіе стипендій при сихъ учебныхъ заведеніяхъ. Значительѣйшія изъ таковыхъ пожертвованій въ отчетный періодъ времени поступили: отъ вдовы кишиневскаго купца Анны Градинарь 10.000 р. на двѣ стипендіи при Кишиневской гимназій; отъ бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургской 1-й гимназій 8,300 р. на учрежденіе стипендіи по случаю исполнившагося 50-лѣтняго юбилея существованія гимназій; отъ вдовы полковника Петровой 18.057 руб. на стипендію ея имени при Владимірской гимназій; отъ Пензенскаго губернскаго земства 25.000 руб. на учрежденіе при пансіонѣ Пензенской гимназій 4 стипендій имени императора Александра I, и отъ отставнаго полковника Федоровскаго въ пользу Сумской гимназій 116.000 руб., изъ коихъ 60.000 руб. на устройство при гимназій пансіона и 56.000 р. на учрежденіе 14 стипендій. Кромѣ того, подпоручикомъ Цвѣтковымъ пожертвованъ капиталъ въ 30.000 р. въ пользу Златопольской прогимназій, на постройку дома по преобразованіи ея въ полную гимназію.

Изъ общей суммы, поступившей на содержаніе гимназій и прогимназій, наибольшая часть расходовалась на вознагражденіе учебно-воспитательнаго персонала, приблизительно до 63% ежегодно.

Сравнительно съ 1877 годомъ стоимость обученія каждаго ученика, въ средней сложности, во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ за послѣдніе три года понизилась, именно въ 1877 году она составляла 126 руб., въ 1881 году 99 руб., то-есть, на 27 рублей менѣе. По отдѣльнымъ округамъ средняя стоимость ученика колебалась въ 1879 году: отъ 95 руб., въ Виленскомъ учебномъ округѣ, до 130 руб., въ С.-Петербургскомъ; въ 1881 г. въ тѣхъ же округахъ она составляла: въ первомъ 87 р. и во второмъ 127 руб.

Столь же неравномѣрно распредѣлялась и плата за ученіе. Стоимость обученія находится преимущественно въ зависимости отъ числа учащихся въ учебномъ заведеніи: тѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ менѣе доля общаго расхода по содержанію гимназій, падающая на каждаго ученика; но при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ настоящее время, она далеко еще не покрывается платою, вносимою учениками. Плата за ученіе, хотя и назначаемая отчасти по соображенію съ дѣйствительною стоимостью обученія, чаще опредѣляется въ соответствии съ достаткомъ и средствами мѣстнаго населенія, и потому плата въ прогимназіяхъ обыкновенно назначается меньшая, нежели въ гимназіяхъ. Впрочемъ, за послѣдніе три года замѣчается

почти повсемѣстное ея возвышеніе, что усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы.

Въ округахъ:	Въ 1879 г.	Въ 1881 г.
С.-Петербургскомъ	отъ 15. до 50 р.	отъ 16 до 60 р.
Московскомъ .	15 — 40 „	15 — 50 „
Казанскомъ .	20 — 36 „	20 — 36 „
Оренбургскомъ.	7 — 35 „	15 — 40 „
Харьковскомъ .	10 — 30 „	12 — 45 „
Одесскомъ.	15 — 50 „	25 — 60 „
Кіевскомъ.	8 — 20 „	5 — 25 „
Вплескомъ.	15 — 40 „	15 — 40 „
Варшавскомъ	10 — 30 „	10 — 30 „
Дерптскомъ.	30 — 100 „	30 — 100 „
Западной Сибири.	15 „	15 — 20 „
Восточной Сибири	16 — 40 „	16 — 40 „
Туркестанскомъ краѣ	20 — 30 „	30 — 40 „

Низшій размѣръ платы за ученіе былъ установленъ въ прогимназіяхъ Глуховской—3 р. 10 к. въ 1879 г. и 5 р. 15 к. въ 1881 г., въ Стерлитамакской—7 р. 50 к. (въ 1879 г.); высшій въ Феллинской гимназіи—по 100 руб. въ годъ съ ученика.

За время съ 1879 г. по 1881 г. не послѣдовало никакихъ законоположеній, измѣняющихъ основныя начала и существующій строй гимназій и прогимназій. Отступленій отъ утвержденныхъ учебныхъ плановъ въ отчетное трехлѣтіе также нигдѣ не допускалось, кромѣ незначительныхъ измѣненій въ распредѣленіи числа уроковъ и перенесенія части предполагаемаго по программамъ въ прохожденію въ одномъ классѣ въ курсъ слѣдующаго класса.

Попечители учебныхъ округовъ, продолжая заботиться объ упроченіи и утвержденіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ порядка, введеннаго уставомъ 1871 г., обращали вниманіе на точное исполненіе и примѣненіе къ дѣлу изданныхъ инструкцій и на постепенное улучшеніе учебно-воспитательнаго персонала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, попечители отзываются съ похвалою о большинствѣ служащихъ подъ ихъ начальствомъ. Открывающіяся мѣста директоровъ и инспекторовъ, въ особенности при учрежденіи новыхъ учебныхъ заведеній, попечители предоставляли наиболѣе достойнымъ и заслуженнымъ изъ учителей, отдавая, при ихъ выборѣ, преимущество преподавателямъ древнихъ языковъ.

Къ концу отчетнаго трехлѣтія числилось при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ: директоровъ 155, инспекторовъ 177, законоучите-

лей различныхъ исповѣданій 406, учителей предметовъ 2.241, и, кромѣ того, преподавателей черченія, рисованія, пѣнія, гимнастики 264, надзирателей и воспитателей при пансіонахъ, а также помощниковъ классныхъ наставниковъ 464. Директора и инспектора, исполняя съ должнымъ усердіемъ возложенныя на нихъ обязанности по надзору за вѣренными имъ учебными заведеніями, почти всѣ раздѣляли въ то же время труды прочихъ учителей по преподаванію различныхъ предметовъ курса и по званію классныхъ наставниковъ, согласно уставу гимназій. Отступленія отъ этого общаго правила составляли весьма рѣдкія исключенія.

Въ 8-ми учебныхъ округахъ, по которымъ доставлены наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности преподавателей и начальствующихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 1881 году изъ числа 116 директоровъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій, которые занимали одновременно съ исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей и должности классныхъ наставниковъ, 80 лицъ преподавали древніе языки или одинъ изъ древнихъ въ соединеніи съ другимъ какимъ-либо предметомъ гимназическаго курса, 13—русскій языкъ, 1—математику—21 исторію и географію. Изъ числа 144 инспекторовъ, занимались преподаваніемъ древнихъ языковъ или древняго въ соединеніи съ другимъ предметомъ 77, русскій языкъ преподавали 33, математику и физику 18, исторію и географію 23 и новыя иностранныя языки 3.

Число заслуженныхъ преподавателей въ помянутыхъ 8-ми учебныхъ округахъ достигало въ 1879 году до 49, въ 1881 же году уменьшилось до 41; нѣкоторые изъ нихъ получили высшее назначеніе, другіе окончили свою службу. Изъ сихъ учителей, занимавшихъ также должности классныхъ наставниковъ, преподавали древніе языки, или въ соединеніи съ другимъ предметомъ курса, въ 1879 г. 21 и въ 1881 г. 14, русскій языкъ въ 1879 г. 8 и въ 1881 г. 6, математику и физику въ 1879 г. 18 и въ 1881 г. также 18, исторію и географію въ 1879 г. 4 и въ 1881 г. 2, и одинъ преподавалъ новыя иностранныя языки.

Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ вовсе не имѣлось преподавателей, которымъ присвоено было бы званіе заслуженныхъ, по недостатку средствъ на выдачу имъ установленнаго по этому званію оклада жалованья.

Число прочихъ преподавателей, исполнявшихъ обязанности классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вышеупомянутыхъ восьми учебныхъ округовъ, за время съ 1879 по 1881 годъ воз-

росло съ 936 до 1.058 и составляло 60,2% общего ихъ числа (1.756), а съ директорами, инспекторами и заслуженными преподавателями, исполнявшими тѣ же обязанности, число классныхъ наставниковъ увеличилось къ 1-му января 1882 г. до 1.359. Такъ какъ въ сихъ округахъ числилось 100 гимназій и 67 прогимназій, въ коихъ было 1.436 основныхъ и параллельныхъ классовъ, кромѣ приготовительныхъ, то изъ общего числа классныхъ наставниковъ только 77 заведывали одновременно двумя классами, остальные же посвящали свою дѣятельность исключительно одному классу. Изъ 1.058 вышепоказанныхъ учителей, состоявшихъ классными наставниками, болѣе половины, 556, занимались преподаваніемъ двухъ древнихъ языковъ или одного изъ нихъ въ соединеніи съ другими предметами, 143 преподавали русскій языкъ, 230 математику, 101 исторію и географію, 40 новые иностранные языки и 4 избранны были изъ числа законоучителей того учебнаго заведенія, въ которомъ состояли на службѣ.

Дѣятельность классныхъ наставниковъ, какъ объясняютъ попечители учебныхъ округовъ, преимущественно заключалась въ томъ, что они входили въ постоянныя сношенія съ родителями учениковъ ввѣренныхъ ихъ попеченію классовъ. Сношенія эти производились посредствомъ записныхъ тетрадей (дневниковъ), недѣльных и мѣсячныхъ отиѣтовъ, посылаемыхъ на разсмотрѣніе родителямъ, и посредствомъ личныхъ съ ними объясненій. Классные наставники ежемѣсячно докладывали педагогическимъ совѣтамъ, для совокупнаго съ ними обсужденія, о всѣхъ выдающихся явленіяхъ, замѣченныхъ каждымъ во ввѣренномъ ему классѣ какъ относительно успѣховъ, такъ и поведенія учащихся. Наставники по временамъ осматривали тетради учениковъ, съ цѣлью удостовѣриться, въ должномъ ли порядкѣ и чистотѣ онѣ содержатся; старались, по мѣрѣ возможности, ознакомиться со степенью развитія, съ успѣшностью въ наукахъ и съ особенностями характера каждого изъ своихъ питомцевъ; составляли, совмѣстно съ другими преподавателями того же класса, передъ началомъ полугодія, распредѣленіе задаваемыхъ уроковъ и назначали дни, къ которымъ должны быть подготовлены письменныя работы, наблюдая, чтобы работы эти по разнымъ предметамъ не были требуемы одновременно и не обременяли учениковъ. Исполняя вообще всѣ обязанности, изложенныя въ данной имъ инструкціи, классные наставники слѣдили, въ особенности въ провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и за домашнею обстановкою учениковъ, преимущественно старшихъ классовъ, съ цѣлью удалить ихъ отъ сближенія съ людьми,

не соответствующими ихъ возрасту и вредными по образу жизни и убѣжденіямъ. Посѣщая квартиры иногородныхъ учениковъ, всего чаще живущихъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ, наставники знакомились съ тою средою, въ которой обращаются ихъ воспитанники. Контроль за чтеніемъ книгъ учениками также составлялъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей наставниковъ, которые по возможности старались дать внѣклассному чтенію надлежащее полезное направленіе своими совѣтами. Многіе изъ нихъ, проникнутые искреннимъ желаніемъ честно послужить дѣлу воспитанія, принимали на себя и нѣкоторые необязательные труды; такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ они дѣятельно помогали инспекторамъ въ наблюденіи за учениками во время перемѣнъ между уроками; послѣ уроковъ безвозмездно занимались съ малоуспѣвающими; по воскреснымъ днямъ репетировали съ ними пройденное и наблюдали за занятіями пѣніемъ и гимнастикою. Такіе отзывы попечителей учебныхъ округовъ о дѣятельности классныхъ наставниковъ нельзя не признать весьма утѣшительными.

Къ сожалѣнію, однако, еще не всѣ еще классные наставники нашихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ понимаютъ свои обязанности и выполняютъ ихъ надлежащимъ образомъ. Значеніе этого званія, столь высоко поставленнаго уставомъ 1871 г., годъ отъ году болѣе выясняется для учениковъ и ихъ родителей. Учебныя начальства, съ своей стороны, употребляютъ всѣ мѣры, чтобы принятіе на себя преподавателями званія класснаго наставника не оставалось пустою внѣшнею формальностью, но приносило дѣйствительную практическую пользу. Въ особенности плодотворна, по отзывамъ попечителей учебныхъ округовъ, дѣятельность классныхъ наставниковъ въ малолѣдныхъ городахъ, удаленныхъ отъ большихъ центровъ государственной или промышленной дѣятельности, въ которыхъ преподаватели гимназій и прогимназій менѣе имѣютъ побочныхъ занятій и болѣе сосредоточиваютъ свои интересы на томъ учебномъ заведеніи, гдѣ состоятъ на службѣ. Въ этихъ отдаленныхъ, глухихъ мѣстностяхъ наиболѣе ощутительна потребность общества въ опытныхъ и образованныхъ руководителяхъ для нравственнаго воспитанія юношества.

Уставомъ гимназій 1871 года дозволено соединять въ лицѣ одного учителя преподаваніе двухъ и болѣе предметовъ. Въ восьми округахъ, о которыхъ имѣются подробныя свѣдѣнія по сему предмету, число лицъ, пользующихся этимъ правомъ, возросло за отчетное трехлѣтіе съ 878 до 944. Изъ сопоставленія этихъ цифръ съ общимъ числомъ

преподавателей, состоявшихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ тѣхъ же восьми учебныхъ округовъ (въ 1879 г. 1.627 и въ 1881 г. 1.756), оказывается, что число лицъ, соединяющихъ преподаваніе двухъ и болѣе предметовъ, составляло въ теченіе отчетнаго трехлѣтія болѣе половины всѣхъ преподавателей. Въ томъ числѣ въ 1881 году преподавали одновременно оба древніе языка или одинъ изъ древнихъ въ соединеніи съ какимъ-либо другимъ предметомъ 555, русскій языкъ съ исторіей 51, соединяли преподаваніе исторіи и географіи 154, математики и физики 133, французскаго и нѣмецкаго языковъ 20 и иныхъ предметовъ курса 31. Соединеніе различныхъ предметовъ преподаванія въ лицѣ одного учителя значительно облегчаетъ управленіямъ округовъ распредѣленіе занятій между наличнымъ составомъ учителей и замѣщеніе вакантныхъ должностей и служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, поощреніемъ для преподавателей. Тѣмъ не менѣе, сознаніе пользы, которую приноситъ эта мѣра въ различныхъ учебныхъ округахъ, не одинаково. По замѣчанію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, наибольшее число учителей, соединявшихъ преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ, составляло въ 1878 году 41%, всего числа преподавателей въ округѣ, а затѣмъ этотъ процентъ сталъ уменьшаться, составляя въ 1879 году 40%, въ 1880 году 39% и, наконецъ, въ 1881 г. 38,3%. Напротивъ того, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, система класснаго преподаванія постепенно развивается въ учебныхъ заведеніяхъ этого округа, и число лицъ, соединяющихъ преподаваніе двухъ или болѣе предметовъ, включая сюда директоровъ и инспекторовъ, постепенно увеличивается: въ 1879 г. оно составляло 40,5% всего числа учебнаго персонала, въ 1880 г. 41,4%, и въ 1881 г. 45,9%. Такое различіе объясняется мѣстными условіями названныхъ учебныхъ округовъ. Въ С.-Петербургскомъ округѣ гимназій и прогимназій, по преимуществу, сосредоточены въ столицѣ и ея окрестностяхъ; поэтому здѣсь легче прінимать преподавателей на открывающіяся вакантныя должности, и учителя, занимаясь часто посторонними уроками въ частныхъ домахъ или въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ, или же учеными и литературными трудами, не столь охотно принимаютъ на себя преподаваніе различныхъ предметовъ. Въ Московскомъ округѣ тѣ же учебныя заведенія несравненно болѣе разбросаны по различнымъ губерніямъ и уѣздамъ, а потому въ этомъ округѣ ощущается большая потребность въ соединеніи предметовъ преподаванія въ лицѣ одного наставника и болѣе замѣтно стремленіе

къ той же цѣли со стороны учителей. Въ другихъ учебныхъ округахъ учителя, соединяющіе преподаваніе различныхъ предметовъ, составляли слѣдующій процентъ числа преподавателей: въ Казанскомъ 57,8%, Оренбургскомъ 61,5, Одесскомъ 59,2, Киевскомъ 46,6, Виленскомъ 69,6, Варшавскомъ 57,3.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ, постепенно уменьшаясь почти во всѣхъ округахъ, составляло нижеслѣдующій процентъ общаго числа уроковъ, назначенныхъ въ теченіе года:

По учебнымъ округамъ: въ 1879 г. въ 1881 г.		
С.-Петербургскому	3,9%	2,6%
Московскому	3,8	4,4
Казанскому.	3,7	3,1
Оренбургскому	6,3	5,4
Одесскому	4,7	3,9
Виленскому	5	4,3
Варшавскому	4,3	3,8

Причинами пропуска, какъ и въ предшествующіе годы, преимущественно были: продолжительная и тяжкая болѣзнь преподавателя, временное нездоровье, исполненіе другихъ служебныхъ обязанностей. Уроки, пропущенные преподавателями, рѣдко оставались не занятыми и замѣщались директорами, инспекторами и другими учителями.

Точно также постепенно продолжаетъ уменьшаться и число преподавательскихъ вакансій. Во всѣхъ учебныхъ округахъ въ 1877 году ихъ было 335 и къ концу года оставалось не замѣщенныхъ 137, въ 1879 году ихъ открылось 156, въ 1881 году ихъ было 112 и къ 1-му января 1882 года оставалось не замѣщенными только 25. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣдняго отчетнаго года, среднимъ числомъ, на каждыя двѣ гимназіи или прогимназіи открывалось не болѣе одного вакантнаго мѣста и къ концу года осталось не замѣщеннымъ одно мѣсто на каждыя восемь или девять гимназій и прогимназій. Какъ и въ предыдущіе годы, вакантныя должности, находясь въ зависимости, въ большинствѣ случаевъ, отъ перемѣщеній и отчасти отъ числа вновь открываемыхъ учебныхъ заведеній, оставались не занятыми только въ теченіе непродолжительнаго срока. Наиболѣе вакантныхъ мѣстъ, а слѣдовательно, и перемѣщеній за отчетное трехлѣтіе оказалось въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Московскаго учебнаго округа въ 1879 году, именно 29, и въ 1880 г.—27, при 35 учебныхъ заведеніяхъ округа; затѣмъ, въ Харьковскомъ округѣ въ 1880 г.—28 (при 25 учебныхъ заведеніяхъ), Одесскомъ въ 1879 г.—26 (при 24 учебныхъ заведе-

ніяхъ) и Кіевскомъ въ 1880 г.—18 (при 18 учебныхъ заведеніяхъ). Впрочемъ, въ тѣхъ же округахъ вакантныхъ должностей въ послѣднемъ отчетномъ году было значительно менѣе, именно: въ Московскомъ учебномъ округѣ 23, Харьковскомъ—10, Одесскомъ—22 и Кіевскомъ—14. Изъ числа откывшихся вакансій остались не замѣщенными къ 1-му января 1882 года: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 1 преподавательское мѣсто, въ Московскомъ округѣ—1 въ гимназіяхъ и 1 въ прогимназіяхъ, въ Харьковскомъ округѣ—4 въ гимназіяхъ и 4 въ прогимназіяхъ, въ Одесскомъ—3 въ гимназіяхъ, въ Кіевскомъ всего 5, въ Восточной Сибири—4 и въ Туркестанскомъ краѣ—2, то-есть, всего 25, изъ нихъ: по новымъ иностраннымъ языкамъ—11, по древнимъ языкамъ—9, по Закону Божию—3, по русскому языку—1, по математикѣ и физикѣ—1. Попечители встрѣчали нѣкоторое затрудненіе тольго при замѣщеніи вакантныхъ должностей по двумъ иностраннымъ языкамъ—нѣмецкому и французскому.

Преподаватели каждой гимназіи и прогимназіи продолжали заниматься и обсужденіемъ мѣръ къ лучшей постановкѣ заведеній въ учебномъ, воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, участвуя въ собраніяхъ педагогическаго совѣта и въ отдѣльныхъ классныхъ и предметныхъ комиссіяхъ и въ хозяйственныхъ комитетахъ. Такихъ засѣданій въ теченіе послѣдняго отчетнаго года въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ было 1.176, что составляетъ среднимъ числомъ на каждое учебное заведеніе округа по 51, то-есть, болѣе одного засѣданія въ недѣлю въ теченіе учебнаго времени. Въ Московскомъ учебномъ округѣ таковое число составляло 93, въ Казанскомъ—60, въ Оренбургскомъ—82, Одесскомъ—68, Кіевскомъ—91, Виленскомъ—107, Варшавскомъ—79, то-есть, приблизительно по одному или по два раза въ недѣлю. На означенныхъ собраніяхъ возбуждались самыя разнообразныя вопросы педагогическіе и хозяйственныя, въ предѣлахъ вѣдѣнія, указаннаго уставомъ для таковыхъ собраній.

Общее число учащихся въ 145 гимназіяхъ и прогимназіяхъ (классическихъ) въ 1871 году не превышало 39,560 человекъ; черезъ пять лѣтъ послѣ нихъ преобразованія по новому уставу, къ 1-му января 1877 года это число увеличилось до 50,701, при 195 учебныхъ заведеніяхъ; къ 1-му января 1877 года до 54.840, при 201 учебномъ заведеніи; въ 1879 году возросло до 57.789 (на 2.949 болѣе предыдущаго года), при 206 учебныхъ заведеніяхъ; въ 1880 г.—до 61.929 (на 4.140 болѣе), при 213 учебныхъ заведеніяхъ и въ 1881 году—до 65.751 (на 3.566 болѣе), при 215 учебныхъ заведеніяхъ. За по-

слѣдніе три года это число по всѣмъ учебнымъ округамъ увеличилось на 10.911 человекъ или 19,9%, а за послѣднее десятилѣтіе, со времени реформы гимназій, на 26.191 или на 66,2%. За послѣднее трехлѣтіе число учащихся наиболѣе увеличилось въ учебныхъ округахъ: Варшавскомъ на 2.218 человекъ или 25,1% въ Одесскомъ на 1.594 человекъ или 27,8% и Московскомъ на 1.536 человекъ или 19,6% и всего менѣе измѣнилось въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ замѣчается увеличеніе не болѣе какъ на 195 человекъ или 4,8%.

Большинство учениковъ принадлежало къ православному вѣроисповѣданію и составляло къ концу отчетнаго трехлѣтія 39.203 человекъ или 59,6% всего числа учащихся. Процентъ учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія не превышалъ 19,1%; учащихся лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій считалось 7,8%, еврейскаго исповѣданія—12,4%, изъ магометанъ—0,2%. Сихъ послѣднихъ состояло въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ 1879 и 1880 гг.—146 и въ 1881 г.—160, евреевъ къ 1-му января 1882 г.—8.191. Ученики прочихъ исповѣданій (въ томъ числѣ армяно-грегоріане и ламанты) составляли въ общей массѣ учащихся не болѣе 0,7%. Принадлежащіе къ римско-католическому вѣроисповѣданію преобладали по численности только въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, составляя въ первомъ 69,4% общаго числа учениковъ, а во второмъ—35,3%. Ученики лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій находились преимущественно въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, гдѣ достигали 69,6% общаго числа всѣхъ учениковъ въ гимназіяхъ округа. Число учениковъ изъ евреевъ наиболѣе значительно въ Одесскомъ учебномъ округѣ, гдѣ ихъ насчитывалось 35,4%, затѣмъ въ Виленскомъ—26,9%, Варшавскомъ—12,9% и Киевскомъ—12,3%.

Въ распредѣленіи учащихся по сословіямъ преобладали дѣти дворянъ и чиновниковъ, число которыхъ достигало въ 1879 году до 28.042, въ 1880 г.—до 29.807 и въ 1881 г.—до 31.211, что составляло за послѣдній отчетный годъ почти половину всѣхъ учащихся или точнѣе 47,4%. Затѣмъ слѣдуютъ ученики изъ городскихъ сословій; ихъ насчитывалось къ концу отчетнаго трехлѣтія 24.464, или 37,2% всего числа учащихся; учениковъ изъ духовнаго званія числилось 3.410 или 5,1%, сельскаго состоянія 5.276 или 8,2%, иностранцевъ—1.390 или 2,1%.

Такое же приблизительно распредѣленіе по сословіямъ замѣчается

и по каждому учебному округу въ отдѣльности, за исключеніемъ Одесскаго, Дерптскаго, Восточной Сибири и Туркестанскаго края, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ которыхъ обучается болѣе сыновей горожанъ; въ Одесскомъ учебномъ округѣ таковыхъ числилось въ 1881 году 4.096, а дѣтей дворянъ и чиновниковъ—2.436, въ Дерптскомъ учебномъ округѣ изъ городскихъ сословій 1.928, дѣтей дворянъ и чиновниковъ 1.414, въ Восточной Сибири первыхъ 283 и вторыхъ—227, въ Туркестанскомъ краѣ 195 и 180. По отчетамъ попечителей учебныхъ округовъ, дѣти дворянъ и чиновниковъ имѣютъ значительный численный перевѣсъ въ гимназіяхъ, и притомъ въ высшихъ ихъ классахъ; напротивъ того, ученики изъ городскихъ сословій преобладаютъ въ прогимназіяхъ и низшихъ классахъ гимназій. Это явленіе объясняется тѣмъ, что дворяне и чиновники предназначаютъ своихъ дѣтей преимущественно къ высшему образованію, учащіеся же изъ городскихъ сословій ограничиваются среднимъ образованіемъ и весьма часто не оканчиваютъ его, довольствуясь низшими классами гимназій или курсомъ ближайшей къ ихъ мѣсту жительства прогимназій.

Лица духовнаго званія по преимуществу направляютъ своихъ дѣтей въ училища духовнаго вѣдомства, чѣмъ объясняется меньшее ихъ число въ гимназіяхъ въ сравненіи съ другими сословіями, а лица сельскаго состоянія, довольствуясь низшимъ образованіемъ, посылаютъ своихъ дѣтей преимущественно въ начальныя народныя училища, одноклассныя или двухклассныя.

Наиболѣе многочисленнымъ бываетъ обыкновенно I-й или низшій классъ гимназій и прогимназій, затѣмъ число учениковъ каждаго изъ послѣдующихъ высшихъ классовъ постепенно уменьшается. Это обстоятельство отчасти объясняется увеличивающимся съ каждымъ годомъ числомъ поступающихъ въ гимназіи. Приѣмъ 1881 года, образовавшій I-й классъ гимназій и прогимназій, значительнѣе по числу поступившихъ учениковъ приѣма 1880 года, образовавшаго II-й классъ, а сей послѣдній—приѣма 1879 года образовавшаго III-й классъ и т. д. Но кромѣ того, изъ каждаго класса нѣкоторые ученики выбываютъ до окончанія курса по болѣзни, по случаю перемѣны жительства ихъ родителей и другимъ причинамъ, нѣкоторые отстаютъ отъ своихъ товарищей и остаются въ томъ же классѣ на второй годъ, увеличивая собою численность низшаго класса. Тѣмъ же явленіемъ, болѣею численностью учащихся въ низшихъ классахъ, обусловливается открытіе параллельныхъ отдѣленій преимущественно при этихъ классахъ,

а также отдѣльное существованіе четырехклассныхъ прогимназій, замѣняющихъ собою параллельные классы. По мѣрѣ усиленія прилива учениковъ, четырехклассныя прогимназіи преобразуются постепенно въ шестиклассныя, а эти послѣднія—въ полныя гимназіи. Для примѣра распредѣленія учащихся по классамъ достаточно указать два округа: Московскій и Варшавскій, въ которыхъ числилось наиболѣе учениковъ, и третій Оренбургскій, въ которомъ ихъ менѣе нежели въ другихъ учебныхъ округахъ. Численность каждого класса въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ означенныхъ округовъ изображена въ слѣдующей таблицѣ:

Изъ 1-му января 1882 года числилось учениковъ въ классахъ.	Въ 37 учебныхъ заведеній Московскаго уч. округа.	% отношеніе къ числу учащихся во всѣхъ классахъ.	Въ 36 учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго уч. округа.	% отношеніе къ числу учащихся во всѣхъ классахъ.	Въ 8 учебныхъ заведеніяхъ Оренбургскаго уч. округа.	% отношеніе къ числу учащихся во всѣхъ классахъ.
Приготовительн.	1.158	12,4	1.466	13,2	290	14,8
I	1.676	17,9	2.127	19,2	371	19
II	1.573	16,8	1.915	17,3	326	16,6
III	1.375	14,7	1.706	15,4	290	14,8
IV	1.147	12,3	2.460	13,2	220	11,2
V	790	8,4	872	7,9	156	8
VI	667	7,1	682	6,1	112	5,7
VII	522	5,6	468	4,2	107	5,5
VIII	448	4,8	353	3,1	83	4,3

Обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія о приемныхъ экзаменахъ за отчетное трехлѣтіе доставлены изъ семи учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Оренбургскаго, Одесскаго, Кіевскаго, Виленскаго и Варшавскаго. Въ этихъ округахъ въ 1881 году подали прошенія о принятіи въ гимназіи и прогимназіи 15.023 ученика; изъ нихъ, однако же, 389 или 2,6% не явились къ экзамену, 2,938 или 19,5% не выдержали приемныхъ испытаній, 726 или 4,8% не приняты за комплектъ, затѣмъ поступили въ классы по экзамену 8.912 и 2.058 безъ экзамена, по свидѣтельствамъ другихъ гимназій и прогимназій; кромѣ того, въ теченіе года приняты по экзамену и безъ экзамена 457 челоуѣкъ, всего же поступило въ 1881 году въ гимназіи и прогимназіи выше перечисленныхъ 7-ми учебныхъ округовъ 11.427. Болѣе всего невыдержавшихъ приемныхъ экзаменовъ было въ 1881 г., какъ и въ предыдущіе годы, въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, а именно, 1.048, составляющіе 30,9% всѣхъ подвергавшихся приемнымъ испытаніямъ. Наибольшее число не принятыхъ въ 1881 г. за комплектъ было въ учебныхъ округахъ: Кіевскомъ 273 и Варшавскомъ 209. Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ число такихъ лицъ не превышало 91, въ Одесскомъ 99, Виленскомъ 52, въ Московскомъ отказано въ приемѣ,

по недостатку помѣщенія, только 2 ученикамъ. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что многими учебными заведениями заблаговременно было объявлено въ газетахъ о прекращеніи приема въ нѣкоторые классы по случаю переполненія ихъ учащимися.

Успѣшность учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ постепенно и довольно равномернo улучшается; такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по числу учениковъ, переводимыхъ изъ класса въ классъ и удовлетворительно оканчивающихъ гимназическій курсъ съ аттестатами зрѣлости. Число всѣхъ выдержавшихъ переводные и выпускные экзамены, составившее въ 1879 году въ среднемъ выводѣ по всѣмъ учебнымъ округамъ (за исключеніемъ Дерптскаго) 70% общаго числа подвергавшихся испытаніямъ, въ 1881 году увеличилось до 76,4%.

По отдѣльнымъ округамъ число успѣвающихъ составляло:

Въ округахъ:	въ 1879 г.	въ 1881 г.
С.-Петербургскомъ	69,7%	75,8%
Московскомъ.	71 %	79,8%
Казанскомъ	71 %	79 %
Оренбургскомъ .	69 %	78,8%
Одесскомъ	71,8%	73,8%
Кіевскомъ	72 %	78 %
Віленскомъ	71 %	73,8%
Варшавскомъ.	69 %	78 %
Западной Сибири .	69 %	75 %
Восточной Сибири .	65,8%	74 %
Туркестанскомъ краѣ.	72 %	78 %

Успѣшность по главнымъ предметамъ преподаванія, отдѣльно взятымъ, постоянно оказывается выше общаго вывода, сдѣланнаго по всѣмъ предметамъ въ совокупности. Такъ, общее число выдержавшихъ удовлетворительно переводные и выпускные экзамены достигало по всѣмъ классамъ гимназій и прогимназій вмѣстѣ:

Въ учебныхъ округахъ:	По латинскому за		По греческому за		По математикѣ за		По русскому языку за	
	1879 г.	1881 г.	1879 г.	1881 г.	1879 г.	1881 г.	1879 г.	1881 г.
Въ С.-Петербургскомъ.	71,8%	79,9%	73,5%	83,7%	73,9%	81,9%	78,2%	84,2%
Московскомъ	74,1%	83,4%	77,6%	86,4%	76,6%	85,3%	78,4%	87%
Казанскомъ .	76%	80%	72%	82%	73%	82%	70%	83%
Оренбургскомъ.	71%	83,1%	72%	86%	73%	83,7%	77%	86%
Одесскомъ.	76,3%	78,8%	81,1%	83,7%	81,4%	80,8%	81,8%	83,4%
Кіевскомъ.	78,6%	82%	81,7%	84%	80%	84%	82,7%	85%
Віленскомъ .	75%	78%	79%	81%	74%	80%	77%	81%
Варшавскомъ	74%	81%	78%	84%	76%	82%	74%	81%
Западной Сибири.	77,4%	84%	90%	89%	86,7%	80,8%	82,7%	83,4%
Средній выводъ.	75%	81%	78,3%	84,3%	77%	82%	77,8%	83,8%

Въ низшихъ классахъ гимназій число успѣвающихъ оказывается на переводныхъ испытаніяхъ менѣе значительнымъ, нежели въ старшихъ. Для примѣра взаимнаго отношенія числа успѣвающихъ по классамъ, достаточно указать на Московскій учебный округъ; въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ онаго въ 1881 г., въ общей сложности по всѣмъ предметамъ курса, оказалось на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ успѣвающихъ: въ приготовительномъ классѣ 79,3%, въ I классѣ 75,8%, II классѣ 77,8%, III классѣ 75,4%, IV классѣ 74,9%, V классѣ 83,4%, VI классѣ 88,2%, VII классѣ 95,6%, и VIII классѣ 96,1%.

Успѣшность учащихся, судя по выставленнымъ отмѣткамъ, постоянно бываетъ во всѣхъ классахъ ниже въ началѣ учебнаго года, нежели къ его концу; поэтому процентъ получившихъ въ среднемъ выводѣ удовлетворительныя отмѣтки за первое полугодіе 1879—1880 учебнаго года ниже процента успѣвающихъ, оказавшагося на экзаменахъ, и составлялъ въ общей сложности: по С.-Петербургскому учебному округу 60%, Казанскому 68%, Оренбургскому 68%, Киевскому 70%, Виленскому 62%, Варшавскому 63%. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе отчетнаго трѣхлѣтія по нѣкоторымъ округамъ замѣчается незначительное увеличеніе процента успѣвающихъ и въ первой половинѣ учебнаго года. Такъ, въ первую половину 1881—1882 учебнаго года въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ ихъ число увеличилось противъ предыдущаго учебнаго года до 68,3%, въ Киевскомъ до 70,3% и въ Варшавскомъ учебномъ округѣ до 65%. Въ остальныхъ учебныхъ округахъ число успѣвающихъ въ началѣ года за отчетное трѣхлѣтіе осталось почти безъ измѣненія.

Общее число учениковъ правительственныхъ гимназій (считая гимназію при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и коллегію Павла Галагана въ Киевѣ), по всѣмъ учебнымъ округамъ, изъявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости и дѣйствительно удостоенныхъ аттестата, за послѣдніе четыре года обозначено въ слѣдующей таблицѣ:

	Число учебныхъ заведеній.	Заявили о желаніи подвергнуться испытаніямъ.	Удостоены аттестата зрѣлости.
Въ 1878 г.	124	1.698	1.518
1879 „	126	1.927	1.764
„ 1880 „	127	2.198	2.099
„ 1881 „	129	2.421	2.325

Изъ числа 2.421, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1881 г., не были допущены къ экзамену по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи 14 человекъ, 1 за неодобрительное поведеніе, 6 за нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ или попытку къ обману и 4 не докончили испытаній по болѣзни; всего 25. Въ 1878 г. таковыхъ насчитывалось по всѣмъ гимназіямъ 46, въ 1879 г. 45, въ 1880 г. 24. Затѣмъ,

	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали оныхъ.	Процентное отношеніе.
Въ 1878 г.	1.652	134	8,1%
1879 „	1.882	118	6,2%
1880 „	2.174	75	3,4%
1881 „	2.396	71	2,9%

По отдѣльнымъ учебнымъ округамъ, число удостоенныхъ аттестата зрѣлости и ихъ процентное отношеніе къ числу подвергавшихся испытаніямъ было слѣдующее:

Въ учебныхъ округахъ.	Въ 1879 г.	Въ 1880 г.	Въ 1881 г.
С.-Петербургскомъ	197 (96 %)	208 (97,2%)	238 (100 %)
Московскомъ	255 (96,9%)	309 (99,7%)	353 (97,7%)
Казанскомъ.	105 (82,7%)	143 (99,3%)	150 (99,3%)
Оренбургскомъ.	48 (87,2%)	62 (94 %)	84 (100 %)
Харьковскомъ	203 (94 %)	202 (99,5%)	217 (98,6%)
Одесскомъ	166 (98,2%)	188 (97,9%)	212 (97,2%)
Кіевскомъ	215 (96,8%)	291 (97 %)	333 (97,3%)
Виленскомъ .	118 (95,1%)	166 (95,9%)	167 (96,5%)
Варшавскомъ	224 (91,4%)	248 (94,6%)	310 (98,1%)
Дерптскомъ .	205 (90,3%)	247 (90,5%)	225 (87,5%)
Западной Сибири .	17 (94,4%)	24 (92,3%)	22 (100 %)
Восточной Сибири	11 (100 %)	11 (100 %)	14 (100 %)

Въ общей сложности . 1.764 (93,7%) 2.099 (96,5%) 2.325 (97 %)

Приведенныя въ таблицѣ числовыя данныя убѣждаютъ, что ученики гимназій, достигшіе до VIII класса, являются вообще достаточно подготовленными къ испытаніямъ зрѣлости, и не выдержавшіе означенныхъ испытаній составляютъ въ большинствѣ гимназій совершенную случайность, не болѣе 2-хъ, 3-хъ учениковъ на 100. Такъ, въ 1881 г. въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, а также въ Оренбургскомъ и Западной и Восточной Сибири вовсе не было не выдержавшихъ испытаній, въ Казанскомъ изъ экзаменовавшихся 150 учениковъ только 1 оказалъ неудовлетворительные успѣхи, въ Харьковскомъ 3 ученика, въ учебныхъ округахъ Одесскомъ, Виленскомъ,

Варшавскомъ по 6, въ Московскомъ 8, Кіевскомъ 9 и только въ Дерптскомъ число не выдержавшихъ испытанія, какъ и въ предыдущіе годы, было значительно, а именно въ 1879 г. не выдержали испытаній 22 ученика или 9,7% всего числа экзаменовавшихся, въ 1880 г. 26 или 9,8%, въ 1881 г.—32 или 12,5%.

Изъ вышепоказанныхъ 71 ученика, не выдержавшихъ въ 1881 г. испытаній зрѣлости, 70 получили до 140 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по различнымъ предметамъ курса, слѣдовательно, каждый изъ нихъ, среднимъ числомъ, обнаружилъ неудовлетворительныя познанія по 2 предметамъ одновременно; изъ нихъ 41 пожелали остаться на второй годъ въ VIII классѣ и 29 были изъ гимназій со свидѣтельствами, выдаваемыми на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ.

Лучшіе ученики правительственныхъ гимназій награждаются по окончаніи курса золотыми и серебряными медалями; таковыхъ рождено было: въ 1879 г. 116 золотыхъ и 113 серебряныхъ, въ 1880 г. 127 золотыхъ и 143 серебряныхъ, въ 1881 г. 131 золотая и 154 серебряныхъ.

Одновременно съ учениками правительственныхъ гимназій подвергались испытаніямъ зрѣлости ученики 3-хъ училищъ, учрежденныхъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ, а также гимназій, состоящей при церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, 3-хъ частныхъ гимназій въ С.-Петербургѣ и 2-хъ частныхъ гимназій въ Москвѣ, пользующихся, на основаніи особо дарованныхъ имъ привилегій, правами правительственныхъ гимназій. Изъ учениковъ этихъ учебныхъ заведеній:

	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали таковыя.	Процентное отношеніе.	Не выдер- жали.	Процентное отношеніе.
Въ 1879 г.	62	58	93,5	4	6,6
1880 „	58	55	94,8	3	5,2
1881 „	71	71	100	—	—

Кромѣ того, въ правительственныхъ гимназіяхъ подвергались испытаніямъ зрѣлости и постороннія лица, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ учениковъ духовныхъ семинарій, желающіе приобрѣсти право на поступленіе въ университеты, или лица, выбывшія изъ гимназій до окончанія курса по какой-либо причинѣ и желающіе приобрѣсти свидѣтельство зрѣлости. Молодые люди этой категоріи по своимъ познаніямъ, обнаруживаемымъ на испытаніи, оказываются значительно слабѣе учениковъ VIII класса гимназій. Таковыхъ лицъ:

	Подвергаюсь испытаніямъ.	Выдержало оное.	Процентное отношеніе.	Не выдер- жало.	Процентное отношеніе.
Въ 1879 г.	269	145	53,9	124	46,1
1880 „	296	168	56,7	128	43,2
1881 „	212	183	58,6	129	41,4

Всего лицъ всѣхъ категорій удостоено аттестатовъ зрѣлости въ 1879 г.—1.967, въ 1880 г.—2.322 и въ 1881 г.—2.579 человекъ.

По возрасту оканчивающіе гимназическій курсъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Въ 1879 г.	Въ 1880 г.	Въ 1881 г.
Ученики правительственныхъ гимназій			
17 лѣтъ .	3,7°/о	4,7°/о	3,6°/о
18	18,1°/о	16,4°/о	16,9°/о
19	28 °/о	25,8°/о	25,7°/о
20 „ . . .	24,8°/о	26,2°/о	25,3°/о
21 года и болѣе .	25,3°/о	26,9°/о	28,3°/о
Постороннія лица.			
17 лѣтъ .	2 °/о	1,8°/о	0,5°/о
18	6,9°/о	7,7°/о	8,2°/о
19	14,5°/о	14,3°/о	10,9°/о
20 „ . . .	20,6°/о	20,2°/о	19 °/о
21 года и болѣе	55,8°/о	56 °/о	61,2°/о

Изъ этой таблицы видно, что въ числѣ оканчивающихъ курсъ правительственныхъ гимназій преобладаютъ ученики 19-ти, 20-ти лѣтъ и 21-го года, въ числѣ же постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ зрѣлости, большинство, выше даже 60°/о (въ 1881 г.), старше 21 года. Въ церковныхъ училищахъ иностранныхъ исповѣданій, по гимназическимъ ихъ отдѣленіямъ, равно какъ и въ частныхъ гимназіяхъ, молодые люди оканчиваютъ курсъ преимущественно 18 и 19 лѣтъ.

Большинство получившихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости направляются для окончанія образованія въ университеты. Распре-дѣленіе ихъ по специальнымъ занятіямъ, къ которымъ они себя пред-назначали, показано въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Намѣревались поступить на факультеты:	Въ 1879 г.	Въ 1880 г.	Въ 1881 г.
Богословскій (въ Дерптѣ).	32 (1,6°/о)	24 (1°/о)	41 (1,7°/о)
Историко-филологическій	221 (11,2°/о)	236 (10,2°/о)	274 (10,6°/о)
Физико-математическій	420 (21,3°/о)	577 (24,8°/о)	665 (25,8°/о)
Юридическій	317 (16,1°/о)	417 (18 °/о)	483 (18,7°/о)
Медицинскій	775 (39,4°/о)	915 (39,4°/о)	954 (37 °/о)
Восточныхъ языковъ	19 (0,9°/о)	22 (0,9°/о)	25 (0,9°/о)
Всего	1.784 (90,7°/о)	2.194 (94,5°/о)	2.445 (94,8°/о)

Виленскомъ и Варшавскомъ) уволено за безуспѣшность 701 человекъ изъ 54,494 учениковъ, или 1,2⁰/₁₀₀ общаго числа учащихся. Въ послѣднемъ отчетномъ 1881 году число уволенныхъ за безуспѣшность уменьшилось въ тѣхъ же 8-ми учебныхъ округахъ до 609 человекъ или 0,3⁰/₁₀₀ въ отношеніи къ общему числу учениковъ, состоявшихъ къ началу означеннаго года (54,081) и поступившихъ сверхъ того въ теченіе года (11,679). Подъ рубрикою уволенныхъ за безуспѣшность учебныхъ заведеній показываютъ въ своихъ отчетахъ почти исключительно такихъ учениковъ, которые, пробывъ два года въ томъ же классѣ, не выдержали переводнаго экзамена въ слѣдующій классъ и затѣмъ уволены по опредѣленію педагогическаго совѣта. Вышеприведенныя исчисленія за нѣсколько лѣтъ свидѣтельствуютъ, что вообще число таковыхъ весьма незначительно: въ 1876 г. ихъ насчитывалось не болѣе 2⁰/₁₀₀ во всѣхъ учебныхъ округахъ, въ 1881 г. не болѣе 1⁰/₁₀₀ въ 8-ми округахъ, доставившихъ по сему предмету надлежащія свѣдѣнія. Во многихъ гимназіяхъ вовсе не встрѣчается уволенныхъ за безуспѣшность.

Большинство уволенныхъ оказывали неудовлетворительные успѣхи по многимъ предметамъ одновременно; такъ, въ послѣднемъ отчетномъ году изъ 609 учениковъ, уволенныхъ изъ гимназій и прогимназій упомянутыхъ восьми округовъ, не выдержали испытаній по Закону Божію 47, по латинскому языку 329, греческому 140, русскому языку и словесности 280, математикѣ и физикѣ 301, исторіи и географіи 139 и новымъ иностраннымъ языкамъ 109, слѣдовательно получили 1,345 неудовлетворительныхъ отмытокъ, то-есть, по двумъ или тремъ предметамъ каждый.

Изъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ, входящихъ въ учебные планы гимназій и прогимназій, только одинъ считается обязательнымъ для учащихся. Взаимное отношеніе числа обучающихся этимъ предметамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округа.	Обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ.		Одному нѣмец- кому.		Одному француз- скому.	
	въ 1879 г.	въ 1881 г.	въ 1879 г.	въ 1881 г.	въ 1879 г.	въ 1881 г.
С.-Петербургскій .	65,1 ⁰ / ₁₀₀	64,7 ⁰ / ₁₀₀	20 %	21,3 ⁰ / ₁₀₀	14,8 ⁰ / ₁₀₀	13,9 ⁰ / ₁₀₀
Московскій.	37,1	37,5	39,6	39,2	23,3	23,3
Оренбургскій	22,	19,9	36	35,6	42	44,5
Одесскій.	24,9	26,5	35,7	36,6	40,5	36,8
Біевскій.	14,	17	53	51	33	32
Вилевскій	15,2	16,2	57,8	57,3	26,9	26,5
Варшавскій.	31.	31	51	51	18	18
Западной Сибири.	26,6	22,6	31,5	26,6	47,8	50,7

Изъ этой таблицы видно, что число обучающихся обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ одновременно наиболѣе значительно въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Варшавскомъ, составляя въ первомъ около $\frac{2}{3}$ всѣхъ учащихся и въ послѣднихъ двухъ округахъ около $\frac{1}{3}$. Обучающіеся одному нѣмецкому языку преобладаютъ въ учебныхъ округахъ Московскомъ, Киевскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ; одному французскому въ округахъ Оренбургскомъ, Одесскомъ и Западной Сибири.

Кромѣ обязательныхъ предметовъ, многіе ученики обучаются пѣнію и рисованію, считающимся необязательными. Гимнастика, хотя и обязательна для всѣхъ учениковъ, но отъ занятій ею освобождаются слабые здоровьемъ, по указанію врачей.

Число обучающихся пѣнію съ 1879 по 1881 г. оставалось почти безъ измѣненія и простиралось въ семь послѣднемъ году въ Московскомъ учебномъ округѣ до 55,4%, въ отношеніи къ общему числу всѣхъ учениковъ гимназій и прогимназій означеннаго округа, въ С.-Петербургскомъ округѣ—до 53%, Киевскомъ—до 40%, Виленскомъ—до 26%, Варшавскомъ—до 23%, Одесскомъ до 15,8%.

Число обучающихся рисованію было наиболѣе значительно въ Московскомъ учебномъ округѣ и простиралось въ 1879 г. до 38,9 и въ 1881 г. до 34,5% общаго числа всѣхъ учениковъ, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ оно составляло въ 1879 г. 37% и въ 1881 г. 33,6%, въ Одесскомъ въ 1879 году—25,4 и въ 1881 г.—25%, Виленскомъ въ 1879—25% и въ 1881 г.—20%, Оренбургскомъ въ 1879 г.—23% и въ 1881 году—17,7%, Киевскомъ въ 1879 и в 1881 гг.—по 15%, Варшавскомъ въ 1879 г.—16% и 1881 г.—15%.

Гимнастикѣ обучались въ С.-Петербургскомъ округѣ въ 1881 г. 83,9% всѣхъ учениковъ гимназій и прогимназій округа, въ Московскомъ—91,1, Оренбургскомъ—78,3%, въ Одесскомъ—83%, Киевскомъ—93%, Виленскомъ—66% и Варшавскомъ—82%. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчались затрудненія къ правильному веденію преподаванія этого предмета вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній.

Попечители учебныхъ округовъ отзываются вообще съ похвалою объ усердіи учениковъ гимназій и прогимназій, объ ихъ нравственности и поведеніи. Изъ 46,852 учениковъ, внесенныхъ въ 1879 г. въ кондуктныя списки гимназій и прогимназій (за исключеніемъ Харьковскаго учебнаго округа, Дерптскаго и Восточной Сибири), 32,785 или 69,9% имѣли за поведеніе въ среднемъ выводѣ за годъ или за вторую половину года высшую отмѣтку 5, отмѣтку 4—11,685 или

24,9%, отмітку 3—2,228 или 4,7%, и только 154 или 0,5% неудовлетворительную отмітку 2. Къ концу отчетнаго трѣхлѣтія число учениковъ, имѣющихъ отмітку 5 за поведеніе, нѣсколько увеличилось и составляло 70,2% (37,262 изъ общаго числа 53.071), отмітку 4 имѣли 12,822 ученика или 24,1%, отмітку 3—2,778 или 5,2% и неудовлетворительную отмітку 2 только 209 учениковъ или 4% общаго ихъ числа. Нарушенія дисциплины заключались, какъ и въ предыдущіе годы, въ большинствѣ случаевъ въ дѣтскихъ шалостяхъ, въ отступленіяхъ отъ правилъ ношенія форменной одежды, въ куреніи табаку, преимущественно въ высшихъ классахъ. Учебныя начальства старались противоудѣйствовать развитію въ учащихся дурныхъ наклонностей различными мѣрами взысканій, установленными въ строгой постепенности изданными инструкціями и заключающимися преимущественно въ выговорахъ, одиночномъ сидѣніи въ классѣ, оставленіи въ учебномъ заведеніи на 1 часъ по окончаніи классовъ или въ задержаніи въ праздничные дни не болѣе 3 часовъ, въ назначеніи особыхъ занятій на домъ въ праздничные дни, въ заключеніи въ карцеръ на время отъ 4 часовъ до 8 часовъ. Высшая мѣра наказанія, удаленіе виновнаго изъ учебнаго заведенія, примѣнялась въ рѣдкихъ случаяхъ, по предварительномъ испытаніи всѣхъ другихъ способовъ исправленія, когда проступки обнаруживались такого рода, что виновные не могли быть долѣе терпимы въ заведеніи, или когда они оказывали вредное вліяніе на своихъ товарищей. Въ 1879 году во всѣхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ Харьковскаго и Дерптскаго, уволенныхъ за неодобрительное поведеніе, съ правомъ поступленія въ другое учебное заведеніе, насчитывалось въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 132, или 0,3% общаго числа учащихся, въ 1880 г. уволенныхъ на томъ же основаніи было 93 и въ 1881 г.—135.

Число случаевъ удаленія виновныхъ въ болѣе важныхъ проступкахъ изъ гимназій и прогимназій, съ воспрещеніемъ поступать въ учебныя заведенія того же города, показаны въ слѣдующей таблицѣ:

Таковыхъ было:

Въ учебныхъ округахъ:	Въ 1879 г.	Въ 1880 г.	Въ 1881 г.
С.-Петербургскомъ.	—	—	—
Московскомъ.	2	2	5
Оренбургскомъ	1	—	1
Одесскомъ	2	6	1
Кіевскомъ	2	1	2
Виденскомъ .	1	1	1
Варшавскомъ	4	2	1
Всего .	12	12	14

Исключенію изъ гимназій и прогимназій, безъ права поступленія въ какое-либо другое учебное заведеніе, подверглись въ 1879 году: въ Одесскомъ учебномъ округѣ 4 ученика, въ Киевскомъ 5 и Варшавскомъ 3, а всего 12 человекъ; въ 1880 году тому же наказанію подвергнуто 5 учениковъ, а именно: въ Киевскомъ учебномъ округѣ—2 и по одному въ учебныхъ округахъ Виленскомъ, Варшавскомъ и Восточной Сибири; въ 1881 году удалены, безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе, 7 человекъ изъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа.

Общее число всѣхъ выбывшихъ изъ гимназій и прогимназій до окончанія курса, считая какъ выше показанныхъ, уволенныхъ и удаленныхъ за безуспѣшность въ ученіи и неудовлетворительное поведеніе, такъ и выбывшихъ по домашнимъ обстоятельствамъ, по нездоровью, по случаю перемѣны жительства родителей или для поступленія въ другое учебное заведеніе, по всѣмъ учебнымъ округамъ составляло въ 1879 г. 8.708 человекъ, въ 1880 г. 7.605 и въ 1881 г. 8.136. Въ томъ числѣ въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Оренбургскомъ, Одесскомъ, Киевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ, изъ 46.419 учениковъ, числившихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ началу 1881 года и 11.427, поступившихъ въ теченіе года, были до окончанія курса 6.088 человекъ или 9,5%. Изъ нихъ 2.115 учениковъ, или 2,7% общаго числа посѣщавшихъ классы, перешли въ другія гимназіи или прогимназіи, 386 или 0,6%—въ реальныя училища, 569 или 0,9%—въ нѣкоторыя учебныя заведенія, 605 или 1% посвятили себя практической дѣятельности, 164 или 0,3% умерли, 681 или 1,2%, уволены изъ заведеній, остальные 1.568 или 2,3% были по домашнимъ обстоятельствамъ, безъ объявленія тому причинъ, по болѣзни, недостатку средствъ продолжать образованіе и т. п.

Распределеніе выбывшихъ до окончанія курса по классамъ было въ томъ же году и въ тѣхъ же 7-ми учебныхъ округахъ слѣдующее: изъ приготовительнаго было 763 ученика, изъ I-го 1.222, II-го 1.070, III-го 905, IV-го 898, V-го 565, VI-го 329, VII-го 257 и в VIII-го 78.

Уроковъ, пропущенныхъ въ теченіе года по уважительнымъ причинамъ, но преимущественно по болѣзни и временному нездоровью, приходилось въ 1879 году въ среднемъ выводѣ на cadaго ученика въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ 50, Московскомъ 45,7, Киевскомъ

42, Виленскомъ 46, что составляетъ, считая по 5 уроковъ въ день, пропускъ въ теченіе учебнаго года 8 или 10 дней; въ округахъ: Варшавскомъ 35, Оренбургскомъ 32, Восточной Сибири 35, Туркестанскомъ краѣ 28, то-есть, 5 или 7 учебныхъ дней въ году. Въ послѣднемъ отчетномъ 1881 году тѣ же цифры составляли въ округахъ: С.-Петербургскомъ 48,9, Московскомъ 38,5, Кіевскомъ 42, Виленскомъ 41, Варшавскомъ 35, Оренбургскомъ 39, Восточной Сибири 38, Туркестанскомъ краѣ 34.

Здоровье учащихся за отчетное трехлѣтіе было вообще удовлетворительно, о чемъ можно отчасти судить по незначительному, показанному выше, числу пропущенныхъ ими уроковъ. Смертные случаи, какъ и въ предыдущіе годы, были весьма рѣдки; такъ, въ послѣднемъ отчетномъ году, изъ числа учившихся въ 7 учебныхъ округахъ 57.846 учениковъ, умерло 164, что составляетъ 0,28‰.

Пансіоновъ при гимназіяхъ состояло въ 1879 году 42, въ 1881 г. открытъ еще одинъ пансіонъ; сверхъ того, имѣлось въ 1879 г. 11, а съ 1880 г. 12 казенныхъ ученическихъ квартиръ, обезпеченныхъ особо назначенными на ихъ содержаніе суммами. Число учениковъ, помѣщающихся въ этихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, постепенно, хотя и незначительно, увеличивается; въ 1879 г. во всѣхъ пансіонахъ воспитывались 2.808 молодыхъ людей, въ 1880 г. 2.856 и въ 1881 г. 2.892. Въ казенныхъ ученическихъ квартирахъ состояло въ 1879 г. 535 воспитанниковъ, въ 1880 г. 547 и въ 1881 г. 555.

Число частныхъ ученическихъ квартиръ, подлежащихъ въ воспитательномъ отношеніи вѣдѣнію гимназическаго начальства, постоянно измѣняется: въ 1879 г. считалось 947 частныхъ квартиръ, въ коихъ проживали 5.281 ученикъ, въ 1881 г. 915 съ 5.437 учениками и въ 1881 г. 992 съ 5.525 учениками.

Большинство гимназій имѣютъ собственныя зданія, хотя таковыя не вездѣ удовлетворяютъ нуждамъ вполне благоустроеннаго учебнаго заведенія. Изъ прогимназій менѣе половины размѣщены въ домахъ собственныхъ или городскихъ и общественныхъ, отведенныхъ безплатно въ ихъ пользованіе, остальные нанимаютъ помѣщенія у частныхъ домовладѣльцевъ.

Гимназіи и прогимназіи, за немногими исключеніями, снабжены въ достаточномъ количествѣ библіотеками, ученическими и фундаментальными, физическими кабинетами и другими учебными пособиями.

Гимназическія отдѣленія училищъ, учрежденныхъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Кромѣ правительственныхъ гимназій, какъ уже выше было упомянуто, имѣются въ училищахъ, учрежденныхъ при столичныхъ церквахъ иностранныхъ исповѣданій, гимназическія отдѣленія, пользующіяся равными съ гимназіями правами. Въ концѣ отчетнаго трехлѣтія означенныя отдѣленія образовали двѣ гимназіи въ С.-Петербургѣ, при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ св. Петра и св. Анны, третью при реформатскихъ церквахъ столицы и четвертую при лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ. Всѣ четыре учебныя заведенія по курсу мало отличаются отъ правительственныхъ гимназій: преподавательскимъ языкомъ считается нѣмецкій по всѣмъ предметамъ курса, за исключеніемъ русскаго языка и словесности, русской исторіи и русской географіи; число уроковъ нѣсколько менѣе по греческому языку и математикѣ, нежели въ прочихъ гимназіяхъ; нѣсколько болѣе по другимъ предметамъ, въ особенности по новымъ иностраннымъ языкамъ. Программы лизшихъ классовъ болѣе отступаютъ отъ нормы гимназій, и постепенно съ нею сближаются въ высшихъ; въ VIII классѣ проходится то же, что и въ гимназіяхъ. Означенныя училища, при которыхъ состоятъ и реальныя отдѣленія и классы для дѣвицъ, содержатся исключительно на счетъ реформатскихъ и лютеранскихъ обществъ обѣихъ столицъ.

Учащихся числилось въ гимназическихъ отдѣленіяхъ при означенныхъ церковныхъ училищахъ къ 1-му января 1882 г. 1.014 человекъ, число удовлетворительно выдержавшихъ переводныя и выпускныя испытанія составляло 65%, уволенныхъ за безуспѣшность оказалось 9 или 0,8%, за неодобрительное поведеніе 1, вообще выбывшихъ до окончанія курса 218 или 21,7%. Изъ 1.014 человекъ числилось учениковъ православнаго исповѣданія 334 или 32,9%, римско-католическаго 41 или 4%, лютеранскаго и реформатскаго 611 или 60,2% и прочихъ исповѣданій 28 или 2,7%. Изъ 627 учениковъ Петербургскихъ отдѣленій, дѣти дворянъ составляли 42,2%, духовнаго званія 3,1%, городскихъ сословій 34,7%, сельскаго состоянія 0,3% и иностранцевъ насчитывалось 117 или 18,4%. Въ Московскомъ отдѣленіи изъ 387 учениковъ дворянъ было 76 или 19,6%, иностранцевъ 120 или 31%, изъ городскихъ сословій 182 или 47% и сельскаго состоянія 9 человекъ или 2,3%.

Реальныя училища.

Реальныя училища отличаются большимъ разнообразіемъ ихъ внутренняго устройства, и въ его примѣненіи къ мѣстнымъ потребностямъ, по всей вѣроятности, заключается одна изъ главныхъ причинъ быстрого размноженія училищъ этого разряда со времени установленія въ 1872 году новаго типа учебныхъ заведеній, въ которыхъ были преобразованы существовавшія въ то время реальныя гимназій.

Къ 1-му января 1872 года во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, съ Сибирью и Варшавскимъ учебнымъ округомъ, реальныхъ гимназій числилось всего только 7, учащихся въ нихъ 1.752. Къ 1-му января 1879 года число реальныхъ училищъ различнаго устройства увеличилось до 69, число учащихся въ нихъ до 14.111. Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, что въ семилѣтній періодъ времени со дня преобразованія число учебныхъ заведеній означенной категоріи увеличилось въ десять разъ, а число учащихся въ нихъ въ восемь разъ.

Къ 1-му января 1880 года число реальныхъ училищъ увеличилось до 72 и число учащихся въ нихъ до 15.474; тѣмъ не менѣе, продолжали поступать ходатайства объ открытіи новыхъ реальныхъ училищъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Высказываемыя отовсюду жалобы на не вполне соответствующее цѣли ихъ устройство, на затрудненія, встрѣчаемыя учениками сихъ училищъ къ пріисканію себѣ занятій въ практической жизни по окончаніи курса и къ переходу въ высшія спеціальныя учебныя заведенія послужили, между прочимъ, основаніемъ къ отказу въ удовлетвореніи ходатайствъ многихъ городскихъ обществъ и земствъ объ отпускѣ изъ казны пособій на открытіе новыхъ училищъ того же типа. Если реальныя училища и не вполне удовлетворяютъ своему назначенію вслѣдствіе невозможности готовить въ нихъ учениковъ съ достаточными техническими или профессиональными знаніями, то во всякомъ случаѣ распространеніе таковыхъ или подобныхъ имъ училищъ, съ измѣненнымъ однако курсомъ, весьма желательно, такъ какъ неимѣніе среднихъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ къ удовлетворенію практическихъ потребностей мѣстнаго населенія, ведетъ къ чрезвычайному переполненію низшихъ классовъ гимназій и прогимназій учениками, по своему развитію и воспитанію вовсе не подготовленными къ классическому образованію;

такой ненормальный составъ учениковъ затрудняетъ правильное веденіе преподаванія въ гимназіяхъ и не приноситъ для самихъ учениковъ пользы, потому что они, выходя изъ заведенія до окончанія курса, не приобрѣтаютъ въ гимназіи никакихъ законченныхъ свѣдѣній и увеличиваютъ лишь массу педоучившихся, ни къ чему не пригодныхъ и ни къ какой практической дѣятельности неспособныхъ молодыхъ людей.

Желаніе предупредить столь невыгодныя послѣдствія побудили управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря Сабурова испросить 13-го августа 1880 года Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при министерствѣ народнаго просвѣщенія особой комиссіи изъ членовъ отъ различныхъ министерствъ и главныхъ управленій, завѣдывающихъ высшими спеціальными учебными заведеніями, а также изъ представителей земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій, проявившихъ особую дѣятельность на пользу народнаго образованія, для пересмотра устава реальныхъ училищъ, изданнаго 15-го мая 1872 года, и утвержденныхъ министерствомъ программъ сихъ учебныхъ заведеній.

Статсъ-секретарь баронъ Николай, на обязанность коего перешло исполненіе означеннаго Высочайшаго повелѣнія, находя весьма желательнымъ, чтобы комиссія могла воспользоваться возможно большимъ количествомъ матеріала, необходимаго для соображеній по сему важному вопросу, потребовалъ отъ попечителей учебныхъ округовъ подробныхъ свѣдѣній: къ какимъ практическимъ результатамъ привело учрежденіе реальныхъ училищъ по уставу 1872 года, и какія, по ихъ мнѣнію, требовались бы, по указаніямъ почти десятилѣтняго опыта, измѣненія какъ въ самомъ уставѣ, такъ и въ утвержденныхъ для упомянутыхъ училищъ учебныхъ планахъ, чтобы устранить тѣ неудобства, которыя могли быть ими замѣчены. Выѣстъ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что въ содержаніи весьма многихъ реальныхъ училищъ участвуютъ какъ земства, такъ и городскія общества, и что въ успѣхахъ этихъ заведеній помянутыя сословія прямо заинтересованы, статсъ-секретарь баронъ Николай предоставилъ попечителямъ учебныхъ округовъ при обсужденіи настоящаго предмета войти въ соглашеніе и съ законными представителями означенныхъ общественныхъ учрежденій. Когда большая часть собиравшихся матеріаловъ, необходимыхъ для основательнаго и всесторонняго обсужденія вопроса объ устройствѣ реального образованія въ Россіи на правильныхъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ, поступила въ министерство, статсъ-секретарь

баронъ Николай испросилъ 5-го декабря 1881 года Высочайшее соизволеніе лично предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ комиссіи и руководить ея работами. Комиссія имѣла цѣлый рядъ засѣданій, на которыхъ были выработаны главныя основанія проектированныхъ преобразованій; между тѣмъ, возникли новыя обстоятельства, давшія этому вопросу иное направленіе.

Высочайше утвержденнымъ 21-го февраля 1878 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, при разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, предоставлено было, между прочимъ, министру финансовъ приступить къ составленію общаго плана промышленнаго образованія въ имперіи, но затѣмъ, 17-го апрѣля 1881 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ всѣхъ техническихъ учебныхъ заведеній министерства финансовъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

По близкому сродству образованія реальнаго, техническаго, ремесленнаго, профессиональнаго и промышленнаго вообще, изложенное выше обстоятельство приостановило на время пересмотръ устава реальныхъ училищъ. Позже статсъ-секретаремъ Деляновымъ испрошено было Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія особаго отдѣла по техническому и профессиональному образованію: на вновь открытый отдѣлъ возложено составленіе общаго нормальнаго плана для устройства техническихъ, ремесленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній въ имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручено оному пересмотрѣть уставъ реальныхъ училищъ 1872 года и работы бывшей комиссіи по его исправленію, опредѣливъ съ точностью, какое мѣсто должны занимать наши реальныя училища въ общей системѣ промышленнаго образованія въ государствѣ. Выработанный техническимъ отдѣломъ ученаго комитета проектъ нормальнаго плана промышленнаго и профессиональнаго образованія, въ составъ коего входятъ и реальныя училища, по надлежащемъ разсмотрѣніи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, имѣетъ быть представленъ чрезъ государственный совѣтъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на открытіе всего только одного реальнаго училища при пособіи отъ казны; остальные же, открытыя въ тотъ же періодъ времени, учреждены или на средства частныхъ лицъ, или на средства мѣстныхъ обществъ.

Въ 1878 году было испрошено, въ установленномъ порядкѣ, Вы-

сочайшее разрѣшеніе на учрежденіе реальныхъ училищъ въ Тюмени и Моршанскѣ на совокупныя средства казны и мѣстныхъ обществъ, и таковыя открыты въ 1879 году.

Въ томъ же году испрошены Высочайшія соизволенія: а) на учрежденіе въ г. Минскѣ реального училища, на содержаніе коего мѣстное городское общество обязалось ежегодно жертвовать по 5.330 руб., и затѣмъ на сей предметъ обращены проценты 2.750 руб. съ неприкосновеннаго капитала въ 55.000 руб., пожертвованнаго дворянствомъ Минской губерніи, а также ежегодные остатки, до 3.835 руб., отъ смѣтной суммы, отпускавшейся изъ казны на содержаніе Бѣлостокскаго и Пинскаго реальныхъ училищъ, образовавшіеся вслѣдствіе упраздненія въ сихъ училищахъ коммерческихъ отдѣленій; при этомъ предоставлено обратить на увеличеніе основнаго училищнаго фонда имѣющіе образоваться остатки отъ содержанія Минскаго реального училища въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, въ количествѣ примѣрно до 7.700 руб., а съ 1-го января 1880 года Высочайше разрѣшено отпускать изъ казны ежегодно на содержаніе означеннаго училища по 1.1965 руб., и б) на преобразование училища при евангелическо-лютеранской церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ въ реальное училище на основаніи § 6 Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ, и затѣмъ разрѣшено министерствомъ открыть съ 1-го іюля 1880 г. два реальныхъ училища въ Самарѣ—имени императора Александра II-го на средства городского общества, и въ Вяткѣ—имени императора Александра II-го на средства губернскаго земства.

Въ 1880 году, послѣдовало разрѣшеніе министерства на открытіе въ г. Ревелѣ съ 1881 года на городскія средства реального училища подъ наименованіемъ „Петровскаго“ и на преобразование въ реальныхъ училища: Дерптскаго уѣзднаго училища и двухъ частныхъ училищъ въ г. Москвѣ: Мазинга и Хайновскаго, при чемъ отпускаемая на содержаніе Дерптскаго уѣзднаго училища штатная сумма обращена въ пособіе реальному училищу. Всего открыто въ 1879, 1880, 1881 годахъ новыхъ училищъ 10, и къ 1-му января 1882 г. общее число реальныхъ училищъ достигло до 79-ти.

Въ то же трехлѣтіе открыты при реальныхъ училищахъ слѣдующіе классы:

Въ 1879 году: III-й при Елабужскомъ; IV-й при Великолуцкомъ, Смоленскомъ и Нижегородскомъ; V-й основнаго отдѣленія при Скопинскомъ, Камышинскомъ, Астраханскомъ и Полтавскомъ, VI-й основ-

ного отдѣленія при Вологодскомъ, Муромскомъ, Тверскомъ, Московскомъ, при училищѣ реформатскихъ церквей въ С.-Петербургѣ, Ровенскомъ и Томскомъ; VI-й коммерческаго отдѣленія при Казанскомъ и Астраханскомъ; дополнительнаго класса отдѣленія: а) общее—при Казанскомъ, Севастопольскомъ и Новозыбковскомъ, б) механико-техническое—при Тульскомъ, Калужскомъ, Севастопольскомъ и Новозыбковскомъ, и в) химико-техническое — при Тульскомъ и Новозыбковскомъ.

Въ 1880 году: I-й и II-й—при Самарскомъ и Роменскомъ; III-й—при Самарскомъ и Моршанскомъ; V-й—основнаго отдѣленія при Великолуцкомъ, Смоленскомъ, Нижегородскомъ, Вятскомъ, Урюпинскомъ и Минскомъ; VI-й—основнаго отдѣленія при Скопинскомъ, Камышинскомъ и Полтавскомъ; V-й—коммерческаго отдѣленія при Нижегородскомъ; V-й—сельско-хозяйственнаго отдѣленія при Красноуфимскомъ; дополнительнаго класса отдѣленія: а) общее при Тверскомъ, Екатеринославскомъ, Виленскомъ, б) механико-техническое при Муромскомъ и Томскомъ, в) химико-техническое — при Вологодскомъ, Калужскомъ, Екатеринославскомъ и Пинскомъ.

Въ 1881 году: I-й и II-й при Дерптскомъ и Ревельскомъ; III-й при Дерптскомъ; IV-й при Самарскомъ, Моршанскомъ, Дерптскомъ и Тюменскомъ; V-й основнаго отдѣленія при Елабужскомъ, Митавскомъ и Дерптскомъ; VI-й—основнаго отдѣленія при Великолуцкомъ, Нижегородскомъ, Вятскомъ, Новочеркасскомъ, Урюпинскомъ и Минскомъ; VI-й сельско-хозяйственнаго отдѣленія при Красноуфимскомъ; дополнительнаго класса отдѣленія: а) общее—при Астраханскомъ и Камышинскомъ, б) механико-техническое при Скопинскомъ и в) химико-техническое при Томскомъ.

Закрѣты:

Въ 1879 году: V-й и VI-й коммерческаго отдѣленія при Севастопольскомъ; дополнительнаго класса отдѣленіе: общее—при Виленскомъ.

Въ 1880 году: V-й коммерческаго отдѣленія при Виленскомъ, Бѣлостокскомъ и Пинскомъ; VI-й коммерческаго отдѣленія при Бѣлостокскомъ и Пинскомъ.

Въ 1881 году: V-й коммерческаго отдѣленія — при Нижегородскомъ и Астраханскомъ; VI-й коммерческаго отдѣленія при Астраханскомъ; дополнительнаго класса отдѣленіе общее—при Динабургскомъ.

Всего при прежде существовавшихъ училищахъ открыто новыхъ

классовъ: въ 1879 году 25, въ 1880 г.—26, въ 1881 г.—23; параллельныхъ прибавилось: въ 1879 г.—9, въ 1880 г.—5, въ 1881 г.—20; закрыто, по неимѣнію учениковъ: въ 1879 г.—3, въ 1880 г.—5, въ 1881 г.—4.

Окончательное устройство съ открытіемъ VI класса, получили: по основному отдѣленію 15, по коммерческому 2, сельско-хозяйственному 1. Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго трехлѣтія полныхъ реальныхъ училищъ съ основнымъ отдѣленіемъ было 63, изъ коихъ при 23-хъ существуетъ и коммерческое отдѣленіе VI класса, а при одномъ—сельско-хозяйственное и горнозаводское отдѣленія. Дополнительный классъ открытъ при 50 училищахъ, изъ коихъ при 19 общее отдѣленіе, при 18 химико-техническое, при 31 механико-техническое, при 2 сельско-хозяйственное и при 1 горнозаводское. Въ томъ числѣ при 4-хъ училищахъ существуютъ всѣ три отдѣленія дополнительнаго класса, общее, химическое и механическое, при 16—оба техническія, при одномъ—общее съ механико-техническимъ и при одномъ—общее съ химико-техническимъ.

На содержаніе реальныхъ училищъ къ концу отчетнаго трехлѣтія, то-есть, въ 1881 году, отпускалось 2.507.859 руб. 71 коп., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства нѣсколько болѣе половины этой суммы—1.302.876 руб. 35 коп. или, точнѣе, 52⁰/₁₀₀, платы за ученіе и за содержанія своекоштныхъ и разныхъ вѣдомствъ воспитанниковъ въ пансіонахъ при училищахъ поступило 468.808 р. 26 коп. или 18,7⁰/₁₀₀, изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ 22.857 руб. 67 коп., или 0,9⁰/₁₀₀, изъ дворянскихъ суммъ 2.160 руб. или 0,08⁰/₁₀₀, изъ суммъ городскихъ обществъ 376.047 руб. 16 коп. или 15⁰/₁₀₀, отъ земства 239.233 руб. 77 коп. или 9,5⁰/₁₀₀, изъ войсковыхъ суммъ 14.550 руб. 0,6⁰/₁₀₀ или изъ церковныхъ суммъ по училищу св. Павла въ Одессѣ 22.165 руб. 72 коп. (9,9⁰/₁₀₀); единовременныхъ пожертвованій поступило 39.850 руб. (1,6⁰/₁₀₀), остальные затѣмъ 19.310 руб. 78 коп. (0,7⁰/₁₀₀) образуются изъ свѣчнаго и коробочнаго сбора съ евреевъ (746 руб. 95 коп.), обязательныхъ ежегодныхъ взносов почетныхъ попечителей и изъ разныхъ другихъ источниковъ.

Участіе городскихъ и земскихъ обществъ въ расходахъ на содержаніе реальныхъ училищъ было въ 1881 году весьма неравномѣрно по различнымъ учебнымъ округамъ. Наименѣе отпускалось городскими обществами на реальныя училища Виленскаго учебнаго округа (7,242 руб. 30 коп.) и С.-Петербургскаго (6,230 руб.), наиболѣе на реальныя училища Казанскаго (81,475 руб. 49 коп.); изъ

земскихъ суммъ наименѣе по С.-Петербургскому округу (15,290 руб.) и наиболѣе по Казанскому (42,500 руб.). По Казанскому учебному округу, въ общей сложности, суммы, жертвуемыя на содержаніе реальныхъ училищъ городскими и земскими обществами, превышали сумму, отпускаемую изъ государственнаго казначейства на 10,932 руб. 89 коп. или на 9,7%.

Изъ общей суммы, поступающей на содержаніе реальныхъ училищъ наибольшая часть, около 63,5%, расходуется на вознагражденіе и содержаніе учебно-воспитательнаго персонала, 13% на наемъ и ремонтъ помѣщеній и другія хозяйственныя потребности, 7,5% на улучшеніе библіотекъ, физическихъ кабинетовъ и инныя учебныя пособія, 6,4% на жалованье врачу, канцелярскимъ чиновникамъ и низшимъ служителямъ, 3,8% на выдачу наградъ служащимъ при училищахъ и пособій учащимся, 0,5% на содержаніе церквей при училищахъ и затѣмъ на остальные расходы около 5,8%.

Сборъ платы за ученіе, за отчисленіемъ изъ онаго въ общія средства министерства народнаго просвѣщенія узаконенныхъ процентовъ, преимущественно поступаетъ на содержаніе параллельныхъ отдѣленій, на ремонтъ училищныхъ зданій и ихъ страхованіе, на постройку и починку мебели, на содержаніе церквей, на улучшеніе и усиленіе библіотекъ, физическихъ кабинетовъ и учебныхъ пособій, на вознагражденіе учителей, которые заступаютъ мѣсто отсутствующихъ и больныхъ, или даютъ дополнительные уроки, или же наблюдаютъ за учениками, оставленными въ училищѣ послѣ классовъ въ видѣ наказанія, и, наконецъ, на пособіе служащимъ при училищахъ, а также недостаточнымъ ученикамъ.

Средняя стоимость обученія каждаго ученика въ реальныхъ училищахъ за три года составляла 152 руб., а въ учебныхъ округахъ:

	Въ 1879 г.		Въ 1880 г.		Въ 1881 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
С.-Петербургскомъ	189	—	190	—	197	56
Московскомъ	185	4	176	91	168	41
Оренбургскомъ.	152	12	146	35	146	76
Одесскомъ	114	79	128	12	131	97
Кіевскомъ	112	68	120	88	119	41
Варшавскомъ	53	89	44	43	57	49

Наиболѣе вліянія на стоимость обученія оказывала численность учащихся въ классахъ; плата же за ученіе взымалась съ учениковъ преимущественно по соображенію со средствами и благосостояніемъ

мѣстнаго населенія. Въ концѣ отчетнаго трехлѣтія наибольшій размѣръ платы въ реальныхъ училищахъ равнялся 60 руб. (въ Москвѣ) и наименьшій 15 руб. (въ Череповцѣ, Вольскѣ и др.).

Въ отчетное трехлѣтіе не послѣдовало существенно важныхъ отступленій отъ изданнаго устава реальныхъ училищъ и составленныхъ для нихъ учебныхъ плановъ. Въ главныхъ основаніяхъ преподаваніе достигаетъ на практикѣ почти полнаго согласія съ установленными для сихъ училищъ программами. Въ частности, допускаемыя иногда незначительныя отъ нихъ отклоненія оправдываются или многочисленностью учениковъ въ данномъ классѣ и случайнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ личнымъ составомъ класса, или качествами самого преподавателя, временнымъ его отсутствіемъ или, наконецъ; продолжительною болѣзнію. Такія неизбежныя отклоненія не нарушали общаго порядка въ преподаваніи, такъ какъ пропущенное въ одномъ классѣ пополнялось въ слѣдующемъ, и къ концу своего пребыванія въ училищѣ ученики приступали къ выпускному экзамену съ полнымъ знаніемъ курса въ объемѣ, требуемомъ учебными планами. Главное вниманіе попечителями учебныхъ округовъ было обращено, какъ и въ предыдущіе годы, на упроченіе и утвержденіе въ реальныхъ училищахъ порядка, введеннаго уставомъ 1872 г., на точное примѣненіе къ дѣлу изданныхъ инструкцій и на улучшеніе учебно-воспитательнаго персонала.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи попечители отзываются съ похвалою о большинствѣ лицъ, служащихъ подъ ихъ начальствомъ. Директора и инспектора реальныхъ училищъ продолжали принимать дѣятельное участіе въ преподаваніи главныхъ предметовъ курса и лично исполняли обязанности классныхъ наставниковъ. Въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Одесскомъ, Оренбургскомъ, Киевскомъ и Варшавскомъ, доставившихъ подробныя по сему предмету свѣдѣнія, изъ 44 директоровъ, исполнявшихъ обязанности классныхъ наставниковъ, 21 преподавали математику, 10 физику, 10 естественную исторію, 5 новыя иностранныя языки, 4 русскій языкъ, 2 химію, 2 исторію и географію, 1 письмо-водство и счетоводство, 1 строительное искусство, 1 черченіе; изъ 28 инспекторовъ: 13 математику, 11 русскій языкъ, 9 физику, 6 преподавали исторію и географію, 5 естественную исторію, 4 химію, 3 механику, 3 черченіе, 2 новыя иностранныя языки, 2 землѣдѣіе, 1 строительное искусство. Въ томъ числѣ 14 директоровъ и 21 ин-

спекторъ одновременно преподавали по два и даже болѣе предметовъ курса.

Всего преподавателей при реальныхъ училищахъ числилось къ 1 января 1882 г. 1,008 человекъ. Изъ этого числа почти половина, а именно 457, исполняли также обязанности классныхъ наставниковъ; общее число сихъ послѣднихъ, съ причисленіемъ къ нему директоровъ и инспекторовъ, исполнявшихъ тѣ же обязанности, возрастаетъ до 589, классовъ же основныхъ и параллельныхъ числилось при 79 реальныхъ училищахъ 673, кромѣ весьма незначительнаго числа существующихъ при нихъ приготовительныхъ классовъ. Такимъ образомъ, не болѣе 84 преподавателей завѣдывали двумя классами училища одновременно, остальные же посвящали свою воспитательную дѣятельность исключительно одному только классу. Изъ 299 преподавателей, принявшихъ на себя званіе классныхъ наставниковъ въ упомянутыхъ выше шести учебныхъ округахъ, 115 преподавали математику, физику, химию и механику, 55 новые иностранные языки, 48 исторію и географію, 37 русскій языкъ, 30 естественную исторію, 26 рисованіе и моделированіе, 22 письмоводство и книговодство, 12 черченіе, 7 Законъ Божій, 6 землѣдѣіе, 3 строительное искусство. Изъ общаго ихъ числа 62 одновременно преподавали по два предмета курса.

Классные наставники, по единогласному отзыву попечителей всѣхъ учебныхъ округовъ, исполняютъ свои обязанности добросовѣстно и приносятъ существенную пользу учащимся, въ особенности въ низшихъ классахъ реальныхъ училищъ, какъ своимъ наблюденіемъ за учениками въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ равно и внѣ стѣнъ оныхъ. По свидѣтельству попечителя Варшавскаго учебнаго округа, результаты ихъ дѣятельности съ каждымъ годомъ болѣе замѣтны и выразились въ улучшеніи успѣховъ и поведенія учащихся. Главная забота классныхъ наставниковъ обращена была на равномерное распредѣленіе какъ домашнихъ, такъ и классныхъ работъ учениковъ и въ наблюденіи за ихъ поведеніемъ. Съ этою цѣлью классные наставники совѣщались съ преподавателями прочихъ предметовъ, посѣщали квартиры учениковъ, сносились съ ихъ родителями и о своихъ дѣйствіяхъ и наблюденіяхъ докладывали начальникамъ заведеній и педагогическому совѣту.

Частые случаи соединенія различныхъ предметовъ преподаванія въ лицѣ одного учителя и живое участіе, которое лично принимали въ преподаваніи директора и инспектора реальныхъ училищъ, неза-

висимо отъ той пользы, которую приносили эти двѣ мѣры, установленіемъ большаго единства во взглядахъ, въ методѣ и программахъ преподаванія, много облегчали управленіямъ учебныхъ округовъ и распредѣленіе занятій между наличнымъ составомъ учителей и замѣщеніе вакантныхъ преподавательскихъ должностей. Число такихъ за отчетное трехлѣтіе, считая въ общемъ числѣ и законоучителей различныхъ исповѣданій, простиралось въ 1879 г. до 163, въ 1880 г. до 158 и въ 1881 г. до 161.

Большинство вакантныхъ должностей открывалось въ послѣдніе только мѣсяцы года, занятія временно поручались другому преподавателю изъ наличнаго состава, а въ началѣ слѣдующаго года замѣщались новыми лицами.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ составляло въ общей сложности въ 1879 г. 4⁰/₁₀₀, въ 1880 г. 4,6⁰/₁₀₀ и въ 1881 г. 4,7⁰/₁₀₀ числа уроковъ, положенныхъ по росписанію. Манкировокъ по неуважительнымъ причинамъ во многихъ учебныхъ округахъ не было, а въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ таковыя замѣчались, онѣ составляли случайныя исключенія, не превышая ¹/₁₀⁰/₁₀₀ общаго числа уроковъ. На число пропущенныхъ уроковъ имѣли преимущественное вліяніе, какъ и въ гимназіяхъ, болѣзни того или другаго преподавателя, иногда тяжкая и продолжительная, и вызовъ преподавателей въ судебныя учрежденія въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей или экспертовъ. Въ большинствѣ случаевъ, преподаватель, отсутствующій по болѣзни или другой какой-либо причинѣ, замѣщался другимъ учителемъ изъ наличнаго состава или другими лицами учебнаго персонала.

Преподаватели усердно посѣщали собранія педагогическихъ совѣтовъ, классныхъ и предметныхъ комиссій и хозяйственныхъ комитетовъ. Число такихъ собраній въ реальныхъ училищахъ простиралось въ послѣдній годъ отчетнаго трехлѣтія въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ до 428, что составляетъ по числу учебныхъ заведеній округа—53,5 засѣданій на каждое въ среднемъ выводѣ въ теченіе года или по одному еженедѣльно; въ Московскомъ учебномъ округѣ то же среднее годовое число собраній составляло 52,7, въ Казанскомъ—50, Оренбургскомъ—44, Одесскомъ—70, Кіевскомъ—79, Виленскомъ—64, Варшавскомъ—128, въ Западной Сибири—64, въ Восточной Сибири—60. Главные предметы занятій этихъ собраній составляли вопросы учебно-воспитательнаго характера, обсужденіе успѣховъ, вниманія, прилежанія и поведенія учениковъ, допущеніе учениковъ къ экза-

менамъ—переводнымъ, окончательнымъ и дополнительнымъ, обсужденіе результатовъ приемныхъ испытаній, вопросы о раздѣленіи классовъ на параллельныя отдѣленія, о желательныхъ и признаваемыхъ необходимыми по опыту измѣненіяхъ въ уставѣ и учебныхъ планахъ реальныхъ училищъ; послѣдніе вопросы обсуждались по особому предложенію министерства народнаго просвѣщенія; обсуждались также предохранительныя мѣры на случай появленія эпидемическихъ болѣзней, такъ, напримѣръ, при появленіи въ Пермской губерніи дифтерита (по Екатеринбургскому и Красноуфимскому реальнымъ училищамъ). Къ занятіямъ означенныхъ собраній относились и выборы книгъ, приборовъ, составленіе коллекцій, предназначенныхъ для укомплектованія учебно-вспомогательныхъ учрежденій при реальныхъ училищахъ, пополненіе книгами библіотекъ, обсужденіе мѣръ къ оказанію помощи бѣднѣйшимъ ученикамъ, къ облегченію ученикамъ домашнихъ занятій, къ побужденію ихъ посѣщать въ праздничные и воскресные дни богослуженіе, разсмотрѣніе ревизій, произведенныхъ по библіотекамъ, кабинетамъ, лабораторіямъ и повѣрки прочаго имущества, обсужденіе различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ и т. д.

Общее число учащихся въ 79-ти реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1882 г. составляло 17.484 человекъ. Къ 1-му января 1879 г. числилось 69 училищъ и 14.111 учащихся, слѣдовательно въ отчетное трехлѣтіе число учениковъ увеличилось на 3.373 или на 23,9%.

По вѣроисповѣданіямъ общее число учениковъ реальныхъ училищъ къ 1-му января 1882 г. распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: православнаго исповѣданія числилось 11.153 или 63,8%, римско-католическаго 2.878 или 16,5%, евангелическо-лютеранскаго и реформатскаго 1.781 или 10,2%, евреевъ 1.391 или 7,9%, магометанъ 17 и прочихъ исповѣданій 264 (1,6%); ученики римско-католическаго исповѣданія преобладали въ Виленскомъ и Варшавскомъ учебныхъ округахъ, лютеранскаго въ Дерптскомъ, евреевъ наиболѣе числилось въ учебныхъ округахъ Одесскомъ, Кіевскомъ и Виленскомъ.

По сословіямъ наибольшій процентъ составляли дѣти дворянъ и чиновниковъ; ихъ числилось къ 1-му января 1882 г. 7.204 или 41,2%, а затѣмъ ученики изъ городскихъ сословій, коихъ было 7.064 или 40,4%, ученики изъ духовнаго званія составляли не болѣе 11,3%, общаго числа учащихся, изъ сельскихъ сословій не болѣе 2,6% и изъ иностранцевъ не болѣе 4,5%.

Какъ и въ прежніе годы, дѣти дворянъ и чиновниковъ преобладали по численности надъ учениками изъ городскихъ сословій въ

учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ; въ остальныхъ семи учебныхъ округахъ учениковъ изъ городскихъ сословій было болѣе, чѣмъ дворянъ и дѣтей чиновниковъ.

Въ семи учебныхъ округахъ, какъ значится въ годовыхъ отчетахъ попечителей оныхъ, въ 1881 г. подали прошенія о приѣмѣ въ реальныя училища 4.876 человекъ: изъ нихъ не явились къ экзамену, или его не выдержали 1.384 (28,4% общей ихъ массы), не могли быть приняты за комплектъ, по недостатку помѣщенія 185 или 3,8%, принято безъ экзамена перешедшихъ изъ гимназій, прогимназій и другихъ реальныхъ училищъ 679 и выдержавшихъ приемные экзамены 2.628 (изъ 4.016 подвергавшихся онымъ или 65,4%); всего же принято было въ различные классы реальныхъ училищъ въ 1879 году 2.804, въ 1880 г. 2.927 и въ 1881 г. 3.307 учениковъ.

Что же касается результатовъ переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что отчетное трехлѣтіе является вторымъ со времени введенія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, и потому не излишнимъ представляется сравненіе результатовъ сихъ испытаній съ результатами трехъ предшествовавшихъ годовъ. Въ прилагаемой при семъ таблицѣ эти данныя выражены въ процентномъ отношеніи числа удовлетворительно выдержавшихъ испытаніе къ числу учениковъ, какое числилось къ началу переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ.

Переведены и выпущены:	1876.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.
По С.-Петербургскому учебн. окр.	67	72	66	67,6	73,4	73,2
„ Московскому	69,2	61,1	63,5	68,6	74,3	73,6
„ Одесскому	72	66,7	68,2	64,5	75,2	72,9
„ Оренбургскому	75,3	71,6	50,7	62	76	75
„ Кіевскому	59	67,1	63,9	65	71,4	77
„ Варшавскому	66,1	68,6	64,4	63	69	77
„ Виленскому	65	66,1	69,2	70,5	78,7	76,3
Общій средній выводъ	67,6	67,6	63,7	65,9	74	75

Изъ сравненія приведенныхъ здѣсь чиселъ усматривается, что колебанія ихъ въ каждомъ году отчетнаго трехлѣтія въ различныхъ учебныхъ округахъ были незначительныя, и разница въ процентномъ отношеніи не превышала въ 1879 г.—8,5%, въ 1880 г.—9,7% и въ 1881 г.—4,1%, тогда какъ въ 1878 году та же разница процентнаго

отношенія составляла 18,5⁰/. Затѣмъ общая цифра выдержавшихъ испытанія постепенно повышалась и къ концу отчетнаго трехлѣтія возвысилась на 11,3⁰/, именно, съ 63,7 (въ 1878 г.) до 75 (въ 1881 г.).

Если обратиться къ результатамъ испытаній окончательныхъ и дополнительныхъ въ отдѣльности, то мы получимъ при сравненіи ихъ съ результатами 1878 года слѣдующіе выводы:

а) По отдѣленію основному: Въ 1878 г. VI-й классъ былъ открытъ при 35 училищахъ; въ этихъ 35-ти классахъ было 723 ученика, изъ коихъ окончательное испытаніе выдержали 467 или 64,5⁰/, причемъ высшій процентъ — 74⁰/—оказался по Киевскому учебному округу, а низшій—15,6⁰/—по Оренбургскому. Результаты окончательныхъ испытаній въ VI классѣ основнаго отдѣленія въ отчетное трехлѣтіе показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Въ учебныхъ округахъ:	Число учащихся въ VI классѣ основнаго отдѣ- ленія.			Число учениковъ въ VI классѣ ос- новнаго отдѣле- нія.			Число выдержав- шихъ окончатель- ное испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ.	6	7	7	94	94	113	69	75	88	73,4	79,8	77,8
Московскомъ.	11	14	15	130	191	236	85	111	189	65,4	58,1	80
Одесскомъ.	9	9	9	244	236	232	167	188	213	69,6	80	91,8
Оренбургскомъ.	2	2	2	18	19	25	16	14	20	88,8	73,6	80
Киевскомъ.	5	6	7	159	202	251	79	112	193	55	55,4	77
Варшавскомъ.	3	3	3	126	81	146	73	77	114	58	95	78
Виленскомъ	4	4	4	115	141	132	63	104	112	54,8	73,7	84,8
Всего	40	45	47	886	964	1135	552	681	929	66,4	73,6	81,3
											73,8	

Изъ этой таблицы видно, что общій процентъ успѣшно выдержавшихъ испытаніе, въ отдѣльности по годамъ, постепенно увеличивался и въ среднемъ выводѣ превысилъ процентное отношеніе 1878 г. на 8,3⁰/, и за послѣдній отчетный годъ (1881) на 16,8⁰/.

б) По отдѣленію коммерческому: Въ помянутыхъ выше семи учебныхъ округахъ, за исключеніемъ изъ нихъ Оренбургскаго, въ которомъ коммерческихъ отдѣленій не имѣется, VI классъ во время экзаменовъ 1878 г. былъ открытъ при 16-ти училищахъ. Въ этихъ классахъ было 100 учениковъ, изъ коихъ выдержали экзаменъ 78. Въ отчетное же трехлѣтіе тотъ же классъ существовалъ въ 1879 г. при 20-ти, въ 1880 г. при 19, а въ 1881 г. при 18 училищахъ, какъ показано въ прилагаемой таблицѣ:

Въ учебныхъ округахъ.	Число учащихся въ VI классѣ ком- мерческаго отдѣ- ленія.			Число учениковъ въ VI классѣ ком- мерческаго отдѣ- ленія.			Число выдержав- шихъ окончатель- ное испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ	3	3	3	8	12	10	6	12	9	75,	100	90
Московскомъ.	5	5	5	13	17	22	11	13	22	84,6	76,4	100
Одесскомъ.	2	2	2	13	16	11	10	14	11	76,9	87,5	100
Кіевскомъ.	5	5	5	16	22	20	9	11	17	56,2	50	85
Варшавскомъ	1	1	1	24	25	29	19	25	29	79,1	100	100
Віленскомъ	4	3	2	20	11	15	14	11	12	70	100	80
Всего .	20	19	18	94	103	107	69	86	100	73,6	85,6	91,6
										83,6		

Такимъ образомъ и въ этихъ отдѣленіяхъ общій процентъ выдержавшихъ съ успѣхомъ испытанія въ отчетное трехлѣтіе значительно увеличился въ сравненіи съ 1878 г., именно на 6,5%.

в) По отдѣленію сельско-хозяйственному: VI классъ состоялъ въ 1879 г. при одномъ Мелитопольскомъ училищѣ Одесскаго учебнаго округа; въ немъ обучалось 3 ученика, изъ коихъ выпущено по окончаніи испытанія—2. Затѣмъ въ теченіе 1880 и 1881 годовъ означенный классъ существовалъ только номинально, такъ какъ въ немъ не было учениковъ. Въ 1880 г. открыто еще сельско-хозяйственное отдѣленіе при Красноуфимскомъ училищѣ Оренбургскаго учебнаго округа, въ которомъ первый выпускной экзаменъ ученикамъ состоялся въ 1881 г.; изъ 6-ти учениковъ, подвергавшихся испытанію, выдержали таковое съ успѣхомъ 5.

г) По горнозаводскому отдѣленію: VI классъ утвержденъ при Красноуфимскомъ училищѣ, но ранѣе 1880 г. не имѣлъ учениковъ. Въ 1880 г. изъ числа 7 окончило курсъ 5 учениковъ, а въ 1881 г. всѣ 9 учениковъ этого класса.

д) Дополнительный классъ. Въ 1878 г. дополнительный классъ былъ открытъ при 20 училищахъ, число учениковъ въ этихъ классахъ было 258, изъ коихъ 227 или 88% выдержали окончательное испытаніе. Нижеслѣдующія четыре таблицы указываютъ число училищъ, при коихъ въ теченіи отчетнаго трехлѣтія состояли дополнительные классы, число имѣвшихся при нихъ отдѣленій, число обучавшихся какъ въ сихъ классахъ, такъ въ частности по отдѣленіямъ и, наконецъ, число выдержавшихъ окончательное испытаніе и ихъ процентное отношеніе къ общему числу обучавшихся въ сихъ классахъ:

Въ учебныхъ округахъ:	Число учащихся, имѣющихъ до- полнительные классы.			Число учащихся въ дополнитель- ныхъ классахъ.			Число выдержи- вшихъ оконча- тельное испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881*
С.-Петербургскомъ	6	6	7	48	68	63	42	64	61	85,4	94,1	96,8
Московскомъ.	5	7	9	43	69	71	35	64	65	81,4	92,7	91,5
Одесскомъ.	5	6	7	78	115	138	58	106	136	74,3	92,1	98,5
Оренбургскомъ .	2	2	2	5	15	11	5	15	11	100	100	100
Кіевскомъ.	4	5	5	99	99	116	74	94	115	74,7	95	99,1
Варшавскомъ	2	2	2	31	45	55	31	44	54	100	97,1	98,2
Виленскомъ	3	3	4	69	62	97	65	59	89	94,2	95,1	91,7
Всего .	27	31	36	373	473	551	310	446	531	87,1	95,1	96,5
											92,9	

По отдѣленіямъ:

а) Общему.

Въ учебныхъ округахъ:	Число учащихся, имѣющихъ общее отдѣленіе.			Число учащихся въ общ. отдѣленіи дополнительнаго класса.			Число выдержи- вшихъ оконча- тельное испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ	2	2	2	7	11	7	7	11	7	100	100	100
Московскомъ	1	2	2	4	9	8	3	9	7	75	100	87,5
Одесскомъ	1	1	3	2	9	19	2	9	18	100	100	94,7
Оренбургскомъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кіевскомъ	—	1	1	—	3	2	—	2	2	—	66,6	100
Варшавскомъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Виленскомъ.	2	2	2	6	2	5	5	2	5	83,8	100	100
Всего.	6	8	10	19	34	41	17	33	39	89,7	93,3	96,6
											93,2	

б) Механико-техническому.

Въ учебныхъ округахъ:	Число учащихся, имѣющихъ меха- нико - техническ. отдѣленіе.			Число учащихся въ механико-тех- нич. отд. дополн. класса.			Число выдержи- вшихъ оконча- тельное испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ	6	6	6	27	39	35	23	38	35	85,2	97,4	100
Московскомъ	4	5	7	30	38	49	24	35	44	80	92,1	90
Одесскомъ	4	5	5	55	82	75	39	80	75	70,9	97,5	100
Оренбургскомъ .	2	2	2	5	15	11	5	15	11	100	100	100
Кіевскомъ	4	5	5	49	60	72	36	57	71	73,4	95	98,6
Варшавскомъ	2	2	2	31	45	54	31	44	54	100	97,7	100
Виленскомъ.	3	3	3	33	27	37	33	25	35	100	92,6	94,6
Всего.	25	28	30	230	306	333	191	294	325	87	96	97,6
											98,5	

в) Химико-техническому.

Въ учебныхъ округахъ:	Число учителей, имѣющихъ хими- ко-технич. отд. въ доп. классъ.			Число учениковъ въ химико-техн. отд. дополнитель. класса.			Число выдержи- вшихъ окончатель- ное испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ	3	3	4	14	18	21	12	15	19	85,7	83,3	90,5
Московскомъ	2	3	4	9	22	14	8	20	14	88,8	91	100
Одесскомъ	2	2	3	21	24	44	17	20	43	81	83,3	97,7
Оренбургскомъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кіевскомъ	3	4	4	50	36	42	38	35	42	76	97,2	100
Варшавскомъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Віенскомъ.	3	3	4	30	33	55	27	32	49	90	97	89,1
Всего.	13	15	19	124	133	176	102	122	167	84,3	90,3	95,4

90

Всѣхъ учениковъ въ различныхъ отдѣленіяхъ VI класса и трехъ отдѣленіяхъ дополнительнаго класса къ началу экзаменовъ 1878 г. было 902, изъ нихъ выдержали испытаніе 630 или 70⁰/₁₀₀. Въ отчетномъ же трехлѣтіи это процентное отношеніе выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ учебныхъ округахъ:	Число учениковъ VI класса и дополнитель- наго кл. къ началу экзаменовъ.			Число выдержавшихъ испытаніе.			Процентное отношеніе.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ.	150	174	186	117	155	158	78	89,6	85
Московскомъ.	186	277	329	131	188	276	70,4	68	83,9
Одесскомъ	335	367	381	235	308	360	70,1	84	94,8
Оренбургскомъ	21	34	36	21	29	31	100	92,3	86,1
Кіевскомъ.	274	323	387	162	217	325	60	67,1	84
Варшавскомъ.	181	151	230	123	146	197	68	96,6	85,6
Віенскомъ	204	214	244	142	174	213	69,6	81,3	87,2
Всего.	1351	1540	1793	931	1217	1560	73,7	82,8	86,6

81

Судя по этимъ процентнымъ вычисленіямъ, нельзя не признать результаты испытаній, произведенныхъ по окончаніи учебнаго года въ 1879, 1880 и 1881 гг., довольно удовлетворительными во всѣхъ учебныхъ округахъ, представившихъ по сему предмету подробныя свѣдѣнія, такъ какъ въ общемъ выводѣ и въ частности по каждому округу процентъ успѣвавшихъ оказывается выше средняго. Слѣдуетъ

при этомъ замѣтить, что существующія при VI и дополнительномъ классахъ различныя отдѣленія составляютъ одну изъ особенностей, наиболѣе характеристическихъ для нашихъ реальныхъ училищъ, и потому касающіяся означенныхъ отдѣленій подробности, при оцѣнкѣ результатовъ окончательныхъ выпускныхъ испытаній, имѣютъ гораздо болѣе значенія для опредѣленія состоянія реальныхъ училищъ и успѣшности въ нихъ преподаванія, нежели многія другія данныя, по которымъ весьма часто реальные училища мало чѣмъ отличаются отъ гимназій.

Неоднократно было замѣчаемо, что свѣдѣнія о числѣ успѣвающихъ учениковъ за первое полугодіе каждаго учебнаго года бывають обыкновенно менѣе благоприятны, нежели результаты переводныхъ и выпускныхъ испытаній. Это обстоятельство объясняется отчасти нерадивостью самихъ учениковъ, отчасти затрудненіями, которыми они встрѣчаютъ послѣ перевода ихъ въ высшіе классы, когда, не успѣвъ ознакомиться съ новыми для нихъ предметами курса, они не въ состояніи еще слѣдить съ полнымъ успѣхомъ за преподаваніемъ. Для примѣра, при семъ прилагается таблица, показывающая процентное отношеніе успѣшности на экзаменахъ и по отмѣткамъ преподавателя за вторую половину года.

Въ учебныхъ округахъ:	% переведенныхъ въ высшіе классы и окон- чившихъ курсъ.			% получившихъ удовле- творительныя отмѣтки по всемъ предметамъ въ концѣ года.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ.	67,6	73,4	73,2	56,5	61	63,6
Московскомъ	68,6	74,3	73,6	64,1	70,4	72,6
Одесскомъ	64,5	75,2	72,9	56	57	55,5
Оренбургскомъ.	62	76	75	64	80	83
Кіевскомъ	65,1	71,4	77,1	60	60	60,9
Виленьскомъ.	70,5	78,7	76,3	72,5	78	73,8
Варшавскомъ	63	69	77,	68	68	76

Приведенныя здѣсь числа обозначаютъ процентъ успѣвающихъ по всемъ предметамъ курса въ общей сложности; если же взять отдѣльно числа успѣвавшихъ по главнымъ предметамъ, то результаты оказываются и въ этомъ случаѣ болѣе удовлетворительными; такъ, напри-
мѣръ, число успѣвавшихъ въ концѣ каждаго изъ трехъ отчетныхъ годовъ составляло:

Въ учебныхъ округахъ:	По русскому языку.			По математикѣ.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскому	75	80,8	78,6	73,5	77	71,2
Московскому	80,9	84,3	77,4	79,3	83,4	79,2
Одесскому	73,3	73,9	74,2	72	74,5	72,3
Оренбургскому.	—	—	88	—	—	91
Виленскому.	—	—	—	—	—	—
Варшавскому	72	77	77	76	78	74

Незначительное число уроковъ, пропущенныхъ учениками въ продолженіе года, вообще свидѣлствуетъ объ ихъ усердіи. Таковое составляло въ среднемъ выводѣ на cadaго ученика:

По учебнымъ округамъ:	Въ 1879 г.	Въ 1880 г.	Въ 1881 г.
С.-Петербургскому	25,6	49,7	56,8
Московскому	42,3	45,3	44,3
Одесскому	38,7	48,7	46
Казанскому.	38,7	37,4	не достав. св.
Оренбургскому.	41	30	37,3
Кіевскому	51,5	53,8	56,8
Виленскому.	53,6	51	53
Варшавскому	48	54	49
Восточной Сибири	47	41,7	54
Западной Сибири.	52	59	59,7

Наиболѣе вліянія на пропускъ уроковъ учениками оказывало временное нездоровье иныхъ, продолжительная болѣзнь другихъ.

Число смертныхъ случаевъ за отчетный періодъ выразилось въ весьма незначительныхъ цифрахъ, именно: въ 1879 г. ихъ было 36, въ 1880—39 и въ 1881—33. Случаи эпидемическихъ болѣзней проявлялись довольно рѣдко и не развивались въ учебныхъ заведеніяхъ лишь благодаря принятымъ заблаговременно мѣрамъ со стороны начальства и заботамъ со стороны врачей; тѣмъ не менѣе, отзывались увеличеніемъ числа пропускаемыхъ уроковъ. Такъ, по случаю появленія въ 1881 году въ I классѣ Пермскаго реальнаго училища дифтерита, по распоряженію губернскаго санитарнаго комитета, классныя занятія были временно прекращены. Такое же распоряженіе послѣдовало въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ при появленіи дифтерита въ г. Череповцѣ, въ томъ же 1881 году.

Какъ въ предыдущіе годы, такъ и въ отчетное трехлѣтіе, въ реальныхъ училищахъ были задаваемы на каникулярное время письменныя работы, которыя затѣмъ пересматривались и повѣрялись пре-

подавателями соответствующих предметов; оценка их принималась во внимание при аттестации учеников за первую четверть учебного года:

Въ слѣдующей таблицѣ показано процентное отношеніе къ общему числу учащихся числа обучающихся одновременно двумъ новымъ иностраннымъ языкамъ, пѣнію и гимнастикѣ въ реальныхъ училищахъ, поименованныхъ въ таблицѣ пяти учебныхъ округовъ:

Въ учебныхъ округахъ:	Обоимъ новымъ языкамъ.			Пѣнію.			Гимнастикѣ.		
	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.	1879.	1880.	1881.
С.-Петербургскомъ	65,9	52,1	53,8	50,3	45	43,4	94,6	94,2	92
Московскомъ	57,6	60,2	59,1	68,9	69,5	69,6	93	89,9	91,9
Одесскомъ	42,2	29,7	12,1	43,3	38,7	34,3	92,6	98,8	99,2
Виленскомъ.	82,2	69,5	65,9	24,6	26,2	20,6	91,2	—	70,6
Варшавскомъ	50,4	49,1	52,4	21,5	20,2	31,1	79,3	72,7	72,3

Въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Одесскомъ и Виленскомъ, судя по этимъ даннымъ, замѣчается постепенное уменьшеніе процента обучающихся обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, между прочимъ, объясняетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: одновременное изученіе обоихъ новыхъ иностранныхъ языковъ весьма полезно съ общеобразовательной точки зрѣнія, а также и въ практическомъ отношеніи; въ особенности оно удобно въ III и IV классахъ, гдѣ ни количество, ни качество учебныхъ занятій не обременительно для учащихся. Въ иныхъ условіяхъ находятся V и VI классы основнаго отдѣленія. Имѣя въ виду, что по § 12 устава 1872 г. для учениковъ реальныхъ училищъ обязательно изученіе только одного изъ двухъ иностранныхъ языковъ, французскаго или нѣмецкаго, по ихъ выбору, тайный совѣтникъ Сергіевскій предложилъ завѣдующимъ реальными училищами вѣреннаго ему округа: а) къ посѣщенію уроковъ французскаго языка не допускать тѣхъ учениковъ V и VI классовъ основнаго отдѣленія, которые до того времени не занимались этимъ предметомъ; б) учениковъ, которые оказываютъ слабые успѣхи въ обязательномъ новомъ языкѣ, устранять отъ занятія этимъ предметомъ; в) къ занятіямъ новымъ необязательнымъ языкомъ допускать лишь тѣхъ учениковъ V и VI классовъ, которые оказываютъ удовлетворительные успѣхи по главнымъ предметамъ обученія; г) учениковъ, хотя бы и прилежныхъ, но мало даровитыхъ и не обладающихъ

вполнѣ удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья, отклонять отъ занятій французскимъ языкомъ какъ предметомъ необязательнымъ. Это распоряженіе, послѣдовавшее въ 1879 г. одновременно съ приглашеніемъ учебныхъ начальствъ къ учрежденію, по мѣрѣ возможности, особыхъ классовъ для моделированія изъ глины, имѣло послѣдствіемъ указанное въ вышеприведенной таблицѣ постепенное пониженіе процента учениковъ, обучающихся обоимъ языкамъ.

Гимнастика въ настоящее время считается обязательнымъ предметомъ во всѣхъ реальныхъ училищахъ; отъ занятій ею освобождаются только ученики, которымъ гимнастическія упражненія воспрещены врачами по состоянію ихъ здоровья, и число таковыхъ, какъ видно изъ той же таблицы, весьма незначительно.

Поведеніе учащихся, судя по отиѣткамъ, какія они получали, было довольно удовлетворительно. Высшихъ отиѣтокъ за поведеніе, 5 и 4, удостоены 96,5% всѣхъ учениковъ; отиѣтку 3 (хорошо) заслужили 3,2% и неодобрительной отиѣткой (2) аттестовано только 0,3%. Въ доставленныхъ по сему предмету свѣдѣніяхъ показаны въ среднемъ выводѣ за 1879 г. 243 взысканія на 100 учениковъ, въ 1880 г.—239, въ 1881 г. 204, считая въ томъ числѣ: замѣчаніе класснаго наставника или его помощника, выговоры болѣе или менѣе строгіе, одионочное сидѣніе въ классѣ, задержаніе на короткое время въ училищѣ по окончаніи уроковъ, работы, назначаемыя въ праздничные дни при надлежащемъ надзорѣ и т. п. Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считается увольненіе изъ учебнаго заведенія по опредѣленію педагогическаго совѣта; такихъ случаевъ оказалось въ реальныхъ училищахъ семи учебныхъ округовъ, доставившихъ о томъ свѣдѣнія, не болѣе 64 въ 1879 г., въ 1880 г.—27 и въ 1881 г.—28, что составляетъ отъ 2 до 6 человѣкъ на 1.000; въ томъ числѣ исключены были изъ учебнаго заведенія съ воспрещеніемъ поступить въ какое-либо другое училище въ 1879 г.—5, въ 1880 г.—3 и въ 1881 г.—1.

Общее число выбывшихъ изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса простиралось въ 1879 г. до 2.783 человѣкъ, въ 1880 г.—до 2.581, въ 1881 г.—до 2.633; подробныя свѣдѣнія о томъ, изъ какихъ классовъ они выбыли, какого рода занятія избрали или намѣрены были избрать по выходѣ изъ училищъ, показаны въ прилагаемой при семъ таблицѣ:

У м е р л ы

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОБРУГАХЪ:	Число учениковъ, вышедшихъ до окончания курса изъ класса.										Въ томъ числѣ уво- лены для перехода.					Уволены по другимъ причинамъ.		
	I.	II.	III.	IV.	V.		VI.		Дополнитель- ный классъ.			В С Е Л О .			Въ Аргуня учебныя занятія минист. нар. просвѣщенія.	Въ учебныя завед. Аргуняхъ въкомствъ.	На службу государ- ствени. и частную.	Уволены по другимъ причинамъ.
					Основное отдѣ- леніе.	Коммерческое отдѣленіе.	Основное отдѣ- леніе.	Коммерческое отдѣленіе.	Общее отдѣ- леніе.	Математико-тех- ническое отдѣ- леніе.	Химико-техни- ческое отдѣ- леніе.							
С.-Петербургскомъ	62	132	153	119	76	4	48	7	—	13	8	622	72	38	176	127	187	
Московскомъ	153	297	248	271	179	5	111	4	2	10	61.286	238	238	63	188	308	461	
Оренбургскомъ .	41	58	61	43	23	5 ¹⁾	18	1 ²⁾	—	1	—	251	44	15	16	41	131	
Одесскомъ.	160	232	247	287	236	4	154	3	6	34	151.378	518	518	6	233	354	245	
Кіевскомъ.	142	189	165	172	135	10	90	14	2	25	16	960	310	35	103	184	306	
Віенскомъ	44	102	83	94	102	11	54	8	2	4	14	518	Служившіе въ доствъ но.	35	23	70	281	
Варшавскомъ	57	67	61	63	82	15	55	8	—	38	—	444	31	35	23	70	281	
Общій итогъ	659	1.077	1.018	1.049	833	51	533	45	12	120	59	5.459	—	—	—	—	—	
За исключеніемъ Віенскаго.	615	975	935	955	731	43	479	37	10	116	45	4.911	1.213	192	739	1.084	1.611	

¹⁾ 3 изъ горнозаводскаго и 2 изъ сельско-хозяйственнаго отдѣленій.

²⁾ 1 изъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія.

Къ 1-му января 1879 года числилось всѣхъ учениковъ въ реальныхъ училищахъ семи учебныхъ округовъ въ общей сложности 10.212, и въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ вновь поступило въ реальные училища 9.038 учениковъ (въ 1879 г.—2.804, въ 1880 г.—2.927, въ 1881 г.—3.307); такимъ образомъ общее число посѣщавшихъ классы составить за это время 19.250 и число выбывшихъ изъ училищъ до окончанія курса (5.459) образуетъ въ отношеніи къ нимъ, среднимъ числомъ, по 9,4% въ годъ. Изъ той же таблицы усматривается, что наибольшее абсолютное число выбывшихъ до окончанія курса въ отчетное трехлѣтіе оказалось въ низшихъ классахъ реальныхъ училищъ, именно: изъ I-го класса вышло 659, изъ II-го — 1.077, изъ III-го — 1.018, изъ IV-го — 1.049, обстоятельство совершенно естественное, такъ какъ численность учащихся въ этихъ классахъ гораздо значительнѣе, нежели въ высшихъ. Въ высшихъ классахъ наиболѣе вышло до окончанія курса учениковъ изъ основнаго отдѣленія V-го класса—833 и VI-го класса—533, изъ коммерческихъ отдѣленій вышло всего 99 учениковъ за всѣ три года, изъ трехъ отдѣленій дополнительнаго класса—191.

Значительная часть выбывающихъ въ упомянутыхъ учебныхъ округахъ (за исключеніемъ Виленскаго, изъ котораго свѣдѣнія доставлены неполныя), а именно: 1.405 или 28,4% перешли продолжать свое образованіе въ другія реальные училища или въ иныя учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, а 739 или 15% — для поступленія въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, только половина показанныхъ выбывшими, то-есть, 2.797 учениковъ, покинули вовсе учебныя заведенія; изъ остальныхъ умерло 102, или 2%, всѣхъ показанныхъ выбывшими; поступило на государственную или частную службу 1.084 или 21,9%; затѣмъ къ числу прочихъ 1.611 (32,6%) относятся уволенные за безуспѣшность, за неодобрительное поведеніе, по невзносу платы за ученіе или такіе, которые покинули учебныя заведенія добровольно по домашнимъ обстоятельствамъ, для поправленія здоровья послѣ продолжительной болѣзни, или сознавая свою неспособность продолжать ученіе, ученики, неявившіеся въ училище послѣ экзаменовъ, праздниковъ или вакацій, и наконецъ, всѣ недоставившіе свѣдѣній о причинахъ своего выбытія.

При сравненіи числа учениковъ въ основномъ и коммерческомъ отдѣленіяхъ VI класса за послѣдній годъ отчетнаго трехлѣтія, въ семи перечисленныхъ выше учебныхъ округахъ оказывается, что въ

47 училищахъ, при коихъ открытъ былъ высшій или VI-й классъ основнаго отдѣленія, общее число въ немъ учениковъ было 1.135, что составляетъ среднимъ числомъ на каждое училище по 24, въ 18-ти же высшихъ классахъ коммерческаго отдѣленія было только 107 учениковъ, что составляетъ среднимъ числомъ 6 учениковъ на каждое училище. Малое число учениковъ коммерческихъ отдѣленій объясняется отчасти желаніемъ большинства окончивающихъ первые четыре класса продолжать свое образованіе въ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, доступа къ которымъ коммерческія отдѣленія не предоставляютъ; а потому большинство учащихся въ реальныхъ училищахъ направляется въ основное отдѣленіе V-го и VI-го классовъ и затѣмъ въ дополнительный классъ, предоставляющій это право. Совершенное даже отсутствіе учениковъ въ коммерческихъ отдѣленіяхъ привело къ упраздненію таковыхъ въ 1880 г. при Бѣлостокскомъ и Пинскомъ реальныхъ училищахъ и въ 1881 г. при Виленскомъ. Рѣдкое исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи одно лишь Варшавское реальное училище, въ которомъ при коммерческомъ отдѣленіи VI-го класса числилось 29 учениковъ и реальныхъ отдѣленія церковныхъ училищъ: св. Петра, св. Анны и реформатскаго въ С.-Петербургѣ. Въ первыхъ двухъ существуетъ однако же и общее отдѣленіе дополнительнаго класса. Во всѣхъ трехъ училищахъ ученики обязательно обучаются языкамъ: русскому, нѣмецкому, французскому и англійскому.

Число учащихся въ училищахъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій въ 1881 г. простиралось до 813, въ томъ числѣ православнаго исповѣданія числилось 377 или 46,4%, евангелическо-лютеранскаго и реформатскаго 396 или 48,7%, прочихъ исповѣданій 40 или 4,9%; дѣтей дворянъ и чиновниковъ 125 или 15,3%, изъ городскихъ сословій 471 или 57,9%, иностранцевъ 183 или 22,5%, духовнаго званія 2 и сельскихъ сословій 32 (4,3%); окончившихъ курсъ числилось въ томъ же году 45, выбывшихъ до окончанія курса 128.

Пансіоновъ при реальныхъ училищахъ не существовало, за исключеніемъ одного при 1-мъ С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ, въ которомъ воспитывалось: въ 1879 г. — 59, въ 1880 г. — 58 и въ 1881 г. — 67 учениковъ. По отзыву попечителя учебнаго округа, устройство этого пансіона и соблюдаемый въ немъ порядокъ слѣдуетъ признать во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Наибольшее число общихъ ученическихъ квартиръ, состоящихъ подъ непосред-

ственнымъ надзоромъ учебнаго начальства, къ концу отчетнаго времени находилось въ Кіевскомъ учебномъ округѣ именно 163, въ которыхъ проживало 701 ученикъ, въ Московскомъ ихъ было 104 съ 217 уч., въ Варшавскомъ—59 съ 295 уч., въ Виленскомъ—19 съ 144 уч., въ С.-Петербургскомъ — 7 съ 86 уч., въ Оренбургскомъ — 5 съ 25 учениками.

Помѣщенія реальныхъ училищъ въ отчетное время не были еще повсемѣстно достаточно удобны и просторны. Изъ 79 реальныхъ училищъ 57 помѣщались въ собственныхъ домахъ, 7 въ городскихъ и общественныхъ зданіяхъ, отведенныхъ для ихъ пользованія безплатно и 15 въ наемныхъ домахъ. Изъ 79 занимаемыхъ реальными училищами помѣщеній только 58 оказываются достаточно удобными, остальные 21, хотя и не вполне удовлетворяютъ потребностямъ училищъ, заняты однако же временно, впредь до пріисканія болѣе подходящихъ къ правильному устройству учебнаго заведенія. Заботами окружнаго учебнаго начальства устроены при реальныхъ училищахъ библіотеки—ученическія и фундаментальныя, кабинеты, лабораторіи, которыя вмѣстѣ съ другими имѣющимися при сихъ училищахъ учебными пособіями можно считать вполне достаточными для успѣшнаго преподаванія наукъ.

Въ каждомъ учебномъ округѣ попечитель считалъ своею обязанностию въ теченіе года производить подробный осмотръ нѣкоторыхъ изъ училищъ округа. Ревизія другими попечителями поручалась помощникамъ, а также и окружнымъ инспекторамъ.

Женскія гимназіи и прогимназіи.

Со времени изданія положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 24-го мая 1870 года, когда въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія состояло только 37 женскихъ училищъ 1-го разряда и 94 такихъ же училищъ 2-го разряда, до перваго года отчетнаго трехлѣтія число этихъ училищъ, переименованныхъ выше-сказаннымъ положеніемъ въ женскія гимназіи и прогимназіи, возросло до 249, такъ что къ началу 1879 года считалось: 79 гимназій, 167 прогимназій и 3 высшихъ училища съ правами женскихъ гимназій. Затѣмъ, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія число женскихъ гимназій увеличилось 18-ю, прогимназій 12-ю, а всего 30-ю учебными заведеніями. Слѣдовательно, съ 1879 по 1882 годъ среднимъ числомъ ежегодно прибавлялось по 10 такихъ учебныхъ заведеній, и къ началу

1882 года считалось уже женскихъ гимназій 97, прогимназій 179 и высшихъ училищъ съ правами гимназій 3. Но собственно преобразование и открытіе женскихъ гимназій и прогимназій за отчетное трехлѣтіе распредѣлялось по годамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1879 г. преобразованы: Вѣрненская прогимназія въ Туркестанскомъ краѣ въ гимназію, а Алексѣевская женская школа въ г. Благовѣщенскѣ, Амурской области, въ четырехклассную прогимназію и открыты: одна гимназія и одна прогимназія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ (въ Харьковѣ) и по одной прогимназіи въ учебныхъ округахъ: въ Московскомъ (въ г. Юхновѣ) и Виленскомъ (въ г. Динабургѣ), а также въ Восточной Сибири (въ г. Иркутскѣ). Въ 1880 году преобразованы въ гимназіи одна прогимназія въ г. Казани и 2 училища 1-го разряда въ г. Харьковѣ и открыты прогимназіи въ учебныхъ округахъ Московскомъ (въ гг. Бѣломъ, Зарайскѣ и Гжатскѣ), въ Киевскомъ (въ г. Новозыбковѣ), въ Одесскомъ (въ гг. Измаилѣ и Болградѣ), въ Западной Сибири (въ г. Бійскѣ) и въ Восточной Сибири (въ г. Минусинскѣ). Въ 1881 г. преобразованы въ гимназіи: прогимназіи Енисейская въ Восточной Сибири, Иваново-Вознесенская и 2 училища 1-го разряда (въ Москвѣ и Орлѣ) въ Московскомъ учебномъ округѣ, Лубенская и 2 училища 1-го разряда (въ Киевѣ) въ Киевскомъ, Сарапульская въ Казанскомъ и Ревельская въ Дерптскомъ, а также 2 училища 1-го разряда въ Харьковскомъ (въ Харьковѣ); кромѣ того, училище при Петропавловской лютеранской церкви въ Москвѣ причислено къ разряду гимназій и открыты прогимназіи: одна въ С.-Петербургскомъ (въ г. Островѣ), одна въ Московскомъ (въ г. Брянскѣ), двѣ въ Харьковскомъ (въ гг. Рыльскѣ и Путивлѣ) и двѣ въ Оренбургскомъ (въ гг. Перми и Осѣ) учебныхъ округахъ; наконецъ въ томъ же 1881 году учреждено въ г. Гольдингенѣ городское дѣвнчье шестиклассное училище, которое, какъ и Рижское городское дѣвнчье шестиклассное училище, показано въ числѣ гимназій. Такимъ образомъ наибольшее увеличеніе гимназій, а именно на 13, было въ 1881 году, а прогимназій въ 1880 г., когда число ихъ увеличилось на 7.

Изъ числа 97 женскихъ гимназій 11, находящіяся въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Киевскомъ учебныхъ округахъ, хотя содержатся частными лицами, во по правамъ сравнены съ правительственными. Къ началу 1882 года 83 гимназіи имѣли восьмиклассный составъ. Въ тѣхъ изъ гимназій, въ которыхъ наплывъ учащихся былъ весьма значителенъ, открывались параллель-

ныя отдѣленія, число которыхъ къ концу 1881 года простиралось до 56, не считая при этомъ параллельныхъ отдѣленій при приготовительныхъ классахъ, существующихъ при большинствѣ гимназій. Впрочемъ, какъ ни значительно было ежегодное приращеніе женскихъ гимназій и прогимназій, оно, по видимому, еще не отвѣчало увеличенію числа учащихся въ нихъ. На это, между прочимъ, указываетъ уже и то обстоятельство, что при всей ограниченности средствъ содержанія женскихъ гимназій и прогимназій, должно было отрывавъ параллельные классы не только при гимназіяхъ, но даже и при прогимназіяхъ, при которыхъ къ началу 1882 года существовало до 15 такихъ классовъ. Дѣйствительно, если сравнить число учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (41.320), которое было къ началу отчетнаго трехлѣтія, съ числомъ учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ (51.367) къ концу сказаннаго трехлѣтія, оказывается, что въ трехлѣтній періодъ число ученицъ увеличилось на 10.047 или на 24% слишкомъ, то-есть, среднимъ числомъ приходилось на каждую вновь открытую гимназію или прогимназію вновь поступившихъ въ тотъ же періодъ времени болѣе, чѣмъ по 334 ученицы. Среднее же число ученицъ въ каждой изъ гимназій и прогимназій, не смотря на приращеніе тѣхъ и другихъ, увеличилось въ отчетное трехлѣтіе на 17. Вообще замѣтное увеличеніе учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ обуславливается тѣмъ, что у насъ не существуетъ учебныхъ заведеній, болѣе соотвѣтственныхъ потребностямъ дѣвицъ изъ того сословія, къ которому принадлежитъ самый многочисленный и при томъ мало измѣняющійся % учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, особенно въ низшихъ классахъ, въ которыхъ обыкновенно бываетъ и наибольшее число ученицъ (около $\frac{4}{5}$ или 80%). Къ сословію этому принадлежатъ городскіе жители, которыхъ дѣти, обучавшіяся въ сказанныхъ учебныхъ заведеніяхъ, составляли въ отчетное трехлѣтіе приблизительно отъ 45 до 46%. Въ отдѣльности же въ гимназіяхъ къ городскому сословію принадлежало около 34% и въ прогимназіяхъ около 55% (въ томъ числѣ мѣщанъ свыше 40%). Такимъ значительнымъ процентомъ учащихся изъ низшаго сословія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и объясняется, почему выбывающія до окончанія курса изъ этихъ учебныхъ заведеній составляютъ почти вдвое большее число, сравнительно съ оканчивающими въ нихъ курсъ. Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія ежегодно выбывало до окончанія курса до 15%, а по окончаніи курса до 8% изъ общаго числа ученицъ гимназій и

прогимназій, приче́мъ на низшіе классы тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеній падало до 82% всего числа выбывшихъ до окончанія курса. Фактъ этотъ ведетъ къ заключенію, что наши городскія сословія, преимущественно въ уѣздныхъ городахъ, считаютъ достаточнымъ для образованія дѣтей своихъ прохожденіе только низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Безъ сомнѣнія, въ томъ же фактѣ должно искать и причину того, что городскія сословія принимаютъ сравнительно незначительное участіе въ содержаніи женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ изъ общей суммы, издержававшейся ежегодно въ теченіе отчетнаго трехлѣтія на этотъ предметъ, только около 11% падало на городскія общества. Остальная же, затѣмъ, сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: свыше 34% приходилось на сборъ за ученіе, около 24% на пожертвованія и другіе источники, около 16% на средства государственнаго казначейства и около 15% на земства. Хотя въ частности эти процентныя отношенія оставались почти одинаковыми съ 1879 по 1882 годъ, но въ общемъ расходы по содержанію среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній ежегодно значительно увеличивались, вслѣдствіе приращенія этихъ учебныхъ заведеній. Такъ въ 1881 г. сумма эта, простиравшаяся до 2.953.383 р., представляла увеличеніе сравнительно съ 1880 г. на 314.275 р. или свыше 10%, а сравнительно съ 1879 г. на 534.874 р. или свыше 18%.

Изъ сопоставленія расходовъ по содержанію женскихъ гимназій и прогимназій съ числомъ этихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ видно, что содержаніе одной гимназій или прогимназій вообще обходилось приблизительно въ 10.800 р., а обученіе одной учащейся 58 р.; но въ частности содержаніе одной гимназій приблизительно обходилось въ 20.200 р. и одной прогимназій въ 4.800 р., а обученіе одной учащейся въ гимназій въ 68 р. и въ прогимназій въ 40 р.

Учебно-воспитательная часть въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ продолженіе всего отчетнаго трехлѣтія находилась въ удовлетворительномъ положеніи. Состоя подъ непосредственнымъ руководствомъ начальствующихъ лицъ въ мѣстныхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ только тѣхъ прогимназій, которыя учреждены въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и гдѣ предсѣдательство въ педагогическихъ совѣтахъ такихъ прогимназій принадлежитъ мѣстнымъ штатнымъ смотрителямъ или учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ, женскія гимназій и прогимназій въ постепенномъ своемъ развитіи по

учебно-воспитательной части точно слѣдуютъ указаніямъ положенія 24-го мая 1870 г. Участіе начальствующихъ лицъ мужскихъ училищъ въ руководствѣ женскихъ гимназій и прогимназій оказываетъ плодотворное вліяніе на эти послѣднія не только потому, что педагогическая опытность сказанныхъ лицъ облегчаетъ правильное веденіе въ сихъ заведеніяхъ учебно-воспитательной части, но и потому, что, за недостаткомъ средствъ, многія изъ нихъ, не имѣя часто возможности пріобрѣтать нужныя книги для бібліотекъ и учебныя пособия, при посредствѣ такихъ начальниковъ, нерѣдко пользуются тѣми и другими изъ мужскихъ училищъ. Кромѣ того, правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ много содѣйствуетъ утвержденный бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ въ 1874 году учебный планъ, установившій для VIII или дополнительнаго класса гимназій такую организацію, которая вполне отвѣчаетъ педагогическимъ требованіямъ сихъ заведеній. Съ этого времени, между прочимъ, женскія гимназія и прогимназіи стали въ болѣе независимое положеніе отъ учительскаго персонала мужскихъ училищъ, получивъ возможность давать въ VIII или дополнительномъ классѣ гимназій такое педагогическое образованіе ученицамъ, вступающимъ по окончаніи семилѣтняго гимназическаго курса въ этотъ классъ, что онѣ безъ затрудненій пріобрѣтають званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ и съ пользою замѣняютъ учителей въ низшихъ классахъ гимназій и въ прогимназіяхъ. По мѣрѣ такой замѣны учителей учительницами, постепенно устраниются и затрудненія при распредѣленіи учебныхъ часовъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, такъ какъ при исключительно мужскомъ персоналѣ преподающихъ должно было въ этомъ отношеніи согласоваться не съ педагогическими цѣлями, а съ тѣмъ свободнымъ временемъ, которымъ могли располагать преподаватели мужскихъ училищъ. Теперь же не представляется уже такого стѣсненія въ выборѣ преподающихъ, и число учительницъ въ гимназіяхъ и особенно въ прогимназіяхъ стало ежегодно увеличиваться, такъ что въ 1881 году въ нѣкоторыхъ прогимназіяхъ всѣ учебные предметы, кромѣ закона Божія, преподавались учительницами и, притомъ, съ такимъ успѣхомъ, что общій уровень знаній учащихся представлялся вполне удовлетворительнымъ, такъ какъ число ученицъ, имѣвшихъ хорошія отмѣтки по успѣхамъ, составляло 92% въ прогимназіяхъ и 96% въ гимназіяхъ. Не менѣе удовлетворительнымъ оказывается вліяніе учительницъ на учащихся и въ воспитательномъ отношеніи, какъ можно заключить изъ того,

что средній общій годовой баллъ по поведенію ученицъ въ отчетное трехлѣтіе выражался цифрою 4,96, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ прогимназіяхъ.

Но при удовлетворительномъ состояніи нашихъ женскихъ гимназій и прогимназій въ учебно-воспитательномъ отношеніи вообще, въ частности замѣчается существенный недостатокъ въ томъ, что число обучающихся руководѣлію въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, какъ видно изъ отчетовъ попечителей, было настолько незначительно, что въ нѣкоторые годы далеко не достигало и половины общаго числа ученицъ. Въ виду того, что занятіе руководѣніемъ составляетъ необходимую принадлежность женскаго образованія, особенно для дѣтей изъ недостаточныхъ классовъ, къ которымъ большею частью и принадлежатъ обучающіяся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, министерство народного просвѣщенія обратило на это обстоятельство особенное вниманіе и приступило уже къ обсужденію вопроса объ изысканіи мѣръ, которыя должны быть приняты, чтобы всѣ ученицы въ нашихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучались руководѣлію.

Къ числу правительственныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ въ отчетное трехлѣтіе съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія правъ учащихся въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, должно быть отнесено представленіе ученицамъ, получившимъ одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи курса въ прогимназіяхъ или въ четырехъ низшихъ классахъ гимназій, права на званіе начальныхъ учительницъ.

Среднія спеціальныя заведенія.

Учительскіе институты, цѣль которыхъ состоитъ въ приготовленіи учителей для городскихъ училищъ, возникли на основаніи положенія 31-го мая 1872 года. По важности задачи учительскихъ институтовъ, отъ успѣшнаго исполненія которой зависитъ установленіе на прочномъ основаніи правильнаго начальнаго образованія и въ виду новизны самаго дѣла, требовавшего извѣстнаго опыта и тщательнаго выбора знающихъ и вполне способныхъ руководителей и преподавателей, открытіе этихъ учебныхъ заведеній происходило не одновременно, но въ теченіе 6-ти лѣтъ, а именно со второй половины 1872 года до второй половины 1878 года включительно. Такимъ образомъ въ 1872 г. открыты были учительскіе институты въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ, въ 1874 г. въ Киевскомъ (Глуховскій) и Одесскомъ (Θеодосійскій), въ 1875 г. въ

Виленскомъ, въ 1876 г. въ Харьковскомъ (Бѣлгородскій) и въ Казанскомъ и, наконецъ, въ 1878 г. въ Оренбургскомъ. Слѣдовательно, въ 1-му января 1879 г. существовало 8 учительскихъ институтовъ, то-есть, то число, которое опредѣлено для нихъ законами 31-го мая 1872 года и 28-го декабря 1876 года. Въ 1879 году послѣдовалъ уже первый выпускъ по окончаніи курса 14 воспитанниковъ въ Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ и 20 воспитанниковъ въ Казанскомъ. Наконецъ, съ открытіемъ въ 1880 году 3-го класса въ Оренбургскомъ учительскомъ институтѣ, составъ всѣхъ учительскихъ институтовъ былъ полный, и въ 1881 году всѣ они произвели выпускъ 110 воспитанниковъ, изъ числа которыхъ 13 приходилось на Оренбургскій учительскій институтъ.

Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія число учащихся въ учительскихъ институтахъ колебалось между 436 и 443, и, по среднему выводу, составляло для каждаго года около 439 учениковъ. Изъ этого числа около 15% приходилось на С.-Петербургскій институтъ, почти по 14% на институты; Θεодосійскій, Глуховскій и Московскій, 13% на Оренбургскій, 11% на Казанскій, 10% на Виленскій и около 9% на Бѣлгородскій. Отношеніе это сохраняется приблизительно и въ отдѣльности для каждаго изъ трехъ отчетныхъ годовъ; причемъ число учащихся въ каждомъ изъ 8 учительскихъ институтовъ, также по среднему выводу, измѣнялось только между 55 и 54. Самыя большія отклоненія отъ этихъ общихъ выводовъ представляютъ: въ 1879 году Глуховскій учительскій институтъ съ 70 учащимися и Бѣлгородскій съ 44 учащимися, въ 1880 году тотъ же Глуховскій съ 64 учащимися и Бѣлгородскій съ 44 учащимися, въ 1881 году Θεодосійскій съ 68 учащимися и Бѣлгородскій съ 37 учащимися. Возвышеніе и пониженіе числа учениковъ въ институтахъ объясняется большимъ или меньшимъ ежегоднымъ приѣмомъ, смотря по степени подготовки лицъ, желающихъ поступить въ эти учебныя заведенія. Безъ сомнѣнія, колебаніе въ числѣ поступающихъ въ учительскіе институты устранится по мѣрѣ большаго развитія городскихъ училищъ, когда воспитанники ихъ будутъ составлять главный контингентъ поступающихъ въ учительскіе институты. Уже и въ отчетное трехлѣтіе въ тѣхъ институтахъ, въ которыхъ ежегодное число учениковъ почти не измѣнялось, какъ, напримѣръ, въ Московскомъ, главный контингентъ учащихся, именно 70%, составляли ученики, поступившіе изъ городскихъ училищъ. Съ другой стороны, возвышеніе или пониженіе числа учащихся въ учительскихъ институтахъ обуславливается большимъ или

меньшимъ числомъ ежегодно выбывающихъ изъ этихъ заведеній воспитанниковъ до окончанія курса по неуспѣшности, болѣзни и домашнимъ или другимъ обстоятельствамъ. По среднему выводу, число выбывшихъ изъ институтовъ до окончанія курса приходилось на каждый изъ годовъ отчетнаго трѣхлѣтія по 42 воспитанника, то-есть, нѣсколько болѣе 5-ти на каждый институтъ. Наибольшее отступленіе отъ этой средней нормы, въ смыслѣ увеличенія числа выбывшихъ до окончанія курса, представляетъ Θεодосійскій институтъ, изъ котораго въ 1880 и 1881 отчетныхъ годахъ выбывало до окончанія курса по 11 воспитанниковъ, а въ смыслѣ уменьшенія — Виленскій институтъ, изъ котораго въ 1879 году до окончанія курса выбылъ 1 воспитанникъ, и Казанскій, изъ котораго въ 1880 году вовсе не было выбывшихъ до окончанія курса, а въ 1881 году было только 2. Еще болѣе число учениковъ въ институтахъ зависитъ отъ числа ежегодно выбывающихъ по окончаніи курса. Изъ 303 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ институтахъ, въ теченіе отчетнаго трѣхлѣтія приходилось среднимъ числомъ по 101 воспитаннику на каждый годъ или почти по 13 воспитанниковъ на каждый институтъ ежегодно.

Что касается образовательной системы учительскихъ институтовъ, то она состоитъ не только въ основательномъ ознакомленіи учащихся съ теорією преподаваемыхъ предметовъ, но и въ практическомъ упражненіи ихъ въ самомъ преподаваніи. Съ этою цѣлью трехгодичный курсъ институтовъ распредѣляется такъ, что теоретическое преподаваніе предметовъ заканчивается, если не совсѣмъ, то по большинству предметовъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ; третій же годъ преимущественно назначается на повтореніе пройденнаго и практическія занятія въ городскихъ училищахъ, находящихся при каждомъ изъ учительскихъ институтовъ. Практическія занятія состоятъ въ томъ, что воспитанники III класса даютъ по очереди уроки въ этихъ училищахъ въ присутствіи преподавателя соотвѣтствующаго предмета и своихъ товарищей по классу. Уроки эти подвергаются въ назначенное время подробному разбору тѣхъ же товарищей практиканта, которые, въ бесѣдѣ, подъ руководствомъ преподавателя, указываютъ уклоненія въ данномъ урокѣ отъ извѣстныхъ правилъ дидактики и методики. Вообще научная сторона въ учительскихъ институтахъ представляется въ отчетномъ трѣхлѣтіи удовлетворительною, какъ можно видѣть изъ того, что на каждый годъ этого трѣхлѣтія по среднему выводу приходилось изъ общаго числа учащихся не менѣе

86хъ ~~лѣтъ~~ ~~лѣтъ~~, которые имѣли удовлетворительныя отмітки. О содѣйствіи, оказываемомъ учительскими институтами къ развитію городскихъ училищъ, то-есть, въ приготовленіи для нихъ учителей, можно отчасти судить по даннымъ, приводимымъ въ отчетѣ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, которыя показываютъ, что въ теченіе десятилѣтняго существованія С.-Петербургскаго учительскаго института изъ 229 обучавшихся въ немъ воспитанниковъ и 62 прикомандированныхъ учителей уѣздныхъ училищъ окончили курсъ съ аттестатами 111 воспитанниковъ и получили званіе городского учителя по особому экзамену 47 уѣздныхъ учителей. Кромѣ того, изъ 40 постороннихъ лицъ, подвергавшихся при институтѣ испытанію на званіе учителя городского училища, 19 удостоились этого званія. Слѣдовательно въ теченіе 9 лѣтъ С.-Петербургскій учительскій институтъ выдалъ 177 аттестатовъ на право учителей городскихъ училищъ. Благодаря такой дѣятельности С.-Петербургскаго учительскаго института, уже въ 1881 году изъ числа 18 окончившихъ курсъ въ этомъ институтѣ 6 могли получить назначеніе на должности учителей городскихъ училищъ на Кавказѣ и въ Сибири, гдѣ нѣтъ учительскихъ институтовъ.

Воспитательная часть въ институтахъ въ теченіе отчетнаго трехлѣтія представляла также удовлетворительные результаты. Мѣрами къ развитію религіознаго чувства воспитанниковъ служили обычныя общія ежедневныя молитвы, посѣщеніе, въ сопровожденіи дежурнаго преподавателя, богослуженія въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, и точное исполненіе всѣхъ обязанностей, предписываемыхъ православною церковью. Вообще нравственному развитію воспитанниковъ содѣйствовали самая дисциплина институтскихъ интернатовъ, значительное количество умственныхъ работъ и постоянный контроль со стороны членовъ педагогическаго совѣта. Поведеніе воспитанниковъ характеризуется по среднему выводу за каждый годъ отчетнаго трехлѣтія отміткою 4,8.

Существующія при учительскихъ институтахъ библіотеки были въ теченіе отчетнаго трехлѣтія, по возможности, пополняемы въ достаточномъ количествѣ. Къ 1-му января 1882 года въ 8 институтскихъ библіотекахъ считалось 15.528 названій книгъ, въ томъ числѣ ежегодное приращеніе по среднему выводу въ минувшемъ трехлѣтіи было по 1.107 названій, на сумму 3.332 руб. 3 коп. Въ кабинетахъ физическихъ и естественныхъ наукъ къ 1-му января 1882 года состояло

5.621 предметъ, число которыхъ ежегодно въ отчетномъ трехлѣтіи увеличивалось среднимъ числомъ по 330, на сумму 2.191 р. 95 к.

Содержаніе учительскихъ институтовъ по среднему выводу для каждаго года отчетнаго трехлѣтія обходилось 257.013 р., изъ которыхъ около 94%, падало на государственное казначейство и только около 6%, на другіе источники. Слѣдовательно, среднее годовичное содержаніе каждаго изъ 8 учительскихъ институтовъ за сказанное время обходилось въ 32.126 р., а среднее ежегодное содержаніе одного ученика въ 564 руб.

Дополнительные курсы, учреждаемые временно при учительскихъ институтахъ для усовершенствованія учителей уѣздныхъ училищъ въ преподаваніи, открывались въ теченіе отчетнаго трехлѣтія при учительскихъ институтахъ: С.-Петербургскомъ въ 1879 году, Московскомъ въ 1879, 1880 и 1881 годахъ, Бѣлгородскомъ въ 1879 и 1880 годахъ и Оренбургскомъ въ 1881 году. Вообще число уѣздныхъ учителей, прикомандированныхъ въ сказанные институты въ теченіе всего трехлѣтія, простиралось до 72, изъ которыхъ 69 удостоены были свидѣтельствъ на званіе городского учителя. Слѣдовательно, по среднему выводу, въ каждомъ отчетномъ году изъ 24 прикомандированныхъ въ институты 23 пріобрѣтали право на преподаваніе въ городскихъ училищахъ. Занятія этихъ учителей во время пребыванія на дополнительныхъ курсахъ происходили подъ руководствомъ директоровъ и преподавателей. При этомъ теоретическія свѣдѣнія сообщались учителямъ въ назначенные для того особенные вечерніе часы, а практическія упражненія велись, какъ и упражненія воспитанниковъ институтовъ, въ городскихъ училищахъ.

Городскія училища, существующія въ двухклассномъ составѣ при учительскихъ институтахъ, имѣютъ двойное назначеніе; доставляя обучающимся въ нихъ образованіе по установленной программѣ, они въ то же время служатъ и педагогическимъ цѣлямъ учительскихъ институтовъ, какъ учебныя заведенія, въ которыхъ практикуются воспитанники институтовъ въ преподавательской дѣятельности. При этомъ приняты всѣ возможныя мѣры, чтобы такая двойственность задачи не нарушала правильнаго хода обученія въ городскихъ училищахъ. Съ этою, между прочимъ, цѣлью присутствуетъ постоянно на урокахъ практикантовъ классный учитель городского училища и впоследствии восполняетъ пробѣлы, если таковые были сдѣланы практикантами. При такомъ веденіи дѣла, преподаваніе въ этихъ

учебныхъ вѣдѣній, снабженныхъ въ достаточной степени учебными пособиями, идетъ съ надлежащею правильностью и даетъ удовлетворительные результаты. Постепенно увеличивающееся число учащихся въ сихъ училищахъ достигаетъ, по среднему выводу для каждаго изъ трехъ отчетныхъ годовъ, до 619 во всѣхъ училищахъ, то есть, по 77 въ училищѣ.

Вилевскій и Житомирскій еврейскіе учительскіе институты, преобразованные, на основаніи Высочайшаго указа 16-го марта 1873 года, изъ раввинскихъ училищъ, имѣютъ цѣлю готовить учителей для еврейскихъ начальныхъ училищъ. Въ основу этихъ институтовъ приняты, согласно положенію 24-го марта 1873 года, тѣ же образовательныя и специально-педагогическія начала, какія опредѣлены и для вышесказанныхъ 8 учительскихъ институтовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что еврейскіе учительскіе институты имѣютъ четырехклассный составъ, вмѣсто трехкласснаго, и во всѣхъ классахъ, кромѣ общихъ предметовъ, преподаются и еврейскіе. Въ теченіе 8 лѣтъ своего существованія институты эти достигли достаточной устойчивости какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственно-воспитательномъ отношеніи. По среднему выводу для каждаго года отчетнаго трехлѣтія, изъ 123 учащихся въ нихъ, число имѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки составляло 81⁰/₁₀₀, а общій годовой баллъ по поведенію выражался отмѣткою 4,5. Такіе результаты педагогической дѣятельности обоихъ институтовъ подтверждаются и тѣмъ, что они ежегодно въ отчетное трехлѣтіе, по среднему выводу изъ числа 123 воспитанниковъ, обучавшихся въ нихъ, выпускали по 23 учителя для еврейскихъ начальныхъ училищъ, учреждаемыхъ по положенію 24-го марта 1873 года. Вслѣдствіе сего, число этихъ училищъ къ началу 1882 года возросло вообще до 43 съ 3.549 учащимися, а въ отдѣльности: въ Вилевскомъ округѣ до 22 училищъ съ 1.598 учащимися, въ Кіевскомъ до 15 училищъ съ 1.468 учащимися и въ Одесскомъ до 6 училищъ съ 494 учащимися.

Дополнительные курсы въ теченіе отчетнаго трехлѣтія открывались только въ 1879 году при Вилевскомъ еврейскомъ институтѣ для 6 учителей, изъ которыхъ 5 удостоены свидѣтельствъ, дающихъ имъ право на занятіе должностей въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ по положенію 24-го марта 1873 года.

Начальныя еврейскія училища съ приготовительными классами существовали при обоихъ еврейскихъ институтахъ и вполне отвѣчали своему назначенію, служа мѣстомъ какъ образованія для учащихся

въ нихъ, такъ и практическихъ занятій для институтскихъ воспитанниковъ. Ежегодное среднее число учащихся за отчетное трехлѣтіе простиралось до 138 въ каждомъ изъ нихъ.

Изъ еврейскихъ учительскихъ институтовъ Виленскій, а равно и существующее при немъ начальное училище съ приготовительнымъ классомъ, помѣщаются весьма удобно въ двухъ каменныхъ домахъ, приобретенныхъ въ собственность института въ 1873 году. Но наемное помѣщеніе въ 7 домахъ для Житомирскаго учительскаго института съ платою 4,250 р. въ годъ представляетъ большія неудобства какъ въ педагогическомъ, такъ и гигиеническомъ отношеніи. Вслѣдствіе сего Житомирская городская дума отвела въ 1879 году усадьбу для постройки зданій института. Постройка эта, начатая въ апрѣлѣ 1880 года, въ слѣдующемъ году была почти окончена и институту предстояло перемѣщеніе въ новое зданіе.

При 77,500 р. среднего годичнаго содержанія обоихъ институтовъ за отчетное трехлѣтіе, воспитаніе одного ученика обходилось въ 626 р. Значительность этой затраты на содержаніе одного воспитанника объясняется съ одной стороны тѣмъ, что какъ въ учительскихъ институтахъ для христіанъ, такъ и въ еврейскихъ комплектъ довольно малочисленъ, а съ другой и тѣмъ, что всѣ воспитанники живутъ въ интернатѣ на полномъ иждивеніи отъ казны. Сумма, служащая источникомъ содержанія еврейскихъ учительскихъ институтовъ, почти всецѣло относится на свѣчной сборъ съ евреевъ и только 0,14% этой суммы приходится на спеціальныя средства.

Между правительственными мѣрами, направленными къ болѣе точному опредѣленію правъ еврейскихъ учительскихъ институтовъ, нельзя не упомянуть о законѣ 6-го февраля 1879 года, которымъ институты эти причислены ко второму разряду учебныхъ заведеній по отношенію къ отбыванію воинской повинности, съ предоставленіемъ воспитанникамъ, неокончившимъ въ нихъ полного курса, правъ окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда.

Высшее ремесленное училище, учрежденное въ г. Лодзи въ замѣнъ существовавшей тамъ реальной гимназіи, состоитъ по уставу 31-го мая 1869 года изъ шести классовъ и имѣетъ цѣлю дать обучающимся въ немъ возможность приобрести тѣ спеціальныя научныя свѣдѣнія, которыя необходимы для успѣшнаго производства ремесленной и промышленной дѣятельности, наиболѣе соотвѣтствующей мѣстнымъ условіямъ. До какой степени это учебное заведеніе удовлетворяетъ въ сказанномъ смыслѣ мѣстнымъ потребностямъ, видно, между

прочимъ, изъ увеличивающагося въ немъ ежегодно числа учащихся, которыхъ къ 1-му января 1879 года было 317, къ 1-му января 1880 года 330 и къ 1-му января 1881 года оно уже достигло до 364. Среднее число успѣшно учившихся воспитанниковъ составляло для каждаго года отчетнаго трехлѣтія 80%. Окончившихъ курсъ приходилось на каждый годъ по 19, а общій средній баллъ по поведенію выражался отмѣткою 4,6. Практическія занятія учениковъ двухъ старшихъ классовъ велись обыкновенно въ вечернее внѣклассное время въ химической лабораторіи подъ руководствомъ преподавателей химіи и красильнаго искусства. Во время лѣтнихъ вакацій воспитанники 3-хъ высшихъ классовъ осматривали фабрики и заводы подъ руководствомъ преподавателей специальныхъ предметовъ, а ученики VI класса, кромѣ того, посвящали до двухъ недѣль практическимъ занятіямъ на фабрикахъ и заводахъ. Сочувствіе общества къ Лодзинскому высшему ремесленному училищу выражалось назначеніемъ въ пользу учащихся стипендій, въ числѣ которыхъ въ отчетное трехлѣтіе была учрежденная стипендія имени въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра II изъ % съ капитала въ 3,000 руб., пожертвованнаго для этой цѣли лодзинскимъ фабрикантомъ Юліемъ Гейнцелемъ.

Спеціально-образовательное вліяніе Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища не ограничивается распространеніемъ знаній только между учащимися въ немъ, но простирается и на постороннихъ лицъ посредствомъ существующаго при немъ съ 1874 года воскресно-рисовальнаго класса. Въ отчетное трехлѣтіе, среднимъ числомъ, на каждую четверть года приходилось посѣщающихъ этотъ классъ по воскреснымъ днямъ (съ 10 до 12 ч. утра) отъ 24 до 51, а всего въ годъ до 130, преимущественно изъ ремесленниковъ, которые изучали рисованіе и черченіе примѣнительно къ роду занятій ихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Содержаніе воскресно-рисовальнаго класса обезпечивалось взносомъ отъ каждаго посѣщающаго его по одному рублю за $\frac{1}{4}$ года и незначительными частными пожертвованіями.

Одесское коммерческое училище, открытое 21-го августа 1862 года, преобразовано по уставу 1870 года изъ четырехъ-класснаго въ шести-классный составъ. При этомъ въ четырехъ низшихъ классахъ сохранился общеобразовательный курсъ, а въ двухъ старшихъ введенъ спеціально-коммерческій. Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія въ жизни этого учебнаго заведенія, пользующагося также сочувствіемъ общества, не послѣдовало какихъ-либо замѣтныхъ перемѣнъ. Число учащихся по среднему выводу для каждаго отчетнаго трехлѣтія про-

стиралось до 250, изъ которыхъ 72%, приходится на учениковъ еврейскаго исповѣданія; число воспитанниковъ, имѣвшихъ удовлетвори-тельные отмѣтки по успѣхамъ, составляло 60%, а общій баллъ по поведенію выражался 4,5; окончившихъ курсъ приходилось по 20 человекъ на каждый годъ. Одесское коммерческое училище содержится на счетъ: а) суммъ, вносимыхъ, ежегодно лицами, принадле-жащими къ купеческому сословію (около 30,000 р.), б) платы за учение (свыше 12,000 р.) и в) процентовъ отъ пожертвованныхъ капиталовъ (свыше 900 р.).

Въ 1881 году число среднихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, увели-чилось еще тремя, имѣющими своею задачею образованіе свѣдущихъ лицъ по разнымъ техническимъ производствамъ, соотвѣтственно мѣст-нымъ потребностямъ. Въ числѣ 74 учебныхъ заведеній, передан-ныхъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 17-го апрѣля и 10-го іюля 1881 года, изъ вѣдѣнія министерства финансовъ въ вѣдом-ство министерства народнаго просвѣщенія, находятся слѣдующія техническія училища, съ правами второразрядныхъ учебныхъ заве-деній по отбыванію воинской повинности: 1) Комисаровское, въ Москвѣ, которое, по отчету сего училища за 1878 годъ, состояло изъ 5 классовъ (не считая приготовительнаго) и имѣло до 248 уча-щихся; средства его содержанія въ этомъ году простирались до 55,311 руб. и распредѣлялись такимъ образомъ, что приходилось: 29% на государственное казначейство, 68% на сборъ за учение и 3% на другіе источники; 2) Кунгурское дѣйствительнаго статскаго совѣтника Губкина, въ Пермской губерніи, состоявшее къ 1-му января 1882 г. изъ 5 классовъ съ 86 учащимися; изъ 33,149 руб., употребленныхъ въ 1881 году на содержаніе его, 77% относились на проценты съ капитала, пожертвованнаго учредителемъ и 23% на уплату за право учения; 3) Иркутское, при шестилѣтнемъ курсѣ (не считая приготовительнаго класса) имѣвшее къ 1-му января 1882 года до 188 учащихся; изъ суммы 38,929 руб., употребленныхъ въ 1881 году на содержаніе сего училища, приходилось 39% на государствен-ное казначейство, 29% на сборъ за учение и 32% на пожертвованія и другіе источники.

Учительскія семинаріи.

Учительскія семинаріи имѣютъ своимъ назначеніемъ, какъ и учи-тельскіе институты, приготовленіе учителей для низшихъ училищъ,

но отличаются отъ институтовъ болѣе сжатымъ курсомъ своей учебной программы. Между тѣмъ какъ учительскіе институты готовятъ учителей для городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года, которыя даютъ болѣе расширенное начальное образованіе, учительскія семинаріи готовятъ преподавателей для городскихъ и сельскихъ училищъ, которыя даютъ только низшее начальное образованіе.

Къ началу 1879 года въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія состояло 62 учительскія семинаріи и школы. Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія число ихъ увеличилось открытіемъ 30-го августа 1879 г. Туркестанской учительской семинаріи въ г. Ташкентѣ, къ которой, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го апрѣля 1880 года мѣстнаго государственнаго совѣта, примѣнено временно, на четыре года, положеніе объ Иркутской учительской семинаріи, съ соблюденіемъ притомъ нѣкоторыхъ особыхъ правилъ, и назначено на содержаніе ея 42.700 р., съ отнесеніемъ этой суммы на мѣстные доходы Ферганской области. Въ виду ежегодно увеличивающагося въ Туркестанскомъ краѣ числа начальныхъ училищъ, которыхъ къ началу 1882 года считалось уже до 45, и при трудности пріискать для нихъ подготовленныхъ учителей, Туркестанская учительская семинарія предназначена удовлетворить самой насущной потребности края, не только въ смыслѣ образовательномъ, но и въ государственномъ, какъ педагогическое учебное заведеніе, основанное на русскихъ началахъ, къ распространенію которыхъ среди туземнаго населенія призваны готовящіеся въ ней къ учительскому званію.

Подобное же значеніе имѣютъ и разрѣшенныя къ открытію, на основаніи законовъ 10-го ноября 1880 г. и 13-го октября 1881 г., двѣ учительскія школы: Киргизская въ г. Троицкѣ, Оренбургской губерніи, съ ежегоднымъ содержаніемъ по 17.580 руб., и инородческая въ г. Бирскѣ, Уфимской губерніи, съ ежегоднымъ содержаніемъ по 15.955 руб. Но открытіе первой изъ этихъ учительскихъ школъ приостановлено, съ Высочайшаго соизволенія, вслѣдствіе возникшаго вопроса о необходимости избранія болѣе центрального для нея пункта среди киргизскаго населенія. Такимъ пунктомъ избранъ былъ г. Орскъ, то же Оренбургской губерніи, имѣющій преимущество передъ городомъ Троицкомъ въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ. 10-го іюня 1882 г. послѣдовало разрѣшеніе на открытіе Киргизской учительской школы въ г. Орскѣ. Что касается Бирской учительской школы, то для помѣщенія ея пріобрѣтенъ уже домъ съ усадьбою, и на приспособленіе его къ потребностямъ школы употреблено 21.556 р.

въ средствъ министерства народнаго просвѣщенія. Самое же открытіе этой школы послѣдовало 3-го октября 1882 г. Съ преобразованиемъ въ 1880 г. Вятской земской учительской школы, имѣвшей также задачею своею распространеніе сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній, въ реальное училище, число учительскихъ школъ, содержимыхъ земствомъ, уменьшилось на одну.

Затѣмъ къ 1-му января 1882 года, не считая разрѣшенныхъ къ открытію двухъ вышесказанныхъ инородческихъ школъ, общее число учительскихъ семинарій и школъ осталось то же, которое было къ началу 1879 года. Изъ 62 учительскихъ семинарій и школъ, къ 1-му января 1882 года было: 51 содержимыхъ правительствомъ, 9 содержимыхъ земствомъ, и 2 существующихъ на частныя средства.

Изъ числа учительскихъ семинарій и школъ, содержимыхъ правительствомъ, 43 имѣютъ трехгодичный курсъ, 7—четырёхгодичный и 1 двухгодичный. Такое различіе въ продолжительности курса вызвано мѣстными условіями. Тамъ, гдѣ большинство или значительная часть учениковъ составляютъ инородцы, оказалось необходимымъ для лучшаго усвоенія ими правильной русской рѣчи продолжить на одинъ годъ пребываніе ихъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. На этомъ основаніи положеніями объ учительскихъ семинаріяхъ Рязской Казанской, Иркутской и Туркестанской, а также о трехъ татарскихъ учительскихъ школахъ, допущенъ для этихъ учебныхъ заведеній четырехгодичный курсъ. Одна только первая Дерптская учительская семинарія, въ которой всѣ предметы, за исключеніемъ русскаго языка, географіи и исторіи Россіи, преподаются на нѣмецкомъ языкѣ, имѣетъ, по положенію 1861 года, двухлѣтній курсъ. Что касается второй Дерптской учительской семинаріи, учрежденной преимущественно для эстонскаго населенія, то, не смотря на трехклассный ея составъ, ученики, съ открытіемъ при ней въ 1880 г. приготовительнаго класса, проходятъ четырехгодичный курсъ ученія.

Съ открытіемъ въ 1879 году третьяго класса въ Благовѣщенской семинаріи и четвертаго класса въ Казанской татарской учительской школѣ, а въ 1887 году третьяго класса во 2-й Дерптской семинаріи, 50 правительственныхъ учительскихъ семинарій и школъ достигли полнаго развитія. Наконецъ, въ Туркестанской учительской семинаріи со второй половины 1881 года открытъ уже III-й классъ. Въ Оpatовской учительской семинаріи, Радомской губерніи, ученіе не производилось и въ отчетное трехлѣтіе: воспитанники этой семинаріи для продолженія своего образованія были перемѣщены въ Андреев-

скую семинарію, Кѣлецкой губерніи, а инспекторъ и нѣкоторые изъ преподавателей ея прикомандированы для занятій къ другимъ семинаріямъ и, кромѣ того, принимали участіе въ трудахъ на происходившихъ въ дѣтнее время въ г. Радомѣ временныхъ педагогическихъ курсахъ. Начальное же училище при Опатовской семинаріи временно составляетъ 2-й классъ начальнаго училища въ посадѣ Солицы, изъ котораго послѣ пожара, бывшаго въ немъ въ 1876 году, семинарія переведена въ г. Опатовъ.

Изъ двухъ заведеній, подготовляющихъ учителей для народныхъ школъ и содержимыхъ на частныя средства, Екатерининскій учительскій институтъ въ г. Тамбовѣ, учрежденный на пожертвованный оберъ-камергеромъ Э. Д. Нарышкинымъ капиталъ, состоитъ изъ трехъ классовъ съ трехгодичнымъ курсомъ, а женская учительская семинарія въ Москвѣ при братствѣ св. равноапостольной Маріи имѣетъ два класса съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ.

Изъ земскихъ учительскихъ школъ имѣютъ: Казанская, Самарская и Тверская — женскія по 4 класса съ четырехгодичнымъ курсомъ, Новгородская, Рязанская и Курская — мужскія по 3 класса съ трехгодичнымъ курсомъ, С.-Петербургская, состоящая изъ двухъ отдѣленій — мужского и женскаго, и Костромская — женская по 2 класса съ двухгодичнымъ курсомъ.

При учрежденіи учительскихъ семинарій и школъ министерство народнаго просвѣщенія, руководствуясь мыслью удовлетворить настоятельной потребности въ учителяхъ, озабочивалось вмѣстѣ съ тѣмъ возможно правильнымъ распредѣленіемъ семинарій по мѣстностямъ, соотвѣтственно этой потребности. Такимъ образомъ, въ каждой изъ 45 губерній и 3 областей, устроивалось по одной семинаріи. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только тѣ 10 губерній, въ которыхъ, кромѣ учительскихъ семинарій, или открыты такія же семинаріи и школы для инородческихъ населеній, какъ въ губерніяхъ Лифляндской, Казанской, Таврической, Уфимской и Варшавской ¹⁾, или устроены учительскія школы, содержимыя земствами и частными лицами, какъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Новгородской, Курской, Казанской, Самарской, Московской и Тверской, изъ которыхъ

¹⁾ Сущесгующія въ Варшавской губерніи двѣ учительскія семинаріи переименованы, согласно съ общепринятою въ имперіи системою, изъ двухъ педагогическихъ курсовъ, учрежденныхъ въ этой губерніи по уставу $\frac{5}{17}$ - го января 1868 г. для начальныхъ учителей польской и нѣмецкой національности.

въ двухъ послѣднихъ земскія мужскія, учительскія школы были позже преобразованы въ правительственныя учительскія семинаріи. Вслѣдствіе сего, какъ въ Московской, такъ и въ Тверской губерніяхъ, кромѣ женскихъ учительскихъ школъ, содержимыхъ въ первой на частныя средства, а во второй на счетъ земства, возникли правительственныя учительскія семинаріи. Въ трехъ губерніяхъ, Новгородской, Курской и Херсонской, существуютъ по двѣ учительскія семинаріи, изъ которыхъ одна содержится земствомъ, а другая на счетъ средствъ государственнаго казначейства или на смѣшанныя средства земства и казны (Череповская, Новгородской губерніи). Существованіе двухъ семинарій въ столь обширныхъ губерніяхъ, какъ Новгородская (10 уѣздовъ) и Курская (11 уѣздовъ), сначала, при недостаткѣ учителей въ сельскихъ школахъ, можно было признать вполне цѣлесообразнымъ, но въ настоящее время онѣ остаются уже излишними, и потому въ каждой изъ нихъ губерній одна семинарія можетъ быть безъ ущерба закрыта. Что же касается двухъ семинарій въ Херсонской губерніи, то продолженіе ихъ дѣятельности нельзя не признать желательнымъ, такъ какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ: Екатеринославской, Полтавской и Подольской, нѣтъ учительскихъ семинарій; кромѣ того, въ учительскія семинаріи Одесскаго учебнаго округа разрѣшено принимать какъ воспитанниковъ изъ поселенцевъ (бывшихъ нѣмецкихъ колонистовъ), водворенныхъ въ весьма значительномъ количествѣ на казенныхъ земляхъ южныхъ губерній, такъ и стипендіатовъ изъ болгаръ. Важность мѣстнаго значенія обѣихъ семинарій Херсонской губерніи сознается земствомъ и частными лицами: первое приняло на свои средства расходы по отдѣлкѣ и приспособленію зданій для одной изъ семинарій, а послѣднія дѣлаютъ довольно значительныя ежегодныя пожертвованія для обѣихъ семинарій. Такимъ образомъ, не смотря на заботливость министерства о равномерномъ распредѣленіи учительскихъ семинарій, очевидно, что, съ одной стороны, при необходимости въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ учреждать, кромѣ учительскихъ семинарій, такія же учебныя заведенія для инородцевъ, а съ другой, при устройствѣ земствами и частными лицами на свой счетъ учительскихъ школъ, независимо отъ правительственныхъ учительскихъ семинарій, не могло быть соблюдено вполне равномерное распредѣленіе сихъ послѣднихъ по учебнымъ округамъ. Этимъ и объясняется, почему въ одной Европейской Россіи, не считая западныхъ даже окраинъ, Прибалтійской и Привислянской, 13 губерній съ 20-миліоннымъ населеніемъ вовсе не имѣютъ ни учительскихъ семинарій, ни

учительскихъ школъ, не только состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, но и другихъ вѣдомствъ, такъ какъ обѣ семинаріи вѣдомства учреждений императрицы Маріи находятся въ губерніяхъ С.-Петербургской и Московской, а изъ состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ одна семинарія (Колпинская) находится въ С.-Петербургской губерніи, а три семинаріи и одна кистерская школа въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Нѣкоторыя изъ учительскихъ семинарій и школъ, хотя не пользуются правами правительственныхъ заведеній сего рода, тѣмъ не менѣе содѣйствуютъ распространенію образованія среди инородцевъ. Къ разряду такихъ школъ принадлежитъ, между прочимъ, Уфимская черемисская языческая школа, переданная въ 1879 г. изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Школа эта не была перенесена, какъ прежде предполагалось, въ г. Бирскъ, но, на основаніи того же закона, которымъ учреждена инородческая школа въ этомъ городѣ, оставлена на прежнихъ основаніяхъ, съ производствомъ изъ казны на содержаніе 30 учениковъ по 3.000 руб. въ годъ. Главная заслуга Уфимской черемисской школы состоитъ въ томъ, что она приготовила учителей для 22 инородческихъ языческихъ школъ, изъ которыхъ 10 открыты въ началѣ 1880 года. Учителя всѣхъ 22 школъ ежегодно вызываются на краткосрочные педагогическіе курсы, открываемые при Уфимской языческой школѣ для доставленія возможности этимъ учителямъ усовершенствоваться въ знаніяхъ и въ приѣмахъ начальнаго обученія. Для осуществленія этой полезной мѣры законоположеніемъ 12-го февраля 1879 года предоставлено министру народнаго просвѣщенія употреблять по 400 рублей въ годъ изъ суммъ министерства на содержаніе и проѣздъ учителей, вызываемыхъ изъ инородческихъ языческихъ школъ на указанные курсы.

Еще болѣе оказывается полезною въ смыслѣ распространенія знанія русскаго языка между инородцами чувашская школа въ г. Симбирскѣ, которая, продолжая свою дѣятельность также на прежнихъ основаніяхъ, имѣла въ 1-му января 1882 г. до 62 учениковъ и, кромѣ, того 36 учащихся въ существующихъ при ней мужскомъ и женскомъ начальныхъ училищахъ. Въ 1881 году въ ней окончили курсъ 11 воспитанниковъ. Въ теченіе же всего отчетнаго трехлѣтія ежегодно, по среднему выводу, изъ 56 воспитанниковъ, исключительно принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, оканчивало курсъ по девяти, то-есть, 16⁰/₁₀. На содержаніе этой школы въ 1881 году посту-

пило до 10.868 р. 79 к., изъ которыхъ 52% относятся на средства государственнаго казначейства, около 37% отпускались земствомъ и около 11% жертвуются частными лицами. Хотя вообще въ теченіе отчетнаго трехлѣтія средняя сумма, назначаемая на содержаніе этой школы, благодаря особенно пособію, оказываемому ей министерствомъ народнаго просвѣщенія, была нѣсколько значительнѣе израсходованной въ 1881 году, но тѣмъ не менѣе и эта сумма еще не удовлетворяетъ потребностямъ школы, ибо въ ней, кромѣ завѣдывающаго, состоитъ 7 преподавателей. Этимъ объясняется, почему въ теченіе отчетнаго трехлѣтія не сдѣлано никакихъ приобрѣтеній для пополненія библіотеки и для учебныхъ пособій, за исключеніемъ 1879 года, когда она могла произвести на сей предметъ расходъ въ количествѣ 121 р. 37 к.

Къ тому же разряду инородческихъ школъ должна быть отнесена и учительская школа въ г. Аренсбургѣ, Лифляндской губерніи, содержимая на суммы духовнаго вѣдомства. Школа эта помѣщается въ собственномъ удобномъ домѣ, имѣетъ одинъ классъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и интернатомъ для 20 воспитанниковъ, приготовляющихся къ занятію учительскихъ должностей во вспомогательныхъ школахъ, существующихъ при приходскихъ училищахъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи совѣта по дѣламъ православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ Прибалтійскихъ губерній. Преподаваніе всѣхъ предметовъ въ Аренсбургской школѣ ведется на русскомъ языкѣ, а учителями состоятъ завѣдующій школой мѣстный приходскій священникъ и учителя Аренсбургской гимназіи.

Къ числу правительственныхъ мѣръ, принятыхъ въ отчетное трехлѣтіе въ видахъ лучшаго обезпеченія матеріальнаго положенія учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, должны быть отнесены Высочайшія повелѣнія, состоявшіяся въ 1879 и 1881 гг., которыми разрѣшено въ Херсонской и Преславльской семинаріяхъ размѣръ стипендій увеличить съ 120 руб. до 150 руб., уменьшивъ число стипендіатовъ съ 40 до 32, а въ Симферопольской и Казанской татарскихъ школахъ размѣръ стипендій возвысить съ 90 до 120 рублей, сокративъ число учащихся съ 40 до 30. Важною также мѣрою, служащею къ возвышенію научнаго уровня въ учительскихъ семинаріяхъ, должно считать законъ 28-го апрѣля 1881 года, которымъ предоставлено педагогическимъ совѣтамъ учительскихъ семинарій право остающіяся свободными казенныя стипендіи изъ числа положенныхъ по штатамъ для воспитанниковъ основныхъ классовъ

семинарій, отдѣлять, въ случаѣ надобности, для учениковъ приготовительныхъ классовъ этихъ семинарій. Такимъ распространеніемъ казенныхъ стипендій на учениковъ приготовительныхъ классовъ учительскихъ семинарій открылась возможность увеличить число учащихся въ этихъ классахъ и тѣмъ усилить контингентъ лучшихъ изъ поступающихъ въ семинаріи учениковъ. Не меньшее значеніе, въ видахъ привлеченія лицъ крестьянскаго сословія къ поступленію въ учительскія семинаріи, имѣетъ законъ 15-го мая того же 1879 года, по которому воспитанники учительскихъ семинарій и школъ, принадлежащіе къ податному сословію, исключены изъ оклада подушныхъ сборовъ. Наконецъ, приняты были мѣры къ улучшенію санитарнаго состоянія учительскихъ семинарій, а именно при нѣкоторыхъ изъ этихъ учебныхъ заведеній, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ трудно найти штатныхъ врачей безъ жалованья, учреждены были должности врачей съ жалованьемъ. Такая должность врача, съ содержаніемъ въ 800 рублей, учреждена по закону 12-го ноября 1879 года при Порѣцкой учительской семинаріи, а по закону 3-го ноября 1881 года—при Молодечненской учительской семинаріи.

Сверхъ того, министерство народнаго просвѣщенія, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія, установило правила, которымъ точно опредѣляется порядокъ перехода воспитанниковъ изъ однихъ семинарій въ другія и опредѣлило способъ взысканія казенныхъ стипендій съ тѣхъ воспитанниковъ, кои оставляютъ семинаріи до окончанія курса или не желаютъ по окончаніи курса прослужить въ должности учителя обязательный срокъ. Въ видахъ содѣйствія правильному ходу учебнаго дѣла въ Оренбургской татарской учительской школѣ, для которой установлены, въ видѣ опыта, двухмѣсячныя лѣтнія вакаціи, вмѣсто одного мѣсяца, разрѣшены въ 1879 году занятія и по воскреснымъ днямъ, съ тѣмъ чтобы въ эти дни назначаемы были преимущественно такіе уроки, кои даются учителями изъ магометанъ, а уроки другихъ преподавателей не были назначаемы раньше 12^{1/2} часовъ дня, дабы не лишить сихъ преподавателей возможности бывать у божественной литургіи. Наконецъ, принимая во вниманіе то образовательное и педагогическое значеніе, которое имѣетъ обученіе пѣнію въ начальныхъ училищахъ, министерство народнаго просвѣщенія, для большаго поощренія въ упражненіяхъ этимъ искусствомъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, сдѣлало въ томъ же 1879 году распоряженіе, чтобы въ свидѣтельствахъ, выда-

ваемых воспитанникамъ, окончившимъ курсъ, помѣщались отиѣтки объ успѣхахъ по пѣнію.

Учащихся въ 62 учительскихъ семинаріяхъ и школахъ къ 1-му января 1882 года было 4.505, то-есть, увеличилось сравнительно съ 1878 годомъ болѣе чѣмъ на 4%. Среднимъ же числомъ на каждый годъ отчетнаго трехлѣтія приходилось, при ежегодномъ увеличеніи учащихся на 61 ¹), около 4.490 учащихся, изъ которыхъ 88% падало на мужскія семинаріи и школы и 12% на женскія учительскія школы. Изъ сравненія этихъ процентныхъ отношеній съ такими же отношеніями за 1878 годъ видно, что число учащихся въ женскихъ учительскихъ школахъ въ отчетномъ трехлѣтіи было болѣе на 1%. Возвысилось также и вообще число учащихся, приходившееся на одну учительскую семинарію или школу: въ отчетномъ трехлѣтіи оно выражалось цифрою 73, а въ 1878 году оно не превышало 70.

Распредѣленіе учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ по учебнымъ округамъ и управленіямъ находится въ прямой зависимости отъ числа этихъ учебныхъ заведеній. Гдѣ болѣе учительскихъ семинарій и школъ, тамъ и большее число учащихся въ нихъ, какъ, напримѣръ, въ Московскомъ и Варшавскомъ учебныхъ округахъ, составляющихъ въ этомъ отношеніи совершенную противоположность не только съ управленіями, находящимися на Азіатской территоріи, но и съ нѣкоторыми округами въ Европейской Россіи, какъ, напримѣръ, съ Кіевскимъ и Оренбургскимъ, въ которыхъ существуетъ наименьшее число учительскихъ семинарій.

По вѣроисповѣданію, изъ общаго числа учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, среднимъ числомъ, приходилось на каждый изъ трехъ отчетныхъ годовъ: 84% на православныхъ, 10% на римско-католиковъ,¹ 4% на лютеранъ и 2% на магометанъ. Послѣдователи инославныхъ и иновѣрческихъ исповѣданій обучаются только въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ пяти учебныхъ округовъ, именно: римско-католическаго въ Варшавскомъ, лютеранскаго въ Дерптскомъ и, на основаніи закона 28-го октября 1878 года, въ Одесскомъ и магометане въ Казанскомъ, Оренбургскомъ и Одесскомъ.

¹) Собственно приращеніе это падаетъ, хотя и неравномѣрно, лишь на 1879 г. (164) и 1881 г. (24), а въ 1880 г. число учащихся, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, даже уменьшилось на 10, вслѣдствіе вышеказаннаго преобразованія Вятской земской учительской школы въ реальное училище.

По сословіямъ, изъ 4.505 учащихся въ 1881 г. въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, приходилось: 380 или около 9% на дѣтей дворянъ, 625 или 14% на дѣтей лицъ духовнаго званія, 861 или около 19% на дѣтей лицъ, принадлежащихъ къ городскимъ сословіямъ и 2.639 или около 58% на дѣтей крестьянъ. Слѣдовательно, обучавшіеся изъ крестьянскаго сословія не только превосходили численностью обучавшихся изъ другихъ сословій, каждаго въ отдѣльности, но и составляли замѣтное большинство по отношенію ко всѣмъ другимъ сословіямъ, даже вмѣстѣ взятымъ.

Вышеозначенная цифра 2.639, выражающая число обучавшихся изъ крестьянъ въ 1881 году въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, распредѣлилась по учебнымъ округамъ и управленіямъ такимъ образомъ: 8% приходилось на С.-Петербургскій округъ, 11%—на Московскій, 15%—на Харьковскій, по 13%—на Казанскій и Виленскій, 3%—на Кіевскій, 6%—на Одесскій, 2%—на Оренбургскій, 8%—на Дерптскій, 18%—на Варшавскій около, 1%—на Западную Сибирь и по 1%—на Восточную Сибирь и Туркестанскій край. Неравномѣрность такого распредѣленія учащихся изъ крестьянъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ по учебнымъ округамъ и управленіямъ, сохраняясь также почти одинаковою для каждаго года отчетнаго трехлѣтія, объясняется не только бѣльшимъ или—меньшимъ числомъ учительскихъ семинарій и школъ въ томъ или другомъ округѣ, но и тѣмъ, къ какому роду учебныхъ заведеній, то-есть, мужскихъ или женскихъ, принадлежатъ онѣ. Въ мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ ученики изъ крестьянъ составляютъ вообще, за исключеніемъ Западной Сибири, наибольшій процентъ, между тѣмъ какъ изъ 6 женскихъ учительскихъ школъ таковой (около 60%) замѣчается только въ двухъ, находящихся въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Въ трехъ женскихъ учительскихъ школахъ Московскаго учебнаго округа ученицы изъ сельскаго сословія составляютъ немного болѣе 21%, тогда какъ изъ учениковъ мужскихъ учительскихъ семинарій и школъ сего округа почти половина, то-есть, около 50%, суть дѣти крестьянъ. Еще менѣе значительнымъ представляется число ученицъ изъ крестьянскаго сословія въ женской учительской школѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, гдѣ онѣ не составляютъ и 4,5%, хотя въ мужскихъ семинаріяхъ этого округа число учениковъ изъ крестьянъ достигаетъ 45,5%. Независимо отъ вышесказаннаго, на увеличеніе учащихся изъ крестьянъ въ учительскихъ семинаріяхъ и мужскихъ школахъ оказываетъ также большее или меньшее влія-

ніе развитіе двухклассныхъ министерскихъ училищъ, ученики которыхъ составляютъ наибольшій контингентъ изъ крестьянъ, поступающихъ въ сказанныя учебныя заведенія. Отсутствіе такихъ училищъ въ Западной Сибири служитъ причиною недостаточнаго числа обучающихся изъ крестьянъ въ тамошней учительской семинаріи. Отчетъ по учебному управленію Западной Сибири указываетъ, что незначительное количество учениковъ изъ крестьянъ въ Омской учительской семинаріи зависитъ отъ недостатка хорошо устроенныхъ сельскихъ школъ въ Западной Сибири, хотя изъ того же отчета видно, что школы эти, доставляющія преимущественно для семинаріи контингентъ учащихся изъ крестьянъ, постепенно улучшаются.

Тѣми же причинами обуславливается и неравномѣрный большею частью процентъ учащихся изъ крестьянъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, который представляется, при сравненіи въ этомъ отношеніи одного учебнаго округа или управленія съ другими, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ С.-Петербургскомъ округѣ изъ 548 учащихся въ 1881 году въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ къ сельскому сословію принадлежало свыше 39%, въ Московскомъ изъ 727 свыше 40%, въ Харьковскомъ изъ 530 свыше 74%, въ Казанскомъ изъ 557 свыше 64%, въ Виленскомъ изъ 433 около 79%, въ Киевскомъ изъ 174 около 52%, въ Одесскомъ изъ 340 свыше 48%, въ Оренбургскомъ изъ 111 свыше 50%, въ Дерптскомъ изъ 194 свыше 89%, въ Варшавскомъ изъ 664 свыше 70%, въ Западной Сибири изъ 89 около 22%, въ Восточной Сибири изъ 96 свыше 40%, въ Туркестанскомъ краѣ изъ 42 около 74%.

Число окончившихъ въ 1881 году курсъ въ 55 мужскихъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, достигшихъ полнаго развитія, простиралось до 868 и въ 6 женскихъ—до 123, а всего 991 или около 22% общаго числа учащихся. Среднимъ же числомъ на каждый годъ отчетнаго трехлѣтія приходилось по 983 окончившихъ курсъ, при чемъ самое большое число (1.020) приходилось на 1880 годъ, вслѣдствіе того, что въ этомъ году былъ выпускъ 29 воспитанницъ изъ учительской школы св. равноапостольной Маріи въ Москвѣ, а самый меньшій (937) въ 1879 году. Сравнительно съ 1878 годомъ среднее число окончившихъ курсъ для каждаго изъ отчетныхъ годовъ представляетъ увеличеніе болѣе чѣмъ на 4%. Въ отдѣльности на каждую семинарію или школу приходилось среднимъ числомъ по 16 окончившихъ въ нихъ курсъ. Изъ вышесказаннаго числа большинство, именно 530 или свыше 52%, принадлежало къ крестьянскому сосло-

вію. Процентъ этотъ, оставался почти одинаковымъ для каждаго года отчетнаго трѣхлѣтія по отношенію къ общему числу окончившихъ курсъ, представляетъ увеличеніе сравнительно съ 1878 годомъ на 17⁰/₁₀₀.

Къ началу 1882 года всѣ учительскія семинаріи и школы, за исключеніемъ Туркестанской, имѣли полную классную организацію. При томъ три изъ нихъ дали первый выпускъ въ 1879 г., одна въ 1880 г. и одна въ 1881 году. Сверхъ того, въ Острожской учительской семинаріи, съ окончаніемъ въ 1880 г. постройки новаго зданія, открыты были одновременно, всѣ три класса, положенные по уставу, такъ какъ, за невозможностью одновременнаго помѣщенія ихъ до того времени, одинъ изъ классовъ попеременно закрывался. Въ Иркутской учительской семинаріи со второй половины 1881 года, согласно положенію о сей семинаріи, установленъ двухлѣтній курсъ въ третьемъ классѣ и открыты три начальныя училища: одно для русскихъ дѣтей и два для дѣтей мѣстныхъ инородцевъ.

При выполненіи учебно-воспитательной задачи, учительскія семинаріи руководствовались изданною для нихъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1875 году инструкціей и тѣми указаніями опыта, которыя представлялись въ развитіи жизни этихъ учебныхъ заведеній. Какъ разсадники будущихъ народныхъ учителей, онѣ давали своимъ воспитанникамъ, подобно учительскимъ институтамъ, не только теоретическое образованіе, но и практическую подготовку, вырабатывая при этомъ постепенно лучшіе приемы преподаванія въ начальной школѣ. При такихъ условіяхъ, не смотря на недавнее свое существованіе, учительскія семинаріи успѣли уже образовать значительный контингентъ учителей, которые по развитію своему въ достаточной степени удовлетворяютъ требованіямъ нашей школы въ современномъ ея состояніи и считаются въ большинствѣ хорошими начальными учителями.

При теоретическомъ прохожденіи предметовъ по программамъ, составленнымъ педагогическими совѣтами на основаніи вышесказанной инструкціи 1875 года, вниманіе преподавателей учительскихъ семинарій и школъ особенно обращалось на прочность усвоенія воспитанниками пройденнаго, при чемъ имѣлось въ виду не столько расширеніе объема преподаванія, сколько уясненіе тѣхъ свѣдѣній, которыя представлялись затруднительными для сознательнаго воспріятія учащимися. Въ тѣсной связи съ изученіемъ теоретическаго учебнаго курса находились письменныя упражненія, имѣвшія цѣлью, кромѣ

навыка учениковъ въ свободномъ и правильномъ выраженіи своихъ мыслей, еще разработку какого-нибудь отдѣла по извѣстному предмету. Съ другой стороны, въ видахъ сообщенія учащимся, въ стройной системѣ, тѣхъ именно знаній, которыя необходимы для учителей сельскихъ начальныхъ школъ, преподаваніе учебныхъ предметовъ поставлено было въ возможное соотвѣтствіе съ дидактикой и методикой обученія общеобразовательнымъ предметамъ. Такимъ образомъ въ учительскихъ семинаріяхъ общеобразовательныя цѣли не вносили собою спеціальной задачи—подготовленія хорошихъ учителей. Соотвѣтственно этой задаче, отъ выпускныхъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ требовались: отчетливое знаніе предметовъ семинарскаго курса, знакомство съ общою педагогикой и дидактикой, а также съ лучшими приѣмами начального обученія.

Что касается практическихъ занятій, которыя воспитанники вели, подъ руководствомъ наставникомъ, въ начальныхъ училищахъ и которыя составляютъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей семинарскаго курса, то, какъ при изложеніи ими уроковъ въ начальныхъ училищахъ, такъ и при разборѣ письменной передачи такихъ уроковъ, обращалось вниманіе не только на ихъ содержаніе, полноту и послѣдовательность катехизаціи, но и на форму уроковъ, на умѣнье практикантовъ выражаться правильно, ясно и просто, приравниваясь притомъ къ уровню умственного развитія учащихся въ начальныхъ училищахъ. Не упускалось изъ виду также и умѣнье поддерживать классную дисциплину и разумно чередовать свои занятія между всѣми тремя отдѣленіями, на которыя обыкновенно раздѣляются классы начальныхъ училищъ.

Такой характеръ преподаванія сохранялся неуклонно во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ. Измѣненія, которыя были въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыхъ изъ семинарій и школъ, не касались общаго характера преподаванія и состояли только: 1) въ распространеніи той системы, по которой, въ видахъ болѣе успѣшнаго преподаванія русскаго языка въ инородческихъ мѣстностяхъ, установлено преподаваніе мѣстныхъ нарѣчій, изъ коихъ въ отчетномъ періодѣ преподаваніе мордовскаго языка, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 20-го іюня 1879 года, введено въ Пензенской учительской семинаріи; 2) въ увеличеніи числа уроковъ по нѣкоторымъ предметамъ на счетъ другихъ предметовъ, какъ это было временно допущено въ семинаріяхъ Череповской, Херсонской и Новоторжской, и

3) въ перенесеніи нѣкоторыхъ предметовъ изъ одного класса въ другой, какъ это было принято и въ прежніе годы въ Гатчинской учительской семинаріи вслѣдствіе педагогическихъ соображеній

На сколько успѣхи воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ отвѣчали требованіямъ программы учебныхъ предметовъ этихъ заведеній, можно судить по числу получившихъ удовлетворительныя отиѣтки по успѣхамъ на годичныхъ испытаніяхъ. Число это по среднему выводу, весьма близкому для каждаго года отчетнаго трехлѣтія, составляло вообще 86⁰/₀, то-есть, болѣе на 10⁰/₀, чѣмъ въ 1878 году. Въ отдѣльности же по учебнымъ округамъ и управленіямъ оно составляло въ С.-Петербургскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ по 78⁰/₀, въ Московскомъ и Харьковскомъ по 96⁰/₀, въ Казанскомъ 87⁰/₀, въ Виленскомъ 92⁰/₀, въ Киевскомъ 88⁰/₀, въ Оренбургскомъ 86⁰/₀, въ Дерптскомъ 80⁰/₀, въ Варшавскомъ 95⁰/₀, въ Западной Сибири 82⁰/₀, въ Восточной Сибири 80⁰/₀ и въ Туркестанскомъ краѣ 81⁰/₀. Изъ этихъ данныхъ видно, что вообще число успѣшно обучающихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ составляетъ свыше ⁴/₅ общаго числа учащихся въ сихъ заведеніяхъ, а въ частности, по учебнымъ округамъ и управленіямъ оно понижается не болѣе какъ на 8⁰/₀ и возвышается на 0,1⁰/₀.

Въ числѣ образовательныхъ средствъ, содѣйствовавшихъ успѣшному ходу обученія въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, служили также научныя пособія, которыя находили учащіе и учащіеся въ существующихъ при этихъ учебныхъ заведеніяхъ бібліотекахъ и кабинетахъ. Поэтому пополненіе тѣхъ и другихъ по мѣрѣ возможности было предметомъ особенной заботливости педагогическихъ совѣтовъ. Такимъ образомъ, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія учительскими семинаріями и школами приобрѣтено для бібліотекъ книгъ въ количествѣ 28.578 томовъ на сумму 40.932 р., что среднимъ числомъ составляетъ для каждаго изъ трехъ отчетныхъ годовъ по 9.526 томовъ на сумму 13.644 р. Въ отдѣльности же для каждой семинаріи или школы среднимъ числомъ приобрѣтено: въ теченіе трехлѣтія 460 томовъ на сумму 660 р., а въ теченіе одного года до 153 томовъ на сумму 220 р. Естественно, что самое значительное приобрѣтеніе выпадаетъ на вновь открытую Туркестанскую семинарію, которою въ теченіе отчетнаго трехлѣтія приобрѣтено 3.514 томовъ на сумму 4.674 р., такъ, что на каждый годъ приходится почти по 1.171 тому на сумму 1.558 р.

Кабинеты физическихъ и естественныхъ наукъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ пополнены въ теченіе отчетнаго трехлѣтія

1.218 экземплярами, на сумму 7.092 р., что для каждого из трех годовъ составляетъ, среднимъ числомъ, по 406 экземпляровъ на сумму 2.364 р. Въ отдѣльности же для каждой семинаріи, среднимъ числомъ, приобретено въ теченіе отчетнаго трехлѣтія 19 экземпляровъ, на сумму 98 р. и ежегодно приобреталось до шести экземпляровъ, на сумму около 33 р. И здѣсь по количеству приобретенія первое мѣсто принадлежитъ Туркестанской семинаріи, которою въ отчетное трехлѣтіе приобретено 168 экземпляровъ, преимущественно для физическаго кабинета, на сумму 484 р., въ томъ числѣ 146 экземпляровъ, на сумму 426 р. въ 1881 году. Ознакомленіе съ употребленіемъ физическихъ приборовъ оказалось уже полезнымъ на практикѣ для воспитанниковъ Туркестанской семинаріи, въ виду того, что при ней въ концѣ 1881 года открыта, при содѣйствіи военно-топографическаго отдѣла Туркестанскаго военнаго округа, метеорологическая станція, гдѣ наблюденія будутъ производиться самими воспитанниками семинаріи подъ руководствомъ преподавателя. Такая же метеорологическая станція устроена еще прежде при Вытегорской учительской семинаріи, при которой, сверхъ того, существуетъ педагогическій и мѣстный музей, изъ коихъ въ первомъ собраны и расположены въ систематическомъ порядкѣ учебныя пособія, необходимыя для начальныхъ народныхъ учителей, а во второмъ—мѣстныя естественныя произведенія.

Другимъ средствомъ, которымъ располагали учительскія семинаріи въ смыслѣ образовательнаго вліянія на воспитанниковъ, служило обученіе пѣнію. Кромѣ образовательнаго своего значенія, пѣніе, особенно церковное, цѣнятся, какъ извѣстно, весьма высоко крестьянами, которые поэтому съ большимъ сочувствіемъ относятся къ тѣмъ школамъ, въ которыхъ дѣти ихъ изучаются подъ руководствомъ учителей стройному церковному пѣнію. Слѣдовательно, на обязанности учительскихъ семинарій лежитъ поддерживать таковое сочувствіе общества, въ средѣ котораго воспитанники семинарій должны будутъ проходить свое учительское поприще. Поэтому на обученіе пѣнію обращено въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ должное вниманіе. Во многихъ изъ семинарій, какъ пособіе при обученіи пѣнію, введено и обученіе игрѣ на скрипкѣ. Вообще обученіе пѣнію идетъ въ учительскихъ семинаріяхъ на столько успѣшно, что почти во всѣхъ начальныхъ училищахъ, въ которыхъ учителями состоятъ воспитанники этихъ учебныхъ заведеній, образованы довольно стройныя хоры. Съ своей стороны, министерство народнаго просвѣщенія, въ видахъ поощренія воспитан-

никовъ семинарій въ болѣе успѣшному занятію пѣніемъ, сдѣлало, какъ сказано выше, въ сентябрѣ 1879 года распоряженіе, чтобы въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ объ окончаніи курса выставались отмѣтки объ успѣхахъ въ изученіи пѣнія.

Какъ средство въ смыслѣ педагогической гигиены, гимнастика составляетъ въ учительскихъ семинаріяхъ также обязательный предметъ. Правильное изученіе гимнастики въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было постоянно заботой учебнаго начальства, особенно въ тѣхъ видахъ, что семинаристамъ, какъ будущимъ учителямъ начальныхъ училищъ, придется прибѣгать къ гимнастическимъ упражненіямъ не только въ смыслѣ гигиеническомъ, но и въ педагогическомъ, употребляя ихъ во время классныхъ занятій, какъ средство для возбужденія вниманія учащихся.

Занятія ремеслами, садоводствомъ и огородничествомъ, имѣющія отчасти ту же цѣль, какъ и гимнастика въ смыслѣ гигиеническомъ, важны особенно потому, что, приучая воспитанниковъ къ труду, они знакомятъ ихъ съ такими предметами, знаніе которыхъ впослѣдствіи можетъ оказаться весьма полезнымъ не только для нихъ самихъ, но и для общества, въ средѣ котораго придется имъ жить. Поэтому, обученіе ремесламъ введено во всѣхъ семинаріяхъ, а занятія огородничествомъ и садоводствомъ въ большинствѣ семинарій, то-есть, тамъ, гдѣ мѣсто позволяло разводить садъ или огородъ. Если, по незначительности времени, назначеннаго для ремесленныхъ занятій и по невозможности прискаты для нѣкоторыхъ семинарій знающихъ мастеровъ, успѣхи семинаристовъ далеко не одинаковы, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ изъ семинарій воспитанники приобрѣли въ изучаемыхъ ими ремеслахъ столь значительный навыкъ и умѣнье, что приготавливаютъ вещи, отъ продажи которыхъ выручается нѣкоторая сумма, употребляемая на улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія. Въ другихъ семинаріяхъ воспитанники съ успѣхомъ занимаются огородничествомъ, при чемъ воздѣланныя воспитанниками Псковской семинаріи огородныя произведенія заслужили въ 1880 году своимъ качествомъ награду серебряною медалью на сельско-хозяйственной выставкѣ въ г. Псковѣ.

Перехода къ воспитательной части учительскихъ семинарій, должно замѣтить, что главною заботою педагогическихъ совѣтовъ этихъ заведеній было развитіе тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыя положены въ основаніе всего строя семинарской жизни. Поэтому воспитанникамъ семинарій не только разъяснялось высокое значеніе

религін и обязанности воспитанниковъ, какъ будущихъ народныхъ учителей, но и требовалось точное исполненіе всего того, что предписывается правилами вѣры и нравственности. Къ выполненію воспитанниками такихъ требованій много содѣйствовалъ установившійся строй жизни семинаристовъ, которая въ теченіе цѣлаго дня проходитъ подъ наблюденіемъ наставниковъ, присутствующихъ при общихъ обычныхъ молитвахъ воспитанниковъ и не оставляющихъ ихъ вообще во вѣкласное время. Затѣмъ, въ воскресные и праздничные дни, разъясненіе законоучителями читаемыхъ въ эти дни Евангелій, присутствіе всѣхъ воспитанниковъ въ церкви на всенощной и литургіи, причѣмъ они поютъ хоромъ на клиросахъ и замѣняютъ причетниковъ, прислуживая при священнодѣйствіяхъ, — все это благотворно дѣйствуетъ на воспитанниковъ и приучиваетъ ихъ къ сознательному исполненію христіанскихъ обязанностей. Но естественно, что полное достиженіе такихъ воспитательныхъ цѣлей возможно только тамъ, гдѣ существуютъ интернаты, и особенно, если при семинаріяхъ устроены церкви. Въ противномъ же случаѣ, при отсутствіи общежитій, непрерывный надзоръ за воспитанниками затрудняется невозможностью постоянного посѣщенія ихъ отдѣльныхъ квартиръ. Посему педагогическіе совѣты семинарій въ подобныхъ случаяхъ озабочиваются учрежденіемъ общихъ ученическихъ квартиръ, хотя не всегда заботы эти сопровождаются успѣхомъ, по недостатку удобныхъ для того помѣщеній. Съ другой стороны, въ видахъ облегченія болѣе правильнаго надзора за воспитанниками, живущими на квартирахъ, наставники семинарій раздѣляли учениковъ на группы, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ преподавателей, имѣя въ своемъ вѣдѣніи извѣстную группу, лучше могъ изучить обстановку домашней жизни воспитанниковъ и, въ случаѣ надобности, принимать зависящія отъ него мѣры къ урегулированію ея. Всѣ эти мѣры оказываютъ должное вліяніе на воспитанниковъ, какъ можно судить по среднимъ годовымъ отмѣткамъ за ихъ поведеніе. Отмѣтки эти въ среднемъ выводѣ колебались въ отчетное трехлѣтіе между 4,5 и 4,6. Къ характеристикѣ быта воспитанниковъ семинарій, живущихъ въ общежитіяхъ, должно присовокупить, что они довольствуются совершенно простою пищею и сами поддерживаютъ чистоту и опрятность въ своихъ помѣщеніяхъ.

Приготовительные классы, открываемые при учительскихъ семинаріяхъ, на основаніи закона 8-го ноября 1875 года, значительно облегчали дѣтямъ сельскаго сословія поступленіе въ семинаріи. Къ 1-му января 1879 года такіе классы существовали уже при 11 прави-

тельствственныхъ семинаріяхъ. Въ 1880 году число ихъ увеличилось открытіемъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23-го сентября 1880. года мѣвнія государственнаго совѣта, пригготовительнаго класса при второй Дерптской учительской семинаріи съ назначеніемъ на содержаніе его по 1.300 р. въ годъ. Такимъ образомъ, къ началу 1882 года пригготовительные классы существовали при 12 правительственныхъ семинаріяхъ, считая въ томъ числѣ и пригготовительный классъ при Симферопольской татарской учительской школѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняетъ и начальное училище для практическихъ упражненій воспитанниковъ этой школы. Во всѣхъ 12 пригготовительныхъ классахъ къ началу 1882 года было 265 учениковъ. Независимо отъ пригготовительныхъ классовъ, пригготовленіе кандидатовъ къ поступленію въ учительскія семинаріи, сообразно распоряженіямъ министерства, производилось по прежнему и при начальныхъ училищахъ, изъ которыхъ въ одномъ Варшавскомъ округѣ пригготовлялось въ теченіе отчетнаго трѣхлѣтія до 324 кандидатовъ, или, среднимъ числомъ, по 108 ежегодно; причемъ изъ суммъ министерства употреблено на стипендіи такихъ кандидатовъ до 16.300 руб. и, кромѣ того, 114 учителямъ, занимавшимся пригготовленіемъ сказанныхъ кандидатовъ, изъ тѣхъ же суммъ выдано 3.700 руб., считая по 20 руб. за каждаго изъ 185 подготовленныхъ кандидатовъ. Слѣдовательно, въ среднемъ выводѣ приходится, что по Варшавскому учебному округу ежегодно 38 учителямъ выдавалось около 1.233 руб. за пригготовленіе почти 62 кандидатовъ.

Начальныя училища, существующія при 49 правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, имѣютъ двоякое назначеніе. Будучи образовательными школами по своему устройству, они въ то же время служатъ и педагогическимъ цѣлямъ семинарій, доставляя возможность воспитанникамъ сихъ послѣднихъ на практикѣ изучать дѣло преподаванія. При двухъ изъ правительственныхъ учительскихъ семинарій находятся по 3 начальныхъ училища. При Казанской учительской семинаріи существуютъ три начальныхъ училища: чувашское, черемисское и мордовское. Съ августа 1881 года открыты 3 начальныя училища и при Иркутской учительской семинаріи, а именно: русское, для бурятъ Иркутской губерніи и для бурятъ Забайкальской области. Число учащихся во всѣхъ 49 начальныхъ училищахъ простирается до 2.000. Всѣ начальныя училища, существующія при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, имѣютъ одноклассный составъ, за исключеніемъ училищъ при 1-й Дерптской и Вите-

горской учительскихъ семинаріяхъ, изъ которыхъ при первой начальное училище имѣетъ 3 класса, а при второй—2 класса. Въ 1879 году разрѣшено также преобразовать начальное училище при Киржачской учительской семинаріи въ двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, а въ училищѣ при Алферовской учительской семинаріи—вести практическія занятія съ воспитанниками семинаріи по предметамъ, положеннымъ въ программѣ двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Число земскихъ учительскихъ школъ, съ преобразованиемъ въ концѣ 1879—1880 учебнаго года Вятской въ реальное училище, уменьшилось одною, такъ, что къ 1-му января 1882 года такихъ школъ въ 4-хъ учебныхъ округахъ было 9, а именно: въ С.-Петербургскомъ 3, изъ которыхъ 1 женская, въ Московскомъ 3, изъ которыхъ 2 женскихъ, въ Харьковскомъ 1 мужская и въ Казанскомъ 2 женскихъ. По числу классовъ и продолжительности курса школы эти, какъ замѣчено выше, не представляютъ единства. Впрочемъ, преобразование Александровской Рязанской учительской школы и введеніе новаго устава въ Тверской учительской школѣ Максимовича, вызванныя въ 1878 году неудовлетворительнымъ состояніемъ этихъ заведеній, приближали учебно-воспитательную организацію ихъ къ порядкамъ, существующимъ въ этомъ отношеніи въ правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ. Съ тѣхъ поръ въ обѣихъ школахъ, какъ учебная, такъ и воспитательная части ведутся правильно, на основаніяхъ, изложенныхъ въ инструкціи для учительскихъ семинарій. Къ 1-му января 1882 года учащихся въ 4 мужскихъ земскихъ учительскихъ школахъ было 267 и въ 5 женскихъ 453, а всего 720. Цифра эта по сравненію съ подобною же цифрою 1880 года представляется большею на 10%, а по сравненію съ такою же цифрою 1879 года меньшею на 15%. Уменьшеніе это объясняется послѣдовавшимъ, какъ замѣчено выше, въ 1880 году преобразованиемъ Вятской земской учительской школы въ реальное училище. Приготовительные классы открыты при трехъ земскихъ учительскихъ школахъ и имѣли къ началу 1882 года 102 учащихся, а начальныя училища, устроенныя при семи такихъ школахъ, имѣли къ началу 1882 года 347 учащихся.

Изъ числа правительственныхъ учительскихъ семинарій и школъ 40 помѣщаются въ собственныхъ домахъ, изъ которыхъ 10 или неудобны или требуютъ исправленій. Остальныя затѣмъ 11 семинарій помѣщаются въ наемныхъ домахъ съ ежегодною платою за наемъ ихъ по 20.600 р. Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія, кромѣ 21.445 р.

61 к., назначенных по смѣтамъ на 1879, 1880 и 1881 годы на строительныя и ремонтныя работы въ семинаріяхъ Коростышевской, Бѣльской, Холмской, Андреевской, Псковской, Череповской и Свиницкой, употреблено еще изъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ и отъ суммъ на содержаніе семинарій, а равно и изъ частныхъ пожертвованій на ремонтъ и разныя приспособленія семинарій: 1) въ 1879 году Волчанской, Благовѣщенской, двухъ Дерптскаго округа, Омской и Иркутской 8.930 р. 24 к.; 2) въ 1880 году Новинской, Поневѣжской, Волчанской, двухъ Дерптскаго округа и Омской 4.716 р. 68 к., и 3) въ 1881 году Киржачской, Поневѣжской, Свислочской, Волчанской, Благовѣщенской и Омской, а также Симферопольской и Оренбургской татарскихъ учительскихъ школъ, 6.228 р. 86 к., а всего въ теченіе отчетнаго трехлѣтія употреблено изъ сказанныхъ суммъ 19.875 р. 78 к., что среднимъ числомъ для каждаго года составляетъ по 6.625 р. 26 к.

Содержаніе учительскихъ семинарій и школъ въ теченіе отчетнаго трехлѣтія ежегодно обходилось среднимъ числомъ по 1.089.177 р. то-есть, на 44.238 р. или 4,23% болѣе сравнительно съ предшествовавшимъ 1878 годомъ.

Изъ общей суммы содержанія учительскихъ семинарій и школъ въ 1881 году приходилось на средства государственнаго казначейства почти 853.092 р. или около 76%, земства 156.974 р. или около 14%, городскихъ и сельскихъ обществъ 18.078 р. или около 2%, и на пожертвованія и другіе источники 95.071 р. или около 8%. Такимъ образомъ болѣе $\frac{3}{4}$ общей суммы содержанія учительскихъ семинарій и школъ составляютъ средства Государственнаго Казначейства; на остальные же, затѣмъ, источники приходится около $\frac{1}{4}$ этой суммы. Отношеніе это оставалось безъ измѣненія не только въ каждомъ изъ двухъ другихъ отчетныхъ годовъ, но и въ 1878 году. Средняя стоимость содержанія одной учительской семинаріи и школы составляла въ 1881 году 18.116 р., то-есть, на 43 р. менѣе, чѣмъ въ 1879 году и на 1.690 р. болѣе, чѣмъ въ 1880 г. Обученіе же одного воспитанника учительской семинаріи или школы въ 1881 г. обошлось 249 р., то-есть, на 1 р. дешевле, чѣмъ въ 1879 г. и на 22 р. дороже, чѣмъ въ 1880 году.

Изъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу учительскихъ семинарій, значительнѣе другихъ были слѣдующія: Пензенскимъ губернскимъ земствомъ назначено 27.000 р. на постройку зданія учительской семинаріи въ г. Пензѣ и пожертвовано въ пользу этой семинаріи исто-

рических рисунков на 205 р.; Ярославским губернским земством пожертвовано въ 1879 году 626 р. на расширеніе зданій Новинской учительской семинаріи; Московскою купеческою управою ежегодно вносилось по 1,000 рублей на содержаніе 10 стипендіатовъ при той же семинаріи; почетный попечитель Биржачской учительской семинаріи почетный гражданинъ Соловьевъ въ теченіе трехъ отчетныхъ лѣтъ пожертвовалъ до 3.256 р. на разныя нужды этой семинаріи, а сельскими обществами Минской губерніи въ теченіе того же времени и на тотъ же предметъ пожертвовано до 2.300 р. для Несвижской учительской семинаріи. Къ такимъ же пожертвованіямъ должны быть отнесены и болѣе или менѣе значительные ежегодные взносы въ пользу учительскихъ семинарій отъ почетныхъ попечителей, должности которыхъ, установленныя въ 1872 году, учреждены при 14 учительскихъ семинаріяхъ.

Въ заключеніе обзора состоянія учительскихъ семинарій должно сказать, что характеръ просвѣтительной дѣятельности этихъ учебныхъ заведеній въ отчетное трехлѣтіе, какъ и прежде, не ограничивался только приготовленіемъ учителей, но и распространялся на другихъ сельскихъ учителей. Средствомъ къ тому служили кратковременныя педагогическіе курсы, учреждавшіеся въ разныхъ мѣстностяхъ въ теченіе отчетнаго трехлѣтія. Изъ 40 такихъ кратковременныхъ курсовъ, бывшихъ въ это трехлѣтіе, 26 происходили при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. На эти 26 педагогическіе курсы привлекаемо было до 880 начальныхъ учителей, которые, подъ непосредственнымъ руководствомъ директоровъ и преподавателей семинарій, могли ознакомиться съ лучшими приѣмами начального обученія. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ начальные учителя—нерусскаго происхожденія, на подобныхъ курсахъ учителя укрѣплялись и въ знаніи русскаго языка. Такое значеніе имѣютъ педагогическіе курсы, устраиваемые при учительскихъ семинаріяхъ Варшавскаго учебнаго округа, татарскихъ учительскихъ школахъ и инородческой школѣ въ г. Уфѣ. Кромѣ 26 вышесказанныхъ кратковременныхъ педагогическихъ курсовъ, подобные же курсы происходили въ теченіе отчетнаго трехлѣтія въ 14 другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи при другихъ учебныхъ заведеніяхъ, подъ руководствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ или лицъ, извѣстныхъ своею педагогическою дѣятельностью. Число начальныхъ учителей и учительницъ, бывшихъ на этихъ курсахъ, простиралось до 420.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Уѣздныя и городскія училища.

Уѣздныя училища, преобразование которыхъ въ городскія училища по положенію 31-го мая 1872 года началось съ 1874 года, постепенно уменьшаются въ числѣ. Такимъ образомъ, въ пятилѣтній періодъ преобразованія уѣздныхъ училищъ, съ 1874 г. по 1879 г., число ихъ уменьшилось на 118, и къ началу отчетнаго трехлѣтія изъ уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ къ началу 1874 года въ числѣ 421, оставалось 303. Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія преобразовано еще 79 уѣздныхъ училищъ. Затѣмъ, къ началу 1882 года ихъ оставалось 229, то-есть, на пять болѣе того числа, которое должно соответствовать числу преобразованныхъ училищъ, вслѣдствіе того, что по Дерптскому учебному округу число уѣздныхъ училищъ показано въ 1880 году на 2 болѣе сравнительно съ 1879 годомъ, а въ 1881 г. на 3 болѣе сравнительно съ 1880 г. Въ отдѣльности же на каждый отчетный годъ приходилось слѣдующее число преобразованныхъ уѣздныхъ училищъ: на 1879 годъ 38, на 1880 годъ 20, на 1881 годъ 21. Слѣдовательно, среднимъ числомъ на каждый отчетный годъ приходилось болѣе 26 уѣздныхъ училищъ, преобразованныхъ въ городскія. Къ числу причинъ, замедляющихъ преобразование уѣздныхъ училищъ въ городскія, должно отнести несостоятельность нѣкоторыхъ городскихъ обществъ, вслѣдствіе которой они затрудняются въ устройствѣ для городскихъ училищъ соответственныхъ помѣщеній. Эта несостоятельность, въ соединеніи съ кратковременностью срока обученія въ уѣздныхъ училищахъ сравнительно съ городскими, при сохраненіи первыми одинаковыхъ правъ по отбыванію воинской повинности, даютъ нѣкоторымъ городскимъ обществамъ поводъ не спѣшить съ заявленіемъ желанія о преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія. Но какъ бы то ни было, переходное положеніе уѣздныхъ училищъ не могло содѣйствовать преуспѣванію этихъ учебныхъ заведеній. Особенно это замѣтно въ затрудненіяхъ, которыя встрѣчались при пополненіи учительскаго персонала, въ случаѣ открытія вакансій, такъ какъ, при ограниченномъ жалованьи, не превышающемъ 300 руб., временныя должности учителей уѣздныхъ училищъ не привлекаютъ вполне подготовленныхъ кандидатовъ для занятія сихъ должностей. Правда, тѣ изъ учителей уѣздныхъ училищъ, которые были командированы на дополнительные курсы при учитель-

скихъ институтахъ и успѣшно прошли эти курсы, по возвращеніи къ мѣстамъ своего служенія, съ большею пользою вели дѣло преподаванія, но съ другой стороны, самое отсутствіе ихъ во время командировки лишало уѣздныя училища способнѣйшихъ учителей. Этимъ отчасти и объясняется, почему въ теченіе отчетнаго трехлѣтія такіе дополнительные курсы существовали только при четырехъ учительскихъ институтахъ.

Съ постепеннымъ уменьшеніемъ числа уѣздныхъ училищъ постепенно уменьшалось и число учащихся въ нихъ. Такъ, къ началу 1879 года было 23.874 учениковъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, а къ началу 1882 года — только 17.320. Слѣдовательно, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія число учащихся уменьшилось на 6.554 или болѣе чѣмъ на 27%. Это уменьшеніе въ продолженіе всего отчетнаго трехлѣтія распредѣлялось отдѣльно по годамъ такимъ образомъ: на 1879 г. приходилось 2.650 или около 40%, на 1880 годъ — 2.390 или около 37%, на 1881 годъ — 1.514 или около 23%. Среднимъ же числомъ въ каждомъ изъ отчетныхъ лѣтъ уменьшалось болѣе чѣмъ на 2.184 человека.

Не смотря, однако, на невгоды переходнаго положенія и, вслѣдствіе того, на ежегодно уменьшающееся число учениковъ, уѣздныя училища все-таки продолжали приносить извѣстную пользу, доставляя возможность пріобрѣтать обучающимся въ нихъ общія свѣдѣнія, соотвѣтственно учебнымъ программамъ, изданнымъ для этихъ учебныхъ заведеній въ 1865 году. Въ отчетномъ трехлѣтіи изъ нихъ вышло до 10.272 учениковъ по окончаніи курса, что среднимъ числомъ для каждого изъ трехъ лѣтъ составляетъ по 3.424 ученика. Молодые люди, окончившіе успѣшно курсъ уѣздныхъ училищъ, поступаютъ преимущественно на службу на телеграфныя станціи и желѣзныя дороги, въ сельскія волостныя учрежденія и разныя низшія присутственныя мѣста. Немалое число ихъ, по выдержаніи дополнительнаго испытанія, занимаетъ мѣста учителей сельскихъ начальныхъ училищъ. Что касается успѣховъ и поведенія учащихся въ уѣздныхъ училищахъ, то въ этомъ отношеніи отзывы попечителей учебныхъ округовъ удовлетворительны.

При четырехъ уѣздныхъ училищахъ Московскаго (2) и Казанскаго (2) учебныхъ округовъ существуютъ дополнительные курсы для преподаванія бухгалтеріи, содержимые на средства мѣстныхъ обществъ, а при Семипалатинскомъ трехклассномъ уѣздномъ училищѣ въ Западной Сибири до преобразованія его, на основаніи Высочай-

шаго повелѣнія 27-го января 1881 года объ устройствѣ училищной части въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, въ городское пятиклассное училище, существовали дополнительные курсы татарскаго языка. При другихъ уѣздныхъ училищахъ устраивались ремесленные классы. Такихъ классовъ было: въ 1879 году 6, въ 1880 году—8, въ 1881 году—7.

Городскія училища, учреждаемыя на основаніи положенія 31-го мая 1872 года, съ цѣлю доставить дѣтямъ всѣхъ сословій начальное умственное и религіозно-нравственное образованіе, принадлежатъ по типу своему къ новымъ учебнымъ заведеніямъ, для правильнаго развитія которыхъ потребовались новыя преподавательскія силы. Этими силами снабжаютъ ихъ учительскіе институты, приготовляя для нихъ учителей. При такихъ условіяхъ самое развитіе городскихъ училищъ совершается постепенно, то-есть, по мѣрѣ приготовления для нихъ учителей, не смотря на то, что о потребности въ учебныхъ заведеніяхъ подобнаго рода можно заключить уже изъ того, что вслѣдъ за обнародованіемъ вышесказаннаго положенія 31-го мая 1872 года, независимо отъ общей системы преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія, были устроены, по образцу городскихъ училищъ, училища въ Варшавѣ въ 1872 году, въ Ревелѣ и Бердянскѣ въ 1873 году. Съ тѣхъ поръ число ихъ къ началу отчетнаго трехлѣтія увеличилось до 139. Затѣмъ, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія оно возросло до 262, увеличившись на 123 или на 88%, такъ, что среднимъ числомъ ежегодное приращеніе составляетъ по 41 училищу. Изъ учебныхъ округовъ наибольшее приращеніе городскихъ училищъ въ отчетномъ трехлѣтіи относится къ Казанскому (24), въ которомъ оно составляетъ почти $\frac{1}{6}$ общаго приращенія для всѣхъ учебныхъ округовъ, а наименьшее—къ Виленскому (3), въ которомъ оно не превосходитъ $\frac{1}{41}$ общаго приращенія. Только въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ городскія училища имѣютъ русскій преподавательскій языкъ, число ихъ уменьшилось на 1, вслѣдствіе того, что городское училище въ м. Гривѣ, содержимое курляндскимъ дворянствомъ, отнесено съ 1880 года къ числу уѣздныхъ училищъ. Между учрежденными въ отчетное трехлѣтіе городскими училищами было до 31 открыто на самыхъ отдаленныхъ нашихъ окраинахъ, какъ, напримѣръ, въ Туркестанскомъ краѣ (18), въ возсоединенной части Бессарабіи (6) и въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской (7). По количеству классовъ изъ 262 училищъ, существовавшихъ къ началу 1882 года, болѣе 44% трехклассныхъ, свыше 41% двух-

классныхъ, слишкомъ 12% четырехклассныхъ, 1% одноклассныхъ и менѣе чѣмъ по $\frac{1}{2}$ % пятиклассныхъ и шестиклассныхъ. Какъ, впрочемъ, ни значительно было приращеніе городскихъ училищъ въ отчетное трехлѣтіе, но оно, безъ сомнѣнія, было бы еще больше, еслибы тому не препятствовали, кромѣ причинъ, о которыхъ сказано выше, и недостатокъ въ подготовленныхъ учителяхъ и ихъ помощникахъ. Этотъ недостатокъ вызвалъ даже распоряженіе, которымъ въ видѣ временной мѣры дозволено занимать мѣста помощниковъ учителей городскихъ училищъ лучшимъ изъ сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ. Независимо отъ сего, въ городскихъ училищахъ Туркестанскаго края разрѣшено на должности учителей и ихъ помощниковъ опредѣлять лицъ, имѣющихъ свидѣтельства на званіе учителя уѣзднаго училища, впредь до приготовленія для сего края достаточнаго числа учителей, которые удовлетворяли бы условіямъ образованія, указаннымъ въ статьѣ 20 Высочайше утвержденнаго положенія о городскихъ училищахъ. Послѣдняя мѣра въ законодательномъ порядкѣ послѣдовала уже въ началѣ 1882 года.

Еще въ большей пропорціи возросло число учащихся, не смотря на то, что многимъ изъ желающихъ поступить въ городскія училища приходилось отказывать по недостатку мѣстъ. Къ 1-му января 1879 года учащихся въ городскихъ училищахъ было 13.882, тогда какъ къ началу 1882 года ихъ считалось уже до 28.105, то-есть, увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, при среднемъ ежегодномъ приращеніи въ 4.741, или болѣе чѣмъ вдвое средняго числа (2.184), выражающаго ежегодное уменьшеніе учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ за то же время. Соотвѣтственно большому приращенію учащихся, по сравненію съ увеличеніемъ числа училищъ, измѣнилась и цифра, выражающая число учениковъ, приходившееся на одно училище. Такъ, къ началу 1879 года цифра эта составляла менѣе 97, къ началу 1882 года она была уже нѣсколько болѣе 107. Что касается числа окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ, то оно также съ каждымъ годомъ возрастаетъ значительно. Въ отчетномъ трехлѣтіи изъ 2.634 учениковъ, окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ, приходилось свыше 21% на 1879 годъ, около 35% на 1880 годъ и свыше 44% на 1881 годъ. Среднимъ же числомъ на каждый изъ этихъ лѣтъ приходилось до 878 окончившихъ курсъ, при среднемъ ежегодномъ увеличеніи ихъ болѣе чѣмъ на 292. Изъ сопоставленія числа окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ съ общимъ числомъ учениковъ, а также

съ выбывшими до окончанія курса, видно, что среднее число оканчивающихъ курсъ въ городскихъ училищахъ для каждаго года отчетнаго періода составляло около 4%, по отношенію въ среднему числу учениковъ, тогда какъ число выбывающихъ до окончанія курса, также по среднему выводу, доходило ежегодно до 17%, слишкомъ, то-есть, число послѣднихъ превосходило число первыхъ слишкомъ въ 4 раза. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что большинство учащихся по окончаніи курса въ низшихъ классахъ переходить въ другія учебныя заведенія.

Къ мѣрамъ, направленнымъ къ большому обезпеченію содержанія городскихъ училищъ, должно отнести законъ 9-го декабря 1880 года объ обращеніи въ ихъ спеціальныя средства денегъ, выручаемыхъ отъ продажи вещей, которыя выдѣлываются въ ремесленныхъ классахъ сихъ училищъ. Вообще, при болѣе или менѣе обезпеченномъ содержаніи, городскія училища имѣютъ болѣею частью удовлетворительныя помѣщенія и снабжены въ достаточномъ количествѣ классными принадлежностями и пособиями, дающими возможность вести съ успѣхомъ преподаваніе. Въ основу обученія въ городскихъ училищахъ принято концентрическое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, такъ что каждый курсъ знаній представляетъ собою какъ бы нѣчто законченное, а каждый послѣдующій курсъ—расширеніе и развитіе предшествующаго. Благодаря такому способу обученія, ученики, выходящіе изъ низшихъ классовъ городскихъ училищъ, выносятъ, въ извѣстной степени, законченное элементарное образованіе. Съ другой стороны, такое обученіе, какъ наиболѣе соотвѣтственное возрасту учениковъ, содѣйствуетъ и развитію ихъ не въ одномъ только образовательномъ отношеніи. Подтвержденіемъ тому служатъ, между прочимъ, вполне одобрительные отзывы попечителей учебныхъ округовъ объ успѣхахъ учениковъ городскихъ училищъ.

Начальныя училища.

Первый годъ отчетнаго трехлѣтія начался окончательнымъ приведеніемъ въ исполненіе закона 27-го апрѣля 1876 года, которымъ опредѣлено въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, увеличить число инспекторовъ народныхъ училищъ прибавленіемъ еще 74. Такое увеличеніе института инспекторовъ народныхъ училищъ происходило постепенно въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1879 года, когда назначенная на сей предметъ сумма въ количествѣ 148.000 р. сполна внесена

была въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія. Съ окончательнымъ осуществленіемъ вышесказаннаго закона 1876 года, число инспекторовъ въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями, а равно и въ Оренбургской губерніи, на которую также распространены законы 29-го мая 1869 года и 25-го 1874 года относительно народнаго образованія въ упомянутыхъ губерніяхъ, съ 1-го января 1879 года простиралось до 165; въ томъ числѣ съ содержаніемъ отъ казны 144 и отъ земства 21. Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія вновь учреждены еще три должности инспекторовъ, изъ которыхъ одна въ 1880 году, для Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи, на счетъ земства, а двѣ другія въ 1881 году, именно для воссоединенной части Бессарабіи— на счетъ казны и для Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи,— на счетъ земства. Въ томъ же 1881 году, по ходатайству земства, одна должность инспектора—съ содержаніемъ отъ земства для Слободскаго уѣзда, Вятской губерніи, упразднена.

Затѣмъ къ 1-го января 1882 года инспекторовъ народныхъ училищъ въ сказанныхъ губерніяхъ состояло 167, въ томъ числѣ съ содержаніемъ отъ казны 145 и отъ земства 22. Принимая во вниманіе, что въ этихъ губерніяхъ въ 1881 году считалось до 15.000 начальныхъ училищъ, на каждаго инспектора среднимъ числомъ приходилось въ этомъ году завѣдываніе отъ 91 до 92 начальныхъ училищъ, то-есть, отъ 14 до 15 менѣе, чѣмъ въ 1878 году.

Число начальныхъ училищъ, находившихся къ 1-му января 1882 г. въ завѣдываніи одного инспектора, собственно должно быть, при вышесказанномъ числѣ этихъ училищъ, нѣсколько менѣе, именно отъ 1 до 2, еслибы та же необходимость, вслѣдствіе которой въ 1878 году учреждена во Внутренней или Букеевской Киргизской орды должность особаго инспектора народныхъ училищъ изъ числа инспекторовъ, назначенныхъ къ опредѣленію въ 1879 году по закону 27-го апрѣля 1876 года для губерній внутреннихъ, не вызвала въ 1879 году учрежденія, съ Высочайшаго разрѣшенія, подобной же должности для 300-тысячнаго киргизскаго населенія Тургайской области изъ числа тѣхъ же инспекторовъ.

Съ назначеніемъ мѣстнаго инспектора, въ Тургайской области немедленно приступлено было къ устройству училищъ съ интернатами въ четырехъ уѣздахъ этой области, а вмѣстѣ съ тѣмъ дано и новое средство къ выполненію Высочайшей воли относительно употребленія русской азбуки въ транскрипціи киргизскаго языка изданіемъ по этой транскрипціи учебника русскаго языка и перваго

тома христоматіи, составленныхъ вновь назначеннымъ въ Тургайскую область инспекторомъ народныхъ училищъ Алтынсаринимъ. Вообще заботы правительства объ образованіи киргизскаго населенія не остаются безрезультатными: дѣло обученія въ училищахъ идетъ успѣшно, и киргизы относятся къ русскому образованію съ такимъ довѣріемъ и вниманіемъ, что въ школахъ Букеевской орды приходится отказывать ежегодно въ приѣмѣ отъ 50 до 100 сверхъ штата ученикамъ, за неимѣніемъ средствъ содержанія и достаточнаго помѣщенія. Въ виду такихъ фактовъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что, съ устройствомъ учительской школы для киргизъ, дѣло образованія этихъ инородцевъ быстро двинется впередъ и притомъ на прочныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ, съ одной стороны, въ видахъ увеличенія содержанія училищъ Тургайской области, въ 1880 году Высочайше разрѣшено, начиная съ 1881 года, отпускать на эти училища, въ добавокъ къ отпускавшейся до того времени суммѣ, по 4.535 р. въ годъ, а съ другой, для привлеченія киргизскихъ обществъ къ содѣйствію по устройству народнаго образованія, учреждены должности почетныхъ блюстителей, по одному при каждомъ училищѣ.

Если правильная постановка учебнаго дѣла въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ и вообще тамъ, гдѣ еще не введены земскія учрежденія, потребовала постепеннаго распространенія и на эти мѣстности инспекторскаго института, то очевидно, что дѣйствія этого института должны быть всецѣло направлены къ осуществленію той цѣли, для которой послѣдовало и самое учрежденіе его. Для облегченія этой трудной задачи инспекціи, министерство народнаго просвѣщенія, руководствуясь какъ общею системою, принятою для инспекторскаго надзора въ имперіи, такъ и тѣми особенностями, которыя присущи той или другой мѣстности, гдѣ предстоитъ дѣйствовать инспекціи, считало своимъ долгомъ выяснить въ подробности задачи инспекціи по отношенію къ завѣдуемымъ ею учебнымъ заведеніямъ. Въ такомъ смыслѣ даны были министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1879 году инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, училищнымъ совѣтамъ дирекцій народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, директору и инспектору народныхъ училищъ Архангельской губерніи. Независимо отъ сего, министерство народнаго просвѣщенія, признавая вообще полезнымъ, чтобъ инспектора народныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ директора сихъ училищъ подлежащей губерніи, собирались, по мѣрѣ надобности, преимущественно въ лѣтнее время, для общихъ совѣщаній о мѣрахъ,

клонящихся къ улучшенію народнаго образованія въ губерніи, сдѣлаю въ этомъ смыслѣ въ томъ же 1879 году распоряженіе посредствомъ особаго циркуляра.

Не смотря, однако, на увеличеніе числа инспекторовъ и мѣры принимаемыя министерствомъ, чтобы дать надлежащее направленіе ихъ дѣятельности, возрастающее число начальныхъ училищъ далеко превышаетъ ту численную норму, которая должна соответствовать числу инспекторовъ. Значительное приращеніе начальныхъ училищъ въ теченіе отчетнаго трехлѣтія послѣдовало и отъ передачи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія начальныхъ училищъ изъ другихъ вѣдомствъ. Такъ переданы: 1) изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ: а) въ 1879 году, кромѣ четырехъ окружныхъ училищъ и двухъ заводскихъ школъ, находящихся въ Терской области—на Кавказѣ, 44 заводскія школы, существующія въ губерніяхъ: Пермской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Олонецкой и Екатеринославской, и б) въ 1881 году 14 центральныхъ училищъ и 509 школъ въ бывшихъ болгарскихъ и нѣмецкихъ колоніяхъ, а также 13 школъ въ колоніяхъ евреевъ-земледѣльцевъ въ Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Самарской и Саратовской губерніяхъ и 2) въ томъ-же 1881 году изъ вѣдомства министерства финансовъ, кромѣ 2 высшихъ, 3 среднихъ и 3 съ правами уѣздныхъ училищъ, переданы еще: а) 13 начальныхъ школъ, существующихъ при заводахъ и фабрикахъ, б) 13 школъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, и в) кромѣ двухъ шкиперскихъ курсовъ—въ Архангельской губерніи и трехъ мореходныхъ классовъ, находящихся на Кавказѣ, 35 мореходныхъ классовъ, существующихъ въ губерніяхъ: Архангельской, С.-Петербургской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ярославской, Астраханской, Олонецкой, Тобольской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской и Бессарабской и въ областяхъ Донской и Уральской.

Независимо отъ сего, преобразовательныя мѣры, предпринимаемыя къ лучшему устройству начальныхъ народныхъ училищъ, потребовали учрежденія такихъ училищъ на новыхъ началахъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Такимъ образомъ, закономъ 27-го января 1881 года объ устройствѣ училищной части въ Акимовинской и Семипалатинской областяхъ Западной Сибири, постановлено учредить съ 1-го іюля 1881 года въ каждой изъ этихъ двухъ областей по одному начальному училищу съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія опредѣлить, по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-гу-

бернаторомъ, какъ учебный курсъ, такъ и внутреннее устройство этихъ заведеній, и съ назначеніемъ 1,900 руб. штатнаго содержанія для обонхъ училищъ, то-есть, по 950 руб. для каждаго. Наконецъ, какъ на попытку облегчить распространеніе въ народной массѣ начальнаго образованія, нельзя не указать на открытіе въ томъ же 1881 году въ четырехъ казачьихъ поселкахъ Омскаго уѣзда, Акимолинской области, подвижныхъ школъ на средства Сибирскаго казачьяго войска.

Общее число начальныхъ училищъ въ имперіи къ 1-му января 1882 года простиралось до 22,781¹⁾. Число это представляетъ увеличеніе по сравненію съ 1880 годомъ на 4,5%, а по сравненію съ 1879 годомъ на 9,1%. Такое увеличеніе начальныхъ училищъ въ 1881 году сравнительно съ двумя предшествовавшими годами обусловливается не только учрежденіемъ новыхъ училищъ, но и вышесказанною передачею въ этомъ году изъ вѣдомства министерствъ государственныхъ имуществъ и финансовъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія до 600 школъ. Число это составляетъ болѣе $\frac{1}{2}$ или около 60% приращенія училищъ въ 1881 году по отношенію къ 1880 году и нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$ или около 31% по отношенію къ 1879 году.

Изъ общаго числа училищъ, существовавшихъ къ 1-му января 1882 года, приходилось: 7,5% на С.-Петербургскій учебный округъ, 22,2% на Московскій, 11,7% на Харьковскій, 13,0% на Казанскій, 8,1% на Виленскій, 7,1% на Кіевскій, 6,1% на Одесскій, 5,0% на Оренбургскій, 2,1% на Дерптскій, 12,5% на Варшавскій, 2,9% на Западную Сибирь, 0,9% на Восточную Сибирь, 0,1% на Туркестанскій край. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ 1881 году наибольшій % начальныхъ училищъ былъ въ Московскомъ учебномъ округѣ (22,2%), а наименьшій въ Туркестанскомъ краѣ (0,1%). Въ прочихъ учебныхъ округахъ и управленіяхъ процентъ этотъ измѣнялся по отношенію къ общему числу начальныхъ училищъ въ имперіи отъ 13% (въ Казанскомъ учебномъ округѣ) до 0,9% (въ Восточной Сибири). Подобныя процентныя отношенія числа училищъ въ каждомъ изъ учебныхъ округовъ и управленій къ общему числу этихъ училищъ

¹⁾ За исключеніемъ приготовительныхъ классовъ и начальныхъ училищъ, находящихся при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, еврейскихъ училищъ различныхъ наименованій и частныхъ училищъ III-го разряда. Сюда не входятъ также начальныя народныя училища Кавказскаго края и Финляндіи, а равно подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ сельскія лютеранскія училища, въ числѣ 1,969 съ 124,988 учащимися, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

въ имперіи были и въ двухъ предшествовавшихъ годахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ 1879 и 1880 годахъ, то-есть, до перехода училищъ, находящихся въ бывшихъ нѣмецкихъ колоніяхъ Самарской и Саратовской губерній изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, по числу училищъ, Казанскій округъ занималъ не второе, а четвертое мѣсто, стоя въ этомъ отношеніи послѣ Варшавскаго и Харьковскаго учебныхъ округовъ. Что же касается Одесскаго учебнаго округа, то хотя въ немъ, вслѣдствіе сказаннаго перехода училищъ въ бывшихъ колоніяхъ болгарскихъ, нѣмецкихъ и евреевъ-земледѣльцевъ изъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, а также мореходныхъ школъ изъ министерства финансовъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, число училищъ замѣтно увеличилось, во оно не было однако настолько значительно, чтобъ этотъ округъ, по числу училищъ, въ 1881 году занялъ мѣсто, относительно общаго числа училищъ во всей имперіи, выше того, которое онъ занималъ въ этомъ отношеніи среди другихъ учебныхъ округовъ въ 1879 году.

Принимая, что сухопутная территорія Европейской и Азіатской Россіи, за исключеніемъ Кавказа и Финляндіи, простирается до 276,000 кв. м. съ 92-хъ-милліоннымъ населеніемъ, число начальныхъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, существовавшихъ въ имперіи къ 1-му января 1882 года, было настолько несоотвѣтственнымъ пространству и населенію, что 1 начальное училище приходилось только на 12,03 кв. м. и на 4.010 жителей. Впрочемъ, по сравненію съ двумя предшествовавшими годами отношеніе это представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ въ 1880 году одно начальное училище приходилось на 12,57 кв. м. и на 4.191 жителей, а въ 1879 году на 13,13 кв. м. и на 4.377 жителей, то-есть, по сравненію съ 1881 годомъ, въ 1880 году одна школа приходилась болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$ кв. м. и на 191 жителей, а въ 1879 году болѣе, чѣмъ на $\frac{2}{5}$ кв. м. и на 367 жителей.

Въ отдѣльности по учебнымъ округамъ и управленіямъ въ 1881 году одна школа приходилась: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ на 15,09 кв. м. и на 3.115 жителей, въ Московскомъ на 1,86 кв. м. и на 3.097 жителей, въ Харьковскомъ на 2,90 кв. м. и на 4.400 жителей, въ Казанскомъ на 4,43 кв. м. и на 3.262 жителей, въ Виленскомъ на 2,97 кв. м. и на 4.025 жителей, въ Кіевскомъ на 2,88 кв. м. и на 6.751 жителей, въ Одесскомъ на 3,14 кв. м. и на 3.986 жителей, въ Оренбургскомъ на 24,10 кв. м. и на 5.288 жителей, въ

Дерптскомъ на 3,20 кв. м. и на 4.621 жителей, въ Варшавскомъ на 0,79 кв. м. и на 2.507 жителей, въ Западной Сибири на 75,22 кв. м. и на 4.084 жителей, въ Восточной Сибири на 850,03 кв. м. и на 7.616 жителей, въ Туркестанскомъ краѣ на 426,82 кв. м. и на 70,612 жителей. Такимъ образомъ, самыя невыгодныя отношенія по числу школъ къ пространству, не говоря уже о Сибири и Туркестанскомъ краѣ, представляются въ Оренбургскомъ и С.-Петербургскомъ учебныхъ округахъ, изъ коихъ въ составъ послѣдняго входитъ самая большая по пространству въ Европейской Россіи Архангельская губернія, которой одной территорія обширнѣе территоріи вмѣстѣ взятыхъ такихъ четырехъ учебныхъ округовъ, какъ Кіевскій, Одесскій, Дерптскій и Варшавскій, а между тѣмъ сѣверныя части ея или мало населены, или вовсе необитаемы, въ составъ же Оренбургскаго учебнаго округа находится Тургайская область и внутренняя Киргизская Орда, занимающія значительное пространство (свыше 10.500 кв. м.) съ кочевымъ населеніемъ. Самое большее число школъ по отношенію къ пространству представляетъ Варшавскій учебный округъ, въ которомъ одна школа приходится менѣе, чѣмъ на одну квадратную милю. Во всѣхъ остальныхъ округахъ одна школа приходится на пространство отъ 1,86 кв. мил. (въ Московскомъ учебномъ округѣ) до 4,43 кв. м. (въ Казанскомъ учебномъ округѣ).

Число школъ по отношенію къ населенію особенно недостаточнымъ представляется въ Восточной Сибири и Туркестанскомъ краѣ сколько по разбросанности на огромномъ пространствѣ жителей, столько же отъ разноплеменнаго состава ихъ. Въ Туркестанскомъ краѣ къ этимъ невыгодамъ присоединяется еще новостъ введенія въ немъ вообще правильной учебной организаціи. Что касается Европейской Россіи, то самое невыгодное отношеніе числа школъ къ населенію представляютъ учебные округа: Кіевскій, Дерптскій и Оренбургскій. Если такое явленіе въ Оренбургскомъ округѣ дѣлается понятнымъ вслѣдствіе тѣхъ причинъ, которыя показаны выше, то кажущійся недостатокъ школъ въ Кіевскомъ и Дерптскомъ учебныхъ округахъ объясняется тѣмъ, что въ числѣ школъ перваго изъ этихъ округовъ не показаны церковно-приходскія школы Югозападнаго края, а въ число школъ послѣдняго округа не вошли школы, находящіяся въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Сравнительно болѣе выгоднымъ представляется число школъ по отношенію къ населенію въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, въ которомъ одна школа приходится на 2.557 населенія, а въ прочихъ учебныхъ округахъ одна школа

приходится на населеніе отъ 3.097 (въ Московскомъ учебномъ округѣ) до 4.400 (въ Харьковскомъ учебномъ округѣ).

Въ 1879 и 1880 годахъ число школъ по отношенію къ пространству и населенію, будучи, какъ замѣчено выше, вообще меньшимъ, распредѣлялось по учебнымъ округамъ и управленіямъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ 1881 году.

Еъ началу 1882 г. изъ общаго числа 1.207.435 учащихся въ начальныхъ училищахъ имперіи, которое было болѣе числа учащихся въ 1880 г. на 88.355 или почти на 7⁰/₀, а въ 1879 г. на 130.466 или на 10⁰/₀, приходилось на каждую изъ 22.781 школы по 53 учащихся, то-есть, однимъ учащимся болѣе, чѣмъ въ 1880 г. и двумя учащимися болѣе, чѣмъ въ 1879 г. Такое ежегодное увеличеніе числа учащихся, приходившихся на одну школу, показываетъ, что оно возросло въ отчетное трехлѣтіе въ большей пропорціи, нежели число школъ.

По общему числу учащихся первое мѣсто принадлежитъ Московскому учебному округу, а по числу учащихся, приходившемуся на одну школу, учебнымъ округамъ Казанскому и Харьковскому. Самое же меньшее число въ томъ и другомъ отношеніяхъ представляютъ Туркестанскій край, Западная и Восточная Сибирь.

Въ виду тѣхъ же причинъ, которыя вліяли на 1881 году на распределеніе, какъ вообще числа учащихся въ начальныхъ училищахъ имперіи по учебнымъ округамъ и управленіямъ, такъ и въ частности числа учащихся въ каждомъ изъ учебныхъ округовъ и управленій по школамъ, подобныя же данныя въ томъ и другомъ отношеніяхъ представляются и въ 1879 и въ 1880 годахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ эти годы по числу учащихся второе мѣсто принадлежало не Казанскому, а Варшавскому, въ которомъ въ то же время было и наибольшее число учениковъ, приходившееся на одну школу.

Уже изъ вышеприведенныхъ данныхъ можно отчасти заключить, что число учащихся въ начальныхъ училищахъ не соотвѣтствуетъ ни пространству территоріи, ни численности народонаселенія. Но особенно это представляется очевиднымъ изъ того, что въ 1881 году приходился 1 учащійся только на 0,22 кв. м. и на 75 человѣкъ населенія, а общее число учащихся въ начальныхъ училищахъ по отношенію къ общему числу населенія выражалось 1,32⁰/₀; въ 1880 г. 1 учащійся приходился на 0,24 кв. м. и на 81 человѣка общаго населенія, при чемъ общее число учащихся составляло 1,23⁰/₀ населенія; въ 1879 году 1 учащійся приходился на 0,25 кв. м. и 84 чело-

вѣка населенія, а число учащихся вообще по отношенію къ населенію доходило только до 1,18⁰/. Не смотря, однако, на такое недостаточное число учащихся въ начальныхъ училищахъ, утѣшительнымъ фактомъ въ приведенныхъ числовыхъ данныхъ является то, что съ каждымъ годомъ число учениковъ возрастаетъ. Такъ въ 1881 г. оно представляется болѣе значительнымъ: 1) относительно пространства территоріи сравнительно съ 1880 г. на 0,02, а съ 1879 г. на 0,03 и 2) по числу учащихся относительно народонаселенія на 9⁰/о сравнительно съ 1880 г. и на 14⁰/о сравнительно съ 1879 г.

Чтобы видѣть, какъ выражались въ послѣднемъ отчетномъ году въ отдѣльности по учебнымъ округамъ и управленіямъ эти болѣе или менѣе благоприятные результаты увеличенія числа учащихся, приводится нижеслѣдующая таблица съ данными, относящимися къ 1881 году:

Въ учебныхъ округахъ:	Пространство въ кв. милъ на 1 учащагося.	Число жителей на 1 уча- щагося.	% учащихся по отношенію къ населенію.
С.-Петербургскомъ	0,3	68	1,43
Московскомъ	0,03	56	1,75
Харьковскомъ	0,04	74	1,33
Казанскомъ .	0,07	61	1,60
Вилевскомъ .	0,07	100	0,99
Кіевскомъ	0,52	121	0,82
Одесскомъ	0,05	65	1,51
Оренбургскомъ.	0,43	96	1,03
Дерптскомъ	0,08	114	0,87
Варшавскомъ	0,01	45	2,20
Западной Сибирі.	2,97	162	0,61
Восточной Сибирі	31,1	281	0,35
Туркестанскомъ краѣ	11,8	1960	0,05

Изъ сихъ данныхъ усматривается, что самое выгодное мѣсто по числу учащихся, какъ относительно пространства, такъ и населенія, принадлежитъ Варшавскому и Московскому учебнымъ округамъ; затѣмъ слѣдуютъ учебные округа и управленія, въ которыхъ болѣе выгодное мѣсто по числу учащихся относительно пространства не всегда соотвѣтствуетъ такому же мѣсту относительно населенія. Такъ, по болѣе значительному числу учащихся относительно пространства учебные округа и управленія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Харьковскій, Одесскій, Казанскій, Вилевскій, Дерптскій ¹⁾, С.-Петербургскій, Орен-

¹⁾ Не считая училищъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

бургскій, Кіевскій, Западная Сибирь, Туркестанскій край и Восточная Сибирь. По болѣе же выгодному числу учащихся относительно населенія эти учебные округа и управленія, за исключеніемъ Одесскаго и Западной Сибири, представляются уже въ другомъ порядкѣ, а именно: Казанскій, Одесскій, Харьковскій, Оренбургскій, Виленскій, Дерптскій, Кіевскій, Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Туркестанскій край. Тотъ же порядокъ въ распредѣленіи числа учащихся относительно пространства и населенія по учебнымъ округамъ и управленіямъ существовалъ въ 1879 и 1880 годахъ, только при менѣе еще выгодныхъ условіяхъ въ томъ и другомъ отношеніи.

Переходя затѣмъ къ указанію, какое число дѣтей школьнаго возраста, то-есть, отъ 7 до 14 лѣтъ, посѣщаетъ школы, должно замѣтить, что при 92-милліонномъ населеніи число дѣтей этого возраста, если относить къ нему 15%, будетъ составлять 13.800.000. Сравнивая это число съ числомъ учащихся въ нашихъ начальныхъ школахъ, оказывается, что послѣднее въ 1881 году составляло нѣсколько болѣе 8,78% или около $\frac{1}{11}$ того числа, которое должно было бы посѣщать школы. Въ 1880 году число посѣщавшихъ школы выражалось нѣсколько болѣе, чѣмъ 8,1% или около $\frac{1}{12}$, а въ 1879 году 7,76% или также около $\frac{1}{12}$. Слѣдовательно, въ 1881 г. число учащихся школьнаго возраста увеличилось на 0,69% сравнительно съ 1880 г. и на 1,03% сравнительно съ 1879 г., а въ частяхъ это увеличеніе выражалось дробью $\frac{1}{132}$ при сравненіи съ каждымъ изъ этихъ послѣднихъ годовъ. Соотвѣтственно такому общему ежегодному приращенію числа дѣтей школьнаго возраста, посѣщавшихъ училища, возвышалось число ихъ и въ отдѣльности по учебнымъ округамъ и управленіямъ и въ 1881 году выражалось въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ оно составляло 9,56% или около $\frac{1}{10}$, въ Московскомъ 10,5% или около $\frac{1}{9}$, въ Харьковскомъ 9% или около $\frac{1}{11}$, въ Казанскомъ 10,67% или около $\frac{1}{9}$, въ Виленскомъ 6,62% или около $\frac{1}{15}$, въ Кіевскомъ 5,49% или около $\frac{1}{18}$, въ Одесскомъ 10,1% или около $\frac{1}{9}$, въ Оренбургскомъ 6,9% или около $\frac{1}{14}$, въ Дерптскомъ 5,81% или около $\frac{1}{17}$, въ Варшавскомъ 14,8% или около $\frac{1}{6}$, въ Западной Сибири 4,1% или около $\frac{1}{24}$, въ Восточной Сибири 2,36% или около $\frac{1}{42}$, въ Туркестанскомъ край 0,34% или около $\frac{1}{194}$.

Что же касается раздѣленія учащихся по различію половъ, то оно представляетъ большую неравномѣрность. Такъ, въ 1881 году

учащихся въ мужскомъ населеніи считалось 2,21% и 1 ученикъ приходился на 45, а въ женскомъ 0,51% и 1 ученица на 194.

Подобная же несоразмѣрность по различію половъ учащихся встрѣчается и въ школьномъ возрастѣ. Такъ число учащихся въ школьномъ возрастѣ составляло: въ 1881 году 1 ученикъ приходился на 6 мальчиковъ школьнаго возраста и 1 ученица на 32 дѣвочки того же возраста, а 1879 и 1880 годахъ 1 ученикъ изъ 7 мальчиковъ и 1 ученица изъ 34 дѣвочекъ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что число учащихся по различію половъ въ нашихъ начальныхъ училищахъ, какъ относительно населенія вообще, такъ и школьнаго возраста въ особенности, крайне еще недостаточно. На сколько этотъ недостатокъ обнаруживается въ отдѣльности по учебнымъ округамъ и управленіямъ показываютъ нижеслѣдующія данныя за 1881 годъ.

Учебные округа.	°/о учаш. изъ школн. воз- раста въ муж. населеніи.		°/о учаш. изъ школн. воз- раста въ жен. населеніи.		Насколько муж. на- жит. 1 учащійся.		Насколько женск. мальч. школ. дѣвоч. 1 учащаяся.		Насколько школ. дѣвоч. школ. 1 учащаяся.	
	°/о	°/о	°/о	°/о	1	1	1	1	1	1
С.-Петербургскій.	14°/о	4°/о			44	161	6		25	
Московскій.	21°/о	3°/о			33	165	4		30	
Харьковскій.	18°/о	2°/о			42	300	5		49	
Казанскій.	17°/о	4°/о			39	146	5		22	
Виленьскій	14°/о	0,9°/о			45	688	6		103	
Кіевскій	9°/о	1°/о			72	560	10		83	
Одесскій .	15°/о	4°/о			42	162	6		24	
Оренбургскій	11°/о	2°/о			62	231	9		34	
Дерптскій.	8°/о	3°/о			77	190	11		28	
Варшавскій .	20°/о	9°/о			32	71	4		10	
Западная Сибирь .	6°/о	1°/о			102	408	15		60	
Восточная Сибирь .	3°/о	0,6°/о			172	1059	25		157	
Туркестанск. край.	0,7°/о	0,3°/о			836	1724	124		205	

Отсюда видно, что, при незначительномъ °/о учащихся въ каждомъ изъ учебныхъ округовъ и управленій вообще, особенно замѣтенъ недостатокъ учащихся въ женскомъ населеніи. Даже въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, который сравнительно съ другими округами представляетъ болѣе выгодныя условія въ этомъ отношеніи, изъ 10 дѣвочекъ школьнаго возраста обучается только одна, тогда какъ въ мужскомъ населеніи одинъ мальчикъ изъ 4 посѣщаетъ школу.

Но какъ ни великъ недостатокъ учащихся въ начальныхъ училищахъ, все-таки его можно признать приближающимся къ нормѣ, если принять во вниманіе, что 1 школа едва приходится на 16 на-

селенных мѣстностей, находящихся нерѣдко на большомъ разстояніи. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ далеко не всѣ желающіе учиться могутъ посѣщать школы.

Кромѣ недостатка школъ и учащихся въ нихъ, къ причинамъ, замедляющимъ ходъ народнаго образованія, должно быть отнесено и соотвѣтственно малое число оканчивающихъ курсъ въ нашихъ начальныхъ школахъ сравнительно съ числомъ неоканчивающихъ курса, хотя нормальнымъ курсомъ одноклассныхъ начальныхъ училищъ считается только трехлѣтній. Въ отчетное трехлѣтіе изъ общаго числа учащихся въ начальныхъ школахъ ежегодно оканчивало курсъ нѣсколько болѣе 7⁰%, а выходило до окончанія курса свыше 20⁰%, въ 1881 и 1880 гг. и свыше 23⁰%, въ 1879 году. Слѣдовательно, оставившихъ школы до окончанія курса было почти вътрое болѣе въ 1881 и 1880 гг. и болѣе, чѣмъ вътрое въ 1879 году. Въ отдѣльности же по учебнымъ округамъ и управленіямъ окончившіе курсъ въ 1881 году, и въ каждый изъ двухъ предшествовавшихъ годовъ, а равно и выбывшіе изъ начальныхъ училищъ до окончанія курса составляли по отношенію къ общему числу учащихся въ сихъ училищахъ слѣдующіе проценты:

Учебные округа.	% окончившихъ курсъ.	% выбывшихъ до окончанія курса.
С.-Петербургскій	9 ⁰ %	18 ⁰ %
Московскій	8 ⁰ %	21 ⁰ %
Харьковскій.	7 ⁰ %	22 ⁰ %
Казанскій	9 ⁰ %	18 ⁰ %
Виленскій	7 ⁰ %	20 ⁰ %
Кіевскій	6 ⁰ %	20 ⁰ %
Одесскій	5 ⁰ %	17 ⁰ %
Оренбургскій	9 ⁰ %	18 ⁰ %
Дерптскій	12 ⁰ %	16 ⁰ %
Варшавскій .	3 ⁰ %	23 ⁰ %
Западная Сибирь	6 ⁰ %	18 ⁰ %
Восточная Сибирь.	5 ⁰ %	26 ⁰ %
Туркестанскій край	—	—

Слѣдовательно, въ одномъ только Дерптскомъ учебномъ округѣ ⁰%, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ былъ менѣе на ¹/₄ выбывшихъ изъ сихъ училищъ до окончанія курса. Во всѣхъ же другихъ учебныхъ округахъ и управленіяхъ ⁰%, выбывшихъ изъ начальныхъ училищъ до окончанія курса превосходитъ ⁰%, окончившихъ курсъ отъ двухъ до семи разъ слишкомъ.

Крайне малое число нашихъ школъ и учащихся въ нихъ по сравненію съ пространствомъ и населеніемъ показываетъ, что въ народѣ еще невольнѣ укоренилось сознаніе въ необходимости распространенія повсемѣстной грамотности. Естественно, къ распространенію такого сознанія въ народной массѣ лучше всего можетъ содѣйствовать правильно организованная школа, которая, давая основательное элементарное образованіе и притомъ, по возможности, въ непродолжительное время, уже этимъ самымъ доказывала бы пользу своего существованія. Типомъ такой школы у насъ служатъ сельскія двухклассныя и одноклассныя начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія, учреждаемыя на основаніи закона 29-го мая 1869 года, число которыхъ къ началу 1882 года простиралось до 1.409¹⁾; въ томъ числѣ двухклассныхъ 410, одноклассныхъ 858 и инородческихъ 141. Между тѣмъ къ началу 1879 года подобныхъ училищъ считалось до 1.009, и изъ нихъ было двухклассныхъ 320, одноклассныхъ 586 и инородческихъ 103. Слѣдовательно, въ теченіе отчетнаго трехлѣтія учреждено 400 училищъ, изъ которыхъ было 90 двухклассныхъ, 272 одноклассныхъ и 38 инородческихъ,—что, среднимъ числомъ, составитъ для каждаго изъ трехъ отчетныхъ лѣтъ болѣе 133 училищъ; въ томъ числѣ 30 двухклассныхъ, около 91 одноклассныхъ и около 12 инородческихъ. Число учащихся, также по среднему выводу, для каждаго отчетнаго года приходилось на двухклассное училище до 99, а на одноклассное и инородческое отъ 49 до 51. Училища эти, и особенно двухклассныя, въ достаточной степени отвѣчаютъ своему назначенію, давая болѣе законченное элементарное образованіе и служа въ то же время образцами, по примѣру которыхъ учреждаются новыя училища сельскими обществами даже и безъ пособія отъ казны. Въ виду такого значенія министерскихъ училищъ, директора и инспектора посѣщаютъ эти училища чаще нежели другія школы и, по возможности, содѣйствуютъ къ преуспѣванію ихъ.

Если министерскія училища имѣютъ задачу служить образцами для училищъ, учреждаемыхъ земствами, обществами и частными лицами, то учительскія семинаріи и школы, приготовляя учителей для этихъ училищъ, даютъ средства къ осуществленію этой цѣли не только министерскимъ, но и другимъ училищамъ. Такимъ образомъ,

¹⁾ Изъ нихъ 921 училище (въ томъ числѣ 391 двухклассныхъ, 429 одноклассныхъ и 110 инородческихъ) существуетъ въ 34 губерніяхъ и 1 области, имѣющихъ земскія учрежденія.

въ отчетномъ трехлѣтіи 2.938 учительскихъ мѣстъ въ начальныхъ училищахъ были заняты лицами, кончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. Слѣдовательно, въ каждый изъ отчетныхъ годовъ поступало на должности учителей начальныхъ училищъ вообще среднимъ числомъ по 979 кончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ и въ отдѣльности въ каждомъ изъ учебныхъ округовъ и управленій до 75 такихъ учителей. Но очевидно, что число поступающихъ изъ учительскихъ семинарій и школъ на должности начальныхъ учителей далеко не соответствуетъ потребности въ подготовленныхъ учителяхъ, а потому, чтобы удовлетворить, хотя отчасти, этой потребности, въ отчетное трехлѣтіе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ одной стороны, учреждались при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ, или подъ руководствомъ лицъ, извѣстныхъ своею педагогическою дѣятельностью, кратковременные педагогическіе курсы въ 40 мѣстностяхъ для 1.300 начальныхъ учителей, съ цѣлью ознакомить не совсѣмъ подготовленныхъ изъ нихъ съ лучшими приемами элементарнаго обученія, а, съ другой стороны, директора и инспектора народныхъ училищъ при посѣщеніи этихъ школъ старались, между прочимъ, по мѣрѣ надобности, объяснять учителямъ тѣ приемы, которымъ они должны слѣдовать. Независимо отъ сего, въ видахъ дальнѣйшаго самообразованія начальныхъ учителей и усовершенствованія ихъ въ веденіи школьнаго обученія, въ іюлѣ 1881 года министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено приглашать на стѣзды и болѣе подготовленныхъ изъ начальныхъ учителей для совмѣстнаго обсужденія и разъясненія возникающихъ въ нихъ практикѣ недоумѣній, сомнѣній и вопросовъ.

Прямимъ послѣдствіемъ пополненія контингента начальныхъ учителей лицами, болѣе или менѣе приобрѣвшими извѣстную подготовку, было постепенное улучшеніе учебной части въ школахъ. Не говоря уже о начальныхъ училищахъ, которыя существуютъ въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, и которыя и прежде находились въ довольно удовлетворительномъ положеніи вслѣдствіе лучшаго обезпеченія ихъ въ матеріальномъ отношеніи, даже сельскія училища, находящіяся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, улучшаются постепенно въ учебномъ отношеніи, смотря по тому, на сколько сочувственно относятся къ нимъ земства, общества и частныя лица, выражая это увеличеніемъ средствъ содержанія, устройствомъ при училищахъ ночлежныхъ помѣщеній, поощреніемъ дѣятельности учителя. Тамъ, гдѣ

эти условія существуютъ, имѣются и удобныя по возможности помѣщенія и достаточное количество учебныхъ пособій, тамъ и болѣе правильно посѣщаются школы учащимися и лучше поддерживается энергія учителя, составляющая, при умѣломъ преподаваніи, едва ли не главную причину успѣшнаго хода дѣла въ начальной школѣ. Но не вездѣ земства, общества и частныя лица въ одинаковой мѣрѣ выражаютъ свое сочувствіе къ содержимымъ ими школамъ, изъ которыхъ многія, вслѣдствіе недостатка средствъ, находятся въ неудовлетворительномъ положеніи, имѣя неудобныя помѣщенія, недостаточную классную обстановку и крайнюю нужду въ учебныхъ пособіяхъ. Все это не можетъ не отражаться неблагоприятно на самомъ ходѣ учебнаго дѣла, начиная съ того, что для такихъ школъ трудно пріискать сколько нибудь подготовленныхъ учителей. Нерѣдко даже самый важнѣйшій изъ предметовъ народной школы—законъ Божій—не преподается въ подобныхъ школахъ. Такъ, въ одной Новгородской губерніи предметъ этотъ въ 1881 году не преподавался въ 103 училищахъ. Попечители учебныхъ округовъ Харьковскаго, Одесскаго и Оренбургскаго въ своихъ отчетахъ также указываютъ на случаи рѣдкаго или совершеннаго непосѣщенія законоучителями школъ вслѣдствіе малаго вознагражденія, назначеннаго имъ за преподаваніе, а иногда даже вслѣдствіе неназначенія имъ вовсе за то никакого вознагражденія. На это обстоятельство давно уже было обращено вниманіе министерства, и оно еще въ 1879 году циркуляромъ приглашало управленіи учебныхъ округовъ, а равно подвѣдомые имъ училищныя совѣты, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, привлекать мѣстныхъ священнослужителей къ преподаванію въ народныхъ школахъ, дабы мѣстныя епархіальныя начальства и находящееся въ нихъ вѣдѣніи приходское духовенство имѣли ближайшее участіе и пользовались подобающимъ имъ значеніемъ въ школьномъ образованіи и развитіи народа. Вслѣдствіе сего, по заявленіямъ и ходатайствамъ мѣстныхъ органовъ министерства, во многихъ училищахъ или увеличено, или назначено вознагражденіе за преподаваніе законоучителямъ, которые по мѣрѣ возможности постепенно и привлекаются къ посѣщенію школъ.

Но самую слабую сторону многихъ начальныхъ школъ составляетъ неудобство ихъ помѣщеній по тѣснотѣ, недостатку свѣта и вентилациі. Директора и инспектора народныхъ училищъ, какъ мѣстные органы министерства народнаго просвѣщенія, считали своею обязан-

ностью указывать содержателямъ училищъ на необходимость для успѣха школьнаго дѣла принимать возможные мѣры къ улучшенію помѣщеній. Посему многія изъ земствъ, обществъ и частныхъ лицъ принимали возможные мѣры къ улучшенію училищныхъ зданій, постройкою новыхъ и исправленіемъ существующихъ.

Одновременно съ симъ принимались мѣры и къ снабженію училищъ болѣе соотвѣстvenною педагогическимъ требованіямъ классною обстановкою, а также книгами и вообще учебными пособиями. Изъ отчетовъ попечителей учебныхъ округовъ видно, что и въ этомъ отношеніи послѣдовали замѣтныя улучшенія въ отчетное трехлѣтіе. Особенно эти улучшенія замѣтны по снабженію училищъ книгами, которыхъ, среднимъ числомъ, въ каждый отчетный годъ приобреталось приблизительно до 1.390.000 книгъ, на сумму 350.000 р.; въ томъ числѣ: для двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія до 80,000 книгъ, на сумму 40.000 р. и для одноклассныхъ училищъ до 1.310.000 книгъ, на сумму 310.000 р. Слѣдовательно, по среднему выводу на каждое училище приходилось болѣе 60 книгъ, на сумму свыше 15 р.; въ отдѣльности же на каждое двухклассное училище приходилось до 100 книгъ, на сумму около 50 р. и на каждое одноклассное училище около 50 книгъ, на сумму 14 р. Изъ книгъ для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ допускаются только тѣ, которыя указаны въ каталогѣ, ежегодно печатаемомъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія и разсылаемомъ по училищамъ. Но, для огражденія начальныхъ народныхъ школъ отъ наплыва книгъ вреднаго содержанія и вообще неразрѣшенныхъ къ употребленію, министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и бывшимъ главнымъ начальникомъ бывшаго III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, 17-го ноября 1879 года изданъ циркуляръ, которымъ установлены правила относительно снабженія упомянутыхъ училищъ книгами, возлагающія обязанность просмотра жертвуемыхъ училищамъ книгъ, прежде поступленія ихъ въ библіотеки сихъ училищъ, на училищные совѣты, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и вообще на тѣхъ правительственныхъ лицъ, которыя непосредственно завѣдуютъ начальными школами.

Что касается инородческихъ школъ, то книги на инородческихъ языкахъ, назначаемыя для сихъ школъ и не входящія въ каталогъ

книгъ; одобренныхъ для училищъ, допускаются и употребляются въ нихъ только съ разрѣшенія министерства. Такимъ образомъ въ началѣ 1880 года разрѣшены министерствомъ къ употребленію въ инородческихъ училищахъ издаваемые переводческою комиссіею при братствѣ св. Гурія въ Казани переводы священныхъ, церковныхъ, вѣроучительныхъ и вообще назидательныхъ христіанскихъ книгъ на разныя инородческія нарѣчія, напечатанныхъ русскими буквами для облегченія инородцамъ перехода къ изученію русскаго языка.

Ограждая школу отъ наплыва неодобренныхъ къ употребленію въ ней книгъ, министерство народнаго просвѣщенія въ то же время предпринимало мѣры къ огражденію школы и отъ неблагонадежныхъ преподавателей. Съ этою цѣлью въ февралѣ 1880 года послѣдовалъ циркуляръ министерства, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 18-й день января 1880 года положенія комитета министровъ, разъясняющій, при какихъ условіяхъ выходящіе до окончанія курса воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній могутъ быть допускаемы попечителями учебныхъ округовъ къ занятію учительскихъ должностей въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

На содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ въ 1881 году употреблено до 10.284.528 р. Сумма эта болѣе суммъ, израсходованныхъ на тотъ же предметъ: въ 1880 г. на 733.480 р. или на 7⁰/₁₀₀, въ 1879 году на 1.525.158 р. или 14⁰/₁₀₀.

Изъ суммы 10.284.528 р., въ 1881 году отпускалось до 1.183.266 или около 12⁰/₁₀₀ изъ средствъ государственнаго казначейства, до 3.683.546 р. или около 36⁰/₁₀₀ изъ средствъ земства, до 4.195.752 р. или свыше 40⁰/₁₀₀ изъ суммъ городскихъ и сельскихъ обществъ и до 1.221.964 р. или до 12⁰/₁₀₀ относились на пожертвованія и другіе источники. Изъ сравненія этихъ расходовъ по содержанію начальныхъ народныхъ училищъ съ подобными же расходами двухъ предшествующихъ годовъ видно, что въ 1881 году издержано: 1) изъ средствъ государственнаго казначейства болѣе, чѣмъ въ 1880 году на 15.140 р., а въ 1879 году на 102.580 р., такъ, что превышенія эти по отношенію къ общимъ превышеніямъ расходовъ на содержаніе училищъ въ 1881 году составляли около 2⁰/₁₀₀ для 1880 года и свыше 6¹/₂⁰/₁₀₀ для 1879 года; 2) изъ средствъ земствъ болѣе, чѣмъ въ 1880 году на 447.265 р., а въ 1879 году на 602.742 р., что составляетъ по отношенію къ общимъ превышеніямъ на содержаніе училищъ въ 1881 году около 60⁰/₁₀₀ для 1880 года и свыше 39¹/₂⁰/₁₀₀ для 1879 года, и 3) изъ

средствъ городскихъ и сельскихъ обществъ болѣе, чѣмъ въ 1880 году на 281.227 р., а въ 1879 году на 717.415 р., что составляетъ по отношенію къ общимъ превышеніямъ расходовъ на содержаніе училищъ въ 1881 году около 38⁰/₀ для 1880 года и свыше 47⁰/₀ для 1879 года.

4) Что же касается пожертвованій и другихъ источниковъ, то въ 1881 году эти средства увеличились только по сравненію съ 1879 годомъ на 102.392 р. или на 6¹/₂⁰/₀ общаго превышенія; по отношенію же къ 1880 году они были въ 1881 году менѣе на 10.153 р. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ должно заключить, что а) за отчетные годы общіе расходы по содержанію начальныхъ народныхъ училищъ увеличивались на 7⁰/₀ ежегодно, б) самое значительное повышение расходовъ на содержаніе училищъ падаетъ на городскія и сельскія общества и в) самое меньшее—на пожертвованія и другіе источники.

Что касается суммъ, израсходованныхъ каждымъ учебнымъ округомъ и управленіемъ на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ, то онѣ по отношенію къ общей суммѣ, употребленной на тотъ же предметъ во всей имперіи, составляли въ 1881 году:

Въ Московскомъ учебномъ округѣ	. 22,34%
„ Казанскомъ „ „	. 12,86
„ Харьковскомъ „ „	. 11,53
„ Одесскомъ „ „	9,44
„ С.-Петербургскомъ „ „	8,75
„ Киевскомъ „ „	8,43
„ Варшавскомъ „ „	7,20
„ Оренбургскомъ „ „	6,10
„ Виленскомъ „ „	5,31
„ Дерптскомъ „ „	2,46
„ Западной Сибири „ „	1,71
„ Восточной Сибири „ „	1,42
Туркестанскомъ краѣ „ „	0,31

Расходы по содержанію училищъ въ каждомъ учебномъ округѣ или управленіи соотвѣтствуютъ по большей части числу училищъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только Одесскій и Варшавскій учебные округа, изъ которыхъ первый по числу начальныхъ народныхъ училищъ занимаетъ 8-е мѣсто между учебными округами, а по количеству содержанія 4-е, тогда какъ второй по числу училищъ занимаетъ 3-е мѣсто, а по количеству содержанія 7-е. Этимъ и объясняется значительная разность въ цѣнности содержанія одного училища и одного учащагося въ этихъ двухъ округахъ, какъ это

видно изъ сопоставленія суммы, употребленной въ 1881 году какъ вообще въ имперіи, такъ и въ отдѣльности по учебнымъ округамъ, на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ, съ числомъ этихъ училищъ и учащихся въ нихъ въ томъ же году. Изъ таковаго сопоставленія оказывается, что содержаніе въ имперіи одного училища обошлось въ этомъ году въ 448 р., а обученіе одного учащагося—въ 8 р. слишкомъ. Въ отдѣльности же по учебнымъ округамъ и управленіямъ содержаніе одного училища и обученіе одного учащагося въ 1881 году обошлось:

Учебные округа и управленія.	Содержаніе одного уча- щагося въ рубляхъ.	Содержаніе одного уча- щагося въ рубляхъ.
Въ С.-Петербургскомъ	521	11
„ Московскомъ	489	8
„ Харьковскомъ	439	7
„ Казанскомъ	448	7
„ Виленскомъ	293	7
„ Кіевскомъ	526	9
„ Одесскомъ	685	11
„ Оренбургскомъ .	544	9
„ Дерптскомъ	484	12
„ Варшавскомъ	271	4
„ Западной Сибири	263	10
„ Восточной Сибири .	667	24
„ Туркестанскомъ край	877	24

Изъ общей суммы расходовъ на содержаніе училищъ въ 1881 году употреблено до 1.266.770 р., или около 12⁰/. на двухклассныя начальныя народныя училища и 9.017.758 или около 88⁰/. на одноклассныя. Расходы эти представляютъ увеличеніе сравнительно: 1) съ расходами 1880 года на тотъ же предметъ на 156.207 р: или 12⁰/. для двухклассныхъ училищъ и на 577.275 р. или 6⁰/. для одноклассныхъ училищъ и 2) съ расходами въ 1879 году на 348.106 р. или 26⁰/. для двухклассныхъ училищъ и 1.280.503 р. или 13⁰/. для одноклассныхъ училищъ.

При такомъ ежегодномъ увеличеніи расходовъ по содержанію какъ тѣхъ, такъ и другихъ училищъ, содержаніе одного двухкласснаго училища обходилось въ 1881 г. въ 1.735 р., въ 1880 г. — 1.402 р. и въ 1879 г. — 1.389 р., а содержаніе одного однокласснаго училища въ 1881 г. — въ 406 р., въ 1880 г. — въ 396 р. и въ 1879 г. — въ 387 р. Такимъ образомъ содержаніе одного двухкласснаго училища

въ 1881 году было болѣе на 333 р., чѣмъ въ 1880 году и на 336 р., чѣмъ въ 1879 г., а содержаніе одного однокласснаго училища въ 1881 году возросло на 10 р. противъ 1880 г. и на 19 р. противъ 1879 года.

Уже одно значительное различіе въ содержаніи между двухклассными и одноклассными училищами, которое въ первыхъ было болѣе, нежели въ послѣднихъ въ 1881 году слишкомъ въ 4 раза, а въ два предшествовавшіе года слишкомъ въ 3 раза, показываетъ, что одноклассныя начальныя училища не могутъ считаться обеспеченными въ средствахъ содержанія. Если же къ этому присоединить крайнюю несоразмѣрность въ распредѣленіи содержанія между этими училищами, то сдѣлается понятнымъ, почему весьма многія изъ нихъ страдаютъ отъ тѣхъ недостатковъ, на которые указано было выше. Вообще самымъ нагляднымъ выраженіемъ несоразмѣрности въ средствахъ содержанія одноклассныхъ начальныхъ училищъ могутъ служить учительскіе оклады, которые въ этихъ училищахъ хотя въ теченіе отчетнаго трехлѣтія поднялись среднимъ числомъ на 8 р. для каждаго изъ преподающихъ, то-есть, съ 192 р. до 200 р., но распредѣлялись также неравномѣрно, какъ и прежде: изъ числа всѣхъ вообще преподающихъ получали въ 1881 году до 12% менѣе 100 р., до 32% отъ 100 до 200 р., 38% отъ 200 р. до 300 р. и до 18% свыше 300 р. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ такими же данными, показанными во всеподданнѣйшемъ отчетѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Толстаго за 1878 годъ видно, что въ отчетное трехлѣтіе вышесказанное общее увеличеніе средняго оклада преподающихъ въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ выразилось въ увеличеніи окладовъ учителей и учительницъ, получающихъ отъ 200 до 300 р. на 6%, а получающихъ свыше 300 р. на 3%, между тѣмъ какъ число получающихъ отъ 100 до 200 р., соотвѣтственно такому повышенію, понизилось на 9%.

Такимъ образомъ, хотя незначительно, но все-таки содержаніе начальныхъ училищъ увеличивается ежегодно. Къ такому приращенію средствъ содержанія начальныхъ училищъ, независимо отъ вспомоствованій со стороны министерства народнаго просвѣщенія, много содѣйствовали частныя лица и общества взносами и пожертвованіями деньгами и полезными для училищъ предметами. Особенно значительные взносы и пожертвованія въ отчетномъ трехлѣтіи были по Московскому учебному округу, и въ итогъ составляли ежегодно свыше 50.000 р.

Такое сочувствіе общество и частныхъ лицъ, при ежегодномъ увеличеніи суммъ, назначаемыхъ земствомъ на содержаніе начальныхъ училищъ, служитъ лучшимъ ручательствомъ, что народная школа наша не останавливается на пути своего развитія. Содѣйствіе этому развитію со стороны министерства народнаго просвѣщенія оказывается не только въ видѣ пособій тѣмъ изъ начальныхъ училищъ, которыхъ средства особенно недостаточны, но и направленіемъ вообще дѣятельности учебныхъ органовъ къ поднятію школы на подобающую ей высоту. Съ этою цѣлью, между прочимъ, въ видахъ, съ одной стороны, пользы, которую можетъ доставить школа сельскимъ жителямъ распространеніемъ между ними ремесленныхъ знаній, а съ другой,—образовательнаго вліянія пѣнія на учащихся и того значенія, которое крестьяне придаютъ школѣ, когда дѣти ихъ обучаются въ ней пѣнію, особенно церковному, министерство народнаго просвѣщенія, не ограничиваясь частными мѣрами, которыя оно уже прежде предпринимало по этому предмету на основаніи доставлявшихся ему инспекторскихъ отчетовъ, сдѣлало въ февралѣ 1879 года общее распоряженіе, предложивъ черезъ попечителей учебныхъ округовъ: 1) чтобы какъ училищныя совѣты, такъ и директора и инспектора народныхъ училищъ, склоняли мѣстныя городскія и сельскія общества, а также и земства къ введенію обученія ремесламъ въ школахъ и къ дальнѣйшему развитію онаго, и 2) чтобы педагогическіе совѣты учительскихъ семинарій и школъ обратили вниманіе на подготовку воспитанниковъ сихъ заведеній къ обученію пѣнію въ народныхъ школахъ. Заботы министерства объ обученіи въ народной школѣ этимъ необязательнымъ для нея искусствамъ, уже сопровождаются извѣстными результатами. Такъ, къ концу 1881 года существовало до 573 ремесленныхъ отдѣленій при начальныхъ училищахъ и въ большинствѣ училищъ было введено обученіе пѣнію.

Заботясь о развитіи русской начальной школы, имѣющей своимъ назначеніемъ служить къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня народной массы, министерство народнаго просвѣщенія не упускало также изъ виду и другихъ средствъ, ведущихъ къ той же цѣли. Такъ, оно постоянно оказывало нравственное и матеріальное содѣйствіе въ дѣятельности Высочайше утвержденной постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ. Возникшая въ 1872 году по иниціативѣ бывшаго градоначальника генералъ-адъютанта Трепова, комиссія въ продолженіе первыхъ

трехъ лѣтъ своего существованія, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ, успѣла устроить въ 9 разныхъ мѣстностяхъ столицы до 666 народныхъ чтеній для 60 т. слушателей и въ то же время издать въ числѣ 12.000 экземпляровъ каждое изъ 44 чтеній въ 33 небольшихъ съ хромофотографированными картинками книжкахъ, преимущественно религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія. Затѣмъ, въ слѣдующіе четыре года, не смотря на пособіе, оказанное комиссіи министерствомъ народнаго просвѣщенія, дѣятельность ея значительно уменьшилась, особенно за недостаткомъ постоянныхъ помѣщеній для чтеній. Но въ 1879 году она стала вновь заявлять свою дѣятельность сначала устройствомъ четырехъ аудиторій, а потомъ изданіемъ новыхъ книжекъ и возобновленіемъ прежнихъ изданій, такъ что въ отчетный періодъ времени съ 1879 по 1882 г. издано комиссіей 17 чтеній въ количествѣ 189.000 экземпляровъ. Всего же отъ начала существованія комиссіи по 1882 годъ издано ею 61 чтеніе въ количествѣ 624.000 экземпляровъ, и къ началу 1882 года въ складѣ комиссіи оставалось еще не распроданными книжекъ разныхъ наименованій до 125.367 экземпляровъ на сумму 12.537 р.; денежныхъ же средствъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, оставалось до 2.286 р., со включеніемъ въ это число и полученнаго комиссіей въ 1881 году пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія въ количествѣ 1.500 р. Его Императорскому Величеству благоугодно было поощрить труды комиссіи пожалованіемъ 600 р. на изданіе народнаго чтенія о Владимірѣ Мономахѣ.

Частныя учебныя заведенія.

Частныя училища раздѣляются по своему курсу на высшія, среднія и низшія и служатъ отчасти восполненіемъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, доставляя возможность тѣмъ изъ учащихся, которые почему-либо не могли поступить въ правительственныя училища, приобрѣтать болѣе или менѣе основательныя знанія соотвѣтственно ихъ возрасту и развитію. Въ этомъ смыслѣ особенное значеніе имѣютъ частныя училища 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ, изъ которыхъ, по своему курсу, приближаются: первыя—къ гимназіямъ или реальнымъ училищамъ, вторыя—къ прогимназіямъ, а послѣднія—къ начальнымъ училищамъ. Не смотря однако на такое значеніе частныхъ учебныхъ заведеній, нельзя сказать, чтобы существованіе всѣхъ ихъ было прочно.

Иногда содержатели такихъ училищъ, при недостаточномъ числѣ учащихся, не имѣя средствъ приглашать къ преподаванію соотвѣстныхъ учителей, сокращаютъ классныя программы или совершенно закрываютъ содержимыя ими заведенія. Тѣмъ не менѣе число частныхъ училищъ въ отчетный періодъ ежегодно возрастало, хотя число учащихся въ нихъ не всегда соотвѣтствовало такому росту. Такъ, число этихъ училищъ, простиравшееся въ 1879 году до 1.186 съ 49.430 учащимися, возросло въ 1880 году до 1.223, въ которыхъ было только 46.350 учащихся, то-есть, число училищъ увеличилось на 37, или болѣе, чѣмъ на 3%, а число учащихся уменьшилось на 3.080, или болѣе чѣмъ на 6%. Въ 1881 году снова увеличилось и число училищъ на 97 и число учащихся на 3.316, то-есть, и то, и другое число увеличилось болѣе чѣмъ на 7%. При такомъ колебаніи числа учащихся приходилось одно училище: въ 1879 году на 41 учащагося, въ 1880 г. на 37 и въ 1881 г. на 38. Колебаніе, выражаясь въ незначительныхъ цифрахъ, обусловливалось въ данномъ случаѣ отчасти и тѣмъ, что, съ распространеніемъ правъ правительственныхъ гимназій и реальныхъ училищъ на нѣкоторыя частныя училища, эти послѣднія показывались уже въ числѣ сказанныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ числа учащихся въ частныхъ училищахъ огромное большинство относится къ женскому полу, такъ что въ отчетное трехлѣтіе ежегодно изъ общаго числа учащихся на мужской полъ приходилось только 38%, тогда какъ на женскій 62%.

Если изъ сказаннаго выше можно заключить, что не всѣ частныя учебныя заведенія обладаютъ достаточными средствами, то отсюда же явствуетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ заведеній достигли такого развитія въ научномъ отношеніи, что права ихъ даже сравнены съ правами соотвѣстныхъ правительственныхъ заведеній. Съ своей стороны, правительство принимаетъ, по возможности, зависящія отъ него мѣры къ правильной постановкѣ учебно-воспитательной части въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не только слѣдя за ихъ развитіемъ посредствомъ инспекторскихъ осмотровъ, но и оказывая денежное вспоможеніе тѣмъ изъ нихъ, которыя, при своей полезной педагогической дѣятельности, особенно страдаютъ отъ недостатка средствъ. Независимо отъ сего, тамъ, гдѣ частныя учебныя заведенія въ извѣстной степени замѣняютъ собою правительственныя, какъ напри-мѣръ, въ Виленскомъ учебномъ округѣ, правительство оказываетъ такимъ заведеніямъ постоянное денежное вспомошествованіе. Такимъ образомъ,

въ семь учебномъ округѣ ежегодно употребляется до 16.000 руб. на 27 женскихъ частныхъ училищъ, изъ которыхъ одно 1-го разряда, четыре—2-го разряда и двадцать два—3-го разряда.

Къ числу частныхъ учебныхъ заведеній относятся и высшіе женскіе курсы, существующіе въ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Курсы эти возникли по мысли профессоровъ мѣстныхъ университетовъ съ цѣлью дать женщинамъ высшее образованіе: первоначально въ Москвѣ, затѣмъ послѣдовательно въ Казани, Кіевѣ и С.-Петербургѣ. Состоя подъ непосредственнымъ наблюденіемъ попечителей учебныхъ округовъ и подъ отвѣтственностью учредителей, высшіе женскіе курсы раздѣляются на два отдѣленія: физико-математическихъ наукъ и словесное, каждое съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Изъ отчетовъ попечителей С.-Петербургскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ видно, что число слушательницъ въ С.-Петербургѣ считалось: въ 1879 году 679, въ 1880 г.—804 и въ 1881 г.—941, а въ Кіевѣ въ 1881 г. до 400.

Что касается училищъ, состоящихъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій, то число ихъ въ 1879 году простиралось до 582, въ 1880 г. до 595 и въ 1881 до 629. Соотвѣтственно такому приращенію училищъ увеличивалось и число учащихся въ нихъ, именно въ 1880 г. на 781 или около 6⁰/₀ и въ 1881 г. на 4.168 или 25⁰/₀. При этомъ большинство учащихся состояло изъ лицъ мужскаго пола. Такъ, въ 1879 г. изъ числа 15.711 учащихся учениковъ было около 58¹/₂⁰/₀, и ученицъ около 41¹/₂⁰/₀; въ 1880 г. изъ 16.492 учащихся приходилось около 55⁰/₀ на мужской полъ и около 45⁰/₀ на женскій полъ; въ 1881 г. изъ 20.660 учащихся было до 54⁰/₀ мужскаго пола и около 46⁰/₀ женскаго пола. Самое значительное число училищъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій принадлежитъ Варшавскому учебному округу; эти училища, подъ именемъ канторатовъ, составляютъ свыше 75⁰/₀ общаго числа училищъ этого рода въ имперіи, при чемъ число учащихся въ канторатахъ Варшавскаго учебнаго округа сравнительно хотя и менѣе, но и они составляютъ свыше 46⁰/₀ общаго числа учащихся въ училищахъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій имперіи. По образовательному своему курсу всѣ почти училища при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій принадлежатъ къ категоріи частныхъ училищъ 3-го разряда и ограничиваются программой начальныхъ училищъ. Въ виду того, что не во всѣхъ этихъ школахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, министерствомъ народнаго

просвѣщенія въ февралѣ 1880 года изданы особыя правила, опредѣляющія порядокъ какъ испытанія лицъ, окончившихъ курсъ въ иновѣрческихъ церковныхъ школахъ, въ знаніи русскаго языка, такъ и выдачи имъ свидѣтельствъ о правѣ на сокращенный срокъ службы въ войскахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ октябрѣ того же года, циркуляромъ министерства установленъ также порядокъ выдачи и учителямъ церковныхъ школъ иностранныхъ исповѣданій удостовѣреній, требуемыхъ п. 3 ст. 63 уст. о воинской повинности для пользованія льготою при отбываніи оной.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

II.

Нѣсколько повѣствованій о смутѣ, составленныхъ въ самую эпоху смуты, были предметомъ нашего изученія въ первой главѣ нашего труда. Таковы Повѣсть 1606 года, Повѣсть о перенесеніи мощей царевича Димитрія, рассказъ о видѣніи протопопа Терентія. Таковы же, вѣроятно, рассказъ о новгородскомъ видѣніи 1611 года и повѣствованіе, составляющее третью часть Инаго Сказанія. Къ этимъ раннимъ произведеніямъ о смутѣ слѣдуетъ причислить еще Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Ивановича, написанную патріархомъ Іовомъ, такъ называемую Новую Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ 1610—1611 года. Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства въ 1611 году и нѣкоторыя повѣсти о чудесныхъ видѣніяхъ, бывшихъ въ смутное время. Разборъ этихъ произведеній долженъ предшествовать нашему знакомству съ позднѣйшими трудами о смутѣ.

Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Ивановича, вошедшая въ составъ Никоновской лѣтописи ²⁾, написана была патріархомъ Іовомъ, по всѣмъ признакамъ, въ царствованіе Бориса и, стало быть, ранѣе Повѣсти 1606 года ³⁾. Въ то время, какъ послѣдняя

¹⁾ *Продолженіе*. См. октябрьскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Ник. Лѣт. VII, стр. 316—359.

³⁾ Въ Повѣсти Іова нѣтъ прямыхъ указаній на время ея составленія. По которымъ выраженіямъ можно было бы думать, что Повѣсть составлена въ первую часть ссѣлу, отд. 2.

получила обширное распространение, трудъ Іова оставался безъ замѣтнаго вліянія на послѣдующія описанія событій смутнаго времени и переписывался рѣдко¹⁾. А между тѣмъ патріархъ Іовъ по своимъ взглядамъ на лица и событія представляетъ разительную противоположность автору Повѣсти 1606 года. Начитанный и прекрасно владевшій литературнымъ слогомъ своего времени писатель и близко стоявшій къ государственнымъ дѣламъ церковный дѣятель, Іовъ въ своей Повѣсти далъ общій обзоръ важнѣйшихъ внѣшнихъ событій времени царя Θεодора: подчиненія Сибири, учрежденія патріаршества, шведской войны, войны съ крымцами въ 1591 году. Разсказъ патріарха носитъ на себѣ слѣды его литературнаго образованія, отличаясь обиліемъ риторики, и въ то же время имѣетъ характеръ официальнаго повѣствованія, сообразно общественному положенію автора. Фактическія показанія Іова весьма мало могутъ служить историку смуты, какъ потому, что не касаются событій смутнаго времени, такъ и потому, что о времени Θεодора Ивановича вообще мы знаемъ болѣе, чѣмъ сообщаетъ патріархъ, на основаніи иныхъ источниковъ²⁾. Трудъ

вые дни по кончинѣ Θεодора. Такъ, Іовъ говоритъ: „се днесь благочестивый государь... оставивъ земное царство, восходитъ къ Вышнему, отселе же... престолъ великія Росія вдовствовать начинаетъ“ (стр. 351—352). Обращаясь къ усопшему, Іовъ выражается такъ: „аще еси уже достигъ умныхъ силъ въ премирная селенія и ясне зриши трипостаснаго существа пресвѣтлое сіяніе“... (стр. 358). Но въ другомъ мѣстѣ находимъ указаніе, что Іовъ писалъ уже по избраніи Бориса: говоря о томъ, что, награждая Бориса царскою золотою цѣпью, Θεодоръ этимъ предсказывалъ царство Борису, Іовъ заключаетъ: „не по мнѡзѣхъ лѣтѣхъ царское его на семъ пророчество совершися“ (стр. 345). Съ другой стороны, нѣтъ данныхъ думать, что Іовъ составилъ свою Повѣсть по смерти царицы Ирины и царя Бориса: о нихъ въ Повѣсти говорится, какъ о живыхъ. Далѣе, въ Повѣсти нѣтъ ни слова о смерти царевича Дмитрія: не можетъ быть, чтобы Іовъ умалчалъ объ этомъ, еслибы писалъ послѣ появленія или послѣ смерти самозванца, когда обстоятельства требовали какъ можно тверже установить фактъ дѣйствительнаго превращенія династіи Рюриковичей. Соображая всѣ эти данныя, приходимъ къ мысли, что патріархъ Іовъ составилъ свою Повѣсть при царѣ Борисѣ еще въ первые годы его царствованія.

¹⁾ О спискахъ Повѣсти Іова см. *Н. П. Барсукова* Источники р. агіографіи, ст. 587. Мы лично не встрѣчали ни одного списка.

²⁾ Весьма интересенъ у Іова разсказъ о послѣднихъ минутахъ царя Θεодора (Ник. Лѣт. VII, стр. 347—359; сравн. VIII, стр. 33). Затѣмъ историкъ можетъ воспользоваться нѣкоторыми чертами разсказа о нашествіи татаръ на Москву въ 1591 г. въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, какія обнаружены С. М. Соловьевымъ по Дѣламъ Крымскимъ и другимъ источникамъ (сравн. Ник. Лѣт. VII, стр. 335—346, и *Соловьева* Ист. Россіи, VII, по изд. 1879 г. стр. 311—318). Но этимъ и ограничивается фактическая цѣнность памятника.

патріарха интересенъ для насъ только тѣми характеристиками, какія далъ Іовъ двумъ главнымъ лицамъ своего разсказа: царю Θεодору и Борису Годунову.

И къ тому, и къ другому относится онъ съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ. Въ его глазахъ Θεодоръ „древнимъ царемъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ же красота и свѣтлость, будущимъ жъ сладчайшамъ повѣсть и слуха благое наслажденіе“. Господствующею чертою въ характерѣ Θεодора Іовъ считаетъ его глубокое благочестіе: стремленіе къ вѣчному отвлекаетъ Θεодора отъ житейскихъ заботъ, ведетъ его къ постоянной молитвѣ, къ изнурительному посту и долгимъ церковнымъ стояніямъ. Вся жизнь Θεодора есть рядъ благочестивыхъ подвиговъ и добрыхъ дѣлъ: онъ „зѣло благочестивъ и милостивъ ко всѣмъ, кротокъ и незлобивъ, милосердъ, нищелюбивъ и страннопріимецъ“. Эти свойства обнаруживаются не только въ частной жизни Θεодора, но и въ управленіи государствомъ: „во всей своей богохранимой державѣ Російскаго царствія правду любя, злобы ненавидя, любовь имѣя, лукавство жъ разрушая и межусобныя брани, востающія во всемъ царствіи его, своимъ царскимъ смиренномудріемъ укрошая и вся предѣлы богохранимаго царствія своего въ мирѣ и въ тишинѣ и во всяцемъ благоденствіи утвержая“¹⁾. Въ лицѣ Θεодора такимъ образомъ Іовъ создаетъ какъ бы идеалъ монарха, инока и аскета по личной жизни, и въ то же время разумнаго, кроткаго и дѣятельнаго правителя. Жизнь Θεодора онъ прямо называетъ „святымъ житіемъ“²⁾. Этотъ идеальный образъ Θεодора воспроизводится и другими сказателями³⁾; но, признавая въ царѣ Θεодорѣ кроткаго подвижника, отзываясь о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, они расходятся съ Іовомъ въ одномъ отношеніи. Въ Повѣсти Іова Θεодоръ является активнымъ дѣятелемъ государственной политики, въ прочихъ сказаніяхъ онъ совершенно удаляется отъ дѣлъ, скучаетъ ими и все государство отдаетъ въ руки Бориса⁴⁾. И форма позднѣйшихъ

¹⁾ Ник. Лѣт., VII, стр. 319—320 и 346.

²⁾ Ник. Лѣт. VII, стр. 320.

³⁾ Напримѣръ, въ Хронографѣ 2-й редакціи (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 186), въ Сказаніи Авраамія Палицына (изд. 2-е, стр. 2), въ Повѣсти кн. Ив. М. Катырева-Ростовскаго (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 285 и 313), въ Житіи цар. Димитрія, внесенномъ въ Милютинскія Минев (Ряп. Моск. Синод. Библиотеки № 805 по Указателю арх. *Саввы*, л. 1027), и во Временникѣ Ивана Тимофеева (Ряп. Флорищевой пустыни № 108, л. 40—43 об.).

⁴⁾ Кн. Ив. М. Катыревъ-Ростовскій замѣчаетъ даже, что Борисъ получилъ такую власть при Θεодорѣ, „яко же и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити“ (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 285).

отзывовъ о Ѣеодорѣ и ихъ самостоятельность въ томъ или другомъ отзывѣ отношенія къ Ѣеодору исключаютъ всякую мысль о возможности прямого подражанія Іову со стороны позднѣйшихъ сказателей.

Не нашлось подражателей патріарху и въ тѣхъ частяхъ его Повѣсти, которыя посвящены Борису Годунову. Годунова Іовъ ставитъ по добродѣтелямъ его рядомъ съ царемъ Ѣеодоромъ. По словамъ Іова, Борисъ мудръ и храбръ; о его умѣ, мужествѣ и благочестіи слава распространилась даже за предѣлы Руси; самъ царь Ѣеодоръ Ивановичъ, видя правленіе своего шурина, удивлялся его достоинствамъ. Борисъ всѣхъ въ Москвѣ превосходилъ „благимъ разумомъ“ и совершилъ „великій подвигъ“ „о исправленіи богохранимыя царскія державы“. Въ борьбѣ съ татарами онъ показалъ себя „непобѣдимымъ воеводою“; „пречестнымъ его правительствомъ благочестивая царская держава въ мирѣ и тишинѣ велелѣпнѣй цвѣтуше“; онъ создалъ много каменныхъ градовъ „и въ нихъ превеликіе храмы въ славословіе Божіе возгради и многія обители устрои“; Москву онъ украсилъ, „яко нѣкую невѣсту“, выстроивъ въ ней много храмовъ, „палаты купеческія“ и каменные стѣны¹⁾. Таковъ былъ „изрядный правитель“ по разсказу патріарха. О придворныхъ смутахъ времени Ѣеодора Ивановича, бывшихъ слѣдствіемъ чрезвычайнаго возвышенія Годунова, объ опалахъ и ссылкахъ, о смерти царевича Димитрія, словомъ, о темной сторонѣ дворцовой жизни при царѣ Ѣеодорѣ у патріарха Іова не находимъ ни слова. Онъ ограничивается лишь далекимъ намекомъ на „межусобныя брани, востающія во всемъ царствіи“, которыя укрощалъ Ѣеодоръ своимъ смиренномудріемъ, но ничего не говоритъ объ этихъ браняхъ. Такимъ образомъ рядомъ съ идеальнымъ монархомъ въ Повѣсти Іова стоитъ идеальный правитель.

Сопоставляя характеристики Іова съ отзывами Повѣсти 1606 года, замѣчаемъ полнѣйшую ихъ противоположность. У Іова Ѣеодоръ является главнымъ, лучшимъ дѣятелемъ своего времени, въ Повѣсти 1606 года царю Ѣеодору, „пресвѣтлой отрасли царскаго корени“, не найдемъ ни одной похвалы. Борисъ у Іова безупречный человекъ и правитель, въ Повѣсти 1606 года онъ только властолюбецъ и злодѣй безъ малѣйшихъ признаковъ совѣсти. Оба писателя, и патріархъ и авторъ Повѣсти 1606 года, явно пристрастны, и увлеченіе одного помогаетъ намъ лучше понять увлеченіе другаго. Знакомство съ писателями времени Михаила Ѣеодоровича убѣдитъ насъ въ томъ, что люди,

¹⁾ Ник. Лѣт., VII, стр. 327—328, 337.

писавшіе о смутѣ по личнымъ впечатлѣніямъ и свѣжимъ преданіямъ, умѣли избѣгать какъ односторонности officialныхъ похвалъ Іова, такъ и партійной ненависти Повѣсти 1606 года.

Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ дошла до насъ въ единственномъ спискѣ ¹⁾ и представляетъ собою чрезвычайно любопытный памятникъ древне-русской письменности. Довольно обширное послѣдсловіе къ Повѣсти ²⁾ позволяетъ опредѣлять происхождение этого памятника. Изъ послѣдствія узнаемъ, что авторомъ Новой Повѣсти былъ какой то москвитчъ, имѣвшій жену и дѣтей и служившій московскому боярскому правительству 1610—1611 года, тому правительству, которое избрало въ цари Владислава и пустило въ Москву польскій гарнизонъ. Господство иновѣрныхъ поляковъ въ Москвѣ и поведение бояръ, подчинившихся незаконнымъ притязаніямъ Сигизмунда, заставили автора отвернуться отъ своихъ господъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ, „враговъ креста Христова“ и губителей православныхъ христіанъ. Служить врагамъ Руси, не отстать отъ нихъ и не противиться имъ значило для него погубить

¹⁾ Ркп. библиотеки Моск. Дух. Академіи № 175, въ 4 д., XVI и XVII вв. 361 л.; Новая Повѣсть писана мелкою скорописью на л. 369—388 об. Описание ркп. № 175 см. въ трудѣ арх. Леониды: Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ бібліотеку Троицкой Дух. Семинаріи въ 1747 году (*Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1884 г.*, III, стр. 182). Полное заглавіе Повѣсти таково: „Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ, и о страданіи новаго страсототерца святѣйшаго вѣрѣ Ермогена патріарха всея Руси, и о посланныхъ нашихъ преосвященнаго Филарета митрополита Ростовскаго и боярина кн. Василія Голицына съ товарищи, и о крѣпкомъ стояніи града Смоленска, и о новыхъ измѣнникахъ и мучителей, и гонителей, и разорителей и губителей вѣры христіанскія Ѳедки Ондронова съ товарищи“. Такъ какъ авторъ Повѣсти въ текстѣ ея не называетъ „новыхъ измѣнниковъ“ по именамъ, то можно сомнѣваться въ томъ, что онъ самъ далъ своей Повѣсти это заглавіе, къ тому же не совсѣмъ грамотное; вѣрнѣе, что оно было приписано кѣмъ-нибудь позже. — Знвшіе Повѣсть изслѣдователи дали о ней разнорѣчивые отзывы: Арх. Леонидъ опредѣлялъ Новую Повѣсть, какъ „одно изъ Троицкихъ посланій“ въ смутное время (*Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1884 г.*, III, стр. 196). Г. Кедровъ, пользовавшійся Повѣстью въ своемъ трудѣ „Авраамій Палицынъ“, думалъ, что Повѣсть есть „посланіе, писанное изъ Кремля какимъ-то женатымъ лицомъ, вѣроятно, подѣ Смоленскъ“ между декабремъ 1610 г. и апрѣлемъ 1611 г. (*Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1880 г.*, IV, стр. 62). Оба опредѣленія одинаково не могутъ быть приняты.

²⁾ Оно напечатано нами въ статьѣ „Новая Повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка“ (*Журн. Мин. Нар. Просв. за 1886 г.*, январь, стр. 52—53).

свою душу. Но онъ былъ у нихъ „зѣло пожалованъ“, онъ зналъ „ихъ думы и мысли“, и не могъ безнаказанно стать противъ измѣнниковъ. По его увѣренію, онъ не боялся умереть, если его измѣна боярамъ и полякамъ будетъ открыта: хотя „всѣ мы смерти боимся“, но умереть за правду значитъ „ожити за ту правду“. Ему только страшно было „жена и дѣти осиротити, межь дворъ пустити, или будетъ всего того горши,—на позоръ дати“, и поэтому онъ задумалъ измѣну тайную. Онъ составилъ пространное „письмо“, въ которомъ обличалъ замыслы Сигизмунда овладѣть Русью и доказывалъ, что боярское правительство служить королю и готово подчинить ему и Польшѣ, а не Владиславу, все Московское государство. Указывая на безчинства поляковъ и русскихъ измѣнниковъ въ Москвѣ, авторъ „письма“ считалъ истинными защитниками вѣры и государства патріарха Гермогена, великихъ пословъ къ Сигизмунду, не уступавшихъ его требованіямъ и храбрыхъ защитниковъ осажденнаго королемъ Смоленска. Приглашая москвичей послѣдовать ихъ примѣру, авторъ Новой Повѣсти прямо побуждалъ ихъ на открытое возстаніе противъ московскихъ бояръ и поляковъ, для того чтобы изгнать польскій гарнизонъ изъ Москвы. Свое письмо авторъ, вѣроятно, бросилъ въ какомъ нибудь людномъ мѣстѣ Москвы съ тою цѣлю, чтобы его подыали и прочли. „И кто сіе письмо возьметъ и прочтетъ“, пишетъ онъ: „и онъ бы его не тайлъ, давалъ бы разсмотрѣючи и вѣдаючи своей братіи православнымъ христіаномъ прочитати вератцѣ“. Таково происхожденіе Новой Повѣсти: это—подметное письмо, заключающее въ себѣ призывъ къ возстанію противъ поляковъ, занимавшихъ Москву, и противъ бояръ, повиновавшихся и радѣвшихъ Сигизмунду. Подметныя письма или „листы“ не были рѣдкостью въ смутное время ¹⁾, но они до сихъ поръ не были извѣстны. Новая Повѣсть, являясь единственнымъ обращеніемъ такого рода, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что

¹⁾ Дошли извѣстія о подметныхъ письмахъ при первомъ самозванцѣ (Сказанія Массы и Германа. стр. 195). Въ 1606 г., послѣ сверженія самозванца, такія письма волновали москвичей (*Устрялова* Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, ч. I, стр. 306; ч. II, стр. 177). Болотниковъ своими „листами“ старался поднять московскую чернь (Акт. Арх. Эксп. II, № 57, стр. 129). Немного позднѣе, какъ сообщаетъ Масся, въ Москвѣ за распространеніе подметныхъ листовъ былъ казненъ священникъ (Сказанія Массы и Германа стр. 239). Подметныя письма появлялись и послѣ смуты (*Котошихина* О Россіи въ царств. Алексія Мих., изд. 3-е, стр. 114.—*Записки Отд. Русск. и Слав. Археологій Имп. Арх. Общества*, II, стр. 682.—Др. Росс. Визіюнка, изд. 2-е, III, стр. 285).

тайныя писанія достигали иногда значительнаго объема и не были чужды литературныхъ достоинствъ.

Не возможно опредѣлить по даннымъ Повѣсти личности ея автора: по свойству самаго произведенія онъ старался какъ можно меньше обнаружить себя. Если полагаться на его искренность въ его немногихъ показаніяхъ о самомъ себѣ, то слѣдуетъ предположить, что онъ былъ изъ числа людей служивыхъ. Онъ говоритъ о себѣ, что былъ „пожалованъ“ московскимъ правительствомъ, зналъ его намѣренія, „думы и мысли“, принялъ его сторону „для ради суетныя славы и тлѣннаго богатства“, иначе говоря, для служебной карьеры и обогащенія. Врядъ ли могъ такъ выражаться о себѣ человѣкъ тѣсный, торговый или промышленный, далекій отъ политическихъ дѣлъ и административной дѣятельности. Врядъ ли могло такъ говорить и лицо духовное: забота автора о семьѣ показываетъ, что онъ не былъ монахомъ, а рѣзкій отзывъ его о духовенствѣ ¹⁾ и служба его „врагамъ вѣрства Христова“ не позволяетъ видѣть въ немъ и священника. Наконецъ, нельзя не замѣтить и того, что онъ нигдѣ не ставитъ себя рядомъ съ боярствомъ, „съ земледержцами и правителями“; напротивъ, отождествляя себя съ народною массою, онъ какъ бы противопоставляетъ себя боярству и отзывается о немъ очень рѣзко ²⁾. Всѣ эти признаки, хотя и мало устойчивые, даютъ однако право думать, что сочинитель подметнаго письма былъ простымъ дворяниномъ или сыномъ боярскимъ, или же приказнымъ дьякомъ. Бойкій слогъ его письма обличаетъ въ авторѣ человѣка, привыкшаго писать, но не усвоившаго себѣ привычки къ риторическимъ оборотамъ книжной рѣчи. Онъ не чуждается риторической фразы, но рядомъ съ нею сходитъ до свободной шутки и до простаго разговор-

¹⁾ О московскомъ духовенствѣ авторъ говоритъ, что въ немъ Гермогенъ „способниховъ себя не имѣетъ никого же: которые его были сынове и богомольцы, той же санъ на себя имѣють,—и тѣ славою міра сего предѣстнаго предѣстивши, просто рещи, подавились и къ тѣмъ врагомъ приклонилися и творять ихъ волю“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 382).

²⁾ „А будетъ и есть избранныи, сердцемъ желанныи, по христіанской вѣрѣ и по вѣсѣхъ по насъ жалють и радють отъ тѣхъ же чинюхъ (то-есть, благородныхъ) и боярскихъ родовъ, но не могутъ ничего учинити“, говоритъ авторъ о боярствѣ въ противоположность себѣ и народу (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 382 об.). Авторъ вообще не любитъ боярскаго правительства и постоянно называетъ его „измѣнниками“, „богоотступниками“, „привителями“, „землєсѣдцами“, „братья иуды предатели“ и т. д.

наго языка ¹⁾. У него нѣтъ выписокъ изъ библіи и другихъ духовныхъ книгъ, которыми любили щеголять начитанные писатели его времени; общій планъ его изложенія невыдержанъ: авторъ беспорядочно перебѣгаетъ отъ предмета къ предмету и часто повторяется. Все это говоритъ намъ, что авторъ, бойко владея перомъ, не имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ книжныхъ навыковъ. По этой примѣтѣ легче всего предполагать въ авторѣ именно приказнаго дьяка ²⁾.

Новая Повѣсть не заключаетъ въ себѣ точныхъ указаній и на время ея составленія. По нѣкоторымъ даннымъ текста можно приурочить ее или къ самому концу 1610 или къ самому началу 1611 года. Авторъ ея знаетъ тѣ событія, которыя совершались въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1610 года, но ни слова не говоритъ о тѣхъ событіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ началѣ 1611 года и должны были бы интересовать его. Такъ, въ Новой Повѣсти находимъ рассказъ о неудачныхъ переговорахъ и о страданіяхъ великаго посольства подъ Смоленскомъ; митр. Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ прибыли въ королевскій лагерь 7-го октября, а начали переговоры 15-го или 16-го октября ³⁾. Далѣе, въ Повѣсти читаемъ описаніе того, какъ Ѳ. Андроновъ распоряжался царскою казною; назначеніе Андропова казначеемъ на Казенный дворъ состоялось 7-го ноября (нов. стиля) ⁴⁾.

¹⁾ Нѣсколько выдержекъ изъ Новой Повѣсти, приведенныхъ въ нашей статьѣ о ней (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь), могутъ дать понятіе о языкѣ автора.

²⁾ Московскіе дьяки не были безучастны къ смѣнѣ правительствъ, которыми имъ приходилось служить. Въ 1610 г. Ѳеодоръ Андроновъ писалъ канцлеру Сапѣгѣ о приказныхъ людяхъ: „да и въ Приказы бѣ потреба иныхъ приказныхъ людей посадить, которые бы его Королевскому Величеству примили, а не Шуйского похлѣбцы“. Онъ боялся вторичнаго воцаренія царя Василія, который еще не былъ увезенъ изъ Москвы (Акт. Ист. II, № 299, стр. 356). Многие дьяки внесены были въ списокъ подозрительныхъ для поляковъ лицъ, составленный въ томъ же 1610 году (Акт. Ист. II, № 310). Не смотря однако на заботу имѣть у дѣлъ вѣрныхъ людей, Сигизмундъ писалъ въ апрѣлѣ 1611 года: „учинилось намъ вѣдомо, што нѣкоторые дьяки, цѣловавъ сыну нашему крестъ, измѣнили, побѣжали съ Москвы въ воровство къ Ляпунову и инымъ измѣнникомъ“ (Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 406).

³⁾ Русск. Ист. Библіотека, I, ст. 686 и 688. — Голикова Дѣянія Петра В. изд. 2-е, т. XII, стр. 303 и 312.

⁴⁾ Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 372. Авторъ Новой Повѣсти не называетъ Андропова прямо по имени, но прикрываетъ его насмѣшливымъ нескромнымъ прозвищемъ, на столько прозрачнымъ, что нельзя и сомнѣваться, кого слѣдуетъ разумѣть подъ нимъ (Рки. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 385 об. —

Авторъ Повѣсти описываетъ столкновение патріарха съ однимъ изъ „новыхъ измѣнниковъ“, который требовалъ отъ Гермогена присяги на имя Сигизмунда; по намекамъ Повѣсти слѣдуетъ думать, что это былъ М. Салтыковъ, а первая ссора съ нимъ Гермогена происходила 30-го ноября и 1-го декабря 1610 года („предъ Николинымъ днемъ“ въ пятницу и субботу ¹⁾). Наконецъ, авторъ знаетъ, что изъ великаго

386.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 60). О дѣятельности Андропова, какъ казначея, авторъ говоритъ: „И еще же врагъ и лютой злодѣй нашъ не въ свое достояніе вижде, аки Ихилятъ, въ парену рязницу вълся казнить и губить то великое царское сокровище, отъ многихъ лѣтъ многими государя самодержцы великими князи и цари всея Руси собрано и положено. Онъ же окаянный, аки вышереченный Ихилятъ, во единомъ часѣ или паче не во мнозѣ времени, все хочетъ изъвести и расточить и погубить, и ту цареву рязницу хочетъ пусту до конца оставить, аки пустую и бездѣльную хранину. А уже и оставляетъ, и нмѣзъ тѣ великія сокровища, тяжкоцѣнныя камыни и портища и всякія вещи, нже нами невѣдомы и незнаемы, съ своими единомысленники разбиваетъ и вещь къ вещи прибираетъ, къ тому же злата и сребра и бисерія велия ковчеги насыпаетъ и къ тому премерченному сопостату нашему врагу королю и похитителю подъ оный заступный нашъ градъ (то-есть, Смоленскъ) посылаетъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 175, л. 386—386 об.).

¹⁾ Новая Повѣсть не называется по имени того, кто спорилъ съ патріархомъ; о немъ говорится такими словами: „по его злому дѣлу недостойтъ его во имя *мысленнаго* или *святаго* назвати, но достойтъ его нареци *злый* челоуѣкоудный волкъ“. Этотъ волкъ въ то же время называется „*начальнымъ* губителемъ Божіаго жребія“; „имя же его всѣмъ вамъ вѣдомо“, прибавляетъ затѣмъ авторъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 379). Бояринъ Мих. Глѣб. Салтыковъ подходитъ подъ всѣ эти намеки: онъ назывался во имя „мысленнаго“ архангела Михаила и былъ самымъ виднымъ и дѣятельнымъ изъ высокопоставленныхъ сторонниковъ Сигизмунда въ Москвѣ (его обвиняли предъ Савѣю даже въ томъ, что онъ „назывался на Москвѣ владѣльцомъ или правителемъ“ и вершилъ дѣла по своему приговору и безъ боярскаго вѣдома. Акт. Ист. II, № 306, стр. 363). Если не предполагать въ „начальномъ губителѣ“ Салтыкова, то трудно указать другое лицо изъ московскаго боярства, всѣмъ извѣстное и стоявшее во главѣ сторонниковъ Сигизмунда (Ф. Андропова Новая Повѣсть характеризуетъ ными чертами). О ссорѣ Салтыкова съ патріархомъ см. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224, стр. 491.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170, стр. 292.—Ник. Лѣт. VIII, 152—153.—Наша Повѣсть говорить, что „начальныи губитель“ требовалъ отъ Гермогена, чтобы тотъ повелѣлъ народу цѣловать крестъ самому Сигизмунду („всего бы міра спасеніе злодѣйцу отцу касатися повелѣтъ“). Когда же патріархъ не согласился, „начальный губитель“ началъ, „аки безумный песъ на аеръ зря, лаяти и нецѣпными словами, аки сущій буй каменіемъ, на лице святителю метати и великоимянитное святительство безчестити и до рождѣнія его неискуснымъ и болѣзненнымъ словомъ доходитъ“. Однако затѣмъ онъ просилъ прощенія у патріарха и примирялся съ нимъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 379—380 об.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 57—58 и 62).

посольства подѣ Смоленскомъ многіе разѣхались, многіе стали служить королю: „Пошли отъ насъ со многими людьми въ велицѣмъ числѣ“, говоритъ онъ о послахъ: „а вынѣ де и въ малѣ дружинѣ остались вышихъ самыхъ два, а то де и всѣ, для великія скорби и тѣсноты не мога терпѣти, тому сопостату врагу королю поклонилися и на ево волю вѣрилися. Того не вѣмъ, всѣ ли отъ желаннаго сердца къ нему приклонилися,... токмо разошлись и разѣхались, овинъ къ намъ (то-есть, въ Москву), а овинъ инудѣ по своимъ мѣстамъ“¹⁾. Разладъ въ посольствѣ и отѣздъ его членовъ—думнаго дворянина Сукина, дьяка Сыдавнаго и Авраамія Палицына—произошелъ уже въ декабрѣ 1610 года²⁾. Такимъ образомъ ясно, что Новая Повѣсть не могла появиться ранѣе декабря 1610 года, даже второй его половины, потому что ранѣе въ Москвѣ не могли узнать о несогласіяхъ въ посольствѣ и ранѣе не могли вернуться въ Москву замѣтные члены посольства.

Съ другой стороны все содержаніе Повѣсти показываетъ, что авторъ писалъ до сожженія Москвы и до появленія подѣ стѣнами Кремля ополченія Пр. Ляпунова (въ мартѣ 1611 года). Мало того, несомнѣнно, что авторъ вовсе не зналъ о томъ движеніи, которое начиналось въ городахъ противъ поляковъ послѣ смерти Тушинскаго вора. Напротивъ, онъ какъ бы упрекаетъ города за ихъ бездѣйствіе: указывая на примѣръ Смоленска, онъ замѣчаетъ: „аще бы такихъ крѣпкостоятельныхъ и поборательныхъ по вѣрѣ градовъ въ Россійскомъ государствѣ хотя и немного было, не токмо что всѣ,—никако же бы тѣмъ нашимъ врагомъ и злымъ волкомъ было въ нашу землю входить, но отнюдѣ, просто рещи, и повадно“³⁾. Не знаетъ еще нашъ авторъ и того, что Гермогенъ не только сочувственно относился къ открытому сопротивленію полякамъ, но, прямо давая благословеніе на возстаніе, тѣмъ самымъ какъ бы становился во главѣ народнаго движенія. Новая Повѣсть питаетъ увѣренность только въ сочувствіи патріарха тѣмъ, кто возстанетъ противъ поляковъ, но не допускаетъ и мысли, чтобы самъ патріархъ вызвалъ народъ „на кровь дерзнути“. „Ей, ей, никако же такова отъ него государя поущенія не

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 374.—Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 348—349.

²⁾ Прощальная аудіенція Сукина и Сыдавнаго была 8 (18)-го декабря (Русск. Ист. Библіотека, I, ст. 708. См. также Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 216 и № 217). Отпускная грамота короля архимандриту Евимію и Авр. Палицыну помѣчена 12-мъ декабря (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 218, стр. 485—486).

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Акад. № 175, л. 370 об.

будетъ; и самъ онъ государь велика разума и смысла и мудра ума; мною: мыслить, чтобы не отъ него зачалосѧ“,—такъ рѣшительно высказывается авторъ и продолжаетъ: „А ожидаетъ (патріархъ) съ часу на часъ Божіа поможения и вашего тѣанія и дерзновения на нихъ (то-есть на поляковъ). Аще и безъ его государева словеснаго повелѣнія и ручнаго писанія по своей правдѣ дерзнете на нихъ злыхъ,... не будетъ отъ него на васъ клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе на васъ и на чадѣхъ вашихъ въ роды и роды комуждо до живота его“¹⁾. Между тѣмъ мы знаемъ, что нижегородцы получили отъ Гермогена словесное благословеніе идти къ Москвѣ противъ поляковъ въ первые дни 1611 года, если еще не въ концѣ 1610 года; а 27-го января 1611 года патріархъ уже прислалъ нижегородцамъ и письменныя воззванія²⁾. Современники смутной эпохи (кн. Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій и полякъ Маскѣвичъ) свидѣтельствуютъ, что Гермогенъ сталъ рѣшительно дѣйствовать противъ поляковъ словомъ и перомъ непосредственно послѣ смерти Тушинскаго вора, то-есть, въ декабрѣ 1610 г.³⁾ На призывъ Гермогена очень скоро отозвались многіе города: въ январѣ 1611 года поднимался Нижній⁴⁾; московскіе бояре уже въ первой половинѣ января избѣщали гетмана Сапѣгу объ измѣнѣ Пр. Ляпунова и писали королю, что Ляпуновъ возмущаетъ весь Рязанскій край⁵⁾. Ни

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Акад. № 175, лл. 383 об. и 384.

²⁾ 12-го января 1611 года въ Нижній пріѣхали изъ Москвы „сынъ боярской Романъ Пахомовъ да посадской человекъ Родіонъ Москвезъ“ и сказали, „что приказывалъ съ ними въ Нижней... святѣйшій Ермогенъ патріархъ... рѣчью“. Послѣ этого „по благословенію святѣйшаго Ермогена... и по совѣту всей земли“ нижегородцы рѣшили идти противъ поляковъ „къ Москвѣ въ тотъ часъ“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 228. — Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 301). — О грамотахъ отъ патріарха, присланныхъ въ Нижній 27-го января, см. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 229. — Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 297.

³⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 306 (также „Рукопись Филарета“, стр. 42—43, и Сборникъ Мухомова, изд. 2-е, стр. 304—305). — Устрялова Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 48—49. — Тушинскій воръ убитъ 11-го декабря 1610 года (Акт. Ист. II, № 307).

⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 228. — Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 301.

⁵⁾ Гетманъ Янъ Сапѣга писалъ кн. Ю. Н. Трубецкому: „да Генваря, господине, въ 14-й день писали ко мнѣ съ Москвы бояре, . . что отложились отъ Москвы Проконій Ляпуновъ со многими городами“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 237, стр. 508). Судя по дневнику Сапѣги, 14(24)-го января Сапѣга уже получилъ это извѣщеніе (Сынъ Отечества за 1838 г., № 1, Наука и Искусства, стр. 58). Король Сигизмундъ узналъ о возстаніи Ляпунова уже 17-го января

о чемъ подобномъ нѣтъ ни слова въ Новой Повѣсти. Съ достаточнымъ основаніемъ мы можемъ отсюда заключить, что событія, въ самомъ началѣ 1611 года ставшія извѣстными и московскому правительству (движеніе въ Рязани), и русскимъ людямъ далекихъ отъ Москвы мѣстъ (благословеніе Гермогена, разглашенное нижегородцами по другимъ городамъ), оставались неизвѣстными автору Новой Повѣсти. Онъ составилъ свое письмо, очевидно, ранѣе, чѣмъ могъ узнать эти обстоятельства, весьма для него важныя. Вызывая москвичей на возстаніе, онъ имѣлъ прямую выгоду указать на авторитетъ патріарха и на примѣръ Лапунова и нижегородцевъ. Если онъ не считалъ удобнымъ и приличнымъ, изъ боязни повредить Гермогену, прямо утверждать, что патріархъ содѣйствуетъ возстанію, то ничто не мѣшало ему указать москвичамъ на возстаніе другихъ городовъ. Онъ могъ рано узнать о движеніи въ государствѣ противъ поляковъ, потому что былъ „зѣло пожалованъ“ правительствомъ и зналъ его „думы и мысли“; заговорить объ этомъ движеніи было прямо въ его интересѣ; если онъ этого не сдѣлалъ, то всего вѣроятнѣе потому, что онъ объ этомъ еще не зналъ.

Итакъ, вторая половина декабря 1610 и начало января 1611 года — вотъ вѣроятное время составленія Новой Повѣсти, если судить по даннымъ ея текста. Въ обстоятельствахъ московской жизни за это время найдемъ подтвержденіе этому выводу. Еще въ октябрѣ 1610 г. гетманъ Жолкѣвскій зналъ о намѣреніи Сигизмунда приобрести Москву не для Владислава, а для себя; это желаніе короля, сообщенное гетману и письменно и устно, заставило его уѣхать изъ Москвы къ королю ¹⁾. Въ октябрѣ намѣреніе Сигизмунда было еще тайной, а черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, въ концѣ ноября, московскіе сторонники короля уже рѣшились требовать отъ Гермогена, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними приказалъ великому посольству „положиться на королевскую волю“. Гермогенъ понялъ, что за этимъ требованіемъ скрывается желаніе отдать Москву Сигизмунду и „пѣ-

(ст. стили) 1611 года (Сборникъ *Мушанова*, изд. 2-е, № 110, стр. 184—185. — Сравни. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 223).—О томъ, что движеніе Лапунова было вызвано вліяніемъ Гермогена, находимъ нѣсколько данныхъ въ городскихъ грамотахъ 1611 г. (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 229.—Авт. Арх. Эксп. II, № 176 и № 179), у кн. Батырева-Ростовскаго (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 306) и у Жолкѣвскаго (Записки, изд. 2-е, стр. 115). Этому однако нѣсколько противорѣчатъ показаніе Новаго Лѣтописца (Ннн. Лѣт. VIII, 151 и 155).

¹⁾ Записки гетмана *Жолкѣвскаго*, изд. 2-е, стр. 95—96.

ловати крестъ самому королю, а не королевичу¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ поняли это и другіе русскіе люди¹⁾, и желаніе короля завладѣть Москвой стало быстро оглашаться. Уже 7-го января о немъ знали въ Казани; въ Москвѣ же узнали, разумѣется, ранѣе,—вѣрнѣе всего, въ декабрѣ, тотчасъ послѣ столкновенія патріарха съ боярами²⁾. Понятно, что извѣстіе о затаенныхъ враждебныхъ стремленіяхъ Сигизмунда заставило русскихъ подумать о расторгненіи договора съ Владиславомъ. И безъ того отношенія москвичей къ польскому гарнизону стали къ декабрю весьма натянутыми³⁾. Но, конечно, трудно было сразу придти къ рѣшенію открытою силой стать противъ враговъ. Къ тому же существованіе Тушинскаго вора не позволяло вести прямого разчета съ поляками: борьба съ внѣшнимъ врагомъ давала бы новыя силы внутреннимъ элементамъ безпорядка. 11-го декабря однако вора не стало, самозванщина перестала грозить русскому обществу, и разчетъ съ поляками сталъ возможенъ. Одна изъ грамотъ 1611 года прекрасно передаетъ, какъ повліяло извѣстіе объ убійствѣ вора на настроеніе москвичей: „и въ то время на Москвѣ русскіе люди возрадовалися и стали межъ себя говорить, какъ бы де во всей землѣ всѣмъ людямъ соединитись и стати противъ Литовскихъ людей, чтобъ Литовскіе люди изъ всея земли Московскія вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали“⁴⁾. Послѣ смерти самозванца явилась такимъ образомъ опредѣленная мысль объ общемъ соединеніи и открытой борьбѣ съ врагами. Какъ мы видѣли, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ смерти вора московское боярское прави-

¹⁾ Ник. Лят. VIII, 152—153.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224, стр. 491.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170, стр. 292.—Соловьева Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 350.—Какъ мы видѣли выше, Новая Повѣсть также говоритъ, что отъ Гермогена требовали благословенія на присягу королю (Рип. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 379).

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224, стр. 490.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170.—Изъ Казани писали въ Хмыновъ, что 7-го января въ Казань прямо изъ Москвы пришло извѣстіе о желаніи бояръ цѣловать крестъ Сигизмунду и о томъ, что Гермогенъ по этому дѣлу собиралъ народъ „въ соборную церковь“. „И гости и торговые и всякіе люди, пришедъ въ соборную церковь, отказали, что имъ Королю креста не цѣловати“. Если это извѣстіе справедливо и Гермогенъ дѣйствительно говорилъ всему народу о незаконномъ намѣреніи бояръ, то это было въ самомъ началѣ декабря, до смерти Тушинскаго вора, потому что казанцы, зная объ этомъ, не знали еще, что воръ убитъ, и 9-го января цѣловали ему крестъ.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170.

⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 226. — Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 300.

тельство уже доносило Сигизмунду о движеніи Ляпунова. Сообщало оно королю и о толкахъ противъ поляковъ въ Москвѣ. Въ отвѣтъ своемъ боярамъ Сигизмундъ повторялъ ихъ донесеніе такими словами: „писали естя къ намъ, што.... почала быти во многихъ людехъ Московскихъ молва и смута многая, што бутто мы, Великій государь, сына нашего на Московское государство дати не хотимъ, бутто мы того государства Московского къ Польшѣ и къ Литвѣ доступать хотимъ и вашу православную христьянскую вѣру Греческаго закона бутто мы, Государь, порушити хотимъ и переворотити въ Латинскую и въ иную вѣру“. Король просилъ не вѣрить этимъ толкамъ и увѣралъ: „а что люди, намъ и сыну нашему недоброхоты, о насъ пишутъ и сказываютъ, то все за злосердіе и неправду дѣлають“ ¹⁾).

Впродолженіе этого мѣсяца, протекшаго отъ смерти вора до полученія въ Москвѣ извѣстій о движеніи въ городахъ, и была, очевидно, составлена Новая Повѣсть. Авторъ ея зналъ о смерти вора: онъ ни слова не говоритъ о самозванцѣ. Еслибы послѣдній былъ живъ, авторъ не могъ бы умолчать о немъ при томъ важномъ значеніи, какое имѣлъ воръ въ отношеніяхъ москвичей къ полякамъ; къ тому же авторъ Повѣсти знаетъ факты, происшедшіе одновременно съ смертью самозванца,—расколъ въ великомъ посольствѣ подъ Смоленскомъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что Повѣсть была написана до обнаруженія возстанія въ городахъ ²⁾. Своимъ содержаніемъ она совершенно соответствуетъ тѣмъ толкамъ противъ поляковъ, какіе поднялись непосредственно послѣ смерти вора. Авторъ Повѣсти требуетъ только изгнанія поляковъ изъ Руси, но не отрицаетъ безусловно кандидатуры Владислава. Сигизмунда онъ обвиняетъ именно въ томъ, въ чемъ тотъ оправдывался предъ боярами въ своей грамотѣ: быть можетъ даже, Сигизмундъ зналъ о существованіи Новой Повѣсти, когда говорилъ боярамъ о недоброхотахъ, пишущихъ про него по злосердію и неправдѣ. Такимъ образомъ Новую Повѣсть мы

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 235.

²⁾ Мы склонны предполагать, что авторъ писалъ свое письмо около праздника Рождества Христова: на святей въ Москву стекалось много народа, а для автора было очень важно воспользоваться многолюдствомъ въ видахъ бѣльшаго распространенія его Повѣсти и успѣха возстанія, которое онъ надѣялся возбудить. У Маскѣвича (Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 49—50) находимъ описаніе святокъ 1610—1611 г. въ Москвѣ: онѣ прошли неспокойно.

можемъ считать однимъ изъ первыхъ по времени протестовъ противъ польскаго правительства. Авторъ писалъ въ тѣ минуты, когда скрытые планы Сигизмунда только что стали извѣстны въ Москвѣ и когда патріархъ еще не вполне обнаружилъ свою рѣшимость руководить народомъ въ борьбѣ съ поляками. Этими обстоятельствами многое объясняется въ изложеніи нашего автора.

Прямимъ призывомъ москвичей къ возстанію на поляковъ авторъ и начинается и кончаетъ свою Повѣсть ¹⁾. Все его изложеніе направлено къ тому, чтобы показать необходимость вооруженной расправы съ поляками и измѣнниками. Онъ рисуетъ яркими красками бѣдственное положеніе государства, преданнаго своими же въ руки поляковъ. Доказывая, что Сигизмундъ желаетъ разорить Московское государство и затѣмъ повелѣвать имъ изъ Польши, онъ убѣждаетъ москвичей не вѣрить искренности и добрымъ намѣреніямъ поляковъ. Онъ предсказываетъ скорую гибель Руси, если народъ не поддержитъ своихъ немногихъ защитниковъ: Гермогена, московскихъ пословъ подъ Смоленскомъ и осажденный Смоленскъ. Съ грустью говоритъ онъ, что Гермогенъ терпитъ обиды и гоненія въ Москвѣ; московскіе послы уже сдаются на волю короля, кромѣ двухъ только „вящихъ“ пословъ; примѣръ Смоленска не находитъ подражанія въ другихъ городахъ, послушныхъ польской и измѣнничьей власти, а въ Москвѣ горсть поляковъ и измѣнниковъ притѣсняетъ безнаказанно русскій народъ. Необходимо возстать противъ враговъ, иначе, по мнѣнію автора, гибель Москвы и государства неизбежна ²⁾.

Указанными фактами и лицами и ограничивается авторъ въ своемъ изложеніи. Собственно повѣствованія о событіяхъ мы у него не находимъ: онъ только обсуждаетъ факты, въ большинствѣ извѣстные

¹⁾ „Не нерадите о себѣ“, говоритъ авторъ москвичамъ въ началѣ Повѣсти: „вооружимся на общихъ сопостатъ нашихъ и враговъ и постоимъ вкупѣ крѣпостѣ за православную вѣру и за святѣя Божіа церкви и за свои души и за свое отечество и за достояніе, еже намъ Господь далъ“. Въ заключеніи Повѣсти читаемъ снова: „И вы, православніи, Богомъ почтенніи, умилилися душою, содрогните сердцемъ, зряще на себѣ такіа неудобосмыслима бѣды и скорби, и смерть свою всегда видяще во очѣхъ своихъ и поправіе вѣры нашея православныя, и не давайте сами себя въ руки врагомъ своимъ. Взявъ Бога на помощь и Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ, дерзайте на враговъ своихъ“ (Риш. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 369 и 387).

²⁾ Содержаніе Новой Повѣсти въ той послѣдовательности, какой держится авторъ, передано нами въ статьѣ „Новая Повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 54—61).

его современникамъ и ограничивается иногда однимъ намекомъ на какое-нибудь обстоятельство, которое читателю нашего времени приходится угадывать ¹⁾. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на выясненіи плановъ Сигизмунда, насилій и беззаконій поляковъ и русскихъ измѣнниковъ въ Москвѣ и на отношеніи къ событіямъ патріарха. Все это вызвано, какъ надобно думать, обстоятельствами именно той минуты, когда писана Новая Повѣсть. Въ первые дни послѣ того, какъ обнаружилось желаніе Сигизмунда владѣть Москвой, еще необходимо было доказывать и пояснять народу это желаніе. Съ другой стороны, народъ еще не такъ враждебно относился къ польскому гарнизону, какъ позже, предъ сожженіемъ Москвы, и не могъ еще понять поведенія М. Салтыкова, Ѳ. Андропова и имъ подобныхъ. Наконецъ, и патріархъ не успѣлъ еще заявить о себѣ, какъ объ открытомъ врагѣ польскихъ притязаній.

Что касается до плановъ Сигизмунда, то авторъ подходитъ къ ихъ объясненію чрезъ краткое изложеніе обстоятельствъ избранія Владислава. Онъ говоритъ, что къ Сигизмунду было отправлено посольство „на добрыйшее дѣло“: просить у него сына на московскій престолъ. Королевичъ долженъ былъ принять православіе и успокоить Московское государство, изгнавъ изъ него поляковъ и истребивъ „злое кореніе и зеліе“, то-есть, самозванцину. Но „добрыйшее дѣло“ не можетъ состояться, потому что Сигизмундъ слѣдуетъ примѣру

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, его намекъ на преступленіе поляка Блинскаго, стрѣлявшаго въ икону Богоматери, находившуюся въ воротахъ на одной изъ московскихъ стѣнъ. Блинскій былъ казненъ, а его руки были прибиты подъ иконою. Объ этомъ говорятъ Масквичъ и Буссовъ (Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 47 — 48; I, стр. 131 — 132. — *Regum Rossicarum Scriptores exteri*, I, p. 120—121).—Нашъ авторъ, доказывая, что поляки не щадятъ русскихъ святыхъ, говоритъ о поступкѣ Блинскаго только слѣдующее: „въ видъ существа Божія и Пречистыя Его Матере стрѣляютъ, яко же нынѣ свидѣлствуютъ злодѣйственной рукѣ, пригвожденной къ стѣнѣ подъ образомъ Матери Божіи“ (Рсп. Моск. Дух. Академія № 175, л. 377).—Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что Буссовъ помѣщаетъ казнь Блинскаго, по общему ходу своего изложенія, въ концѣ января или началѣ февраля 1611 года. Если вѣрить Буссову, надобно написаніе Новой Повѣсти отнести, самое раннее, къ февралю. Но Буссову противорѣчитъ Масквичъ, который рассказываетъ о Блинскомъ до описанія Рождественскихъ дней и убіенія Тушинскаго вора. Кроме того, если бы Повѣсть писана была въ февралѣ, автору, безъ сомнѣнія, было бы уже извѣстно движеніе городовъ противъ поляковъ. Вотъ почему мы не придаемъ значенія показанію Буссова, хронологическая несправность котораго не всегда одинакова.

прежнихъ польско-литовскихъ государей: „Отъ давнихъ лѣтъ“, говорить авторъ: „мысля(тъ) на наше великое государство всѣ они оканники и безбожники, иже и прежде того были ево же (то-есть, Сигизмунда) братія въ той же ихъ проклятой землѣ и вѣрѣ, како бы имъ великое государство наше похитити и вѣра христіанская искоренити и своя богомерская учинити; но не убѣ имъ было время, дождеже прииде до того вышшняго нашего сопостата врага короля“¹⁾. Король очень обрадовался московскому посольству въ своихъ цѣляхъ: онъ думалъ, что ему легко будетъ овладѣть Московскимъ государствомъ, когда въ Москвѣ находятся польскія войска и когда русскіе измѣнники готовы ему служить. Онъ не медля пошелъ бы въ Москву, если бы Смоленскъ не сопротивлялся такъ упорно; его доброты немедли привели бы Москву къ присягѣ самому Сигизмунду, если бы этому не противился Гермогенъ. Теперь же король поневолѣ стоитъ у Смоленска и еще скрываетъ свои намѣренія. Но авторъ думаетъ, что ни граждане Смоленска, ни патріархъ не спасутъ Русской земли, если ихъ не поддержать русскіе люди. Самъ Сигизмундъ, по его мнѣнію, увѣренъ въ своемъ успѣхѣ: „уже конечно во умѣ своемъ мыслить, что великое наше государство обовладѣтъ, а бѣсовскаго своего воинства всю нашу землю наполнилъ и конечно надежень сталъ быти“²⁾. Эта надежда на успѣхъ повліяла на поведение слугъ Сигизмунда въ самой Москвѣ: они требуютъ отъ патріарха, уже не скрываясь, присяги на имя короля и претѣсняють русскихъ людей.

Поведеніе королевскихъ слугъ, поляковъ и русскихъ, въ Москвѣ Новая Повѣсть описываетъ любопытными чертами. „Сами видите“, говоритъ авторъ, „что они нынѣ надъ нами чиняты: всегда въ очѣхъ нашихъ всѣмъ намъ смерть показываютъ и поругаются и насилуютъ намъ и посѣкаютъ насъ и дома наша у насъ отнимаютъ“. Указавъ, что поляки даже не щадятъ святыни русской и стрѣляютъ въ образа (какъ мы выше сказали, это намекъ на поступокъ Блинскаго), авторъ свидѣтельствуетъ, что такіе поступки не остаются у поляковъ безъ наказанія, — но выѣстъ съ тѣмъ прибавляетъ: „на то не смотрите, православніи христіане, и не имите тому вѣры, что они нынѣ предъ вами лицемѣрство чиняты, сами своихъ людей казнятъ, а все намъ блязнятъ; увѣряючи и прельщаючи васъ тѣмъ, тако творять и ска-

¹⁾ Ргп. Моск. Дух. Академія № 175, л. 372.

²⁾ Ргп. Моск. Дух. Академія № 175, л. 373 об.—374.

зываютъ, что не отцу быти у насъ, но сыну¹⁾. Авторъ указываетъ и причину, почему поляки боятся слишкомъ раздражать народъ въ Москвѣ: „для того намъ лстать и блазнять, чтобъ насъ всѣхъ тѣмъ областити и укротити и великимъ бы нашимъ моремъ не взмутити и имъ бы самѣмъ врагомъ въ немъ не потонути“¹⁾. Боясь возмущенія этого моря, поляки принимаютъ въ Москвѣ рядъ предосторожностей: „нынѣ послали во всѣ города, по которымъ стоятъ такія же губители и кровопролители неповинныхъ новонизраилтескихъ кровей, а велѣли имъ быти сюда къ намъ (то-есть, въ Москву); а нашихъ людей же въ воинскомъ чину, которыя живутъ у насъ здѣ, тѣхъ всѣхъ ссылаютъ доловъ, а умышляючи то, чтобы ихъ враговъ было много, а насъ было мало, чтобъ намъ отнюдъ противу ихъ стати не мочно“. Собирая людей, поляки въ то же время укрѣпляли городъ, затворяя часть воротъ, и держали сильные караулы въ городѣ. Эти предосторожности оскорбляютъ автора Новой Повѣсти: онъ думаетъ, что поляки желаютъ ими „живую и явную смерть казати“ москвичамъ²⁾.

Въ то-же время слуги Сигизмунда работаютъ всячески въ его пользу, приготовляя ему дорогу къ московскому престолу. Въ числѣ такихъ доброхотовъ короля авторъ прежде всего называетъ русскихъ бояръ, „земледержцевъ и правителей, нынѣ же близъ рещи и кривителей“. Первое мѣсто между этими кривителями, рабски угождающими королю, занимаютъ два лица, не названныхъ въ Повѣсти по имени: въ нихъ можно угадать боярина Салтыкова и думнаго дворянина Андропова. Въ то время какъ первый рѣшается требовать отъ патріарха благословенія цѣловать крестъ Сигизмунду, второй отправляетъ къ королю царскую казну, которою онъ управляетъ. Называя Салтыкова „начальнымъ губителемъ“, авторъ Новой Повѣсти относится къ нему все таки мягче, чѣмъ къ Андронову. Его возмущаетъ и поведеніе, и происхожденіе Андропова: „невѣдомо кто“, говоритъ онъ объ Андроновѣ: „ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ боярскихъ сыновъ, ни отъ иныхъ избранныхъ ратныхъ головъ; сказываютъ, отъ смердовскихъ рабовъ“. Фамилію Андропова онъ подмѣняетъ неприличнымъ прозвищемъ и ядовито смѣется надъ родовитыми московскими людьми,

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академія № 175, л. 377—378.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академія № 175, л. 377 об. и л. 384 — 385. См. также выписки изъ Повѣсти въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 59—60.—Показанія Новой Повѣсти напоминаютъ описаніе хода дѣлъ въ Москвѣ (въ декабрѣ 1610 г. или въ началѣ января 1611 г.), какое находимъ въ казанской грамотѣ на Вятку (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224.—Авт. Арх. Эксп. II, № 170).

которые предались Сигизмунду и поневолѣ ухаживаютъ за Андроновымъ: „смотря изъ рукъ и изъ северныхъ устъ его, что имъ дать и указать, яко нищія у богатаго проклятаго“. А между тѣмъ Андроновъ, по выраженію автора, иному изъ нихъ „и въ подножіе ногъ не гождъ“¹⁾. Если не считать В. В. Голицына, одного изъ „выщихъ двухъ“ членовъ посольства, то можно сказать, что авторъ ко всей московской правящей аристократіи относится съ ненавистью и какъ бы желаетъ подорвать всякій ея кредитъ въ глазахъ народа, представляя боярство врагомъ народа и православія. Онъ не жалѣетъ словъ, чтобы доказать измѣну боярства, и если поминаетъ о немногихъ вѣрныхъ своему долгу боярахъ, то прибавляетъ, что они „не могутъ ничего учинити и не смѣютъ стати“ противъ враговъ²⁾.

За то всѣ симпатіи автора на сторонѣ Гермогена. Онъ благоговѣетъ предъ патріархомъ, и въ его разсказѣ Гермогенъ принимаетъ черты эпического героя. Патріархъ—единственная твердая опора вѣры и народа: какъ исполнитъ безоружный, однимъ словомъ своимъ онъ поражаетъ многочисленныхъ враговъ и движетъ народною массой; какъ непоколебимый столпъ, онъ держитъ собою все государство; какъ твердый адамантъ, онъ является неодолимымъ препятствіемъ для враговъ и защищаетъ отъ нихъ свою паству, какъ „стѣна“ и „забрало“. Съ его смертью православіе неизбѣжно должно погибнуть, если самъ народъ не станетъ на его защиту³⁾. Твердость патріарха

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 385—386 и л. 382. — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 60—61.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 373 и л. 382. — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 55—56. Вотъ наиболее яркое мѣсто о боярахъ, служащихъ королю: „И тако тѣ наши благородніи зглупали и душами своими пали и пропали навѣки, аще отъ того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, нно заодно съ ними со враги вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіанскую искоренити“ (л. 382—382 об).

³⁾ Вотъ какими словами говоритъ авторъ о Гермогенѣ: „Яко столбъ, непоколебимо стоитъ посреди нашей великія земли, сирѣчь посреди нашего великаго государства, и по православной вѣрѣ побораетъ и всѣхъ тѣхъ душепагубныхъ нашихъ волювъ и губителей увѣщаетъ. И стоитъ единъ противу всѣхъ ихъ, аки исполнитъ мужъ безо оружія и безо ополченія новнаго, токмо ученіе, яко палицу въ руку свою, держа противу великихъ агарянскихъ полковъ и побивая всѣхъ; такоже и онъ, государь, вмѣсто оружія токмо словомъ Божиимъ всѣмъ соперникомъ нашимъ загражая уста и посрамляя лица и бездѣлны отсылая отъ себя. И насъ всѣхъ укрѣпляетъ и поучаетъ, чтобы страха ихъ и прещенія не боялися и душами своими отъ Бога не отщелитися“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи

въ борьбѣ съ врагами обнаружилась тогда, когда отъ него „начальный губитель“ Салтыковъ потребовалъ благословенія на присягу королю. Гермогенъ на требованіе и брань отвѣчалъ твердымъ отказомъ: „да будеши проклятъ со всѣмъ своимъ соньмомъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, но и съ тѣмъ, его жъ желаеши и всего міра спасеніе ему всѣмъ усты касатися поущаеши (то-есть, съ королемъ). И еще прирекъ: не токмо намъ онъ гожъ, но и тако его отрасль, аще не приндетъ въ наше хотѣніе“¹⁾. Хотя „начальный губитель“ и испросилъ себѣ лицемѣрно прощеніе у патріарха, однако за его отказъ началъ его притѣснять²⁾. Но гоненія не заставили Гермогена измѣнить своей воли: не принимать не только короля, но и Владислава, если онъ нарушитъ первоначальный договоръ съ нимъ русскихъ людей. Непрестанною молитвою просить онъ у Бога помощи и ожидаетъ поддержки со стороны народа: „ожидаетъ съ часу на часъ“, говоритъ авторъ, „Божія вспоможенія и вашего тѣшанія и дерзновенія на нихъ (то-есть, на враговъ)“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ увѣренно говоритъ, что Гермогенъ не подастъ самъ знака къ возстанію, хотя и благо-

№ 175, л. 374 об.).—„Здѣ у насъ пржезреченный и непоколебимый столпъ самъ крѣпко и непоколебимо во умѣ своемъ стоитъ и не стѣны едины великаго нашего града держитъ, но и живущихъ въ нихъ всѣхъ крѣпко и учитъ... и наки великое сіе безводное море словесы своими утишинаетъ и укрѣщаетъ. Сами вси видите: аще бы не онъ, государь, здѣ держалъ, кто бы таковъ инъ всталъ и противу тѣхъ нашихъ враговъ и губителей крѣпко сталъ? Давно бы страха ради прещенія отъ Бога отступили, душами своими пали и пропали“ (ibidem, л. 376).—„Только у насъ нмѣтъ по Божѣ и по Пречистай Его Матери стѣны и забрала, что онъ, государь, великій святитель и крѣпкій заступитель. Аще которою мѣрою отъ тѣхъ враговъ нашихъ что надъ нимъ, государемъ, учинитца, и тѣлесне разрѣшитца и отъ свѣта сего прелестнаго въ вѣчныя обители преселится,—понежно и вѣра наша изгубится (отъ) настоящихъ нашихъ губителей, аще ваше противленіе къ нимъ не явится. Аще ли его, государя, отъ нихъ Богъ соблюдетъ и невреденъ поживетъ, тогда Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ нашихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ умолатъ, и себя и насъ всѣхъ спасетъ, и вѣру удержитъ, и враговъ побѣдитъ молитвою своею“ (ibidem, лл. 382 об. — 383).

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 379 об.—380.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 380—380 об. Показаніе нашего автора, что Салтыковъ послѣ ссоры съ Гермогеномъ „всю стужаетъ и тѣснитъ“ патріарха, подтверждается одною изъ городскихъ грамотъ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 228.—Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 301). Какъ показаніе Новой Повѣсти (предположительно), такъ и показаніе грамоты (навѣрно) должны быть отнесены къ декабрю 1610 года.

словить тѣхъ, кто смѣло возстанетъ на поляковъ¹⁾. Трудно сказать, на чемъ основана такая увѣренность, но она заставляетъ автора энергичнѣе призывать народъ къ возстанію, не дожидаясь со стороны патріарха „словеснаго повелѣнія и ручнаго писанія“.

Таково въ главныххъ чертахъ содержаніе Новой Повѣсти. Она даетъ весьма мало фактическаго матеріала, за то сама является цѣннымъ литературнымъ фактомъ. Какъ живой голосъ русскаго чело-вѣка, возмущеннаго иноземнымъ господствомъ и поведеніемъ боярства, но въ то же время боящагося этой ненавистной власти,—Новая Повѣсть вскрываетъ тѣ чувства и мысли, какія общи были многимъ москвичамъ въ любопытный историческій моментъ. Въ концѣ 1610 и началѣ 1611 года долгая внутренняя омота переходила изъ междоусобія въ національную борьбу противъ исконнаго врага Руси, завладѣвшаго Москвой; въ русскихъ людяхъ просыпалось чувство національнаго единства, являлось сознаніе необходимости защищать изъ послѣднихъ силъ самостоятельность государства и религіи. Первымъ носителемъ этого сознанія былъ Гермогенъ, руководившій движеніемъ земли противъ Сигизмунда. Новая Повѣсть показываетъ намъ, что въ первыя же минуты, какъ только обнаружился притязанія короля, патріархъ имѣлъ уже у себя сторонниковъ и помощниковъ. Авторъ Повѣсти старался своимъ письмомъ провести въ массу московскаго населенія тѣ идеи, которыя Гермогенъ распространялъ по всему русскому государству. Страстность, съ какою написана Повѣсть, заставляетъ съ осторожностью относиться къ ея фактическимъ показаніямъ. Но взгляды на событія, отзывы о лицахъ, тонъ, которымъ говоритъ авторъ о томъ или другомъ современномъ явленіи, драгоцѣнны для историка, потому что помогаютъ ему уловить и воссоздать первые проблески того общественнаго настроенія, которое быстро окрѣпло, сплотило всю народную массу однимъ національнымъ чувствомъ и повело къ возвращенію государственнаго порядка и національной самостоятельности. Этою своею стороною Новая Повѣсть представляетъ большой интересъ.

Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства, заключающій въ себѣ краткій обзоръ событій смутнаго времени до разоренія Москвы, дошелъ до насъ въ немногихъ и неудовлетворительныхъ спискахъ.

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 383 об.—384.—Выписки объ отношеніи Гермогена къ возстанію противъ поляковъ приведены нами выше.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ, въ которомъ это произведеніе сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ ¹⁾. Изъ двухъ другихъ списковъ одинъ не имѣетъ конца и довольно неисправенъ ²⁾; другой же, при большей исправности, представляетъ однако тѣ неудобства, что въ немъ отрывки Плача раздѣлены выдержками изъ другихъ произведеній о смутѣ ³⁾. Хотя часть Плача и была напечатана

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотека Погодинск. № 1504, въ 4 д., XVII в. (конца), 265 лл. Плачъ помѣщенъ на л. 253—265; первые же листы заняты Сказаніемъ Авр. Палицино; списокъ небрежный. Заглавіе Плача, приведенное нами, взято изъ этого списка.

²⁾ Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529 (изъ собранія А. Н. Попова), Петровскаго времени, въ 4 д., 461 лл. Плачъ находится на л. 425—438 и носитъ названіе: „О плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства“. Въ этомъ списокѣ не достаетъ конца Плача и изложеніе прерывается на разсказѣ о сожженіи Москвы въ 1611 году. Передъ Плачемъ помѣщена разобранная нами выше „Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борись Годуновъ“ (лл. 326—386). Въ ней находимъ обширныя вставки изъ „Сказанія и Повѣсти, еже содѣяся“ и т. д. (*Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846—1847 гг., IX, стр. 1—24, и отдѣльно: М. 1847). За Повѣстью въ рукописи слѣдуетъ рядъ грамотъ 1606 года о Лжедмитріи (лл. 386—425), какія находятся въ Иномъ Сказаніи (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, кн. XVI, Матеріалы, стр. 42 и далѣе).

³⁾ Ркп. библиотеки гр. А. С. Уварова № 896 (изъ бывшаго собранія И. Н. Царскаго, по описанію П. М. Строева, отд. II, № 417), въ 4 д., 1671—1676 года, 283 лл. На листахъ 144—245 об. находимъ компилятивное повѣствованіе подъ заглавіемъ: „Плачъ о плѣненіи Московскаго государства, како наведе на ны грѣшныи Господь Богъ праведный гнѣвъ свой, грѣхъ ради нашихъ беззаконныхъ, и како разорися Великая Росія попущеніемъ Божиимъ отъ невѣрныхъ языкъ и отъ междоусобныи брани, и о изліаніи крови многія христіанскія Греческаго закона сыновъ Русскихъ“. Предъ этимъ повѣствованіемъ (на л. 143) рукою переписчика сдѣлана надпись: „182 года сентября 1 день о ростригѣ у Трегубова“. На основаніи этой надписи можемъ думать, что компилятивное повѣствованіе составлено было не позднѣе 182 (1674) года. Въ началѣ его (лл. 144 об.—150 об.) читаемъ вступительную часть разбираемаго нами Плача, отъ котораго и вся компиляція названа также Плачемъ. На лл. 151—165 находимъ начало Повѣсти кн. Ив. М. Катырева-Ростовскаго (*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 283—297) съ многочисленными вставками изъ Хронографъ 2-й редакція, Повѣсти 1606 года и „Сказанія и Повѣсти, еже содѣяся“. Сопоставленіе источниковъ сдѣлано такъ неховко, что разсказъ о смерти цар. Дмитрія повторенъ дважды (на лл. 156—157 словами Катырева-Ростовскаго и на лл. 164 об.—165 по „Сказанію и Повѣсти, еже содѣяся“). Далѣе, на л. 165 об.—175 об. помѣщена съ нѣкоторыми сокращеніями часть житія цар. Дмитрія, внесеннаго въ Минеи Милютнина. На л. 175 об.—222 об. продолжается на основаніи прежнихъ источниковъ (Повѣсти Катырева-Ростовскаго, Повѣсти 1606 года и Сказанія, еже содѣяся и т. д.) раз-

на ¹⁾, но въ передѣлкѣ на южнорусскій говоръ; поэтому въ нашемъ изложеніи мы будемъ пользоваться рукописными текстами Плача.

Задача Плача состоитъ въ изображеніи того критическаго положенія, въ какомъ находилось Московское государство въ 1611—1612 гг., послѣ сожженія Москвы и взытія Смоленска. Приемы, съ которыми авторъ выполняетъ свою задачу, обнаруживаютъ въ немъ привычку къ книжному языку, но фактическія неточности разсказа указываютъ на то, что авторъ мало былъ знакомъ съ событіями смуты. Свое повѣствованіе онъ начинаетъ риторическимъ вступленіемъ, приглашая „сыновъ свѣта и чадъ церковныхъ“ плакать о паденіи „преславныя и асносіяющія великія Росіи“. Говоря о славіи, богатствѣ и благоденствіи благочестиваго Московскаго государства въ прежніе дни, авторъ ставитъ свою тему въ видѣ вопроса: „како падеся толикій престолъ благочестія, како разорися благонасажденный виноградъ?“ ²⁾.

сказъ о появленіи и гибели перваго самозванца, о воцареніи Шуйскаго и борьбѣ его съ Болотниковымъ (до взятія Тулы). На лл. 223—224 находимъ ятрой отрывокъ изъ разбираемаго Плача—о появленіи Тушинскаго вора. За нимъ, на лл. 224—230, повѣщенъ пересказъ Повѣсти протопопа Терентія о видѣніи духовна мужа. На лл. 230—238 об. читаемъ окончаніе разбираемаго Плача, и, наконецъ, на лл. 239—245 об., повѣствованіе заключается грамотами 1606 года цѣлкомъ и въ сокращенномъ пересказѣ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, Матеріалы, стр. 42 и далѣе). Сопоставляя съ полнымъ спискомъ Плача его отрывки, разбросанные между прочими источниками компіляціи, находимъ, что они составляютъ почти полный текстъ Плача: недостаетъ только разсказа о первомъ самозванцѣ. Выѣсть съ тѣмъ въ сравненіи съ полнымъ спискомъ можно указать и два весьма замѣтныхъ дополненія, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

¹⁾ *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, V, смѣсь, стр. 56. Здѣсь находимъ первую половину Плача; заключительнаго разсказа о разореніи Москвы въ 1611 году нѣтъ; выпущены также мѣста о „домашнихъ врагахъ“, которые избрали Владислава и пустили поляковъ въ Москву (см. ниже).

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 253 об. Въ ркп. гр. Уварова № 896, л. 145, это мѣсто читается иначе: „како падеся толикій вихрь на благочестіе и како разорися Богомъ насажденный виноградъ?“ Затѣмъ, въ сравненіи съ прочими списками, въ этой рукописи вступленіе въ его концѣ значительно дополнено (л. 146 отъ словъ: „Обаче жъ во обычное моленіе притеку“ до л. 150, до словъ: „Начну жъ бесѣдовати сице“): авторъ обращается съ молитвою къ Богоматери и недоумѣваетъ, какъ попустила Она оскорбленіе своей святыни и разореніе Русскаго государства. „О, како къ тому помышляю и възглаголю“, восклицаетъ авторъ: „аже въ насъ содѣяшеся, да и нынѣ ѡтѣтся по смотрѣнію Божію за неправду и за гордіе и за грабленіе и за прочіи лукавыя злыя дѣла“ (л. 148—148 об.). По словамъ „да и нынѣ дѣтся“ можно думать,

На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ указаніемъ на причины смуты и краткимъ разсказомъ о ея развитіи. Причиною разоренія государства, по его мнѣнію, были грѣхи монарховъ, предшествовавшихъ смутѣ, и грѣхи всего народа. Монархи уклонились отъ православія и снисзошли до волшебства и чарованія (въ этомъ ясный намекъ на Бориса Годунова): они окружили себя пагубными совѣтниками, слушали клеветы, и, возлюбя гордость и злобу, стали жестоки (въ этомъ можно видѣть намеки одинаково на Грознаго и на Бориса ¹⁾). И народъ отъ головы и до ногъ покрылся „неизлѣчными“ грѣхами ²⁾. Въ наказаніе Господь попустилъ на Русь голодъ, а за нимъ бѣдствіе, неизвѣстное ни богословскимъ, ни философскимъ, ни историческимъ книгамъ, именно, самозванца. Съ упоминанія о голодѣ и съ разсказа о первомъ самозванцѣ начинается въ Плачѣ фактическое изложеніе событій смутнаго времени. Оно не богато содержаніемъ, не даетъ намъ ничего новаго и интересно только своими ошибками. Авторъ, его, какъ увидимъ ниже, пользовался въ своемъ изложеніи письменными источниками. Хотя нѣкоторыхъ его показаній и не находимъ въ этихъ источникахъ, однако ни одна черта Плача не показываетъ намъ, чтобы авторъ былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій и хорошо зналъ обстоятельства смутной эпохи. Начиная свой разсказъ

что это дополненіе не есть позднѣйшая вставка, а часть Плача, пропущенная переписчиками другихъ списковъ. Но обиліе испорченныхъ и трудно понимаемыхъ мѣстъ мѣшаетъ твердо установить внутреннее соотвѣтствіе этого дополненія съ другими частями Плача.

¹⁾ „Сущіи въ немъ (то-есть, въ Русскомъ государствѣ) живущіи царіе виѣто лѣтвицы ко Господу возводящія спасительныхъ словесъ, иже рождаются отъ книгородныхъ дохматовъ, пріяша богоненавистныя дары: бѣсовскія козни, волжбу и чарованіе. И виѣто духовныхъ людей и сыновей свѣта возлюбивша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ отъ Бога и отъ неблаженнаго свѣта во тму. И не даша мѣста уму своему слыху видѣти словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради ясно послушающе, и крови многочисленнаго народа того ради, яко рѣки, налягаша. И виѣто непобѣдимаго жезла богоподражательныя протости и правды гордость и злобу возлюбивша“. Приводимъ это мѣсто по рукописи Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529 (л. 427 об.—428). Въ другихъ спискахъ оно передано съ частыми описками, но ничѣмъ не различается по смыслу (Рип. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 255 об.—Рип. гр. Уварова № 896, л. 150—150 об.).

²⁾ „Къ сему жъ отъ великихъ и благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, вкратцѣ реку, отъ главы и до ногу всѣ неизлѣчными струями обзашася“ (Рип. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 255 об.—Рип. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 428 об.)

краткою замѣткой о побѣгѣ самозванца изъ Москвы въ Польшу, авторъ сообщаетъ, что польскій король, паны и католическое духовенство съ радостью дали самозванцу литовское войско, чтобы воздвигнуть „мечъ на кровь христіанскую“. Сѣверскіе города приняли Димитрія за истиннаго государя и вмѣстѣ съ нимъ „воздвигоша мечъ противъ братій своихъ“. Когда уже самозванецъ завладѣлъ престоломъ, тогда только русскіе люди узнали, что это не Димитрій, а разстрига Отрѣшневъ. Однако онъ царствовалъ, страхомъ укрѣпляя свою власть, свергая іерарховъ и проливая кровь подданныхъ. Онъ даже не устыдился ввести въ церковь некрещеную свою невѣсту и повѣнчаться съ ней, а затѣмъ пожелалъ и въ конецъ искоренить православную вѣру и ввести латинство и люторство. Но тогда Богъ „разсыпалъ бѣсовскія козни его“, и онъ „срамною смертію отъ рукъ правовѣрныхъ скончался“¹⁾. Послѣ его смерти русскіе люди надѣялись, что подобныя соблазны самозванщины никогда не повторятся, а между тѣмъ „пакъ того жъ проименованіемъ царя Димитрія инъ врагъ воздвигнется“:

1) На повествованіи Плача о первом самозванцѣ отразилась составленная въ февралѣ 1607 года такъ называемая прощальная грамота патріарховъ Іова и Гермогена (Акты Арх. Эксп. II, № 67). Авторъ Плача подражаетъ ей и даже заимствуетъ изъ нея цѣлыя фразы. Такъ, напримѣръ, отъ лица Іова въ прощальной грамотѣ разсказывается о сверженіи его съ престола и затѣмъ о поведеніи самозванца въ Москвѣ: по словамъ Іова, самозванецъ „многія крестьянскія церкви осквернилъ и не хриіа въ сущность сичевоа бгсовскаю яда, но и до конца хотя разорити нашу непорочную христіанскую вѣру, пріявъ себя изъ Литовскихъ земель невѣсту, люторскія вѣры дѣвку, и введъ ея въ соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и стича царскимъ стичомъ и повелѣ той своей скверной невѣстѣ прикладыватися и въ царскихъ дверяхъ святымъ вѣнромъ ея помазалъ“ (Акты Арх. Эксп. № 67, стр. 155). Въ Плачѣ читаемъ, что самозванецъ „святителей и отецъ начальствующихъ со престоловъ свергъ и многіихъ пастырей и наставниковъ отъ пастей отлучилъ, безчисленныя крови христіанскія изліалъ. И не хриіа въ сущность сичевоа бгсовскаю яда, пріявъ себя жену Люторскія вѣры невѣсту Маринку и не устыдився ни мало, ниже убоявся безсмертнаго Бога, введъ ея некрещену въ соборную апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и стичаетъ ея царскимъ стичомъ“. (Рис. Моск. Публ. и Рус. Музеевъ № 2529, л. 431—481 об.—Рис. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 257 об.—258). Въ такомъ близкомъ сходствѣ фразъ мы вправѣ видѣть простое подражаніе; замѣтно оно и въ упоминаніи автора Плача о томъ, что царь В. Шуйскій „бьетъ отъ корени святаго благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго“. Вообще, при сравненіи имѣетъ Плача, относящихся къ исторіи первого самозванца, съ официальными грамотами Шуйскаго о сверженіи Лжедмитрія, мы готовы допустить предположеніе, что эти грамоты были извѣстны автору Плача: онъ близко подходитъ къ нимъ многими фразами своего разсказа.

явился второй самозванецъ, то-есть Тушинскій воръ. Онъ нашелъ себѣ сторонниковъ, привлекъ къ себѣ Марину Мнишекъ и получилъ помощь отъ польскаго короля. Король выслалъ на Русь свое войско, и оно разрушило города, поругало святиню, избило много православнаго народа. Вслѣдъ за ворами и поляками, двумя главными врагами, поднялись враги второстепенные: явилось много самозванцевъ подъ разными именами. Всѣ они, правда, погибли безслѣдно, но сильнѣйшіе враги Руси восторжествовали надъ нею: Польскій король съ теченіемъ времени самъ поднялся на Русь и взялъ Смоленскъ, несмотря на его храброе сопротивленіе. Въ то же время Тушинскій воръ стоялъ подъ самою Москвою „съ проклятою Литвою“ и русскими измѣнниками. И въ самой Москвѣ нашлись измѣнники, „домашніи врази: отъ синклита царска Михайло Салтыковъ, отъ рода купецка Федка Ондроновъ и ивѣи съ ними“. Они отправились къ королю какъ бы посланниками отъ всей Москвы, просить на Московское царство королевича. По совѣту съ королемъ имъ удалось дѣйствительно прельстить москвичей „епистолиями королевскими и своими злостренными глаголы“, чтобы москвичи приняли Владислава, съ условіемъ его перехода въ православіе. Затѣмъ они явились подъ Москву вмѣстѣ съ королевскимъ гетманомъ (Жолѣвскимъ). Самозванецъ же, по тайному соглашенію съ пришедшими поляками, сталъ въ это время особенно тѣснить Москву и разорять страну. Не понимая тайнаго союза враговъ, русскіе люди изъ боязни вора рѣшили принять королевича и для этого „несовершенствомъ ума“ своего свергли Шуйскаго, постригли его и отослали къ королю, а литовское войско впустили въ Москву ¹⁾. Одинъ патріархъ Гермогенъ по-

¹⁾ Въ одномъ спискѣ Плача (ркп. гр. Уварова № 896, л. 231 об. — 232) вся вина сверженія Шуйскаго возложена на боярство: „Людіе жъ, живушіи въ велицѣй Росіи, властодержцы московстѣи боларе сотонною завистию и дьявольскимъ гордѣніемъ не восхотѣша царю Василю поклонитися, а не разумѣша вражебнаго королевскаго лукавства, восхотѣша пріяти королевича на Московское государство царствовать, и простотою и несовершенствомъ ума Богомъ избраннаго царя Василя Шуйскаго со престола здвинули и отъ царствія отлучили“. Въ другихъ спискахъ это мѣсто читается такъ: „Людіе же, живушіи въ великой Росіи, не уразумѣша вражебнаго королевскаго лукавства, восхотѣша пріяти королевича на Московское государство царствовать, и несовершенствомъ ума Богомъ избраннаго царя (Василя Ивановича всеа Русіи) съ престола свергнули и отъ царствія отлучили“ (Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 435 об. — 436. — Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодянск. № 1504, л. 261 об. (Сопоставленіе текстовъ свидѣтельствуетъ, что мѣсто о боярахъ насильственно разрываетъ пра-

нималъ всю опасность происшедшихъ событій и увѣщевалъ москвичей не дружить съ поляками: онъ указывалъ на полную невозможность сближенія съ врагами православія и, осуждая мятежное сверженіе законнаго государя, призывалъ народъ молить у Бога вразумленія и помощи ¹⁾. Не всѣ слушали Гермогена съ сочувствіемъ, многіе осуждали его, противъ него „нелѣпая вѣщающе“. А между тѣмъ поляки въ Москвѣ стали дѣлать насилія, построили костелы, наконецъ, воздвигли „многомятежную бурю“ на русскихъ людей и пролили рѣки крови. Авторъ разумѣетъ подъ этою бурей разрушеніе Москвы и, обращаясь къ тѣмъ людямъ, „иже не видѣша сщцеваго великія Росія разоренія“, требуетъ отъ нихъ усиленнаго вниманія къ этому главнѣйшему факту своего повѣствованія.

Поляки, говоритъ авторъ, завладѣвъ Москвою, не сразу рѣшились на ея разореніе, но ожидали удобной минуты и совѣщались съ предателями Салтыковымъ и Андроновымъ, „которымъ бы образомъ разорити превеликій градъ Москву“. Обсудивъ дѣло, они приготовились и исполнили свой умыселъ, когда „седмица наста спасительныхъ страстей“. Сперва они зажгли церкви и дома въ Москвѣ, затѣмъ стали избивать гражданъ и грабить то, что уцѣлѣло отъ огня. Каменные церкви были разграблены, иконы поруганы, всѣ драгоцен-

вѣнную фразу о довѣрчивыхъ и несовершенныхъ умомъ московскихъ людяхъ, которые свергли Шуйскаго не по гордости, а по своей простотѣ. Съ полнымъ основаніемъ поэтому можно считать это мѣсто позднѣйшею вставкой.

¹⁾ Приводимъ цѣликомъ увѣщаніе Гермогена, по списку Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504 (л. 261 об.—262 об.), исправляя его на основаніи другихъ списковъ (ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 436—437 об.—Ркп. гр. Уварова № 896, л. 232—233): „Непоколебимый же столпъ благочестія, предивный рачитель христіанскія вѣры, крѣпкій адамантъ, чадолюбивый отецъ, премудрый іерархъ, свѣтѣйшій Ермогенъ патріархъ Московскій (и) всея Русіи, видя людей Воинѣхъ въ величій Росіи мнущихся и зѣло погибающихъ, много наказуя ихъ, полезная вѣщая имъ, глагола: „Чада паствы моея! послушайте словеса моихъ. Что всѣ мятетесь и вѣрваете душа своя поганымъ полякомъ? Которое вамъ, словеснымъ овцамъ, причастіе (съ) злохитимыми волки? Вы кротцы о Христѣ, они же дерзостни отъ сатаны. Высте сами, яко издавна православная вѣра наша христіанская греческаго закона отъ иноплемениныхъ странъ ненавидима. Кими же правы примиримомся съ иноплеменинми сими? Лутче было вамъ искати, что со слезами и съ рыданіемъ всему народу зѣ женами и съ чады притещи къ неотсѣваемой надежи, ко всемолюстивому въ Троицы славному Богу и просити милости и щедроты у благодательныхъ Его десницъ, да подастъ намъ разумъ благъ, еже творити душамъ своимъ полезная и царствующему граду и окрестнымъ градомъ благоустроенная, и не мятежная“.

ности въ городѣ и въ царской казнѣ расхищены. Не пощадили даже раки мощей блаженнаго Василія, разсѣкли ее на части и на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, поставили коней и творили безчинства. Трупы убитыхъ побросали въ рѣку, а взятыхъ въ плѣнъ женщинъ подвергли поруганію. Уцѣлѣвшіе отъ избіенія москвичи бѣжали изъ Москвы и „по распутіямъ мнози мразомъ и голодомъ и различными скорбьми скончевашася“.

Такими чертами рисуется авторъ разрушеніе Москвы. Въ одномъ изъ двухъ списковъ, заключающихъ въ себѣ окончаніе Плача ¹⁾, непосредственно за этимъ описаніемъ московскаго пожара, убійствъ и грабежа, слѣдуетъ краткое заключеніе, въ которомъ авторъ призываетъ русскихъ людей къ покаянію и молитвѣ, „дабы премилостивый Богъ нашъ, человеколюбія ради своего, пощадилъ бы насъ отъ враговъ нашихъ и злоудавный совѣтъ ихъ искоренилъ и остатокъ бы Російскихъ царствъ и градовъ и веси миромъ оградилъ и всяки благодати исполнилъ и не предалъ бы насъ врагомъ нашимъ въ расхищеніе и въ плѣнъ“. Въ другомъ же спискѣ находимъ вставку, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, объ ополченіи Пожарскаго, освобожденіи Москвы и воцареніи Михаила Ѳеодоровича ²⁾. Сообразно съ

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 264 об.—265 об.

²⁾ Ркп. гр. Уварова № 896, л. 235 об.—237 об. — Вслѣдъ за картиной московскаго разоренія (послѣ словъ: „мнози по путемъ мразомъ и голодомъ смертію скончашася“) здѣсь читаемъ: „Милостивый бо Владыко человеколюбецъ Богъ нашъ, показуя наказавъ и не до конца роукоу христіанскій сыновъ русскихъ въ руки неварнымъ предаде. И сбѣжа съ Москвы отъ сихъ окаинныхъ убійцовъ поляковъ Богомъ соблюдаеміи воины князь Дмитрей Тимоѣевичъ Трубецкой да князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, да съ ними жъ приложисъ вупецъ ко-ровей именемъ Кузма Мининъ и нѣи съ ними воеводы, иже онѣ не восхотѣша душъ своихъ отъ Бога отщепити и отъ вѣры христіанскія отрѣшитися и въ Люторскую вѣру впасти и симъ неварнымъ не восхотѣша повиноватися. И побѣгоша по окрестнымъ градомъ рускимъ, въ Казанскія города, и въ Володимиръ, и въ Суздаль, нѣи въ Ярославль, нѣи въ Нижней Новгородъ. И собравша войско сыновъ русскихъ, иже кто изволилъ пострадати за благовѣріе, и за святую православную христіанскую вѣру, и за святыя церкви и обители, и за все православіе. И пришедше съ войсками подъ царствующій градъ Москву. Тѣмъ жъ окаинніи поляни сѣдша въ Москвѣ въ осаду и ждуще помощи отъ короля своего. И таково убо сихъ окаинныхъ смородцовъ и кровопивцовъ жестосердіе и крайнее сдѣланіе, яко плоти человѣчестія ядохша и кровь пьюще и съ шребія другъ друга убиваше и ядуще, а поворное не сотвориша и не здашася. И молящеся князя и воеводы вси Господу Богу и Пречистой Его Богоматери и постыщеся со всѣми своимъ воеводствомъ во всѣхъ градѣхъ и селахъ Російскія земли, старыя и юныя и со младенцы, три дни и три ноцы, дабы Господъ Богъ явилъ

этой вставкой передѣлано и заключеніе, въ которомъ вмѣсто молитвы о спасеніи „остатка“ государства читаемъ молитву о спасеніи „остатка рода христіанскаго“, о благополучіи новаго государя, о сохраненіи и вразумленіи сынкаита царскаго и бояръ, наконецъ, о прекращеніи браней и голода.

пастыря расхищенному стаду и словеснымъ овцамъ Греческаго закона и словеснаго языка государя и очищеніе царствующаго града Москвы. Милостивый бо и человеколюбивый Богъ нашъ молитвъ ради Пречистыя Матере Своея Владычцы нашея Царицы и Богородицы и Приснодѣвы Маріи и Іоанна Предтечи и обоимъдесяти апостолъ и всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ, и молитвъ ради святыхъ отецъ новонаверженныхъ чудотворцовъ, иже просіявшихъ въ Руской землі, святыхъ трехъ преосвященныхъ митрополитовъ Петра и Алексѣя и Іоны, и преемодобныхъ отецъ нашихъ, иже во обителѣхъ святыхъ и въ лаврахъ, и поста ради владенцы омыхъ,—въ три лѣта едва возмогоша сихъ окаянныхъ восхитить. Тутю жъ Божию помощію множество ихъ побѣдно бысть; оттуду жъ ихъ окаяный король возвратися прочь посрамленъ во свою Польшу вепять. А по охолодѣніи сихъ окаянныхъ и нечестивыхъ поляновъ въ Московскомъ государствѣ воздвиги Господь Богъ благовѣрнаго и благочестиваго, Богомъ почтеннаго, и Богомъ вознесеннаго, и Богомъ украшеннаго, и Богомъ вѣнчанаго, и Богомъ совершеннаго, и святыхъ елеомъ помазаннаго государя цари и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи самодержца Руской земли“. Что эти строки есть позднѣйшая вставка въ Плачъ, доказывается какъ различіемъ слога, такъ и внутреннимъ несоотвѣстствіемъ этого мѣста всему строю Плача. Плачъ посвященъ разоренію Москвы и кончается горькимъ сожалѣніемъ о ея погибеліи и молитвою о сохраненіи того, что еще уцѣлало въ государствѣ. Вставка же торжествуетъ по поводу освобожденія Москвы и избранія государя. Составитель ея не сумѣлъ приписать ей радостный тонъ съ печальнымъ тономъ всего Плача. Тотчасъ послѣ приведенной вставки слѣдуютъ такіе слова первоначальнаго Плача: „И кто сія слышалъ отъ крестьянъ, не наполнится плача и рыданія? Кто ли не ужаснется, толкнуто скорбь и язву слышаще? О присно по духу братіе! Кто ли не накажется толкними бѣдами, не о мѣстѣ своихъ скорбяще, не о разореніи святыхъ церквей и о помысленіи столпа благочестія истинныи христіанскіи вѣры рыдающе?“ Эти восклицанія въ первоначальномъ Плачѣ стоятъ вполнѣ въ мѣстѣ тотчасъ послѣ разсказа о разрушеніи Москвы, но звучатъ очень странно послѣ вставки о торжествѣ Руси надъ врагами и избраніи Михаила. Судя по тому, что составитель вставки не знаетъ обстоятельствъ возмуженія въ Нижнемъ земскаго ополченія, сѣвѣннваетъ ополченіе Трубецкаго съ ополченіемъ Пожарскаго и потому думаетъ, что Москву ополченіе осаждало три года, наконецъ, въ своемъ заключеніи къ Плачу молитъ Бога укротить страну и прогнать „ратныхъ“,—можно думать, что вставка въ Плачъ сдѣлана въ первое время царствованія Михаила. Тогда еще страна не была укрощена и не являлось еще такихъ литературныхъ произведеній, которыя позволили бы ознакомиться съ событіями смуты человѣку, лично ихъ не знающему. Таковъ былъ авторъ вставки, писавшій, очевидно, по неточнымъ слухамъ о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и государствѣ.

Нѣтъ необходимости доказывать, что изложеніе событій смутнаго періода въ Плачѣ далеко не вѣрно. Многочисленныя неточности, въ которыя впадаетъ авторъ Плача, достаточно объясняются его зависимостью отъ источниковъ, бывшихъ у него въ рукахъ. На одинъ источникъ—прошальную грамоту патріарховъ Іова и Гермогена—мы уже указывали выше. Этотъ документъ повліялъ лишь на повѣствованіе Плача о первомъ самозванцѣ. Гораздо шире, на всѣхъ частяхъ фактическаго разсказа Плача, отразились тѣ грамоты 1611 и 1612 годовъ, какія разсылались по городамъ изъ ополченій Пр. Ляпунова и кн. Д. М. Пожарскаго ¹⁾. Сличеніе Плача съ этими грамотами позволяетъ намъ понять самый процессъ составленія Плача и объясняетъ, откуда взялись у автора нѣкоторыя его ошибки. Авторъ Плача вполне усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія на событія, какую давали эти грамоты 1611—1612 годовъ. Составляя свое произведеніе, онъ прямо пересказывалъ въ немъ то, что находилъ въ грамотахъ, и даже вносилъ въ свой Плачъ отдѣльныя фразы изъ грамотъ цѣликомъ. Но простой языкъ грамотъ не удовлетворялъ его и онъ считалъ необходимымъ украшать свое произведеніе цвѣтистыми оборотами книжной рѣчи ²⁾.

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 251, № 262, № 281. — Акт. Арх. Эксп. II, № 185, № 188, V; № 203.

²⁾ Приведемъ нѣсколько сходныхъ мѣстъ Плача и той грамоты изъ ополченія Пожарскаго, которая болѣе всего повліяла на изложеніе Плача (Акт. Арх. Эксп. II, № 203). Въ грамотѣ о первомъ самозванцѣ говорится: „И своимъ злымъ умысломъ и по вражью дѣйству избѣжалъ въ Польшу и тамо безчисленныхъ и богомерскихъ ересей исполнился, и вмѣсто крестьянскія вѣры греческаго закона Люторскую и проклятую вѣру возлюбилъ, и безстыдно нарекъ себя царемъ Дмитріемъ“. Въ Плачѣ читаемъ: „Избѣжавъ въ Польшу и тамо безчисленныхъ богомерскихъ ересей скрывалъ сердца своего наполнилъ, и тмообразную свою душу пакы предалъ въ рудѣ сатанины, и вмѣсто крестьянскія вѣры Греческаго закона Люторскую трюкаванную вѣру возлюбилъ, и бевстыдне нарекъ себя царемъ Дмитреемъ присвопамятнаго царя Ивана сыномъ“ (Ркп. Моск. Публ. и Гум. Музеевъ № 2529, л. 429—429 об. — Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 256—256 об.). Въ грамотѣ читаемъ о ворахъ и полякахъ: „Къ нхъ же (то-есть, воровъ) злочестивому совѣту присталъ Литовскій король, преступивъ крестное цѣлованіе, на чемъ было утнерженіе съ царемъ Борисомъ, и послалъ съ тѣмъ воровъ Полскихъ и Литовскихъ людей: и съ тѣми воры сложася, Полскіе и Литовскіе люди многіе грады разорили, и святыя великія лавры разрушили, и нетлѣнные тѣлеса святыхъ обругали, и безчисленно православныхъ христіанъ мечному потребленію предали. И мнози воздыгошася врази, и тмочисленное шліася лукавство, и мнози отъ грабителей и ненасытныхъ проवादцовъ царя себя называше, Петрушка, и Августъ, и Лаврушка, и Федка, и иные многіе, и отъ нихъ многія крови разліашася и безчисленно бла-

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отбрасывая изъ грамотъ все то, что казалось ему лишнимъ въ Плачѣ, онъ дополнялъ Плачъ такими данными, которыхъ не находимъ въ грамотахъ. Такъ, напримѣръ, явилась у него приведенная нами рѣчь Гермогена: она составлена, вѣроятно, на основаніи слуховъ о патріархѣ, потому что ни въ одной изъ грамотъ мы не найдемъ ничего подобнаго этой рѣчи.

Отходя такимъ образомъ въ частности отъ своего главнаго источника, авторъ Плача остался ему вѣренъ въ своихъ общихъ представленіяхъ о ходѣ событій смутнаго времени. Онъ изображаетъ развитіе смуты съ появленія Тушинскаго вора, преимущественно по грамотамъ Пожарскаго ¹⁾. Эти грамоты другъ друга дополняютъ своими показаніями, но одна изъ нихъ отличается сравнительною подробностью и обстоятельностью ²⁾. Она была разослана въ города отъ всего ополченія Пожарскаго вскорѣ послѣ прихода его въ Ярославль (въ апрѣлѣ 1612 г.) и заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ событій со времени прекращенія династіи Калиты до обстоятельствъ распаденія Ляпуновскаго ополченія. Эта грамота болѣе другихъ послужила источникомъ для автора Плача: изъ нея онъ усвоилъ себѣ и отдѣльныя фразы, и фактическія ошибки и даже послѣдователь-

городныхъ людей мечемъ скончаша; милосердый же Богъ тѣхъ лженижнѣишыхъ враговъ, Петрушку съ товарищи, злой смерти предавъ". Въ Плачѣ это мѣсто грамоты подверглось нѣкоторой передѣлкѣ:... „Къ его жъ (Тушинскаго вора) злочестивому совѣту присталъ король Литовскій и посла бѣзсмертное воинство свое, и многіа грады вси разорилъ, и святыя и великіа лавры разрушилъ, и нетлѣнныя и пречестнѣйшія по успеніи тѣлеса святыхъ отъ благочестіи устроившихъ ракъ извергъ и конечному обруганію предавъ, и безчисленно православнаго народа мечному посѣченію предаша, и крови источницы проліяшася. И не единымъ симъ несмытнымъ кровопролитіемъ великодержавная Россія въ погибель впаде, но и многи воздвигошася врази и тмочисленное изліяся лукавство. Мнози отъ грабителей и несмытныхъ кровоядцевъ царями именоваша себе и многіа имена на ся возложиша: нѣкъ наречеса Петръ, нѣкъ же Иванъ, нѣкъ же Августъ, нѣкъ Лаврентей, нѣкъ Гурій. Отъ нихъ тако же многіа крови изліяшася, безчисленно благородныхъ мечемъ скончашася, ихъ же всѣхъ превысокая Божія десница побѣди, и мнотекущая ихъ преблудная слава, яко дымъ, разліяся и, яко прахъ, разсыпаса" (Рип. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 259—259 об. — Рип. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 432 об. — 433 об. — Рип. гр. Уварова № 896, л. 223—224). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы установить фактъ заимствованія Плача изъ грамоты. Послѣдовательное сличеніе этихъ памятниковъ открываетъ въ нихъ много одинаковыхъ выраженій и фразъ.

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281. — Акт. Арх. Эксп. II, № 203.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 203.

ность изложенія. Слѣдуя за этою грамотой, онъ думаетъ, что Сигизмундъ былъ въ совѣтѣ и въ союзѣ съ Тушинскимъ воромъ и что польскія войска явились на Русь въ помощь вору. Какъ въ грамотѣ, въ Плачѣ за разсказомъ о ворѣ слѣдуетъ перечисленіе мелкихъ самозванцевъ ¹⁾. И грамота, и Плачъ одинаково даютъ понятіе, что поляки завладѣли Москвой посредствомъ скрытаго соглашенія съ Тушинскимъ воромъ, который по ихъ наущенію подступилъ къ Москвѣ и страхомъ своего нападенія заставилъ москвичей принять польскій гарнизонъ и свергнуть Шуйскаго. Одними словами оба памятника описываютъ поведеніе поляковъ въ Москвѣ и ихъ совѣщаніе съ русскими измѣнниками о разореніи Москвы. Но о поведеніи русскихъ измѣнниковъ Салтыкова и Андропова и о самомъ разрушеніи Москвы въ апрѣльской грамотѣ Пожарскаго говорится меньше, чѣмъ въ другихъ грамотахъ его и Лапунова. Авторъ Плача въ этомъ случаѣ слѣдуетъ болѣе подробному источнику. Сохраняя ту послѣдовательность изложенія, какую онъ заимствовалъ изъ апрѣльской грамоты, онъ дополняетъ ея разсказъ данными другихъ грамотъ. Такъ его убѣжденіе, что Салтыковъ и Андроновъ пришли подъ Москву вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ и прельстили москвичей принять королевича, очевидно, основано на грамотѣ Пожарскаго, разосланной въ города въ іюнѣ 1612 года ²⁾. Къ даннымъ этой послѣдней грамоты близокъ въ общихъ чертахъ и разсказъ Плача о московскомъ разореніи. Но грамоты Пожарскаго собственно о московскомъ разореніи только повторяютъ слова грамоты Лапунова съ немногими отступленіями и сокращеніями ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсказъ Плача о сожженіи Москвы, будучи близокъ къ грамотамъ Пожарскаго, еще ближе подходитъ къ грамотамъ Лапунова ⁴⁾. Поэтому въ

¹⁾ Въ Плачѣ, впрочемъ, находимъ такіа имена самозваныхъ царевичей (Иванъ, Гурій), какихъ нѣтъ въ грамотѣ (Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 433.—Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 259 об.—Авт. Арх. Эксп. II, № 203, стр. 354. См. также *Бутурлина* Исторія смутнаго времени, II, Приложение VII, стр. 56—57).

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281.

³⁾ Сравни. грамоты, помѣщенные въ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 251 и № 262, и въ Авт. Арх. Эксп. II, № 185 и № 188, V, съ грамотами, помѣщенными въ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281 и въ Авт. Арх. Эксп. II, № 203.

⁴⁾ Излагая содержаніе Плача, мы передали его разсказъ о сожженіи Москвы со всѣми подробностями. При сравненіи ихъ съ грамотами можно замѣтить, что Плачъ воспроизводитъ и такіе факты, которыхъ нѣтъ въ грамотахъ Пожарскаго, но которые находятся въ грамотахъ Лапунова (обращеніе церквей въ конюшни: Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 251.—Авт. Арх. Эксп. II, № 188, V).

данномъ случаѣ основательнѣе будетъ предположеніе, что авторъ Плача зналъ и тѣ и другія грамоты и пользовался ими всѣми.

Утверждая зависимость Плача отъ названныхъ нами грамотъ, мы этимъ не утверждаемъ, что авторъ Плача не имѣлъ другихъ источниковъ. Въ его изложеніи можно указать такіа подробности, происхождение которыхъ не объясняется указанными грамотами. Таковы нѣкоторыя частности разсказа о первомъ самозванцѣ, отъѣзды о Гермогенѣ и нѣсколько мелкихъ фактическихъ чертъ, которыми авторъ дополнялъ кое-гдѣ показанія грамотъ ¹⁾. Всѣ эти черты могли быть заимствованы изъ какихъ-нибудь письменныхъ источниковъ, но могли быть занесены въ Плачъ и на основаніи простыхъ слуховъ. При общей краткости Плача, такіа независимыя отъ грамотъ мѣста его въ общей сложности составляютъ нѣсколько фразъ; притомъ по содержанию своему они не даютъ историку ничего новаго. Только отношенію автора къ Гермогену можетъ имѣть значеніе въ ряду прочихъ характеристикъ патріарха, сдѣланныхъ его современниками, людьми первой половины XVII вѣка. Такимъ образомъ Плачъ, какъ произведение, составленное на основаніи извѣстныхъ намъ документовъ и не заключающее въ себѣ новыхъ фактическихъ данныхъ, имѣетъ весьма малую историческую цѣнность.

Знакомство съ источниками Плача даетъ намъ основаніе для

¹⁾ Таковы сообщенія автора объ уничтоженіи раки блаженного Василія въ Москвѣ, о поруганіи труповъ и о страданіяхъ удалявшихся отъ московскаго погрома Москвичей: „И раку блаженного и цѣлбоуснаго тѣлеси великаго Василія о Христѣ юродиваго разсѣкоша на многи части и одръ съ мѣста, иже бысть подъ ракою святаго, здвигнуша. А на томъ мѣстѣ, идѣже лежитъ блаженное тѣло святаго Василія, конемъ мѣста устроиша и съ женообразными лицы безстыднѣе и безстрашнѣе того святаго блаженного Василія въ церкви блудное спаредіе творяще. Неповинныхъ побіенныхъ православныхъ христіанъ, иже погребенія сподобилася, но въ рѣку ввергоша всѣхъ побіенныхъ тѣлеса... Избѣгшимъ же отъ рукъ ихъ, по распутіемъ мнози мразомъ и голодомъ и различными скорбями скончавашася“ (Приводимъ текстъ по рип. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 264—284 об., съ исправленіями по рип. гр. Уварова № 896, л. 235—235 об.). Всѣ эти свидѣнія находимъ въ такъ-называемой Рукописи Филарета (Рукопись Филарета, стр. 47—48.—Сборникъ *Мухомова*, изд. 2-е, стр. 309—310). Нѣтъ основаній предполагать, чтобы они сюда были перенесены изъ Плача: Рукопись Филарета повѣствуетъ объ этихъ фактахъ въ совершенно иной формѣ, чѣмъ Плачъ. Въ свою очередь и Плачъ не могъ заимствовать изъ Рукописи Филарета, такъ какъ былъ составленъ ранѣе ея. Остается предположить поэтому, что у обоихъ произведеній былъ одинъ и тотъ же неизвѣстный намъ источникъ.

нѣкоторыхъ соображеній о его авторѣ и о времени написанія самаго произведенія. Авторъ Плача, безъ сомнѣнія, не былъ москвичемъ: ни одна черта его повѣствованія не даетъ намъ права заключать, что онъ былъ свидѣтелемъ московскаго разоренія. Еслибъ онъ самъ видѣлъ пожаръ, грабежи и убійства въ Москвѣ, въ его разсказѣ это отразилось бы большею точностью и содержательностью изложенія. Сравнивая же немногія строки Плача о разрушеніи Москвы съ показаніями о немъ Новаго Лѣтописца и Рукописи Филарета, въ которыхъ видны впечатлѣнія очевидцевъ ¹⁾, мы можемъ только удивляться безцвѣтности и неопредѣленности разсказа Плача. Простыя фразы грамотъ, легшія въ основу этого разсказа, подверглись въ Плачѣ риторической переработкѣ и въ новой формѣ потеряли свою прежнюю выразительность. Къ такому приему передѣлки чужихъ показаній не прибѣгъ бы очевидецъ, богатый собственными воспоминаніями. Не видѣвъ московскихъ событій лично, сочинитель Плача однако зналъ о нихъ по грамотамъ. Въ его рукахъ были, какъ мы старались показать, правительственныя грамоты разныхъ лѣтъ, и по ихъ сообщеніямъ онъ разсказывалъ всѣ событія смуты, и особенно сожженіе Москвы, тѣмъ людямъ, „иже не видѣша сиеваго великія Росія разоренія“, то-есть, не москвичамъ. На основаніи этихъ данныхъ можно построить догадку, что авторъ Плача составилъ свое произведеніе въ какомъ-нибудь городѣ или уѣздѣ для поученія мѣстныхъ жителей. Если онъ считалъ возможнымъ, не видя событій своими глазами, разсказывать о нихъ другимъ, то это показываетъ намъ, что онъ былъ болѣе другихъ знакомъ съ этими событіями по слухамъ и по грамотамъ. Въ такомъ положеніи всего легче могло быть лицо изъ мѣстной администраціи или духовенства, получавшее и хранившее грамоты, разсылаемыя правительствомъ.

Что касается до времени составленія Плача, то о немъ въ самомъ произведеніи нѣтъ данныхъ. Слова, читаемыя въ одномъ изъ списковъ послѣ заглавія: „сотвориже сіе плѣненіе и разореніе царствующему граду Москвѣ въ лѣто 7119 (1611) году“ ²⁾,—относятся только къ факту сожженія Москвы и датой произведенія служить не могутъ. Зная, что авторъ Плача пользовался грамотой, разосланною изъ опол-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 156—158.—Лѣт. о мв. мят., изд. 2-ое, 210—213.—Новый Лѣтописецъ, 131—134.—Рукопись Филарета, стр. 47—48.—Сборникъ *Мухомова*, изд. 2-ое, стр. 309—310.

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотека Погодинск. № 1504, л. 253.

ченія Пожарскаго въ апрѣлѣ 1612 г. ¹⁾, и, быть можетъ, даже грамотой, разосланной въ іюнѣ того же года ²⁾, мы отнесемъ составленіе Плача не къ 1611, а къ 1612 году, и притомъ къ его серединѣ или осеннимъ мѣсяцамъ. Въ концѣ 1612 г. вѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ уже разнеслась по государству; но авторъ Плача, прося у Бога пощады „остатку государства“, еще не знаетъ объ освобожденіи его столицы.

Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію, извѣстна намъ по одному списку ³⁾. Она представляетъ собою многословное повѣствованіе лишь о одномъ фактѣ—знаменіи, которое было видѣно на небѣ авторомъ Повѣсти. Въ предисловіи къ разсказу объ этомъ знаменіи авторъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе бѣдствій, пережитыхъ Русью въ смутное время. Онъ вѣритъ въ неизбѣжность скорого небеснаго возмездія за грѣхи „овогда гладомъ, овогда огненными запаленіи, овогда же безбожныхъ нахоженіи и межиусобною бранію и прочими таковыми“. Такъ какъ русскіе люди грѣшили „отъ главы и до ногу, сирѣчь отъ великихъ и до нижайшихъ“, то „таковой грѣхъ не можетъ очиститися ничимъ же, точію огнемъ и мечемъ и прочими таковыми, якоже содѣяся во дни наша“. Но въ своемъ изложеніи авторъ не развиваетъ этой мысли: онъ прямо переходитъ къ описанію своего видѣнія, и хотя часто отвлекается отъ него, но не для того, чтобы убѣдить читателя въ грѣховности русскихъ людей, и не для того, чтобы показать имъ всю картину заслуженныхъ ими бѣдствій. Говоря, что его разсказъ относится къ 7116 (1608) году, къ царствованію царя Василия, авторъ при царскомъ имени приводитъ полную форму царскаго титула съ офиціальнымъ родословіемъ Шуйскихъ, которое восходитъ, по его мнѣнію, до Θεодосія Великаго съ сыновьями Гоноріемъ и Аркадіемъ. Возвращаясь къ своей темѣ, авторъ опять указываетъ, что его повѣст-

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 203.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281.

³⁾ Ряз. Имп. Публ. Библиотеки F. IV. 222 (изъ собранія гр. Ф. А. Толстова, отд. I, № 241), въ листѣ, скорописью XVII вѣка, на 125 лл. На л. 1—118 находится краткій лѣтописецъ, на л. 119—121 разбираемая Повѣсть, имѣющая такое заглавіе: „Счинена Повѣсть сія о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Росію грѣхъ ради нашихъ, и о видѣніи нѣкоего знаменія въ нынѣшнемъ родѣ нашемъ, о немъ же предъ слова бесѣда изъяснить“. За Повѣстью, на лл. 124—125 об., помѣщено послѣсловіе къ ней подъ особымъ заглавіемъ „Молитва“.

вованіе относится къ третьему лѣту царствованія Шуйскаго и ко времени патріарха Гермогена, и затѣмъ опять отвлекается въ сторону для того, чтобы объяснить, при какихъ историческихъ обстоятельствахъ произошло видѣнное имъ знаменіе. Въ третье лѣто царствованія Шуйскаго, по его словамъ, была „велия брань“ на Руси „отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ казаковъ донскихъ“. Казаки одного изъ своей среды назвали царевичемъ Димитріемъ и, собравъ войско „изъ поляковъ и литвы и угрянъ и черкасовъ запорожскихъ и прочихъ языкъ“, пришли подъ Москву. Они стали таборами въ Тушинѣ, „понеже то мѣсто велими крѣпостно“, и оттуда разсыпались по всему государству, оскверняя церкви, сожигая города и села, убивая и уводя въ плѣнъ жителей. Видя въ этихъ бѣдствіяхъ исполненіе библейскихъ предсказаній, авторъ обращается къ святому князю Владиміру и спрашиваетъ: какъ Владиміръ и другіе святые князья его „отрасли“ не умолили Бога пощадить русскихъ людей? Но на это самъ же авторъ отвѣчаетъ своимъ соображеніемъ: „аще они и молятъ, но не противятся судьбамъ Божиимъ; понеже убо согрѣшиша (русскіе люди) отъ главы и до ногу: аще не огнемъ и мечемъ, ниѣмъ ничимъ же могутъ очиститися таковыя грѣхи“. Послѣ этого авторъ сообщаетъ, что въ то тревожное время онъ былъ посланъ изъ Москвы въ города вмѣстѣ съ „толмачемъ нѣмецкаго языка“ Григоріемъ Кропольскимъ „изъ пресвѣтлыя его (царя Василія) палаты, рекомыя Посолскаго приказу, его царскія тайныя думы отъ дѣяка зовомого именованіемъ Василія, по рекломъ же нарицаешь Телепневъ“ ¹⁾. Толмачу Кропольскому вмѣстѣ съ авторомъ велѣно было ѣхать, „съ царскими епистолиями на собраніе чина воинскаго въ супротивленіе тѣхъ окоянныхъ предиреченныхъ враговъ“, въ Переяславль Залѣсскій, въ Ростовъ, въ Ярославль Поволжскій, на

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки F. IV. 222, л. 122.—О Гр. Кропольскомъ свидѣній мы не имеемъ. Что касается до думнаго дѣяка Василія Григорьевича Телепнева, то при Шуйскомъ онъ сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ въ 1606—1610 годахъ и считался приверженцемъ Шуйскаго (Др. Росс. Вивл., XX, стр. 365.—Акт. Ист. II, № 310.—Русск. Ист. Библіотека, IX, стр. 438). По сверженіи Шуйскаго онъ остался однако у дѣлъ, былъ въ числѣ лицъ, заключавшихъ съ Жолѣвскимъ договоръ объ избраніи Владислава, и читалъ полякамъ тѣ статьи, которыми бояре желали обусловить власть королевича (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 199 и № 200.—Записки Жолѣвскаго, изд. 2-е, стр. 74). Позднѣе, не смотря на то, что былъ въ подозрѣніи у поляковъ (Акт. Ист. II, № 310), онъ оставался въ составѣ боярской думы и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нею (Акт. Ист. II, № 321 и № 322).

Кострому и въ Галичѣ. Такъ какъ Москва была тогда въ осадѣ и дороги во власти измѣнниковъ, то авторъ со своимъ спутникомъ пробирался „окольными дорогами: Владимірскою на Киржацкій ямъ, и гдѣ возможно отъ нихъ (враговъ) пройти, на Благовѣщенской монастырь, рекомый на Киржацѣ, на Александрову слободу, на Переяславль Залѣсскій“ ¹⁾. И вотъ на пути „отъ Александровы слободы къ Переяславлю“ „о полудни въ постѣ верховныхъ апостолъ Петра и Павла“ ²⁾ авторъ былъ свидѣтелемъ небеснаго явленія, на которое указалъ ему Кропольскій. Оно состояло въ томъ, что на небесныхъ облакахъ глазамъ путниковъ представились левъ и змѣй, окруженные звѣрами и змѣями. И левъ, и змѣй какъ бы желали растерзать другъ друга, но оба исчезли съ небесъ, и облака приняли свой обычный видъ. Прихотливыя и перемѣчивыя очертанія облаковъ, въ воображеніи путешественниковъ принявшія формы страшныхъ существъ, вызвали со стороны толмача любопытныя толкованія. Онъ объяснилъ автору, что это не простое явленіе, а знаменіе: левъ изображаетъ царя Шуйскаго, змѣй—Тушинскаго вора, а звѣри и змѣи вокругъ нихъ—ихъ приверженцевъ. Какъ левъ и змѣй желали поглотить одинъ другаго, но оба скоро исчезли, такъ Шуйскій и воръ, не одолѣвъ другъ друга, должны скоро погибнуть ³⁾. Объясненію то-

¹⁾ Предъ описаніемъ своего пути авторъ снова дѣлаетъ неловкое отступленіе: сказавъ о томъ, что дороги отъ Москвы во власти враговъ, онъ вдругъ переходитъ къ царю Василію и хвалить его кроткое долготерпѣніе, какое онъ обнаруживалъ, сидя въ осадѣ и видя измѣну многихъ подданныхъ (л. 122—122 об.).

²⁾ Этими словами опредѣляется время описываемаго видѣнія. Оно было въ Петровъ постъ: съ 23-го мая до 29-го іюня 1608 г. (*Горбачевскаго* Археогр. Календарь, таблица 6-я). Но врядъ ли оно могло быть ранѣ середины іюня, такъ какъ, по словамъ автора, онъ былъ посланъ уже тогда, когда воръ поставилъ свои таборы въ Тушинѣ: это произошло въ началѣ іюня 1608 г. Историки, основываясь на показаніи Буссова, говорятъ, что воръ подошелъ къ Москвѣ 1-го іюня. (*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, изд. 5-е, стр. 49 и прим. 193.—*Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 189).

³⁾ Приводимъ цѣлкомъ разсказъ Повѣсти о знаменіи: „Той предреченный толмачъ вѣмедій Григорій Кропольскій рече ми на пути о полудни въ постѣ верховныхъ апостолъ Петра и Павла: зриши ли, что на облацѣхъ небесныхъ прямо насъ? Азъ же, по пореченію его, возрѣхъ велие, чудное и ужасное знаменіе, и рече ему: зрю, господине мой. Онъ же рече ми: чесо зриши? рцы ми. Азъ же глагола ему: Страшно, господине, знаменіе велими зрю: льва, звѣря зѣло превелика и пречудна, одесную страну стояща, а ошуюю страну прямо его недалече змѣя прелюта и прегорда стоящи неподвижно, а хочеть яко единъ единого возхитати и разтервати. А окрестъ льва великого множество

варища авторъ повѣрилъ и вспомнилъ его, когда умерли и воръ въ Калугѣ, и Шуйскій въ плѣну ¹⁾). Удивленный исполненіемъ знаменія, онъ разсказалъ о небесномъ явленіи какому-то настоятелю монастыря: „етеру нѣкіе честныя обители содержащему паству“. Тотъ же понудилъ его „писанію предати, начертати на харатійцѣ“ свой разсказъ. Не желая ослушаться, авторъ исполнилъ это, и такимъ-то образомъ создано его произведеніе.

Оканчивается оно молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, „дабы отвратилъ отъ насъ гнѣвъ своего праведнаго прещенія, негли умилосердится всещедрая и человеколюбная утроба Его. Возможна вся суть Ему, всещедрому содѣтелю, аще изволить; яко по доволнѣмъ наказаніи нашего согрѣшенія, и паки можетъ всеильный Господь погребеную, яко въ пепелѣ, искру благочестія во тмѣ злочестивыхъ разорителей возжещи зѣло и попалити нечестивыхъ и зловѣрныхъ, якоже терніе, и паки просвѣтити свѣтъ благочестіе“. Но за этою краткою молитвой авторъ подъ особымъ заглавіемъ помѣстилъ вторую, болѣе пространную. Въ ней онъ снова проситъ Бога отвратить отъ

звѣрей различными образами: змیا же прелютаго окрестъ множество змій малыхъ. И по колику времени нача видѣніе то миноватися: змій окружишася выспрь ногами и нача по малу изчезати; левъ же припаде на чрево и нача по малу убывати; и потомъ ни единъ невидимъ бысть, и прочіе звѣри и змii тако жъ невидими быша, и облака паки устроишася во своемъ естествѣ. Предреченный же Григорій рече ми: разуиѣши ли сего видѣнія знаменіе? Азъ же рече: Ни, господине мой, отнюдь недоумѣюся, но токмо ужасаюся. Онъ же нача глаголати ми и разсуждати: Разумай, рече, сіе есть знаменіе: Левъ превеликій—то есть нашъ благочестивый христіанскіе вѣры поборникъ, царь и великій князь Василій. Окрестъ же его звѣріе—его подручники, православніи народи сынове Россійстѣи, побораа съ нимъ по правовѣрію. Змій же прелютый и прегордый—Тушинской царь, коварственный лживый царевичъ Дмитрій. А окрестъ его множество змій—то споборатели съ нимъ оволяніи они богоотметніи языцы. Оба изгибше, левъ и змій, и прочіе окрестъ звѣріе и змii такожде—то есть покажутъ вскорѣ обоимъ царемъ будетъ нашествіе и прекращеніе, а ни единъ кождо не одолѣеть“ (л. 122 об.—123 об.).

¹⁾ „Не въ долѣи времени вся сія збышася, еже рече онъ: И Тушинского лживого и коварственнаго царя во градъ, нарицаемомъ Колугѣ, внезапной напрасной смерти предаша зовомый князь Петръ Урусовъ, главу ему отсѣкша, а самъ по убіеніи его убѣгъ въ орду Нагайскую, понеже бо онъ сродствіа томъ Нагайскіа орды. А приснопамятнаго самодержца Московского благочестиваго царя Василія свои ему подручники съ царства свергнуша и насиліемъ въ черницы постригоша и къ полскому и къ литовскому къ Жигимонту королю отдаша и со единокровными его братіями, со княземъ Дмитреемъ и со княземъ Иваномъ, тамо же и скончашася нужною смертію“ (л. 123 об.).

русскихъ людей праведное Его прещеніе и подать имъ помощь на враговъ. „Способствуй вѣрному слугѣ своему, православному царю нашему, и христолюбивому его воинству храбрость и помощь и одолѣніе подаждь на видимыя и невидимыя враги наша“,—такъ молится авторъ за всѣхъ, а затѣмъ начинаетъ просить милости и для себя. При этомъ онъ говоритъ: „именованія же своего, Владыко, не возмогу и стыжуся объявити за премножество грубости моя и превеликихъ и безчисленныхъ злосмрадныхъ и злогнусныхъ пребеззаконій моихъ“.

На основаніи этихъ двухъ молитвъ можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить время написанія Повѣсти. Изъ разсказа автора ясно, что онъ писалъ уже послѣ смерти Тушинскаго царика и послѣ смерти В. И. Шуйскаго. Самовлавецъ былъ убитъ 11-го декабря 1610 года¹⁾, а Шуйскій умеръ въ плѣну 12-го сентября 1612 года²⁾. Стало быть, ранѣе конца 1612 года авторъ не могъ записать видѣннаго имъ знаменія. Въ заключительной своей молитвѣ онъ молить Бога о „православномъ царѣ“; это свидѣлствуетъ намъ, что онъ писалъ уже по избраніи Михаила Федоровича, значить, даже позже 1612 года. Но къ какому времени царствованія царя Михаила относитъ его Повѣсть, мы не могли бы сказать, еслибы нѣкоторыя мѣста его молитвъ не служили намъ въ этомъ путеводною нитью. Авторъ очень опредѣленно проситъ у Бога, „по довольнымъ наказанію“ русскихъ людей, отвратить отъ нихъ „гнѣвъ своего праведнаго прещенія“, снова возжечь искру благочестія и погасить ея „нечестивыхъ и зловѣрныхъ“. Эти слова обнаруживаютъ, что авторъ писалъ еще въ смутную пору и еще видѣлъ опасность для Руси отъ ея „разорителей“. Противъ нихъ-то онъ и желаетъ успѣха православному государю. По этимъ частностямъ его молитвъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ относить его Повѣсть къ самому первому времени Михайлова царствованія. Слабость новаго московскаго правительства въ началѣ его дѣятельности, броженіе казачества и грабежи польскихъ шаекъ внутри государства, наконецъ, враждебныя отношенія къ Польшѣ и Швеціи не могли внушать современникамъ увѣренность въ спокойной будущности. Для нихъ въ первые годы новой династіи смута еще не кончилась, и они могли молиться о ея окончаніи именно такъ, какъ молился авторъ Повѣсти³⁾.

¹⁾ Арт. Ист. II, № 307.

²⁾ Голицына Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, т. XII, стр. 340—341.

³⁾ Есть въ текстѣ Повѣсти одинъ признакъ, по которому можно предпола-

Авторъ скрылъ свое „именованіе“, но не скрылъ своего общественнаго положенія. Изъ его словъ ясно, что онъ служилъ въ по-сольскомъ приказѣ, а по его слогу весьма вѣроятно, что онъ былъ подьячимъ или дьякомъ, привыкшимъ къ языку официальныхъ бумагъ. Онъ начинаетъ свою Повѣсть витиеватою фразой, безъ сомнѣнія, заимствованною изъ какой-нибудь торжественной официальной грамоты ¹⁾, и не затрудняется во всей полнотѣ и точности привести царскій титулъ въ его торжественной формѣ. Но, не смотря на нѣкоторую привычку автора писать книжнымъ языкомъ и даже на его начитанность въ сферѣ библейскихъ текстовъ, которые авторъ нерѣдко приводитъ, его Повѣсть не обладаетъ ни внутреннею стройностью, ни внѣшнею правильностью изложенія. Историческая цѣнность ея показаній ничтожна: историкъ не можетъ заимствовать изъ нея ни одного факта, если не считать любопытными и полезными краткихъ указаній на тѣ пути сообщенія, къ которымъ прибѣгали при невозможности пользоваться прямою дорогою изъ Москвы на сѣверъ. Все, что рассказываетъ авторъ о событіяхъ смуты, лучше извѣстно по другимъ источникамъ; самое же знаменіе, которому посвящена Повѣсть, представляется простою игрою празднаго воображенія, а не результатомъ того нравственнаго кризиса, слѣды котораго мы видѣли, напримѣръ, въ Повѣсти протопопа Терентія.

Въ заключеніе обратимся къ двумъ сказаніямъ о чудесныхъ видѣніяхъ 1611 года. Ненсправность списка, въ которомъ намъ пришлось ознакомиться съ этими сказаніями ²⁾, лишаетъ насъ возможности

гать, что Повѣсть писана до 1619—1620 г. О Шуйскихъ авторъ говоритъ, что они у короля „скончашася нужною смертію“. Онъ не знаетъ такимъ образомъ, что кн. Иванъ Шуйскій остался живъ. Эгого не могло бы быть, еслибъ авторъ писалъ послѣ возвращенія кн. Ивана въ Москву, которое состоялось въ концѣ 1619 или началѣ 1620 г. (*Соловьева Ист. Россіи*, IX, по изд. 1875 г. стр. 135, 143, 188). Иванъ Шуйскій остался при царѣ Михаилѣ въ прѣмѣхъ своемъ чинѣ боярина (Др. Росс. Вивл., XX, стр. 66 и 98), и авторъ Повѣсти, служивый московскій человекъ, не могъ не знать о его возвращеніи и службѣ.

¹⁾ „Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всевышняго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнѣмъ, въ превеличѣй и въ превысочайшей велегнѣпнѣй святѣй славѣ величества своего, сѣдѣщаго на престолѣ херувимстѣмъ (здѣсь можно предполагать пропускъ) въ вѣдѣхъ отчѣихъ и на земнородныхъ насъ призирая милостивнымъ си окомъ“ (л. 119).. Сравни., напримѣръ, начало „богословіе“ грамотъ въ Акт. Арх. Эксп. II, № 7 и № 4.

²⁾ Рип. Имп. Публ. Библіотеки Эрмитажа. № 358, въ листѣ, скорописью XVIII в., 70 нумерованныхъ и нenumерованныхъ листовъ. Эта рукопись пред-

предложить читателю ихъ обстоятельный разборъ. Допуская частыя описки и искаженія текста, переписчикъ сверхъ того не сумѣлъ привести въ порядокъ листы оригинала, и потому части двухъ различныхъ сказаній оказались перемѣшанными. Если при внимательномъ чтеніи и возможно различить и соединить отрывки каждаго произведенія, все-таки нельзя быть увѣреннымъ, что возстановленный текстъ будетъ исправенъ и полонъ.

Первое изъ этихъ сказаній повѣствуетъ о видѣніи, бывшемъ „человѣку благочестиву именемъ Григорію“ въ Нижнемъ-Новгородѣ 26-го мая 1611 (7119) года. О видѣніи Григорія рассказываетъ и Новый Лѣтописецъ ¹⁾. По его словамъ, въ первомъ подмосковномъ ополченіи, послѣ смерти Пр. Ляпунова, не-извѣстно откуда явился свитокъ съ рассказомъ о нижегородскомъ чудѣ. Передавая кратко содержаніе чуда, состоявшаго въ томъ, что Господь, явившійся Григорію во снѣ, повелѣвалъ русскому народу покаяться и поститься три дня, авторъ Новаго Лѣтописца замѣчаетъ, что дѣйствительно постъ былъ во всемъ государствѣ: „отъ того же писанія и постъ зачася; въ Нижнемъ же того отнюдь не бѣше“, прибавляетъ онъ, „и мужа Григорія такова не знаху, и посту въ Нижнемъ не бысть; нижегородцы же о томъ дивяхуся, откуда то взяся“. Это обстоятельство авторъ Новаго Лѣтописца считаетъ совсѣмъ непонятною „тайной“: „небѣдомо, отъ Бога ли, или отъ человѣка“, говоритъ онъ о происхожденіи поста и появленіи свитка съ указаніемъ о чудѣ. Этого недоумѣнія Новаго Лѣтописца мы не можемъ разрѣшить помощью прочихъ источниковъ. Изъ отписки сольвычегодцевъ пермичамъ, которая была писана въ 7120 (1611 — 1612) году, и при которой сохранилось въ первоначальномъ видѣ сказаніе Григорія, узнаемъ, что въ Соли-Вычегодской извѣстіе о нижегородскомъ видѣніи было получено изъ Устюга, въ Устюгѣ изъ Вологды, а въ Вологдѣ „изъ Ярославля и изъ иныхъ городовъ“ ²⁾. О Нижнемъ-Новгородѣ здѣсь нѣтъ никакого упоминанія: сказаніе о чудѣ идетъ на сѣверо-востокъ

составляетъ собою сборникъ грамотъ XVII вѣка, выписанныхъ въ сибирскихъ архивахъ. Въ приложеніи къ одной изъ грамотъ 7120 (1611 — 1612) года (Акт. Арх. Эксп. II, № 199) и находятся, на лл. 9 об.—12, оба разбираемыхъ сказанія.

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143. Въ послѣднемъ при рассказѣ о видѣніи находимъ ссылку: „зри Прологъ октября въ 22 день“; но въ печатномъ Прологѣ (по изд. 1817 г. листъ 136) о видѣніи Григорія нѣтъ ни слова.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 199.

Руси не прямо изъ Нижняго, а изъ Ярославля. И въ самомъ сказаніи не находимъ никакихъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, въ Нижнемъ ли именно, или же въ иномъ мѣстѣ Григорій написалъ рассказъ о своемъ видѣніи. Въ концѣ сказанія онъ говоритъ только: „азъ я многогрѣшный Григорей видѣ видѣніе се въ Нижнемъ-Новѣградѣ“¹⁾, но не объясняетъ, гдѣ онъ составилъ свое сказаніе и кому объявилъ его. Такимъ образомъ намъ не представляется возможности ни опровергнуть показанія Новаго Лѣтописца, ни истолковать его удовлетворительно.

Что сказаніе о видѣніи въ Нижнемъ составлено самимъ Григоріемъ, ясно изъ только что приведенныхъ его словъ и изъ того, что рассказъ ведется Григоріемъ въ первомъ лицѣ. Однако въ началѣ сказанія кѣмъ-то прибавлено вступленіе, заимствованное изъ Повѣсти протопопа Терентія и приглашающее благочестивыхъ людей, „да съ радостію прійдутъ слушати слова Божія; къ тому жъ явися видѣніе въ Нижнемъ-Новѣградѣ чловѣку благочестиву именемъ Григорью“ Видѣніе Григорія, по его собственному разсказу, состояло въ слѣдующемъ: Отговѣвъ на первой недѣлѣ Петрова поста, въ ночь на воскресенье 26-го мая²⁾ спалъ онъ въ храминѣ, — и вдругъ „взяся покровъ храма того и воздвижеса на всѣ четыре страны“. Въ сіяныи небеснаго свѣта увидѣлъ Григорій „Господа сходяща во образъ чловѣчестѣй“ и съ Нимъ чловѣка въ бѣлыхъ ризахъ. И казалось Григорію, что чловѣкъ въ бѣлыхъ ризахъ сталъ съ правой его стороны, а Господь возсѣлъ на персяхъ Григорія и, благословивъ его, велѣлъ ему проповѣдать „во градѣ семъ, чтобы принали постъ и молитву съ покаяніемъ“. Затѣмъ спутникъ Господа сказалъ Ему, „Господи, зри: въ Россійскомъ государствѣ вселенскій соборъ собирають отъ всея земли власти, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и всѣ православные христіане и молятъ Тебѣ, чловѣколюбцу Богу: простиши ли ихъ?“ Господь отвѣчалъ, что проститъ, если покаются и будутъ поститься „три дни и три ночи“. Тогда предстоящій Господу спросилъ Его, когда и гдѣ именно должны поститься русскіе люди, и получилъ отвѣтъ, что они должны

¹⁾ Такъ мы рѣшаемся прочесть явно испорченныя слова рукописи: „азъ я многогрѣшный Григорей виде виденіе седнишъ намъ Нове граде“ (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Эрм. № 358, л. 10).

²⁾ Въ 1611 году на 26-е мая приходилось, дѣйствительно, воскресенье 2-й недѣли по Пятидесятницѣ (Горбачевская Археогрѣшч. Календарь, таблица 3-я).

держатъ постъ во всемъ государствѣ три дня: понедѣльникъ, вторникъ и среду; что, кромѣ того, должны построить храмъ Господу и Богоматери въ Московскомъ государствѣ и освятить его всѣмъ вселенскимъ соборомъ: тогда только они будутъ спасены. На это спутникъ Господа замѣтилъ, что Московское государство „отъ враговъ иноплемениковъ нечисто стало“, и что приличнѣе будетъ поставить храмъ въ Новгородѣ. Но Господь отвѣчалъ: „доколѣ собирается вселенскій соборъ, Московское государство очисти“. Когда же предстоящій Господу спросилъ, гдѣ именно въ Москвѣ слѣдуетъ строить храмъ, то Господь сказалъ: „на Пожарѣ близъ Василія Блаженного того (храма) мѣсто“. Затѣмъ Господь повелѣлъ принести „Матери Моея образъ Пречистыя Владимірскія въ Московское государство изъ Володимера“, поставить его въ новомъ храмѣ и въ немъ же на престолѣ положить на три дня „свѣщу невозженную и бумагу неписану“. И въ четвертый день, говорилъ Господь: придутъ ко образу Моему и Матери Моея Богородицы, — и свѣща возжена будетъ отъ огня небеснаго, и колокола сами воззвонятъ, а на бумагѣ будетъ написано имя, кому владѣти Россійскимъ государствомъ по сердцу Моему. Аще ли поставятъ царя по своей воли, навѣки не будетъ царь“. Выслушавъ это, предстоящій Господу спросилъ Его, что будетъ, если русскіе люди не послушаютъ Божьей воли и не повѣрятъ видѣнію? Господь грозилъ за это погибелю всему Русскому государству. Тогда спутникъ Господа велѣлъ Григорію проповѣдывать безъ боязни свое видѣніе. При этомъ ему было открыто, что Нижній-Новгородъ постигнетъ „буря велія изъ рѣки Волги“, если Григорій скроетъ свое видѣніе, или же если нижегородцы „во градѣ семъ удержатъ Мое (то-есть, Господне) явленіе и написавъ не пошлютъ въ Московское государство и въ нине грады“. Господомъ было даже указано время этой бури — „въ день недѣльный“, „какъ солнце на показъ пойдетъ“. Послѣ этого видѣніе исчезло ¹⁾.

Мы видимъ, что Григорій не ослушался того, что ему было приказано: онъ записалъ свое видѣніе и, какъ можно думать, записалъ немедленно, такъ какъ уже осенью 1611 года оно обошло многіе города ²⁾. Русскіе люди съ вѣрою относились къ разсказу Григорія и

¹⁾ Передавая содержаніе чуда, напоминаемъ, что наше изложеніе сопоставляетъ разединенные отрывки сказанія. Быть можетъ, болѣе удачная ихъ группировка измѣнитъ порядокъ въ передачѣ нѣкоторыхъ частныхъ видѣній.

²⁾ Видѣніе было 26-го мая 1611 года, а уже въ началѣ октября черезъ Ярославъ и Вологду сказаніе о немъ дошло до Устюга (Авт. Арх. Эксп. II,

налагали на себя постъ: „постилися, по своему изволенію, отъ недѣли и до суботы, а постилися три дни; въ понедѣльникъ, во вторникъ и въ среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли“¹⁾; „и скотомъ не даяху ясти“²⁾. Потребность нравственно очиститься и покаянiемъ получить избавленіе отъ бѣдствiй сильно была въ русскомъ обществѣ во время московскаго разоренiя. Какъ показатель этой потребности, видѣніе Григорiя имѣетъ бесспорный историческій интересъ и заслуженно пользуется вниманiемъ историковъ, знающихъ его по краткому пересказу Новаго Лѣтописца³⁾. Попятно, на сколько первоначальное сказаніе о видѣніи важнѣе и любопытнѣе его пересказа въ лѣтописи.

Второе назъ разбираемыхъ сказанiй представляетъ собою довольно краткую записъ, не извѣстно кѣмъ составленную, о томъ видѣніи, которое было во Владимiръ въ ночь съ 24-го на 25-е августа 1611 г.⁴⁾. „Нѣкто же именемъ Борисъ, зовомый Масникъ, сего подружіе именемъ Меланiя прииде къ начальствующему граду и повѣда“ ему о бывшемъ чудѣ. Ночью явилась Меланiи жена „въ свѣтлыхъ ризахъ, поверхъ главы образъ на рукахъ держитъ великъ и чуденъ великъ“. Она приказала Меланiю на утро проповѣдывать всѣмъ въ городѣ „чтобъ постилися и молилися со слезами“, обѣщая, что „Господь Богъ услышитъ моленіе ихъ и отвратитъ праведный гнѣвъ свой и побѣдитъ враговъ, борющихся и волнующихъ насъ, и дастъ земли тишину и благодѣтельное житіе“. На это Меланiя отиѣчала: „Азъ есть млада:

№ 199). Если сообразить, сколько времени понадобилось, чтобы передать извѣстіе о чудѣ между названными городами, то смѣло можно предполагать, что сказаніе составлено было еще лѣтомъ 1611 года. Въ этомъ же убѣждаетъ и небольшая подробность самого сказанiя: спутникъ Божiй замѣчаетъ, что новый храмъ сзидуетъ ставить не въ Москвѣ, которая стала нечистою отъ иноплеменинниковъ, а въ Новгородѣ; стало быть, авторъ сказанiя считаетъ Новгородъ еще чистымъ. Это и позволяетъ намъ думать, что сказаніе составлялось еще въ то время, когда вѣсть о взятiи Новгорода шведами (16-го iюля 1611 г.) не успѣла разнестись по всему Московскому государству.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 199.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 172.

³⁾ Соловьева Ист. Россiя, VIII, по изд. 1873 г. стр. 404 — 405. — Бестужева-Рюмина Обзоръ событiй отъ смерти ц. Іоанна Вас. въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1887 г., августъ, стр. 289. — Костомарова Смутное Время, III (въ Вѣст. Европы за 1867 г., сентябрь, стр. 2).

⁴⁾ Видѣніе было ночью „во 119 году августа въ 24 день противъ недѣльнаго дня“. Въ 1611 году воскресные приходилось 25-го августа (Горбачевскаго Археографич. Календарь, табл. 3-я).

аще и повѣмъ,—не поймутъ вѣры“. Тогда чудная жена сказала ей, что не вѣрующіе будутъ наказаны жаромъ и гадами, и показала Меланіи этихъ гадовъ: „много жужелецъ и червей множество“ и „змій превелика“. Однако Меланія не рѣшилась никому говорить о своемъ видѣніи, и тогда оно повторилось: чудная жена снова велѣла ей проповѣдывать пость и покаяніе. Узнавъ о видѣніи, владимірцы постились три дня, пѣли молебны и „въ ближніе и въ дальніе и во всѣ грады писали“ о происшедшемъ у нихъ.

На сколько можемъ судить, владимірское видѣніе, разглашаясь по городамъ вмѣстѣ съ нижегородскимъ, менѣе дѣйствовало на умы русскихъ людей сравнительно съ этимъ послѣднимъ. Авторъ Новаго Лѣтописца, отмѣтивъ любопытныя предсказанія нижегородца Григорія, ни слова не говоритъ о чудѣ съ Меланіей. Причина этого въ самомъ владимірскомъ сказаніи: оно довольно бѣдно содержаніемъ.

Итакъ, знакомство съ наиболѣе ранними произведеніями о смутѣ показываетъ намъ, что исключительныя событія русской жизни начала XVII вѣка немедленно же вызвали рядъ литературныхъ трудовъ самаго различнаго характера. Рядомъ съ безхитростными повѣствованіями о различныхъ фактахъ и видѣніяхъ (каковы Повѣсть о перенесеніи мощей царевича Димитрія, Плачъ о паденіи Москвы и только что разобранные рассказы о видѣніяхъ и знаменіяхъ) создавались такія произведенія, которыя имѣли публицистическій характеръ, опредѣленную политическую или нравственную цѣль, въ родѣ Повѣсти 1606 года, желавшей укрѣпленія власти Шуйскихъ, Новой Повѣсти, требовавшей сверженія польской власти, и Повѣсти протопопа Терентія, призывавшей народъ къ нравственному очищенію. Изъ всѣхъ этихъ произведеній одни носили черты официального или офиціознаго происхожденія (Повѣсть патриарха Іова о царѣ Θεодорѣ и Повѣсть 1606 года), другія были результатомъ вполне свободнаго творчества, а Новая Повѣсть была даже направлена противъ польско-болярскаго правительства, владѣвшаго Москвой. Сообразно своимъ цѣлямъ и происхожденію, далеко не всѣ сказанія предназначались только для того, чтобы передать потомству достопамятные факты. Сказатели часто имѣли въ виду современное имъ общество гораздо болѣе, чѣмъ потомство. Авторъ Повѣсти 1606 года хотя и говоритъ, что пишетъ „по насъ будущимъ челоувѣкомъ на память“, однако болѣе заботится о томъ, чтобы привести въ повиновеніе Шуйскому „грубителей Божиихъ“, ревнующихъ погибшему самозванцу. Протопопъ Терентій несетъ свой рассказъ о видѣніи старца къ царю и патриарху, и его Повѣсть имѣетъ

слѣдствіемъ всенародный постъ. Подражатель Терентія, передѣлавъ его Повѣсть сообразно условіямъ новгородской жизни въ 1611 году, обличаетъ въ ней грѣхи новгородцевъ, современниковъ взятія шведами Новгорода. Новая Повѣсть вовсе не думаетъ о потомствѣ; она даже не описываетъ фактовъ, а только разсуждаетъ по поводу общаго положенія дѣлъ и доказываетъ необходимость возстанія. Плачъ о паденіи Москвы прямо обращается къ современникамъ и призываетъ ихъ плакать и молиться объ остаткѣ государства.

При такомъ характерѣ большинства повѣствованій, современныхъ смутѣ, нельзя ожидать отъ нихъ ни стремленія къ подробному и всестороннему изображенію событій, ни объективности показаній. Одни сказатели просто не заботились о полномъ восстановленіи фактовъ смуты для потомства и повѣствовали о нихъ мимоходомъ, насколько находили нужнымъ для своей темы; такъ поступили авторъ Плача и авторъ Повѣсти о небесномъ знаменіи 1608 года. Другіе же изображали факты подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, отдавая дань своимъ партійнымъ пристрастіямъ; примѣрами такихъ сказателей могутъ служить Іовъ, другъ царя Бориса, и авторъ Повѣсти 1606 года, его жестокий врагъ. Поэтому всѣ разобранныя нами сказанія, сами по себѣ являясь весьма любопытными для изученія литературными фактами, или вовсе не даютъ факческаго матеріала для историка, или даютъ такія свѣдѣнія, которыя нуждаются въ строгой критической провѣркѣ. Болѣе объективныя и содержательныя описанія смуты явились въ нашей письменности позднѣе, въ тѣхъ сказаніяхъ, которыя были составлены или приняли окончательную литературную форму въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Первою по времени попыткою послѣдовательнаго, хотя и очень краткаго обзора событій смутнаго времени были разобранныя нами статьи Хронографа 2-й редакціи, въ которыхъ находимъ уже спокойный разсказъ, имѣющій своею цѣлью простое описаніе памятныхъ событій. За этимъ первымъ повѣствованіемъ послѣдовало нѣсколько другихъ, болѣе обширныхъ и не менѣе любопытныхъ. Но, какъ увидимъ ниже, и писателямъ времени Михаила не всегда удавалось достигать безстрастнаго отношенія къ событіямъ и лицамъ смутной эпохи.

С. Платоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРЕЦЬ АРТЕМІЙ, ПИСАТЕЛЬ XVI ВѢКА.

Имя старца Артемія, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей XVI вѣка, давно извѣстно въ нашей ученой литературѣ; но первыя свѣдѣнія о его литературныхъ произведеніяхъ сообщены были только въ 1870 году въ книгѣ: „Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго“. Въ этомъ трудѣ, подъ № 494, составитель означеннаго рукописнаго собранія слѣдующимъ образомъ описываетъ принадлежавшую ему рукопись сочиненій Артемія: „Артемія старца посланія противъ Буднаго и другихъ еретиковъ, полууставъ бѣлорусскій XVI в., по 201 л. въ 8-ку. Книга единственная, никому неизвѣстная. Сочинитель печатно у насъ доселѣ слыветъ еретикомъ, тогда какъ Захарій Копыстенскій въ своей Палинодіи называетъ его ревнителемъ православія Къ величайшему сожалѣнію, начальный листъ и конецъ нашего списка утрачены“. Викторовъ, въ своемъ „Очеркѣ собранія рукописей Ундольскаго“ замѣчаетъ о той же рукописи слѣдующее: „Рукопись единственная и чрезвычайно важная для исторіи борьбы православія и реформаціи въ юго-западной Россіи, а равно и для рѣшенія спорнаго вопроса о личности самого Артемія, который въ печати доселѣ слыветъ у насъ еретикомъ“. Впервые посланія нашего писателя изданы вполне П. А. Гилдебрандтомъ въ 1878 г. въ т. IV-мъ Русской Исторической Библіотеки.

О жизни старца Артемія сохранились свѣдѣнія чрезвычайно скудныя. Самъ онъ, въ своихъ посланіяхъ, говоритъ о себѣ чрезвычайно рѣдко и мало. Одинъ только князь А. М. Курбскій проливаетъ болѣе или менѣе ясный свѣтъ въ своихъ краткихъ замѣткахъ о судьбѣ нашего писателя. Къ нимъ еще можно присоединить свѣдѣнія, которыя даетъ соборная грамота 1554 г. въ Соловецкій монастырь, и еще

двѣ-три краткія замѣтки въ челобитныхъ поповъ Сильвестра и Симеона ¹⁾).

Не извѣстно, когда и гдѣ родился Артемій, и изъ какого сословія онъ происходилъ. Время его жизни можно означить періодомъ между 1500 и 1575 гг. Нѣкоторую опору для приблизительныхъ вычисленій даетъ Курбскій въ своихъ „Сказаніяхъ“. Разказывая житіе препод. Θεодорита ²⁾, онъ говоритъ, что этотъ духовный мужъ, переходя изъ монастыря въ монастырь, прибылъ наконецъ въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель и провелъ въ ней два года; тогда ему уже было около 35 лѣтъ, а такъ какъ онъ умеръ около 1580 года, то значитъ, Θεодоритъ прибылъ въ Кирилловъ монастырь около 1545 года. Отсюда онъ вышелъ въ тамошнія пустыни и въ одной изъ нихъ встрѣтилъ Порфирія, въ то время уже лишеннаго игуменства въ Сергіевой обители великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ. Здѣсь же Θεодоритъ встрѣтился и съ Артеміемъ.

Итакъ, около 1545 года Артемій былъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и жилъ въ Порфиріевой пустынѣ. Онъ пришелъ сюда, по видимому, изъ Псковскаго Печерскаго монастыря. Весьма возможно, что и родомъ онъ былъ псковичъ. Изъ Печерскаго монастыря Артемій ѣздилъ въ ливонскій городокъ Нейгаузъ; желая выяснитъ себѣ различіе между католическою вѣрой и православною, онъ искалъ тамъ такого книжнаго человѣка, съ которымъ можно было бы поговорить объ этомъ предметѣ. Въ Порфиріевой пустынѣ Θεодоритъ и Артемій тѣсно сошлись другъ съ другомъ. Это видно между прочимъ изъ того, что Артемій, когда впослѣдствіи былъ игуменомъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, просилъ царя Ивана Грознаго поставить Θεодорита архимандритомъ въ Евфиміевъ Суздальскій монастырь, что и было исполнено. Изъ соборной грамоты видно, что Артемій былъ знакомъ въ это время и со старцами Ниловой пустыни—Тихономъ, Дорошеемъ, Христофоромъ и Іоасафомъ Бѣлобаевымъ. Здѣсь Артемій и усвоилъ себѣ идеи Нила Сорскаго, которыя въ его время сохраняли въ себѣ еще весь характеръ свѣжести и силы. Здѣсь, вѣроятно, появились и его первые литературные опыты.

Несомнѣнно, что онъ выдавался изъ ряда другихъ духовныхъ лицъ своимъ умомъ и талантомъ. На него было обращено вниманіе, и онъ былъ призванъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ на игуменство

¹⁾ Грамота и челобитныя напечатаны въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, т. I.

²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, стр. 126 и слѣд.

въ Троице-Сергіевъ монастырь. Можно съ увѣренностью говорить только о времени, когда онъ былъ поставленъ въ игумены. Это послѣдовало въ первой половинѣ 1551 года ¹⁾. Вѣроятно, къ этому времени слѣдуетъ отнести и отзывъ Курбскаго: „его Царь ябѣлю любяше и многажды бесѣдоваше, поучаяся отъ него“ ²⁾. Царь узналъ Артемія, надо полагать, чрезъ посредство попа Симеона, а не Сильвестра. Симеонъ, какъ видно изъ его челобитной, зналъ Артемія еще во Псковѣ. Сильвестръ же, въ своей челобитной, отрицаетъ свое знакомство съ Артеміемъ до его игуменства у Троицы. По словамъ Сильвестра, дьякъ Иванъ Висковатый говорилъ, что онъ, Сильвестръ, былъ совѣтень съ Артеміемъ. Дѣло въ томъ, что когда избирали игумена къ Троицѣ на мѣсто Серапіона, то Артемія привезли изъ Порфириевой пустыни, и государь велѣлъ ему пока побыть въ Чудовѣ. Въ это время Сильвестръ узналъ Артемія и наблюдалъ его нравъ и духовную отъ него, пользу: „И тогда“ говоритъ Сильвестръ,—„отъ устъ Артемьева ученья книжнаго довольно ми показалося, и доброго права и смиренья исполненъ бысть, и тако всѣми людьми видимъ бысть и ближними и дальними. И я узналъ его тогда, когда онъ по братскому прошенію и Государеву велѣнію былъ поставленъ къ Троицѣ игуменомъ“. Изъ челобитной Симеона мы узнаемъ, какъ самъ Артемій относился къ своему поставленію. Онъ говорилъ: „Къ нему приходили старцы—странники, говорившіе и хвалившіе Артемія. Они говорили, что его сильно царь на игуменство взялъ, и онъ де отъ того бѣгалъ, и въ попы его сильно поставили, а онъ де не хотѣлъ славы міра сего“. Этими словамъ вполне можно вѣрить, если принять во вниманіе тонъ собственныхъ посланій Артемія и отзывы о немъ Курбскаго. Далѣе Симеонъ дополняетъ ту характеристику Артемія, какую выше даетъ Сильвестръ. Онъ хвалилъ Артемія за то, что тотъ „Христовы заповѣди хочеть совершить, и евангельскія и апостольскія, отъ своею руку питатися, пищею и одеждою доволитися, и мнѣ то показалося добро“.

Чѣмъ же объяснить эту любовь и симпатію царя Ивана и нѣкоторыхъ другихъ лицъ къ Артемію? Чѣмъ онъ обратилъ на себя ихъ вниманіе? Для объясненія этого необходимо поставить въ связь время созыва Стоглаваго собора и назначеніе Артемія игуменомъ. Игуменство являлось для Артемія какъ бы наградой за какія-то оказанныя

¹⁾ Акты Археогр. экспед., т. I, стр. 134.

²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, стр. 136.

имъ услуги. Поэтому намъ кажется справедливою догадка г. Жданова, считающаго Артемія за одно изъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ „внѣде въ слухъ“ царю о неурядицахъ церковныхъ, за одного изъ тѣхъ, которые доставили матеріалъ для „царскихъ вопросовъ“ ¹⁾. Эта догадка подтверждается посланіемъ Артемія, а съ другой стороны, на участіе Артемія въ сужденіяхъ Стоглаваго собора указываютъ приговоры послѣдняго отъ 11-го мая, 26-го іюня, 15-го іюля 1551 года, приговоры, которые совершенно сходятся съ воззрѣніями Артемія. Въ нихъ затрогивались права монастырей на покупку и продажу имѣній, запрещалось монастырямъ просить земель и сель для содержанія на льготныхъ грамотахъ; руги и царскія милостыни оставались только тѣ, которыя шли ранѣе при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, а вновь данныя отмѣнялись вообще для всѣхъ монастырей. Заботы собора о народномъ образованіи, можетъ быть, также объясняются отчасти вліяніемъ Артемія. Въ одномъ изъ посланій къ царю Ивану, написанномъ въ промежуткѣ 1551—1554 гг., Артемій говоритъ: „А всѣ нынѣ согласно враждуютъ, будѣтось азъ говорилъ и писалъ тобѣ— села отнимати у монастырей, другъ другу сказываютъ. А отъ того мню, государь, што азъ тобѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой, а не говоривалъ есми имъ о томъ, ни тобѣ не совѣтую нуженіемъ и властію творити что таково. Развѣ межи собою говорили есмо, какъ писано въ книгахъ быти инокомъ?“ ²⁾

Открытіе Стоглаваго собора произошло 23-го февраля 1551 года, а Артемій назначенъ на игуменство 17-го мая того же года. По всей вѣроятности, Артемій въ приведенныхъ словахъ упоминаетъ о соборѣ 1551 года. Итакъ, Артемій сдѣлался игуменомъ противъ своего желанія, по настоятельной просьбѣ царя. Онъ, конечно, видѣлъ, что ему предстоитъ сильная борьба съ „любостязательными“ троицкими монахами, что его воззрѣнія идутъ въ разрѣзъ съ ихъ воззрѣніями. Но онъ все-таки согласился—въ надеждѣ провести въ жизнь свои убѣжденія и въ расчетѣ на поддержку со стороны царя и нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ. Изъ приближенныхъ къ царю попы Сильвестръ и Симеонъ были съ Артеміемъ въ дружескихъ отношеніяхъ; что же касается самого Ивана Васильевича, то вотъ въ какихъ выраженіяхъ обращается къ нему Артемій въ томъ своемъ по-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г., іюль, статья И. Н. Жданова: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“, стр. 67, 68.

²⁾ Р. Ист. Библиотека, т. IV, ст. 1440.

сланіи, которое по смыслу его нужно относить ко времени Артеміева игуменства: „И твое теплое заступленіе похваляемъ, не радуешься о паденіи врагъ. Не буди то! Сіе бо несвойственно христіаномъ, паче же иночествующимъ“¹⁾. Въ томъ же посланіи находимъ любопытныя свѣдѣнія о взглядахъ Артемія на людей своего времени, и они объясняютъ намъ, кто могли быть его враги. Онъ думаетъ, что его время оскудѣло духовными наставниками. Не странно ли—говоритъ онъ—въ самомъ дѣлѣ слышать теперь даже отъ епископовъ рѣчи въ родѣ того, что имѣтъ нужды жить нынѣ по Евангелію, что грѣхъ простымъ читать Апостолъ и Евангеліе. Нынѣ даютъ совѣты не читать много книгъ, чтобы не впасть въ ересь. Имѣютъ обычай объяснять сумасшествіе слишкомъ усерднымъ чтеніемъ. Говорить такъ могутъ только „богочорчменники и христопродавцы“, какъ рѣзко выражается Артемій. Они съ особеннымъ ожесточеніемъ возстаютъ противъ тѣхъ, кто, уразумѣвъ истину, исполняетъ заповѣди Господни. Понятно, почему они такъ говорятъ и дѣйствуютъ: они сами ничего не знаютъ и хотятъ, чтобы и другіе ничего не знали, чтобы не обличена была ихъ „злоба“. Высказывая такія мысли, Артемій, очевидно, могъ встрѣтить себѣ многихъ враговъ. Тѣ духовныя лица, которыхъ такъ строго осуждалъ Артемій, конечно, не оставались равнодушными къ его обличеніямъ, тѣмъ болѣе, что самъ обличитель былъ въ милости у царя и могъ имѣть вліяніе на него. Какъ видно, враги Артемія уже вели противъ него интригу. Но въ разсматриваемомъ посланіи Артемій очень остороженъ: онъ воздерживается и не высказываетъ всего, что онъ хотѣлъ и могъ бы сказать: „Вѣмъ бо вѣкіа туне враждующихъ, иже не точію писмена, но и проста словеса грубости нашея инако скажутъ въ претыканіе беззлюбивымъ. Господь же да исправитъ ихъ!“²⁾ Въ своихъ обращеніяхъ къ царю онъ также чрезвычайно остороженъ. Онъ употребляетъ выраженія: „И о семъ, Господа ради, не смутися на мѧ!“ „Совѣтъ нищаго да не посрамиши“. Онъ совѣтуетъ царю прочесть бесѣды Іоанна Златоуста, содержащія толкованіе на Евангеліе. Онъ посылаетъ ему эту книгу, повинувшись царскому слову, съ кирилловскими старцами. Но кирилловскіе старцы забыли доставить ее царю и передали ее Благовѣщенскому попу Симеону.

Кромѣ царя, обращались къ Артемію съ вопросами и совѣтами и другія лица. Кажется, что ко времени игуменства Артемія, когда

¹⁾ Р. Ист. Библ., т. IV, ст. 1382,

²⁾ Тамъ же, ст. 1386.

авторитетъ его стоялъ очень высоко, относится посланіе „въ просившему слова Божія“ ¹⁾. Оно написано, очевидно, къ свѣтскому лицу, ибо Артемій между прочимъ говоритъ: „И лучше есть жевитися, нежели похотію разжизатися самоволне“ ²⁾. Пишущій посланіе отвѣчаетъ на рядъ вопросовъ, которые задалъ ему неизвѣстный. Вопроситель хотѣлъ знать о главныхъ заповѣдяхъ Господнихъ, какъ бы не впасть въ ересь и какъ выбирать учителей, и требовалъ объясненія на непонятныя имъ евангельскія слова: „не судите, да не судимы будете“. На всѣ эти вопросы Артемій старается дать посильный отвѣтъ, приводя въ подтвержденіе мѣста изъ Священнаго Писанія и отцовъ церкви. Чаше всего ссылается онъ на Іоанна Богослова, на апостола Павла, на Іоанна Златоуста и Василія Великаго, и вездѣ Артемій является человѣкомъ не буквы, а духа. Чтò бы онъ ни говорилъ, вездѣ видно глубокое пониманіе христіанскаго ученія. „Кто въ сердцѣ имѣетъ въ себѣ любовь, тотъ Бога въ себѣ имѣетъ“ — таково его коренное убѣжденіе. Онъ такъ глубоко воспринималъ его, что, какъ онъ выражается, „любовь, яже по Божѣ, безумна мя творить“ ³⁾. Любовь дѣлаетъ его безумнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не довольствуется пассивнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, но настоятельно требуетъ отъ другихъ выполненія этой любви на дѣлѣ, требуетъ соблюденія Христовыхъ заповѣдей. Это стремленіе осуществить свои убѣжденія на дѣлѣ, въ жизни, это желаніе пересоздать и другихъ составляетъ характеристическую черту Артемія.

Впрочемъ, Артемій былъ способенъ и падать духомъ, а потому не всегда былъ послѣдователенъ. Предъ страхомъ кары, наказанія онъ былъ способенъ и смягчить свой громкій голосъ, умѣрить свои строгія требованія. А пока онъ былъ въ силѣ, онъ, какъ видно, энергично старался осуществить во ввѣренномъ ему монастырѣ тѣ мѣры, которыя онъ считалъ за лучшія. Но въ затѣянной имъ борьбѣ онъ скоро потерпѣлъ поражение: сила косности и невѣжества, страсть монаховъ его обители къ „свѣрнымъ прибыткамъ“ оказались сильнѣе его.

Къ порѣ его игуменства можно отнести еще одно его посланіе ⁴⁾. Оно, по видимому, обращено къ братіи монастырской. Артемій на-

¹⁾ Р. Ист. Библ., т. IV, ст. 1400 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, ст. 1416.

³⁾ Тамъ же, ст. 1386.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 1373 и слѣд.

стойчиво проводить въ немъ мысль: „мудрствовать и дѣйствовать по мѣри дарованія Христова не лѣнися“; „сіе поразумѣвше, да не играемъ божественными“; „внимаемъ собѣ, да будемъ добры строители различнѣй благодати Божіи“; „но нѣци самовольнымъ смиренномудріемъ и тщетнымъ покаяніемъ, благими же словесы и благоговѣніемъ льстятъ сердца беззлюбивымъ, свѣрнаго ради прибытка“¹⁾. Послѣднія слова, вѣроятно, очень мѣтко и сильно задѣвали самолюбіе любостяжательныхъ монаховъ. Лицемѣрное благочестіе, какъ средство наживы, должно было возмущаться противъ своего игумена. Произшелъ „многій мятежъ любостяжательныхъ и издавна законопреступныхъ монаховъ“, какъ говоритъ Курбскій²⁾. Для клеветы воспользовались ученикомъ Артемія — Порфиріемъ, старцемъ одной изъ заволжскихъ пустынь. По свидѣтельству Сильвестра³⁾, Порфирій приходилъ въ это время въ Москву ради страннолюбія и духовной бесѣды и заходилъ къ попу Симеону, который потомъ и передавалъ ему про эти бесѣды. Симеонъ слышалъ отъ Порфирія, что онъ хвалилъ Артемія, отъ Писанія же говорилъ не добро. Эти Порфиріевы рѣчи были потомъ записаны Сильвестромъ и Симеономъ и переданы митрополиту Макарію. Сильвестръ потомъ и самъ призываетъ къ себѣ Порфирія и слышалъ отъ него то же самое, чтѣ говорилъ ему попъ Симеонъ. Объ этомъ онъ доложилъ царю. Съ этихъ поръ Иванъ Васильевичъ охладѣлъ къ Артемію. Положеніе Троицкаго игумена сдѣлалось затруднительнымъ, и онъ рѣшился оставить игуменство, „царя не послушавъ“, какъ говоритъ Курбскій⁴⁾. Слѣдовательно, полнаго разрыва между Иваномъ Васильевичемъ и Артеміемъ не произошло; въ сердцѣ царя заронилось только нерасположеніе къ нему самовольнымъ отказомъ Артемія отъ игуменства. По свидѣтельству попа Симеона, Артемій оставилъ игуменство потому, что онъ увидѣлъ, что оно душѣ его не въ пользу, что онъ хотѣлъ позаботиться о спасеніи своей души⁵⁾. Итакъ, Артемій удалился въ свое старое убожище, въ свои пустыни заволжскія, въ среду сочувствовавшихъ ему людей. Но недолго пришлось ему побыть и тамъ въ покоѣ. Тѣ враги, которыхъ онъ нажилъ себѣ, продолжали его преслѣ-

¹⁾ Р. Ист. Библ., ст. 1376, 1377, 1378, 1879.

²⁾ Сказанія, стр. 134.

³⁾ Акты Археогр. эксп., т. I, стр. 246, 247.

⁴⁾ Сказанія, стр. 134.

⁵⁾ Акты Археогр. эксп., т. I, стр. 249.

довать. Ихъ смущала мысль, что Артемій снова придетъ въ любовь къ царю и снова будетъ указывать ему на пороки, господствующіе въ духовномъ сословіи. Найдены были и поводы къ обвиненіямъ противъ Артемія: всплыло наружу дѣло объ ереси Матвѣя Семенова Башкина.

Вотъ какъ говоритъ о немъ Никоновская лѣтопись (ч. VII, стр. 204): „Башкинъ злое ученіе, сказалъ, принялъ отъ Литвина Матюшки аптекаря да Андрюшки Хотѣева латынниковъ, да и на старцевъ заволжскихъ говорилъ, что его злобы не хулили и утверждали его въ томъ. И царь и вел. князь и митрополитъ того сыскавъ, — и Артемій, бывшій игуменъ Троицкій, Перфиль малой, Савва шахъ, — и сыскали про нихъ и отъ устъ слышали, что всѣхъ чудотворцевъ вѣрующихъ во Христа и чудеса творящихъ похулили и правила всѣ и церковные соборы басни выѣняли“.

Въ великій постъ 1553 года къ священнику Благовѣщенскаго собора Симеону пришелъ М. Башкинъ и умолялъ принять его на исповѣдь. Какъ видно, онъ былъ человѣкъ богатый: у него были рабы. Это была живая душа, которую мучили религіозные вопросы, которая искала отвѣта на свои недоумѣнія. Башкинъ произвелъ на Симеона сильное впечатлѣніе, и онъ сообщилъ о немъ Сильвестру, тоже принадлежавшему къ причту Благовѣщенскаго собора, и главное — человѣку, близкому къ царю. Въ своихъ разговорахъ съ Симеономъ Башкинъ приводилъ тѣ же слова Священнаго Писанія, которыя приводимы были и Артеміемъ: „Научитесь отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ!“; „Возлюбай искреннаго твоего, яко самъ себя“. Мысль, что все это нужно исполнять на самомъ дѣлѣ, въ жизни, также неоднократно была высказываема Артеміемъ. Сходство во взглядахъ у Башкина и Артемія несомнѣнно было, — они были „совѣтны“, но только на нравственную сторону евангельскаго ученія смотрѣли они одинаково. Башкинъ пошелъ дальше въ своемъ религіозномъ увлеченіи подъ вліяніемъ латынниковъ-иноземцевъ: началъ разсуждать о догматахъ и впалъ въ ересь.

Попы Симеонъ и Сильвестръ доложили о Башкинѣ царю; Иванъ Васильевичъ велѣлъ посадить его у себя въ „подклѣтъ“. Его поручили двумъ іосифовскимъ старцамъ Герасиму Ленкову да Филоею Полеву. Здѣсь Башкинъ покался въ своихъ заблужденіяхъ и началъ открывать тѣхъ лицъ, которые такъ или иначе ему сочувствовали. Все это произошло лѣтомъ 1553 г., а когда, 18-го августа, вернулся изъ похода на крымцевъ самъ царь и узналъ обо всемъ дѣлѣ подробно, то повелѣлъ созвать соборъ для суда надъ еретиками. „Тогда“,

говорить Курбскій,—и митрополитъ Русскій, за повелѣніемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, ими же церковь возмущали, и гдѣ елико еще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго паче же отъ пустынь заволжскихъ: бо и тамъ прозябаша оная руганія¹⁾. Въ Москвѣ размѣщали единомышленниковъ Башкина по монастырямъ и подворьямъ и нѣсколько разъ допрашивали на очныхъ ставкахъ съ нимъ еще до открытія собора¹⁾. Соборъ открылся не позже октября 1553 года и продолжался и въ слѣдующемъ. На этомъ соборѣ, имѣвшемъ свои засѣданія въ царскихъ палатахъ, присутствовали, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, Ростовскій архіепископъ Никандръ, и епископы: Аѳанасій Суздальскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверской, Ѳеодосій Коломенскій и Савва Сарскій, вмѣстѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ; присутствовалъ и царь со своими братьями и боярами. Башкинъ клялся передъ соборомъ и обличалъ своихъ единомышленниковъ передъ царемъ съ очей на очи. Тѣ запирались, а нѣкоторые и сами сказали, что св. иконамъ не покланялись. И на Артемія онъ говорилъ вини относительно поклоненія иконамъ, и причастія, „и чего въ Евангеліѣ и во Апостоли не писано, и того держати не нужно, и о преданіи святыхъ отецъ“²⁾. И на очной ставкѣ Башкинъ обвинялъ его въ томъ же. Курбскій, горячій почитатель Артемія, съ сожалѣніемъ говоритъ объ этомъ печальномъ моментѣ въ его жизни: „Егда видѣвше любостязательные, всякаго лукавства исполненные мнихи приводимыхъ отъ Завольскихъ предреченныхъ пустыней и отъ инуды раскольниковъ, тогда оклеветаютъ преподобнаго и премудраго Артемія, бывшаго игумена Сергіева монастыря, аки бы онъ причастенъ и согласникъ былъ въ нѣкоторыхъ люторскихъ расколахъ; такожь и на другихъ мниховъ, по Великаго Василия уставу живущихъ нестижательно, неповиннѣ же клеветуютъ“³⁾. Изъ этого свидѣтельства видно, что привлеченіе Артемія къ суду собора было дѣломъ противной партіи, спѣшившей воспользоваться удобнымъ случаемъ, ей представившимся. Впрочемъ, враги Артемія не рѣшались прямо его обвинять. Объ этомъ можно догадываться изъ словъ келейника и ученика Артемія, старца Леонтія. Онъ говорилъ: „какъ былъ Артемій въ Андрониковѣ мона-

¹⁾ Акты Археогр. эксп., I, стр. 250.

²⁾ Акты Арх. эксп., т. I, стр. 251.

³⁾ Сказ. кн. Курбек., стр. 134.

стырѣ, и онъ деи говорилъ и собою скучалъ: „привели деи меня къ Москвѣ для Матюшки Башкина и нѣчто деи мнѣ велятъ съ нимъ книгами говорити, ино то деи не мое дѣло, да и на меня деи буд-тося отъ Матѳея нѣкоторые слова есть же, и азъ не вѣдаю какъ быть“ ¹⁾. Итакъ, Башкинъ сказалъ на Артемія только „нѣкоторыя слова“, самъ же Артемій былъ, видимо, встревоженъ очень сильно. Всѣ прежніе его друзья, боясь опалы, отвернулись отъ него. Царь также сталъ относиться къ нему немилостиво. По всей вѣроятности, къ этому моменту нужно отнести два посланія Артемія къ царю ²⁾. Пока Артемій еще не былъ осужденъ, царь Иванъ Васильевичъ еще обращался къ нему за разъясненіями и совѣтами. Но въ вопросахъ царя уже слышна пронія. Именно, царь спрашивалъ „хотѣлъ быхъ увѣдати, како божественная писанія прочитающе, прел-щають мнози, ови житіе растлѣнно проходяще, нѣции же въ различ-ные ереси уклонишася?“ Артемій старается убѣдить царя, что это происходитъ не отъ чтенія книгъ, но отъ неразумія и злосудія; онъ пытается разъяснить царю, чтѣ такое еретичество. По мнѣнію Артемія, не ересь, если кто отъ незнанія „о чемъ усумнится, или слово просто речетъ, хотя истину навывути, паче же о догматѣхъ и обычаехъ нѣкихъ“ ³⁾. Онъ признаетъ необходимымъ почитаніе иконъ и другія внѣшнія выраженія благочестія и возстаетъ противъ отвергающихъ ихъ. Онъ называетъ это божественною азбукой, которая нужна особенно для наученія пребывающихъ въ духовномъ младен-чествѣ. Все это посланіе свидѣтельствуетъ, что оно написано подъ вліяніемъ грозившей Артемію опасности, что онъ пытается, можетъ быть, въ послѣдній разъ вернуть къ себѣ расположеніе царя. Полный смиренія, онъ говоритъ: „Такоже и азъ, грѣшникъ, вѣмъ себе достойна всякого томленія, занеже съгрѣшихъ Господеви. Но тебѣ, православному царю, нѣсть достойно предати невѣрныхъ ради клеветъ и ложно съ-ставленныхъ. Нынѣ то, государь, быти мнится невѣдомо, а време-немъ тое то явственно будемъ. И нынѣ разумніи разумѣвають“ ⁴⁾. Отсюда видно, что Артемій считалъ себя оклеветаннымъ. Онъ просилъ безпристрастнаго разсмотрѣнія своего дѣла. „Вели, государь, тѣмъ бо-

¹⁾ Акты Археогр. эксп., т. I, стр. 251.

²⁾ Тѣ именно, которыя напечатаны въ Р. Ист. Библ., т. IV, одно на ст. 1432 и слѣд., а другое на ст. 1382 и слѣд.

³⁾ Р. Ист. Библ., т. VI, ст. 1437.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 1438, 1439.

жественно говорити, та й тобѣ што сказываль". Очевидно, враги его дѣйствовали противъ него тайно, клеветали на него царю. Артемій считаетъ себя виновнымъ и преступнымъ предъ Богомъ только въ томъ, что своею волею хотѣлъ Божию волю сотворить, упрекаетъ себя за недостатокъ смиренія: „Но азъ самъ преступникъ обрѣтохся всѣмъ заповѣдемъ его, понеже не взыскахъ сіа смиреніемъ и страхомъ Божиимъ сътворити тако, якоже повелѣ, но якоже самъ въско-тѣхъ и умыслихъ, мнѣлъ есмь своею волею Божию вѣлю сътворити, еже есть не можно двѣма господинома работати“ ¹⁾. Онъ умоляетъ царя о милосердіи и кротости: „Тѣмъ же, о царю, молимъ благоче-стіе твое разумѣти многое недостыженіе ума нашего и не въскорѣ вручинитися, но якоже подобаетъ православному царю правостію и кротостію христовую и съ разсмотрѣніемъ вся творити“ ²⁾. Трудно было бороться Артемію съ такими врагами, которые не гнушались никакими средствами. О нихъ свидѣлствуетъ Курбскій: „Понеже тогда и другихъ неповинныхъ мужей помучиша различными муками, научающе на Артемія клеветать; иже добровольцѣ не возмогша на-вести ихъ, негли мукъ не претерпѣвши, нѣчто произнесутъ“ ³⁾.

Видя грозящую ему гибель, Артемій рѣшился тайно покинуть Москву. Вышеупомянутый Леонтій говорилъ на соборѣ, что Артемій сбѣжалъ въ Порфирьеву пустынь. „И азъ“, говорилъ онъ, — „тогда ходилъ изъ пустыни въ Кириловъ монастырь, да пришлоу къ Артемьевой кельѣ, аже Артемій сидитъ на порогѣ, и азъ въспрашалъ его: которымъ ты обычаемъ съ Москвы пришелъ еси? И Артемей ему молилъ: пришелъ ден есмь того для мене хлопотовъ ино дутьчи“ ⁴⁾. А на соборѣ Артемій сказалъ, что ушелъ отъ навѣствующихъ, хотѣлъ уклониться и безмолвствовать, чтобы нѣкоторая на него молва не была. „А слухъ“, сказалъ Артемій, — „учалъ на него доходить, что будто съ онъ не истинствуетъ хрестіанского закону“.

Тогда рѣшено было употребить съ Артеміемъ строгость. Его снова привели въ Москву, но уже скованнаго ⁵⁾. Враги нападаютъ на него уже открыто. Бывшій Оералпонтвскій игуменъ Нектарій заявилъ предъ соборомъ: „Артемій говорилъ о Троицѣ—въ книгѣ Іосифа Волоцкаго

¹⁾ Р. Ист. Библ., т. VI, ст. 1441.

²⁾ Тамъ же, ст. 1437.

³⁾ Сказанія, стр. 136.

⁴⁾ Акты Арх. эксп., I, стр. 251.

⁵⁾ Сказанія кн. Курбскаго, стр. 134.

написано не гораздо, что Богъ посылалъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, то-есть, Сына и Святаго Духа; да Артемій же новгородскихъ еретиковъ не проклинаетъ, и латынь хвалить, и поста не хранить, во всю четырехдесятицу ѣлъ рыбу, и въ день Воздвиженія у царя за столомъ ѣлъ рыбу, да онъ же Артемій ѣздилъ изъ Пскова изъ Печерскаго монастыря въ новый городокъ къ нѣмцамъ и восхвалялъ ихъ вѣру“ ¹⁾. Бывшій игуменъ Троице-Сергіева монастыря Іона писалъ на Артемія, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: „нѣтъ деи въ томъ ничего; преже деи сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ болшіе кресты на себя кладутъ; да и на соборѣ де о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего“ ²⁾. Четвертый свидѣтель, келарь Троице-Сергіева монастыря Адріанъ Ангеловъ, показалъ предъ соборомъ: „говорилъ Артемей въ Корнильевѣ монастырѣ, у корнилевскаго игумена въ кельѣ, у Лаврентья, что деи пѣтъ понахиды и обѣдни за умершихъ, въ томъ деи пособи нѣтъ, тѣмъ деи они муки не избудутъ“ ³⁾. Пятый свидѣтель, старецъ Троице-Сергіева монастыря Игнатій Курачевъ показалъ: „Слышалъ у Артемья про кануны, про канунъ Иисусовъ: таки Иисусе, таки Иисусе, а про акафистъ радуйся да радуйся І“ ⁴⁾. Какъ видно, всѣ упомянутые свидѣтели были изъ Троице-Сергіева монастыря.

Затѣмъ явился обвинителемъ и Кирилло-Бѣлозерскій игуменъ Семенъ; онъ еще до собора писалъ къ царю, что когда велѣлъ царь Артемію быть въ Москвѣ, онъ находился въ Кирилловой обители, и когда онъ, Семенъ, сказалъ ему, что М. Башкинъ пойманъ въ ереси, то Артемій молвилъ: „не вѣдаю того, что ересь; сожгли Курыцына да Рукавого и нынѣча того не вѣдаютъ, про что ихъ сожгли“ ⁵⁾.

Артемій, разказываетъ Курбскій ⁶⁾,—какъ ни въ чемъ неповинный, со всякою кротостью отвѣчалъ о своемъ правовѣрїи; когда же спросили лжеклеветниковъ о ереси Артемія, они „подали свидѣтелей мужей скверныхъ и презлыхъ“. Артемій отвѣчалъ, что они недостойны свидѣтельствовать. Самъ же онъ, какъ видно, мало защищался и мало говорилъ на соборѣ. Такъ, на показаніе Башкина отвѣ-

¹⁾ Акты Арх. эксп., т. I, стр. 251.

²⁾ Тамъ же, стр. 252.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Сказанія, стр. 134, 135.

чалъ митрополиту: „Я такъ не мудрствую, я вѣрую въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицу единосущную. То Матѳеѣ робочье чинилъ и не вѣдаетъ того, что чинилъ своимъ самосмышлениемъ, а въ Писаніи того не обрѣтается и въ ересяхъ того не писано“ ¹⁾. Адриану Ангелову Артемій отвѣтилъ: „Я говорилъ про тѣхъ, которые жили растлѣннымъ житіемъ и грабили людей, что когда начнутъ пѣть по нихъ панихиды и обѣдни, то нѣтъ имъ пользы, и чрезъ то имъ муки не избыть“ ²⁾. Игнатію Курачеву Артемій объяснилъ: „говорятъ въ канонѣ: Иисусе сладкій, а какъ услышатъ слово Иисусово, что надобно исполнять Его заповѣди, то въ горестъ предлагаются,—говорятъ въ акаѳистѣ: радуйся да радуйся, чистая, а сами о чистотѣ не радятъ,—значить только по обычаю говорятъ, а не по истинѣ“ ³⁾. На письмѣ игумена Семѣна, Артемій сказалъ: „Не упомию, такъ ли я говорилъ про новгородскихъ еретиковъ. Я еретиковъ не помню и самъ не знаю, за что ихъ сожгли. Можетъ быть, я сказалъ, что я не знаю, за что ихъ сожгли, и кто ихъ судилъ, но не говорилъ, что они (судившіе) того не знаютъ. Я сказалъ только про себя“ ⁴⁾.

Во время собора произошелъ слѣдующій эпизодъ, который сообщилъ царю дьякъ Шестакъ Воронинъ. Случилось, что онъ велъ къ себѣ на подворье чернеца Порфирія, ученика Артемьева. Артемія тоже вели. Порфирій настигъ Артемія у Рождества Христова, не дошедши Мстиславова двора, и сказалъ ему: „благослови отче!“ Тотъ благословилъ: „Богъ отче!“ Стоять мнѣ крѣпко противу ихъ встрѣчу?“ спросилъ Порфирій. Артемій отвѣтилъ: „молчи, наше дѣло рухомо, не у время и якъ молчать готовъ!“ Артемій подтвердилъ это на соборѣ ⁵⁾. Этотъ эпизодъ очень характеренъ. Онъ свидѣлствуетъ о томъ, что даже самыя неясныя намеки принимались на соборѣ во вниманіе и ставились Артемію въ вину. Нѣкоторыя посланія Артемія, относящіяся къ этому тяжелому для него времени, значительно освѣщаютъ и его правоту, и его душевное состояніе, ту скорбь и ту печаль, которую причиняло ему направленное противъ него обвиненіе. Такъ девятое посланіе ⁶⁾ написано въ чрезвычайно грустномъ тонѣ; оно начинается такъ: „Слышахъ скорбь, еяже имаши о насъ, о

¹⁾ Акты Арх. эксп., I, стр. 253.

²⁾ Тамъ же, стр. 252.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 253.

⁶⁾ Р. Ист. Библ., т. IV, ст. 1390 и слѣд.

благочестивый въ человѣцѣхъ!“ Друзей Артемія главнымъ образомъ смущалъ позоръ, которому онъ подверглся, и онъ утѣшалъ ихъ: „А еже глаголете, яко обесчестиша насъ и славу злу принесоша, сіе безчестіе слава наша и очищеніе недостатковъ нашихъ, въ нихже не возмогохъ вълею исправитися, и надѣмся нашими молитвами оставленіе грѣховъ получить, малыхъ ради сихъ искушеній“. Затѣмъ онъ упоминаетъ о Златоустѣ, который дважды былъ изгоняемъ за свое якобы еретичество, и продолжаетъ: „Такъ дѣлають и нынѣ правовѣрніи и прѣвосѣдатели церковныи, иже тмоу помрачявше око душевное“ ¹⁾. Артемій считалъ себя правымъ во всемъ, а о своихъ гонителяхъ писалъ: „Аще бо и хрістіане мнятся гонящии насъ, но вѣмъ извѣстно, яко слова ради Христова гоненіе умышляютъ на насъ“ ²⁾. Къ сожалѣнію, въ посланіи своемъ онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей и все это поручаетъ посланцу своему: „А яже о насъ вся сіа скажетъ възлюбленный онъ братъ и вѣренъ служитель Христовъ, всегда подвизася о насъ въ молитвахъ; прочетъ же писанійце сіе, створи, да прочіи раби Христовы прочтуть его. А яже у нихъ, ты да прочтеши. Прочее же, молитѣ о насъ, братіа возлюбленная Господемъ, да слово Господне евангельское течетъ и славится, якоже и въ васъ. И не бесплодно да будетъ ми страданіе сіе въ язахъ желѣзныхъ и да избавяся отъ противящихъ ми ся лжебратіи, избавить мя Господь отъ всякаго дѣла лукава и спасетъ въ царствѣ своемъ молитвами Пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ отъ вѣка благоугодившихъ Ему“ ³⁾.

Такимъ образомъ, здѣсь подтверждается извѣстіе Курбскаго объ оковахъ, въ которыхъ не только привели Артемія въ Москву, но, какъ видно, и держали во все время суда. Въ другомъ мѣстѣ Артемій немного говоритъ о себѣ: „Господа ради, господине, не изводнуйтеся; безъ вѣсти не ходите! А мы въ нынѣшнемъ хоженіи претрѣпѣхомъ много напастей. А и еще не вѣдаемъ, што будетъ? Не имамы, гдѣ главы подклонити. Люди здѣ стропотны“ ⁴⁾. Не воздержался однако Артемій отъ того, чтобы не сдѣлать характеристики своихъ враговъ: „На убійство и изгнаніе устремляются, говорятъ онъ, царскою помощію, яко и древніи мучители, ничто же

¹⁾ Р. Ист. Библ., т. IV, ст. 1394.

²⁾ Тамъ же, ст. 1392.

³⁾ Тамъ же, ст. 1392—1393.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 1394..

имуще глаголати, точію еретикъ указати же явственно не могутъ. Но, якоже обычай есть имъ, ложныя клеветы съставляти и писати неправды, и лжесвѣдителей накупающе, и мзду суетныя ихъ власти студную славу общаваютъ" ¹⁾.

Шестое посланіе Артемія, также написанное во время суда, дополняетъ свѣдѣнія изъ девятаго посланія. Артемій категорически заявляетъ въ немъ: „Вѣсте бо мудрованіе наше, якоже никогда же глагола или съмѣхся въ православнѣй вѣры святыя единосущныя Троица, яко нѣдѣи лжуть на насъ" ²⁾. Затѣмъ тамъ же мы находимъ объясненіе, почему Артемій такъ мало защищался на судѣ, не хотѣлъ высказываться предъ соборомъ: „Въ злехотне борющимися съ нами невѣрными или зловѣрными по первомъ или второмъ наказаніи престаемъ. Въ хотящихъ же истинну навывкнути, доброе творящимъ же и глаголющимъ же, до вѣка не стужаемъ си, готови суще во отвѣту всякому, въпрошающему вы слово о вашемъ упованіи съ кротостію и страхомъ. Егда же поведутъ вы предъ владыки и царя предательски, тогда, рече не прежде поучайтесь отвѣщати, но еже аще дастся вамъ. Въ той часъ се глаголете, и Григоріе Богословъ глаголетъ: егда къ Ироду приведенъ будеши, не отвѣщавая вѣще; Иродъ же всякъ плотскій, иже не пріемлетъ духовнаа. Зриши же, яко не отечески, ниже братски, хотяще исправити въпрошають, но яко волки, овчиною прикрившеса, ищутъ нѣчто уловити отъ устъ нашихъ" ³⁾. Артемій скоро понялъ, что его непременно осудятъ. Въ это время ему оставалось единственное утѣшеніе въ молитвѣ, ибо онъ былъ даже лишенъ возможности читать священныя книги: принадлежавшія ему книги были отъ него отобраны ⁴⁾.

Изъ числа свидѣтелей нашлось только трое, осмѣлившихся сказать слово за Артемія и опровергнуть клевету Нектарія. Это были три старца пустынника, на которыхъ Артемій ссылался. Они сказали, что не слышали отъ него худы на божественное писаніе. Не смотря на то, соборъ все-таки осудилъ Артемія, и грамота о ссылкѣ его въ

¹⁾ Р. Ист. Библ., т. IV, ст. 1397.

²⁾ Тамъ же, ст. 1372.

³⁾ Тамъ же, см. 1373.

⁴⁾ Это видно изъ описи царскаго архива (Акты Арх. эксп. I, стр. 353): „Листы 222. А въ немъ соборныя дѣла, списки черныя Матвея Башкина, да Ортемья бывшаго игумена Троицкаго и Федоса Косова, и иныхъ старцевъ; да въ немъ же книжка Ортемьева Апостолъ, Евангеліе, Псалтырь, писано полу-словницей, и грамота о побѣхъ, какъ Ортемъ побѣждалъ съ Соловьевъ" ⁴⁾.

Соловецкій монастырь была подписана 24-го января 1554 года ¹⁾. Онъ былъ осужденъ на глубокое заточеніе. Никто не имѣлъ доступа къ нему въ келью. Онъ долженъ былъ сидѣть въ молчаніи и каяться о „прелести“ своего еретичества. Къ нему долженъ былъ быть представленъ священникъ, которому было вѣнено въ обязанность наблюдать, истинно ли его покаяніе. Священникъ этотъ долженъ былъ докладывать объ Артемѣ игумену Филиппу. Артемій лишенъ былъ причастія, развѣ только предъ смертью. Книги дозволялось имѣть только съ разрѣшенія властей. Обо всемъ игуменъ Филиппъ обязанъ былъ доносить Новгородскому архіепископу Пимену, а тотъ въ свою очередь—царю и митрополиту.

Живая и энергическая натура Артемія не выдержала этого затворничества. Онъ рѣшился бѣжать изъ Соловецкаго монастыря. Въ 1554 г. онъ былъ туда сосланъ, а въ слѣдующемъ 1555 году мы уже застаемъ его въ Бѣлоруссіи, въ городѣ Витебскѣ.

Артемій пришелъ сюда вмѣстѣ съ Θεодосіемъ Косымъ и какимъ-то Ѳомой. Отсюда онъ удалился въ самую глубь Литвы и пріютился у Слуцкаго и Копыльскаго князя Юрія ²⁾. Юрій былъ преданъ православію и также покровительствовалъ просвѣщенію, какъ князь Константинъ Острожскій. Онъ основалъ для пользы церкви въ Слуцкѣ православную школу. Появленіе Артемія у князя Юрія, безъ сомнѣнія, обуславливалось тѣмъ, что князь нашелъ въ немъ желаннаго ему книжнаго человѣка. Юрій сумѣлъ отдѣлать въ немъ религіознаго мыслителя, осуждавшаго крайности обычной не озаренной просвѣщеніемъ и чисто обрядовой набожности, отъ еретика. Въ это время въ Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи происходило обширное религіозное движеніе. Реформація проникла и сюда и нашла себѣ сильныхъ покровителей въ лицѣ польско-литовской аристократіи. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литовской Руси, существовали послѣдователи трехъ главныхъ фракцій протестантства—кальвинства, лютеранства и ученія моравскихъ братьевъ. Первое преобладало надъ послѣдними. Одной изъ первыхъ и сильнѣйшихъ общинъ была община, возникшая въ Вильнѣ, подъ патронатствомъ самого воеводы Виленскаго Николая Радзивилла.

Съ 1555 г. начинается обнаруживаться и среди литовскихъ протес-

¹⁾ Акты Арх. эксп., I, № 239.

²⁾ *Андрей Венгерскій*. Slavonia Reformata, стр. 250.

стантовъ то крайнее проявленіе религіознаго вольномыслія, которое выразилось въ антитринитаріатствѣ. Изъ учителей его особенно извѣстенъ Симонъ Будный, отступникъ православія, полякъ или литвинъ—не извѣстно. Радзивилъ вызвалъ его въ 50-хъ годахъ на должность кальвинскаго пастора въ Клецкѣ (Минской губерніи). Въ 1562 г., въ Нѣсвижѣ, онъ издалъ на бѣлорусскомъ языкѣ кальвинскій катехизисъ, и затѣмъ еще книгу: „Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ“, посвященную Евстафію Воловичу, маршалу и писарю великаго княжества Литовскаго. Артемій написалъ Симону относительно этихъ книгъ два посланія. Первое изъ нихъ относится, по всей вѣроятности, къ 1564 г., а второе составлено нѣсколько позже. Изъ нихъ видно, что Артемій и Будный были лично знакомы, выдались и переписывались между собою. Знакомство это относится къ тому времени, когда Будный жилъ то въ Клецкѣ, какъ пасторъ кальвинской общины, то въ Нѣсвижѣ, какъ главный сотрудникъ кальвинскихъ изданій, выходившихъ изъ здѣшней типографіи, а Артемій жилъ въ Слуцкѣ, неподалеку отъ этихъ городовъ.

Затѣмъ въ это время написано Артеміемъ посланіе къ какому-то князю. Едва ли оно адресовано не къ Курбскому, который въ 1564 г. уже находился въ Западной Руси и, какъ самъ говоритъ, велъ бесѣды съ Артеміемъ о новыхъ ересяхъ и средствахъ противодействовать имъ. Писалъ Артемій посланія и Евстафію Воловичу, и Ивану Зарѣцкому. Зарѣцкіе были православные виленскіе мѣщане, и имена ихъ встрѣчаются потомъ между членами тамошняго братства. Одинъ изъ Зарѣцкихъ служилъ въ Вильнѣ скарбнымъ или казначеемъ при подскарбіѣ Е. Воловичѣ. Отсюда могло произойти знакомство Артемія съ Зарѣцкимъ.

Среди такихъ лицъ вращался Артемій, ведя вмѣстѣ со своимъ ученикомъ Маркомъ Сарыгозинымъ и съ княземъ Курбскимъ борьбу съ тѣми „многоглавыми“ ересями, которыя мало по малу охватывали тотъ край. Онъ защищалъ православіе и обличалъ еретиковъ столь сильно и горячо, что почти сто лѣтъ спустя о немъ вспоминалъ Захарій Копыстенскій, какъ объ энергичномъ борцѣ и глубоко ученномъ „дидакалѣ“.

Артемій много трудился и на пользу просвѣщенія со всею страстностью и живостью своей натуры, какъ всегда. Уже въ глубокой старости, какъ свидѣтельствуетъ Курбскій, Артемій изъавлялъ готовность придти къ нему на помощь въ его переводныхъ трудахъ. Тогда

Курбскій думалъ приняться за переводъ Шестоднева Василя Великаго. „Азъ“, сказалъ Артемій Курбскому, — „съ потщаніемъ во старости моей, аще бы и пѣшему случилось мися, препоясався, пойду съ Лупка тамъ, гдѣ ми кажешь, и буду пособляти въ преводѣ склоняючи на словенскій“. И потомъ еще прибавилъ: „О бы сподобилъ мя Богъ мой, ему же бы азъ по словенски помогалъ!“¹⁾ Но въ этомъ письмѣ, относящемся къ 1575 г., Курбскій упоминаетъ объ Артеміѣ уже какъ о покойномъ. Слѣдовательно, годъ смерти нашего писателя нужно относить ко времени до 1575 года.

III. Заключеніе.

¹⁾ Сказанія, стр. 257.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІЇ ВІЗАНТІЙСКОЇ ІМПЕРІЇ.

I

Не изданные монастырскіе уставы.

Изъ 187 рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ богословской школѣ на островѣ Халки, только одинъ имѣетъ большой историческій интересъ. Это кодексъ 85-й, писанный въ срединѣ XVIII вѣка, на бумагѣ, въ четверку. Не смотря на то, что онъ такого поздняго происхожденія, онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, потому что содержать въ себѣ не изданные монастырскіе уставы XII—XIII вѣковъ.

Командировка Православнаго Палестинскаго Общества дала мнѣ возможность побывать на островѣ Халки, гдѣ я занялся указаннымъ кодексомъ, за неимѣніемъ ничего, прямо относящагося къ Палестинѣ. Я приведу здѣсь содержаніе рукописнаго сборника 85-го, при чемъ останавлиюсь нѣсколько дольше на списанномъ мною уставѣ монастыря Вседержителя (Пандократора), представляющемъ несомнѣнный историческій интересъ.

I. Оглавленіе кодекса.

II. Уставъ монастыря Всемиловитаго Спаса, въ городѣ Редесто, написанный Михаиломъ Атталиатомъ въ 1077 г., и хрисовулы, данныя монастырю Михаиломъ Дукою и Никифоромъ Вотаниатомъ. Уставъ и хрисовулы списаны въ 1761 г. ¹⁾ съ рукописи Іерусалимскаго по-

¹⁾ За хрисовуломъ Никифора Вотаниата слѣдуетъ приписка переписчика: ἀντεγράφη ἀπαρλλάκτως καὶ ἀπαραιεῖτως ἐκ τοῦ πρωτοτύπου μεμβρανῶς χητηρικῶς τυπικῶς, σωζομένου ἐν τῇ πατριαρχικῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει μετοχίου τοῦ παναγίου Ταφου, ἐν ἔτει, αἴξεα κατὰ τὴν κβ Μαρτίου. Я не привожу листовъ, потому что этотъ кодексъ не пронумерованъ, какъ большая часть рукописей, хранящихся на Востоке.

дворья въ Константинополѣ, по которой они изданы Саею въ 1-мъ томѣ Bibliotheca Graeca.

III. Замѣтки о монастырѣ Божіей Матери Всеблаженной (τῆς Παμμαχαρίστου), въ которомъ помѣщалась Константинопольская патриархія съ 1455 по 1591 годъ: 1) объ Іоаннѣ Комнинѣ, выписка изъ хроники Мануила Малакса; 2) выписка изъ географіи Мелетія, митрополита Аѳинскаго ¹⁾ (1714 г.); 3) надпись на престолѣ въ церкви Всеблаженной, списанная съ рукописи, слѣдующаго содержания:

Ἰωάννου φρόντισμα Κομνηνοῦ τότε
 Ἀννης τε ῥίζης Δουκικῆς τῆς συζύγου
 (Ἦς ἀντιδοῦσα πλουσίαν ἀγνὴ χάριν
 Τάξαις ἐν οἴκῳ τοῦ Θεοῦ μονοτρόπους.

4) слѣдующая надпись, вырѣзанная на гробницѣ Іоанна Комнина:

Τῶν θεταλῶν μὲν τύμβον, ᾧ ξένη βλέπεις
 Πατὴρ μὲν οἰκεῖ παγκλεῆς αὐτοκράτωρ
 Κομνηνιάδης εὐγενῆς Ἰωάννης
 Κομνηνέων βλάστημα τῆς ῥιζουχίας
 Καὶ πορφύρας νέσυμα τῆς τριτολβίας.
 Ἐκαῖνος οὗτος ὁ σπαράξας Περίοδα
 Ὁ Δαλμάτας πῦρ ἐμπεσὼν καὶ φλόξ Θράκην,
 Ὅν Ἴταλοι τρεμοῦσι καὶ τεθνηχότα
 Ὅν Βαβυλῶν ἤκουσε καὶ συνεστάλη
 Ὅν Ἰνδικὴ πέφρικεν ἐκ θρήνης μόνης
 Ἐλῆξεν ἀργοῦ τοῦ λόγου τοῦ φωσφόρου.

IV. Уставъ константинопольскаго монастыря Вседержителя (Пандократора), написанный императоромъ Іоанномъ Комниномъ въ 1136 г., списанный въ 1749 г. съ оригинала, хранившагося въ библіотекѣ Николая Воеводы Маврокордата ²⁾.

Уставъ начинается съ предисловія, гдѣ императоръ прославляетъ свои подвиги и указываетъ на мотивы, побудившіе его основать монастырь. Начало этого предисловія не сохранилось; текстъ начинается

¹⁾ Географія Мелетія была напечатана въ первый разъ въ Венеціи въ 1728 г. См. Σάβα, Νεοελληνικὴ Φιλολογία, 6, 391.

²⁾ Въ концѣ устава замѣтка переписчика: ἀντεγράφη ἀπαρallάκτως ἀπὸ χειρογράφου ἐν μεμβράναις βιβλίου αὐτοῦ φημι τοῦ πρωτοτύπου τυπικοῦ σωζομένου ἐν τῇ πληρεστάτῃ βιβλιοθήκῃ τοῦ σοφωτάτου κυρίου ἰαδίου αὐθέντου Νικολάου Βοεβόδα Μαυροκορδάτου τῇ ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ μῆνα ὀκτώβριον ἰνδικτιῶνος δεκάτης τρίτης ἔτος χ'λιαστὸν ἐπτακοσιεστὸν τεσσαρακοστὸν ἑννατον.

со средины фразы, со словъ: καὶ πάσης ἐνέδρας καὶ μηχανῆς ὑπέρτερον ἀναδείξασα ¹⁾). Особенный интересъ придаетъ этому уставу то обстоятельство, что въ немъ говорится не только о порядкѣ богослуженія, освѣщеніи храмовъ, монашеской трапезѣ, но и о устроенныхъ при монастырѣ больницѣ и богадѣльницѣ, при чемъ сообщаются тавія подробности византійской жизни, о которыхъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. О монастырѣ Пандократора мы знали до сихъ поръ очень мало. Киннамъ говоритъ, что императрица Ирина, жена Іоанна Комнина, построила въ Константинополѣ монастырь Пандократора ²⁾, а Никита Хонскій приписываетъ его построение самому императору ³⁾. Изъ устава узнаемъ, что вѣрно послѣднее, но что Ирина принимала дѣятельное участіе въ построеніи монастыря и пожертвовала ему лично ей принадлежавшія имѣнія ⁴⁾.

Монастырь Пандократора былъ ни отъ кого не зависѣвшимъ, не подчиненнымъ ни патріарху, ни епархіальной власти ⁵⁾. Онъ былъ, слѣдовательно, освобожденъ отъ всякихъ платей и взносовъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, хотя объ этомъ ничего не говорится въ уставѣ.

¹⁾ Другой списокъ устава Пандократора я нашелъ на островѣ Занте у г. Михаила; благодаря необыкновенной любезности владѣльца рукописи, я имѣлъ ее у себя въ теченіе недѣли и могъ убѣдиться, что эта рукопись писана почеркомъ конца прошедшаго столѣтія или даже первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Она, по всей вѣроятности, списана съ халкискаго кодекса, потому что тѣхъ самыхъ словъ, которыхъ не разобралъ халкскій переписчикъ, не разобралъ и зантскій. Въ зантскомъ спискѣ точно также нѣтъ начала предисловія, и оно начинается съ тѣхъ же словъ, что халкская рукопись.

²⁾ Cinnami p. 10 (бониск. изд.): ἡ δὲ καὶ φροντιστήριον ἐπ' ὀνόματι τοῦ Παντοκράτορος ἐν Βυζαντίῳ συνεστήσατο ἐς κίλλος καὶ μέγεθος ἐν τοῖς μάλιστα τῶν ἐπιστημάτων ὄν.

³⁾ Ducange. Constantinopolis Christiana, l. IV, p. 80.

⁴⁾ Остатки монастыря Пандократора (обращеннаго въ мечеть Килиссе-джамп существуютъ до сихъ поръ и описаны въ новомъ прекрасномъ изслѣдованіи Н. П. Кондакова: Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 211 сл. (въ Трудахъ VI-го Археологическаго съѣзда. Одесса. 1887). Почтенный авторъ приписываетъ построеніе монастыря Иринѣ, слѣдуя, вѣроятно, Киннаму, и думаетъ, что она умерла въ 1124 г. Не опечатка ли это? Ирина несомнѣнно была жива въ 1136 г., потому что императоръ называетъ ее въ уставѣ своею любезною супругой.

⁵⁾ Ἐξεῖ δὲ ἡ μονὴ τὸ ἐλεύθερον πάντα καὶ ἀκαταδούλωτον, ὑπὸ μηδεμίαν ἐξουσίαν τελούσα, μηδένα τὸν κυριεύοντα ἔχουσα, αὐτοδеспотος, αὐτεξουσίου, ἐαυτῇ: κυριεύουσα καὶ δεσπούουσα, μὴ ὑπὸ ἐκκλησιαστικὴν ἀρχὴν μὴ ὑπὸ ἀνακτορικὴν ἐξουσίαν μὴ ὑπ' ἑτερον ἀρχοντικὴν ἐξουσίαν παττομένη, μόνῃ τῶν υἱῶν ἀντιποιουμένη καὶ πάντων ἐξουσιαστικῶς καὶ αὐθεντικῶς καταπολαύουσα.

Монастырю Пандократора были подчинены пять монастырей: Носсіевъ (τῶν Νοσσιῶν), Монокастана (τοῦ Μονοκαστάνου), монастырь, находившійся въ мѣстѣ Аноемія (τῶν Ἀνωεμίῳ), Мидиварія, лежавшій по ту сторону Босфора, противъ города (вѣроятно, въ нынѣшнемъ Скутари), Галакринонъ (τῶν Γαλακρινῶν) и Сатира (τοῦ Σατύρου) ¹⁾. Эти монастыри не имѣли своихъ игуменовъ, а только экономовъ, завѣсѣвшихъ отъ игумена монастыря Пандократора, считавшагося игуменомъ подчиненныхъ монастырей ²⁾. Остатки отъ доходовъ этихъ монастырей, за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ, поступали въ монастырь Пандократора, но за то этотъ послѣдній долженъ былъ помогать подчиненнымъ монастырямъ въ томъ случаѣ, еслибъ они впали въ нужду и доходовъ не хватало бы на насущныя потребности ³⁾.

¹⁾ Гдѣ лежали всѣ эти монастыри, опредѣлить довольно трудно. Скилицъ говорить о монастырѣ Ὑψιστάτου вѣ Носсіахъ (ἐν ταῖς Νοσσιαῖς), построенномъ императоромъ Львомъ Философомъ. См. *Ducange*, Const. Christ. IV, 82. Тотъ же Скилицъ въ разказѣ о царствованіи Романа Лакапина упоминаетъ о монастырѣ Монокастана, куда бѣжалъ Іоаннъ Мистикъ, когда былъ открытъ его заговоръ. Но не ясно, находится ли этотъ монастырь въ Константинополѣ, или нѣтъ; *Cedren*. II, 307. Въ Константинополѣ было мѣсто гдѣ-то у морской стѣны, называвшееся τὰ Ἀνωεμίῳ. *Theophan.*, p. 608 (болгиск. изд.): Παρέπλευσαν τὴν πόλιν καὶ οἱ μὲν ἐπέρασαν εἰς τὰ Εὐτροπίου καὶ Ἀνωεμίῳ. *Leo Gramm.* p. 468 (парижск. изд.): τῆς δὲ μητρὸς αὐτοῦ (императори Льва) Θεωδόρας καλεσάσης τὸν βασιλέα εἰς τὰ Ἀνωεμίῳ. Прото. Кондаковъ въ вышеуказанномъ трудѣ два раза упоминаетъ монастырь Анеиμα. На стр. 37 онъ говоритъ, что до начала VI в. мы знаемъ монастырь Анеиμα, что онъ названъ по имени основателя или дарителя дома, что „нѣзъ этихъ обителей (ранѣе перечисленныхъ) Анеимова обращена была въ монастырь уже во времена иконоборства и находилась гдѣ-то въ западномъ углу города у берега. А на стр. 55 читаемъ: „полководецъ Алексѣй цезарь въ 840 г. основываетъ монастырь Анеиμα, гдѣ и погребенъ“. Послѣднее вѣрно и замѣтено, вѣроятно, у Дюканжа, ссылающагося на продолжателя Теофана; но въ первомъ позволяемъ себѣ сомнѣваться. Замѣтимъ еще, что выраженіе „обитель Анеимова (нѣсколькими строками выше она названа монастыремъ) обращена была въ монастырь“ совсѣмъ не удобопонятно. Наши мелочныя замѣчанія, конечно, насколько не умаляютъ значенія капитальнаго труда Н. П. Кондакова, уже оцененнаго по достоинству на страницахъ *Журн. Мин. Нар. Просв.* Г. С. Дестунисомъ. Объ остальныхъ монастыряхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни у Дюканжа, ни у Н. П. Кондакова.

²⁾ Ἦγούμενος δὲ ἐπ' οὐδεμί, τῶν τοιοῦτων μονῶν ἔσται, ἀλλὰ δι' οἰκονόμων ἐνεργηθήσονται τὰ ἐν αὐταῖς. Πᾶσαι δὲ ὁμοίως ὑπὸ τὸν καθηγουμένον τῆς τοῦ Παντοκράτορος μονῆς ἔσονται καὶ ὡς ἐν σῶμα διαφόροις συναρμοζοῦμενον μέλεσιν ὑπὸ μίαν ταχθήσονται κεφαλὴν τὸν δηλωθέντα καθηγουμένον.

³⁾ Ἐπ' ἰ δὲ καὶ ἕτερα μοναστήρια παρὰ τῆς βασιλείας μου προσηνώθησαν τῇ τοιαύτῃ μονῇ, ἣρουν ἡ μονὴ τῶν Νοσσιῶν, ἡ μονὴ τοῦ Μονοκαστάνου, ἡ μονὴ τῶν Ἀνωεμίῳ.

Выборы игумена должны были происходить слѣдующимъ образомъ. Игуменъ монастыря Пандократора выбиралъ трехъ монаховъ изъ своего и подвластныхъ ему монастырей, записывалъ эти имена на хартію, запечатывалъ ее и въ присутствіи всей братіи клалъ хартію въ ризницу; имена не читались вслухъ, и кандидаты оставались неизвѣстны. По смерти игумена распечатывали хартію, читали имена, и монахи избирали одного кандидата. Въ случаѣ разногласія имена трехъ кандидатовъ записывались на отдѣльные кусочки хартіи, и какой-нибудь неграмотный монахъ клалъ ихъ въ алтарь на престолѣ; тамъ лежали они три дня, и на третій день послѣ литургіи какой-нибудь неграмотный монахъ, но уже другой, снималъ съ престола кусочекъ хартіи. Тотъ, чье имя было написано на этомъ кусочкѣ, долженъ былъ считаться избраннымъ самимъ Богомъ ¹⁾.

Во всѣхъ перечисленныхъ монастыряхъ полагалось опредѣленное количество монаховъ, именно: въ монастырѣ Пандократора 80, кромѣ 50 священно—и церковнослужителей, въ монастырѣ Носсіевъ—12, въ монастырѣ Монокастана—16, Анѳемія—12, Мидикарія—6, Галакринонь—6, Сатира—18. Изъ этого мы видимъ, что штаты примѣнялись къ монастырямъ уже въ первой половинѣ XII вѣка, и что штаты устава Михаила Палеолога (1282 г.) не представляютъ нововведенія, какъ былъ склоненъ думать ученый издатель этого устава И. Е. Троицкій ²⁾.

Женщинамъ, даже знатымъ и отличавшимся безупречнымъ поведеніемъ, возбранялся входъ въ монастырь; имъ позволялось приходить только на похороны родственника-монаха. Отмѣтимъ еще осо-

θεμίου, ἡ πέραθεν ἀντικρὺ τῇ πόλει τῆς μονῆ τοῦ Μηδικαρίου, ἡ μονὴ τῶν Γαλακρυ-
νῶν καὶ ἡ μονὴ τοῦ Σατύρου κατὰ τὴν γενομένην ἐπ' αὐτῇ πατριαρχικῇ οἰκονομίᾳ
μετὰ πάντων δηλαδὴ τῶν διαφερόντων αὐταῖς ἔντε τῇ πόλει καὶ ἐν ταῖς ἐξωθεν, βούλο-
μαι γίνεσθαι: πρότερον ἀπο τῶν προσόδων αὐτῶν τὴν πᾶσαν οἰκονομίαν καὶ πρόνοιαν
καὶ διοίκησιν αὐτῶν τε τῶν μοναχῶν καὶ τῶν ἐν ταῖς μοναῖς ἐκκλησιῶν καὶ τὰς συνή-
θης ἐορτὰς καὶ τὰ μνημόσυνα καὶ τὰ ἄλλως ἐκάστη τῶν μονῶν ἀναγκαῖα, καὶ οὕτω
μετὰ πάσας τὰς εὐλόγους καὶ ἀπαραίτητους ἐξόδους τὸ περιτεῦον εἰς τὴν κυρίαν
μονὴν τοῦ Παντοκράτορος περιελεύσεσθαι, ὡς περ αὐτὴς κατὰ τινα τῶν πραγμάτων ἀνω-
μαλίαν τινὸς τῶν τοιούτων μοναστηρίων ἐρχομένου εἰς ἐνδειαν τὰ χρειώδη αὐτῷ πα-
ρασχέθησεται.

¹⁾ Подобнымъ же образомъ рѣшалось разногласіе въ монастырѣ, основанномъ Михаиломъ Атталіатомъ. См. *Sathas, Bibliotheca graeca* I, 27.

²⁾ „Но съ примѣненіемъ штатовъ къ монастырямъ мы встречаемся впервые въ уставѣ Михаила Палеолога“, пишетъ И. Е. Троицкій въ своихъ прекрасныхъ примѣчаніяхъ къ открытому и напечатанному имъ уставу. См. Автобіографію Михаила Палеолога, стр. 50.

бенность внутренней монастырской жизни. Въ монастырь была устроена баня, гдѣ могли мыться сразу шесть человѣкъ; въ баню монахамъ полагалось ходить два раза въ мѣсяцъ, но великимъ постомъ это строжайше запрещалось, и они обречены были не мыться въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ¹⁾.

Рядомъ съ монастыремъ императоръ Іоаннъ Комнинъ выстроилъ храмъ Божіей Матери Милосердой, а между нимъ и монастыремъ церковь во имя архистратига Михаила и Силъ Безплотныхъ, долженствовавшую служить царскою усыпальницею ²⁾. При церкви Богородицы полагался штатъ въ 50 священно- и церковнослужителей (въ томъ числѣ и 16 пѣвчихъ) изъ монаховъ монастыря Пандократора, получавшихъ хорошее содержаніе. Двумъ старшимъ священникамъ выдавалось по 15 золотыхъ номисмъ (номисма около 4 руб.) и по 25 модіевъ хлѣба, остальнымъ шести священникамъ по 14 номисмъ и 25 модіевъ хлѣба, 10 діаконамъ по 13 номисмъ и 24 модія, пѣвчимъ по 12 номисмъ и 20 модіевъ. Эта выдача называлась ругой и хлѣбнымъ (по нашему столовыя), *ὁκέρ ῥόγας καὶ ἀννόμους*. Кромѣ того, полагалось недѣльное содержаніе (*ἐβδόμηρχόν*) по номисмъ въ недѣлю всему очередному духовенству. Клиръ дѣлился на двѣ смѣны и служилъ поочередно чрезъ недѣлю. Каждую пятницу выдавалась на всѣхъ еще номисма за служившееся въ этотъ день всенощное бдѣніе съ панихидою по ктитору и императорской фамилии. Но этимъ не ограничивались доходы духовенства; въ Благовѣщеніе и Срѣтеніе оно получало по 2 номисмы каждый разъ, въ день смерти Алексѣя Комнина—3 номисмы, матери императора Іоанна—2 номисмы, его бабки—столько же, въ день смерти Іоанна и сына его Алексѣя—по 3 номисмы (это послѣднее было, конечно, только обѣщано при составленіи устава).

Опуская подробности о чинѣ богослуженія, о монашеской трапезѣ, о количествѣ лампадъ, возжигаемыхъ въ церквахъ, обращаюсь къ устройству больницы и богадѣльни. Больница эта была такъ благоустроена, что ничего лучшаго нельзя было бы желать въ наше время,

¹⁾ Οὐδεὶς μὲντοι τῶν μοναχῶν δι' ὅλης τῆς μεγάλης ταύτης τεσσαρακοστῆς λουεσθῆναι συγχωρηθήσεται, εἰ μὴ τις κατεπίγει νοσήματος ἀνάγκη.

²⁾ Ἐπεὶ δὲ καὶ ναὸν ἠθέλησεν ἡ βασιλεῖα μου οἰκοδομηθῆναι πλῆσιον τῆς τοιαύτης μονῆς ἐπ' ὀνόματι τῆς ὑπεραγίας μου δεσποίνης καὶ θεοτόκου τῆς Ἐλεούσης καὶ μετὰ τοῦ τοιοῦτου ναοῦ καὶ τῆς μονῆς ἕτερον εὐκτήριον ἐπ' ὀνόματι τοῦ ἀρχιστρατηγοῦ Μιχαήλ, ἐν ᾧ καὶ τοὺς τάφους ἡμῶν τεθῆναι διετυπώσαμεν, ἰδοὺ καὶ τὰ περὶ τῆς ἀκολουθίας τῶν τοιούτων δύο ναῶν ἐνταῦθα διαληπτέον.

и невольно удивляешься, что нечто подобное могло существовать в XII вѣкѣ.

Устроенная при монастырѣ больница (ἐξων),¹⁾ на 50 кроватей предназначалась для бѣдныхъ, вѣроятно—мирянъ; въ нее не полагалось класть монаховъ монастыря Пандократора²⁾. Она была раздѣлена на пять отдѣленій (ὀρδίνους): 1) отдѣленіе хирургическое на 10 кроватей, для страдающихъ ранами или сломавшихъ себѣ что-нибудь; 2) отдѣленіе на 8 кроватей для страдающихъ острыми и притомъ тяжкими болѣзнями, глазами, желудочными и т. под.; 3) два отдѣленія на 10 кроватей каждое, для обыкновенныхъ больныхъ; 4) женское отдѣленіе на 12 кроватей³⁾. На каждое отдѣленіе полагалось по два врача, по три штатныхъ фельдшера (ὀπουργοὶ ἐμβαθμοὶ) и по два сверхштатныхъ (περισσοί), по два служителя (ὀπηρηταί). Для женскаго отдѣленія были назначены два врача, акушерка (ιατραίη), шесть фельдшерицъ (ὀπουργίσσαι) и двѣ служительницы. Два врача стояли во главѣ больницы, считались ея начальниками и назывались приммикиріями (πριμικήριοι); было и два старшихъ врача, называвшихся протоминитами (πρωτομηνίται)⁴⁾.

¹⁾ ἐξωνъ въ современномъ языкѣ значить и страннопримница, гостинница (хотя обыкновенно говорится и пишется ἐκνοδοχεῖον), и больница. См. *Legrand, Dictionnaire grec moderne français*. Дюканжъ въ словарѣ указываетъ только на значеніе ἐξωνъ—страннопримница, хотя изъ двухъ цитатъ, приводимыхъ имъ же въ другихъ мѣстахъ ясно, что это слово означало въ средніе вѣка также больницу. См. ниже. Въ нашемъ уставѣ ἐξωνъ, безъ всякаго сомнѣнія, означаетъ больницу, и можетъ быть, этотъ терминъ употребленъ вмѣсто обычнаго νοσοκομεῖον потому что рѣчь идетъ о больницѣ, предназначенной не для живущихъ въ монастырѣ, а для приходящихъ со стороны, такъ-сказать, гостей, странниковъ.

²⁾ Ἐλεύθεραι γὰρ ἔσονται αἱ πεντήκοντα κλῖναι λόγῳ τῶν ἐν Χριστῷ ἡμῶν ἀδελφῶν, τῶν δὲ ἀρρώστων τῆς μονῆς ἐν τῇ μονῇ γενήσεται πρόνοια, ὡς ἀνωτέρω δεδήλωται, Больного монаха клали въ отдѣльную, для того предназначенную, комнату и призывали къ нему врача изъ больницы. Комната эта, помѣщавшаяся въ самомъ монастырѣ, а не въ больницѣ, была устроена на шесть кроватей; въ ней стояла еще кровать, на которой ночевалъ врачъ въ томъ случаѣ, если кто изъ монаховъ заболѣвалъ такъ опасно, что его страшно было оставить на ночь безъ медицинской помощи. Ἐχέτω δὲ καὶ τὸ τρικλινάριον κλῖνας ἑστρωμένας ἕξ λόγῳ τῶν βουλευμένων ἀκακλίεσθαι καὶ ἑτέραν λόγῳ τοῦ ἱατροῦ μέλλοντος καὶ τούτου παραμένειν τοῖς κάμνουσιν ὅπως χρεῖα κατεπίγει.

³⁾ Ἔσονται δὲ ἀπὸ τούτων τῶν πεντήκοντα, δέκα μὲν λόγῳ τῶν ἐνοχλουμένων τραύμασιν ἢ καὶ κεκλασμένων, λόγῳ δὲ τῶν ὀφθαλμιῶντων καὶ κοιλιακῶν κατεχομένων νοσήματι καὶ ἑτέροις τισὶν ὀξυτάτοις ἐπωδύνοις ἑτέρας ὀκτώ, ταῖς δὲ γυναῖξιν ταῖς νοσοῦσας ἀφορισθήσονται κλῖναι δώδεκα καὶ αἱ λοιπαὶ τοῖς ἀπλῶς νοσοῦσιν ὑπολειφθήσονται.

⁴⁾ У Дюканжа πρωτομηнуτής, при чемъ указано мѣсто одной визанской медицинской рукописи: Ρωμανοῦ κομβουκλησιῦ τῆς τοῦ Θεοῦ ἀγίας καὶ μεγάλης ἐκκλησίας, πρωτομηνουτοῦ τοῦ βασιλικοῦ ἐξωνος τοῦ Μυρελαίου, Это, можетъ быть, больница при

Врачи дѣлились на двѣ смѣны и чередовались чрезъ мѣсяць. Одинъ изъ старшихъ врачей долженъ былъ ежедневно обходить больницу, спрашивать больныхъ, довольны ли они лѣченіемъ и уходомъ; онъ долженъ былъ также изслѣдовать пищу, даваемую больнымъ. По ночамъ въ каждомъ отдѣленіи дежурилъ свой фельдшеръ, а въ женскомъ отдѣленіи, фельдшерица; эти ночные дежурные назывались экскувиторами (ἐσκούβιτορες).

Кромѣ помянутыхъ пяти отдѣленій, было еще отдѣленіе для приходящихъ ¹⁾, гдѣ полагалось имѣть двухъ хирурговъ (ἰατροὶ τραυματικοί), двухъ врачей (ἰατροὶ διατητικοί) и 8 фельдшеровъ. Если врачъ, принимающій приходящаго больного, находилъ, что болѣзнь тяжкая, онъ долженъ былъ сообщить объ этомъ начальнику больницы, и тотъ присылалъ еще врача для консультаціи.

Больница, устроенная императоромъ Іоанномъ, была, конечно, благотворительнымъ учрежденіемъ, и помѣщавшіеся въ ней больные не только ничего не платили за свое содержаніе, но нѣсколько разъ въ годъ получали небольшія денежныя выдачи. Каждому больному выдавался ежедневно хлѣбъ въ $\frac{1}{16}$ часть морскаго модія, приблизительно въ $2\frac{2}{3}$ фунта ²⁾; затѣмъ на всѣхъ полагалось въ день модій (пудъ) бобовъ, модій какихъ-нибудь другихъ овощей, сто головокъ луку, оливковое масло; на вино выдавались деньги. Когда больной приходилъ въ больницу, на него надѣвали больничное бѣлье и платье (ἱμάτιον), а собственное его бѣлье стирали и возвращали по выздоровленіи. Кровати содержались чисто и были снабжены всѣмъ необходимымъ, войлочнымъ тюфякомъ, подушкой и одеяломъ ³⁾.

монастырь Мирелея, построенномъ Романомъ Лакапинномъ. См. *Ducange*, *Const. Christ.* IV, 160.

¹⁾ Λόγῳ δὲ τῶν ἐξωθεν ἐρχομένων ἀρρώστων ἔσσονται ἰατροὶ περισσοὶ τέσσαρες. Дальше противопоставляются больные, лежащіе въ больницѣ и приходящіе извнѣ, изъ чего можно заключить, что, кромѣ 50 кроватей, было отдѣленіе для приходящихъ больныхъ. Οὐχ ὑπὲρ τῶν ἐντος ἀνακεκλιμένων μόνον, ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ τῶν ἐξωθεν ἀρρώστων.

²⁾ Морской модій хлѣба равнялся 40 фунтамъ. Въ одной ариметикѣ сказано: ὁ θαλάσσιος μόδιος ὀφείλει γασρεῖν σίτου καθαρῷ καὶ ἀρύπῳ λίτρας τεσσαράκοντα. См. словарь *Дюканжа*.

³⁾ Ἐκάστη δὲ κλίνη ἐχέτω τζόλιον ἓν, πιλωτόν μετὰ προσκεφαλαίου καὶ ἐφάπλωμα. Слова τζόλιον у *Дюканжа* вѣтъ, въ современномъ языкѣ есть слово τζούλι: чепракъ, couverture de cheval, какъ сказано въ словарѣ Леграна. Пилωτός несомнѣнно войлочный тюфякъ. Etymolog. шагн.: πῖλος, τὸ ἐξ ἐρίων εἰργασμένον πρὸς το κοιμάσθαι ἐπιτήδειον, ὃ ἡμεῖς πιλωτόν φαρεν. См. словарь *Дюканжа* подъ этимъ словомъ. Ἐφάπλωμα на новомъ греческомъ языкѣ одеяло.

При больницѣ была своя аптека съ начальникомъ (ἐπιστήμων τοῦ πημέντου) и пятью аптекарями (πημεντάριοι), своя баня, своя пекарня, двѣ мельницы, къ которыхъ держались три лошади для развозки муки, своя церковь, гдѣ служили общию четыре раза въ недѣлю, по средамъ, пятницамъ, субботамъ и воскресеньямъ.

Въ уставѣ монастыря Пандократора подробно расписано содержаніе, полагавшееся всѣмъ служащимъ при больницѣ. Два начальника больницы (примикирии) получали руги по 7½ золотыхъ номисмъ, на приправу (ὕπερ προσφαγίου)—по 2 номисмы, столовыхъ (ὕπερ ἀννόνας)—по 45 хлѣбныхъ модіевъ хлѣба ¹⁾. Два старшихъ врача (протоминиты) получали по 7 номисмъ, по ½ (на приправу) и по 38 модіевъ; два хирурга—по 6½ ном., по ½ ном., по 36 модіевъ; два врачѣ женскаго отдѣленія—по 6, по ½, по 36 модіевъ; два врача, въ обязанности которыхъ входило лѣчить также монаховъ,—по 4 ном., по ¼, по 30 мод.; акушерка—3 номисмы и 26 мод. Кромѣ того, въ Преображеніе, въ день Космы и Даміана (врачей безсребренниковъ), въ Срѣтеніе и великій четвергъ врачамъ полагалась особая выдача, не въ счетъ жалованья.

Изъ сказаннаго, я думаю, можно вывести, что устройство больницы не оставляло желать ничего лучшаго; едва ли въ какомъ-нибудь современномъ госпиталѣ каждому врачу приходится лѣчить всего 10 больныхъ, какъ это было въ больницѣ Пандократора, и нашимъ докторамъ, конечно, не приходится отдыхать шесть мѣсяцевъ въ году и все-таки получать годовой окладъ жалованья.

При монастырѣ была учреждена богадѣльня (υἱροκομείον), гдѣ съ согласія игумена могли найдти себѣ пріютъ и пропитаніе 24 старца, не могущихъ зарабатывать себѣ хлѣба вслѣдствіе какихъ-нибудь физическихъ недостатковъ или же отъ старческой дряхлости. Каждому старцу, призрѣваемому въ богадѣльнѣ, полагалось 20 морскихъ модіевъ хлѣба, 18 мѣръ вина, 2 модія овощей, 50 фунтовъ сыра, модій оливковаго масла, 3 локтя дровъ, руги и на платьѣ 2 золотыхъ номисмы. Заболѣвшаго старца обязаны были лѣчить врачи, состоявшіе при больницѣ, а въ случаѣ тяжелой болѣзни старцы имѣли право на койку въ больницѣ. Завѣдывалъ богадѣльней одинъ изъ монаховъ, но самъ игуменъ обязанъ былъ слѣдить за порядкомъ.

Въ концѣ устава подробно перечислены селенія, виноградники,

¹⁾ О модіяхъ въ уставѣ сказано слѣдующее: τὰ μέντοι μοναστηριακά μόδια καὶ μέτρα ὀφέλουσι ποιεῖν τὰ πέντε θαλάσσια τέσσαρα, τὰ δὲ ἀννόνικα τὰ τρία θαλάσσια δύο.

имѣнія, пожертвованные монастырю Пандократора императоромъ и императрицей; къ сожалѣнію, ничего не говорится о количествѣ земли или ея доходности, а изъ сухаго перечня именъ, по большей частип намъ неизвѣстныхъ, нельзя сдѣлать никакихъ опредѣленныхъ выводовъ о богатствѣ монастыря. Уставъ монастыря Пандократора подписанъ самимъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ въ октябрѣ 6645 г. (1136 г.) 15-го индикта.

Не изданный уставъ монастыря Пандократора такъ обширенъ (въ немъ 54 листа въ 4-ку), что я могъ привести здѣсь только самыя существенныя черты его устройства, но, думаю, сказалъ достаточно, чтобы возбудить интересъ къ этому уставу, и показалъ, какой яркій свѣтъ проливаетъ онъ на малоизвѣстную внутреннюю исторію Византійскаго государства.

V. Уставъ монастыря св. Мамы 1159 года ¹⁾).

Монастырь св. Мамы лежалъ за городомъ у воротъ Ксилокерка (ξύλοκέρκον) ²⁾ и былъ основанъ, по преданію, во времена Юстиніана Великаго ³⁾. Изъ документа 1169 года, приложеннаго къ уставу въ нашемъ кодексѣ, узнаемъ, что этотъ монастырь былъ подчиненъ Константинопольскому патріарху, отдававшему его въ харистицію частнымъ лицамъ. Но харистикаріи вмѣсто того, чтобы поддерживать и украшать монастырь, тратили его доходы на себя и довели мона-

¹⁾ Другой списокъ этого устава XII в., современный его написанію, хранится въ Парижской національной библіотекѣ (suppl. grec. № 92). Онъ писанъ крупнымъ прекраснымъ почеркомъ, и списать его чрезвычайно легко, въ чемъ я могъ убедиться въ мое пребываніе въ Парижѣ въ концѣ 1885 г. Я слышалъ, что Ѳ. И. Успенскій списалъ этотъ уставъ на Халки; вѣроятно, онъ сличалъ его съ Парижскимъ спискомъ и, будемъ надѣяться, скоро напечатаетъ его.

²⁾ „До сихъ поръ эти ворота видны у вѣншей стороны стѣны, на заднемъ фонѣ греческаго кладбища, непосредственно на лѣво отъ развалинъ дворца Текеур-Сарая“, говоритъ Мортманъ, отождествляющій Ксилокеркъ съ Керкопортой. Г. С. Дестунишъ доказываетъ невозможность такого отождествленія. См. его Историко-топографическій очеркъ охупутныхъ стѣнъ Константинополя, стр. 32. Одесса. 1887. На поляхъ халкской рукописи тѣмъ же почеркомъ, какъ и весь кодексъ, написано: αὐτὴ ἐλέγετο πύλη τοῦ ξυλοκέρκου, ἢ ξυλοκέρκου, ἢ ξυλοκρίκου, ἢ ξηροκέρκου, ἢ κοινῶς ξυλόπορτα τὸ νῦν αἰθασιρακάπι. Въ указанномъ документѣ о положеніи монастыря св. Мамы сказано, что онъ лежалъ противъ женскаго общежительнаго монастыря Аристыны, рядомъ съ монастыремъ Іасита: τὴν μονὴν τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μάρμαντος τὴν καταντὶκρὺ μὲν τῆς κοινοβιακῆς γυναικείας μονῆς τῆς Ἀριστηνῆς διακειμένην, πλησίον δὲ τῆς σεραφείας μονῆς τοῦ Ἰασίτου.

³⁾ *Ducange*, Const. Christ. IV, 185—186. Ср. *Кондаковъ*, Византійскія церкви, стр. 44.

стырь св. Мамы до полного разоренія. Такъ обстояло дѣло, когда патріархъ Косма (1146—1147 гг.) отдалъ монастырь въ харистицію Георгію Каппадокійцу мистикъ. Этотъ Георгій желалъ сдѣлать богоугодное дѣло и возстановить монастырь въ прежнемъ видѣ даже по возможности улучшить его, но его пугала мысль, что послѣ его смерти монастырь попадетъ въ руки какому-нибудь недобросовѣстному харистикарію, который опять разоритъ его, и труды и деньги будутъ потрачены даромъ. Поэтому Георгій обратился къ патріарху Николаю Музалону (1148—1150 гг.) съ просьбой отказаться отъ своихъ правъ на монастырь и отдать его ему въ полную собственность. Патріархъ согласился на это; Георгій отстроилъ разрушенныя зданія монастыря и передалъ его по завѣщанію брату Теохаристу. Этимъ послѣднимъ подписанъ уставъ монастыря св. Мамы въ ноябрѣ 6667 г. (1159 г.) января 7-го ¹⁾.

VI. Уставъ царскаго монастыря архистратига Михаила (на островѣ Оксія близъ Халкидона), написанный императоромъ Михаиломъ I Палеологомъ.

Этотъ типикъ остается до сихъ поръ не изданнымъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому что онъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ для исторіи развитія монастырскаго устава и монашеской жизни. Но общаго интереса онъ представляетъ меньше, чѣмъ уставъ монастыря Пандократора. Не считая предисловія благодарственнаго обращенія къ Богу отъ лица императора, въ этомъ уставѣ 14 главъ, въ которыхъ говорится о томъ, чтобы монастырю быть независимымъ, о выборѣ игумена, о количествѣ монаховъ, о церковныхъ службахъ, о доходахъ монастыря, объ образѣ жизни монаховъ, о молчальникахъ, о панихидахъ по ктиторамъ, о праздникахъ. Уставъ заканчивается обращеніемъ къ будущимъ царямъ и патріархамъ ²⁾.

¹⁾ Παράλαβὼν οὖν τὰ τῆς μονῆς ὁ μυστικὸς καὶ ἰδὼν αὐτὴν εἰς παντελὴ ἐρήμωσιν καταστῆσασαν καὶ αὐτὸ τὸ εἶναι μονὴν σχεδὸν ἀπολέσασαν, ζήλω θεῷ παρακινήθεῖς ἠθέλησεν ἐπανορθῶσαι τὰ τῆς μονῆς καὶ ἰς τὴν προτέραν ταύτην ἐπαγαγεῖν κατὰστασιν ἥ καὶ χρεῖττονα. ὑποπτεύσας δὲ φόβον οὐκ ἄλογον μὴ ποτε πάλιν μετὰ τὸν θάνατον αὐτοῦ ἢ καὶ τοῦ μετ' αὐτὸν τὴν τοιαύτην μονὴν ἀναδεξιμένου εἰς χεῖρας ἐμπέσῃ χαριστικαρίου κατὰ τοὺς πρότερον καὶ χρήσῃται τῷ μοναστηρίῳ ὡς ἐκεῖνοι, τὰς μὲν τούτου προσόδους ἀναζητῶν, ἐπιμέλειαν δὲ τῆς μονῆς οὐδεμίαν ποιοῦμενος καὶ ἀπολέσῃ τὰ παρ' αὐτοῦ γενησόμενα δαπανήματα, προσῆλθε τῷ γεγονότῃ πατριάρχῃ κυρῷ Νικολῶ τῷ Μουζάλλωνι καὶ ἐζήτησεν ἐλευθερωθῆναι τὴν μονὴν καὶ τῶν πατριαρχικῶν ἀπολυθῆναι δικαίων, ὃ καὶ γέγονε τῇ τοῦ μεγαλειφανεστάτου μυστικοῦ, αἰτῆσει τοῦ πατριάρχου ἐκείνου παῖθαρρήσαντος καὶ γέγονεν ὑπόμνημα ἐπὶ τῇ ἐλευθερίᾳ τῆς τοιαύτης μονῆς.

²⁾ Вотъ заглавія главъ этого устава: 1. Περί τοῦ ἐλευθέραν εἶναι καὶ αὐτοδέσ-

VII. Хрисовулы, данные Византійскими императорами Новому монастырю (Νεά μονή) на островѣ Хиосѣ.

Тѣ же хрисовулы (ихъ всего 20, начиная съ середины XI вѣка) содержатся въ кодексѣ 160 (XVI в. въ 4-ку) Іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ. По этимъ двумъ кодексамъ хрисовулы напечатаны Гедеономъ въ 'Εκκλησιαστικῇ 'Αλήθεια 1884 г., журналѣ, издаваемомъ два раза въ мѣсяцъ Константинопольскою патріархіей.

VIII. Отрывки изъ устава Бачковскаго монастыря пресв. Богородицы близъ Филиппополя, 1083 г.

Самаго устава здѣсь не имѣется, а есть только предисловіе и послѣсловіе. Изъ этихъ отрывковъ узнаемъ, что существующій до сихъ поръ Бачковскій монастырь былъ построенъ Григоріемъ Пакуріаномъ, великимъ domesticomъ запада, извѣстнымъ полководцемъ въ царствованіе Алексѣя Комнина ¹⁾. Клиторъ былъ грузиномъ, а потому и монастырь предназначался для грузинъ. Въ Бачковскомъ монастырѣ былъ введенъ уставъ одного константинопольскаго монастыря (τῶν Παναγίου). Уставъ былъ написанъ въ трехъ экземплярахъ по гречески, армянски и грузински, при чемъ оригиналомъ считался греческій экземпляръ, положенный на храненіе въ константинопольскій монастырь. Всего интересноѣе то, что уставъ былъ подписанъ не только Пакуріаномъ, но и Іерусалимскимъ патріархомъ Евѣмніемъ, жившимъ, какъ сказано въ послѣсловіи, нѣкоторое время въ Солунѣ по приказанію императора, съ цѣлю заключить миръ съ разбойникомъ Франкомъ,

ποτον τὴν μονήν. 2. περὶ τῆς τοῦ προεστῶτος ἐκλογῆς τε καὶ προχειρίσεως. 3. πρὸς τὸν προεστῶτα. 4. πρὸς τοὺς μοναχοὺς ὁμιλία. 5. περὶ τῆς ποσότητος τῶν μοναχῶν. 6. περὶ τῆς τῶν διακονητῶν προχειρίσεως. 7. περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίης. 8. περὶ τῶν εἰσόδων τῆς μονῆς. 9. περὶ διαίτης μοναχῶν. 10. περὶ τῶν ἡσυχαστηρίων καὶ τῶν ἡσυχαστῶν. 11. περὶ μυημοσύνων τῶν κτιτόρων καὶ τῶν ἀδελφῶν. 12. περὶ τῶν εὐρῶν. 13. πρὸς τοὺς βασιλεῖς ὁμιλία. 14. πρὸς τοὺς πατριάρχας.

¹⁾ Предисловіе начинается такъ: Ἀρξάμεθα λέγειν τε καὶ γράφειν περὶ τοῦ προκειμένου ἡμῖν ἐφετοῦ τε καὶ εὐχταίου ἔργου ἧτοι τῆς συστάσεως τῆς παρ' ἡμῶν νεωστὶ ἱδρυμένης μονῆς, καθὼς ἐν τοῖς ὑποτεταγμένοις καθέξεις δηλωθήσεται, περὶ τε ὅρου καὶ ἀριθμοῦ τῶν ἐν αὐτῇ μοναζόντων καὶ περὶ τόπου καὶ κανόνος, δι' ὧν πολιτεύονται εἰς δόξαν τε καὶ τιμὴν τῆς πανυπεράγνου θεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου, ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ κάστρου τοῦ Πετριτζοῦ καλουμένου, πάντων τῶν μοναζόντων τὴν ἱβηρικὴν ἐπισταμένων γραφὴν καὶ διάλεκτον συναθροισθέντων τε καὶ συνταχθέντων εἰς τὴν προνοίᾳ καὶ βοηθείᾳ Θεοῦ νεωστὶ κτισθεῖσαν μονὴν παρ' ἐμοῦ Γρηγορίου τοῦ εὐδοκίᾳ Θεοῦ σεβαστοῦ καὶ μεγάλου δομestικού πάσης τῆς δύσεως, γνησίου τε υἱοῦ τοῦ ἐν μακαρί τῇ λήξει Πακουριάνου, τὴν γέννησιν τε ἐκ τῶν ἐσῶν ἔχοντος ἐκ τῆς τῶν Ἰβήρων παμφανεστάτης φυλῆς.

а оттуда пришедшимъ въ Филиппополь ¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о Боэмундѣ Тарентскомъ, продолжавшимъ въ 1083 г. походъ на Византію, начатый его отцомъ Робертомъ Гвискаркомъ. Въ другихъ извѣстныхъ намъ источникахъ касательно этого похода не упоминается о мирныхъ переговорахъ патріарха Евенімія, но они могли имѣть мѣсто осенью 1083 г., когда Алексѣй Комнинъ былъ разбитъ подъ Артой и удалился въ Константинополь набирать новое войско. Что Григорій Пакуріанъ находился въ Филиппполѣ въ декабрѣ 1083 г., это также не противорѣчитъ извѣстнымъ намъ фактамъ; во второй половинѣ этого года мы не видимъ его на театрѣ войны ²⁾. Во всякомъ случаѣ, пребываніе патріарха Іерусалимскаго въ Византіи не задолго до перваго крестоваго похода—фактъ новый, не замѣченный и не опф-ненныи историками этого времени ³⁾.

IX. Акты собора 1166 г. по поводу спора о словахъ: „Отецъ бо-ліи меня есть“. Эти акты издалъ А. Ман: *Scriptor. nova collectio* t. IV.

X. Исповѣданіе вѣры императрицы Теодоры Палеологъ.

XI. Завѣщаніе монаха Герасима касательно іерусалимскаго монастыря св. Евенімія, 1148 г. Годъ этотъ возбуждаетъ большое сомнѣніе, потому что въ завѣщаніи упоминается Анна, императрица Трапезунтская. Документъ списанъ мною и свѣренъ со спискомъ, хранящимся въ библиотекѣ Іерусалимскаго патріарха въ Іерусалимѣ.

¹⁾ Τὸ δὲ παρὸν τοπικὸν ἐγράφη ῥωμαϊκὸν, ἰβηρικὸν καὶ ἀρμενικὸν τῆς καθ' ἡμᾶς εὐαγγελιστικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Παναγίας τῆς Παναγίας κατὰ τὸν δεκάμβριον μῆνα τῆς ἐβδόμης ἰνδικτιῶνος ἔτους 6692 καὶ ὑπεγράφη παρ' ἐμοῦ τε αὐτοῦ τοῦ σεβαστοῦ Γρηγορίου τοῦ μεγάλου δομεστίκου τῆς δόσεως τοῦ Πακουριάνου διὰ ἀρμενικῶν γραμμάτων καὶ τοῦ παναγιωτάτου πατριάρχου Ἱεροσολύμων κυρίου Εὐθυμίου πρὸς βεβαίωσιν καὶ πίστωσιν πάντων τῶν ἐν τῇ αὐτῇ ἀναγεγραμμένων, ὡς παρατυχόντος αὐτοῦ ἐνθάδε διὰ τε καὶ αὐτὸν ἐκ προσταξέως τοῦ κραταίου καὶ ἀγίου ἡμῶν βασιλέως διάγειν ἐν Θεσσαλονίκῃ ἐνεκεν εἰρήνης τοῦ ἀλάστορος Φράγκου καὶ αὐτῆς ὑποστρέψαντος καὶ μεθ' ἡμῶν καταλαβόντος ἐνταῦθα ἐν τοῖς Φιλιππουπόλεως κτήμασί μου.

²⁾ См. *П. Безобразова*, Боэмундъ Тарентскій. С.-Пб. 1883, стр. 28—30.

³⁾ Мѣста, выписанныя нами изъ устава Бачковскаго монастыря, были извѣстны Іерусалимскому патріарху Досею, написавшему въ концѣ XVII вѣка рядную у насъ книгу: *Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων δεσποτάδων*. Я знаю это изъ ссылки архим. Григорія Паламы (Іеросолυμιάς, с. оне. Іеросолым. 1862), выписывающаго изъ Досеи слова, касающіяся Евенімія. Но при этомъ Палама, а вѣроятно, и Досеи, помѣщаютъ Евенімія въ число патріарховъ, бывшихъ послѣ 1099 г., и говорятъ, что онъ бѣжалъ въ Византію отъ преслѣдованій крестоносцевъ. Удивительно, что при этомъ можно ссылаться на слова устава, подписаннаго въ 1083 г. по ссылкѣ Паламы даже въ 1044 г. (это, можетъ быть, опечатка: 6552 г. вм. 6592 г.).

XII. Завѣщаніе монаха Нила 1337 г.

XIII. Завѣщаніе монахини Агаѳи Комнины, завѣщавшей аеонскому Ксиропотамскому монастырю два имѣнія и четыре золотыхъ подсвѣчника 1442 г.

XIV. Ὑποτάξεις γεγυνοῦα παρὰ τοῦ παναγιωτάτου πατριάρχου κῆρ Ματθαίου 1398 г.

XV. Четверостишіе, написанное Митрофаномъ въ 1531 г. на повѣди Ксифилина.

XVI. Житіе священномучениковъ Евгенія, Канидія, Валеріана и Акилы, пострадавшихъ въ Трапезунтѣ, написанное патриархомъ Константинопольскимъ Іоанномъ Ксифилиномъ. Μαρτύριον τῶν ἁγίων Χριστοῦ μαρτύρων Εὐγενίου, Κανιδίου, Οὐαλεριάνου καὶ Ἀκύλα τῶν ἐν Τραπεζοῦντι μαρτυρησάντων, συγγραφὲν παρὰ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Σιφιλίνου ¹⁾.

XVII. Іосифа, митрополита Трапезунтскаго, слово на день рожденія священномученика Евгенія.

XVIII. Послѣдованіе 21-го января въ день св. Евгенія, Канидія, Валеріана и Акилы. Два канона въ честь этихъ святыхъ, составленные Іоанномъ Ксифилиномъ.

П. Безобразовъ.

¹⁾ Не знаю, напечатано ли это житіе; его вѣтъ въ 120-мъ томѣ Патрологіи Минья, гдѣ помѣщены сочиненія Ксифилина.

СУДЬБА СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ *).

Академикъ И. И. Срезневскій только въ 1868 году могъ представить обстоятельный научный отчетъ объ особенностяхъ правописанія и языка Супрасльской рукописи, вмѣстѣ съ другими древними памятниками юго-западнаго юсоваго письма, въ 3-мъ томѣ Сборника Втораго отдѣленія Академіи Наукъ ⁶⁰⁾. Общія замѣчанія Срезневскаго о главныхъ видахъ старославянской письменности опредѣляютъ значеніе Супрасльской рукописи въ ряду древнѣйшихъ памятниковъ кирилловскаго письма. Онъ указалъ, что еще въ памятникахъ русскаго письма XI столѣтія (Остромирово Евангеліе 1057 г., Сборники 1073 и 1076 гг. и друг.) „старославянскій языкъ болѣе или менѣе утрачивалъ свои особенности: только посредствомъ особенной сноровки и постоянныхъ сличеній памятниковъ можно было извлечь данныя объ отличіяхъ этого языка отъ нарѣчія русскаго“. Открытіе памятниковъ сербскаго письма (Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго по списку 1263 г.) привело филологовъ къ выводу, что „старославянскій языкъ отличался рѣзкими особенностями и отъ нарѣчія сербскаго, что и сербскіе писцы, также

*) Окончаніе. См. октябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

⁶⁰⁾ Древніе славянскіе памятники юсоваго письма. Трудъ И. И. Срезневскаго. Обзорніе Супрасльской рукописи помѣщено на стр. 2, 27—36, 186—188, по списку, полученному Востоковымъ, вѣроятно, отъ Кёппена, издателя *Библиографическихкихъ листковъ*, а сей послѣдній взялъ ихъ отъ М. К. Вобровскаго. Въ дополненіяхъ къ означенному труду, на стр. 174—186, 224—240, находятся, кромѣ того, отрывки изъ тетрадей подлинника, принадлежащихъ А. Θ. Бычкову, а именно: на стр. 174—181—поученіе Іоанна Златоустаго на Евангеліе отъ Маттея, на стр. 182—186—жизнеописаніе св. муч. Кюдрата (разночтенія съ русскихъ списковъ въ скобкахъ), на стр. 225—240—жизнеописаніе св. Ирины, мученій свв. Іоны и Вархія и дружины его.

какъ русскіе, измѣняли его по своему, что, слѣдовательно, и памятники сербскаго письма, также какъ памятники письма русскаго, годны для изслѣдователей старославянскаго языка только условно. Надобно было ждать“, продолжаетъ Срезневскій,—открытія письма не русскаго и не сербскаго. Нашлись и такіе“. Ранѣе всѣхъ прочихъ памятниковъ такого письма появилась рукопись Супрасльская; она открыта, какъ мы знаемъ, Бобровскимъ немного времени спустя послѣ открытаго Калайдовичемъ Шестоднева, сербскаго письма. Вотъ что говоритъ Срезневскій далѣе: „Въ 1825 году (вѣрнѣе: въ 1823 г.) открытъ сборникъ, названный Востоковымъ, по мѣсту открытія, Супрасльской рукописью и отнесенный имъ къ XI вѣку: правописаніе въ немъ непослѣдовательно, но нѣтъ почти ничего ни русскаго, ни сербскаго. Первые извѣстія о немъ съ небольшими выписками тогда же сообщены Востоковымъ (въ Библиографическихъ листахъ); вся рукопись издана Ф. Миклошичемъ, въ 1851 году (подъ заглавіемъ: *Monumenta Palaeoslovenica e codice Suprasliensi*), а еще ранѣе и болѣе удовлетворительно въ палеографическомъ отношеніи имъ же отдѣльно изданы отрывки: *Notitia in glosas palmarum* (1847); *Vitae Sanctorum* (1847). Издатель замѣтилъ, что памятникъ этотъ принадлежитъ самой родинѣ старославянскаго языка и древнѣе всѣхъ памятниковъ, тамъ писанныхъ“. Слѣдовательно, историческія свѣдѣнія Срезневскаго о Супрасльской рукописи не идутъ далѣе того, что сказали о нихъ Востоковъ и Миклошичъ въ 1825—1851 гг.

Не скоро обнаружены были Срезневскимъ подобнаго же рода памятники югозападнаго юсоваго письма, извѣстные прежде Бобровскому, Даниловичу и Сосновскому. Это послѣднее усматривается изъ курса славянской библиографіи, составленнаго Бобровскимъ въ 1826—1828 гг. и рожденнаго имъ въ запискахъ своимъ ученикамъ главной Виленской духовной семинаріи⁶¹⁾. Срезневскій сначала сообщаетъ только о трехъ памятникахъ такого письма, отмѣтивъ открытіе ихъ въ исторіи славянской филологіи у насъ лишь послѣ 1852 года. Но затѣмъ, въ промежутокъ съ 1863 по 1867 годъ счастливые случаи доставили Срезневскому еще нѣсколько новыхъ памятниковъ старославянской письменности, болѣе или менѣе схожихъ по признакамъ древности съ Супрасльской рукописью. Эти-то новыя открытія

⁶¹⁾ Въ числѣ этихъ учениковъ между прочимъ были: Платидъ Янковскій, Ома Малишевскій, Степанъ Пашкевичъ, Александръ Малевичъ, Яковъ Червяковскій.

или сообщенія и дали Срезневскому матеріалъ для его довольно обширныхъ филологическихъ изслѣдованій о древнихъ памятникахъ юго-западнаго юсоваго письма, съ приложеніемъ въ дополненіяхъ текста нѣкоторыхъ рукописей и въ томъ числѣ отрывковъ изъ Супрасльскаго рукописи. Теперь только оказалось, что Супрасльская рукопись имѣетъ одинъ важный признакъ, отличающій ее отъ другихъ подобныхъ, именно, значительное количество замѣненія юсовъ чистыми гласными, указывающее, по мнѣнію Срезневскаго, на сильное вліяніе сербскаго нарѣчія или другаго подобнаго (?) ⁶²⁾. Подъ словомъ „подобнаго“ слѣдуетъ понимать, безъ сомнѣнія, „русскаго“.

Почтенный трудъ г. Бема, о которомъ сказано въ началѣ статьи, не смотря на то, что ему, очевидно, не были знакомы изслѣдованія Срезневскаго, заслуживаетъ уваженія по тщательной и полной разработкѣ палеографическихъ подробностей, начиная отъ начертанія 48 буквъ Супрасльскаго рукописи, фигуры которыхъ почти одинаковы съ буквами Остромирова Евангелія, и оканчивая разборомъ надстрочныхъ знаковъ, которые, какъ намъ уже извѣстно, въ нашей рукописи отличаются особенною правильностью въ сравненіи съ другими древнеславянскими памятниками XI — XIII столѣтій. Что касается части исторической, то въ этомъ отношеніи статья г. Бема даетъ весьма немного въ дополненіе къ тому, что связано о Супрасльскаго рукописи Востоковымъ, Миклошичемъ и Срезневскимъ, а также обнаруживается изъ приведенныхъ нами справокъ и указаній самого Бобровскаго. Г. Бемъ находится подъ вліяніемъ мнѣній или Востокова, или Миклошича; мы не находимъ у него положительнаго отвѣта, почему именно онъ отнесъ рукопись къ памятникамъ нарѣчія западныхъ славянъ. Г. Бемъ не вноситъ никакихъ самостоятельныхъ доказательствъ для опроверженія ошибочныхъ мнѣній; въ опредѣленіи мѣста составленія рукописи онъ ограничивается догадками, а касательно времени переноса ея въ Россію дѣлаетъ предположеніе, что ее могли перенести базилиане, которыхъ въ XIX столѣтіи отличаетъ отъ греко-уніатовъ. Была разница между монахами уніатскими и базилианами ранѣе, но

⁶²⁾ *Срезневскій*. Древн. стар.-слав. памятн. юсоваго письма, стр. 188. По описанію Срезневскаго, Супрасльская рукопись не имѣетъ начала, конца и многихъ листовъ въ срединѣ; сохранилось 185 листовъ въ 4-ку по 30 строкъ на страницѣ; изъ нихъ 118 лл. сохраняются теперь, перешедши отъ Копитара, въ бібліотеку Люблянскаго лицея; остальные въ частныхъ рукахъ (см. *Изв. 2-го отд. Акад. Наукъ*, V, 335). Изъ этого видно, что въ 1868 г. считалось утраченными 100 листовъ, если принять во вниманіе показаніе Миклошича.

съ конца XVIII столѣтія базилианинъ и греко-уніатскій монахъ въ Западной Россіи были синонимами.

Въ 1872 году открылось мѣсто храненія второй половины Супрасльскаго рукописи. Бывшій профессоръ Варшавскаго университета Паплонскій огласилъ въ печати, что въ главномъ книгохранилищѣ ордината графа Замойскаго въ Варшавѣ сохраняется 146 листовъ Супрасльскаго рукописи ⁶³), а это составитъ въ сложности съ половиною, хранящеюся въ Люблянѣ, и съ отрывкомъ, имѣющимся у академика Бычкова—280 листовъ ⁶⁴). Вторая половина рукописи по Варшавскому экземпляру начинается съ XIX тетради, то-есть, сейчасъ послѣ двухъ тетрадей отрывка Петербургскаго (XVII и XVIII) ⁶⁵).

Не касаясь ошибочныхъ историческихъ указаній Паплонскаго, очевидно, принятыхъ имъ на вѣру безъ всякой критики, укажемъ здѣсь только на неосновательность обвиненія, возводимого имъ на М. К. Бобровскаго въ передачу рукописи въ даръ Копитару. Вотъ что сказано у Паплонскаго на стр. 2 и 3 его „Извѣстій о Супрасльской рукописи“: „Не извѣстно, какимъ путемъ рукопись перешла изъ монастырской бібліотеки къ Бобровскому и какимъ образомъ очутилась въ Вѣнѣ, въ рукахъ Копитара, съ которымъ, вѣроятно, Бобровскій познакомился въ своемъ заграничномъ путешествіи. Довольно того, что Копитаръ получилъ полный кодексъ и, очевидно, первую половину его въ даръ (?); ибо этимъ (?) только объясняется то обстоятельство, что имъ переписана единственно (?) вторая половина рукописи, которая и была возвращена Бобровскому“ (?). Авторъ ничѣмъ не подкрѣпляетъ своихъ разсужденій о порядкѣ перехода первой части рукописи въ руки Копитара.

Указанія г. Ягича, основанныя на письмѣ Бобровскаго къ Копитару отъ 18-го іюня 1838 года, отысканномъ въ Вѣнѣ, и содержаніе котораго намъ уже извѣстно, и затѣмъ другое его же указаніе, что Копитаръ въ февралѣ 1840 года началъ, а въ апрѣлѣ того же года окончилъ списывать первую половину рукописи, разбиваютъ положеніе Паплонскаго. Оказывается, что Копитаромъ переписаны были обѣ половины, а не „единственно вторая половина“, а что первая половина рукописи, какъ и вторая, были высланы Бобровскимъ

⁶³) *Варшавск. универс. извѣстія* 1872 г., № 4: Извѣстіе о Супрасльской рукописи, стр. 4—7.

⁶⁴) Недостаетъ однако еще 5 листовъ.

⁶⁵) Въ статьѣ Паплонскаго не указано, какія именно тетради имѣются въ бібліотекѣ графа Замойскаго.

для переписки, а никакъ не въ даръ. Мѣсто храненія второй половины рукописи, возвращенной въ монастырь въ 1839 году, обнаружилось только въ 1856 году у помѣщика одной изъ западныхъ губерній г. Стрѣльбицкаго. Остаются вопросы о томъ, какъ и когда вторая половина рукописи попала изъ монастыря къ г. Стрѣльбицкому.

М. К. Бобровскій, напуганный уже однажды потерей трудовъ за цѣлый годъ, при чемъ отъ пожара въ квартирѣ едва не погибла Супрасльская рукопись, не могъ уже долѣе держать у себя, безъ крайней нужды, такой манускриптъ, цѣну котораго зналъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Онъ неоднократно бралъ къ себѣ многія рукописи и аккуратно возвращалъ ихъ архимандритамъ монастыря, епископу Яворовскому и другимъ, по окончаніи своихъ изслѣдованій. Но, кромѣ Бобровскаго, брали изъ монастыря рукописи въ Вильну профессоръ: Игнатій Даниловичъ—историческія, а духовныя—наиболѣе ревностный ученикъ по славистику и другъ Бобровскаго, Платонъ Сосновскій. Послѣдній тоже занимался древними памятниками, какъ это между прочимъ видно изъ сказаннаго профессоромъ Бобровскимъ надгробнаго слова, которое напечатано въ 1828 году особою брошюрой и имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Хорошимъ знаткомъ и ревностнымъ собирателемъ рукописей былъ Антоній Сосновскій, отецъ Платона. Кромѣ искренней дружбы, профессоръ Бобровскій высоко цѣнилъ познанія протоіерея Сосновскаго. Если же вторая половина Супрасльской рукописи находилась у протоіерея Бобровскаго (что возможно допустить какъ временную мѣру для его специальныхъ занятій) въ минуту его кончины, въ такомъ случаѣ фактъ отчужденія ея падаетъ на отвѣтственность не его самого, а на находившихся при немъ во время кончины двухъ духовныхъ лицъ, оо. Іоанна Кургановича и Михаила Савинскаго, да на Пружанскую дворянскую опеку и на депутата отъ духовенства, которые, какъ уже замѣчено, не только не приняли никакихъ охранительныхъ мѣръ къ сбереженію имущества покойнаго, но допустили отсылку въ помѣщику Тренбицкому бывшихъ у Бобровскаго картинъ четырехъ евангелистовъ, привезенныхъ имъ изъ Рима, писемъ, замѣтокъ и вообще рукописныхъ матеріаловъ, отнюдь не подлежавшихъ отчужденію. Само собою разумѣется, что къ той же категоріи не отчуждаемыхъ предметовъ принадлежали и рукописи монастырскія. Но если опека такъ легко смотрѣла на собственность наслѣдниковъ Бобровскаго, допустивъ сдачу Тренбицкому библіотеки, хотя и купленной имъ, но не оплаченной, то едва ли она могла смотрѣть строго на какія-то схизматическія

рукописи. Между тѣмъ, вотъ что говоритъ еще Паплонскій: „По смерти М. Бобровскаго (1848) всю оставшуюся у него библіотеку купилъ польскій трудолюбивый библіографъ (правильнѣе: библиофилъ) Владиславъ Тренбицкій, отъ котораго путемъ покупки обѣ библіотеки н. г. Бобровскаго, и Тренбицкаго, заключавшія 20,000 книгъ и рукописей, перешли въ собственность ордината графа Замойскаго“. Но мы уже знаемъ, что библіотека была продана Бобровскимъ еще при жизни. Обладателемъ второй половины рукописи въ 1856 г. обнаружился г. Стрѣльбицкій. Какъ могло это случиться? Неужели такой библиоманъ, каковы мы знали Тренбицкаго, выпустилъ бы изъ своей библіотеки столь дорогое сокровище, еслибы рукопись попала къ нему вмѣстѣ съ книгами купленной имъ библіотеки?

По поводу „Извѣстія“ г. Паплонскаго въ томъ же номерѣ Варшавскихъ университетскихъ извѣстій сдѣлалъ два замѣчанія профессор П. А. Лавровскій; изъ нихъ одно касается языка, а другое возбуждаетъ вопросъ объ отношеніи г. Стрѣльбицкаго къ Владиславу Тренбицкому.

На основаніи признаковъ, отмѣченныхъ г. Паплонскимъ, никакъ, по мнѣнію Лавровскаго, нельзя заключать о главенствѣ Супрасльской рукописи надъ всѣми славянскими рукописями, ибо признаки эти общи многимъ другимъ памятникамъ и могутъ принадлежать въ XII и XIII столѣтіямъ⁶⁶⁾. Во второй замѣткѣ Лавровскій возбуждаетъ такой вопросъ: „не представлялся ли А. Θ. Бычкову самъ прежній владѣлецъ рукописи, библіографъ Владиславъ Тренбицкій? Не ошибся ли А. Θ. Бычковъ, назвавъ его Стрѣльбицкимъ?“ А. Θ. Бычковъ, какъ намъ извѣстно, не ошибся. Онъ лично зналъ Тренбицкаго. Владѣльцемъ же Супрасльской рукописи долженъ считаться, во всякомъ случаѣ, исключительно Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь, и самъ Бобровскій говорилъ о ней какъ о принадлежности монастырской, а не своей.

Какъ и слѣдовало ожидать, неосновательное обвиненіе Паплонскимъ проф. Бобровскаго въ присвоеніи имъ себѣ права располагать Супрасльскою рукописью какъ собственностью, по своему усмотрѣнію, повело и интересующихся вопросомъ специалистовъ къ дальнѣйшимъ выводамъ.

И. И. Срезневскій въ своихъ „Припоминаніяхъ о Супрасльской

⁶⁶⁾ *Варш. унив. изв.* № 4, стр. 5.

рукописи XI вѣка⁶⁷⁾, объяснивъ поводъ къ перепискѣ Востокова съ Бобровскимъ и Копитаромъ въ 1830 и 1831 гг., продолжаетъ такъ: „На это второе письмо Востокова Бобровский отвѣчалъ (5-го ноября) сообщеніемъ, что онъ взялъ рукопись изъ монастыря, съ общаніемъ списать, что нужно для Копитара и прислать въ Петербургъ. Прислано ли что имъ было въ Петербургъ, изъ переписки Востокова не видно; а изъ того, что сообщено Милосиичемъ въ предисловіи, узнаемъ, что въ руки Копитара дошла вся рукопись, и что за симъ въ рукахъ Копитара осталось 118 листовъ подлинника. Такъ страннымъ образомъ“, говоритъ Срезневскій,— „часть рукописи осталась отчужденною отъ Супрасльскаго монастыря, да и остальные 167 листовъ, какъ оказалось, не были возвращены монастырю. Жалокъ монастырь, не могшій сохранить свою драгоценность; достойны сожалѣнія и тѣ изслѣдователи славянскихъ древностей языка, письма и словесности, которые найдутъ нужнымъ лично ознакомиться съ этимъ памятникомъ“.

Упрекъ почтеннаго академика несправедливъ и въ отношеніи монастыря, и въ отношеніи М. К. Бобровскаго, который подразумевается главнымъ виновникомъ отчужденія рукописи. Прежде всего замѣтимъ, что въ приговорѣ академика Срезневскаго тяжкое обвиненіе возводится на тотъ самый монастырь, который вѣками сохранялъ рукопись и, конечно, зналъ ей цѣну, какъ и многимъ другимъ, составляющимъ нынѣ главный вкладъ Виленской публичной библіотеки. Далѣе, послѣ извѣстныхъ уже объясненій, мы не можемъ допустить мысли, чтобы профессоръ Бобровский могъ самопроизвольно передавать рукопись, и притомъ старѣйшую изъ всѣхъ бывшихъ въ этомъ монастырѣ, въ собственность кому-либо, когда отклонялъ ея продажу гр. Н. П. Руманцову, считая такую сдѣлку едва ли не святотатствомъ, и не разъ писалъ о принадлежности этой рукописи монастырю.

Мы видѣли, что, въ первыхъ, Бобровский аккуратно исполнялъ данныя обѣщанія, въ вторыхъ, что онъ возвратилъ рукопись, взятую имъ въ 1831 г. для исполненія просьбы Востокова, такъ какъ въ 1838 г. вынужденъ былъ снова взять рукопись изъ монастыря, чтобы выслать ее для переписки къ Копитару по частямъ, и въ третьихъ, что онъ избѣгалъ передавать въ чужія руки такую дорогую вещь безъ посредства третьяго лица. Но почему Копитаръ не воз-

⁶⁷⁾ *Сборникъ II-ю отд. Акад. Наукъ, т. X, 1873 г., стр. XXXI—XX XIII.*

вратилъ половины рукописи въ монастырь, на это Срезневскій не даетъ намъ никакихъ указаній, а между тѣмъ онъ могъ видѣть ее въ Вѣнѣ въ 1841 г., въ такое именно время, когда первую половину рукописи, по предположеніямъ, Копитаръ долженъ былъ считать уже своею собственностью? ⁶⁸⁾.

Въ 1882 году опубликовано „Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки церковно-славянскихъ и русскихъ“, составленное Ф. Добрянскимъ, и въ немъ подъ № 271 (106) видимъ „Списокъ знаменитой Супрасльской рукописи“. Снимокъ этотъ сдѣланъ съ буквальною точностью, вѣроятно, самимъ Бобровскимъ, строка въ строку и слово въ слово ⁶⁹⁾, при чемъ и начертаніе буквъ по возможности подходит къ подлиннику. Но этотъ списокъ, къ сожалѣнію, не полный: нѣсколько тетрадей (лл. 37—47, 81—128) затерялись, такъ что въ настоящемъ видѣ остается только 80 листовъ, вмѣсто бывшихъ 136. Переплеть сдѣланъ уже въ послѣднее время ⁷⁰⁾.

Въ предисловіи къ замѣчательному своему труду, въ коемъ дано наглядное понятіе о 325 рукописяхъ на церковно-славянскомъ языкѣ, собранныхъ преимущественно изъ разныхъ монастырей западныхъ губерній Россіи, и въ томъ числѣ болѣе трети (109 рукописей) изъ одного Супрасльского монастыря, г. Добрянскій выражаетъ справедливое сожалѣніе объ отсутствіи въ этомъ прекрасномъ собраніи остатковъ старины самой главной, старѣйшей изъ нихъ — Супрасльской руко-

⁶⁸⁾ Переписка Востокова (№ 271), письмо Копитара къ Востокову отъ 29-го апрѣля 1841 г.

⁶⁹⁾ Описаніе рукописей Виленск. публ. библ. *Добрянскаго*. Вильна. 1882, стр. 461. Въ предисловіи на стр. XXV сказано: „Вѣрная копія съ этой рукописи, сдѣланная, вѣроятно, по приказанію Бобровскаго, находится въ нашей библіотекѣ (см. № 271). Заслуживаетъ вниманія то, что въ чтеніяхъ ея есть нѣкоторая разница, сравнительно съ изданіемъ Миклошича въ „*Monumenta linguae palaeoslovenicae*“. Между тѣмъ, изъ письма Бобровскаго къ Востокову, въ 1831 г., видно, что въ то время даже въ Вильнѣ не было людей, умѣвшихъ не только списывать рукописи, но и читать ихъ, и онъ долженъ былъ самъ дѣлать снимки. При такомъ условіи Бобровскій едва ли рѣшился бы довѣрять кому-либо списывать столь важную рукопись. Мы не сомнѣваемся поэтому, что Виленскій снимокъ—собственная его работа. Для вѣрности копій нужно прежде всего умѣть читать, а для этого требуется большой навыкъ; этимъ искусствомъ особенно отличался нашъ ученый. Его снимки долгое время, болѣе 20-ти лѣтъ, служили для петербургскихъ филологовъ единственнымъ источникомъ для изслѣдованій языка и орфографіи рукописи. Его снимками дорожили современные филологи.

⁷⁰⁾ Содержаніе списка Виленской публ. библ. наложено на стр. 461 — 463 Описанія *Добрянскаго*.

писи, которая открыта ученымъ славистомъ и филологомъ, бывшимъ Брестскимъ уніатскимъ каноникомъ и затѣмъ протоіереемъ Пружанскимъ благочиннымъ М. Бобровскимъ. Остается только копія съ этой рукописи; но это, говоритъ Добрянскій, — малое утѣшеніе: „М. Бобровскій, глубокой знатокъ славянскихъ древностей, для своихъ ученыхъ занятій въ разное время получалъ рукописи изъ монастырской бібліотеки; многія изъ этихъ рукописей были возвращены монастырямъ, но другія исчезли и очутились даже за предѣлами Россіи, какъ и Супрасльская“. Произошло ли это вслѣдствіе какого-либо недоразумѣнія, или по другой причинѣ, г. Добрянскій не берется судить, но для освѣщенія обстоятельствъ такого явленія приводитъ отрывокъ изъ разказа протоіерея Плакида Янковскаго, современника Бобровскаго и человѣка къ нему близкаго, свидѣтельствующій о какомъ-то необыкновенномъ равнодушіи нашего ученаго въ послѣдніе годы своей жизни къ своему дорогому и замѣчательному собранію книгъ.

Это не совсѣмъ такъ. Замѣтимъ сначала, что литераторъ Янковскій былъ своимъ человѣкомъ у помѣщика бібліомана Тренбицкаго; его, какъ протоіерея, связывали также извѣстныя отношенія къ духовнымъ лицамъ Пружанскаго благочинія; мы хорошо знакомы съ литературными произведеніями Янковскаго на польскомъ языкѣ ⁷¹⁾, въ которыхъ онъ неоднократно выводитъ знаменитаго виленскаго профессора на сцену въ ореолѣ величія и славы; онъ же написалъ единственный въ своемъ родѣ біографическій очеркъ, въ которомъ представилъ протоіерея Бобровскаго, какъ „замѣчательнѣйшаго дѣятеля по сохраненію русской народности между уніатами“ ⁷²⁾ въ Западной Россіи. Но въ этомъ очеркѣ, превосходно очерчивающемъ симпатичную личность нашего ученаго, много пробѣловъ, недомолвокъ и нѣсколько ошибокъ. Крупную ошибку мы нашли и въ художественномъ разказѣ Янковскаго, приведенномъ въ отрывкѣ г. Добрянскимъ ⁷³⁾, относительно

⁷¹⁾ Произведеній Янковскаго на польскомъ языкѣ, какъ видно изъ Польской бібліографіи *Эстрейхера*, около двѣнадцати, но изъ нихъ только одно — „Круглицу“ *Крымичи* (собственно Жировицы) — находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

⁷²⁾ Въ *Лит. Епарх. Вѣдом.* за 1864 г., №№ 1, 2, 3 и 4-й, и въ Холмск. календарь за 1867 г. Къ сожалѣнію, многія обстоятельства изъ жизни Бобровскаго не подтверждены у Янковскаго хронологическими указаніями.

⁷³⁾ Описаніе рукоп. Виленской публичн. библ., *Добрянскаго*, предисловіе стр. XXXV — XXXVII. Въ этомъ разказѣ почтенный Янковскій, авторъ „Крымича“, представляетъ тотъ моментъ изъ жизни Бобровскаго, когда онъ, послѣ преобразованія богословскаго факультета главной семинаріи въ римско-католи-

п путешествія тюковъ съ книгами ученаго слависта изъ Вильны въ Перешево черезъ м. Жировицы и пріобрѣтенія ихъ тутъ же на пути Владиславомъ Тренбицкимъ съ правомъ пожизненнаго пользованія, предоставленнымъ Бобровскому, послѣ чего эти тюки съ книгами, пролежавъ пятнадцать лѣтъ не раскупоренными, „безъ всякаго сомнѣнія, перешли къ новому своему законному владѣльцу въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ за полтора десятка лѣтъ назадъ (очевидно — въ 1833 г.) прибыли изъ Вильны“. Это описаніе, какъ и многіе разказы Янковскаго, основано на слухѣ, идущемъ, можетъ быть, даже отъ самого Тренбицкаго, или на одной изъ тѣхъ легендъ, которыя во множествѣ переходили изъ устъ въ уста сосѣдей, послѣ внезапнаго изчезновенія не только книгъ, якобы законно принадлежащихъ Тренбицкому, но и собственныхъ литературныхъ работъ нашего ученаго слависта, а равно писемъ къ нему славянскихъ ученыхъ и главнѣйшихъ дѣятелей по воссоединенію уніатовъ съ православіемъ.

Художественный „безхитростный“ (какъ думаетъ г. Добрянскій) разказъ о путешествіи книгъ, написанный спустя почти двадцать лѣтъ послѣ смерти Бобровскаго, съ появленіемъ на сценѣ рыцарски честнаго покупателя и рыцарски честнаго продавца, не прикасавшагося къ своему сокровищу, лишень достовѣрности. Библіотеку свою профессоръ Бобровскій продалъ помѣщику Владиславу Тренбицкому не въ 1833 г., а ровно спустя четырнадцать лѣтъ, именно въ 1847 г., за 20,000 злотыхъ съ разсрочкой и съ правомъ пожизненнаго пользованія ею. Я все это хорошо помню, ибо часто проживалъ у своего дяди по недѣлямъ, и до поступленія моего въ корпусъ въ 12-лѣтнемъ возрастѣ, въ 1844 году, еще и рѣчи не было о продажѣ библіотеки. Ею могъ видѣть каждый ходившій въ домъ моего дяди ⁷⁴⁾).

ческую академію, переѣзжалъ въ Шерешевскій приходъ (Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи) съ своими сокровищами, накопленными въ пятнадцатое путешествіе по Европѣ и упакованными въ разныя затѣйливыя тюки, въ которыхъ книги размѣщены были по извѣстному порядку. Эти-то тюки съ книгами и были куплены Тренбицкимъ, будто бы, еще въ 1833 году и затѣмъ оставались въ тюкахъ цѣлыхъ 15 лѣтъ. Статья Янковскаго напечатана въ *Лит. Епарх. Вѣд.* за 1868 г., №№ 20 и 21.

⁷⁴⁾ У меня нѣтъ копія договора, заключеннаго дядею съ Тренбицкимъ, о продажѣ ему книгъ библіотеки съ разсрочкою на девять лѣтъ. Размѣръ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ здѣсь касаться подробностей и обстоятельствъ, при которыхъ М. К. Бобровскій вынужденъ былъ въ 1847 г. продать собраніе весьма цѣнныхъ славянскихъ книгъ, пріобрѣтенныхъ имъ во время

Плакидъ Янковскій совершенно иначе писалъ о томъ же предметѣ ранѣе въ своихъ „Крыницахъ“, изданныхъ въ 1853 году. Посѣтивъ опустѣлый уголокъ много лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ имъ въ Жировицахъ событій, авторъ спрашиваетъ одного изъ старожиловъ: „Навѣщаетъ ли Крыницы достоуважаемый нашъ профессоръ... ровскій?“ „Умеръ отъ холеры; вы видите, что я докладываю вамъ и о болѣзни“. „А его библіотека, столь многоцѣнная во многихъ отношеніяхъ? А такъ много общавшія его собственныя работы?“ „Книги, какъ мнѣ извѣстно, попали въ хорошія руки; что же касается до рукописей, то я вынужденъ былъ бы разказывать стилемъ надгробныхъ памятниковъ“ (стр. 209).

И вотъ на основаніи сомнительнаго разказа о книгахъ съ тюками, ве разобранными въ теченіе пятнадцати лѣтъ, г. Добрянскій дѣлаетъ выводъ, присоединяя уже отъ себя къ числу книгъ библіотеки и пергаменную рукопись Супрасльскаго монастыря, и сужденіе, что все ускользнуло несомнѣнно „этимъ путемъ“ за предѣлы Россіи. Вся суть дѣла въ словахъ: „несомнѣнно этимъ путемъ“. Посмотримъ, какой это былъ путь.

Намъ уже извѣстно, что первая половина Супрасльской рукописи перешла къ Копитару вовсе не этимъ путемъ. Знаемъ также, что опекуны и депутатъ отъ духовенства допустили незаконное отчужденіе въ пользу Тренбицкаго даже и такихъ документовъ, которые составляютъ вездѣ, а слѣдовательно, и у насъ, фамиліную собственность. Послѣ неожиданной смерти ученаго слависта ходило въ обществѣ, далеко за предѣлами уѣзда, множество басенъ объ исчезновеніи рукописныхъ матеріаловъ и писемъ и обо всемъ, что составляетъ всегда собственность наследниковъ. Когда на возвратномъ пути изъ дунайской арміи, осенью 1854 года, я побывалъ на родинѣ, чтобы поклониться могилѣ незабвеннаго дяди, мнѣ пришлось узнать, къ своему изумленію, много невѣроятнаго. Я навѣстилъ Тренбицкаго; на мой вопросъ онъ давалъ уклончивые от-

путешествія по Европѣ, когда онъ, чтобы добыть себѣ какую-либо цѣнную книгу, долженъ былъ отказывать себѣ часто въ необходимомъ. Библіотека, дѣйствительно замѣчательная, была его единственнымъ богатствомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, когда дѣла церковныя приняли болѣе спокойное теченіе, дядя мой дорожилъ лично для себя тремя предметами: воскресными поученіями, цвѣтами и библіотекою; позавди же или прогулки въ свою деревню Обрубъ (въ 3-хъ верстахъ), въ которой жила семья его брата, предпринималъ онъ однажды въ недѣлю для отдыха. Этой семьѣ онъ отдавалъ и всѣ свои средства.

вѣты, обязуясь святостью долга, а потомъ вскорѣ объявить себя несостоятельнымъ должникомъ. Наслѣдники хотѣли возбудить процессъ, но не имѣли средствъ вести его изъ Петербурга. Еще былъ я на родинѣ, и не разъ, въ 1860 — 1862 гг., когда собиралъ матеріалы для статистики Гродненской губерніи. Но тогда Тренбицкаго уже не было въ живыхъ, по крайней мѣрѣ его уже не было въ Никитцахъ. Слѣдовавшія по договору деньги за библіотеку такъ и остались не уплаченными сполна наслѣдникамъ Бобровскаго.

Здѣсь сошлюсь еще только на одно изъ частныхъ свидѣтельствъ о томъ, что происходило въ Шерешевѣ послѣ смерти протоіерея М. Бобровскаго: „Съ грустью въ сердцѣ приходится отвѣтить вамъ на письмо ваше отъ 15-го апрѣля сего года (1886 г.). Такъ случилось, что я назначенъ былъ настоятелемъ Шерешевской церкви спустя три года послѣ кончины знаменитаго вашего дяди, протоіерея Михаила Бобровскаго. Вандальскія руки всѣхъ сословій употребили всѣ усилія, чтобъ изгладить памятники ученаго труженика, понимавшаго величіе славянства, которое остается несгораемою купиною“. Приведенныя слова принадлежатъ протоіерею Михаилу Токаревскому, назначенному архіепископомъ Іосифомъ на этотъ постъ въ 1851 г. (къ сожалѣнію, слишкомъ поздно), съ пожеланіемъ „чтобы память дорогаго ему профессора поддерживалась въ молитвенныхъ воспоминаніяхъ“; они отнимаютъ охоту вѣрить всякаго рода толкамъ, которые всегда преслѣдуютъ жизнь человѣка, выходящаго изъ уровня обыкновенной среды. Да и прилично ли распространять нелѣпыя слухи посредствомъ печати, не приводя фактовъ, разобранныхъ критически? Съ своей стороны, мы надѣемся впослѣдствіи, пользуясь открывшимися для насъ источниками, пополнить нѣкоторые существенныя пробѣлы въ свѣдѣніяхъ о старинныхъ рукописяхъ, открытыхъ или описанныхъ нашимъ ученымъ славистомъ-богословомъ ⁷⁵⁾.

⁷⁵⁾ Въ Описаніи славянскихъ рукописей Румянц. музея *А. Х. Востокова* не указаны тѣ изъ нихъ, снимки которыхъ были сдѣланы несомнѣнно М. Е. Бобровскимъ по просьбѣ графа Румянцева во время путешествія его по Европѣ. Только подъ № 301 упоминается о спискѣ съ одной рукописи Ватиканской библіотеки, сдѣланномъ Штрандманомъ 23-го апрѣля 1822 г. Здѣсь сказано, что примѣчанія къ этой рукописи составлены Іоанномъ Капоромъ, архипрезвитеромъ св. Іеронима изъ Иллирія, по просьбѣ каноника и профессора Бобровскаго. Дѣло въ томъ, что М. Е. Бобровскій обнаружилъ эту хорватскую рукопись въ 1820 г., списалъ ее для себя въ Римѣ и, вѣроятно, сообщалъ о своемъ открытіи графу Румянцову.

Сводя въ общій итогъ собранныя нами библіографическія справки по источникамъ, намъ доступнымъ или указаннымъ академиками А. О. Бычковымъ, А. А. Куникомъ и И. В. Ягичемъ, и имѣя въ виду письма М. К. Бобровскаго къ графу Н. П. Румянцову, П. И. Кеппену, А. Х. Востокову, Копитару и другимъ (съ 1824 по 1838 гг.), а также добытыя нами свѣдѣнія на родинѣ умершаго протоіерея въ 1854 и 1860—1862 годахъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно судьбы знаменитой Супрасльской рукописи:

1) Рукопись открыта М. К. Бобровскимъ не позже 1823 г. въ богатѣйшемъ по собранію рукописей старославянскихъ древле-православномъ Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ; по его словамъ, она была древнѣе всѣхъ старославянскихъ рукописей этого монастыря, которыя нинѣ, въ числѣ 109, хранятся въ Виленской публичной библіотекѣ. Но Бобровскимъ были открыты еще ранѣе и другія, также цѣнныя рукописи, и свѣтъ узналъ бы о нихъ несомнѣнно тогда же, еслибы не прекратилось изданіе Библіографическихъ листовъ, послѣ кончины знаменитаго русскаго мецената графа Н. П. Румянцева. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Румянцовъ, думая издать Супрасльскую рукопись, поручилъ Востокову навести справку о ней у Бобровскаго черезъ Кеппена. Извѣстно, какъ отнесся Бобровскій къ такому предложенію графа Румянцева. Знакомство Бобровскаго съ древнѣйшими славянскими рукописями въ Европѣ и у насъ, въ монастыряхъ Западной Россіи, преимущественно въ Супрасльскомъ и Жировницкомъ, могло принести особенную пользу петербургскому кружку любителей славянскихъ древностей, и къ этому кружку примкнулъ Бобровскій, будучи готовъ даже переселиться въ Петербургъ.

2) Протоіерей Бобровскій собирался самъ издать Супрасльскую рукопись, и не одну только ее, но и другія рукописи, напримѣръ, лѣтопись Хорватскую, описанную имъ въ 1820 году. Его предпріятію въ началѣ 1826 г. Востоковъ желалъ успѣха. Но Бобровскій тогда же возвратился въ Вильну на осиротѣлую кафедру Св. Писанія и библейской археологіи въ главной духовной семинаріи, и хотя, преподавая въ университетѣ славянскія нарѣчія, составилъ руководство славянской библіографіи, однако занятія славистикой волей-неволей отодвинулись у него на второй планъ. И Супрасльская, и Хорватская рукописи изданы были только послѣ его кончины, первая—Миклошичемъ, послѣдняя—Кукулевичемъ и Черничичемъ, именно въ 1851 году, то-есть, спустя три года послѣ смерти Бобровскаго. А составленная имъ славянская библіографія, съ оцѣнкою древнѣйшихъ рукописей въ

палеографическомъ и филологическомъ отношеніяхъ, и до сихъ поръ остается подъ спудомъ.

Какія тому причины, что открытыя имъ рукописи изданы другими?

Сначала, до 1833 г., усиленные работы Бобровскаго по каеедрѣ Св. Писанія и библейской археологіи и занятія въ главной духовной семинаріи въ Вильнѣ, а затѣмъ участіе его, какъ авторитета и знатока древняго греко-славянскаго обряда въ дѣлахъ греко-уніатской церкви, участіе, которое стало необходимымъ для убѣжденія уніатскихъ священниковъ и прихожанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литовской епархіи къ принятію церковно-служебныхъ книгъ московской печати, къ введенію обрядовъ греческой, древне-апостольской церкви, къ постройкѣ иконостасовъ. Имя его не блещетъ въ спискахъ новыхъ іерарховъ уніатовъ. Отъ занятія архіерейскаго мѣста онъ рѣшительно уклонялся. Но его убѣжденія были согласны съ общимъ историческимъ ходомъ событій въ греко-уніатской церкви, распавшейся у насъ еще до начала настоящаго вѣка на два лагеря—на латино-польскій или, правильнѣе, базилианскій въ союзѣ съ помѣщиками-латынянами, и на славяно-русскій или народный, съ бѣлымъ духовенствомъ во главѣ. Предводителями базилианъ были теперь монахи Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря Каменскій, Маевскій, Жарскій, предводителемъ бѣлаго духовенства—Брестская капитула съ своими знаменитыми по высокому образованію прелатами и канониками, а Брестскій каноникъ Бобровскій былъ вѣренъ своему знамени, какъ сынъ престарѣлаго уніатскаго священника Кирилла, происходившаго изъ старинныхъ дворянъ чернорусскихъ и твердо стоявшаго за чистоту греческаго обряда ⁷⁶⁾.

⁷⁶⁾ „По рожденію своему онъ (профессоръ Бобровскій), не могъ быть пристрастенъ въ латинству, а по воспитанію—не былъ евангеликомъ. Изъ Рима рапортовалъ онъ Виленскому университету объ упадкѣ просвѣщенія въ Папской области и о господствующемъ тамъ евангелизмѣ. Впрочемъ, по многостороннему образованію и добродушію онъ былъ уважаемъ и просвѣщенною польскою публикою. Уважало его и гордилось имъ, какъ своимъ, и бѣлое греко-уніатское духовенство“ (*Русск. Вѣстн.* 1864 г., т. 53, стр. 330, 311. О греко-уніатской церкви *Антонія Зубка*). Объ отцѣ М. К. Бобровскаго сохранилась надгробная проповѣдь, сказанная въ 1824 г. магистромъ Костычевичемъ. Она напечатана въ русскомъ переводѣ въ *Лит. Епарх. Вѣдом.* въ мав 1887 г. Восьмидесятилѣтній старецъ отецъ Кириллъ, равностно охранявшій чистоту греческаго обряда въ своей Вольчанской церкви, былъ близокъ съ старѣйшими членами Брестской капитулы. Капитула эта преобразована въ кафедрѣ Жировницкихъ протоіереевъ въ 1828 г., и духъ ея сохранился въ своей чистотѣ въ знаменитомъ жировницкомъ кружкѣ,

3) Занятія М. К. Бобровскаго славянскою археологіей, бібліографіей, філологіей стали средствомъ, а не цѣлью его дѣятельности съ тѣхъ поръ, какъ дѣла уніатовъ приняли острый характеръ. Этимъ только и можно объяснить себѣ, почему рукопись Супрасльская и другія, имъ открытыя рукописи, прославившія его имя въ Европѣ (въ 1822 г. онъ былъ избранъ членомъ Римской академіи древностей, затѣмъ Парижскаго и Лондонскаго азіатскихъ обществъ и, наконецъ, въ 1828 году Московскаго общества исторіи и древностей) не были имъ изданы въ свое время. Онъ, однако, сдѣлалъ множество списковъ съ Супрасльской рукописи, и они долгое время служили единственнымъ источникомъ для изслѣдованій ученыхъ филологовъ, между прочимъ и для Востокова, отдававшаго полную справедливость чистотѣ и правильности этихъ снимковъ. Другія свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что снимками, снятыми съ оригиналовъ въ Римѣ, Парижѣ и проч., Бобровскій снабжалъ во время своего пятилѣтняго путешествія гр. Румянцова, Ганку и, вѣроятно, другихъ. Все это указываетъ намъ на необыкновенный навыкъ Бобровскаго къ правильному прочтенію и на искусство въ копированіи старославянскихъ рукописей, которое онъ приобрѣлъ вслѣдствіе большой практики въ теченіе многихъ лѣтъ. Поэтому мы увѣрены, что и списокъ Супрасльской рукописи въ Виленской публичной бібліотекѣ его работы.

4) Археолого-филологическая дѣятельность Бобровскаго во всякомъ случаѣ была вспомогательнымъ средствомъ для его изслѣдованій по занимаемой имъ каедрѣ: главная цѣль его жизни состояла въ служеніи церкви. Чтобы бороться съ базилианскимъ лжеученіемъ въ греко-славянской Кирилло-Меоодіевской церкви, чтобы доказать искаженія латыннѣ въ текстѣ церковно-славянскихъ книгъ, нужно было посвятить себя всецѣло изученію славянской археологіи и филологіи, восточныхъ языковъ и славянскихъ нарѣчій. Для Востокова и Копитара занятія славянскою филологіей были цѣлью ихъ жизни и стремленій: Востоковъ служилъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ; Копитаръ былъ директоромъ Вѣнской бібліотеки; оба, слѣдовательно, находились постоянно у самыхъ источниковъ старославянской письменности, оба поздравляли другъ друга съ открытіями и успѣхами. Бобровскій же дѣлалъ археолого-филологическія открытія какъ бы попутно и только, потерявъ каедру въ 1824 году и будучи оскорбленъ въ своемъ званіи

образованномъ протопресвитеромъ Тунальскимъ. Въ составъ этого кружка вошли нѣкоторые члены упомянутой капитулы. Сравни списки соборныхъ протоіереевъ Литовской епархіи и членовъ бывшей Брестской епархіи (до 1828 г.).

пастыря и учителя, доведенный до крайности въ матеріальномъ отношеніи, онъ одно время недалеко былъ отъ мысли совершенно покинуть духовное званіе и переселиться въ столицу, гдѣ надѣялся всецѣло посвятить себя славянской литературѣ и помогать предпріятію Кеппена.

Въ Жировицахъ, будучи убитъ нравственно и стѣсненный въ матеріальныхъ средствахъ, Бобровскій колебался, куда направить свою дѣятельность и, по видимому, склонялся приблизиться къ источнику, представлявшемуся столь заманчивымъ для любознательнаго славяно-вѣда; но, возвратясь въ 1826 г. въ Вильну, онъ пересталъ стремиться къ нему и всею душою отдался той средѣ, къ которой принадлежалъ по рожденію и которую необходимо было вывести изъ того рабскаго, униженнаго состоянія, куда ввергло ее латинство, заѣдавшее забытые остатки славянской старины на его родинѣ, а родина—„все равно что наша душа“. Этой любимой родинѣ служилъ Бобровскій публичными обличеніями базилианъ съ 1822 г. (Янковскій, Малишевскій, Лужинскій). Очевидно, также, что онъ пересталъ отдавать всѣ свои силы занятіямъ по славянской древности съ того времени, когда обстоятельства поставили его однимъ изъ главныхъ дѣятелей движенія благаго духовенства въ четырехъ епархіяхъ.

5) Востоковъ и Копитаръ извѣстны своею издательскою предпримчивостью: одного занимало изданіе Остромирова Евангелія, другаго—*Glagolita Clozianus*; оба стремились закрѣпить свою дѣятельность на пользу филологіи изданіемъ важныхъ памятниковъ. Но именно слава издателя не могла уже занимать теперь Бобровскаго, хотя онъ зналъ, что открытая имъ рукопись имѣетъ громадное значеніе и не для одной только филологіи славянской. Рукопись нужна была всякому ученому въ то знаменательное время, столь богатое открытіями, положившими основаніе новѣйшей славянской грамматикѣ. Припомнимъ, что на съѣздѣ ученыхъ славянъ въ Задрѣ, въ 1819 г., гдѣ присутствовалъ и Бобровскій, на этой братской сходкѣ разрозненныхъ славянъ впервые былъ поднятъ вопросъ объ однообразіи славянскихъ письменъ и правописанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась робкая мысль о славянскомъ единеніи.

Въ теченіе полуторагодоваго (съ осени 1824 г. по май 1826 г.) пребыванія въ м. Жировицахъ Бобровскій усердно работалъ надъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ трудовъ по славянской литературѣ. И хотя его трудъ пропалъ отъ случайнаго пожара, но онъ успѣлъ снабдить Кеппена своими снимками и замѣтками о Супрасльской рукописи. Притомъ у него оставались черновыя записки. За-

тѣмъ, по возвращеніи въ Вильну, на свою завѣтную кафедру, занятія славистикою ему пришлось отложить пока въ сторону. Вспомнимъ его письмо къ Кеппену 1826 г. Между тѣмъ Копитаръ отыскалъ въ библиотекѣ извѣстнаго австрійскаго мецената Клоца нѣсколько листовъ древней глаголической рукописи и рѣшился немедленно издать этотъ древнѣйшій памятникъ славянскаго языка и письма. Отсюда ухаживаніе Копитара за снимками Супрасльскаго рукописи, какъ лучшаго образчика, въ виду сходства по содержанію глаголической рукописи съ такими же статьями кирилловской рукописи Бобровскаго. Бобровскій не отказывался удовлетворить требованію Востокова, принявшаго на себя роль посредника, и исполнилъ желаніе Копитара, не смотря на трудное время и на обремененіе множествомъ занятій. Вспомнимъ короткое, выразительное письмо Бобровскаго: рукопись взята изъ монастыря, „никого нѣтъ въ Вильнѣ, кому можно поручить переписку снимковъ“, самому приходится засѣсть за переписку, но переписывать старинную рукопись не все равно, что переписывать набѣло канцелярскую бумагу; нужно имѣть навыкъ къ точному очертанію буквъ и правильно умѣть читать старославянское письмо. Данные снимки списаны самимъ Бобровскимъ и пересланы черезъ Востокова въ Копитару, а рукопись сдана въ монастырь.

6) Супрасльская рукопись, однако, въ концѣ концовъ ускользнула изъ монастыря и была растерзана на три части. Какъ могъ выпустить ее изъ рукъ своихъ Бобровскій? Какъ могъ онъ лишитъ монастырь такой драгоценности?

Въ 1833 году окончилась плодотворная дѣятельность профессора Бобровскаго, и онъ въ качествѣ эмерита удаляется въ м. Шерешево, думаетъ отдохнуть послѣ необычайныхъ трудовъ въ Вильнѣ и затѣмъ въ тиши деревенской жизни снова приняться за свои покинутыя на время изслѣдованія надъ старославянскими рукописями. Весьма вѣроятно поэтому, что въ числѣ нѣкоторыхъ, болѣе поучительныхъ рукописей онъ взялъ съ собою изъ Свято-Николаевской церкви, въ которой онъ былъ настоятелемъ съ 1828 г., и лицевою пергаменную Псалтирь 1397 года ⁷¹⁾.

⁷¹⁾ Описаніе „Древней Харатейной псалтири Виленской св. Николаевской церкви“ появилось въ *Лит. Епарх. Вѣд.* за 1866 г., №№ 20 и 21, по поводу библиографической записки о ней въ *Варшавской Библиотекѣ* за 1861 г., июль, стр. 233, августъ стр. 431. На этой статьѣ Плакида Яковскаго г. Добринскій и основываетъ свое заключеніе о переходѣ Супрасльскаго рукописи въ чужія руки. Между тѣмъ о переходѣ весьма цѣнной „харатейной Псалтири“ въ руки

Однако научныя свои занятія славянскою стариной, рукописями и старопечатными книгами, Бобровскій вынужденъ былъ отложить въ сторону и тогда, когда переселился въ деревенскую глушь. До сихъ поръ предполагалось уніатовъ приготовить къ воссоединенію постепенно, исподволь. Такъ думалъ сначала и императоръ Николай. Послѣ усмиренія польскаго возстанія, латино-польская партія притихла, и вслѣдствіе того явились надежды на ускореніе воссоединенія, которое и началось въ 1834 году (февральскимъ постановленіемъ уніатскихъ епископовъ о необходимости начать дѣло воссоединенія введеніемъ книгъ однообразныхъ болѣе совершенной Московской печати и очищеніемъ греческаго обряда отъ латинскихъ примѣсей. Опять нѣсколько лѣтъ для Бобровскаго прошли въ тревогахъ и заботахъ, такъ какъ онъ не могъ безучастно относиться къ дѣлу воссоединенія уніатовъ съ православіемъ, ускореніе котораго оказалось настоятельнымъ въ виду сомнительныхъ явленій среди уніатовъ нѣкоторыхъ благочиній Литовской и Бѣлорусской епархій. Зашевелились уніаты и въ Холмской епархіи. Почтенный профессоръ, можетъ быть, и не одобрялъ такой торопливости въ дѣлѣ столь важномъ, но обстоятельства складывались такъ, что торопиться было нужно. Начинались кое-гдѣ протесты, недобрая молва ходила между уніатами по Бѣлоруссіи. Какъ бы то ни было, подчиненіе греко-уніатовъ, послѣдователей Кирилло-Меѳодіевской церкви, Римскому первосвященнику являлось абсурдомъ. Предстояло закрѣпить актомъ прекращеніе римской монополіи. Этотъ тревожный періодъ мѣтко охарактеризованъ въ статьѣ Антонія Зубка (архіепископа Минскаго) и въ запискахъ Іосифа Сѣмашки (митрополита Литовскаго). Въ эту-то тревожную эпоху жизни М. К. Бобровскаго Копитару опять понадобились новые снимки съ Супрасльской рукописи, точно снятые съ подлинника, и какія-то справки. Порученіе Копитара Бобровскій исполняетъ при посредничествѣ профессора Эйхвальда. Но Копитару еще разъ понадобился снимокъ, и на этотъ разъ не съ двухъ-трехъ

Тренбицкаго Янковскій говоритъ слѣдующее: „Въ одномъ изъ нихъ (то-есть титковъ), конечно, могла входить и Виленская харатейная рукопись — Псалтирь, временно и заимобразно взятая профессоромъ Бобровскимъ для ближайшихъ еще изслѣдованій текста и окончательной критической его оцѣнки; но Псалтирь эта уже никакъ не находилась въ описи книгъ и рукописей, уступленныхъ протоіереемъ Бобровскимъ. Онъ и по своей общезвѣстной честности, и по нѣмому имъ саму, не могъ, не имѣлъ права и не былъ способенъ рѣшиться на подобную уступку. Въ особенности напиралъ на послѣдній изъ приводимыхъ нами доводовъ, такъ какъ онъ кажется намъ самымъ рѣшительнымъ и неотразимымъ“
Лит. Еп. Вид. 1866 г. № 21).

проповѣдей Іоанна Златоустаго, а уже со всей рукописи—для научныхъ его занятій. Неохотно и съ нѣкоторымъ опасеніемъ за цѣлость рукописи Бобровскийъ вручилъ ее Эйхвальду для переписки Копитаромъ.

Опасеніе Бобровскаго оправдалось. Половина рукописи изъята изъ монастыря! Гдѣ же была вторая половина рукописи, которою такъ дорожилъ Бобровскийъ, какъ собственностью монастырскою? Припомнимъ рядъ фактовъ, которые группируются въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ. Въ сентябрѣ 1848 г. умираетъ Бобровскийъ, не успѣвъ сдѣлать распоряженія объ имѣвшихся у него документахъ. Первымъ хозяиномъ оставленнаго имущества покойнаго является вице-благочинный (заступающій мѣсто Бобровскаго), назначенный депутатомъ отъ духовенства В. Кургановичъ; въ права хозяина входитъ Пружанская дворянская опека; библіотека отдается Тренбицкому. Въ равныя руки попадаютъ важные документы, исчезаютъ цѣнныя картины и рукописи, въ руки наслѣдниковъ не попадаетъ ни одной, даже маловажной записки. Въ 1851 г. Миклошичъ издаетъ Супрасльскую рукопись со снимка, сдѣланнаго Копитаромъ (въ 1838—40 гг.), и объявляетъ, что въ бумагахъ Копитара (въ 1845 г.) найдена первая половина рукописи 16 тетрадей въ 118 л., а куда унесена вторая половина—не извѣстно. Въ 1854 году мы требуемъ отъ Тренбицкаго уплаты денегъ за библіотеку, и намъ данъ уклончивый отвѣтъ съ извиненіями и обѣщаніями. Въ 1856 года въ Петербургъ къ А. Ѳ. Бычкову является помѣщикъ Стрѣльбицкій съ двумя тетрадями (XVII и XVIII), то-есть, съ началомъ второй половины—16 листовъ; остальные тетради остались въ его имѣніи, кромѣ четырехъ тетрадей, взятыхъ однимъ галицкимъ ученымъ, имени котораго Стрѣльбицкій назвать не хочетъ. Наконецъ, въ 1872 г. Паплонскій объявляетъ, что вторая половина, начиная съ XIX-й тетради (но за исключеніемъ 5 листовъ), находится въ Варшавѣ въ библіотекѣ графа Замойскаго, въ числѣ 146 листовъ.

Изъ вышеизложеннаго можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ: Вторая половина рукописи была или въ монастырѣ, или у М. К. Бобровскаго. Въ томъ и другомъ случаѣ она унесена лишь по кончинѣ протоіерея Бобровскаго. Появленіе ея въ рукахъ Стрѣльбицкаго (котораго нельзя смѣшивать съ Тренбицкимъ) заставляетъ насъ утверждать, что она находилась въ монастырѣ, слѣдовательно, и не могла поступить къ Тренбицкому; въ противномъ случаѣ, онъ, какъ страстный библіоманъ, не выпустилъ бы ея изъ рукъ своихъ; слѣдовательно, къ гр. Замойскому она перешла особо, отъ Стрѣльбицкаго, и приобщена

гр. Замойскимъ къ книгамъ и рукописямъ, купленнымъ имъ у наслѣдниковъ умершаго Тренбицкаго.

7) Предположенія Паплонскаго, „Припоминанія“ И. И. Срезневскаго и заключеніе г. Добрянскаго, по нашему мнѣнію, не разрѣшаютъ возникающихъ сомнѣній, какъ о правѣ Копитара на первую половину рукописи, такъ и о порядкѣ перехода второй ея половины къ Стрѣльбицкому, а отъ него къ графу Замойскому. Въ результатѣ остается исторія о странствованіяхъ Супрасльской рукописи послѣ смерти Бобровскаго въ формѣ искусно сплетенной шарады, въ значительной части еще не разгаданной.

Нужно, слѣдовательно, ждать появленія положительныхъ извѣстій, которыми документально установлена была бы связь фактовъ и разрѣшены были бы наши сомнѣнія.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, независимо отъ открытія Супрасльской рукописи, М. К. Бобровскій осмотрѣлъ и изслѣдовалъ древніе славянскіе памятники, книги и рукописи такъ-называемаго теперь юсоваго письма въ Европѣ и въ монастыряхъ Гродненской губерніи въ періодъ времени до 1824 г. Это доказывается его занятіями славяновѣдѣніемъ въ главной духовной семинаріи, его замѣтками въ описаніи путешествія по Далмаціи въ 1819 году, его описаніемъ славянскихъ рукописей Ватиканской бібліотеки, изданнымъ Анжело Май въ 1820 году, а равно изъ свѣдѣній о посланныхъ имъ снимкахъ изъ Парижа къ Ганкѣ и Копитару въ 1821 году, изъ описанія путешествія его по Лузаціи (верхней) въ 1822 г. и изъ отзыва Игнатія Даниловича объ открытыхъ и изслѣдованныхъ Бобровскимъ рукописяхъ въ Подлясѣ въ 1823 году. Къ этому послѣднему году мы и относимъ открытіе Бобровскимъ Супрасльской рукописи, хотя, впрочемъ, она могла быть извѣстна ему и гораздо ранѣе ⁷⁹⁾. Нѣкоторые изъ такихъ памятниковъ приведены въ сборникѣ Срезневскаго 1868 г., напримѣръ: Болонская Псалтирь XII в., Парижскій стихирарь, поученія Кирилла епископа Туровскаго, Слуцкая Псалтирь.

Наконецъ, изъ переписки съ Кеппеномъ мы видѣли готовность М. К. Бобровскаго исключительно заняться славянскою литературой, въ чему онъ такъ хорошо былъ подготовленъ, обнаруживъ замѣча-

⁷⁹⁾ Въ изготавляемомъ нами жизнеописаніи М. К. Бобровскаго путешествію его по западной Европѣ съ 1817 г. по 1822 г. съ учеными цѣлями, а равно по славянскимъ землямъ, для изученія славянскихъ нарѣчій, будетъ посвящена особая глава.

тельную способность къ филологическимъ излѣдованіямъ, къ чтенію и снимкамъ древнѣйшихъ рукописей, а изъ замѣтокъ его ученика Плакида Янковскаго на Харатейную Псалтирь о составленныхъ профессоромъ Бобровскимъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ запискахъ „Славянской библіографіи“ ⁷⁹⁾).

Еще въ то время, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Бобровский, изложилъ свой взглядъ на необходимость восстановленія „первобытнаго языка славянъ, который обязанъ греческому языку какъ буквами, такъ и всѣмъ своимъ строеніемъ“ ⁸⁰⁾. Вотъ что сказалъ Бобровский при открытіи имъ курса славяновѣдѣнія въ главной духовной семинаріи въ іюнѣ 1826 года: „Какимъ страннымъ переимѣнамъ (въ Западной Россіи) подпалъ старославянскій языкъ когда въ дипломатическихъ сношеніяхъ и судопроизводствѣ Литвы введено было нарѣчіе бѣлорусское, когда Скорина перевелъ на то же нарѣчіе Св. Писаніе, когда Польша, переселивъ Литву, стала отдавать преимущество польскому языку, когда по причинѣ возникшаго соревнованія между разными исповѣданіями, начали писать книги полемическія, поученія, катехизисы и другія духовныя сочиненія то на бѣлорусскомъ нарѣчій, то на малорусскомъ, то на червонорусскомъ, въ каждомъ съ примѣсью польскаго; когда, наконецъ, соображаясь съ живыми нарѣчіями, не исключая и русскаго, стали усердно исправлять переводы Св. Писанія, творенія свв. отцовъ и книги богослужебныхъ, передѣлывать лѣтопись Нестора, упрощать сказанія о жизни святыхъ, поученія Кирилла епископа Туровскаго и другія. Какое поразительное несходство между правописаніемъ и выраженіями въ рукописяхъ древнихъ и новыхъ, ихъ копійхъ, въ первопечатныхъ книгахъ и послѣдующихъ изданіяхъ! Неуваженіе къ греческому

⁷⁹⁾ „Въ этихъ запискахъ, которыя выдавались въ руководство ученикамъ главной семинаріи при началѣ каждого курса (съ 1826 по 1832 г.), профессоръ давалъ подробную оцѣнку древности наиболѣе замѣчательныхъ славянскихъ рукописныхъ кодексовъ и дѣлалъ критическій имъ разборъ въ палеографическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Выдавая свои обширныя библіографическія записки, съ каждымъ годомъ притоку дополненія и увеличивавшіяся въ объемѣ, профессоръ Бобровскийъ постоянно отлаживалъ ихъ изданіе, но содержаніемъ ихъ, сколько намъ извѣстно, дѣлился постоянно съ другими славянскими учеными, въ томъ числѣ и съ московскими“. *Плакидъ Янковскій* „Древн. харат. Псалтирь“, *Лит. Еп. Вид.* 1866 г. стр. 859.

⁸⁰⁾ Эти замѣчанія Бобровскаго напечатаны въ *Ден. Вил.* за 1826 г. т. I. Речь его обращена главнымъ образомъ къ послѣдователямъ греческаго обряда Литовской Руси, то-есть, къ униатамъ.

обряду породило пренебреженіе къ языку славянскому и даже совершенное объ немъ нерадѣніе; дошло до того, что онъ едва въ хорѣ монастырей и въ клирѣ церквей нашелъ себѣ пріютъ и убѣжище. Нѣкогда читать по Псалтири или по Часослову значило умѣть достаточно по славянски. Только въ началѣ XVII столѣтія явилась порядочная грамматика Смотрицкаго, однакожь и она не чужда примѣсей живыхъ нарѣчій; стали поправлять священныя и богослужебныя книги, но рѣдко въ училищахъ обучали славянскому языку и грамматикѣ. Спасительны мѣры, вносящіяся къ введенію языка первобытнаго въ училищахъ и семинаріи, спасительно усиленное стараніе возстановить изъ развалинъ драгоцѣнные останки прародительскихъ знаній, просвѣщенія и промышленности. Все это, безъ всякаго сомнѣнія, воскреситъ и языкъ древній⁶¹. Указавъ на труды современныхъ славяноуѣдовъ, особенно І. Добровскаго, Юнгмана, Линде, Бобровскій продолжаетъ: „Но не закрыто еще и для насъ обширное поле для многихъ изысканій, чтобы въ точности возстановить первобытный языкъ славянской, критически открыть его источники и выстѣ тщательно обозначить количество происходящихъ отъ него нарѣчій; опредѣляя для каждого изъ нихъ отличительные признаки и границы, словъ одного нарѣчія не принимать за слова другаго, равнымъ образомъ областныхъ словъ, выраженій одного нарѣчія, отличающихся только несходствомъ на письмѣ или въ произношеніи—не почитать за слова разныхъ нарѣчій, какъ донинѣ замѣчается это въ словаряхъ и грамматикахъ“... „Необходимо тщательно изучать памятники въ каждомъ нарѣчій—сербскомъ, русскомъ, чешскомъ, польскомъ, лужицкомъ, хорватскомъ, краинскомъ, рагузскомъ (дубровицкомъ), не забывая провинціализмовъ, и затѣмъ „посредствомъ критическаго изслѣдованія опредѣлить вліяніе разныхъ говоровъ на измѣненія письменнаго славянскаго языка“. „Въ каждой славянской странѣ трудовъ предстоитъ еще много, для каждого нарѣчія сперва нужно составить грамматику (существующія требуютъ многихъ поправокъ), потомъ словарь выраженій первообразныхъ и производныхъ, и затѣмъ только можно надѣяться, что будетъ составленъ общій сравнительный словарь всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Это дѣло не одного человека и не одного народа. Но ученымъ мужамъ, потомкамъ многочисленнаго рода славянскаго надлежало бы заняться этимъ великимъ дѣломъ“⁶¹).

⁶¹) Замѣчанія М. Е. Бобровскаго по поводу переведенной имъ съ итальянскаго языка книги Соучча—„О познаніи славянскаго книжнаго языка въ Далмаціи“.

Не безслѣдно, конечно, прошелъ этотъ новый протестъ богослова-слависта, скорбѣвшаго объ утратѣ чистоты въ церковно-славянскомъ языкѣ на его родинѣ. Званіе профессора библейской археологіи и Священнаго Писанія и высокій постъ, занимаемый имъ въ духовной греко-уніатской іерархіи Западной Россіи, давали ему средства къ подготовкѣ дѣятелей, способныхъ и готовыхъ поднять и довести до конца такое дѣло, разрѣшеніе котораго ставитъ дѣятельность выдающихся представителей бѣлаго уніатскаго духовенства той эпохи на ряду съ важнѣйшими историческими фактами въ судьбахъ нашего отечества.

Обратимъ вниманіе на то, что эти знаменательныя слова высказаны были Бобровскимъ въ печати, и притомъ — странно сказать — на польскомъ языкѣ, въ такое время ⁸²⁾, когда въ уніатскихъ монастыряхъ и церквахъ, единственныхъ хранителяхъ русской народности у трехъ милліоновъ бѣлоруссовъ, малоруссовъ и черноруссовъ, сняты были иконостасы, вводились органы, польскіе кантоники, когда протестъ Брестской капитулы противъ расхищенія церковныхъ фондушей базилианами, между прочимъ и фондуша Брестской епархіальной семинаріи, встрѣчалъ неудовольствіе митрополита Булгака, когда брестскіе каноники во очію убѣдились въ глумленіи базилианскихъ монаховъ надъ древностями старо-славянскими, когда базилиане торжествовали свою побѣду надъ архіепископомъ (бѣлымъ) Красновскимъ, когда правительство колебалось относительно мѣръ для усиленія въ школахъ преподаванія русскаго языка, а провинціальная администрація считала Литовскую Русь частью Польши и сквозъ пальцы смотрѣла на совращенія уніатскихъ прихожанъ въ латинство. Въ характеристикѣ того времени добавимъ, что когда для занятія

⁸²⁾ Достоинно замѣчанія, что ученые слависты той эпохи переписывались между собою на латинскомъ языкѣ, которымъ Бобровскій владѣлъ въ совершенствѣ. На латинскомъ же языкѣ составлялись и учебники. Литвы съ своею терминологіей (какъ теперь въ медицинѣ) казалась незамѣтной даже въ описаніи славянскихъ рукописей. На съѣздѣ славистовъ въ Задрѣ, въ 1819 году, по словамъ Бобровскаго, представители славянскихъ народностей объяснялись между собою съ грѣхомъ пополамъ по нѣмецки; а теперь М. К. Бобровскій могъ быть понятъ своими родичами посредствомъ изложенія своей рѣчи исключительно на польскомъ языкѣ. Извѣстно, что въ Западной Россіи, съ половины XVII и особенно съ XVIII в., когда унию поработили базилиане, польскій языкъ рѣшительно сталъ вытѣснять русскій (въ нарѣчіяхъ: бѣлорусскомъ, малорусскомъ и чернорусскомъ) даже въ духовной литературѣ. Теперь только старики въ своемъ домашнемъ быту изъяснялись на языкѣ своихъ предковъ, а ихъ дѣти и почти всѣ жены говорили по польски.

славянскимъ языкомъ въ главной духовной семинаріи съ профессоромъ Бобровскимъ министръ Шишковъ въ 1827 г. потребовалъ известной подготовки въ знаніи этого языка отъ вновь поступающихъ клириковъ, то въ Брестской епархіи были крайне затруднены выборомъ соотвѣтственныхъ кандидатовъ для замѣщенія открывшихся вакансій.

Прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, смѣнилось два поколѣнія ученыхъ славистовъ, открыто и изслѣдовано много памятниковъ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ, мораво-славянскихъ, и однако понынѣ остается неразрѣшеннымъ вопросъ: Какіи именно были мѣстныя нарѣчія, измѣнившія черты чистаго славянскаго языка? Чѣмъ именно отличалось одно отъ другаго? Гдѣ какое господствовало? Въ какой мѣрѣ какое было важно для языка письменности? На эти вопросы, говоритъ академикъ Срезневскій, вопросы многозначительные въ народной образованности, отвѣчать опредѣленно не возможно. Не разрѣшены вполнѣ и другія задачи, намѣченныя ученѣйшими славистами той эпохи, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за его предѣлами.

Если ужъ не возможно возстановить въ цѣломъ драгоценный памятникъ древней славянской письменности, можетъ быть, современный Остромирову Евангелію, возникшій на родинѣ старо-славянскаго языка, съ ясными признаками вліянія русскаго и сербскаго письма, разорванный волею судьбы на три части, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ питать надежду, что онъ будетъ изданъ, наконецъ, палеографически, и именно у насъ, въ Россіи. Этому памятнику современные ученые филологи не безъ основанія придаютъ величайшее значеніе, а между тѣмъ изданіе его по рукописи Копитара, какъ видно изъ указаній А. Θ. Вычкова и г. Добрянскаго, не лишено ошибокъ въ самомъ чтеніи рукописи.

III. Бобровскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка. С.-Пб. 1886.

Договоры Новгорода съ Тверскими князьями, какъ извѣстно, изданы въ I-мъ томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“. Это изданіе, для своего времени очень хорошее, имѣетъ кое-какія погрѣшности и неточности, и г. Шахматовъ прекрасно сдѣлалъ, взявъ на себя трудъ напечатать договорныя грамоты вновь по подлинникамъ и присоединивъ къ нимъ обстоятельное разсужденіе о новгородскомъ говорѣ XIII—XIV вѣковъ, на сколько онъ проявляется въ этихъ грамотахъ.

Авторъ—кажется, первый въ нашей литературѣ—выдвинулъ впередъ вопросъ о традиціи языка и правописанія въ нашихъ свѣтскихъ памятникахъ, то-есть, въ разнаго рода грамотахъ и актахъ. Исслѣдователь, по его мнѣнію, долженъ относиться съ осторожностью къ этимъ памятникамъ: они унаслѣдовали разные традиціонные термины, традиціонныя формы и написанія, вслѣдствіе чего въ грамотахъ XIII—XIV вв. мы иногда имѣемъ дѣло съ особенностями оригиналовъ XI и XII вв. Новгородскія договорныя грамоты, говоритъ авторъ,—даютъ возможность легко прослѣдить традицію: онѣ (здѣсь мы видимъ уже сильное преувеличеніе)—„написаны такъ, какъ могли писать только въ XI вѣкѣ“ (стр. 131—132). И г. Шахматовъ предпринялъ „работу весьма несложную и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительную“—взялся указать, гдѣ и какъ дѣйствовала въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ традиція.

Къ сожалѣнію, онъ забылъ, что для такого дѣла нужно имѣть какое-нибудь основаніе. Читающій настоящее изслѣдованіе видитъ у

г. Шахматова смѣлую сортировку лингвистическихъ явленій, изъ которыхъ одни объявляются отжившими, традиціонными, другія—современными грамотамъ, взятыми изъ живаго языка ихъ времени. Но для него остается, если не всегда, то очень часто, загадкой, почему одно явленіе попадаетъ въ одну группу, а другое—въ другую, какъ будто все зависитъ отъ личнаго взгляда, каприза автора. И дѣйствительно, не видно, на какомъ, напримѣръ, основаніи онъ относитъ сочетаніе *ж, ш съ а* къ числу традиціонныхъ явленій, а сочетаніе *ж, ш съ я* къ числу явленій живого говора (стр. 138); не извѣстно, почему *е* въ род. мн. кончевъ, новгородцевъ признается у него графическимъ изображеніемъ звука *о*, а не традиціоннымъ написаніемъ (тамъ же), или почему окончаніе твор. и мѣстн. п. *мъ* въ нѣкоторыхъ грамотахъ причисляется къ числу особенностей говора, а не относится также на счетъ традиціи (стр. 180), и т. п. Естественно, отсутствіе основанія для распредѣленія традиціоннаго и не традиціоннаго не могло увеличить достоинствъ труда г. Шахматова.

Онъ изучалъ, и довольно основательно, новгородскія грамоты XIII и XIV вѣковъ и Новгородскую лѣтопись по Синодальному списку, хотя впрочемъ и тутъ есть пробѣлы¹⁾. Но ему остались почти неизвѣстны многочисленныя новгородскія рукописныя книги XIII—XIV вв., заключающія въ себѣ массу всякаго рода данныхъ. Онѣ-то, по нашему мнѣнію, и должны служить основаніемъ для оцѣнки данныхъ грамотъ. Пользуясь книгами, мы попробуемъ исправить нѣсколько положеній г. Шахматова.

Грамота 1304—1305 гг. имѣетъ написаніе дѣмитрѣвѣхъ, при чемъ ѣ находится въ концѣ строки. Авторъ объявляетъ несомнѣннымъ, что здѣсь ѣ знакъ мягкости, и ссылается на Остромирово Евангеліе (стр. 143). Вполнѣ признавая авторитетъ этого памятника, мы однако затрудняемся основываться на немъ въ данномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что новгородскіе писцы, подобно своимъ братьямъ въ юго-западной Руси и другихъ мѣстахъ, имѣли обычай, при переносѣ словъ, ставить на свободномъ мѣстѣ въ концѣ строки буквы ѣ и ѣ. Въ новгородскомъ Евангеліи 1355 года мы находимъ значительное количество случаевъ въѣ родѣ съвинни, прѣмудрость, лицѣтѣрьство, взвѣсѣкатъ, дѣругая. То же мы видимъ въ новгородскомъ Евангеліи Типографской библіотеки до 1362 года и въ новгородскомъ

¹⁾ Авторъ, напримѣръ (стр. 140), говоритъ, будто бы буква ѣ послѣ XII в. исчезла изъ русской письменности и явилась опять уже въ XV. Между тѣмъ въ Новгородской лѣтописи она встрѣчается довольно часто.

же Прологъ 1356 г. Въ виду этого мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы буквѣ ѣ въ приведенномъ написаніи грамоты можно было придавать какое-либо звуковое значеніе.

Грамота 1373 г. имѣеть, между прочимъ, слово ученился = училися. Авторъ находитъ это е страннымъ и видитъ въ немъ простую опisku (стр. 161). Между тѣмъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одною особенностью стараго новгородскаго говора, не чуждою и современнымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ и не особенно рѣдкою въ новгородскихъ книгахъ XIV в.: въ Тріоди 1311 г.: каделницю 71 об.; въ Евангеліи 1355 г.: свѣтelnика 72 об., азвены 80; въ Евангеліи до 1362 года (М. Тип. б. № 9): азвены 78 об., с(ы)н(ов)е неприазвены 142; въ Прологъ 1356 года: служителми 61 об. Нѣсколько другихъ примѣровъ приведено въ нашихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“, стр. 148. Для насъ несомнѣнно, что это е находится въ связи съ новгородскою замѣною ѣ черезъ и; сравн. наши „Исслѣдованія въ области русской грамматики“, стр. 45, прим.

Новгородская лѣтопись и старшія договорныя грамоты не имѣють сочетаній гортанныхъ съ и вмѣсто ѣ, на основаніи чего авторъ объявляетъ, что ни въ XIII в., ни въ первой половинѣ XIV не было еще „перехода и въ и послѣ гортанныхъ“ (стр. 170). Оставляя въ сторонѣ южно-русскіе памятники, гдѣ ки вмѣсто км является еще въ XII вѣкѣ, а также единичные случаи въ родѣ другими въ новгородскомъ Кондакарѣ XII в. (Имп. Публичная Библіотека, Погод. № 43, л. 4), мы укажемъ на пять рукописей: на новгородскую Коричную около 1282 года, на (вѣроятно, западно-русскую) Псалтырь 1296 г., на суздальскіе Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Синодальная библіотека), на Стихирарь 1331 года (библіотека Троицко-Сергіевой Лавры № 22), писанный Епифаніемъ, вѣроятно, ученикомъ и біографомъ преп. Сергія, гдѣ-то въ Московской области, и наконецъ на новгородское Евангеліе 1355 года; во всѣхъ этихъ памятникахъ сочетанія ки, ии, жи встрѣчаются очень часто, въ Стихирарѣ почти постоянно. Сверхъ того, въ самой Новгородской лѣтописи, на которой основывается г. Шахматовъ, мы знаемъ случаи ки вмѣсто км: заморьскіи (имен. мн.) 145, мирошкннъ 148, г(оспо)ж(ин)ькннъ д(е)нь 211. Эти данныя заставляютъ насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы ки, ии, жи часто употреблялись въ новгородскомъ говорѣ второй половины XIII вѣка (не говоримъ уже о XIV), и мы полагаемъ, что сочетанія гортанныхъ съ и въ новгородскихъ договорахъ надо объяснять дѣйствіемъ традиціи.

Тѣ же источники не имѣютъ твердаго *т* въ окончаніи 3-го лица ед. и мн. чиселъ, и авторъ заявляетъ, что *т* въ этомъ окончаніи было „всегда мягко“ (стр. 181). Кажется, это можно сказать только о XIII вѣкѣ; по крайней мѣрѣ, въ половинѣ XIV в. твердое *т* не только уже существовало, но и было довольно распространено на сѣверѣ Россіи. Въ Евангеліи 1354 г. (Моск. Синод. библ.), писанномъ гдѣ-то въ Московской области, мы читаемъ: стоитъ 2, недостойтъ 13, 41 об., 49, напоитъ 50 об., погубитъ 50 об., устронтъ 52 об., спитъ 103 и друг. Въ новгородскомъ Евангеліи 1355 года число формъ на *т* менѣе значительно: просятъ 76 дважды, искусятъ 89, смѣрятся 98, уморятъ 103, отпустятся 151. Въ Паремейникѣ XIV в. Троицко-Сергіевой Лавры № 4, писанномъ, вѣроятно, въ Московской области, формы на *т* находятся въ изобиліи.

Не желая распространяться о мелочахъ, позволяемъ себѣ заявить о своемъ несогласіи съ тѣмъ, что говоритъ авторъ о второмъ русскомъ полногласіи, объ измѣненіи *и* въ *е* въ *шея* и т. п. (данныя церковно-славянскихъ памятниковъ и такихъ русскихъ, какъ Евангеліе 1144 года, говорятъ весьма ясно, что въ случаяхъ въ родѣ *шея* звукъ *е* произошелъ непосредственно изъ *ѣ*), о происхожденіи *је* въ *перекъмъ* и т. п. изъ *јѣ* (здѣсь, конечно, дѣйствіе аналогіи; сравни *снѣмъ*, *снемъ*, *ѣмлю*), о происхожденіи причастія *ида* и т. п. изъ *иды* (по нашему мнѣнію, русск. *ида*, чешск. *jda*—образованія, не находящіяся ни въ какой генетической связи съ *иды*). Формы: твор. п. скорое въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, 2-го лица повелит. накл. послушакъ въ Паремейникѣ 1271 года (стр. 156), неопредѣл. накл. на *те* (стр. 158), 2-го лица настоящ. вр. на *ше* (стр. 159), вин. ед. женск. р. на *ою* (стр. 205), и случай стяженія двухъ *и* въ одно (стр. 164) — для насъ не что иное, какъ описки или не то, за что ихъ принимаетъ авторъ ¹⁾. Съ формами род. множ. рече, кадие (стр. 156), которыя, если онѣ не описки, мы не находимъ возможности объяснять одинаково съ авторомъ, можно сопоставить старо-чешскую форму *svůch obudeje* въ одномъ изъ отрывковъ Александрейды (по изданію Гатталы и Патеры, стр. 66).

Авторъ посвящаетъ отдѣльный этюдъ звуку *ѣ*. Здѣсь онъ ставитъ во главу угла положеніе, уже не новое, что въ древнюю эпоху исторіи русскаго языка этотъ звукъ былъ отличенъ отъ звука *е* и

¹⁾ Напримѣръ, форма *творите* въ Житіи Θεодосія Печерскаго—форма 2-го лица мн. ч.

считаетъ вѣроятнымъ, что полное совпаденіе ъ съ е въ великорусскихъ говорахъ относится къ „очень недавнему“ времени (стр. 210); такимъ образомъ, по его мнѣнію, въ періодъ написанія изданныхъ имъ грамотъ ъ и е были еще разными звуками. Это заключеніе, если признавать, что ъ и е въ XIII и XIV вв. были звуками очень близкими другъ къ другу, не вызываетъ спора, но мы не можемъ согласиться съ слѣдующими замѣчаніями г. Шахматова.

Смѣшеніе ъ и е въ древнихъ нашихъ рукописяхъ, по его словамъ, не что иное, какъ „графическая особенность, вызванная церковно-славянскимъ языкомъ“ (стр. 211). Церковно-славянский ъ, говоритъ онъ, повторяя профессора Фортунатова,—представлялъ сочетаніе *i+e* открытое, а древне-русскій языкъ имѣлъ ъ, звучавшій какъ *i+e* закрытое; въ виду этого русскому челѣвѣку XI—XII вв. церк.-слав. ъ могъ казаться болѣе близкимъ къ русскому е, чѣмъ къ русскому ъ (стр. 212). Отсюда употребленіе въ древнихъ нашихъ рукописяхъ е вмѣсто ъ въ тѣхъ словахъ, которыя принадлежали церковному, книжному, а не разговорному русскому языку,—въ словахъ, въ родѣ предѣ, вредѣ, среда, время (стр. 214).

Изложенныя замѣчанія г. Шахматова представляютъ рядъ гипотезъ, съ которыми согласиться нельзя. Мы не имѣемъ никакого основанія видѣть, хотя бы въ одномъ изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, особенности такого древне-болгарскаго говора, который имѣлъ бы ъ звучавшій какъ дифтонгъ *ie*, все равно—съ е закрытымъ, или съ открытымъ. Всѣ глаголическіе памятники, кирилловскій листокъ Ундольскаго и нѣкоторыя болѣе позднія болгарскія рукописи, въ родѣ Паремейника Григоровича, Македонскаго Апостола, Парижскаго Стихирара, имѣютъ ъ=ja или *ia*¹⁾; Саввино Евангеліе, Супрасльская рукопись и большинство позднѣйшихъ болгарскихъ рукописей имѣютъ ъ другаго значенія, который опредѣлить сколько-нибудь точно нѣтъ ни малѣйшей возможности, и въ которомъ поѣтому нѣтъ основанія усматривать тотъ или другой дифтонгъ. Равнымъ образомъ мы не имѣемъ никакого основанія опредѣлять русскій ъ XI—XII вв. какъ дифтонгъ *ie*. Современные дифтонги—рефлексы древняго ъ въ разныхъ малорусскихъ говорахъ—говорятъ въ пользу гипотезы г. Шахматова какъ разъ столько, сколько другіе дифтонги тѣхъ же говоровъ (*yo*, *ui*) говорятъ въ пользу произношенія древне-

¹⁾ Сравн. въ современныхъ южно-болгарскихъ говорахъ: *гряшен*, *дате*, *ряка*, *дѣва*.

русскаго *о* въ видѣ дифтонга, то-есть, не говорятъ ничего. Далѣе г. Шахматовъ ошибается, полагая, что русскіе XI—XII вв. очень часто имѣли случаи знакомиться съ церковно-славянскимъ языкомъ изъ устъ говорившихъ этимъ языкомъ болгаръ, и что они обращали очень много вниманія на произношеніе болгарскими звуковъ въ тѣхъ или другихъ отдѣльных словахъ. Автору, по видимому, не извѣстно, что Болгарія XI—XII вв., времени подчиненія ея грекамъ, была совсѣмъ не то, чѣмъ являлась въ блестящій вѣкъ царя Симеона, и что грамотные болгаре не могли тогда быть особенно многочисленны даже на своей родинѣ. Знакомство русскихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ (особенно въ отдаленномъ Новгородѣ) могло быть только книжнымъ, и русскіе, конечно, произносили церковно-славянскія буквы по своему, такъ что церк.-слав. прѣдъ, плѣнъ и т. п. они читали какъ русск. прѣдъ, плѣнъ. Послѣднее доказывается тѣмъ, что, напримѣръ, плѣнъ во всѣхъ древнихъ рукописяхъ пишется съ ѣ и даже въ настоящее время сохраняеть эту букву. Очевидно, причина появленія, рядомъ съ прѣдъ, также предъ лежитъ не въ церковно-славянскомъ произношеніи ѣ, а въ существованіи русскихъ передъ и т. п., въ которыхъ русскіе писцы, послѣ *р*, слышали *е* (сравни въ Юрьевскомъ Евангеліи около 1120 года: *пловааху мрѣжя* 90 об., *тлюци* 127). Кромѣ того, древнѣйшіе наши памятники, съ одной стороны, употребляютъ *е* вмѣсто ѣ не только въ случаяхъ въ родѣ предъ, но и во множествѣ другихъ: несть Остромирово Евангеліе, о господине, руде (двойств. ч.) Святославовъ Сборникъ 1073 года, съ другой—очень часто сохраняють церк.-слав. прѣдъ, прѣ- и т. п., съ ѣ.

Мы считаемъ, послѣ только что сказаннаго, излишнимъ доказывать полную неосновательность того, что говорится авторомъ объ *е* въ дат. тебе, себе, въ формахъ телесе, телеса, въ словахъ гибель, обитель (стр. 214): мы также не находимъ нужнымъ останавливаться на крайне странномъ мнѣніи автора, будто бы древне-русскіе писцы, переписывая грамоты или книги, при машинальной перепискѣ могли графически замѣнять ѣ черезъ *е* (стр. 215): машинальная переписка можетъ вести только или къ точному воспроизведенію подлинника, или къ опискамъ, въ родѣ замѣны *а* черезъ *б*.

До сихъ поръ думали, что новгородское нарѣчіе стараго времени, подобно многимъ современнымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ, знало въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ замѣну ѣ черезъ *и*. Г. Шахматовъ съ этимъ несогласенъ. По его словамъ,

„въ очень большомъ количествѣ сѣверныхъ грамотъ и другихъ памятниковъ XIV — XV вѣковъ“ чередованія ѣ и и не замѣчается (стр. 224); поэтому употребленіе и вмѣсто ѣ въ памятникахъ древнѣйшихъ, съ XI вѣка, должно быть считаемо за „простое графическое явленіе“ (стр. 225). Хотя мы можемъ похвалиться знакомствомъ только съ немногими новгородскими памятниками, тѣмъ не менѣе находимъ возможность представить рядъ данныхъ, указывающихъ на замѣну въ новгородскомъ говорѣ стараго времени ѣ черевъ и. Мы ихъ извлекаемъ изъ двухъ памятниковъ, писанныхъ несомнѣнно въ самомъ Новгородѣ по благословенію архіепископа Новгородскаго Моисея состоявшими при немъ писцами.

Евангеліе 1355 года: увидѣвъ Ѡ сотника 8 об., аще миръ васъ ненавидѣть, видите, яко же мене прѣже васъ възненавидѣ 10, что изидосте видѣть 33 об., 64, колинома 60, запричая 62, колиблемы 64, челоувѣчскыи 64 об., 123, 125,—ска 89, челоувѣчь 81, 127 об., челоувѣкомъ 105, 120, имамъ ти ничто рещи 65, на мѣстѣ никоумъ 70, надѣяшеся знаменіи никакѡ видѣти 109, имѣния 71, желѣзными 72, проповѣдь 72 об., внишнеѣ 73, оскудѣмо 85, удобіе 90 об., 112 об., обидѣмъ 95 об., старѣишнѣ 102 об., пинязъ 120 об., снѣдакте 121 об., лицемири 121 об., убижѣте 122 об., болѣхъ и не посѣтитѣ мене 124 об., Ѡмѣталѣся 126, тѣло мое 126 об., свѣдѣтельствуете 134, св—тъ 134,— ютъ 137 об., свѣдѣтельства 137 об.,—лемъ 137 об.,—ля 137 об., 138, смѣшенъ 141, смѣшеніе 143 об. прегришеніи 152 об., дѣвици 170; при вечерѣ 3, при полѣхъ 51 об., в жѣни 59 об., при кзерѣ 60, хранини тои 63 об., по ланитѣ 103 об., при свѣти 108, в родѣ 113, в законѣ 122, о часѣ 122 об., по мнози времени 124; на мѣстѣ 143 об., узри (аор.) 69 об., исцѣли (аор.) 74 об., прозри 93, види 93 об., 126.

Евангеліе до 1362 года (Московская Типографская библиотека, № 9): свѣдѣтельство 1 об., 2,—укъ 1 об.,—те 4 об., и́друг, (почти постоянно), видѣти 2 об., 18 об., 54, 76, 91,—тъ 151 об.,—те 122 об.,—въше 32, 162, видѣхъ 127, 145, ненавидѣти 11, увидѣвъ Ѡ сотника 8, аще бы видѣмъ г(осподи)нѣ хранини 82, не видѣ что гл(аголе)ши 102, опрѣсноѣхъ 84, 84 об., 96, 100 об., 116 об., 117, 118. об., сквозѣ сѣянѣя 104 об., въсѣявыи сѣмя 142, внишнеѣ 122 об., лицемири 112 об., нача скорѣити 119 об., прищашѣ 49 об., заприѣти 141, раздѣлитъ 74 об., зам(а)г(е)ривши 157 об.; в законѣ Моисѣовѣ 19 об., 151, въ очи брата 28, въ очи твоѣмъ 28, въ д(у)сѣв нечистѣ 48, по псалми 122, въ прѣтворѣ 140, къ д(ѣ)вѣ обрученѣ

мужевн 153, по всей вселени 46, при девятии годинѣ 134, наре-
чении м(а)т(е)ри юго 145 об.; о хлѣбихъ 39 об., въ ч(е)л(о)в(ѣ)чихъ
159 об.; ицѣли 33, 40, испѣли 143, призри 136 об.

Подобныя данныя мы нашли, въ большемъ или меньшемъ коли-
чествѣ, почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ новгородскихъ памятникахъ
XIV вѣка (назовемъ фотолитографированный Требникъ графа Шере-
метева, Триодъ 1311 года, Прологъ 1356 года, Евангеліе Московскаго
Публичнаго Музея № 434, Евангеліе Имп. Публичной Вибліотеки f. 17).
Они показываютъ, что обычная характеристика стараго новгородскаго
говора не лишена основанія.

То обстоятельство, что замѣна ѡ черезъ и въ томъ или другомъ
количествѣ случаевъ извѣстна всѣмъ современнымъ сѣверно-велико-
русскимъ говорамъ, знающимъ мѣну и и ч, слѣдовательно, потом-
камъ стараго новгородскаго говора, въ связи съ данными новгород-
ской октябрьской Миней 1096 года: лицемѣрствовавъ 68 (по изданію
И. В. Ягича), тѣрпивиѣ 78, претѣрпимъ ѡси 125, невѣдѣния 165,—
ручается за глубокую древность и изъ ѡ.

Конечно, можно намъ возразить, что и въ приведенныхъ выпискахъ
не было тождественно съ другимъ, древнимъ и. Весьма возможно, что
эти два и нѣкогда различались между собою, но сомнительно, чтобы
разница между ними была болѣе замѣтна, чѣмъ разница, напримѣръ,
между современными е въ ѡлѣ и въ ѡли, то-есть, чтобы она могла
обращать на себя вниманіе простаго смертнаго, незнакомаго съ тон-
костями фізіологіи звуковъ. Во всякомъ случаѣ современные сѣвер-
но-великорусскіе говоры, имѣющіе, вопреки ссылкѣ на нихъ г. Шах-
матова на стр. 226 ¹⁾, на мѣстѣ ѡ обыкновенное и, не даютъ права
говорить, что и старыхъ новгородскихъ рукописей, начиная съ Миней
1096 года, могло быть только „приблизительною передачей звука ѡ“
(стр. 226).

Авторъ считаетъ важнымъ памятникомъ для опредѣленія значенія
стараго новгородскаго ѡ 3-ю часть Новгородской лѣтописи по Си-
нодальному списку. По его мнѣнію, въ этой части мы замѣчаемъ
„совершенно другой языкъ и другое правописаніе, чѣмъ въ обѣихъ
первыхъ частяхъ; отлчіе правописанія сказалось, между прочимъ,
въ томъ, что, тогда какъ обѣ первыя части употребляютъ буквы е и

¹⁾ Гильеердингъ, на котораго ссылается авторъ, говоритъ объ особомъ про-
изношеніи ѡ въ нѣкоторыхъ словахъ (въ слогахъ съ послѣдующимъ твердымъ
согласнымъ: свѣтъ, бѣлый); его указаніе не относится къ случаямъ въ родѣ же-
лизѣть, симена.

ъ очень смѣшанно,—третья часть не представляет ни одного случая, на основаніи котораго можно было бы предположить совпаденіе звуковъ *е* и *ъ* (стр. 221). Но то, что указывается г. Шахматовымъ въ пользу третьей части лѣтописи, на нашъ взглядъ, до известной степени лишаетъ ее значенія при разрѣшеніи какихъ бы то ни было вопросовъ о языкѣ. Писецъ этой части, очевидно, былъ большой грамотей, знавшій обычное правописаніе церковныхъ книгъ и потому лучше умѣвшій избѣгнуть смѣшенія *ъ* и *е*, *мѣны* *и* и *ч* (она у него рѣдка) и вообще мѣстныхъ новгородскихъ особенностей, чѣмъ его два предшественника¹⁾. Трудъ послѣднихъ, богатый мѣстнымъ элементомъ, имѣетъ для насъ большое значеніе, тѣмъ болѣе, что находящіеся въ немъ данныя для вопроса о *ъ* въ XIV вѣкѣ вполне согласны съ данными рукописныхъ книгъ новгородскихъ и псковскихъ XIII—XIV вв.²⁾ и значительной части грамотъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о мѣстномъ названіи Палиць, Палѣць, встрѣчающемся въ новгородскихъ грамотахъ. Если позволительно считать это собственное имя тождественнымъ съ созвучнымъ ему нарицательнымъ, то его и можетъ найти себѣ объясненіе въ *и* польскаго областного *palis* (палець), род. *palica*, твор. *palicem* и т. д. (Rozprawy Krakowskiej Akademii, VIII, стр. 75, 184; XI, стр. 149). Сравни ц.-слав. агницъ, чловѣколюбиць (Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 264), кораблиць (Златоструй XII в., л. 68 об.), сербск. коњицъ.

А. Соболевскій.

LES LOIS ROUMAINES ET LEUR CONNEXITÉ AVEC LE DROIT BYZANTIN ET SLAVE. Par M. le Dr. I. Lădăslas Piț. Bukarest. 1887. ³⁾.

Передъ нами новый небольшой, но интересный этюдъ г. О. Пича. Какъ видно изъ заглавія, онъ касается предмета въ высшей степени важнаго и представляющаго огромный интересъ не только спеціально для исторіи румынъ и ихъ права, но также и для историческихъ

¹⁾ Г. Шахматовъ на стр. 224 повторяетъ замѣчаніе покойнаго Лавровскаго будто 1-я и 2-я части лѣтописи по формальнымъ и фонетическимъ особенностямъ гораздо ближе къ книжному языку, чѣмъ 3-я часть. По нашему мнѣнію, стоитъ прочесть по нѣскольку страницъ изъ каждой части, чтобы придти къ протъ-положному выводу.

²⁾ См. поучительныя записи псковскихъ рукописей въ нашихъ „Очеркахъ“.

³⁾ Та же самая статья вышла равнѣ по нѣмеди въ *Sitzungsberichten der K. Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften* въ Прагѣ, въ 1886 г.

изученій славянскихъ и византійскихъ. Притомъ это предметъ, до сихъ поръ едва затронутый наукой и совсѣмъ еще новый у самихъ румынъ, отчасти вслѣдствіе господства въ ихъ литературѣ и наукѣ (какъ и въ политической жизни) односторонняго узко-національнаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятной „славянофобіи“, внушаемой и поддерживаемой германскимъ, австрійскимъ и римско-католическимъ вліяніями. Этюдъ г. Пича, уже подготовленнаго къ нему предшествовавшими изученіями въ области румынской исторіи и древности, вызванъ именно новѣйшимъ мѣстнымъ произведеніемъ по исторіи румынскаго права, написаннымъ въ указанномъ только что духѣ и направленіи. Это трудъ Николая Бларамберга: *Nicolas Blaremborg. Essai comparé sur les institutions, les lois et les moeurs de la Roumainie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Bucarest. 1886.*

Полная неудовлетворительность труда Бларамберга, представляющаго, по словамъ критика, просто компіляцію изъ различныхъ кодексовъ и актовъ по большей части XIX вѣка, воспроизведенныхъ въ видѣ извлеченій на французскомъ языкѣ, и тѣмъ не менѣ имѣвшаго успѣхъ въ большой публикѣ, благодаря своей національной окраскѣ, побудила г. Пича предпринять небольшое разысканіе въ той же области, чтобъ указать на истинный источникъ и первоначальную основу румынскаго государственнаго и обычнаго права и тѣмъ самымъ намѣтить путь, какимъ слѣдуетъ идти въ его историческомъ изученіи. Г. Пичъ справедливо обличаетъ г. Бларамберга и румынъ вообще въ фальшивости ихъ исходной точки зрѣнія, а именно той, что если де они сами романскаго происхожденія, то таковы же должны быть и ихъ законы; въ добавокъ авторъ „*Essai comparé*“ основывается въ этомъ случаѣ на совершенно ненадежной и новѣйшею наукой отвергнутой такъ-называемой хроникѣ Гурула (*Hurul*). Румынскіе ученые, говоритъ чешскій критикъ,—не обращаютъ вниманія на то, что римскіе колонисты Дакии жили въ городахъ, занимались торговлей, промышленностью и проч., тогда какъ румыны съ самаго появленія своего въ исторіи оказываются крестьянами-земледѣльцами, и ихъ податная система (*quingagesima*) свидѣтельствуетъ о нѣкогда пастушеской жизни,—что, слѣдовательно, если измѣнились условія быта народа, то должны были возобладать и новыя основы права.

Рядомъ историческихъ, бытовыхъ и наконецъ филологическихъ указаній и сближеній г. Пичъ постарался выяснитъ близкое отношеніе румынскаго права къ византійскому и славянскому, какъ къ его прямымъ источникамъ, и вполне успѣлъ въ этомъ. Конечно, онъ далеко

не исчерпалъ предмета, да и не имѣлъ этого въ виду, но и собранные имъ факты и данныя, ихъ усиленная оцѣнка и толкованіе составляютъ уже пріобрѣтеніе для науки и полезное начало для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи.

Этюдъ г. Пича состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой разсматриваются элементы румынскаго государственнаго и церковнаго права, источники законодательства, заключающагося въ старыхъ румынскихъ номоканонахъ или такъ-называемыхъ „правилахъ“ (Pravila); вторая посвящена разъясненію основъ и происхожденія румынскаго обычнаго права. Я имѣю въ виду познакомить читателей лишь въ общихъ чертахъ съ выводами автора, а потому не стану входить въ подробности. Меня болѣе всего интересуется руководящая мысль его, а затѣмъ то, какъ сказались въ данной работѣ его извѣстные взгляды на происхожденіе и древнюю исторію румынской народности. Этотъ вопросъ не могъ быть, конечно, обойденъ въ разсказѣ о началахъ румынскаго права, и г. Пичъ, какъ увидимъ, даже воспользовался этимъ случаемъ для подкрѣпленія своего излюбленнаго тезиса о происхожденіи румынской народности—еще новымъ аргументомъ. Эта теорія г. Пича выступаетъ впередъ, главнымъ образомъ, во второй главѣ, трактующей объ обычномъ правѣ.

Но надо еще сказать нѣсколько словъ о первой. Здѣсь авторъ, указавъ на первыя кодификаціонныя попытки румынъ въ XV вѣкѣ, связанныя съ введеніемъ церковной организаціи при учрежденіи особой митрополіи въ Молдавіи и естественно поэтому имѣвшія своимъ источникомъ Византію и византійскіе законы, обращаетъ вниманіе на тотъ путь, какимъ шло это заимствованіе, и на самый характеръ этого законодательства: согласно гипотезѣ, высказанной учеными Цахариэ и Губе, и согласно прекраснымъ изысканіямъ въ этой области русскихъ византинистовъ гг. Васильевскаго и Успенскаго, византійское законодательство, касающееся аграрныхъ отношеній, слагалось со времени наводненія Балканскаго полуострова славянами, особенно при императорахъ Исаврійскаго дома, подъ сильнымъ славянскимъ вліяніемъ. Приблизительно въ ту же эпоху (VIII—IX вв.) славянскія народности полуострова просвѣщались восточнымъ христіанствомъ и вмѣстѣ съ церковною организаціей принимали изъ Византіи элементы греческой культуры и государственнаго быта, а государи славянскіе—всѣ атрибуты и обычаи двора византійскаго. Номоканонъ, славянский переводъ котораго является впервые въ Болгаріи, служитъ первымъ проводникомъ и свѣтскихъ византійскихъ законовъ къ славя-

намъ, и естественно, что эти законы, отвѣчая вполнѣ условіямъ ихъ жизни, легко усваиваются ими и на славянской почвѣ получаютъ дальнѣйшее развитіе. Отъ южныхъ славянъ они скоро переносятся, все тѣмъ же путемъ и при тѣхъ же условіяхъ (то-есть, при занятии церковнаго устройства), и къ восточнымъ вѣтвямъ славянства, въ православную Русь.

Точно такимъ же путемъ проникло византійское право къ румынамъ, и путь этотъ былъ, безъ сомнѣнія, славянской. Г. Пичъ признаетъ, что никто изъ интересующихся спорнымъ вопросомъ о происхожденіи румынъ не отрицаетъ тѣсныхъ связей между ними и болгарями, а потому позволительно (скажемъ вѣрнѣе—обязательно) предположить, что славянскіе номоканоны стали извѣстны румынамъ. Это знакомство обличаютъ и извѣстныя *Pravila* Радула Великаго (1493—1508 гг.).

Затѣмъ нашъ авторъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ сохранившихся румынскихъ такъ-называемыхъ „правилъ“ или номоканоновъ, изъ которыхъ древнѣйшіе писаны на славянскомъ языкѣ, при чемъ описываетъ видѣнныя имъ рукописи и высказываетъ свои соображенія о ихъ составѣ и происхожденіи (въ большей части это переводы съ греческаго). Этимъ, по мнѣнію его, исчерпывается источникъ румынскаго законодательства, по скольку оно связывается съ національнымъ и оригинальнымъ развитіемъ румынскаго народа, нбо законодательство XIX в.—„растеніе экзотическое“.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, продолжаетъ авторъ,—что связь этого румынскаго законодательства съ національнымъ румынскимъ характеромъ усматривается лишь по скольку румыны, путемъ православной вѣры и славянскаго обряда, находились въ соприкосновеніи съ православными славянами и прямо или косвенно съ Византіею. Общность церковныхъ и государственныхъ установленій оказывала вліяніе на развитіе Румынскаго государства.

Г. Пичъ справедливо указываетъ при этомъ на нѣсколько случайный составъ этихъ румынскихъ законодательныхъ компилацій или „правилъ“, зависѣвшій отчасти отъ развитія и образованія составителей-монаховъ, отчасти отъ имѣвшагося въ ихъ рукахъ случайнаго матеріала, а также на ихъ, такъ-сказать, безжизненный характеръ. Одни лишь правила Василя Лупу заключаютъ въ себѣ болѣе обыкновенныхъ фактовъ и данныхъ и необходимыхъ практическихъ указаній для церковныхъ и свѣтскихъ инстанцій. Но все же здѣсь собранъ почти исключительно чужеземный матеріалъ, а слѣдовъ туземныхъ

обычаевъ чрезвычайно мало: сюда относятся только запрещенія суевѣрій, волшебства и прочія. Другихъ намековъ можно искать въ уже установившейся переводной терминологіи (стр. 18—19).

Но не могли же исчерпывать эти писанныя „правила“ всю жизнь съ ея разнообразными условіями и людскими отношеніями. Для нея не могли не существовать хотя и не кодифицированныя, но не менѣе обязательныя нормы. Это и есть исторически сложившееся такъ-называемое обычное право, къ вопросу о которомъ г. Пичъ и переходитъ во 2-й главѣ своего этюда.

Итакъ, своимъ, не заимствованнымъ, туземнымъ правомъ у румынъ было обычное право—румынское *obicei*, въ славянскихъ источникахъ „законъ подлугъ земскаго права“. Это и есть, по словамъ г. Пича, настоящее „*jus valachicum*“, опредѣлявшее положеніе румынъ, какъ свободныхъ людей: оно сложилось въ Угріи, и оттуда румыны переселенцы перенесли его съ собою въ княжества Молдавію и Валахію. Здѣсь мы такимъ образомъ уже наталкиваемся на вопросъ объ образованіи этихъ княжествъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о происхожденіи и образованіи румынской народности. Считая вопросъ объ угорскомъ происхожденіи румынской государственности окончательно рѣшеннымъ для Молдавіи, г. Пичъ желалъ бы признать гипотезу о трансильванской родинѣ (Фогарашъ) Валашскаго княжества тоже фактомъ несомнѣннымъ и исторически обоснованнымъ вопреки убѣдительному ея опроверженію исторической критикой (Рёслеръ въ *Romän. Studien*). Но его смущаютъ, оказывается, не только доводы послѣдней по этому спеціальному вопросу, но и вообще тотъ отпоръ, который встрѣчаетъ въ наукѣ его теорія объ образованіи румынской народности исключительно на сѣверъ отъ Дуная. Вотъ почему онъ пользуется случаемъ, чтобъ еще разъ въ этомъ пунктѣ попытаться сбить съ позиціи своихъ противниковъ, пользуясь матеріаломъ, который ему даетъ наблюденіе надъ румынскимъ обычнымъ правомъ и бытовыми особенностями; однако, по моему мнѣнію, всѣ его разсужденія въ концѣ концовъ нисколько не обосновываютъ ни его общей теоріи, ни утвержденія о возникновеніи Валашскаго княжества, а кончаются лишь констатированіемъ факта, который можно признать и безъ того, то-есть, что *jus valachicum*, если его родина—Угрія, легко укоренилось и у румынъ пришлыхъ, въ княжествахъ. Здѣсь не мѣсто снова вдаваться въ разборъ теорій о происхожденіи румынъ и подробно излагать свое воззрѣніе. Въ настоящемъ случаѣ я, быть можетъ, и совсѣмъ не затронулъ бы этого предмета, еслибъ

авторъ не вызвалъ меня къ этому ссылкой на мой взглядъ, и еслибъ я не замѣтилъ нѣкотораго недоразумѣнія какъ въ этой ссылкѣ, такъ и въ обсужденіи имъ спорнаго вопроса.

Г. Пичъ формулируетъ возраженія, которыя ему дѣлались въ вопросѣ о возникновеніи Валашскаго княжества такимъ образомъ: „On me disait: eh bien! les Roumains ont été, il est vrais, autochtones dans la Transylvanie, mais l'Etat valaque a été fondé au delà du Danube, dans la péninsule balkanique, et l'on avait en vue dans ce raisonnement, la Bulgarie actuelle“. И послѣ этихъ словъ авторъ замѣчаетъ, что это положеніе не ново, что мнѣніе о сохраненіи остатковъ романцевъ, то-есть, римскихъ колонистовъ въ Траяновой Дакии и послѣ очищенія этой провинціи впервые защищалъ проф. М. Кронесъ (въ своей *Geschichte Oesterreichs*, I, 123), который признавалъ однако, что эти остатки не имѣли никакого положительнаго значенія въ отношеніяхъ этническомъ и культурно-историческомъ, и что массы румынской народности развились въ Мизіи и спокойно перешли за Дунай. Это же положеніе въ послѣднее время горячо защищалъ де и пишущій эти строки, при чемъ авторъ ссылается на мой трудъ „Моравія и Мадьяры“ и на критическую замѣтку въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. ¹⁾). Читатель легко замѣтитъ, что между вышеприведеннымъ возраженіемъ, вложеннымъ г. Пичемъ въ уста противниковъ, и только-что упомянутымъ мнѣніемъ г. Кронеса есть значительная разница; онъ найдетъ еще большую разницу, если потрудится сравнить это положеніе съ высказаннымъ мною (въ приведенныхъ сочиненіяхъ) взглядомъ. Въ томъ возраженіи говорится объ основаніи Валашскаго государства на югѣ отъ Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ (и именно въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи), а г. Кронесъ (по крайней мѣрѣ въ цитованномъ у г. Пича мѣстѣ) и я говоримъ только о переселеніи съ юга изъ-за Дуная романцевъ значительными массами, при чемъ г. Кронесъ еще отрицаетъ этническое и культурно-историческое значеніе остатковъ романскаго населенія въ Трансильваніи, а я даже и этого не думалъ дѣлать: рѣшительно оспаривая крайнее мнѣніе Рёслера и положительно высказываясь за сохраненіе и непрерывное существованіе романскаго населенія въ горной Трансильваніи, я воздерживался лишь отъ дальнѣйшихъ заключеній и предположеній о взаимныхъ отношеніяхъ румынъ-автохтоновъ и румынъ-пришлыхъ съ юга и о вліяніи первыхъ

¹⁾ Июнь 1886 г. „Новый нѣмецкій трудъ чешскаго слависта“.

на вторыхъ и обратно. Вопросы же объ основаніи румынскихъ княжествъ я вовсе и не касался. Итакъ, очевидно, лишь по недоразумѣнію мнѣ приписывается тезисъ, который въ дѣйствительности былъ высказанъ и защищаемъ другими.

Но кромѣ этой неточности, не имѣющей по существу большого значенія, нельзя не отмѣтить другого болѣе важнаго обстоятельства, возбуждающаго недоумѣніе. Поборникамъ теоріи переселенія, говорить г. Пичъ, — слѣдуетъ прежде всего доказать, какъ романское населеніе могло сохраниться среди бурь народныхъ передвиженій въ Мизіи, которая страдала отъ этихъ бѣдствій не менѣе Траяновой Дакии, слѣдуетъ исторически констатировать существованіе романцевъ въ Мизіи послѣ эпохи народныхъ переселеній, такъ какъ небольшой періодъ времени при образованіи втораго Болгарскаго царства, приписываемомъ тоже румынамъ, не можетъ де идти въ расчетъ, пока не опровержены доводы противной стороны въ вопросѣ объ этомъ образованіи. Но къ чему же г. Пичъ говоритъ о Мизіи, когда теорія Рёслера въ этомъ пунктѣ давно оцѣнена и видоизмѣнена критикой (Томашкомъ), предложившей новую гипотезу, съ тѣхъ поръ подкрѣпленную и разъясненную историческими извѣстіями, прежде неизвѣстными? Вѣдь и защитники переселенія давно уже высказали вышеприведенное соображеніе о Мизіи ¹⁾. Вѣдь авторъ все это знаетъ, и самъ даже, какъ увидимъ ниже, полемизируетъ съ этимъ взглядомъ о переселеніяхъ румынъ изъ центральныхъ частей Балканскаго полуострова. Кого же онъ имѣлъ въ виду, говоря о Мизіи — рѣшительно непонятно ²⁾.

Посмотримъ же теперь, каковъ новый аргументъ автора противъ теоріи переселенія.

Этотъ аргументъ г. Пичъ почерпнулъ изъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ случайно во время поѣздки въ Болгарію отъ спустившихся съ своихъ горъ въ окрестностяхъ Сливна и Котла болгаръ — относительно скотоводства на Балканахъ.

Замѣтимъ кстати, что сообщенія и соображенія г. Пича внушали бы еще больше довѣрія, еслибъ онъ самъ непосредственно изучилъ дѣло на мѣстахъ, ибо свидѣтельства случайныхъ разсказчиковъ могутъ быть очень не полны и не точны. Но допустимъ, что сообщаемое здѣсь вполнѣ согласно съ дѣйствительностью. Г. Пичъ узналъ,

¹⁾ См. у насъ: „Моравія и Маѳьяры“, стр. 47.

²⁾ Можетъ быть, только г. Бларамберга, но тогда такъ и надо было сказать.

что характеръ и приемы скотоводства (да и самый видъ его) значительно отличаются другъ отъ друга въ Балканахъ и, съ другой стороны—въ Трансильваніи и Карпатахъ; далѣе—что терминологія, его касающаяся, тоже не одинакова здѣсь и тамъ: она — валашская на сѣверъ отъ Дуная, и не у однихъ румынъ, а и у всѣхъ карпатскихъ горцевъ: русскихъ, поляковъ, словаковъ и „валаховъ“ Моравин; между тѣмъ въ Балканахъ терминологія, за немногими исключеніями, славянская. Если такимъ образомъ румынскій пастушескій бытъ—разсуждаетъ г. Пичъ—оказалъ такое рѣшительное вліяніе въ Карпатахъ на бытъ горцевъ сосѣднихъ народностей, то надо бы ожидать, что румыны—если они жили въ Болгаріи—оказали бы подобное же вліяніе на болгаръ. Отсутствіе же этого вліянія тѣмъ болѣе поразительно, что греки на югѣ (въ Македоніи, Албаніи, Фессаліи) называютъ каждого горнаго пастуха-влахомъ—будь онъ македонскій влахъ, албанецъ или грекъ. Итакъ, это различіе номенклатуры, по мнѣнію автора, вполне подтверждаетъ его положеніе, что Карпаты—родина (исключительная) дакорумынъ, горы Пинда — родина македонскихъ влаховъ, а въ Балканахъ румынъ совсѣмъ не бывало, если не считать ихъ лѣтнихъ перекочевовъ туда время отъ времени, не оставившихъ никакихъ слѣдовъ у болгаръ.

Но на это мы скажемъ, во первыхъ, что различіе вида и характера скотоводства едва ли имѣетъ вѣсь въ данномъ случаѣ: оно обуславливается, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе мѣстными и географическими условіями и историческими традиціями, чѣмъ этнологіей Румыны, перейдя съ Балканскаго полуострова на сѣверъ отъ Дуная въ совершенно новыя условія, могли постепенно измѣнить приемы своего промысла, согласно съ туземными обычаями своихъ трансильванскихъ родичей. Повторяю, столь же мало убѣдительнымъ намъ представляется и различіе въ номенклатурѣ. Если валашская номенклатура, то-есть, терминологія возобладала въ Карпатахъ и распространилась въ равной степени и у тамошнихъ славянъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что романская же терминологія должна была возобладать и на югѣ и бытъ усвоена всѣми балканскими славянами. Послѣдніе (а именно болгары) могли здѣсь издавна имѣть свою, которая развилась и утвердилась съ эпохи XII—XIII в., когда завершилось ниселеніе румынской народности на сѣверъ за Дунай, и ея представителями остались на Балканскомъ полуостровѣ только южные вlahи Македоніи и сосѣднихъ греческихъ областей. Съ другой стороны, могли имѣть свою собственную терминологію и балканскіе румыны до своего вы-

селения, и скудные слѣды ея даже еще существуютъ у болгаръ, о чемъ находимъ указанія и у г. Пича (см. стр. 26); эта терминологія могла нѣсколько отличаться отъ карпато-валашской, но это были лишь отгѣнки, которыми легко могли поступиться пришлые румыны, сливаясь съ туземцами. Наконецъ, фактъ возобладанія романской пастушеской терминологіи у карпатскихъ славянъ не представляетъ ничего особенно характернаго въ національномъ отношеніи. Валашскій пастушескій бытъ въ Трансильваніи возникъ уже въ эпоху народныхъ переселеній: его застали уже тамъ славяне, расселившіеся по карпато-дунайской территоріи и жившіе съ тѣхъ поръ, а особенно съ XI—XII вѣка, со времени прилива новыхъ романскихъ массъ, подъ непрерывнымъ вліяніемъ этого быта. О такомъ же вліаніи валашскаго пастушескаго быта на славянскій на Балканскомъ полуостровѣ не можетъ быть рѣчи уже потому, что вообще сожителство этихъ двухъ народностей въ Балканахъ было сравнительно не такъ продолжительно. Итакъ, новый аргументъ г. Пича, кажется намъ, не можетъ выдержать критики: онъ не опровергаетъ положенія о румынахъ балканскихъ и такимъ образомъ нисколько не подрываетъ, въ нашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ, теоріи переселенія.

Что же касается „*jus valachicum*“, о которомъ авторъ замѣчаетъ, что оно касалось не только личнаго положенія, но и земельной собственности и не могло возникнуть у македонскихъ влаховъ, никогда таковою не пользовавшихся, то мы готовы признать, что это обычное право — дѣйствительно происхожденія „дако-румынскаго“, что оно сложилось не на югѣ, а на сѣверѣ отъ Дуная, у румынъ-автохтоновъ, отъ которыхъ перешло и къ переселенцамъ. Къ принятію этого предположенія мы не находимъ препятствій.

Дальнѣйшее изложеніе автора посвящено характеристикѣ „*jus valachicum*“ — въ Румынскихъ княжествахъ (то-есть, въ королевствѣ) сравнительно съ Угріей (Трансильваніей) и выясненію тѣхъ славянскихъ элементовъ и началъ, которые проникли въ это право на территоріяхъ, первоначально заселенныхъ славянами, постепенно поглощенными румынскою народностью (то-есть, главнымъ образомъ, въ Молдавіи и Валахіи). Здѣсь г. Пичъ представилъ нѣсколько поучительныхъ и интересныхъ фактовъ, соображеній и выводовъ, въ которыхъ и заключается главный смыслъ его работы, вызванной тѣмъ превратнымъ взглядомъ на начала румынскаго права, который обнаруживается въ трудѣ Вларамберга и ему подобныхъ румынскихъ ученыхъ. Правда, и тутъ г. Пичъ усердно проводитъ свою мысль, что тран-

сильванскіе Карпаты были первоначальною родиной валашскаго права, а слѣдовательно, и всей румынской народности, но для насъ въ данномъ случаѣ, да кажется и для самого г. Пича, обличающаго ложную точку зрѣнія историка румынскаго права, важнѣе не столько вопросъ объ этой первоначальной родинѣ, сколько вопросъ объ источникахъ и преобладающихъ элементахъ румынскаго обычнаго права.

Отмѣтимъ главные пункты, которыхъ касается разысканіе нашего автора.

Характеризуя „*jus valachicum*“, онъ съ особенною подробностію останавливается на институтѣ князей (*knez, keneziatu*) и на податной системѣ *quingagesima* (подать 1 овцы на 50 шт.), спеціальной принадлежности валашскаго права въ Угріи. Признавъ существованіе этихъ учреждений не только въ Трансильваніи, но и въ княжествахъ, г. Пичъ приходитъ къ заключенію, что у румынъ угорскихъ, какъ на своей родной почвѣ, они могли удержаться, тогда какъ въ княжествахъ они подверглись влияніямъ быта сосѣднихъ народностей (конечно, славянскихъ) и переродились. Интересно то, что онъ говоритъ о распространеніи у румынъ десятинной подати и о путяхъ, какими она къ нимъ проникла. Далѣе, г. Пичъ останавливается на достоинствѣ румынскихъ воеводы, господаря или господина, бана—все учреждений и терминовъ славянскаго происхожденія,—на административномъ раздѣленіи княжествъ, гдѣ угорскимъ комитатамъ соотвѣтствуютъ *volost* въ Молдавіи (съ подраздѣленіемъ на *ocols*) и *sudstvo* въ Валахіи (съ дѣленіемъ на *plasy*), на административномъ центрѣ этихъ единицъ—градѣ и отношеніяхъ къ нему земли и селеній, и проч. Славянскій духъ и даже названія всѣхъ этихъ учреждений не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что прежняя славянская организація въ Молдавіи и Валахіи съ наплывомъ румынъ не исчезла вмѣстѣ съ славянскимъ населеніемъ, а къ ней приспособился новый элементъ и далъ ей возможность сохраниться. Тутъ же разсматриваются еще термины *капитана* и *жулана*, на сколько они были въ употребленіи у румынъ.

На основаніи всего этого г. Пичъ дѣлаетъ общій выводъ о румынской администраціи, что она, опираясь въ принципѣ на *jus valachicum*, подверглась рѣшительному инородному влиянію—вслѣдствіе протяженія румынскаго элемента на славянскую территорію, и что она сохранила еще нѣкоторыя черты угорскаго права. „Но мы не находимъ ничего спеціально-романскаго (римскаго) въ этой администраціи, ничего, что вызывало бы воспоминанія о римской колоніи въ Траановой

Дакія". Такое же отсутствіе римскихъ слѣдовъ замѣчается и въ военной организаціи румынъ, такъ какъ сила римскихъ войскъ состояла въ пѣхотѣ, между тѣмъ какъ румынскія были всегда сильнѣе конницей. Наконецъ, то же явленіе авторъ констатируетъ и въ румынскомъ семейномъ быту и семейныхъ отношеніяхъ и обычаяхъ, а именно въ правахъ владѣнія и наслѣдства. „Такой же контрастъ существуетъ“, замѣчаетъ онъ,—„между національнымъ римскимъ характеромъ и семейною организаціей у румынъ“. Въмѣсто римскаго обычая дѣленія наслѣдства между членами семьи послѣ смерти отца (*pater familias*)—у румынъ, особенно въ княжествахъ, всегда господствовали начала славянской задруги, то-есть, общинное владѣніе наслѣдствомъ подъ главенствомъ одного (обыкновенно старшаго) брата. Лишь въ новѣйшее время этотъ порядокъ постепенно уступаетъ передъ обычаемъ раздѣла наслѣдства. Однакоже г. Пичъ встрѣчалъ самъ въ различныхъ мѣстностяхъ румынской территоріи слѣды старыхъ общинныхъ порядковъ, которые наблюдались въ старину во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ; поучительно и то, что во всѣхъ дѣлахъ наслѣдства стараются обходиться безъ вмѣшательства властей, которыя вступаются лишь въ случаѣ раздора. Всѣ эти элементы стараго обычнаго права, почерпнутые г. Пичемъ изъ его собственныхъ наблюденій, соотвѣтствуютъ вполне, по его свидѣтельству, славянскому обычному праву, какимъ оно является и нынѣ у русскихъ и словаковъ въ Карпатахъ, и какимъ оно оказывается и въ старыхъ памятникахъ. Впрочемъ, слѣды общиннаго владѣнія у румынъ встрѣчаются даже и въ румынскихъ источникахъ.

Замѣчаніями о румынской общинѣ, о круговой поруцѣ и, наконецъ, еще объ одной характерной чертѣ семейнаго быта, а именно обычая похищенія невѣсты, заключаетъ г. Пичъ свое разсказаніе, съ которымъ намъ хотѣлось хотя вкратцѣ познакомить читателей Журнала Мин. Народн. Просвѣщенія.

Если всякій интересующійся предметомъ прочтетъ съ удовольствіемъ и не безъ пользы этюдъ г. Пича, то славистъ—мы увѣрены—особенно порадуетъ, прочтя заключительныя его строки, гдѣ онъ обѣщаетъ посвятить особое и специальное изысканіе условіямъ быта древнихъ славянъ, которое по недостатку мѣста нельзя было включить въ настоящую статью о румынскомъ правѣ. Этою послѣднею заканчивается, по его словамъ, серія его работъ по румынскому вопросу, съ которымъ, впрочемъ, въ тѣсной связи находится предстоящій трудъ, согласно давно уже начертанному плану. Поэтому, „бытовья

условія спеціально румынскія еще будутъ предметомъ обсужденія въ 1-мъ и 2-мъ томахъ новаго сочиненія, уже подготовленнаго и имѣющаго выйти въ свѣтъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ подъ заглавіемъ „Славянскія древности“. Пожелаемъ г. Пичу полного успѣха въ задуманной обширной и не легкой работѣ; одно ея многознаменательное заглавіе, естественно заставляющее сблизать ее съ бессмертнымъ трудомъ Шафарика, принудитъ ученый міръ предъявить ея автору весьма серьезныя требованія... Посмотримъ.

Константинъ Гротъ.

Θουκιδιδῆς. Исторія Πελοποννησιακῆς войны въ восьми книгахъ. Переводъ съ греческаго *Θ. Г. Мищенко*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. Томъ 1. Предисловіе: Θουκιδιδῆς и его сочиненіе. Книги I—IV съ примѣчаніями. Москва. 1887.

Новый трудъ г. Мищенко заслуживаетъ полного вниманія. Образецъ аттическаго діалекта (*χαρὸν φράσεως ἀττικῆς*. Schol. ad. Thuc. 1. 30), Θουκιδιδῆς, какъ извѣстно, отличается, между прочимъ, сжатостію изложенія и обиліемъ мыслей, содержащихся въ относительно наименьшемъ объемѣ періода, такъ что Цицеронъ имѣлъ полное право сказать: *creber est rerum frequentia, ut verborum prope numerum sententiarum numero consequatur* (De or. II. 13). Эти два стилистическія свойства Θουкидидова труда не могутъ не представлять немаловажныхъ затрудненій для добросовѣстнаго переводчика, который обязанъ, съ одной стороны, сохранять своеобразие подлинника, а съ другой—не обязать переводнаго языка, предоставляя полный просторъ его народному духу и законамъ его присущаго строя. Г. Мищенко, уже пріобрѣтшій себѣ извѣстность какъ переводчикъ Страбона и Геродота и какъ авторъ многихъ дѣльныхъ статей по части классической филологіи, и въ настоящемъ своемъ трудѣ снова доказываетъ, что онъ не новичекъ въ предпринятомъ дѣлѣ. Хотя мѣстами можно и не согласиться съ выборомъ переводныхъ формъ, хотя нельзя не пожелать, чтобы почтенный переводчикъ избѣгалъ употребленія терминовъ новѣйшаго времени, изглаживающихъ отбѣнокъ древности (напримѣръ, во II книгѣ гл. 3 „баррикады“, гл. 25 „штурмовать“, гл. 48 „цистерны“, гл. 49 „конвульсій“, гл. 69 „операционный базисъ“ и т. д.) однако въ своей цѣлости переводъ представляетъ собою трудъ, въ высшей степени почтенный, какъ со стороны вѣрности и точности передачи Θουкидидова разказа, такъ и по легкости и плавности рус-

скаго языка. Есть даже мѣста, которыя можно назвать не только удачными, но и образцовыми. Съ особеннымъ искусствомъ, въ виду строя русской рѣчи, г. Мищенко сумѣлъ разбить слишкомъ длинные періоды Фукидида безъ ущерба живости и органической связи переданныхъ мыслей; это умѣнье проявляется преимущественно въ сообщаемыхъ греческимъ историкомъ рѣчахъ, изобилующихъ глубокимъ сѣмъ и сложностью словосочиненія. Къ каждой изъ переведенныхъ донынѣ г. Мищенко четырехъ первыхъ книгъ Исторіи Фукидида приложены объяснительныя примѣчанія содержанія историческаго, географическаго, топографическаго, метрологическаго, этнографическаго и критическаго, однимъ словомъ, примѣчанія, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющія любознательности читателя и облегчающія полное пониманіе текста.

Предисловіе на 131 страницахъ, обнимае разборъ источниковъ біографіи Фукидида и критическое изложеніе самаго жизнеописанія, представляетъ собою ученую статью, заслуживающую вниманія филологовъ. Въ этой статьѣ г. Мищенко подвергаетъ самостоятельной критикѣ біографію Фукидида, составленную Маркеллиномъ, и свидѣнія о великомъ историкѣ, сообщенныя Свидомъ, Анонимомъ и другими, выдѣляетъ изъ общаго матеріала положительныя данныя о жизни Фукидида, разбираетъ вопросъ о времени и порядкѣ составленія Исторіи Пелопоннесской войны, обсуждаетъ достоинства сочиненія, сообщаетъ перечень ученыхъ трудовъ, служившихъ ему основаніемъ для статьи, и заключаетъ переведенными имъ на русскій языкъ извѣстіями древнихъ о Фукидидѣ.

Нельзя не признать трудъ г. Мищенко за цѣнный вкладъ, внесенный въ русскую литературу.

В. Л.

Сборникъ статей по классической древности. Изданіе Кіевского отдѣленія общества классической филологіи и педагогики. Выпускъ III. Кіевъ. 1887.

Третій выпускъ Сборника, издаваемого Кіевскимъ отдѣленіемъ общества классической филологіи и педагогики, содержитъ въ себѣ не мало матеріала, пригоднаго для лицъ, интересующихся древностью. По содержанію своему, статьи, вошедшія въ этотъ выпускъ, относятся почти исключительно къ древностямъ римскимъ и италійскимъ и состоятъ какъ изъ мемуаровъ оригинальныхъ, такъ и изъ очерковъ переводныхъ. Къ первымъ принадлежатъ: 1) Петръ. Этнографическій

очеркъ древней Италіи; 2) Ярышъ. Книжное дѣло у древнихъ грековъ и римлянъ; 3) Турцевичъ. Культъ Весты въ древнемъ Римѣ.

Самую слабую изъ названныхъ статей оказывается вторая — о книжномъ дѣлѣ у древнихъ грековъ и римлянъ, производящая впечатлѣніе какого-то, какъ будто переведеннаго съ французскаго или англійскаго этюда, предназначеннаго для обширнаго круга читателей, и притомъ этюда устарѣлаго. Достаточно сказать, что авторъ не воспользовался трудомъ Бирта *Das antike Buchwesen*, безъ котораго въ настоящее время не можетъ сдѣлать шагу тотъ, кто возьмется говорить о книжномъ дѣлѣ у древнихъ народовъ. На двадцати страницахъ авторъ толкуетъ о писчемъ матеріалѣ, о распространенности книгъ, о библіотекахъ, книгопродавцахъ и т. п., толкуетъ весьма обще и поверхностно, хотя въ матеріалѣ, и притомъ весьма интересномъ, недостатка у него не было. Впрочемъ, и въ такомъ видѣ названная статейка можетъ сообщить первоначальное понятіе о вѣдѣннѣй сторонѣ литературной дѣятельности древнихъ народовъ.

Болѣе серьезна и обстоятельна статья г. Петра: „Этнографическій очеркъ Италіи“. Авторъ ея изучилъ основательно какъ древніе источники, такъ и новую литературу въ главнѣйшихъ ея представителяхъ, начиная съ Нибура и составилъ себѣ самостоятельныя воззрѣнія по отношенію къ вѣкоторымъ частностямъ темы. Но должно сказать, въ такой темной области, какова этнографія доисторическаго періода, воззрѣнія эти не выходятъ за предѣлы предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, и потому врядъ ли могутъ занять прочное мѣсто въ наукѣ. Къ области этихъ предположеній слѣдуетъ отнести пріемъ этимологизаціи собственныхъ именъ, преимущественно названій народностей и мѣстностей, практикуемый авторомъ весьма широко и служащій для него однимъ изъ способовъ внести свѣтъ туда, гдѣ, за давностью времени и недостаткомъ источниковъ, господствуетъ мракъ. Какъ ненадеженъ этотъ пріемъ, особенно тогда, когда, кромѣ этимологии, у насъ не существуетъ никакихъ другихъ подспорій къ разъясненію этого мрака, видно хотя бы изъ объясненія (на стр. 4) названія Италіи, которое авторъ безъ дальнѣйшихъ колебаній признаетъ за слово одного корня съ (F)italós, vitulus и объясняетъ, какъ страну богатую скотомъ. Какъ однако неопредѣленная и ненадежна эта этимологизація, видно изъ цѣлой литературы этого вопроса (новѣйшій ея сводъ сдѣланъ у Ниссена: *Italische Landeskunde*, книга, въ данномъ вопросѣ капитальная, которою, къ сожалѣнію, весьма мало воспользовался г. Петръ), до сихъ поръ остающагося еще открытымъ.

Подобнаго же свойства и другія этимологическія попытки, въ родѣ производства слова *Massalia* отъ *massos* и *aktia* (*aktia*), одна, *Latium* изъ *Platium*, и т. п. Другое замѣчаніе, также методическаго характера, вызываетъ отношеніе автора къ показаніямъ древнихъ источниковъ; г. Петръ смотритъ на ихъ сообщенія черезъ мѣру довѣрчиво, позабывая, что въ области этнографіи и до-исторической археологіи древніе авторы руководились, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не строго проверенными фактами, а измышленными теоріями, въ которыхъ не возможно различить истину отъ вымысла, достаточно упомянуть о такъ-называемой пелазгической теоріи и о тѣхъ недоразумѣніяхъ, къ которымъ по необходимости пришли слишкомъ довѣрчивые изслѣдователи новаго времени, раздѣлявшіе ее, чтобы убѣдиться, какъ мало можно довѣрять показаніямъ древнихъ и съ какою строгостью должно къ нимъ относиться. Не мало возраженій можно сдѣлать и по поводу отдѣльныхъ частныхъ статьи г. Петра (напримѣръ, на стр. 20, названіе Квинтилиана Квинктилемъ; на стр. 45 упоминаніе о какой-то рукописи Траяна) (у Priscian. цитата: *Trajanus in I Dacisogum*), цитованіе латинской надписи по „Древностямъ“ Шафарика вмѣсто *Corpus Inscriptionum Latinarum*; названіе дорожника Антонина итинераріемъ Антонія, и т. д.). Тѣмъ не менѣе, въ статьѣ этой должно признать почтенную попытку ознакомить читателей съ одною изъ любопытнѣйшихъ страницъ жизни древней Италіи.

Статья г. Турцевича „Культъ Весты въ древнемъ Римѣ“, представляющая начало обширной монографіи, посвященной вопросу, который особенно сталъ интересовать археологовъ въ недавнее время, благодаря блестящимъ открытіямъ, сдѣланнымъ въ 1883 и 1884 годахъ на неистощимой въ археологическомъ отношеніи почвѣ древняго Рима, интересна и поучительна. Систематическія раскопки римскаго форума и прилежащихъ къ нему мѣстностей, которыя производитъ италіанское правительство подъ руководствомъ и надзоромъ такихъ специалистовъ-археологовъ, какъ Фіорелли и Ланчіани, привели, между прочимъ, къ открытію такъ-называемаго *atrium Vestae* или помѣщенія Весталокъ и множества какъ интереснѣйшихъ надписей, касающихся этихъ жрицъ, такъ и другихъ предметовъ, иллюстрирующихъ исторію этой коллегіи, ея помѣщенія и храма богини, покровительницы Рима. Не удивительно поэтому, что археологическая литература за два послѣдніе гола обогатилась мемуарами и статьями, посвященными Вестѣ, ея культу, храму и жрицамъ. Изъ этой литературы особеннаго вниманія заслуживаютъ монографіи Ланчіани „*L'atrio di Vesta*“ (1884) и

недавно скончавшагося кенигсбергскаго профессора Иордана: „Der Tempel der Vesta und das Haus der Vestalinnen“. Въ виду сказаннаго интереса, возбуждаемаго вопросомъ, а также отсутствія въ русской литературѣ не только обзорѣнія недавнихъ открытій, но и вообще монографій о Вестѣ и ея культѣ, появленіе статьи г. Турцевича представляется весьма благовременнымъ. Общее впечатлѣніе, которое производитъ помѣщенное въ III выпускѣ Сборника начало его монографіи, удовлетворительно: авторъ добросовѣстно воспользовался тѣмъ, что существуетъ въ иностранныхъ ученыхъ литературахъ по разбираемому вопросу, и притомъ какъ сочиненіями старинными, такъ и недавно появившимися; изъ нихъ, равно какъ и изъ древнихъ авторовъ, онъ извлекъ то, что относилось къ его темѣ, и изложилъ это съ должною обстоятельностью. Правда, нерѣдко она переходитъ границы и становится утомительно излишнею, но это, какъ можно думать, находитъ себѣ объясненіе въ увлеченіи автора своею темой, которая, дѣйствительно, весьма интересна, такъ какъ затрагиваетъ многія и притомъ существенныя стороны римской жизни. Другимъ недостаткомъ статьи г. Турцевича мы поставимъ неясность и неловкость изложенія, доходящія до того, что мѣстами несовсѣмъ понятно, что хотѣлъ сказать авторъ. Впрочемъ, такихъ мѣстъ немного, также какъ немного и такихъ частностей, которыя представляются неточными или невѣрными, въ родѣ того, что Фирмикъ Матернъ, жившій въ IV вѣкѣ, отнесенъ къ XIV в. на стр. 174 и др. Вообще же статья г. Турцевича прочтется съ пользою всякимъ, интересующимся древне-римскимъ культомъ и религіей.

Переводныхъ статей въ III томѣ Сборника одна—Гастона Буассье: „Вилла Гадріана“. Это отрывокъ изъ его труда: *Promenades archéologiques*, оцененнаго критикою по достоинству: рѣдкій даръ популяризаціи, соединенной съ прекраснымъ знаніемъ предмета и увлекательностью изложенія, составляютъ отличительныя достоинства книги Буассье, выдержавшей нѣсколько изданій. Выбравъ для перевода статью о Тибуртинской виллѣ Адріана, редакція Сборника поступила основательно, потому что статья эта знакомитъ читателя съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и характернѣйшихъ памятниковъ римской культуры императорскаго періода. Къ сожалѣнію, переводъ статьи не проредактированъ надлежащимъ образомъ, вслѣдствіе чего „Римская Кампанья“ переводится черезъ „деревня (стр. 103), inscriptions—черезъ „описаніе“ (стр. 106), Овидіевы *Fasti* цитуются въ формѣ *Fastes* (стр. 145) и др.

Въ заключеніе, считаю нужнымъ замѣтить, что корректура III выпуска Сборника весьма неудовлетворительна, и онъ переполненъ опечатками.

И. П—скій.

ОПИСАНІЕ КНИГЪ И АКТОВЪ Литовской Метрики. Составилъ метрикантъ С. Л. Птажицкій. С.-Пб. 1887.

Появленіе въ печати описанія книгъ и актовъ Метрики Литовской, содержащей въ себѣ массу драгоцѣннѣйшаго матеріала по множеству не обследованныхъ вопросовъ исторіи и правъ Южной и Западной Россіи, будетъ встрѣчено, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ всѣми лицами, которымъ, по опыту извѣстно, какъ скудны здѣсь матеріалы даже за конецъ XV и начало XVI в., не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ.

Со времени учрежденія въ 1835 г. центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ, каждый изъ этихъ архивовъ, въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, обнаруживалъ опись хранящихся въ ономъ документовъ; одни лишь старѣйшіе архивы: Метрика Литовская и Метрика Коронная, оставались до сихъ поръ въ долгу передъ публикою. Теперь мы имѣемъ метрическую опись; желательно, чтобъ и главный архивъ царства Польскаго нашелъ возможнымъ познакомить ученыхъ со своими актовыми книгами. Надо полагать, что всѣ, интересующіеся судьбою Польши и сопредѣльныхъ съ нею русскихъ и нѣмецкихъ земель, были бы весьма благодарны, еслибы была напечатана съ весьма незначительными поправками, хотя бы та опись Коронной Метрики, которая была составлена еще въ 1840 году Я. В. Бандтке, Стенчинскимъ и Ф. Бенковскимъ, но почему-то была отлитографирована тогда только въ количествѣ 20 экземпляровъ. Перейдемъ однако къ „Описанію Метрики Литовской“.

Описаніе это распадается на два отдѣла; въ первомъ приводятся общія свѣдѣнія о Метрикѣ, то-есть, исторія оной въ Литвѣ и въ Петербургѣ, опредѣляется составъ ея книгъ и указывается на занятія Метрики. Второй отдѣлъ составляетъ инвентарь актовыхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ на бумагѣ и пергаментѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: книги записей, судныхъ дѣлъ, публичныхъ дѣлъ, переписей, выписей, книги актовъ снабженныхъ государственною печатью (sigillata), книги непремѣннаго совѣта и дѣла новѣйшаго производ-

ства, инвентари, новыя книги, древніе акты, родословныя, межевыя карты; всего около 1,000 книгъ и около 500 отдѣльных документовъ. Эти группы книгъ и актовъ приняты официальной описью 1835 г., и съ нею мы встрѣчаемся въ извѣстномъ, но крайне недостаточномъ инвентарѣ Метрики Литовской, напечатанномъ Даниловичемъ въ видѣ приложенія къ чрезвычайно нынѣ рѣдкой „Книгѣ Посольской Метрики Литовской“ (Москва. 1844). Официальная опись 1835 г. была составлена довольно поверхностно: не говоря о чемъ-либо иномъ, укажемъ лишь на тотъ фактъ, что не только нумерація актовыхъ книгъ произведена сплошь и рядомъ неудовлетворительно, но весьма многія актовыя книги оставлены вовсе не нумерованными. Отдѣлъ книгъ „новыхъ“, совершенный хаосъ случайно соединенныхъ, разнородныхъ по времени и характеру, документовъ, есть также одно изъ произведеній комиссіи 1835 г. Трудно поэтому ожидать, чтобы эта комиссія составила опись сколько-нибудь удовлетворяющую требованіемъ науки. Объясненія, приложенныя Даниловичемъ къ напечатанному имъ инвентарю Метрики Литовской и Коронной (заимствованному отчасти изъ описи 1835 г., а частью изъ свѣдѣній Скорохода-Маевского отъ 1814 г.), крайне скудны и не всегда точны. Поэтому опись С. Л. Пташицкаго, сравнительно съ существовавшими ранѣе отличается слѣдующими крупными достоинствами: 1) Описи документовъ предпослано обширное историческое введеніе, основанное, главнымъ образомъ, на документахъ изъ Метрики Литовской, и наиболѣе важные изъ этихъ документовъ помѣщены въ особомъ приложеніи. 2) Списокъ актовыхъ книгъ сопровождается повсюду точнымъ обозначеніемъ: содержаніе каждой отдѣльной книги—справкой о томъ, подлинная ли это книга или же копія, и наконецъ, оглавленія книги, книги, содержащія въ себѣ какой-либо характерный фактъ, напримѣръ, извѣстіе о возшествіи на престолъ великаго князя, назначеніе канцлера и т. п., или же иныя какія-либо политическія свѣдѣнія, приведены цѣликомъ. 3) Возстановлена, рядомъ съ петербургскою нумераціей, старинная варшавская, что даетъ возможность провѣрять ссылки польскихъ историковъ. 4) Самый древній отдѣлъ Метрики, а именно: пергаменты, получили впервые въ трудѣ г. Пташицкаго опись, удовлетворяющую вполне научнымъ требованіямъ. Такимъ образомъ, трудъ г. Пташицкаго, въ виду всего вышеуказаннаго, заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ интересующихся прошлыми судьбами Литовской Руси.

С. Б.

Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Томъ первый. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. Н. Багалъя. М. 1887.

Объемистое изслѣдованіе проф. Багалъя, посвященное предмету весьма любопытному и притомъ весьма важному для уясненія многихъ сторонъ исторіи нашего Юга, составляетъ только видоизмѣненіе и развитіе темы, которой г. Багалъй уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ свои труды съ похвальнымъ усердіемъ. Еще недавно онъ издалъ томъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“, и вотъ теперь, дополняя эти „Матеріалы“ и расшаряя, на томъ же основаніи, кругъ своего наблюденія и изученія, онъ выпускаетъ въ свѣтъ изслѣдованіе по вопросу о заселеніи южно-русскихъ степей.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, между прочимъ, что онъ взялъ предметомъ своего изученія не всю степную окраину, а только часть ея, „лежащую на пограничьи донскаго и днѣпровскаго бассейновъ“ и занимающую нынѣшнія Воронежскую, Курскую и Харьковскую губерніи. „Важность и интересъ вопроса“, говоритъ г. Багалъй, — и отсутствіе изслѣдованія, которое удовлетворяло бы требованіямъ современной науки, побудили меня взяться за эту тему. Нечего доказывать, какое громадное значеніе въ наукѣ русской исторіи имѣетъ вопросъ о колонизаціи вообще (это достаточно выяснено С. М. Соловьевымъ, К. Н. Бестужевымъ-Рюминимъ и Ешевскимъ). Врядъ ли кто-нибудь будетъ отрицать также и то, что въ настоящее время мы еще далеки отъ рѣшенія этого вопроса. Только тогда удастся рѣшить его во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія разныхъ областей нашего обширнаго отечества, а теперь у насъ нѣтъ еще и исторіи заселенія самихъ важныхъ изъ нихъ“ и т. д. Вообще въ своемъ весьма обширномъ предисловіи, авторъ безразлично употребляетъ то слово „колонизація“, то слово „заселеніе“, и этимъ невольно наводитъ на мысль о томъ, что заглавіе его книги не вполне соответствуетъ ея содержанію, такъ какъ авторъ, по видимому, не достаточно уяснилъ себѣ то внутреннее различіе, какое существуетъ между колонизаціей и заселеніемъ (или даже переселеніемъ). Приступая къ разбору книги г. Багалъя, постараемся прежде всего уяснить себѣ эту разницу въ понятіяхъ близкихъ, но далеко не на столько тождественныхъ, чтобы возможно было допустить свободную замѣну одного изъ нихъ другимъ.

Колоніей, въ строгомъ смыслѣ слова, можетъ быть названо по-
часть ССЛП, отд. 2.

селеніе, основываемое государствомъ (или народомъ) внѣ его предѣловъ, далеко за его предѣлами, и притомъ непремѣнно среди другаго, чуждаго народа; но едва ли можно примѣнить названіе колоній къ тѣмъ селеніямъ, починкамъ и сторожамъ, которые тотъ или другой народъ постепенно выдвигаетъ за свой рубежъ, въ сторону пустаго, никѣмъ не заселеннаго и никому не принадлежащаго „дикаго поля“. О славяно-русскихъ племенахъ, двигавшихся съ юго-запада внутрь земель, заселенныхъ издавна осѣвшими финскими народцами, можно сказать, что они колонизовали сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси; Вятку можно назвать новгородскою колоніей; еще правильнѣе будетъ называть русскими колоніями поселенія не красовцевъ въ Турціи или молочанъ въ Закавказьи. Но можно ли назвать „колонизаціей“ поступательное движеніе нашей Оренбургской линіи внутрь азіатской степи или даже массовое переселеніе крестьянъ изъ густо-населенныхъ мѣстностей на пустопорожнія земли? Можно ли примѣнить названіе колонизаціи къ переселенію малоруссовъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый или къ передвиженію смѣшаннаго великорусскаго и малорусскаго населенія съ Бѣлогородской пограничной черты на Украинскую линію? На подобные вопросы съ полною увѣренностью слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Еще менѣе возможно допустить такой терминъ, какъ колонизація степи,—а г. Багалъй употребляетъ его очень часто, и только потому, что между словами колонизація и заселеніе не чувствуетъ существенной разницы. Неопредѣленность этихъ понятій въ представленіи автора особенно рѣзко обнаруживается въ заключительныхъ строкахъ его предисловія, гдѣ слова: „переселеніе“, „заселеніе“ и „колонизація“ чередуются, очень не кстати замѣняя другъ друга. „Я старался“, говоритъ г. Багалъй,—„возможно болѣе выяснить роль правительства въ заселеніи южной степной окраины... Но не всегда колонизація носила государственный характеръ; нерѣдко правительство являлось только силою направляющею и регулирующею, а инициатива переселеній принадлежала народной массѣ. Эта народная колонизація“ и т. д.

Еще два слова о заглавіи. Книга г. Багалъя носитъ на своей оберткѣ два заглавія: одно общее и другое, въ частности принадлежащее только первому тому изслѣдованія, нынѣ изданному. Общее заглавіе: „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта“ и т. д. Частное— „Исторія колонизаціи“. Изъ этого можно предположить, что частнымъ заглавіемъ втораго тома будетъ „Исторія быта“. А между

тѣмъ, болѣе трети нынѣ изданнаго тома посвящено быту. О чемъ же собирается авторъ говорить во второмъ томѣ? Къ сожалѣнію, въ предисловіи, онъ совершенно обходитъ этотъ вопросъ и оставляетъ читателя при однихъ догадкахъ.

Вся книга г. Багалѣя раздѣлена на пять главъ, неравномѣрныхъ по объему: между тѣмъ какъ первая глава содержитъ въ себѣ всего 36 страницъ, главы IV и V заключаютъ въ себѣ почти по 200 страницъ.

Первая глава „Очерковъ“ исключительно посвящена топографическому и естественно-историческому описанію южной степи и лежащихъ въ ней путей; она составлена живо и интересно. Собственно исторія заселенія южно-русской окраины начинается со второй главы. Здѣсь авторъ возводитъ насъ ко временамъ Іоанна Грознаго, Ѳедора Іоанновича и Бориса Годунова и старается дать по возможности полный обзоръ того, что было сдѣлано въ эти царствованія для заселенія и охраны южныхъ окраинъ Русскаго государства до наступленія эпохи Смутнаго времени, разстроившаго всякія начинанія и перепутавшаго всѣ отношенія. Здѣсь посвящается страницъ 20 весьма обстоятельному обзорѣнію „роста Московскаго государства на окраинахъ“, при чемъ авторъ знакомитъ читателя съ богатѣйшими матеріалами „бѣлгородскаго стола“, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи; но затѣмъ онъ вдругъ самъ начинаетъ разбивать свою работу, увѣряя, что „на основаніи имѣющихся матеріаловъ мы не можемъ отвѣтить даже на такой существенный вопросъ—на сколько заселена была до Алексѣя Михайловича „польская“ (то-есть, степная) украина“. Послѣ того г. Багалѣй переходитъ къ разбору мнѣній относительно заселенности южной степи послѣ татарскаго погрома. „Обыкновенно полагаютъ“, говоритъ г. Багалѣй,—„что послѣ Батыева нашествія южная Русь совершенно запустѣла; но это мнѣніе въ значительной степени зиждется на недоразумѣніяхъ,... большая часть княжествъ Чернигово-Сѣверской земли и послѣ Батыева нашествія сохраняетъ свою политическую независимость;... прежнее населеніе Черниговской и Курской губерній не исчезло послѣ монгольскаго нашествія;... не всѣ города Черниговской губерніи обратились въ городища, а села въ селища;... многіе сохранили свое населеніе и продолжали существовать подъ тѣми же именами въ XVI, XVII и XVIII вв.... Такъ, до нашихъ дней сохранились многіе памятники еще домонгольской старины въ городахъ Черниговѣ и Любечѣ. Черниговскій Спасо-Преображенскій соборъ, пре-

восходящій древностью Софію Кіевскую (?) и Новгородскую, и въ настоящее время въ архитектурѣ своей сохраняетъ стиль стариннаго" (стр. 63) и т. д. Итакъ, г. Багалъй склоняется къ мнѣнію, нынѣ впрочемъ общепринятому, что татарское нашествіе не совершенно опустошило южную Русь; рядомъ съ такимъ заключеніемъ, онъ однако признаетъ, что „слабое заселеніе польской украины объясняется географическимъ положеніемъ на границѣ съ Татаріей“, и что „исключительно отъ татарскихъ отношеній зависѣло распространеніе русскаго владычества и колонизаціи въ южномъ и юго-восточномъ направленіи“. Положенія эти такъ справедливы и такъ естественны, что, конечно, не могутъ быть оспариваемы. Но г. Багалъй самъ впадаетъ съ собою въ противорѣчіе, когда добавляетъ къ только что высказанному: „Между тѣмъ какъ западная и юго-западная границы прилегали къ Литвѣ и могли расширяться только путемъ завоеваній, южная и юго-восточная—прилегали къ пустымъ, не заселеннымъ степямъ, которыя не принадлежали никому; слѣдовательно, воевать за нихъ также не нужно было ни съ кѣмъ. Но (!) распространенію государства въ эту сторону все-таки (?) противодѣйствовало господство татаръ“. Изъ дальнѣйшаго оказывается даже, что многовѣковая борьба съ этимъ „господствомъ“ татаръ была хуже всякой войны и служила препятствіемъ въ такой степени серьезнымъ и важнымъ, что побѣдить его, при относительно-незначительныхъ средствахъ могло только историческое упорство русскаго человѣка и устойчивость центральной власти.

Вслѣдъ за этими разсужденіями, не свободными отъ значительныхъ противорѣчій, г. Багалъй вставляетъ во вторую главу обширное и подробное описаніе быта и жилищъ Крымской орды. Это описаніе составлено очень добросовѣстно, но не представляетъ ничего новаго по общензвѣстности источниковъ, точно также какъ и весьма подробное описаніе станичной и сторожевой службы, также втиснутое въ средину той же главы и порывающее нить связнаго изложенія фактовъ. Подводя итоги тому, что было высказано о сторожевой и станичной службѣ, г. Багалъй, на стр. 107 и 108, справедливо замѣчаетъ, что „сторожа и станичники были, такъ-сказать, авангардомъ русской колонизаціи и гражданственности“. Должно однако замѣтить, что такому выводу автора противорѣчитъ слѣдующее затѣмъ замѣчаніе, что „станичники и сторожа были только временными путешественниками (?) въ этихъ мѣстахъ“, и что только „постоянное населеніе могло упрочить за государствомъ эти степи и оградить его отъ татарскихъ ордъ“.

Переходя къ обзору того, что сдѣлано было Московскимъ государствомъ для заселенія южной окраины, г. Багалъй разсматриваетъ подробно составъ населенія, избираемаго преимущественно изъ низшихъ разрядовъ служилыхъ (такъ-называемыхъ приборныхъ) людей, а затѣмъ излагаетъ подробно тѣ мѣры, которыя правительство принимало для упроченія поселеній среди благодатной и плодородной, но все же дикой степи, помогая поселенцамъ и деньгами, и сѣменами, и раздачей оружія, и различными льготами. Затѣмъ г. Багалъй обращаетъ вниманіе на монастыри, возникавшіе на южной окраинѣ и, стараясь уяснить ихъ важное значеніе, говоритъ между прочимъ (стр. 116): „Религіозное чувство тогдашняго русскаго человѣка было столь сильно, что на отдаленныхъ окраинахъ государства, на самомъ пограничьи со степями, стали возникать монастыри. Церкви появились въ городахъ уже въ моментъ ихъ основанія — иногда одна, а иногда сразу даже двѣ, особенно это было въ Цареборисовѣ. Съ теченіемъ времени количество ихъ постоянно возросло. Выѣстъ съ тѣмъ возникали и монастыри“ и т. д. Мы не совсѣмъ понимаемъ, почему авторъ считаетъ возможнымъ сопоставлять появленіе церквей въ новопостроенныхъ городахъ съ возникновеніемъ монастырей на окраинѣ; это послѣднее вызывалось не только желаніемъ создать „тихое пристанище“, какъ это думаетъ г. Багалъй, но и стремленіемъ къ духовному подвижничеству, которое искони было присуще русскому человѣку и проявилось въ столькихъ высоко-нравственныхъ и прекрасныхъ типахъ въ средѣ русскаго монашества. Что именно подвижничество лежало въ основѣ многихъ монастырскихъ общинъ, возникавшихъ на нашей южной окраинѣ, это видно изъ того, что монастыри на Дону основывались далеко за чертой какихъ бы то ни было сторожей¹⁾, и что однимъ изъ главныхъ побужденій къ основанію ихъ служило желаніе подвижниковъ устроить вблизи татарскихъ поселеній надежный пріютъ и перепутье для бѣглыхъ изъ татарскаго полона.

„Если мы вспомнимъ, какъ много русскихъ украинскихъ людей—мужей, женъ и дѣтей—погибало на войнѣ и захватывалось въ плѣнъ“ говоритъ г. Багалъй,—„то поймемъ, откуда появлялись въ убогіе на первыхъ порахъ монастыри монахи и монахини; война непрерывно

¹⁾ Преданіе мѣстное указываетъ на то, что извѣстный Свитогорскій монастырь на Донѣ существовалъ еще въ началѣ XV в. Не мѣшаетъ замѣтить, что ильмовыя горы, не только у этой обители, но и въ другихъ мѣстахъ по рѣкѣ Донцу (напримѣръ, въ Павловскѣ) изрыты кельями отшельниковъ, очевидно, весьма древними.

разрушала семьи, вырывала изъ нихъ то отца, то мать, то сыновей, то дочерей" (стр. 116—117). Замѣчаніе это вѣрно и обосновано авторомъ на фактическихъ данныхъ. Но появленіе монастырей на южной окраинѣ въ качествѣ „тихаго пристанища“ для „состарѣвшихся военовъ“ и для „женъ, лишившихся мужей“ вовсе не было исключительно мѣстнымъ явленіемъ. Монастыри не только на южной окраинѣ, но и на другихъ, совершенно противоположныхъ окраинахъ государства. имѣли въ XVII в. значеніе богадѣльныхъ пріютовъ для старыхъ и увѣчныхъ военовъ. Въ подтвержденіе этого можемъ припомнить помѣщенныя въ „Актахъ Историческихъ“ челобитныя отставныхъ псковскихъ стрѣльцовъ о принятіи ихъ въ какой-либо Псковскій монастырь безъ вклада, за 50-тилѣтнюю службу и бытность во многихъ походахъ ¹⁾. Въ концѣ главы г. Багалѣй указываетъ на заботы центрального правительства о развитіи мѣстныхъ промысловъ на южной окраинѣ. справедливо замѣчая, что правительство здѣсь „являлось и сельскимъ хозяиномъ, и промышленникомъ въ интересахъ заселенія своей украины“ (стр. 131); а затѣмъ приводитъ факты о попыткахъ поселенія и эксплуатаціи степныхъ промысловъ со стороны вольныхъ людей, являвшихся (въ очень незначительномъ количествѣ) на самой южной окраинѣ во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка.

Мы не безъ намѣренія остановились нѣсколько подробнѣе на разборѣ содержанія одной изъ главъ изслѣдованія г. Багалѣя. Дѣло въ томъ, что и всѣ остальные главы построены въ книгѣ г. Багалѣя по тому же плану. Каждая глава, по отношенію къ описываемой ею эпохѣ, повторяетъ то же, что было высказано объ эпохѣ предшествующей, и вслѣдствіе того является масса повтореній, невольныя возвращенія къ сказанному выше и совершенно излишняя растянутасть. Наиболѣе стройною по своей архитектоникѣ представляется глава третья, заключающая въ себѣ очеркъ первоначальнаго переселенія малороссіянъ въ Московское государство до Алексѣя Михайловича. Поводы, побуждавшіе малороссіянъ къ переселенію и тонкая, превосходная политика Московскаго государства, подготовившая въ послѣдствіи присоединеніе всей Малороссіи къ Россіи, изложены г. Багалѣемъ очень ясно и обстоятельно. Только одно мѣсто въ этой главѣ остается для насъ совершенно темнымъ. А именно на стр. 152 г. Багалѣй говоритъ: „Въ царствованіе Бориса Годунова черкасы (то-есть, малороссіяне)

¹⁾ Дополненія къ Акт. Историческ., т. XII, № 13, стр. 107.

должны были по прежнему являться въ государевы украинны на томъ престомъ основаніи, что и при Ѳеодорѣ Ивановичѣ правителемъ государства, въ сущности, былъ уже Борисъ. Затѣмъ мы знаемъ, съ какими симпатіями онъ относился къ иноземцамъ (?), а къ числу таковыхъ принадлежали въ то время и черкасы^а. Почему г. Багалій думаетъ, что Борисъ Годуновъ относился къ черкасамъ съ симпатіями именно какъ къ иноземцамъ, а не просто какъ къ переселенцамъ съ литовско-польскаго рубежа,—этого мы не беремся рѣшить.

Но если глава III можетъ быть названа наиболѣе стройною изъ всѣхъ пяти главъ изслѣдованія, то двѣ послѣднія главы, IV и V, занимающія болѣшую половину книги (374 страницы), представляютъ собою только подборъ, а вовсе не обработку научнаго матеріала. Первая изъ нихъ опять-таки посвящена русской государственной колонизаціи со времени Алексѣя Михайловича (до половины XVII вѣка), а послѣдняя—малорусской колонизаціи за тотъ же самый періодъ. Уже изъ этого распредѣленія матеріала съ перваго же взгляда становится ясно, что изслѣдователь долженъ неизбежно придти къ повтореніямъ и изложенію чисто отрывочному. Авторъ не довольствуется тѣмъ, что вводитъ въ текстъ своего изслѣдованія разказы о походахъ русскихъ и малорусскихъ людей въ плѣну у татаръ, но вноситъ на страницы своей книги то сокращеніе записокъ Манштейна, то сокращеніе записокъ барона Тотта, то цѣликомъ приводитъ цѣлый статейный списокъ посольства въ Крымъ, то посвящаетъ десятки страницъ на описаніе постройки Украинской линіи и творившихся при этомъ злоупотребленій, то вноситъ дословно проектъ Юрія Крижанича о необходимости завоеванія Крыма и т. д. Рядомъ съ подробнымъ и многословнымъ описаніемъ малозначущихъ эпизодовъ, описанію крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына авторъ нашелъ возможность удѣлить только четыре страницы, на половину заимствованныя изъ статьи г. А. Востокова (Кіевская Старина, 1886 г.), на половину—изъ исторіи Соловьева. При этомъ, г. Багалій черезъ-чуръ легко относится къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя пришлось преодолевать Голицыну при походѣ черезъ степь съ нестройнымъ стотысячнымъ войскомъ и при весьма явномъ недоброжелательствѣ и лукавствѣ гетмана Самойловича.

Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ концѣ своего обширнаго изслѣдованія, изложены имъ всего на двухъ страницахъ; и должно сказать, что они представляютъ собою скорѣе группировку фактическихъ

данныхъ, нежели результаты, истекающіе изъ ихъ научной разработки. Главный выводъ не сдѣланъ авторомъ; онъ оставляетъ безъ отвѣта самый существенный вопросъ: кто же заселилъ степи нашего юга, кто внесъ въ нихъ первые начатки гражданственности, кто постепенною и тяжелою трехвѣковою работою обратилъ дикое поле въ одну изъ важнѣйшихъ частей государственнаго организма? Г. Багал'ѣй отвѣчаетъ: русскіе служилые люди, направляемые государствомъ, монастыри и вольные великорусскіе и малорусскіе колонисты, по отношенію къ которымъ „центральное правительство играло менѣе видную роль, чѣмъ по отношенію къ великорусскимъ колонистамъ“ (стр. 571). При этомъ г. Багал'ѣй спѣшитъ оговориться, что онъ „съ одинаковымъ вниманіемъ, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, симпатій или антипатій, изучалъ ту и другую (то-есть, малорусскую и великорусскую) колонизацію, такъ какъ глубоко убѣжденъ, что въ историко-этнографическихъ изслѣдованіяхъ необходима полная объективность“ (стр. XVI). Мы находимъ эту оговорку почтеннаго автора совершенно излишнею. Предметъ, избранный имъ для изслѣдованія, исторія заселенія нашего южнаго степнаго пространства, самъ по себѣ уже вынуждаетъ автора къ объективности, потому что безпристрастный изслѣдователь не можетъ, въ данномъ случаѣ, стать на сторону ни малорусской, ни великорусской народности. Великій подвигъ заселенія южно-русскихъ окраинъ не могъ быть совершенъ ни малорусскимъ, ни великорусскимъ народомъ, еслибы не существовала прочно установившаяся организація Московскаго государства, превосходно понимавшаго духъ и характеръ русскаго народа и неуклонно стремившагося къ достиженію весьма опредѣленныхъ цѣлей. Польша не создала Малороссію и не могла стать во главѣ колонизаціоннаго движенія, тяготѣвшаго къ югу: въ этомъ сознается и г. Багал'ѣй; Московское государство приняло разбитую, разрозненную, истощенную и ограбленную Малороссію, замкнуло ее въ составъ своего государственнаго организма и воспользовалось малорусскимъ народомъ, какъ однимъ изъ прекрасныхъ элементовъ для колонизаціи южнаго степнаго пространства.

Мы высказали о книгѣ г. Багал'ѣя нѣсколько замѣчаній довольно строгихъ: но это не значитъ, чтобы мы не цѣнили его труда; напротивъ, мы признаемъ за книгою г. Багал'ѣя одно большое достоинство: она содержитъ въ себѣ очень полный и подробный сводъ матеріала по вопросу, положенному въ основу изслѣдованія. Та часть сочиненія, которая основана на неизданномъ архивномъ матеріалѣ, пред-

ставляетъ особенный интересъ. За все это, конечно, г. Багалъю будутъ благодарны тѣ ученые, которые по его слѣдамъ пойдутъ въ ту же любопытнѣйшую, и все еще мало разъясненную область нашей исторической науки.

И. И. — вѣ.

Второе Хожденіе Трифона Коробейникова.

Въ вышедшей недавно первой на текущій годъ книжкѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ напечатано, между прочимъ, „Второе Хожденіе Трифона Коробейникова“ съ предисловіемъ С. О. Долгова. Г. Долговъ, уже извѣстный русскимъ палестинологамъ открытіемъ древне-русского перевода сочиненія голландскаго писателя Адрихомя, сообщилъ на этотъ разъ о новомъ памятникѣ изъ области палестинской же литературы: онъ впервые обнародовалъ въ печати не изданное до сихъ поръ сочиненіе Трифона Коробейникова, писателя конца XVI вѣка, именно—его Описаніе пути отъ Москвы до Царьграда включительно. Памятникъ довольно любопытный, какъ со стороны пройденнаго Коробейниковымъ пути, такъ и по нѣкоторымъ подробностямъ въ описаніи городовъ волошскихъ и турецкихъ, а также Царьграда. Г. Долговъ при изданіи памятника воспользовался тремя извѣстными ему списками XVII вѣка: А. Н. Попова (въ М. публ. музеѣ) № 2416, графа А. С. Уварова № 534 и профессора Н. С. Тихонравова. Первый изъ нихъ испорченъ потерей конца описанія Царьграда, второй по самому существу дѣла не имѣетъ этого описанія, а третій, страннымъ образомъ, начинается съ половины сочиненія Коробейникова. Редакторъ напечаталъ Путешествіе по первому списку, а утраченный конецъ Поповской рукописи восполнилъ изъ Тихонравовской; въ вариантахъ помѣщенъ списокъ Уваровскій и частью Тихонравовскій.

Изданіе сдѣлано въ возможно тщательномъ видѣ, съ сохраненіемъ правописанія рукописей; но точность эта, къ сожалѣнію, только кажущаяся: вслѣдствіе ли опечатокъ, или же вслѣдствіе торопливости г. Долговъ допустилъ много неточностей въ передачѣ текста. Напримѣръ, на одной стр. 17 мы насчитали 13 орфографическихъ неточностей и пропусковъ: „усѣкнути и глагола“ вм. рукописнаго „усѣкнути. Глагола“; „рече же царю“ вм.: „рече же къ царю“; „святѣй“ вм.: „святѣи“; „усѣки“ вм.: „усеки“; „іереев“ вм.: „иереев“

и т. д. На стр. 12 въ вар. 3 напечатано: „государствѣ царствѣ“, тогда какъ въ рукописяхъ стоитъ: „государевѣ царствѣ“. Вторымъ пробѣломъ изданія г. Долгова мы считаемъ недостаточное количество списковъ, приведенныхъ въ извѣстность г. Долговымъ: ему слѣдовало бы воспользоваться и другими, доступными ему рукописями, напримѣръ, хранящимися въ Московскомъ же публичномъ музеѣ, Норовскою № 957 и Поповскою № 2.399, затѣмъ спискомъ Общества Исторіи и Древностей № 203 и т. д. А то изданіе г. Долгова производитъ впечатлѣніе какой-то неопредѣленности и неясности. Такъ, настримѣръ, на стр. 9 въ текстѣ стоитъ: „городъ... невеликъ“, а въ вар. 9-мъ помѣчено: „великъ“; на стр. 12: „157“, а въ вар. 9-мъ: „152“; такихъ примѣровъ довольно много, и такъ какъ въ вариантахъ указанъ всего одинъ списокъ, то часто просто не знаешь, которому чтенію вѣрить—варианту ли, или основному тексту. Переходимъ къ болѣе существеннымъ замѣчаніямъ.

Изъ изданія г. Долгова видно, что Уваровскій списокъ представляетъ собою одну редакцію, а два другіе — другую; въ первомъ есть очень значительныя отличія отъ двухъ другихъ списковъ, в кромѣ того, въ немъ не находится описанія Царьграда. Это важное обстоятельство ускользнуло отъ вниманія С. О. Долгова. Еслибъ онъ предварительнo выяснилъ себѣ вопросъ: которая изъ этихъ двухъ редакцій наиболее близка къ тексту Коробейникова, то, можетъ быть, пришелъ бы къ заключенію, что за основной списокъ Путешествія слѣдуетъ принять текстъ Уваровской рукописи, и такимъ образомъ описаніе Царьграда, какъ не принадлежащее перу Коробейникова, помѣстилъ бы лишь въ вариантахъ. Чѣмъ руководствовался редакторъ, принимая въ основу текстъ Поповской рукописи, онъ не объясняетъ. Дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется правдоподобнымъ, что если Коробейниковъ описалъ путь отъ Москвы до Царьграда, то ему принадлежитъ также и описаніе Царьграда. Но посмотримъ, что представляетъ изъ себя это послѣднее описаніе. Въ немъ, между прочимъ, говорится о томъ, какъ Турецкій султанъ захотѣлъ однажды разрушить храмъ св. Георгія, но когда святой явился къ султану въ сонномъ видѣніи и пригрозилъ ему смертію, то султанъ отказался отъ своего намѣренія и обогатилъ церковь. По счастью, Коробейниковъ объ этомъ же самомъ чудѣ говорить и въ несомнѣнно ему принадлежащемъ сочиненіи, написанномъ въ то же самое время. Вотъ въ какомъ видѣ представляются оба разказа:

Коробейниковъ настоящій (Греч. стат. списокъ № 3): (царь) „по своему закону въ той церкви жертву Богу, курбанъ, послалъ овецъ съ десять, а велѣлъ тѣ овцы у той церкви роздать, да передъ чюдотворцовымъ образомъ велѣлъ поставити свечу въ пудъ и болши да кандиль сребренную, въ чемъ масло горить“.

Коробейниковъ по изданію г. Долгова (стр. 17). (Царь велѣлъ) „обить верхъ златомъ и въ чюдному образу его (св. Георгія) положить гривну злату ¹⁾ и з драгимъ каменіемъ и з жемчюгомъ и іспроси отъ крылоса его дву переев, да не останет храмъ божественнаго пѣнія. И нача перѣемъ давати свой кормъ по десяти денегъ, да по двѣ чюги на годъ, по червчатой, да по бѣлой чюге по камчатой: повелѣ имъ пѣти и служити“.

Г. Долговъ привелъ оба эти мѣста, но не замѣтилъ ихъ полного несогласія между собою; онъ не спросилъ себя: какимъ образомъ Коробейниковъ, писавшій о чудѣ въ 1593 году, могъ говорить въ одномъ сочиненіи одно, въ другомъ—другое? Для насъ несомнѣнно, что Коробейниковъ и авторъ описанія Царьграда — лица, другъ отъ друга совершенно отличныя, которыхъ смѣшивать не возможно. Разныхъ анонимныхъ путниковъ и краткихъ описаній Царьграда было довольно въ нашей древней письменности, а потому вѣроятно, что одно изъ такихъ описаній было присоединено къ Путешествію Коробейникова и стало распространяться подъ его именемъ. Другіе списки не знаютъ этой прибавки, и въ нихъ мы въ правѣ видѣть списки съ Коробейниковскаго сочиненія. А если это такъ, то г. Долговъ сдѣлалъ существенный промахъ, принявъ въ основу изданія редакцію, которая ни въ какомъ случаѣ Коробейниковскою считаться не можетъ. Затѣмъ, еслибъ онъ напечаталъ основной текстъ даже и Уваровской рукописи (№ 534), то и въ такомъ случаѣ мы стали бы утверждать, что онъ издалъ подъ именемъ Коробейникова лишь повзвѣйшую передѣлку его Путешествія, принявъ ее за подлинное сочиненіе автора. Первое Хожденіе приписывалось Трифону Коробейникову въ продолженіи трехсотъ лѣтъ, оказавшись въ концѣ концовъ сочиненіемъ Познякова; въ настоящее время передѣлка другой книги Коробейникова издается въ качествѣ несомнѣннаго произведенія Трифона: странна участь литературной дѣятельности пресловутаго писателя. Впрочемъ, на этотъ разъ заблужденіе, въ которое ввелъ насъ редакторъ изданія „Второго Хожденія“, будетъ непродолжительно,

¹⁾ Въ рукописи стоитъ: *златумъ*, чего г. Долговъ въ изданіи не указалъ.

и на страницахъ издаваемого Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ Сборника вскорѣ будетъ впервые напечатанъ списокъ съ подлиннаго сочиненія Трифона Коробейникова.

Этотъ списокъ, къ сожалѣнію—довольно неисправный, содержитъ въ себѣ Описание пути отъ Москвы лишь до Царьграда, безъ описанія послѣдняго города, не имѣетъ заглавій и любопытенъ въ томъ отношеніи, что отмѣчаетъ мѣста, гдѣ Коробейниковъ останавливался для стоянокъ, и имена литовскихъ пановъ, владѣтелей тѣхъ мѣстечекъ, которыя проѣзжалъ нашъ путешественникъ. Описание это пользовалось значительною извѣстностію въ нашей письменности, ибо оно служило, по видимому, путеводителемъ для русскихъ купцовъ-путешественниковъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, мѣста остановокъ Коробейникова, быть можетъ, не всегда совпадали съ мѣстами стоянокъ другихъ лицъ, и кромѣ того, литовскія мѣстечки съ теченіемъ времени перемѣнили имена своихъ хозяевъ, то путеводитель Коробейникова въ началѣ XVII вѣка нѣсколько былъ измѣненъ: отброшено было упоминаніе о станахъ, о многихъ мѣстностяхъ и о владѣтельныхъ панахъ, и въ этомъ измѣненномъ видѣ памятникъ и сталъ обыкновенно ходить подъ именемъ Коробейникова, пока наконецъ не былъ изданъ какъ несомнѣнное сочиненіе нашего писателя. Передѣлка эта извѣстна намъ въ 13-ти спискахъ, но списокъ, содержащій въ себѣ не подвергшееся еще передѣлкѣ произведеніе Трифона, сохранился лишь одинъ, на сколько намъ извѣстно въ настоящее время. Онъ относится къ самому началу XVII вѣка; мѣсто его нахожденія будетъ указано въ предисловіи къ изданію Коробейникова, порученному намъ Палестинскимъ Обществомъ; тамъ же мы будемъ имѣть случай указать и нѣкоторыя другія рукописи, которыя ускользнули отъ вниманія г. Долгова, но несомнѣнно были бы полезны для его труда.

Хр. Леонаревъ.

Заразные болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Доктора медицины А. С. Вире-
нуса. С.-Пб. 1888.

Заразные болѣзни—корь, скарлатина, оспа, тифъ, дисентерія, дифтеритъ, коклюшъ, свинка и пр.—составляютъ одна изъ бичей дѣтскаго возраста, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ появленіе ихъ нарушаетъ правильный ходъ ученія, а между тѣмъ скопленіе малолѣтнихъ дѣлаетъ преимущественно легкимъ возможность ихъ

распространенія. Поэтому отчетливо знать причины появления и развития этих болѣзней и принимать мѣры къ ихъ предотвращенію составляетъ одну изъ существенныхъ обязанностей школьнаго начальства въ санитарномъ отношеніи. Г. Виреніусъ въ настоящей брошюрѣ поставилъ себѣ цѣлю дать общедоступное и общепонятное руководство для борьбы съ этимъ зломъ, предназначенное, главнымъ образомъ, для лицъ учебной администраціи, а также для родителей. Существенное содержаніе брошюры заключается въ описаніи мѣръ противъ заразныхъ болѣзней; признаки же ихъ описаны болѣе коротко, а о терапіи ихъ не говорится вовсе, такъ какъ лѣченіе ихъ должно быть предметомъ заботъ уже врачей, а не педагоговъ. Пособіями для составленія руководства г. Виреніусу служили различныя новѣйшія нѣмецкія, французскія и англійскія сочиненія по данному предмету и протоколы гигиеническихъ сѣздовъ, обсуждавшихъ въ послѣднее время эти важные вопросы. Совѣты и указанія, собранные д-ромъ Виреніусомъ, вообще отличаются практическимъ характеромъ и потому не представляются особенно затруднительными при ихъ примѣненіи на дѣлѣ.

Чтобы дать понятіе о сущности мѣръ, предлагаемыхъ д-ромъ Виреніусомъ, приводимъ цѣликомъ составленный имъ по лучшимъ пособіямъ проектъ общихъ санитарныхъ правилъ для школы, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть предписаны въ руководство администраціи учебныхъ заведеній въ виду появления заразныхъ болѣзней въ школѣ:

„I. Дѣти, одержимыя заразными болѣзнями, не должны быть допускаемы въ школу. Для наиболѣе надежнаго и скораго достиженія этой цѣли желательно, чтобы учителя были знакомы съ характеристическими признаками заразныхъ болѣзней, и чтобы заболѣвавшіе или подозрѣваемые въ заболѣваніи ученики немедленно были удаляемы изъ школы. Увѣдомленіе объ этомъ начальства обязательно. Полицейское и санитарное управленіе должно своевременно сообщать школьному начальству или учителямъ объ извѣстныхъ ему въ данной мѣстности заразныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ. Въ свою очередь, учебное заведеніе должно давать знать мѣстной полиціи объ имѣющихся въ немъ случаяхъ заразныхъ болѣзней, если въ короткое время обнаружилось нѣсколько заболѣваній и болѣзни видимо грозятъ распространеніемъ между учащимися.

„II. Болѣвшій ученикъ не допускается въ школу до тѣхъ поръ, пока медицинскимъ свидѣтельствомъ не будетъ удостовѣрено, что онъ выздоровѣлъ (взялъ уже ванну). Если означеннаго свидѣтельства не имѣется, то пустить ученика въ школу можно только тогда, когда истекъ законный срокъ карантина, и больной, по завѣренію родителей, былъ выкупанъ въ ваннѣ. Если больного ученика посѣдуетъ врачъ, то назначеніе срока изолированія боль-

наго можно предоставить врачу; если же врача не имѣется, и родители, въ случаѣ выздоровленія больного сына или дочери, опасаются пустить ребенка въ классы, то можно дозволить имъ это подѣ условіемъ, чтобы пребыванію больного дома истекъ опредѣленный срокъ, а именно: при скарлатинѣ 6 недѣль, при кори 3 недѣли, при натуральной оспѣ 6 недѣль, при вѣтряной оспѣ 4 недѣли, при краснухѣ 3 недѣли, при тифахъ: сыпномъ 8 недѣль, брюшномъ 15 недѣль, возвратномъ 6 недѣль, при дифтеритѣ 3 недѣли, при коклюшѣ—когда прекратился судорожный кашель, при свинкѣ 3 недѣли, при кровавомъ поносѣ и при холерѣ—когда выздоровѣвшій имѣть нормальный аппетитъ и изверженія. Эти указанія имѣются въ виду предпочтительно для мѣстностей, бѣдныхъ медицинскимъ персоналомъ, но не для городовъ или мѣстъ, гдѣ правильно организована медицинская (какъ платная, такъ и безплатная) помощь.

„III. Объ руку съ общими санитарными мѣрами для предотвращенія различныхъ болѣзней, угрожающихъ преимущественно отрочеству, требуются спеціальныя мѣропріятія при трехъ заразныхъ болѣзняхъ: дифтеритѣ, скарлатинѣ и кори. Если одною изъ этихъ болѣзней заболѣваетъ кто-либо изъ живущихъ въ зданіи школы, то должно или немедленно удалить заболѣвшего, или при содѣйствіи врача рѣшить, имѣются ли по мѣстнымъ & личнымъ условіямъ ручательства, что больной дѣйствительно изолированъ. Если больного отпустить изъ дому нельзя, а изолированіе недостаточно, тогда слѣдуетъ закрыть школу. Впрочемъ, необходимо, чтобы состоящія при школѣ службы всегда располагались такъ, чтобы при появленіи въ нихъ какой-либо заразной болѣзни не было нужды въ прекращеніи ученія. Если одна изъ трехъ названныхъ болѣзней оказывается въ квартирѣ учителя, то ученіе, во всякомъ случаѣ, должно быть прекращаемо. Кроме того, при посредствѣ врача слѣдуетъ опредѣлить, можно ли и при какихъ условіяхъ снова начать ученіе: по удаленіи ли учителя, или лица заболѣвшего въ его квартирѣ, или по принятіи всѣхъ мѣръ къ дѣйствительному изолированію въ домѣ больного. За цѣнѣніемъ врача учитель, въ случаѣ происшедшаго заболѣванія кого-либо въ его квартирѣ, уполномочивается закрыть школу и немедленно сообщить о томъ начальству. Вообще, такъ какъ въ особенности важно, чтобы результаты закрытія школы не оказались фиктивными, благодаря разнымъ мелочамъ канцелярской процедуры, то цѣлесообразнѣе было бы право на временное прекращеніе ученія предоставить живущему въ школѣ учителю или, лучше еще, ближайшему школьному начальству. Роспускъ воспитывающихся въ интернатахъ,—гдѣ должны быть принимаемы безусловно всѣ существующія мѣры къ вполне изолированному уходу за дѣтьми, одержимыми заразною болѣзною,—можетъ быть допущенъ при появленіи эпидеміи только въ томъ случаѣ, когда, по медицинскому удостовѣренію, не предстоитъ опасности переноса болѣзни. Напротивъ того, пріѣзжмъ ученикамъ, которые живутъ на частной квартирѣ и освобождены отъ ученія вслѣдствіе заболѣванія кого-либо изъ живущихъ въ квартирѣ, равно и тогда, когда они уволены вслѣдствіе закрытія заведенія или по желанію родителей,—такимъ ученикамъ можно и не препятствовать возвращаться въ родительскій домъ.

„IV. Особенно важны тѣ постановленія, которыя, при угрожающей опасности распространенія заразной болѣзни между учащимися, даютъ школьному

начальству возможность немедленно изслѣдовать дѣло при помощи врачей. На врачей, на которыхъ школьнымъ начальствомъ возложенъ надзоръ за санитарнымъ состояніемъ учащихся, слѣдовало бы возложить и тѣ требованія, которыя относятся собственно къ санитарному вѣдомству. Во всякомъ же, впрочемъ, случаѣ необходимо постоянно сообщать вѣдомству этому всѣ свѣдѣнія, потребныя для сохраненія общихъ санитарно-полицейскихъ интересовъ. Желательно было бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть при главномъ управленіи каждаго учебнаго округа одного или нѣсколькихъ санитарныхъ врачей, на обязанности которыхъ, помимо попеченія обо всѣхъ гигиеническихъ подробностяхъ школы, лежала бы забота и о предотвращеніи развитія и распространенія заразныхъ болѣзней между учащимися.

„V. Ради невозможно менѣе успѣшнаго распространенія заразныхъ болѣзней въ школѣ, равно и ради непрерывности ученія, необходимы мѣры относительно посѣщенія школы и со стороны учениковъ здоровыхъ, въ квартирѣ и въ домѣ которыхъ имѣются лица, одержимыя этими болѣзнями. Хозяева квартиръ, гдѣ живутъ ученики, обязаны, при появленіи перваго же случая заразной болѣзни у кого-либо изъ живущихъ, немедленно заявлять объ этомъ начальству школы или учителю. При высокой заразительности кори предлагаютъ закрывать школу или извѣстный классъ, лишь только констатированы первые рѣзкіе случаи ея между учениками, тѣмъ болѣе, что на школы, судя по опыту, надо смотрѣть какъ на главный очагъ распространенія этой болѣзни. Точно также дѣти, которыя идутъ изъ квартиръ, гдѣ обнаружилась корь, и не перенесшія завѣдомо этой болѣзни, не допускаются въ школу, пока не истекло со времени послѣдняго заболѣванія трехъ недѣль, или медицинскимъ свидѣтельствомъ не признано, что всѣ болѣвшіе выздоровѣли. При скарлатинѣ и дифтеритѣ совѣтуютъ при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, удалить изъ школы дѣтей зараженной квартиры на 6 недѣль (при скарлатинѣ) или на 3 недѣли (при дифтеритѣ), считая съ того времени, когда произошло послѣднее заболѣваніе, или когда выдано медицинское свидѣтельство о выздоровленіи всѣхъ заболѣвшихъ.

„VI. Запираніе и изолированіе больныхъ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ можно выполнить и контролировать въ такой степени, чтобъ оно считалось дѣйствительнымъ; поэтому допущеніе близкихъ къ больному здоровыхъ дѣтей въ школу слѣдуетъ признавать лишь въ видѣ исключенія, и то подъ условіемъ, чтобъ означенное изолированіе признано было достаточнымъ по официальному медицинскому свидѣтельству. Во всякомъ же случаѣ, означенные здоровые ученики могутъ быть допущены въ школу при скарлатинѣ не ранѣе, какъ черезъ 16 дней, и при дифтеритѣ не ранѣе какъ черезъ 5 дней послѣ того, какъ они приходили въ столкновеніе съ заболѣвшимъ. Если заразная болѣзнь принимаютъ злокачественный характеръ, то санитарному вѣдомству само собою предоставляется принимать болѣе строгія мѣры. Требуванія, выставленныя въ отдѣлахъ III, V и VI, могутъ вообще не примѣняться къ тѣмъ классамъ, гдѣ ученики старше 14 лѣтъ, а касательно кори и къ тѣмъ, гдѣ ученики всѣ, по крайней мѣрѣ почти всѣ, имѣли уже корь.

„VII. Основныя правила школьной гигиены касательно провѣтриванія классныхъ помѣщеній, движенія дѣтей на открытомъ воздухѣ, предупрежденія слишкомъ большаго обремененія вѣклассными занятіями и т. д. должны

быть соблюдаемы во время господства заразныхъ болѣзней съ особеннымъ усердіемъ. Специальное дезинфекцірованіе школьныхъ помѣщеній, помимо ихъ очистки и вентилаци, помощьюъ химическихъ средствъ, не ставится въ обязанность, но предоставляется на личное благоусмотрѣніе мѣстнаго начальства. Правила на счетъ обязательнаго посѣщенія учениками школы не должны быть наблюдаемы въ эпидемическое время особенно строго. Хотя, за отсутствіемъ настоятельныхъ причинъ, школу закрывать и не слѣдуетъ, однако, съ другой стороны, не слѣдуетъ обязывать и родителей посылать въ нее дѣтей, когда имѣется опасность хотя бы и самыхъ малыхъ зараженій.

„VIII. Выставленіе трупа ученика, умершаго отъ заразной болѣзни, равно и участіе товарищей при его погребеніи, должно признавать рѣшительно не позволительнымъ“.

Эти правила, разумѣется, отличаются болѣе или менѣе общимъ характеромъ и не исчерпываютъ всѣхъ подробностей вопроса объ отношеніи школьнаго начальства къ появляющимся между учениками заразнымъ болѣзнямъ. Подробности изложены авторомъ въ специальныхъ параграфахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ болѣзнямъ, и только въ соображеніи общихъ правилъ съ частными благоразумный педагогъ найдетъ себѣ пособіе въ случаѣ появленія той или другой заразной болѣзни въ его училищѣ. Не сомнѣваемся, что книга д-ра Виреніуса, составленная съ большимъ тщаніемъ, съ большимъ знаніемъ дѣла и любовью къ нему, притомъ вполне доступная по изложенію для лицъ, незнакомыхъ съ медициной, обратитъ на себя вниманіе нашихъ педагоговъ: она вполне того заслуживаетъ и несомнѣнно будетъ для нихъ существенно полезна.

А. Н—въ.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ.

Исторія Россійской Академіи. *М. И. Сухомлинова*. Выпускъ восьмой и послѣдній. С.-Пб.—Настоящимъ выпускомъ заканчивается многолѣтній почтенный трудъ академика Сухомлинова. Въ немъ содержится обзоръ совокупныхъ трудовъ, совершенныхъ членами Россійской академіи, главнымъ образомъ, составленныхъ ими словарей, а затѣмъ и другихъ ея изданій. Подробное обзоръ это даетъ автору поводъ чертить филологическіе приемы и понятія академиковъ и уровень ихъ критическихъ воззрѣній; затѣмъ авторъ разказываетъ, какъ совершилось преобразование Россійской академіи во второе отдѣленіе Академіи Наукъ, и въ заключеніе опредѣляетъ значеніе первой. Г. Сухомлиновъ не скрываетъ слабыхъ сторонъ въ дѣятельности того учрежденія, котораго исторія имъ написана; но онъ справедливо признаетъ за нимъ и существенныя заслуги въ области науки и просвѣщенія. Самое названіе, данное академіи — Россійская, указываетъ, по замѣчанію г. Сухомлинова, на ея національное значеніе; и это значеніе оправдано было первымъ и важнѣйшимъ ея трудомъ, составленіемъ словопроизводнаго словаря, въ обработкѣ котораго принимали участіе лучшіе представители русской литературы и науки Екатерининскаго времени. Позднѣйшій періодъ дѣятельности Россійской академіи былъ слабѣе, чѣмъ начальный; но и въ это позднѣйшее время, при всей односторонности господствовавшаго въ академіи направленія, ею сдѣлано было кое-что полезное: на ея средства издано было нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій; не мало писателей получили отъ нея матеріальную поддержку; ей же принадлежитъ починъ въ литературномъ общеніи со славянскимъ міромъ. Таковы главныя черты исторіи Россійской академіи, съ которыми читатели познакомятся въ настоящемъ выпускѣ. Законченный теперь трудъ г. Сухомлинова освѣщаетъ очень ярко одну изъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія конца прошлаго вѣка и первой половины текущаго.

Домострой. Издалъ *В. А. Яковлевъ*. Одесса.—Двадцать лѣтъ тому назадъ г. Яковлевымъ уже было сдѣлано изданіе этого знаменитаго памятника нашей старинной письменности. Появившіяся послѣ того изслѣдованія о Домостроѣ и изданіе его И. Е. Забѣлинымъ по древнѣйшему списку, XVI вѣка, побудили г. Яковлева переработать свой прежній трудъ. Принимая во вниманіе, что существующіе списки Домостроя представляютъ намъ его въ трехъ изводахъ — краткомъ, полномъ и содержащемъ въ себѣ позднѣйшія добавленія, г. Яковлевъ поставилъ себѣ цѣлью дать текстъ памятника въ такомъ видѣ, чтобы въ изданіи его можно было имѣть всѣ три извода. Цѣль эта имъ достигнута посредствомъ особаго расположенія отдѣльныхъ частей памятника. Въ краткомъ предисловіи издателя изложенъ взглядъ автора на происхожденіе Домостроя, а въ концѣ помещенъ указатель встрѣчающихся въ немъ словъ бытоваго значенія.

Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи. № 1. С.-Пб.—Рецензій, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, извлечены изъ журнала Библиографъ, издающагося въ Петербургѣ и, къ сожалѣнію, мало распространеннаго. Желаетъ

тельно, чтобы появленіе помѣщенныхъ въ немъ критическихъ отзывовъ отдѣльнымъ сборникомъ обратило вниманіе и на самый журналъ, откуда онѣ заимствованы. Всѣхъ рецензій тутъ помѣщено 33; онѣ составлены съ большимъ вниманіемъ, съ любовью къ дѣлу и обнаруживаютъ въ авторахъ хорошее знакомство съ предметомъ. Разобранныя книги относятся къ 1886 и 1887 годамъ.

С.-Петербургскія городскія начальныя училища въ первое десятилѣтіе завѣдыванія ими С.-Петербургскою городскою думою. Историческій очеркъ, составилъ *Д. Д. Семеновъ*, издалъ *М. И. Семевскій*. С.-Пб.—Весьма интересное и хорошо составленное обозрѣніе состоянія и дѣятельности петербургскихъ городскихъ училищъ за время съ 1877 по 1887 годъ. Содержаніе очерка слѣдующее: Историческій очеркъ русской народной школы вообще и петербургской въ частности.—Обзоръ дѣятельности училищной комиссіи при думѣ.—Статистика городскихъ училищъ за 1877—1887 годы.—Педагогическій контроль надъ школами посредствомъ экспертовъ по учебной части.—Гигиеническая обстановка школъ.—Организація школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.—Отношеніе столичнаго общества къ народной школѣ.

О жизнеописаніи Ювенала. Изслѣдованіе *Д. И. Нагуевскаго*. Изданіе второе, дополненное. Казань.—Проф. Нагуевскій избралъ Ювенала и его сатиры предметомъ своихъ специальныхъ занятій и въ длинномъ рядѣ работъ представилъ прилежный сводъ всего, что выработано западными учеными въ области изученія произведеній римскаго сатирика. Литература Ювенала на западѣ разрослась до значительныхъ размѣровъ, и послѣ того, что написано нѣмецкими и французскими учеными, сказать что-нибудь новое въ этой области очень трудно. Поэтому не удивительно, что и въ настоящей брошюрѣ, посвященной біографіи Ювенала, авторъ не сообщилъ какихъ-либо открытій, но представилъ прилежно слѣданный сводъ высказаннаго другими раньше, и какъ таковой, брошюра г. Нагуевскаго имѣетъ свою цѣну и значеніе.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. III, вып. 1. С.-Пб.—Содержаніе: 1) О монетѣ Константина Мономаха съ изображеніемъ Влахернской Божіей Матери—гр. *И. И. Толстаго*; 2) Русскій лицевой подлинникъ—*Д. А. Григорова*; сверхъ того, мелкія замѣтки, извѣстія о новыхъ книгахъ и протоколы общихъ собраній Археологическаго Общества въ текущемъ году.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ II, вып. 1 и 2. С.-Пб.—Содержаніе: Секта „людей истины“ въ Персіи—*В. А. Жуковскаго*; 2) Поѣздка въ мѣстность Сусинганъ въ октябрѣ 1885 года—*Н. И. Веселовскаго*; 3) Чистопольскій кладъ изъ куфическихъ монетъ второй половины X вѣка, открытый въ 1885 году,—*А. Ѳ. Лихачева*, съ примѣчаніемъ *В. Е. Тизенгаузена*; 4) Эпиграфическіе результаты поѣздки въ Уади Хаммаматъ—*В. С. Голенищова*; 5) Посольство Спафарія (маньчжурскій текстъ)—*А. И. Ивановскаго*; 6) Буддійскія молитвы—*И. П. Минаева*; сверхъ того, мелкія замѣтки и извѣстія, бібліографія и протоколы Восточнаго Отдѣленія за первые четыре мѣсяца текущаго года.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. XI, вып. 3. М.—Содержаніе: 1) Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства—*А. В. Прахова*; 2) Реставрація древнихъ архитектурныхъ памятни-

новъ—*Н. В. Никитина*; 3) О значеніи слова „Денсусъ“—*С. У. Усова*; сверхъ того, мелкія, извѣстія и замѣтки, протоколы общества №№ 233—239 и въ приложеніи—рѣчи, читанныя въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ памяти С. А. Усова.

— Православное Палестинское Общество отпечатало еще два выпуска издаваемого имъ Сборника. Въ выпускѣ 12-мъ (т. IV Сборника, вып. 3) помѣщено „Хожденіе Игнатія Смолянина, 1389—1406 гг.“, впервые появляющееся въ печати въ полномъ видѣ и съ относящимися къ нему приложеніями; любопытный памятникъ этотъ приготовленъ къ печати С. В. Арсеньевымъ. Въ выпускѣ 15-мъ (т. V Сборника, вып. 3) помѣщено „Сказаніе Епифанія мниха о пути къ Іерусалиму, 1415—1417 гг.“; это сказаніе, содержащее въ себѣ краткое описаніе пути отъ Великаго Новгорода до Іерусалима, уже было издано И. Е. Забѣлинымъ, но по одному только списку XVII в., между тѣмъ какъ теперь текстъ его является отпечатаннымъ по списку XVI в., и притомъ съ вариантами изъ пяти другихъ рукописей; приготовившій къ печати новое изданіе сказанія о. архимандритъ Леонидъ въ предисловіи своемъ выражаетъ мнѣніе, что авторомъ этой статьи былъ тотъ самый мнихъ Епифаній Премудрый, который былъ ученикомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго и составилъ его житіе.

Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ изданій, Палестинскимъ Обществомъ напечатаны еще двѣ книги для популярнаго чтенія: 1) Храмъ Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ, и 2) Елеонская гора.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе въ новомъ пополненномъ изданіи двухъ сборниковъ статей Н. Н. Страхова, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшаго изъ нашихъ современныхъ критиковъ:

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжка I. Изданіе 2-е. С.-Пб.—Содержаніе: Герценъ.—Милъ.—Парижская коммуна.—Ренанъ.—Историки безъ принциповъ.—Штраусъ.—Поминки по И. С. Аксаковѣ.

Н. Страховъ. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изданіе 2-е. С.-Пб.

— Назовемъ еще нѣсколько новыхъ книгъ, о которыхъ надѣемся дать болѣе подробные отзывы въ слѣдующихъ номерахъ журнала:

В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Османской Порты до начала XVIII вѣка. С.-Пб.

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей *Я. Грота* съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. С.-Пб.

Н. И. Веселовскій. Василій Васильевичъ Грязорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле. Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. С.-Пб.

В. А. Богородицкій. Курсъ грамматики русскаго языка. Ч. I. Фонетика. Варшава.

КОММЕРЧЕСКІЯ УЧИЛИЩА ЗА ГРАНИЦЕЙ И ВЪ РОССІИ ¹⁾.

IV. Германскія коммерческія училища.

Германія имѣетъ въ настоящее время 86 коммерческихъ училищъ; учащихся въ нихъ—9138. Изъ этихъ заведеній два принадлежатъ къ высшимъ перваго разряда, именно публичные институты, основанные въ Лейпцигѣ въ 1831 г. и въ Дрезденѣ въ 1854 году. Затѣмъ 23 заведенія, подъ названіемъ: Handels-Akademie, Oeffentliche Handels-Lehranstalten и Höhere Handelsschule, относятся къ числу второ-разрядныхъ институтовъ и академій. Учащихся въ высшихъ коммерческихъ заведеніяхъ Германіи по послѣднимъ отчетамъ числится 4336. Затѣмъ, среднихъ коммерческихъ училищъ—24 (учащихся 729) и элементарныхъ училищъ (Lehrlings- и Fortbildungs-schule) 27 (учащихся 4073).

Коммерческія училища стали умножаться въ Германіи въ особенности со времени изданія закона 24-го декабря 1866 г. о льготахъ учащихся по военной повинности. Законъ этотъ уравнивалъ высшія коммерческія училища Германіи по упомянутымъ льготамъ съ гимназіями и реальными училищами. По этому закону коммерческія училища считаются высшими: а) если они состоятъ изъ 3-хъ классовъ, каждый съ годичнымъ курсомъ; б) если для поступленія въ первый классъ требуется отъ кандидатовъ минимумъ познаній, соотвѣтствующихъ познаніямъ учениковъ 4-го класса реальныхъ училищъ; с) если въ нихъ преподаваніе организовано такъ, что учащіеся въ теченіе трехъ лѣтъ получаютъ образованіе, равное образованію учени-

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ. часть ССЛІІІ, отд. 3.

ковъ, окончившихъ гимназіи и реальныя училища; d) если въ концѣ учебнаго года учащіеся подвергаются экзаменамъ по общей программѣ, установленной правительствомъ, и въ присутствіи комиссара, назначеннаго правительствомъ.

Для исполненія изложенныхъ требованій, высшія училища Германіи должны были значительно измѣнить свои программы и приспособить ихъ по общимъ теоретическимъ предметамъ къ программамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Все это потребовало усиленія преподаванія общихъ предметовъ—математики, исторіи, географіи и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, вмѣстѣ съ значительнымъ сокращеніемъ уроковъ по чисто коммерческихъ наукамъ. Нельзя сказать, чтобъ изложенная мѣра съ пользой отразилась на германскихъ коммерческихъ училищахъ; мѣра эта привела къ преобладанію въ нихъ теоріи надъ практикой,—главная причина, задерживающая дальнѣйшее развитіе германскихъ коммерческихъ училищъ, стоящихъ (кромѣ развѣ высшихъ институтовъ Дрезденскаго и Лейпцигскаго), вообще говоря, ниже училищъ французскихъ, даже австрійскихъ и италіанскихъ. Съ другой стороны, развитіе элементарныхъ коммерческихъ школъ, особенно въ Саксоніи, было прямымъ результатомъ закона 1873 г., установившаго для молодыхъ людей, окончившихъ начальныя школы, обязательное посѣщеніе, въ теченіе трехъ лѣтъ, элементарныхъ школъ (Fortbildungsschule). Въ силу этого закона хозяева торгово-промышленныхъ заведеній обязаны предоставлять своимъ apprentis, commis и другимъ агентамъ свободное время для посѣщенія элементарныхъ школъ. Этотъ школьный законъ, изданный спеціально для училищъ въ Саксоніи, введенъ въ настоящее время во многихъ германскихъ государствахъ; но общаго имперскаго закона по этому вопросу не существуетъ.

Въ частности мы рассмотримъ въ общихъ чертахъ устройство институтовъ Лейпцигскаго, Дрезденскаго и другихъ высшихъ коммерческихъ училищъ Германіи.

1) Oeffentliche-Handels-Lehranstalt der Dresdner Kaufmannschaft—лучшее коммерческое заведеніе въ Германіи. Институтъ основанъ въ 1854 году корпораціей дрезденскихъ негоціантовъ. Въ составъ института входятъ 4 отдѣленія: Höhere Handelsschule, Lehrlingsschule, Handelswissenschaftlicher Kurs и Kaufmännischer Kurs.

I отдѣленіе—Höhere Handelsschule—предназначено для молодыхъ людей, окончившихъ 4-й классъ реального училища 1-го разряда или гимназіи и посвящающихъ себя профессіямъ, имѣющимъ связь съ ком-

мерціей. Оно состоитъ изъ трехъ годичныхъ курсовъ и одного пригготовительнаго. Условія пріема въ III (низшій) классъ: возрастъ съ 14 лѣтъ (послѣ законченнаго 8-ми-лѣтняго учебнаго времени въ общихъ заведеніяхъ) и экзаменъ по нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи, исторіи, вычисленіямъ и геометріи. Учебный планъ этого отдѣленія слѣдующій: торговое право (1 ч.), коммерція (5 ч.) и политическая экономія (2 ч.), коммерческая корреспонденція (4 ч.), бухгалтерія и конторскія работы (7 ч.), купеческіе счета (собственно коммерческая ариметика) (16 ч.), нѣмецкій языкъ и литература (14 ч.), французскій языкъ и корреспонденція (16 ч.), англійскій языкъ и корреспонденція (16 ч.), географія общая и коммерческая (9 ч.), исторія общая и коммерческая (10 ч.), товаровѣдѣніе и технологія (4 ч.), химія (2 ч.), физика (3 ч.), естественная исторія (6 ч.), математика (11 ч.), каллиграфія (4 ч.) и черченіе (3 ч.). Кроме того, читаются стенографія и италіанскій языкъ съ корреспонденціей въ качествѣ необязательныхъ предметовъ. Учащіеся, подъ руководствомъ профессора, посѣщаютъ главнѣйшія мануфактуры и фабрики.

II отдѣленіе—*Lehrlingsschule*—состоитъ изъ двухъ годичныхъ курсовъ для лицъ 14 лѣтъ, окончившихъ 8-ми-лѣтній курсъ *Vulgerschule* и находящихся мальчиками въ купеческихъ учрежденіяхъ; ученики этого отдѣленія свободны отъ посѣщенія *Fortbildungsschule*. Въ это отдѣленіе принимаются по испытанію изъ нѣмецкаго языка, географіи и ариметики. Въ самое послѣднее время при этомъ отдѣленіи открытъ особый годичный курсъ для молодыхъ коммерсантовъ, которымъ, по большому возрасту и большей подготовленности, неудобно посѣщать основныя курсы отдѣленія. Учебный планъ слѣдующій: торговое и вексельное право (4 ч.), бухгалтерія и конторскія работы (4 ч.), коммерческая корреспонденція (2 ч.), коммерческіе счета (ариметика) (7 ч.), нѣмецкій языкъ (3 ч.), общая географія (4 ч.); предметы необязательные — товаровѣдѣніе, технологія, французскій языкъ и англійскій.

III отдѣленіе—*Handelwissenschaftlicher Kurs* (годичный)—предназначается для лицъ не менѣе 16-ти лѣтъ, окончившихъ реальные училища или гимназіи и желающихъ пріобрѣсти высшее коммерческое образованіе. Предметы преподаванія: торговое право (2 ч.), коммерція и политическая экономія (2 ч.), коммерческая корреспонденція (2 ч.), бухгалтерія (4 ч.), коммерческіе счета (ариметика) (4 ч.), технологія и товаровѣдѣніе (3 ч.), коммерческая географія и

исторія коммерціи (3 ч.); необязательные—нѣмецкій языкъ и литература, англійскій и корреспонденція, французскій и корреспонденція.

IV отдѣленіе—*Kaufmännischer Kurs*—годовой курсъ, предназначенный для молодыхъ людей 14 лѣтъ съ элементарнымъ образованіемъ или окончившихъ первые классы *Bürgerschule* и желающихъ приобрести необходимыя познанія для послѣдующей коммерческой профессіи. На приемныхъ экзаменахъ кандидатъ долженъ показать достаточныя свѣдѣнія по нѣмецкому языку, французскому, географіи и ариметикѣ. Курсъ коммерческій—годовой. Предметы преподаванія слѣдующіе: торговое и вексельное право (3 ч.), бухгалтерія и конторскія работы (4 ч.), торговая корреспонденція (3 ч.), торговые счета (6 ч.), географія (3 ч.), товаровѣдѣніе (3 ч.), нѣмецкій языкъ (4 ч.), французскій (4 ч.), каллиграфія (2 ч.) и стенографія (2 ч.).

2) *Oeffentliche Handels-Lehranstalt zu Leipzig*. Содержится на средства мѣстнаго купечества съ пособіемъ отъ казны. Институтъ основанъ въ 1831 году корпораціей мѣстныхъ коммерсантовъ (*Kramer-Innung*). Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: *Schülerabtheilung*, *Lehrlingsabthl.* и *Fachwissenschaftlicher Kursus*. Первое отдѣленіе подраздѣляется на три годовые курса (съ двумя параллельными классами или секціями въ каждомъ) и состоитъ изъ регулярныхъ учениковъ (съ 14 л.), поступающихъ въ институтъ по особому экзамену (по курсу начальныхъ училищъ) для приобретения практическихъ познаній, необходимыхъ для коммерческой профессіи. Во второе отдѣленіе (тоже съ 3-хъ годовыми курсомъ) поступаютъ *arrgentis* (служащіе коммерческіе люди). На третьемъ отдѣленіи преподаются высшія коммерческія науки для регулярныхъ слушателей, окончившихъ гимназій и реальныя училища. Сообразно съ различнымъ назначеніемъ отдѣленій института, каждое изъ нихъ имѣетъ свой особый учебный планъ, приспособленный къ спеціальнымъ цѣлямъ своего отдѣленія.

Учебный планъ *Schülerabtheilung* обнимаетъ предметы общеобразовательные и спеціально коммерческіе. Въ этомъ планѣ, впрочемъ, не находимъ цѣлаго ряда предметовъ, обыкновенно преподающихся не только въ высшихъ, но и въ среднихъ заведеніяхъ. Таковы: исторія коммерціи, коммерческая географія и статистика, также естественная исторія. Да и предметы, вошедшіе въ учебный планъ, не всѣ одинаково хорошо обставлены. Если, напримѣръ, иностранные языки преподаются въ достаточномъ объемѣ, то собственно коммерческія науки (бюро, счетоводство, корреспонденція и бухгалтерія)

преподаютъ весьма слабо,—для нихъ назначено всего 7 часовъ въ недѣлю. Читаются на этомъ отдѣленіи слѣдующіе предметы: языки—нѣмецкій (10 ч.), англійскій (13 ч.) и французскій (13 ч.), математика (10 ч.), коммерческая ариметика (10 ч.), физика (5 ч.), механическая технологія (2 ч.), химія (4 ч.), товаровѣдѣніе (1 ч.), географія (6 ч.), общая исторія (6 ч.), коммерческія науки (7 ч.), торговое право (4 ч.), политическая экономія (2 ч.), каллиграфія (5 ч.), черченіе (5 ч.) и гимнастика (6 ч.).

Учебный планъ второго отдѣленія — *Lehrlingsabtheilung*—составленъ по системѣ трехгодичнаго, самаго элементарнаго курса для *apprentis*, которые, будучи заняты служебными дѣлами въ магазинахъ и конторахъ, могутъ располагать только небольшимъ числомъ часовъ для слушанія лекцій въ институтѣ. Каждый курсъ раздѣляется на нѣсколько параллельныхъ секцій или классовъ: третій—на 4 секціи, второй—на 5, первый—на 3 секціи. Въ каждой секціи слушателей 17—34; всѣхъ слушателей этого отдѣленія болѣе 300 (въ 1879 г.). Читаются: языки нѣмецкій, англійскій, французскій (на всѣ 14 ч.), коммерческая ариметика (7 ч.), ученіе о коммерціи (2 ч.), практическія работы въ бюро (2 ч.), корреспонденція (1 ч.), географія (2 ч.) и каллиграфія (2 ч.). Каждый курсъ имѣетъ по 10 недѣльныхъ часовъ.

Учебный планъ третьяго отдѣленія — *Fachwissenschaftlicher Kursus*—разчитанъ на годичный курсъ и обнимаетъ двѣ отдѣльныя секціи,—одна для регулярныхъ слушателей (студентовъ), другая для *apprentis*. Для студентовъ читаются: англійскій языкъ съ коммерческою корреспонденціей на немъ (5 ч.), французскій языкъ тоже съ коммерческою корреспонденціей (5 ч.), торговая наука, экономія и право (5 ч.), практическія работы—бухгалтерія и коммерческая корреспонденція на нѣмецкомъ языкѣ (9 ч.), товаровѣдѣніе (2 ч.), коммерческая ариметика (3 ч.) и исторія коммерціи (2 ч.). Необязательны: испанскій и италіанскій языки и каллиграфія. Въ системѣ преподаванія дается рѣшительный перевѣсъ теоріи надъ практикой, что было въ особенности результатомъ закона 24-го декабря 1866 г. о воинской повинности: вмѣстѣ съ реорганизаціей учебныхъ программъ, было усилено преподаваніе общеобразовательныхъ наукъ, съ значительнымъ сокращеніемъ спеціально коммерческихъ предметовъ.

Въ концѣ каждаго семестра учащіеся всѣхъ трехъ отдѣленій подвергаются письменнымъ испытаніямъ по всѣмъ предметамъ, преподававшимся въ теченіи семестра. Въ концѣ учебнаго года (обыкновенно къ Пасхѣ) имѣютъ мѣсто экзамены переводные и выпускные.

Въ первомъ отдѣленіи выпускные экзамены производятся подъ предсѣдательствомъ правительственнаго комиссара и состоятъ изъ письменныхъ работъ и устныхъ испытаній. Письменный экзаменъ производится подъ наблюденіемъ профессоровъ (въ особой залѣ) по языкамъ нѣмецкому, англійскому и французскому (сочиненія на заданную тему и, кромѣ того, коммерческое письмо), коммерческимъ наукамъ (на заданную тему) и математикѣ (4 задачи по алгебрѣ, тригонометріи или стереометріи). Устные испытанія, по уставу, производятся въ теченіе опредѣленнаго срока (maximum—8 часовъ въ день) по языкамъ отечественному и иностраннымъ (англійскому и французскому), коммерческой ариметикѣ, бухгалтеріи, математикѣ, географіи, исторіи, физикѣ, химіи и товаровѣдѣнію. Уставъ требуетъ участія правительственнаго комиссара не только въ производствѣ окончательныхъ экзаменовъ, но и въ обсужденіи ихъ результатовъ; экзаменаціонныя конференціи профессоровъ всегда происходятъ подъ предсѣдательствомъ комиссара. Воспитанники, окончившіе удовлетворительно курсъ института, удостоиваются конференціей дипломомъ, предоставляющимъ право годичнаго волонтеріата въ германской арміи. Выпускные экзамены имѣютъ мѣсто также въ третьемъ отдѣленіи (Fachwissenschaftlicher Kursus) и состоятъ изъ испытаній письменныхъ и устныхъ. На устныхъ экзаменахъ присутствуютъ президентъ и члены административнаго комитета института. Точно также *apprentis*, выслушавшіе курсъ втораго отдѣленія, подвергаются выпускному экзамену письменному и устному. Устные экзамены производятся, какъ и въ другихъ отдѣленіяхъ, публично, въ присутствіи президента и членовъ комитета института. По общему правилу, *apprentis*, получившіе на письменномъ экзаменѣ неудовлетворительную отмѣтку по двумъ предметамъ, не допускаются къ устнымъ испытаніямъ, должны остаться въ томъ же курсѣ на второй годъ.

3) *Danziger Handels-Akademie* открыта въ 1814 году мѣстнымъ купечествомъ. Въ академію принимаются лица, имѣющія не менѣе 13 лѣтъ, окончившія четыре класса реальнаго училища или выдержавшія пріемный экзаменъ. Академія имѣетъ три годичные курса, въ теченіе которыхъ преподаются: языки нѣмецкій, французскій и англійскій, математика и коммерческія вычисленія, естественныя науки (физика, химія и ботаника), коммерція (счетоводство и торговое право), исторія, географія и каллиграфія (въ I кл. 32 недѣльн. урока, во II и III кл. по 34 ур.). Данцигская академія представляетъ собственно высшее отдѣленіе реальнаго училища, съ добавленіемъ коммерческихъ

вычислений (по 2 урока на курсъ) и коммерціи (2 ур. на II кл. и 5 ур. на III кл.). Система преподаванія основана вполне на преобладаніи теоріи надъ практикой. Наиболѣе удовлетворительно обставлены иностранные языки (французскій и англійскій), на преподаваніе которыхъ назначены 41 недѣльн. часъ. Въ то время, какъ на коммерцію (съ торговымъ правомъ) полагается всего 7 часовъ, общіе предметы—исторія, географія, математика и естественныя науки—занимаютъ 38 часовъ. Затѣмъ, въ учебный планъ Данцигской академіи вовсе не входитъ цѣлый рядъ основныхъ дисциплинъ коммерческаго образованія, каковы: товаровѣдѣніе, технологія, коммерческая статистика, политическая экономія, коммерческая географія и исторія коммерціи.

4) Practischer Handels-Institut zu Lübeck основанъ въ 1829 г. Цѣль института состоитъ въ подготовкѣ молодыхъ людей къ коммерческой карьерѣ посредствомъ практическихъ занятій въ коммерческомъ бюро и посредствомъ теоретическаго изученія коммерческихъ наукъ. Преподаваніе раздѣляется на части теоретическую и практическую. Теоретическая часть обнимаетъ: каллиграфію, изученіе цѣнъ, мѣръ и вѣсовъ вмѣстѣ съ коммерческою ариметикой, коммерческую корреспонденцію на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, право торговое, морское и вексельное. Практическія занятія имѣютъ мѣсто въ конторѣ, организованной по всевозможнымъ коммерческимъ операціямъ. Здѣсь учащіеся занимаются, какъ въ дѣйствительномъ коммерческомъ домѣ, всѣми дѣлами, какія могутъ производиться въ коммерческой конторѣ. Всѣ операціи конторы ведутся учениками въ коммерческихъ книгахъ на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. Ученики практически изучаютъ различныя системы бухгалтеріи простой и двойной. Курсъ ученія продолжается три семестра, по слѣдующему учебному плану: конторскія работы (22 часа), каллиграфія (1 часъ), коммерческая арифметика (3 ч.), право торговое, морское и вексельное (2 ч.), англійская корреспонденція (2 ч.) и сравнительная корреспонденція англійская (2 ч.) и французская (2 ч.).

Въ учебномъ планѣ Любекскаго института недостаетъ, какъ и въ Данцигской академіи, цѣлаго ряда основныхъ наукъ: кромѣ политической экономіи и статистики, вовсе исключены изъ преподаванія всѣ науки естественно-химическаго отдѣла, принадлежащія въ другихъ коммерческихъ училищахъ къ числу главныхъ дисциплинъ высшаго коммерческаго образованія. Любекскій институтъ не пользуется

правами публичныхъ училищъ, предоставляющихъ своимъ питомцамъ льготы по воинской повинности.

5) *Städtische Handelsschule in Nürnberg* основано въ 1834 году мѣстнымъ муниципалитетомъ. Ученіе продолжается здѣсь три года приготовительныхъ и шесть нормальныхъ; 2-й и 3-й приготовительные классы и 2-й нормальный классъ имѣютъ параллельныя отдѣленія. Въ приготовительное отдѣленіе принимаются ученики не менѣе 10 лѣтъ. Въ 6-ти нормальныхъ классахъ читаются слѣдующіе предметы: религія, языки нѣмецкій, французскій и англійскій (на иностр. языки 42 ч.), арифметика, алгебра и геометрія (всего 38 ч.), естественная исторія (4 ч.), физика (6 ч.), химія (6 ч.), исторія (8 ч.), географія (12 ч.), коммерція и бухгалтерія (всего 4 часа), каллиграфія и черченіе (15 ч.). Стенографія преподается какъ необязательный предметъ. Преобладаніе теоріи надъ практикой вполне характеризуетъ учебный планъ Нюрнбергскаго училища. Въ немъ весьма слабо представлена коммерческая спеціальность: исключивши 4 урока по коммерціи и бухгалтеріи, получимъ обыкновенный курсъ реального училища. Совсе не преподаются такіе необходимыя въ коммерческомъ училищѣ предметы, какъ товаровѣдѣніе, технологія, торговое право, политическая экономія, статистика, исторія коммерціи и коммерческая географія.

6) *Noelle'sche Handellsschule zu Osnabrück* основано въ 1834 году профессоромъ Неллемъ. Училище это пользуется въ Германіи большою репутаціей, хотя его курсъ еще менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ курсъ Нюрнбергскаго училища. Въ теченіе 3-хъ учебныхъ лѣтъ преподаются общіе предметы по обыкновенному курсу реального училища, съ добавленіемъ коммерческой корреспонденціи, читающейся съ иностранными языками (французскимъ 19 ч. и англійскимъ 18 ч.), коммерческой арифметики (всего 8 ч.) и исторіи коммерціи (вмѣстѣ съ общою исторіей—6 ч.). Въ учебномъ планѣ вовсе не упоминаются коммерція и бухгалтерія, торговое право и пр.

7) *Handelsschule zu Berlin* основана въ 1848 году докторомъ Лавге. Училище состоитъ изъ 5 классовъ; 3-й и 4-й классы дѣлятся на двѣ секціи, проходимыя всѣми учениками. Курсъ ученія во всѣхъ классахъ и секціяхъ годичный, кромѣ первой секціи 3-го класса, имѣющей семестральный курсъ. Бромѣ общеобразовательныхъ предметовъ (закона Божія, математики, наукъ физическихъ и естественныхъ, каллиграфіи, черченія и гимнастики), въ Берлинскомъ училищѣ преподаются слѣдующіе спеціальные предметы; коммерческая географія

съ исторіей коммерціи (26 недѣльн. часовъ), коммерческія вычисленія (24 ч.), счетоводство (3 ч.) и коммерція (3 ч.). На иностранныя языки (англійскій и французскій) положено 68 ч. Не преподаются: торговое право, политическая экономія, статистика, товаровѣдѣніе и технологія.

8) Oeffentliche Handels-Lehranstalt zu Chemnitz—институтъ, основанный въ 1848 году мѣстною корпораціей фабрикантовъ и коммерсантовъ. Институтъ находится подъ покровительствомъ коммерческой палаты и подчиняется министру внутреннихъ дѣлъ. Это училище состоитъ изъ высшаго отдѣленія и отдѣленія для *apprentis*. Высшее отдѣленіе предназначается для молодыхъ людей, желающихъ получить полное коммерческое образованіе и поступающихъ въ институтъ по особому экзамену. Курсъ ученія въ институтѣ трехгодичный; второгодники дѣлятся на двѣ параллельныя секціи. Учебный планъ Хемницкаго института развитъ съ гораздо большею полнотою, чѣмъ въ Берлинскомъ или Оснабрюкскомъ училищахъ. Хотя и здѣсь преобладаютъ общіе предметы (географія, исторія, математика, физика, химія и пр., всего 51 ч.) надъ спеціальными (30 ч.), но составъ послѣднихъ опредѣленъ довольно обстоятельно. Именно учебный планъ Хемницкаго института обнимаетъ собою слѣдующіе спеціальные предметы: коммерцію съ торговымъ правомъ (5 ч.), политическую экономію (2 ч.), счетоводство и корреспонденцію (8 ч.), коммерческую ариметику (10 ч.), товаровѣдѣніе (2 ч.), технологію химическую и механическую (3 ч.). Не читаются: статистика, коммерческая географія и исторія коммерціи. На иностранныя языки (французскій и англійскій) назначено 28 недѣльныхъ часовъ. Во второе отдѣленіе поступаютъ *apprentis* по особому экзамену. Отдѣленіе это состоитъ изъ трехгодичныхъ курсовъ. Читаются элементарные курсы: коммерціи (3 ч.), счетоводства и корреспонденціи (4 ч.), коммерческой математики (7 ч.), товаровѣдѣнія (2 ч.), географіи (4 ч.), нѣмецкаго языка (5 ч.) и каллиграфіи (2 ч.). На каждомъ курсѣ читается по 9 недѣльныхъ часовъ.

9) Höhere Handelsschule и Handels Akademie zu Gera. Это спеціальное заведеніе основано въ 1849 году докторомъ Амтгоромъ въ Гильбургаузенѣ, откуда въ 1854 году оно было переведено въ Геру. Герскій институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій—высшаго коммерческаго училища и коммерческой академіи. На обоихъ отдѣленіяхъ могутъ быть регулярные ученики и вольнослушатели.

Первое отдѣленіе состоитъ изъ 4-хъ годичныхъ курсовъ: одного

приготовительнаго и трехъ нормальныхъ. Учебный планъ обнимаетъ собою всѣ предметы общаго и спеціально-коммерческаго образованія (кроме технологій, не преподаваемой въ Герской академіи). Какъ и въ другихъ коммерческихъ училищахъ Германіи, въ Герской академіи теорія рѣшительно преобладаетъ надъ практикой. На коммерцію и бухгалтерію назначено всего 9 недѣльныхъ часовъ (изъ нихъ собственно на конторскія работы отведено только 5 часовъ), тогда какъ по физико-математическому отдѣлу (математикѣ, физикѣ, химіи, естественной исторіи и товаровѣдѣнію) положено 26 ч., по исторіи коммерціи (съ общою исторіей) и географіи общей, коммерческой и промышленной—18 ч., по торговому праву 13 ч. Иностранные языки (французскій и англійскій) читаются вмѣстѣ съ коммерческою корреспонденціей (вмѣстѣ 40 ч.). На первыхъ трехъ курсахъ преподаются каллиграфія (5 ч.) и стенографія (3.).

Собственно академическое отдѣленіе имѣетъ годичный курсъ и предназначается для молодыхъ людей, которые, окончивъ свое образованіе въ высшихъ заведеніяхъ государства, желаютъ въ возможно короткое время приобрѣсти спеціальныя познанія, необходимыя для коммерческой практики. Кроме студентовъ, на это отдѣленіе допускаются также вольнослушатели. Учебный планъ академическаго отдѣленія обнимаетъ собою исключительно спеціальныя предметы: языки нѣмецкій, французскій и англійскій съ корреспонденціей на этихъ языкахъ (8 ч. по иностр. яз.), конторскія работы съ бухгалтеріей (4 ч.), коммерческія вычисленія (2 ч.), товаровѣдѣніе (3 ч.), коммерческую географію (2 ч.), исторію коммерціи (1 ч.), торговое право (3 ч.), политическую экономію (1 ч.) и стенографію (2 ч.).

10) Oeffentliche Handels-Lehranstalt zu Bautzen. Этотъ институтъ основанъ въ 1856 году обществомъ мѣстныхъ негоціантовъ при пособіи муниципалитета и находится подъ контролемъ городского совѣта и министра внутреннихъ дѣлъ. Институтъ состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: высшаго коммерческаго училища, спеціального коммерческаго курса и отдѣленія для apprentices.

Въ высшее коммерческое училище принимаются ученики не моложе 14 лѣтъ, по особому приѣмному экзамену. Курсъ ученія двухъ-годичный. Учебный планъ училища обнимаетъ собою общіе и спеціальныя предметы. Изъ общихъ предметовъ читаются только элементарныя курсы общей исторіи, географіи и естественныхъ наукъ. Къ спеціальнымъ предметамъ отнесены: коммерція съ политическою экономіей (5 ч.), счетоводство и бухгалтерія (6 ч.), коммерческая арифметика

(11 ч.), коммерческая корреспонденція (3 ч.), коммерческая географія (съ общою географіей 4 часа) и исторія коммерціи (съ общою исторіей 4 ч.). На иностранные языки (французскій и англійскій) назначено 22 ч. Не преподаются: торговое право, статистика, товаровѣдѣніе и технологія.

Второе отдѣленіе составляетъ спеціальныи коммерческій курсъ, предназначенный въ то же время для приготовленія къ экзамену для вольно-опредѣляющихся въ военную службу. Отдѣленіе это дѣлится на двѣ секціи, каждая съ годичнымъ курсомъ. Секція А предназначена для учениковъ, окончившихъ первое или третье отдѣленіе института и желающихъ приготовиться къ экзамену на годовую службу волонтеромъ. Преподаваніе на этой секціи обнимаетъ нѣмецкій языкъ и литературу, французскій и англійскій языки, географію, исторію, математику и естественную исторію (всего 21 недѣльн. часъ). Секція В имѣетъ въ виду молодыхъ людей, уже занимающихся коммерческою практикой, а также учениковъ, окончившихъ курсъ гимназій и лицеевъ и желающихъ въ теченіе года посвятить себя изученію главныхъ предметовъ коммерческаго образованія. На этой секціи читаются: коммерція и политическая экономія (3 ч.), операціи счетоводства и бухгалтеріи (3 ч.), коммерческая ариметика (3 ч.), коммерческая корреспонденція (3 ч.) и каллиграфія (3 ч.).

Третье отдѣленіе для *argentis* имѣетъ существенно практическій характеръ и состоитъ изъ 3-хъ годичныхъ курсовъ. Принимаются практиканты (*Lehrlingen, commis* и др.), имѣющие не менѣе 14 лѣтъ, выдержавшіе приемный экзаменъ по установленной программѣ. Въ учебный планъ 3-го отдѣленія входятъ слѣдующіе предметы: коммерція и политическая экономія (4 ч.), счетоводство и бухгалтерія (5 ч.), коммерческая ариметика (8 ч.), коммерческая корреспонденція (2 ч.), языкъ нѣмецкій и литература (7 ч.), языкъ французскій и корреспонденція (7 ч.), языкъ англійскій и корреспонденція (4 ч.), географія общая и коммерческая (5 ч.), исторія общая и коммерческая (2 ч.) и каллиграфія (2 ч.).

11) *Nägler's Handelsschule zu Offenbach-am-Mein*. Училище основано въ 1859 году мѣстными коммерсантами и фабрикантами, по иниціативѣ доктора Неглера. По первоначальному уставу училище состояло изъ 3-хъ спеціальныхъ курсовъ, имѣвшихъ цѣлью дать чисто коммерческое образованіе молодымъ людямъ, уже окончившимъ курсъ публичныхъ училищъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что въ училище поступаютъ ученики, не одинаково подго-

товленные къ слушанію спеціальныхъ курсовъ, и въ 1861 году открыто было при училищѣ низшее отдѣленіе. Министерскимъ циркуляромъ 16-го октября 1863 года училище было причислено къ публичнымъ заведеніямъ, дипломы которыхъ даютъ льготы по военной повинности; вмѣстѣ съ этимъ администрація открыла при училищѣ особые курсы, не имѣющіе цѣлю спеціальной подготовки къ коммерческой карьерѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ училище имѣетъ характеръ заведенія коммерческаго и вмѣстѣ съ тѣмъ техническаго. Ученіе продолжается въ немъ 10 лѣтъ. Училище состоитъ изъ двухъ отдѣленій низшаго и высшаго.

Низшее отдѣленіе по своей программѣ соответствуетъ высшему общинному училищу (Bürgerschule). Въ него принимаются ученики отъ 6 до 14 лѣтъ. Оно состоитъ изъ приготовительнаго училища (Vorschule) съ годичнымъ курсомъ и 3 нормальныхъ классовъ, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ. Въ Vorschule преподаются: законъ Божій, нѣмецкій языкъ, счеты (4 ч.), отечествовѣдѣніе, наглядное обученіе, письмо, рисованіе, гимнастика и пѣніе (всего 17 недѣльныхъ часовъ). Въ нормальныхъ классахъ низшаго отдѣленія преобладаетъ преподаваніе общихъ предметовъ: закона Божьяго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, геометріи, естественныхъ наукъ, исторіи, географіи, каллиграфіи, черченія, пѣнія и гимнастики; изъ спеціальныхъ предметовъ читается одна коммерческая ариметика (14 ч.), которая и заканчивается въ низшемъ отдѣленіи (всего въ I и II классахъ по 32 недѣльн. часа, въ 3 классѣ 34).

Въ высшее отдѣленіе принимаются ученики не моложе 14 и не старше 20 лѣтъ, окончившіе курсъ низшаго отдѣленія или удовлетворительно выдержавшіе экзаменъ по программѣ низшаго отдѣленія. Высшее отдѣленіе состоитъ изъ 3 классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Учебный планъ этого отдѣленія обнимаетъ собою предметы, преподающіеся въ низшемъ отдѣленіи (кромѣ закона Божія, коммерческой ариметики и пѣнія), и кромѣ того, вводитъ новые предметы, именно: англійскій языкъ, коммерцію (подъ рубрикой „коммерческихъ наукъ“ разумѣются ученіе о коммерціи, бухгалтерія, корреспонденція, конторскія работы, торговое и вексельное право и политическая экономія,—всего 12 недѣльн. часовъ), алгебру, физику, химию (всего въ I кл.—34 ч., II кл.—37 ч., III кл.—36 ч.). Къ необязательнымъ предметамъ относятся: языки испанскій, итальянскій и голландскій. Наиболѣе обстоятельно развито преподаваніе иностранныхъ языковъ (французскаго и англійскаго)—65 часовъ (болѣе 15%). На спеціаль-

ные предметы (коммерческую арифметику и коммерцію) посвящается только 26 часовъ (то-есть, до 8⁰/о); остальное учебное время (до 77⁰/о) идетъ исключительно на преподаваніе общихъ предметовъ. Товаровѣдѣніе, технологія коммерческая статистика, исторія коммерціи и коммерческая географія принадлежать къ существеннымъ пробѣламъ въ учебномъ планѣ училища, страдающаго общимъ недостаткомъ публичныхъ заведеній Германіи—преобладаніемъ теоріи надъ практикой.

12) Oeffentliche Handelsschule zu Pirna. Училище основано въ 1859 году мѣстною коммерческою палатою. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣленій для регулярныхъ учениковъ и для apprentices.

Въ первое отдѣленіе принимаются ученики не моложе 14 лѣтъ, еще не участвовавшіе въ коммерческой практикѣ и могущіе посвящать все свое время обученію въ училищѣ. Приемъ въ первое отдѣленіе допускается не иначе, какъ по особому экзамену. Отдѣленіе состоитъ изъ двухъ годичныхъ классовъ—низшаго и высшаго; первый классъ имѣетъ значеніе подготовительнаго курса для учениковъ, не обладающихъ достаточными познаніями для слушанія предметовъ высшаго класса. Въ обоихъ классахъ преподаются одни и тѣ же предметы, именно: языки нѣмецкій, французскій (4 ч.), англійскій (4 ч.), математика (6 ч.), коммерческія вычисленія (9 ч.), географія (4 ч.), естественная исторія и физика (4 ч.), бухгалтерія (3 ч.), политическая экономія и коммерція (5 ч.), черченіе и каллиграфія (6 ч.). Стенографія считается необязательнымъ предметомъ. И здѣсь преподаваніе общихъ предметовъ (70⁰/о) вполне преобладаетъ надъ спеціально коммерческими дисциплинами (всего 30⁰/о); въ составъ послѣднихъ учебный планъ училища вовсе не вводитъ такіа важныя отрасли коммерческаго образованія, какъ торговое право, коммерческая статистика, исторія коммерціи, коммерческая географія, химія, товаровѣдѣніе и технологія.

Второе отдѣленіе предназначается для лицъ, служащихъ въ коммерческихъ конторахъ, магазинахъ и пр. Въ слушатели по этому отдѣленію допускаются лица не моложе 14 лѣтъ по особому приѣмному экзамену. Это отдѣленіе состоитъ изъ трехъ годичныхъ классовъ; изъ нихъ первый—приготовительный. Преподаваніе отличается элементарнымъ характеромъ (по 10 недѣльн. часовъ въ каждомъ классѣ) и обнимаетъ собою языки (нѣмецкій и французскій), коммерческія вычисленія (6 ч.), коммерческую географію (2 ч.), бухгалтерію (2 ч.), коммерцію (4 ч.), каллиграфію (6 ч.), коммерческую корреспонденцію

(3 ч.) и товаровѣдѣніе (2 ч.). Англійскій языкъ считается на второмъ отдѣленіи необязательнымъ предметомъ.

13) Höhere Handelsschule zu Dresden-Neustadt. Училище это основано въ 1860 г. частнымъ лицомъ (M. L. Kressner) и состоитъ: а) изъ трехкласснаго отдѣленія для регулярныхъ учениковъ; б) двухкласснаго отдѣленія для apprentices съ приготовительнымъ классомъ и в) вечернихъ курсовъ.

Первое отдѣленіе имѣетъ довольно полный учебный планъ, обнимающій, кромѣ языковъ (нѣмецкаго, англійскаго и французскаго), слѣдующіе предметы: коммерческую ариметику, каллиграфію, счетоводство, бухгалтерію и конторскія работы, коммерческую корреспонденцію, торговое право и политическую экономію, товаровѣдѣніе, коммерческую географію, исторію коммерціи, очеркъ коммерціи (привозной и экспортной) и коммерческихъ приспособленій—биржъ, банковъ, и пр. Для apprentices преподаются элементарные курсы перечисленныхъ предметовъ, кромѣ политической экономіи и коммерціи. Вечерніе курсы предназначаются для чтеній по отдѣльнымъ предметамъ; по уставу дозволяется желающимъ записываться на отдѣльные курсы, безъ права на полученіе дипломовъ, выдаваемыхъ регулярнымъ ученикамъ.

14) Höhere Privat-Lehranstalt zu Braunschweig — частный институтъ, открытый въ 1861 году докторомъ Гюнтеромъ. Это заведеніе представляетъ собою собственно шести-классное реальное училище, съ раздѣленіемъ на два отдѣленія—низшее и высшее. Въ послѣднемъ преподаются тѣ же предметы, что и въ низшемъ отдѣленіи реальныхъ училищъ, съ добавленіемъ особыхъ курсовъ англійскаго и французскаго языковъ, практической химіи, бухгалтеріи и каллиграфіи. Въ низшемъ отдѣленіи установлено необязательное изученіе латинскаго языка.

15) Real-u. Handelschule zu Mainz—тоже частное заведеніе, открытое докторомъ Гезкампомъ. Оно имѣетъ такое же устройство, какъ и Брауншвейгскій институтъ Гюнтера, и состоитъ изъ 6-ти классовъ съ приготовительнымъ отдѣленіемъ.

16) Vereinigte Handels-Akademie u höhere Fortbildungsschule zu Dresden-Altstadt. Академія основана въ 1866 году Оскаромъ Клемихомъ (Klemich). Въ 1875 г. къ академіи прибавлено высшее приготовительное училище (Höhere Fortbildungs-Schule). Цѣлью академіи служитъ организація высшаго коммерческаго образованія. Она состоитъ изъ трехъ отдѣленій: а) Kaufmännische Hochschule—

предназначенное для Handelsschüler, имѣющихъ въ виду теоретическое изученіе важнѣйшихъ дисциплинъ коммерческихъ наукъ съ чисто научными цѣлями, а также ради основательной подготовки къ коммерческой практикѣ; 6) Höhere Fortbildungs-Schule — для apprentices (Fortbildungsschüler), избравшихъ себѣ уже родъ коммерческихъ, конторскихъ или сродныхъ занятій и желающихъ дополнить свое образованіе изученіемъ специальныхъ коммерческихъ наукъ; 7) Privat-Kurse — для Privat-schüler, то-есть, для учениковъ и для взрослыхъ обоихъ половъ, записавшихся на отдѣльные предметы преподаванія.

Система преподаванія въ академіи построена собственно на основаніи учебныхъ плановъ германскихъ университетовъ. Первое отдѣленіе имѣетъ два семестральныхъ курса, на которые могутъ записываться регулярные ученики и вольнослушатели. Общаго учебнаго плана, одинаково обязательнаго для всѣхъ слушателей, не существуетъ въ Дрезденской академіи: въ ней признанъ университетскій принципъ свободы слушанія и самостоятельности студентовъ. Слушателямъ всѣхъ отдѣленій дозволяется свободный выборъ предметовъ по коллегіямъ — группамъ слушателей. Число предметовъ, избираемыхъ для слушанія въ каждомъ семестрѣ, опредѣляется самими слушателями ¹⁾. Въ порядкѣ слушанія предметовъ слушатели разбиваются на классы; постепенность такихъ классовъ опредѣляется, смотря по возрасту, предметамъ и подготовительнымъ познаніямъ слушателей.

Второе отдѣленіе имѣетъ также семестральное дѣленіе (изъ двухъ семестровъ); здѣсь также имѣетъ мѣсто свободный выборъ предметовъ для слушанія на томъ или другомъ семестрѣ.

Курсъ третьяго отдѣленія бываетъ годичный (то-есть, изъ двухъ семестровъ), семестральный и полусеместральный. Слушатели сами избираютъ предметы и сообразно съ этимъ группируются по классамъ, при чемъ классы для молодыхъ отдѣляются отъ классовъ старшихъ возрастовъ обоюго пола. Классы могутъ быть большіе и малые, обнимать цѣлую группу предметовъ, а по желанію могутъ устроиваться и „Solo-Lektionen“.

Общее число лекцій во всѣхъ отдѣленіяхъ полагается по двѣ недѣльные лекціи по каждому предмету. Профессора впрочемъ мо-

¹⁾ По обычаю германскихъ университетовъ, усвоенному теперь и въ русскихъ университетахъ, для каждого семестра составляются примѣрные планы постепенности слушанія предметовъ, при чемъ въ семестрѣ сводится опредѣленная группа предметовъ.

гутъ объявлять такъ-называемую „Schnell-Kurse“ (съ большимъ противъ нормы числомъ лекцій). Лекціи большею частію вечернія.

Учебный планъ Дрезденской академіи обнимаетъ собою слѣдующіе предметы: коммерческую ариметику, бухгалтерію, языки нѣмецкій и иностранные (англійскій, французскій, греческій, италіанскій, латинскій, русскій и испанскій), географію политическую и коммерческую, практическую геометрію, торговое право (съ общимъ ученіемъ о правѣ и конституціи), каллиграфію, коммерческую корреспонденцію, исторію литературы, логику (и реторику), математику, естественную исторію (съ физикой и ученіемъ о природѣ), философію (особенно исторію философій, также исторію культуры), психологію, ученіе о государственныхъ бумагахъ, акціяхъ и биржевыхъ операціяхъ, статистику (съ политическою экономіей и ученіемъ о средствахъ сообщенія), стено-грамматiku, товаровѣдѣніе, ученіе о векселяхъ (съ вексельными законами) и черченіе.

17) Städtische Handelsschule zu München—основано мѣстнымъ муниципалитетомъ въ 1868 г. Устройство этого заведенія во многомъ сходно съ Парижскою Ecole commerciale. Училище состоитъ изъ трехъ отдѣленій, съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ. Въ училище принимаются ученики съ десяти-лѣтняго возраста. Кромѣ регулярныхъ учениковъ допускаются и вольнослушатели. Кромѣ общихъ предметовъ, читаются коммерческая ариметика, коммерція, счетоводство, бухгалтерія, коммерческая корреспонденція, коммерческая географія и исторія коммерціи. И здѣсь не совсѣмъ полный курсъ: во все не читаются торговое право, политическая экономія, статистика, товаровѣдѣніе и технологія; въ курсѣ преобладаютъ вполнѣ теоретическіе предметы надъ практическими, на спеціально коммерческія науки (коммерцію счетоводство и пр.) назначено всего 8 недѣльныхъ часовъ. Гораздо лучше обставлены иностранные языки: на французскій языкъ положено 32 ч., на англійскій—17 ч.

18) Höhere Handels-Fachschule zu Erfurt. Училище основано въ 1868 г. докт. Валемъ. Оно состоитъ изъ 3 годичныхъ классовъ; изъ нихъ первый и второй дѣлятся на двѣ секціи, каждая съ семестральнымъ курсомъ. Учебный планъ обнимаетъ собою общіе предметы реальнаго училища и предметы спеціально-коммерческіе. Изъ послѣднихъ преподаются: коммерческая ариметика (6½ ч.), конторскія операціи (4 ч.), коммерческая корреспонденція (13½ ч.), коммерція (11½ ч.), механика и технологія съ элементами товаровѣдѣнія (1½ ч.) и иностранные языки—французскій, англійскій и

италианскій (28 ч.). Въ общей сложности специальное преподаваніе обставлено въ Эрфуртскомъ училищѣ болѣе цѣлесообразно, чѣмъ въ другихъ коммерческихъ училищахъ Германіи: на коммерческія дисциплины съ иностранными языками посвящается 61%, учебного времени,—процентъ, какого мы не находимъ въ другихъ германскихъ заведеніяхъ. Но учебный планъ Эрфуртскаго высшаго училища страдаетъ большимъ пробѣломъ: въ училищѣ вовсе не преподаются такіа важныя отрасли торговѣдѣнія, какъ торговое право, политическая экономія, статистика, коммерческая географія и исторія коммерціи.

1°) Handelslehranstalt zu Leipzig. Этотъ институтъ открытъ въ 1869 г. д-ромъ Ф. Боохъ-Аркossi. Онъ раздѣляется на два отдѣленія. Одно изъ нихъ предназначается для коммерческихъ *commis*, другое для регулярныхъ учениковъ.

Первое отдѣленіе имѣетъ трехгодичный курсъ и предназначено для преподаванія только специальныхъ предметовъ: торговаго права, коммерціи, бухгалтеріи, коммерческой географіи и статистики, технологіи, товаровѣдѣнія, коммерческихъ вычисленій, каллиграфіи и цѣлаго ряда новыхъ языковъ—нѣмецкаго, англійскаго, французскаго, голландскаго, италіанскаго, португальскаго и испанскаго. На каждый предметъ полагается по два недѣльныхъ часа. Лекціи читаются утромъ отъ 6 до 9 часовъ и вечеромъ въ тѣ же часы.

Второе отдѣленіе состоитъ изъ регулярныхъ учениковъ. Учебный курсъ продолжается отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ. На этомъ отдѣленіи поставлено на первомъ планѣ преподаваніе иностранныхъ языковъ (основатель института владѣетъ 15 новыми языками, которые онъ и преподаетъ): кромѣ обязательнаго изученія англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ (курсъ нѣмецкаго языка читается для иностранцевъ на ихъ природномъ языкѣ), учащіеся имѣютъ возможность изучать, по своему желанію и выбору, языки италіанскій, португальскій, голландскій, датскій, шведскій, русскій, польскій, венгерскій, румынскій и новогреческій. Остальные предметы имѣютъ специальный характеръ, именно: коммерческая корреспонденція на упомянутыхъ выше языкахъ; коммерческая арифметика; бухгалтерія; работы въ бюро (на разныхъ языкахъ), право торговое, вексельное и морское; коммерческія географія, исторія и статистика; ученіе о коммерціи вообще и коммерческая каллиграфія. Для полноты преподаванія недостаетъ политической экономіи, товаровѣдѣнія и технологіи.

20) Höhere Handels Lehranstalt zu Breslau. Институтъ основанъ въ 1869 г. д-ромъ Штейнгаузомъ. Учащіеся принимаются съ 14 лѣтъ, по приемному экзамену. Курсъ ученія—четырёхгодичный. По своему учебному плану и программамъ преподаванія институтъ представляетъ собственно высшее реальное училище, съ добавленіемъ специальныхъ курсовъ по коммерціи, счетоводству, работамъ въ бюро, корреспонденціи, коммерческимъ вычисленіямъ, торговому праву, политической экономіи, французскому и нѣмецкому языкамъ и каллиграфіи. Не преподаются: товаровѣдѣніе, коммерческая географія, исторія коммерціи и англійскій языкъ. При институтѣ имѣется особое отдѣленіе съ утренними и вечерними курсами для apprentices.

21) Höhere Handelsschule zu Stuttgart. Это высшее училище основано въ 1871 г., съ цѣлью организаціи общаго и спеціальнаго образованія для лицъ, посвящающихъ себя коммерческой карьерѣ. Училище находится въ главномъ вѣдѣніи министра исповѣданій и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: Abtheilung A — двухгодичнаго курса и Abtheilung B (Jahreskurs).

Первое отдѣленіе раздѣляется на приготовительный классъ и три основные класса. Въ каждомъ классѣ ученіе продолжается одинъ семестръ. Приготовительный классъ имѣетъ цѣлью подготовить къ поступленію въ основные классы молодыхъ людей, не владѣющихъ достаточными для того познаніями. Въ училище принимаются люди въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ, по особому приемному экзамену. Новые курсы открываются два раза въ годъ — въ апрѣлѣ и октябрѣ. Въ учебное время учащіеся подвергаются репетиціямъ. Въ концѣ каждаго семестра имъ выдаются свидѣтельства объ успѣхахъ и поведеніи. По выслушаніи курса послѣдняго семестра слушатели подвергаются выпускнымъ экзаменамъ письменнымъ и устнымъ; удовлетворительно выдержавшіе окончательный экзаменъ получаютъ свидѣтельства зрѣлости (Reifezeugnisse). Въ приготовительномъ классѣ преподаются языки нѣмецкій, французскій и англійскій, общая географія и исторія, общее естествовѣдѣніе ¹⁾, начала планиметріи, алгебры и арифметики и чистописаніе (всего 35 недѣльн. часовъ въ семестръ). Въ основныхъ классахъ, кромѣ продолженія курсовъ при-

¹⁾ „Allgemeine Naturkunde“ служить подготовительнымъ курсомъ къ товаровѣдѣнію и состоитъ въ изложеніи началъ ботаники и зоологій съ очеркомъ человѣческой анатоміи (о строеніи человѣческаго тѣла).

готовительнаго класса (общая географія и естественныя науки заканчиваются въ приготовительномъ классѣ), преподаются слѣдующіе предметы: исторія литературы, коммерческая географія, общая исторія, исторія коммерціи съ коммерческою статистикою, химія съ элементами физики, товаровѣдѣніе и технологія, коммерческая алгебра, коммерческая ариѳметика, политическая ариѳметика (примѣнительно къ вычисленію государственныхъ долговъ, лоттерей, рентъ, страховыхъ премій и пр.), бухгалтерія и корреспонденція, ученіе о коммерціи, торговое, вексельное и морское право и политическая экономія. Кромѣ того, въ качествѣ необязательныхъ предметовъ читаются: языки испанскій и италіанскій и стенографія. На иностранныя языки посвящается 11 недѣльн. часовъ ($15,2\%$). Второе мѣсто въ системѣ преподаванія занимаютъ физико-математическія науки: на математику назначено 13 ч. (18%), на химію, товаровѣдѣніе и пр. — $6\frac{1}{2}$ ч. ($8,5\%$). Затѣмъ слѣдуютъ историко-географическія науки — 10 ч. ($13,9\%$). За то бѣдно обставлена бухгалтерія съ корреспонденціей: на нихъ положено всего $5\frac{1}{2}$ ч. ($7,6\%$). Ученіе о правѣ торговомъ, вексельномъ и морскомъ излагается крайне элементарно—всего 1 ч., на преподаваніе политической экономіи назначено $2\frac{1}{2}$ ч. Изъ изложеннаго учебнаго плана Штутгартскаго училища видно, что усвоенная въ немъ система преподаванія построена на общихъ началахъ съ другими германскими училищами, то-есть, съ полнымъ преобладаніемъ теоріи надъ практикой.

Второе отдѣленіе (Jahreskurs) предназначается для учениковъ, которые по своимъ познаніямъ и общей зрѣлости могутъ въ теченіи года пріобрѣсти въ училищѣ спеціальныя свѣдѣнія, необходимыя для практической дѣятельности коммерсанта. Въ виду этого на второмъ отдѣленіи преподаются только такіе предметы, которые имѣютъ прямую связь съ коммерціей, именно: отечественный (2 ч.) и иностранныя языки (9 ч.), коммерческая географія (2 ч.), исторія коммерціи (главнымъ образомъ о торговой политикѣ—2 ч.), коммерческія вычисленія (4 ч.), бухгалтерія и корреспонденція (3 ч.) политическая экономія (3 ч.), ученіе о торговлѣ (2 ч.), торговое и вексельное право (3 ч.) и каллиграфія (2 ч.); всего 32 недѣльн. часа.

22) Städtische Handelsschule in Marktbreit основано муниципалитетомъ въ 1875 г. Училище имѣетъ шести-лѣтній курсъ и раздѣляется на низшее и высшее отдѣленія. Низшее отдѣленіе, по своей программѣ, соотвѣтствуетъ курсу трехкласснаго реального училища.

Послѣдніе три класса составляютъ высшее коммерческое отдѣленіе, на которомъ сосредоточены спеціальные предметы. Въ первый классъ низшаго отдѣленія принимаются ученики съ 10 до 13 лѣтъ, по экзамену изъ курса народныхъ школъ. Въ коммерческое отдѣленіе (въ IV классъ) допускается пріемъ новыхъ учениковъ по экзамену изъ предметовъ низшаго отдѣленія или по выпускному свидѣтельству публичнаго училища. Въ низшемъ отдѣленіи преподаются: религія, нѣмецкій и французскій языки, общая географія и исторія, ариѳметическія вычисленія, естественная исторія, черченіе, каллиграфія, гимнастика и пѣніе; кромѣ того, читается латинскій языкъ во всѣхъ трехъ классахъ (отъ 7 до 10 часовъ въ недѣлю), при чемъ ученики посвящающіе себя спеціально коммерціи не обязаны изучать этотъ предметъ. Въ высшемъ отдѣленіи продолжаются курсы низшихъ классовъ и вводятся новые предметы: англійскій языкъ, коммерческая географія, математика, физика, химія и политическая экономія. Въ учебномъ планѣ этого училища особенно рѣзко высказывается основная черта германскихъ коммерческихъ училищъ, господство теоріи надъ практикой: въ Марктбрейтскомъ училищѣ вовсе не преподаются, какъ самостоятельныя дисциплины, бухгалтерія, счетоводство, коммерція, корреспонденція, товаровѣдѣніе, технология, исторія коммерціи, торговое право и коммерческая статистика. Главное вниманіе обращено на иностранные языки (38 ч.), математику (39 ч.), естественно-химическія науки (18 ч.) и науки историко-географическія (18 ч.).

23) Höhere Handelsschule zu Calw in Württemberg. Училище открыто мѣстною коммерческо-ремесленною палатой въ 1876 г., съ цѣлью дать солидное и прочное образованіе молодымъ людямъ, посвящающимъ себя коммерціи и другимъ промышленнымъ профессіямъ. По уставу училище должно стремиться, при содѣйствіи теоретическаго образованія, развить въ молодомъ коммерсантѣ способность къ практической дѣятельности, дать ему основы для занятія въ жизни того положенія, какое въ наши дни занимаетъ коммерсантъ.

Высшее училище состоитъ изъ 4-хъ классовъ, каждый съ семестральнымъ курсомъ ученія. Въ первый классъ принимаются ученики, въ возрастѣ не моложе 14 лѣтъ, по свидѣтельству высшей городской школы (Bürgerschule) или второразряднаго реальнаго училища; не имѣющіе такихъ свидѣтельствъ допускаются къ пріему въ училище не иначе, какъ по особому экзамену. Въ концѣ cadaго семестра

ученики получаютъ, на основаніи репетицій, отмітки объ успѣхахъ по пройденнымъ въ теченіи семестра предметамъ; бюллетени объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ по каждому семестру сообщаются ихъ родителямъ. Ежегодно, весной, производится публично выпускной экзаменъ. Воспитанники, съ успѣхомъ выдержавшіе экзаменъ, получаютъ свидѣтельство зрѣлости, съ правомъ на годичный волонтеріатъ по воинской повинности.

Въ учебный планъ Калвскаго высшаго училища входятъ слѣдующіе предметы: ученіе о коммерціи, о государственномъ хозяйствѣ, конторскія работы, исторія коммерціи, коммерческая статистика, арифметика, торговое и вексельное право, нѣмецкая литература и стилистика, французскій и англійскій языки съ корреспонденціей, товаровѣдѣніе, технологія химическая и механическая, алгебра и геометрія, физика, химія, каллиграфія и необязательно — италіанскій языкъ и черченіе. Калвское училище представляетъ чуть ли не единственный примѣръ германскаго заведенія, въ которомъ теорія не преобладаетъ надъ практикой. Въ этомъ училищѣ на первомъ планѣ стоятъ спеціально коммерческіе предметы: на коммерцію, конторскія работы и корреспонденцію назначено 15 недѣльныхъ часовъ и на коммерческія вычисленія 8 ч., всего 23 часа (то-есть, болѣе 33%). Остальные предметы преподаванія обставлены болѣе или менѣе удовлетворительно (по общей математикѣ 8 ч., иностраннымъ языкамъ 6½ ч., физико-химическимъ наукамъ — 6 ч., праву и экономіи 3 ч.). Для полноты преподаванія недостаетъ только коммерческой географіи. Общія начала политической экономіи излагаются вмѣстѣ съ ученіемъ о государственномъ хозяйствѣ.

Для дѣтей, не достигшихъ положеннаго возраста, а также для лицъ, не могущихъ поступить въ училище по недостаточности познаній, и для иностранцевъ, малознающихъ нѣмецкій языкъ, существуетъ при Калвскомъ училищѣ приготовительный курсъ, съ программой низшаго реального училища. Сюда могутъ поступать дѣти съ 10-ти лѣтъ. Курсъ продолжается два семестра, въ теченіи которыхъ преподаются: нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, естественная исторія, арифметика, алгебра, начала физики и каллиграфія. Ученики, удовлетворительно окончившіе приготовительный курсъ, переходятъ въ первый основной классъ училища. Кромѣ того, при Калвскомъ училищѣ открыты еще два спеціальныя курса: *sechsmonatlicher Fortbildungscursus* и *dreimonatlicher gewerblicher*

Cursus. Первый курсъ открытъ для молодыхъ коммерсантовъ, получившихъ общее образованіе въ публичныхъ училищахъ (общихъ и специальныхъ) и желающихъ расширить свои познанія изученіемъ специальныхъ коммерческихъ наукъ. Въ теченіе одного семестра для нихъ читаются: бухгалтерія (простая и двойная), корреспонденція, общее счетоводство, ариѳметика, вексельное право, коммерческая географія, иностранная терминологія, каллиграфія и языки: французскій или англійскій (по выбору ученика),—всего 32 недѣльных урока въ семестръ. Gewerbecursus открытъ для промышленниковъ (Gewerbetreibenden), нуждающихся въ низшемъ коммерческомъ образованіи. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ они слушаютъ элементарные курсы бухгалтеріи, общаго счетоводства, корреспонденціи, коммерческихъ вычисленій, каллиграфіи, иностранной терминологіи и нѣмецкаго языка (всего 27 ч.).

24) Allgemeine Handelslehranstalt zu Augsburg. Институтъ открытъ въ 1879 г. I. Штальманомъ. Заведеніе это состоитъ подъ покровительствомъ корпораціи мѣстныхъ неогоціантовъ и муниципалитета. Институтъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: Höhere Bürgerschule, höhere Handelsschule и Lehrlingsabtheilung.

Первое отдѣленіе представляетъ собственно приготовительный курсъ, продолжающійся два года. Въ него принимаются ученики съ 13-ти лѣтъ. Преподаваніе ведется по общей программѣ городскихъ школъ.

Второе отдѣленіе предназначается для молодыхъ людей (не менѣе 15 лѣтъ), окончившихъ пять классовъ реального училища или два класса гимназіи и желающихъ приобрѣсть полное коммерческое образованіе. Курсъ-двухгодичный. Принимаются регулярные ученики и вольнослушатели. Преподаются слѣдующіе предметы: очеркъ коммерціи (4 ч.), счетоводство и коммерческая корреспонденція (6 ч.), коммерческія вычисленія (4 ч.), алгебра и геометрія (8 ч.), языки нѣмецкій (6 ч.), французскій (9 ч.), англійскій (9 ч.), съ корреспонденціей на этихъ языкахъ, коммерческая географія и исторія коммерціи (7 ч.), естественныя науки съ очеркомъ химіи и товаровѣдѣнія (8 ч.) и каллиграфія (2 ч.). Въ учебномъ планѣ недостаетъ торговаго права, политической экономіи, статистики и технологіи.

Lehrlingsabtheilung состоитъ изъ 3-хъ годичныхъ классовъ и предназначается для молодыхъ людей (13—17 лѣтъ), занятыхъ коммерческою практикою и нуждающихся въ познаніяхъ, необходимыхъ для коммерціи.

25. Höhere Handelsschule zu Köln. Училище открыто въ 1884 году обществомъ мѣстныхъ негоціантовъ. Принимаются лица (не моложе 18 лѣтъ), окончившія публичныя училища съ свидѣтельствомъ зрѣлости, дающимъ право на годичный волонтеріатъ. Въ теченіи двухъ семестровъ преподаются исключительно спеціальныя коммерческія науки: коммерческія вычисленія, счетоводство, бухгалтерія, конторскія работы и корреспонденція, торговое право, политическая экономія, товаровѣдѣніе, коммерческая географія, исторія коммерціи, языки нѣмецкій, англійскій и французскій и каллиграфія.

Кромѣ высшихъ и среднихъ коммерческихъ училищъ, въ Германіи есть также элементарныя училища, подъ разными названіями: Handels-Akademie, Handels-Lehranstalten, Handels-Schule, Kaufmännische Fortbildungsschule и Handelslehrlingsschule. Отъ другихъ заведеній они отличаются въ весьма существенныхъ отношеніяхъ, въ особенности по составу слушателей, по числу учебныхъ часовъ и наконецъ по курсамъ преподаванія. Слушателями являются не регулярные ученики, все свое время посвящающіе учебнымъ занятіямъ въ училищѣ, но большею частію люди, уже занятые службою въ разныхъ коммерческихъ учрежденіяхъ (конторахъ, магазинахъ и пр.) и въ свободное время (раннимъ утромъ до 8 ч., вечеромъ отъ 6 или 7 часовъ, также въ послѣобѣденное время отъ 2 до 4 ч., наконецъ по воскреснымъ днямъ) посѣщающіе училища въ теченіе одного и до 8 семестровъ. Преподаванію посвящается обыкновенно незначительное число недѣльныхъ часовъ (отъ 7 до 20); сообразно съ этимъ преподаются лишь элементарныя очерки большею частію спеціальныхъ предметовъ, имѣющихъ непосредственное примѣненіе въ бухгалтерской и конторской практикѣ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ слушаніе предметовъ, обозначенныхъ въ учебномъ планѣ заведенія, считается обязательнымъ для слушателей (напримѣръ, въ училищахъ Zittau, Kiesa, Meissen и пр.); въ другихъ же заведеніяхъ признана свобода слушанія: ученики могутъ, по своему выбору, слушать одинъ или нѣсколько предметовъ (напримѣръ, въ училищѣ Eisenach). Сюда принадлежатъ: двѣ коммерческія академіи (Петерса въ Гамбургѣ и Саломона въ Берлинѣ), 4 коммерческія института (въ Zwispau, Gotha, Grimsa и Kiesa) и 21 училище въ разныхъ городахъ Германіи. Мы скажемъ нѣсколько словъ о болѣе замѣчательныхъ элементарныхъ коммерческихъ училищахъ Германіи.

1) Handels-Akademie zu Hamburg. Она основана въ 1875 году І. Петеромъ (теперешнимъ директоромъ академіи) исключи-

тельно для лицъ, служащихъ въ торговыхъ конторахъ въ качествѣ учениковъ (Lehrlingen), commis, бухгалтеровъ и пр. Ученіе имѣетъ мѣсто днемъ и по вечерамъ. Учащихся числится въ настоящее время до 1000; принимаются въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Академія раздѣляется по роду слушателей на 4 отдѣленія, съ особою системою преподаванія на каждомъ изъ нихъ: а) курсъ для купеческихъ учениковъ (Lehrlingsschule); преподаются: нѣмецкій языкъ (3 ч.), англійскій и французскій языки (4 ч.), бухгалтерія (3 ч.) и стенографія (3 ч.),—всего на курсѣ 13 часовъ; б) курсъ для commis: нѣмецкій языкъ съ корреспонденціей (2 ч.), французскій и англійскій языки (4 ч.), коммерческая ариметика (3 ч.), коммерческая географія (2 ч.) и бухгалтерія (6 --- 12 ч.), — всего 23 часа; в) курсъ для бухгалтеровъ обнимаетъ собою языки: нѣмецкій, французскій и англійскій главнымъ же образомъ практическія работы въ коммерческомъ бюро; г) кромѣ того, для лицъ, не разчитывающихъ прослушать всѣ предметы, положенные по учебному плану училища, открываются особые курсы по отдѣльнымъ предметамъ: каллиграфіи, бухгалтеріи, коммерческой географіи, коммерческой ариметикѣ, вексельному праву, стенографіи, языкамъ: англійскому, французскому, италіанскому, испанскому, датскому, шведскому, норвежскому и нѣмецкому. Для желающихъ читаются также алгебра, геометрія и тригонометрія.

2) Salomon's Handelsakademie zu Berlin. Основана въ 1858 году. Академія состоитъ изъ двухъ отдѣленій: а) Коммерческое училище, устроенное для молодыхъ людей, окончившихъ казенныя училища и желающихъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія по коммерціи. Курсъ ученія продолжается одинъ семестръ и обнимаетъ языки: нѣмецкій (2 ч.), французскій (2 ч.), англійскій (2 ч.), коммерческую ариметику (4 ч.), бухгалтерію (2 ч.), общее счетоводство (1 ч.), корреспонденцію (1 ч.), коммерческую географію (2 ч.), торговое и вексельное право (2 ч.), каллиграфію (2 ч.),—всего 22 часа по всѣмъ предметамъ. б) Вечерніе курсы для обоеихъ половъ. Курсы имѣютъ мѣсто два раза въ недѣлю и продолжаются всего три мѣсяца. Особые курсы учреждаются для мужчинъ (бухгалтерія, коммерческая ариметика, торговое и вексельное право и корреспонденція) и особые для женщинъ (бухгалтерія, элементы коммерческихъ вычисленій, торговое право, корреспонденція, общія понятія о коммерціи, каллиграфія и стенографія). Имѣются, кромѣ того, необязательные курсы по французскому и англійскому языкамъ.

3) Handels-Lehranstalt zu Zwickau. Институтъ основанъ въ 1847 г. корпораціей мѣстныхъ негоціантовъ, съ цѣлью преподаванія купеческимъ ученикамъ, служащимъ въ магазинахъ и конторахъ мѣстныхъ торговцевъ, познаній, необходимыхъ въ ихъ практической дѣятельности. Институтъ принимаетъ учениковъ съ 14 лѣтъ по приемному экзамену изъ нѣмецкаго языка, ариметики и общей географіи. Институтъ состоитъ изъ 4 классовъ; изъ нихъ послѣдніе три дѣлятся на два отдѣленія. Преподаютъ слѣдующіе предметы: языки нѣмецкій (15 ч.), французскій (14 ч.), англійскій (12 ч.), арифметика (14 ч.), географія (8 ч.), корреспонденція (6 ч.), коммерч. бюро (2 ч.), простая бухгалтерія (2 ч.), текущіе счета и двойная бухгалтерія (2 ч.), коммерція съ элементами политической экономіи, права и пр. (2 ч.), торговое и вексельное право (2 ч.), очеркъ товаровѣдѣнія (2 ч.), каллиграфія (4 ч.),—всего 85 часовъ,—по 11—13 недѣльн. часовъ въ каждомъ отдѣленіи.

4) Handelslehranstalt des kaufmännischer Innungshalle zu Gotha. Институтъ основанъ въ 1818 г. корпораціей мѣстныхъ негоціантовъ, для спеціальной подготовки купеческихъ учениковъ, служащихъ въ мѣстныхъ коммерческихъ учрежденіяхъ. Обученіе обнимаетъ 4 года. Учащіеся принимаются съ 14 лѣтъ по экзамену или свидѣтельству объ окончаніи 4 класса лица или гимназій. Предметы обученія: языки нѣмецкій (11 ч.), французскій (12 ч.), англійскій (9 ч.), географія (6 ч.), исторія (4 ч.), алгебра и коммерческая арифметика (11 ч.), геометрія (2 ч.), физика (3 ч.), бухгалтерія и счетоводство (4 ч.—по 1 ч. въ каждомъ классѣ), корреспонденція (2 ч.), коммерція (3 ч.) и каллиграфія (6 ч.), всего 72 ч. (по 15—20 часовъ въ классѣ).

5) Handelslehranstalt des Kaufmännischen Vereins in Grimma. Институтъ основанъ въ 1855 году, для подготовки купеческихъ учениковъ, служившихъ въ конторахъ мѣстнаго купечества. Условія приема: 14 лѣтъ и обученіе по крайней мѣрѣ въ начальныхъ школахъ государства. Курсъ ученія—трехгодичный. Преподаютъ: языки нѣмецкій (1 ч.), англійскій съ корреспонденціей (6 ч.), коммерческая арифметика (3 ч.), бухгалтерія (1 ч.), счетоводство простое и двойное съ коммерческимъ бюро (1 ч.), коммерческая корреспонденція (1 ч.), географія и очеркъ товаровѣдѣнія (3 ч.),—всего 22 часа.

5) Handelslehranstalt zu Riesa. Институтъ основанъ въ 1877 году синдикатомъ мѣстныхъ негоціантовъ для тѣхъ же цѣлей, что

и предыдущіе институты. Принимаются учащіеся съ 14—17 лѣтъ. Курсъ ученія—трехъ годичный. Преподаются: языки нѣмецкій (3 ч.), французскій (6 ч.), англійскій (6 ч.), коммерческая ариѳметика (6 ч.), геометрія (1 ч.), коммерческая географія (2 ч.), бухгалтерія (3 ч.), коммерція (2 ч.), корреспонденція (1 ч.), товаровѣдѣніе (1 ч.), и каллиграфія, (2 ч.)—всего 33 часа. Необязательно читается стенографія.

7) Städtische Handelsschule zu Hannover. Оно основано въ 1837 году; преобразование послѣдовало въ 1879 году. Училище состоитъ изъ элементарнаго отдѣленія и спеціальнаго коммерческаго курса. Элементарное отдѣленіе существуетъ для спеціальной подготовки apprentices de commerce. Для поступленія въ первый классъ достаточно знать элементы вычисленій и нѣмецкаго языка. Въ слѣдующій классъ принимаются прослушавшіе курсъ коллегіи или 4 класса гимназіи: требуется, кромѣ того, бѣглое чтеніе по французски. Кандидаты, окончившіе гимназію или представившіе свидѣтельство на годичный волонтеріатъ, принимаются въ 4-й классъ. Отдѣленіе состоитъ изъ 5 классовъ; въ каждомъ ученіе продолжается семестръ. Ученіе имѣетъ мѣсто утромъ отъ 6 до 8 часовъ, а зимой отъ 7 до 9 часовъ. Преподаются: языки нѣмецкій (3 годов. ч.), французскій съ корреспонденціей (5 ч.), англійскій съ корреспонденціей (4 ч.), коммерческая ариѳметика ($6\frac{1}{2}$ ч.), бухгалтерія (2 ч.), коммерція ($2\frac{1}{2}$ ч.), корреспонденція (2 ч.), коммерческая географія ($2\frac{1}{2}$ ч.) и каллиграфія (2 ч.), всего $29\frac{1}{2}$ годовыхъ часовъ. Спеціальныи коммерческій курсъ имѣетъ цѣлью дать молодымъ людямъ, окончившимъ элементарное отдѣленіе, возможность дополнить свои коммерческія познанія. Допускается также приемъ по свидѣтельствамъ объ окончаніи курса гимназіи. Ученіе продолжается одинъ семестръ. Читаются: бухгалтерія (2 ч.), коммерческая ариѳметика (2 ч.), корреспонденція французская (2 ч.), корреспонденція нѣмецкая (1 ч.), корреспонденція англійская (2 ч.), химическая технологія (1 ч.), торговое право (1 ч.) и вексельное право (1 ч.).

8) Kaufmännische Fortbildungs-Schule zu Leipzig. Училище основано въ 1867 г. и состоитъ изъ коммерческихъ курсовъ и пригготовительнаго курса въ волонтеріату. Коммерческіе курсы продолжаются 3 года. Ученіе имѣетъ мѣсто по утрамъ въ 7—9 часовъ и въ послѣобѣденное время отъ 2 до 4 часовъ. Приемъ допускается въ 13—20 лѣтъ. По свидѣтельству на годичный волонтеріатъ принимаются прямо въ послѣдній, третій классъ. Преподаются: языки

нѣмецкій (4 ч.), французскій (6 ч.), англійскій (4 ч.), коммерческая арифметика (7 ч.), географія (2 ч.), бухгалтерія (1 ч.), корреспонденція (1 ч.), коммерція съ вексельнымъ правомъ (1 ч.), каллиграфія (2 ч.), стенографія (2 ч.); всего 30 человѣкъ. Для поступленія въ приготовительный курсъ требуется окончаніе коммерческихъ курсовъ. Ученіе продолжается 12 часовъ въ недѣлю. Читаются: исторія, литература, математика, алгебра и физика.

Подобное устройство имѣютъ и другія элементарныя школы Германіи—въ Альтенбургѣ, Брауншвейгѣ, Эйзенахѣ и другихъ городахъ.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Теорія словесности. Курсъ первый (проза). Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный по новой методѣ Ѳ. А. Зеленогорскимъ, ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета. Въ 8-ку стр. III+50. Харьковъ. 1887. Цѣна 45 коп.

Подъ „новою методой“ учебника теоріи словесности авторъ разумѣетъ преподаваніе этого предмета при помощи логики, безъ которой оно, по словамъ предисловія г. Зеленогорскаго, малосодержательно и поверхностно. Логика, излагаемая въ учебникахъ для среднихъ учебныхъ заведеній и преподаваніе которой не предшествуетъ теоріи словесности, а слѣдуетъ за нею, абстрактна и суха: надобно, говоритъ авторъ, — изучать ее непосредственно въ литературныхъ образцахъ, соединять ея правила съ самостоятельными словесными упражненіями. При этомъ разумѣется тотъ отдѣлъ теоріи словесности, въ которомъ идетъ дѣло объ общихъ видахъ словесныхъ произведеній, то-есть, описаніи, повѣствованіи, разсужденіи и ораторскихъ рѣчахъ. Особенно трудно составлять разсужденіе безъ логическихъ свѣдѣній, не имѣя понятія о родахъ и видахъ, а также о доказательствахъ. Безъ логики даже трудно объяснить ученикамъ, гдѣ слѣдуетъ въ сочиненіи начинать съ новой строки, другими словами — разбивать содержаніе цѣлаго (сочиненія) на части. Такова главная мысль, выраженная въ предисловіи и проводимая въ учебникѣ, изложеніе котораго по мѣстамъ имѣетъ видъ наставленія преподавателю, какъ вести дѣло обученія теоріи словесности.

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Нельзя сказать, чтобы въ прежнихъ учебникахъ теоріи словесности совершенно игнорировали логику. Больше или меньше, мы встрѣчаемъ въ нихъ не только логическія, но и психологическія элементарныя свѣдѣнія. Нѣкоторые хрестоматіи также не обходились безъ нихъ. Въ 3-мъ томѣ хрестоматіи г. Поливанова, передъ отдѣломъ образцовъ на разсужденія, съ достаточною подробностью говорится о содержаніи и объемѣ понятій, о развитіи сужденій, если они (понятія и сужденія) служатъ темами сочиненій. Равнымъ образомъ не обошлись безъ помощи логики и отдѣлы описаній и повѣствованій. По учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія въ IV классѣ гимназій объяснялось строеніе періодовъ и учащіеся упражнялись въ сочиненіи оныхъ, при чемъ сообщалось кое-что изъ логики. Въ V классѣ гимназисты знакомились съ хріей, какъ начальною схемой сочиненія. Такимъ образомъ теорія словесности, больше или меньше, соединялась съ логикой. На сколько это соединеніе приносило пользы, сказать трудно за немѣнимъ положительныхъ данныхъ, почему вопросъ—выигрывало ли отъ того умѣнье учащихся излагать свои собственныя мысли—остается открытымъ, на ряду съ другимъ вопросомъ, принесетъ ли „новый методъ“ перваго курса теоріи словесности тѣ результаты, какихъ ожидаетъ отъ него авторъ.

Какъ бы то ни было, но учебникъ придаетъ „методу“ наибольшее значеніе. Это доказывается тѣмъ, что первая глава посвящена плану сочиненія, а не его содержанію и выраженію, по той причинѣ, что двоякое расположеніе матеріала—историческое, состоящее въ хронологическомъ изложеніи событій, и логическое, состоящее въ дѣленіи рода на виды и цѣлаго на части, преимущественно нуждается въ помощи логики ¹⁾. Самое существенное отличіе описанія отъ повѣствованія, характеристики отъ біографіи авторъ видитъ въ планѣ ихъ изложенія, а не въ предметѣ (стр. 7). Съ этимъ согласиться нельзя. Если одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть темой, какъ для описанія, такъ и для разказа, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы содержаніе обоихъ сочиненій было одинаковое. Описывается обыкновенно дѣйствительность спокойная, пребывающая въ пространствѣ, и

¹⁾ Слѣдующія затѣмъ шесть главъ таковы: а) описаніе, повѣствованіе и характеристика; б) прозаическія и поэтическія описанія; в) характеристика (въ частности); г) повѣствованіе, или разказъ; д) дидактическія сочиненія; е) ораторскія рѣчи.

притомъ въ извѣстный моментъ, въ извѣстномъ состояніи; напротивъ того, дѣйствительность движущаяся, развивающаяся, и притомъ въ разныхъ, послѣдовательныхъ состояніяхъ, служить предметомъ повѣствованія. Не содержаніе зависитъ отъ плана, а на оборотъ—планъ зависитъ отъ содержанія. Это видно изъ самыхъ названій большей части родовъ и видовъ сочиненій: въ характеристикѣ указываются отличительныя характеристическія свойства лица или событія; въ разсужденіи излагаются сужденія о сущности предметовъ; въ драмѣ представляется дѣйствіе. Нѣкоторыя сочиненія получили наименованія отъ выраженія или отъ другихъ внѣшнихъ признаковъ, напримѣръ: ораторская рѣчь, ода, разказъ.

На стр. 8 читаемъ: „Если авторъ будетъ излагать событія изъ жизни извѣстной личности въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ дѣтства и кончая старостію этой личности, то онъ напишетъ біографію этой личности; если же онъ возьметъ эту личность въ извѣстномъ возрастѣ, напримѣръ, въ возрастѣ мужества, укажетъ на преобладающія черты его характера и подтвердитъ свои показанія различными событіями изъ его жизни, то онъ напишетъ характеристику этой личности“. Но можетъ быть и такой случай: авторъ возьметъ предметомъ своего сочиненія умственную и нравственную дѣятельность лица не въ одномъ возрастѣ, а во всѣхъ возрасты, и укажетъ ея отличительныя черты: какого рода выйдетъ тогда сочиненіе?

Далѣе на той же страницѣ: „Существенное различіе между біографіей и характеристикой будетъ такимъ образомъ заключаться въ планѣ, сообразно съ которымъ собирается матеріалъ и излагается въ сочиненіи: въ характеристикѣ излагаются не всѣ событія, относящіяся къ жизни характеризуемой личности; біографія, напротивъ, должна изложить по возможности всѣ событія, даже такія, которыя самъ біографъ можетъ находить неважными“. Но вторая половина этихъ строкъ, начиная съ двоеточія, отосится къ большей или меньшей полнотѣ содержанія, къ количеству матеріала, а вовсе не къ плану. Замѣчательно, что, придавая самое существенное значеніе плану въ описаніи, повѣствованіи и характеристикѣ, авторъ иначе отличаетъ эти роды сочиненій отъ дидактическихъ, а въ этихъ послѣднихъ—разсужденія отъ ораторскихъ рѣчей. Здѣсь основой дѣленія служитъ цѣль (стр. 26) и, кромѣ того, бѣдшая или меньшая сложность состава, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней (стр. 41). Замѣтимъ при этомъ, что цѣль всѣхъ прозаическихъ сочи-

неній—не однахъ разсужденій и ораторскихъ рѣчей—состоитъ въ сообщеніи какихъ-либо знаній, почему и собственное имъ словесное выраженіе называется „словомъ ума“ въ отличіе отъ слога „воображенія и чувства“, свойственнаго поэзи.

Опредѣленіе поэтическаго описанія, будто оно изображаетъ предметъ не въ дѣйствительномъ его видѣ (стр. 9, § 14), способно породить значительное недоумѣніе. Можно подумать, что поэтъ отступаетъ отъ истины, выдумываетъ небывалое. Какимъ образомъ послѣ этого объяснить удовольствіе, возбуждаемое преимущественно правдой, которою проникнуты у Пушкина картины нашей природы? Кто изъ русскихъ не узнаетъ въ нихъ родной весны, родной осени, родной матушки зимы? Самъ авторъ учебника, на стр. 3, привелъ одну изъ этихъ картинъ въ примѣръ описанія: на какомъ основаніи она могла бы служить примѣромъ, еслибы поэтическое описаніе представляло предметъ не такъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ? Сказанное учебникомъ о поэтическомъ описаніи относится въ равной силѣ и къ поэтическому повѣствованію: и оно, стало быть, представляетъ прошлое не въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно происходило? Если такъ, то по какой причинѣ, въ образецъ повѣствованія или разказа, на стр. 23, указаны: „Полтавскій бой“ (Пушкина, изъ поэмы Полтава) и „Пѣснь про царя Ивана Васильевича Грознаго, опричника Кирибѣевича и купца Калашникова“ (Лермонтова)? Вѣдь это описанія поэтическія. Субъективный элементъ поэтическихъ описаній и разказовъ, то-есть, выраженіе впечатлѣній, произведенныхъ предметомъ на поэта, вовсе не доказываетъ отступленія отъ дѣйствительности, несоотвѣтствія представленія представляемому. Вся разница между обоими родами описаній въ томъ, что поэтическое изображаетъ предметы въ извѣстный моментъ, присоединяя къ тому и чувства, возбужденныя ими въ авторѣ, тогда какъ прозаическое знакомитъ насъ съ такими свойствами предмета, которыя принадлежатъ ему во всякое время, безъ примѣси субъективнаго элемента. Странно видѣть какое-либо отступленіе отъ дѣйствительности въ „Майской ночи“, „Днѣпрѣ“, „Южнорусскихъ степяхъ“ (Гоголя): они вполне вѣрны тому, что видѣлъ авторъ въ то время, когда наблюдалъ эти предметы, имѣя цѣлью воспроизвести въ душѣ читателя то самое впечатлѣніе, какое онъ самъ испытывалъ, тогда какъ цѣль прозаическихъ описаній—сообщить читателю понятіе о предметѣ, какое-либо знаніе, почему ихъ и называютъ научными. Намъ кажется, что подъ отступленіемъ отъ дѣйствительности авторъ разумѣлъ образный

языкъ поэтическихъ описаній.... Но кто же изъ читателей не пойметъ настоящаго смысла метафизическихъ выраженій, хотя бы, на примѣръ, въ піесѣ Пушкина: Осень и зима (изъ Онѣгина):

Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ
обнажалась, и т. д.

Отъ словъ нами подчеркнутыхъ, осень не является въ искаженномъ видѣ, остается настоящею осенью.

Нельзя также согласиться съ совѣтомъ предпосылать составленіе характеристики составленію разказа (стр. 14). Характеристика нѣкоторыми относится къ разсужденіямъ, и не безъ основанія: она требуетъ выбора, свойствъ и оцѣнки, сужденія о нихъ, что много труднѣе изложенія событій. Любой школьникъ, побывавшій въ театрѣ, способенъ пересказать сюжетъ видѣнной имъ піесы, но не всякій сумѣетъ дать понятіе о характерѣ дѣйствующихъ лицъ. Авторъ разумѣетъ разказъ какъ „художественное словесное произведеніе“, но въ среднемъ учебномъ заведеніи художественности еще нѣтъ мѣста; достаточно, если учащійся справится съ правильнымъ и складнымъ повѣствованіемъ.

Заключеніе не принадлежитъ къ существенно необходимымъ частямъ разсужденія (стр. 28). Это доказывается не только тѣмъ, что многія разсужденія обходились безъ него, но и самою сущностью этого рода дидактическихъ сочиненій, которыя справедливо уподобляются геометрическимъ теоремамъ. Какъ послѣдствія состоятъ изъ предложенія и доказательства онаго, такъ и въ разсужденіи двѣ существенныя части: данное понятіе или сужденіе и развитіе оныхъ. Темы разсужденія не всегда выражаются предложеніями (стр. 28, § 38), но иногда однимъ словомъ, на примѣръ: „вниманіе“, „разсѣянность“ и т. п.

Замѣтимъ два странныя выраженія: одно, на стр. 31: „другая часть разсужденія есть дѣленіе или раздѣленіе“; другое на стр. 32: политическая природа человѣка.

По нашему мнѣнію, „Теорія словесности“ г. Зеленогорскаго принадлежитъ къ полезнымъ учебнымъ книгамъ, какъ опытъ ввести въ преподаваніе этого предмета содѣйствіе логики, отчего можетъ выиграть, какъ теоретическое изученіе родовъ и видовъ словесныхъ

произведеній, такъ и практика письменныхъ работъ учащихся. Къ сожалѣнію, авторъ началъ издавать свой трудъ выпусками или курсами. Вышелъ только первый курсъ; сколько будетъ дальше—мы не знаемъ и потому не можемъ сказать ничего положительнаго ни объ объемѣ, ни о достоинствѣ цѣлаго труда. Надобно подождать его окончанія.

УЧЕБНЫЙ КУРСЪ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. А. Яковлевъ. Изданіе редакціи журнала Родникъ. Въ 8-ку. стр. 214. С.-Пб. 1887. Цѣна 1 рубль.

Въ предисловіи къ изданію предлагаемаго учебника редакція журнала Родникъ сочла нужнымъ замѣтить, что характеръ его исключительно догматическій, что въ выборѣ матеріала и способѣ изложенія онъ значительно отклоняется отъ обычнаго типа нашихъ учебниковъ по теоріи словесности, и что необходимость этихъ отклоненій обусловлена желаніемъ составителя держаться, по возможности, на почвѣ строго научной.

1) Относительно выбора матеріала особенность книги состоитъ въ томъ, что она заключаетъ въ себѣ такіе отдѣлы, которые обыкновенно опускаются другими учебниками по тому же предмету. Сюда принадлежатъ, въ „Общей теоріи рѣчи“, состоящей изъ трехъ отдѣловъ, два первые, подъ заглавіями: „Духовная сторона рѣчи“ (стр. 3—27) и „Звуковая сторона рѣчи“ (стр. 27—54). Одинъ сообщаетъ логическія свѣдѣнія объ ощущеніяхъ, представленіяхъ, понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, какъ элементахъ духовной стороны рѣчи; содержаніемъ другаго служатъ свѣдѣнія грамматическія о звукахъ, словахъ, предложеніи и періодѣ. Только съ третьяго отдѣла (Отношеніе звуковой стороны рѣчи къ ея сторонѣ духовной) начинается ученіе о слогахъ, но и здѣсь одинъ параграфъ (42) посвященъ правиламъ пунктуаціи.

Мы находимъ всѣ эти свѣдѣнія излишними на томъ основаніи, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ логика слѣдуетъ за теоріей словесности, а грамматика предшествуетъ ей: зачѣмъ же предварять преподаваніе первой (логики) и повторять преподаваніе второй (грамматики)? Не всегда одно и то же лицо даетъ уроки русскаго языка и словесности во всѣхъ классахъ. Легко можетъ случиться, что на урокахъ преподавателя словесности грамматическія свѣдѣнія будутъ не совсѣмъ согласны съ тѣми, которыя уже усвоены, а логическія съ тѣми, которыя имѣютъ быть усвоены учащимися.

2) По способу изложенія, трудъ г. Яковлева отличается тѣмъ, что, рассмотрѣвъ виды прозы по основнымъ формамъ рѣчи (описаніе, повѣствованіе, разсужденіе), рассматриваетъ виды поэтическихъ произведеній въ порядкѣ ихъ историческаго развитія. Составитель руководствовался здѣсь статьей академика А. Н. Веселовскаго: „Исторія или теорія романа?“, служащею предисловіемъ къ матеріаламъ и изслѣдованіямъ, озаглавленнымъ: „Изъ исторіи романа и повѣсти“ (1886 г.). Въ заключеніи этой статьи выведено слѣдующее основное положеніе: „Исторія поэтическаго рода есть лучшая повѣрка его теоріи“, на основаніи котораго въ учебникѣ и данъ значительный просторъ историческому элементу: исторія установленія пунктуаціи (стр. 56—58), исторія развитія стихотворныхъ размѣровъ у всѣхъ народовъ (стр. 73—75) и таковыя же историческіе очерки относительно эпоса, лирики, драмы, романа и повѣсти (стр. 106—110, 131—142).

Справедливо, конечно, что „исторія поэтическаго рода есть лучшая повѣрка его теоріи“, но съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать мудраго изреченія, что „всякой вещи—свое мѣсто и всякому дѣлу—свой часть“. Изложеніе теоріи родовъ и видовъ словесныхъ произведеній въ порядкѣ ихъ историческаго развитія, совершенно приличное въ академическихъ трудахъ и на университетскихъ лекціяхъ, не совсѣмъ удобно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ по несвоевременности. Гимназистамъ и воспитанникамъ реальныхъ училищъ трудно опредѣлять отличительныя качества того или другаго рода поэзіи соотвѣтственно міросозерцаніямъ, господствовавшимъ въ тотъ или другой періодъ народнаго быта. Школьники не имѣютъ еще достаточныхъ свѣдѣній о развитіи внѣшняго и внутренняго состоянія человѣчества, о прогрессивномъ ходѣ его отъ одного образа мыслей къ другимъ. Кромѣ того, на какомъ основаніи можно утверждать, что теорія какъ прозы, такъ и поэзіи потеряла свой кредитъ? На вопросъ: „исторія или теорія прозы?“ слѣдуетъ отвѣчать: „и то, и другое“. Пусть каждая дѣлаетъ свойственное ей дѣло: пусть исторія словесныхъ произведеній повѣряетъ теоретическіе выводы, а теорія словесности—изъ наличнаго капитала прозаическаго авторства и поэтическаго творчества извлекаетъ его сущность, какъ содержаніе научной системы. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ творящей силы, систематикъ приметъ къ свѣдѣнію ея новыя направленія и займется анализомъ новопроизведенныхъ ею фактовъ. При появленіи романа гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“, гдѣ, вопреки установившемуся

мнѣнію о необходимости героя или героини, очень много дѣйствующихъ лицъ и ни одного главнаго ни въ мужескомъ, ни въ женскомъ родѣ, какъ въ *Иліадѣ*, никто изъ разумныхъ читателей не затруднился отнести его къ эпосу. Другой примѣръ того же представили „Мертвыя души“, самымъ авторомъ названныя по той, обязательно, отнесенныя къ эпической поэзіи, а не къ лирической или драматической. Иногда бываетъ, что даже изъ ограниченаго числа фактовъ вырабатывается очень живущая теорія, хотя по качеству теоретика. Аристотель, въ своей *Поэтикѣ*, излагая теорію трагедіи единственно по греческимъ образцамъ, задолго до явленія Шекспира, Кальдерона и Шиллера, однакожь эта теорія до сихъ поръ вполне сохранила свою силу; всѣ ея требованія до сихъ поръ Лессинга, и теперь обязательны для каждого автора трагедіи. Поэтому Лессингъ справедливо уподобилъ ее Евклидовымъ элементамъ геометріи, въ томъ смыслѣ, что какъ геометрія, въ своемъ развитіи своемъ состояніи, не слишкомъ двинулась впередъ отъ теоріи Евклида, такъ и новѣйшая трагедія, при всемъ своемъ развитіи, отличается теоретическими воззрѣніями Аристотелевой *Поэтики*.

Обращаясь къ рассматриваемому учебнику теоріи словесности, мы открываемъ въ немъ нѣчто новое, одолженное своимъ появленіемъ особенному способу изложенія. Родовъ поэзіи онъ принимаетъ не три, искони установленныя (эпосъ, лирика и драма), а четыре, прибавляя къ нимъ „романъ“ (стр. 162). Но при такомъ дѣленіи нарушено логическое правило о единствѣ основнаго признака. Этимъ признакомъ въ первыхъ трехъ родахъ служитъ содержаніе: у эпоса — явленія внѣшняго міра, у лирики — явленія міра внутренняго, у драмы — дѣйствія челоуѣка. За отличіе же четвертаго рода — романа — принято не содержаніе (задача его та же, что и задача эпоса), а точка зрѣнія: „эпосъ изображаетъ жизнь съ точки зрѣнія общенародной, а романъ съ точки зрѣнія частной“ (стр. 162). Такого рода дѣленіе напоминаетъ то время, когда въ пятіи дѣлили мѣсто поэзіи „дидактической“ не по содержанію, а по цѣли — „поученію“, хотя такой признакъ прямо противорѣчилъ сущности поэзіи. Наконецъ, можно замѣтить автору учебника и невыдержанность его способа изложенія: почему онъ не приложилъ его и къ теоріи прозы? Вѣдь описанія, повѣствованія, разсужденія и ораторскія рѣчи также имѣютъ свою исторію.

Высказанное сужденіе о рассмотрѣнной книгѣ относится исключительно къ ея учебному значенію. Какъ учебникъ, она неудобна и

по объему: въ ней 170, а съ добавленіями 213 страницъ, напечатанныхъ одинаковымъ шрифтомъ, безъ раздѣленія текста на обязательныя и необязательныя,—и по способу изложенія, превышающему обычный уровень курса среднихъ учебныхъ заведеній, и, наконецъ, по скудости примѣровъ и другаго матеріала, нужнаго для собственныхъ практическихъ упражненій учащихся. Но по отношенію къ болѣе серьезнымъ научнымъ требованіямъ, надобно отдать труду г. Яковлева полную справедливость: онъ превосходитъ всѣ доселѣ у насъ издавныя теоріи словесности. Самобытностью онъ не отличается, какъ составленный по чужимъ источникамъ; но источники хороши, и все заимствованное изложено ясно, точно, въ стройной системѣ и прекраснымъ языкомъ. Книга эта можетъ служить полезнымъ учебнымъ пособіемъ на урокахъ теоріи словесности.'

3) Къ двумъ первымъ пунктамъ отчета о книгѣ вообще, присоединяемъ третій, содержащій въ себѣ частныя замѣтки.

На стр. 68 иронія и гипербола названы видами троповъ почти исключительно патетическаго происхожденія. Въ строгомъ смыслѣ, иронія должна быть исключена изъ разряда троповъ. Ей недостаетъ существеннаго признака переносныхъ выраженій — образности. Не воображеніе созерцаетъ въ ней замѣну собственнаго, настоящаго смысла другимъ, прямо противоположнымъ, а разсудокъ открываетъ эту замѣну, это, такъ сказать, притворство автора, думающаго одно, а говорящаго совершенно иное, прямо противоположное. Юность называютъ „весною“ или „утромъ жизни“, и каждый признаетъ эти названія метафорическими, основанными на сравненіи возрастовъ нашей жизни съ частями года или дня. Но когда мы скажемъ: „какой красивый молодой человѣкъ!“ то эти слова могутъ быть и ироническими, и нейроническими. Иронія ихъ обнаруживается не непосредственно, а посредственно: въ разговорѣ интонаціей голоса, а на письмѣ — предыдущимъ или послѣдующимъ, въ связи съ составомъ цѣлой рѣчи, при помощи сужденія, а не воображенія.

Отличіе поэзіи отъ прозы изложено смутно, недостаточно рѣзко. Между ними, какъ бы въ видѣ перехода, поставлена „проза художественная“, имѣющая, кромѣ основной цѣли—сообщенія знаній, и другую—возбужденіе эстетическаго чувства. Съ перевѣсомъ второй цѣли, расширяется свобода творчества и художественная проза переходитъ „въ поэзію“ (стр. 103—104). Но если дѣло только въ перевѣсѣ, то вѣдъ перевѣшенное не совсѣмъ исчезаетъ и слѣдовательно, кромѣ

одной цѣли, остается и другая цѣль, является какъ бы смѣшеніе поэзіи съ прозой, а не исключительно чистая поэзія.

Неясно также опредѣленіе идеи, одной изъ двухъ составныхъ частей поэтического созданія: „идея“ называется самое содержаніе, пока оно существуетъ, какъ замыселъ, въ душѣ поэта“ (стр. 104—105). Слѣдовало бы объяснить сущность этого содержанія или замысла.

Изъ трехъ степеней „идеализаціи“ (стр. 105) первыя двѣ не положительно разграничены, и притомъ „типическое“ изображеніе жизни названо „реальнымъ“, — такимъ словомъ, которое обыкновенно противопоставляется слову „идеальный“, а между тѣмъ рѣчи идетъ объ идеализаціи.

Стихотворный размѣръ, по мнѣнію автора, имѣетъ мѣсто въ двухъ случаяхъ: 1) когда поэтическое произведеніе назначено для музыкальнаго исполненія, 2) при высокой степени идеализаціи (стр. 105). Какая же изъ трехъ степеней идеализаціи высшая—первая, вторая или третья? Если вторая, то Плюшкинъ и добродѣтельные люди Недоросля (Софья, Милонъ, Стародумъ и Правдинъ) должны бы были выражаться стихами, а они, напротивъ, выражались прозой. Если третья, то всѣ сказки получили бы стихотворную форму, а этого также нѣтъ. Напротивъ, множество комедій, вовсе не отличающихся идеализаціей, написаны стихами.

Словарь писателей средняго и новаго периодовъ русской литературы XVIII—XIX вѣка (1700—1825 г.). Составилъ А. Б. Арсеньевъ. Въ 16-ю д. стр. XXIV—243. С.-Пб. 1887.

Эта книжка труда г. Арсеньева, составляющая вторую часть его Словаря русскихъ писателей, обнимаетъ время отъ эпохи Петра Великаго до Пушкинской включительно. Содержаніемъ ея, при каждомъ писателѣ, служатъ слѣдующіе предметы: краткія біографическія данныя; характеристика литературнаго значенія; очерки событій и учреждений, имѣвшихъ связь съ литературой; бібліографія. Авторъ назвалъ свой трудъ справочнымъ пособіемъ и конспектомъ русской литературы. Мы не признаемъ большой пользы за конспектами по тѣмъ предметамъ, у коихъ есть спеціальныя учебники, равно какъ не видимъ необходимости въ справкахъ и бібліографіи для среднихъ учебныхъ заведеній, особенно если эти конспекты сообщаютъ свѣдѣнія выше мѣры. Такъ, между писателями Петровской эпохи выставлены, на стр. 31, Изволовъ, составитель календаря на 1720 г.; Михайлъ валадайскій священникъ, написавшій, въ 1718 г., привѣтствіе Петру въ

стихахъ, и Михаилъ Ширяевъ, сочинившій въ 1721 г. кантату на побѣды Петра. На что такія частности и мелочи въ конспектѣ, которыя чѣмъ короче, тѣмъ лучше? Что касается до наглядной карты, то она, на нашъ взглядъ, скорѣе можетъ затруднить, чѣмъ облегчить память. Рядъ четвероугольниковъ указываютъ годы рожденія и смерти каждаго писателя чѣмъ больше жилъ писатель, тѣмъ четвероугольникъ длиннѣе чѣмъ меньше, тѣмъ короче. Притомъ, одни изъ нихъ выше, другіе ниже, смотря по тому, позднѣе или ранѣе явился на свѣтъ такъ-то и такой-то. Какъ тутъ ориентироваться?

II Воскресенскій. Словесность—наука, ея значеніе въ учебной литературѣ преподаванія русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ В. Истоминъ. Варшава. 1887.

Брошюра г. Истомина есть отдѣльный оттискъ критической статьи, напечатанной въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ. Изложивъ содержаніе книги г. Воскресенскаго, г. Истоминъ останавливается на нѣкоторыхъ ея частностяхъ, и, кромѣ того, высказываетъ свой собственный взглядъ на исторію русской словесности, какъ на учебный предметъ въ программѣ гимназическаго преподаванія.

По нашему мнѣнію, г. Истоминъ оказалъ произведенію г. Воскресенскаго не подобающую честь: игра не стоила свѣчъ. Достаточно познакомиться съ реформой, предлагаемою г. Воскресенскимъ, чтобы видѣть, какого рода и качества науки разумѣются имъ подъ исторіей русской литературы и теоріей словесности, долженствующія замѣнить настоящую постановку этихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для этой цѣли мы воспользуемся первымъ отдѣломъ брошюры г. Истомина, содержащимъ въ себѣ обстоятельное изложеніе новаторскихъ взглядовъ.

Преподаваніе словесности (такъ разсуждаетъ г. Воскресенскій), увлекавшее молодежь въ 40-хъ и 50-хъ годахъ и основанное на „этико-эстетическихъ началахъ, должно быть построено, въ настоящее время, на началахъ „культурно-историческихъ“. Господствующимъ элементомъ прежняго образованія служило искусство по той причинѣ, что крѣпостное право задерживало развитіе интеллектуальнаго мышленія и замедляло ходъ научнаго изслѣдованія (стр. 1 и 2). Это крѣпостное право (замѣтимъ отъ себя), стало, какъ извѣстно, пробнымъ камнемъ достоинства нашихъ писателей для тѣхъ критиковъ, которые вдохновлялись культурно-историческими началами. На отношеніи къ нему легко и удобно строилась табель литературныхъ ран-

говъ. Если авторъ былъ за него, то онъ немедленно разжаловывался въ рядовые; если противъ него, то производился въ генералы отъ литературы.

Изученіе словесныхъ произведеній до-петровскаго времени, по мнѣнію г. Воскресенскаго, не должно имѣть мѣста въ гимназическомъ преподаваніи, такъ какъ Византія передала намъ только догматическія, каноническія, правоучительныя и служебныя сочиненія и не дала научнаго образованія (стр. 6).

„Учебную“ исторію русской словесности г. Воскресенскій дѣлитъ на два періода: подражательный (отъ Петра I до Пушкина) и самостоятельный (отъ Пушкина до 1861 включительно). Въ этотъ годъ великимъ актомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ положенъ предѣлъ народному горю, и окончательно опредѣлилось значеніе русской словесности, какъ культурно-исторической и въ то же время служебной силы науки (стр. 4). Для выполненія программы, обнимающей эти два періода, рекомендуются десять сочиненій, и въ числѣ ихъ слѣдующія: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ Щапова, „Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Николая I“ В. Семевского, и сочиненія Добролюбова, Писарева и Михайловскаго (стр. 8).

Перейдемъ къ программѣ теоріи словесности. И здѣсь реформа, основанная на культурно-историческихъ началахъ, поражаетъ столько же новизной, сколько и отвагой. Г. Воскресенскій предлагаетъ для изученія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдующія словесныя произведенія (стр. 9 и 10): 1) Сочиненія научнаго характера, которыя проводятъ въ сознаніе общества истины, добываемыя наукою, напримѣръ, сочиненіе Бекетова о дарвинизмѣ. 2) Критическія статьи и указанія правилъ для составленія критическихъ сочиненій, такъ какъ недостатокъ критическаго мышленія неблагопріятно отзывается въ жизни. 3) Публицистическія сочиненія и ихъ главные органы: журналы и газеты. Важность изученія публицистики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ основывается, по мнѣнію г. Воскресенскаго, на томъ, что періодическая литература способствуетъ разъясненію и опредѣленію духа времени, и потому, познакомивъ учащихся съ видами газетной литературы, г. Воскресенскій считаетъ необходимымъ остановить вниманіе воспитанниковъ, во первыхъ, на видахъ публицистики журнальной и, во вторыхъ, на тѣхъ произведеніяхъ, которыя, не представляя литературныхъ достоинствъ, популяризируютъ, однакожь, вопросы, волнующіе въ данное время общество. Что касается поле-

мики, возникающей въ періодической литературѣ, то, по словамъ г. Воскресенскаго, „лучше всего рекомендовать учащимся личное наблюденіе надъ ходомъ и разрѣшеніемъ споровъ, какъ въ обществѣ, такъ и среди ихъ самихъ, и объяснить при этомъ воспитанникамъ, что почти всегда та сторона одерживаетъ верхъ, которая не теряетъ самообладанія“. 4) Беллетристическія сочиненія и современныя требованія отъ писателя: главное изъ этихъ требованій — реальное направленіе. 5) Научно-художественныя произведенія. Такъ какъ преподаваніе словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть жизненнымъ и удобоприложимымъ къ современной литературѣ, то г. Воскресенскій рекомендуетъ „практическія экскурсіи“ въ примѣненіи къ изученію словесности. Экскурсіи эти должны состоять въ посѣщеніи учащимися театра, публичныхъ чтеній, окружнаго суда (не тогда ли особенно, когда процессъ ведется при закрытыхъ дверяхъ?) и земскихъ учреждений. По мнѣнію г. Воскресенскаго, внимательно выслушанный учащимися судебный процессъ важнѣе для нихъ всякаго обстоятельнаго разбора въ классѣ разнаго рода литературныхъ произведеній, и потому „въ педагогическомъ отношеніи судебныя сессіи выше и плодотворнѣе для юншества, чѣмъ даже театръ и литературныя чтенія“ (стр. 10). Не понимаемъ, зачѣмъ авторъ программы остановился на этомъ пунктѣ, какъ бы убоявшись бездны премудрости? Вѣдь было бы еще лучше и дѣйствительнѣе, еслибы воспитанникъ—вмѣсто простаго свидѣтеля судебного процесса, самъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ вполне закалился бы реальностью и приобрѣлъ бы житейскую практичность *par excellence*. Однимъ словомъ, когда водворится у насъ шаповское образованіе, то-есть, естественно-научное, свойственное русскому народу, тогда только мы пойдемъ исполненными шагами и опередимъ всѣ другія европейскія націи, хотя и у нихъ было не мало своихъ собственныхъ Шаповыхъ.

Оканчиваемъ изложеніе курьезнаго содержанія книги г. Воскресенскаго слѣдующими словами ея критика, г. Истомина: „Исходя изъ того положенія, что періодическая литература способствуетъ разъясненію и опредѣленію духа и характера времени, г. Воскресенскій считаетъ необходимымъ изученіе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ публицистики газетной, журнальной и особыхъ видовъ сочиненій, популяризирующихъ вопросы, волнующіе въ данное время общество. Сопоставляя сказанное съ рекомендуемыми „практическими экскурсіями“, то-есть, съ посѣщеніемъ учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ

театра, публичных чтений и заседаний судовъ, мы удивляемся смѣлости, съ какою авторъ, не отдавая себѣ, очевидно, отчета о послѣдствіяхъ, проповѣдуетъ новую науку, точное опредѣленіе которой оказывается затруднительнымъ при самомъ внимательномъ чтеніи сочиненія г. Воскресенскаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать науку, которая по газетнымъ фельетонамъ, по Будильнику и Стрекозѣ, опереткамъ, водевилямъ и судебнымъ процессамъ разъясняетъ духъ и характеръ времени, возвышаетъ (?) значеніе науки и въ то же время является служебною силой науки, занимается изученіемъ хлесткихъ газетныхъ статей, служитъ камертономъ для искусства и сообщаетъ ему, для разработки, живыя прогрессивныя идеи, излагаетъ теорію критическихъ сочиненій и проводитъ въ сознаніе общества какія-то головокружительныя мысли. Нѣтъ, не рекомендуемыя авторомъ „практическія экскурсіи“ могутъ достойно оживить преподаваніе словесности, не экскурсіи въ міръ житейской грязи и въ область „разбойниковъ пера и мошенниковъ печати“ могутъ содѣйствовать выполненію задачи средне-учебныхъ заведеній: сдѣлать это могутъ лишь литературныя бесѣды, дающія возможность путемъ чтенія и разбора замѣчательнѣйшихъ произведеній русской и иностранной литературы, путемъ уясненія учащимся вѣчныхъ истинъ, идеаловъ прекраснаго, истиннаго и добраго, оказывать хорошее вліяніе на развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ молодого поколѣнія“ (стр. 29—30).

Викторъ Острогорскій. Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся.
Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 16-ю д. стр. 135. Москва. 1886.

Въ предисловіи къ этому исправленному и дополненному изданію указаны прибавочныя статьи: 1) примѣры выразительнаго чтенія для маленькихъ дѣтей (пословицы, побасенки, стихотворенія); 2) разборъ монолога изъ драматической хроники Шекспира: Генрихъ IV; 3) разборъ сцены изъ Гамлета; кромѣ того, въ видѣ приложенія, даны двѣ статьи: 1) Главнѣйшія основанія русскаго стихосложенія и 2) Нѣсколько практическихъ указаній для обученія выразительному чтенію.

Авторъ справедливо сѣтуетъ на упадокъ въ нашихъ школахъ умѣнья читать надлежащимъ образомъ прозу и стихи. Желая содѣйствовать искусству выразительной рѣчи, декламации, какъ одного изъ средствъ эстетическаго развитія нашего юношества, онъ, на основаніи трудовъ Легуве, Дистервега, Бенедикса, Оппея и своихъ собственныхъ практическихъ наблюденій, составилъ руководство, которое можетъ принести пользу какъ преподавателямъ, такъ и уча-

щимся. Въ этомъ руководствѣ разсматривается сначала значеніе искусства читать, потомъ главнѣйшія средства, ведущія къ пріобрѣтенію этого искусства, и наконецъ, какимъ образомъ можно было бы ввести его въ наши учебныя заведенія. Какъ человѣкъ убѣжденный, авторъ настойчиво доказываетъ важность выразительнаго чтенія для школы, семейства и общества. Разсуждая о технической его части, онъ останавливается на трехъ условіяхъ декламаціи: голосѣ, дыханіи и произношеніи, подкрѣпляя наставленія разборомъ образцовъ. Вопросъ о помѣщеніи искусства чтенія въ число учебныхъ предметовъ рѣшаетъ онъ тѣмъ, что необходимо ввести его преподаваніе въ учительскія семинаріи, мужскія и женскія, для образованія учителей и учительницъ, потомъ въ женскіе педагогическіе курсы, филологическій институтъ, духовныя академіи и семинаріи, юридическую академію, университеты; сверхъ того, предлагается устраивать для учениковъ особые „читательные конкурсы“ на заранѣе данныхъ всѣмъ однимъ и тѣмъ же поэтическимъ образцахъ. На этомъ пунктѣ трудно согласиться съ авторомъ. Исчисленныя мѣры отзываются преувеличеніемъ, происходящимъ отъ увлеченія, хотя вполне искреннаго, но не нужнаго. Вовсе нѣтъ надобности создавать особый учебный предметъ изъ искусства чтенія съ чувствомъ и толкомъ. Каждый учитель, болѣе или менѣе, можетъ быть въ этомъ дѣлѣ пособникомъ. Произнесеніе стиховъ или прозы, надлежащая декламація въ старыя годы усваивались учениками очень просто, благодаря тому, что того требовала и школа, и общество. Въ школахъ на публичномъ актѣ не обходилось безъ того, чтобы двое-трое учащихся не произнесли какихъ-нибудь рѣчей или стиховъ передъ посѣтителеми. На что есть спросъ, на то является и производство; но при отсутствіи перваго, разумѣется, нѣтъ и послѣдняго.

Сдѣлаемъ при этомъ замѣчаніе относительно неправильной постановки удареній въ стихахъ (см. стр. 64, 66—70).

Овщедоступная военно-историческая хрестоматія. Съ рисунками, картами и планами. Составилъ К. К. Абаза. Въ двухъ книгахъ. С.-Пб. 1887. Цѣна каждой книги 1 руб.

Объясняя идею своего изданія, составитель говоритъ, что оно образовалось посредствомъ выдѣленія изъ военной исторіи, доступной въ полномъ ея объемѣ только специалистамъ, такихъ ея страницъ, которыя могутъ быть пригодны для чтенія не только въ военной средѣ, но и вообще въ школѣ. Можно было бы сказать и на оборотъ,

что военно-историческая хрестоматія, составленная г. Абазою, занимствовала изъ всеобщей исторіи только такіе ея отдѣлы и части, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ военному дѣлу. Если просмотрѣть оглавленіе статей перваго тома, то мы здѣсь не найдемъ ни одной статьи и ни одного имени, безъ конхъ можно было бы обойтись при изложеніи всеобщей исторіи въ среднемъ учебномъ заведеніи—все одно, будетъ ли это изложеніе имѣть видъ краткаго руководства или какого болѣе обширнаго пособія. Въ сущности можетъ показаться, что хрестоматія г. Абазы военно-историческою дѣлается главнымъ образомъ потому, что она исключаетъ гражданскій элементъ, занимается только героями войны, но оставляетъ въ сторонѣ дѣятелей государства, представителей мысли, религіи, науки и т. д. Самые военные эпизоды, составляющіе ея исключительное содержаніе, хрестоматія, въ большинствѣ случаевъ, трактуетъ почти совершенно такъ, какъ бы стала излагать всякая обыкновенная историческая хрестоматія. Правда, есть нѣкоторая тенденція въ пользу сообщенія болѣе отчетливыхъ представленій о характерѣ вооруженія и о способѣ вести войну и сраженіе у того или другаго народа въ тотъ или другой періодъ, но такая тенденція проявляется только слегка и умѣренно. Для примѣра могутъ служить страницы, посвященныя военному искусству арабовъ въ главѣ о Магометѣ (стр. 80 — 81), тѣ нѣсколько строкъ въ статьѣ о Петрѣ Пустынникѣ, которыя говорятъ о вооруженіи турокъ (стр. 130), нѣсколько словъ о военномъ устройствѣ во времена рыцаря Баярда (стр. 181), тогда какъ о самой эпохѣ рыцарства не сказано ничего такого, что не должна была бы сказать всякая гражданская хрестоматія. Болѣе специально военный оттѣнокъ имѣютъ послѣднія двѣ-три статьи перваго тома: защита Генуи и походъ генерала Бонапарта въ Италію въ 1800 г. (Маренго), „сраженіе трехъ императоровъ“, подъ которымъ разумѣется сраженіе при Аустерлицѣ, и т. д. Но не нельзя утверждать, чтобы такія статьи совсѣмъ не подлежали включенію въ простую общедоступную хрестоматію, безъ прибавленія эпитета военная. Относительно второй части, которая посвящена русской исторіи, нельзя безусловно сказать того же самаго, что сказано о первой. Здѣсь военный характеръ хрестоматія г. Абазы пріобрѣтаетъ не только вслѣдствіе устраненія гражданского элемента, но и вслѣдствіе болѣе широкаго развитія военнаго, болѣе широкаго, чѣмъ это могла бы допустить обыкновенная общедоступная хрестоматія. Мы имѣемъ въ виду такія статьи: какъ „Наступленіе въ Чечню и Даге-

станъ"; „Защита Гергебиля"; „Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Гагивъ" и т. п. Не то чтобъ эти статьи отличались спеціальнымъ, военно-техническимъ характеромъ изложенія, но онѣ касаются такихъ фактовъ, которые подробно разказываются развѣ только въ частныхъ исторіяхъ Кавказа. Изъ нашихъ замѣчаній относительно содержанія книги, составленной г. Абазою, можно, пожалуй, вывести такое заключеніе, что въ сущности она не удовлетворяетъ ни тѣмъ, ни другимъ: для военныхъ она будетъ недостаточно военна, для гражданскихъ учебныхъ заведеній недостаточно полна по исключительному преобладанію военной точки зрѣнія. Это было бы справедливо, еслибы дѣло шло объ обязательномъ учебномъ руководствѣ или пособіи. Но книга г. Абазы предназначается преимущественно для чтенія учениковъ, и въ этомъ отношеніи — можно сказать, что все хорошее будетъ хорошо; все, что можетъ содѣйствовать возбужденію и воспитанію чувствъ патріотизма, самопожертвованія и героизма, — а къ этому именно по самому существу дѣла разказы о военныхъ дѣлахъ и подвигахъ наиболѣе пригодны, — все это будетъ желаннымъ приобрѣтеніемъ въ школьныхъ библіотекахъ гражданскихъ и военныхъ безъ различія. Съ этой точки зрѣнія можно пожалѣть скорѣе о томъ, что, будучи военною, хрестоматія подполковника Абазы и въ этой своей спеціальности безъ всякаго, по видимому, намѣренія и разчета допустила какую-то исключительность. Когда ознакомишься поближе съ книгой, то чувствуешь, что все-таки и съ военной точки зрѣнія въ ней чего-то недостаетъ, что-то совсѣмъ пропущено. Когда немного вдуматься, то окажется, что недостаетъ здѣсь морской военной исторіи, что книга г. Абазы является не только военною хрестоматіей, но и такъ-сказать — сухопутною. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, ибо хорошо извѣстно, что морская война нисколько не менѣе даетъ поводовъ къ проявленію смѣлости, отваги и героизма, чѣмъ война сухопутная.

Касательно исполненія, то-есть, относительно выбора руководителей и источниковъ при составленіи статей, нужно сказать, что и въ этомъ отношеніи господствуетъ средній уровень; даже нѣсколько поражаетъ то обстоятельство, что въ указаніи источниковъ для статей перваго тома совсѣмъ не встрѣчается именъ первоклассныхъ историческихъ писателей ни для древней, ни для средней и новой исторіи: Амедей Тьерри, Грановскій, Стасюлевичъ, Тьеръ, Богдановичъ суть въ хрестоматіи самыя громкія имена; есть другія статьи безъ означенія источниковъ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ предисловія, происхождение

ихъ еще менѣе, такъ-сказать, благородно: „Очерки изъ исторій и народныхъ сказаній“ Грубе, Журналъ военно-учебныхъ заведеній и т. п. Во второмъ томѣ—Костомаровъ, но также и Эварницкій, а для Бородинской битвы на ряду съ Тьеромъ также и „Двѣнадцатый годъ“ Шалфеева, то-есть, хотя и очень хорошая книжка, но только для своей цѣли, для народнаго чтенія въ Солянномъ городкѣ. Итакъ, нѣтъ ничего выдающагося, но за то все одинаковаго почти достоинства и все подведено подъ одинъ тонъ и уровень; нѣтъ ничего и совсѣмъ дурнаго или негоднаго, такъ что ни одной статьи нельзя совсѣмъ осудить, но конечно, можно сдѣлать не мало частныхъ замѣчаній о ея подробностяхъ.

Не совсѣмъ удаются составителю общія вступительныя замѣчанія въ началѣ отдѣльныхъ статей, какъ объ этомъ можно судить, напримѣръ, по стр. 62 и 63, составляющимъ введеніе къ статьѣ объ Аттилѣ и объясняющимъ состояніе Римской имперіи въ IV вѣкѣ: „Прошло триста лѣтъ: римлянѣ, какъ нѣкогда евреевъ, въ свою очередь пугали частыя солнечныя затмѣнія, водяныя бурн(?), грозы и другія довольно обыкновенныя явленія природы. Они со страхомъ ожидали разрушенія всемірной столицы, Рима. Но и безъ этихъ предзнаменованій не трудно было видѣть, что Римскому государству приходитъ конецъ“ и т. д. Не хорошо въ литературномъ отношеніи, да и не совсѣмъ вѣрно исторически. Римляне вовсе не ждали разрушенія своей столицы. Не совсѣмъ хорошо начало и въ предыдущей статьѣ: „Разрушеніе Іерусалима“ (стр. 48).

Въ виду возможности втораго изданія, которое книга навѣрное будетъ имѣть, и котораго она не заслуживаетъ, отмѣчаемъ частныя ошибки, замѣченныя нами при чтеніи перваго тома.

Стр. 72. О мѣстѣ извѣстной битвы Аттилы съ Аэціемъ говорится, что „эта мѣстность извѣстна до сихъ поръ подъ именемъ Каталонскихъ полей“. Но отъ чего же тогда существуетъ споръ о мѣстѣ битвы и о томъ, гдѣ находилось поле сраженія? Кстати замѣтимъ, что въ книгѣ постоянно пишется Атилла, что неправильно; нужно писать Аттила, а на стр. 75 вмѣсто Тарисмонда нужно читать Торисмонда.

Стр. 84. Арабы завоевываютъ въ Испаніи города Архидону Кордову, Толедо: Архидоны мы не знаемъ.

Стр. 89. Говорится о германскихъ гелейтахъ; нужно бросить это не существующее выраженіе и замѣнить его словомъ „дружина“. Да и самое содержаніе того, что говорится о дружинѣ, подлежитъ полному измѣненію, потому что тутъ много невѣрнаго.

Стр. 91. Если лѣтописцы, католическіе монахи, умышленно скрывали порокъ франковъ, состоявшій въ большой жестокости обхожденія съ плѣнными, то откуда же мы узнали объ этомъ? То, что говорится о раздѣлѣ земель послѣ завоеванія франческаго, не совсѣмъ точно.

Стр. 93. При извѣстіи о путешествіяхъ Карла Великаго въ Римъ, совершенныхъ четыре раза, слово по объѣту совсѣмъ излишне.

Стр. 95. Витукиндъ приводитъ къ Карлу своего вѣрнаго друга и сподвижника Альбіона. Сподвижникъ Витукинда называется въ источникахъ Abbio, слѣдовательно, Аббіонъ, а не Альбіонъ.

Стр. 99. Въ числѣ государствъ, на которыя распалась монархія Карла Великаго, нельзя помѣщать Испанію, потому что она и ранѣе не входила въ составъ ея.

Стр. 105. Островъ Мая близъ Шотландіи—вѣроятно, Мэнъ, Man.

Стр. 108. Графъ Евдо, защитникъ Парижа, правильнѣе можетъ быть названъ либо Одономъ по латинской формѣ, либо Эдомъ — (Eudes) по французской.

Стр. 140 и 141. Не Батумать, а Бутумить; не Доріоленъ, а Дорилей или Дорилеумъ.

Стр. 150. Тира и Альконы—конечно, Акки или Акконы.

Стр. 166. „Она“ (Жанна д'Аркъ) стала себя считать орудіемъ Божьяго соизволенія: выраженіе неловкое.

Стр. 168. Не Шильонъ былъ замокъ, въ которомъ Жанна представилась королю, а Шинонъ, Chinon.

Стр. 205. Не правда, что храмъ Апостоловъ послѣ взятія Цареграда турками навсегда оставленъ былъ за Цареградскими патріархами; послѣ онъ былъ отобранъ.

Стр. 240. На Густава-Адольфа всѣ смотрѣли, какъ нѣкогда евреи на Іуду Маккавея, освободившаго народъ Божій отъ тяжкаго ига римлянъ. Но не отъ римлянъ освободилъ Іуда Маккавей евреевъ, а отъ сирійцевъ и царя ихъ Антиоха Елифана.

Стр. 313. „Осмотрѣвши крѣпостцу, они сказали, что взять ее въ лобъ нельзя“. Ужели это военная терминологія?

Учебный атласъ по русской исторіи и объясненія къ учебному атласу. Е. Е. Замысловскаго. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1887. Цѣна 5 руб.

Географическій атласъ съ объяснительнымъ къ нему текстомъ профессора Замысловскаго имѣетъ давно установившуюся и вполне заслуженную репутацію труда въ своемъ родѣ классическаго. Ему

очень много обязана не только наша общеобразовательная школа, но и наука. Еще при первом своемъ появленіи это была не какая-либо удачно составленная компиляція, слѣдѣнная знающимъ чело-вѣкомъ, но трудъ ученаго специалиста, долженствующій имѣть влія-ніе на дальнѣйшую разработку предмета. Эта разработка соверша-лась потомъ преимущественно тѣмъ же самымъ Е. Е. Замысловскимъ, котораго можно считать основателемъ русской-исторической географіи—въ смыслѣ систематическаго ея изученія, какъ особой дисциплины: труды Н. П. Барсова, сюда относящіеся, слѣдовали повдѣе. При второмъ изданіи атласа приложены были историко-географическія за-мѣтки, въ которыхъ уже заключались элементы краткой учебной книги по данному предмету, какъ это и было указано въ под-робномъ разборѣ изданія по поводу присужденія Петровской преміи составителю. Относительно общей оцѣнки представленнаго теперь въ третьемъ изданіи географическаго атласа по русской исторіи мы можемъ и должны сослаться на этотъ самый разборъ втораго изданія, напечатанный въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1884 года. Отличія третьяго изданія, которое мы теперь съ удовольствіемъ привѣтствуемъ, указаны въ предисловіи и заключаются въ слѣдующемъ: Вновь составлены пять картъ—карта Средней Азіи, на сколько послѣдняя вошла въ составъ Русскаго госу-дарства, то-есть, карта, по которой можно изучать постепенное дви-женіе наше въ глубь Средней Азіи, затѣмъ карта той части Пруссіи, которая служила мѣстомъ дѣйствія нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, а также карта Германіи и сѣверовосточной Франціи во время войнъ 1813 — 1814 гг., и двѣ карты Балканскаго полуострова и Азіатской Турціи въ эпоху войны 1877 и 1878 гг. Сверхъ того, признано полезнымъ дать снимокъ съ той карты Московіи, которая приложена къ запискамъ Герберштейна. Всѣ прежнія карты, за един-ственнымъ исключеніемъ № 1-го, пересмотрѣны, улучшены и вновь перегравираваны. Особенно нужно быть благодарнымъ за то, что г. Замысловскій нашелъ возможнымъ напечатать отдѣльною кни-гою объяснительный текстъ къ картамъ, дополнивъ его, какъ это заранѣе разумѣется, новыми указаніями и свѣдѣніями; эта книга теперь уже не только по содержанію, но и по формѣ имѣетъ видъ и значеніе перваго опыта общей русской исторической географіи. Объ-яснительный текстъ къ третьему изданію атласа состоитъ изъ объ-ясненій къ картамъ и приложеній, число которыхъ доходитъ до пяти: всѣ они идутъ къ дѣлу и будутъ полезны. Въ концѣ нахо-

дится весьма тщательно составленный указатель названій, нанесенныхъ на карты.

При всѣхъ сдѣланныхъ дополненіяхъ и улучшеніяхъ, авторъ заявляетъ, что онъ, не смотря на многія благопріятныя обстоятельства, все-таки не успѣлъ осуществить въ дѣйствительности все то, что желалъ. Съ своей стороны, мы хотя и вполне довольны настоящимъ изданіемъ, и по внѣшнему виду производящимъ очень хорошее впечатлѣніе, не отказываемся раздѣлять надежды почтеннаго ученаго на дальнѣйшія усовершенствованія въ будущемъ. Усовершенствованія эти могли бы состоять въ большемъ развитіи подробностей, въ приложеніи побочныхъ дополнительныхъ картъ (Nebenkarten), на которыхъ полезно было бы дать, на примѣръ, изображеніе Днѣпровскихъ пороговъ, планы другихъ важныхъ городовъ, кромѣ Новгорода, Москвы и Петербурга (имѣемъ въ виду между прочимъ—Псковъ и Вильну), раздѣленіе Литовской Руси на воеводства и т. п.

Во всякомъ случаѣ желаемъ полнаго успѣха третьему изданію, который и дастъ автору возможность дальнѣйшихъ изданій и усовершенствованій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬВОВСЬКА.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ВАРШАВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1886 ГОДУ.

Наличный составъ преподавателей въ Варшавскомъ университетѣ въ 1-му января 1887 года былъ слѣдующій: въ историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 5, лекторовъ 5, итого 21; въ физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 3, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 4, итого 21; въ юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 2, доцентъ 1, итого 11; въ медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 8, доцентовъ 2, временныхъ преподавателей 2, прозекторовъ 3, лаборантовъ 2, итого 27. Вообще преподавателей по всѣмъ факультетамъ было: ординарныхъ профессоровъ 32, экстраординарныхъ 19, доцентовъ 11, временныхъ преподавателей 2, лекторовъ 5, прозекторовъ 3, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 7. Приватъ-доцентовъ имѣлось 2: одинъ по кафедрѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней, другой по гистологiи. Такимъ образомъ преподавателей всѣхъ категорiй состояло 83 лица.

Вакантными въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени были слѣдующія кафедры: по историко-филологическому факультету—исторiи всеобщей литературы и новой русской исторiи; по физико-математическому—физической географiи; по юридическому—гражданскаго судоустройства и судопроизводства, финансоваго права

часть сслѣд., отд. 4.

и энциклопедіи права; по медицинскому—общей патологій, общей терапіи и врачебной діагностики, фармакологій и рецептуры, судебной медицины и факультетской терапевтической клиники. Но всѣ исчисленные кафедръ были замѣнены или штатными преподавателями, или преподавателями по другимъ кафедрамъ или наконецъ вольнонаемными лицами.

Въ теченіе года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—12, физико-математическій—12, юридическій—10, медицинскій—23. Кромѣ незначительныхъ измѣненій въ утвержденныхъ совѣтомъ распредѣленіяхъ лекцій, произведенныхъ для удобствъ преподавателей и студентовъ, допущены еще слѣдующія перемѣны: По историко-филологическому факультету: а) чтеніе лекцій по физиологій голоса не производилось, потому что это чтеніе признано достаточнымъ черезъ годъ, совмѣстно студентамъ первыхъ двухъ курсовъ; б) лекціи по исторіи славянской и польской литературъ читались студентамъ старшихъ двухъ курсовъ историческаго отдѣленія въ теченіе двухъ лѣтъ; но такъ какъ студенты эти до того обременены лекціями, что не могли готовить себя на дому къ практическимъ занятіямъ, то чтеніе этихъ предметовъ постановлено производить въ теченіе только одного года. По медицинскому факультету преподаваніе по общей патологій и фармакологій производилось ранѣе только теоретически; съ поступленіемъ же двухъ преподавателей чтеніе лекцій по этимъ предметамъ начало производиться демонстративно въ особыхъ, вновь устроенныхъ лабораторіяхъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями приняты были слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ для сего служили практическія упражненія, курсовыя работы на темы, предложенныя членами факультета, и сочиненія на темы, данныя факультетомъ для соисканія наградъ медалями. Практическія упражненія состояли въ слѣдующемъ рядѣ занятій: По греческому языку студентамъ двухъ младшихъ курсовъ и классикамъ старшихъ курсовъ дѣлались объясненія авторовъ: въ первой половинѣ года читалась Одиссея Гомера, во второй половинѣ—Исторія Геродота. По латинскому языку вели занятія три преподавателя: одинъ изъ нихъ въ первомъ полугодіи по два часа въ недѣлю объяснялъ буколки Виргилія, другой во второмъ полугодіи—„Германію“ Тацита, а третій—сочиненіе Цицерона „De legibus“, въ особенности же первыя главы первыхъ двухъ книгъ, при чемъ объясненія касались преимущественно организаціи культа Рима и раз-

витія правъ народныхъ собраній. По церковно-славянскому языку и исторіи русскаго языка два преподавателя занимались со студентами старшихъ двухъ курсовъ славяно-русскаго отдѣленія, по одному часу въ недѣлю, чтеніемъ и объясненіемъ памятниковъ славянскаго языка по русской редакціи XI и XII вѣковъ. По славянскимъ нарѣчіямъ студенты первыхъ двухъ курсовъ переводили на русскій языкъ избранныя статьи изъ словацкаго и лужицкаго нарѣчій и чешскаго языка, студенты же двухъ старшихъ курсовъ славяно-русскаго отдѣленія—изъ языковъ сербскаго и болгарскаго. По исторіи славянскихъ литературъ профессоръ велъ занятія съ старшими двумя курсами по древнимъ памятникамъ чешской литературы. По исторіи польской словесности старшіе два курса славяно-русскаго отдѣленія занимались: въ первомъ полугодіи—чтеніемъ и объясненіемъ отрывковъ изъ произведеній изящной литературы XVII и первой половины XVIII столѣтій; во второмъ полугодіи—чтеніемъ и объясненіемъ литературныхъ произведеній временъ Станислава Понятовскаго и начала XIX столѣтія; студенты также письменно переводили на дому указанные имъ отрывки; переводы эти читались въ аудиторіи и исправлялись, при чемъ особенное вниманіе обращалось на точность перевода, объяснялись синонимы и т. п.; въ то же полугодіе на лекціяхъ, посвященныхъ обзору памятниковъ древне-польскаго языка, время отъ времени читались отрывки памятниковъ языка, но исключительно по снимкамъ, съ цѣлю ознакомленія студентовъ съ польскою палеографіею XIV и XV вѣковъ. По всеобщей исторіи, подъ руководствомъ двухъ преподавателей, студенты историческаго отдѣленія въ первомъ полугодіи упражнялись въ интерпретаціи болѣе трудныхъ отрывковъ средневѣковыхъ хроникъ и въ приемахъ исторической критики источниковъ по анналамъ Гильдесгеймскимъ и Кведлинбургскимъ и по хроникамъ Іордана, Григорія Турскаго, Эйнгарта; во второмъ же полугодіи происходили занятія по палеографіи, состоявшія въ разборѣ рукописей и грамотъ IX—XV столѣтій; сверхъ того, въ первомъ полугодіи студенты занимались критикою источниковъ по исторіи XVI вѣка; во второмъ полугодіи предметомъ занятій была критика сочиненія Рейнгольда Гейденштейна: „De bello moscovitico commentariorum libri sex“, какъ источника для Ливонской войны Стефана Баторія съ Іоанномъ Грознымъ. По новымъ иностраннымъ языкамъ занятія состояли въ переводахъ отрывковъ лучшихъ сочиненій русскихъ писателей на новые языки, съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ послѣднихъ; затѣмъ переводились на русскій языкъ отрывки

изъ произведеній лучшихъ иностранныхъ писателей, съ объясненіемъ правилъ синтаксиса сравнительно съ синтаксисомъ русскаго языка; кромѣ того, подъ руководствомъ лектора французскаго языка, студенты писали сочиненія, которыя лекторъ, по исправленіи на дому, сообщалъ въ аудиторіи съ объясненіями и замѣчаніями по ихъ содержанию и языку. На физико-математическомъ факультетѣ, студенты-математики занимались: на двухъ старшихъ курсахъ—практическою астрономіею, на III и II курсахъ—рѣшеніемъ задачъ по механикѣ, на III курсѣ—практическими занятіями по физикѣ въ физическомъ кабинетѣ, на I курсѣ—рѣшеніемъ задачъ по анализу и по аналитической геометріи. Студенты-естественники занимались практически: по аналитической химіи I курсъ по 4 часа въ недѣлю въ первомъ полугодіи, а остальные курсы—по столько же часовъ въ теченіе цѣлаго года. Специальными работами въ лабораторіи общей и аналитической химіи занимались четыре студента. Одинъ изъ нихъ производилъ изслѣдованіе состава водъ, сопровождающихъ нефть въ Ильской долинѣ Кубанской области, продолжалъ изученіе скоростей реакцій присоединенія кристаллизаціонной воды къ сухимъ солямъ, а также продолжалъ опыты надъ дѣйствіемъ сѣрнистаго водорода на углекислыя соли металловъ щелочныхъ земель. Другой студентъ изслѣдовалъ составъ газовъ, выделяемыхъ грязными сопками Кавказскаго края; третій производилъ опыты надъ скоростями двойныхъ разложеній между хлористыми металлами известковой группы и сѣрною кислотой, и четвертый—производилъ изслѣдованіе надъ дѣйствіемъ брома на бертолетову соль. Подъ руководствомъ другаго профессора химіи одинъ студентъ изучалъ реакцію іодистаго аллила и цинка на валероль; другой занимался изученіемъ хода окисленія рутоваго масла (метил-нонилкетона), третій изслѣдовалъ вліяніе условій на реакцію окисленія этил-пропилкетона. По минералогіи студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались упражненіями надъ кристаллографическими моделями и опредѣленіемъ минераловъ, а II курсъ во второмъ полугодіи упражнялся и въ измѣреніи кристалловъ гониометрами разныхъ системъ, въ опредѣленіи показателей преломленія въ одноосныхъ и двуосныхъ кристаллахъ, въ измѣреніи угла оптическихъ осей и ставроскопическихъ опредѣленіяхъ. Специальныя работы были слѣдующія: изученіе базальта Волынской губерніи, изслѣдованіе цинковыхъ рудъ Домбровы, микроскопическое изслѣдованіе фонолитовъ, экспериментальное воспроизведеніе минераловъ и горныхъ породъ путемъ сплавленія, изслѣдованіе кристалловъ изоморфныхъ смѣсей. Въ ботаниче-

скомъ кабинетѣ занимались практически студенты II, III и IV курсовъ по два часа въ недѣлю, а желающіе—ежедневно. Три студента занимались слѣдующими научными работами: специальное изученіе грибовъ изъ отряда гименомицетъ, опредѣленіе мховъ мѣстной флоры и различныхъ высшихъ грибовъ, изслѣдованіе различныхъ растений, преимущественно грибовъ. Независимо отъ вышеннеложеннаго, факультетомъ постановлено производить экзамены по практическимъ занятіямъ студентовъ на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены для экзаменовъ по теоретическому содержанію разныхъ наукъ. Эти практическіе экзамены по нѣкоторымъ предметамъ будутъ производиться отдѣльно отъ теоретическихъ, по другимъ же—вмѣстѣ съ послѣдними. На юридическомъ факультетѣ мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ состояли главнымъ образомъ, какъ и на историко-филологическомъ факультетѣ, въ письменныхъ упражненіяхъ. Каждый студентъ обязательно избираетъ одинъ изъ факультетскихъ предметовъ своего курса и въ теченіе года представляетъ по этому предмету письменную работу на тему, одобренную преподавателемъ; за лучшія изъ этихъ работъ выданы были преміи. На медицинскомъ факультетѣ всѣ виѣлекціонныя занятія студентовъ состояли, какъ и на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, въ практическихъ упражненіяхъ и изслѣдованіяхъ въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ.

Изъ числа преподавателей и служащихъ въ Варшавскомъ университетѣ слѣдующія лица издали въ 1886 году отдѣльные ученые труды или помѣстили статьи въ повременихъ изданіяхъ: а) профессора: Г. Ю. Струве издалъ „Эстетику цвѣтовъ“; О. О. Первольфъ напечаталъ 1-й томъ сочиненія „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“; А. С. Будиловичъ издалъ „Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніи“ и помѣстилъ въ журналахъ разборы книгъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—Ягича: „Переписка Добровскаго и Копитара“ и Риттиха: „Славянскій міръ“ и въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — Вержбовскаго: „Христофоръ Варшевицкій и его сочиненія“; А. И. Смирновъ помѣстилъ нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ въ издаваемомъ имъ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ; К. Я. Гротъ помѣстилъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—статью „Новый нѣмецкій трудъ чешскаго слависта“ и въ Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества—нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ; Н. Н. Любавичъ помѣ-

ствилъ: въ Извѣстіяхъ Варшавскаго университета—„Зимлеровское собраніе рукописей въ Цюрихѣ“, въ Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества—библіографическія замѣтки и въ Варшавскомъ Дневникѣ—рецензію на сочиненіе Вержбовскаго „Христофоръ Варшевицкій“; О. Ф. Вержбовскій напечаталъ „Христофоръ Варшевицкій, 1543 — 1603, и его сочиненія“ и помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„За десять лѣтъ (1876—1885) библіографическій указатель научныхъ трудовъ, диссертаций, статей, рецензій и программъ лекцій“ и въ Отчетѣ о присужденіи Пушкинскихъ премій—рецензію на сочиненіе „Изъ Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова“; Н. Я. Сонинъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Объ опредѣленіи максимальныхъ и минимальныхъ свойствъ плоскихъ кривыхъ“; А. А. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Отчетъ о международномъ конгрессѣ ботаники и садоводства и всемірной выставкѣ садоводства въ Антверпенѣ“ и въ газетѣ Новое Время — Некрологъ президента Московскаго Общества испытателей природы К. И. Ренара; И. О. Трейдосевичъ напечаталъ въ журналѣ *Wszechświat* статью „Геологическій характеръ окрестностей береговъ рѣки Опатувки въ Опатовскомъ и Сандомирскомъ уѣздахъ“; С. М. Будзинскій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ три статьи: „Законъ о кражѣ 1882 г. съ комментариемъ“, „Опреступленія въ особенности“ и „О лжеприсягѣ“; Г. О. Симоненко издалъ 1-й выпускъ своего труда „Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“; Д. Я. Самоквасовъ издалъ часть учебника по исторіи русскаго права и помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: а) три статьи подъ общимъ заглавіемъ: „Главнѣйшіе моменты въ государственномъ развитіи древней Руси, и б) актовую рѣчь „О договорахъ славяноруссовъ съ греками“; В. В. Миклашевскій напечаталъ нѣсколько статей въ Варшавской Судебной газетѣ; О. О. Зигель напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ „Исторію права“; Г. Ф. Гойеръ помѣстилъ въ *Hoffman und Schwalbe Jahresbericht* „Рефераты изъ русской и польской литературы по анатоміи, гистологій и эмбриологій“; Ю. Ф. Косинскій помѣстилъ въ журналѣ Медицина статью: „Вырѣзаніе почки при камняхъ почки“; Э. Г. Траутфеттеръ издалъ 2-й и 3-й выпуски фотографическаго атласа кожныхъ и венерическихъ болѣзней: „Узловатый сифилидъ“ и помѣстилъ статьи: въ Варшавскомъ Дневникѣ—„О заразительности скарлатины и о предохранительныхъ мѣрахъ противъ распространенія этой болѣзни“ и въ Берлинскомъ изданіи Вирхова и Гирша—

двѣ статьи по дерматологiи и венерическимъ болѣзнямъ изъ русской медицинской прессы; М. Д. Чаусовъ напечаталъ въ *Anatomische Anzeige* статью „*Anatomische Notizen*“; Ф. Ф. Навроцкій помѣстилъ: въ Педагогической Энциклопедiи—статью „Физиологiя“ и въ журналѣ Гофмана и Швальбе—рефераты по физиологiи; Э. Ф. Вольфрингъ напечаталъ въ Дневникѣ 1-го съѣзда Московско-Петербургскаго Медицинскаго Общества статью „Объ отношеніи тканей въ заднемъ полюсѣ глазнаго яблока и кровеносныхъ сосудовъ, въ нихъ расположенныхъ, къ тканямъ и сосудамъ зрительнаго нерва“; Н. В. Ястребовъ помѣстилъ въ журналѣ акушерства и женскихъ болѣзней статью „Къ вопросу объ удаленіи двухстороннихъ пароваріальныхъ кистъ“; М. Д. Лапчинскій напечаталъ во *Врачѣ*: „Брюшной тифъ въ Варшавскомъ Узяздовскомъ военномъ госпиталѣ за 1884 г.“; М. Я. Капустинъ въ томъ же изданіи помѣстилъ вступительную лекцію: „Основные задачи и способы изслѣдованія общественной гигиены“; Н. О. Ментинъ помѣстилъ въ журналѣ *Врачъ* двѣ рецензіи на курсъ фармакогнозіи Чирикова и на такой же курсъ Подвысоцкаго; С. М. Лукьяновъ напечаталъ въ *Archiv für Physiologie* статью „*Wärmelieferung und Arbeitskraft des blutleeren Säugethiermuskels*“; Л. И. Тумасъ помѣстилъ двѣ статьи: въ Протоколахъ Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ—„О вліяніи септической лихорадки на объемъ, вѣсъ, удѣльный вѣсъ крови, на абсолютное количество красныхъ шариковъ и на количество гемоглобина въ организмѣ“ и въ *Archiv für Exp. Pathol. u. Pharmac.* — „*Ueber die Wirkung des Salzsäures Coccains auf die psychomotorischen Centra*“; Я. Я. Стольниковъ напечаталъ въ *Arch. f. Physiol.* статью „*Die Aichung des Blutstromes in der Aorta des Hundes*“. б) Доценты: С. П. Микуцкій помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Историко-лингвистическія замѣтки“ и замѣчаніе на сочиненіе Фр. Миклошича „*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprache*“; Г. Е. Зенгеръ напечаталъ: „Критическій комментарий къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горациа“ и „Филологическія замѣтки“ и помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Замѣтки къ латинскимъ текстамъ“; И. П. Сазоновичъ издалъ сочиненіе „Пѣсни о двѣхъ-воинѣхъ и былины о Ставрѣ Годуновичѣ“; П. С. Назимовъ помѣстилъ въ Московскомъ математическомъ сборникѣ статью „Объ одномъ видоизмѣненіи метода Штурма“; Б. В. Станкевичъ напечаталъ три статьи: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Къ динамической теоріи газовъ“ и „Объ одной теоремѣ Больцманна“ и въ Московскомъ математическомъ Сборникѣ — „О распре-

дѣленіи энергіи вращательнаго движенія на молекулы газа“; Л. Г. Нейгебауэръ помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Случай излѣченія хроническаго выворота матки, съ замѣчаніями, касающимися дѣленія этого страданія вообще“ и въ журналѣ *Medycyna* — польскій переводъ этой статьи. в) Приватъ-доценты: П. И. Митрофановъ напечаталъ: въ Протоколахъ зоологическаго отдѣла Общества любителей естествознанія — „О мышцахъ въюна“ и „Еъ вопросу о периферическихъ нервныхъ окончаніяхъ“ и въ *Zoologischer Anzeiger*—„Die Nervenendigungen im Epithel der Kaulgrappen und die Stiftheenzellen von A. Kölliker“; И. Р. Пастернацкій помѣстилъ: въ *Progrès Medical* — „Sur le tremblement qui dépend de l'écorce grise du cerveau“ и въ Архивѣ психіатріи — годовой отчетъ по отдѣленію душевныхъ болѣзней Уяздовскаго военнаго госпиталя; и сдѣлалъ докладъ 1-му съѣзду отечественныхъ психіатровъ: „Еъ вопросу о домахъ умалишенныхъ въ Россіи“. г) Лекторы: В. А. Кулаковскій напечаталъ: въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Сербія въ 1849 и 1853 — 1855 гг.“, и въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ и въ Извѣстіяхъ Славянскаго благотворительнаго Общества — статья объ И. С. Аксаковѣ и А. Л. Дювернуа, и редактировалъ Варшавскій Дневникъ; О. К. Пржиборовскій издалъ „*Joannis Cochranovi Carmina latina*“. Астрономъ-наблюдатель Ковальчикъ напечаталъ двѣ статьи: въ *Berliner Astronomisches Jahrbuch* — „Эомериды планетъ Гесперіи и Фисбы“ и въ журналѣ *Zdrowie*—„О klimatycznych stosunkach Warszawy“. Прозекторъ П. А. Троицкій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „О вліяніи озона на организмъ животныхъ“. Сверхъ вышеуказанныхъ, одобрены къ изданію отъ имени университета слѣдующіе труды: профессоровъ: Дьячана—„Введеніе въ греческую діалектологию“, Любовича—„Викентій Лаурео, папскій нунцій въ Польшѣ (1574 — 1579) и его письма къ кардиналу Комскому“, Потылицына — „О значеніи теплоты образованія солей при реакціяхъ двойныхъ разложеній“, Симоненка—„Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ“; доцентовъ: Вѣхова—„Объ источникахъ Гая Светонія Транквилла въ біографіяхъ римскихъ императоровъ“ и Сазоновича—„Славяне въ Моревъ“ и „Пѣснь о Нибелунгахъ“. Независимо отъ вышеуказаннаго, издано не мало трудовъ лаборантами, помощниками прозекторовъ, хранителями кабинетовъ и другими лицами вѣдомства университета.

Изъ числа преподавателей Варшавскаго университета командированы были за границу слѣдующія лица: профессора: Будилевичъ—

для пополненія въ библіотекахъ западныхъ государствъ матеріаловъ, необходимыхъ для окончательной обработки и изданія составленныхъ имъ курсовъ по занимаемой имъ кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы; Любовичъ—для изученія въ заграничныхъ библіотекахъ и архивахъ матеріаловъ для предпринятаго имъ изслѣдованія по исторіи реформациі въ Польшѣ; Вржесніовскій—для антропологическихъ изслѣдованій въ центральныхъ Карпатахъ; Микляшевскій — для ближайшаго ознакомленія по практическимъ результатамъ съ дѣятельностію германскаго суда съ присяжными; Траутфеттеръ — для посѣщенія клиникъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней и болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ; Ментинъ — для ознакомленія съ усовершенствованными способами добыванія эфирныхъ маселъ, практикуемыми въ Лейпцигѣ, а также фармакогностическими образцами, находящимися въ музеѣ Gehe въ Дрезденѣ; Лукьяновъ и Стольниковъ—для приобрѣтенія предметовъ во вновь учрежденныя лабораторіи общей патологіи и діагностическій кабинетъ; Мѣржинскій, Навроцкій, Первоульфъ, Дьячанъ, Павинскій, Поповъ, Тумасъ и Тауберъ. Доценты: Вѣховъ—для изученія памятниковъ по римской литературѣ; Станкевичъ—для изслѣдованія объ отношеніи теплоемкости газовъ; Ромашкевичъ—для спеціальнаго изученія финансовой науки. Профессора: Троицкій — для занятій въ Вѣнѣ судебною медициною и судебною психопатологіей; Ящинскій—для ознакомленія съ анатомическими институтами и усовершенствованія себя въ тонкихъ инъекціяхъ.

Къ 1-му января 1886 года въ Варшавскомъ университетѣ находилось 1,110 студентовъ; въ теченіе 1886 года вновь поступило 315 (изъ гимназій 314, изъ другихъ учебныхъ заведеній 1), въ теченіе года выбыло 274 (до окончанія курса 101, по окончаніи курса 173); затѣмъ къ началу 1887 года состояло на лицѣ 1,151. Вольнослушателей было: къ началу 1886 года 143, къ началу 1887 года — 188. Оставшіеся къ началу 1887 года 1,151 студентъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ—въ историко-филологическомъ факультетѣ 46, въ физико-математическомъ — 120 (по математическому отдѣленію 55, по естественному отдѣленію 65), въ юридическомъ 456, въ медицинскомъ 529; б) по курсамъ—въ I курсѣ 388, во II—268, въ III—253, въ IV—180, въ V—62, в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 187, римско-католиковъ 814, лютеранъ и реформатовъ 36, евреевъ 163, магометанъ 1; г) по сословіямъ: сы-

новой дворянъ 519, духовныхъ 31, купцовъ 4, мѣщанъ 536, крестьянъ 55, иностранныхъ подданныхъ 6; д) по мѣсту предварительнаго образованія: гимназистовъ 1,144, семинаристовъ 4, изъ другихъ учебныхъ заведеній 3; е) по учебнымъ округамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 12, Московскаго 6, Казанскаго 4, Сибирскаго 2, Харьковскаго 6, Одесскаго 13, Виленскаго 45, Варшавскаго 1,020, Дерптскаго 13, Кавказскаго 2, Кіевскаго 28. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались: во второмъ полугодіи 1885—1886 учебнаго года 184, въ первомъ полугодіи 1886—1887 учебнаго года 179 студентовъ, всего на сумму 38,353 руб. 11 коп., въ томъ числѣ: изъ суммъ государственнаго казначейства 10,500 руб., отъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений 9,227 руб. 88 коп., изъ пожертвованныхъ капиталовъ 13,725 руб. 23 коп., изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 4,900 руб. Размѣръ стипендій—отъ 50 р. до 400 руб. включительно. Единовременныя пособія выданы были: во второмъ полугодіи 1885—1886 учебнаго года 316-ти и въ первомъ полугодіи 1886—1887 учебнаго года 237-ми студентамъ на 8,686 руб. 20 коп., употребленныхъ изъ разныхъ источниковъ. Освобождено было отъ платы за право слушанія лекцій; а) отъ полной платы: въ 2-мъ полугодіи 1885—1886 года 84, въ 1-мъ полугодіи 1886—1887 года 97 студентовъ; б) отъ половинной платы: во 2-мъ полугодіи 1885—1886 года 37, въ 1-мъ полугодіи 1886—1887 года 17 студентовъ на 5,200 руб. на счетъ суммы сбора за слушаніе лекцій. Такимъ образомъ на всѣ роды вспоможенія студентамъ израсходовано 52,239 руб. 31 коп.

Для соисканія наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующіи темы: историко-филологическимъ факультетомъ— „Частная жизнь въ Россіи первой половины XVIII вѣка по иноземнымъ извѣстіямъ“ и „Анней Луканъ и его поэма Фарсалия“; физико-математическимъ— „Полное изслѣдованіе такъ-называемаго базальта около города Ровно, Волынской губерніи“; юридическимъ — „Происхожденіе и систематическое изслѣдованіе содержанія сборника польскаго обычнаго права XIII вѣка, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ“, „О различіи между ипотекою по римскому праву и новѣйшимъ законодательствомъ“; медицинскимъ — „Мышцы сердца (провѣрка взгляда Pettigrew)“ и „Допускается ли происхожденіе водянки безъ механическаго препятствія въ кровообращеніи и чѣмъ оно въ такомъ

случаѣ обусловливается?“. За представленныя на эти темы сочиненія присуждены: 3 золотыя медали, 5 серебряныхъ и одинъ почетный отзывъ. За лучшія курсовыя сочиненія выданы денежныя преміи: на историко-филологическомъ факультетѣ — 17, на юридическомъ — 11, на физико-математическомъ — 3, на медицинскомъ — 2. Размѣръ премій — отъ 10 до 100 руб. включительно.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій утверждено въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: доктора медицины — 2, магистра славянской филологіи — 1, кандидата — 29 (по историко-филологическому факультету 3, по физико-математическому 4, по юридическому 22), дѣйствительнаго студента — 61 (по историко-филологическому факультету 4, по физико-математическому 5, по юридическому 52), лѣкаря — 87, уѣзднаго врача — 2, провизора 40, аптекарскаго помощника — 66, дантиста — 4, повивальной бабки — 1, землемѣра: II класса — 6, I класса — 2.

Для приготовленія къ профессорскому званію отправленъ за границу кандидатъ Ровинскій, съ цѣлью изучить подробнѣе, при помощи специальной иностранной литературы, исторію римской лирики (преимущественно мелической) съ обращеніемъ особеннаго вниманія на ея теоретическую сторону и отношенія послѣдней къ метрикѣ греческой, и затѣмъ судьбы латинскаго стихосложенія въ началѣ среднихъ вѣковъ. Сверхъ того, продолжали состоять профессорскими стипендіатами кандидаты Косминскій, Вульфъ и Васильевъ: первый по древней исторіи, второй — по минералогіи, послѣдній — по зоологіи.

Денежныя средства Варшавскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) Штатныя суммы: отъ 1885 года имѣлось остатка 12,147 руб. 14 коп., въ 1886 году ассигновано изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 275,798 р. 42 коп., въ теченіе 1886 года израсходовано 275,085 руб. 28 коп., затѣмъ къ 1-му января 1887 года оставалось на лицо 12,860 руб. 28 коп. б) Сборъ со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1886 года состояло 15,186 руб. 10 коп., въ теченіе года поступило 63,114 руб. 81 коп., израсходовано 78,048 руб. 57 коп., къ 1887 г. имѣлось въ остаткѣ 252 руб. 34 коп. в) Проценты отъ пожертвованныхъ на стипендіи и пособія капиталовъ и суммы, назначенныя на вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ: остатокъ отъ 1885 г. 3,736 руб. 33½ коп., приходъ въ 1886 году 20,008 руб. 14 коп.,

расходъ 15,106 руб. 32 коп., остатокъ къ 1887 году 8,737 р. 15¼ к. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на содержаніе и устройство учебно-вспомогательныхъ учреждений (лабораторій, музеевъ, кабинетовъ, астрономической обсерваторіи, библіотеки)—22,231 руб., на хозяйственные расходы, ремонтъ домовъ и другія надобности 20,076 руб., на добавочное къ штатному содержанію профессоровъ и другихъ лицъ 8,846 руб., на стипендіи студентамъ 4,900 руб., на жалованье и плату сверхштатнымъ служащимъ—4,832 руб., на вознагражденіе профессоровъ и другихъ преподавателей за чтеніе лекцій по вторымъ кафедрамъ—4,350 руб., на командированіе преподавателей съ ученою цѣлью—4,130 руб., на печатаніе Университетскихъ Извѣстій и ученыхъ трудовъ профессоровъ и преподавателей—3,481 руб., на преміи и награды студентамъ — 1,455 руб., на содержаніе оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ кандидатовъ-стипендіатовъ 1,413 р., на пособія и награды служащимъ—1,220 руб.

Состояніе клиникъ Варшавскаго университета и движеніе въ нихъ больныхъ въ 1886 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Терапевтическая факультетская клиника (въ больницѣ Св. Духа, имѣетъ 50 кроватей). Инструментовъ, аппаратовъ и другихъ предметовъ—955 экземпляровъ на сумму 8,379 руб. Больныхъ въ теченіе года пользовалось 395, изъ нихъ выздоровѣло 268, переведено 85, умерло 42. Въ амбулаторіи принято было 1,680 приходящихъ больныхъ. Для вскрытія имѣлось 42 трупа. Мелкихъ операцій произведено 53. Терапевтическая госпитальная (въ больницѣ Младенца Иисуса, 59 кроватей). Больныхъ, пользовавшихся въ теченіе года, было 721; изъ нихъ выздоровѣло 567, умерло 99, оставалось на излѣченіи 55; приходило за совѣтами 39; вскрытія произведено 86. Кромѣ чтенія лекцій и занятій со студентами, завѣдывающему клиникой приходилось также руководить и занятіями врачей, желавшихъ подвергнуться испытаніямъ на степень доктора медицины и которые должны были курировать больныхъ въ клиникѣ и представлять исторіи болѣзней. Клиническихъ предметовъ было 540 экземпляровъ на сумму 6,523 руб. Хирургическая факультетская (въ больницѣ Св. Духа, 55 кроватей). Больныхъ было 650; изъ нихъ выздоровѣло 496, было изъ клиники, получивъ облегченіе, 57, умерло 44, на излѣченіи осталось 53. Изъ числа умершихъ 24 случая приходятся на больныхъ, которые не подвергались операціямъ; умершіе же послѣ операцій 20

больныхъ всѣ умерли отъ другихъ случайныхъ осложнений. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано 44; на стационарныхъ больныхъ сдѣлано 307 большихъ операций и болѣе 400 операций произведено на амбулаторныхъ больныхъ. Хирургическая госпитальная (въ больницѣ Младенца Иисуса, 55 кроватей). Въ клиническомъ кабинетѣ имѣлось разныхъ предметовъ 1,359 экземпляровъ на 5,817 руб. Больныхъ пользовалось 461; изъ нихъ выздоровѣло 185, выбыло изъ клиники, получивъ облегченіе, 202, умерло 23, осталось къ 1887 году на излѣченіи 51; приходящихъ за совѣтами было 42. Операций произведено: болѣе важныхъ 67, менѣе значительныхъ 120. Офтальмологическое клиническое отдѣленіе (въ Офтальмологическомъ Институтѣ князя Любомирскаго, 12 кроватей). Въ теченіе года пользовано было 82 больныхъ; изъ нихъ выздоровѣло 50, выбыло, получивъ облегченіе, 13, на излѣченіи оставалось 19; приходящихъ за совѣтами было 9,640. Болѣе важныхъ операций произведено 17. Діагностическое клиническое отдѣленіе (въ больницѣ Младенца Иисуса, 24 кровати). Въ теченіе 1886 года впервые приобрѣтено для отдѣленія аппаратовъ, инструментовъ и приборовъ 65 экземпляровъ на 135 руб. Больныхъ пользовалось 224; изъ нихъ выздоровѣло 103, выбыло, получивъ облегченіе, 71, умерло 32, осталось къ 1887 году на излѣченіи 18. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано 30. Акушерская клиника (въ больницѣ Младенца Иисуса, 18 кроватей). Въ 1886 г. пользовано было 388 женщинъ, изъ которыхъ выздоровѣло 379, умерло 9. Операций произведено всего 171, изъ которыхъ болѣе важныхъ 141. Клиника сифилитическихъ и кожныхъ болѣзней (въ больницѣ св. Лазаря, 74 кровати). Въ клиническомъ кабинетѣ находилось разныхъ предметовъ 1,340 экземпляровъ на суму 3,865 р. Больныхъ пользовалось въ теченіе года 365 (венерическихъ 134, кожныхъ 231); изъ нихъ выздоровѣло 198, выбыло изъ клиники, получивъ облегченіе, 133, осталось къ 1887 году на излѣченіи 34. Операций произведено 33. Клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней (въ больницѣ св. Іоанна Божьяго, 52 кровати). Въ кабинетѣ клиники находилось клиническихъ принадлежностей 460 предметовъ стоимостью въ 2,391 руб. Въ теченіе года было пользовано 95 больныхъ, изъ которыхъ выбыло 44, умерло 8, болѣею частью паралитизовъ и безумныхъ; къ началу 1887 года на излѣченіи оставалось 43; больныхъ приходило за совѣтами 38. Менѣе важныя операции производились по надобности. Умершіе на канунѣ лекцій вскрывались въ

присутствіи студентовъ. Госпитальное судебно-медицинское отдѣленіе (въ больницѣ Младенца Іисуса). Въ теченіе года судебно-медицинскимъ порядкомъ вскрыто 64 трупа. Гиніатрическая клиника (въ больницѣ Св. Духа, 8 кроватей.). Больныхъ, пользовавшихся въ теченіе года, было 91; изъ нихъ выздоровѣло 56, выбыло, получивъ облегченіе, 26, умеръ 1, оставалось на излѣченіи къ 1887 году 8, приходившихъ за совѣтами было 418 женщинъ. Болѣе важныхъ операцій произведено было 26.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

VI.

Вѣна ^{22-го августа}
^{8-го сентября} 1887 года.

Изъ Лютерна въ Миланъ.—Сенъ-Готардская желѣзная дорога.—Замѣчательная молнія въ Миланѣ.—Цвѣтъ воды швейцарскихъ озеръ.—Гипотезы Коласа и Тиндаля.—Поѣздка на Зоннбликъ.—Kitzlochklamm.—Rauriser Thal.—Кольмъ-Сайгуртъ.—Подъемная машина до глетчера Гольдберга.—Путешествіе по глетчерамъ.—Высоты горныхъ метеорологическихъ станцій Европы.—Метеорологическая обсерваторія на Зоннбликѣ.—Инструменты.—Громоотводъ.—Замѣчательное ослабѣваніе грозовой дѣятельности у подножія Зоннблика.—Телефонъ до Rauris Markt'a.—Исторія учрежденія обсерваторіи на Зоннбликѣ.—Нѣкоторые результаты наблюденій.—Обратное путешествіе.—Central-Anstalt für Meteorologie und Erdmagnetismus около Вѣны.—Печатающій метеорографъ Теорелли.

Изъ Лютерна по знаменитой Сенъ-Готардской желѣзной дорогѣ я проѣхалъ въ Миланъ. Эта дорога представляетъ собою одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій. На ней 54 тунеля, изъ которыхъ наибольшій—сенъ-готардскій, въ 14900 километровъ длиною. Поѣздъ проходитъ его въ 25 минутъ. Наиболѣе высокій пунктъ дороги—1154 метра надъ уровнемъ моря—приходится въ этомъ тунелѣ. Во избѣжаніе крутыхъ подъемовъ по ту и другую сторону послѣдняго приложено нѣсколько круговыхъ, или, правильнѣе сказать, винтообразныхъ тунелей. Эти тунели на первый взглядъ кажутся излишними. Думается, что можно было бы съ гораздо меньшими затратами провести дорогу снаружи горъ. Но на самомъ дѣлѣ они необходимы, такъ какъ предохраняютъ поѣзда отъ лавинъ, въ большомъ количествѣ падающихъ съ горъ зимою.

Въ Миланѣ, въ 8-мъ часу вечера того дня, когда я туда пріѣ-

халъ ($\frac{5}{17}$ -го августа), мнѣ привелось наблюдать чрезвычайно интересную молнію. Было уже довольно темно. Въ сѣверо-западной части неба находилось порядочныхъ размѣровъ темное облако, все же остальное небо было совершенно ясно. За облакомъ, какъ по крайней мѣрѣ казалось, по временамъ вспыхивалъ розоватый свѣтъ, освѣщавшій большую часть его, при чемъ, по срединѣ нѣсколько разъ появлялось 4 или 5 весьма яркихъ розовато-желтыхъ концентрическихъ круговъ, какъ бы разрѣзанныхъ каждый въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Разрѣзы различныхъ круговъ не находились одинъ за другимъ по направленіямъ радіусовъ, а были распределены безъ всякаго порядка. Круги появлялись не при всякой вспышкѣ за облаками и были различной яркости. Особенно ярки были круги всего раза три или четыре въ теченіе получаса, въ которые явленіе происходило съ наибольшею интенсивностью. Черезъ сорокъ минутъ послѣ начала явленія круги перестали появляться, вспышки же еще долго продолжались, но все болѣе и болѣе ослабѣвали. Грома во все время слышно не было.

На обратномъ пути въ Швейцарію я, между прочимъ, проѣхалъ на пароходѣ по озерамъ Комо и Лугано. Эти живописныя озера очень схожи съ швейцарскими озерами, какъ по виду береговъ, такъ и по цвѣту воды. Зеленовато-синеватый съ разными оттѣнками цвѣтъ воды швейцарскихъ озеръ представляетъ явленіе чрезвычайно интересное. Вопросъ о причинѣ не разъ занималъ ученыхъ. Мнѣ кажется, что самое лучшее объясненіе этому явленію даетъ Колласъ, основываясь отчасти на своихъ собственныхъ опытахъ, а отчасти на опытахъ Тиндала. Онъ приписываетъ причину цвѣта этихъ озеръ въ высшей степени мелкому порошку гидрата кремневой кислоты. Одинъ литръ этой воды даетъ нѣсколько сантиграммовъ твердыхъ частей, которыя почти сплошь состоятъ изъ этого гидрата. Послѣдній принадлежитъ къ числу веществъ, весьма распространенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу такихъ, которыя обладаютъ способностью дѣлиться на мельчайшія твердыя частицы. А мельчайшія твердыя частицы, не растворимыя въ водѣ, будучи къ ней примѣшаны, какъ показалъ Тиндаль, сообщаютъ водѣ голубоватый оттѣнокъ.

Изъ Швейцаріи я отправился въ Вѣну, но на пути поднялся на Зонбликъ, гдѣ находится высочайшая въ Европѣ горная метеорологическая станція. Въ настоящее время, когда многія метеорологическія явленія, совершающіяся близъ поверхности земли, довольно хорошо изучены, метеорологи все чаще и чаще обращаются къ вер-

нимъ слоямъ атмосферы. Отъ нихъ ожидаютъ подтвержденія гипотезъ и отвѣтовъ на многіе совершенно открытые вопросы. Вотъ почему обсерваторія на такой высокой горѣ, какъ Зоннбликъ (3086 метровъ надъ уровнемъ моря), чрезвычайно интересна для метеоролога.

Зоннбликъ—горная вершина въ той части Тирольскихъ Альповъ, которая носитъ названіе Высокаго Тауера, — расположена нѣсколько южнѣ линіи желѣзной дороги, соединяющей Инсбрукъ и Зальцбургъ. Она принадлежитъ къ горному хребту, замыкающему съ южной стороны Рауризскую долину (Rauriser Thal), начинающуюся нѣсколько южнѣ указанной линіи и тянущуюся съ сѣвера на югъ.

^{15-го}
^{27-го} августа я доѣхалъ на почтовомъ поѣздѣ инсбрукъ-зальцбургской желѣзной дороги до полустанціи Rauris-Kitzlochklamm, находящейся между станціями Taxenbach и Lend-Gastein. Желаящимъ подняться на Зоннбликъ не мѣшаетъ замѣтить, что у этой полустанціи останавливаются только почтовые поѣзда. Отсюда я отправился пѣшкомъ къ Рауризской долинѣ. Это самый прямой путь къ Зоннблику. Прекрасная погода вполне благопріятствовала путешествію. Отъ станціи Rauris-Kitzlochklamm на югъ идетъ дорога къ мѣстечку Lamsted, лежащему въ началѣ Рауризской долины, въ нижней (сѣверной) части ея, и служащему обыкновенно первымъ пунктомъ отдохновенія путешественника. Она проходитъ по глубокому, дикому ущелью съ крутыми, нерѣдко совсѣмъ отвѣсными высокими стѣнами, которыя мѣстами отстоятъ одна отъ другой всего на нѣсколько метровъ. По дну этой тѣснины съ громадной высоты (около 500 метровъ), съ шумомъ, слышнымъ на большое разстояніе вокругъ, низвергается пѣнящійся потокъ, образующій въ ущельѣ одинъ за другимъ нѣсколько красивыхъ водопадовъ. Это знаменитый Kitzlochklamm, любоваться которымъ съѣзжаютъ туристы всѣхъ націй. Дорога служитъ только для пѣшеходовъ. Она очень трудна, но трудность пути вполне вознаграждается представляющимися на каждомъ шагу чрезвычайно живописными картинами. Во многихъ мѣстахъ приходится подниматься по крутымъ лѣстницамъ и проходить по узенькимъ мостикамъ, висящимъ надъ пропастями. Въ одномъ мѣстѣ дорога идетъ черезъ тунель, довольно длинный и очень темный, холодный и сырой, съ потолка и стѣнъ котораго каплями падаетъ вода. Изъ водопадовъ особенно красивъ одинъ, называемый „малымъ“. Съ большой высоты съ шумомъ и ревомъ широкою пѣнистою струей падаетъ вода; при своемъ паденіи, на разстояніи метровъ шести отъ верху, водяныя ча-

стицы встрѣчаютъ скалу, поверхность которой наклонена къ направленію паденія струи подъ угломъ въ 45° , отскакиваютъ отъ нея въ сторону и образуютъ новую пѣнистую, столь же широкую струю, нивергающуюся внизъ еще на нѣсколько метровъ. Изъ другихъ водопадовъ замѣчательны „большой“ и „широкій“, но они, по моему мнѣнію, менѣе красивы.

Водопады кончаются за четверть часа ходьбы до Ламстеда, до котораго скорой ходьбы отъ полотна желѣзной дороги около часу, и вы идете по берегу не очень широкой рѣчки, текущей по дну обширной долины, ограниченной съ двухъ сторонъ весьма высокими горами. Это и есть Rauriser Thal. Въ Ламстедѣ можно достать лошадей, чтобы проѣхать эту долину во всю длину ея отъ начала до конца, то-есть, отъ Ламстеда до Кольмъ-Сайгурна, мѣстечка, лежащаго въ самой верхней части долины (южной), отъ котораго собственно и начинается подъѣмъ на Зоннбликъ. Все время почти, пока идешь по долинѣ, видишь передъ собою сначала вдаль, а потомъ все ближе и ближе замыкающій послѣднюю и перпендикулярный къ ней горный хребетъ съ высоко выдающеюся горою. Это—Зоннбликъ.

На разстояніи часа ходьбы отъ Ламстеда дорога проходитъ черезъ Rauris Markt, гдѣ есть нѣсколько гостинницъ, въ которыхъ также можно достать лошадей. Отсюда черезъ часъ доходишь до мѣстечка Wörth, гдѣ тоже есть гостинница, а еще черезъ часъ вы подходите къ гостинницѣ Фрона, гдѣ можно довольно порядочно позавтракать или пообѣдать. Далѣе дорога ведетъ мимо такъ-называемаго Bodenhause, лежащаго отъ гостинницы Фрона на разстояніи двухъ часовъ ходьбы и служащаго предпослѣднею станціей, къ послѣдней станціи — Кольмъ-Сайгурну (отъ Bodenhause до Кольма два часа пути).

Дорога по долинѣ отъ самаго Kitzlochklamm'a до Кольмъ-Сайгурна идетъ все время то медленно, то круто поднимаясь. Особенно крутые и весьма трудные—по массѣ камней, валяющихся на пути,—подъѣмы между Bodenhause'омъ и концомъ долины. Тутъ ѣхать почти не возможно, почти все время приходится идти пѣшкомъ. Идешь большею частью по лѣсу. Зоннбликъ пропалъ изъ виду. Но вотъ минуемъ послѣдній подъѣмъ, выходимъ изъ лѣсу на ровную, гладкую дорогу, и передъ нами высоко поднимается горный хребетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ отвѣсный, въ другихъ же съ уступами. Здѣсь долина кончается. На хребтѣ видны вершины и долины, кое-гдѣ покрытыя небольшимъ количествомъ снѣга. Это глетчеры. Эти

небольшія массы снѣга совсѣмъ было разочаровали меня. Еще въ Цюрихѣ меня увѣряли, что я попаду въ одну изъ обширнѣйшихъ глетчерныхъ областей, а между тѣмъ передо мною были небольшія, сравнительно съ тѣмъ, какъ я ожидалъ, полосы снѣга, напоминавшія мнѣ не убранный снѣгъ на крышахъ нашихъ домовъ. Но на другой же день, къ моему большому удовольствію, я увидѣлъ, что ошибся. Такими мнѣ казались глетчеры только снизу, да притомъ я видѣлъ лишь нижнія части ихъ, болѣе же обширные были скрыты отъ меня хребтомъ. На другой день я въ самомъ дѣлѣ очутился въ такой обширной области глетчеровъ, какой и не представлялъ себѣ.

На вершинѣ хребта, расположенной справа, то-есть, въ юго-западной части, отъ которой внизъ ко дну долины идетъ чрезвычайно высокая (почти съ 1 версту высотой) стѣна, виднѣется какая-то темная точка. При разсматриваніи въ бинокль эта точка превращается въ домикъ. Видна даже небольшая башня: это метеорологическая станція на Зоннбликѣ.

У самаго подножія хребта находится, какъ я уже сказалъ, послѣдняя станція для путешественниковъ. Это Кольмъ - Сайгурнъ (1597 метровъ надъ уровнемъ моря). Здѣсь есть гостинница, въ которой лѣтомъ ежедневно можно застать большое общество туристовъ всѣхъ націй, отправляющихся на ледники или возвращающихся съ нихъ.

Отъ Ламстеда до Кольма я доѣхалъ въ тарантасѣ. Этими я выигралъ немного времени, потому что лошади въ очень многихъ мѣстахъ шли шагомъ, взялъ же я лошадей съ цѣлю сохранить силы для поднятія на Зоннбликъ, которое хотѣлъ предпринять въ тотъ же день. Однако мнѣ это не удалось: хозяинъ гостинницы уговорилъ меня идти лишь на другой день утромъ, такъ какъ послѣ полудня подниматься по глетчерамъ и трудно, и опасно вслѣдствіе того, что снѣгъ и ледъ дѣлаются рыхлыми.

На другой день, $\frac{18-\text{го}}{28-\text{го}}$ августа, я всталъ въ 4 часа утра, наскоро позавтракавъ, одѣлъ горные сапоги съ гвоздями, вооружился палкой съ наконечникомъ, запасся черными очками и съ проводникомъ, несшимъ мой пледъ, бинокль и немного провизіи, вышелъ изъ дому. Отъ Кольма до Зоннблика можно всю дорогу сдѣлать пѣшкомъ, но это требуетъ много времени и труда. Обыкновенно предпочитаютъ взобраться на хребетъ до начала глетчеровъ по довольно примитивной желѣзной дорогѣ, о которой я сейчасъ скажу, а оттуда уже пѣшкомъ идти по глетчерамъ до Зоннблика. Я выбралъ именно этотъ путь.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостиницы меня ждала тележка, въ которой я въ 15 минутъ и поднялся, вмѣстѣ съ проводникомъ. Эта дорога, вслѣдствіе своей оригинальности, стоитъ того, чтобъ о ней сказать нѣсколько словъ. Отъ дна долины на весьма большую высоту (длина дороги около 1500 метровъ, поднимается на высоту 580 метровъ) издавна проложена рудокопами пара широкихъ деревянныхъ рельсовъ, покрытыхъ желѣзными полосами, дециметра въ полтора шириною. Эти рельсы идутъ уступами до начала глетчеровъ къ домику съ подъемною машиною (Maschinenhaus). По нимъ движется тележка о четырехъ гладкихъ каменныхъ колесахъ. Движеніе ея происходитъ при помощи длиннаго проволочнаго каната, къ ней прикрѣпленнаго и лежащаго на многихъ блокахъ съ глубокими желобами, вращающихся свободно на осяхъ между рельсами. Эти блоки, мѣшая канату тереться о землю, вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяютъ тележкѣ сойти съ рельсовъ. Канатъ наверху, въ домикѣ съ машиною, обматывается громадныхъ размѣровъ колесо, которое вращается при помощи другаго, наливнаго, приводимаго въ движеніе водою, проведенною по желобу съ глетчеровъ. Часть воды, идущей по желобу, отводится въ сторону, — иначе колесо вращалось бы чересчуръ быстро. Эту часть при помощи особыхъ камней можно увеличивать или уменьшать, регулируя такимъ образомъ движеніе колеса.

Тележка представляетъ собою простой деревянный ящикъ приблизительно аршина два въ ширину, три въ длину и поларшина въ высоту. Пассажиръ ложится спиною на дно тележки, ногами упирается въ нижнюю стѣнку, а руками держится за боковыя. На тележкѣ же помѣщается и проводникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пути подъемъ весьма крутъ: тележка движется совсѣмъ вертикально. Въ такихъ мѣстахъ проводникъ становится на нижнюю стѣнку тележки и, держась одною рукою за металлическій стержень, продѣтый въ верхней части ея, другою прижимаетъ слегка пассажира ко дну тележки, не давая ему выпасть изъ нея въ томъ случаѣ, еслибъ у него при такомъ подъемѣ закружилась голова, и онъ не въ состояніи былъ бы самъ держаться. Съ непривычки, дѣйствительно, въ такихъ мѣстахъ приходится немного жутко: видишь себя висающимъ на громадной высотѣ на вертикальной стѣнѣ въ небольшомъ ящикѣ, за который едва держишься; голова кружится, дыханіе замираетъ, и только улыбающееся лицо проводника нѣсколько успокоиваетъ и позволяетъ полюбоваться картиною, представляющеюся глазамъ. А картина, дѣйствительно, прелестная! Далеко внизъ еле виднѣются до-

мни Кольмъ-Сайгурна. Дальше, впереди, какъ на ладони, вся долина до самаго Китцлохкламма. Съ боковъ крутыя горы съ струящимися съ нихъ ручьями, съ пріютившимися на нихъ мѣстами домиками, внизу покрыты растительностью, выше голыя, еще выше одѣтыя покрывами вѣчныхъ снѣговъ, кажущимися, по мѣрѣ поднятія, все обширнѣе и мощнѣе.

Наверху я былъ встрѣченъ рудокопами, которые очень любезно показали мнѣ всѣ подробности устройства ихъ незатѣйливой машины. Домикъ съ машиною (2177 метровъ надъ уровнемъ моря) находится у нижней границы глетчера Гольдберга. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него начинается обширная конечная морена глетчера, между разбросанными въ беспорядкѣ камнями которой струятся ручьи. По ней приходится пробираться около получаса на юго-западъ, пока не дойдешь до самаго глетчера. Здѣсь начинается подъемъ по снѣгу, очень трудный, такъ какъ ноги увязаютъ въ снѣгъ по самыя колѣна. Черезъ полчаса весьма утомительнаго пути, мы добрались до боковой морены и прісѣли отдохнуть на камняхъ. Мы сидѣли на берегу глетчера шириною въ нѣсколько сотъ метровъ. Льда не было видно нигдѣ: онъ былъ покрытъ всюду снѣгомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ видѣлись поперечныя трещины. Въ длину глетчеръ былъ направленъ къ юго-западу. Намъ предстояло, поднимаясь, обогнуть Зоннбликъ и подняться на него съ юго-западной стороны, гдѣ подъемъ не такъ крутъ, какъ съ другихъ сторонъ.

На лѣвомъ берегу глетчера, на которомъ мы пахалились, возвышается Малый Зоннбликъ, скрывающій отъ насъ Большой Зоннбликъ съ обсерваторіей. На правомъ берегу, какъ разъ передъ нашими глазами, гора Гольдбергъ, отъ имени которой и самый глетчеръ получилъ названіе Goldberg-Gletscher. Въ Гольдбергѣ добывается золото изъ сѣрнаго колчедана, находямаго въ зернахъ кварца и гнейса. Передъ нами, немного влѣво, у подножія вершины Герцогъ Эрнстъ, видѣтъ небольшой домикъ, въ которомъ живутъ рудокопы (Кваррентаус).

Спустя нѣсколько минутъ мы продолжаемъ путь, затѣмъ снова отдыхаемъ и т. д. Вотъ повернули нѣсколько вправо, на западъ, и идемъ по новому глетчеру, представляющему какъ бы рукавъ главнаго. Подъемъ очень крутъ, ноги скользятъ и тонутъ въ снѣгу. Проводникъ обвязалъ меня и себя концами длинной веревки и въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, идя впереди и подтягивая веревку, помогаетъ мнѣ, неопытному путешественнику по глетчерамъ, взбираться. Я надѣлъ

черныя очки, такъ какъ ослѣпительной бѣлизны снѣгъ сталъ производить острую боль въ глазахъ.

Въ 8 часовъ мы встрѣтили туристовъ, возвращавшихся съ Зонблика, гдѣ они провели ночь. Они сообщили, что, вслѣдствіе весьма жаркой погоды, впереди насъ образовались глубокіе провалы во льду. Вслѣдствіе того мы стали карабкаться по прибрежнымъ камнямъ, пока не миновали опаснаго мѣста.

Въ 8 часовъ 30 минутъ мы подошли къ послѣднему глетчеру — Sonnblick-Gletscher. Сначала дорога шла почти горизонтально, но вотъ опять начался подъемъ, и очень крутой. Передъ нами открылась вершина Зонблика съ обсерваторіей. Послѣдняя видна очень хорошо. Можно даже пересчитать окна. Теперь мы идемъ уже по льду, мѣстами очень прозрачному, съ большими трещинами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится пробираться по узкому льду шириною въ метръ и длиною въ нѣсколько метровъ, между глубокими и широкими трещинами. Въ такихъ случаяхъ проводникъ забѣгалъ впередъ, становился какъ можно прочнѣе и, притягивая веревку, которою я былъ обязанъ, облегчалъ мнѣ переходъ. Вдали слѣва виднѣлись глетчерные столы и водопады. Мы къ нимъ, впрочемъ, не подходили. Эта часть пути особенно трудна. Приходится мѣстами идти по фирну, мѣстами по гладкому льду. Ноги скользятъ, не смотря на гвозди въ сапогахъ.

Около 10 часовъ мы направились напрямикъ къ вершинѣ Зонблика, на сѣверовостокъ. Подъемъ не очень крутъ; но снѣгъ снова по колѣна. Передъ нами обсерваторія какъ на ладони. Еще часть пути, и наше путешествіе окончено. Къ сожалѣнію, нѣтъ камней, и приходится садиться отдыхать на снѣгъ. У самой вершины, не покрытой снѣгомъ, масса камней, между которыми видны зеленые листочки *Ranunculus Glacialis*. Взобравшись по нимъ, находишься уже на площадкѣ, у самыхъ дверей обсерваторіи.

Я пришелъ въ обсерваторію къ 11 часамъ утра, совершенно измученный болѣе чѣмъ пятичасовымъ поднятіемъ по глетчерамъ. Весьма любезно встрѣченный наблюдателемъ обсерваторіи Гафснеромъ (Gafsnor) и механикомъ Шнейдеромъ, посѣщающимъ отъ времени до времени Зонбликъ для осмотра и исправленія инструментовъ, я немного отдохнулъ, а затѣмъ пошелъ осматривать станціи.

Метеорологическая станція на Зонбликѣ—самая высокая горная станція въ Европѣ. Высота ея 3086 метровъ надъ уровнемъ моря. Для того, чтобы можно было судить о томъ, на сколько она выше другихъ, приведу высоты другихъ наиболѣе высокихъ станцій въ Ев-

ровъ: Ben Nevis (въ Шотландіи) 1420 м., Puy de Dôme (во Франціи) 1446 м., Mont Ventoux (тамъ же) 1900 м., Pic du Midi (тоже во Франціи) 2880 м., Зентисъ (въ Швейцаріи) 2500 м., Monte Simone (въ Италіи) 2160 м. Такимъ образомъ метеорологическая станція на Зоннбликѣ выше самой высокой изъ бывшихъ до нея горныхъ станцій (Зоннбликская станція построена лишь въ 1886 году), Pic du Midi, на 206 м.

Обсерваторія построена на самой вершинѣ горы, на выровненной площадкѣ ея. Вокругъ дома—каменная платформа метра въ два шириною, такъ что можно обойти домъ вокругъ. Съ сѣверной стороны страшной высоты обрывъ (около 1500 метровъ высотой), почти совсѣмъ вертикальный. Говорятъ, что это самый высокій обрывъ въ Альпахъ. Внизу его едва видны домики Кольмъ-Сайгурна. Эту громадную вертикальную стѣну я и видѣлъ снизу, съ Кольма.

Обсерваторія состоитъ изъ двухъ частей—деревянной и каменной. Каменная снабжена наверху каменною же башней. Та и другая часть построены на прочномъ каменномъ фундаментѣ и поддерживаются нѣсколькими толстыми металлическими прутьями съ крючьями, входящими съ одной стороны въ кольца, привинченныя къ стѣнамъ дома, а съ другой въ кольца, придѣланныя къ вершинѣ горы. На башнѣ установлены анемометръ и флюгеръ, провѣренныя въ Вѣнѣ въ Central-Anstalt für Meteorologie и Erdmagnetismus; внутри башни находятся записывающія части ихъ. У окна башни установлены: психрометръ, работы вѣнскаго мастера Хаака, радіаціонный термометръ, волосной гигрометръ Коппе, термографъ и гигрографъ Ришара, максимальный и минимальный термометры, барометръ и барографъ Ришара.

Въ деревянной части дома находится комната для работы наблюдателя, въ которой на канунѣ моего прихода въ обсерваторію былъ установленъ механикомъ Шнейдеромъ только что привезенный имъ барографъ Редье, комната, гдѣ живетъ наблюдатель, и кухня. Низъ башни служитъ погребомъ.

Около башни высокій громоотводъ. Другой громоотводъ на крышѣ деревяннаго дома. Оба соединены между собою мѣдною проволокою, отъ которой идетъ проволока внизъ въ воду озера Brett-See, на разстояніе 2000 м. Интересно то, что, какъ говорятъ жители деревень, расположенныхъ по берегу Brett-See, до проведенія проволоки въ озеро у нихъ бывали очень частыя и сильныя грозы, послѣ же проведенія интенсивность грозъ въ весьма большой степени ослабѣла. Это про-

исходить, очевидно, отъ того, что проволока уводитъ образующееся электричество вверхъ, гдѣ оно и вытекаетъ въ воздухъ.

Изъ обсерваторіи проведенъ, телефонъ къ гостинницѣ Коляма, а оттуда въ Rauris Markt, который уже соединенъ съ общою австрійскою телеграфною сѣтью. Проволока отъ Зоннблика идетъ подъ снѣгомъ. Замѣчательно, что въ телефонъ въ обсерваторіи слышенъ непрерывный трескъ, очень мѣшающій передачѣ звуковъ. Во время моего пребыванія на Зоннбликѣ, нѣсколько дней до и послѣ того, погода стояла прекрасная, а между тѣмъ я слышалъ ясно этотъ трескъ въ телефонъ. Наблюдатель говоритъ, что трескъ усиливается всякій разъ, когда къ Зоннблику подходятъ облака. Я послалъ съ Зоннблика двѣ телеграммы женѣ, которая оставалась ждать меня въ Рейхенгалѣ, но ни одна изъ нихъ не дошла: вѣроятно, благодаря этому треску были перепутаны адресъ и фамилія.

Установка инструментовъ на Зоннбликѣ очень хорошая, такъ какъ вершина его отдѣлена на большое разстояніе отъ другихъ вершинъ и вообще господствуетъ надъ обширною мѣстностью. Видъ съ нея грандіозный. На сѣверъ—Раурнзская долина, а за нею сѣверныя мѣловыя Альпы. Тутъ же, какъ было упомянуто, весьма крутой склонъ въ 1000 м. высоты. Къ сѣверозападу возвышается величественный Хохнаръ съ его снѣжною вершиною, напоминающею шутовской колпакъ; еще западнѣе — горная группа Гросглокнеръ. Къ востоку — Шарекъ и Гольдбергъ съ вершиною Герцогъ Эрнстъ, за ними Штирійскія Альпы. На югъ далеко простираются громадные глетчеры; дальше видны Карнійскія и Тридентійскія Альпы.

Въ обсерваторіи только одинъ наблюдатель—Гафснеръ. Это простой тиронецъ, но наблюдаетъ хорошо. При немъ онъ мѣнялъ бумагу на канунѣ установленнаго барографа. Надо было видѣть, съ какою осторожностью и аккуратностью онъ это дѣлалъ, справляясь на каждомъ шагѣ съ указаніями, въ какомъ порядкѣ и что надо дѣлать при перемѣнѣ бумаги, написанными механикомъ на листѣ бумаги.

Какъ уже сказано, метеорологическая станція на Зоннбликѣ построена въ 1886 г. Еще осенью 1884 г. владѣлецъ золотыхъ росыпей на Гольдбергѣ Ройахеръ (Royaucher) предложилъ нѣмецко-австрійскому альпійскому обществу устроить метеорологическую станцію при домѣ рудокоповъ (Knarpenhaus), на высотѣ 2340 метровъ надъ уровнемъ моря, если будутъ присланы метеорологическіе инструменты. Общество снеслось по этому поводу съ вѣнскимъ центральнымъ учрежденіемъ

по метеорологіи и земному магнитизму — Central-Anstalt für Meteorologie und Erdmagnetismus; послѣднее вошло въ непосредственные переговоры съ Ройахеромъ, и результатомъ ихъ была посылка ему инструментовъ, нужныхъ для устройства станціи 3-го разряда, то-есть, термометра и дождемѣра. Станція была устроена, но мѣсто оказалось выбраннымъ неудачно: на термометръ сильное вліяніе оказывало нагрѣваніе солнцемъ сосѣднихъ скалъ, въ дождемѣръ наносилось много снѣгу съ верха глетчера во время мятелей. Тогда Ройахеру пришла мысль устроить метеорологическую станцію на вершинѣ Зоннблика, вполнѣ уединенной и господствующей надъ обширною мѣстностью. Онъ обратился къ извѣстному метеорологу Хану, директору центральнаго метеорологическаго учрежденія въ Вѣнѣ, съ письмомъ, въ которомъ излагалъ планъ постройки этой станціи. Мысль Ройахера понравилась Хану, но такъ какъ нужныхъ для этого суммъ въ Central-Anstalt не оказалось, то онъ прочелъ письмо Ройахера въ одномъ изъ засѣданій австрійскаго метеорологическаго общества и предложилъ послѣднему принять на себя расходы по постройкѣ. Собраніе отнеслось къ этому проекту весьма сочувственно. Отъ правленія общества были разосланы всѣмъ членамъ воззванія, приглашавшія къ пожертвованіямъ. Въ то же время нѣмецко-австрійское альпійское общество, узнавъ о проектѣ, съ своей стороны, предложило содѣйствіе къ его выполненію. Пока, однако, собрана была достаточная сумма, прошло довольно много времени, такъ что къ постройкѣ могли приступить лишь въ началѣ лѣта 1886 года. Легко можно себѣ представить, какого труда стоило перевозить на Зоннбликъ строительный матеріалъ, и какія, почти непреодолимые препятствія представляла работа на совершенно открытой, всего лишь въ нѣсколько метровъ въ длину и ширину, площадкѣ горы, ничѣмъ не защищенной отъ бурь, снѣга и грозъ, изъ которыхъ послѣднія были особенно сильны до устройства громоотвода. И только благодаря удивительной энергіи Ройахера, руководившаго всѣми работами, удалось преодолѣть всѣ препятствія и докончить обсерваторію въ очень непродолжительное время, а именно къ концу августа того же года. Открытіе обсерваторіи послѣдовало 2-го сентября 1886 года, а вскорѣ послѣ того начались и наблюденія.

Быть можетъ, не безынтересно будетъ сообщить, во что обошлась постройка обсерваторіи. Постройка деревяннаго флигеля, которую взяло на себя нѣмецко-австрійское альпійское общество, стоила 1800 флориновъ, постройка башни 1076 флор., проведеніе телефона и устрой-

ство громоотвода 2244 фл., метеорологическіе инструменты 600 фл., установка ихъ 300 фл. Эти издержки взяло на себя австрійское метеорологическое общество. Наконецъ, австрійскій клубъ туристовъ снабдилъ обсерваторію мебелью. Ежегодное содержаніе обсерваторіи, присылаемое австрійскимъ-метеорологическимъ обществомъ, составляетъ 1200 фл.

Въ статьѣ Хана, откуда я заимствую эти цифры ¹⁾, указано во что обошлась постройка подобныхъ же станцій на *Puy de Dôme* и *Pic du Midi*. Изъ сравненія оказывается, что постройка обсерваторіи на Зоннбликѣ стоила удивительно дешево.

Что касается результатовъ, къ которымъ приводятъ наблюденія на Зоннбликѣ, то пока о нихъ сказать многого нельзя, такъ какъ не прошло даже года, что начали производиться наблюденія. Напечатаны только результаты за первые три мѣсяца дѣятельности станціи въ статьѣ Хана: *Die ersten Resultate der meteorologischen Beobachtungen auf dem Hohen Sonnblick, October — December 1886*. Нѣкоторыя выдержки отсюда я думаю будутъ не безынтересны.

Вопервыхъ, приведу среднія мѣсячныя, а также наименьшія и наибольшія температуры октября, ноября и декабря 1886 года.

Температура въ градусахъ Цельсія.

О к т я б р ь.

средняя.	max.	min.
— 3,4	5,6	— 14,0

Н о я б р ь.

— 9,3	— 3,0	— 19,8

Д е к а б р ь.

— 13,3	— 6,8	— 22,0

Интересно сравнить эти наблюденія съ наблюденіями внизу. Таковыя между прочимъ имѣются для *Rauris Markt'a* (940 м.) для ноября и декабря. Вотъ они:

Н о я б р ь.

средняя.	max.	min.
2,1	16,1	— 9,5

Д е к а б р ь.

— 2,8	10,0	— 15,2

¹⁾ *Hann*, Zur Geschichte der meteor. Station auf dem Hohen Sonnblick., *Met. Zeitschr.* 1887, Heft 2, стр. 44.

Эти числа показываютъ, на сколько въ ноябрѣ и декабрѣ на Зоннбликѣ было холоднѣе, чѣмъ внизу въ долинѣ. Въ среднемъ выводѣ для ноября разниа въ температурѣ на 2150 м. оказывается равною 7°,2, а въ декабрѣ 10°,5.

Интересно сравнить вліяніе барометрическихъ минимумовъ и максимумовъ на температуру внизу и наверху. Примѣровъ такого вліянія Ханъ приводитъ нѣсколько. Возьму одинъ изъ нихъ. 16-го и 17-го октября надъ Тиролемъ былъ бар. минимумъ, а 29-го и 30-го октября бар. максимумъ.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены температуры для 7 ч. утра, 2 ч. по полудни и 9 ч. вечера, а также среднія суточные температуры, наблюдавшіяся въ указанные дни на Зоннбликѣ и на ближайшихъ къ нему метеорологическихъ станціяхъ. Въ первомъ столбцѣ приведены высоты этихъ станцій надъ уровнемъ моря.

		16-го и 17-го октября.					29-го и 30-го октября.				
		Баром. минимумъ.					Баром. максимумъ.				
		7 ч.	2 ч.	9 ч.	среднее.		7 ч.	2 ч.	9 ч.	среднее.	
Зальцбургъ .	430	8,1	12,9	8,7	9,6		4,0	13,1	6,4	7,5	
Пинцгау .	900	1,0	12,0	2,7	4,6		1,3	12,6	4,5	5,7	
Шафбергъ	1780	0	4,9	— 0,5	1,2		8,3	13,0	8,0	9,3	
Ратхаусбергъ	1920	0,7	9,7	0,0	0,9		5,1	7,2	4,5	5,3	
Оберъ.	2040	— 1,6	0,2	0,0	— 0,4		2,6	8,7	2,1	3,3	
Зоннбликъ .	3090	— 8,5	— 6,5	— 7,5	— 7,5		— 2,6	— 1,5	— 2,3	— 1,6	
Клагенфуртъ.	440	5,0	10,0	7,0	7,2		3,6	7,5	3,2	4,3	

Сравнивая числа горизонтальныхъ столбцовъ, видно, что бар. максимумъ принесъ въ долину охлажденіе, а въ болѣе высокія мѣста нагрѣваніе, а бар. минимумъ, напротивъ, въ долину нагрѣваніе, и въ болѣе высокія мѣста охлажденіе. Изъ той же таблицы замѣтно болѣе быстрое пониженіе температуры съ высотой въ минимумахъ, чѣмъ въ максимумахъ, что объясняется согрѣвающимъ дѣйствіемъ нисходящаго теченія воздуха въ послѣднихъ.

Относительно наблюденій надъ вѣтрами интересно то, что на высотѣ Зоннблика дуютъ почти исключительно SW и W вѣтры, скорость которыхъ достигаетъ иногда 150 килом. въ часъ, тогда какъ у насъ въ Петербургѣ, на примѣръ, скорость вѣтра рѣдко бываетъ равна 45 кил.

16-го и 17-го декабря замѣчалось въ Рауризской долинѣ явленіе фена при южныхъ вѣтрахъ. Въ эти дни по южную сторону хребта Высокій Тауеръ были сильныя осадки, а по сѣверную, въ Рауризской долинѣ, погода была ясная. Это объясняется восходящимъ движеніемъ воздуха по южную сторону хребта и нисходящимъ съ горъ

въ долину. Интересно сравнить температуры на Зоннбликъ и въ Rauris Markt въ эти дни:

	16-го декабря.			17-го декабря.		
	9 ч.	2 ч.	9 ч.	7 ч.	2 ч.	9 ч.
Rauris.	— 1,0	10,0	8,0	10,0	3,2	0,3
Sonnblick.	— 8,4	— 8,0	— 7,8	— 8,0	— 8,4	— 8,2

Въ то время, какъ на Зоннбликъ температура остается постоянною, въ Рауризской долині она быстро повышается, а затѣмъ понижается.

Подобное же явленіе замѣчалось и въ ноябрѣ при SW вѣтрахъ:

	7-го ноября.			8-го ноября.		
	7 ч.	2 ч.	9 ч.	7 ч.	2 ч.	9 ч.
Rauris.	7,0	16,1	14,0	— 4,0	— 4,0	— 4,0
Sonnblick.	— 4,4	— 3,2	— 4,0	— 4,0	— 4,0	— 4,0

Это только первыя наблюденія. Дальнѣйшія дадутъ несомнѣнно болѣе интересный матерьялъ.

Осмотрѣвъ обсерваторію, я въ тотъ же день, около 9 ч. по полудни, отправился назадъ въ сопровожденіи механика Шнейдера. Обратное путешествіе, не смотря на то, что снѣгъ сдѣлался отъ сильнаго нагрѣванія солнцемъ гораздо рыхлѣе и сильно таялъ, я сдѣлалъ въ гораздо меньшее время. Около 4 часовъ я былъ уже въ Кольтъ-Сайгурнѣ, откуда поѣхалъ на ожидавшемъ меня тарантасѣ до Ламстеда, котораго достигъ около 8 вечера. Отсюда я не пошелъ черезъ Kitzlochklamm, такъ какъ не засталъ бы поѣзда на станціи Rauris, а отправился пѣшкомъ къ станціи Лендъ-Гаштейнъ, находящейся на разстояніи 2¹/₂ часовъ ходьбы отъ Ламстеда, откуда уже на экстренномъ поѣздѣ поѣхалъ въ Рейхенгалъ. Нѣкоторые путешественники на Зоннбликъ предпочитаютъ идти отъ Лендъ-Гаштейна, но въ такомъ случаѣ имъ приходится употреблять на дорогу 1¹/₂ часа лишнихъ, а восторыхъ, они лишаются себѣ большаго удовольствія полюбоваться Китцлохкляммомъ.

Въ Вѣнѣ я посѣтилъ Central-Anstalt für Meteorologie und Erdmagnetismus, находящееся въ мѣстечкѣ, называемомъ Hohe-Warte, около Вѣны. Это очень хорошее метеорологическое и магнитное учрежденіе, снабженное прекрасными инструментами, изъ коихъ особенно замѣчателенъ печатающій метеорографъ Теорелли, очень сходный съ метеорографомъ Райсельберга, о которомъ я говорилъ въ письмѣ изъ Брюсселя; только на цилиндрѣ, приводящемся въ движеніе черезъ кажда

10 минутъ, находятся выпуклыя цифры, которыя придавливаются къ бумагѣ и печатаютъ на ней. Кромѣ того, замѣчателенъ очень хорошій самопишущій дождемѣръ Рунга, а также магнитные приборы. Мнѣ было пріятно познакомиться въ обсерваторіи съ Лицнаромъ, извѣстнымъ своими работами по земному магнитизму, и съ метеорологами обсерваторіи—докторомъ Костливымъ и Пернтеромъ. Я очень жалѣлъ, что не засталъ въ Вѣнѣ директора Central-Anstalt Хана, столь прославившагося своими трудами по метеорологіи: онъ уѣхалъ на лѣто въ южную Австрію.

И. Бреунеръ.

НЕКРОЛОГЪ.

1.

А. Е. Свѣтилинъ.

3-го октября скончался послѣ тяжелой болѣзни бывшій экстраординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи по кафедрѣ логики и психологіи Александръ Емельяновичъ Свѣтилинъ на 47-мъ году отъ рожденія.

Покойный былъ родомъ изъ Рязанской епархіи, сынъ сельскаго священника, человѣка даровитаго, но тихаго, кроткаго и скромнаго до застѣнчивости. Эти качества ума и сердца унаслѣдовалъ отъ отца своего покойный: онъ былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ профессоровъ и одною изъ симпатичнѣйшихъ личностей, кроткій и тихій по нраву, чрезвычайно скромный по характеру, искреннѣйшій и любящій по сердцу. Въ 1861 году Свѣтилинъ поступилъ въ здѣшнюю духовную академію въ числѣ первыхъ изъ ста державшихъ экзаменъ, а въ 1865 году окончилъ въ ней курсъ по первому разряду и чрезъ два года возведенъ былъ въ степень магистра богословія. По окончаніи курса, онъ получилъ назначеніе въ Смоленскую семинарію преподавателемъ философскихъ предметовъ (логики и психологіи), а въ іюлѣ 1867 года переведенъ былъ на тѣ же предметы въ С.-Петербургскую духовную семинарію. Въ 1867 году скончался профессоръ логики и психологіи въ здѣшней академіи В. Н. Карповъ. А. Е. Свѣтилинъ, не искавшій профессорства въ академіи, только по настоянію близкихъ согласился написать и подать программу, и программа его вышла не только лучшею изъ другихъ, но и блистательною. Въ 1868 году онъ получилъ степень бакалавра и преподавалъ логику и психологію въ академіи

17 лѣтъ. Въ 1875 году Свѣтилинъ былъ избранъ совѣтомъ въ званіе экстраординарнаго профессора, а въ 1884 году, на канунѣ 17-го февраля, съ нимъ сдѣлся ударъ, причинившій ему параличъ мозга, параличъ прогрессивный и неизлѣчимый. Прострадавъ послѣ этого три года и семь мѣсяцевъ, Александръ Емельновичъ скончался тихо и спокойно.

Ученые труды покойнаго состояли изъ рѣчи, произнесенной на академическомъ актѣ 1878 года, „объ умѣренномъ матеріализмѣ“, нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ ¹⁾, и „Учебника формальной логики“, который съ 1871 по 1885 г. выдержалъ пять изданій. Заимствуемъ изъ рѣчи проф. П. О. Николаевского, произнесенной у гроба А. Е. Свѣтилина, слѣдующую характеристику его какъ человѣка, преподавателя и ученаго.

„Александръ Емельяновичъ былъ чистымъ и ревностнымъ труженикомъ въ области философской науки. Любовь и способность къ философскимъ занятіямъ обнаружена имъ еще во время студенчества его въ академіи, и какъ даровитый студентъ, сразу по окончаніи академическаго курса онъ былъ назначенъ на должность семинарскаго наставника по классу философскихъ предметовъ. Двухлѣтнее преподаваніе его въ семинаріяхъ, сначала въ Смоленской, потомъ четыре мѣсяца въ Петербургской, дало ему возможность ближе ознакомиться съ нуждами семинарскаго образованія, съ состояніемъ умственной зрѣлости и воспріимчивости учащихся, для которыхъ онъ составилъ потомъ учебникъ логики, пользующійся уваженіемъ не только въ семинаріяхъ, но и въ гимназіяхъ. Въ іюнѣ 1868 года Александръ Емельяновичъ переведенъ на службу въ нашу академію и служилъ семнадцать лѣтъ. Поле научной дѣятельности для него теперь расширилось; задачи академическаго преподаванія возлагали на него большія и большія требованія. Масса новыхъ сочиненій, касавшихся его спеціальности и съ разнообразныхъ сторонъ затрогивавшихъ преподаваемыя имъ науки, логику и психологію, заставляла

¹⁾ Между прочимъ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за августъ и октябрь 1874 г. была помѣщена замѣчательная критическая статья Свѣтилина о книгѣ проф. М. И. Владиславлева: *Логика. Обзоръ индуктивныхъ и дедуктивныхъ приѣмовъ мышленія и историческіе очерки: логики Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной*. С.-Пб. 1871. На эту критику г. Владиславлевъ отвѣчалъ въ *европейской книжкѣ журнала* за 1875 г., а Свѣтилинъ напечаталъ возраженіе на этотъ отвѣтъ въ *майской книжкѣ* того же года.

его много и усиленно работать, изучать и разбирать, чтобы стоять на высотѣ академическаго преподаванія. Такая усиленная работа положила особенный отпечатокъ на его ученыхъ занятіяхъ; она давала его лекціямъ живой интересъ въ сообщеніи послѣдняго слова науки и приучила его къ строгому научному анализу и методу въ раскрытіи и изложеніи своей спеціальной науки. Этотъ анализъ и методъ тѣмъ болѣе дороги, что они служили къ упрощенію существенныхъ сторонъ духовной жизни человѣка, вѣры и нравственности, поколебать которыя такъ хотѣлось свѣтской наукѣ, увлеченной поспѣшными выводами изъ данныхъ фізіологій.

„Постоянно сосредоточенный, занятый своимъ дѣломъ, покойный по виду могъ казаться слишкомъ серьезнымъ, угрюмымъ, недоступнымъ. Но это только по виду; въ глубинѣ своей души онъ хранилъ самое теплое, доброе, отзывчивое сердце. Это могутъ засвидѣтельствовать тѣ изъ его слушателей, которымъ приходилось вступать съ нимъ въ частныя бесѣды по своимъ занятіямъ, и которымъ онъ съ сердечною готовностію помогалъ своимъ руководствомъ въ научныхъ работахъ. Свѣтлыя качества его доброй души, его честность, осторожность въ словѣ, аккуратность, дружелюбіе, останутся навсегда памятными въ нашемъ товариществѣ. Для людей, близко стоявшихъ къ покойному, доброта его сердца сказалась особенно въ крѣпкой сыновней привязанности къ своему родителю, священнику Рязанской епархіи, и въ братской любви къ своимъ роднымъ сестрамъ, заботу объ устройствѣ которыхъ онъ взялъ на себя по смерти родителя.

„Но постоянно напряженные и усиленные умственные занятія постепенно надламывали и безъ того некрѣпкое его здоровье. Промыслу Божию угодно было посѣтить его такимъ тяжкимъ недугомъ, котораго не дай Богъ никому въ жизни. Тяжесть посѣтившаго его недуга тѣмъ болѣе была мучительна и ужасна, что покойный самъ предчувствовалъ наступленіе своей болѣзни, принималъ противъ нея мѣры, въ моментъ наступленія недуга слѣдилъ за собою, слѣшно отмѣчалъ на бумагѣ теченіе своихъ мыслей и тутъ же указывалъ на ихъ ненормальность. Послѣ лѣченія сознаніе къ нему возвратилось, но Александръ Емельяновичъ сильно тяготился невозможностію продолжать свои прежнія занятія; утѣшенія себѣ онъ искалъ только въ религіи; съ какою христіанскою покорностію воли Божіей онъ разказывалъ намъ о своей исповѣди и причащенія святыхъ таинъ послѣ перваго облегченія отъ болѣзни! Но вполне оправиться отъ болѣзни

онъ не могъ; всякое умственное напряженіе вело его къ большому и большому ослабленію. Смерть его не была неожиданною, и только она одна могла прекратить его страданія^а.

II.

Л. С. Ценковский.

Скончавшійся въ Лейпцигѣ профессоръ ботаники въ Харьковскомъ университетѣ Левъ Семеновичъ Ценковский принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ естествоиспытателей.

Л. С. Ценковский родился въ Варшавѣ въ 1825 году. По окончаніи курса въ одной изъ варшавскихъ гимназій, успѣшно сдавъ требовавшееся тогда особое испытаніе въ знаніи русскаго языка, онъ зачисленъ былъ казеннымъ стипендіатомъ въ С.-Петербургскій университетъ по естественному отдѣленію и окончилъ здѣсь курсъ съ отличіемъ въ 1845 году. Въ 1846 году Ценковский защищалъ на степень магистра ботаники диссертацию: „Нѣсколько фактовъ изъ жизни хвойныхъ“. Вскорѣ послѣ того онъ, вмѣстѣ съ покойнымъ извѣстнымъ ученымъ и писателемъ Е. П. Ковалевскимъ, предпринялъ путешествіе по внутренней Африкѣ для изученія ея въ этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Любопытные и прекрасно написанные отчеты его объ этомъ путешествіи напечатаны въ Извѣстіяхъ и Вѣстникѣ Географическаго Общества за 1850 и 1851 года. По возвращеніи изъ Африки, въ 1850 году, Ценковский былъ назначенъ профессоромъ въ Ярославскій Демидовскій лицей по кафедрѣ естественной исторіи, которую занималъ до 1854 года. Въ этомъ году онъ былъ переведенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ С.-Петербургскій университетъ по кафедрѣ ботаники и занималъ эту должность до 1861 года. Въ 1856 году. Ценковский былъ удостоенъ степени доктора естественныхъ наукъ за диссертацию „О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ“. Изъ Петербурга покойный уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ, занимаясь преимущественно въ Германіи микроскопическими изслѣдованіями низшихъ организмовъ. Съ 1865 года до смерти Ценковский опять состоялъ профессоромъ, сначала въ Новороссійскомъ, потомъ въ Харьковскомъ университетахъ. Въ 1882—1883 годахъ на средства министерства государственныхъ имуществъ и

часть сслѣд., отд. 4.

Вольно-экономическаго Общества онъ находился въ заграничной командировкѣ для работъ по бактериологіи, по прививкѣ чумы и т. п. и работалъ вмѣстѣ съ Пастеромъ, Бохомъ и другими. 17-го февраля прошлаго года въ Харьковѣ былъ торжественно отпразднованъ юбилей научной дѣятельности Ценковскаго.

„Имя Л. С. Ценковскаго“—читаемъ мы въ одной изъ статей, вызванныхъ его кончиной,—было однимъ изъ первыхъ русскихъ именъ, ставшихъ извѣстными западной наукѣ. Естествениспытателю, посѣщавшему лабораторіи западной Европы, а также и Сѣверной Америки, приходилось слышать вопросы о Ценковскомъ на ряду съ разспросами о Менделѣевѣ, Остроградскомъ, Александрѣ Ковалевскомъ, Богдановѣ, Бутлеровѣ, Мечниковѣ, Бредихинѣ и др. Ценковскій первый углубился въ изслѣдованіе тѣхъ неопредѣленныхъ живущихъ существъ, которыя стоятъ на низшемъ концѣ длиннаго ряда представителей растительнаго и животнаго міра; онъ первый сталъ изучать эти простые организмы, не только какъ дѣлали прежде, съ точки зрѣнія разнообразія ихъ внѣшнихъ формъ, но съ точки зрѣнія ихъ естественной исторіи. Труды Ценковскаго научили насъ, что эти безформенные кусочки органической матеріи — протоплазмы, изъ числа которыхъ многія такъ малы, что ускользаютъ отъ наблюденія даже опытнаго глаза, имѣютъ своеобразную жизнь, весьма оригинальную, трудно сравнимую съ жизнью высшаго организма животнаго или растенія. Эти почти незримыя монады, эти протомебы, почти совѣтъ безструктурныя, эти вампирелли, опутывающія своими выростами растительную кѣтку и жадно ее пожирающія, такъ разнообразны въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ, какъ любая группа болѣе совершенныхъ и высоко развитыхъ организмовъ. Изслѣдованія Ценковскаго научили насъ и тому, что даже среди простѣйшихъ организмовъ, еще на столько не развитыхъ, что ихъ организація ниже организма кѣтки высшаго организма, есть прогрессъ, есть стремленіе къ совершенствованію, есть даже кульминаціонные пункты совершенства. Одинъ изъ нашихъ высшихъ предѣловъ совершенствованія нисшихъ организмовъ—ночесвѣтъ, *Noctiluca miliaris*, кишашій массами въ свѣтящихся фосфорическимъ блескомъ морскихъ водахъ,—такъ блестяще описанъ и изученъ Ценковскимъ еще въ шестидесятыхъ годахъ, что къ этому изслѣдованію не прибавляютъ новаго изслѣдованія, произведенныя помощью лучшихъ изобрѣтеній современной микроскопической техники. Л. С. Ценковскій былъ не только наблюдатель,—онъ былъ мыслитель. Всѣ его работы были освѣщены общемою идеей выясненія

разнообразіа этихъ удивительныхъ видоизмѣненій столь измѣнчиваго вещества, какъ протоплазма, и подведенія ихъ подъ общіе законы; чувство мѣры отстраняло покойнаго ученаго отъ блестящихъ, но не подтверждаемыхъ фактами гипотезъ, въ родѣ Геккелевской гипотезы о существованіи на днѣ океана первичнаго органическаго вещества; всѣ выводы Ценковскаго были не гипотетичными, а теоретическими; это соединеніе точности изслѣдованія и логичности вывода и принесло Л. С. Ценковскому то уваженіе, которымъ онъ пользовался въ западной Европѣ“.

III.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

Кончина редактора-издателя московской газеты Современныя Извѣстія Никиты Петровича Гилярова-Платонова составляетъ крупную утрату въ русской періодической печати. Человѣкъ большого и тонкаго ума, отлично образованный и всею душою преданный національнымъ русскимъ интересамъ, онъ занималъ въ русской журналистикѣ независимое и видное мѣсто и пользовался большимъ сочувствіемъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ главнымъ образомъ протекала его дѣятельность.

Покойный Никита Петровичъ родился въ 1824 году въ городѣ Коломнѣ, гдѣ отецъ его П. М. Никитскій былъ священникомъ приходской церкви во имя св. Никиты мученика. Въ Коломну отецъ Петръ Никитскій переведенъ былъ изъ села Черкизова, Коломенскаго уѣзда, въ которомъ предки Никитскихъ и Гиляровыхъ занимали священническія мѣста преемственно почти двѣсти лѣтъ. Фамилію Гиляровыхъ дѣти отца Петра Никитскаго получили по старшему его сыну Александру Петровичу, которому ректоръ Коломенскаго духовнаго училища переимѣнилъ, по существовавшему тогда обычаю, фамилію при вступленіи въ училище. Узнавъ отъ отца Петра, когда онъ привезъ своего первенца Александра въ Коломенское духовное училище, что мальчикъ этотъ отличается веселымъ характеромъ, ректоръ училища переименовалъ его изъ Никитскаго въ Гилярова, отъ латинскаго слова *hilaris*, веселый. Слѣдующіе братья, въ томъ числѣ и Никита Петровичъ, получили фамилію по старшему брату, который по окончаніи курса былъ священникомъ московскаго Новодѣвичьяго монастыря, а затѣмъ настоятелемъ при храмѣ св. князя Владиміра, и скончался въ 1871 году.

Первоначальное образованіе свое Никита Петровичъ Гиляровъ получилъ въ Коломенскомъ духовномъ училищѣ и съ первыхъ же лѣтъ ученія выказалъ отличныя способности и усердіе въ занятіяхъ; первымъ ученикомъ кончилъ онъ курсъ въ 1838 году въ духовномъ училищѣ и перешелъ въ Московскую духовную семинарію, гдѣ отличными успѣхами своими постоянно, въ теченіе всего шестилѣтняго курса, обращалъ на себя вниманіе начальства. Развitiемъ своимъ покойный Никита Петровичъ въ значительной степени обязанъ былъ старшему брату своему А. П. Гилярову, у котораго онъ прожилъ все время, пока учился въ семинаріи, болѣе же всего обязанъ былъ чтенію книгъ. Читалъ онъ въ школьные годы все, что попадалось подъ руки, отъ Гуака или Непреоборимой вѣрности, Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича до Наказа императрицы Екатерины II и Библиотеки для Чтенія Сенковского, съ кою познакомился еще въ 1834 году, то-есть, въ духовномъ училищѣ. Чтеніе безъ разбора въ годы впечатлительной вности сдѣлало молодого семинариста горячимъ, увлекающимся юношей, но А. П. Гиляровъ, считавшійся въ свое время хорошимъ стилистомъ и проповѣдникомъ, умѣялъ его юношескіе порывы и развивалъ въ немъ искусство діалектики. Къ тѣмъ же временамъ относится починъ въ изученіи Никитой Петровичемъ новыхъ языковъ. Новые языки сдѣлались ему знакомыми исключительно книжнымъ путемъ, самоучкой; англійскій языкъ онъ изучилъ уже много лѣтъ позже. Начитанность, умѣніе хорошо говорить и прирожденная наклонность къ юмору рѣзко отличали покойнаго отъ сверстниковъ-товарищей и въ послѣднихъ философскихъ и богословскихъ классахъ семинаріи, и въ Московской духовной академіи, куда онъ поступилъ въ 1844 году. Въ годы студенчества въ академіи Н. П. Гиляровъ, состоявшій за отличные успѣхи, какъ первый по курсу студентъ, стипендіатомъ покойнаго Московскаго митрополита Платона и потому получившій фамилію Гилярова-Платонова, былъ душой и руководителемъ своихъ однокурсниковъ. Окончивъ въ 1848 году курсъ академіи со степенью магистра, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ въ томъ же году опредѣленъ былъ бакалавромъ (доцентомъ) по классу библейской герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ, а съ 1854 года ему поручено было преподаваніе въ миссіонерскомъ отдѣленіи академіи русской церковной археологіи и исторіи раскола въ Россіи. Въ 1855 году Н. П. Гиляровъ-Платоновъ долженъ былъ, однако, оставить профессорскую службу. Еще въ годы профессорства Никита Петровичъ сдружился съ К. С. Аксаковымъ и А. С. Хомяковымъ, а по выходѣ изъ

академіи сблизился съ другими славянофилами и примкнулъ въ числу сотрудниковъ Русской Бесѣды, гдѣ помѣщены нѣсколько критическихъ статей его и философскій трудъ „О рационалистическомъ движеніи философіи новѣйшихъ временъ“. Служебное положеніе Н. П. Гилярова - Платонова послѣ академіи нѣсколько разъ измѣнялось. Въ 1856 году онъ былъ опредѣленъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета, а въ 1857 году ему разрѣшено было ѣхать за границу, при чемъ министръ народнаго просвѣщенія поручилъ ему собрать точныя свѣдѣнія объ устройствѣ заграничныхъ училищъ еврейскихъ и особенно раввинскихъ, а также о литературной дѣятельности евреевъ. Въ 1858 — 1859 годахъ онъ участвовалъ, по порученію предсѣдателя организаціонной комиссіи по крестьянскому вопросу графа Ростовцева, въ составленіи „Свода печатныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу“. Въ 1862 году Гиляровъ - Платоновъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій пятаго класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, и на него возложено было составленіе исторіи этого министерства; въ 1863 году былъ членомъ отъ того же министерства въ комиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для пересмотра проекта закона о книгопечатаніи, а затѣмъ, въ томъ же году, покойный былъ опредѣленъ на должность управляющаго Московскою синодальною типографіей. По всеподданнѣйшему представленію оберъ-прокурора святѣйшаго синода объ отлично усердной и полезной службѣ Никиты Петровича, ему всемилостивѣйше пожалована была въ 1865 году аренда по чину статскаго совѣтника, вмѣсто которой, по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, начато производство изъ государственнаго казначейства по восьмисотъ рублей въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Должность управляющаго Московской синодальной типографіи онъ занималъ до 1867 года, когда получилъ разрѣшеніе издавать газету Современныя Извѣстія. На публицистическомъ поприщѣ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ проявилъ во всей силѣ свои способности и наклонности и двадцать лѣтъ велъ свое ежедневное изданіе, при чемъ пять лѣтъ, съ 1878 по 1882 годъ, соредакторомъ его былъ Ѳ. А. Гиляровъ, нынѣ издающій газету Вѣстникъ. Съ 1882 года дѣятельность Н. П. Гилярова-Платонова не ослабла, но неосторожная до вѣрчивость его къ людямъ, окружившимъ его, вызвала уменьшеніе средствъ и количества подписчиковъ газеты. Затѣмъ, очень неудачнымъ предпріятіемъ покойнаго было приобрѣтеніе писчебумажной фабрики въ Рузскомъ уѣздѣ, которая поглотила много средствъ, а да-

вала лишь убытки и была продана за долги. Въ 1883 году Н. П. Гиляровъ-Платоновъ предпринялъ изданіе иллюстрированнаго журнала Радуга, который вскорѣ перешелъ къ одному изъ его сотрудниковъ и затѣмъ прекратился. Послѣ того въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ коемъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ постояннымъ сотрудникомъ, начался и затѣмъ окончился уже отдѣльнымъ изданіемъ замѣчательный автобіографическій трудъ покойнаго „Изъ Прожитаго“, въ коемъ проявился впервые беллетристическій талантъ Н. П. Гилярова-Платонова, давшего въ этомъ произведеніи превосходную характеристику эпохи своей молодости.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ скончался въ Петербургѣ 15-го октября почти внезапно, а похороненъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Съ кончиной его сошелъ съ поприща общественной дѣятельности еще одинъ изъ блестящихъ представителей русской мысли и образованности, воспитанныхъ высокимъ умственнымъ движеніемъ, которымъ ознаменовалась русская жизнь въ срединѣ текущаго столѣтія.

КЪ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ У ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

I.

Римскіе архіатры.

Впродолженіе всей Римской республики, то-есть, до диктатуры Ю. Цезаря въ Римѣ не было никакого общественнаго медицинскаго учрежденія, ни одного врача, находившагося въ какой-либо зависимости отъ государства или отъ общей, или мѣстной администраціи. Медицинская практика имѣла тогда вполне частный характеръ. Врачи, обыкновенно—рабы, отпущенники и иностранцы находились подъ гнетомъ суровыхъ постановленій, касавшихся этихъ общественныхъ группъ, и подъ давленіемъ сильнаго пренебреженія, чтобъ не сказать презрѣнія, предметомъ котораго были всѣ лишенные права гражданства.

Но не признавая существованія общественной гігіены, государственной, такъ сказать, медицины въ римской республикѣ, мы не хотимъ этимъ умалить важности нѣкоторыхъ мѣропріятій по гігіенѣ, относящихся къ разнымъ эпохамъ этого періода и не закрываемъ глазъ на нѣкоторые зачатки легальной медицины въ римскомъ законодательствѣ до начала имперіи. Мы хотимъ лишь сказать, что врачи стояли въ сторонѣ отъ этихъ мѣропріятій и ихъ знанія не руководили законодателями. Очевидно, всѣ эти мѣры или были продиктованы простымъ здравымъ смысломъ, или заимствованы у сосѣдей, главнымъ образомъ у Великой Греціи, гдѣ медицина процвѣтала уже въ періодъ римскихъ царей.

Такъ, долины, разлѣляющія римскіе холмы, были естественнымъ мѣстомъ скопленія водъ и должны были представлять поэтому болота,

вредныя для здоровья и необитаемыя. Это обстоятельство вызвало построение гигантскаго подземнаго водостока Cloaca maxima. Надо замѣтить, что мы нигдѣ не встрѣчаемъ намека на участіе медиковъ при сооруженіи этого памятника общественной гигиены. Извѣстно лишь, что пари, причастные дѣлу этого сооруженія, происходили изъ Этруріи и имѣли сношенія съ Греціей.

Далѣе, законъ XII таблицъ запрещаетъ погребеніе и сожженіе умершихъ въ чертѣ города¹⁾. Здѣсь мы опять имѣемъ гигиеническое предписаніе, созданное, какъ кажется, безъ всякаго врачебнаго вѣдѣнія.

Позднѣе, на эдиловъ была возложена медицинская полиція города, но мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы при отправленіи санитарныхъ обязанностей эдилами, врачи или руководили ими, или снабжали ихъ своими совѣтами. На оборотъ, все, что мы знаемъ о положеніи послѣднихъ въ разсматриваемую эпоху, убѣждаетъ насъ въ противоположномъ.

То же самое наблюдаемъ мы, когда встрѣчаемся съ начатками легальной медицины въ законодательствѣ. Такъ, *lex regia*, приписываемый Нумѣ,²⁾ приказываетъ вскрывать тѣло женщины, умершей въ періодъ беременности, для извлеченія ребенка. Такъ какъ извлеченіе это въ большинствѣ случаевъ имѣетъ только тогда благой исходъ, когда вскрытіе совершается въ очень скоромъ времени послѣ смерти матери³⁾, то законъ этотъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду не врача, а всякое лицо, присутствующее при кончинѣ женщины⁴⁾. Если Светоній передаетъ, что врачъ Антистій осматривалъ раны Цезаря и констатировалъ смертельность одной изъ нихъ, если мы встрѣчаемъ предписанія, чтобы магистраты въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтовались съ учеными спеціалистами врачебнаго дѣла⁵⁾, то все это относится ко времени послѣ полной эманципаціи врачей при Цезарѣ. Ранѣе этого мы вовсе не видимъ официальной дѣятельности врачей⁶⁾.

¹⁾ Cic. de leg. II, 23, 58: *hominem mortuum in urbe ne sepelito neve urito.*

²⁾ Dig. XII, 8, 2: *negat lex regia, mulierem quae praegnans mortua sit humari, antequam partus ei excidatur; qui contra fecerit, spem animantis cum gravida peremisse videtur.*

³⁾ Ср. Мерзеевскій, Судебн. Гинекологія, 1878, стр. 314.

⁴⁾ Ср. Plin. N. H. VII, 7.

⁵⁾ Suet. Caes. 82.

⁶⁾ Не то встрѣчаемъ мы по отношенію къ повивальнымъ бабкамъ, которыя находили въ римскомъ обществѣ широкое примѣненіе своими знаніями. *Lex*

Дѣйствительно, до времени имперіи мы не встрѣчаемъ ни одного закона, который говорилъ бы о профессиональномъ врачѣ. Юристъ Павелъ въ одномъ мѣстѣ¹⁾ говоритъ со словъ одного древняго закона: *Si ex eo medicamine, quod ad salutem hominis vel ad remedium datum erat, homo perierit, is, qui dederit, si honestior fuerit, in insulam relegatur, humilior autem capite punitur.* Подчеркнутыя выраженія, столь обычныя въ римскомъ правѣ, прямо показываютъ, что законъ имѣетъ въ виду не врачей по профессіи, но всякаго, кто берется за отправленіе врачебныхъ функций; лѣченіе было общимъ правомъ—достаточно было назвать себя врачомъ, чтобы быть имъ²⁾.

Итакъ, врачи были предоставлены самимъ себѣ, не привлекали къ себѣ вниманія администраціи, пока государство могло или считало возможнымъ обойтись безъ ихъ услугъ. Но пришло время, когда могущество и богатства всего міра сосредоточились въ „вѣчномъ“ городѣ, и въ него перемѣстился центръ древней цивилизаціи. Тогда вновь назрѣвшія потребности внушили Цезарю его знаменитый декретъ о дарованіи врачамъ права гражданства³⁾. Декретъ этотъ былъ первой

Cornelia, наказывающій вытравленіе плода (I. Paulus, *Recept. Sent.* V, 23, 14: *qui abortionis aut amatorium poculum dant...*) и другіе законодательные тексты, въ которыхъ указываются случаи, когда должно *ventri custodes dare, ventrem custodire* (ibid. II, 24, 5—6; *Dig.* XXV, 4), подчеркиваютъ ту роль, которую повивальныя бабы играли въ вопросахъ гинекологіи. Имъ, между прочимъ, поручалось освидѣтельствованіе женщины для того, чтобы убѣдиться въ ея беремености (*Dig.* XXIV, 4: *ibi tres obstetrices probatae et artis et fidei... eam inspiciant.* I. Paulus, *Recept. Sent.* II, 24, 5—6: *venter inspicitur per quinque obstetrices et quod maxima pars earum denuntiaverit, pro vero habetur*). Любопытно, что законъ, конечно, выстѣ съ правами болѣе вѣрить простому опыту, чѣмъ наукѣ,—болѣе бабѣ, чѣмъ врачу.

¹⁾ *Recept. Sent.* V, 23, 19.

²⁾ Ср. еще *Dig.* I, 18, 6 и IX, 2, 7. *Instit. Iustinian.* IV, 3, 6—7.

³⁾ См. *Suet. Div. Iul.* 42. Чтобы понять всю важность этой мѣры, надо обратить вниманіе на то равеніе, съ которымъ врачи, жившіе въ Римѣ, стремились получить право гражданства. Въ этомъ отношеніи высочій интересъ представляетъ надпись у *Orelli* (№ 3089), изъ которой видно, какъ спѣшили врачи похвалиться полученіемъ права гражданства. Вотъ эта надпись:

C CALPURNIVS ASCLEPIADES
PRVSA AD OLYMPVM MEDICVS
PARENTIBVS ET SIBI ET FRATRIB
CIVITATES VII A DIVO TRAIANO
IMPETRAVIT
NATVS III NONAS MARTIAS
DOMITIANO XIII COS

привилегіей врачей, первымъ крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ сближенія медицины съ администраціей, сближенія, потребность въ которомъ все росла и ощущалась сильнѣе и сильнѣе. Какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, Цезарь не остался безъ подражателей и рѣдкій изъ императоровъ не сдѣлалъ какого-либо добавленія къ прежнимъ привилегіямъ врачей.

На почвѣ эдикта Цезаря возникла при Августѣ, или — самое позднее — въ началѣ царствованія Тиберія военная медицина. Это было, какъ кажется, первое официальное медицинское учрежденіе. (См. предшествующую нашу статью, Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, іюнь).

Въ настоящей статьѣ мы предполагаемъ собрать и по возможности освѣтить тѣ скудныя данныя, которыя сохранились также относительно официального учрежденія, игравшаго повиднѣ громаднѣе роль въ общей администраціи — относительно архіатріи.

Подъ именемъ архіатровъ намъ приходится разумѣть, конечно, всѣ группы лицъ, носившихъ это названіе, не смотря на крайнюю разнохарактерность этихъ группъ. Разсматриваемая какъ официальное учрежденіе, архіатрія въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ не одинъ спеціальныи интересъ, но интересъ общій, такъ какъ развитіе ея идетъ рука объ руку съ развитіемъ всѣхъ административныхъ функцій Римскаго государства. Дѣйствительно, врачъ, первоначально столь презираемый, стоящій одиноко, съ Цезаря начинаетъ принимать участіе въ общемъ движеніи общества, приобрѣтаетъ бо-

EODEM DIE QVO ET VXOR EIVS
VERONIA CHELIDON
CVM QVA VIXIT ANN LI
STVDIORVM ET MORVM CAUSA
PROBATVS A VIRIS CLARISS
ADSEDI MAGISTRATVS POP R
ITA VT IN ALIIS ET IN PROV ASIA
CVSTODIAR.... IN VRNA
IVDICVM
VIXIT ANN LXX

(apud Arignanum, in eccl. S. S. Abundi et Abundantii). Надпись наша передаетъ дѣйствительный фактъ, потому что нѣчто вполне аналогичное мы встрѣчаемъ у Плинія, Epist. X, 4, 5, 6, 22. Мы имѣемъ здѣсь примѣръ громадной милости, оказанной Траяномъ Асклепіадѣ — дарованія права гражданства ему и шести его родственникамъ. Асклепіадъ для полученія этой милости долженъ былъ оказать большія услуги государству или имѣть сильныхъ ходатаевъ, такъ какъ императоры не особенно охотно раздавали право гражданства, какъ самъ Траянъ говорить намъ въ перепискѣ съ Плиніемъ (Plin. Epist. X, 23).

гатство, власть, уваженіе, пока наконецъ не доходитъ въ лицѣ архіатра до апогея своего могущества, дѣлаясь иногда или наперсникомъ императора, или правителемъ провинцій.

Архіатрія была предметомъ изученія многихъ ученыхъ филологовъ, юристовъ, медиковъ; не смотря однако на массу потраченного труда и времени, эти ученые не пришли ни къ какимъ прочнымъ и единодушнымъ выводамъ по этому вопросу.

Не имѣя возможности достать большей части старыхъ авторовъ, мнѣнія которыхъ здѣсь приводятся, мы вынуждены были заимствовать въ извлеченіи исторію вопроса изъ брошюры Brío—*L'Archiatric Romaine*... Paris, 1887.

Нѣкоторые (Мейбомъ, Гвидо Панцироль, Гаспаръ Гофманъ), опираясь на буквальное значеніе слова „архіатръ“, утверждаютъ, что оно значитъ—„главный врачъ“=ἀρχὸς τῶν ἱατρῶν. Они ссылаются на древнихъ переводчиковъ Галена, передававшихъ греческое ἀρχιάτρος латинскимъ *medicus primarius*. Для Мейбома главнымъ мотивомъ служить еще то наблюденіе, что изъ греческихъ словъ, начинающихся съ ἀρχ—, ни одно не указываетъ на отношеніе понятія къ начальнику, властителю, но почти всѣ обозначаютъ іерархическую высоту—архитекторъ, архіерей, архангелъ и. т. п.

Другіе, какъ ученый врачъ Меркуріали, Казобонъ и Бріо, объясняютъ слово „архіатръ“ какъ τοῦ ἀρχόντος ἱατρός. Мотивы ихъ слѣдующіе.

Названіе архіатра до періода имперіи не встрѣчается. Впервые примѣняется оно къ врачу императора, при чемъ онъ названъ не просто архіатромъ, но „архіатромъ Нерона“; при этомъ страннымъ кажется сторонникамъ этого мнѣнія то обстоятельство, что Архигень, Соранъ и другіе современники перваго архіатра, на которыхъ смотрѣли, какъ на корифеевъ медицинской науки, не носили этого титула.

Третье мнѣніе—компромиссъ двухъ предшествующихъ. Архіатръ—первый среди врачей потому, что онъ былъ врачомъ императора: естественно, что при выборѣ придворнаго врача руководились его выдающимися достоинствами ¹⁾. Всѣмъ этимъ предположеніямъ нельзя отказывать въ нѣкоторомъ остроуміи и надо согласиться, что частички

¹⁾ Фабретти (*Inser. antiqu.* IV, 301) старается доказать на основаніи одного текста Юстиніанова кодекса X, 53, 6: *medicos et maxime archiatros vel ex archiatris...*), гдѣ *medici* отдѣлены отъ *archiatři*, будто *archiatři*—не специа-

правды по нимъ разсѣяны ¹⁾). Но для того, чтобы придти къ какому-либо положительнымъ результатамъ, необходимо рассмотреть каждую группу архіатровъ отдѣльно, потому что нѣкоторые изъ нихъ поддаются сопоставленію съ остальными не безъ натяжекъ и почти ничего не имѣютъ съ другими общаго, кромѣ названія.

1. ДВОРЦОВЫЕ АРХІАТРЫ.

Если не ошибаемся, въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ литературѣ слово „архіатръ“ въ такъ-называемомъ 'Ονομαστικόν—словарѣ къ Гиппократу составленномъ Эротіаномъ ²⁾). Въ предисловіи къ этому труду Эротіанъ обращается къ своему другу, врачу Андромаху съ такими словами: Τὴν Ἱπποκράτους πραγμάτων, ἀρχίατρε Ἀνδρόμαχε, οὐκ ὀλίγα συμβαλλομένην πᾶσιν ἀνθρώποις ὁρῶν σοὶ λογικῆς ἀντιποιοῦνται παιδείας... Еслибы на основаніи одного этого мѣста намъ предстояло рѣшить вопросъ о значеніи слова ἀρχίατρος, мы были бы въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ, по заявленію всѣхъ современниковъ, Андромахъ былъ и величайшимъ врачомъ своей эпохи, и лейбъ-медикомъ Нерона. Къ счастью, мы имѣемъ свидѣтельство Галена, которое, по нашему мнѣнію, уничтожаетъ всякія сомнѣнія насчетъ значенія разбираемаго слова. Именно, Галенъ называетъ того же Андромаха—ὁ Νέρωνος ἀρχίατρος, то-есть, „придворный врачъ Нерона“ ³⁾). Очевидно, еслибы онъ хотѣлъ словомъ ἀρχίατρος характеризовать Андромаха, какъ главу врачей, онъ сказалъ бы просто Ἀνδρόμαχος ὁ ἀρχίατρος ⁴⁾). Кромѣ Андромаха, титулъ архіатра даетъ

зировавшіеся врачи, тогда какъ medici — посвятившіе себя той или другой специальности. *Оливьеры* (Marmorа Pisaurens. pp. 28 и 152) полагаетъ въ томъ отличіи medici отъ archiatri, что послѣдніе получали жалованье.

¹⁾ Такъ, второе опредѣленіе понятія архіатра вполне подходитъ къ дворцовымъ архіатрамъ, но при этомъ прочія группы ихъ остаются вѣзъ этого опредѣленія.

²⁾ Erotiani vocum Hippocraticarum collectio. Cur. I. Klein. 1865.

³⁾ De Antidotis, I, 1.

⁴⁾ Защищая другое значеніе слова архіатръ—„главный врачъ, глава врачей“ думали найти себѣ опору въ другомъ мѣстѣ Галена, гдѣ онъ говоритъ о томъ же Андромахѣ (De Theriaca, ad Pisonem, I, 1): Τὸ γοῦν ἀρχαῖον ἡμῶν, διὰ τὴν ἐν τοῦτοις ὑπεροχὴν, ὑπὸ τῶν κατ'ἐκείνον καιρὸν βασιλέων ἦν πεπιστευμένον. Не говоря уже о томъ, что подлинность сочиненія De Theriaca подвержена большому сомнѣнію, приведенное мѣсто указываетъ вовсе не на іерархическое преимущество Андромаха, но на его научное превосходство, если только нѣтъ адъе скрытой ироніи, какъ весьма остроумно предполагаетъ *Häser* (Geschichte d.

Галенъ двумъ своимъ современникамъ: Магну, врачу Антонина Пія (Μάγνος δὲ ὁ καὶ ἡμᾶς ἀρχίατρος γινόμενος) и Дмитрію—врачу М. Аврелія (Δημήτριος δὲ καὶ αὐτὸς καὶ ἡμᾶς ἀρχίατρος γινόμενος) ¹⁾. Относительно этихъ двухъ мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, будто они были знаменитѣе и выше своихъ современниковъ. Въ такомъ случаѣ, самъ Галенъ имѣлъ бы, конечно, несравненно болѣе правъ на всякій почетный титулъ и, на самомъ дѣлѣ, трудно понять, почему пергамскій врачъ, пользовавшій М. Аврелія, не былъ называемъ архіатромъ. Приведенные примѣры и соображенія, думается намъ, вполне достаточны для того, чтобы казалось несомнѣннымъ, что титулъ архіатра въ самомъ началѣ своего появленія характеризовалъ дворцовыхъ врачей, безъ всякаго отношенія къ ихъ знаніямъ, таланту и іерархическому положенію.

Но, по видимому, это греческое названіе распространилось въ римскомъ обществѣ сравнительно довольно поздно; по крайней мѣрѣ, его мы вовсе не встрѣчаемъ у авторовъ позднѣе Эротіана вплоть до царствованія Константина Великаго ²⁾. Если почти несомнѣнно, что оно было впервые дано придворнымъ врачамъ Эротіаномъ и Галеномъ и если весьма возможно, что они даже придумали это слово, во всякомъ случаѣ должно согласиться, что слово это очень медленно вошло во всеобщее употребленіе. Но если слово это не было въ ходу, то функціи, характеризуемыя имъ, были прочно установлены и организованы, кажется, Александромъ Северомъ. Дѣйствительно, въ

Medicin, 413). *Meibom* (Magni Aurelii Cassiodori formula comitis archiatrorum commentariolo illustrata. Helmsted. 1665) и его послѣдователи упорно стоятъ на томъ, что въ одной надписи, изданной теперь въ CIL. VI, 8504, названіе *superpositus medicorum*, данное отпущеннику одного изъ Флавіевъ, равносильно титулу *archiater*. Но при первомъ взглядѣ на эту надпись рядомъ съ другою (CIL. VI, 8982), гдѣ встрѣчается названіе *supra medicos* объ отпущенникѣ Лавин, становится яснымъ то, что нѣтъ никакой связи между *archiater* и этими двумя названіями. Дѣйствительно, въ указанныхъ двухъ надписяхъ идетъ рѣчь объ отпущенникахъ, которые заведывали домашними врачами (рабами) своихъ патроновъ. *Superpositus medicorum* и *supra medicos* были должности домашнего, экономическаго характера, не выходившія за предѣлы *familia* и обязанныя своимъ происхожденіемъ желанію патроновъ внести порядокъ въ массу ихъ рабовъ, иногда весьма многочисленную. Кромѣ того, архіатры имали право гражданства, а *superpositi medicorum* были рабы или либертины.

¹⁾ De Theriaca, 22.

²⁾ Плиній, Тацитъ, Ювеналъ, Марціалъ, Светоній, авторы *Historia Augusta*, надгробныя надписи, имѣющія предметомъ врачей императоровъ, даже написанныя на греческомъ языкѣ, не имѣютъ въ себѣ этого слова.

исторіи его царствованія, составленной Лампридіемъ, мы читаемъ: *medicus sub eo unus palatinus salarium accepit; ceteri omnes, qui usque ad sex fuerunt, annonas binas aut ternas accipiebant* ¹⁾. Эти строки заставляютъ насъ думать, что до Александра Севера дворцовые врачи ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ врачей; опредѣленныхъ и строго ограниченныхъ обязанностей и жалованья ²⁾ они не имѣли, названіе свое—*palatini*—получали оттого, что только чаще другихъ давали совѣты императору, однимъ словомъ, дѣятельность ихъ не была вставлена въ административныя рамки ³⁾, и императоры пользовались услугами тѣхъ изъ нихъ, которымъ болѣе довѣряли, и платили имъ, смотря по ихъ заслугамъ.

Такой порядокъ вещей продолжался, по видимому, до Александра Севера, когда, судя по словамъ Лампридія, положеніе дворцовыхъ врачей стало вполнѣ опредѣленнымъ. Можно думать, что въ это царствованіе они надѣлены были опредѣленными обязанностями и жалованьемъ, составили коллегію и затѣмъ создали *Archiatría Palatina*. Когда совершилось послѣднее, то-есть, когда названіе архіатровъ сдѣлалось общеупотребительнымъ, точно опредѣлить мы не можемъ; съ увѣренностью мы можемъ сказать лишь одно, что это произошло до Константина Великаго.

Увѣренность эту мы почерпаемъ изъ одного рескрипта Константина (326 г.)—перваго законодательнаго памятника, гдѣ встрѣчается официальное упоминаніе архіатра. Рескриптъ этотъ на имя Руфина, префекта преторія, начинается такими словами: *Archiatři omnes et ex archiatris ab universis muneribus curialium, senatorum et comitum perfectissimorumque muneribus et obsequiis, quae administratione perfunctis saepe mandantur; a praestationibus quoque publicis liberi immunesque permaneant, nec ad ullam auri et argenti et equorum praestationem vocentur, quae forte praedictis ordinibus aut dignitatibus attribuuntur. Huius autem indulgentiam sanctionis ad filios quoque*

¹⁾ Lamprid. Alex. Sever. 42.

²⁾ Плиній (N. H. XXIX, 5) говоритъ, будто вознагражденіе за трудъ отъ императоровъ врачи получали въ размѣрѣ 250000 сест., но прибавляетъ, что Стертиній былъ очень умѣренъ, когда требовалъ съ императора 500000 с. въ годъ, имѣя полную возможность частною практикой заработать 600000 с. Слова Плинія даютъ понять, что врачи могли сами назначать себѣ жалованье и не имѣли опредѣленнаго гонорара.

³⁾ Какъ бы могъ иначе отказаться Галенъ отъ сопровожденія М. Аврелія въ его походъ за Дунай? Galen. De Antidotis, I, 10.

eorum statuimus pervenire ¹⁾). Въ этомъ рескриптѣ выраженіе *ex archi-atris* ясно показываетъ, что названіе *archiater* было еще до Константина принято въ officialный языкъ, такъ какъ въ самомъ началѣ его царствованія существовала цѣлая группа лицъ, уже выбывшихъ изъ числа архіатровъ. Точнѣе опредѣлить хронологію разбираемаго явленія мы не въ состояніи, мы должны ограничиться наиболѣе вѣроятнымъ предположеніемъ; ближе всего, кажется намъ, будемъ мы къ истинѣ, если отнесемъ его ко времени царствованія Діоклетіана, политическіе взгляды котораго, какъ извѣстно, кореннымъ образомъ отличались отъ взглядовъ его предшественниковъ.

Дѣйствительно, первые императоры, достигая власти силой, тѣмъ не менѣе не выходили за предѣлы того, что имъ давало народное избраніе. Діоклетіанъ первый отступилъ отъ этого принципа и, по выраженію Евтропія ²⁾, *imperio romano primus regiae consuetudinis formam magis quam romanae libertatis invexit, adorarique se iussit, cum ante eum cuncti salutarentur*. Итакъ, Діоклетіанъ заявилъ о божественности своей власти (слѣдовавшіе за нимъ императоры настаивали на святости своей личности — они не желали болѣе быть простыми носителями высшей власти, имъ хотѣлось быть ея источникомъ). При этомъ новомъ порядкѣ вещей, понятно, все возвышалось и облагораживалось по мѣрѣ приближенія ко двору; всѣ тѣ придворныя должности, на которыя прежде смотрѣли, какъ на рабскія обязанности, сдѣлались наиболѣе почетными, и совокупность ихъ, въ виду военной организаціи власти, стала носить названіе *militia palatina*. Дворцовые врачи входили въ эту группу, какъ намъ прямо говорятъ многіе мѣста Θεодосіева кодекса, напримѣръ: *universi, qui in sacro palatio inter archiateros militarunt* ³⁾. Такимъ образомъ, они сдѣлались крупными сановниками; тогда, можетъ быть, вошло во всеобщее употребленіе ихъ прозвище *archiatri*, и Константинъ черезъ нѣсколько лѣтъ могъ говорить объ *эксархіатрахъ*.

Легко выяснить себѣ тотъ путь, который привелъ дворцовыхъ врачей къ весьма привилегированному положенію. Обязанные заботиться о здоровьѣ священной особы главы государства, они имѣли возмож-

¹⁾ Datum XII Kal. Iun. Constantino VII et Constantio Caes. coss. Cod. Theod. V, 13, 3, 2. Текстъ, перечисляя одни придворныя должности, указываетъ прямо на придворныхъ архіатровъ.

²⁾ Eutrop. Breviarium h. r. IX, 16.

³⁾ Cod. Theod. XII, 3, 16—18. Cod. Iust. XII, 13: *archiateros intra palatium militantes...*

ность видѣть его ежедневно, если не ежечасно, входить въ самыя интимныя подробности его домашней жизни, знать его секреты, слабости, симпатіи. Такая ихъ дѣйствительная или предполагаемая сила давала имъ громадное вліяніе при дворѣ и въ городѣ. Это не были болѣе врачи, которыхъ личный капризъ, простая случайность приводили къ императору (Антоній Муза при Августѣ, Андромакъ при Неронѣ) и которые безъ опасности для себя самихъ не могли выходить за предѣлы своей профессіи, это были видные вельможи палатинской милиціи; только передъ прочими членами этой милиціи они имѣли тѣ преимущества, которыя даютъ обширныя ученныя занятія и знаніе людей, къ которому обязательно должна вести медицинская практика. Прежніе архіатры лечили императоровъ, правда полновластныхъ, но обоготворяемыхъ лишь по смерти, теперешніе—заботились о здоровьѣ священной особы, которой всѣ поклонялись при жизни. Поэтому неудивительно, если нѣкоторые изъ нихъ достигали высшихъ административныхъ должностей, какъ Виндиціанъ—проконсулъ Африки, и Аузоній (отецъ поэта)—префектъ преторіа въ Иллиріи. Самъ законъ старался поставить ихъ на ряду съ первыми сановниками государства: *archiatros intra palatium militantes si comitivae primi ordinis nobilitaverit gradus, inter vicarios taxari praecipimus, sive iampridem deposuerint militiam, sive postea deposuerint, ita ut inter vicarios et duces, qui administraverint, et eos, qui comittivam primi ordinis meruerint, nihil intersit nisi tempus, quo quis administraverit vel comitivae adeptus est insignia* ¹⁾.

Въ надписяхъ, ²⁾ мы имѣемъ указанія на нѣсколькихъ врачей

¹⁾ Cod. Iust. XII, 13. Отмѣтимъ учрежденіе должности *praesul archiatrorum*, которое вызвано было необходимостью внести порядокъ въ среду коллегіи архіатровъ. Обязанности этихъ „предсѣдателей“ коллегіи подробно описываетъ намъ Кассіодоръ (VI, 19): *a praesenti tempore comitivae archiatrorum te honore decoramus, ut inter salutis magistros solus habearis eximius et omnes iudicio tuo cedant, qui se ambitu mutuae contentionis excruciant. Esto arbitrar artis egregiae eorumque distingue conflictus, quos indicare solus solebat affectus. In ipsius aegros curas, si contentiones noxias prudenter abscindis. Magnum munus est subditos habere prudentes et inter illos honorabilem fieri, quos reverentur ceteri. Visitatio tua sospitas sit aegrotantium, refectio debilium, spes certa fessorum... indulge te quoque palatio nostro; habeto fiduciam ingrediendi, quae magnis solet pretiis comparari.* Страннымъ кажется намъ то, что полномочія этихъ *praesulum* шли слишкомъ далеко—до права контролировать лѣченіе другихъ архіатровъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни одной надписи, гдѣ придворный врачъ былъ бы названъ архіатромъ.

императоровъ; надписи эти служатъ намъ нагляднымъ подтвержденіемъ соотвѣтствующихъ литературныхъ данныхъ.

Такъ, многіе историки ¹⁾ передаютъ намъ многочисленныя подробности о томъ, какъ врачъ Октавія М. Арторій Асклепιάδъ спасъ жизнь ему въ битвѣ при Филиппахъ. Арторій этотъ былъ ученикомъ знаменитаго Асклепіада, написалъ нѣсколько сочиненій спеціальнаго характера, не дошедшихъ до насъ, и умеръ въ годъ битвы при Акціумѣ (722). Муратори (888, 8) ²⁾ даетъ намъ надпись, гдѣ говорится о немъ:

Μάρχον Ἀρτώριον Ἀσκληπιάδην
Θεοῦ Καίσαρος σεβαστεῦ ἱατρὸν
ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος τῶν Σμυρναίων
ἐτίμησαν ἥρωα πολυμαθίας χάριν

Одинъ уже фактъ спасенія жизни Октавію объясняетъ намъ вполне постановку памятника Арторію жителями Смирны. Кромѣ того, онъ родился въ этомъ городѣ, а извѣстно, что декреты греческихъ городовъ о дарованіи права гражданства ставились во многихъ мѣстахъ и между прочимъ въ мѣстѣ рожденія почитаемаго.

О врачѣ же императора говоритъ другая греческая надпись ³⁾:

Τιβεριῶ Κλαυδίῳ
Κοῦρεῖνα
Μενεχράτει ἱατρῷ
Καυσάρων καὶ ἰδίας
λογικῆς ἐναργοῦς
ἱατρικῆς κτίστῃ ἐν
βιβλίους ΠΝς δι' ὧν
ἐτιμήθη ὑπὸ τῶν ἐν-
(sic!) λογίμων πόλεων ψηφίσ-
μασιν ἐντελέσι. Οἱ γινώριμοι
τῷ αὐτῶν αἰρεσιάρχῃ τὸ ἥρῳον.

Врачъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, принадлежалъ къ трибѣ Quirina при Тиберіи и Клавдіи. Галенъ много говоритъ ⁴⁾ о немъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о сочиненіи его, упоминаемомъ въ на-

¹⁾ Dio Cass. XLVII, 41. Plut. Brut. 41. Val. Max. I, 7. Suet. Aug. 91. Vell. Patere. II, 70. Flor. IV, 7.

²⁾ Найдена въ Падуѣ, apud Carolum Patinum.

³⁾ CIG. I, 6607. Найдена in hortis S-ti Pauli, ad viam Ostiensem. In urbe ad D. Pauli servatur.

⁴⁾ De Composit. medic. per. genera, II, 5, VII, 9.

шей надписи. Название этого сочинения было — αὐτοκράτωρ ὁλογράφου — и написано оно было всѣми буквами, въ противоположность тогдашнимъ медицинскимъ сочинениямъ, которые писались условными знаками. Какъ ни не ясна наша надпись, мы можемъ понять общій смыслъ ея — за оригинальность произведенія Менекрата многіе города осыпали его почестями, а ученики признали главой школы.

Изъ латинскихъ надписей остановимся прежде всего на слѣдующей ¹⁾:

COSMIAE
C · STERTINI · XENOPHONTIS
MEDICI · AVGVSTI
VIX ANN · XVIII
BLASTVS · CONSERVOS · D · S · ET,

въ которой издатели CIL. дѣлаютъ такое примѣчаніе: Hirschfeld observavit, C. Stertinius Xenophontem esse alterum ex Stertiniis fra-

¹⁾ CIL. VI, 8905. Для характеристики братьевъ Стертиніевъ мы воспользуемся 2 надписями у *Häuser'a* (Gesch. der. Med., 416), которыя онъ помѣтилъ изъ сочиненія *Oliv. Bayet. Inscript. inédites des Sporades, île de Cos.*

Θεοῖς πατρίοις ὑπὲρ ὑγείας
Γαίου Στερτινίου Ἡρακλείτου
υἱοῦ Ξενοφώντος φίλο
καίσαρος φιλοσεβάστου
φιλοκλαυδίου δάμου υἱοῦ
φιλοπάτριδος εὐσεβοῦς
εὐεργέτα τῆς πατρίδος

Τιβέριον Κλαύδιον Ἡρακλείτου
υἱόν Κουιρ (αἶνα) Κλεωνυμον τὸν ἀ
δελφὸν Γαίου Στερτινίου
Ξενοφώντος χειλιαρχῆ
σαντα ἐν Γερμανίᾳ λεγεῶ
νος ΚΒ̄ примιγενίας δις μο
ναρχήσαντα καὶ πρεσβεύ
σαντα πολλάκις ὑπὲρ τῆς
πατρίδος πρὸς τοὺς Σεβας
τοὺς Κλαυδία Φοίβη
τὸν αὐτῆς ἄνδρα καὶ εὐεργέ
την ἀρετῆς ἔνεκα καὶ εὐνοίας.

Братъ нашего Стертинія, Клеонимъ, былъ, какъ мы видимъ, трибуномъ 22-го легіона Примигенія, въ Германіи. Посольства, въ составъ которыхъ онъ входилъ, снаряжены были съ цѣлью испросить освобожденіе родного острова отъ налоговъ и право убійства для Косскаго храма Эскулапа и Гигіи — пенатов острова (Ср. Tac. Ann. IV, 14).

tribus, quos medicos Claudii Augusti vel principum ante eum fuisse tradit Plinius N. H. XXIX, 7 [ubi praenomen alterius fertur Q(uintus)], eundem autem Xenophontem, qui, cum esset medicus Claudii, eum veneno interemit. (Tac. Ann. XII, 61—67).

Довольно ясныя указанія на дворцовыхъ врачей имѣемъ мы въ слѣдующихъ также надписяхъ:

L · ARRUNTIO
SEMPRONIANO
ASCLEPIADI
IMP · DOMITIANI
MEDICO · T · F · I
IN · FRONTE · P · XX · IN · AGR · P · XX. ¹⁾

Мы встрѣчаемъ здѣсь не перваго врача съ именемъ Асклепіада. Имя это стало почти стереотипнымъ прозвищемъ врачей, потому, вѣроятно, что одни изъ нихъ были сыновья Асклепіевъ, другіе — принадлежали къ школѣ знаменитаго врача того же имени, друга Цицерона и Помпея, третьи — были жрецами Эскулапа. Нашъ Л. Аррунцій тождествененъ, несомнѣнно, съ упоминаемымъ у Плинія (N. H. XXIX, 5) богачемъ-медикомъ, получавшимъ отъ императора 250000 сест. въ годъ. Имя Семпроніана указываетъ на него, какъ на отпущенника Семпронія ²⁾.

D · M
TI · CLAUDIO · AELIO
SABINIANO
MEDICO · AVG III
PEDANVS RVFVS
AMICVS ³⁾

C · IVLIO · AVG · L · EVTYCHO MEDIC · DOM · PAL · IX · D · P ⁴⁾
IX · D · P — Моммзенъ читаетъ — EX DOMO PALATINA.

¹⁾ CIL. VI, 8895.

²⁾ По римскимъ именамъ врачей не слѣдуетъ дѣлать заключенія о томъ, что въ періодъ имперіи было много римлянъ, которые дѣлали своею профессіей медицину. Римскія имена давались обыкновенно греческимъ врачамъ при полученіи ими права гражданства или при отпускѣ ихъ на свободу. Плиній всегда приводитъ одни римскія имена; соответствующія ему надписи обнаруживаютъ, что, не смотря на свои латинскія названія, врачи обыкновенно были греческаго происхожденія (Ср. выше надп. Стертінія и Аррунція).

³⁾ CIL. XIV, 3641.

⁴⁾ CIL. VI, 8656.

D M
RVPILIO CALPVRNI
ANO MEDICO DOM
VS AVGVSTAE · D · RV
PILIVS TELESFORIA
NVS · PATRI · B · M FECIT
QV BIXI · ANNIS · L ·
MESIBVS · VIII · DI ¹⁾
ESX

и наконецъ

D · M
ANTONIA · RES
TITVTA Q · IVLIO
EVTYCHO · MEDIC
DOMVS · AVGVSTIA
NE · CON · B · M · F ²⁾

У Тацита мы встрѣчаемъ еще любопытныя указанія на врача Тиберія, Харикла, отличавшагося замѣчательнымъ присутвіемъ духа, ³⁾. Позднѣе у него же ⁴⁾ говорится о врачѣ Мессалины, Векціи Валентѣ, хорошемъ ораторѣ и главѣ новой медицинской секты.

Можетъ быть, также о разбираемомъ классѣ врачей говорятъ надписи CIL. VI, 3985, 8711, 8899, 8901, 8903 и 8904 ⁵⁾.

2. Городскіе Архіатры провинціи и столицъ.

Обычай учрежденія общественныхъ врачей издавна существовалъ на востоцѣ и главнымъ образомъ въ странахъ греческихъ. Понятно, что греки, у которыхъ медицинскія знанія стояли на значительной высотѣ, а врачебная практика находила широкую область примѣненія, должны были цѣнить медицину и давать ей вліянію большой

¹⁾ CIL. VI, 8646. Romae. Fabretti, qui titulum hunc hodie deperditum descripsit, addit, infra expressas esse „tres cucurbitulas totidemque ligulas“. Принятъ изд. CIL.

²⁾ CIL. VI, 8647.

³⁾ Tac. Ann. VI, 50, Cp. Suet. Tiber. 72.

⁴⁾ Tac. Ann. XI, 35. Plin. N. H. XXIX, 5.

⁵⁾ Въ надписяхъ мы не разъ встрѣчаемъ такіа обозначенія: MEDICVS AVG (CIL. VI, 8898, 8902, 8906, IX, 740) и MEDICUS [II II], [III], VI R AVG (VSTALIS) CIL. V, 2396, 2530, 2857. IX, 2680. X, 6469. XII, 1804. Что это за обозначенія, мы не можемъ объяснить, за недостаткомъ данныхъ.

просторъ. Правители большихъ городовъ считали своимъ долгомъ и средствомъ приобретѣнія популярности, заботу о санитарномъ состояніи ввѣренныхъ ихъ попеченію гражданъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ въ пользу того, что дѣло обстояло именно такимъ образомъ въ различныхъ странахъ, или прямо греческихъ, или находившихся подъ греческимъ вліяніемъ. Первое такое свидѣтельство исторической эпохи имѣемъ мы у Геродота о Демокедѣ Кротонскомъ, который послѣдовательно былъ врачомъ Эгиины, Аѣны и Самоса при Поликратѣ ¹⁾. Страбонъ разказываетъ, что въ Галліи, по примѣру массилійцевъ, частныя лица и города приглашали софистовъ и врачей за годовую плату, и говоритъ объ этомъ такъ, какъ будто бы это былъ древній обычай, во всякомъ случаѣ, болѣе древній, чѣмъ осада Массилии войсками Цезаря ²⁾. Этихъ свидѣтельствъ совершенно достаточно для того, чтобы показать, что институтъ городскихъ врачей на жалованьи процвѣталъ во многихъ римскихъ провинціяхъ задолго до завоеванія ихъ римлянами.

Такъ какъ медицина съ знаменитаго декрета Цезаря стала пользоваться большимъ уваженіемъ, то императоры, находя муниципальныхъ врачей во многихъ провинціальныхъ городахъ, не только признавали ихъ существованіе, но даже давали имъ особыя привилегіи. Послѣднее въ особенности покажется намъ естественнымъ, если мы вспомнимъ, что императоры, сосредоточивъ всю власть въ своихъ рукахъ, не безъ разчета считали своимъ долгомъ расточать провинціямъ неполитическія права въ замѣнъ утраты ими правъ политическихъ. Но, вѣроятно, нѣкоторые города злоупотребляли покровительствомъ императоровъ и чрезмѣрно увеличивали безъ всякой необходимости число общественныхъ врачей ³⁾, то-есть, число привиле-

¹⁾ 'Нрѡδ. Ш, 131 слл. Припомнимъ то, что мы говорили въ другомъ мѣстѣ о врачѣ М. Ульпін Спорѣ, который, прослуживъ нѣкоторое время врачомъ въ кавалеріи, сталъ врачомъ города Ferentinum. Ж. М. Н. Пр. 1887, іюнь, 72.

²⁾ Сопоставленіе софистовъ и врачей у Страбона (IV, 181) заставляетъ предполагать, что эти врачи между прочимъ были обязаны учить медицину — извѣстно, что Массилия была очень богата образовательными средствами и на нее смотрѣли, какъ на Аѣны запада и на источникъ цивилизаціи для всей Галліи.

³⁾ Поводъ къ этому злоупотребленію понятенъ. Городскіе врачи не только получали жалованье, но были, кромѣ того, свободны отъ налоговъ, постоя и т. п.; всякому, слѣдовательно, былъ прямой интересъ сдѣлаться городowymъ врачомъ, муниципальныя же совѣты не отказывали въ этомъ врачамъ, какъ лицамъ вліятельнымъ.

гированныхъ гражданъ, что влекло за собою неравномѣрное распределение повинностей. Это, какъ кажется, обстоятельство вызвало появленіе одного эдикта Антонина Пія, въ которомъ императоръ возводитъ на степень государственнаго учрежденія, примѣнима во всей имперіи, институтъ муниципальных врачей, существовавшій лишь въ извѣстныхъ городахъ, и то въ силу обычая. Эдиктъ говоритъ слѣдующее: *minores quidem civitates possunt quinque medicos immunes habere et tres sophistas et grammaticos totidem; maiores autem civitates septem, qui curent, quattuor, qui doceant utramque doctrinam; maximae autem civitates decem medicos et rhetores quinque et grammaticos totidem. Supra hunc autem numerum ne maxima quidem civitas immunitatem praestat. Decet autem maximo quidem numero uti metropoles gentium; secundo autem, quod habent vel forum causarum, vel loca iudiciorum; tertio autem reliquas. Excedere quidem hunc numerum non licet neque sententia senatus neque alia qua adinventione; minuere autem licet, quoniam pro civilibus muneribus hoc introductum esse apparet.* Мы можемъ смотрѣть на этотъ эдиктъ, какъ на учредительный актъ муниципальных архіатровъ (хотя прямо архіатры въ немъ не названы, но мы ниже встрѣтимъ ясныя доказательства того, что врачи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, позднѣе получили это названіе). Антонинъ обратился съ этимъ эдиктомъ къ общинамъ Азіи, вѣроятно, потому, что должности общественныхъ врачей были тамъ распространены, чѣмъ гдѣ-либо ²⁾). Но, какъ сказано въ самомъ эдиктѣ, онъ былъ примѣнимъ ко всей Римской имперіи.

Прямой смыслъ этого важнаго документа показываетъ, что не всѣ провинціальныя врачи пользовались свободой отъ повинностей—для этого необходимо было заручиться избраніемъ отъ городскихъ представителей ³⁾). Ульпіанъ говоритъ намъ подробно объ этомъ въ Дв-

¹⁾ Dig. XXVII, 1, 6, 2—4. См. далѣе—et utique non aliter de immunitate hac fructum habebunt, nisi decreto senatus inscripti fuerint numero concesso et circa operationem se neglegenter habeant.

²⁾ Пожалуй даже прямо можно сказать, что тамъ онъ впервые появлялся.

³⁾ Не то, по видимому, было въ Римѣ. Извѣстный декретъ Цезаря не дѣлаетъ никакихъ исключеній, и потому всѣ римскіе врачи пользовались свободой отъ податей. Объ этомъ мы имѣемъ право заключать изъ нѣсколькихъ строкъ Институтій (I, 25, 15): *Romae grammatici, rhetores et medici et, qui in patria sua id exercent et intra numerum sunt, a tutela vel cura habent vacationem.* Оказывается, слѣдовательно, что привилегіями пользуются всѣ римскіе врачи и только тѣ провинціальныя, которые intra numerum sunt, то-есть, выбраны муниципальными совѣтами.

гестахъ: *medicorum intra numerum praefinitum constituendorum arbitrium non praesidi provinciae commissum est, sed ordini et possessoribus eiusque civitatis, ut certi de probitate morum et peritia artis eligant ipsi, quibus se liberosque suos in aegritudine corporum committant*¹⁾. Такимъ образомъ, государство нисколько не интересовалось выборами муниципальных врачей и даже предлагало своимъ представителямъ не вмѣшиваться въ нихъ. Ясно поэтому, что въ провинціяхъ общественная медицина была дѣломъ вполне добровольнымъ, и указъ Антонина вовсе не носилъ принудительнаго характера, а лишь регламентировалъ существующее. Большинство преэминиковъ Антонина подтвердили эту грамоту, точнѣе ее формулировали, объясняли ея духъ и цѣль и расширяли уже помянутыя въ ней привилегіи²⁾. Самое избраніе шло отъ городского совѣта—*ordo* и мѣстныхъ землевладѣльцевъ (конечно, крупныхъ только); послѣднее обстоятельство казалось гарантіей просвѣщенныхъ и лишенныхъ партійныхъ интересовъ выборовъ. Здѣсь дѣло шло о довольно чувствительныхъ, особенно для мелкихъ городовъ, расходахъ, и законъ требовалъ согласія на эти расходы со стороны вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ, отвѣтственныхъ такимъ образомъ передъ государствомъ. Привлеченіе къ выборамъ землевладѣльцевъ должно быть разсматриваемо, какъ мѣра тѣмъ болѣе благоразумная, что государство не оставляло за собою права кассировать разъ сдѣланные выборы и тѣмъ лишало себя всякаго контроля надъ ними. Назначеніе жалованья врачамъ лежало на обязанности муниципальных декуріоновъ, помимо всякаго вліянія *praesidis provinciae*³⁾. Дигесты перечисляютъ намъ случаи, когда муниципальные врачи могли быть устранены отъ своей должности — устраненіе и замѣщеніе совершалось, понятно, тѣми же лицами и при одинаковыхъ обстоятельствахъ, какъ и первоначальное назначеніе⁴⁾.

Какія обязанности лежали на городскихъ врачахъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ. Первою важнѣйшею ихъ обязанностью было, какъ кажется, давать бѣднымъ совѣты. Дѣйствительно, въ кодексѣ Юстиніана во вниманіе къ тому, что архіатры содержатся на счетъ народа, имъ предписывается „лучше честию

¹⁾ Dig. L, 9, 1.

²⁾ См. ту же главу Dig. далѣе.

³⁾ Cod. Inst. X, 53, 5 и Dig. L, 9, 5.

⁴⁾ Dig. XXVII, 1, 4—6: *reprobari medicum posse a republica, quamvis semel probatus sit.*

лѣчить бѣдныхъ, чѣмъ позорно служить богачамъ⁴. При этомъ проявляется, что они могутъ принимать деньги за излѣченіе, отъ выздоровѣвшихъ, но должны отказываться отъ общаній, которыя дають опасно большыя¹). Вторую ихъ обязанностью было, несомнѣнно, учить медицинѣ²).

Вопросъ о времени, когда стали муниципальные врачи называться архіатрами, можно разрѣшить такъ же, какъ и относительно палатинскихъ врачей, то-есть, всего удобнѣе приписать это вліянію политической реформы Діоклетіана³).

Кромѣ историческихъ и законодательныхъ памятниковъ, болѣе или менѣе прямыя указанія на существованіе муниципальных архіатровъ имѣемъ мы въ надписяхъ. Напримѣръ:

L · STAIO · L · FIL
STEL · SCRATEIO
MANILIANO · PR ·
CER I · D · QQ ·
FILIO · EQ · ROMANI
ARCHIATRI · BENEV ·
HIC · PRIMVS · OB · HONO
REM · CERIAL · TESSERIS
SPARSIS · IN · QVIBVS · AVRME
ARGENTVM · AES · VESTEM
LENTIAM · CETERAQ · POPV (sic!)
DIVISIT
L · STAIVS · RVT · MANILIVS
PATER⁴)

¹) Archiatri scientes annonaria sibi commoda a populi commodis ministrari, honeste obsequi tenuioribus malint, quam turpiter servire divitibus. — Quos etiam ea patimur accipere, quae sani offerunt pro obsequiis, non ea, quae periclitantes pro salute promittunt. (Cod. Iust. X, 53, 9).

²) Mercedis etiam archiatri et salaria reddi iubemus, quo facilius liberalibus studiis et memoratis artibus multos instituant. (Cod. Iust. X, 53, 6).

³) Константинъ въ цитированномъ выше мѣстѣ упоминаетъ уже архіатровъ и даже эксархіатровъ *муниципальныхъ*: medicos et maxime archiatros vel exarchiatrias, grammaticos et professores alios literarum et doctores legum una cum uxoribus et filiis *nec non et rebus, quas in civitatibus suis possident* ab omni functione et ab omnibus muneribus, vel civilibus vel publicis, immunes esse praecipimus et *neque in provinciis hospites recipere nec ullo fangi munere*... (Cod. Iust. X, 53, 6). Подчеркнутыя мѣста заключаютъ въ себѣ довольно ясныя намеки именно на *муниципальныхъ* врачей.

⁴) CIL. IX, 1655. Beneventum.

и

М D

A. ATIVS · CAIVS · ARCHIATER · SIBI
ET · IVLIAE · PRIMAE · CONIVGI
INCONPARABILI
V · S · F ¹⁾

Объ эти надписи констатируютъ намъ существованіе архіатровъ, первая—въ Беневентѣ, вторая—въ Полѣ, городѣ Иллиринъ.

Еще мы имѣемъ три латинскихъ надписи, подтверждающихъ тотъ же фактъ. Именно:

FLARISTO ARCHIATER FIDELISE
TAVR VENERIA FIDELIS CONIVGES
CARISSIMI · ARCAM CORPORALE
DE PROPRIO SVO VIVI SIBI CON
PARAVERVNT SI QVIS POST OBI
TVM EORVM · EAM APERIRE VO
LVERIT DABIT REI · PVBLICAE
SOLIDOS LXXXC ITEQQS NOSTRIS (stcl)
LICEAT ²⁾

HIC REQVIESCIT IN PACE STEFANVS ARCHIATER
QVI VIXIT ANN ³⁾

и

D

POMP
MOD
Q · PASSENNUS
ARCHIAT
BENI
CEMTWV TPOVW
ΔΕΙΤΟΥ ΠΑΡΟΙΜΟ
ΟCOC CYNEYNOC
LIBERTIS · L ⁴⁾

¹⁾ CIL. V, 87. Pola.

²⁾ CIL. V, 8741. Concordia. Fortasse „ite (m)q(ue) q(uod) s(upra) nostrisliceat“ =
liceat iis, qui nos sepelient, sepulcrum aperire. (cf. 8727: ἔξεστι διὰ τῶ γενι). Прим.
изд. CIL.

³⁾ CIL. X, 1381. Nola (Cimitile).

⁴⁾ CIL. X, 2858. Puteoli. Kaihel explevit: Σεμνῶν τρόπῳ[ν Μόδεστα, τόνδε
μάρτυρα] λειτὸν παρ' οἴμο[ν τύμβον εἰσατ' Ἀρχίας], ὁ αὖς σύνευνος. [χαῖρε, φιλάττη
γυνή].

О томъ же говорятъ намъ слѣдующія греческія надписи:

ὧδε · χίτε · φλ
 φασσίνος · γερουσί
 αρχον · ἀρχίατρος
 υἱός · τοῦ · Ἰσας · ἐτῶν ¹⁾

—
 Γ · Σαλοῦῖος Ἀττικιανός
 ἀρχίατρος πόλεως ἀνάθημα
 Θεῶ Ἀσκληπίῳ ²⁾

—
 σωτήρος τῆς πόλεως
 καὶ ἀρχίατρος ³⁾

Чтобы пополнить списокъ извѣстныхъ намъ архіатровъ, упомянемъ еще о нѣкомъ Θεонѣ, про котораго Фотій ⁴⁾ говоритъ: Ἀνεγνώσθη Θεώνος ἀρχιήτρου Ἀλεξανδρέως ἱατρικὸν βιβλίον, ὃ ἐπιγράφει ἄνθρωπον.

Прежде, чѣмъ кончить рѣчь объ архіатрахъ въ городахъ, обратимся еще разъ къ надписи М. Ульпія Спора ⁵⁾, врача Ферентинской общины, который въ ней названъ salagarius. Это необычное названіе муниципальнаго врача въ эпоху Траяна, по видимому, заставляетъ насъ думать, что титулъ архіатра не былъ еще тогда въ ходу. Не есть ли это одно изъ косвенныхъ доказательствъ того нашего предположенія, что слово „архіатръ“ вошло во всеобщее употребленіе лишь послѣ извѣстнаго указа Антонина Пія, именно при Діоклетіанѣ?

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о народныхъ архіатрахъ столицы. На первый взглядъ кажется страннымъ говорить о нихъ отдѣльно, потому что, по видимому, ни въ положеніи, ни въ обязанностяхъ у нихъ не было отличія отъ провинціальныхъ. Но если присмотрѣться къ нимъ поближе, то оказывается, что какъ время и обстоятельства установленія этихъ двухъ коллегій, такъ отчасти самъ характеръ ихъ, совершенно различны.

¹⁾ CIL. IX, 6213. Venusia. Изд. CIL. замѣчаютъ — „arch. Iudaeus“, очевидно, имѣя въ виду восточную подпись, которую оканчивается эта надпись.

²⁾ CIG. I, 5877. Aesulanum Hirpinorum, hodie Eclano, in basi marmoreo. Это—не надгробная надпись, какъ большая часть разбираемыхъ нами, но—посвятительная богу врачей.

³⁾ CIG. I, 1407. Sparta.

⁴⁾ Myriobiblon, CCXX, p. 563.

⁵⁾ CIL. XI, 3007.

Прежде всего надо замѣтить, что въ Римѣ officialная городская медицина получила свое начало значительно позднѣе, чѣмъ въ провинціяхъ. Въ послѣднихъ, какъ мы видѣли выше, въ особенности въ странахъ еленизированныхъ, обычай учрежденія городскихъ врачей появился рано, и Римское государство, въ лицѣ Антонина Пія, только регулировало ихъ отправленія съ политическими и фискальными цѣлями. Въ Римѣ же не вполнѣ разсѣянные предрасудки противъ медиковъ долго производили то, что никому въ голову не приходило officialно пользоваться ихъ услугами. На ряду съ этимъ, установленіе муниципальных врачей шло отъ самихъ городовъ, тогда какъ инициатива учрежденія столичныхъ врачей всецѣло принадлежала императору, находившемуся въ этомъ случаѣ подъ сильнымъ вліяніемъ городского префекта. Поэтому, въ то время, какъ муниципальные врачи находились въ распоряженіи только городского совѣта отъ котораго и получали жалованье, такъ что центральная администрація въ ихъ отношенія не вмѣшивалась, столичные общественные врачи стояли въ непосредственной зависимости отъ городского префекта, и слѣдовательно, отъ императора, представителемъ котораго былъ префектъ. Наконецъ, обученіе медицинѣ лежало на обязанности муниципальных архіатровъ, въ Римѣ же задолго до установленія народныхъ архіатровъ существовало это обученіе, сначала, какъ увидимъ ниже, — частное и независимое отъ правительства, позднѣе — оформленное послѣдовательнымъ рядомъ указовъ Веспасіана, Адриана и Александра Севера.

Учрежденіемъ городскихъ врачей Римъ обязанъ своему префекту Претекстату; на его имя, дѣйствительно, данъ указъ, предписывающій установленіе народныхъ архіатровъ въ Римѣ. Этотъ любопытный актъ, озаглавленный: *De archiatriis popularibus urbis Romae, eorum numero, commodis, mercedibus, subrogatione* ¹⁾, изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Exceptis Porticus Xysti virginumque vestalium, quot regiones urbis sunt, totidem constituentur archiatri. Qui scientes annonaria sibi commoda a populi commodis honeste obsequi tenuioribus malint, quam turpiter servire divitibus. Quos etiam ea patimur accipere, quae sani offerunt pro obsequiis, non ea, quae periclitantes pro salute promittunt. Quod si huic archiattrorum numero aliquem aut condicio fatalis, aut aliqua fortuna decerpserit, in eius locum non patrocinio praepotentium, non gratia iudicantis alius subrogetur, sed horum*

¹⁾ Cod. Theod., XIII, 3, 8.

omnium fideli circumspectoque dilectu, qui et ipsorum consortio et archiatriae ipsius dignitate et nostro iudicio dignus habeatur. De cuius nomine referri ad nos protinus oportebit. Актъ этотъ появился въ 368 г., то-есть, за очень незначительное количество времени до учрежденія первыхъ госпиталей въ Римѣ (380—381 гг.). Можно почти безошибочно утверждать, что это—первый документъ, исходящій отъ императора, который официально предписываетъ властямъ позаботиться о немущихъ больныхъ Рима. На него надо смотрѣть, какъ на дѣтище христіанскихъ идей ¹⁾, получавшихъ все больше и больше право гражданства въ римскомъ обществѣ. При чемъ, хотя виновникъ его, Претекстатъ, и не былъ христіаниномъ, но это былъ превосходный, честный и дальновидный администраторъ, который для блага вѣрренныхъ его попеченію гражданъ готовъ былъ заводить всякіе порядки—и языческіе, и христіанскіе, лишь бы они были полезны и достигали цѣли ²⁾.

Вакансіи въ коллегіи архіатровъ могли появляться благодаря нѣсколькимъ причинамъ. Прежде всего, естественнымъ путемъ смерти („conditio fatalis“ указа), затѣмъ, вслѣдствіе удаленія, изгнанія или болѣзни, препятствующей отправленію обязанностей („aliqua causa“). Способъ замѣщенія вакансій переданъ намъ въ указѣ довольно обстоятельно: при избраніи новаго члена архіатріи исключалось какое бы то ни было вліяніе сильныхъ людей—единственною сновой выборовъ должно было служить безпристрастное и обдуманное сужденіе о кандидатѣ со стороны остальныхъ 13 членовъ архіатріи, чтобы выборы дали человѣка достойнаго и голосовъ своихъ товарищей, и санкціи самого императора.

Изложенный способъ замѣщенія вакансій оказался, по видимому, скоро непрактичнымъ, и уже черезъ 2 года мы встрѣчаемся съ новымъ указомъ того же императора о томъ же предметѣ. Указъ этотъ данъ Олибрію, преемнику Претекстата по префектурѣ, и относится

¹⁾ Исторія первыхъ вѣковъ христіанства полна разказами о подобнаго рода учрежденіяхъ, которыя основывались при церквяхъ по иниціативѣ духовныхъ лицъ.

²⁾ Ammian. Marcell. XXVII, 9: Haec inter, Praetextatus praefecturam urbis sublimius curans, per integritatis multiplices actus et probitatis, quibus ab adolescentiae rudimentis inclaruit, adeptus est, quod raro contingit, ut, cum timeretur, amorem non perderet civium. Св. Іеронимъ въ своей Liber ad Pammachium contra Iohannemъ передаетъ, что Претекстатъ не разъ высказывалъ желаніе сдѣлаться христіаниномъ, но въ томъ только случаѣ, еслибы его назначили епископомъ.

къ 370 г. ¹⁾). Онъ ясно показываетъ намъ процессъ, посредствомъ котораго пополнялась коллегія народныхъ архіатровъ, и то, что члены этой коллегіи не были равны ни правами, ни достоинствомъ, ни жалованьемъ. Вѣроятно, для поддержанія правъ cadaго изъ нихъ и былъ изданъ этотъ второй указъ. Онъ устанавливаетъ принципъ необходимости большинства 7 голосовъ противъ 6 при выборахъ новаго архіатра на мѣсто выбывшаго. Новый членъ долженъ былъ занимать въ коллегіи послѣднее мѣсто; жалованье архіатровъ было неодинаково—цифра его, вѣроятно, стояла въ зависимости отъ мѣста, занимаемаго архіатромъ въ коллегіи, а, можетъ быть, и отъ постороннихъ титуловъ и должностей.

Не смотря на ясность и опредѣленность этого указа, онъ былъ вскорѣ послѣ изданія своего нарушенъ, очевидно, благодаря безграничной власти императоровъ, которые притомъ не имѣли физической возможности знать всей массы деталей — въ запутанной и сложной администраціи своей имперіи. Именно, Симмахъ передаетъ намъ ²⁾, что одинъ врачъ патриціанскаго рода, по имени Іоаннъ, избранный въ архіатры на мѣсто нѣкаго Эпиктета, не довольствуясь своимъ законнымъ мѣстомъ (14-мъ), пожелалъ имѣть то мѣсто въ коллегіи, которое занималъ Эпиктетъ, и тѣмъ возбудилъ оживленный протестъ всей коллегіи. При своихъ исканіяхъ онъ опирался на преимущества, которыми пользовалась *militia palatina*, гдѣ онъ служилъ врачомъ, и на согласіе императора, полученное имъ заранѣе. Протестъ не привелъ ни къ чему, такъ какъ ему противопоставлены были слова, подобныя слѣдующимъ: *Sacrilegii instar est dubitare, an is dignus sit, quem elegerit imperator* ³⁾.

Положеніе народныхъ архіатровъ столицы было очень завидно: не говоря уже о свободѣ отъ податей и повинностей, кромѣ жалованья, они имѣли богатую практику, которая являлась слѣдствіемъ ихъ виднаго officialнаго положенія.

¹⁾ Cod. Theod. XIII, 3, 9: Si quis in archiatri defuncti locum est pro motionis meritis aggregandus, non ante eorum particeps fiat, quam primis, qui in ordine reperientur septem vel eo amplius iudicantibus idoneus approbetur. Ita tamen ut quicumque fuerit admissus, non ad priorum numerum statim veniat, sed eum ordinem consequatur, qui, ceteris ad priora subvectis, ultimus poterit inveniri. Hisque annonarum compendia, quae eorum sunt meritis dignitatisque praestanda, tua sinceritas iuxta dispositionem prius habitam faciat ministrari. Cf. Cod. Iust., X, 53, 10.

²⁾ Symm. Epist. X, 40.

³⁾ Cod. Iust., IX, 29, 2.

Эпиграфическихъ данныхъ объ архіатрахъ города Рима мы почти вовсе не имѣемъ, по всему вѣроятію, вслѣдствіе позднаго учрежденія этой коллегіи. Можетъ быть, о нихъ говорить слѣдующія надписи:

LOCVS TIMOTHEI ARCIATRI
ET PAVLINAE ¹⁾.

ARATVS. ARCIATER FILIVS. HAERACLI.
<VI. MENS. ||||. DIS XVI
BASILI. VC. CONS ²⁾

arCHIATER S
ET PINAN ³⁾
ARCHIATER
KAL · SEPTEMB ⁴⁾

и

Гробницы этихъ всѣхъ архіатровъ найдены въ Римѣ. Возможно, что и жили, и служили, и умерли они въ Римѣ.

3. Ученое общество архіатровъ въ Римѣ.

Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, мы можемъ безошибочно утверждать, что въ Римѣ не было общественнаго медицинскаго обученія вплоть до диктатуры Цезаря, то-есть, за все то время, когда медицинская профессія находилась въ рукахъ рабовъ, отпущенниковъ и иностранцевъ (исключительно почти выходцевъ изъ греческихъ странъ). Но обнародованіе указа, дававшего право гражданства всѣмъ свободнымъ людямъ, которые практиковали или собирались только практиковать въ Римѣ, сразу измѣнило этотъ порядокъ вещей; произведши громадный наплывъ медицинскихъ знаменитостей въ Римъ, указъ этотъ ⁵⁾ сдѣлалъ изученіе и обученіе ⁶⁾ медицины обычнымъ явленіемъ и источникомъ извѣстности и выгодъ для большинства врачей. Объ этомъ мы въ правѣ заключать изъ всего,

¹⁾ CIL. VI, 9562. Romae.

²⁾ CIL. VI, 9563. Romae.

³⁾ CIL. VI, 9564. Ibid.

⁴⁾ CIL. VI, 9565. Ibid.

⁵⁾ Suet. Cal. 42.

⁶⁾ Римскіе нравы не позволяютъ дѣлать строгаго различія между „изученіемъ“ и „обученіемъ“. И то, и другое шло неразрывно рука объ руку на основаніи разумнаго правила docendo discimus.

что передано намъ писателями конца республики и начала имперіи, касавшимися исторіи медицины. Дѣйствительно, говоря о какомъ-нибудь знаменитомъ врачѣ, они обязательно указываютъ, чей онъ былъ ученикъ. Такъ, мы знаемъ, что Гемизонъ изъ Лаодикеи, основатель секты методистовъ, былъ вмѣстѣ съ Антоніемъ Музой, врачомъ Августа, ученикомъ Асклепіада, друга Циперона и Помпея¹⁾.

Первоначально, по видимому, обученіе медицинѣ было исключительно практическимъ и клиническимъ, то-есть, учитель водилъ съ собою учениковъ къ постели больного и тутъ училъ ихъ распознавать и лѣчить болѣзни²⁾. Недостаточность и неполнота этого метода скоро должны были дать себя почувствовать, и тогда образовались общества и коллегии, гдѣ врачи сходились, толковали о всѣхъ научныхъ вопросахъ, направляли науку на новыя и болѣе плодотворныя пути, обмѣнивались другъ съ другомъ знаніями, приобретенными изъ книгъ и путешествій и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, распространяли эти знанія въ массѣ; однимъ словомъ, въ Римѣ старались вводить то же самое, что давнымъ давно практиковалось въ разныхъ греческихъ школахъ, къ ученикамъ которыхъ принадлежало громадное большинство римскихъ врачей³⁾. Изъ первыхъ главъ Цельза и изъ 29-й книги Плинія мы можемъ почерпнуть много любопытныхъ подробностей, служащихъ къ характеристикѣ этого научнаго движенія.

Но не слѣдуетъ забывать того, что это подражаніе греческимъ школамъ было всегда какъ-то несовершенно и до извѣстной степени бесплодно. Причина этого лежитъ прежде всего въ тѣхъ мотивахъ, которые вызвали буквальное наводненіе Рима врачами въ эпоху первыхъ императоровъ. Дѣйствительно, за чѣмъ шли въ Римъ эти врачи? За тѣмъ, чего не было въ ихъ родныхъ порабощенныхъ и обнищавшихъ странахъ—за почестями и богатствомъ, а это весьма плохой стимулъ къ занатію наукой, такъ какъ работа для работы несравненно болѣе содѣйствуетъ прогрессу знанія, чѣмъ та, конечною цѣлью которой является нажива. Съ другой стороны, римскому генію не давались искусства, которыя издавна составляли неотъемлемый удѣлъ грековъ. Хотя Плиній и ставитъ это на счетъ римской *gravitas*, но истина, думается намъ, на сторонѣ Вергилія, который отрицаетъ

¹⁾ Ср. *Häser*, op. cit. 413 слл.

²⁾ Martial. V, 9: *Languebam, sed tu comitatus protinus ad me Venisti centum, Symmache, discipulis.*

Centum me tetigere manus. Ср. Plin. N. H. XXIX, 5.

³⁾ Ср. *Häser*, *ibid.*

въ римлянахъ вкусъ и талантъ къ какому бы то ни было искусству ¹⁾. Все это объясняетъ намъ, почему и медицинское искусство въ Римѣ никогда не могло достигъ того совершенства и плодотворности, которыхъ оно достигало въ греческихъ странахъ. Несомнѣнно одно, что обученіе медицинѣ существовало тамъ до Августа и что первая школа имѣла основателемъ Асклепіада; въ этой-то школѣ возникло ученіе методистовъ, которое долго имѣло преобладающее значеніе въ медицинѣ, не смотря на ярыя нападки Галена. Вскорѣ школы страшно размножились и различныя медицинскія секты стали приобрѣтать болѣе и болѣе адептовъ при содѣйствіи врачебныхъ обществъ. Тогда-то имѣли мѣсто знаменитыя собесѣдованія о пневматизмѣ, эмпиризмѣ и догматизмѣ, оживленную картину которыхъ оставилъ намъ Цельзъ (Cels. init.).

Понятно, что первоначально мѣста для засѣданій и ученыхъ преній врачей были тѣ же, гдѣ учили греческой и римской словесности, то-есть, храмъ Мира, гимназін, Палатинская библіотека и портики. Но скорѣ медицина завоевала на столько самостоятельное мѣсто, что почувствовалась необходимость въ особомъ зданіи для научныхъ собраній врачей. Такое зданіе было, дѣйствительно, воздвигнуто на Эсквилинѣ и получило названіе *Schola medicorum*. Многие писатели XVI в. говорятъ объ этомъ зданіи съ такою увѣренностью, какъ будто бы они еще имѣли передъ глазами его развалины и удивлялись его картинамъ и мраморамъ ²⁾. Одинъ такой мраморъ, изображающій амазонку, находится до сихъ поръ въ Ватиканѣ (музей Pio Clementino, № 265) съ надписью—*Translata de Schola medicorum*. Нибби въ своемъ *Descrizione della villa Albani* упоминаетъ о статуѣ Юноны *sopra una base fregiata di un antico mosaico, ov'è espressa una Scuola di Medici* ³⁾. Вспомнимъ, кромѣ того, что многіе императоры строили *auditoria* для литературныхъ и медицинскихъ бесѣдъ ⁴⁾.

Относительно времени построенія *Schola medicorum* опредѣленнаго сказать мы ничего не можемъ. Но стоитъ только припомнить, какими

¹⁾ *Solam hanc artium graecarum nondum exercet romana gravitas in tanto fructu; paucissimi Quiritium attigere et ipsi statim ad graecos perfugae; immo vero auctoritas aliter, quam graece eam tractantibus, etiam apud imperitos expertesque linguae, non est.* Plin. N. H. XXIX, 8. Cp. Verg. Aen. VI, 848.

²⁾ См. *Häser*, op. cit. 396 слл.

³⁾ Если эта *Scuola* была не та, которую мы знаемъ на Эсквилинѣ, то мы здѣсь имѣемъ указаніе еще на другую какую-то школу.

⁴⁾ Suet. Tiber. 11. Lamprid. Alex. Sever. 44. Galen. De libris propriis, 2.

высокими симпатіями Августа пользовался врачъ Ант. Муза и какія выгоды извлекалъ онъ изъ этихъ симпатій для себя и для своихъ собратій, и мы будемъ въ состояніи съ громадною вѣроятностью предположить, что устройство Scholae medicorum должно быть отнесено къ концу царствованія Августа или къ началу царствованія Тиберія. Есть впрочемъ одинъ документъ, который превращаетъ эту вѣроятность въ увѣренность. Это—надгробная надпись, найденная въ Римѣ, какъ о томъ говоритъ первый издатель ея *Mercuriali* ¹⁾.

M·LIVIO CELSO TABVLARIO
SCHOLAE MEDICORVM
M·LIVIVS EVTYCHVS
ARCHIATROS OLL·D II
IN FR·PED·III

Надпись эта раскрываетъ передъ нами тотъ фактъ, что въ указанную выше эпоху (оба помянутыя въ ней лица—отпущенники Ливіи) въ Римѣ существовало уже вполне организованное общество врачей-архиастровъ съ предсѣдателемъ во главѣ и съ секретаремъ ²⁾.

¹⁾ См. *H. Mercuriali*, *Ars gymnastica*, I, 7 и *Variae Lectiones* IV, 1: Qua similiter ratione Livium Eutychem archiatrum vocatum, credo, in hac inscriptione, quae olim in tabellula quadam una cum multis aliis vetustate paene consumptis Romae ad D. Sebastianum reperta est.

²⁾ Большая часть эпиграмистовъ стоятъ за полную достоверность этой надписи (ср. *Orelli*, № 4226, *Gruter*, № 632, 4), но *Maffei* въ своей *Agg Critica lapidaria* (III 4,356) впервые высказалъ сомнѣніе въ ея подлинности въ такихъ выраженіяхъ: nomen Celsi, schola medicorum et ollae cum stasis illis: in fronte pedes quattuor, cum quibus coniungi non solent, in aliquam dubitationem adducunt. *Wilmanns*, воспроизведя эту надпись въ *Exempla inscript. Latin.*, № 2494, также спрашиваетъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ *Maffei*: Num genuina? Первое изъ трехъ возраженій *Maffei* сводится къ тому, что авторъ надписи воспользовался именемъ великаго врача Цельза, чтобы имъ подкупить читателей въ пользу признанія истинности этой надписи. Но, ужъ не говоря о томъ, что имя Цельза было именемъ весьма обычнымъ и распространеннымъ, еальсенокаторъ, думается намъ, скорѣе называлъ бы имъ самого архиавра-врача, а не архивариуса или секретаря, обязанности котораго имѣли очень отдаленное отношеніе къ медицинѣ. Далѣе, *Maffei* кажется почему-то страннымъ упоминаніе Scholae medicorum. Но существованіе Scholae несомнѣнно (см. нашъ текстъ); что же удивительнаго въ томъ, что два отпущенника одного патрона, имѣющіе различныя обязанности въ одномъ учрежденіи, упоминаются на одной надписи, при чемъ оставшіеся въ живыхъ даютъ умершему послѣднія доказательства своей дружбы? Последнее возраженіе *Maffei* кажется на первый взглядъ наиболее существеннымъ. Дѣйствительно, въ подлинныхъ надписяхъ рѣдко можно встрѣтить примѣры посвященія погреб-

Справедливость этого свидѣтельства еще подтверждается вполне достоверною надписью, найденною также въ Римѣ ¹⁾:

D · T · AVRELIVS · M
TELESPHORVS SCRIBA
MEDICORVM

Ясно, что здѣсь говорится о коллегіи, объ обществѣ врачей, секретаремъ котораго былъ нашъ Телесфоръ, потому что названіе *scriba* никогда не примѣняется къ секретарю отдѣльнаго лица, а лишь къ секретарю лица юридическаго ²⁾. Ни о какой другой коллегіи врачей не можетъ быть рѣчи, кромѣ *Schola medicorum*, такъ какъ коллегія народныхъ архіатровъ учреждена была значительно позднѣе. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что *Schola* имѣла письмоводителей для составленія и сбереженія бумагъ и что они брались

бальныхъ урнъ, съ обозначеніемъ размѣровъ. Но какъ ни рѣдки подобныя примѣры, все же ихъ можно найти нѣсколько, хотя бы въ сборникѣ самого *Wilmanus'a* (№№ 316, 317, 322, 326, 327). Кромѣ того, обыкновенно урны назначались для праха кліентовъ, отпущенниковъ и рабовъ фамилій или корпорацій въ общей ихъ усыпальницѣ, въ *колумбаріи*, и такъ какъ эти усыпальницы были раздѣлены на большее или меньшее число нишъ *одинаковой* величины, то не было необходимости обозначать размѣры этихъ нишъ на памятникѣ. Въ разбираемой же надписи мы имѣемъ нѣчто совершенно иное. У насъ здѣсь дѣло идетъ о двухъ отпущенникахъ фамиліи *Ливіи*, но склепъ составляетъ собственность одного изъ нихъ *Евтиха* и, въ качествѣ владѣльца его, онъ уступаетъ своему другу и соотпущеннику 2 ниши. Наконецъ, спасеніемъ для нашей надписи служить то, что на ней обозначено одно измѣреніе—ширина. Фальсификаторъ несомнѣнно увлекся бы извѣстнымъ правиломъ римской эпиграфики—обозначать два измѣренія—и ширину, и высоту—и впасть бы такимъ образомъ въ грубую ошибку, послужившую бы ему сильною уликой, такъ какъ высота нишъ обыкновенно была одинакова, каковой бы формы онъ ни были (ср. *Wilmanus*, I, 117: *Singula columbaria partim arcuatae partim quadratae sunt structurae neque eiusdem omnia amplitudinis; longe pleraque enim binas ollas continent, inveniuntur tamen et maiora, quae quaternarium, et arciora, quae singularum tantum capacia sunt*), ширина же весьма разнообразна, смотря по количеству заключававшихся въ нихъ урнъ (ср. *Wilmanus*, II, №№ 2147, 2648). Итакъ, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній мы считаемъ сомнѣнія *Маасен* и *Вильманса* неумѣстными, а надпись—подлинною.

¹⁾ CIL. VI, 9566. Romae, ad portam Capenam, in villa Moroni. Ранѣе надпись эта была издана *Моммзенемъ* въ IRN. № 6847.

²⁾ *Privatorum hominum scribae non erant*. *Forcellini, Lexicon t. I. ad v. „Nunc dicuntur scribae quidam librarii, qui rationes publicas scribunt in tabellis“*. *Festus, ad v.*

изъ вольноотпущенниковъ, какими являются у насъ Телесфоръ и Цельзъ ¹⁾).

Относительно преподаванія въ этой и подобныхъ ей школахъ мы не имѣемъ никакихъ подробностей. Почти навѣрно можно сказать одно, что государство въ данномъ случаѣ ни во что не вмѣшивалось. Даже вопросъ о платѣ профессорамъ не былъ регулированъ до Веспасіана, который, по Светонію, *primus e fisco latinis graecisque rhetoribus annua centena constituit* ²⁾. Хотя Светоній и не говоритъ здѣсь прямо о профессорахъ медицины, но законодательство римское никогда не отдѣляетъ врачей отъ риторовъ и грамматиковъ. Дигесты прямо выражаются въ такомъ смыслѣ: *medicorum quoque eadem causa est, quae professorum* ³⁾. Наслѣдники Веспасіана относились сочувственно къ распространенію знаній. Такъ, Адріанъ *ludum ingeniarum artium, quod Athenaeum vocant, instituit* ⁴⁾. Александръ Северъ *rhetoribus, grammaticis, medicis...salaria instituit et auditoria decrevit*, куда бѣдные свободнаго состоянія могли посылать своихъ дѣтей учиться ⁵⁾.

Мы имѣемъ три надписи, позволяющія признать существованіе врачебныхъ коллегій, слѣдовательно, и обученія медицины, даже въ провинціяхъ не греческихъ:

DIVO
TRAIAN
C · QVINTVS
ABASCANVS
TEST · LEG
MEDICIS · TA/R
CVLTOR

¹⁾ Вспомнимъ еще, что, когда рѣчь идетъ о преподавателяхъ медицины, они обозначаются однимъ словомъ *medici*, или *professores et medici*. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ Римѣ съ эпохи Августа было много аудиторій для лекцій. Такъ, Светоній разказываетъ про Тиберія (*Tiber. 11*), что онъ *circa scholas et auditoria professorum assiduus erat*, а Галенъ (*De libris propriis, 1*) упоминаетъ о просьбахъ, съ которыми не разъ обращались къ нему друзья, — сдѣлать анатомическія демонстраціи *κατά τι τῶν μεγάλων ἀκουστηρίων*.

²⁾ Suet. *Vespas. 18*.

³⁾ Dig. I, 13, 1, 1.

⁴⁾ Aur. Victor, *De Caesaribus, 14*.

⁵⁾ Lamprid. *Alex. Sever. 44*.

ASCLEPI ET
HYGIAE ¹⁾).

Надпись эта, находящаяся въ Туринскомъ университетѣ, говорить о принесеніи нѣкіимъ Абаскантомъ бюста Траяна въ даръ коллегіи врачей Турина.

NVMINIB · AVG
ET · GENIO · COL · HEL
APOLLINI · SACR
Q · POSTVM · HVGINVS
ET · POSTVM · HERMES · LIB
MEDICIS · ET · PROFESSORIBVS
D · S · D ²⁾).

Эта надпись не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній относительно своего значенія, благодаря столь характерному сопоставленію *medici* и *professores*.

M · NASELLIVS · M F · PAL · SABINVS
PRAEF · CON · I · DALMATAR · ET · NASELLIUS · VITALIS
PATER · AVG · II QVIN QPAGANIS · COMMVNIB · PAGI · LVCVL
PORTICVM · CVM · APPARATORIO · ET · COMPITVM · A · SOLO · PECVN
SVA · FECERVNT · ET · IN · PERPETVVM · VI · ID · IVN · DIE · NATALE
SABINI · EPVLANTIB · HIC · PAGANIS · ANNVOS * CXXV · DARI
IVSSERVNT · EA · CONDICIONE · VT · NON · IVN · PAGVM · LVSTRENT
ET · SEQVENTIBVS · DIEBVS · EX · CONSVETVDINE · SVA · CENENT
ITEM · VI · ID · IVN · DIE · NATALE · SABINI · EPVLENTVR · QVOD · SI
FACTVM · NON · ERIT · TVM · HIC · LOCVS · VT · SV · PRA · SCRIPTVM
EST · CVM · ANNVIS * CXXV · IN · PERTVVM · AD · COLLEGIVM · MEDICOR
(sic!)

ET · AD · LIBERTOS · N · PERTINEAT · VTI · I · VI · ID · IVN · DIE · NATALE
SABINI HIC · EPVLENTVR ³⁾).

Не первый разъ встрѣчаемъ мы Беневентъ въ теченіе нашего изложенія—ранѣе мы въ немъ нашли муниципальныхъ архіатровъ, теперь видимъ тамъ коллегію врачей. Можно думать, что этотъ городъ былъ однимъ изъ тѣхъ крупныхъ центровъ Италіи, гдѣ

¹⁾ CIL. V, 6970. Taurinum.

²⁾ *Wilmanns*, Ex. inscr. lat. № 2489. Ср. *Mommsen*, Inscr. Helv. 164. Найдена въ Швейцаріи, въ древнемъ Aventicum.

³⁾ CIL. IX, 1618. Beneventum. Ср. *Mommsen*, IRN. № 1504.

научная медицинская дѣятельность была въ очень цвѣтущемъ состояніи ¹⁾).

Въ чемъ же заключались тѣ общія черты, которыя разсмотрѣннымъ группамъ позволяли давать одинаковое названіе архіатровъ, не смотря на крайнюю разнохарактерность ихъ функцій? Врядъ ли мы будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что это общее—была ихъ прямая зависимость отъ государства, или вообще отъ органовъ управленія. Всѣ архіатры носили официальный характеръ и имѣли обязательныя функціи, то-есть, были чиновники. Но рядомъ съ этимъ, титулъ этотъ не стоялъ въ связи съ какими-либо опредѣленными занятіями, хотя его трудно и отдѣлить отъ тѣхъ обязанностей, которыя поручались его носителямъ. Въ сущности, это было почетное названіе, которымъ чиновники-врачи ставились въ глазахъ народа выше всѣхъ остальныхъ врачей, почему архіатръ, находившійся въ отставкѣ, не лишалъ себя удовольствія напомнить о своей прежней должности, нося названіе эксархіатра.—Единственные официальные врачи, не входившіе въ составъ архіатріи, были врачи военные. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что они занимали въ войскѣ очень скромное положеніе и притомъ всѣ имѣли одинаковый чинъ—унтеръ-офицеровъ.

II.

Врачи, не зависѣвшіе отъ государства.

2. Врачи при циркѣ.

Игры въ циркѣ давались съ глубокой древности въ долинѣ, отдѣляющей Палатинъ отъ Авентина—преданіе помѣщаетъ тамъ празднества Нептуна (Consuales), во время которыхъ произошло похищеніе сабинокъ ²⁾. Самыми популярными изъ этихъ игръ были бѣга колесницъ. Какъ извѣстно, тѣ, которые желали дать игры, должны

¹⁾ Некоторые ученые, въ родѣ Брю, посвящаютъ цѣлыя десятки страницъ изученію какихъ-то „архіатровъ портика Кенста и весталокъ“, но единственный текстъ на которомъ они основываютъ свое изложеніе: *Excerptis porticus Xysti virginumque Vestalium, quot regiones urbis sunt, totidem constituentur archiatri* (Cod. Theod. XIII, 3, 8) прямо показываетъ, что архіатры не были тогда даны ни Кенсту, ни весталкамъ. Ср. *Marquardt*, VII, 778, съ 3 прим.

²⁾ Т. Liv. I, 9. Val. Max. II, 4, 4.

были войдти въ сношенія съ начальниками *factionum* ¹⁾). Последніе обязывались доставить весь нужный для игръ персоналъ, который состоялъ не только изъ лицъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ ристалищамъ, въ родѣ кучеровъ, конюховъ и т. п., но, какъ увидимъ ниже, и изъ разнаго рода ремесленниковъ ²⁾). При разнообразіи и обиліи персонала *factionum*, понятно, онѣ не могли обойтись безъ особаго врача, на обязанности котораго лежало поддерживать среди членовъ этихъ *factionum* общую гигиену и лѣчить заболѣвшихъ, чтобы возможно скорѣе сдѣлать ихъ способными къ труду. Присутствіе врача было, кромѣ того, необходимо при упражненіяхъ и во время самыхъ спектаклей, которые, естественно, подавали поводъ къ болѣе или менѣе печальнымъ инцидентамъ. Удивительно, что древніе авторы, передающіе намъ многочисленныя подробности о конныхъ ристалищахъ Рима, старательно отмѣчающіе, какія *factiones* и по какой причинѣ пользовались въ то или другое время наибольшимъ расположеніемъ публики, вовсе умалчиваютъ о врачахъ при нихъ; литературные памятники относятся къ этимъ врачамъ съ тѣмъ же безразличіемъ, какъ и ко врачамъ военнымъ, поэтому мы прямо должны обратиться къ надписямъ ³⁾):

M · VIPSANIO · FELICI · AGITATORI
M · VIPSANIO · MAIORI · SVTORI
M · VIPSANIO · SEIVLENO · SARCIN
M · VIPSANIO · PRIMIGEN · MARGARIT
VIPSANIA · III · FLORA · OLL · D · D
M · VIPSANIO · FVLLONI · TENTORI
M · VIPSANIO · EROTI AVRIGATORI

¹⁾ Suet. Nero. 22.

²⁾ Ср. *Friedländer*, Darstell... VI.

³⁾ Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться ясными и подробными данными одной очень любопытной надписи, въ виду весьма подозрительнаго ея происхожденія. Ее даетъ намъ Gruter, въ *Inscriptiones antiquae totius orbis Romanae*, 339, 1:

D M
M · ANTONIO · M · F · ANIENSI
MATRINIO · EVOK AVG
VIX ANN · XXXIIX · M · VIII
M ANTONIVS · M · F · ANIEN
PRIMIGENIVS
MEDICVS · FACT · RVSSAT
FRATRI · SANCTISS · FEC

M · VIPSANIO · MIGIONI · VIATORI
M · VIPSANIO · QVARTIN · SVCCONDITORI
M · VIPSANIVS · RVFINVS · MEDICVS · FACT
VENETA · OLL · III · D · D ¹⁾.

Эти двѣ надписи, хранящіяся въ Неаполитанскомъ музеѣ, даютъ намъ девять названій служащихъ при factio Veneta цирка. Врачъ, стоящій послѣднимъ, по видимому, былъ на ряду съ остальными отпущенникомъ одного и того же патрона.

Третья надпись исходитъ отъ погребальной коллегин, владѣвшей тѣмъ колумбаріемъ, гдѣ были помѣщены погребальныя урны членовъ familiae quadrigariae вѣскою T. Atel Capitonis ²⁾:

FAMILIAE · QVADRIGARIAE · T · AT · CAPITONIS
PANNI · CHELIDONI · CHRESTO · QVAESTORE
OLLAE · DIVISAE · DECVRIONIBVS · HEIS · Q · IF · S · S
M · VIPSANIO MIGIONI EROTI TENTORI
DOCIMO VILICO M · VIPSANIO FAVSTO
CHRESTO CONDITORI HILARO AVRIG
EPAPHRAE SELLARIO NICANDRO AVRIG
MENANDRO AGITATORI EPIGONO AVRIG
APOLLONIO AGITATORI ALEXANDRO AVRIG
CERDONI AGITATORI NICEPHORO SPARTOR
LICCAEO AGITATORI ALEXIONI MORATORI
HELLETI SVCCONDITORI VIATORI ³⁾.
P · QVINCTIO PRIMO
HYLLO MEDICO
ANTEROTI TENTORI
ANTIOCHO SVTORI
PARNACI TENTORI
M · VIPSANIO CALAMO
M · VIPSANIO DAREO

¹⁾ IRN. 6906 и 6907.

²⁾ CIL. VI, 10046. Romae, in domo quondam Ioh. Coritli, in foro Traiano.

³⁾ Въ трехъ приведенныхъ надписяхъ встрѣчается 15 названій разныхъ служащихъ въ циркѣ. Большая часть этихъ названій вполне понятна; сомнѣнія могутъ явиться лишь относительно значенія словъ—tentor, succonditor, margaritarius, morator и spartor. Tentor, можетъ быть, запрагалъ и убиралъ лошадей; Succonditor—по Marini (Atti e monum. de' frat. Arv. 215)—помощникъ conditoris, а conditor—директоръ, начальникъ factionis; margaritarius—завѣдывалъ драгоценностями, которыми украшались лошади и кучера; morator, вѣроятно, держалъ

Всѣ члены фамиліи выписаны здѣсь съ тѣми титулами, которые они носили при жизни, сначала—патронъ, затѣмъ—квесторъ и въ концѣ концовъ—25 декуріоновъ ¹⁾. Въ этомъ списокѣ мы имѣемъ пять лицъ—четырехъ Виписиніевъ и одного Квиннеція, должности которыхъ въ надписи не указано, но которые за то обозначены всѣми тремя именами. Это послѣднее обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что эти пятеро были отпущенники, тогда какъ остальные всѣ—рабы. Врачъ Гиллъ находится въ числѣ рабовъ ²⁾; изъ этого мы можемъ заключить, что онъ былъ—*medicus domesticus*, то-есть, пользовался своими знаніями и опытною для лѣченія только той фамиліи, къ которой самъ принадлежалъ. Мы видимъ здѣсь только одного врача, но, по всему вѣроятію, одного врача на такую большую трупку было недостаточно, въ особенности, если припомнить, что медицинская профессія разбита была въ то время на массу спеціальностей. Возможно также, что при *factiones* цирка состояли и свободные врачи, положеніе которыхъ могло быть очень завиднымъ и выгоднымъ: врачъ, выльчившій какого-нибудь знаменитаго возницу, имя котораго было у всѣхъ на устахъ, могъ разчитывать на широкую извѣстность и большую практику.

Для рѣшенія вопроса о времени, въ которому относится наша надпись, мы должны, конечно, узнать, кто былъ Ат. Капитонъ. Тацитъ называетъ намъ трехъ представителей этой фамиліи: 1) центуріона въ эпоху Суллы, 2) претора, сына перваго, 3) знаменитаго юриста, придворнаго Августа, консула 758 года, сына втораго ³⁾. Виписанін, встрѣчающіеся въ надписи, по всему вѣроятію, были отпущенниками Агриппы. Всѣ эти данныя заставляютъ насъ отнести надпись къ концу царствованія Августа, какъ это и дѣлаетъ Моимзенъ въ СII.

Конюшни всѣхъ четырехъ *factiones* цирка были построены выѣстъ

лошадей, чтобы онѣ не трогадись раньше сигнала; *spartior* — посыпалъ арену пескомъ. Данныя объясненія этихъ словъ—болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

¹⁾ Послѣдняя цифра даетъ намъ приблизительное представленіе о числѣ лицъ, входившихъ въ составъ *familiae* Капитона. Мы говоримъ „приблизительное“ потому, что въ вѣдѣніи декуріона было не ровно 10 членовъ, а болѣе или менѣе, еще и потому, что, можетъ быть, нѣсколько именъ декуріоновъ начекало съ надписи.

²⁾ Что же касается до врача второй надписи, то его, какъ отпущенника, мы не имѣемъ права отнести къ разряду *medici domestici*.

³⁾ Tac. Ann. III, 75. Cp. Suet. Di illustr. gramm. 10 и 22.

въ девятomъ регионѣ, близъ цирка Фламинія ¹⁾). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что для лѣченія ихъ служебнаго персонала при нихъ состоялъ особый врачъ, тѣмъ болѣе, что Муратори въ своемъ *Novus thesaurus veter. inscr.*, 622, 4 приводитъ эпиграфическое свидѣтельство о *medicus quattuor factionum circensium*.

2. Врачи гладіаторовъ.

Бои гладіаторовъ, впервые появившись передъ римлянами въ 490 г., въ годъ консульства А. Клавдія и М. Фульвія ²⁾), скорѣ снискали себѣ такое расположеніе народа, что въ послѣднее время республики и при имперіи образовалась масса гладіаторскихъ трупъ для удовлетворенія все возрастающей въ нихъ потребности. Гладіаторы набирались изъ преступниковъ, изъ военнопленныхъ; въ гладіаторы шли и добровольцы ³⁾). Но каковъ бы ни былъ источникъ, откуда они набирались, имъ предстояло до появленія на аренѣ дрессироваться и упражняться подъ руководствомъ *lanistae* ⁴⁾ въ такъ-называемыхъ *ludi gladiatorii* ⁵⁾). Одни изъ этихъ школъ принадлежали государству, другія—частнымъ лицамъ и предпринимателямъ. Онѣ, обыкновенно, представляли изъ себя громадныя зданія, населеніе которыхъ было очень многочисленно ⁶⁾). При многолюдствѣ, раненыхъ и больныхъ бывало въ нихъ всегда очень много, почему врачъ былъ необходимъ; нуженъ онъ былъ также и для того, чтобы руководить тою гигиеной и діетой, которая введена была въ этихъ школахъ для укрѣпленія и

¹⁾ P. Victor et S. Rufus, De regionibus urbis Romae. Regio IX: Stabula quattuor factionum.

²⁾ Val. Max. II, 4, 7.

³⁾ Suet. Domitian. 4. Stat. Silvae, I, 6, 53. Tac. Ann. XV, 32. При Домитіанѣ даже женщины поступали въ гладіаторы.

⁴⁾ Cic. in Cat. II, 15.

⁵⁾ Это было тѣмъ болѣе необходимо, что насчитывалось очень много родовъ гладіаторовъ, отличавшихся одинъ отъ другого, между прочимъ, оружіемъ и называвшихся или спеціальными именами—*laqueatores*, *secutores* и др., или именами народовъ, манеръ сраженія которыхъ они подражали, напримѣръ, галлы, еракійцы, самниты.

⁶⁾ Ср. Suet. August. 42. Дисциплина въ этихъ *ludi* была очень строга, даже для лицъ, шедшихъ добровольно въ гладіаторы; будущіе гладіаторы при вступленіи въ эти *ludi* давали страшную клятву, которая обязывала ихъ вплоть отречься отъ своей личности и безусловно подчиняться волѣ *lanistae*. Ср. Petron. Satyr. 117.

развитія мускуловъ гладиаторовъ ¹⁾. Болѣе же всего требовали присутствіе врача самые спектакли, во время которыхъ могли имѣть мѣсто очень печальные случаи, когда приходилось подавать немедленную помощь или раненымъ гладиаторамъ, или даже кому-нибудь изъ публики ²⁾. Извѣстно, что Галену, при его возвращеніи изъ Александрии, было поручено пергамскими жрецами подавать помощь раненымъ гладиаторамъ, но такъ какъ онъ не былъ врачомъ гладиаторской школы, то понятно, ему жрецами было предписано присутствовать при спектакляхъ ³⁾.

Мы имѣемъ двѣ несомнѣнныхъ надписи и одну сомнительную о врачахъ такъ-называемой *ludus matutinus* ⁴⁾. Этимъ именемъ называлась одна изъ четырехъ римскихъ гладиаторскихъ школъ, основанныхъ Домиціаномъ, находившаяся по С. Руфу и П. Виктору во 2-мъ регионѣ, рядомъ съ *ludus Gallicus*. Первая надпись такова:

EVTYCHVS
AVG · LIB
NERONIANVS
MEDICVS · LVDI
MATVTINI · FECIT · SIBI ET
IRENE LIB · CONIVGI
CARISSIMAE
BENE · MERITAE · ET
LIBERTIS · LIBERTABVSQ

¹⁾ Нѣкоторое представленіе объ этой діетѣ дастъ намъ Арріанъ въ своихъ „Разсужденіяхъ Эпиктета“, III, 15: Δεί σε εὐτακτεῖν, ἀναγκοφαγεῖν, ἀπάχεσθαι παρμάτων, γυμνάζεσθαι πρὸς ἀνάγκην, ὡρᾶ τεταγμένη, ἐν χαύματι, ἐν φύχει, μὴ ψυχρὸν πίνειν, μὴ οἶνον ὅτ' ἔτιυχεν ἀπλῶς, ὡς ἱατρῷ παραδεδωμέναί σεαυτὸν τῷ ἱππιδάτῃ. Ср. Tac. Hist. II, 88 и Galen. Ad Thrasymbulum liber, utrum medicinae an gymnasticae sit hygieine. 9. О лѣченіи больныхъ и раненыхъ гладиаторовъ ср. Scribon. Largus, Compos. medicament. 71 и 77. Galen. De compos. medic. per gen. III, 2.

²⁾ Ср. у Ios. Flav. XIX, 1 разсказъ о смерти Калигулы и послѣдующихъ событіяхъ.

³⁾ Galen. Ibid. III, 2.

⁴⁾ *Eudus matutinus* собственно назывался утренній бой—однихъ завтраи изъ завтраи съ людьми (*venatores*), тогда какъ въ бояхъ послѣ полудня участвовали исключительно люди. Ср. Sen. Epist. 7: mane leonibus et ursis homines, meridie spectatoribus suis obiciuntur. Ср. еще Ovid. Met. XI, 26. Suet. Claud. 34. Mart. Epigr. XIII, 95.

POSTERISQVE
EORVM ¹⁾).

Врачъ нашъ Евтихъ былъ, вѣроятно, отпущенникомъ одного изъ Флавіевъ, а ранѣе того—рабомъ Нерона.

Вторая надпись ²⁾:

CLAVDIVS · AVG · LIB · AGATOCLES
MED · LVD MAT · FECIT
SIBI · ET · CLAVDIO · LANIS · AVG
ET · PRIMITIVO · CVRATORI
SPOLIAR
ET · THELESPORO · RETIARIO
S · V · T · L

и наконецъ ³⁾:

D · M
TIB · CL · HERACLES · LIB · CL ·
DEMETRIO · MEDICO · L · M
PATRONO · BENE · MEREN,

въ которой третью строку Marini прочелъ—medico ludi matutini.

Можно думать, на основаніи приведенныхъ документовъ, что врачи ludi matutini были не рабы, а отпущенники (или даже вполне свободные, если только позволительно дѣлать какіе-либо выводы изъ послѣдней надписи).

Чтобы исчерпать весь матеріалъ, имѣющій какое-либо отношеніе къ врачамъ амфитеатра, приведемъ еще одну надпись ⁴⁾.

D · M
P · AELIVS · AGATHEMER
AVG · LIB · MEDICVS · RATIO

¹⁾ CIL. VI, 10172. Romae, ad hospitium Ursi, in domo privata, in arula marmorea. Почти одинаковую надпись, въ нѣсколько иномъ видѣ, имѣемъ мы въ CIL. VI, 10173.

²⁾ CIL. II, 10171. Romae, extra portam Nomentanam, in praedio O. Badoni. Spoliarium, curator котораго здѣсь упоминается, находился близъ арены; тамъ лежали живые не добытые гладиаторы. Ср. Sen. Ep. 93: Numquid aliquem tam stulte cupidum esse vitae putas, ut iugulari in spoliario, quam in arena malit. Ср. еще Lamprid. Commod. 18.

³⁾ CIL. VI, 9572. Romae.

⁴⁾ CIL. VI, 10085. Romae.

NIS · SVMMI · CHORAGI
FECIT · SIBI · ET · AELIAE · IORTE
CONIVGI · BENE · MERENTI · ET
LIBERTIS · LIBERTABVSQVE · SVIS
POSTERISQVE · EORVM

Какія особенности, по сравненію съ простымъ *choragium* имѣлъ этотъ *summi choragium*, врачъ котораго Агаемеръ поставилъ себѣ, какъ мы видимъ, при жизни надгробный памятникъ? Изъ Витрувія ¹⁾ и Феста ²⁾ мы знаемъ, что *choragium* было отдѣльное помѣщеніе въ театрахъ за сценой, служившее и уборною артистамъ, и складомъ сценическихъ принадлежностей. Такимъ образомъ, простой *choragium* не имѣлъ самостоятельнаго значенія, а существовалъ только какъ необходимый атрибутъ своего театра. Что же касается до *summi choragium*, то, не смотря на свое подчиненное положеніе по отношенію къ амфитеатру Флавія, онъ имѣлъ, по видимому, вполне обособленное существованіе. Дѣйствительно, помѣщеніе онъ занималъ отдѣльное отъ амфитеатра ³⁾ и имѣлъ, вѣроятно, громаднѣйшій персоналъ служащихъ (*ratio summi choragii*); надписи даютъ ему, кромѣ того, цѣлый рядъ подвѣдомственныхъ другъ другу начальниковъ (*procurator, contrascriptor, adiutor procuratoris, tabularius* и др.), а СП. VI, 10085 говоритъ о специальномъ врачѣ его, отпущенникѣ Адріана.

3. Врачи императорскихъ придворныхъ и рабовъ.

Непосредственно послѣ установленія имперіи придворный штатъ главы государства принялъ значительные размѣры и былъ вполне правильно организованъ. Онъ составилъ изъ большаго количества рабовъ и отпущенниковъ обоюго пола, которые должны были удовлетворять все болѣе и болѣе расширявшимся потребностямъ императора и его семьи. Самъ императоръ съ семьей имѣлъ своихъ особыхъ врачей, о которыхъ мы сказали выше; выборъ ихъ зависѣлъ отъ главы государства, который принималъ во вниманіе ихъ таланты и извѣстность.

Теперь мы обратимъ вниманіе на тѣхъ врачей, на обязанности которыхъ лежало лѣчить всю массу придворныхъ. Точно опредѣлить

¹⁾ Vitruv. Architect. V, 9.

²⁾ Fest. a. v.

³⁾ Хотя и близко отъ него. Ср. P. Victor et S. Rufus, Tertia regio.

число этихъ врачей даже пропорціонально мы не въ состояніи; можно лишь съ вѣроятностію предполагать, что медицинская служба эта была очень широко организована и представляла собою вполнѣ развитую администрацію.

Счастливая находка колумбарія ¹⁾ съ нѣсколькими сотнями именъ рабовъ и отпущенниковъ дома Ливіи, жены Августа, даетъ намъ возможность намѣтить главныя черты этой администраціи. Въ этомъ колумбаріи мы встрѣчаемъ напримѣръ, такую надпись ²⁾:

ELEVETHERIS		M · LIVIVS
LIVIAE · L		LIVIAE · L
		ORESTES · SVpra · MED

Титулъ — *Supra med(icos)*, — очевидно, характеризуетъ главнаго врача, начальника всей той группы врачей, на обязанности которыхъ лежало лѣчить придворныхъ Ливіи. Всякія сомнѣнія относительно значенія этого титула исчезаютъ, если мы познакоимся съ другою, нѣсколько болѣе позднею надписью ³⁾:

D · M.
T · FL · PAEDEROTI
AVG · LIB · ALCIMIANO
SVPERPOSITO · MEDI
CORVM EX · RATIONE
PATRIMONI · LAITONIA
FESTA · CONIVGI · BENE
MERENTI · SIBI · QUE
SVIS · POSTERISQVE
EORVM · FECIT

Надпись эта, очевидно, говоритъ о подобномъ же лицѣ, какъ и предшествующая, только съ болѣею ясностію и съ нѣкоторыми подробностями. Педеротъ былъ, по видимому, отпущенникъ одного изъ Флавіевъ и стоялъ во главѣ врачей, составлявшихъ частную собственность (*ratio patrimonii*) императора.

¹⁾ Первые изданія этого колумбарія: *Gori*, Monumentum sive Columbarium libertorum et servorum Liviae Augustae... (Florentiae, 1727) и *Bianchini*, Camera ed iscrizioni sepolcrali... della casa di Augusto. (Roma, 1727). Ср. *И. В. Помяловский*: Эпиграфическіе этюды. С.-Пб. 1873, стр. 77 и слѣд.

²⁾ CIL. VI, 3982.

³⁾ CIL. VI, 8504. Romae, ad plateam Madamae in angiportu.

При настоящемъ состояніи матеріала трудно рѣшить вопросъ, существовали ли въ этой врачебной іерархіи какія-либо посредствующія звенья между *Supra medicos*, *Superpositi medicorum*, съ одной стороны, и простыми, рядовыми, такъ сказать, врачамъ — съ другой. Единственное, не вполне впрочемъ надежное, основаніе для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣкоторые усматривали въ одной неполной надписи того же колумбарія ¹⁾:

M · LI
BOETH
DEC
MEDICO

Именно, одинъ изъ двухъ первыхъ издателей колумбарія Gori ²⁾ дополняетъ эту надпись такимъ образомъ: M. Li(vius) Boeth(us), dec(urio) medico(rum). Такое чтеніе устанавливаетъ фактъ существованія среди врачей—десятскихъ, декуріоновъ-врачей. Ничего невѣроятнаго въ этомъ нѣтъ, если мы припомнимъ, что представители и другихъ придворныхъ должностей также дѣлились на десятки. Светоній, напримѣръ, говоритъ о нѣкомъ Сатурніи, *decurio cubiculariorum*, принимавшемъ дѣятельное участіе въ убіеніи Домиціана ³⁾. Но возможно ли было дѣлить врачей на декуріи и такимъ образомъ оставлять очень небольшую долю самостоятельности врачу, подвѣдомственному декуріону? Bianchini ⁴⁾, второму издателю Колумбарія, это, должно быть, казалось мало вѣроятнымъ и потому онъ читалъ надпись такъ: M(arco) Li(vio) Boeth(o), dec(urioni), medico. При такомъ чтеніи, Boethus представляется декуріономъ не врачей, но той ассоціаціи, которая построила колумбарій для рабовъ и отпущенниковъ Ливіи; въ этомъ случаѣ врачебная профессія Boethi есть простая случайность, и мы здѣсь имѣемъ тогда одно изъ тѣхъ безчисленныхъ дѣленій на декуріи, которое практиковалось у римлянъ во всякомъ собраніи людей (въ особенности, когда рѣчь шла о рабахъ), и въ которомъ римскій народъ—сторонникъ всякой регламентаціи—видѣлъ залогъ порядка и дисциплины. Нашъ Boethus встрѣчается еще въ другой надписи той же погребальной коллегіи; въ ней онъ не названъ декуріономъ. Объясняется это очень просто тѣмъ, что декуріономъ онъ сталъ между

¹⁾ CIL. VI, 3984.

²⁾ Gori, Monum... № 75. Ср. № 74.

³⁾ Suet. Domitian. 17.

⁴⁾ Bianchini, Camera.... № 106. Ср. № 164.

временемъ написанія второй надписи и первой (первая, какъ эпитафія Boethi, вырѣзана была позднѣе второй—эпитафіи одного изъ товарищей Boethi отъ имени послѣдняго). Вотъ эта вторая надпись ¹⁾:

M · LIVIVS IOLE · L
BOETHVS SVAE
MEDICVS · DAT
M · LIVIO · SPERATO · ET

Кромѣ того, въ колумбаріи мы встрѣчаемъ имена простыхъ, рядовыхъ врачей (съ обозначеніемъ иногда ихъ спеціальности), напримѣръ ²⁾:

TYRANNVS
LIVIAE servus
MEDICVS

Тираннъ этотъ, вѣроятно, былъ рабомъ и, слѣдовательно, medicus domesticus.

То же можно сказать и о врачахъ, упоминаемыхъ въ дальнѣйшихъ надписяхъ, именно:

HYGINVS · LIVIAE servus
MEDICVS ³⁾

—
CYRVS
LIVIAE · DRVSI · CAES
MEDICVS ⁴⁾

—
EROS
AVGVSTAE
MEDICVS
SPOSIANVS ⁵⁾

—
D. M.
ATIMETO
MEDICO
BASILEVS
ET · PARTHENO
PAEVS

¹⁾ CIL. VI, 3983.

²⁾ CIL. VI, 3985.

³⁾ CIL. VI, 8903.

⁴⁾ CIL. VI, 8899.

⁵⁾ CIL. VI, 8901.

FAVSTINAE
AVG · SERVI
AB · ORNAMEN
TIS. AMICO
BENE MERENTI
FECERVNT ¹⁾).

Въ слѣдующихъ двухъ надписяхъ мы имѣемъ врачей съ указа-
ніемъ ихъ специальности—хирургии. Хирургія, какъ извѣстно, была у
древнихъ специальностью рѣзко обособленною, расчленявшеюся въ
свою очередь на болѣе мелкіе отдѣлы.

CHRESTE · CONSERVAE
ET · CONIVGI · CELADVS · ANTON
DRVSI · MEDICVS · CHIRVRG
B · MERENTI · FECIT
VIXIT · ANNOS XVII ²⁾.
VLVS · L
auG · L · HILARVS
mediC · CHIRVRG ³⁾).

О другой специальности придворныхъ врачей говорятъ намъ двѣ
надписи:

MEDIC · OCVLARIVS ⁴⁾
ILLYRIVS
TI · CAESARIS
AVG · SER · CELADIANVS
MEDICVS · OCVLARIVS
PIUS · PARENTVM · SVORVM
VIXIT · ANNOS · XXX
HIC · SITVS · EST · IN · PERPETuum ⁵⁾).

Одна надпись указываетъ намъ на женщину-врача:

SECVNDA
LIVILLAE S(erva)
MEDICA ⁶⁾).

¹⁾ CIL. VI, 8896.

²⁾ CIL. VI, 4350. Romae.

³⁾ CIL. VI, 3986. Romae.

⁴⁾ CIL. VI, 3987.

⁵⁾ CIL. VI, 8909. Romae, in vinea Caesarini.

⁶⁾ CIL. VI, 8711.

Секунда эта была рабой Ливиллы (Ливин), жены Друза.

По всему вѣроятію, при домахъ императоровъ были больницы (valetudinaria), куда впалясь больные придворные.

Онаѣ помянуты въ слѣдующихъ надписяхъ:

HELPIŦ · LIVIAE
AD VALETVDINAR ¹⁾.
PHILARGVRVS
LIVIAE AD VALETVD ²⁾.

Въ этихъ больницахъ за теченіемъ болѣзни слѣдили не только врачи, но и ихъ помощники—родъ фельдшеровъ.

Намеки на это мы видимъ въ слѣдующихъ эпитафическихъ указаніяхъ:

D M
SEXTORIO
AVG · LIB.
AB · AEGRIŦ
CVBICVLARIOR
VLPIA MIRA
MARITO · OPT
INDVLGENTISS
FECIT ³⁾.
M · ARELIO · AVG · L
STEPHANO
AB · AEGRIŦ
CVBICVLARIOR
VLPIA · ITALIA
VXOR · B · M · FEC ⁴⁾.

Смыслъ выраженія ab aegris cubiculariorum не вполне ясенъ; значить ли это — „фельдшеръ спальниковъ“ или „одинъ изъ спальниковъ-фельдшеровъ“. Второе объясненіе кажется намъ болѣе естественнымъ, чѣмъ первое, такъ какъ мало вѣроятно то, чтобы особы фельдшера состояли при спальникахъ, на оборотъ—ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что спальники попадали въ фельдшера.

¹⁾ CIL. VI, 9084.

²⁾ CIL. VI, 9085.

³⁾ CIL. VI, 8770. Romae.

⁴⁾ CIL. VI. 8771. Romae, inter viam Appliam et Latinam.

Оказывается, слѣдовательно, что для лѣченія слугъ императоровъ существовали больницы, цѣлый организованный штатъ врачей и находившіеся въ распоряженіи послѣднихъ фельдшера.

Намъ остается привести еще одну надпись ¹⁾, въ которой встрѣчается совершенно особенный титулъ врача:

DIS · MANIBVS
CLAVDIAE · EVTYCHIAE
CONIVGI · SANCTISSIM
BENEMERENTI · ET · Q
DOMITIO · HELICI · TI · CLAVDIVS
AVG · L · HYMENAEVS MEDICUS
A · BYBLIOTHECIS · ET · DOMITIA · PANNYCHIS
SIBI · ET · SVIS · POSTERISQVE · EORVM.

Въ надписяхъ мы часто встрѣчаемся съ названіями разныхъ чиновниковъ, состоявшихъ при библіотекахъ, и всѣ эти названія сводятся къ формулѣ—а bibliotheca (is), напримѣръ, servus a bibliotheca (is), villicus a bibliotheca, magister a bibliotheca. Нашъ Гименей былъ, по всему вѣроятію, врачомъ чиновниковъ не одной какой-либо библіотеки (иначе объ этомъ въ надписи было бы сказано), но всѣхъ императорскихъ библіотекъ и, какъ рабъ, онъ былъ medicus domesticus, съ спеціальнымъ назначеніемъ лѣчить только однихъ служащихъ при этихъ библіотекахъ ²⁾.

4. Врачи равовъ частныхъ лицъ.

Организація медицинской помощи, существовавшая въ такомъ полномъ видѣ въ императорскомъ домѣ, по видимому, имѣла мѣсто въ болѣе или менѣе совершенной формѣ и во всѣхъ большихъ фамиліяхъ рабовъ, принадлежавшихъ богатымъ домамъ Римской имперіи; при нихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, можно свободно предполагать существованіе больницъ и врачей.

Замѣтимъ при этомъ, что, хотя мы можемъ встрѣтить достаточно случаевъ, когда рабы были предметомъ самыхъ теплыхъ чувствъ со стороны

¹⁾ CIL. VI, 8907. Romae, in aedibus Camilli Stalli, sub Capitolio.

²⁾ Въ Римѣ было много казенныхъ, императорскихъ библіотекъ. П. Викторъ и С. Руфъ насчитываютъ ихъ 29. Самыми знаменитыми изъ нихъ были—Палатинская, Капитолійская, библіотека портика Октавіи и Ульпіева или Траянова храма, превращенная впоследствии въ Діоклетіановы Термы.

ихъ владѣльцевъ, но опасно во всякомъ подобномъ фактѣ видѣть филантропическія проявленія—такимъ образомъ пришлось бы составить ложное представленіе о рабствѣ въ Римѣ. Забота о здоровьѣ рабовъ имѣла почти единственную побудительную причину—матеріальную выгоду. Дѣйствительно, рабъ былъ извѣстною цѣнностью; подобно домашнему животному, онъ былъ купленъ для работы и прямой интересъ хозяина былъ видѣть его постоянно здоровымъ. Мы знаемъ, какъ относятся Катонъ къ рабамъ, негоднымъ для работы: *vendat*, предписываетъ онъ хозяину, *boves vetulos, armenta dellicula, oves delliculas, lanam, pelles, plaustrum vetus, ferramenta vetera, servum senem, servum morbosum et, si quid supersit, vendat* ¹⁾. Если нельзя было продать негоднаго раба, его оставили на произволъ судьбы ²⁾. На оборотъ, крѣпкій, молодой, годный къ работѣ рабъ былъ въ случаѣ болѣзни предметомъ живѣйшей заботы. Колумелла разсказываетъ, что въ больницу клали не только больныхъ и раненныхъ, но даже утомленныхъ рабовъ ³⁾.

Надписи мало говорятъ намъ о врачахъ рабовъ. Укажемъ прежде всего на слѣдующую ⁴⁾:

C · IVLIVS · EVXINVS IVLIA · C · L
MEDICVS CRATA (sicl)
EX · HORTIS
SALLVSTIANIS VIX · A · LVI
VIXIT · ANNIS · LXXX.

Извѣстно, что Саллустій, по возвращеніи своемъ изъ Африки, куда онъ посланъ былъ Ю. Цезаремъ, устроилъ превосходные сады въ долину, отдѣляющей Квириналъ отъ Пинчо. Послѣ его смерти сады эти достались его племяннику, другу Августа и Тиберія, а послѣ смерти этого племянника стали собственностью императоровъ и наконецъ истреблены пожаромъ при Аларихѣ. Сады эти заключали въ себѣ длинный рядъ разнообразныхъ учреждений — рынокъ, храмъ Венеры, общественное гулянье, циркъ. При нихъ состоялъ

¹⁾ Cato, De re rustica, 2. Ср. Plutarch. Cato maior. 5.

²⁾ Suet. Claud. 25.

³⁾ Sive quis, quod accidit plerumque, sauciatus in opere noxam ceperit, adhibeat fomenta; sive alter languidior est, in valetudinarium confestim deducat et convenientem ei ceteram curationem adhiberi iubeat. Colum. De re rustica, XI, 1. Ср. XII, 3.

⁴⁾ CIL. VI, 8671. Romae, in cimelio card. Gualterii.

цѣлый штатъ служащихъ (*villicus* и др.) и рабовъ ¹⁾). Вполнѣ естественно, что къ этимъ рабамъ могъ быть прикомандированъ особый врачъ, о которомъ и говорится въ нашей надписи.

Казалось бы, что эту надпись скорѣе должно было помѣстить въ предыдущемъ отдѣлѣ этой главы, такъ какъ сады Саллустія долго были императорскимъ доменомъ, но мы не рѣшились этого сдѣлать, во первыхъ, потому, что неизвѣстно точно, когда сады эти достались императорамъ, во вторыхъ, потому, что самъ Евксинъ — отпущенникъ фамиліи Ливіи, а это обстоятельство заставляетъ отнести нашу надпись скорѣе всего къ тому времени, когда сады навѣрно были частною собственностью.

Вполнѣ аналогичную историческую обстановку видимъ мы и въ слѣдующей надписи ²⁾.

D · M
M · IVNIO · DIONYSIO
MEDICO · DE · LVCILIANIS
TITVLENA · IVSTA
CONIVGI · B · M ET
SIBI · SVIS · LIBER
TABVSQ · POSTERISQ
EORVM

Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о врачѣ при тѣхъ садахъ, которые Тацитъ ³⁾ называетъ *horti Luculliani*; сады эти принадлежали, между прочимъ, Мессалинѣ; туда она скрылась передъ своею смертію и тамъ погибла. Послѣ нея сады эти были отданы народу, и весьма возможно, что нашъ Ю. Діонисій былъ врачомъ при рабахъ этихъ садовъ. Всѣ эти надписи, равно какъ и слѣдующая ⁴⁾:

PHoEBIANO
SER
MEDICO
FABIANVS
COS

¹⁾ Cp. P. Victor et S. Rufus. Regio VI. *Blanchini*, op. cit. 9.

²⁾ CIL. VI, 9585. Romae, sub fenestra domus privatae, non procul a Sancta Lucia 4 portarum ad Tiberim.

³⁾ Tac. Ann. XI, 32 и 37: Interim Messalina Lucullianis in hortis prolatare vitam... Cp. P. Victor et S. Rufus. IX Regio.

⁴⁾ CIL. V, 869. Aquileia. Cos. въ этой надписи, въроятно=co(n)seruus).

въ связи съ приведенными выше литературными данными не оставляютъ въ насъ никакого сомнѣнія относительно существованія медицинскон помощи при фамиліяхъ рабовъ.

Увѣренность эта еще болѣе подкрѣпляется въ насъ надписью, гдѣ рѣчь идетъ о рабѣ императора Тиберія, занимавшемъ важную должность откупщика ¹⁾ доходовъ Ліонской Галліи. Эта должность, вполне понятно, требовала громаднаго штата и чиновниковъ, и слугъ, такъ что откупщикъ, будучи обыкновенно самъ рабомъ, былъ въ то же время господиномъ по отношенію къ цѣлой группѣ рабовъ—у римлянъ *vicarii*, ²⁾ то-есть, рабы при рабахъ были явленіемъ распространеннымъ. Шестнадцать подобныхъ *vicarii* поставили указанному выше откупщику Музику Скурану памятникъ со слѣдующею надписью ³⁾:

MVSICO · TI · CAESARIS · AVGVST
SCVRRANO · DISP · AD · FISCVM · GALLICVM
PROVINCIAE · LVGDVNENSIS
EX · VICARIS · EIVS · QVI · CVM · EO · ROMAE · CVM
DECESSIT · FVERVNT · BENE · MERITO

VENVSTVS · NEGOT	AGAHOPVS · MEDIC	FACILIS · PEDISEQ
DECIMIANVS · SVMP	EPAPHRA · AB · ARGEN	ANTHVS · AB · ARG
DICAEVS · AMANV	PRIMIO · AB · VESTE	HEDYLVS · CVBICV
MVTATVS · AMANV	COMMVNIS · A · CVBIC	FIRNVS · COCVS
CRETICVS · AMANV	POTAVS · PEDISEQ	SECVNDA
	TIASVS · COCVS	

Мы видимъ, что въ громадной святѣ Скуррана находился и врачъ Агаеопъ. Отмѣтимъ, что положеніе этого Агаеопъ, какъ раба при рабѣ, было гораздо подчиненнѣе, чѣмъ положеніе всѣхъ вышеуказанныхъ врачей—рабовъ при свободныхъ. Такой врачъ былъ въ тѣсномъ смыслѣ слова *medicus domesticus*, то-есть, употреблялся для лѣченія господина и его слугъ и не могъ извлекать никакой другой выгоды изъ своей профессіи.

¹⁾ Эта должность всегда давалась рабамъ и была очень доходна: мы знаемъ, что одинъ изъ этихъ откупщиковъ заплатилъ Нерону за свою свободу 13 милл. сест. (Dio Cass. LIII, 15. Plin. N. H. VII, 40, 39).

²⁾ Въ Римѣ были степени этихъ викаріевъ; такъ мы знаемъ *vicarios vicarium*. Ср. Dig. XV, 1, 17: *Sicut ipsi vicarii sunt in peculio, ita etiam peculia eorum, et id quidem, quod mihi dominus eorum, id est ordinarius servus, debet, etiam ex peculio eorum detrahatur...*

³⁾ CIL. VI, 5197. Romae, in columbario prope portam D. Sebastiani.

5. Врачи равочихъ коллегіѣ.

Темный вопросъ о врачебной помощи ремесленникамъ (свободнымъ и отпущенникамъ), не имѣвшимъ никакого отношенія ни къ администраціи, ни къ какому-либо общественному или частному предпріятію, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи литературныхъ указаній, и только надписи проливаютъ на него свѣтъ, впрочемъ довольно слабый.

Исслѣдуя побудительныя причины къ образованію и развитію ассоціацій ¹⁾ въ древнемъ Римѣ, мы находимъ, что въ развитыхъ классахъ общества онѣ помогали обмѣну мыслей и знаній, а въ классахъ немущихъ служили къ удовлетворенію тѣхъ насущныхъ потребностей, въ борьбѣ съ которыми отдѣльная личность безсильна и только взаимодѣйствіе цѣлой группы людей можетъ привести къ результатамъ. Въ связи съ этимъ мы, кромѣ ассоціацій религіозныхъ, можемъ выдѣлить еще двѣ большія группы ихъ: 1) научно-литературныя *collegia*, такъ называемыя *scholae*. Мы уже встрѣтили подобныя *schola medicorum* и *collegium medicorum* ²⁾; 2) вполне легальныя ассоціаціи рабочихъ и ремесленниковъ ³⁾. Главнымъ назначеніемъ послѣднихъ

¹⁾ Вопросъ о римскихъ коллегіяхъ очень широкъ и не разработанъ еще въ цѣломъ его видѣ. Моммзенъ, занимавшійся этимъ вопросомъ въ ранней молодости, говорить въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія—*De collegiis et sodaliciis Romae*. Kileae 1843: *Rem sodalicarum nova explicatione indigere aequi iudices haud negabunt... ita radices egit in totam rem Romanam* (p. 128). Въ дальнѣйшемъ изложеніи фактовъ изъ исторіи коллегій мы будемъ слѣдовать Моммзену.

²⁾ *Wilmanus*, *Exempla inscr. Latin.* 2494 и *CIL.* IX, 1618.

³⁾ Принципы ассоціаціи практиковались свободно до 686 г.—до консульства Л. Цецилія и Кв. Марція, когда сенатское постановленіе уничтожило цѣлый рядъ коллегій (*Cic. In Pisonem*, IV: *collegia, non ea solum, quae senatus sustulerat, restituta sunt, sed innumerabilia quaedam ex omni faece urbis ac servitio conceitata*). До эпохи междоусобныхъ войнъ коллегіи не вмѣшивались въ политику; лишь съ Маріа и Суллы онѣ начинаютъ принимать участіе въ смутахъ и переворотахъ и притомъ все чаще и чаще до *lex Iulia* 690 г., который уничтожилъ ихъ всѣ, кромѣ существовавшихъ съ глубокой древности. Не смотря на это, коллегіи были на столько въ правахъ и привычкахъ римлянъ и на столько необходимы, что онѣ продолжали существовать и даже вновь образовывались, что вызвало новый репрессивный законъ Августа (*Suet. Caes.* 42: *cuncta collegia, praeter antiquitus constituta, distraxit*. *Suet. Oct. Aug.* 32). Это однако не мѣшало существованію тайныхъ ассоціацій, какъ наемаетъ намъ Тацитъ (*Tac. Ann.* XIV, 17: *collegiaque, quae contra leges instituerant, dissoluta*). Переписка Плинія съ Траяномъ осязательно показываетъ, какъ отрицательно относилось государство къ подобнаго рода коллегіямъ (*Plin. Epist.* X, 42, 43, 94). Позднѣе всѣ онѣ были погашены государствомъ.

была помощь членамъ въ нуждѣ, передъ судомъ, обезпеченіе для нихъ почетнаго погребенія и избавленіе ихъ тѣмъ отъ необходимости погребаться въ puticuli. Однимъ словомъ выгоды, которыя представляли своимъ членамъ коллегіи, были на столько велики, что даже рабы, если, конечно, имъ позволяли господа, вступали въ число этихъ членовъ ¹⁾).

Въ этихъ-то ассоціаціяхъ и надо искать начала медицинской помощи для рабочихъ и ремесленниковъ. Хотя мы имѣемъ всего два документа, говорящихъ намъ о врачахъ при нихъ, но, послѣ всего сказаннаго объ ихъ задачахъ, намъ кажется несомнѣннымъ существованіе такихъ врачей, такъ какъ возможность лѣчиться прежде всего должна быть обезпечена для человѣка, благосостояніе котораго находится въ прямой зависимости отъ способности къ работѣ, то-есть, отъ здоровья.

Первый изъ названныхъ документовъ мы находимъ въ сборникѣ Муратори ²⁾).

NOMINA · COLLEGII FABRVM · ILIC
PATRONI

DECVRIONES

A · OCTAVIVS · FAVSTVS · TI

L · ANNIVS · FAVSTVS

M · VIPSANIVS · POLYBIVS · TI

M · LIVIVS · APTVS · M

SEIVS · TACITVS · PATER · COLLEGII P · AQVILIVS · SOTERICIVS · SE
BISELLEARIVS

Q
SEX
P

T · FLAVIVS · PROCVLVS · C

Q · ALBATIVS · CORINTHVS · HARVSPEX · T · C

Q · ALBATIVS · VERNA · SCRIBA · M

L · TETTIVS · GLYCON · MEDICVS · C · IVL

L · TETTIVS · APOLLONIVS · MEDICVS · C · C

C · IVSTVS · ITALICVS · S · P

C · IVLIVS · MATHO · S

¹⁾ Dig. XLVII, 22,3: Servos quoque licet in collegium tenuiorum recipere, volentibus dominis.

²⁾ *Muratori*, Novus thesaurus veter. inscr. 522. 1. Sarzana, in aedibus Grifflorum.

Muratori дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что *portus Ilcentis* находился на мѣстѣ нынѣшняго *Lerici*, около Сарсаны, при заливѣ Спеціи. Наша корпорація работниковъ этого *portus* имѣла нѣсколько патроновъ, изъ которыхъ одинъ Назеллій Тацитъ, какъ оказавшій, вѣроятно, большія услуги коллегіи, имѣлъ названіе отца коллегіи и право на *isellium*, то-есть, на особое почетное кресло ¹⁾. Хотя гаруспексъ, письмоводитель и врачи помѣщены въ надписи на ряду съ декуріонами коллегіи, но понятно, что они внесены были въ списки лишь въ силу своихъ специальныхъ профессій. Дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы врачи, письмоводитель и гаруспексъ могли входить въ составъ коллегіи рабочихъ; они, очевидно, попали въ нее лишь потому, что могли—соотвѣтственно—лѣчить, вести бумагу и отправлять извѣстныя религіозныя обязанности. Присутствіе двухъ врачей заставляетъ думать о многочисленности коллегіи.

Второй документъ таковъ ²⁾:

D M
C · IVL · FILETONIS · DOMO
AFRICA · MEDICO · QVI · VI
XIT · ANN · XXXV · C · IVL · FILET
VS · ET · IVL · EVTHENIA · PARENES
FILIO · KARISSIMO · F · C
E · IVL · ATHNODORO · FRÃRI · EIVS
QVI · VIXIT · ANN · XXXV · EVTHE
NIA · IS · AD · QVEM · SEPVLTVRA
COLL · CENT * CCC · CONTVLIT

Эта надпись даетъ намъ поводъ догадываться, что въ указанной въ ней коллегіи *cent(onariogum)* былъ прикомандированъ врачъ, на похороны котораго коллегія дала денегъ. *Centonarii* ³⁾, какъ прозв-

¹⁾ Патронатъ, какъ извѣстно, былъ явленіемъ очень распространеннымъ въ древнемъ мірѣ; не только отдѣльныя лица, но цѣлые города и провинціи имѣли патроновъ—вполнѣ естественно, что ихъ имѣли рабочія ассоціаціи, такъ какъ онѣ гораздо болѣе, чѣмъ города и провинціи, нуждались въ покровителяхъ.

²⁾ CIL. III, 3583. Pannonia inferior. Aquinenum (Budaë).

³⁾ Значеніе слова *centonarius* довольно ясно показано у Колумеллы в Батона. Ср. Colum. De re rustica, I, 8: *vestitam familiam magis utiliter, quam delicate habeat munitamque a vento, frigore, pluvia; quae cuncta prohibentur pellibus manicatis, centonibus confectis vel sagis cucullis...* Cato, De re rustica, 59: Quo-

водители весьма распространенныхъ предметовъ потребления, могли составлять очень многочисленныя коллегіи, что обуславливало для нихъ необходимость и возможность ¹⁾ имѣть своего собственнаго врача.

6. Врачи для бѣдныхъ.

Изучивъ положеніе врачей при группахъ лицъ, трудящихся на томъ или другомъ поприщѣ, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ организаціи медицинской помощи нищимъ, которыхъ въ Римѣ и вообще въ имперіи было очень много.

Ранѣе конца IV в. по Р. Х. мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на существованіе городскихъ, общественныхъ больницъ. Нищие въ больницахъ прибѣгали или въ храмъ Эскулана, или къ народнымъ архіатрамъ. Но въ храмѣ (знаменитый храмъ бога врачей былъ, какъ извѣстно, на островѣ Тибрѣ) не могло быть никакой рѣчи о медицинской помощи, такъ какъ тамъ ожидалось лѣченіе сверхъестественное. Медицинская же помощь, если она и оказывалась нищимъ,

tles cuique tunicam an sagum dabis, prius veterem accipito, unde centones fiant. Ср. еще Iuven. Sat. VI, 121.

Бріо въ своей статьѣ—*L'assistance médicale chez les Romains*,—помѣщенной въ VIII томѣ (2 часть, 1 серія) *Mémoires présentés à l'académie des inscriptions et belles lettres* много толкуетъ по поводу надписи, найденной имъ въ одномъ изъ старыхъ эпиграфическихкихъ сборниковъ; надпись эта есть надгробный памятникъ нѣкоего Vafri Nicephori medici patroni C·C·M·S· Еслибы можно было безъ большихъ колебаній раскрыть послѣднія 4 буквы такъ, какъ это дѣлаетъ Бріо, то-есть, c(collegii) c(entonariorum) m(unicipii) s(assinatium), то мы приобрѣли бы драгоценный документъ, который далъ бы прямой поводъ къ очень любопытнымъ заключеніямъ на счетъ организаціи медицинской помощи въ рабочихъ коллегіяхъ. Къ сожалѣнію, мы не рѣшаемся читать надпись одинаково съ Бріо и потому лишаемъ себя возможности дѣлать на основаніи ея какія-либо заключенія. Приведемъ самую надпись:

D M
L·VAFRI
NICEPHORI
MEDICO·PA
TRON·C·C·M·S
FLAVIA·PIERIS
MARITO·OPTVMO
ET·SIBI·VIVA
POSUIT

¹⁾ Члены коллегіи должны были, по видимому, дѣлать извѣстный взносъ. Ср. Dig. XLVII, 22, 1: *permittitur tenuioribus stipem menstruatam conferre....*

считалась у древнихъ тягостною необходимостью ¹⁾, а не проявленіемъ внутренняго чувства, чувства филантропін, потому что для древняго общества нищіе были внутренними врагами, какъ иностранцы были врагами внѣшними и на нихъ, не безъ нѣкотораго основанія, смотрѣли, какъ на элементъ весьма опасный для общественнаго спокойствія. Только съ измѣненіемъ принциповъ, руководившихъ обществомъ, могло измѣниться отношеніе къ бѣднымъ. До христіанства теплое отношеніе къ нимъ происходило обыкновенно изъ желанія обезопасить себя или прославиться и вызвать себѣ поклоненіе; лишь христіанство могло вызвать къ жизни истинное милосердіе, результатомъ котораго было построеніе знаменитой лѣчебницы *Villa Languentium* ²⁾ и другія выраженія безкорыстной заботы о „малыхъ сихъ“. Но рѣчь объ этомъ выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Ал. Стрѣльцовъ.

¹⁾ Plaut. Cureul. II, 1. Suet. Claud. 25.

²⁾ Ср. объ этой лѣчебницѣ 10-е письмо 3-й книги писемъ св. Іеронима.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-го НОЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ XI-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Θεодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій. Историко-біогр. очеркъ. Сост. И. Я. Морошкинъ.—II. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи. Гл. I—V. Біографическій очеркъ. Сост. Н. М. Колмаковъ.—III. Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историч. очеркъ. Гл. IV—IX. Сост. М. А. Колчинъ.—IV. Императоръ Павелъ и его время. Записки курляндскаго барона, 1796—1801 гг. Гл. I—II.—V. Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в. Гл. II—III. Сост. В. И. Семеновскій.—VI. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Сост. Гельбигъ.—VII. Записки Д. И. Ростиславова, проф. спб. духовн. академіи, о бѣломъ духовенствѣ. Гл. XX—XXI.—VIII. Альбомъ С. Д. Полторацкаго, 1820—1852 гг. (Оконч.). Сообщ. Е. С. Некрасова.—IX. Александръ Васильевичъ Головинъ въ 1863 и 1881 гг.—X. Ученыя Архивныя Комиссіи въ 1886 г. Сообщ. И. Е. Андреевскій.—XI. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, 1823—1887 гг. Сообщ. О. Θ. Миллеръ.—XII. С. Я. Надсонъ. По поводу посмертнаго изданія его стихотвореній. Сообщ. О. Θ. Миллеръ.—XIII. Стихотворенія Н. Н. Р., 1882—1885 гг. XIV. Историческіе документы и замѣтки: Матеріалы къ русской исторіи XVIII в. Сообщ. О. Θ. Бычковъ.—М. В. Милоновъ.—Отшельникъ Θεодоръ.—Е. Θ. Жуковская.—Дебре.—Всеросс. дворянскій молебень, 1852 г.—Звѣрьяда.—Н. А. Добролюбовъ.—С. П. Колосинъ.—Н. И. Пироговъ.—С. М. Котельниковъ.—Батюшковы.—В. А. Жуковскій.—Труды и изданія Д. А. Ровинскаго.—И. К. Айвазовскій.—Поправки.—XV. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ гр. Льва Николаевича Толстаго. Гравир. художн. г. Маттэ.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1888 г.

Деятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписаться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІІ.

1887.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Елизаветинскаго кан., № 78.
1887.

Всесторонній вид., д. № 78.
2814.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (13-го сентября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Сазоновымъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день сентября 1887 года, Высочайше соизволилъ на принятіе завѣщаннаго умершимъ коллежскимъ совѣтникомъ Сазоновымъ Императорскому Московскому университету капитала въ восемь тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ сего капитала выдавалось пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ означеннаго университета.

6. (27-го сентября 1887 года). Объ учрежденіи при Старицкомъ уѣздномъ училищѣ пяти стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „стипендіи Императора Александра II“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день сентября 1887 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Старицкомъ уѣздномъ училищѣ пяти стипендій, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Божѣ почившаго Императора Александра II, на проценты съ пожертвованнаго мѣстною думою для сей цѣли капитала въ 300 руб., съ присвоеніемъ означеннымъ стипендіямъ наименованія: „стипендіи Императора Александра II“

7. (27-го сентября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго провизоромъ Язгевичемъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день сентября 1887 года, Высочайше соизволилъ на принятіе капитала въ пять тысячъ рублей, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету покойнымъ провизоромъ Язгевичемъ, для употребленія процентовъ съ сего капитала, по усмотрѣнію правленія означеннаго университета, или на

взносъ платы за ученіе, или награды бѣднѣйшимъ студентамъ, преимущественно уроженцамъ города Вильны.

8. (13-го сентября 1887 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго титулярнымъ совѣтникомъ Д. О. Самаринымъ.

Титулярный совѣтникъ Д. О. Самаринъ, въ знакъ признательности за образованіе, полученное четырьмя его сыновьями въ Московской пятой гимназій, пожертвовалъ въ пользу этой гимназій капиталъ въ десять тысячъ рублей, заключающійся въ свидѣтельствѣ государственной комиссіи погашенія долговъ на государственную желѣзнодорожную 5⁰/₁₀₀ непрерывнодоходную ренту, съ тѣмъ, чтобы: 1) капиталъ этотъ былъ причисленъ къ спеціальнымъ средствамъ Московской пятой гимназій и оставался навсегда неприкосновеннымъ, 2) проценты съ этого капитала были употребляемы, согласно постановленіямъ педагогическаго совѣта Московской пятой гимназій, на взносъ платы за ученіе за бѣдныхъ гимназистовъ православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающихъ этой льготы по своему прилежанію и поведенію, и на выдачу пособій воспитанникамъ пятой гимназій, удовлетворяющимъ означеннымъ условіямъ, какъ во время прохожденія ими гимназическаго курса, такъ и по поступленіи ихъ въ Императорскій Московскій университетъ, въ теченіи перваго учебнаго года ихъ пребыванія въ названномъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 13-й день сентября 1887 года, Высочайше соизволилъ на принятіе означеннаго капитала на изъясненныхъ выше условіяхъ, съ присвоеніемъ оному именованія: „Самаринскій фондъ для бѣдныхъ учениковъ Московской пятой гимназій“.

9. (8-го октября 1887 года). О подчиненіи инновѣрческихъ школъ юго-западнаго края вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, въ 8-й день октября 1887 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: всѣ инновѣрскія школы юго-западнаго края имперіи, со всѣми принадлежащими имъ имуществами, подчинить вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія на общемъ основаніи съ другими начальными училищами, находящимися въ завѣдываніи сего министерства, и съ тѣмъ, чтобы при новомъ порядкѣ управленія сохранено было право подлежащаго духовенства наблюдать за религіознымъ образованіемъ юношества въ означенныхъ заведеніяхъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Всевышествомъ дозволивъ. 29-го сентября сего года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностью и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія:

Орденами: св. Анны 2-й степени: надворнаго совѣтника Александрова; бывшаго почетнаго попечителя Николаевскаго реальнаго училища, отставнаго ротмистра Паризо-де-ла-Валлета; попечителя Маріинскаго женскаго начальнаго въ Москвѣ училища, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра графа Ланскаго; попечителя училища села Батько-Полья, титулярнаго совѣтника Хмырова; академика Александра Опекушина; почетнаго попечителя Московскаго учительскаго института, мануфактуръ-совѣтника Константина Третьякова; потомственныхъ почетныхъ гражданъ: членовъ попечительныхъ совѣтовъ: Одесскихъ городскихъ женскихъ гимназій—1-й гильдіи купца, коммерціи совѣтника Евгенія Шульца и Одесскаго коммерческаго училища—купца Симона Гуровича и совѣтника правленія Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Малкона Паниева; предсѣдателя попечительскаго совѣта Бійской женской прогимназій, 1-й гильдіи купца Алексѣя Морозова и члена попечительнаго совѣта той же прогимназій, 2-й гильдіи купца Алексѣя Соколова; изъ нихъ Третьякова, Шульца, Гуровича, Паниева, Морозова и Соколова—съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл. т. I св. зак., изд. 1876 года.

Св. Станислава 2-й степени: надворнаго совѣтника Кршвицкаго; предсѣдателя попечительнаго совѣта Александромольской Ольгинской женской прогимназій, отставнаго титулярнаго совѣтника Аршака Вартпатрикова; отставнаго штабсъ-капитана Бошвиакъ; потомственныхъ почетныхъ гражданъ: Константина Целибѣева и почетнаго попечителя Тверскаго реальнаго училища Александра Нечаева и попечителя Трубинскаго земскаго начальнаго народнаго училища Богородскаго уѣзда, купца Ивана Бочарова; послѣднихъ троицъ—съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл., т. I св. зак., изд. 1876 года.

Св. Анны 3-й степени: коллежскаго ассессора Пискарева; отставнаго штабсъ-ротмистра Шаховскаго; директоръ Дегта яревскаго

ремесленного училища, инженеръ-технолога Болотникова; потомственных почетныхъ гражданъ: Андрея Носова, членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій: Екатеринославской Маріинской—1-й гильдіи купца Рейнгольда Ульмана и Таганрогской—Михаила Жеребцова и предсѣдателя попечительнаго совѣта Одесскаго еврейскаго сиротскаго дома Рафаила Хари; 2-й гильдіи купцовъ: члена-соревнователя Охтенскаго ремесленного училища Генриха Феннеберга и Степана Петрова; изъ нихъ Носова, Ульмана, Жеребцова, Хари, Феннеберга и Петрова—съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл., т. I св. зак., изд. 1876 года.

Св. Станислава 3-й степени: коллежскихъ совѣтниковъ: врача при Таганрогскихъ мореходныхъ классахъ Монети и бывшаго члена Верхотурскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Рудановскаго; попечителя начальнаго народнаго училища на курсунскихъ копяхъ, Бахмутскаго уѣзда, надворнаго совѣтника Квапишевскаго; учителя во Владикавказскомъ графа Лорисъ-Меликова ремесленномъ училищѣ, коллежскаго ассессора Дынника; титулярнаго совѣтника Розанова; попечителя Бѣлискаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Ельнинскаго уѣзда, отставнаго штабсъ-капитана Сербина; коллежскихъ секретарей: Токмакова, почетнаго члена совѣта Коммисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ Рубановскаго и попечителя Ильижаденскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Юхновскаго уѣзда, Ковалева; члена Лебединскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, отставнаго поручика Гладкова; губернскихъ секретарей: члена комиссіи по постройкѣ дома для Нарвскаго городского училища Новицкаго и преподавателя хороваго пѣнія студентамъ Императорскаго Московскаго университета Орлова; попечителя Сорочинскаго сельскаго училища, Крапивенскаго уѣзда, состоящаго въ запасѣ артиллеріи подпоручика Полякова; почетнаго блюстителя Слободскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, отставнаго подпоручика Глинко; коллежскихъ регистраторовъ: почетнаго смотрителя Мингрельскаго городского училища, Кутансской губерніи, Джалалова и попечителя Троекуровскаго сельскаго начальнаго училища, Чернскаго уѣзда, Бибикова; не имѣющихъ чиновъ: преподавателя частной гимназіи Креймана въ Москвѣ Августа Линде; врача Новобутской учительской семинаріи Александра Слѣсаревскаго; дворянъ: Михаила Ртищева; члена постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петер-

бургѣ и его окрестностяхъ Александра Ержемскаго и попечителя Александрійскаго начальнаго народнаго училища, Херсонской губерніи, Петра Володковскаго; потомственныхъ почетныхъ гражданъ: члена попечительнаго совѣта Красноярской женской гимназіи Игнатія Нѣкрасова и попечителя Даниловскихъ фабричныхъ мужскаго и женскаго училищъ въ Даниловской слободѣ, подъ Москвою, 1-й гильдіи купческаго сына Николая Щукина и 2-й гильдіи купцовъ: члена-сореvнователя Охтенскаго ремесленнаго училища Михаила Осипова и почетнаго члена совѣта Рязанскаго ремесленнаго училища Юсифа Живаго; изъ нихъ Некрасова, Щукина, Осипова и Живаго—съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл., т. I св. зак., изд. 1876 года.

Медалями, съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: Андреевской: почетнаго блюстителя Владиміро-Александровскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Царскосельскаго уѣзда, почетнаго гражданина Михаила Томасова; попечителя Селецкихъ мужскаго и женскаго училищъ, Рязанскаго уѣзда, московскаго 2-й гильдіи купца Павла Полякова и попечителя Турбичевскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, московскаго 2-й гильдіи купца Михаила Бучумова; Александровской: попечителя начальнаго училища при Никольской единовѣрческой церкви въ С.-Петербургѣ, вильманstrandскаго купца Василія Пѣшихонова и почетнаго блюстителя Ахтырскаго приходскаго Комисарова-Костромскаго училища, члена Ахтырскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, ахтырскаго 2-й гильдіи купца Захарія Виноградова; Владимірской: почетнаго блюстителя Пудожскаго приходскаго училища, потомственного почетнаго гражданина Александра Базегскаго; члена попечительнаго совѣта Иркутской женской гимназіи, иркутскаго 1-й гильдіи купца Василія Зазубрина; астраханскаго 1-й гильдіи купца Михаила Ѳедорова; попечителя Старо-Пунерскаго училища, Нижегородскаго уѣзда, нижегородскаго 1-й гильдіи купческаго сына Василія Маркова; члена сореvнователя Охтенскаго ремесленнаго училища, охтенскаго 2-й гильдіи купца Константина Родіонова; гдовскаго 2-й гильдіи купца Петра Крылова и почетнаго смотрителя Трубчевскаго городскаго училища, карачевскаго купца Александра Мартынова; Аннинской: почетнаго попечителя Елисаветградской гимназіи, потомственного почетнаго гражданина Александра Пашутина; почетнаго блюстителя Пятигорскаго городскаго началь-

наго училища, 1-й гильдіи купца Василя Зипалова; члена попечительнаго совѣта Бійской женской прогимназіи, бійскаго 2-й гильдіи купца Николая Фирсова; члена попечительнаго совѣта Якутской женской прогимназіи, Якутскаго 2-й гильдіи купца Петра Захарова; члена С.-Петербургской двухклассной Комисаровской школы для бѣдныхъ дѣтей, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Алексія Картаева; почетнаго блюстителя Дмитріево-Погостинскаго однокласснаго женскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи, егорьевскаго 2-й гильдіи купца Федора Суетина; попечителя Кулаковскаго начальнаго училища, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Ярославской губерніи, ярославскаго 2-й гильдіи купца Василя Иванова; почетнаго блюстителя Серединскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи, волоколамскаго купца Ивана Богатырева; попечителя Хотѣвичскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, временнаго богородскаго купца Ивана Симонова и крестьянина деревни Куракова, Звѣринцевской волости, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Михаила Фролова, и Станиславской: инженеръ-технологовъ: архитектора Вятскаго губернскаго земства Александра Шкляева, и владѣльца сахарнаго завода въ Каневскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи. Бернарда Адельгейма; технолога директора Тифлискаго городского ремесленнаго училища Николая Харькова; предсѣдателя попечительнаго совѣта Омской женской прогимназіи, потомственнаго почетнаго гражданина, имѣющаго степень провизора, Федора Розенплеттера; ктитора церкви при Нижегородскомъ Императора Александра II институтѣ, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Топоркова, почетнаго блюстителя городскихъ начальныхъ въ Москвѣ училищъ, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Мусатова; попечителя Зуевского начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Зимина; попечителя двухъ Подгорныхъ начальныхъ народныхъ училищъ Павловскаго посада, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, 1-й гильдіи купца Якова Зимина; попечителя Барановскаго и Безсоновскаго народныхъ училищъ, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, бронницкаго 1-й гильдіи купца Никиту Сергѣева; иркутскаго 1-й гильдіи купца Бориса Патушинскаго; почетнаго смотрителя Устькаменогорскаго трехкласснаго городского училища, усть-

каменогорскаго 1-й гильдіи купческаго сына Ивана Касаткина; попечителя Черновскаго начальнаго народнаго училища, новолодожскаго 2-й гильдіи купца Владиміра Махачко; почетнаго блюстителя Будишинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, покровскаго 2-й гильдіи купца Алексѣя Смирнова; почетнаго блюстителя Петриковскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Екатеринославской губерніи, 2-й гильдіи купца Давиіла Лисенко; почетнаго блюстителя Оренбургскаго ремесленнаго училища, оренбургскаго 2-й гильдіи купца Егора Иванова; почетнаго блюстителя Курганскаго уѣзнаго училища, Курганскаго 2-й гильдіи купца Ивана Бронникова, попечителя перваго Рязанскаго городскаго приходскаго училища, рязанскаго 2-й гильдіи купца Дмитрія Юкина; попечителя и содержателя Кадыръ-Балынскаго сельскаго народнаго училища, Евпаторійскаго уѣзда, Таврической губерніи, симферопольскаго 2-й гильдіи купца Бедроса Топалова; попечителя Новосильскаго приходскаго училища, новосильскаго 2-й гильдіи купца Николая Ворогушина; попечителя Дѣтскаго пріюта имени графини Кутайсовой, нижегородскаго 1-й гильдіи купческаго сына Николая Башкирова; почетнаго блюстителя Курганскаго Троицкаго приходскаго училища, курганскаго 2-й гильдіи купческаго сына Петра Смолина; почетнаго блюстителя Непрядвенскаго однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, Александра Суханова; попечителя Ефремовскаго городскаго приходскаго училища, купца Васиіия Вавилова; почетнаго смотрителя Вышневолоцкаго городскаго училища, Тверской губерніи, вышневолоцкаго купческаго сына Алексѣя Ѳедорова; служителя при канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, исполняющаго обязанности курьера, отставнаго кондуктора 2-го класса морской артиллеріи Льва Иванова; швейцара С.-Петербургской третьей гимназій, отставнаго унтеръ-офицера, фейерверкера 2-го класса легкой № 1 батареи лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Романа Мушкета; тульскаго купческаго старосты, тульскаго купца Дмитрія Авчинникова и завѣдывающаго Слонимскимъ двухкласснымъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ, учителя сего училища, изъ мѣщанъ Гилеля Рывоша; серебряными: на лентахъ: Аниинской: попечителя Ильинскаго начальнаго училища, Новолодожскаго уѣзда, новолодожскаго 1-й гильдіи купца Гаврііла Ильинскаго; почетнаго

блюстителя Путиловскаго двухкласснаго народнаго училища, Шлиссельбургскаго уѣзда, шлиссельбургскаго 1-й гильдіи купца Ивана Макарова; попечителя Вытегорскихъ мужскаго и женскаго сельскихъ земскихъ училищъ, вытегорскаго временнаго 1-й гильдіи купца, крестьянина Вытегорской волости Александра Лопарева; членовъ попечительнаго совѣта Бійской женской прогимназіи, бійскихъ 2-й гильдій купцовъ: Ивана Котельникова и Василя Бирюкова; почетнаго блюстителя Симферопольскаго татарскаго начальнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, симферопольскаго 2-й гильдіи купца Леона Шухмана; почетнаго блюстителя Нижегородскаго Благовѣщенскаго приходскаго училища, нижегородскаго временнаго купца Ивана Иванова и попечителя Масловскаго начальнаго народнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, московскаго купца Дмитрія Шапошникова, и Станиславской: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: попечителя Буньковскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Александра Миронова; попечителя Муравьишенскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Николая Елагина и почетнаго блюстителя Красноярскаго уѣзднаго и Аскызскаго приходскихъ училищъ Иннокентія Кузнецова; попечителя Знаменскаго, на Зушѣ, сельскаго начальнаго училища, Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи, почетнаго гражданина Ивана Кондрашова; почетнаго смотрителя Плесскаго городского трехкласснаго училища, Костромской губерніи, плесскаго 2-й гильдіи купца Ивана Кузнецова; предсѣдателя попечительнаго совѣта Ачинской женской прогимназіи, городского головы, 2-й гильдіи купца Григорія Максимова; членовъ попечительнаго совѣта Бійской женской прогимназіи, бійскихъ 2-й гильдіи купцовъ: Василя Осипова и Ѳедора Поликарпова; почетнаго блюстителя Волокославинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Кирилловскаго уѣзда, кирилловскаго 2-й гильдіи купца Ѳедора Зайцева; почетнаго блюстителя Новоржевскаго двухкласснаго женскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Михаила Шастовскаго; почетнаго блюстителя Гдовскаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купца Эрнеста Альванга; почетнаго блюстителя Дерикойскаго татарскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Таврической губерніи, ятинскаго 2-й гильдіи купца Мустафы Аметова; почетнаго блюстителя Омскаго уѣзднаго училища и члена попечительнаго совѣта Омской женской прогимназіи, 2-й гильдіи купца Степана Вол-

кова; почетнаго блюстителя Тюменскаго Никольскаго (Затюменскаго) приходскаго училища, тюменскаго 2-й гильдіи купца Ивана Колокольникова; старосты домової церкви при Поливановской учительской семинаріи, подольскаго 2-й гильдіи купца Степана Аллилуева; трубчевскаго городскаго головы, 2-й гильдіи купца Григорія Сорокина; попечителя Еланьскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Самарской губерніи и уѣзда, сызранскаго 2-й гильдіи купца Юва Королева; попечителя перваго мужскаго училища въ Міясскомъ заводѣ Троицкаго уѣзда, Оренбургской губерніи, троицкаго 2-й гильдіи купца Николая Бѣляева; попечителя Верхнеуральскаго мужскаго приходскаго училища, верхнеуральскаго 2-й гильдіи купца Леонида Смышляева; попечителя Павловскаго женскаго училища, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, горбатовскаго 2-й гильдіи купца Ивана Строева; попечителя втораго Богородскаго мужскаго училища, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, временнаго горбатовскаго купца Александра Маркова; почетнаго блюстителя Благодаренскаго двухкласснаго училища, Ставропольской губерніи, купца Петра Шевченко; попечителя Солодиловскаго училища, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, богородицкаго купца Никифора Токарева; попечителя Слободскаго училища, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи, ефремовскаго купца Павла Шапошниковъ; попечителя Боскачскаго сельскаго училища, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, каширскаго купца Николая Токарева; попечителя Люблинскаго сельскаго училища, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, каширскаго купца Ивана Карякина; попечителя Каргашинскаго сельскаго училища, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, каширскаго купца Митрофана Иванова; каширскаго купца Захара Городничева; попечителя Шиловскаго сельскаго училища, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи, ефремовскаго купца Алексѣя Окорокова; попечителя Кошелевскаго начальнаго училища, Нижегородскаго уѣзда, нижегородскаго купца Ивана Гнѣушева; попечителя Моховскаго сельскаго училища, Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи, купца Тимоѣя Щеглова; попечителя Никоновскаго начальнаго народнаго училища, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, временнаго московскаго купца Ѳедора Баранова; чернскаго купца Анисима Чаодаева; костромскаго купца Андрея Кондырева; духовщинскаго купца Николая Сапожникова; московскаго купца Ивана Герасимова; царевскаго волостнаго старшины, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, крапивенскаго временнаго 2-й гильдіи купца Тита

Александрова; временнаго московскаго 2-й гильдіи купца, крестьянина-собственника Тимофея Королева; астраханскаго временнаго 2-й гильдіи купца Іосифа Асатурова; чернскаго купеческаго сына Михаила Чаодаева; попечителя Ушаковскаго сельскаго училища, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи, купеческаго сына Патрікія Нечаева; почетнаго блюстителя Тернавскаго однокласснаго сельскаго училища, Кубанской области, урядника Прокофія Силенко; почетнаго блюстителя Петергофскаго женскаго прикладскаго училища, Гдовскаго мѣщанина Антона Штенгеля; учителя Шенетовскаго народнаго училища, Заславскаго уѣзда, Волынской губерніи, Ивана Голымбатовскаго; вахтера Охтенскаго ремесленнаго училища, запаснаго унтеръ-офицера Григорія Завьялова, и швейцара при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, отставнаго унтеръ-офицера лейбгвардіи Финляндскаго полка Аеонасіа Ананьева, и для ношенія на груди: золотыми на лентахъ: Аннинской: попечителя Новорождественскаго станичнаго училища, Кубанской области, 2-й гильдіи купца Семена Куницына; почетнаго блюстителя Суковского однокласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, калужскаго временнаго 2-й гильдіи купца, изъ крестьянъ, Михаила Кутасова; почетнаго блюстителя Брюховецкаго двухласснаго сельскаго училища, Кубанской области, купца Василя Викторова; почетнаго блюстителя Прасковейскаго двухласснаго сельскаго училища, Ставропольской губерніи, купца Василя Шабанова; рязскаго мѣщанина Ивана Ратецкаго; волостнаго старшины Таганчской волости, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Θεодосія Горянаго; попечителя Вызволослободскихъ мужскаго и женскаго училищъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, крестьянина, торгующаго по купеческому свидѣтельству, Михаила Чичканова; попечителя Талицкаго начальнаго начальнаго народнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина села Талицъ Иларіона Павлова; почетнаго блюстителя Микряковскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, крестьянина-землевладѣльца, торгующаго по купеческому свидѣтельству, Леонтіа Лукьянова; почетнаго блюстителя Чердынскаго женскаго двухласснаго училища, Пермской губерніи, почетнаго смотрителя Чердынскаго городскаго четырехласснаго училища и члена Чердынскаго уѣзднаго училищнаго совѣта отъ земства, крестьянина Николая Селиванова; волостнаго старшины Савранской волости, Балтскаго

уѣзда, Подольской губерніи, крестьянина-собственника Василя Бачинскаго и крестьянина Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, Спасъ-Телепневской волости, Николая Прокофьева, и Станиславской: почетнаго блюстителя Новолабискаго однокласнаго сельскаго училища, Кубанской области, потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Терентьева; кутанскаго 2-й гильдіи купца Израиля Бузіашвили; попечителя Крыловскаго станичнаго училища, Кубанской области, 2-й гильдіи купца Гавріила Куропатченко; попечителя Старомишистовскаго станичнаго училища, Кубанской области, урядника Михаила Удавицкаго; попечителя Кисляковскаго станичнаго училища, Кубанской области, урядника Луки Яковенко; состоящаго по найму служителемъ инспекціи Императорскаго Московскаго университета, отставнаго музыканта унтеръ-офицерскаго званія Василя Бѣлиловскаго; почетнаго блюстителя однокласнаго начальнаго училища общества владикавказскихъ ремесленниковъ, мѣщанина Ивана Чибисова; состоящаго въ качествѣ секретаря инспекціи училищъ города Варшавы, изъ городскихъ обывателей Ковенской губерніи, Ильи Герши Дворковича; почетнаго блюстителя Миротинскаго двухкласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянина-собственника Прокофія Сучилина; почетнаго блюстителя Спасскаго двухкласнаго начальнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, крестьянина села Спасскаго, торгующаго по купеческому свидѣтельству, Ивана Матѣева; попечителя Поводневскаго начальнаго народнаго училища, Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина села Поводнева, Поводневской волости, Абрама Титова; попечителя Спасскаго женскаго училища, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, крестьянина Павла Полякова; попечителя Сосновскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, крестьянина, торгующаго по купеческому свидѣтельству, Степана Пиногорова; попечителя Богоролскаго, въ Осену, начальнаго училища, Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина деревни Борисовской, Осецкой волости, Михаила Смирнова и попечителя Оедуринскаго начальнаго народнаго училища, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина деревни Оедурино Іоакима Петрова, и серебряными на лентахъ: Аннинской: почетнаго смотрителя Георгіевскаго городского училища, Терской области, 2-й гильдіи купца Оедора Шабанова; почетнаго блюстителя Роман-

ковскаго сельскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Екатеринославской губерніи, 2-й гильдіи купца Андрея Усенко; члена училищнаго попечительства Таманскихъ мужскаго и женскаго училищъ, Кубанской области, купца Герасима Фока; содержателя частнаго еврейскаго училища въ городѣ Павлоградѣ, мѣщанина Фриделя Вербова; попечителя Краснораменскаго начальнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина Владимірской губерніи, и уѣзда, села Черкутина, Дмитрія Зотова; попечителя Данилищевскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянина Сергѣя Баранова и крестьянина Олопецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Выковской волости, деревни Подгорья, Ивана Поршнева, и Станиславской: сельскаго писаря села Марисно, Преславской волости, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, дворянина Александра Дубскаго; почетнаго блюстителя Березовскаго, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, николаевскаго 2-й гильдіи купца Александра Башарина, попечителя Николо-Сытинскаго училища, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, купца Дмитрія Чекова; почетнаго блюстителя Петропавловскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Павлоградскаго уѣзда, купеческаго сына Севастьяна Антонова; учителя музыки и пѣнія Вологодскаго училища, телеграфиста 1-го разряда Вологодскаго телеграфнаго управленія Павла Гефле; нижняго служителя канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, отставнаго каптенармуса унтеръ-офицерскаго званія 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка Григорія Спиридонова; старшаго служителя Московскаго учительскаго института, отставнаго унтеръ-офицера Александра Бренера; уволеннаго въ запасъ арміи бомбардира Охтенской мѣстной артиллерійской команды Ивана Петровица; почетнаго блюстителя Ханскаго станичнаго училища, Кубанской области, урядника Кондрата Мельникова; учителя столярнаго мастерства въ ремесленныхъ классахъ при Казалинскомъ городскомъ училищѣ, отставнаго унтеръ-офицера Фёдора Иванова (онъ же Бурмистровъ); попечителя Алапаевского мужскаго начальнаго народнаго училища, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, мѣщанина Егора Петрова; попечителя Акулиненскаго начальнаго народнаго училища, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, подольскаго мѣщанина Феофиста Монегина; почетнаго блюстителя Веснебологскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія

училища, Опочецкаго уѣзда, мѣщанина Ивана Лалина; учителя музыки, по найму, Ейскаго реальнаго училища, ейскаго мѣщанина Якова Колесникова 1-го; Духовщинскаго мѣщанина Арсенія Лукашова; почетнаго блюстителя Новопокровскаго однокласснаго сельскаго училища, Кубанской области, казака Кузьмы Рогулина; состоящаго сторожемъ при Петергофскомъ женскомъ приходскомъ училищѣ отставнаго кузнеца лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Николая Бонасевича; попечителя Рязанцевскаго земскаго начальнаго народнаго училища, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянина Тимофея Чернова; почетнаго блюстителя Кинель-Черкаскаго, Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи, двухкласснаго начальнаго народнаго министерства народнаго просвѣщенія училища, крестьянина Дмитрія Алыбина; почетнаго блюстителя Курагинскаго приходскаго училища, крестьянина Курагинскаго селенія, Минусинскаго округа, Енисейской губерніи, Николая Пашенныхъ; бывшаго почетнаго блюстителя Новоропскаго народнаго училища, Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи, крестьянина Федора Яковенко; почетнаго блюстителя Могилевскаго начальнаго еврейскаго училища Григорія Рапопорта; учителя начальнаго народнаго училища, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, деревни Отрепьевой, изъ крестьянъ, Петра Соловьева; попечителя Лацковскаго начальнаго училища, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина села Лацкаго, Воскресенской волости, Прокопія Семейкина; попечителя Вороболовскаго начальнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянина деревни Боловина Ивана Куржова; попечителя Питерскаго, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, сельскаго начальнаго народнаго училища, крестьянина Измаила Минаева; члена приходскаго попечительства Кресто-Воздвиженской, погоста Дмитріевскаго, что въ кругу, церкви, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянина Тверской губерніи и уѣзда, Тургиновской волости, Михаила Макухина; попечителя Райновскаго сельскаго народнаго училища, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, поселанина-собственника селенія Райновки Василя Топалова; попечителя Радоловскаго сельскаго народнаго училища, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, поселанина-собственника селенія Райновки Дмитрія Стоева; попечителя Астраханскаго 1-го сельскаго народнаго училища, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, поселанина-собственника селенія Райновки Харитона Захарова; крестьянина деревни Шидловки, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, Захарія

Павлюка; крестьянина Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда Кушевской волости, деревни Селища, Андрея Доронина; крестьянина Ярославской губерніи, Даниловскаго уѣзда, Боровской волости, деревни Вороксы, Константина Королева; крестьянина села Завалья, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, Степана Харитоновъ; крестьянина Широносковской волости, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, Николая Киселева; крестьянина Андрея Болотова; крестьянина деревни Никифорцева, Вошажниковской волости, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Михаила Невидонскаго; церковнаго старосты приходской села Петрушина церкви, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянина Алексѣя Шевелева; старшины Саввинской волости, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, Василя Жовылева; волостнаго старшины Петрушинской волости, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, Мазара Алленова; волостнаго старшины Заславской волости, Заславскаго уѣзда, Волинской губерніи, Андрея Яремчука; волостнаго старшины Мясковской волости, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи, Николая Влага; исправляющаго должность Преславльскаго волостнаго старшины, поселенина-собственника села Бановки, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, Дмитрія Борова и бывшаго волостнаго старшины Маковской волости, Подольской губерніи, Каменецкаго уѣзда, крестьянина-собственника м. Шатовы, Іосифа Ситаря, и кафтанами: наряднымъ бархатнымъ: почетнаго блюстителя Бородинскаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія Порѣвскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Бородинскаго волостнаго старшины Діонисія Калиненко, и почетнымъ перваго разряда: попечителя Богородицкаго, Уколовскаго и Шейновскаго сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, Смоленской губерніи и уѣзда, Богородицкаго волостнаго старшины Семена Максимова.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 27-й день октября текущаго года, пожаловать ученика Варшавскаго реальнаго училища Михаила Попова, серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“, на Владимірской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

11. (21-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени Кирилла Ефимовича Чернова при Дерптскомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на счетъ процентовъ съ капитала въ 200 руб., заключающагося въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, собраннаго по добровольной подпискѣ почетнымъ смотрителемъ Дерптскаго городского училища, дерптскимъ купцомъ П. А. Поповымъ, учреждается, въ память скончавшагося 2-го февраля 1885 г. дерптскаго 2-й гильдіи кушца Кирилла Ефимовича Чернова, при Дерптскомъ городскомъ училищѣ одна стипендія, которой присвоивается наименованіе: „стипендія въ память скончавшагося дерптскаго купца Кирилла Ефимовича Чернова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Дерптскаго городского училища, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ его въ Дерптскомъ уѣздномъ казначействѣ, а проценты съ него, за удержаніемъ части, причитающейся, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, обращаются на взносъ платы за ученіе за одного изъ воспитанниковъ училища.

§ 3. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Дерптскаго городского училища.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (22-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра III при Холмской мужской гимназій въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу двѣсти пятьдесятъ руб., пожертвованнаго служащими свѣтскими и духовными лицами г. Холма и его уѣзда, учреждается при Холмской мужской гимназій, въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, одна стипендія съ наименованіемъ ея „Александровскою“

Примѣчаніе. Въ стипендію выдаются проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей передачѣ въ казну, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя неприкосновенную собственность сей гимназій.

§ 3. Стипендіатъ избирается изъ числа недостаточныхъ учениковъ Холмской мужской гимназій, русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія, по преимуществу уроженецъ Холмской Руси, отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ.

§ 4. Избраніе стипендіата происходитъ въ началѣ каждого учебнаго года въ педагогическомъ совѣтѣ Холмской гимназій и утверждается г. попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 5. Выдача стипендіи производится по полугодіямъ родителямъ стипендіата или опекунамъ его, или наконецъ самому стипендіату по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 6. Могущіе образоваться по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обращаются въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (26-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-лейтенанта Василія Яковлевича Моисеенко-Великаго при Казанскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго чиновниками Казанскаго окружнаго интендантскаго управленія, учреждается при Казанскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени умершаго въ 1875 г. бывшаго окружнаго интенданта Казанскаго военнаго округа, генераль-лейтенанта Василія Яковлевича Моисеенко-Великаго.

§ 2. Право пользованія стипендіей предоставляется ученикамъ Казанскаго реальнаго училища, изъ дѣтей чиновниковъ интендантскаго вѣдомства Казанскаго военнаго округа.

§ 3. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ одной облигаціи 2-го восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ прочихъ стипендіальныхъ суммъ заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ вычета въ пользу государственнаго казначейства, употребляются на взносъ платы за ученіе и на выдачу ученику, пользующемуся стипендіей, единовременныхъ пособій.

§ 5. Право назначенія стипендіата предоставляется высшему интендантскому учрежденію въ г. Казани.

§ 6. Въ случаѣ упраздненія въ г. Казани интендантскихъ учреждений, назначеніе стипендіата производится педагогическимъ совѣтомъ Казанскаго реальнаго училища.

§ 7. Право пользованія стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (30-го октября 1887 года). Положеніе о Самаринскомъ фондѣ для бѣдныхъ учениковъ Московской пятой гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталу въ десять тысячъ руб., пожертвованному титулярнымъ совѣтникомъ Д. Θ. Самаринымъ въ знакъ благодарности за воспитаніе, полученное его сыновьями въ Московской 5-й гимназій присвоивается, съ Высочайшаго соизволенія 13-го сентября 1887 г., наименованіе: „Самаринскій фондъ для бѣдныхъ учениковъ Московской 5-й гимназій“.

§ 2. Означенный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ этой гимназій, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну суммы, причитающейся, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, назначаются на взносъ установленной платы за ученіе бѣдныхъ учениковъ православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающихъ этой льготы по своему прилежанію и поведенію, или на выдачу пособій воспитанникамъ 5-й гимназій православнаго же исповѣданія.

§ 4. Выборъ воспитанниковъ, могущихъ воспользоваться пособиемъ на взносъ платы за ученіе, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Право на получение такого пособия избранный педагогическимъ совѣтомъ воспитанникъ сохраняетъ во все время пребыванія въ 5 гимназій и въ случаѣ успѣшнаго окончанія курса, по особому постановленію педагогическаго совѣта, въ теченіе перваго учебнаго года, въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

§ 6. Избранный педагогическимъ совѣтомъ воспитанникъ лишается пособия въ гимназій—въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, недостаточнаго прилежанія или слабости успѣховъ; во время же пребыванія своего въ университетѣ, если въ январѣ мѣсяцѣ имъ не будетъ представлено узаконенное свидѣтельство отъ университетскаго начальства о зачетѣ ему 1-го полугодія.

§ 7. Пользованіе пособиями не налагаетъ на получающихъ оныя никакихъ обязательствъ.

15. (31-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго ташкентскими любителями драматическаго искусства.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 6.000 руб. учреждается одна стипендія подъ наименованіемъ „стипендія ташкентскихъ любителей драматическаго искусства“.

§ 2. Размѣръ стипендіи двѣсти восемьдесятъ пять рублей въ годъ. (За вычетомъ 5% государственнаго налога).

§ 3. Стипендія назначается для туркестанскихъ уроженцевъ.

Примѣчаніе. Стипендія можетъ быть назначаема и не уроженцу Туркестанскаго края, если онъ получилъ воспитаніе въ Ташкентской гимназій. (Примѣчаніе это имѣетъ силу и для ст. 6 сихъ правилъ).

§ 4. Право назначенія стипендіи, согласно существующимъ на сей предметъ общимъ правиламъ, принадлежитъ правленію университета, при чемъ педагогическому совѣту того учебнаго заведенія Туркестанскаго края, въ которомъ окончилъ курсъ тотъ или другой изъ студентовъ университета, предоставляется право рекомендовать кандидата на стипендію.

§ 5. Если въ числѣ студентовъ университета, помимо рекомендуемаго педагогическимъ совѣтомъ, окажется другой, имѣющій право на сію стипендію и по своимъ успѣхамъ и поведенію заслуживаю-

щій предпочтеніе предъ рекомендуемымъ, въ такомъ случаѣ стипендія можетъ быть назначена сему послѣднему.

§ 6. Такъ какъ стипендія по § 3 назначается для уроженцевъ Туркестанскаго края, то, въ случаѣ неимѣнія кандидата на оную, свободные проценты съ капитала должны присоединяться къ оному для увеличенія размѣра стипендіи.

16. (5-го ноября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени Анны Савиной Котельниковой при Московской 3-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей, завѣщаннаго купеческою вдовою А. С. Котельниковою, учреждается при Московской 3-й гимназій одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Московской 3-й гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ двухъ первыхъ со времени учрежденія стипендіи, кандидатовъ предоставляется душеприкащикѣ вдовы Котельниковой—мѣщанкѣ Марѣ Михайловой Нестеровой, назначеніе же всѣхъ послѣдующихъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Московской 3-й гимназій.

§ 4. Стипендія назначается въ пособіе одному изъ бѣднѣйшихъ, православнаго исповѣданія, учениковъ Московской 3-й гимназій, имѣющему по успѣхамъ въ наукахъ отмѣтку не менѣе 3 по всѣмъ предметамъ, а по поведенію не менѣе 4.

§ 5. Если ученикъ пользующійся стипендіей, останется въ томъ же классѣ на второй годъ, или получитъ по поведенію отмѣтку 3, то подвергается смѣщенію со стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта Московской 3-й гимназій. Но если причиною перехода въ высшій классъ была болѣзнь или другая уважительная причина, то онъ не лишается правъ на полученіе стипендіи.

§ 6. Если отъ стипендіальнаго капитала по какимъ-либо причинамъ образуется свободный остатокъ, то онъ употребляется на усиленіе сего капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (5-го ноября 1887 года). Правила о единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ пятнадцать тысячъ девятьсотъ рублей, завѣщаннаго вдовою полковника Елизаветою Ивановною Николовой.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала 15.900 руб. учреждаются при Императорскомъ Московскомъ университетѣ единовременныя пособія имени завѣщательницы сего капитала вдовы полковника Елизаветы Ивановны Николовой.

§ 2. Проценты съ сего капитала (за исключеніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога), въ размѣрѣ 755 руб. 25 коп., назначаются правленіемъ университета, на основаніи существующихъ правилъ, недостаточнымъ студентамъ въ пособія для уплаты слѣдующихъ изъ нихъ денегъ за слушаніе профессорскихъ лекцій.

§ 3. Назначаемыя съ означенною цѣлью пособія студентамъ не выдаются имъ на руки, а перечисляются правленіемъ университета въ соответствующіе источники, а именно: часть въ сумму за слушаніе лекцій и часть въ переходящія суммы для выдачи гонорара профессорамъ.

§ 4. Если въ какомъ-либо году образуются остатки отъ $\frac{1}{2}\%$ съ капитала, то таковыя выѣсты съ $\frac{1}{2}\%$ слѣдующаго года употребляются для той же цѣли.

18. (7-го ноября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Григорія Антоновича Захарьина при Саратовской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шесть тысячъ руб., пожертвованнаго тайнымъ совѣтникомъ Захарьинимъ и заключающагося въ шести 4% билетахъ внутренняго займа, въ тысячу руб. каждый, учреждается при Саратовской гимназій стипендія имени тайнаго совѣтника Григорія Антоновича Захарьина въ память первоначальнаго образованія его въ сей гимназій.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ хранится въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія, оставаясь неприкосновеннымъ на вѣчныя времена.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за учение и содержаніе стипендіата, а могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ-либо причинамъ, присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

Примѣчаніе. По усмотрѣнію педагогическаго совѣта изъ остатковъ могутъ быть выдаваемы стипендіату единовременныя вспомошествованія, напримѣръ, при отправленіи въ университетскій городъ, или въ награду за отличные успѣхи, или для приобрѣтенія болѣе капитальныхъ учебныхъ пособій.

§ 4. Въ случаѣ выхода вышеозначенныхъ % бумагъ въ тиражъ, немедленно приобрѣтаются на счетъ имѣющаго быть полученнымъ капитала новыя % бумаги того же или высшаго достоинства.

§ 5. Стипендіей имени Григорія Антоновича Захарьина пользуется одинъ изъ недостаточныхъ, русскаго происхожденія, учениковъ Саратовской гимназіи, который по своимъ дарованіямъ и по поведенію будетъ признанъ способнымъ къ успѣшному прохожденію гимназическаго курса.

§ 6. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 7. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей за все время обученія въ гимназіи, если будетъ того заслуживать по успѣхамъ и поведенію; въ случаѣ же, если стипендіатъ не будетъ обнаруживать хорошихъ успѣховъ или будетъ замѣчаться въ предосудительномъ поведеніи, то, по постановленію педагогическаго совѣта, онъ лишается стипендіи и на его мѣсто назначается вышесказаннымъ въ §§ 5 и 6 порядкомъ другой ученикъ; но если пониженіе успѣшности стипендіата произойдетъ по причинамъ уважительнымъ, напримѣръ, по продолжительной болѣзни или тяжелымъ домашнимъ обстоятельствамъ, то педагогическому совѣту предоставляется право сохранить за такимъ стипендіатомъ получаемую имъ стипендію.

§ 8. Пользованіе стипендіею Г. А. Захарьина не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19. (11-го ноября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени купеческой вдовы Анны Савиной Котельниковой при Московской 4-й мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи пятьсотъ руб. завѣщаннаго купеческою вдовою Анною Савиною Котельниковою

учреждается при Московской 4-й гимназiи одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Московской 4-й гимназiи и считается неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за исключеніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, выдаются стипендіату на руки, а въ случаѣ надобности, его родителямъ или опекунамъ. Остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, по обращеніи ихъ въ государственныя процентныя бумаги, присоединяются къ стипендіальному капиталу, на предметъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 4. Право на назначеніе первыхъ двухъ стипендіатовъ предоставляется душеприкащикѣ вдовы Котельниковой московской мѣщанкѣ Марьѣ Михайловнѣ Нестеровой, а назначеніе послѣдующихъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназiи.

§ 5. Стипендіей пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназiи, православнаго исповѣданія, отличающійся благонравіемъ и хорошими успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка съ необходимымъ матеріаломъ для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ и употребленія знаковъ препинанія. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Красногорскій. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку IV + 163 стр. Цѣна 65 коп.“—одобрить, какъ учебное пособие.

— Книгу: „Полная практическая славянская грамматика, составленная священникомъ Крыловымъ. Изд. 2-е. М. 1887. Въ 8-ку 274 стр. Цѣна 1 р.“—одобрить, какъ учебное пособие.

— Книгу: „Пособіе при изученіи исторiи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ

П. Смирновскій. Часть четвертая (выпускъ 5-й). Новый періодъ. Отдѣлъ III (отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Изд. 3-е. М. 1887. Въ 8-ку 266 стр. Цѣна 80 коп.“—одобрить, какъ учебное пособіе.

— Книгу: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Составилъ Мартыновскій. Тифлисъ. 1887. Въ 8-ку XXXIV + 396 стр. Цѣна 90 коп.“—одобрить, какъ учебное пособіе, для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ.

— Составленные В. Шенрокомъ книги: 1) „Указатель къ письмамъ Гоголя. М. 1886. Въ 8-ку 91 стр. Цѣна 1 руб.“ и 2) „Ученическіе годы Гоголя. Біографическія замѣтки. М. 1887. Въ 8-ку 130 стр. Цѣна 75 коп.“ — рекомендовать для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ), какъ фундаментальныхъ, такъ и ученическихъ.

— Книгу: „Руководство къ средней исторіи. Курсъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. Веллярминовъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку 251 стр., съ картами и рисунками. Цѣна 70 коп.“—одобрить для употребленія въ качествѣ руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Н. Невзорова. Часть I. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 195 стр. Цѣна 40 коп.—То же. Часть II. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 335 стр. Цѣна 70 коп.“ — одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, первую часть для 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшихъ отдѣленій городскихъ и сельскихъ училищъ, вторую часть—для 3, 4 и 5-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ гимназіяхъ: Харьковскихъ: 1-й и 2-й, Сумской (съ учениковъ, родители коихъ принадлежатъ къ числу жителей Сумскаго уѣзда и г. Сумъ) Курской, Бѣлгородской, Корочанской, Воронежской, Тамбовской, Елатомской, Пензенскихъ 1-й и 2-й и въ прогимназіяхъ: Острогомжской, Борисоглѣбской, Ахтырской, Харь

ковской, Рыльской, Воронежской и Краснослободской до (40 р.) сорока руб.; а въ Бобровской и Лебединской прогимназіяхъ до (25 р.) двадцати пяти руб., въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ, открыты слѣдующія училища министерства народнаго просвѣщенія: городскія, трехклассное въ г. Калугѣ на средства братьевъ Малютиныхъ, при 60 учащихся, двухклассное въ г. Коротоякѣ, при 58 учащихся; одноклассныя начальныя народныя училища: въ Буртинской волости, Илецкаго уѣзда, Тургайской области, при 14 учащихся, въ с. Кочановкѣ, Литинскаго уѣзда, Подольской губ., при 44 учащихся, въ с. Копосовѣ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губ., при 90 учащихся, и въ с. Огородникахъ, Брестскаго уѣзда, Гродненской губ., при 52 учащихся. Волостныя школы Прекульнская, Венденскаго уѣзда, Лифляндской губ., и Виргинская, Гребинскаго уѣзда, Курляндской губ. преобразованы, согласно ходатайству мѣстныхъ волостныхъ правленій, въ одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Департаментомъ народнаго просвѣщенія переданы комиссіонеру сего департамента, книгопродавцу Глазунову, въ С.-Петербургѣ, для продажи печатные экземпляры „Списка лицамъ, служащимъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія на 1887—1888 учебный годъ“.

ТАННЕНБЕРГСКАЯ БИТВА ¹⁾.

Танненбергская битва имѣетъ крупное мировое значеніе. Это не было столкновеніе двухъ народовъ; это была борьба германо-романскаго запада со славянскимъ востокомъ. На одной сторонѣ стоялъ Тевтонскій орденъ и рыцари изъ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи; эти пришельцы составляли болѣе трети нѣмецкой арміи, бывшей

¹⁾ Главные источники: *Cronica conflictus Vladislai regis Polonie cum cruciferis anno Christi 1410* въ *Scriptores rerum prussicarum*, herausgegeben von *Hirsch, Töppen, Strehlke*, III Band. Leipzig 1866, 434—439. *Długosz*, *Historia Polonica*, ed. *A. 'Przedziecki*, tomus IV. Cracoviae 1877, liber XI. *Johann von Posilge* въ *Script. rer. prus.*, III. Письма Ягайла къ женѣ Аннѣ и къ епископу познанскому Альберту въ *Script. rer. prus.* III, 425. Жалоба поляковъ и оправдательный отвѣтъ рыцарей на Констанцкомъ соборѣ въ *Codex epistolaris Viboldi*, ed. *A. Prochaska*. Cracoviae 1882, 1001 и у *Voigt*, *Geschichte Preussens*, VII Band. Königsberg 1836, 84. Отрывки разныхъ хроникъ въ *Script. rer. prus.*, III и IV.

Главныя пособія: *Narbutt*, *Dzieje narodu litewskiego*, VI, Vilno 1839, 236. *Voigt*, *Gesch. Preus.*, VII, 85. *Шайноха*, *Ядвига и Ягайло*, томъ II, С.-Пб. 1882, 611. *Caro*, *Geschichte Polens*, III, Gotha 1869, 325. *Köhler*, *Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit von Mitte des XI Jh. bis zu den Hussitenkriegen*, Band II, Breslau 1886, 656—740. *Thunert*, *Der grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden*, — въ *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, Heft XVI, Danzig 1886, 38—104. (У г. Тунерта указаны другія нѣмецкія изслѣдованія, имѣющія отношеніе къ Танненбергской битвѣ). *Prochaska*, *Przed Grunwaldem* въ *Szkice historyczne z XV wieku*, Kraków i Warszawa 1884, 41—147. (Недавно на польскомъ языкѣ издано для народнаго чтенія описаніе Танненбергской битвы—*Bitwa pod Grunwaldem czyli zwycięstwo polaków nad krzyżakami 1410 r.*, wedle *Długosza*, *Karola Szajnochy* i innych. Poznań 1886.; научнаго значенія, конечно, не имѣетъ).

подъ Танненбергомъ¹⁾. На другой—русскіе, поляки, чехи, моравяне, силезскіе славяне, литовцы, татары; болѣе всего было русскихъ и поляковъ; тѣхъ и другихъ можно считать приблизительно поровну. По значенію для славянства Танненбергская битва можетъ быть сравнена съ Куликовскою. Въ послѣдней силы восточнаго центра русскаго племени—Москвы отразили татаръ, грозившихъ съ востока, а въ первой силы западнаго центра русскаго племени — Вильны, выѣстъ съ поляками, отразили враговъ, грозившихъ съ запада.

Выѣстъ съ тѣмъ это была борьба отживающихъ среднихъ вѣковъ съ наступающими новыми: представитель первыхъ—рыцарскій орденъ, хранитель средневѣкового военнаго искусства боролся съ ополченіями, сравнительно молодыхъ еще народовъ, съ ополченіями, чуждыми болѣе или менѣе рыцарской науки и рыцарскаго духа. Въ этомъ отношеніи Танненбергская битва отчасти можетъ быть поставлена рядомъ съ битвами при Земпахъ и при Никополѣ. Во всѣхъ трехъ битвахъ рыцари потерѣли страшное пораженіе отъ противниковъ, которыхъ они презирали за невѣжество въ военномъ дѣлѣ: при Земпахъ — отъ грубыхъ швейцарскихъ поселянъ и горожанъ, при Никополѣ — отъ турокъ, при Танненбергѣ — отъ славянъ и литовцевъ, про которыхъ магистръ Ульрихъ-фонъ-Юнгингенъ выразился, что въ нихъ войскъ болѣе кашеваровъ, чѣмъ воиновъ²⁾. Но, уступая рыцарямъ въ военномъ искусствѣ, противники ихъ имѣли другія преимущества. Для рыцарей война была искусство, и притомъ искусство для искусства. Рыцарь слишкомъ много придавалъ значенія соблюденію рыцарскихъ приемовъ и правилъ, для него на первомъ планѣ стояла битва непремѣнно по всѣмъ правиламъ, а результатъ битвы, побѣда, какъ бы отодвигался на второй планъ. Убѣжденный въ неотразимости своихъ приемовъ, самоувѣренный рыцарь и не думалъ искать благопріятныхъ обстоятельствъ и пользоваться счастливыми случайностями³⁾. Совсѣмъ другое на противной

¹⁾ *Voigt, Geschichte Preussens, Königsberg 1836, VII, 76.* Были на сторонѣ ордена и оивмечившіеся славяно: нѣкоторые поморскіе князья и силезскіе. Интересно, что Кромеръ укоряетъ ихъ за измѣну своимъ соплеменникамъ и прелкамъ: *Et sane omnis fere Germania tunc autoribus Crucigeris in exitium Polonorum conspiraverat. Silesiorum item et Slavorum sive Pomeranorum, qui ad mare Balticum et Chersonesum Cymbricam accolunt, duces in consanguineorum ac progenitorum suorum perniciem devoti, armis Crucigeros virisque juverunt. Cromer, Polonia sive de origine et rebus gestis Polonorum, Col. Agrip. 1589, 270.*

²⁾ *Długosz, Hist. Pol., liber XI, 17.*

³⁾ *Script rer. prus., III, 317 примѣчаніе 2.*

сторонѣ. Сознавая военное превосходство рыцарей и интересуясь результатомъ битвы, а не битвой, противники рыцарей не пренебрегали никакими обстоятельствами для извлеченія изъ нихъ практическихъ выгодъ: выбирали и мѣстность удобную, слѣдили и за направлениемъ вѣтра и проч. Вовторыхъ, рыцарскія арміи, состоявшія изъ представителей разныхъ государствъ и различныхъ народностей, не имѣли ни политическаго, ни національнаго единства. Разъединенности ихъ еще болѣе способствовалъ рыцарскій духъ, который на первомъ планѣ ставилъ личные подвиги. Рыцари и совершали подвиги, но совершали ихъ отдѣльными отрядами и единичными личностями. Противники же ихъ, связанные политическимъ и національнымъ единствомъ, дѣйствовали сплошною массою, не надѣясь на отдѣльные личные подвиги и не гонясь за ними. Феодално-рыцарская обособленность среднихъ вѣковъ побѣждалась національно-политическимъ объединеніемъ новаго времени. Въ Танненбергской битвѣ противники рыцарей имѣли еще одно достоинство, вслѣдствіе чего эта битва отличается нѣсколько по своему характеру отъ Земпахской и Никопольской и потому можетъ быть приравнена къ нимъ только отчасти. Русскіе, составлявшіе, какъ уже сказано, очень значительную часть славянской арміи, и даже литовцы были все-таки нѣсколько знакомы съ военною наукою того времени. Еще со времени Витеня и въ собственно литовскихъ отрядахъ была введена русская дисциплина и русскіе военные приемы, о которыхъ нѣмцы лѣтописцы отзывались съ большою похвалою и называли сходными съ приемами западныхъ рыцарей¹⁾. Точно также, конечно, и поляки, и чехи, и мораване, ближе стоявшіе къ западной Европѣ, не были незнакомы съ военною тактикой.

Сами современники и позднѣйшіе лѣтописцы²⁾ смотрѣли на Танненбергскую битву, какъ на борьбу запада съ иновѣрнымъ востокомъ. Въ этомъ направленіи именно дѣйствовала фантазія, проявляющаяся въ извѣстіяхъ изъ странъ, отдаленныхъ отъ мѣста битвы. Такъ въ Любекской хроникѣ говорится, что въ Танненбергской битвѣ противъ ордена и его союзниковъ сражались сарацины, турки, персы, ми-

¹⁾ Антоновичъ, Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, томъ I. Кіевъ. 1885, 40. Caro, III, 307, сравнивая Танненбергскую битву съ Земпахскою и Никопольскою, упоминаетъ изъ виду приведенное отличіе.

²⁾ Такой взглядъ, напримѣръ, въ хроникѣ Ваповскаго, *Wapowski, Dzieje królestwa Polskiej i wielkiego księstwa Litewskiego*, wyd. *Malinowski*. Wilno 1847, I, 216.

дѣйцы и даже еврея. Французскія хроники противниковъ ордена называютъ сарацинами. Въ одномъ французскомъ романѣ XV в. (*L'hystoire et plaisante cronicque du Petit Iohan de Saintre et de la jeune dame des Belles-Cousines sans autre nom nommer par Antoine de la Sale*), рассказывающемъ, какъ одинъ знаменитый французскій рыцарь, по требованію своей дамы, отправился въ прусскій походъ, говорится, что въ составъ языческаго войска при Танненбергѣ входили всѣ магометане востока до самой Индіи, что, кромѣ того, тамъ были и египтяне, и марокканцы ¹⁾).

Вражда нѣмцевъ и славянъ началась очень давно ²⁾. Уже въ IX вѣкѣ нѣмцы сильно проявляли свой *Drang nach Osten*. Послѣ упорной и продолжительной борьбы исчезли съ береговъ Эльбы и Одера славянскія государства бодричей и лютичей, и на ихъ мѣстѣ явились маркграфства Саксонское и Бранденбургское. Мѣсто Велико-Моравской державы заняли маркграфства Австрійское и Каринтійское. Чехія вошла въ составъ нѣмецкихъ земель, и чешскіе князья обратились въ нѣмецкихъ вассаловъ. Утвердись въ Пруссіи, Тевтонскій орденъ отторгнулъ отъ Польши цѣлую область—Поморье. Ливонія и Эстонія были заняты нѣмцами. Притязанія нѣмцевъ на восточныя земли не знали границъ. Для достиженія своихъ цѣлей они пользовались самыми разнообразными средствами. Куда не могли проникнуть вооруженною силою, туда они втирались посредствомъ поселеній и торговыхъ сношеній, какъ напримѣръ, въ Новгородъ и Псковъ. Не пренебрегали и разными дарственными грамотами императоровъ, хотя эти грамоты не имѣли прямого практическаго значенія; такъ отъ Людовика Баварскаго рыцари получили грамоту на Литву и Русь ³⁾. Нѣмецкое духовенство, распространяясь по славянскимъ землямъ, не мало способствовало порабощенію славянъ. Во всѣхъ насиліяхъ крестовосцевъ, напримѣръ, въ захватѣ Поморья, въ нападеніяхъ на Польшу при Владиславѣ Локетѣ, —имъ помогали многочисленныя рыцари изъ всѣхъ странъ Германіи.

¹⁾ Script. rer. prus. III, 405 (Forsetzung von Detmars Lübischer Chronik); то же—въ хроникѣ одного августинскаго монаха въ Оснабрюкѣ, Script. rer. prus. III, 411 (Ioannes Schiphower aus Meppen), III, 453 (Chronique du religieux de Saint-Denys), III, 455 (Enguerrand de Monstrelet), III, 456 (Antoine de la Sale).

²⁾ Подробности объ этой враждѣ см. *Шайноха*, Ядвига и Ягайло, томъ I, глава VIII (стр. 360—430).

³⁾ *Raczynski*, Codex, diplomaticus Lithuaniae. Познань 1845, 42. *Шайноха*, I, 370.

Въ захваченныхъ земляхъ рыцари не давали никакой пощады населенію. Нѣмецкій же лѣтописецъ Вигандъ говоритъ, что нѣмецкіе владѣтели Эстоніи жестоко обходились съ народомъ, безчестили женщинъ и дѣвицъ, мужей и отцовъ обращали въ рабство, отнимали имѣнія у владѣльцевъ ¹⁾. Не менѣе угнетала славянскія земли и нѣмецкая торговля. Главнымъ центромъ этой торговли въ XIII и XIV вв. были ганзейскіе города, лежащіе по берегамъ Эльбы и Балтійскаго моря, въ древнихъ славянскихъ земляхъ. „Возросши изъ славянскихъ корней, Ганза питалась и далѣе славянскими соками, высасываемыми изъ отдаленнѣйшихъ славянскихъ народностей, изъ Польши, русской Литвы и Руси. Такимъ образомъ всѣ эти страны постоянно видѣли надъ собою рыцарскій мечъ, а у каждой изъ своихъ артерій — въ стѣнахъ Кракова, Гданска, Вильны, Пскова, Новгорода Великаго — толпы ганзейскихъ купцовъ, которые ихъ высасывали. Собственною промышленностью, искуснымъ выборомъ товаровъ не отличались тевтонскіе города. Единственнымъ источникомъ ихъ благосостоянія была выгодная торговля со славянскимъ востокомъ, остававшаяся долгое время въ ихъ исключительномъ обладаніи“ ²⁾).

За всѣ эти выгоды нѣмцы платили славянамъ притѣсненіями и угнетеніями. Ганза отняла у славянъ всякую возможность собственныхъ торговыхъ предпріятій; въ теченіи многихъ лѣтъ славяне должны были сбывать свои товары такъ дешево и покупать заграничные такъ дорого, какъ угодно было ганзейскому союзу. Исторія важнѣйшихъ славянскихъ городовъ: Праги, Кракова, Бреславля, показываетъ наглядно, какъ нѣмцы, разъ появившись въ странѣ, старались во всемъ получить преобладаніе. Такъ, напримѣръ, въ Прагѣ въ городскомъ магистратѣ сидѣли 16 иностранцевъ и только два чеха. Въ Пруссіи и Поморьѣ туземное населеніе могло заниматься только земледѣліемъ и было отстранено отъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Одна изъ важнѣйшихъ привилегій — ограниченіе воинской повинности на нихъ не распространялась. Нѣмецкіе переселенцы несли ограниченную службу, то-есть, выходили только для защиты своей страны и то въ предѣлахъ своего округа или уѣзда; туземцы же, по каждому востребованію, должны были нести неограниченную службу, то-есть, и при оборонѣ страны, и въ походахъ на Литву и Польшу. Далѣе орден-

¹⁾ *Wigand, ed. Raczyński, 64. Шайноха, I, 379.*

²⁾ *Sartorius, Geschichte des Hanseat. Bundes, 1805, I, 314, 320. Ср. Шайноха, I, 381, 382.*

скіе законы постановили, что ни одна пядь нѣмецкой земли не можетъ перейти во владѣніе туземца. Туземцамъ не дозволялось даже учиться ремесламъ, не только заниматься ими ¹⁾). Можно бы ожидать, по крайней мѣрѣ, что нѣмцы, какъ народъ цивилизованный, будутъ способствовать просвѣщенію туземцевъ. На дѣлѣ же оказывается, что нѣмцы ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи; ни въ Пруссіи, ни въ Поморской землѣ послѣ рыцарей не осталось ни малѣйшаго слѣда заботы о просвѣщеніи. Въмѣсто науки съ западными пришельцами проникали въ массы народа предрасудки и пороки. Въ XIV и XV вв. въ нѣмецкой землѣ стала распространяться чудовищная теорія истребленія колдуній, и отсюда-то эта теорія перешла и въ Польшу. Пьянство, волокитство и безчестная игра въ кости были обычнымъ времяпровожденіемъ тевтоновъ. Однимъ изъ самыхъ пагубныхъ вліяній тевтоновъ было распространеніе разбойничества, которое отъ нихъ перешло и въ Польшу. Подобныя дѣянія и качества, конечно, возбуждали въ притѣсняемыхъ славянахъ сильную ненависть къ нѣмцамъ. Съ какою же враждою вообще относились нѣмцы къ славянамъ, можно видѣть изъ словъ тевтонскаго священника, доминиканскаго монаха Фалькенберга, обращенныхъ къ Европѣ: „всѣ князья должны почестъ своею обязанностию возстать съ мечомъ мести противъ Польши; нѣтъ заслуги, вѣрнѣе ведущей къ спасенію души, какъ содѣйствіе совершенному истребленію польскаго народа съ его королемъ и шляхтою ²⁾).

Очевидно, что при такомъ положеніи было слишкомъ довольно причинъ для борьбы, которая и продолжалась между славянами и нѣмцами непрерывно. Полякамъ особенно непріятна была утрата Поморья. Еще Казиміръ Великій завѣщалъ своимъ преемникамъ отнять отъ ордена эту землю ³⁾). Принимая на престолъ Ягайла, польскіе папы взяли съ него формальное обѣщаніе стараться о возвращеніи Поморья ⁴⁾).

Война же 1410 г. или, какъ она часто называется, великая война, кромѣ упомянутыхъ общихъ причинъ, имѣла особые ближайшіе поводы. Это—споры за Дрезденко и Жмудь.

¹⁾ *Voigt, Gesch. Preussens*, VI, 728: „aber man soll keinem Preussen das Handwerk lehren“. *Шайноха*, I, 390, 391.

²⁾ *Шайноха*, I, 393—401.

³⁾ *Bobrzyński, Dzieje polski*. Warszawa 1880, I, 219, 220.

⁴⁾ *Sokołowski i Szujski, Codex epistolaris saec. decimi quinti*, I, 4. *Długosz*, X, 450.

Въ концѣ XIV и началѣ XV в. орденъ опять захватилъ нѣсколько земель, которыя граничили съ Польшей и на которыя поляки тоже предъявляли свои права. По предложенію Сигизмунда Венгерскаго, рыцари купили Новую Мархію (на нижнемъ теченіи р. Варты), принадлежавшую Люксембургскому дому, и Добржинскую землю (на среднемъ теченіи Вислы)—у Владислава Опольскаго, который получилъ ее отъ короля Людовика съ условіемъ быть вассаломъ королевства Польскаго. Такимъ образомъ верховнымъ владѣтелемъ Добржинской земли былъ Ягайло. Естественно поэтому, что поляки рѣшительно воспротивились захвату этой области, и послѣ долгихъ споровъ, вопросъ о Добржинской землѣ кончился тѣмъ, что миролюбивый магистръ Конрадъ Юнгингенъ перепродалъ ее полякамъ, по ихъ желанію, въ 1405 г. ¹⁾ На Новую Мархію прямыхъ притязаній поляки не имѣли, но присоединеніе ея къ ордену безпокоило сильно Польшу, потому что границы Новой Мархіи были очень неопредѣленны и спорны, и поляки опасались, что рыцари начнутъ захватывать польскія пограничныя мѣста. Опасенія эти очень скоро подтвердились. Рыцари захватили опять покупкою лежащей на границѣ Новой Мархіи городъ Дрезденко. Этотъ городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки: въ XIII и въ началѣ XIV в. онъ принадлежалъ то поморскимъ князьямъ, то великопольскимъ, то маркграфу Бранденбургскому. Наконецъ въ 1365 г. четверо нѣмецкихъ владѣтелей Дрезденка князя фонъ-деръ-Остъ присягнули Польскому королю Казимиру и въ присяжной грамотѣ засвидѣтельствовали, что этотъ городъ есть древнее достояніе польской короны. Эту присягу Ульрихъ фонъ-деръ-Остъ повторилъ Ягайлу и даже обязался (въ 1405 г.) промѣнять Дрезденко на какое-нибудь владѣніе въ центрѣ Польскаго королевства. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого обѣщанія Ульрихъ фонъ-деръ-Остъ неожиданно передалъ Дрезденко во временное владѣніе Прусскому ордену съ обязательствомъ чрезъ годъ уступить его въ полную собственность рыцарямъ. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это событіе въ Польшѣ. Начались обычные дипломатическіе споры.

Споръ шелъ о томъ, принадлежалъ ли Дрезденко всегда къ Новой Мархіи или считался виѣ ея предѣловъ. Въ доказательство перваго магистръ неоднократно ссылаясь на письма къ нему Сигизмунда

¹⁾ *Dogiel*, Codex diplom. Regni Polon. et. M. D. Lithuaniae, 1758—1764, IV, 81. *Caro*, Gesch. Polens, III, 244.

Венгерскаго, который убѣждалъ его не отдѣлять Дрезденко отъ Новой Мархѣн¹⁾. Пока былъ живъ миролюбивый магистръ Конрадъ Юнгингенъ, старавшійся всѣми способами устранить или по крайней мѣрѣ отдалить разрывъ, дѣло окончательно не рѣшалось и не обострялось, хотя вопросъ о Дрезденко усложнился еще пререканіями о Сантокѣ (городъ на р. Вартѣ) и другихъ пограничныхъ мѣстахъ. (Сантокомъ владѣли іоанниты, которымъ заложилъ его Венгерскій король; прусскіе рыцари причисляли Сантокъ тоже къ Новой Мархѣн²⁾). Но 30-го марта 1407 г. Конрадъ умеръ, и на его мѣсто, вопреки его собственнымъ предостереженіямъ, былъ выбранъ воинственный, неуступчивый братъ его—Ульрихъ Юнгингенъ. Дѣло стало принимать рѣшительный оборотъ. Уже въ началѣ 1408 г. состоялся въ Ковнѣ съѣздъ великаго магистра, Ягайла и Витовта. На этомъ съѣздѣ Витовтъ былъ посредникомъ въ спорѣ о Дрезденкѣ, о чемъ его просилъ магистръ еще два года назадъ³⁾. Витовтъ присудилъ этотъ городъ полякамъ. Тѣмъ не менѣе Ульрихъ Юнгингенъ купилъ Дрезденко въ вѣчную собственность ордена, въ крайнему, конечно, неудовольствію поляковъ; говорятъ, что Ягайло однажды воскликнулъ, что не хочетъ быть Польскимъ королемъ, если не возвратитъ Дрезденко⁴⁾.

Въ то же время великій магистръ нанесъ еще новое оскорбленіе Польшѣ. Вслѣдствіе голода въ Литвѣ, Ягайло отправилъ туда рѣкою Вислою 20 судовъ съ хлѣбомъ; у Рагнеты великій магистръ приказалъ ихъ задержать подъ предлогомъ, что они везутъ оружіе. По всей вѣроятности, этотъ поступокъ магистра находился въ связи съ волненіями въ Жмудѣ⁵⁾, которая собственно и послужила ближайшимъ поводомъ къ войнѣ. Посланный Витовтомъ бояринъ Румпольдъ произвелъ въ Жмудѣ рѣшительное возстаніе противъ рыцарей, кончившееся ихъ изгнаніемъ.

Жмудъ давно была яблокомъ раздора между орденомъ и Литвою⁶⁾, Приобрѣтеніе этой страны для Прусскаго ордена было очень

¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi, 106, 126.

²⁾ Cod. ep. Vitoldi, 138, 160.

³⁾ Cod. ep. Vitoldi, 124.

⁴⁾ По вопросу о Дрезденкѣ и Сантокѣ см. еще Cod. ep. Vitoldi, 197—200 (жалобы Ягайла и Витовта противъ ордена передъ западно-европейскими князьями). *Dogiel*, I, 593, 595. *Caro*, III, 251—270. *Шайноха*, II, 407 и сл., 584 и сл.

⁵⁾ Cod. ep. Vitoldi, 187, 985 пр. 1.

⁶⁾ Подробнѣе о спорахъ за Жмудъ см. *Prochaska*, *Przed Grunwaldem* въ *Szkice historyczne z XV wieku, Kraków i Warszawa 1884 г.*, 41—147.

важно: она соединяла бы его съ Ливонскимъ. Поэтому давно уже рыцари весьма упорно стремились къ этой цѣли. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Жмудины, не смотря на всѣ усилія Витовта и Ягайла, оставались упорными язычниками,—а это давало оправданіе притязаніямъ рыцарей, какъ бы налагало на нихъ обязанность въ глазахъ западной Европы покорить этихъ язычниковъ и обратить ихъ въ христіанство. Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, по крайней мѣрѣ на время, была политика Витовта. Съ одной стороны, обширные его планы на востокъ, притязанія на Новгородъ, особенно предполагавшаяся борьба съ татарами, побуждали его обезопасить себя съ запада. Съ другой стороны, натянутыя отношенія къ Польшѣ, особенно къ королевѣ Ядвигѣ, заставляли Витовта искать союзниковъ среди близкихъ сосѣдей. Результатомъ этихъ причинъ была уступка Жмуди Прусскому ордену въ Салинскомъ договорѣ 1398 г. ¹⁾, то-есть, наканунѣ битвы при Ворсклѣ.

Но уступка эта была вынужденная обстоятельствами, не добровольная. Какъ только миновала опасность со стороны татаръ и состоялось сближеніе Литвы съ Польшей послѣ смерти Ядвиги, Витовтъ мѣняетъ свое поведеніе въ вопросѣ о Жмуди. Жалобы жмудиновъ на притѣсненія рыцарей находили въ немъ полное сочувствіе, и онъ спѣшилъ передавать эти жалобы западно-европейскимъ государямъ ²⁾. Вновь воздвигаемые рыцарями замки въ Жмуди кололи ему глаза. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ распри ордена съ Дерптскимъ епископомъ (котораго онъ же побудилъ вступить въ открытое столкновеніе съ рыцарями), онъ разрушилъ весною 1401 г. нѣсколько такихъ замковъ, а гарнизонъ увелъ въ плѣнъ. Рыцари мстили за эту измѣну тѣмъ, что приняли Свидригайла (который бѣжалъ изъ Литвы, поссорившись съ Витовтомъ и Ягайломъ). Но дѣло еще не дошло до разрыва. Несогласія съ Новгородомъ и Псковомъ, возмущившіеся смолянне и князь ихъ Юрій Святославичъ отвлекли вниманіе и силы Витовта, который стремился подчинить себѣ окончательно Смоленскъ. Поэтому 23-го мая 1404 г. въ Раданжскомъ договорѣ онъ вновь подтвердилъ уступку Жмуди ордену, при чемъ Ягайло ручался за Витовта ³⁾.

¹⁾ Cod. ep. Vitoldi, 51 и сл.

²⁾ Cod. ep. Vitoldi, 75.

³⁾ Cod. ep. Vitoldi, 96. Supplem. ad historiae Russiae monumenta. С.-Пб 1848 291. *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 55. *Барбашевъ*, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы. С.-Пб. 1885, 109, 122.

Лѣтомъ 1405 г. рыцари двинулись на покореніе уступленной имъ Жмуди. Витовтъ вполнѣ сдержалъ обѣщаніе и пришелъ на помощь нѣмцамъ съ цѣлою арміею, состоявшею изъ полковъ литовскихъ, кievскихъ, смоленскихъ, полоцкихъ и другихъ. Ягайло тоже прислалъ нѣсколько отрядовъ¹⁾. Видя такія огромныя силы, жмудины не оказали никакого сопротивленія и приняли подданство ордену. Въ присутствіи Витовта, польскихъ пословъ и литовскихъ бояръ маршалъ ордена и назначенный правителемъ Жмуди рыцарь Кухмейстеръ дали устное обѣщаніе соблюдать права и привилегіи жмудскаго населенія. Рыцарямъ предоставлено было строить въ Жмуди укрѣпленныя замки для утвержденія вѣры, а Витовтъ получилъ право переселить изъ Жмуди въ Литву 250 жмудиновъ. Витовтъ помогъ еще рыцарямъ построить крѣпость Кенигсбургъ и затѣмъ возвратился съ войскомъ въ Литву. Послѣ его ухода жмудины вздумали было возстать, но гарнизонъ новыхъ нѣмецкихъ крѣпостей и угрозы самого Витовта принудили ихъ къ полному повиновенію. Наконецъ, когда рыцари потребовали отъ жмудиновъ заложниковъ, а тѣ было воспротивились, Витовтъ опять заставилъ ихъ исполнить требованіе великаго магистра. Переписка Витовта съ орденомъ объясняетъ такую необыкновенную услужливость Литовскаго князя по отношенію къ рыцарямъ. Изъ этой переписки видно, что Витовтъ въ свою очередь нуждался въ содѣйствіи ордена при столкновеніяхъ съ Смоленскимъ княземъ Юріемъ Святославичемъ, Новгородомъ, Псковомъ, а позднѣе и съ Москвою. И орденъ оказалъ это содѣйствіе: великій магистръ ни съ чѣмъ отправилъ смоленскихъ пословъ Юрія Святославича, просившихъ о помощи, объявилъ Пскову чрезъ Ливонскаго магистра, по желанію Витовта, о заключеніи Радянжскаго договора, то-есть, о союзѣ Витовта съ орденомъ и, наконецъ, помогалъ Витовту въ походахъ на Москву. Вообще Жмудь обходилась ордену весьма не дешево. Непокорность и постоянная готовность жмудиновъ къ возстанію заставляли рыцарей дѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ подкупомъ, содержать многочисленныхъ лазутчиковъ, возводить укрѣпленія. Ни въ одну область не отправлялось столько денегъ изъ прусской казны, сколько въ Жмудь. Безпокойство увеличивалось еще тѣмъ, что Витовтъ постоянно вмѣшивался въ жмудскія дѣла, вступаясь за жмудиновъ. Такъ, когда нѣмцы пригрозили жмудинамъ наказать ихъ за неповиновеніе оружіемъ, Витовтъ выразилъ сильное неудовольствіе, и правитель Жмуди

¹⁾ *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 62.

Михаилъ Кухмейстеръ извинялся и успокаивалъ его, объясняя, что это была только угроза¹⁾.

Когда въ мартѣ 1407 г. умеръ великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ и его замѣнилъ его братъ Ульрихъ, на Жмуди возобновились волненія, и къ этому именно времени относится жалоба жмудиновъ на притѣсненія нѣмцевъ, обращенная къ западно-европейскимъ государямъ²⁾. По всей вѣроятности, это произошло не безъ нѣкотораго тайнаго участія Витовта, хотя, по видимому, отношенія Витовта къ новому магистру, не смотря на обострившіяся отношенія послѣдняго къ Польшѣ изъ-за Дрезденка, были вначалѣ очень дружественныя, и Витовтъ продолжалъ помогать Михаилу Кухмейстеру въ постройкѣ крѣпости Дубиссы. Обѣ стороны помогали другъ другу въ войнахъ съ русскими: Витовтъ—ливонскому магистру въ походахъ на Псковскую землю, а рыцари—Витовту въ походахъ на Москву. Безпокоили рыцарей особенно дружественныя въ это время отношенія Витовта къ Ягайлу, съ которымъ великій магистръ окончательно расходился въ вопросѣ о Дрезденкѣ. Уже на сѣздѣ въ Ковнѣ въ 1408 году Витовтъ высказался по вопросу о Дрезденкѣ въ пользу поляковъ. Справедливо не полагаясь на прочность Витовтовой дружбы при такихъ обстоятельствахъ, рыцари желали устранить, по крайней мѣрѣ, поводы къ его вмѣшательству въ жмудскія дѣла. Съ этою цѣлью по порученію великаго магистра староста Жмудскій проситъ Витовта вывести наконецъ изъ Жмуди принадлежащихъ ему 250 жмудиновъ, чтобъ орденъ могъ наконецъ знать опредѣленно, что всѣ оставшіеся—уже его подданные. Но Витовтъ уклонился отъ исполненія этой просьбы, отговариваясь, что еще успѣетъ это сдѣлать³⁾.

Въ виду враждебныхъ отношеній къ Польшѣ, орденъ особенно снѣшилъ подавить окончательно непокорный духъ жмудиновъ. Крѣпость строилась за крѣпостью: съ 1405 г. было построено уже 5 крѣпостей. Недовольные жмудины, не будучи въ состояніи оказывать какое-нибудь сопротивленіе, бѣжали въ Литву къ Витовту. Въ началѣ 1409 г. великій магистръ отправилъ къ Витовту пословъ: старосту Жмудскаго Михаила Кухмейстера и командора Бранденбургскаго Сульцбаха. Они должны были просить Витовта о выдачѣ бѣжавшихъ къ нему жмудиновъ, напомнить ему еще разъ о выводѣ принадлежа-

¹⁾ Ibidem, 68—80.

²⁾ Ibidem, 82.

³⁾ Cod. ep. Vitoldi, 977 и слѣд., 77.

шихъ ему 250 жмудиновъ и побудить его къ принятію мѣръ для затрудненія перехода литовцевъ въ Жмудь и обратно жмудиновъ въ Литву, чтобы устранить поводы къ недоразумѣніямъ. Съ этого момента начинаются открытыя пререканія Витовта съ орденомъ. Сначала Витовтъ рѣшительно и рѣзко отказался выдать бѣглыхъ жмудиновъ; затѣмъ объявилъ, что готовъ выдать жмудскихъ хлоповъ, а бояръ не выдастъ, а кто изъ бѣжавшихъ въ Литву жмудиновъ—бояринъ, кто—хлопъ. пусть разбирають сами жмудины. Объяснял Витовтъ такое рѣшеніе тѣмъ, что уступилъ ордену только землю жмудскую съ прикрѣпленными къ ней хлопами, а бояръ, какъ людей свободныхъ, вовсе не уступалъ ордену. Послѣ тщетныхъ попытокъ измѣнить такое рѣшеніе князя, нѣмецкіе послы просили его, чтобы онъ запретилъ, по крайней мѣрѣ, литовцамъ ѣздить въ Жмудь. Нѣсколько времени спустя, орденъ запретилъ жмудинамъ ѣздить въ Литву и продавать туда хлѣбъ, а литовцевъ, жившихъ въ Жмуди, выслалъ изъ нея. И тѣ и другіе подняли жалобы. Ковенскій комендантъ Сунигаило вступился за литовцевъ и вошелъ въ переписку по этому поводу съ Жмудскимъ старостою. Жмудскій староста настаивалъ на своемъ и требовалъ отъ комендантовъ Виленскаго и Ковенскаго, чтобы безъ ихъ пропуска никто изъ литовскихъ подданныхъ не могъ прѣѣзжать въ Жмудь. Тогда самъ Витовтъ жаловался великому магистру на такое требованіе Жмудскаго старосты. Объяснялъ, что въ Литвѣ — недостатокъ хлѣба, который литовцы обыкновенно покупали въ Жмуди; что полученіе пропуска отъ комендантовъ Виленскаго и Ковенскаго для мѣстныхъ жителей очень затруднительно, ибо оба коменданта часто сопровождаютъ князя въ походахъ и разъѣздахъ въ отдаленныхъ странахъ.

Черезъ нѣсколько времени — 21-го апрѣля 1409 г. прибыло къ Витовту для окончательнаго рѣшенія жмудскаго вопроса новое посольство, состоявшее изъ маршала ордена, командора Бранденбургскаго и командора Рагнеты. Рѣчь опять шла о 250 жмудинахъ, которыхъ Витовтъ долженъ былъ вывести въ Литву, и о запрещеніи переѣзжать литовцамъ и жмудинамъ границу безъ особаго пропуска. Витовтъ сердился, отвѣчалъ посламъ очень рѣзко. Въ свою очередь командоръ Бранденбургскій Марквардъ Сульцбахъ, бывшій прежде другомъ Витовта, напомнилъ ему о троекратной измѣнѣ ордену и намекнулъ, что, вѣроятно, теперь онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Польши. Кромѣ того, осыпая Витовта разными другими упреками, онъ непочтительно отозвался о поведеніи его матери Бируты.

Однимъ словомъ, Витовтъ окончательно разсорился съ послами и немедленно отправилъ къ великому магистру свое посольство съ жалобою на дерзость Сульцбаха. Великій магистръ чрезъ это посольство просилъ Витовта не принимать близко къ сердцу словъ командора, сказанныхъ имъ отъ себя и, въ свою очередь, упрекалъ Витовта въ рѣзкомъ обращеніи съ орденскими послами. Переписка о поступкѣ Сульцбаха и о Жмуди, хотя и велась дѣятельно обѣими сторонами, не привела ни къ чему. Витовтъ былъ враждебно настроенъ противъ ордена, и литовцы, проникавшіе въ Жмудь, вопреки запрещеніямъ ордена, распространяли тамъ вѣсти о неудовольствіи Литовскаго великаго князя противъ нѣмцевъ.

Жмудскій староста, встревоженный настроеніемъ мѣстнаго населенія, просилъ (20-го мая 1409 г.) у великаго магистра инструкціи, какъ ему поступать въ этомъ положеніи. Какъ бы въ отвѣтъ на это великій магистръ приказалъ тайно задержать суда съ хлѣбомъ, которыя были отправлены изъ Польши въ Литву и доплыли уже до Рагнеты. Жмудь ставилась на военную ногу; поправлялись и укрѣплялись замки, рыцари готовились къ войнѣ. Число перебѣжчиковъ въ Литву увеличивалось, на что Жмудскій староста жаловался Витовту, но не получалъ никакого удовлетворенія. Мало того, литовскій бояринъ Румпольдъ съ вооруженною силою вторгнулся въ Жмудь и захватилъ два уѣзда. На жалобу Жмудскаго старосты по этому поводу Витовтъ отвѣчалъ, что это нападеніе Румпольда произошло безъ его вѣдома, обѣщалъ сдѣлать ему выговоръ и иронически предлагалъ наказать всѣхъ нападавшихъ литовцевъ, если Жмудскій староста представитъ ихъ списокъ. Между тѣмъ Витовтъ не переставалъ энергично возбуждать жмудиновъ къ возстанію. Въ началѣ іюня 1409 года два литовскихъ боярина Гейлеминъ, сынъ Надама, и Трумппе, сынъ Саготта, съ вооруженными отрядами, появлялись въ разныхъ уѣздахъ Жмуди и вездѣ говорили, что Витовтъ велитъ воевать съ нѣмцами. Такіе послы отправлялись Витовтомъ въ Жмудь чуть не каждый день. Въ отвѣтахъ на жалобы Жмудскаго старосты Витовтъ отпирался отъ своего участія. На просьбу великаго магистра дать совѣтъ, какъ поступать въ Жмуди, Витовтъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ, говоря, что все равно его совѣтамъ не слѣдуютъ.

9-го іюня 1409 года пріѣхало въ Пруссію польское посольство съ жалобами по вопросу о Дрезденѣ и Сантохѣ. На эти жалобы великій магистръ велѣлъ приготовить письменные отвѣты, а пока уговаривалъ поляковъ отнюдь не поддерживать жмудиновъ и тѣхъ, кто

ихъ подбилъ къ возстанію. А въ это время литовскіе бояре (Васибутъ, Клавсгайтъ, Гетотъ, Галеминне) съ Румпольдомъ во главѣ овладѣли Жмудью и знатнѣйшихъ боярскихъ дѣтей (напримѣръ, сыновей Нигаilla, Лауксvida, Аргалла) отослали заложниками въ Литву. Боярина Румпольда Витовтъ назначилъ правителемъ Жмуди. Замки рыцарей, окруженные враждебною силою, очутились въ критическомъ положеніи. Изъ Литвы приходили въ Пруссію извѣстія о приготовленіяхъ Витовта къ войнѣ. На запросъ рыцарей о причинѣ вооруженныхъ приготовленій, литовцы отвѣчали, что великій князь готовится къ походу на Русь; но рыцари, конечно, ясно понимали, что вооруженія готовятся противъ нихъ ¹⁾. Въ Литву пріѣхали знатнѣйшіе жмудскіе бояре съ заявленіемъ подданства Витовту и съ просьбою о помощи противъ нѣмцевъ. Сначала они представлялись князю въ Ковнѣ; здѣсь было въ то время много нѣмцевъ, и потому Витовтъ, для виду, съ крикомъ бранилъ жмудинновъ за нарушеніе вѣрности рыцарямъ. Но тайно велѣлъ имъ ѣхать въ Вильну, гдѣ и заключилъ съ ними условіе помогать другъ другу всѣми силами въ случаѣ нападенія рыцарей на Жмудь или на Литву. Одинъ изъ рыцарей, бывшихъ въ Ковнѣ, узналъ, что Витовтъ очень старается побудить Польскаго короля къ войнѣ съ орденомъ, и что уже условился съ нимъ о мѣстѣ и времени свиданія для обсужденія этого вопроса. Тотъ же рыцарь сообщалъ, что въ Литвѣ—значительныя силы татаръ, но для чего онѣ собраны, не извѣстно ²⁾.

Ясно было, что война между Литвою и орденомъ неизбежна. Для рыцарей весьма важно было, конечно, удержать Польшу отъ выѣзда въ эту распрю. Съ этою цѣлью къ Польскому королю были посланы два командора. Они жаловались Ягайлу и польскимъ панамъ на вѣроломство Витовта, который возбуждалъ возстаніе въ Жмуди и хочетъ ее присвоить; просили поляковъ, чтобы они не помогали литовцамъ. Со стороны поляковъ отвѣтъ былъ данъ уклончивый—говорили, что подумаютъ, какъ для Польши будетъ полезнѣе, и обѣщали сообщить рѣшеніе въ день св. Алексѣя. Между тѣмъ жмудины и литовцы овладѣвали рыцарскими замками однимъ за другимъ; магистръ отправлялъ къ Ягайлу посла за посломъ, но получалъ одинъ отвѣтъ: въ день св. Алексѣя.

¹⁾ *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 81—118. Cod. ep. Vitoldi, 166, 172, 174, 175, 180, 181, 983.

²⁾ Cod. ep. Vitoldi, 182, 183, 186, 187.

Захватъ судовъ съ хлѣбомъ не могъ, конечно, долго оставаться тайной. Это насиліе скоро сдѣлалось извѣстнымъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ и подлило масла въ огонь. Витовтъ послалъ магистру письмо, полное упрековъ. Онъ писалъ, что, сообщая раньше магистру о голодѣ въ Литвѣ, надѣялся получить и отъ него помощь хлѣбомъ, а онъ напротивъ задержалъ даже польскій хлѣбъ, отправленный въ Литву. Упрекалъ еще магистра за невыдачу литовскихъ бѣглыхъ, за недопущеніе литовцевъ въ Жмудь и проч. Въ отвѣтъ на это магистръ сталъ готовиться къ войнѣ, но старался держать пока свои приготовленія втайнѣ. Тѣмъ не менѣе это стало извѣстнымъ Витовту. Онъ, съ своей стороны, тоже готовился къ войнѣ и собиралъ огромныя силы. Приходили отряды изъ Полоцка, Смоленска, Новгорода, Брянска, Стародуба, Кіева, Луцка, Владиміра, собирались татары, жившіе въ Литвѣ,—и все это придвигалось къ прусскимъ границамъ. Къ христіанскимъ князьямъ былъ изготвленъ манифестъ, обвиняющій рыцарей и объясняющій занятіе Жмуди литовцами.

1-го августа 1409 года въ Мальборгъ прибыли польскіе послы. Магистръ надѣялся, что они привезли благопріятный отвѣтъ—что Польша не будетъ поддерживать Витовта, въ случаѣ войны его съ орденомъ. Но онъ ошибся. Поляки начали съ того, что стали предлагать свое посредничество, свои услуги для прекращенія несогласія между великимъ магистромъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Отъ имени Ягайла послы просили рыцарей не нападать на Жмудь до рѣшенія спора, обѣщая съ своей стороны побудить Витовта вывести изъ Жмуди своихъ каштеляновъ и впредь не защищать жмудиновъ. Магистръ отвѣчалъ, что въ спорѣ съ Витовтомъ онъ готовъ принять посредничество короля, но наказывать жмудиновъ онъ имѣетъ полное право, и до этого нѣтъ никакого дѣла ни Ягайлу, ни Витовту; что онъ непремѣнно со всею силою обрушится на мятежныхъ жмудиновъ и на ихъ подстрекателей. Польскіе послы не ожидали такой угрозы и не имѣли инструкціи, какъ отвѣчать при подобныхъ обстоятельствахъ. Но архіепископъ Николай Куровскій рѣшился отвѣчать на свой страхъ; нѣкоторые, впрочемъ, думаютъ, что онъ имѣлъ тайное наставленіе отъ Ягайла, который желалъ войны. Куровскій объявилъ магистру, что въ такомъ случаѣ онъ боится, что Ягайло приметъ сторону Витовта, и ордену будетъ угрожать большая опасность. „Благодарю за откровенность“, отвѣчалъ магистръ,—„будучи предупрежденъ, я обращаю свой мечъ лучше на голову, чѣмъ на туловище,

на заселенныя земли, вмѣсто пустыни—однимъ словомъ—на Польшу, вмѣсто Литвы“.

Намѣреніе магистра напасть вмѣсто Литвы на Польшу основывалось на военныхъ и политическихъ расчетахъ. Польша не была приготовлена къ войнѣ; Витовтъ, напротивъ, ожидалъ нападенія уже вполне готовымъ, заручившись при томъ безопасностью и отчасти содѣйствіемъ со стороны восточныхъ сосѣдей. Со Псковомъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, въ Новгородѣ сидѣлъ его подручникъ Лингвентъ, съ Московскимъ княземъ у него былъ союзъ. Къ магистру безпрерывно приходили извѣстія, что Витовтъ стягиваетъ къ границѣ отрядъ за отрядомъ.

6-го августа магистръ послалъ королю объявленіе войны; 8-го—оно было обнародовано, а чрезъ нѣсколько дней сильное рыцарское войско уже стояло на границахъ Добужинской земли ¹⁾.

Предвидя неминуемое столкновение, обѣ стороны, конечно, заботились войти въ наилучшія отношенія къ сосѣдямъ. Въ этомъ случаѣ политика ордена была болѣе искусна или, лучше сказать, болѣе щедра; рыцари заключили или, вѣрнѣе, купили союзъ съ сильнѣйшими изъ сосѣдей: съ Германіей, Венгріей и Чехіей. Но эта дипломатическая удача не принесла ордену почти никакой практической пользы вслѣдствіе безхарактерности и ничтожности и короля Венгерскаго Сигизмунда (онъ же—блюститель императорскаго престола въ Германіи), и брата его короля Чешскаго Венцеслава.

Принимая во вниманія характеръ Сигизмунда вообще и въ частности его дѣйствія послѣ заключенія упомянутаго союза съ орденомъ, можно съ увѣренностью сказать, что онъ заключилъ этотъ союзъ не вслѣдствіе какихъ-нибудь политическихъ соображеній, а только потому, что ему нужны были деньги. Шайноха, упомянувъ о тщеславіи, легкомысліи, безнравственности Сигизмунда, характеризуетъ его далѣе такъ: „Но едва ли не самую унизительною чертою его характера была безразсуднѣйшая расточительность, которой не могутъ скрыть даже самые ревностные его почитатели. Она-то и побудила его открыть венгерскія границы главнымъ слугамъ безпорядочности и расточительности—евреямъ, изгнаннымъ оттуда королемъ Людовикомъ. Бросая несмѣтныя суммы на излишнія празднества, на постоянныя путешествія, на подарки своимъ пріятельницамъ и

¹⁾ *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 123 — 135. Cod. ep. Vitoldi, 983 и слѣд. 181. 192, 986 и слѣд.

пріятелямъ, въ родѣ испанскаго шута, Сигизмундъ падалъ подъ тяжелымъ бременемъ долговъ, которые дѣлались непрерывно и обезпечивались залогомъ или непомерными процентами. Что только, по мнѣнію тогдашнихъ ломбардовъ, могло имѣть цѣнность, все было принесено въ жертву страсти къ расточительности. Лишь только присылалась какіе-либо дорогіе подарки отъ другихъ дворовъ,—лишь только, напримѣръ, англійскій графъ Варвикъ подарилъ ему двѣ позолоченныя миски, стоявшія 18 грівенъ серебра, а король Англійскій—двѣ чаши изъ чистаго золота, вѣсившія 44 гривны серебра и золота,—тотчасъ же король Сигизмундъ (разказываетъ его біографъ) ¹⁾ приказалъ мнѣ, Эбергарду Виндеку, заложить ихъ вмѣстѣ съ другими золотыми драгоценностями во фландрскомъ городѣ Брюсселѣ. Я заложилъ ихъ за 18000 золотыхъ. Когда недоставало подарковъ и драгоценностей, самъ секретарь и біографъ должны были идти въ залогъ. Однажды Сигизмундъ принужденъ былъ отдать въ залогъ своихъ племянниковъ ²⁾, князей Прокопа и Юдока... Даже во внѣшней политикѣ всѣ его шаги направлялись предполагаемыми денежными взносами. Всего обильнѣе вознаграждалась продажность изъ сокровищницъ крестоносцевъ, особенно когда ордену необходима была помощь императора противъ поляковъ. „Я Эбергардъ Виндекъ“, разказываетъ его неоцѣненный біографъ,—„самъ помогалъ ³⁾ считать эти деньги, 40000 золотыхъ съ большими лиліями, чеканенныя во времена Людовика и Рупрехта“; этимъ прусскіе рыцари хотѣли купить милость и помощь императора въ гринвальдской войнѣ.... Мы отовсюду слышимъ жалобы на хищничество Сигизмунда. Одна изъ самыхъ памятныхъ жалобъ слышится изъ устъ его родного брата Венцеслава, который въ горестныхъ письмахъ своихъ упрекалъ Сигизмунда, что онъ подъ разными предлогами вымогалъ отъ него огромныя суммы денегъ. „И не смотря на то, ничего для насъ не сдѣлалъ“, жалуется далѣе Чешскій король... ⁴⁾.

Точно также, даже еще хуже, поступилъ теперь Сигизмундъ съ рыцарями. По договору, заключенному съ орденомъ противъ Польши 20-го декабря 1409 г., Сигизмундъ обязанъ былъ начать войну противъ поляковъ, если въ войска послѣднихъ будутъ призваны язык-

¹⁾ *Eberhard Windeck* у *Mencken*, *Scriptores rerum germanicarum*, I, 1113.

²⁾ *Pelzel*, *Lebensgesch.* K. Venzesl. I, 200.

³⁾ *Aschbach*, *Gesch.* Kaiser Sigmunds, I, 457.

⁴⁾ *Pelzel*, *Lebensgesch.* K. Venzesl. II, 488—490. *Шайноха*, I, 418—420. *Szajnoch*, *Dziela*, V. Warszawa 1877, стр. 261 и сл.

ники или русскіе. Между тѣмъ, не смотря на то, что значительную часть польско-литовскаго войска въ походѣ 1410 г. составляли русскіе и были также татары, Сигизмундъ не началъ войны съ Польшей, а ограничился дипломатическимъ вмѣшательствомъ. Да и это вмѣшательство съ самаго начала было очень нерѣшительное, а затѣмъ передъ самою битвой даже нѣсколько вѣроломное ¹⁾. Можно указать развѣ только на попытку Сигизмунда въ Кесмаркѣ отдѣлить Витовта отъ Ягайла, предложивъ ему независимую королевскую корону. Еслибы эта попытка удалась, то, конечно, Сигизмундъ оказалъ бы этимъ большую услугу ордену. Но попытка эта не удалась, что и неудивительно, такъ какъ въ виду предстоящей борьбы съ орденомъ Витовту вовсе не время было ссориться съ Польшей. Дѣло произошло такъ.

Ягайло, узнавъ о желаніи Сигизмунда видѣться съ нимъ въ Кесмаркѣ, совѣщался по этому поводу въ Новомъ Сандешѣ (Судечѣ) въ западной Галиціи ²⁾ съ Витовтомъ и панами. Здѣсь было рѣшено, что обоимъ, Ягайлу и Витовту, ѣхать въ Кесмаркъ неудобно. Ягайло остался въ Новомъ Сандешѣ, а Витовтъ со свитою изъ прелатовъ и пановъ отправился въ Кесмаркъ. Главная цѣль этой поѣздки была—убѣдить Сигизмунда, при столкновеніи Польши и Литвы съ орденомъ, сохранять съ Польшей миръ, который былъ заключенъ на 16 лѣтъ, до истеченія которыхъ оставалось еще четыре года. Когда въ Кесмаркѣ начались объ этомъ переговоры, Сигизмундъ объявилъ, что онъ не можетъ соблюдать вышеупомянутаго перемирія въ случаѣ, если орденъ подвергнется нападенію; но предложилъ свое посредничество и обѣщалъ послать къ великому магистру чрезвычайныхъ пословъ для устраненія возникшихъ недоразумѣній. А потомъ, бесѣдуя съ Витовтомъ наединѣ, сталъ предлагать ему вступить съ нимъ, Сигизмундомъ, въ союзъ, отдѣлившись отъ Польши. За это Сигизмундъ обѣщалъ своею императорскою властью (вслѣдствіе легкомыслія Венцеслава онъ былъ избранъ регентомъ Германской имперіи, послѣ смерти Рупрехта Баварскаго) возвести Витовта въ королевское достоинство, освободить отъ всякой зависимости отъ Польши и оказывать ему, въ случаѣ нужды, помощь и противъ Ягайла, и вообще противъ всѣхъ враговъ. Витовтъ сдѣлалъ видъ, что не отвергаетъ

¹⁾ Cod. ep. Vitoldi, 204. *Raczyński*, Cod. dipl. Lith., 107. *Caro*, *Gesch. Polens*, III, 305. *Długosz*, XI, 29.

²⁾ *Головацкий*, Географическій словарь западно- и юго-славянскихъ земель. Вильна 1884, стр. 306, 307.

этого предложенія, но, разставшись съ Сигизмундомъ, немедленно, не простившись, выѣхалъ изъ Кесмарка. Король, узнавъ объ этомъ, догналъ его и простился, но не возобновлялъ уже прежняго разговора. Возвратясь въ Новый Сандешъ, Витовтъ передалъ Ягайлу весь свой разговоръ съ Венгерскимъ королемъ; а затѣмъ, переговоривъ еще о предстоящей войнѣ съ рыцарями, отправился въ Литву ¹⁾).

Такимъ образомъ попытка Сигизмунда кончилась ничѣмъ. Его участіе теперь ограничивалось посредничествомъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ ѣхать для переговоровъ въ Пруссію чрезъ Польшу и получилъ уже отъ Ягайла охранную грамоту для проѣзда, но потомъ раздумалъ и отправилъ вмѣсто себя пословъ Николая фонъ-Гара и Стибора фонъ-Стиборжица. Побывавъ въ Краковѣ, они отправились въ Маріенбургъ, гдѣ ихъ дѣятельность начала проявляться уже послѣ начала военныхъ дѣйствій. Они способствовали заключенію перемирія, а 5-го іюля, явившись въ польскій лагерь, пробовали даже устроить миръ, но безъ всякаго успѣха. И наконецъ отправили Ягайлу отъ имени Венгерскаго короля объявленіе войны. По видимому, такимъ образомъ Сигизмундъ исполнялъ свое обязательство относительно ордена; но это было на словахъ, да и то только въ официальномъ сообщеніи; а одновременно съ этимъ официальнымъ сообщеніемъ, привезшій его посолъ самъ же конфиденціально сообщилъ королю Польскому, что это объявленіе войны Сигизмундъ дѣлаетъ только для виду, и оно не имѣетъ значенія ²⁾).

¹⁾ Свиданіе это происходило, по всей вѣроятности, въ апрѣлѣ 1410 г. Длугошъ и Эбергардъ Виндекъ расходятся въ опредѣленіи времени. По Длугошу сѣездъ въ Кесмаркѣ былъ на Пасхѣ (въ апрѣлѣ), а по Виндеку—въ началѣ февраля. О нѣкоторыхъ данныхъ, говорящихъ въ пользу того или другаго срока, см. *Caro*, III, 311 пр. 1. И Длугошъ, и Виндекъ разказываютъ, что во время пребыванія Витовта въ Кесмаркѣ случился пожаръ, отъ котораго много потеряли поляки. Виндекъ еще прибавляетъ, что Витовту угрожала при этомъ опасность быть убитымъ венгерцами (можетъ быть, оттого, что пожаръ могъ проникнуть отъ неосторожности его людей). Далѣе Виндекъ даетъ интересный перечень подарковъ Витовта и Анны Сигизмунду и Варварѣ. *Długosz*, XI, 5—7. Отрывокъ изъ *Виндека*—у *Малиновскаго*, въ изданіи хроникъ Ваповскаго I, 197, пр. 1; у *Aschbach*, *Gesch. Kaiser's Sigismund*, I, 455, Beilage XVIII.

²⁾ *Długosz* XI, 29: „Suggestit Fricz, nuntius Wladislao Regi nomine baronum Hungariae, ad partem, quatenus diffidationem Hungariae Regis Sigismundi pro nihilo penderet, cum diffidationum suarum literae caro satis pretio, quadraginta videlicet millibus florenorum, per Magistrum et Ordinem Cruciferorum apud illos comparatae, ad terrorum tantummodo confectae, nullum forent effectum pariturae. Animat deinde Regem: ut coeptum, quolibet terrore circumscripto continuet, et

Усерднѣе, но такъ же бесплодна была услуга другаго союзника ордена—Венцеслава, короля Чешскаго. Въ февралѣ 1410 г. въ Прагѣ въ присутствіи польскихъ пословъ Венцеславъ провозноситъ свое рѣшеніе въ прусско-польскомъ спорѣ. Жмудь, Дрезденко и Сантокъ онъ присудилъ ордену, только Добржинскую землю отдавалъ Польшѣ, но и то съ условіемъ, чтобы она находилась подъ чешскимъ управленіемъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ выполнены всѣ пункты его приговора. Когда же поляки скромно отвѣчали, что этотъ приговоръ они должны представить прежде на усмотрѣніе своего короля, Венцеславъ совершенно некстати закричалъ: „Мы видимъ теперь, что вы—короли Польши, а не вашъ господинъ; если вы хотите войны, то увидите меня и брата моего, короля Венгерскаго, на сторонѣ ордена“. Поляки выѣхали немедленно изъ Праги; и когда Венцеславъ назначилъ новый сѣздъ въ Бреславлѣ въ маѣ, для ратификаціи своего приговора, то поляки вовсе не явились, и рыцари получили ничего не стоящій пергаментъ съ приговоромъ Венцеслава ¹⁾.

Кромѣ Сигизмунда Венгерскаго и Венцеслава Чешскаго, къ союзникамъ ордена принадлежали нѣкоторые поморскіе князья, силезскіе князья и Свидригайло. Послѣдній, впрочемъ, находился въ заключеніи у Витовта и слѣдовательно былъ совершенно бесполезенъ для рыцарей. На сторонѣ Польши и Литвы стояли князь Мазовецкій Земовитъ и князь Поморскій Богуславъ ²⁾.

Военныя дѣйствія, какъ обыкновенно, начались опустошеніемъ непріятельскихъ земель, осадю небольшихъ городовъ; нѣсколько разъ они прерывались перемиріемъ. Наконецъ враждебныя арміи сошлись между Танненбергомъ и Грюнвальдомъ. Здѣсь произошла рѣшительная битва.

Польско-литовское войско на Грюнвальдскомъ полѣ состояло изъ 90 знаменъ ³⁾. Каждое тогдашнее знамя заключало въ себѣ не болѣе 200 всадниковъ и 800 пѣхотинцевъ; обыкновенно же при знамени было около половины этого числа. Слѣдовательно, все польско-литов-

cum Cruciferis, qui viribus, gentibus, armis et qualibet conditione dignoscuntur inferiores, quanto celerius congredi non differat, certam victoriam propitiatione divina, habiturum; asserens, Hungariae barones non Magistri et Ordinis, sed Regis sui Sigismundi et propriis commodis, in eam diem vacavisse“.

¹⁾ Script. rer. prus. III, 311 и сл. (I. Posilge), *Caro*, III, 309.

²⁾ Script. rer. prus. III, 303 (J. Posilge). Cod. ep. Vitoldi, 211.

³⁾ *Długosz*, XI, 37.

ское войско, съ прибавленіемъ всѣхъ находившихся при обозѣ, не могло превышать 100,000 ¹⁾). Изъ этихъ 90 знаменъ 50 составляли польское войско, а 40 литовское. Въ числѣ знаменъ польскаго войска кромѣ собственно польскихъ, были слѣдующія русскія (то-есть, при нихъ стояли отряды изъ русскихъ областей): Львовское (12-е по счету Длугоша), Перемышльское (14), Холмское (16), три Подольскихъ знамени (17, 18, 19), Галицкое (20) ²⁾, то-есть, всего 7 русскихъ знаменъ. Затѣмъ въ литовскомъ войскѣ, если исключить 3 или 4 жмудскихъ и собственно литовскихъ знамени (Ковенское, Троцкое, Виленское, отчасти Гродненское, при которыхъ, конечно, были и русскіе отряды, такъ какъ, напримѣръ, въ самой Вильнѣ болѣе половины жителей составляли русскіе), то всѣ остальные (36) приходятся на русскія области, входившія въ составъ Литовскаго княжества: Лидское, Мѣдннковское, Смоленское, Полотское, Витебское, Кіевское, Пинское, Новогрудское, Брестское, Волковыское, Дрогичинское, Мельницкое, Бременецкое, Стародубское и др. Нѣкоторыя знамена назывались не по мѣстности, а по имени князя, напримѣръ, знамя Сигизмунда Корибута (сына Дмитрія Корибута Новгородъ-Сѣверскаго), Симеона Лингвена (изъ Великаго Новгорода) ³⁾. Такимъ образомъ изъ числа всѣхъ 90 знаменъ польско-литовскаго войска 43 (7—въ польскомъ и 36—въ литовскомъ) были русскія. Слѣдуетъ еще при этомъ замѣтить, что остальные 43 знамени польскаго войска не состояли исключительно изъ поляковъ; тутъ были и другія народности. Такъ при 4-мъ знамени стояли чехи и моравяне подъ начальствомъ Сокола и Збиславка; при 13-мъ (*terrae Wielunensis*), кромѣ поляковъ, были еще силезскіе наемники; при 49-мъ сражались исключительно одни моравяне (*in quo soli Moravi militabant*) ⁴⁾. Подъ 50-мъ знаменемъ стояли только наемныя войска изъ чеховъ, моравянъ и силезцевъ (*sub quo tantummodo mercenarii milites non ex Polonis, sed ex Bohemis, Moravis et Slesitis*). Слѣдовательно, собственно польскихъ знаменъ, если и не ис-

¹⁾ Шайноха, II, 618, 619.

²⁾ О русскомъ элементѣ въ этихъ областяхъ см. Холмская Русь (изд. П. Н. Батушкова). С.-Пб. 1887, 26, 24. Значителенъ былъ русскій элементъ и въ Люблинской области, которая выставила 9-е знамя.

³⁾ *Długosz*, XI, 37—42. *Script. rer. prus.*, III, 405 (Aus der Fortsetzung von *Detmars Lubischer Chronik* in der *Hamburger Handschrift*): „ok was darto gekomen de konnigh von Neugarde mit den Rusen“. *Stadnicki*, *Bracia Wlad. Jagielly*, Lwów 1867; 50.

⁴⁾ *Długosz*, XI, 41.

ключать 13-го, было 40; тогда какъ русскихъ 43. Длугошъ говоритъ, что при знаменахъ литовскаго войска (куда входила большая часть русскихъ знаменъ) ряды были рѣже (*rariores tamen habebant ordines et arma pauciora, quam Polonorum*) и что, кромѣ литовцевъ, русскихъ и жмудиновъ, подъ знаменами Витовта были и татары. Здѣсь онъ, вѣроятно, разумѣетъ только татарскихъ колонистовъ, поселенныхъ въ Литвѣ, которыхъ было, конечно, немного и которые могли быть распределены при литовско-русскихъ знаменахъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, къ литовскому войску были присоединены еще 30,000 татаръ, пришедшихъ изъ Сарайской орды¹⁾. Эти татары не были распределены между литовско-русскими знаменами, а составляли отдѣльный отрядъ, который стоялъ на правомъ флангѣ²⁾.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе, съ одной стороны, что большая часть русскихъ знаменъ, находившаяся въ литовскомъ войскѣ, имѣла сравнительно съ польскими рѣдкіе ряды, и что между этими знаменами были распределены и литовскіе татары, а съ другой—что русскіе должны были находиться и при собственно литовскихъ знаменахъ и что русскія знамена польскаго войска имѣли густые ряды, можно предположить, что русскихъ въ Танненбергской битвѣ участвовало приблизительно столько же, сколько поляковъ. Все польско-

¹⁾ Script. rer. prus. III, 484 (Conrad Bitschin): „Imo referebatur ab eisdem (то-есть, heroldi et alii viri famosi), quod Tartarorum imperator vel suus marscalcus regi Polonorum et Witoldo cum XXX milibus virorum protunc venerat in subsidium et abinde recessit dumtaxat cum VIII milibus. Script. rer. prus. III, 314 (Annalista Thorun.): „imperatore eciam Tartarorum cum populo innumerabili sibi assistantibus“ Тоже говорятъ нѣкоторые германскія хроникеры, Script. rer. prus. III, 431, 459. Только одинъ Анонимъ, изданный Лемнихомъ, называетъ этого „imperatorem Tartarorum“—Тохтамышемъ (я, кромѣ того, разпознаетъ, что татары ѣли человеческое мясо) см. Script. rer. prus., III, 724. Главный прусскій источникъ для этого времени—Иоаннъ Посилге ничего не говоритъ о татарскомъ царѣ, а упоминаетъ только вообще татаръ. „Der koning... besamelte sich mit den Tateren, Russen, Lettowin und Samaythin weder dy cristinheit“. Script. rer. prus., III, 314. Длугошъ, какъ сказано выше, упоминаетъ только, что въ литовскомъ войскѣ были и татары. Въ письмѣ епископа Познанскаго Андрея къ полякамъ, находившимся при папскомъ дворѣ, прямо говорится, что были только литовскіе татары и польскіе: „tantum subditos suorum dominiorum ei illos paucos, quos frater suus dominus dux Witoldus annis retroactis regis subegit imperio“ Script. rer. prus., III, 428. Позднѣйшія польскія хроники, напримѣръ, Валовскій (wyd. Malinowski I, 226), Вальскій (Kronika polska. Warszawa 1764, 254) упоминаютъ о царѣ заводжскомъ.

²⁾ Wapowski, I, 226. Narbutt, Dzieje narodu litews., VI, 229.

литовское войско, если считать и сарайских татаръ и брать знамена въ увеличенномъ составѣ, никакъ не могло составлять болѣе 130,000. Вѣрнѣе же всего, кажется, брать знамена въ обыкновенномъ составѣ и не считать сарайскихъ татаръ, и тогда получимъ около 50,000. Была и артиллерія, уступавшая впрочемъ рыцарской; но вообще пушки при плохомъ устройствѣ почти вовсе не имѣли значенія ¹⁾).

Прусское войско было значительно меньше. Обыкновенно считаютъ, что изъ орденскихъ земель собственно было выставлено 50,000, и 33,000 составляли наемные, преимущественно германскіе, отряды. Между тѣмъ, по Длугошу, въ битвѣ всего было 51 знамя (нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ имѣли при себѣ необычайно многочисленныя отряды). Примѣняя здѣсь приблизительно тотъ же расчетъ, какъ въ польскомъ войскѣ, будемъ имѣть около 30,000—цифра наиболѣе вѣроятная. Собственно братьевъ ордена—„бѣлыхъ плащей“ было въ то время въ Пруссіи около 700, которые всѣ и участвовали въ битвѣ, какъ предводители и хозяева. Черные кресты на бѣлыхъ плащахъ орденскихъ братьевъ и кресты на знаменахъ придавали войску характеръ крестоносца, тѣмъ болѣе, что большая часть арміи противниковъ считалась невѣрными. Даже Витовтъ, которому одиннадцать лѣтъ тому назадъ сами рыцари помогали, какъ предводителю крестоваго

¹⁾ *Шайноха*, II, 618. Такъ какъ современныхъ вѣрныхъ указаній о численности сражавшихся войскъ нѣтъ, то опредѣлить точно количество и польско-литовскаго, и прусскаго войска—нельзя. *Voigt* (*Gesch. Preuss.* VII, 75), основываясь на хроникѣ *Herburt de Fulstein* (XVI в.), считаетъ въ польско-литовскомъ войскѣ 163,000, но самъ же говоритъ, что принимаетъ это указаніе за наимѣнѣе лучшее. *Weber* (*Preussen vor 500 Jahren*, Danzig 1878, 643), а за нимъ *Нортъ* (*Tannenberg*, въ *Altpreuss. Monatsschrift*, B. XXII, 1885, 643) совершенно неосновательно, не считая совсѣмъ пѣхоту, будто не принимавшую дѣятельнаго участія въ сраженіи, опредѣляютъ число конницы въ польско-литовскомъ войскѣ около 20,000, а у рыцарей въ 10,000. По *Köhler's* (II, 694, 674, отчасти тоже основывается на Веберѣ) польско-литовская армія—около 35,000, а прусская—около 14.000 (пѣхоту также не считаетъ). Но на стр. 733, 734 самъ говоритъ что убитыхъ нѣмцевъ было 12,000, а пленных—15,000, что составляетъ уже 27,000. *Thunert* (*Der grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden*, въ *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, Heft XVI, Danzig 1886, стр. 55, примѣч. 2), не опредѣляя численности обѣихъ армій, думаетъ, что цифры у *Voigt'a*—сильно преувеличены; но выстъ съ тѣмъ справедливо отвергаетъ расчетъ Вебера. Желая какъ можно болѣе собрать силъ, Ягайло обращался за помощью ко многимъ государямъ западной Европы, но безъ успѣха; именно къ Генриху IV, королю Англіи, къ Французскому королю, герцогамъ Мекленбургскимъ и др. *Саго*, III, 312 и примѣч. 2.

похода противъ татаръ, теперь выставлялся язычникомъ (напримѣръ, въ письмахъ ордена). Рыцарское войско смотрѣло на предстоящую битву, какъ на борьбу съ невѣрными; такой взглядъ поднималъ его духъ и тѣмъ увеличивалъ силы ¹⁾.

Ночь съ 14-го на 15-е іюля была очень бурная. Была страшная гроза, сопровождавшаяся проливнымъ дождемъ. Вѣтеръ дулъ съ такою силою, что срывалъ палатки ²⁾. Утромъ 15-го сначала тоже шелъ дождь, но скоро небо прояснилось и засіяло солнце. Ягайло велѣлъ поставить на холмѣ палатку, чтобы отслужить обѣдню, а пока любовался съ холма необозримымъ лагеремъ своихъ войскъ, въ которомъ амъ и самъ видѣлись еще не потушенные костры. Въ это время распространяется въ войскѣ и доходить до Ягайла слухъ, что непріятель приближается: войска оживляются, начинаются приготовления, конница поспѣшно садится на лошадей. Король же, сомнѣваясь въ справедливости слуха, спокойно идетъ слушать обѣдню. Прибѣгаетъ съ аванпостовъ одинъ изъ его приближенныхъ и доноситъ, что видѣлъ два непріятельскіе отряда (*cupeos*). Король приказываетъ отправить противъ нихъ четыре или шесть отрядовъ, а самъ продолжаетъ молиться. Въ это время—еще вѣстникъ: непріятель наступаетъ. Тогда король посылаетъ сказать Витовту, чтобы тотъ приготовилъ войско; самъ же, преклонивъ колѣно, молится за себя и за войско. Прибѣгаетъ новый вѣстникъ: „непріятель уже близко, всякое замедленіе—опасно“. Король продолжаетъ молиться и, только окончивъ молитву, даетъ пароль „Краковъ“, „Вильна“ и приказываетъ воинамъ привязывать себѣ пучки соломы, чтобы отличать своихъ отъ непріятеля. Самъ садится на коня, принимаетъ участіе въ устанавливаніи войска и собственноручно посвящаетъ въ рыцари болѣе 1,000 человекъ ³⁾. Польско-литовское войско стояло на болотистой и лѣсистой мѣстности, на югъ отъ деревень Танненберга и Грюнвальда. Зиндраму Машковичу, который былъ назначенъ главнокомандующимъ польской арміей, и Витовту было много хлопотъ разставить войска на удобныхъ мѣстахъ. Витовтъ со своею русско-литовскою арміей и татарами сталъ

¹⁾ *Długosz*, XI, 42—46. *Voigt*, VII, 76, 71. *Шайноха*, II, 622, 623. О степени участія ливонскихъ рыцарей въ Танненбергской битвѣ см. *Thinnert*, 44, примѣч. 6. *Voigt*, VII, 72, примѣч. 2. По видимому, главные ливонскіе силы прибыли въ Пруссию послѣ битвы. Ср. *Köhler*, II, 685.

²⁾ *Cronica conflictus* въ *Script. reg. prus*, III, 437. *Długosz*, XI, 56 (на этихъ двухъ источникахъ основано главнымъ образомъ описаніе битвы).

³⁾ *Cronica conflictus*, 436. *Długosz*, XI, 48. *Köhler*, II, 720.

на правомъ крылѣ около озера Лаубенъ, ближе къ Танненбергу. Нѣтъ же отъ него у Людвиговой деревни, расположились поляки, ближе къ Грюнвальду (Grünfelde). Обѣ арміи, какъ сказано выше, состояли изъ отрядовъ, называемыхъ знаменами. Каждое знамя дѣлилось на нѣсколько меньшихъ отрядовъ, а нѣсколько знаменъ вмѣстѣ, особенно въ литовскомъ войскѣ, составляли, по стародавнему обычаю, клинъ. На болѣе узкой передней сторонѣ такого клина стояли лучшіе воины, называемые „передъзнаменными“, такъ какъ знамена были за ними. Въ литовскомъ войскѣ всѣ наружныя стороны клина состояли изъ хорошо вооруженныхъ солдатъ на лучшихъ лошадяхъ, а въ средину же помѣщались плохо вооруженные. И польское, и литовское войска стояли тремя растянутыми линіями; первая называлась передовою, вторая—главною. Между этими тремя линіями было двѣ „улицы“, по которымъ взадъ и впередъ носился Витовтъ, раздавая приказанія. Орденское войско стояло на возвышенности между Танненбергомъ и Грюнвальдомъ и ожидало нападенія непріятеля, не рѣшаясь само наступать въ лѣсистую и болотистую мѣстность ¹⁾.

Прождавъ напрасно до полудня, маршалъ ордена ²⁾ по совѣту свѣдущихъ герольдовъ отправилъ Ягайлу и Витовту два обнаженныхъ меча, какъ вызовъ на битву. Эти мечи принесли въ польскій лагерь герольдъ короля Сигизмунда Румейхъ и герольдъ герцога Казимира Штеттинскаго. Приведенные къ Ягайлу, они обратились къ нему съ такими словами: „Государь! Магистръ посылаетъ тебѣ этотъ мечъ, а другой мечъ мы должны передать брату твоему Витовту отъ маршала, если только можемъ увидѣть князя лично“. Король послалъ за Витовтомъ, и, когда тотъ подѣхалъ, герольды передали ему второй мечъ отъ имени маршала. Затѣмъ держали такую рѣчь: „Государь и Витовтъ! магистръ и маршалъ посылаютъ Вамъ эти мечи въ помощь и приглашаютъ на битву; просятъ Васъ, чтобы Вы

¹⁾ *Thunert*, 52. Планъ битвы см. у *Horn*, Nachtrag zur Schlacht von Tanenberg, въ *Alpreuss. Monats. Band*, XXIII, 1886, стр. 142; у *Köhler*, II, 658—740, а также у *Voigt*, VII, Narbutt, VI. *Шайноха*, II, 615, *Cromer*, Polonia sive de origine et rebus gestis Polonorum, Colon, Agrip. 1589, стр. 288: „in prima acie robur totius exercitus et veterani milites collocati“. *Köhler*, II, 695. Разказъ Дзуготы (XI, 49), какъ магистръ передъ битвою плакалъ и какъ Эльбингскій командоръ (бывавшій потомъ съ поля битвы, гдѣ съ честью палъ магистръ) упрекалъ его въ малодушіе, сильно напоминаетъ такой же его разказъ о спорѣ храбраго, но скромнаго Спытко Мельштинскаго съ хвастливымъ Щуковскимъ передъ битвою на р. Ворсклѣ (*Długosz*, X, 528).

²⁾ *Script. rer. prus.*, III, 316 (*J. Posilge*).

или сами бы избрали мѣсто для сраженія, или же предоставили бы это имъ. Зачѣмъ сидите въ лѣсу, когда битва все-равно неизбѣжна? На это Ягайло и Витовтъ отвѣчали: „Мечи принимаемъ и сражаться готовы, выборъ же мѣста предоставляемъ Богу“ ¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ Ягайло отдалъ приказъ наступать ²⁾. Войска выстроились и съ пѣніемъ „Богородица...“ двинулись впередъ. Началъ накрапывать небольшой дождь, который прибавилъ поднятую конницей пыль. Витовтъ, стоявшій на правомъ крылѣ, первый вступилъ въ битву. Рыцари открыли сраженіе двумя выстрѣлами изъ орудій. Но пушечные выстрѣлы при плохомъ еще состояніи артиллеріи не причиняли почти никакого вреда непріятелю, и въ первой же стычкѣ рыцари были далеко отброшены отъ своихъ пушекъ. Враждебныя арміи спускались другъ на друга съ двухъ холмовъ. Столкновение было стремительное и сопровождалось страшнымъ крикомъ. Первая стычка, по обыкновенію, была на копьяхъ. Когда копья полопались, схватились за мечи и бердыши. Масса переломанныхъ копій, скатываясь съ холмовъ, образовала между ними, какъ бы нарочно сдѣланный мостъ ³⁾. Болѣе часа бьются арміи, съ обѣихъ сторонъ

¹⁾ Сод. ер. Vitoldi, 1014 (жалоба поляковъ на Константинопольскій соборъ). Script. reg. prus. III, 436 (*Cronica conflictus*) и примѣч. 2 и 3; III, 425, 426 (письма Ягайла къ женѣ и къ епископу Познанскому); III, 316 (J. Posilge). *Długosz*, XI, 50. Длугошъ не вѣрно говоритъ, что Ягайло не посылалъ за Витовтомъ, чтобы не отрывать его отъ устройства войска, и что послы говорили рѣчь передъ однимъ Ягайломъ. Не только *Cronica conflictus*, но и самъ Ягайло въ письмѣ къ женѣ прямо говоритъ, что герольды держали рѣчь передъ нимъ и Витовтомъ: „*Noveritis rex et Vidolde*“. Извѣстіе (встрѣчающееся у Эбергарда Виндека, у оратора Николая изъ Блоне), будто мечи эти были смочены кровью—по видимому, выдумка. См. приложение 1.

²⁾ Сохранилось преданіе, что одинъ изъ чешскихъ отрядовъ, нанятыхъ Ягайломъ, перешелъ было въ лагерь рыцарей, но магистръ сказалъ начальнику этого отряда: „Я не Христосъ и не нуждаюсь въ Іудѣ“, и тотъ долженъ былъ вернуться обратно въ польскій лагерь. *De Wal* (*Hist. de l'ordre-Teut.* IV, 348) думаетъ, что этотъ предводитель былъ нѣкто иной, какъ знаменитый впоследствии Жишка. См. *Шайноха*, II, 624 пр. 2. Въ каталогѣ епископовъ Саганскихъ (Саганъ—городъ въ прусской Силезіи), писанномъ разными лицами въ XIV, XV и XVI ст., упоминается, что магистръ отказался принять какихъ-то наемниковъ, и что тѣ перешли тогда на сторону Польши, въ числѣ 600 человекъ, и будто бы они много способствовали побѣдѣ. Script. reg. prus., III, 432.

³⁾ Длугошъ (XI, 53) разказываетъ, что на мѣстѣ сраженія стояло шесть высокихъ дубовъ; на этихъ дубахъ сидѣло много зрителей (не извѣстно, нѣмцы или поляки), которые съ высоты спокойно слѣдили за ходомъ битвы.

много убитыхъ, а успѣхъ не склоняется ни на ту, ни на другую сторону. Но вотъ литовцы колебались, стали отступать нѣсколько въ бокъ, къ Лаубенскому озеру, и скоро большая часть праваго крыла польско-литовской арміи, не смотря на увѣщанія и приказанія Витовта, обратилась въ бѣгство ¹⁾. Остались только три смоленскіе полка и тѣмъ заслужили себѣ безсмертную славу. Одинъ изъ нихъ почти весь былъ уничтоженъ, остальные же два полка устояли противъ всѣхъ атакъ и соединились съ польскими войсками. Одна часть лѣваго крыла рыцарской арміи была занята сопротивленіемъ смольнянъ, другая же часть бросилась въ погоню за бѣжавшими литовцами. Рыцари уже думали праздновать полную побѣду. Они запѣли „Христосъ воскресъ“ и въ то время, когда большая часть лѣваго крыла прусскаго войска занялась преслѣдованіемъ, центръ и правое крыло, воодушевленные удачей, съ новою энергіей ударили на поляковъ. Большое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ было опрокинуто, и только съ большимъ трудомъ поляки его восстановили. Минута была довольно опасная для поляковъ. Тѣмъ болѣе, что преслѣдовавшіе литовцевъ рыцари стали возвращаться и спѣшили на помощь къ своимъ. Витовтъ не потерялся; оставивъ надежду остановить литовцевъ, онъ вернулся въ польскую армію, взялъ нѣсколько полковъ и съ ними ударилъ на возвращавшихся изъ погони рыцарей. Большая часть изъ нихъ была отрѣзана, перебита или захвачена въ плѣнъ; только немногіе успѣли присоединиться къ своему войску ²⁾.

Главныя силы рыцарей бросились теперь на центръ польской арміи, гдѣ стояли знамена краковское, сандомирское, вислицкое, галицкое и др. Загорѣлся страшный бой, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Славянъ было больше, и они постоянно вводили въ сраженіе новыя силы. Около пяти часовъ пополудни рыцари начали отступать къ своему лагерю ³⁾. Возникло замѣшательство; кульмскій отрядъ (*ritter*

¹⁾ Длугошъ (XI, 54, 56), говоритъ, что нѣкоторые бѣжали до самой Литвы и тамъ распространяли вѣсть, будто славянское войско разбито, Ягайло и Витовтъ убиты.

²⁾ *Thunert* (54, примѣч. 3) справедливо замѣчаетъ, что правое крыло польско-литовской арміи не было восстановлено, какъ думаетъ *Каро* (III, 325). На его восстановленіе дѣйствительно нѣтъ указаній и въ *Cron. confl.*, на которой, главнымъ образомъ, основывается *Каро*. Но съ другой стороны *Тунертъ* забываетъ, что оно и не было вполнѣ уничтожено: оставались смоленскіе полки, о которыхъ *Тунертъ* почему-то не упоминаетъ.

³⁾ *Cronica conflictus*, 438. *Thunert*, 55, примѣч. 4.

und knechte des landes Colmen) измѣнически ушелъ съ поля битвы ¹⁾. Магистръ, собравъ пятнадцать свѣжихъ резервныхъ отрядовъ, рѣшился сдѣлать попытку повернуть счастье на свою сторону и направился съ ними прямо къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Ягайло. Все время до сихъ поръ король находился въ безопасномъ мѣстѣ, окруженный большимъ отрядомъ тѣлохранителей; на случай пораженія для него разставлено было на нѣкоторомъ протяженіи нѣсколько лошадей. Теперь тѣлохранители окружили его еще тѣснѣе, малое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ на красномъ полѣ, всегда слѣдовавшее за королемъ, было предусмотрительно спущено, чтобы не выдало мѣстопробываніе короля. Но Ягайло, видя вблизи себя рыцарей, которые остановились, чтобы лучше высмотрѣть мѣсто для нападенія, вдругъ воспламенился духомъ, схватилъ копье и хотѣлъ броситься на непріятеля, и только съ большимъ трудомъ, почти насильно былъ удержанъ окружающими ²⁾. Отрядъ, предводимый магистромъ, въ это время мчался уже мимо, въ нѣкоторомъ отдаленіи, направляясь въ самую густую массу славянскаго войска. Одинъ изъ рыцарей—Диппольдъ фонъ Кокеритцъ изъ Лузаціи, замѣтивъ блестящее вооруженіе короля, отдѣлился отъ строя и съ поднятымъ копьемъ поскакалъ на Ягайла ³⁾ Король, увидя его, бросилъ въ него копье и сильно ранилъ въ лицо, а молодой секретарь короля Збигневъ Олесницкій, стоявшій вблизи, ударомъ копья выбилъ Диппольда изъ сѣдла, который и былъ немедленно убитъ окружающими. Нѣсколько рыцарей бросались было вслѣдъ за Диппольдомъ, но были отозваны магистромъ, который стремился противъ главныхъ непрі-

¹⁾ Script. rer. pruz., III, (J. Posilge) *Thunert*, 56. *Voigt*, VII, 93. Предводитель отряда потомъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ казненъ за измѣну.

²⁾ *Cronica conflictus*, 438. *Длугошъ* XI, 52, 57, 58. *Caro*, III, 327. Длугошъ (XI, 57) разсказываетъ, что Ягайло, видя несущихся рыцарей, сначала послалъ Збигнева Олесницкаго за поддержаніемъ, но тотъ не могъ его достать, такъ какъ всѣ были заняты на своемъ мѣстѣ.

³⁾ *Cronica conflictus*, 438. *Длугошъ*, XI, 58. *Шайноха*, II, 632. Объ эпизодѣ съ Диппольдомъ говорится въ бреве папы Мартына V, 1423 г., по поводу отпущенія грѣха кровопролитія Збигневу, когда онъ назначался Краковскимъ епископомъ: „cum... quidam armiger sive stipendiarius magistri. in necem prefati regis aspirans illi occurreret, animo ipsum interficiendi, tu eidem regi tunc assistens quadam lancea quam etiam tunc in manibus tuis tenebas armigerum ipsum unico ictu percussisti ac cum ab equo ad terram dejecisti, et successive eundem sic dejectum alio ictu similiter percussisti, quem tamen non mutilasti nec sanguinem ex ejus corpore effudisti, licet postmodum armiger ipse ab aliis prefati regis armigeris illico interemptus fuerit“. См. *Caro*, III, 328, примѣч. 1.

ательскихъ силъ. Болѣе храбро, чѣмъ благоразумно, напалъ онъ на ядро польскаго войска у королевскаго знамени. Сначала произошло въкоторое недоразумѣніе. Поляки приняли-было этотъ непріятельскій отрядъ за возвращавшихся литовцевъ по особымъ копьямъ (сулицамъ) и не сейчасъ сдѣлали нападеніе. Чтобы разяснить сомнѣніе Добеславъ Олесницкій поскакалъ на приближающійся отрядъ. На встрѣчу ему выѣхалъ рыцарь. Узнавъ непріятеля, Добеславъ бросилъ въ него копье и поспѣшилъ обратно. Рыцарь, ловко уклонившись отъ удара, погнался за нимъ, брошеннымъ копьемъ ранилъ его лошадь и повернулъ назадъ ¹⁾. Какъ только такимъ образомъ сомнѣніе разрѣшилось, рыцари немедленно были окружены превосходѣйшими силами. Въ первой же стыкѣ палъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ Юнгингенъ; за нимъ палъ маршалъ и большая часть командоровъ и братьевъ. Оставшіеся въ живыхъ поспѣшили назадъ въ лагерь. Придя туда, рыцари думали защищаться. Но, видя, что у поляковъ появляются все новыя свѣжія силы, еще не бывшія въ сраженіи, въкоторые бросили лагерь и поспѣшно въ безпорядкѣ бѣжали. Другая же часть, отчаявшись найдти спасеніе въ бѣгствѣ, осталась въ лагерьѣ и устроила укрѣпленіе изъ повозокъ. Поляки, подступивъ къ вѣнецкому лагерю, безъ труда имъ овладѣли и перебили всѣхъ тамъ оставшихся, такъ что здѣсь оказалось болѣе всего труповъ ²⁾.

Такъ кончилось сраженіе ³⁾. День уже клонился къ вечеру: до

¹⁾ *Długosz*, XI, 59, 60.

²⁾ На томъ мѣстѣ, гдѣ палъ магистръ, на холмѣ между Танненбергомъ и Людвиговою деревней была позднѣе построена часовня, развалины которой видны еще до сихъ поръ. *Thierner*, 56, примѣч. 6. По Длугошу, въкоторые рыцари сдавались; напримѣръ, Георгій Керцдоръ, бывшій въ орденскомъ войскѣ при знамени Св. Георгія, съ 40 соратниками сдался военнопленнымъ. (*Długosz*, XI, 60). Далѣе (XI, 61) Длугошъ разказываетъ, будто въ прусскомъ лагерѣ нашли телеги, нагруженныя пѣльями, предназначенными для пѣльных поляковъ, множество охоловъ для преслѣдованія и большое количество вина. Ягайло, опасаясь, чтобы солдаты не перепились, приказалъ вылить это вино, и вслѣдствіе этого образовался пѣлый потокъ изъ вина, смѣшаннаго съ кровью убитыхъ.

³⁾ Не обошлось, конечно, это сраженіе безъ чудесныхъ видѣній. Ночью на канувъ битвы многіе видѣли, что на луиѣ происходила ожесточенная борьба между королемъ и монахомъ. Наконецъ монахъ былъ побѣжденъ и сброшенъ съ луны. Вѣсть объ этомъ чудѣ въ другой день распространилась по всему войску. Королевскій капелланъ Вареоломей утверждалъ, что онъ видѣлъ это явленіе собственными глазами (*Długosz*, XI, 35). Затѣмъ Длугошъ прибавляетъ, что нецвѣстно, какъ надо объяснить это явленіе: можетъ быть, это было предчувствіе души, можетъ быть,—оптический обманъ вслѣдствіе какихъ-нибудь воздуш-

захода солнца оставалось около часу. Король, взойди на вершину одного холма, преклонилъ колѣна и въ горячей молитвѣ благодарилъ Бога за дарованную побѣду. Сюда приводили къ нему множество плѣнныхъ, между другими, Казимира Штеттинскаго, Конрада Силезскаго и многихъ бароновъ и рыцарей изъ разныхъ странъ Европы. Насчитали 22 различныхъ народности; 6 королевскихъ нотаріусовъ записывали имена плѣнныхъ. Затѣмъ король, выбравъ мѣсто для лагеря, приказалъ наложить на землю вѣтвей и расположился на нихъ отдыхать ¹⁾.

На слѣдующій день съ большими торжествомъ служили обѣдни въ честь Св. Духа, Св. Троицы и *Divisio Apostolorum*. Затѣмъ опять во весь этотъ день и въ слѣдующій приносили къ королю захваченныя знамена и приводили плѣнныхъ. Знатѣйшіе плѣнные: герцога Штеттинскій, герцога Силезскій (*von Oels*), рыцари ордена и другіе—отправлены въ Польшу подъ стражу; большая же часть была отпущена, давъ слово явиться въ Краковъ ко дню св. Мартына. Изъ плѣнныхъ рыцарей двое, впрочемъ, были немедленно повѣшены по приказанію Витовта. Это были командоръ Марквардъ Сулицбахъ и Шумбергъ. Такая участь ихъ постигла за то, что они прежде непочтительно отзывались о Витовтѣ и его матеря, да и теперь грубо и рѣзко отвѣчали Витовту ²⁾. Въ эти же дни король писалъ письма о побѣдѣ: женѣ, епископу Познанскому, архіепископу Николаю изъ Курова, панамъ въ Краковъ, магистрату города Кракова, Краковской академіи, иностраннымъ государямъ; городу Франкфурту на Майнѣ, Венеціанской республикѣ ³⁾. По приказанію Ягайла, былъ отысканъ трупъ великаго магистра, одѣтъ въ богатый саванъ и отвезенъ въ Маріенбургъ. На третій же день поляки сняли лагерь и отправились далѣе въ непріятельскую землю ⁴⁾.

ныхъ явленій, или какая-нибудь другая неизвѣстная причина. За то Длугошъ съ полною вѣрою относится къ другому чуду — что въ день битвы надъ сражающимися былъ видѣнъ величественный мужъ въ первосвященническомъ одѣяннѣ, который благословлялъ поляковъ. Длугошъ полагаетъ, что это былъ Св. Станиславъ. (*Długosz*, XI, 35, 62).

¹⁾ *Шайноха* II, 639. *Długosz* XI, 64, говоритъ, что у Ягайла отъ продолжительной команды до того охрипъ голосъ, что его съ трудомъ можно было понимать.

²⁾ *Długosz*, XI, 63, 71. *Thunert*, 58.

³⁾ *Script. rer. prus.* III, 425, 426. *Długosz*, XI, 71. *Thunert*, 58. *Caro* III. 329 пр. 1. *Шайноха*, II, 644.

⁴⁾ *Cronica conflictus*, 439. О развогласіи относительно дня, когда поляки

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О мечахъ, присланныхъ рыцарями въ польскій лагерь.

Фактъ присылки рыцарями въ польскій лагерь двухъ мечей возбудилъ въ исторической литературѣ много различныхъ мнѣній и вопросовъ. Вопервыхъ, разногласіе появилось въ вопросѣ, кто собственно послалъ эти мечи. Одни думаютъ, что ихъ отправили магистръ и маршалъ ордена; другіе полагаютъ напротивъ, что они посланы маршаломъ ордена, безъ вѣдома магистра. Ногн (въ своей статьѣ „Nachtrag zur Schlacht von Tannenberg“, *Altpreuss. Monatsch.* XXII, стр. 641), держась послѣдняго мнѣнія, развиваетъ его еще далѣе. Онъ говоритъ, что великій магистръ вовсе не желалъ сраженія; маршалъ же ордена и командиры (такъ-сказать — генеральный штабъ) напротивъ настаивали на сраженіи. И вотъ будто маршалъ тайно отъ магистра (подобно Оемистоклу) дѣлаетъ сраженіе необходимымъ. Ногн въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ и другія второстепенныя соображенія, которыя, впрочемъ, удачно опровергаются Тунертомъ (въ его статьѣ „Der grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden“ въ *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, Heft XVI, Danzig 1886, стр. 53 пр. 6). Но Тунертъ склоненъ принять главное основаніе—что маршалъ одинъ послалъ эти мечи, безъ вѣдома магистра. Того же мнѣнія и Köhler, *Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit*, Band II, Breslau 1886, 721. Между тѣмъ въ источникахъ объ этомъ фактѣ мы имѣемъ слѣдующее J. Posilge (*Script. rer. prus.* III, 316) говоритъ, что маршалъ отправилъ два меча („Und der marschalk sante dem könige czwey bare swert by den heroldin“); но не упоминаетъ вовсе, будто это сдѣлано безъ вѣдома магистра. Поэтому можно понять это и такъ, что и магистръ, и маршалъ, и командиры—однимъ словомъ, весь орденъ—рѣшили послать герольдовъ съ мечами, а маршалъ только привелъ въ исполненіе общее рѣшеніе. Обратимся къ другимъ источникамъ. Ягайло на другой день послѣ побѣды, то-есть, 16-го іюля 1410 г. написалъ съ поля сраженія два письма: одно къ женѣ Аннѣ, другое къ Познанскому епископу Альберту. Въ первомъ письмѣ онъ говоритъ, что мечи ему и Витовту были присланы магистромъ и маршаломъ (*magister cruciferorum et marschalcus nobis et preclaro principi domino Witoldo*); во второмъ въ связи рѣчи упоминаетъ только одного магистра (*magister.... appropinquans....* по-

двинулись далѣе (17 или 18), см. *Thunert* 58, примѣч. 6. Число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ опредѣлять трудно, такъ какъ свидѣнія источниковъ вполне разногласны. *Cronica conflictus* и *Johann Posilge* не опредѣляютъ его вовсе. *Conrad Bitschin* (*Script. rer. prus.* III, 484): „plus quam LX milia virorum ceciderunt de utrisque partibus“. *Дługosz*, XI, 62: „Hostium eo praelio quinquaginta milio occisa, capta quadraginta“. См. *Voigt*, VII, 97 пр. 4. *Caro*, III, 331. *Köhler*, II, 733, 734.

bis et duci Witolto. duos gladios direxit). Дарѣ Cronica conflictus (польское описаніе битвы въ Script. rer. prus. III, 436, 437), по всей вѣроятности, современная событію, выражается еще болѣе опредѣленно. Она говоритъ, что магистръ посылалъ мечъ Ягайлу, а маршалъ Витонту: *...venerunt ad regem duo heraldi, unus regis Hungarie, regi ex parte magistri evaginatum portans gladium et alter ducis Scecyneusis, alium similiter gladium ex parte marsalci duci Vytoldo dandum manu tenens. Dixerunt: Rex! magister hunc tibi dirigit gladium et fratri tuo Vitoldo ex parte marsalci alium dare debemus, si ipsius presenciam habere potuerimus*". Дарѣ въ своей рѣчи герольды говорятъ: *"Magister et marsalcus hos gladios vobis mittunt"*. У Длугоша (XI, 50) герольды говорятъ, что магистръ прислалъ мечи: *"Illustrissime Rex! Magister Prussiae generalis Ulricus mittit tibi et fratri tuo per nos Aroldos praesentes duos gladios"*. Длугошъ также упоминаетъ, что посланы были герольды короля Сигизмунда и герцога Штеттинскаго (XI, 49). Наконецъ, имѣемъ еще два документа официальные, но виѣсть съ тѣмъ и тенденціозные вслѣдствіе самаго ихъ назначенія. Это—жалоба поляковъ и оправданіе рыцарей на Констанцскомъ соборѣ. Поляки въ своей жалобѣ (Cod. ep. Vitoldi, 1014; Voigt, Gesch. Preus., VII, 85, примѣчаніе) говорятъ, что мечи присланы по приказанію магистра и маршала отъ всего ордена и что одинъ изъ герольдовъ былъ Ramrich, герольдъ императора Сигизмунда (*magistri ordinisque et marsalci jussionibus*). Герольдамъ приписывается такая рѣчь: *"Ecce offerimus vobis duos gladios pro vobis rex unum et pro vobis dux Witoldo alterum ex parte magistri et marschalci et fratrum ordinis Teutonicorum"*. Рыцари же въ своемъ оправдательномъ отвѣтѣ говорятъ совсѣмъ другое. Здѣсь въ первый разъ заявляется прямо, что мечи отправилъ одинъ маршалъ, тайно отъ магистра: *"et sic marschalcus inconsulto Magistro istos gladios non in contemptum Regis nec ex superbia, sed ex informatione heroldorum expertorum in tali negocio, ne altera pars in expectando deficeret, misit gladios"* (Voigt, Gesch. Preus., VII, 85, примѣчаніе).

Такимъ образомъ въ этомъ отвѣтѣ рыцарей имѣемъ единственное прямое указаніе, что маршалъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ вѣдома магистра. Свидѣтельство I. Посылке, какъ мы видѣли выше, не отрицаетъ, но и не подтверждаетъ этого указанія. Свидѣтельства польскія (письма Ягайла, Cronica conflictus, Длугошъ, жалоба поляковъ) на первый взглядъ какъ будто рѣшительно опровергаютъ указаніе оправдательнаго отвѣта рыцарей, ибо всѣ они говорятъ, что герольды присланы и отъ лица магистра, а жалоба даже прибавляетъ *"et fratrum Ordinis Teutonicorum"*. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти польскія свидѣтельства основываются на заявленіи герольдовъ, передаютъ собственно ихъ рѣчь. Герольды же могли дѣйствительно по приказанію маршала говорить, что они присланы и отъ магистра. Имъ даже и необходимо было такъ говорить во всякомъ случаѣ, ибо иначе они не могли бы быть приняты за пословъ ордена, и посольство ихъ не имѣло бы значенія. Ихъ слова поэтому вовсе еще не доказываютъ, что они посланы съ вѣдома магистра. Слѣдовательно, указаніе оправдательнаго отвѣта рыцарей ничѣмъ прямо не опровергается. Тѣмъ не менѣе оно представляется маловѣроятнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего странно, что оно встрѣчается только въ оправдательномъ отвѣтѣ рыцарей,—а въ этомъ отвѣтѣ рыцари, конечно,

старались собрать все возможное для своего оправданія противъ польскихъ жалобъ. Поляки же указывали на присылку мечей, какъ на свидѣтельство высокоумія, какъ на дерзкую обиду, нанесенную намѣренно со стороны ордена полякамъ, чтобы ихъ раздражить. Изъ вышеприведеннаго отрывка видно, что рыцари, оправдывая себя, объясняли, что отправленіе мечей неприятелю — просто рыцарскій обычай, не заключающій въ себѣ ничего обиднаго. Но, по видимому, это оправданіе нѣтъ самими казалось недостаточнымъ, и поэтому они стали сваливать отвѣтственность за послылку мечей на одного маршала. Трудно повѣрить, чтобы дѣйствительно маршалъ могъ, еслибы даже и рѣшился, сдѣлать это тайно; особенно, если принять во вниманіе, что посланы были не какіе-нибудь простые рыцари, а, какъ мы видѣли выше, герольды иностранныхъ государей (короля Сигизмунда и герцога Штеттинскаго).

Второе разногласіе — въ вопросѣ о томъ, что означаетъ эта присылка мечей. Есть ли это просто обычай, какъ утверждали рыцари въ своемъ оправдательномъ отвѣтѣ, или это дерзкій, насмѣшливый вызовъ, какъ утверждали поляки въ своей жалобѣ. Но этотъ вопросъ нѣтъ сущности не важенъ. И тѣ, и другіе, можно сказать, правы. Обычай такой существовалъ. Такъ, напримѣръ, въ *Histoire et Croniques du petit Jehan de Saintré* (изд. 1830 г., на стр. CLIII) говорится, что Saintré, вызывая противника на бой (топорами) „envoya par deux heraulx d'armes deux haches à messire Enguerant“. Тамъ же на стр. CCCLVI Saintré посылаетъ другому противнику также „deux haches et deux dagues“ (княжакъ) (см. Пайноха, Ядвига в Ягайло, II, 625 примѣч. 1, ср. также Script. rer. prus. III, 316, примѣч. 3. Köhler, Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit, Band II, Breslau 1886, 720, примѣч. 5). Но къ этому обычаю, конечно, прибѣгали только тѣ, кто желалъ сраженія, надѣялся на побѣду и считалъ своего противника слабѣе себя, то-есть, отвосился къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Въ данномъ случаѣ этотъ оттѣнокъ пренебреженія выразился особенно въ замѣчаніи герольдовъ, что поляки напрасно прячутся въ лѣсахъ. Это замѣчаніе находится не только въ жалобѣ поляковъ (Cod. ep. Vitoldi, 1014: „Cur in silvis latitatis, cur vos absconditis, quare bellum subterfugitis, quod utique evitare non potestis“), въ Cronica conflictus (Script. rer. prus. III, 437: „Nec velitis vos in condense hujus silve abscondere, quinimmo ad bellum protinus exire non differatis, quia pugnam nullomodo evadere poteritis), у Длугоша (XI, 50: „neque de caetero latites et intra silvas nemoraque consistens, pugnam trahas“), но и у J. Posilge (Script. rer. prus. III, 316: „und der marschalk sante deme konige czwey bare swert by den heroldin, das her nicht so lege in dem walde, sunder das her hervorzoge uff das rume“).

Наконецъ, третьихъ, фактъ послылки мечей представляется особенно интереснымъ еще и потому, что новѣйшій изслѣдователь этого времени Тунертъ беретъ именно изложеніе въ источникахъ этого факта, чтобы доказать, будто Cronica conflictus заимствовала разказъ изъ жалобы поляковъ на Констанцскомъ соборѣ, и слѣдовательно она написана не въ 1410 г. (какъ думаютъ Штрельке и Каро), а послѣ 1416 г. Къ этому вопросу о Cronica conflictus мы обратимся ниже, во 2-мъ приложеніи.

Извѣстіе, будто мечи были смочены кровью, по видимому,—выдумка. Изъ писателей, болѣе близкихъ къ событію по времени, это извѣстіе имѣютъ Эбергардъ Випдекъ (Aschbach, Gesch. K. Sigism., 457, Beilage XVIII), Николай фонъ-Блоне (капелланъ епископа Познанскаго Станислава, одня изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ ораторовъ XV в.): „Regi insuper nominato duos direxerunt cruentatos gladios, insinuantes, quod et suos in sanguine regis et suorum nobilium vellent cruentare gladios et totam terram Polonorum radicitus extirpare et in favillam redigere“. (О достоверности свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ ораторомъ, можно судить, напримѣръ, по слѣдующему: онъ разсказываетъ, будто, какъ только поляки зашли Богородицу, на рыцарей тотчасъ напалъ непреодолимый страхъ, они бросились бѣжать и самъ магистръ погибъ въ какомъ-то болотѣ). Script. rer. prus., III, 439, проповѣдь Николай фонъ-Блоне на день Divisio Apostolorum. Затѣмъ — Эней Сильвій и нѣкоторые другіе. См. Thunert, 103, Caro, III, 322. Danilowicz, Scarbiac diplomatów. Wilnо 1860, I, 372.

II.

Объ отношеніи между Cronica conflictus Wladislai regis Polonie cum cruciferis anno Christi 1410 (Script. rer. prus., III, 434 и слѣд.) и Длугошемъ (Hist. Polon., lib. XI, стр. 14 и слѣд., по изданію А. Пршевдзецаго).

Упомянутые два источника—самые важные для описанія Танненбергской битвы. Но изслѣдователи расходятся въ томъ, которому изъ этихъ источниковъ отдать предпочтеніе. Каро (Gesch. Polens, III, 318, примѣч. 1) ставитъ на первомъ планѣ Cronica conflictus. По его мнѣнію, эта хроника написана въ 1410 году и притомъ, по всей вѣроятности, очевидцемъ событія. Такъ же думаетъ и Köhler (Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit, Band II, Breslau 1886, 714). Къ тому же году относитъ Cron. confl. и издатель ея Штрельке, по мнѣнію котораго, она написана однимъ изъ духовныхъ, окружавшихъ Ягайла, въ концѣ 1410 г. (Script. rer. prus., III, 434). Между тѣмъ въ прошломъ году Тунертъ (Der Grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden въ Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins, Heft XVI, Danzig 1886, стр. 102) высказалъ мнѣніе, что Cron. confl. составлена гораздо позже, не ранѣе 1416 г., и что, кромѣ того, Длугошъ долженъ быть предпочтенъ этой хроникѣ.

Тунертъ посвятилъ нѣсколько страницъ (94—103) разбору содержанія этой хроники и отношенія ея къ Длугошу. Прежде всего онъ совершенно справедливо отмѣчаетъ большое сходство между Cron. confl. и Длугошемъ, сходство не только въ содержаніи, но иногда даже и въ самыхъ выраженіяхъ. Является вопросъ, какъ же объяснить это сходство. Можетъ быть сдѣлаво три предположенія: или хроника заимствовала изъ Длугоша (если предположить, что хроника составлена позднѣе Длугоша), или Длугошъ изъ хроники, или, наконецъ, оба, то-есть, Длугошъ и составитель хроники пользовались однимъ и тѣмъ же неизвѣстнымъ источникомъ. Тунертъ справедливо отвергаетъ

возможность перваго предположенія, такъ какъ краткая хроника вовсе не похожа на извлеченіе изъ подробнаго Длугоша. Второе предположеніе тоже кажется автору неправдоподобнымъ на томъ основаніи, что между хроникой и Длугошемъ есть разногласія, какъ въ характеристикѣ короля Ягайла, такъ и въ изложеніи фактовъ. Такимъ образомъ авторъ принимаетъ третье предположеніе, что сходство Длугоша и хроники объясняется изъ третьяго общаго источника.

Разберемъ тѣ противорѣчія, которыя Тувертъ находитъ между хроникой и Длугошемъ и которыя, по его мнѣнію, опровергаютъ предположеніе, что Длугошъ заимствовалъ изъ хроники.

1) Въ хроникѣ польское войско въ два дня, 26-го и 27-го іюня, проходить около 100 километровъ, что Тувертъ считаетъ невозможнымъ и что у Длугоша изложено иначе, болѣе вѣроятно.

2) Говоря объ отношеніяхъ Польши, ордена и Венгріи, хроника и Длугошъ опять расходятся именно въ указаніяхъ мѣста и времени, тогда какъ содержаніе переговоровъ и приводимыя рѣчи въ общемъ сходны. При этомъ замѣчательно, что источники сходятся и въ опредѣленіяхъ мѣста и времени, но только уже послѣ того, какъ польское войско вступило въ непріятельскую территорію.

Эти противорѣчія объясняетъ авторъ тѣмъ, что предполагаемый первоисточникъ говорилъ и о походѣ польскаго войска до вступленія въ непріятельскую землю, и о политическихъ переговорахъ только въ общихъ чертахъ. А подробности в хроника, и Длугошъ дополняютъ каждый отъ себя; при этомъ Длугошъ дополняетъ вѣрно, а хроника невѣрно. Но тутъ возможно и другое объясненіе. Хроника имѣла въ виду, какъ показываетъ самое заглавіе ея (*Cronica conflictus*), описать самую битву; все же, что предшествовало битвѣ и что слѣдовало за нею, имѣло для составителя хроники второстепенное значеніе, какъ предисловіе и послѣсловіе. Поэтому онъ и говоритъ о событіяхъ, предшествовавшихъ битвѣ, а также (какъ увидимъ ниже) и о слѣдовавшихъ за нею—кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, отчего у него и нѣтъ точности въ опредѣленіяхъ ихъ мѣста и времени. (Предположеніе о существованіи еще болѣе краткаго первоисточника—совершенно лишнее). Длугошъ же, писавшій не только о самой битвѣ, но вообще исторію Польши, излагаетъ все подробно. Указанныя противорѣчія вовсе не доказываютъ, что Длугошъ не пользовался хроникой вообще; они только доказываютъ, что онъ не пользовался ею въ этомъ мѣстѣ, то-есть, въ изложеніи событій, предшествовавшихъ битвѣ, такъ какъ имѣлъ объ этомъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ краткое изложеніе хроники. Со вступленія же польскаго войска въ непріятельскую территорію, когда хроника дѣлается подробнѣе, указанія мѣста и времени и вообще все изложеніе, какъ сказано выше, въ хроникѣ и у Длугоша—сходны.

3) Разногласіе хроники и Длугоша при описаніи взятія Гильгенбурга (Дубровно); это разногласіе состоитъ въ слѣдующемъ. Хроника говоритъ, что Ягайло отдалъ приказъ взять этотъ городъ только иррегулярнымъ войскамъ: *tantum communi populo et non milicie sue expugnare mandavit** (*Script. rer. prus.*, III, 435). Длугошъ же здѣсь не различаетъ регулярныя и иррегулярныя войска, а говоритъ прямо, что Ягайло запретилъ брать городъ, что онъ былъ

взять противъ его приказанія (Długosz, XI, 33). Тунертъ объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что въ общемъ первоисточникъ былъ упомянутъ просто фактъ взятія Гильгенбурга; а такъ какъ это взятіе сопровождалось большими жестокостями, то составитель хроникъ и Длугошъ, каждый по своему, старались объяснить и смягчить эти жестокости. Намъ же кажется, что этому противорѣчію слѣдуетъ дать совершенно другое объясненіе. Хроника говоритъ вѣрно, что Гильгенбургъ былъ взятъ нерегулярными войсками. Это—вовсе не выдумка составителя хроники, какъ предполагаетъ Тунертъ. По крайней мѣрѣ сами рыцари въ своей жалобѣ противъ поляковъ на Констанцскомъ соборѣ (Cod. ep. Vitoldi, 1031) приписываютъ взятіе Гильгенбурга и совершенныя при этомъ жестокости—татарамъ и другимъ невѣрнымъ. („Thartari et nonnulli alii infideles ex gentibus regis oppidum Gilgenburg, quod in metis est Russie, proditorie intraverunt in quo stragem indicibilem commiserunt nulli parcendo penitus). Рыцарямъ, конечно, не было никакого расчета скрывать, что жестокости были совершены регулярными польскими войсками, еслибы это дѣйствительно такъ было; напротивъ, тогда обвиненіе противъ поляковъ было бы еще болѣе тяжело. То же самое говоритъ и *Annalista Thorunensis* (Script. reg. prus., III, 315): „Tartari civitatem Gilgenburg invaserunt. J. Posilge (Script. reg. prus., III, 315) рассказываетъ о святотатствахъ въ церквяхъ при взятіи Гильгенбурга, на которыя едва ли рѣшились бы католики поляки. Почему Длугошъ не обратилъ особеннаго вниманія на то, что Гильгенбургъ былъ взятъ не поляками собственно, сказать трудно; но, во всякомъ случаѣ, онъ здѣсь не точенъ. Можетъ быть, онъ боялся, что, упомянувъ о татарахъ, онъ этимъ однимъ упоминаніемъ возбудитъ представленіе о жестокостяхъ. Заявленіе Длугоша, что взятіе Гильгенбурга совершилось вопреки запрещенію Ягайла—не очень вѣроятно. Трудно представить себѣ, чтобы городъ, да еще сильно укрѣпленный, какъ описываетъ его Длугошъ (XI, 33), могъ быть взятъ противъ приказанія короля. Взять его нельзя было въ нѣсколько минутъ, и король имѣлъ достаточно времени заставить исполнить свое приказаніе — не брать города, еслибы онъ дѣйствительно хотѣлъ это сдѣлать. Такимъ образомъ это противорѣчіе объясняется просто тѣмъ, что Длугошъ отступилъ отъ истины, тогда какъ хроника рассказываетъ правдиво. Предполагаемый общій первоисточникъ рѣшительно не при чемъ. Здѣсь Тунертъ дѣлаетъ еще выводъ, что *Cron. confl.* составлена изъ отдѣльных частей, на томъ основаніи, что хроника сначала просто упоминаетъ о взятіи Гильгенбурга, а затѣмъ черезъ 2 строки повторяетъ этотъ фактъ подробнѣе. Но дѣло въ томъ, что въ этихъ 2 строкахъ хроники говорится въ сущности о томъ же событіи—рассказывается, какъ придвигалъ Ягайло свой лагерь къ Гильгенбургу (Script. reg. prus. III, 435). Еслибы эти два упоминанія были въ разныхъ мѣстахъ и раздѣлялись бы другими фактами, тогда это могло бы служить доказательствомъ составности хроники. Но такъ какъ они стоятъ рядомъ, при чемъ рассказъ идетъ все о томъ же, то это двойное упоминаніе можетъ только доказывать недостаточность литературной обработки хроники.

4) Хроника говоритъ, что въ ночь съ 14-го на 15-е была буря, гремѣлъ громъ и шелъ дождь. И въ то же время рассказываетъ, что видна была луна кроваваго цвѣта и на ней мечъ. Длугошъ же сначала говоритъ, что ночь

была тихая и ясная и видна была луна, и на ней монахъ, борющійся съ королемъ. (При этомъ Тунертъ забылъ упомянуть, что у Длугоша описание погоды довольно странное: по его описанію, только въ польскомъ лагерѣ была тихая ночь, а въ прусскомъ свирѣпствовала буря: *subsequens autem nox in stativis regiis benigna et pacifica erat, cujus in exercitu cruciferico dispar erat facies. Ventus quippe validus singula tabernacula quatiendo solo prostraverat, noctemque pene insomnem transegerant*; XI, 35). А нѣсколько далѣе Длугошъ говоритъ то же самое, что хроника, то-есть, что была гроза и шелъ дождь. Сопоставляя эти показанія хроники и Длугоша, Тунертъ дѣлаетъ два вывода. Во первыхъ, что первоначальный общій источникъ говорилъ только объ естественныхъ явленіяхъ этой ночи, то-есть, о грозѣ и дождѣ, а составитель хроники и Длугошъ прибавили разказъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ на лунѣ. Вторыхъ, что составитель хроники, прибавляя разказъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ на лунѣ, не позаботился устранить противорѣчія: въ дождливую бурную ночь у него видна луна. Нечего говорить о томъ, что упоминаніе о бурной ночи у Длугоша и въ *scop. confl.* вовсе не доказываютъ существованіе какого-нибудь общаго источника. Ночь дѣйствительно была бурная, и поэтому о бурѣ упоминаютъ оба лѣтописца. Нѣсколько же одинаковыхъ словъ при этомъ („*coruscationes, fulgura, tonitrua, pluvia*“ въ хроникѣ, *Script. rer. prus. III, 435* и „*pluviae, fulgura, coruscationes*“ у Длугоша, XI, 36) можетъ быть объяснено или тѣмъ, что оба писателя говорятъ объ одномъ явленіи, или тѣмъ, что Длугошъ пользовался хроникой. Болѣе требуетъ вниманія другой выводъ автора— что какъ въ хроникѣ, такъ и у Длугоша—противорѣчія. Собственно въ хроникѣ противорѣчія, можетъ быть, и нѣтъ: небо могло на нѣкоторое время и проясниться, какъ часто бываетъ во время грозы. Но важно не это, а именно то, что авторъ хроники вовсе не заботился о томъ, есть ли противорѣчіе въ его разказѣ или нѣтъ, а разказывалъ просто, какъ было, и какъ говорили. Это доказываетъ безыскусственность повѣствованія и придаетъ ему болѣе цѣны. У Длугоша же скорѣе противорѣчіе, происшедшее именно вслѣдствіе старанія удалить мнимое противорѣчіе. По видимому, разказывая о видѣніи на лунѣ, Длугошъ считалъ нужнымъ для большей правдоподобности сказать, что ночь была ясная, а затѣмъ далѣе говоритъ о дождѣ, безъ всякой оговорки. Интересно при этомъ, что Длугошъ, какъ сказано выше, разказываетъ, что въ лагерѣ рыцарей была буря въ то время, какъ въ польскомъ ея будто не было. Повѣрять этому, конечно, довольно трудно. Наконецъ, самое видѣніе у Длугоша гораздо фантастичнѣе и, такъ сказать, разработаннѣе, чѣмъ въ хроникѣ: въ послѣдней на лунѣ видѣнъ только мечъ, а у перваго монахъ, борющійся съ королемъ. Привнявъ во вниманіе все вышензложенное, никакъ нельзя сказать, что здѣсь—одно изъ противорѣчій между Длугошемъ и хроникой, которое и не позволяетъ будто предполагать, что Длугошъ пользовался хроникой. Тутъ не противорѣчіе, а просто вымышленныя добавленія со стороны Длугоша: въ разказѣ о погодѣ, различной въ двухъ лагеряхъ, о подробностяхъ видѣнія. И то, и другое добавленіе, конечно, вовсе не говорятъ въ пользу достовѣрности Длугоша преимущественно предъ хроникой. Ничто не мѣшаетъ предположить, что Длугошъ пользовался въ этомъ случаѣ краткимъ разказомъ хроники, украсивъ его по своему.

5) И составитель хроникъ, и Длугошъ разказываютъ о присылкѣ двухъ обоженныхъ мечей (про обоженные мечи говорить и *I. Posilge*, *Script. rer. III*, 316). И тотъ, и другой упоминаютъ, что при этомъ требовалось присутствіе Витовта. Но далѣе между ними разногласіе. По хроникѣ, Витовтъ призываетъ по приглашенію Ягайла (436); а по Длугошу (XI, 50), Ягайло запретилъ даже звать Витовта, такъ какъ тотъ былъ занятъ устройствомъ арміи, и передача мечей произошла безъ него. Тунертъ справедливо предполагаетъ въ этомъ случаѣ тенденціозное искаженіе дѣйствительности со стороны Длугоша, съ цѣлью выставить усердіе и неутомимую дѣятельность Витовта. Письмо Ягайла къ Аниѣ (*Script. rer. prus. III*, 416) это прямо доказываетъ, такъ какъ въ немъ приводится обращеніе пословъ и къ Ягайлу, и къ Витовту („*Noveritis rex et Vidolde!*“) Тоже—и жалоба поляковъ на Констанцскомъ соборѣ (*Cod. ep. Vitoldi*, 1014): „*Ecce offerimus vobis duos gladios pro vobis, rex, unum et pro vobis, rex Vitolde, alterum.*“ Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ противорѣчіе между Длугошемъ и хроникой не доказываетъ, что Длугошъ не пользовался хроникой, такъ какъ это противорѣчіе есть тенденціозное искаженіе Длугошемъ вѣрнаго разказа хроники. И опять это противорѣчіе не говоритъ въ пользу Длугоша.

6) Хроника разказываетъ при началѣ сраженія (говоритъ Тунертъ), что рыцари были отброшены отъ своихъ орудій, а затѣмъ далѣе (*dann heisst es in derselben weiter*) сообщаетъ, что рыцарями было сдѣлано два выстрѣла изъ орудій. Длугошъ же, напротивъ (*dagegen*), говоритъ, что въ началѣ сраженія рыцари сдѣлали два выстрѣла.

Но дѣло въ томъ, что хроника сначала (а не далѣе, какъ передаетъ Тунертъ) сообщаетъ, что рыцари сдѣлали два выстрѣла въ самомъ началѣ сраженія, а потомъ были отброшены отъ своихъ орудій. *Script. rer. prus. III*, 437: „*In ipso autem primo ingressu belli ante paulisper pluvia lenis et calida erupit et pulveres ab equorum pedibus solvit. Cumque in ipsius pluvie inicio* (слѣдовательно въ самомъ началѣ сраженія) *duo ictus in emissione lapidum de pixidibus hostium facti erant, quia hostes multas pixides habuerunt, nullum tamen nocumentum per hujusmodi emissiones nostris facere potuerunt et statim primo congressu cum gente regis facto ab eisdem pixidibus fere per stadium sunt repulsi. Bellum fecere tunc asperrimum.*“ Слѣдовательно, и хроника, и Длугошъ сходятся въ томъ, что сраженіе началось двумя пушечными выстрѣлами со стороны рыцарей, и явное противорѣчіе этихъ двухъ источниковъ произошло оттого, что Тунертъ переставилъ факты въ разказѣ хроники. Разница между хроникой и Длугошемъ заключается только въ томъ, что, по хроникѣ, рыцари послѣ выстрѣловъ были отброшены отъ своихъ орудій, а Длугошъ объ этомъ не упоминаетъ. Поэтому Тунертъ называетъ это извѣстіе хроники хвастливою выдумкою („*prahlerische Erdichtung*“). Между тѣмъ тутъ ничего хвастливаго нѣтъ, такъ какъ самъ составитель хроники не придаетъ значенія этому временному и притомъ мѣстному (то-есть, только около орудій) отступленію рыцарей, ибо сейчасъ же говоритъ, что послѣ этого и началась жестокая битва (*bellum fecere tunc asperrimum*). Кромѣ того, это извѣстіе лучше всего объясняетъ, почему рыцари сдѣлали только два выстрѣла. Предположеніе Тунерта, что болѣе не стрѣляли вслѣдствіе дождя—неудовлетворительно, такъ какъ дождь въ началѣ битвы былъ очень небольшой (*pluvia levis*, см. *сроч.*

confl., 437; *suavis et modestae pluviae*, Dlugosz, XI, 56). Длугошъ не упоминаетъ объ отступленіи рыцарей отъ орудіи, по всей вѣроятности, потому, что не придавалъ этому отступленію пушкарей никакого значенія, такъ какъ орудія и безъ того не приносилъ вреда.

7) Тунертъ говоритъ, будто по хроникѣ въ долинѣ произошло сраженіе между литовцами и стоявшими противъ нихъ рыцарями (Es soll also hier im Thale das litauische Heer mit dem ihm gegenüberstehenden Theile des Ordensheeres kämpfen⁴). Между тѣмъ какъ, по Длугошу, непріятельскія войска столкнулись въ долинѣ на всемъ протяженіи своихъ ливій. Поэтому Тунертъ заключаетъ, что составитель хроники худо понялъ первоисточникъ, тѣмъ болѣе, что онъ будто и самому себѣ противорѣчитъ дальнѣйшимъ описаніемъ (*alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vytoldi congressa*⁴, Cron. confl. 438). Тунертъ понимаетъ это описаніе такъ, что войско Витовта не участвовало въ битвѣ въ долинѣ, и видитъ въ этомъ противорѣчіе съ прежнимъ указаніемъ хроника, что въ долинѣ сражались именно литовцы. Въ заключеніе Тунертъ говоритъ: „Wir ersehen auch hieraus zugleich, wie wenig glaubwürdig die Chronik ist“.

На самомъ же дѣлѣ хроника вовсе не противорѣчитъ ни себѣ, ни Длугошу. Вопервыхъ, Тунертъ не обратилъ вниманія, что хроника прежде, тѣмъ описывать столкновение въ долинѣ, говоритъ (437): „Cum jam uterque exercitus tam regis, quam ducis Vytoldi, cum omnibus hostium aciebus fuere ad invicem copulati et congressi“. То-есть, говоритъ, какъ и Длугошъ, о столкновеніи по всей линіи, слѣдовательно, противорѣчія между хроникой и Длугошемъ нѣтъ. Сейчасъ увидимъ, что хроника не противорѣчитъ и самой себѣ. Только-что приведенный изъ нея отрывокъ продолжается такъ: (*congressi*) *maiorque exercitus Prutenorum ex electis ipsorum aciebus fuere ad invicem ordinati super gentem ducis Vitoldi, banarium sancti Georgii et banarium nostre prime aciei congressi cum clamore maximo et incursu equorum nimio in valle quodam, sic quod adversa de monte et pars nostra similiter de monte mutuis se susceperunt ictibus lacerare. In illo autem loco post conflictum ex hastis...* Далѣе чрезъ нѣсколько строкъ: „*Alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vytoldi congressa et fere per horam preliantes mutuo inter se plurimi ex utraque parte ceciderunt, ita quod gens Vytoldi ducis cogitur retrocedere*“. Для выясненія разказа приведемъ еще отрывокъ изъ хроники, нѣсколько выше только что выписаннаго: „*In manu dextra dux Wytoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii scilicet banario prime aciei bellum est ingressus*“. Вторая ошибка Тунерта въ томъ, что онъ, какъ намъ кажется, не вѣрно понялъ приведенные отрывки хроники. По его мнѣнію, хроника говоритъ, будто противъ Витовта стояло со стороны ордена знамя св. Георгія; основываетъ это мнѣніе онъ на приведенныхъ выше словахъ: „*In manu dextra dux Wytoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii scilicet banario prime aciei bellum est ingressus*“. (Ту же ошибку дѣлаетъ и Капо, III, 325: „wo auf polnischer seite Witold mit seinen Schaaren auf der deutschen unter dem Banner des heiligen Georg vorzugsweise die

*Fremden in Ordensheere fochten**). Но здѣсь говорится не о нѣмецкомъ знамени св. Георгія, а о польскомъ. Тунертъ упустилъ изъ виду, что въ польскомъ войскѣ тоже было знамя св. Георгія, при которомъ стояли чехи и моравяне (*Dlugosz*, XI, 38). Предлогъ *cum* оба раза (*cum gente sua cum banario sancti Georgii*) имѣетъ здѣсь не враждебное значеніе противъ, а „съ“—со своимъ отрядомъ, со знаменемъ св. Георгія. Доказательства этого слѣдующія.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что хроника дѣлитъ войско рыцарей, какъ бы на двѣ части: одна часть—*ex electis aciebus* или *hominibus cruciferorum*, а другая—*banarium sancti Georgii*. Первая часть стояла противъ литовцевъ Витовта, а вторая, то-есть, нѣмецкое знамя св. Георгія стояло противъ перваго ряда поляковъ (*postre prime aciei*), то-есть, противъ польскаго знамени св. Георгія, такъ какъ было объяснено „*cum banario sancti Georgii scilicet banario prime aciei*“. И оказывается, что хроника никакого противорѣчія въ себѣ не заключаетъ. Сначала хроника говоритъ, что Витовтъ началъ сраженіе съ литовцами и съ первымъ рядомъ поляковъ, то-есть, съ польскимъ знаменемъ св. Георгія. Затѣмъ разказываетъ, что, когда непріатели сошлись, противъ литовцевъ Витовта оказалось отборное рыцарское войско, а противъ перваго ряда поляковъ (противъ польскаго знамени св. Георгія)—нѣмецкое знамя св. Георгія. Наконецъ, описываетъ вкратцѣ сначала столкновеніе нѣмецкаго знамени св. Георгія съ польскимъ, а затѣмъ переходитъ къ описанію сраженія литовцевъ Витовта съ отборною частью рыцарскаго войска. Что польское знамя св. Георгія дѣйствительно принимало участіе въ первой стычкѣ, подтверждается и изъ Длугоша. Длугошъ (XI, 55), разказывая о бѣгствѣ литовцевъ, говоритъ: „*fugerat etiam ea tempestate et sancti Georgii ex parte regia vexillum*“.

8) Тунертъ говоритъ, что истребленіе праваго нѣмецкаго крыла, возвращавшагося послѣ преслѣдованія бѣжавшихъ литовцевъ, есть выдумка составителя хроники, и что Длугошъ ничего объ этомъ не знаетъ („*von der Dlugosz nicht das mindeste weiss*“). Между тѣмъ Длугошъ (XI, 57) говоритъ, что возвращавшіеся преслѣдователи вступили въ сраженіе, что очень многіе изъ нихъ погибли и обратились въ бѣгство („*Interea redit Cruciferorum exercitus Lithuanos et Ruthenos fugientes insectatus... Fit asperum seecedentibus novis pugnatoribus... certamen... acies Crucifera grandi in militibus jactura excerpta, ordinibus insuper confusis et his e qui ordines ducebant, peremptis... Wladislaus... hostium, quos in locis alicuot fugos profligatosque viderat, fugam et deviationem extremam tacitus operiebatur*“). А хроника прямо говоритъ, что не всѣ возвратившіеся изъ преслѣдованія были уничтожены и даже указываетъ, которая часть осталась (438). Слѣдовательно, свидѣтельства хроники и Длугоша очень близки другъ къ другу.

9) Тунертъ, говоря о различіи въ характеристикѣ Ягайла въ хроникѣ и у Длугоша, обращаетъ вниманіе на то, что по хроникѣ Ягайло, увидя несущагося на него магистра, хотѣлъ прямо на него броситься, а по Длугошу—сначала, испугавшись, послалъ Збигнева Олесницкаго за поддержаніемъ, а затѣмъ вдругъ, когда тотъ возвратился ни съ чѣмъ, проявилъ необновенную храбрость. Изъ этого извѣстія Тунертъ дѣлаетъ заключеніе, что Длугошъ

разказъ о храбрости Ягайла ваятъ изъ первоисточника, не замѣчая, что онъ противорѣчитъ только что обпаружившемуся страху короля. Не нужно доказывать, что вѣсто предполагаемаго первоисточника, Длугошъ могъ заимствовать это и изъ соп. conf.

10) Тунертъ указываетъ на краткость и неточность хроникъ въ разказѣ послѣ битвы, именно на неточности мѣста и времени. Объясняетъ онъ это тѣмъ, что составитель хроникъ неудачно сталъ распространять первоначальный источникъ, который былъ еще короче. Мы уже говорили, что это объясняется тѣмъ, что составитель хроникъ описывалъ собственно сраженіе, а остальное, то-есть, то, что предшествовало сраженію и что слѣдовало за нимъ, онъ упоминаетъ только въ общихъ чертахъ.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Хроника должна быть раздѣлена при разсмотрѣніи на 2 части: а) существенная—описаніе сраженія, б) несущественная—описаніе событій, предшествовавшихъ сраженію и слѣдовавшихъ за нимъ.

2) Существенная часть хроникъ, то-есть, описаніе самой битвы по своему значенію выше Длугоша.

3) Между хроникой и Длугошемъ—большое сходство, которое скорѣе всего объясняется тѣмъ, что Длугошъ пользовался хроникой, именно существенною ея частью. Приводимыя противъ этого мнѣнія Тунертомъ противорѣчія между хроникой и Длугошемъ въ описаніи самой битвы—частью мнимыя, частью результатъ тенденцій Длугоша.

Далѣе Тунертъ старается доказать, что хроника составлена гораздо позже 1410 г. Самое основаніе, изъ котораго при этомъ онъ исходитъ,—ложное. Онъ исходитъ изъ мнѣнія, что хроника вездѣ, гдѣ противорѣчитъ Длугошу въ важныхъ случаяхъ, невѣрна. Но мы уже видѣли, что всѣ эти противорѣчія въ описаніи самой битвы (существенная часть хроникъ) или мнимыя, или говорятъ не въ пользу Длугоша. Главное доказательство поздняго происхожденія хроникъ Тунертъ ищетъ въ разказѣ о присылкѣ мечей. Онъ сравниваетъ разказъ хроникъ о присылкѣ мечей съ разказомъ о томъ же фактѣ въ польской жалобѣ на Констанцскомъ соборѣ, въ письмахъ Ягайла къ женѣ и къ епископу Познанскому, у Длугоша, отчасти у Іоанна Посилае, и стремится доказать, что составитель хроникъ пользовался жалобой. Тунертъ (стр. 102) говоритъ такъ: Только по хроникѣ и по жалобѣ, мечи приносятъ герольды короля Венгерскаго и герцога Штеттинскаго, и притомъ по порученію магистра и маршала—королю и Витовту. Оба же упомянутыя письма Ягайла и Длугоша отступаютъ въ этомъ извѣстн и по тому, и по другому пункту.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, — не совсѣмъ такъ. Въ первомъ пунктѣ (относительно герольдовъ) съ хроникой сходится Длугошъ (XI, 49). Что въ короткихъ письмахъ Ягайла не упоминаются имена герольдовъ, ничего удивительнаго въ томъ нѣтъ. Во второмъ пунктѣ (о томъ, кто кому послалъ мечи) съ хроникой сходится письмо Ягайла къ Аннѣ (Script. rer. prus., III, 426), по которому тоже магистръ и маршалъ присылаютъ мечи Ягайлу и Витовту (magister cruciferorum et marschaleus... nobis et... Witoldo per suos heroldos duos gladios direxerunt sic dicentes: noveritis, rex et Witolde)... Длугошъ говоритъ только о магистрѣ, не упоминая маршала, вопреки явному указанію въ

письмъ Ягайла. Слѣдовательно, изъ этого можно только заключить, что Длугошъ не точенъ. Такимъ образомъ хроника сходна не только съ жалобой поляковъ, но и съ письмомъ Ягайла къ Аннѣ, которое только не называется, какіе герольды. Напротивъ, между хроникой и жалобой есть гораздо болѣе замѣтное различіе (не извѣстно, почему Тунертъ не обратилъ на это вниманія). Въ жалобѣ поляковъ опредѣленно говорится только объ одномъ герольдѣ, за то не только сказано, чей онъ, но даже упомянуто и его имя („per quosdam heroldes et signanter Ramrich heraldum serenissimi principis domini Sigismundi Romanorum regis, magistri ordinis et marsalci jussionibus duo gladii nobis sunt presentati“. Cod. ep. Vitoldi, 1014, Voigt, Gesch. Preuss., VII, 84, примѣч.). Про другаго же герольда ничего не сказано, откуда онъ былъ. Между тѣмъ въ хроникѣ читается такъ (436): „venerunt ad regem duo heraldi: unus regis Hungarie regi ex parte magistri evaginaturn portans gladium et alter ducis Scecyvensis alium similiter gladium ex parte marsalci duci Vytoldo dandum manu tenens“. То-есть, про обоихъ герольдовъ сказано, откуда они: одинъ отъ Венгерскаго короля (Сигизмунда, онъ же императоръ), другой отъ Штеттинскаго герцога; за то нѣтъ собственнаго имени Ramrich. Кромѣ того, жалоба говоритъ, что мечи присланы отъ магистра, маршала и ордена („Esse offerimus... duos gladios... ex parte magistri et marschalci et fratrum ordinis Theutonicorum“. Cod. ep. Vitoldi, 1014), а хроника — только отъ магистра и маршала („Magister hunc... dirigit gladium... et ex parte marsalci alium dare debemus. Cron. conf., 437). При этомъ хроника распределяетъ эти мечи такъ, что магистръ посылаетъ мечъ Ягайлу, а маршалъ Витовту, чего нѣтъ въ жалобѣ. Однимъ словомъ, извѣстіе хроника о мечяхъ вовсе не похоже на заимствование изъ жалобы.

Даже Тунертъ указываетъ, что въ хроникѣ, какъ и въ жалобѣ, герольды въ своей рѣчи, между прочимъ, вызывали поляковъ выйти изъ лѣсу на бой, а въ письмахъ Ягайла этого нѣтъ. Но тутъ авторъ даже самъ приводитъ свидѣтельство Іоанна Посиге, который тоже говоритъ о лѣсѣ („Und der marschalk sante deme konige czwey bare swert by den heroldin, das her nicht so lege in dem walde, sunder das her hervoczoge uff das rûme“, Script. rer. pruss. III, 316) и Длугоша (XI, 50: „neque de caetero latites, et intra silvas nemoraque consistens, pugnam trahas“). Не понятно, почему г. Тунерта смущаетъ, что въ письмахъ Ягайла приведена не вся рѣчь герольдовъ: при ихъ краткости, это вполне естественно. И изъ того, что въ письмахъ не упоминается о приглашеніи выйти изъ лѣса (которое есть въ хроникѣ, въ жалобѣ, у Іоанна Посиге, у Длугоша), нельзя, конечно, дѣлать заключеніе, что хроника взяла это приглашеніе изъ жалобы. Въ хроникѣ оно приведено просто потому, что дѣйствительно было сказано (дѣйствительность этого приглашенія признаетъ и Тунертъ) и было извѣстно составителю хроники.

Наконецъ, Тунертъ приводитъ изъ жалобы и изъ хроники рядъ сходныхъ выраженій въ разказѣ о мечяхъ. Но первое же выраженіе приведено у него не полно, какъ изъ жалобы, такъ и изъ хроники. Взятые же вполне, онѣ обращаютъ на себя вниманіе скорѣе различіемъ, чѣмъ сходствомъ (о чемъ уже говорено выше). У Тунерта (102) выписано изъ рѣчи герольдовъ:

Concilbericht (то-есть, жалоба на Констандскомъ соборѣ): ex parte magistri et marsalci. Chr. 436: ex parte marsalci.

Но это только, такъ сказать, половинна выраженій:

Въ жалобѣ читаемъ: ex parte magistri et Marscalci et fratrum ord. Theuti (Voigt, VII, 85 примѣчаніе. Тунертъ цитируетъ это по отрывку у Voigt'a. То же самое въ Cod. ep. Vitoldi, 1014).

Въ хроникѣ: magister (hunc tibi dirigit gladium)... ex parte marsalci (alium dare debemus).

О томъ, что въ этомъ случаѣ выраженія письма Ягайла къ Аннѣ сходны съ хроникою, было уже сказано.

Другія выраженія, приведенныя Тунертомъ изъ хроники и изъ жалобъ (какъ-то: „gladios in subsidium или pro subsidio“, „ut eligatis campum или locum“, „cum mansuetine animi“), какъ сходныя, встрѣчаются точно также и въ письмахъ Ягайла (Script. rer. pruz. III, 425—427). Выраженіе о лѣсѣ—въ подобной же формѣ у Іоанна Поспиге, какъ уже упомянуто выше. Слѣдовательно, хроника относительно выраженій сходна не только съ жалобой, но и съ другими источниками. И всѣ эти сходства выраженій въ разныхъ источникахъ очень естественны, такъ какъ они передаютъ вѣрно одну и ту же рѣчь герольдовъ, которая дѣйствительно была сказана въ такихъ выраженіяхъ. И никакого заимствованія доказывать этимъ сходствомъ, очевидно, нельзя.

Предполагая въ хроникѣ заимствованія изъ жалобы и притомъ не прямо, а чрезъ посредство предполагаемаго первоисточника, Тунертъ заключаетъ, что хроника составлена значительно позже 1416 г. (то-есть, года составленія жалобы). Но такъ какъ предположенія его о заимствованіи хроники изъ жалобы и о существованіи какого-то первоисточника рѣшительно ничѣмъ не подтверждаются, то и выводъ, конечно, не можетъ быть принятъ. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что Cronica conflictus—современна Танненбергской битвѣ.

А. Барбашевъ.

ТРИ НЕИЗВѢСТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА.

Какъ извѣстно, „ревность о наукѣ и просвѣщеніи, выражающаяся“, по словамъ Порфирьева, — „повсюду въ сатирахъ Кантемира“¹⁾, не ограничивалась одними словесными порывами со стороны нашего сатирика. Обладая прекраснымъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, благодаря своему учителю, греку Апастасію Кондонди и, быть можетъ, подъ вліяніемъ Ивана Ильинскаго, бывшаго у него дядькой и тогда уже занимавшагося переводами²⁾, князь Антіохъ старался приѣвить эти познанія на пользу просвѣщенія Россіи, дѣлательно переводя полезныя, по его мнѣнію, произведенія иностранной литературы древней и новой, на русскій языкъ. Какъ искренно онъ былъ одушевленъ этимъ высокимъ чувствомъ, можно видѣть изъ его предисловія къ сдѣланнымъ имъ переводамъ какъ напечатаннымъ, такъ и хранящимся въ рукописяхъ. „Чаялъ нашему народу нѣкую услугу показать переводомъ этой книги на русскій языкъ“, пишетъ онъ въ предисловіи къ переводу сочиненія Фонтенеля „Разговоры о множествѣ міровъ“³⁾. Или при переводѣ Анакреона, оставшимся въ рукописи⁴⁾: „Общее объ Анакреонтѣ доброе мнѣніе, побудило меня сообщить его и нашему народу чрезъ русскій переводъ“. Такимъ об-

¹⁾ *Порфирьевъ*. Исторія словесности т. II, отд. 1, стр. 128.

²⁾ *Пекарскій*. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1862 т. I, стр. 236.

³⁾ Сочиненія и переводы кн. Антіоха Кантемира, изд. *Глазунова*. С.-Пб. 1868, т. II, стр. 391. Переводъ этотъ изданъ въ Москвѣ въ 1730 г.

⁴⁾ *Ibid.* т. I, стр. LXXXVI.

разомъ, какъ справедливо замѣтилъ біографъ Кантемира, г. Стоюнинъ, „съ каждымъ научнымъ или литературнымъ трудомъ у него непременно соединяется мысль о пользѣ для русскаго образованія“ ¹⁾. Немногимъ, однако, переводамъ князя Антіоха суждено было послужить его высокой идеѣ: большинство изъ нихъ осталось въ рукописяхъ, а нѣкоторые и совсѣмъ утерялись.

О всѣхъ переводахъ Кантемира знаемъ мы изъ книги проф. Байера: „Исторія о жизни и дѣлахъ Молдавскаго господара кн. Константина Кантемира, сочиненная С.-Петербургской Академіи Наукъ покойнымъ профессоромъ Бееромъ, съ руссійскимъ переводомъ и съ приложеніемъ родословія князей Кантемировъ. Москва 1783“; здѣсь, на стр. 357 указаны слѣдующіе именно переводы: „1) Фенелоновы разговоры съ примѣчаніями, дважды напечатаны въ С.-Петербургѣ; 2) Юстинова Исторія; 3) Гораціевы письма, переложенныя руссійскими стихами безъ рифмъ; 4) Анакреонтовы оды, переложенныя въ стихи безъ рифмъ же 5) Корнелій Непотъ; 6) Кевита таблицы; 7) Письма Персидскія; 8) Епиктетово правоученіе; 9) Итальянскіе разговоры г. Алгеротти о свѣтѣ; 10) сверхъ того, перевелъ онъ съ Латинскаго языка на Итальянскій сочиненную родителемъ его Оттоманскую Исторію“. Митрополитъ Евгеній, повторяя заглавія этихъ переводовъ Кантемира въ своемъ Словарѣ свѣтскихъ писателей ²⁾, приводитъ ихъ въ нѣсколько иномъ порядкѣ. Отмѣчая изданные, онъ остальные называетъ просто не изданными, не говоря впрочемъ о томъ, извѣстны ли они были ему, или нѣтъ. Наконецъ, г. Ефремовъ, въ своемъ списокѣ сочиненій Кантемира ³⁾, признаетъ утратившимися слѣдующіе переводы: Юстинову исторію, Корнелія Непота, Епиктетово правоученіе, Итальянскіе разговоры Алгеротти.

Изъ этого списка можно исключить теперь Юстинову Исторію, переводъ которой находится у меня въ рукописи.

Рукопись эта представляетъ толстую, переплетенную въ кожу, книгу въ 4-ку, съ краснымъ обрѣзомъ; на корешкѣ ея, на красномъ кожаномъ же ярликѣ выбито золотомъ: Traduction de Justin. Страницы въ ней не нумерованы, а счетъ идетъ по тетрадамъ, обозначеннымъ французскимъ алфавитомъ, повтореннымъ нѣсколько разъ. Всего листовъ 328. Рукопись озаглавлена такъ: „Юстинова Повсемственная Исторія изъ

¹⁾ Ibid с. СІ.

²⁾ Т. I. Москва, 1845, стр. 271.

³⁾ Сочиненія Кантемира, изд. Глазунова, т. II, стр. 453.

Трога Помпея сокращенно собранная. Переведена съ латинскаго трудами князя Антиоха Кантемира. Въ Москвѣ. 1729¹⁾. За такимъ заглавнымъ листомъ слѣдуетъ предисловіе Кантемира на 4-хъ страницахъ, далѣе, его же „О Іустинѣ извѣстіе“ на 3-хъ страницахъ. Эти двѣ статьи, равно какъ и часто встрѣчающіяся на поляхъ рукописи исправленія текста перевода, несомнѣнно писаны рукою Кантемира. Въ этомъ намъ удалось убѣдиться сличеніемъ почерка съ автографами Кантемира, находящимися въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Вслѣдъ за двумя вышеприведенными статьями, идетъ Іустиново Предисловіе на 2-хъ страницахъ, а затѣмъ, и самый текстъ исторіи. Въ началѣ каждой книги приведено содержаніе главъ, въ ней заключающихся, а за текстомъ всей исторіи слѣдуетъ указатель, озаглавленный такъ: „Таблица именъ и вещей, содержимыхъ въ Іустиновой исторіи. Первое число указываетъ книгу, второе главу, третье стихъ или сѣченіе главъ“. По видимому, принадлежащій намъ экземпляръ былъ чистовою копіей съ перевода, предназначенной къ печати.

Есть основаніе предполагать, что этотъ переводъ Кантемира былъ уже давно утерянъ, и врядъ ли даже митрополитъ Евгеній видѣлъ его. Это можно заключить изъ того, что въ 1824 г. напечатанъ въ Петербургѣ переводъ той же исторіи, сдѣланный Семеномъ Борзцовскимъ. Борзцовскій совершенно не зналъ перевода Кантемира, и навѣрное не воспользовался имъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ примѣнилъ бы къ своему труду сдѣланный Кантемиромъ указатель именъ и предметовъ, котораго при переводѣ Борзцовскаго не находится. Языкъ же этого позднѣйшаго перевода, въ данномъ случаѣ, не можетъ быть принятъ въ соображеніе, такъ какъ легко могъ быть переработанъ на современный.

Намъ остается сказать еще о томъ, когда сдѣланъ Кантемиромъ переводъ. Г. Ефремовъ относитъ этотъ трудъ Кантемира къ 1735 г.¹⁾ Основаніемъ такого предположенія, по видимому, служитъ слѣдующее письмо Кантемира изъ Лондона къ президенту Академіи Наукъ барону Корфу отъ $\frac{2-го}{18-го}$ декабря 1735 года: „Si une traduction de Justin en langue russe pouvoit être de quelque utilité à notre jeunesse, je me ferois un vrai plaisir d'en continuer une, dont j'ai fait environ la moitié; c'est à vous, monsieur, à juger de la chose, et à voir se l'impression d'un tel livre pourroit produire quelque avantage et tendre au progrès des belles lettres dans un Empire, à la gloire duquel

¹⁾ Сочиненія, т. I, стр. 448.

nous travaillons conjointement. J'attends la dessus votre réponse¹⁾. Отсюда очевидно, что въ 1735 г. переводъ былъ готовъ лишь на половину. Обратимся поэтому къ предисловію, которое позволимъ себѣ привести сполна: въ немъ найдемъ мы болѣе точныя хронологическія указанія о нашемъ переводѣ. Сохраняемъ правописаніе Кантемира.

Предисловіе.

Переводъ Іустиновой Исторіи я началъ въ самыхъ молодыхъ своихъ лѣтахъ, когда обучался латинскому языку; узнавъ чрезъ искусъ что къ скорому приобрѣтенію чужестраннаго языка лучшей способъ есть переводъ. Большая половина переведена будучи предъ отъѣздомъ моимъ въ Англію, въ досужныхъ часахъ въ Лондонѣ, и во Франціи, не только достаточное довершилъ; но и съ мною прилѣжностію неоднократно перечелъ, съ подлинникомъ сличилъ, и лучшей возможности исправилъ.

Для того чаялъ уже я, что бесполезно будетъ оный въ народъ издать: въ самомъ дѣлѣ число русскихъ книгъ гораздо еще невелико, и слѣдовательно Іустинъ, которой сокращенно описалъ многихъ земель положеніе, и многихъ народовъ обычаи и дѣла отъ Нина перваго основателя самодержавствъ, до Августа Кесаря, не можетъ быть не пріятенъ. Поменшей мѣрѣ мое предпріятіе можетъ быть подать искуснѣйшимъ поводъ обогатить народъ нашъ переводами древнихъ писателей Греческихъ и Латинскихъ, которые всего лучше могутъ возбудить въ насъ охоту къ наукамъ. Оные неинако изъ Египта въ Грецію, отъ Грековъ къ Римляномъ, отъ Римлянъ въ Италію, въ Англію, въ Германію и во Францію переселились. Всѣ тѣ народы одинъ другого книги переводили, отъ чего не только знаніе наукъ и художествъ размножилось, но и языкъ ихъ обогащенъ многими новыми словами.

Правду сказать я наилучшего изъ Латинскихъ Историковъ выбралъ: но однакожъ Іустина ученые люди презираютъ за его слога красивый; и для того, что въ немъ одномъ содержится то что въ другихъ историкахъ сыскать не можно.

На латинскомъ языкѣ титуло его книги есть слѣдующее: *Iustini Historiae Philipicae et totius mundi origines, et Terrae situs, ex Trogo Pompeio*. Сирѣчь, Іустиновы Филиппическіе Исторіи, начала всѣхъ народовъ и земель положеній, изъ Трога Помпея собранныя. Изяснитель Іустиновъ Шеферъ изрядно разсуждаетъ что Трогъ Помпей свои исторіи называлъ Филиппическими, какъ бы сказать Македонскими, для того, что дѣла Македонскіе болшую часть его труда обнимали; въ самомъ дѣлѣ отъ книги 7. по 41. описываются дѣла того народа. Я приличнѣе чаялъ, французскаго переводчика образцу послѣдуя, назвать сочиненіе Іустиново повсемественною Исторіею, понеже такое титуло совершенно соотвѣтствуетъ содержанію книги.

Въ прочтемъ я надѣюсь что переводъ мой отъ подлинника мало въ словахъ, ничемъ же въ силѣ и разумѣніи не разнится: изъемя два или три

¹⁾ Сочиненія, томъ II, стр. 325.

мѣста, которые невозможно казалось перевести отъ слова, не отдаваясь свойства рускаго языка, котораго я особливо держаться хотѣлъ, и неучотребляя чужестранныхъ рѣчей, которые я покрайней возможности искалъ миновать.

Таково предисловіе. Извѣстно, что въ 1729 г. Кантемиръ былъ въ Москвѣ; въ 1731 г. назначенъ онъ въ Лондонъ, въ 1738—прибылъ онъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1744 г. Можно, поэтому, съ вѣроятностію предположить, что указанный въ заглавномъ листѣ 1729 г. есть годъ начала перевода; а окончательно переводъ отдѣланъ между 1738 и 1744 годами.

Приведемъ еще принадлежащее Кантемиру:

О Іустинѣ извѣстіе.

Іустина Трогова сократителя имя и время въ которомъ жилъ сумнительно. У однихъ называется Іустинъ Фронтинъ; а у другихъ Маркъ Іуліанъ Іустинъ и сіе послѣднее кажется Воссію вѣрнее за древность рукописной книги въ книгохранилищѣ князей Тосканскихъ въ которой то имя Іустину предписано.

Онъ же Воссій имовѣрно чаеъ что Іустинъ жилъ во время Кесаря Антонина Пія, производя то изъ самыхъ сихъ словъ Іустиновыхъ въ предисловіи: которое свое сочиненіе тебѣ Кесарю Антонине посылаю. Правда что нѣкоторые издатели Іустиновы оное мѣсто, подручнымъ стариннымъ рукописнымъ книгамъ издали безъ того Кесарю Антонине: но большая часть ученыхъ людей согласуются съ Воссіемъ.

Другіе еще чаютъ что Іустинъ жилъ по ирenessеніи Римскаго престола въ Константинополь для того что въ книги VIII, главѣ 4-й написано: „Греція же которая и нынѣ достоинствомъ и силами всего свѣта главнѣйша“: но здѣсь оное нынѣ незначитъ время въ которомъ Іустинъ пишетъ, но о которомъ пишетъ; какъ мало ниже говорить „и то наипаче дѣлають, и Лакедемоняне прежь сего соревнители власти межъ собою, нынѣ же властвующей Греція“.

Гдѣ оное „нынѣ“ значить тожъ какъ бы написано было „въ тое время о которомъ слово идетъ“.

Да и Мартинъ полской писатель за слишкомъ триста лѣтъ прежде Воссія, сказывать что Іустинъ жилъ въ царствованіе Антонина Пія. Но въ томъ Мартинъ жестоко ошибается что почитаетъ Іустина сего Іустиномъ мученикомъ, ибо Іустинъ сократитель Троговъ совѣтъ противится священному писанію въ книгѣ 6 в 30, гдѣ напоминаетъ о Моисее и Іосифѣ и о Израилтянахъ, отъ чего видно, что онъ былъ язычникъ; непомяная о томъ, что мученикъ Іустинъ ничего неписалъ по латински.

Трогъ же Помпей, который пространно списалъ исторію Іустиномъ сокращенную, по общему мнѣнію жилъ въ временахъ Августа Кесаря, котораго царствованіемъ повѣсть свою кончаетъ. Ученые люди много сожалеютъ что та Трогова полная Історія утратилася, понеже сокращеніе Іустиново въ многихъ мѣстахъ находится неисправно, и что всего хуже, порядокъ временъ

въ ономъ весьма пренебреженъ. Но тотъ самой урочъ приписываютъ красноречивому и пріятному слогу Іустинову, за которымъ, въ началѣ, Трогова исторія забыта, а потомъ совсѣмъ потеряна.

Въ виду существующихъ въ печати переводовъ Кантемира, считаемъ излишнимъ приводить выдержки изъ перевода Юстиновой исторіи.

Къ числу неизвѣстныхъ произведеній Кантемира принадлежатъ еще два стихотворенія, находящіяся въ одномъ изъ сборниковъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ (изъ коллекціи Дурова); см. Отчетъ музеевъ за 1879—1882 гг., стр. 28. Въ сборникѣ этомъ кромѣ означенныхъ стихотвореній, заключается шесть сатиръ въ первоначальной редакціи и нѣсколько эпиграммъ. Приводимъ не изданныя стихотворенія вполнѣ ¹⁾).

І. Стихи на желающихъ чести при дворѣ.

Не такъ мила птице холя,
 въ роскошномъ питаніи.
 Какъ пріятна своя воля,
 въ свободномъ лѣтаніи.
 Напрасно ей угождаешь.
 разными застѣками (sic).
 Вотще услаждаешь.
 золотыми клѣтками.
 Несмокуеть кормъ прилучны.
 гдѣ безъ позволенія,
 Подчищаетъ дворъ доучны
 всехъ на удивленія.
 Кажется быть многимъ любю.
 пріятство притворное.
 А мнѣ мнится быть грубо.
 привѣтство притворное.
 Тутъ и чести тутъ и чины.
 ставятся в диковину.
 Да мнѣ уже те притчины.
 набили оскомину.
 Лише служба оплошаетъ.
 в дворянскомъ угожденіи
 Тотчасъ дружба обетщаетъ.
 в прямомъ обхожденіи.

¹⁾ За указаніе ихъ приносимъ искреннюю благодарность Д. П. Лебедеву, а за доставленіе копій—А. С. Лаппо-Данилевскому. Въ сборникѣ музея печатаемые стихи находятся на лл. 57—63.

А иной в том торопится.
чтоб не быть в несчастіи.
Кто желаетъ обороны
в каком ни есть бремени
Не скупъ на поклоны
угаждаеть времени.
Явно враждовать не смѣють,
Таить в себѣ рвеніе.
Исподтиха сплестъ умѣють.
на друзей с пересмѣшкам(н).
Притомъ уязвляютъ
другъ друга насмешками.
Другъ на друга нападаютъ.
Смешными издевками.
Притомъ себѣ толчки даютъ
разными наветками.
Улыбаніемъ кажутъ дружбу.
когда къ нимъ завернешся.
Да забудутъ службу.
лишь отъ нихъ отвернешся.
Неусмынно ищутъ власти.
с великимъ раденіемъ.
Да въ найденной нетъ имъ сласти
за новымъ хотеніемъ.
Кто при дворѣ прямымъ дѣломъ
всегда упражняется.
Зависть такъ какъ стѣнь за теломъ.
за такимъ гоняется
А и пуще ненавидеть
Чиня поврежденіе.
Есть ли в комъ увидить
прокъ и поведеніе.
Не даютъ себѣ покою
разными извѣтами.
Убивать без бою.
тайными наветами.
От нихъ часто и завидность (sic)
страждетъ беззаступная.
Всехъ влечетъ в повинность
гордость неприступная.
При дворѣ начал в охотку
побывать приманчиво.
А болшую ждуть нахотку.
то весьма обманчиво.
С кем захочешь повидатся.
возми подорожную.

Не могн вятатся
 рукою порожнему.
 Не единъ сей савъ удельны
 над протчимъ властвуетъ.
 Будто некій князь бездельны
 при дворѣ г(о)с(у)д(а)рствуетъ.
 Есть ли кто себѣ не скажетъ.
 поступать к нимъ смелости
 Къ тому неповажеть
 дворъ никакой м(н)д(о)сти.
 Правда гола поступаетъ
 при дворѣ сопасностью.
 Хоть напрасно выступаютъ
 с смелою отважностью.
 Издавна в людехъ влекутся.
 трусость и обманы.
 Об одномъ пекутся
 наполнить карманы.
 Таковыж и судьи падки
 На поползновение.
 Не престають ихъ взятыя.
 вводить въ искушение.
 Те то по приказомъ блазни (вѣс)
 неправды орудие.
 Не страшатся злыя казни.
 за неправосудие
 Виновать въ томъ челобитчикъ.
 что подарить нечего.
 А подаркомъ правъ обитчнѣ.
 хотя тѣснить внищаго.
 Кто ихъ просить отрешають.
 будто многодѣлнемъ.
 А сами мѣшають.
 все дѣла з бездѣлнемъ.
 Асобливаж в томъ образа.
 закону позорная.
 Что в д(у)ховной чинъ зараза.
 вкралася притворная.
 Только себѣ упразднили
 в одно попечение.
 Чтобъ неуронилъ
 светское кичение.
 Беспорядствомъ обилуютъ
 забывъ общанье.
 Будто на томъ Крестъ уцѣлють
 Чтобъ нарушить званье.

Черствы подвижъ первыхъ вѣковъ
старцомъ бытъ приличнѣе.
Однакожъ ввели в церковь
вечто политичнѣе
Оказуютъ свою вѣрность
хвалу правоверне
О преданіи древность
ставятъ в суетвѣрие.
Вплетаются сами в сборы
и росправы светскія
Бутто в томъ имъ власть соборы
вручили вселенскія
Не быть правымъ хлопотами
давать будетъ отповѣдь
Что за суетами
пренебрегли проповѣдь.
В корысть себѣ устремляютъ
захватчивымъ промысломъ
А поддостоль посрамляютъ
себя своимъ замысломъ
На воздухѣ сплошь обилуютъ,
Гишпанскіе города
Бутто имъ галдуютъ
все свѣтскія слободы
Миръ сей пестунъ, а плоть сластенъ
бабка повинивальная
Дворъ суеты и всехъ страстей
школа суетхвалная
Во всехъ сердцахъ гнезды снѣго
плотнъ возжеланіе
Темъ всехъ уязвило
общее раздѣленіе
Во всехъ чинахъ силу взяли
Страсти упорныя
Хотя многихъ наказали
Случаи страшныя.
Сколько кого ни страшатъ
Злоключностей опыты
А еще пакы прельщаютъ
Житійскія хлопоты.

II. (Безъ заглавія).

Державнѣйшій мовархъ твои секретаръ трудился
Щетами день и ночь чрезъ весь годъ томился
Счисленіємъ долей и протчими трудами

Непрестанно утружденъ зборными делами
 Только что 2 в(е)д(ѣ)ли какъ времени прошло
 А уже до четвертой доли от ста дошло.
 Жена, так и служавка о деньгахъ скачуютъ
 А откуда мне ихъ взять того та не знаютъ
 Занимать стыжуся, а домъ кормить принужденъ
 Которою бѣдою я весьма утружденъ
 Сѣмъ триста ефимковъ какъ ни раздѣляю
 А сними быти доволенъ никакъ не знаю
 Ефимки трачу,

Какъ бы я не жилъ на дрова положить .	„40“
Ежедневно съ квасомъ, виномъ, пивомъ прожить	„104“
На коровье масло, хлѣбъ, крупу, сало	
По четыре ефимка лишъ бы стало	„138“
Ефимокъ дать на мѣсяцъ людямъ за работу	
за квартиру чтобъ жить бесъ хлопоту	„60“
За сахаръ, и тебѣ за разныя табакъ	
За парукъ, рубашки, чулки и башмаки. .	„30“
Цырюльнику четыре, а что же портному	
На мѣсяцъ „2“ ефимка к платю единому.	„24“
	„400“

Четыреста ефимковъ вотъ бѣда какая
 А мало ль что нѣту в чемъ вужда всякая
 Что пойдѣтъ на жену лѣтъ и кружевъ к убору
 Платье фижмы туфли чтобъ неиметъ позору
 Малою ли маширы приходятъ ценою
 В которыхъ на редуты выходить зимою.
 Ежели в садъ станковой ѣхать приключится.
 На едины калачи грошей с шесть издержится
 Сколь часто принужденъ я на свадьбу ходить
 Бывши такъ-же и кумомъ все денги платить
 А когда часто пойдутъ еще свои дети
 И тутъ такъ же денги надлежить имѣти.
 Что станетъ детскою убор, кормилицѣ плата
 И когда умпрають, не минется трата.
 По неж на держовныя великія доходы
 Всегда чинить надлежить такіе расходы.
 Словомъ на все потребно денегъ и не мало
 А какъ вижу у меня ихъ ужъ не стало.
 Тремястами невозможно пребыть ежегодно
 Попрошу милость показать еще вамъ угодно
 Прибавить „100“ ефимковъ пмяннымъ указомъ
 И я буду доволенъ таковымъ образомъ
 Которую высокую милость не забуду
 Вѣрный вашъ Ганкъ (sic) во вѣки пребуду.

В. Дружининъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДРАМЫ

I.

Судьбы драматической литературы и театра на Руси до сихъ поръ еще не были предметомъ такого спеціального изслѣдованія, которое, основываясь на внимательномъ изученіи историческихъ фактовъ, задалось бы цѣлью представить по возможности полную картину развитія нашей драмы. Громадный матеріалъ, накопившійся въ продолженіе слишкомъ двухсотлѣтняго существованія русской сцены, остается почти вовсе не разработаннымъ; мы имѣемъ лишь отдѣльные этюды о произведеніяхъ того или другаго изъ выдающихся драматическихъ писателей нашихъ, имѣемъ анекдотическія театральныя воспоминанія, сухіе и далеко не полные хронологическіе перечни афишъ, нѣсколько біографій, — но исторія русской драмы еще впереди. Научная обработка коснулась до сихъ поръ лишь исторію первоначальнаго періода нашего театра, — конечно, потому, что первыя попытки установить извѣстный литературный родъ всегда обращаютъ на себя особенное вниманіе историковъ литературы; но и въ этой области были сдѣланы, покуда, только еще первые шаги, намѣчены только основные пункты изслѣдованія, и множество частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей этого періода и весьма для нея важныхъ, еще ожидаетъ своего разрѣшенія.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе причинъ этого недостаточно внимательнаго отношенія нашей исторической науки къ театру и его литературѣ, замѣтимъ, что и на Западѣ изученію историческаго развитія драмы также долгое время не счастливилось. Національныя литературы западной Европы были до такой степени поработаны классическою піитикой, безусловно отрицавшею все несоглас-

ное съ ея узкими нормами, что вліяніе этой пѣттики сказывалось, въ видѣ ученыхъ предразсудковъ, даже и тогда, когда на практикѣ она была уже совсѣмъ похоронена. Такъ, напримѣръ, во Франціи только лѣтъ сорокъ тому назадъ впервые узнали, по документальнымъ источникамъ, о существованіи народнаго театра до XV вѣка, и первые издатели и изслѣдователи этихъ источниковъ считали своею обязанностью извиняться передъ публикой за грубость и отсутствіе „изящнаго вкуса“ въ этихъ произведеніяхъ „варварскаго періода“ французской сцены. Подобное же явленіе имѣло мѣсто и въ Германіи, и въ Италіи. Даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ вліяніе классицизма было на столько слабо, что не могло отнять у театра его національныхъ особенностей, въ Англіи, въ Испаніи, даже и тамъ научная исторія первоначальнаго періода драматической литературы возникла сравнительно лишь въ недавнее время. За то, въ продолженіе послѣднихъ трехъ-четырехъ десятилѣтій масса любопытнѣйшаго матеріала, извлеченнаго изъ средневѣковыхъ рукописей и поражающаго своимъ разнообразіемъ и яркою свѣжестью, уже успѣла возбудить такой научный интересъ и вызвать столько изслѣдованій, частныхъ и общихъ, что въ настоящее время исторія драмы на Западѣ, безъ сомнѣнія, стоитъ на одинаковой научной высотѣ съ исторіей остальныхъ областей литературы, для которыхъ она является необходимымъ и весьма цѣннымъ дополненіемъ.

У насъ научная разработка исторіи драматической литературы и театра, какъ мы уже сказали, покуда только еще начата. Критическая исторія нашей литературы и вообще-то возникла не очень давно, не болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ еще не можетъ похвалиться количествомъ изслѣдованій, которыя вполнѣ отвѣчали бы строгимъ научнымъ требованіямъ; поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что область исторіи нашей драмы и театра, считающихся наименѣе самостоятельными, все еще остается какъ-то въ сторонѣ отъ проторенной дороги, и что въ этой области и до сихъ поръ на каждомъ шагѣ приходится имѣть дѣло съ разнаго рода совершенно произвольными догадками, грубыми промахами, съ мнѣніями, ни на чемъ не основанными и, тѣмъ не менѣе, заявляемыми категорически и повторяемыми на вѣру, безъ всякой критической оцѣнки ¹⁾...

¹⁾ Такъ, напримѣръ, не дѣлѣе, какъ въ 1883 году Московское Общество исторіи и древностей признало возможнымъ напечатать, безъ всякихъ поясненій и даже съ похвалою, такую ни съ чѣмъ не сообразную компіляцію, какъ „Хромика русскаго театра“, *Гр. Носова*, гдѣ о первоначальномъ періодѣ нашей сцены

Только со времени появленія извѣстной книги Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“ (1861) нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ стали серьезно интересоваться вопросомъ о началѣ русскаго театра и позаботились о приведеніи въ извѣстность и о критической разработкѣ относящагося сюда матеріала. Исслѣдованія Пекарскаго въ этой области начинаются, собственно, съ 1857 года, когда въ Современникѣ явилась статья о мистеріяхъ и старинномъ театрѣ въ Россіи. Въ слѣдующемъ году, въ томъ же журналѣ, онъ напечаталъ статью объ актерахъ при Петрѣ Великомъ. Обѣ эти статьи, представлявшія первую попытку ученаго исслѣдователя освѣтить этотъ темный уголъ нашей литературы, составили потомъ, въ переработанномъ видѣ, 14-ю главу I-го тома названной выше книги. Одновременно съ этимъ Н. С. Тихонравовъ сталъ помѣщать въ издававшихся имъ Лѣтописяхъ русской литературы и древностей подлинныя тексты русскихъ драматическихъ произведеній XVII и XVIII вв. и напечаталъ составленную по документальнымъ источникамъ статью: „Начало русскаго театра“ (Лѣтопись, т. III, 1861). Дальнѣйшіе труды проф. Тихонравова (актовая рѣчь 1872 года: „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра“ и изданіе текстовъ русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 гг.), Алексѣя Ник. Веселовскаго (Старинный театръ въ Европѣ. Москва 1870 и *Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater*. Prag. 1876) и Н. П. Петрова (Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка. Кіевъ. 1880 и статьи „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи“ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1866 и 1868 гг.), вмѣстѣ съ немногими документами, сообщенными Н. В. Калачевымъ (Архивъ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній 1869 года, выпускъ VI), А. Н. Поповымъ (Библіографическія Записки, 1861 года), И. Е. Забѣлинымъ (Бытъ русскихъ царицъ) и Е. В. Барсовымъ (Чтенія Общества исторіи, 1883 года),—вотъ, за исключеніемъ весьма немногочисленныхъ частныхъ исслѣдованій, вся наша ученая литература по вопросу о начальномъ періодѣ русской сцены. Между тѣмъ, наличный матеріалъ для исторіи этого періода, хранящійся въ рукописяхъ и отчасти уже появившійся въ печати, не смотря на свою отрывочность и непол-

разказываются самыя нелѣпыя выдумки (см. нашъ разборъ этой книги въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1884 г., ч. 234). Мало того: въ журналахъ появлялись статьи, въ которыхъ сообщенія этой „Хроники“ были повторены, какъ непреложныя, и на основаніи ея читались даже лекціи объ исторіи нашего театра...

лоту, все-таки даетъ возможность выяснить наиболѣе характерныя особенности нашей старинной драматической литературы и представить болѣе или менѣе цѣльный очеркъ постепеннаго ея развитія съ первыхъ ея шаговъ до той поры, когда театръ успѣлъ уже занять въ русской жизни прочное, постоянное мѣсто. Систематическій сводъ этого матеріала, какъ стараго, такъ и новаго, и строгая фактическая проверка прежнихъ свѣдѣній, которая дала бы возможность устроить произвольныя сужденія и основать общіе выводы на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ,—такова главная задача предлагаемыхъ очерковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется и другая задача, болѣе общаго характера, опредѣляемая самою сущностью того литературнаго рода, который подлежитъ здѣсь нашему изслѣдованію.

Изъ всѣхъ видовъ поэтическаго творчества драма, удовлетворяя всѣмъ присущему стремленію къ наглядности, является наиболѣе полнымъ и живымъ воспроизведеніемъ жизни; она дѣйствуетъ на чувство зрителя гораздо сильнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ лирическая пѣсня или спокойный эпическій разказъ; въ ней жизнь отражается, безъ сомнѣнія, значительно ярче и образнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ литературы. Такимъ образомъ, постепенное развитіе драматической формы, отъ самыхъ раннихъ и несовершенныхъ проявленій драматизма въ народной поэзіи до художественной обработки драматическихъ сюжетовъ, идетъ параллельно постепенному развитію самой жизни и ея руководящихъ идей. Главный источникъ драматической поэзіи у всѣхъ народовъ находится внѣ области литературы, именно — въ религіозномъ обрядѣ, отъ котораго драма обособляется лишь весьма медленно, все болѣе и болѣе восприимчивая въ себя чуждые ему элементы. Въ раннюю пору развитія европейскихъ литературъ, въ пору наиболѣе широкой литературной взаимности, мы встрѣчаемъ въ области драмы факты совершенно одинаковаго значенія съ фактами изъ области эпоса: какъ въ эпосѣ намъ приходится имѣть дѣло съ длиннымъ рядомъ странствующихъ повѣстей, легендъ, сказаній, составляющихъ общее достояніе, всѣхъ одинаково интересующее, такъ и въ драмѣ передъ нами являются такіе же странствующіе сюжеты, чаще всего — драматическія варіаціи уже знакомыхъ эпическихъ мотивовъ, сюжеты, которые каждый считаетъ своею собственностью и перерабатываетъ сообразно своимъ вкусамъ и степени литературнаго образованія. Даже и по характеру своему первоначальная драма чрезвычайно близка къ эпосу: средневѣковая мистерія только внѣшнимъ образомъ усвоила драматическій методъ,

но дѣйствіе въ ней развивается вовсе не самостоятельно и крайне слабо; это—не болѣе, какъ лицевыя поясненія, иллюстраціи къ эпическому разказу, который и стоитъ на первомъ планѣ. Средневѣковая мистерія представляетъ, въ сущности, лишь воспроизведеніе на сценѣ скульптурныхъ изображеній готическаго храма или рукописныхъ миниатюръ. Драматическій элементъ усиливается, дѣйствіе растетъ и становится живѣе по мѣрѣ того, какъ сама жизнь все болѣе и болѣе вторгается въ область драмы и овладѣваетъ ею, какъ своимъ орудіемъ, постепенно отдаляя театральныя помосты отъ церкви и перенося его на площадь. По мѣрѣ обособленія личной, индивидуальной литературной дѣятельности, въ драмѣ начинаютъ проявляться элементы оригинальной фантазій и творчества, черты мѣстныхъ и національныя; вмѣстѣ съ тѣмъ, не прекращается и старыи литературныи обмѣнъ, принимая форму заимствованій, подражаній, передѣлокъ; въ драматической поэзіи этотъ обмѣнъ всегда былъ и есть гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ поэтическаго творчества; въ каждой данной литературѣ драма, сравнительно съ эпосомъ и лирикою, представляетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ другими литературами. Если, при современномъ состояніи исторической науки, вообще немислимо и бесплодно было бы изолированное изученіе какой-либо одной литературы, то въ области драмы уже на каждомъ шагѣ необходимо обращаться къ помощи сравнительнаго метода, который одинъ только и можетъ привести къ правильному рѣшенію вопроса объ оригинальности и заимствованіи. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо изслѣдователю русской литературы представляется широкое поле для историческихъ сравненій—какъ съ однородными по духу и содержанію, но различными по формѣ, произведеніями нашей собственной литературы, такъ и въ особенности съ болѣе или менѣе аналогичными произведеніями литературъ западныхъ. Только такое сравнительное изученіе исторіи нашей драмы даетъ возможность, съ одной стороны, опредѣлить, на сколько именно русская дѣйствительность отражалась въ этой наиболѣе живой литературной формѣ, что именно въ нашей драмѣ слѣдуетъ прямо занести на счетъ русской жизни, и, съ другой стороны, — прослѣдить судьбу общеевропейскаго литературнаго преданія на русской почвѣ.

Какъ у всѣхъ другихъ народовъ, такъ и у насъ на Руси, первыхъ признаковъ появленія драматическаго элемента въ словесности слѣдуетъ искать въ религіозномъ обрядѣ и сопровождающихъ его пѣсняхъ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ въ играхъ, въ которыхъ мимическій инстинктъ, всякому человѣку присущій, находитъ выраженіе въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, въ сохранившихся до нашего времени народныхъ обрядахъ, уже утратившихъ, подъ вліяніемъ христіанства, свое старое культовое значеніе, въ народныхъ праздникахъ, гаданьяхъ, хороводныхъ играхъ и т. п. мы видимъ присутствіе болѣе или менѣе значительной доли драматизма, видимъ не только діалогъ (самъ по себѣ еще не составляющій драмы), но діалогъ въ соединеніи съ поясняющею его мимикою, съ дѣйствіемъ, разчитаннымъ на зрителей¹⁾. Мало по малу изъ этихъ зачатковъ драматической словесности начала вырабатываться и могла бы выработаться уже болѣе развитая народная комедія, еслибы не тяжкій запретъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ беспощадно налагавшійся церковью на всякія народныя увеселенія, въ которыхъ строгіе ревнители благочестія видѣли бѣсовскую, душепагубную потѣху. Подъ вліяніемъ этого отрицательнаго отношенія къ народной фантазіи, послѣдняя не находила себѣ выраженія въ свободномъ творчествѣ, и развитіе народной комедіи было задержано надолго, такъ что и въ настоящее время немногія произведенія народной словесности, облеченныя въ драматическую форму, имѣютъ характеръ совершенно элементарный.

На той же первой ступени развитія остановилась и появившаяся было у насъ, подъ вліяніемъ отчасти византійскимъ, отчасти—западнымъ, церковная мистерія. Совершая богослуженіе на языкѣ, понятномъ народу, наша церковь, точно также, какъ и византійская, не нуждалась въ драматизированныхъ комментаріяхъ къ нему, бывшихъ необходимою на Западѣ, и смотрѣла на нихъ подозрительно, какъ на изобрѣтеніе еретическаго латинства. Оттого немногія „дѣйства“ мистеріальнаго характера, случайно вошедшія у насъ въ церковный обиходъ, не получили дальнѣйшаго развитія и съ теченіемъ

¹⁾ Слѣдшимъ оговориться относительно значенія, въ какомъ мы употребляемъ въ этихъ очеркахъ слово *драма*. Слѣдуя этимології, мы называемъ этимъ именемъ всякое произведеніе словесности (устной или книжной), въ которомъ діалогъ сопровождается *дѣйствіемъ*. Только соединеніе этихъ двухъ существенныхъ элементовъ даетъ, по нашему мнѣнію, право признать за даннымъ произведеніемъ характеръ драматическій; ни одинъ изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, драмы не составляетъ. Діалогъ развивается въ драму лишь тогда, когда къ нему присоединяется мимическая иллюстрація, имѣющая цѣлью воспроизвести объясняемое имъ дѣйствіе; съ другой стороны, пантомима, дѣйствіе безъ словъ, какъ бы ни была она выразительна, конечно, не есть произведеніе *словесности* или драматической литературы.

времени почти всё были оставлены, какъ излишнія и даже соблазнительныя.

Немногіе русскіе путешественники, которымъ случалось бывать за границей, большею частью послы, видали иногда въ италіанскихъ и нѣмецкихъ городахъ представленія мистерій и комедій; но, поражаясь великолѣпіемъ этихъ диковинныхъ зрѣлищъ, они, въ большинствѣ случаевъ, плохо понимали ихъ сущность и описывали ихъ почти исключительно съ внѣшней стороны, часто обращая вниманіе только на какую-нибудь мелочь и упуская изъ виду самое главное. Потому ихъ разказы о западномъ театрѣ, къ тому же очень короткіе, и не могли имѣть у насъ какого-либо практическаго значенія.

Въ иномъ положеніи находилась южная Русь, которая, при своей непосредственной связи съ Польшею, рано стала доступна западному вліянію. Здѣсь это вліяніе отражалось и на церковномъ богослуженіи, которое внѣшнею своею обстановкою ближе подходило къ католическому, не чуждаясь драматическаго элемента, и всего болѣе отзывалось въ школахъ, устроенныхъ по латинно-польскому образцу. Здѣсь уже съ половины XVII столѣтія входитъ въ обычай и постепенно развивается особый видъ драматической литературы — школьная драма. Сначала она является въ формѣ сухихъ, безжизненныхъ мистерій и правоучительныхъ аллегорій іезуитскаго стиля; но окружающая школу дѣйствительность, живая и кипучая, полная борьбы и бурныхъ стремленій, скоро врывается въ эту область и захватываетъ себѣ мало по малу значительную долю въ школьныхъ драматическихъ упражненіяхъ. Народная жизнь со всѣми характерными своими особенностями ярко отражается въ интермедіяхъ, прерывающихъ важный ходъ схоластическаго дѣйства; выдающіяся явленія жизни политической и общественной находятъ себѣ отголосокъ въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ школьной драмы, авторы которой часто не въ силахъ скрыть свои чувства подъ холодною ученою аллегоріей. Благодаря этой живой сторонѣ своего содержанія, школьная драма и особенно школьныя интермедіи расходятся далеко за порогъ школы, приобрѣтаютъ популярность среди различныхъ классовъ общества и становятся основой для дальнѣйшаго развитія народнаго театра. Коренное измѣненіе условій народной жизни на югѣ, также мало благопріятствовавшее свободному развитію народныхъ силъ, какъ и на сѣверѣ, повело къ тому, что эти сѣмена народнаго театра заглохли и не дали плодовъ; но нѣтъ сомнѣнія, что на югѣ почва для нихъ была подготовлена въ гораздо большей степени, чѣмъ на сѣверѣ.

Въ XVII столѣтіи, съ появленіемъ ученыхъ кіевлянъ въ Велико-россіи, школьная драма въ различныхъ ея варіаціяхъ становится извѣстна и въ Москвѣ; южно-русская колонія въ Москвѣ, Славяно-Греко-Латинская академія, получаетъ ихъ, вмѣстѣ со всѣмъ арсеналомъ тогдашней учености, отъ своей метрополи, академіи Кіево-Могилянской, и Симеонъ Полоцкій продолжаетъ въ новой школѣ дѣло своихъ старыхъ кіевскихъ и польскихъ учителей. Одновременно съ этимъ, въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, въ Москвѣ же возникаетъ новый театръ, привезенный изчужа и не имѣвшій прецедентовъ на русской почвѣ, театръ, хотя и русскій по языку, но международный по репертуару; драматическая литература, подъ непосредственнымъ вліяніемъ западной сцены, теряетъ свое прежнее нравоучительное направленіе и воспринимаетъ элементы драмы и народной комедіи нѣмецкой, англійской, французской, италянкой, совершенно чуждые старому мистеріальному и школьному театру. Потѣшная палата царя Алексѣя Михайловича и комидіальная хранина Петра Великаго были, такимъ образомъ, проводниками западнаго вліянія въ новую русскую литературу; но, съ одной стороны, эта литература и ея органъ — языкъ — въ то время только еще формировались и по своему складу вовсе не соотвѣтствовали тѣмъ образцамъ драмы, какіе были принесены намъ нѣмцами; съ другой стороны, и самые эти образцы, не обладая (за немногими исключеніями) какими-либо литературными достоинствами, по своему содержанію были чрезмѣрно далеки отъ русской жизни и потому исчезли почти безслѣдно, какъ только литература, уступая новымъ вліяніямъ, приняла другой оборотъ.

На югѣ польское вліяніе не парализовалось нѣмецкимъ, и Кіевская академія продолжала, до послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, служить очагомъ школьной драмы, иногда, по прежнему, снабжая ею Москву и Петербургъ, въ особенности при Петрѣ Великомъ когда эта драма, не смотря на свою схоластическую форму, отличалась оригинальностью и, служа своего рода комментариемъ къ современнымъ событіямъ, развивалась въ тѣсной связи съ остальною литературою эпохи преобразования.

По смерти Петра Великаго прекращаетъ свое существованіе нѣмецко-русская комидіальная хранина, а съ 40-хъ годовъ XVII столѣтія и школьная драма уже утрачиваетъ свое прежнее значеніе, продолжая существовать только въ южно-русскихъ школахъ, какъ необходимое упражненіе въ піятицѣ. Въ литературѣ являютя инныя новыя вѣянія; французскій классицизмъ, уже овладѣвшій въ это время

всѣми европейскими литературами, подчиняетъ себѣ и нашу поэзію. Тредіаковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ являются подражателями французскихъ драматурговъ, и новый русскій театръ, основанный тѣмъ самымъ Волковымъ, который въ молодости игралъ въ школьныхъ мистеріяхъ, уже не имѣетъ ничего общаго съ театромъ временъ петровскихъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, историческія судьбы русской драматической литературы и театра въ продолженіе того періода, которымъ ограничивается наше изслѣдованіе. Что касается до народной поэзіи, то, не задаваясь цѣлью подробнаго анализа входящихъ въ нее драматическихъ элементовъ (такъ какъ подобная задача могла бы послужить предметомъ особаго, самостоятельнаго труда), мы стараемся только сгруппировать наиболѣе типичные факты этого рода, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность указать на взаимныя отношенія народной и книжной словесности въ области драматическаго искусства.

Несомнѣнно, древнѣйшіе изъ сохранившихся до нашего времени народныхъ обрядовъ и игръ связаны съ праздниками солнечнаго года, установившимися, конечно, еще въ ту отдаленную пору, когда солнце чествовалось, какъ божество, дарующее жизнь природѣ. Два солнцеворота, зимній и лѣтній, дѣлятъ этотъ народно-праздничный циклъ на двѣ части и служатъ начальными днями цѣлаго ряда праздниковъ, изъ которыхъ многіе соединены съ обрядами драматическаго характера, имѣющими видъ особыхъ представленій съ извѣстнымъ распределеніемъ ролей и даже иногда съ нѣкоторою костюмировкой. Подъ влияніемъ новыхъ, христіанскихъ идей, обрядъ, мало по малу, утрачиваетъ свое старое серьезное культовое значеніе, видоизмѣняется и становится лишь бытовою формальностью; пѣсня отдѣляется отъ него въ самостоятельное цѣлое и, осложнившись новыми элементами и переходить въ игру, болѣе или менѣе драматизированную; такимъ образомъ постепенно вырабатывается особый видъ народной поэзіи, представляющій уже „драму“ въ настоящемъ значеніи этого слова, то-есть, діалогъ, соединенный съ поясняющимъ его дѣйствіемъ и предназначенный для представленія. Этотъ постепенный процессъ выдѣленія драмы изъ обряда, первоначально культоваго, можно прослѣдить въ нашей народной словесности въ различныхъ стадіяхъ его развитія.

Какъ по хронологической послѣдовательности солнечнаго года, такъ и по богатству драматическаго содержанія, первое мѣсто въ ряду народныхъ праздниковъ занимаютъ святки.

Послѣдніе дни стараго года и начало новаго съ давнихъ поръ имѣли и имѣютъ въ народномъ быту особенное, важное значеніе. Въ Атикѣ съ незапамятной старины происходили въ это время такъ-называемыя сельскія Діонисіи, праздниѣ пробы молодого вина; въ Римѣ эти дни были временемъ безшабашнаго разгула сатурналий; съ водвореніемъ христіанства, святки получили нѣсколько иную окраску, хотя, впрочемъ, окраску только вѣшнюю: старая ихъ сущность уцѣлѣла до сихъ поръ, представляя любопытный примѣръ такъ-называемаго „переживанія“ въ исторіи культуры. Святочная обрядность, въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, представляетъ чрезвычайно много общаго и поразительно сходнаго даже въ мелочахъ. Какъ въ мірѣ древне-классическомъ Діонисіи, Врумаліи и Сатурналии послужили зародышемъ народнаго театра, точно также и въ средне-вѣковой Европѣ, и у насъ, преимущественно изъ святочныхъ игръ выдѣлились и развились элементы народныхъ драматическихъ зрѣлищъ. Поэтому для первоначальной исторіи вашей драматической литературы и театра многіе святочные обряды имѣютъ существенное значеніе.

Въ особенности слѣдуетъ это сказать о святочномъ переряживаніи и скоморошествѣ, проявляющихся повсюду въ Европѣ, и притомъ съ очень давняго времени, почти въ однихъ и тѣхъ же формахъ. Переряживаніе всегда соединено съ игрою, съ извѣстнымъ представленіемъ, иногда только мимическимъ (пляска, борьба и проч.), но очень часто и разговорнымъ. Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о переряживаніи и соединенныхъ съ нимъ забавахъ на Руси восходятъ къ XI столѣтію и всегда заключаютъ въ себѣ строгое осужденіе этой потѣхи, какъ и всякаго инаго проявленія народнаго веселья вообще. Таково извѣстное порицаніе москолудства ¹⁾ въ словѣ Луки Жидаты; таково не менѣе извѣстное запрещеніе славянской Кормчей по списку 1282 года: „въ обличья играть и ликѣственникъ или въ козлогласованія не ходити, ни можемъ облачатися въ женскыя ризы, ни женамъ въ мужьскыя, ни лицъ же косматыхъ възлагати на ся, ни козлихъ, ни сатоурьскихъ; косматая лица оубо соутъ на поруганіе нѣкимъ оухыщрена, козлы же яко жалостьна и на плачь подвизающе, сатоурьская же Діонисовъ праздниѣ

¹⁾ *Москолудство*, *москолудіе* соответствуетъ греческому *μυρολογία*; сюда же относятся слова: *москолудити* = *μυρολογεῖν* и *москолудъ* = *τύχων ὑπολαστών* (въ Житіи Андрея Юродиваго, *Срезневскій*, Свѣд. и зам., № LXXXVII, стр. 172).

творяще бѣаху" ¹⁾). Это постановленіе Кормчей относится, однако, вовсе не къ русскому быту XIII вѣка, а представляетъ лишь дословный переводъ греческаго текста; при этомъ словами: „козляя, косматая и сатурьская лица“ переданы прошепѣта траѣхѣ, хорихѣ хѣ саторихѣ, точно также, какъ „козлогласованіе“ является буквальною передачею слова траѣфдіа. Само собою разумѣется, что у насъ, на Руси, не только въ XIII столѣтіи, но и никогда не было въ употребленіи трагическихъ, комическихъ и сатирскихъ масокъ, и переживаніе имѣло вовсе не тѣ формы, какія осуждаются въ Кормчей.

Обычными и наиболѣе распространенными у насъ, да и повсюду въ Европѣ, типами ряженія являются фигуры животныхъ—волковъ, лисацъ, журавлей, въ особенности же медвѣдя и козы; далѣе, мужчины рядятся женщинами и на оборотъ; рядятся разбойниками, цыганами, чертами и т. д. ²⁾). При этомъ, какъ уже было замѣчено выше, ряженные или окрутники ³⁾ иногда ограничиваются лишь мимикой или пляской, иногда же разыгрываютъ и небольшія сценки очень незатѣйливаго содержанія. Если ряженые являются съ медвѣдемъ и козою, то разыгрывается извѣстное представленіе ручнаго медвѣдя, при чемъ „коза“ подплясываетъ, ударяетъ въ „ложки“ ⁴⁾ „дѣтаны“ гадаютъ, продаютъ лошадей, воруютъ; „разбойники“ представляютъ „лодку“, то-есть, садятся на полу въ два ряда въ видѣ гребцовъ и поютъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, съ прибавленіемъ діалога между атаманомъ и есауломъ ⁵⁾; въ Новгородской губерніи, гдѣ ряженные называются кудесниками, а ихъ шутки и представ-

¹⁾ Буслаевъ, Истор. Христом., 382—3; Срезневскій, Свѣд. и зам., № XLIV, стр. 67; Веселовскій, Разысканія въ области русск. духовн. стиха, VI—X, стр. 98.

²⁾ Этногр. Сборникъ, II, 37, 229; Труды Яросл. Статист. Комитета, 1866, т. I (Увеселенія города Молога).

³⁾ Н. С. Тихонравовъ (*Литотиски русск. лит.*, III, отд. 2, стр. 11) полагаетъ, что *окрутникъ* означаетъ клеветника или обманщика, потому что въ такомъ именно смыслѣ употреблено это слово въ русскомъ переводѣ Римскихъ Дѣяній; но это значеніе, очевидно, уже производное; первоначальный же смыслъ названія исскъ изъ глаг. *окрутиться*=обвертѣться (какою-нибудь одеждой), то-есть, переодѣться.

⁴⁾ Содержаніе „медвѣжьей комедіи“ см. у Ровинскаго, Русск. нар. картинки, V, 227—231; белорусская „Коза“—у Шейна, Мат. для изуч. быта и языка русск. населенія Сѣв.-Зап. края, I, 89—98.

⁵⁾ Этногр. Сборникъ, I, с. — Михневичъ, Историч. этюды русск. жизни, II, 423—429.

ленія—кѣдесами ¹⁾), разыгрываются иногда уже цѣлыя піесы позанѣйшаго, литературнаго происхожденія (о которыхъ рѣчь впереди).

Въ Архангельской губерніи, въ селѣ Пижиозерѣ, риженные „водятъ барина“, то-есть, ходятъ изъ дома въ домъ, разыгрывая комическую бытовую сцену. Дѣйствующими лицами въ этомъ представленіи являются: баринъ, въ старомъ военномъ мундирѣ и высокой пуховой шляпѣ, и панья, его супруга, изображаемая однимъ изъ молодыхъ людей въ костюмѣ деревенской дѣвушки. Свиту барина составляетъ купчина, онъ же и палачъ, въ шляпѣ и армякѣ изъ чернаго сукна, съ ременною плетью въ рукахъ; у купчины имѣются: жеребецъ (мальчишка съ колокольчикомъ въ рукахъ), быкъ (мальчишка съ широкимъ лбомъ) и удивительные люди, пять мальчишекъ, вымазанныхъ сажею; наконецъ, въ представленіи участвуютъ просители и отвѣтчики, въ разныхъ шутовскихъ нарядахъ. Вся эта толпа, съ колокольчиками и фонаремъ впереди и съ важно шествующимъ бариномъ во главѣ, тянется къ ближайшей вечеринкѣ длинною вереницей, въ сопровожденіи любопытныхъ—взрослыхъ и ребятишекъ. Войдя въ избу, баринъ становится у передней лавки; справа отъ него становится панья, а слѣва—купчина. Баринъ, важно опираясь на палку, требуетъ водки; мальчишка, съ разными прибаутками, подноситъ ему косушку. Онъ выпиваетъ одну рюмку, другую подноситъ паньѣ, третью — купчинѣ, а четвертую выплескиваетъ на остальную публику, со словами: „Выпейте, православные!“ Затѣмъ начинается комедь: „Здравствуйте, міряне!“ „Здорово, баринъ“. „Все ли у васъ ладно, нѣтъ ли ссоръ какихъ? Баринъ разберетъ“. Подходятъ истцы и отвѣтчики, и начинается шутовской судъ и расправа. Виновныхъ баринъ отсылаетъ къ палачу, который бьетъ ихъ ременкой, съ разными прибаутками. Послѣ суда баринъ обращается къ купчинѣ съ вопросомъ: нѣтъ ли продажнаго жеребца? „Есть“, говоритъ купчина. „Дорогъ ли?“ „Сто рублей деньгами, сорокъ амбаровъ сушеныхъ таракановъ“ и т. п. „Ну, это все у насъ найдется. Выщете ли, міряне?“ „Выщемъ, господинъ баринъ“. „Покажи-ка его мнѣ!“ Мальчикъ-жеребецъ выбѣгаетъ и скачетъ передъ бариномъ. Далѣе, такимъ же порядкомъ, баринъ покупаетъ „быка“ за 50 рублей и „удивительныхъ людей“, по 25 рублей „за штуку“. Представленіе заклю-

¹⁾ *Нов. губ. вѣд.* 1869, № 5; *Сметиревъ*, Русск. простонародн. праздники, II, стр. 33—34.

чается хоровою пѣсней, во время которой баринъ и панья ходять по компатѣ, взявшись руками за платокъ ¹⁾).

Эта игра въ „барина“ представляетъ, въ сущности, не что иное, какъ вариантъ старой и очень распространенной (повсемѣстно въ Европѣ) святочной (и дѣтской) игры въ „цари“, гдѣ выбранный царь также творить судъ и расправу и даетъ своимъ слугамъ разныя шутовскія приказанія ²⁾. „Удивительные люди“ нашей сцены напоминаютъ нѣмецкихъ ряженныхъ *Wilde Mäpner*, которые тоже пачкали себѣ лицо сажей. Старая игра, подѣ влияніемъ бытовыхъ условий, видоизмѣнилась и развилась въ сатирическое изображеніе отношеній помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; подобный же мотивъ развивается и въ шутовскихъ діалогахъ, также разыгрываемыхъ святочными окрутниками на посидѣнкахъ и бесѣдахъ, какъ напримѣръ, въ діалогѣ, извѣстномъ подѣ названіемъ: „Аеонька новый и баринъ голый“. Здѣсь представленъ баринъ, который довелъ хозяйство своихъ крестьянъ до такой степени совершенства, что въ полѣ „колосъ отъ колоса не слышать человѣчьяго голоса, конна отъ конны три дня ѣзды“ и т. д. ³⁾. Шутъ-слуга издѣвается надъ нимъ и потѣшаетъ публику своими дурацкими отвѣтами. Съ подобнымъ же мотивомъ (шутовскія отношенія подчиненнаго къ начальнику) встрѣтимся мы далѣе въ нѣкоторыхъ хороводныхъ играхъ.

Изъ другихъ шутовскихъ діалоговъ и комическихъ сценъ, составляющихъ предметъ святочной забавы, можно отмѣтить бесѣду доктора съ больнымъ ⁴⁾, разговоръ двухъ мужиковъ на тему „не люблю не слушай“, извѣстную (въ другомъ видѣ) и по нашимъ народнымъ картинкамъ ⁵⁾, и т. п.

¹⁾ *Мірское Слово* 1873, № 7, стр. 81—84.

²⁾ Игра въ цари существовала уже у древнихъ грековъ и римлянъ, была известна въ средніе вѣка, и до сихъ поръ въ различныхъ вариантахъ существуетъ повсюду въ Европѣ (*ludus de rege, roi de la fête, king of Christmas* и т. п.). Ср. *Веселовскаго*, о. с., стр. 100; *Чубинскаго*, Труды эксп., III, 45.

³⁾ Труды этногр. отд. Имп. общ. люб. естествознанія, антропологія, кн. IV (М. 1877), стр. 60, 115.

⁴⁾ Тамъ же: „Ты кто?“ „Я докторъ-лѣкарь, изъ-подъ каменнаго моста чортъ-аптекарь... Ко мнѣ приводятъ на ногахъ, а увозятъ на саняхъ... Что у тебя болитъ, голова или виски?“ „Виски“. „Сожать твои виски въ тиски, голову сдѣлать лепешкой, приложить пластырю невозможно, рюмку водки поднести, да по затылку полѣзномъ огрести“, и т. д.

⁵⁾ Тамъ же: „Братъ, челомъ!“ „Братъ, здорово!“ „Братъ, гдѣ былъ?“ „Въ городѣ Ростовѣ“. „Что въ городѣ Ростовѣ дѣлается?“ „Все старое по старому, вновь

Эти народные святочные спектакли, по своему характеру и содержанию, представляются, какъ было замѣчено уже Н. С. Тихонравовымъ ¹⁾, совершенно однородными съ нѣмецкими средневѣковыми масляничными играми (Fastnachtsspiele), которыя, въ свою очередь, очень близко подходятъ къ старымъ французскимъ фарсамъ и *soties* и къ импровизированнымъ сценамъ италіанской народной комедіи. На святкахъ и на масляницѣ, какъ у насъ, такъ и въ средневѣковой Германіи, толпа ряженыхъ ходила изъ дома въ домъ, разыгрывала коротенькія комическія сценки, содержаніе которыхъ иногда бралось изъ животнаго эпоса (напримѣръ, изъ разказовъ о лисѣ), чаще же — изъ народнаго быта, и отличалось, обыкновенно, грубымъ, нерѣдко непристойнымъ юмизмомъ. По окончаніи представленія иногда выступалъ впередъ „глашатай“ (Ausschreier) и просилъ не сердиться за шутку, если она была слишкомъ груба, такъ какъ на все есть свое время, и всякій понимаетъ, что на масляницѣ веселѣе, чѣмъ въ страсную пятницу:

Habt uns das nit für übel ser,
das wir sein gehen zu euch her,
die fasnacht das wol machen kan,
das nerrisch thut vil manig man,
der sich des schamt ein ander zeit ²⁾.

Какъ и у насъ, спектакль заключался пѣніемъ, пляской и угощеніемъ окрутниковъ; какъ и у насъ, носителями юмизма въ этихъ веселыхъ сценкахъ чаще всего являлись дубоватые мужики, сварливыя бабы, разныя дурацкія персоны и т. п. Разница только въ томъ, что на Западѣ, и особенно въ Германіи, эти народныя пьесы рано получили литературную обработку и довольно широкое прижизненіе къ политическимъ и общественнымъ обстоятельствамъ времени (болѣе всего — въ эпоху реформаціи), между тѣмъ какъ у насъ ихъ отраженіе въ литературѣ было гораздо слабѣе. Впослѣдствіи, говоря о бытовыхъ и комическихъ интермедіяхъ, мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этой импровизированной народной святочной потѣхѣ и указать,

ничего“. „Я слышалъ, что въ городѣ Ростовѣ рихерей женится?“ „Я слышать не слышалъ, что рихерей женится, а шель мимо рихерейскаго двора, у рихерейскаго двора коровы оспланы, свиньи обратаны, у курицъ хвосты подвязаны, — должно быть, что рихерей женится“. „Ну, я, братъ, повѣрю“. „А я, братъ, не солгу“, в. т. д. Ср. *Росинскаго*, Нар. карт., V, 147.

¹⁾ Въ статьѣ: „Начало русск. театра“ — *Лѣтопись русск. лит.*, III.

²⁾ Keller, Fastnachtsspiele aus dem XI Jh. Stuttg. 1853, I, St. 17.

на сколько и чѣмъ именно послужила она для искусственной драматической литературы.

Подобныя же игры, какъ и многія другія черты святочного веселительнаго обихода, приурочиваются и въ масляницѣ, празднованіе которой представляетъ много общаго со святками ¹⁾. Но существуютъ игры и специально-масляничныя, заключающія въ себѣ, подобно святочнымъ, также нѣкоторыя драматическія черты. Таковы, напримѣръ, „проводы масляницы“, послѣднее драматическое зрѣлище нашего народа передъ великимъ постомъ. Это представленіе въ Ярославской губерніи устраивается слѣдующимъ образомъ: „Запрягаютъ десять лошадей, или и болѣе, одну за другою, гуськомъ, въ нарочно приготовленную большую повозку; на каждую изъ лошадей сажаютъ вершника въ рубищѣ, разодранномъ съ головы до ногъ, всего выпачканнаго сажено. Одинъ вершникъ держитъ большой вѣтухъ, другой — метлу; вездѣ, и даже на свои шеи, навѣшиваютъ коровьи колокольчики и всякія погремушки; рогожную кибитку, всю запачканную, увѣшиваютъ вѣвчиками и сажаютъ въ нее пьянаго человѣка, тоже запачканнаго и въ рубищѣ, облитомъ пивомъ. Подлѣ него стоитъ боченокъ съ пивомъ, напротивъ — сундукъ съ съѣстными припасами. Этотъ человѣкъ изображаетъ собою масляницу. Весь этотъ поѣздъ означаетъ, что масляница ѣдетъ домой. Свита упрасиваетъ масляницу погостить хоть одинъ денекъ, но пьяница не соглашается, говоря, что ему непременно нужно скорѣе ѣхать въ Ростовъ на ярмарку, и уѣзжаетъ въ другое селеніе“ ²⁾.

Въ тѣсной связи съ этими проводами масляницы находится другой подобный же обрядъ — проводы зимы и встрѣча весны, существующій у насъ почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ его у западныхъ славянъ и у нѣмцевъ. По нашему народному повѣрью, въ Срѣтенье зима встрѣчается съ лѣтомъ, чтобы побороться, а на Благовѣщеніе говорятъ: весна зиму поборола. Въ Германіи эта

¹⁾ Веселовскій, о. с., 102—103. В. Миллеръ. Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ. М. 1884.

²⁾ Этногр. Сб., II, 40—41; Тихомировъ, I, с., 13—14. По словамъ Н. С. Тихомирова, наши лубочныя картины „часто представляютъ этотъ знаменитый отъѣздъ масляницы въ Ростовъ, со всею драматическою обстановкою, которою онъ сопровождается; здѣсь можно найти и текстъ той небольшой народной драмы, которая разыгрывается по поводу печальнаго событія“; къ сожалѣнію, въ описаніи Д. А. Ровинскаго подобной картины не оказывается, а есть лишь смѣхотворное „Сказаніе о честномъ семикѣ и честной масляницѣ“. (Русск. нар. карт., I, №№ 92—94). См. еще Безсонова, Бѣлор. пѣсни, I, 130.

борьба весны и зимы, жизни и смерти, представляется въ лицахъ ряженными; у насъ подобная же борьба разыгрывается кое-гдѣ въ видѣ осады снѣжнаго города; въ большинствѣ же мѣстностей этотъ обрядъ у насъ, какъ и у западныхъ славянъ, ограничивается лишь тѣмъ, что соломенное чучело, изображающее зиму или смерть, обносится съ пѣснями по полямъ и затѣмъ сжигается или бросается въ воду. При этомъ чучело зимы иногда отождествляется съ чучеломъ масляницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвицы выходятъ въ полночь съ кочергами и метлами „выгонять смерть“ и, взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой Мораною ¹⁾. Какъ по своему значенію, такъ отчасти и по самой обстановкѣ, этотъ обрядъ однороденъ съ „опахиваньемъ“, которое совершается въ нашихъ деревняхъ и селахъ для изгнанія повальныхъ болѣзней—чумы, холеры и коровьей смерти ²⁾. Н. С. Тихонравовъ отмѣтилъ одну любопытную подробность этого послѣдняго обряда: сохою управляетъ обыкновенно дѣвушка, рѣшившаяся не выходить замужъ; соотвѣтственно этому, въ Лейпцигѣ существовалъ древній обычай на масляницѣ таскать по улицамъ плугъ, въ который насильно впрягали дѣвицу, какъ бы въ наказаніе за то, что онѣ въ минувшемъ году не успѣли выйти замужъ. Слѣды этого обычая, существовавшаго также въ сѣверной Франціи и въ Англіи, остались въ мясопустной игрѣ „Die Egen“ ³⁾. Плугъ, несомнѣнно, имѣлъ въ свое время культовое значеніе, и подражаніе паханію до сихъ поръ составляетъ одну изъ формъ святочного обрядоваго обихода ⁴⁾.

Подобно проводамъ масляницы, народъ справляетъ также и проводы весны и лѣта. Въ Нижегородской губерніи въ Русалкино-заговѣнье молодежь собирается на площадь. „Тутъ кого-нибудь наряжаютъ лошадей, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика, и двое мужчинъ ведутъ подъ устцы въ поле, а позади весь хороводъ съ громкими прощальными пѣснями провожаетъ, и прийдя въ поле, разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми:

¹⁾ Подробности см. у *Авдасьева*, Поэтич. возвр., III, 691—706; ср. *Uhland*, *Schriften zur Gesch. der Dichtung und Sage*, III, 17—39. Подобный же обрядъ существовалъ и въ древнемъ Римѣ, см. *Roscher*, *Studien zur vergl. Mythologie der Griechen und Römer*, I, 27.

²⁾ Этногр. Сборн., I, 217—218; *Тихонравовъ*, I, с., 10.

³⁾ *Keller*, o. c., I, st. 30; ср. *Grimm*, *Myth.*, 218, 216, 242 ff.; *Simrock* *Mythol.*, 3 Aufl., 387, 398—399. Въ числѣ сочиненій Ганса Закса есть комедія: „Die Hausmagd im Pfluge“.

⁴⁾ *Веселовскій*, I, с., 112—120.

это значить—проводить весну" ¹⁾). Тѣмъ же характеромъ отличаются и проводы лѣта или похороны Ярила, Коструба, Костромы,—драматическій обрядъ, нерѣдко принимающій грубо-циническія формы и не лишенный нѣкотораго юмора ²⁾).

Изъ сопоставленія указанныхъ нами обрядовъ, которые всѣ, такъ или иначе, соединяются съ разжевомъ, видно, что самая костюмировка имѣла нѣкогда значеніе религіозное; люди, наряженные животными (въ особенности—медвѣдемъ и козой), замѣняли въ обрядѣ самихъ этихъ животныхъ ³⁾; ихъ дѣйствія имѣли характеръ символическій, соответствовавшій народнымъ вѣрованіямъ; по мѣрѣ постепеннаго вырожденія серьезнаго обряда въ забавную игру, измѣнялась, соответственно, и роль его участниковъ, и они изъ служителей извѣстнаго культа обращались мало по малу въ простыхъ потѣшниковъ. Нѣкоторые изъ существующихъ въ настоящее время обрядовъ (напримѣръ, опахиванье) и до сихъ поръ еще сохраняютъ свое старое, серьезное значеніе, хотя уже смутно понимаемое; большинство же ихъ уже совершенно его утратило. Видоизмѣненіе формы обряда выразилось, главнымъ образомъ, въ усиленіи драматическаго элемента, въ распространеніи діалога комическихкими, балагурными вставками. Такимъ образомъ, и наша народная драма, точно также, какъ и искусственная, беретъ свое начало въ области поэтическаго творчества, именно—въ религіозномъ обрядѣ, выдѣляясь изъ котораго, ея зародыши получаютъ дальнѣйшее развитіе.

Этому развитію и обособленію драматическихъ элементовъ нашей народной поэзіи въ особенности способствовали люди, сдѣлавшіе забаву своимъ ремесломъ, бродячіе народные потѣшники, „веселые“, скоморохи, являющіеся на Руси уже въ очень давнее время. Чрезвычайно обстоятельное и интересное изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго ⁴⁾ избавляетъ насъ отъ необходимости повторять уже извѣст-

¹⁾ Этногр. Сб., I, 56; *Смирновъ*, Правдники, I, 183; III, 135; IV, 60; *Терещенко*, Бытъ русск. народа, VI, 192.

²⁾ *Аванасевъ*, о. с., III, 724—728; *Максимовичъ*, Соч. II, 521; *Бесѣда* 1872, V, 80 (ст. Н. Н. Костомарова).

³⁾ О культовомъ значеніи медвѣдя см. *Веселовскаго*, о. с., 447 и сл.; коза или козель, какъ извѣстно,—животное, посвященное Діонису и игравшее важную роль въ культѣ этого божества.

⁴⁾ О. с. 128—122, гдѣ указана и вся литература по этому предмету. Слово *скоморохъ* до сихъ поръ остается еще не объясненнымъ оковчательно: А. Н. Веселовскій провозводитъ его отъ корня *skabhlärmen, töpen, skombrisa*, *скомати* = *gesere*, принимая, впрочемъ, и другое производство—*per metathesis* отъ *масхара*

ныя подробности о скоморошествахъ и даетъ возможность ограничиться лишь немногими общими замѣчаніями. Прежде всего, мы позволимъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, будто скоморохи на Руси — заходяіе люди: это мнѣніе кажется намъ заявленнымъ въ слишкомъ категорической формѣ. Безспорно, что къ намъ издавна заходили бродячіе нѣмецкіе шпильманы (иначе это названіе не приобрѣло бы права гражданства въ старомъ русскомъ языкѣ); заходили, по всей вѣроятности, и византійскіе „скоммархи“; но это вовсе еще не исключаетъ возможности существованія своихъ, доморощенныхъ потѣшниковъ. Слово „скоморохъ“ — названіе слишкомъ общее, родовое; подъ него подводились представители всевозможныхъ увеселительныхъ профессій; тутъ были и игроки-музыканты, и плясцы, пѣсенники, фокусники, акробаты, кукольники, медвѣдчики и разные шуты, словомъ, — всѣ, кто тѣмъ или другимъ способомъ доставлялъ народу развлеченія, „глумы дѣюще и позоры нѣкакы бѣсовскія творяще“; скоморошье ремесло было чрезвычайно разнообразно, и не возможно допустить, чтобы врожденная каждому человѣку потребность позабавиться удовлетворялась у насъ, въ старое время, только при помощи иноземныхъ, заходящихъ смѣхотворцевъ. Заходяіе скоморохи византійскіе и западно-европейскіе, являясь прямыми наслѣдниками древнихъ мимовъ и обладая уже значительно разработаннымъ и разнообразнымъ потѣшнымъ репертуаромъ, могли во многомъ быть учителями нашихъ народныхъ увеселителей, вызывая ихъ на подражаніе и соревнованіе, передавая имъ свои ухватки и секреты; но конечно, въ народномъ быту не было недостатка и въ своихъ „веселыхъ молодцахъ“, питавшихся отъ шутовского промысла. Церковь, въ лицѣ своихъ пастырей и проповѣдниковъ, неустанно ратую противъ всякихъ проявленій народнаго веселья, противъ всего, что шло въ разрѣзъ съ ея аскетическимъ идеаломъ, особенно преслѣдовала этихъ профессиональныхъ увеселителей и грозила вѣчнымъ мученіемъ не только имъ самимъ, но и всякому, кто станетъ ихъ слушать; но обличенія и угрозы нисколько не мѣшали имъ плодиться и множиться во всѣхъ краяхъ Русской земли. Отъ княжескаго терема до убогой деревенской лачужки „веселый человѣкъ“ повсюду встрѣчалъ радушный приемъ и угощеніе; въ общественной іерархіи

(замаскированный шутъ); *Е. Е. Голубинскій* (Ист. русск. церкви, I, 2, стр. 755, прим. 2) видитъ въ немъ греческое простонародное слово *σχομάρχο*; = *ἵερο*; *σχομάρτων* (мастеръ смѣхотворства); это объясненіе, какъ мнѣ кажется, болѣе подходящимъ.

онъ занималъ послѣднее мѣсто, его презирали, какъ „сосудъ діавольскій“ (самое слово шутъ въ народномъ языкѣ иногда отождествляется съ чортомъ, напримѣръ, въ выраженіи: „шутъ тебя возьми“), надъ нимъ издѣвались; но, не смотря на все это, онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ народнаго праздничнаго обряда и непремѣнною принадлежностью всякаго публичнаго веселья; кромѣ того, скоморохи нерѣдко бывали нужны и помимо своей главной профессіи, какъ тертые, изворотливые люди, всюду проникающіе, какъ ходячія газеты, вѣстовщики и пересылщики; въ силу этихъ условій, существованіе скомороховъ сдѣлалось необходимою, и въ XVI вѣкѣ, въ эпоху Стоглава, эти бездомные скитальцы, спекулирующіе на кошелекъ охочей до зрѣлищъ толпы, составляютъ уже большія артели, ходятъ ватагами многими по шестидесяти, семидесяти и до ста человѣкъ, при чемъ иногда и разбойничаютъ ¹⁾. Къ концу XVII вѣка скоморохи, какъ сословіе, мало по малу исчезаютъ, и самое имя ихъ начинаетъ забываться; но какъ балагуры-потѣшники (хотя уже не по профессіи, а просто изъ любви къ искусству), они продолжаютъ существовать и до сихъ поръ, по прежнему являясь необходимыми въ народномъ обиходѣ.

Скоморохамъ, безъ сомнѣнія, многимъ обязана наша народная комедія, точно также, какъ нѣмецкій *Fastnachtsspiel* во многомъ заимствѣлъ отъ старыхъ шпильманскихъ швенковъ. Принимая участіе въ праздничномъ обрядѣ, скоморохи оживляли его своими шутками и острословіемъ, а впослѣдствіи, когда именно это острословіе выдвинулось на первый планъ, они развивали его, придумывая шутковскіе сцены и діалоги въ родѣ тѣхъ, какіе указаны нами выше. Въ такой же балагурной роли являлись они участниками бытового обряда, въ особенности на свадьбахъ, надѣвая на себя „личины и платье скоморошеское“ и увеселяя гостей своими забавными разговорами ²⁾. Они были по преимуществу носителями народнаго юмора, хранителями неисчерпаемаго запаса веселыхъ разказовъ и пѣсенъ, шутокъ и прибаутокъ; скоморошья ватаги были своего рода странствующими труппами актеровъ, „молодцовъ на всѣ руки“, всегда готовыхъ показать себя примѣнительно къ данному случаю. Память о скоморошьяхъ осталась въ нашихъ любочныхъ картинкахъ, въ изображеніяхъ разныхъ „дурацкихъ персонъ“, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ весьма популярныя въ свое время „Омушка-музыкантъ и

¹⁾ Стоглавъ, гл. 41, вопр. 19.

²⁾ Образчикъ такого (заученаго) забавнаго разговора см. у *Веселовскаго*, о. с., 201—202 (изъ *Симбирск. губ. вѣд.* 1867, № 37).

Еремушка-поплюхантъ“, герои цѣлаго ряда самыхъ нелѣпныхъ похощеній, о которыхъ въ нашей литературѣ XVII вѣка существуетъ особое, пространное сказаніе ¹⁾. Далѣе, по лубочнымъ картинкамъ извѣстны пономарь Парамошка, Савоська, Филатка, а изъ иностранныхъ шутовъ—Петруха Фарнось, въ дурацкомъ полосатомъ кафтанѣ и колпакѣ съ бубенчиками, и Гонось, верхомъ на палочномъ конькѣ оба заимствованные изъ итальянской пантомимы ²⁾.

Скоморохи являлись также въ видѣ кукольниковъ и медвѣдчиковъ. Кукольная комедія, по описанію Олеарія, видѣвшаго ее въ Москвѣ и называющаго ее голландскимъ словомъ Klücht (Kluyt, шутка), устривалась очень просто: комедіантъ надѣвалъ юбку съ обручемъ въ подолѣ, поднималъ ее кверху, такъ что она закрывала его голову, и изъ-за этой импровизированной занавѣски показывалъ свои куклы. Изъ картинки, поясняющей разказъ Олеарія, видно, что представлялась та же самая незатѣйливая „комедь“ о Петрушкѣ, которая и до сихъ поръ составляетъ единственную пьесу нашего кукольнаго репертуара (малорусскій и бѣлорусскій „вертепъ“, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, имѣетъ совершенно иное значеніе). По происхожденію своему эта комедія, какъ и однородный съ нею англійскій Punch (Puncinello), несомнѣнно, итальянская, и героемъ ея является та самая „дурацкая персона“ Фарноса, о которой сказано выше; по содержанію она, подобно большинству народныхъ шутковъ, представляетъ грубый бурлескъ, обильно приправленный циническими выходками, которыми удивлялся Олеарій, замѣчая, что русскіе не стыдятся всенародно воспѣвать „срамныя дѣла“ на улицахъ и площадяхъ ³⁾. О медвѣжьей комедіи, также иногда довольно циничной, уже было сказано выше.

Кромѣ обрядовъ, имѣвшихъ первоначально культовое значеніе, въ народномъ обиходѣ существовалъ и существуетъ цѣлый рядъ обрядовъ чисто бытовыхъ и затѣмъ просто игръ, не имѣющихъ другой цѣли, кромѣ забавы. Какъ тѣ, такъ и другія, заключаютъ въ себѣ не мало элементовъ драматическихъ. Въ числѣ бытовыхъ обрядовъ (въ данномъ случаѣ тѣсно связанныхъ съ остатками стараго культа) первое мѣсто, по богатству драматическаго содержанія, занимаетъ

¹⁾ *Ровинскій*, о. с., I, 426; IV, 295—301.

²⁾ Тамъ же, V, 269—270. О шутовствѣ и шутахъ на Руси см. въ моей статьѣ „Изъ исторіи каррикатуры“, *Записки. Вѣстн.* 1882, № 9, стр. 409—412.

³⁾ *Олеарій*, пер. *П. Барсова* (М. 1870), стр. 178—179; *Ровинскій*, о. с., V, 224—227.

народная свадьба, которая является, можно сказать, сплошнымъ драматическимъ представленіемъ, непрерывнымъ рядомъ заученныхъ, традиционныхъ сценъ, разыгрываемыхъ въ извѣстномъ, определенномъ порядкѣ, подъ руководствомъ опытныхъ, бывалыхъ людей. Народъ, по видимому, и самъ сознаетъ этотъ театралъный характеръ свадебнаго торжества; на это указываетъ выраженіе: играть свадьбу, и такая игра всегда привлекаетъ многочисленную любопытную публику. Обширная и сложная свадебная драма въ разныхъ мѣстностяхъ разыгрывается различно; но основное ея содержаніе, не смотря на все разнообразіе вариантовъ, остается всегда одно и то же, такъ что мы можемъ раздѣлить ее на акты, неизмѣнно слѣдующіе одинъ за другимъ и соотвѣтствующіе главнѣйшимъ ея моментамъ ¹⁾. Не вдаваясь въ подробности свадебнаго обряда, уже много разъ описаннаго, укажемъ только эти основные его моменты въ ихъ послѣдовательности.

Прологомъ къ свадебной драмѣ служитъ сватовство, всегда обставленное символическими обрядами и условными, заранѣе извѣстными, разговорами сватовъ и родителей невѣсты; и тѣ, и другіе выражаются аллегорически, загадками; этотъ же мотивъ состязанія загадками и находчивыми отвѣтами проходитъ и по дальнѣйшимъ актамъ драмы; удачно разрѣшенная загадка служитъ послѣднимъ препятствіемъ, преодолевъ которое поѣздъ жениха вступаетъ въ домъ невѣсты ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ рукобитье, съ символическою продажей или пропоемъ невѣсты, послѣ котораго начинается рядъ посидѣлокъ или дѣвишниковъ; далѣе—самая свадьба и, наконецъ, на другой день, въ видѣ эпилога, большой столъ (хлѣбины). Во всѣхъ этихъ обрядахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является невѣста; на ея долю выпадаетъ наибольшее количество свадебныхъ пѣсенъ: она оплакиваетъ свою дѣвичью волю, прощается съ семейю,

¹⁾ Г. Г. (Громовъ). Поворьяче странныхъ смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ разныхъ чужеземныхъ и въ Россіи обитающихъ народовъ. С.-Пб. 1797. *Сумицовъ*, О свадебн. обрядахъ, преимущ. русскихъ. Харьк. 1881; Пермскій Сборникъ, I, отд. 2, стр. 1—107; II, отд. 2, стр. 132 и сл.; *Чубинскій*, Труды Эксп., IV; *Крачковскій*, Бытъ зап.-русск. селянина, *Чтенія Общ. Ист.* 1873, IV; *Шейковский*, Бытъ подолянъ; *Ефименко*, Мат. для этногр. рус. населенія Арх. губ., въ Трудахъ этногр. отд. Общ. естествозн., антроп. и этногр., кн. V (М. 1877), вып. I, стр. 74—132; *Этногр. Сб.*, II, 150 и сл.; III, 14 и сл.; *Гуляевъ*, Этногр. очерки южной Сибири; *Шейнъ*, Рус. нар. пѣсни, и пр.

²⁾ Ср. измѣщенное состязаніе загадками на свадьбѣ (Brautbegehren) у *Hartmann*, Volksschauspiele, Lpz. 1880, S. 120—125.

горько жалуется на судьбу, заставляющую ее идти въ чужую дальнюю сторону и т. д. Съ другой стороны, женихъ играетъ роль часто пассивную: за него все говоритъ и дѣлаетъ его руководитель, дружка, отлично знающій всѣ тонкости свадебнаго дѣла, и притомъ—балатуръ и острословецъ скоморошьяго пошиба, говорунъ, который въ карманъ за словомъ не полѣзетъ и дастъ отвѣтъ на всевозможные вопросы, какіе, согласно обряду, постоянно ему предлагаются. Невѣстою руководить дружка, тоже опытная и ловкая, знающая, когда и что слѣдуетъ дѣлать, пѣть и говорить и слѣдующая за каждымъ шагомъ своей ученицы. Такая дружка носитъ различныя названія: вытница, выльница, плачая, пѣвуля, стиховодница, заводница ¹⁾ и т. п. Дружка и заводница являются, такимъ образомъ, режиссерами свадебной драмы и хранителями ея не писаннаго текста. Во всемъ обрядѣ, заключающемъ въ себѣ множество отдѣльных эпизодовъ, нѣтъ ни одного произвольнаго слова: все заранѣе предусматрѣно и разучено, и все происходитъ „какъ по писанному“, въ строго опредѣленномъ, изстари усвоенномъ порядкѣ.

Какъ извѣстно, въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ сохранились слѣды различныхъ возрѣній на женщину и различныхъ формъ брака: слѣды эти всего замѣтнѣе въ обрядахъ драматическаго характера. Таковы, напримѣръ, обряды, напоминающіе объ умыканіи невѣсты: сваты являются подъ вечеръ, въ видѣ странниковъ или охотниковъ, просятъ пустить ихъ обогрѣться, увѣряютъ, что ихъ князь охотился на краснаго звѣря и самъ видѣлъ, какъ одна кунница или лисица скрылась во дворѣ именно этого дома; ихъ пускаютъ во дворъ, но не иначе, какъ послѣ долгихъ переговоровъ и за извѣстную плату, напримѣръ, за угощеніе; то же повторяется и при входѣ въ избу. Въ день свадьбы передъ поѣзжанами жениха запираютъ ворота; разыгрывается примѣрная борьба, иногда даже съ выстрѣлами; братъ невѣсты защищаетъ ее съ саблей въ рукахъ. Вечеромъ, послѣ свадебнаго пира, молодой хватаетъ повобрачную въ охапку и выноситъ изъ дому; та вырывается и бѣжитъ; дѣвушки защищаютъ ее, женихъ и поѣзжане снова овладѣваютъ ею и, наконецъ, увозятъ въ домъ жениха. Не менѣе драматическимъ характеромъ отличаются обряды, напоминающіе о куплѣ-продажѣ невѣсты. Сваты являются въ видѣ купцовъ и должны выкупать невѣсту у ея брата или деньгами, или

¹⁾ Перм. Сб., II. отд. 2, стр. 73; Этногр. Сб., 20—24, 155; *Ефименко*, I. с., 76, 121.

рѣшеніемъ загадокъ; происходитъ „осмотръ товара“ и примѣрный торгъ, запиваемый магарычемъ, и т. д. Всѣ эти обряды сопровождаются соотвѣтствующими пѣснями, при чемъ дѣвушки-пѣвицы играютъ въ этой свадебной драмѣ какъ бы роль древняго хора. Въ старое время непремѣннымъ участникомъ свадебнаго обряда являлся, какъ мы уже указывали, скоморохъ. „Не подобаетъ хрстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, аще ли то не бракъ наричется, но идолослуженіе, иже суть: плясба, гоудьба, пѣсни бѣсовскія, сопѣли, бобни и вся жертва идольска“, сказано по этому поводу въ Словѣ Христолюбца по рукописи XV вѣка ¹⁾; сто лѣтъ спустя, Стоглавъ (гл. 41, вопр. 16) замѣчаетъ, что „въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники, и смѣхотворцы, и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поють; и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ“. Еще сто лѣтъ спустя, въ царской грамотѣ 1648 года, также замѣчено, что „въ городскихъ и въ уѣздныхъ людѣхъ у многихъ бывають на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы, и скоморохи со всякими бѣсовскими играми“ ²⁾. Присутствіе музыкантовъ на свадьбахъ и теперь дѣло обычное; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Малороссіи, свадебные поѣзда иногда отправляются и въ церковь, и изъ церкви съ музыкой, пѣснями и даже пляскою; при этомъ существуетъ обычай цыганить: радятся цыганомъ, цыганкой, москалемъ, жидомъ, церковнымъ старостой; иногда мужчина радится женщиной, и всѣ вмѣстѣ, въ сопровожденіи музыки, отправляются „цыганить“; при этомъ „цыганы“ и „солдаты“ воруютъ все, что попадется подъ руку, а „жиды“ — „переводятъ“. Нѣкоторые изъ участвующихъ собираютъ деньги будто на церковь или на сиротъ и пр. Все выпрошенное и украденное потомъ продается, и на вырученные деньги покупается водка ³⁾. Сходные обычаи свадебнаго ряженія и скоморошества встрѣчаются и въ Великороссіи. О заученныхъ балагурныхъ разговорахъ на свадьбѣ мы уже упоминали выше; шутовство и балагурство, бывшее прежде спеціальною скомороховъ, съ изчезновеніемъ послѣднихъ вошло, отчасти, въ роль дружки, который, какъ мы замѣтили выше, между прочимъ, долженъ потѣшать свадебную публику разными прибаутками и, въ свою оче-

¹⁾ Лытос. Русск. лит. и древн., IV, смѣсь, стр. 94.

²⁾ Иванова, Опис. Гос. Архива, 296.

³⁾ Чубинскій, I, с., IV, 262, 272, 465; Этиогр. Сборн., I, 191; Пермскій Сборн., I, 99; Веселовскій, I, с., 199—202.

редь, служить предметомъ издѣвательства для невѣстныхъ подругъ, которыхъ онъ старается задобрить угощеніемъ и подарками ¹⁾.

Свадебные обряды заключаютъ въ себѣ такъ много драматическихкихъ элементовъ, до такой степени похожи на увлекательное театральное зрѣлище, что народъ не только любитъ смотрѣть на настоящую свадьбу, но любитъ также и представлять ее. Во время святочныхъ посидѣнокъ, „при крикѣ свадебныхъ пѣсень, при стукѣ и топотѣ скачущихъ, молодежь обоего пола переряживается—женщины и дѣвицы въ мужчинъ, мужчины—въ женщинъ и разыгрываются свадьбы, въ которыхъ молодецъ женится на дѣвицѣ или женщинѣ, или женщины и дѣвицы—между собою“ ²⁾.

Выборъ невѣсты или жениха, любовь и ухаживанье и различныя сцены семейной жизни составляютъ любимое содержаніе хороводныхъ пѣсень. Извѣстно, что на народномъ языкѣ говорится: играть пѣсню; и дѣйствительно, о большинствѣ хороводныхъ пѣсень, съ точки зрѣнія общихъ понятій объ искусствѣ, слѣдуетъ сказать, что онѣ не просто поются, а разыгрываются, въ смыслѣ драматическомъ. Каждая такая пѣсня въ исполненіи представляетъ прямую, законченную сцену, въ которой воспроизводится какой нибудь смѣшной или грустный, но всегда типичный бытовой эпизодъ. Остановимся на нѣсколькихъ, наиболѣе выразительныхъ, играхъ этого рода.

Выборъ невѣсты. Дѣвушки встаютъ въ двѣ линіи, одна противъ другой, такъ что между ними можно свободно пройти; каждая подаетъ стоящей противъ себя платокъ, и поютъ:

Подойду, подступлю я подъ вашъ ли городъ каменный,
Вышибу, выпибу чоботами стѣну каменную,
Растворю, растворю я широкія воротечки,
Выведу, выведу душу красную дѣвицу.

Парень обходитъ кругомъ дѣвицъ, потомъ проходитъ между ними, выбивая платки изъ рукъ, беретъ дѣвушку и уводитъ за собою.

Выбравъ невѣсту, парень обращается съ разпросами о ней къ сосѣдямъ; оказывается, что „сосѣдушки-собратушки“ не хвалятъ ее. Тогда онъ выбираетъ другую, которую сосѣди „схвалили“, и благодаритъ ихъ за то, что они женили его.

¹⁾ См., напримѣръ, *Шейна*, Русск. нар. пѣсни, I, 433.

²⁾ Этногр. Сборн., II, 36. Описаніе белорусской игры: „Женитьба Терешки“ см. у *Шейна*, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Северо-Западнаго края, I, 99—111.

Парень выбираетъ „хорошу неvěсту“ („будь ты мнѣ лада, а я тебѣ суженый“), тестя, тещу, шурина и т. д., зоветъ на свадьбу; варятъ пиво, пекутъ пироги... „Я, напившись пива, да тестя-то въ рыло; я наѣвшись пирожковъ, тещу-матушку въ толчки; оѣдлавши же коня, поѣзжай, шуринъ, съ двора... Веселъ я, веселъ, что одинъ остался съ милою ладой“ ¹⁾).

Выборъ жениха. На выборъ дѣвицы представляется старый и молодой мужъ. Играющій старика представляетъ его хилымъ, сгорбленнымъ, едва передвигающимъ ноги. Пѣсня спрашиваетъ дѣвицу: „идти ли ей замужъ за него?“ Она отдергиваетъ его руки и поворачивается къ нему спиною. „Стлатъ ли старому постелю?“ Она бросаетъ на полъ скомканный платокъ, и т. д. Но вотъ, на смѣну старику является молодой, и дѣвушка, при повтореніи тѣхъ же вопросовъ пѣсни, показываетъ, какъ она будетъ его любить, и пр. ²⁾).

Семейныя отношенія. Жена сердится на мужа; сосѣди мирятъ ихъ, и мужъ бьетъ имъ за это челоуъ.

Жена недовольна мужемъ, который не знаетъ, чѣмъ укротить ея „сердитое сердце“. Онъ покупаетъ „саму, саму предиковинну юбку, саму, саму предиковинну кофту“ и ухаживаетъ за женою съ подарками: „Ты постой-ка, жена, я примѣрю на тебя, я примѣрю, приложу, на женушку погляжу“. Но жена все-таки отъ него отворачивается. Тогда онъ покупаетъ „саму, саму предиковинну плетку“ и обращается къ женѣ съ тѣмъ же предложеніемъ: „Ты постой-ка, жена, я примѣрю на тебя“, и т. д. Жена начинаетъ увиваться около мужа и цѣлуетъ его.

Другія хороводныя игры имѣютъ содержаніемъ шуточные сцены, въ которыхъ, наравнѣ съ людьми, дѣйствуютъ и животныя. Такова, напримѣръ, игра въ „зайнуку“, который вертится среди хоровода и ищетъ, гдѣ бы ему выскочить ³⁾, или въ „воробушка“, который представляетъ, какъ ходятъ молодцы, дѣвицы, старики, горбатые, хромые, купцы, бояре, скупые, нишіе, пьяные и т. д. ⁴⁾.

¹⁾ *Фенютинъ*, Увеселенія города Мологи (Труды Яросл. губ. статистическаго комитета, 1866, I). Ср. малороссійскую игру „Сватовство Жельмана“ (или Зальмана), у *Чубинскаго*, Труды эксп., III, 53.

²⁾ *Шейнъ*, Русск. нар. пѣсни, I, 217. Ср. *Чубинскаго*, I. с., III, 90 („Нелюбъ“).

³⁾ *Шейнъ*, I. с., 141, 161—165.

⁴⁾ *Сахаровъ*, Сказанія русск. нар., I, 76. Нѣсколько игръ въ томъ же родѣ—въ сборникѣ *А. Можаровскаго*: Святочныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губ. Казань. 1873.

Нѣкоторыя игры изображаютъ, тоже не безъ юмора, разныя сельскія занятія. Во Франціи, а также и въ Италіи, разыгрывается „ronde mimique“ объ овсѣ:

Aveine, aveine, aveine,
Que le bon Dieu t'amène!
Avez-vous jamais oui
Comme on sème l'aveine?
Mon père le semait aussi.

Слѣдуютъ соотвѣтствующія тѣлодвиженія, которыми сопровождаются и дальнѣйшіе вопросы пѣсни: какъ боронятъ, полютъ, косятъ, вяжутъ, вывозятъ, молотятъ, вѣютъ, мелютъ, ѣдятъ овесъ и т. д. ¹⁾ У насъ существуетъ подобная же игра, но съ другимъ оттѣнкомъ, представляющая уборку льна. Хороводъ выбираетъ мать и нѣсколько дочерей. Одна изъ послѣднихъ обращается къ матери:

Научи меня, мати.
На ленъ землю пахати!

Мать жестами показываетъ, какъ нужно это дѣлать:

Да вотъ этакъ, дочи, дочушки!
Да вотъ такъ, да вотъ этакъ!

Играющія дочерей подражаютъ движеніямъ матери. Такимъ порядкомъ продѣлываются всѣ приемы обработки льна; наконецъ, дочери, во время работы, начинаютъ заглядывать на парней и вдругъ озадачиваютъ мать новою просьбою:

Научи меня, мати,
Съ молодецмъ гуляти!

Мать сердится и грозитъ дочерямъ побоями, но онѣ ея не слушаютъ и уже не ждутъ наставленій:

А я сама пойду,
Съ молодецмъ плясать буду,
Да вотъ такъ, да вотъ этакъ... ²⁾

Наконецъ, существуютъ игры, касающіяся юмористически различныхъ общественныхъ отношеній. Изображается, напримѣръ, любовь холопа къ господской дочери; томленія молодой чернички въ монастырской кельѣ: „Не мое бы дѣло къ обѣднѣ ходить, не мое бы

¹⁾ *Édéléstand Du Méril*, Hist. de la Comédie, I, 423—424; *Веселовскій*, о. с., 116.

²⁾ *Милневичъ*, Историч. вѣтуды, II, 245. Въ томъ же родѣ, но менѣе выразительны, малороссійскія игры: „Просо“ и „Макъ“ (*Чубинскій*, III, 49, 65).

дѣло молебны служить, только мое бы дѣло скакать, да плясать, только мое бы дѣло игрища собирать“; выводится на сцену игумень, у котораго сначала всѣ постригаются, а потомъ всѣ хотятъ разстригаться; черничка приглашаетъ подругъ повеселиться въ отсутствіе игумена:

Черничка мон,
Сестрички мон!
Попляшемъ.
Поскачемъ,
Мы безъ игумена свою,
Безъ канальи его.
Ужь игумень-то
Меня молодую стрижеть,
Во черную ряску класть.

По окончаніи этой пѣсни останавливаются и спрашиваютъ у стоящаго за стуломъ или скамейкою участника игры, изображающаго привратника: „Дома ли отецъ игумень?“ „Уѣхалъ въ городъ или село N“. Кругъ продолжаетъ вертѣться и нѣсколько разъ останавливается передъ привратникомъ съ тѣмъ же вопросомъ, пока тотъ не отвѣтитъ: „Пріѣхалъ“. Что онъ дѣлаетъ?“ „Въ баню пошелъ“. Далѣе слѣдуетъ отвѣтъ: „Легъ отдохнуть“. Тутъ играющіе поютъ уже очень тихо и, кончивъ пѣсню, возобновляютъ свой вопросъ: что дѣлаетъ игумень? „Всталъ и зоветъ на расправу“. При этомъ всѣ разбѣгаются, однако, вскорѣ потомъ подходятъ къ игумену поодиночкѣ. Игумень спрашиваетъ: „Ну, мать, (или сестра), что дѣлала?“ „Молилась, постилась, душою смирилась“. „А четки гдѣ?“ „Ахти, плясала да потеряла!“ Игумень бьетъ ее жгутомъ, пока она не убѣжитъ.

Другая подобная же игра напоминаетъ шутовской разговоръ холопа Аеоньки съ голымъ бариномъ: игумень не велѣлъ ни скакать, ни плясать, а велѣлъ Богу молиться, свиньямъ корму давать. Пропѣвъ пѣсню, хоръ спрашиваетъ стоящаго въ кругу: „Далеко ли нашъ игумень?“ Средній называетъ какой-нибудь городъ, подальше. Кругъ опять поетъ и приплясываетъ; по окончаніи пѣсни—тотъ же вопросъ. Средній называетъ городъ поближе. Далѣе игумень оказывается еще ближе, и наконецъ, у воротъ. На новый вопросъ хора средній отвѣчаетъ, что игумень пріѣхалъ. Всѣ клаются и средній спрашиваетъ: „Живы ли мои лошади?“ Хоръ отвѣчаетъ: „Наши живы, а ваши подошли.“ Такъ спрашиваетъ онъ обо всѣхъ домашнихъ животныхъ, и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, онъ спрашиваетъ: „Живы ли

мои свиньи?" Хоръ отвѣчаетъ: „Наши живы, ваши подохли“—и выигръ разбѣгается, а разсерженный игумень хватается кого-нибудь и ставитъ въ кругъ, на свое мѣсто. Затѣмъ игра продолжается тѣмъ же порядкомъ ¹⁾).

Изъ этого бѣглаго обзора драматическихъ элементовъ нашей народной поэзіи видно, что въ старое время у насъ были въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы простымъ, естественнымъ путемъ дойти до своеобразной обработки театральныхъ зрѣлищъ. Въ народѣ жива была потребность такихъ зрѣлищъ, процвѣтало скоморошное художество, существовали кукольные комедіи и т. д.; словомъ, народъ былъ очень расположенъ къ сценическому дѣлу и въ самой своей жизни, въ своихъ праздничныхъ обрядахъ и играхъ, имѣлъ весьма достаточные матеріалы для того, чтобы устроить это дѣло по собственному плану или, по крайней мѣрѣ, по собственному характеру. Недоставало только одного — свободы дѣйствія, хотя бы и не полной, но только допущенной закономъ, чтобы не казалась эта свобода грѣхомъ и беззаконіемъ. Между тѣмъ, руководители русскаго общества въ продолженіе всего древняго и средняго періода нашей литературы и образованности постоянно относились отрицательно ко всякому проявленію народнаго веселія, фантазіи, поэтическаго творчества, строго осуждая его, какъ поганство, какъ язычество, какъ служеніе дьяволу, и усердно стараясь его искоренить. Если, не смотря на многовѣковое преслѣдованіе „бѣсовскихъ игрищъ“, они все-таки уцѣлѣли, въ силу присущей народу живучести, то развитіе ихъ было, тѣмъ не менѣе, крайне затруднено, если не вовсе остановлено. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, благодаря особенностямъ нашей культуры, мы далеко отстали отъ западной Европы, гдѣ народная поэзія получила широкое развитіе и давно уже сдѣлалась важною живущею силою въ литературѣ. У насъ нѣкоторая возможность дальнѣйшаго движенія въ области народнаго драматизма явилась только тогда, когда старый византійско-церковный авторитетъ, тяготѣвшій надъ народною жизнью, уступилъ свое мѣсто новому авторитету—свѣтской государственной власти, которая стала относиться къ проявленіямъ народнаго веселія уже снисходительнѣе, наблюдая за ними лишь съ точки зрѣнія внѣшняго полицейскаго порядка. Но въ это время, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, наша литература не давала народному творчеству

¹⁾ Изъ рукописныхъ матеріаловъ *П. В. Шейна*. За дозволеніе воспользоваться ими приносимъ искреннюю благодарность почтенному собирателю.

почти никаких точек опоры, потому что въ литературѣ почти не было самостоятельныхъ поэтическихъ элементовъ. Оттого взаимодействіе между книжною и народною словесностью было весьма слабо, обнаруживаясь лишь случайно, спорадически и не могло создать удобной почвы для самостоятельнаго развитія драмы и театра. Это и было причиною, почему, при первомъ же оживленіи потребности въ зрѣлищахъ, за ними пришлось обратиться на западъ и принять тѣ отбросы европейской драматической литературы, которые были вынесены къ намъ отдаленными волнами цивилизаціи.

II.

Русскіе люди, которымъ случалось въ старину бывать за рубежомъ, въ своихъ разказахъ о различныхъ заморскихъ диковинкахъ изрѣдка сообщаютъ нѣкоторыя подробности и о видѣнныхъ ими театральныхъ представленіяхъ. Разказы этого рода въ нашей до-петровской литературѣ малочисленны и скудны. Самый ранній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе обстоятельный и осмысленный изъ нихъ приписывается Суздальскому епископу Авраамію, который въ 1437—1439 гг., вмѣстѣ съ суздальскимъ же священникомъ Симеономъ, сопровождалъ митрополита Исидора въ Феррару и на Флорентійскій соборъ и оставилъ замѣчательное описаніе этой поѣздки. Изъ этого произведенія мы имѣемъ три отрывка: въ первомъ ¹⁾ кратко разказывается о видѣнной авторомъ въ Любекѣ, въ одной изъ церквей, движущейся (по всей вѣроятности, кукольной) картинѣ поклоненія волхвовъ; во второмъ ²⁾ подробно изложена представленная во Флоренціи мисте-

¹⁾ *Древн. Росс. Визл.*, 2-е изд., VI, 32. По краткости этого отрывка, выпишемъ его цѣликомъ: „И увидѣхомъ ту мудрость недоумѣнну и неслезанну: простѣ, яко жина, стоить Пречистая и Спаса держитъ на рудѣ младенечнымъ образомъ; и зазвеняше колокольчикъ, и слетитъ ангелъ сверху, и снесетъ вѣнецъ въ рукахъ, и положить на Пречистую; и понде звѣзда, яко по небу, и на звѣзду зряще идяху волсви три, а предъ ними человекъ съ мечемъ, а за ними человекъ съ товаромъ; и внесоша дары Христу — золото, ливанъ и смирну, и придоша ко Христу и Богородицѣ, и поклонилисѣ; и Христосъ обратися и благослови ихъ, хотяще руками взяти дары, яко дѣтя, играя у Богородицы на рукахъ; они же поклонилисѣ и отдаша; и ангелъ возлетѣть горѣ и вѣнецъ взя“. Ср. рукоп. Имп. П. Библиотеки, изъ собр. Погодина, № 1557.

²⁾ *Древн. Росс. Визл.*, 2-е изд., XVII, 178—185; *А. Поповъ*. Обзоръ древнерусскихъ полемич. сочиненій противъ латинянъ, 400—406; рук. Имп. П. Библиотеки

рія Благовѣщенія; третій отрывокъ ¹⁾), служащій непосредственнымъ продолженіемъ втораго, заключаетъ въ себѣ столь же подробный разказъ о мистеріи Вознесенія.

Авторъ описанія былъ чрезвычайно заинтересованъ этими зрѣлищами, совершенно необычными для русскаго человека того времени; разказывая о нихъ, онъ тщательно отмѣчаетъ всѣ, даже и мелкія, подробности видѣннаго — размѣры храма, въ которомъ была представлена мистерія, длину и ширину помоста, описываетъ одежду дѣйствующихъ лицъ, рисунковъ занавѣси, объясняетъ замысловатое устройство сцены, машинъ и декораций; при этомъ, онъ относится къ видѣнной имъ „нѣмецкой хитрости“ безъ всякаго религіознаго предубѣжденія, какое такъ естественно было бы встрѣтить со стороны русскаго духовнаго лица XV столѣтія. Напротивъ, говоря о дѣйствующихъ лицахъ мистеріи, онъ постоянно прибавляетъ, что они своимъ виѣшнимъ видомъ „учинены въ подобіе о всемъ по древнему, яко-жь пишутъ ихъ“ (то-есть, на иконахъ); подробно излагая ходъ дѣйствія, приводитъ отрывки изъ текста пьесы, и вообще старается, по мѣрѣ своего разумѣнія, наглядно познакомить читателя съ этими церковными представленіями: „елико можяхомъ своимъ малоуміемъ виѣстити, — написяхомъ, якоже видѣхомъ; иного же не мощно исписати, зане пречюдно есть отнюдь и несказанно“. По всему видно, что мистеріи произвели на русскаго зрителя сильное, чарующее впечатлѣніе, и что онъ разпрашивалъ о ихъ содержаніи, стараясь выискать во всѣхъ подробности зрѣлища.

Обстоятельный разказъ Авраамія о мистеріи Благовѣщенія далъ возможность отыскать въ италіанской драматической литературѣ XV вѣка, по всей вѣроятности, ту самую пьесу, которую онъ видѣлъ во Флоренціи, въ монастырѣ св. Марка. По указанію А. Н. Веселова

Погод., №№ 1571, 1952. Начало: „Во ерязской землѣ, въ градѣ Флоренцѣ, въ нѣмъ чловѣкъ хитръ, родомъ ерязявъ, устрои дѣло хитро и чюдно во образѣ по всему и по подобію искоженіе съ небесѣ архангела Гавріила въ Назаретъ, въ дѣвницѣ Маріи, благовѣстити зачатіе едиnorodнаго Слова Божіа“.

¹⁾ *Востоковъ, Опис. рукоп. Рум. Муз., № 246. Тихонравовъ, въ Вѣстн. Общ. древне-русс. искусства, 1874—1876 (съ франц. переводомъ); рук. Инст. П. Библиотеки, Погод., №№ 1571, 1572. Начало: „Се же ино чюднѣйше видѣніе видѣхомъ въ томъ же преименитомъ градѣ Флорентіи: въ церкви Вознесенія... на самыя праздниакъ тоѣ владыченъ, воспоминовеніе творяху латыня, и въ подобіе о всемъ по древнему, яко Господу нашему Іисусу Христу вознесиася со славою ко Отцу на небо“.*

скаго ¹⁾. всего ближе подходит къ этому описанію *Rappresentazione della Annunziata di Nostra Donna*, приписываемая Feo Belcari и напечатанная въ сборникѣ D'Ancona: *Sacre Rappresentazioni del secoli XIV—XVI* (т. I, 168—181). Мистерія, видѣнная Аврааміемъ, начиналась преніемъ пророковъ о Спасителѣ: „дѣ чловѣки съ великими брадами, и главніи власи има по плещема лежаху... и по всему наряжени въ подобіе яко пророцы... явятся на томъ помостѣ, держа въ рукахъ своихъ разная писмена... и начнутъ скоро ходити по мосту тому сѣмо и овамо, кійждо позирая на свое писаніе... и начнутъ межн собою которатися... и стязаются межн собою яко полчаса“.

Италянская пьеса начинается обращеніемъ ангела къ зрителямъ:

Voi eccellenti e nobili auditori.
 Ch'ipossa annunziar di questa essenza
 Verbo incarnato, ver figlinol di Dio,
 Il qual fu pien di somma sapienza,
 Annunziocci la via del disio:
 Chi ha a risponder parli con dovere,
 E i profeti diranno il lor parere.

Затѣмъ на сцену являются пророки и сивиллы; ангелъ вызываетъ ихъ по одиночкѣ, и каждый пророчествуетъ о Христѣ (въ „аврааміевскомъ“ разказѣ пророковъ только четверо, а сивиллъ нѣтъ вовсе; здѣсь же—семнадцать пророковъ и семь сивиллъ; можетъ быть, эта сцена мистеріи была сокращена при постановкѣ). Въ дальнѣйшемъ италянская пьеса совершенно совпадаетъ съ разказомъ русскаго путешественника. По окончаніи пророчествъ, Марія произноситъ молитву; небо разверзается, и Богъ Отецъ ниспосылаетъ архангела Гавріила, чтобы возвѣститъ Маріи благую вѣсть. Въ это время хоръ ангеловъ поетъ хвалебную пѣснь (*lauda*): „малы дѣти окрестъ его въ бѣлыхъ ризахъ, рекше небесныя силы, овѣи стояху, а инѣ въ кимвалѣ бѣаше, а инѣи въ прегудницы и въ пищали играху; о всемъ есть великое то видѣніе чюдно и радостно и отнюдь несказанно“ ²⁾. Архангелъ

¹⁾ *Italianische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrh. Russ. Revue*, Bd. X (1881), 425—441. Пр. Веселовскій предполагаетъ, что мистерія Благовѣщенія была представлена въ церкви *Annunziata* въ монастырѣ *dei servi di Maria*; но въ рукописи *Пог. № 1571* мѣсто дѣйствія указано: „въ монастыри церкви святаго апостола Марка“.

²⁾ Ср. подобное же описаніе декораціи небесъ въ дѣпской мистеріи *Успенія* (*mitourie de la mi-août*) у *Magnin*, *Histoire de marionettes en Europe*. P. 1852, p. 118.

сходить съ небесъ: „ангелъ же той учиненъ есть отрокъ чистообразенъ и кудравъ, и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ, и повсюду златомъ украшенъ... и о всемъ видѣніе его подобно яко написаннаго по всему ангела Божія“. Приближаясь къ Св. Дѣвѣ архангелъ обращается къ ней съ евангельскимъ привѣтствіемъ: Ave Maria и проч. Слѣдуетъ разговоръ, почти дословно переданный въ Аврааміевомъ описаніи. Сказавъ: „Ecce ancilla Domini, fiat mihi Secundum verbum tuum“. Maria становится на колѣни, поднимаетъ взоръ къ небу и говоритъ „Magnificat anima mea Dominum“ и пр. Ангелы, воспѣвая хвалебную пѣснь въ терцинахъ (terzale), возносятся на небо: „ангелъ же иде къ самому верху радуся... просто и чисто видѣти, яко ему леташу... и запоны вси по прежнему затворятся“ ¹⁾. Мистерія, видѣнная Аврааміемъ, оканчивалась фейерверкомъ („огнь же болма начнетъ отъ верхняго того мѣста исходити по всей церкви той и смѣтиса съ великимъ и страшнымъ гремѣніемъ“): пьесы à grand spectacle, съ машинами и потѣшными огнями, вообще были въ большой модѣ въ Италіи въ эпоху Возрожденія. Летаіе вверхъ и внизъ на искусственныхъ машинахъ, составлявшее главную прелесть всѣхъ зрѣлищъ, было здѣсь, по видимому, въ гораздо большемъ употребленіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было; у флорентинцевъ попадаются даже въ XIV столѣтіи шутивыя рѣчи, если дѣло не совсѣмъ удавалось. Брунеллеско изобрѣлъ для праздника Благовѣщенія на Piazza S.-Felice необыкновенно искусный аппаратъ небеснаго шара, окруженнаго двумя гирляндами ангеловъ, съ котораго Гавріилъ въ миндалеобразной машинѣ спускался на землю, и т. д. ²⁾. Вообще, духовныя братства, принимавшія на себя заботы о сценическихъ представленіяхъ, старались обставить ихъ всею роскошью, пользуясь всевозможными средствами искусства.

Что касается до мистеріи Вознесенія, описаніе которой обыкновенно помѣщается въ рукописяхъ въ видѣ особой статьи подъ заглавіемъ: „Повѣсть нѣкоторая, сказаніе о преименитомъ градѣ Флорентин“, то ея италіанскій оригиналъ трудноѣ поддается опредѣленію. Впрочемъ, такъ какъ по содержанію своему эта мистерія гораздо проще и короче Благовѣщенской и представляетъ не болѣе, какъ простое сценическое воспроизведеніе евангельскаго разказа, то съ вѣроятностью можно предполагать, что это была указанная Клейномъ (IV, 206) Rappresentazione dell'Ascensione, авторомъ которой также считается Feo Belcari.

¹⁾ Ср. еще Klein, Gesch. d. Drama's, IV, 199.

²⁾ Бурхардтъ. Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. С.-Пб. 1876, стр. 331.

Разказы, приписываемые Авраамію, видимо интересовали русских грамотных людей XVI—XVII вв., такъ какъ списки ихъ довольно часто попадаются въ рукописяхъ этой эпохи ¹⁾. Необычность этого „чуждаго видѣнія“, наглядность и простота описанія, подробное объясненіе хода дѣйствія и всего устройства сцены, все это, конечно, должно было нравиться читателямъ и возбуждать ихъ любопытство, тѣмъ болѣе, что другаго подобнаго разказа во всей нашей старой письменности не было.

Только двѣсти лѣтъ спустя послѣ Флорентійскаго собора встрѣчаемъ упоминаніе о спектакляхъ при дворѣ Польскаго короля. Въ 1635 г. былъ посломъ въ Польшѣ бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ-Ярославскій, который, между прочимъ, „былъ у короля на потѣхѣ, а потѣха была, какъ приходилъ къ Іерусалиму ассирійскаго царя воевода Алафернъ и какъ Юднѣ спасла Іерусалимъ“ ²⁾. Посолъ упоминаетъ объ этой піесѣ только мимоходомъ и не даетъ никакихъ свѣдѣній о представленіи; а между тѣмъ, уже не особенно далеко было то время, когда піеса такого же содержанія появилась на сценѣ московскаго театра... Въ 1637 г. въ Польшѣ были московскіе послы Простевъ и Леонтьевъ, и при королевскомъ дворѣ опять была „комедія, по русски потѣха“, о которой послы не сообщаютъ уже рѣшительно никакихъ свѣдѣній, а говорятъ только о томъ, какъ они радѣли о государевой чести, настаивая, чтобъ ихъ посадили ближе къ королю, чѣмъ папскаго легата ³⁾. Вопросъ о мѣстахъ занималъ ихъ, очевидно, гораздо больше, чѣмъ, вопросъ о томъ, какую именно „потѣху“ придется имъ смотрѣть; во всякомъ случаѣ, эту „потѣху“ они считали дѣломъ, о которомъ имъ не умѣстно упоминать въ официальномъ отчетѣ о своей повѣздкѣ.

Въ 1658 году указалъ государь дворянину и Боровскому намѣстнику Василію Богдановичу Лихачеву да дьяку Ивану Ошину быть у Флоренскаго князя Фердинанда,—въ томъ самомъ „пріемнитомъ градѣ Флорентинъ“, о чудесахъ котораго разказывалъ, за 220 лѣтъ передъ тѣмъ, Суздальскій епископъ. Какъ тогда, такъ и теперь, заѣзжему русскому человѣку привелось видѣть театральныя представ-

¹⁾ Намъ извѣстно девять такихъ епископовъ: 1) въ рук. XVI в., напечатанный А. Поповымъ; 2) Моск. Синод. Библіотеки № 272; 3) Новиковскій; 4) Румянцовскій; 5) Тихонравовскій; 6—9) Погодинскіе №№ 1557, 1571, 1572, 1952. По всей вѣроятности, найдется и еще нѣсколько.

²⁾ *Соловьевъ*, IX, 248.

³⁾ *Соловьевъ*, IX, 261.

ленія, но уже не въ церквахъ (времена мистерій миновали), а на придворной княжеской сценѣ: „Комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ“, повѣствуетъ посолъ, но описываетъ только одну, и то такъ кратко и сбивчиво, что изъ его описанія можно сдѣлать только одинъ выводъ: была представлена—актерами или маріонетками, сказать трудно,—какая-то пьеса мифологическаго содержанія съ балетомъ и шутовскою интермедіей въ концѣ; изъ содержанія этой пьесы Лихачевъ рѣшительно ничего не понялъ и объясненіями, очевидно, не интересовался, оттого его разказъ и вышелъ дѣтски-наивнымъ и спутаннымъ: „Объявились палаты, и бывъ палата, и внѣзъ уйдетъ, и того было шесть пережѣвъ; да въ тѣхъ же палатахъ (!) объявилось море, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ...да спускался съ неба на облакѣ сѣдъ человекъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица; а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ“... „Аргамачки“ остановили на себѣ вниманіе посла, и онъ обратился къ князю съ вопросомъ, что эта за люди на нихъ выѣхали: „а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ“. Другой его вопросъ касался стоимости этой „потѣхи“; ему отвѣчали, что стала-де она въ 8000 ефимковъ, и что такая же комедія послана въ даръ къ Испанскому королю, какъ сынъ у него родился. Этими объясненіями русскій посолъ совершенно удовольствовался и уже не считалъ нужнымъ входить въ какія-либо другія подробности, ограничившись простымъ замѣчаніемъ, что „многія диковинки дѣлали“... 1).

Для полноты этого перечня русскихъ путешественниковъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ западнымъ театромъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1668 г. былъ въ Парижѣ русскій посланникъ Потемкинъ, который, виѣстѣ съ своимъ сыномъ и всею свитою, провелъ въ театрѣ два вечера сряду. Въ первый вечеръ была представлена комедія: „Coups de l'Amour et de la Fortune“, во второй—„Амфитріонъ“ Мольера, съ участіемъ самого автора. Посланникъ и его сынъ остались очень довольны театромъ, но замѣчательно, что въ статейномъ спискѣ Потемкина, гдѣ описано даже, какъ арабъ-волтижеръ скакалъ на лошади въ королевскомъ саду, о Мольерѣ и его комедіи не сказано ни слова 2).

1) *Др. Росс. Визл.*, 2-е изд., IV, 350—351. Ср. любопытную статью г. Брикнера: „Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII столѣтіи“, въ *Русск. Вѣстникѣ* 1877, №№ 3 и 7.

2) *Пикарскій*, Наука и Лит., I, 388.

Такимъ образомъ, русскіе путешественники XVII столѣтія оказались гораздо менѣе внимательными къ видѣннымъ ими театральнымъ зрѣлищамъ и могли сообщить о нихъ гораздо менѣе подробностей, чѣмъ Суздальскій епископъ за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ. Объясненіемъ этого факта отчасти можетъ служить то обстоятельство, что Суздальскій епископъ, какъ человѣкъ религіозный, не могъ не интересоваться живымъ драматическимъ воспроизведеніемъ евангельскаго разказа „въ подобіе о всемъ по древнему“ и смотрѣлъ на мистерію съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ на дѣйствія богослужебныя, такъ что его любознательность была возбуждена виѣстъ съ чувствомъ религіознымъ,— между тѣмъ какъ наши послы XVII вѣка видѣли въ Польшѣ, во Флоренціи и во Франціи уже чисто-свѣтскія пьесы, къ которымъ и относились просто какъ къ „потѣхѣ“, не стоящей серьезнаго вниманія, и смотрѣли на нихъ точно также, какъ въ наше время сталъ бы смотрѣть не особенно любознательный крестьянинъ, случайно попавшій на представленіе италіанской оперы, которая ему совершенно недоступна ни по языку, ни по сюжету.

Въ то время, когда въ нашу литературу случайно попадали эти скудныя вѣсти о западномъ театрѣ, въ сосѣдней Польшѣ уже процвѣтали тѣ особаго рода представленія, которыя извѣстны подъ названіемъ школьной драмы и въ особенности культивировались іезуитскими коллегіями. Отсюда эти школьныя пьесы, о развитіи и содержаніи которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, перешли въ южную Русь, гдѣ стали заводиться училища по польскому типу. На сѣверо-востокѣ, въ Московскомъ государствѣ, ничего подобнаго не было; сюда еще не проникли, въ этой своеобразной формѣ, отголоски западной культуры; но за то здѣсь, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, мы видимъ попытки ввести нѣкоторый драматическій элементъ въ церковное богослуженіе, въ формѣ церковныхъ „дѣйствъ“, которыя являются слабымъ и отдаленнымъ отзвукомъ западныхъ мистерій. Что отдѣльныя попытки этого рода встрѣчались и ранѣе, на это указываетъ находящееся въ Златой Чѣпѣ, по троицкому списку XIV вѣка, запрещеніе „не печатати двери церковныхъ, якоже латина“ ¹⁾, поясняемое правиломъ русскаго (Московского) митрополита Зосимы (оставившаго митрополию въ 1508 г.), гдѣ объ этомъ предметѣ сказано подробнѣе: „А еже безумніи попы печатають съ народомъ двери царскіе въ вечерю суботы великіа, уже позде сущѣ, подобаяся жидомъ,—сего

¹⁾ Чтенія съ Общ. ист. и древн. 1846, № 2, отд. IV, стр. 46.

не подобаетъ творити“¹⁾). Очевидно, дѣло идетъ объ одномъ изъ тѣхъ богослужебныхъ обрядовъ, которые на Западѣ послужили основою для пасхальной мистеріи. Между тѣмъ какъ западный театръ развивался мало по малу изъ литургической драмы въ соединеніи съ элементами простонародной, гистріонской потѣхи, восходящей своимъ началомъ къ римскимъ ателланамъ,—у насъ церковь постоянно ратовала противъ бродячихъ народныхъ увеселителей—игрецовъ и скomorоховъ—и противъ всякихъ увеселеній, осуждая ихъ, какъ игры бѣсовскія; съ другой стороны, наше церковное богослуженіе, которое въ теченіе XIII—XVI столѣтій постепенно утрачивало свой старый, строгій чинъ и порядокъ, унаслѣдованный отъ Византіи, не допускало осложненій драматическими элементами.

Сама византійская церковь далеко не чужда была того направленія, которое на западѣ привело къ развитію богослужебныхъ зрѣлищъ. Въ первые вѣка христіанства сценическія представленія, каковаго бы то ни было содержанія, вообще безусловно отвергались духовенствомъ и предавались анаѣмѣ; самое слово *θεατρικόν*; сдѣлалось синонимомъ „еретическаго“ (*θεατρικά βιβλία*—еретическія книги). Одною изъ причинъ рѣшительнаго гоненія противъ драматической примѣси къ церковнымъ службамъ послужило то обстоятельство, что извѣстный ересіархъ Аріи сочинилъ и разыгрывалъ въ церкви какія-то дѣйства (*ἐφ'αντάσθη ἵνα εἰσαγάγῃ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦτο καὶ πλῆρες θεατρικὸν οὐσίτημα*). Но уже въ VI столѣтіи, а можетъ быть, и ранѣе взгляды на это дѣло, по видимому, измѣнились, и византійское духовенство, желая отвлечь народъ отъ языческихъ и аріанскихъ зрѣлищъ, стало устраивать въ церквахъ мистеріи, подобныя западнымъ. Въ апокрифическомъ сочиненіи *Περίοδοι τῶν Ἀποστόλων* говорится, что самъ Иисусъ Христосъ, незадолго до Тайной вечери, созвалъ своихъ учениковъ и устроилъ вмѣстѣ съ ними какое-то драматическое представленіе (*καὶ μετ' αὐτῶν παρέστησε θεατρικὴν τινα πράξιν*). Въ царствованіе императора Маврикія (591 г.), въ церкви Сорока мучениковъ во Влахернѣ разыгрывались дѣйства „о Богочеловѣкѣ“ (*θεανδρική μυστήρια*); далѣе упоминается мистерія 'Ο θάνατος τοῦ Χριστοῦ, „Исторія Сусанны“ и т. п.; позднѣе являются аллегорическо-нравоучительныя піесы, *moralités* (*ἡθικοποιαί*), какъ напримѣръ, *Musagium et Fortunae querimonia*, сочиненіе Михаила Πλοχαῖρου, и пр.²⁾. Наконецъ, совер-

¹⁾ Тихомировъ—Литоп. русск. лит., III, отд. II, стр. 17.

²⁾ Σίδας, Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντινῶν.

пенно аналогично тому, какъ это было на западѣ, въ литургическую драму мало по малу вторгается и простонародно-гигрионскій элементъ. По словамъ историка Кедрина (около 1050 года), Константинопольскій патріархъ Теофилактъ (+944) первый допустилъ въ церквахъ шутовскія игры: онъ собиралъ уличную чернь, которою предводительствовалъ нѣкто Евимій, по прозвищу Казри, и позволялъ ей устроить въ церквахъ „бѣсовскія пляски“ и распѣвать пѣсни, нарушая, такимъ образомъ, торжественный чинъ богослуженія. Двѣсти лѣтъ спустя, Антиохійскій патріархъ Вальсамонъ (въ своихъ толкованіяхъ на правила шестаго вселенскаго собора) жаловался на неблагоочинное поведеніе духовенства въ праздничные дни и порицалъ обычай клириковъ наряжаться и устроить маскарадныя шутки¹⁾. Подробности развитія церковно-драматической литературы въ Византіи вообще очень мало извѣстны; можно только сказать, что византійская церковь, пережившая цѣлое тысячелѣтіе трудной внутренней борьбы со всевозможными еретическими ученіями, самою этою борьбою была вызвана на отрицательное отношеніе къ старымъ поэтическимъ традиціямъ, и если послѣднія, время отъ времени, какъ бы снова оживали, то вскорѣ снова и падали подъ тяжестью строгой церковной проскрипціи и наконецъ совершенно заглохли²⁾. Такимъ образомъ, ко времени появленія христіанства на Руси, въ византійской церкви оставался, по всей вѣроятности, только одинъ обрядъ, связанный съ богослуженіемъ и заключающій въ себѣ нѣкоторую драматичность, именно — обрядъ или дѣйство „умовенія ногъ“ въ великій четвергъ, сохранившійся и до настоящаго времени. Этотъ обрядъ, установленный, какъ надо полагать, еще въ первые вѣка христіанства, перешелъ къ намъ, вѣроятно, одновременно съ общественнымъ богослуженіемъ³⁾, хотя мы и не имѣемъ свѣдѣній о совершеніи его ранѣе XVII столѣтія⁴⁾. Чинъ или порядокъ этого дѣйства представляетъ точное воспроизведеніе евангельскаго разказа. Дѣйствующими ли-

Ев Вест. 1878.—*Alt, Theater und Kirche*. Berl. 1846, стр. 344. Императоры-иконоборцы были горячими поклонниками театра, но въ то же время предавали огню литургическія драмы православныхъ; съ своей стороны, послѣ побѣды православія, отцы Никейскаго собора 787 г. предали анафемѣ и сожгли еретическія произведенія этого рода.

¹⁾ *Klein, Gesch. des Dramas*, IV, 25.

²⁾ *Σάδας*, *op. cit.*, 357—358.

³⁾ *Голубинскій*, *Ист. русск. церкви*, т. I, 2-я пол., стр. 327.

⁴⁾ *Древн. Росс. Визн.*, XI, 83—90.

пами являются—архіерей, изображающій собою Іисуса Христа, двѣнадцать священниковъ, изображающіе апостоловъ, и протодіаконъ, который, читая Евангеліе, представляетъ собою какъ бы хоръ мистеріи. Протодіаконъ читаетъ только повѣствовательныя мѣста евангельскаго текста; слова Спасителя произносятся архіереемъ, слова апостола Петра—однимъ изъ священниковъ. Предъ началомъ дѣйства архіерей и священники садятся на особо устроенномъ помостѣ, архіерей—по срединѣ, священники по шести—съ обѣихъ сторонъ. Протодіаконъ читаетъ: „Во время оно, вѣдый Іисусъ, яко вся дастъ ему въ руцѣ и яко отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ, возставъ съ вечера (архіерей встаетъ) и положи ризы своя (архіерей разоблачается и кладетъ ризы на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ), и приеъмъ лентіонъ препоясая, потомъ же влія воду въ умывальницу и нача умывати нозѣ ученикомъ и отирати лентіемъ, имъ же бѣ препоясанъ (архіерей исполняетъ все это по мѣрѣ чтенія). Прииде же къ Симону Петру, и глагола ему той“... Священникъ, изображающій апостола Петра, встаетъ и говоритъ: „Господи! ты ли мои умынешь нозѣ?“ Протодіаконъ (продолжаетъ) „Отвѣща Іисусъ и рече“... Архіерей: „Еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣши же по сихъ“. Протодіаконъ (продолжаетъ): „Глагола ему Петръ“, и т. д. По окончаніи умовенія ногъ, чтеніе Евангелія продолжается: „Еда умы Іисусъ нозѣ, пріявъ ризы своя (архіерей облачается), возлегъ паки (садятся) и рече имъ“ (архіерей дочитываетъ Евангеліе самъ). Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшею формою литургической драмы, ни на іоту не отступающей отъ евангельскаго текста и совершенно подобной древнѣйшимъ западнымъ „официямъ“, вошедшимъ въ составъ драмы Страстей Господнихъ ¹⁾“.

Въ XVII столѣтіи въ Москвѣ дѣйство умовенія ногъ совершалъ патріархъ въ сослуженіи съ двѣнадцатью архіереями. При этомъ, какъ видно изъ напечатаннаго Новиковымъ „Устава соборнаго“ ²⁾, между архіереями возникали иногда недоразумѣнія и споры, во первыхъ, изъ-за мѣстъ, кому гдѣ сидѣть по старшинству, и во вторыхъ, изъ-за того, что никто не хотѣлъ изображать собою Іуду, считая такую роль унизительною. Въ Уставѣ, подъ 1682 годомъ, читаемъ: „7190 года на умовеніи ногъ было дванадцать архіереевъ, по шести на сторонѣ,

¹⁾ Умовеніе ногъ въ немецкой драмѣ Страстей XIV в. см. у *Mone*, *Schauspiele des Mittelalters*, I, 99; ср. II, 256.

²⁾ *Др. Росс. Визл.*, XI, 89.

все равно сидѣли на скамьяхъ, мѣсто по прежнему не было; а въ Іудино мѣсто никого не было, оставилъ святѣйшій Іоакимъ патріархъ. О семъ должны благодарити Господа Бога, яко вразуми архипастыря нашего такихъ плевелъ исторгнути отъ среди соборныя великія церкви“.

Подобное же воспроизведеніе въ драматической формѣ евангельскаго разказа представляетъ дѣйство цвѣтоносія или хожденіе на ослати, совершавшееся въ Вербное воскресенье въ Москвѣ и другихъ городахъ (между прочимъ, въ Новгородѣ). Этотъ обрядъ, по всей вѣроятности, перешелъ къ намъ съ православнаго Востока уже въ позднѣйшее время и, по видимому, не былъ распространенъ повсемѣстно; извѣстія о его совершеніи не восходятъ ранѣе XVI столѣтія, подробныя же свѣдѣнія имѣются только отъ временъ патріаршества¹⁾. Съ особенною торжественностью и роскошною обстановкою происходило дѣйство цвѣтоносія въ Москвѣ, при участіи царя и патріарха. По „Чиновнику“ патріарха Іоакима (1675 г.), дополняемому разказомъ очевидца, Антиохійскаго патріарха Макарія, бывшаго въ Москвѣ въ 1653 и 1666 годахъ, обрядъ состоялъ въ слѣдующемъ:

Въ Вербное воскресенье, послѣ заутрени въ Успенскомъ соборѣ, патріархъ облачался въ большое облаченіе жемчужное и митру большую, а государь—во свой царскій санъ, и вмѣстѣ съ духовенствомъ выходили на площадь, гдѣ освящались и раздавались народу обычныя вербы; затѣмъ протодьяконъ читалъ Евангеліе отъ Марка (зачало 49) о входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, при чемъ все дѣйствіе, о которыхъ въ этомъ Евангеліи говорится, исполнялись патріархомъ и священниками; слова Іисуса Христа къ ученикамъ: „Идите въ весь, яже есть прямо вама“ и пр. произносились патріархомъ—изустно или „по столбчику“; при словахъ: „и приведоста жребя ко Іисусови“, къ патріарху подводили лошадь, покрытую бѣлымъ суконнымъ каптуромъ; при словахъ: „и всѣде на не“, патріархъ садился на лошадь, царь (а за отсутствіемъ его—ближній бояринъ) бралъ ее за поводъ, и процессія направлялась къ Покровскому собору (церковь Василия Блажнаго, гдѣ одинъ изъ главныхъ придѣловъ—Входоіерусалимскій) въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ отрядъ стрѣльцовъ; за нимъ везли огромное дерево изъ вербныхъ вѣтвей, украшенное изюмомъ, сахаромъ, яблоками (на тотъ же предметъ, какъ видно изъ расходныхъ книгъ патріар-

¹⁾ Забѣлинъ. Бытъ Русск. царей, 349; Снегиревъ, Русск. простонар. празднествъ, III, 161.

шаго приказа, употреблялись еще тюльпаны, рожи, подсолнечники, гвоздика, нарцисы, померанцы, дули, груши, сливы, рожки, виноградъ и вишни; на вербу сажали даже небольшихъ птичекъ, вѣроятно, чучела). Дерево это помѣщалось на двухъ скрѣпленныхъ между собою саняхъ; вокругъ него, по краямъ саней, были устроены лавки, на которыхъ сидѣли пѣвчіе, и всю дорогу пѣли тропарь св. Лазаря („Общее воскресеніе прежде твоея смерти увѣряя, воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже“, и пр.). За вербой ѣхалъ „на ослати“ патріархъ, съ крестомъ и Евангеліемъ, благословляя народъ; его окружало духовенство; стрѣлцкія дѣти, по пятидесяти съ каждой стороны, постилали подъ ноги лошади разноцвѣтныя сукна или одежды, и какъ скоро лошадь переходила черезъ чью-нибудь одежду, мальчики поднимали ее, бѣжали впередъ и постилали снова ¹⁾). Дойдя до церкви Василия Блаженнаго, процессія останавливалась, патріархъ и духовенство, съ государемъ и боярами, входили въ церковь, гдѣ совершалась служба празднику; затѣмъ шествіе, въ прежнемъ порядкѣ, возвращалось въ Кремль, къ Успенскому собору. Здѣсь патріархъ, сойдя съ лошади, благословлялъ вербное дерево; часть висѣвшихъ на деревѣ плодовъ раздавалась боярамъ, а на остальное набрасывался народъ, при чемъ каждый старался захватить себѣ вѣточку, такъ какъ существовало повѣрье, что эти вѣточки полезны отъ всякихъ недуговъ, въ особенности же отъ зубной боли ²⁾). Между тѣмъ, духовенство входило въ соборъ, гдѣ протодіаконъ дочитывалъ праздничное Евангеліе ³⁾).

Обряды, болѣе или менѣе близкіе къ дѣйству цвѣтоносія, совершались уже въ очень давнее время какъ на христіанскомъ, Востока,

¹⁾ „Сто человекъ ребятъ постилальниковъ стлали сукна подъ осли въ праздникъ входа въ Іерусалимъ, и жаловано имъ отъ св. патріарха по алтыну на человека“. Расходы по патріаршему приказу 1630 г.—„1622 г. апрѣля въ 14-й день, по государеву ниянному приказу дано государеву жалованье ребятамъ, которые стлали на вербное воскресенье передъ государемъ и передъ государевымъ отцемъ, передъ в. государемъ патріархомъ, однорядки по пути, Игнашкѣ Фролову съ товарищами, сту человекымъ, дано имъ государеву жалованье по однорядкѣ, цѣна 10 алтынъ однорядка“. Доп. къ дворц. разр., собр. И. Е. Забѣлинъ, въ *Чтеніяхъ въ Общ. Ист.*, 1883, кн. III. Ср. тамъ же, подъ 6-мъ апрѣля 1623 г., 6-мъ апрѣля 1628 г. и др.

²⁾ „Стрѣльцы все изломали, и цвѣты, и листы, и овощи расхватили, и на саняхъ сукно доброе изодрали“. Расх. патр. приказа.

³⁾ Чиновникъ патр. Іоакима во *Временникъ Общ. Ист.*, кн. 24 (1856), стр. 76; разказъ Макарія—въ журналѣ *Истина* 1874, т. 32, стр. 22—27; *Др. Росс. Визл.*, 2-е изд., VI, 222, 314; XI, 55—66; Акты Арх. Эксп., IV, 308; *Олеарій* (перев. П. Барсова. М. 1870), стр. 90—91.

такъ и на Западѣ. Въ Италіи, Германіи и Франціи процессія Вербнаго воскресенія (*Dominica palmarum*) была въ общемъ обычай еще во времена Карла Великаго; при этомъ иногда возили деревянныя изображенія возсѣдающаго на ослати Христа, украшенныя цвѣтами и вѣнками, иногда же вели живого осла, у котораго на сѣдлѣ помѣщался дискосъ съ св. дарами, какъ видимый символъ невидимо присутствующаго Христа. ¹⁾ Подобная же процессія существовала въ XVI и XVII вѣкахъ въ Польшѣ ²⁾. Что касается до Востока, то мы имѣемъ указанія, что нашъ обрядъ съ древняго времени совершался въ Іерусалимѣ; францисканецъ Каремъ, бывшій въ Палестинѣ въ началѣ XVII вѣка, описываетъ Іерусалимское хожденіе на ослати совершенно сходно съ нашимъ ³⁾. Константинопольскіе патріархи, участвуя въ крестномъ ходѣ, вообще не ходили пѣшкомъ, а ѣздили или на императорскихъ колесницахъ, или верхомъ на ослѣ. Олеарій, ссылаясь на одну старинную хроникъ, разсказываетъ, что императоръ Константинъ Мономахъ (XI вѣка), желая всенародно засвидѣтельствовать свое уваженіе къ патріарху Михаилу Келуларію, въ одной изъ такихъ процессій велъ за поводъ его лошадь. Наши патріархи, при своемъ вступленіи на патріаршій престолъ, въ продолженіе трехъ дней съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ объѣзжали „на ослати“ всю Москву. При этомъ за поводъ держали бояре. Подобный же обрядъ, заимствованный, конечно, изъ Византіи, исполнялся во времена патріаршества и новопоставленными архіереями ⁴⁾.

На основаніи этихъ данныхъ съ вѣроятностію можно заключать, что обрядъ хожденія на ослати въ Вербное воскресенье появился у насъ не задолго до установленія патріаршества, по примѣру церквей православнаго Востока, и затѣмъ вошелъ въ обычай и распространился во времена патріаршества вслѣдствіе желанія увеличить благолѣпіе и торжественность патріаршей и архіерейской службы. Повсемѣстное распространеніе этого обряда, однако, уже въ концѣ XVII столѣтія вызвало сомнѣнія и нѣкоторые ограничительныя мѣры. Въ мартѣ 1678 года патріархъ Іоакимъ созвалъ соборъ съ цѣлію разыскать

¹⁾ *Seigel*, *Handl. der christlich-kirchlichen Alterthümer*, IV, 172; *Alt*, *Theater und Kirche*, 348.

²⁾ *Wojcicki*, *Teatr starożytny w Polsce*, I, 205.

³⁾ *Голубинскій*, *Ист. Русск. цркви*, I, 2-я пол., 329; *Снегиревъ*, *op. cit.*, III, 172.

⁴⁾ *Др. Росс. Визл.*, VI, 245—261; Патріаршіе выходы—въ *Чтеніяхъ* 1869, кн. II, стр. 9—11.

церковный уставъ этого хожденія, „или поне преданія того начальника, или время, когда и коею начаса виною“. Изъ разпросовъ и по справкамъ въ церковныхъ и лѣтописныхъ книгахъ „ни малѣйшее того дѣйствія обрѣтеси воспоминаніе“, вслѣдствіе чего соборъ и заключилъ, что оно ввелось въ нашей церкви „не отъ древнихъ вѣкъ, но мало прежде нашего житія, во время мятежное, бывшу въ государствѣ семъ смятенію великому“. Соборъ призналъ необходимымъ допустить совершеніе этого дѣйства въ одной только Москвѣ и только самимъ патріархомъ, въ другихъ же городахъ совершенно его запретить, какъ нововведеніе, подающее поводъ къ соблазну ¹⁾. Съ уничтоженіемъ патріаршества само собою прекратилось и это дѣйство.

Если обрядъ умовенія ногъ представляетъ собою не болѣе, какъ литургическую оффицію, то въ дѣйствѣ хожденія на ослати нельзя не замѣтить нѣкотораго распространенія и дополненія подобной же оффиціи вишними элементами, осложняющими ее: здѣсь является и крестный ходъ по улицѣ, при торжественной обстановкѣ, и украшенное вербное дерево и т. п. подробности, которыя придаютъ обряду болшую картинность. Но, съ другой стороны, эти подробности не заключаютъ въ себѣ ничего драматическаго и приближаютъ наше дѣйство скорѣе къ такъ-называемой *mystère mimé*, нежели къ духовной драмѣ.

Гораздо болѣе смѣлую попытку церковной драмы, съ участіемъ, до извѣстной степени, гистріонскаго элемента, представляетъ пещное дѣйство, совершавшееся передъ Рождествомъ, въ недѣлю св. отецъ, а когда Рождество приходилось въ понедѣльникъ или во вторникъ, то въ недѣлю св. праотецъ. Этотъ оригинальный обрядъ уже много разъ описывался въ нашей литературѣ ²⁾, такъ что, не повторяя общезвѣстнаго разказа, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ характерныхъ его подробностяхъ.

Какъ и другія церковныя дѣйства, пещной обрядъ тѣсно связанъ съ церковною службою и чтеніемъ соотвѣствующихъ мѣстъ изъ книги про

¹⁾ *Др. Росс. Визл.*, VI, 357—362; Сборникъ Моск. сн. библ., по указателю арх. Савом, № 684, стр. 235—236.

²⁾ *Др. Росс. Визл.*, VI, 183—186, 363—389; *Истина* (журналъ), т. XXXII, стр. 28—39 (чинъ дѣйства по Филаретовскому Потребнику 1625 г.); *Н. Суворовъ*, Описаніе Вологодскаго каеед. собора. М. 1863. стр. 131—138; *Извѣстія Имл. Археологич. Общества*, I, 373—375; II, 239—244; III, 36; *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв. С.-Пб. 1860, стр. 150—152.

рока Даниїла (III, 1—94); дѣйствующими лицами являются три отрока—Аванія демественникъ (то-есть, альтъ), Азарія нижникъ (басъ) и Мисаилъ вершникъ (дискантъ); во все время дѣйствія они ничего не говорятъ, а только поютъ библейскіе стихи и, слѣдовательно, являются, такъ сказать, лишь пассивною иллюстраціей библейскаго разказа. Активными участниками дѣйства были два халдея, роль которыхъ составляла оригинальную часть этой церковной драмы: они грубо, съ ухваткою и шутками палачей, хватаютъ отроковъ и толкаютъ въ печь, громко расхаживаютъ вокругъ, „примѣриваясь пальмами“, раздуваютъ огонь, мечутъ изъ желѣзныхъ трубокъ „плавучую траву“ (плаунъ) и, при неожиданномъ появленіи ангела, въ ужасѣ падаютъ ницъ; затѣмъ, оставаясь вѣрными характеру своей роли, они выводятъ отроковъ изъ печи съ тѣми же словами, съ какими и вводили ихъ туда: „гряди нонъ изъ печи! ну, чего сталъ? поворачивайся! нейметъ васъ огонь, ни смола, ни сѣра, мы чаяли—васъ сожгли, а мы сами сгорѣли“. Словомъ, эти халдеи совершенно аналогичны съ тѣмъ типомъ вонновъ, слугъ, вѣстниковъ, который такъ обыченъ въ средневѣковыхъ французскихъ и нѣмецкихъ мистеріяхъ. Шутовской характеръ халдеевъ еще рѣзче подчеркивается тѣмъ, что они во все время святокъ не снимали своего халдейскаго платья и такимъ образомъ уже въ качествѣ ряженныхъ „окрутниковъ“, бѣгали по улицамъ со своею „плавучею травою“, подпаливая у встрѣчныхъ бороды. Какъ и другіе окрутники, халдеи считались нечистыми, и въ день Крещенія должны были купаться въ проруби, чтобы смыть съ себя грѣхъ бѣсовской потѣхи. Въ половинѣ XVII вѣка это бѣганье халдеевъ съ потѣшнымъ огнемъ по улицамъ было въ Москвѣ запрещено. По свидѣтельству Олеарія ¹⁾, они одѣвались, какъ масляничные шуты (Fastnachtsbrüder); изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что халдейское платье было короткополое, называлось юпами и шилось изъ краснаго сукна, съ оплечьями изъ выбойки. Въ средневѣковой Европѣ въ красное одѣвался палачъ при исполненіи своей кровавой обязанности; у насъ красный цвѣтъ издавна слыветъ любимую принадлежностью дурака. Извѣстно также, что въ средніе вѣка обязанности палача возлагались иногда на шутовъ, съ цѣлью усилить позоръ казни площаднымъ глумленіемъ надъ осужденнымъ. На головѣ у халдеевъ были коническія шапки (турики)—деревянные или кожаные, опушенные заячьимъ мѣхомъ или горностаемъ; онѣ раскрашивались и золоти-

¹⁾ Олеарій, пер. П. Барсова (М. 1870), стр. 314—315.

лись. Отроковъ одѣвали въ стихари, шитые изъ тонкаго, вѣроятно бѣлаго, полотна, съ оплечьями и перерукавьями изъ цвѣтной бархаты, съ „источниками“ изъ крашенныя и такими же подпушками. На головахъ у нихъ были вѣнды съ мѣдными литыми крестами; по понятіямъ XVII вѣка, эти ветхозавѣтные отроки отождествлялись съ христіанскими мучениками; соотвѣтственно такому представленію о нихъ, и халден въ заключеніе восклицали: „Великъ Богъ христіанскій“

Вопросъ о происхожденіи печнаго дѣйства можетъ быть рѣшенъ только предположительно, потому что данныя, имѣющіяся въ распоряженіи изслѣдователя, крайне скудны и недостаточны. Мы знаемъ, что дѣйство совершалось въ половинѣ XVI в. въ Новгородѣ ¹⁾; въ XVII вѣкѣ видимъ его въ Вологдѣ и въ Москвѣ; вѣроятно, совершалось оно и въ другихъ городахъ, но относительно этого мы не имѣемъ указаній, точно также, какъ и относительно того времени, когда оно появилось у насъ впервые. Проф. Голубинскій, въ своей Исторіи Русской церкви, замѣчаетъ, что въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 годомъ упоминается воевода одного князя Иванъ Халдѣвичъ, и на этомъ основаніи заключаетъ, что печное дѣйство уже было извѣстно у насъ въ XII вѣкѣ; но такое заключеніе едва ли можно принимать серьезно. Изъ сочиненія Солунскаго архіепископа Симеона († 1430) „Dialogus adversus haereses“ ²⁾ видно, что подобный нашему обрядъ совершался въ XV (а можетъ быть, и въ XVI) вѣкѣ въ греческихъ церквяхъ; но изъ словъ Симеона слѣдуетъ заключить, что греческій обрядъ былъ проще нашего, и что халден въ немъ не участвовали. „Мы освѣщаемъ печь восковыми свѣчами“, говоритъ Солунскій архіепископъ, — „и кадимъ по обычаю ладономъ; ангела только подразумеваемъ, а не спускаемъ сверху живаго человѣка, (въ нашемъ дѣйствѣ спускалась сверху фигура ангела, вырѣзанная изъ кожи и разрисованная съ обѣихъ сторонъ); мы только ставимъ трѣхъ отроковъ, которые и воспѣвають пѣснь по преданію“, и т. д. Такимъ образомъ, если печное дѣйство, въ первоначальномъ своемъ видѣ, то-есть, въ видѣ простой церковной оффиціи, и заимствовано нами отъ грековъ, то діалогическая его часть и фигуры халдеевъ явились изъ другаго источника и, по всей вѣроятности, съ Запада,

¹⁾ Первое упоминаніе о *халдеяхъ* находимъ въ приходе-расходной книгѣ новгородскаго архіепископскаго дома подъ 1548 годомъ. См. *Извѣстія Археол. Общ.*, III, 31.

²⁾ *Migne, Patrol.*, t 155 (græc.), p. 113.

черезъ Новгородъ. Исторія трехъ отроковъ во французской драматической литературѣ составляла часть огромной „мистеріи пророковъ“ (*mystère des prophètes*); она изображалась и на картинкахъ лицевой Библии. Во Псковѣ, въ городской единовѣрческой церкви, построенной въ 1669 году, на желѣзныхъ кованыхъ дверяхъ прибито семь иѣдныхъ досокъ съ вырѣзанными на нихъ изображеніями: четыре доски представляютъ плѣненіе вавилонское и текстомъ къ нимъ служить псаломъ 136 („На рѣкахъ вавилонскихъ“), а три остальные — исторію отроковъ. На первой изъ нихъ читаемъ: „Егда постави наводноносор царь тѣло златое на поле деіре тогда приведе трехъ ѿроко́въ ананію азарію и мисаила і повеле имъ поклонитисѧ ѡниже не поклонішасѧ“. Картина представляетъ идола; предъ нимъ — трубачъ трубить въ огромный рогъ; противъ идола — царь на тронѣ, окруженный воинами; весь народъ лежитъ ничкомъ; три отрока стоятъ. На второй доскѣ представлены царь, воины и отроки: „И ѡклеветани быша царю яко повелѣніѧ его не слѣшаю і богѣ некланяюсѧ то́да ра́гнѣвасѧ на нѣ“ царь“. На третьей изображена печь; въ ней — отроки и ангелъ; около печи — павшіе ницъ халдеи: „Егда ра́гнѣвасѧ на нѣхъ царь повелѣ іхъ всадити вшещъ ѡгнемъ горящѣю“. Совершенно такія же семь картинокъ и съ тѣмъ же текстомъ были награвированы М. Нехорошевскимъ (во второй половинѣ XVIII в.) на одномъ листѣ и воспроизводились нѣсколько разъ въ числѣ народныхъ лубочныхъ картинокъ ¹⁾.

Не имѣя возможности опредѣлить, когда именно появилось у насъ печное дѣйство, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній и о томъ, когда оно было исключено изъ церковнаго обихода. Можно предполагать, что это произошло въ половинѣ XVII вѣка, такъ какъ въ источникахъ, относящихся ко второй половинѣ этого столѣтія, печное дѣйство уже не упоминается. Въ эпоху рѣшительной борьбы противъ нахлынувшихъ на Москву новыхъ вѣяній, обрядъ, въ которомъ западное вліяніе отразилось довольно рѣзкими и своеобразными чертами, естественно долженъ былъ показаться неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что ради этого обряда въ православный храмъ вводились ряженые шуты. Симеонъ Полоцкій воспользовался печнымъ дѣйствомъ для своей „Комедіи о царѣ Навуходоносорѣ“, гдѣ библейскій сюжетъ обработанъ по правиламъ латино-польской цѣнтики, но конечно, уже

¹⁾ *Истина*, 1874, кн. XXXII; *Ровинскій*, Русск. народн. картинки, т. III, стр. 67, № 1633.

не для церкви, а для подмостокъ школьнаго театра, принесеннаго въ Москву учеными кievскими монахами.

Такимъ образомъ, и въ области церковнаго богослуженія русская культура не представляла тѣхъ условій, какія содѣйствовали на западѣ широкому развитію богослужебной драмы въ мистерію. Слабыя попытки въ этомъ направленіи остановились на первыхъ же шагахъ, и потомъ совершенно заглохли, — конечно, потому, что онѣ совершенно не соотвѣтствовали общему складу русской жизни и духу нашего духовенства. Западная мистерія проникла въ нашу литературу лишь въ позднѣйшемъ своемъ видоизмѣненіи, въ формѣ школьной драмы, къ изученію которой мы теперь и перейдемъ.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾).

III.

Въ одно приблизительно время съ появленіемъ Хронографа 2-й редакціи, дьякъ Иванъ Тимоѣевъ принялся за составленіе своего историческаго труда, которому далъ названіе „Временника по седмой тысящи отъ сотворенія свѣта во осмой въ первые лѣта“. Не получивъ распространенія въ XVII вѣкѣ, Временникъ Тимоѣева въ настоящее время извѣстенъ всего въ одномъ, и то значительно неисправномъ спискѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Флорищевой пустыни ²⁾. На основаніи знакомства съ этимъ спискомъ П. М. Строевъ отзывался о Временникѣ, какъ о „писаніи высокопарномъ и многословномъ, но мѣстами любопытномъ“. „Словоизлитія и пустословіе“ Тимоѣева не помѣшали Строеву замѣтить въ его изложеніи „обстоятельства неизвѣстныя“, показанія, не находимыя въ другихъ источникахъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе со времени археографической экспедиціи Строева и до нашихъ дней трудъ Тимоѣева остался внѣ

¹⁾ *Продолженіе*. См. ноябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Рукопись Флорищевой пустыни № $\frac{108}{683}$, въ 4-ю долю, скорописью XVII вѣка, 313 нумерованныхъ листовъ. На послѣднемъ листѣ записъ: „Куплена сія книга у Еггнѣя Сидорова Попова, дана IX ал. Порукую по немъ Иванъ Василевъ сынъ Безносковъ. 1699 августа въ 1 день“. Показанный нами № рукописи находится на ея корешкѣ; П. М. Строевъ (*Вибліол. Словарь*, стр. 271) зналъ эту рукопись подъ № 41.

³⁾ „Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣднія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1834 г., часть I, отд. II, § 164, стр. 175.—*Вибліол. Словарь*, стр. 269—271.

круга ученыхъ изысканій, хотя и упоминался иногда въ общихъ обозорахъ древне-русской письменности ¹⁾).

Строевъ считалъ Ивана Тимоѣева дьякомъ Новгородскаго митрополита. Онъ основывалъ такое заключеніе на текстѣ Временника. Авторъ его, не называя себя по имени, пространно сообщаетъ, что началъ писать свое произведеніе по принужденію митрополита Новгородскаго Исидора, которому не смѣлъ противорѣчить ²⁾. На полѣ рукописи противъ этого разсказа стоятъ слѣдующія слова, приписанныя инымъ почеркомъ, но несомнѣнно въ XVII вѣкѣ: „Новгородцѣй митрополитъ Исидоръ понуждаетъ бывающая предложить писанію дьяка Ивана Тимоѣева“ ³⁾. Изъ этой-то приписки, открывающей намъ имя автора Временника, и изъ его разсказа о приказаніи, полученномъ отъ митрополита Исидора, Строевъ дѣлаетъ свой выводъ, что Тимоѣевъ былъ митрополичьимъ дьякомъ. Однако простое послушаніе митрополиту еще не даетъ права заключать о служебной зависимости отъ него Тимоѣева. Изъ официальныхъ документовъ XVII вѣка и изъ самаго Временника мы можемъ извлечь нѣсколько такихъ біографическихъ данныхъ объ Иванѣ Тимоѣевѣ, которыя свидѣлствуютъ, что онъ былъ дьякомъ государевымъ. Въ 1598 году онъ смѣлъ въ какомъ-то изъ московскихъ приказовъ: въ качествѣ именно приказнаго дьяка онъ подписался на избирательной грамотѣ царя Бориса ⁴⁾. На сколько можно судить по темнымъ намекамъ самого Тимоѣева, въ началѣ царствованія Василия Шуйскаго онъ былъ въ Москвѣ, а когда Москва освободилась отъ шаекъ Болотникова, то-есть, въ концѣ 1606 или въ началѣ 1607 года, онъ былъ отправленъ на царскую службу въ Новгородъ ⁵⁾. Въ 1608 году мы дѣйствительно видимъ его госу-

¹⁾ См., напримѣръ, преосв. Филарета Обзоръ русск. духовн. литературы, 7, § 204, и *Старческаго Очеркъ литературы русской исторіи*, до Карамзина. С.-Пб. 1845, стр. 86—87.

²⁾ Библиол. Словарь, стр. 270—271. — Рип. Флоринц. пустыня, л. 276 об. — 279.

³⁾ Библиол. Словарь, стр. 270, примѣчаніе. — Рип. Флоринц. пустыня, л. 277 об.

⁴⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 45 и 53. — *Бутурлина Исторія смутнаго времени въ Россіи*, I, Приложенія, стр. 60 и 74.

⁵⁾ Разсказывая о томъ, что Шуйскій „самохвизно воздвигся кромѣ воли всея земля и самъ царь поставися“, Тимоѣевъ его „скоропомазаніемъ“ объясняетъ скорый мятежъ противъ царя Василия рабовъ его, осадившихъ Москву (полъ этими рабами онъ разумѣетъ Болотникова и Лжепетра, ибо о Тушинскомъ ворѣ говорить въ другомъ мѣстѣ). Возставшіе осадили Москву: „отъ нихъ же новонаходящему во градѣ, яко пернатѣй въ клѣтцѣ, объяту сущу и затворене все-

даревымъ дьякомъ въ Новгородѣ ¹⁾. Отбывъ эту службу не позже начала 1610 года ²⁾, Тимошеевъ желалъ возвратиться въ Москву, но не могъ по недостатку средствъ и остался въ Новгородѣ до взятія его шведами ³⁾. Тамъ онъ пробылъ и во все время шведскаго господства ⁴⁾, и легко можетъ быть, что по своей бѣдности временно

редно, *ту жъ и мнѣ* мухоподобному во тмѣхъ человѣческаго умноженія, соображающуюся въ сомненныхъ чинѣхъ, заповѣданіями царскихъ тогда велѣній етера хранящу. Егда жъ стужающихъ на градъ *омаи уляже брань*, тогда самохотне о мнѣ изволися цареви, и паче сего Богови своими тварми чудне промыслъ творящу всяко ко оному и прочимъ: *кромѣ воля моя взысканія послати мѣ умилися въ трикратное титло цареви мѣсто*, еже царскихъ въ писаніи о имени возвышеніи чтомыхъ (третье мѣсто въ царскомъ титулѣ послѣ Владиміра и Москвы занималъ, какъ извѣстно, Новгородъ), первоименнымъ, иже мене предва-рившемъ, сначаластвовати мнимъ (то-есть, меньшимъ) купно въ градскихъ движе-ніихъ повѣлявая онъ“ (Ркп. Флорич. пустыни, л. 209—209 об.). Изъ этихъ витіе-ватыхъ строкъ съ трудомъ можемъ понять, что именно дѣлалъ авторъ въ Москвѣ („заповѣданіями царскихъ тогда велѣній етера хранящу“). Остальное ясно: Ти-мошеевъ былъ посланъ въ Новгородъ „сначаластвовати въ градскихъ движеніихъ“ старшимъ чинамъ (кн. А. П. Куракину и М. И. Татищеву), когда прекрати-лась осада Москвы Болотниковымъ.

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. I, № 155. Изъ этой грамоты видимъ, что въ мартѣ 1608 года Новгородомъ управляли бояринъ кн. А. П. Куракинъ, окольничій М. И. Татищевъ и дьяки Еениъ Телепневъ и Иванъ Тимошеевъ.

²⁾ Царская грамота въ Новгородъ 1-го мая 1610 г. (*Литписъ занятій Архео-графич. Коммисіи*, IV, Матеріалы, стр. 20—23) показываетъ, что въ Новгородѣ были уже иные воеводы и дьяки: бояринъ И. Н. Большой Одоевскій, Р. А. Велья-миновъ, дьяки Чулокъ Бартенева и Корниль Іевлевъ.

³⁾ Онъ говоритъ о себѣ: „Мое жъ отсюду (то-есть, изъ Новгорода) къ пре-славному граду (то-есть, къ Москвѣ) вспять возвращеніе, отнюдужъ прежъ ми еѣмо исходженіе бысть, медлевіемъ здѣ надолгаъ закосѣхъ скудостію ми возмож-ныхъ къ подытію дѣйствъ. Дожда бо и до иже великому граду (то-есть, Новго-роду) порабощеніемъ въ пльнѣхъ пріятися Еллины, къ нимъ же убо нашего обще-рабства работствомъ тамо, яко въ сѣти, увязе ми нога, и вѣтъ града нѣзютрѣду предъ сѣ прочими гонзнути не свободнее, предписанная ради вини“ (Ркп. Фло-риш. пустыни, л. 210 об.—211).

⁴⁾ Объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ не одинъ разъ: На л. 202 об. онъ го-воритъ, что во время сверженія и пльна Шуйскаго „о всѣхъ снѣхъ быхомъ здѣ (то-есть, въ Новгородѣ) отъ пльна, яко во мращѣ, внутрь стѣнъ невѣдени затво-рени; развѣ что кромѣ истины жъ вмалѣхъ пріяхомъ несогласное отъ слуха, но яко по аеру чрезъ забрала и та въ слухи наша едва кое нуждею прелетитъ слово“. На л. 265—265 об., говоря о походѣ Скопина изъ Новгорода къ Москвѣ, Тимошеевъ не описываетъ подробностей похода: „о нихъ же, иже тамо бывшихъ, мы здѣ (то-есть, въ Новгородѣ) затвореніи яснее подробну къ сказанію не до-вѣли“,—говоритъ онъ. На лл. 277—279 онъ свидѣтельствуетъ, что началъ пи-

находился у Новгородскаго митрополита при какомъ-нибудь дѣлѣ. Но послѣ освобожденія Новгорода онъ снова дѣйствуетъ на государственной службѣ: въ 1618 году онъ былъ уже посланъ дьякомъ въ Астрахань, гдѣ находился до 1620 года и былъ затѣмъ отпущенъ въ Москвѣ ¹⁾. Съ 1622 по 1626 годъ видимъ его дьякомъ въ Ярославлѣ ²⁾. Оттуда въ 1626 году онъ былъ переведенъ въ Нижний Новгородъ и изъ Нижняго отпущенъ въ Москву только въ 1628 году ³⁾. Въ Боярской книгѣ 7137 (1628—1629) года онъ еще упоминается въ дьякахъ ⁴⁾; позднѣе же о немъ не встрѣчается извѣстій и въ Боярскую книгу 7144 (1635—1636) года онъ уже не занесенъ. Можно поэтому предполагать, что онъ умеръ вскорѣ послѣ 1629 года.

Списокъ Временника Тимошеева мѣстами на столько неисправенъ, что затрудняетъ чтеніе памятника. Необыкновенно вычурный языкъ автора, очевидно, плохо былъ понимаемъ переписчикомъ, который иногда обращалъ въ бессмысленный наборъ словъ запутанныя фразы Временника. Частыя, но не всегда удачныя поправки и приписки, внесенныя кѣмъ-то въ списокъ (судя по почерку, еще въ XVII вѣкѣ и, быть можетъ, даже самимъ авторомъ), мало помогаютъ

сать свой трудъ послѣ бѣдъ съ митрополитомъ Исидоромъ, бывшей въ Новгородѣ въ послѣдніе дни шведскаго плѣна (Библиот. Словарь *Строева*, стр. 270). Наконецъ, на лл. 303—304, заключая свое повѣствованіе о смутахъ, Тимошеевъ говоритъ: „Въ Новѣградѣ Велицѣмъ въ тожде междоусобіе земное всеградно Еллина заплѣнени быхомъ. Со убѣгшими же оттуду во нже всего царствія въ матере градовъ угонзнути невозмогохомъ, Богу хотимое нами не соблаговоляшу. Потомъ же, мало препуская время, въ протчихъ градѣхъ пребыванія наше на уреченныхъ службахъ, царскимъ по Бозѣ повелѣніемъ, бысть“. Последнее изъ приведенныхъ мѣстъ даетъ поводъ думать, что послѣ освобожденія Новгорода отъ шведовъ Ив. Тимошеевъ не могъ возвратиться въ Москву такъ же, какъ и ранѣе, до новгородскаго плѣна. Однако неясность его изложенія позволяетъ эту фразу о невозможности убѣжать въ Москву относить и къ тому времени, когда онъ по бѣдности не могъ вернуться со службы и избѣжать плѣна. Послѣ 1617 года изъ Новгорода незачѣмъ было „убѣгать“.

¹⁾ Дворцовые Разряды, I, 349, 426 и 459. — Книги Разрядныя, I, 544, 663 и 720.

²⁾ Дворцовые Разряды, I, 739. — Книги Разрядныя, I, 868, 924, 1033, 1139 и 1245.

³⁾ Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ былъ уже въ іюнѣ 1626 года, „за два мѣсяца... до Семена дни“: Русск. Ист. Библіотека, II, № 223, стр. 990; IX, стр. 455. — Книги Разрядныя, I, 1218; II, 62. — Нижегородскій лѣтописецъ, изд. А. С. Гамисскаго, стр. 54.

⁴⁾ Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ. М. 1853, стр. 410.

читателю, и самое внимательное изученіе рукописи не можетъ привести къ полному пониманію всѣхъ ея мѣстъ. Поэтому, приступая къ обзорѣ Временника, мы принуждены будемъ оставить безъ изслѣдованія нѣкоторыя его частности, не рискуя входить въ оцѣнку такихъ показаній автора, точный смыслъ которыхъ не можетъ быть восстановленъ.

Цѣль труда Ив. Тимоѣева, предпринятаго имъ по мысли митрополита Исидора, заключается въ томъ, чтобъ изобразить событія его времени, „малу часть нѣкую отъ нихъ сповѣдати, елика имутъ писателеви възйти на память, яже видѣна и яже слышана была здѣ“ (то-есть, въ Новгородѣ) ¹⁾. Авторъ еще помнилъ времена Грознаго; съ нихъ онъ началъ свое повѣствованіе и довелъ его приблизительно до 1619 года. По характеру изложенія Временникъ представляетъ собою рядъ отдѣльныхъ очерковъ и характеристикъ дѣятелей и событій смуты; это можно видѣть уже изъ оглавленія рукописи ²⁾. Всѣмъ

¹⁾ Ркп. Флорис. пустыни, л. 278.—Библиол. Словарь *Строева*, стр. 270—271.

²⁾ Приводимъ здѣсь перечень главъ Временника, находящійся на лл. 9—11 рукописи: „I. Царство великаго юсударя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи. Въ той же главѣ: 1) о опришчинѣ, 2) о новгородскомъ плѣненіи, 3) о царяцѣ и вел. княгинѣ Анастасіи Романовнѣ и о чадѣхъ, 4) о царевичѣ и вел. князѣ Иванѣ Ивановичѣ, 5) о братѣ царя Ивана Васильевича всеа Русіи князѣ Владимѣрѣ Ондрѣевичѣ Старицкомъ. — II. Царство блаочестивое, иже отъ поста просіявшее, великаго юсударя царя и великаго князя Теодора Ивановича всеа Русіи. Въ той же главѣ: 1) о закланіи юсударя царевича и вел. кн. Димитрія Ивановича въ 99-мъ году, и о приходѣ крымского царя подъ Москву, ... 2) о постриженіи царицы Маріи, матери царевича Димитрія Ивановича, по смерти его, и съ Углича ссылка ея, 3) о Богданѣ Бѣльскомъ, 4) о приносеніи мощей святаго царевича Димитрія Ивановича съ Углича къ Москвѣ. — III. О обираніи Бориса Федоровича на царство въ Новомъ Дѣвичьмъ монастырѣ и о воцареніи его... и о Серпуховскомъ его походѣ... Въ той же главѣ: 1) о крестномъ цѣлованіи царю Борису Теодоровичю, 2) о утвержденіи имени писмены тогожде, 3) о немъ же Борисѣ. — IV. Воюпустное на Московское юсударство Росприино беззаконное царство. Притча о царевѣ сынѣ Римскомъ, иже постригся и пави иноческій образъ попра: розстригшися, восхотѣ совокупитися браку. — V. Царство царя и великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго: 1) о царѣ же Васильѣ Ивановичѣ и о табарѣхъ, 2) о князѣ Михайлѣ Васильевичѣ Шуйскомъ Скопинѣ, 3) о князѣ Михайлѣ жѣ, 4) о пещи и о походѣ со кресты, 5) о воровскомъ бѣжаніи съ Хутины и о приходѣ ихъ, 6) о князѣ Михайловѣ къ Москвѣ изъ Новгорода походѣ, 7) о патріархѣ Ермогенѣ, 8) Лѣтописецъ вкратцѣ тѣхъ же предшоминуемыхъ царствъ и о Великомъ Новѣградѣ, иже бысть въ дни коегождо царства ихъ, 9) о крестномъ цѣлованіи королевичю Владиславу, 10) о вдовствѣ Московскаго юсударства двѣ притчи“. — Это оглавленіе вполне соотвѣт-

этими очеркамъ и характеристикамъ предшествуетъ любопытное предисловіе, изъясняющее взгляды автора на происхождение и значеніе смуты. Въ самомъ же текстѣ Временника находимъ рядъ замѣчаній автора о тѣхъ приемахъ изложенія, какіе онъ считалъ для себя обязательными. Поэтому, прежде чѣмъ ознакомиться съ историческимъ содержаніемъ Временника, необходимо характеризовать ту точку зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на событія и на свой трудъ.

Предисловіе свое Ив. Тимофеевъ начинаетъ разсказомъ о томъ, что всѣ твари, послушныя безгрѣшному Адаму, стали ему непослушны и страшны, когда онъ согрѣшилъ. Нѣчто подобное видитъ Тимофеевъ и въ исторіи Руси: пока государи Московскіе крѣпко держались „повелѣній, данныхъ Богомъ“, и свято сохраняли благочестивую старину, до тѣхъ поръ московскіе люди „такъ безоотвѣтны быша къ нимъ, яко рыбы безгласны“. Но по скольку „предержатели“ московскіе „начаша древняя благоустановленія законная и отцы предавая превращати и добрая обычая на новосопротивная измѣнати,—по толику и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше изчезая“. Переимѣна древнихъ благоустановленій сказалась прежде всего въ томъ, что „обдержители“ стали „ушеса своя сладце преклоняти къ ложнымъ шепотныхъ глаголомъ“: „лжевный же недугъ и горкій плевалъ тернія посреди всего царствія израстая умножашеся“; „языки бо своими убиваху люди, яко мечи“. Это было началомъ зла. Московскіе люди стали робки и „на каждой частъ измѣнуемы и словопревертны удобъ и всяко неутвержени ни въ чемъ, въ дѣлѣхъ же и словесѣхъ нестойательни, по всему вертахуся, яко коло, и другъ другомъ защищающеся въ находящихъ“. Иностранцы „посолницы и купцы“, приходившіе на Русь, узнали о такой нравственной слабости, и враги Руси воспользовались ею, создавъ русскимъ людямъ „о лжецарѣхъ погибельное предковеніе“. Такимъ образомъ нравственное паденіе русскихъ людей вызвало смуты и нашествіе иноземцевъ. „Се же все бысть державныхъ малѣмъ поползновеніемъ, яко же Адамымъ во грѣху умахченіемъ, рабскимъ же нашимъ многымъ прегрѣшеніемъ, единаче жъ обоихъ къ Богу о добродѣтельхъ неисправленіемъ“,—такъ резюмируетъ авторъ свой взглядъ на при-

стствуетъ порядку изложенія во Временникѣ. Восьмая статья послѣдней главы, озаглавленная „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и т. д., представляетъ собою попытку сократить все предшествующее изложеніе и является какъ бы самостоятельнымъ произведеніемъ.

чины смуты и заканчиваетъ предисловіе обличеніемъ новыхъ пороковъ русскаго общества, созданныхъ смутой. По его словамъ, честолюбіе явилось у всѣхъ: начали „малая великихъ одолѣвати, юныя жъ старыхъ и безчестныя честныхъ, рабы своихъ имъ владыкъ“. Рядомъ съ этимъ онъ отмѣчаетъ развитіе эгоизма, приносящаго въ жертву личному благополучію и личной важности цѣлость и спокойствіе родины¹⁾.

Такъ съ самаго начала авторъ становится на точку зрѣнія моралиста, въ нарушеніи старыхъ началъ русской жизни видѣвшаго источникъ всѣхъ бѣдствій. И все его повѣствованіе полно обличеніями: это — не спокойный лѣтописатель, а человѣкъ, стремящійся показать читателю, кто былъ повиненъ въ бѣдствіяхъ смуты, кто вызывалъ и поддерживалъ междоусобія и кто палъ жертвою этихъ междоусобій. Въ зависимости отъ такого характера повѣствованія создалась и самая форма изложенія. Авторъ не стремится къ фактической полнотѣ показаній и не стѣсняется хронологическою послѣдовательностью: въ рядѣ отдѣльных очерковъ даетъ онъ характеристики дѣятелей, останавливается на отдѣльных событіяхъ, которыя почему либо считаетъ важными, и не только описываетъ и рассказываетъ, но и обсуждаетъ факты.

Строго судя нравственныя качества и поступки тѣхъ, о которыхъ пишетъ, Тимоѣевъ также строго относится и къ своимъ обязанностямъ писателя: „поносно бо есть писателю, говорить онъ: не ясно вѣдуще, сущая вещи описывать“. На этомъ основаніи онъ иногда прямо отказывается отъ описанія нѣкоторыхъ событій. Говоря, напримеръ, о временахъ Грознаго, онъ замѣчаетъ, что описываетъ „не вся по ряду“, но „елико ми на память слышаніемъ въздоша, толика и написашася“. Отъ подробнаго описанія похода кн. М. В. Скопина-Шуйскаго изъ Новгорода въ Москву онъ совсѣмъ уклоняется, потому что въ то время сидѣлъ въ Новгородѣ и не зналъ о подвигахъ Скопина: „по тонку же вся свѣдѣть съ нимъ же бывшая“ (люди),—замѣчаетъ онъ²⁾. Обнаруживая такимъ образомъ стремленіе передавать лишь достоверно ему извѣстные факты, Тимоѣевъ въ то же время желаетъ казаться и вполне безпристрастнымъ писателемъ. Послѣ характеристики Бориса, очень неблагоприятной и рѣзкой, онъ перечисляетъ и добро-

¹⁾ Ркп. Флор. п. пустынн, лл. 1—7. — Нельзя не отмѣтить замѣчательнаго совпаденія взгляда Тимоѣева на происхожденіе смуты со взглядомъ рассмотрѣннаго нами выше „Плача о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства“.

²⁾ Ркп. Флор. п. пустынн, лл. 311, 20 об., 25—26 об. и 265 об.

дѣтели Годунова и приводить весьма любопытное оправданіе такой двойственности изображенія: „Елика убо злоторная его подробну написати подщахомся, говоритъ онъ: сице и добротворивая о немъ исповѣдати не облѣнимся, дондеже отъ прехода лѣтняго продолженія не спокрышася забвеніемъ. Елика ми на память въздоша, толико напишу ихъ, да не и наше списаніе, еже нанѣ злобное, возмнится по нѣкихъ враждуемо. Егда злоторная единако изречена бы, добрая же отъ нѣихъ сказуема, нами же умолкнута,—явѣ неправдованіе обважилось бы писателево; а иже обомъ вправду извѣстуема безъ прилога, всяка уста заградытся“ ¹⁾).

При такомъ желаніи Тимофеева быть точнымъ и объективнымъ писателемъ, мы въ правѣ ждать отъ его Временника полной искренности показаній и вправѣ всѣ неточности его изложенія объяснять невольными заблужденіями автора, а не его тенденціозностью. Судя и по содержанію Временника, Тимофеевъ не вынесъ изъ смуты никакихъ партійныхъ привязанностей и лично-враждебныхъ воспоминаній. Почти повальное осужденіе, съ какимъ онъ относится къ русскимъ общественнымъ дѣтелямъ смутной эпохи, обусловлено у него не партійными взглядами, а общею точкой зрѣнія моралиста, быть можетъ, слишкомъ довѣрившаго злоязычнымъ сплетнямъ своего времени.

При отрицательномъ отношеніи къ современности, Тимофеевъ не страдалъ однако самоинѣніемъ. На свой трудъ смотрѣлъ онъ, какъ на дѣло, превышающее его силы и знанія. Когда митрополитъ Исидоръ въ уединенной бесѣдѣ благословлялъ его на составленіе Временника, Тимофеевъ отказывался отъ этого дѣла, представляя митрополиту „недовольство смысла своего“ и свое „ненаученіе“. Убѣжденный тѣмъ доводомъ, что при его отказѣ могутъ быть забыты памятные событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Тимофеевъ сталъ писать; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не считалъ себя ни умѣлымъ, ни безошибочнымъ писателемъ и молился: „яко да достовѣрніи, нѣже аще явльшеся обрящутся, яко въ насъ да исправятъ иже сія“. Читателей своихъ онъ предваряетъ, что не имѣетъ привычки къ литературнымъ занятіямъ, какъ „поселяне“ не имѣютъ привычки къ оружію, и проситъ помнить о его сочиненіи, „яко по нужди вчянися сіе“ ²⁾).

¹⁾ Ркп. Флорис. пустыни, лл. 116 об.—117.

²⁾ Ркп. Флорис. пустыни, лл. 277 — 279 и л. 270 — 271. — Библиол. Словарь *Строева*, стр. 270—271.

Быть можетъ, недостаткомъ литературной опытности слѣдуетъ объяснять излишнюю и не всегда удачную вычурность слога во Временникѣ, доходящую мѣстами до того, что приходится просто отгадывать мысли автора въ массѣ темныхъ иносказаній. Не возвышаясь до такой изящной замысловатости выраженій, какой умѣлъ иногда достигать авторъ Хронографа 2-й редакціи, Ив. Тимоѣевъ, можно сказать, испортилъ свое любопытнѣйшее произведеніе тяжелою риторическою рѣчью и, конечно, самъ былъ виною того, что трудно понимаемый Временникъ не достигъ замѣтнаго распространенія среди его современниковъ.

Зная личность автора Временника, его литературные приемы и общее отношеніе къ событіямъ смуты, перейдемъ къ частностямъ его повѣствованія. Первая глава Временника ¹⁾ посвящена времени царя Ивана Васильевича Грознаго. Она не вошла бы въ наше изложеніе, еслибъ авторъ самъ не связывалъ смутной эпохи съ временемъ Ивана IV. Ему кажется, что Грозный много способствовалъ разрушенію порядка въ своемъ государствѣ и этимъ подготовилъ послѣдующія смуты. Указывая на блестящее происхожденіе Ивана „отъ самого Августа цесаря“, Тимоѣевъ сперва слагаетъ ему общую риторическую похвалу, но затѣмъ говоритъ, что онъ „къ ярости удобъ подвиженъ бѣ“ и держалъ „пламенный гнѣвъ“ на своихъ людяхъ. Онъ „возненавидѣлъ грады земля своея“ и потому раздѣлилъ ихъ на двѣ части, „яко двоевѣрны сотвори“. Однихъ онъ „усвоилъ“ себѣ, другіе же отринулъ и запретилъ „именемъ его мнозымъ градомъ нарицатися“. Этимъ раздѣленіемъ Грозный „всю землю державы своея, яко сѣвирию наполю нѣкако разсѣче“ и „смяте люди вся“. Мало того, „на время“ онъ поставилъ надъ Русью царя Симеона и самого себя раболѣпно смирялъ предъ нимъ, а затѣмъ снова взялъ у него власть. „Тако Божиими людьми играя“, замѣчаетъ о Грозномъ Тимоѣевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, въ чемъ видитъ онъ причину такого поведенія Іоанна. Казня и прогоняя „въ чюжевѣрныя земли“ своихъ вельможъ, царь „во онѣхъ мѣсто“ приближалъ къ себѣ иностранцевъ: они-то внушили ему ненависть къ его подданнымъ ²⁾. Авторъ удив-

¹⁾ Рип. Флоршц. пустыни, лл. 12—39.

²⁾ „Отъ окрестныхъ странъ пріѣзжающая къ нему волюба и болшими дарованми тѣхъ богаты. Отъ нихъ же нѣхъ и въ тайномысліе си прітова, другихъ художествъ врачевные хитрости къ нему примыслихся, извѣтомъ адравіи ему своея мудрости раствореніе приносяще. О нихъ же истинные рещи: души его

ляется, какъ Іоаннъ, который „въ мудрости нѣкимъ побѣждаетъ бысть“, не могъ догадаться, что не слѣдуетъ „яти вѣры врагомъ своимъ“, и самъ вложилъ свою главу „въ уста аспіда“, самъ отдался въ руки иноземцевъ. „Увы“, восклицаетъ Тимоѣевъ, „вса внутренняя его въ руку варваръ быша, и яже о немъ восхотѣ, да сотвориша; лишше не глаголю: самъ себѣ навѣтникъ бысть“. Слѣдствіемъ такого поведенія Грознаго и было раздѣленіе земли, расколъ въ умахъ и дальнѣйшія смуты въ государствѣ ¹⁾).

Описывая затѣмъ дружину опричниковъ, которые по своей черной одеждѣ, „яко ночь темна, видѣніемъ зрахуса“ и „взоромъ бо единымъ, неже смерти прещеніемъ страшаху люди“, авторъ переходитъ къ погрому Новгорода въ 1570 году. Разказъ о погромѣ ведетъ онъ отъ лица Новгорода (это обыкновенная его манера излагать новгородскія событія); но при этомъ онъ не сообщаетъ никакихъ фактическихъ подробностей. Любопытенъ лишь тотъ его взглядъ, что Грозный — „рабоубитель и мірогубитель“, раздѣлившій прибытки новгородцевъ „по жребію равно съ рабы“, — черезъ годъ послѣ разоренія Новгорода уже получилъ Божье отомщеніе въ видѣ татарскаго набѣга на Москву ²⁾ Затѣмъ Богъ поразилъ Іоанна и личнымъ горемъ: „богѣти

вредъ, тѣлесное паче нездравіе, вкупѣ жъ съ сими и ненавидѣніе ему на люди его нанесоша“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 15—15 об.). Въ данномъ случаѣ мы можемъ, кажется, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ указать источникъ Тимоѣева: это — записки Псковскаго лѣтописца о врачѣ Елисеѣ Бомеліи (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 318, 342. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс., IX, прим. 268).

¹⁾ „И сими земля всей великъ расколъ сотвори и усомнѣватися всахъ въ мысляхъ своихъ о бывающемъ. Бога самого премилостиваго ярости на себе разне сими раздѣленіемъ, мню, нынѣшняя вся земля розгласіе яко прообразуя отгуду дождя. Самъ тогда на ню руку неблагословля наложи, даждь оно и донынѣ не утвержденнымъ отъ грѣхъ колеблемо, и нѣсть ю до единого нынѣ отъ человека утвердити могущаго“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 16—16 об.).

²⁾ Іоаннъ Грозный съ его помощниками, „яко саморазжено угліе огнено во градъ (Новгородъ) къ запаленію совнесше, въ невѣдѣніи сами яко подгнѣту сѣмъ царску граду всему (Москвѣ) сотвориша. И яко на утрѣи нѣкако, на лѣто по сѣмъ 9-е круга общество, яко корень и главу со утробю, еже гнѣздо всего царствѣ, присное пребывалище водворенія самого царска, съ своесущими въ немъ благими всѣми, Измаиле сѣмя Агары жъ пороженіе, богопустно отъ востокъ нашешше, все огнемъ запалше испепелиша“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 19—19 об.). Ту же самую мысль, и гораздо яснѣе, выражаетъ Авр. Палицынъ въ первоначальной редакціи первыхъ главъ своего Сказанія, говоря, что „царь Иванъ Василіевичъ пострадалъ за разгромъ Великаго Новаграда и инѣхъ, иже по единому лѣтѣ не бысть помощи ему отъ пѣвна святыхъ иконъ и книгъ и колоколовъ... Москвѣ тогда седмицѣю

вещцѣльно ему сотвори". Однако не отъ этой болѣзни умеръ Грозный: по словамъ Тимофеева, „жизнь же яростиваго царя, глаголютъ нѣщцы, прежъ времени ближніи сего, зельства его ради сокращенія, угасиша". Этими ближними были Борисъ Годуновъ и „царевъ возлюбленникъ того времени" Богданъ Бѣльскій ¹⁾. Смерть Іоанна вызвала всеобщую радость. Ликовали мнимые друзья его иноземцы, знавшіе, „что мечъ бо его десница съ воздуху долу не туне свожашеся на противныя". Радовались въ глубинѣ души и бояре, которые содрогались, вспоминая ярость Грознаго, и даже не могли сразу повѣрить, что онъ дѣйствительно умеръ. Торжествуя свое избавленіе отъ Іоанна, они думали-было творить свою волю, не обращая вниманія на даря Θεодора; но вскорѣ всѣ погибли отъ Бориса Годунова ²⁾.

Послѣ такой бѣглой характеристики Іоанна и его дѣятельности, Тимофеевъ переходитъ къ повѣствованію о нѣкоторыхъ личностяхъ времени Грознаго. Кратко и очень похвально отзываясь о царицѣ Анастасіи, онъ говоритъ затѣмъ о дѣтяхъ царя Ивана: о царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ сообщаетъ, что онъ умеръ „отъ рукобленія отча" и многими былъ оплаканъ за его способности; о царевичѣ Θεодорѣ отзывается съ полнымъ уваженіемъ за его благочестіе и однако замѣчаетъ о его „недовлѣнніи къ царству отческу" ³⁾. Наконецъ, разказомъ объ участи князя Владиміра Андреевича Старицкаго и семьи его авторъ заканчиваетъ первую главу ⁴⁾.

злѣйши Новагорода разтлѣніе бысть, и за Волховъ-рѣку, насаженъ до верха, и Москва наполниа съченихъ во всѣхъ улицахъ отъ конца до конца" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 366 об.).

¹⁾ О существованіи подобнаго слуха въ 1584 году читаемъ въ Новомъ Лѣтописцѣ (Ник. Лѣт. VIII, 6.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 7.—Нов. Лѣт., 24).

²⁾ „Вмалѣ жъ силентіары (очевидно, латинское *silentiarii*) вси отъ срабнаго Бориса одолѣни погибоша",—говоритъ Тимофеевъ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 23).

³⁾ Любопытенъ разказъ автора о смерти сына Грознаго Дмитрія во время путешествія царя въ 1553 году: „Царю, отцу дѣтища, водоносила ко отечеству воспать съ Бѣлавоера отъ лавры святаго отца Кирила спутьшествующу, случися внезапно отроку отъ рукъ дошлица на воду ниспасти, сномъ той погрузившися" (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 30 об.—31). Ни лѣтопись (Ник. Лѣт., VII, 203), ни „Исторія" кн. Курбскаго (Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 41), сообщая о смерти царевича, не говорятъ, что онъ утонулъ.

⁴⁾ Тимофеевъ говоритъ, что кн. Владиміръ, оклеветанный „рабами", былъ умерщвленъ „напоеніемъ смертнымъ купно зъ женою и сыномъ: вси принужени быша испити смертныя горести чашу" (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 36 об. Сравни. *Барамкина* Ист. Гос. Росс., IX, прим. 277, и *Соловьева* Ист. Россіи, VI, прим. 90).

Глава вторая ¹⁾ по заглавію посвящена событіямъ времени царя Θεодора и начинается похвалою благочестивому царю, въ которомъ „купно мнѣшество съ царствіемъ соллетено безъ раздвоенія едино другого украшаше“. Умиротворяющее вліяніе кроткаго царя-подвижника, по мнѣнію Тимоѣева, отзывалось на врагахъ Руси. Забывая о войнахъ Θεодорова царствованія, онъ говоритъ, что при Θεодорѣ Русская земля „мирне и невоеванна пребысть, кромѣ внутреннихъ мірскихъ соллетеній“. Жертвою этихъ соллетеній со стороны Бориса Годунова палъ и самъ Θεодоръ, вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ ²⁾. И не было никого, кто возсталъ бы противъ честолюбца Годунова: „не бѣ тогда и доннѣхъ крѣпкаго во Израили, отъ главы дажь и до ногъ, отъ величайшихъ дажь и до простыхъ, яко и благороднѣйшіи вси тогда онѣмѣша и равно ему (то-есть, Борису) попустиша и безгласни бо быша, яко рыбы“. Этого молчанія Борисъ съумѣлъ достигъ разными средствами: „величайшихъ“ людей онъ устрасилъ, мелкихъ подкупилъ своею щедростію, а среднихъ одарилъ чинами не по достоинству. При общемъ молчаніи ему легко было рѣшиться на преступленія для достиженія завѣтной цѣли—престола.

Началъ свои злодѣйства Годуновъ съ убіенія брата государева Димитрія. Сперва онъ прогналъ его вмѣстѣ съ роднею въ Угличъ, а затѣмъ, улучивъ удобную минуту, умертвилъ царевича при помощи Клешнина ³⁾ и своихъ „послушателей“. О самомъ убіеніи Димитрія

О кн. Марѣ Владиміровнѣ съ дочерью Тимоѣевъ говоритъ, что при царѣ Θεодорѣ онѣ были возвращены въ Россію, облаканы и содержались въ довольствѣ (Ркп. Флорит. пустыни, лл. 38—39. Сравни. *Бестужева-Рюмина* Обзоръ событій отъ смерти ц. Іоанна Вас. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г., іюль, стр. 83, прим. 2).

¹⁾ Ркп. Флорит. пустыни, лл. 40—93 об.

²⁾ Объ убіеніи Θεодора Борисомъ Тимоѣевъ говоритъ не одинъ разъ. Въ началѣ 2-й главы о злодѣйствѣ Бориса онъ выражается темно: „нѣзаконно виновау ему смерти сущу бывша, по всему вѣщемъ обличающимъ его, яко нѣ и о унѣмъхъ братѣхъ сего царя онъ же явленъ убійца бысть“ (Ркп. Флорит. пустыня, л. 44). Но въ главѣ 3-й онъ уже прямо утверждаетъ, что Θεодоръ отравленъ Годуновымъ: „Прежде времени ему положенѣхъ Богомъ предѣлъ крестопреступный въ влѣтѣхъ рабъ сему уготова вѣчнымъ своимъ почити: возложи бо на того царюку главу свою рабоскверनावую убивства руку, принесе господску животу мертвѣхъ ядъ и уби и не кровопролитне“ (л. 94 об.).

³⁾ О Клешнинѣ находимъ только слѣдующія слова: „Обрѣтъ (Борисъ) и суща ставниника себѣ потаена зѣло злыхъ злѣйша Луппа нѣкоего, брата си свойствомъ и дѣломъ, нже толкуется волкъ, отъ дѣлъ званіе пріимъ“ (Ркп. Флорит. пустыни, л. 48—48 об.). Что Луппъ (Андрей) Клешнинъ былъ Борису „братъ

авторъ разсказываетъ очень кратко ¹⁾, но за то долго останавливается на событіяхъ, связанныхъ съ его смертью. Бѣгло упоминая о расправѣ угличанъ съ убійцами царевича, Тимоѣевъ разсказываетъ, что за нее Борисъ, „утаився отъ царя“, страшно наказалъ и жителей Углича, и Нагихъ. Первыхъ онъ морилъ въ темницахъ и приказывалъ душить на дорогѣ въ ссылку, вторыхъ предалъ „алѣйшимъ мукамъ“ и разсѣялъ по краямъ земли; мать же царевича онъ постригъ. На оборотъ, родню преступниковъ, убитыхъ угличанами, Борисъ разыскалъ и одарилъ. Когда же для слѣдствія о смерти брата царь послалъ въ Угличъ Сарскаго митрополита и „вельможу, благороднаго вельми“ (имя этого „вельможи“, В. Шуйскаго, авторъ обнаруживаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разсказѣ о перенесеніи мощей царевича), то слѣдователи убоялись Бориса „паче повелѣнія царска“ и по его наущенію донесли царю о Димитріи, „яко самому ему играя заклатися“. Ложно Борисъ объяснялъ и причину самоубійства царевича: „болѣзнь ему тяжку приречь; яко вѣкимъ, тако и сему, глаголя, страдати, вже иступати умомъ и тѣломъ оцѣпенѣвати“. Послѣ такого оборота дѣла царевичъ былъ погребенъ въ Угличѣ. Приписывая проискамъ Бориса то обстоятельство, что тѣло Димитрія не было погребено въ Москвѣ, Тимоѣевъ вступаетъ въ пространное разсужденіе по этому поводу. По его соображеніямъ, Борисъ основательно боялся принесенія мощей Димитрія въ столицу. Онѣ могли бы обличить его преступленіе, и народъ не попустилъ бы преступника захватить престолъ. Яснымъ доказательствомъ этого въ глазахъ Тимоѣева служатъ чудеса, явившіяся слѣдствіемъ обрѣтенія мощей царевича въ 1606 году. Свѣтой своимъ чудотвореніемъ доказалъ народу преступленія Годунова и перваго самозванца и отнялъ всякую возможность успѣха у самозванцевъ, явившихся позже.

Показавъ читателю первые преступные шаги Годунова и перехода къ описанію его воцаренія, Тимоѣевъ дѣлаетъ весьма любо-

свойствомъ“, другіе источники, на сколько мы знаемъ, не сообщаютъ (см. *Карамзинъ Ист. Гос. Рос.*, X, прим. 247; XII, прим. 97.—*Записки гетмана Жолтѣвскаго*, изд. 2-е, приложение № 28.—*Новый Лѣтописецъ въ Ник. Лѣт.*, VIII, 16.—*Бутурлина Исторія смутнаго времени*, II, Приложенія, стр. 49). А между тѣмъ это извѣстіе, если оно вѣрно, не лишено значенія и помогаетъ понять, откуда произошло упорный слухъ о соучастіи Клешинина въ злодѣйствѣ Бориса.

¹⁾ Собственно о смерти царевича у Тимоѣева одна фраза: „ижемоу послушатели на зло закланъ бысть предо очима своя ему матере“ (Ркп. Флоринц. пустыни, л. 48 об.).

пытную оговорку ¹⁾. Онъ замѣчаетъ, что „о царюющихъ убо нами вправду первосущихъ царѣхъ“ слѣдуетъ писать осторожно, не вдаваясь въ осужденіе ихъ слабостей, ибо оцѣнку своихъ дѣлъ они и безъ людскаго осужденія получаютъ отъ Бога. „О таковыхъ творити тѣшанно и страхоприступно писателие обыкоша, говорятъ онъ: и насъ научаша“. Но о людяхъ „богопустнѣхъ“, „иже отъ несущихъ, ниже благословно и чрезъ подобство насакающихъ на царство, сицевыхъ явѣ отъ благихъ по всему отдѣлися судъ“. Къ этимъ незаконнымъ монархамъ, по мнѣнію автора, можно относиться и съ осужденіемъ. Такой взглядъ, служащій для насъ залогомъ откровенности автора, высказанъ имъ, какъ вступленіе въ дальнѣйшее его повѣствованіе о Годуновѣ.

Авторъ приступаетъ затѣмъ къ описанію событій, случившихся одновременно („въ однихъ недѣляхъ и дняхъ“) со смертью царевича: московскаго пожара и нашествія татаръ на Москву. Пожаръ, по мнѣнію Тимофеева, „умыслительнымъ бысть повелѣніемъ тогожде“, то-есть, Бориса: „онѣмъ повелителемъ пущеныя запалители купно вездѣ пламень возжигашу“. Но для чего понадобилось Годунову жечь Москву, Тимофеевъ совершенно не объясняетъ. Въ нашествіи же Казы-Гирея онъ видитъ кару небесную, ниспосланную за грѣхи русскихъ людей, не смотря на благочестіе царя Феодора: „единого добродѣтель не можетъ спокрѣсти всѣхъ челоувѣкъ прегрѣшеніе“. Рассказывая довольно подробно о татарскомъ набѣгѣ ²⁾, Тимофеевъ съ

¹⁾ Ркп. Флорич. пустыни, лл. 57—58.

²⁾ Въ этомъ рассказѣ любопытны нѣкоторыя частности: Тимофеевъ, напримѣръ, обстоятельно выясняетъ значеніе для Московскаго государства Оки, которая служила „непролазною стѣною“ для татаръ, приходившихъ отъ полудня. (Ркп. Флорич. пустыни, лл. 62 об. — 63). Онъ передаетъ извѣстную легенду о томъ, какъ татары подъ Москвой были испуганы рассказами русскихъ плѣнныхъ и поэтому отступили отъ Москвы (Ник. Лѣт. VIII, 21.—Лѣт. о ми. мѣт., изд. 2-е, 28.—Новый Лѣт., 36—37). Но эта легенда у него обладаетъ оригинальными чертами: героемъ ея является одинъ „благочестивый воинъ“, захваченный въ плѣнъ татарами подъ самой Москвой; „грѣхопростительной лжю“ о приходѣ въ Москву новгородскихъ и псковскихъ войскъ онъ напугалъ татаръ, а затѣмъ, когда они отступили, этотъ „плѣнный узникъ, возвратився по своя утеченіемъ съ пути, вся потонку царю нашему вопрошаемъ возвѣсти“ (Ркп. Флорич. пустыни, лл. 63—65). Не лишено значенія и пространное описаніе укрѣпленнаго лагеря русскихъ (лл. 65—68). Этотъ лагерь, „по простой рѣчи глаголемый обозъ, древнимъ же званіемъ — гулай“, по рассказу Тимофеева, былъ изобрѣтеніемъ „кнѣзя, наричють, нѣкоего Михаила, порекло Воротынскій Ивановичъ“. Но можно думать, что „гулай-города“ были въ употребленіи еще въ началѣ XVI в.

особеннымъ вниманіемъ останавливается на поведеніи Бориса въ это время. Борисъ руководилъ защитой Москвы противъ враговъ, и, когда татары ушли, его ласкатели донесли царю, что Москва освободилась, благодаря мудрому „промышленію“ Бориса. Самъ же Годуновъ возвратился изъ лагеря въ Москву и лукаво медлилъ въ ней три дня, не преслѣдуя хана и осыпая наградами лъстепцовъ и войско. И только тогда, когда бѣгство хана стало несомнѣннымъ и онъ достигъ уже Ливень, Борисъ устремился „во слѣдъ гнати ему яко по вѣтрѣ“, не рискуя потерпѣть пораженіе, не надѣясь даже догнать татаръ. Отъ Серпухова Борисъ однако повернулъ назадъ, увѣрся, что враги ушли безвозвратно ¹⁾. Въ Москвѣ между тѣмъ ожидали его новыя похвалы подкупленныхъ лъстепцовъ, да и самъ правитель безъ стыда величался своими вымышленными побѣдами и въ память ихъ устроилъ даже монастырь (Донской). Разсылая по городамъ грамоты съ описаніемъ небывалыхъ своихъ подвиговъ, осыпая незаслуженными наградами своихъ соратниковъ, Годуновъ старался этимъ достигъ славы и любви въ народѣ. Скрытая цѣль его стараній была однако отгадана московскими людьми. Они сознавали, что награды, полученныя ими, не по заслугамъ велики, и объясняли это тѣмъ, что Борисъ желаетъ щедростію приготовить свое избраніе въ цари. Однако всѣ молчали: „онѣмѣша бо языки ихъ и уста затвориша(ся) ото мзды; вся же чувства наша паче страхомъ ослабѣша“.

Отъ этихъ обличеній Бориса Тимошеевъ возвращается къ обсужденію дѣла о смерти царевича Димитрія. Подробно рассказываетъ онъ о заточеніи и страданіяхъ матери убитаго царевича, о ссылкѣ и казняхъ угличанъ и по поводу этого восклицаетъ: „Гдѣ суть, иже нѣкогда глаголющеи, яко неповинна суща Бориса закланію царского дѣтища?“ По мнѣнію автора, лучшимъ возраженіемъ противъ защитниковъ Бориса (очевидно, существовавшихъ, какъ показываетъ самое обращеніе къ нимъ автора) служатъ страданія тѣхъ людей, которые отплатили за смерть царевича, и награды родственникамъ убійцъ. Какъ правосудный правитель, Годуновъ долженъ былъ бы наказать

до кн. М. И. Воротынскаго, воеводы Грознаго (*Карамзина*, Ист. Гос. Росс. VII, прим. 302; IX, прим. 391; X, прим. 270).

¹⁾ Сравненіе рассказа Тимошеева съ другими источниками обнаруживаетъ его полную односторонность и неточность. Сравни. *Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, изд. 5-е, ст. 86 — 91 и прим. 267, 269 и 270. — *Соловьева* Ист. Россіи, VII, по изд. 1879 г. стр. 316 — 318. — Кн. *Щербатова* Ист. Росс., т. VI, ч. 2-я, № 28, стр. 252—256.

не только убійць Дмитрія, но и племя ихъ (таковы правовыя представленія автора-человѣка XVI—XVII вѣка); а между тѣмъ Борисъ разыскалъ это племя и его „руки наполни мядою, имѣнни и дарми многими“. Онъ обнаружилъ этимъ „жалвніе свое объ убійцахъ“ и, наказывая угличанъ, какъ бы мстилъ имъ за злодѣевъ. Такое вопіющее нарушеніе правды осталось однако безнаказаннымъ, потому что русскіе люди по своему „несогласію“ и „неумужеству“ не только пустили злодѣю первое преступленіе, но своимъ молчаніемъ еще усилили его дерзость. Онъ свободнѣе сталъ распоряжаться въ отношеніи тѣхъ людей, которые казались опасными его честолюбію и зависти: онъ умертвилъ „агарянскаго царевича“ и двухъ сыновей „латинскихъ краей“¹⁾, пришедшихъ въ Московское государство; онъ, „изъ предъ царя восхищая“, развѣялъ по концамъ земли знатнѣйшихъ русскихъ людей.

Примѣромъ отношенія Бориса къ русской знати служить для Тимоѣева участь князя Богдана Бѣльскаго, къ описанію которой онъ переходитъ. По его словамъ, Бѣльскій былъ любимцемъ Грознаго. Предосудительная близость его къ царю ставила его даже выше Годунова. Бѣльскій сохранилъ свое высокое положеніе и при Θεодорѣ, хотя и не жилъ въ Москвѣ: „вдалѣ града царска во своихъ онъ предѣлахъ удаляемъ бываше отъ молвъ міра за наставшую о немъ въ царствіи тогда бывшую крамолу“ (намекъ на извѣстныя обстоятельства 1584 года). Переѣзжая „отъ веси въ весь“, жилъ онъ въ покоѣ, „снабждаемъ Борисомъ“. Когда же воцарился этотъ послѣдній, Бѣльскій былъ посланъ имъ въ Борисовъ-градъ; но, оклеветанный кѣмъ-то, онъ тамъ легко попалъ въ опалу, благодаря злomu и подозрительному характеру Бориса. Лишивъ его боярскаго сана и громаднхъ имуществъ, Годуновъ „казнь.... позорную ему давъ, градскихъ законъ уставленную, яковою по градомъ казняху злодѣя, разбойники и мытаря; и ина безчестнѣйшая поруганія ему и срамоту волею повелѣвшаго наложиша, и въ мѣста далная поточень бысть“²⁾.

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что подъ названіемъ „латинскихъ краей“ Тимоѣевъ разумѣетъ Іоанна Ддатскаго и Густава Шведскаго. Но Густавъ умеръ уже въ 1607 году (*Rerum Rossicarum Script. exteri*, I, p. 10, 158.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс. XII, прим. 327). Подъ именемъ „агарянскаго царевича“ всего вѣроятнѣе предполагать крымскаго Мурата, жившаго въ Астрахани: его смерть, по слухамъ, была насильственной (Ник. Лѣт. VIII, 13—15.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 17—19.—Нов. Лѣт., 30—31.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 254).

²⁾ Ркп. Флорид. пустыня, л. 85 об.

Подобная же участь постигла и другихъ знатныхъ вельможъ, страшныхъ Борису и оклеветанныхъ предъ нимъ. Однако всѣ эти страдальцы въ послѣдствіи „лучшу первыя въ земныхъ жизнь Ростригою улучиша“.

Если такимъ образомъ Борису не удалось на вѣкъ погубить гонимыхъ имъ, то не удалось ему затмить славу и первой своей жертвы—царевича Димитрія. Весьма пространно и риторически рассказываетъ Тимофеевъ о торжественномъ перенесеніи мощей царевича въ Москву и этимъ оканчиваетъ вторую главу Временника ¹⁾. Не трудно замѣтить, что содержаніе ея не вполне соотвѣтствуетъ ея заглавію. Царемъ Θεодоромъ, царствованію котораго посвящена вторая глава, Тимофеевъ занимается очень мало. Онъ ограничивается его благосклонною характеристикой и все свое вниманіе обращаетъ на Годунова, раскрывая путемъ разбора отдѣльных фактовъ его замыслъ овладѣтію престоломъ. Въ третьей же главѣ онъ характеризуетъ Бориса, какъ монарха и какъ человѣка. Такимъ образомъ, и вторая, и третья главы имѣютъ тѣсную связь между собою и содержаніемъ своимъ заходятъ одна въ другую.

Третья глава ²⁾ начинается описаніемъ воцаренія Бориса. Послѣ смерти царя Θεодора онъ удалился въ Новодѣвичій монастырь, по-

¹⁾ Въ описаніи перенесенія мощей любопытны только нѣкоторыя частности. Тимофеевъ описываетъ одежды, въ которыхъ былъ погребенъ царевичъ, такимъ образомъ: „И се не мало на убійцу во указаніе: не въ погребальныхъ убо, яко же по закону, въ бѣлыхъ ризахъ нынѣ страдалецъ въ рацѣ зримъ, но во иже прилучшихся на немъ во святостраданіи, еговою обогрѣнѣхъ тогда кровію.... Но иже въ пренесеніи первосвятители и царю вложи святыи въ мысль ко еше бы премѣнитися тѣмъ.... Число же въ рацѣ ризъ его сиче бѣ: едина, иже по первѣй на срачицу въ животѣ его обычай полагагтися, опоясуема; таже двѣ единого существа бѣловиднаго тканія, иже къ тѣлеси приближи суть: срачица и гащи, иже дальнѣйшая объемая части тѣла до плесну; по сихъ препоясанія; елика къ симъ же сандалицы со обувными платы, багряновиденъ тѣхъ зракъ бѣ. Митра же честные его главы моему недостойну забвися виду: суть ли ту съ прочими, или нѣ?“ (Ркп. Флорыщ. пустыни, лл. 91—92 об.). Изъ этого описанія ясно, что авторъ былъ очевидцемъ перенесенія мощей царевича. Странно поэтому читать его показаніе, что „Гермогенъ всеа Росія великій патріархъ всесоборне иконамъ вослѣдуя во срѣщеніи новомученика“ (л. 88 об.). Объ отсутствіи Гермогена узнаемъ изъ официальныхъ источниковъ, которые нѣсколько расходятся съ разбираемымъ Временникомъ и въ описаніи одежды царевича (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48). Впрочемъ, Тимофеевъ сознается, что кое-что „моему.... забвися виду“.

²⁾ Ркп. Флорыщ. пустыни, лл. 94—155 об.

тому что боялся, по мнѣнію автора, какъ бы не раскрылись въ это время всѣ его преступленія противъ угасшей династіи. Кромѣ того, со стороны ему было удобнѣе наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. По словамъ Тимоеева, онъ легче могъ узнать, кто былъ его другомъ и кто врагомъ, кого онъ долженъ былъ со временемъ наградить, а кого преслѣдовать. Однако, съ удаленіемъ Бориса, въ Москвѣ продолжали дѣйствовать его родственники и „спомогатели“, „яко вездѣ быти въ людѣхъ того всѣхъ слухъ и око“. И вотъ „наутріе“, „въ сырней седмицы вторникъ“, сторонники Бориса подвинули Москву на его избраніе ¹⁾. „Молебну челоуѣку угодія хартію писаними тѣщанно соплетше“, иначе говоря, составивъ опредѣленіе объ избраніи Бориса, рачители Годунова явились во дворъ „самого архіерея“, то-есть, патріарха Іова, и принудили его съ крестнымъ ходомъ идти въ монастырь къ ихъ избраннику просить его на царство. За крестнымъ ходомъ явилась въ монастырь и масса народа, „люди вся отъ старецъ до юношей“. Борисъ вышелъ „во срѣтеніе всеградской святыни“ и присутствовалъ на молебнѣ, послѣ котораго всѣ пришедшіе стали просить его на царство ²⁾. Несмотря на то, что Годуновъ „съ клятвой“ отказывался отъ престола, его продолжали молить. Тогда онъ, продолжая отказываться, притворно далъ понять народу, что дальнѣйшія просьбы заставятъ его наложить на себя руки,—и затѣмъ убѣжалъ въ келью царицы Ирины ³⁾. Тѣмъ не менѣе его не оставили въ

¹⁾ Тимоеевъ представляетъ избраніе Бориса дѣломъ одного дня и описываетъ только то, что происходило въ Новодѣвичьемъ монастырѣ во вторникъ сырной недѣли, то-есть, 21-го февраля (Ак. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 29). При этомъ его выраженіе „наутріе“ нельзя понимать въ томъ точномъ смыслѣ, что избраніе Бориса произошло на другой же день послѣ его отъѣзда изъ Москвы.

²⁾ Говоря, что московская знать усердно увѣщала Бориса, Тимоеевъ такъ описываетъ крики среднихъ и простыхъ людей: „Среднимъ же и до мала всѣмъ неаппо съ воплемъ многимъ кричати не въ чинъ, яко до нѣе разсѣдѣтися отъ вопля того утроба ихъ, и лица рѣдѣтися ото рѣднѣя, и ушеса своя отъ шума того слышавшихъ затыкати. Таково челоуѣкомъ угодія лести быше въ нихъ“ (Ркп. Флорин. пустыни, лл. 97 об.—98). Однако Тимоеевъ ни слова не говоритъ о тѣхъ агентахъ Годунова, которые, по словамъ Повѣсти 1606 года, насиліемъ понуждали вародъ плакать и вопять.

³⁾ „Онъ же (говоритъ авторъ о Борисѣ), зря всѣхъ таковое о себѣ прошенія прилежаніе, еще спокрывся нехотѣніемъ и выспръ, яко орелъ, превзатся мѣроу паче и прелюкавнѣ явленными показанми оболстеваше люди. Иже въ рукахъ держа пота своего утиранія тканіа платъ, сего плата, въ приложеніе своимъ онъ клятвамъ, предстоящимъ вдаль народу, иже не слышавшимъ отъ прочихъ вопля словесъ его, ставше ему въ крылу церковнымъ, прямо входу западныхъ

покоѣ. Народъ обратился къ царицѣ-инокѣ и просилъ ее, да „вдасть повелительне брата молящихъ прошенію“. Въ это время какой-то мальчикъ неизвѣстно какъ очутился на монастырской стѣнѣ у оконъ царицной кельи и такъ громко просилъ царицу дать Бориса на царство, что крикъ его покрывалъ голоса народа, стоявшаго дальше отъ кельи ¹⁾. Этотъ случай, неприличный въ глазахъ Тимоѣева, убѣждаетъ его въ томъ, что для избранія Бориса его рачители не стѣснялись прибѣгать къ самымъ безчиннымъ и наглымъ поступкамъ. И они достигли цѣли: изъ покоевъ Ирины просители вышли съ ра-

врать на мѣстѣ высокоу, еже мощи видену ему быти всѣмъ,—оного плата окрестіа своя облагаше. Ближнимъ, имъ же мощи гласъ словесъ человеческихъ слышети, симъ глаголаше, дальнимъ же прилагателне о себѣ показуя разумѣвати, яко бы удавитися понуждаемаго ради хотише, аще не престануть молящен. Таково послѣднее тогда своего нехотѣнія притвореніе людскому множеству показавъ и плошайшихъ убо симъ въ вѣру многу улови, прочихъ же накая же, яко и сего его лстиваго ловленія сѣтей разумѣни се вышшимъ быти. Но что успѣ разумѣни? аще и уразумѣша, но хотящее богопопущенне быти превратити невозмогаша“ (Ркп. Флорич. пустыни, лл. 98 об.—99 об.). Если не ошибаемся, эта частность въ поведеніи Годунова не указана ни однимъ изъ извѣстныхъ источниковъ.

¹⁾ „Къ симъ же (разсказываетъ авторъ при описаніи народныхъ просьбъ къ Иринѣ) отрокъ нѣкій наученъ не вѣдъ кини, хотимъ ли самъ коварне нѣжако, или блазнителни его. Яко проповѣдника извѣтомъ предъ лицомъ мнихопребывательныхъ затворивъ (затворами Тимоѣевъ называетъ келью) царицы посадиша и на забралѣхъ, поставленѣхъ въ защищеніе града храмомъ оной мнишицы смиренія ради, и выпсрь сего на та возвесше при самыхъ оконцахъ державныя. Извѣтомъ народа яко во уши той младый вопити повелѣнъ; просимыхъ же моленію согласенъ отрока яопль бысть. Вся народныя ихъ гласы превосходи, къ затворшейся, иже въ темныхъ храмѣхъ волею, единогласно вопія, да дастся ею поставитися царски братъ ея во главу всѣмъ людѣмъ. И пакы то жъ непремѣнне крича и не престаа. И елико сей вопіаше, симъ паче хотимаго обличаше, яко уже студъ бѣ мнозѣмъ и слышати таковаго нецѣлаго и бесчисленнаго вопля. И аще не бы любезевъ былъ и кромѣ воли желателя таковъ близъ неприступныхъ храмовъ бесчиненъ и много вопль уноша, то не бы къ мѣсту тому и приступити смѣлъ, ниже бы зрящая стерпѣли тому на мнозѣ, яко и въ среднихъ таковымъ бывати не стерпѣвають, ни попускаютъ же“... (Ркп. Флорич. пустыни, лл. 100—101 об.). Разсказъ Тимоѣева немного напоминаетъ собою анекдотическія сообщенія Петрея и Буссова о мальчикахъ и юношахъ, посланныхъ народомъ умолять Бориса (*Петрей*, въ *Regum Rossicarum Script. exteri*, I, p. 154: „schickten etliche tausent junge Knaben aus“.—*Буссовъ*, *ibidem*, p. 7: „da machte die gantze Gemeinde einen Haufen junger Knaben und Jünglinge aus“; но въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, I, стр. 16: „два отрока подошли къ монастырю“).

достю и велѣли служить молебны за новаго государя. Борисъ же, давъ свое согласіе, „много не отлагая, отъ лавры паки вниде во градъ“.

Дѣятельности новаго государя авторъ не изображаетъ систематически. Во второй половинѣ третьей главы находимъ лишь общую характеристику Годунова и въ связи съ нею изображеніе нѣкоторыхъ отдѣльных фактовъ. Факты эти приводятся для того, чтобы показать честолюбіе Бориса и его заботы о сохраненіи пріобрѣтеннаго величія. Тимофеевъ насмѣшливо описываетъ походъ Годунова къ Серпухову противъ татаръ, предпринятый будто бы лишь тогда, когда Борисъ твердо увѣрился, что крымцы не пойдутъ на Русь. Для Бориса походъ былъ средствомъ повеличаться и предъ своими людьми, и предъ татарскимъ посольствомъ; но довѣрчивые москвичи видѣли въ этомъ особенную заботу Годунова о царствѣ и еще болѣе привязались къ нему ¹⁾. Съ полнымъ осужденіемъ говоритъ затѣмъ Тимофеевъ объ учрежденіи ежегоднаго крестнаго хода въ Новодѣвичій монастырь въ память избранія Бориса. По его мнѣнію, это было не празднованіемъ Богу, а человѣкоугодничествомъ со стороны патріарха Іова, потакавшаго „славоослѣпленію“ Годунова ²⁾. Такое же человѣкоугодничество видитъ Тимофеевъ и въ томъ обычаѣ, по которому многіе строили церкви въ честь государева ангела для того только, чтобы этимъ получить милость Бориса ³⁾. Принимая охотно

¹⁾ „Симъ искожденіемъ ко еже возлюбити его всѣхъ паче утверди, иже не разумѣющихъ козневаго“, говоритъ авторъ о Борвѣ по поводу похода (Ркп. Флорш. пустыни, л. 107).

²⁾ Замѣчая, что этотъ крестный ходъ не совершался по смерти Годунова, авторъ говоритъ: „не убо ли отъ сихъ и первосвященителя съ прочими обнажила честное послушеніе въ животъ сему“, то-есть, Борису (Ркп. Флорш. пустыни, л. 111.—См. Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 37—38).

³⁾ „Во имя бо купно державныхъ ангеловъ храмы здаху мнози съ доволства, яко вѣчны, и иконы писующе украшаху и прочая чести тѣмъ сотворяюще. Славными же несмыне о сихъ ублажахуся честію опасво, сами сіа о себѣ вѣдущи и зрачи. И по исходѣ славолубныхъ отсюду храмы они опустеваеми и небрегоми, яконы же презираеми, яко поругани и насмѣховаеми умаленіемъ вѣры, аля же прежде почитаеми, сими и оставляеми“ (Ркп. Флорш. пустыни, л. 111—111 об.). И Авр. Палицынъ въ первоначальной редакціи своего Сказанія говорить о легкомысленномъ созиданіи церквей и о пренебреженіи къ нимъ самихъ же строителей, желавшихъ видѣть свой храмъ для того, напримѣръ, чтобы не ходить въ церковь непріятнаго имъ сосѣда (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 335 об.—336 об., л. 365 об.).

всякую лесть, Борисъ и самъ „возносился гордостью“ и старался прославить свое имя. „Всецашно надымаяся, тоже и отъ ласкатель ему своихъ бояръ поджизаемъ хвалою лъстивою“,—Борисъ задумывалъ построить въ Москвѣ новый храмъ вмѣсто древняго Успенскаго собора и устраивалъ богатѣйшую плащаницу. Но Богъ не принялъ его гордыхъ даровъ, и Борисовы начинанія не были доведены до конца ¹⁾. Также неудачны были и старанія Бориса укрѣпить себя и свой родъ на престолѣ, хотя онъ и прилагалъ къ этому всѣ усилія.

Тимоѣевъ возмущается тѣмъ, что Борисъ при вступленіи на престолъ требовалъ отъ народа присяги не по старой формѣ. Прежніе государи „въ жительныхъ храминахъ таковое о своемъ утвержденіи сотворяти повелѣваху“. Борисъ же, наученный своими ласкателями, придалъ присягѣ особенный характеръ и для того, чтобы лучше укрѣпить свою власть, велѣлъ народу присягать въ церквахъ ²⁾. Въ Москвѣ при цѣлованіи креста должно было присутствовать духовенство и боярство съ патріархомъ во главѣ. Въ Успенскомъ соборѣ присяга шла много дней съ утра до вечера, и въ эти дни нельзя было, какъ слѣдуетъ, совершать литургіи: „народовъ соймы, въ церкви снемшися вкупѣ, кричаху клятву“. Нарушеніе церковнаго благочинія не было единственнымъ зломъ: для большей крѣпости присяги Борисъ въ подкрестную запись включилъ страшную и неумѣстную угрозу: „богоотступно слово приведе,—говорить Тимоѣевъ,—яко не быти на

¹⁾ Плащаницу Тимоѣевъ называетъ описательно „Христа Бога гробомъ, божественныя Его плоти вмѣсталищемъ“. По его словамъ, это драгоценное сооруженіе Бориса имѣло печальную участь: „нелѣпные Ростригою лжецаремъ на доможательныя potreбы бжеобразны сокрушени разсыпашеся, неже хитротвореніе красоты жалость отъ разбіенія удержѣ“. Точно также и матеріалы, заготовленные Борисомъ для построенія храма, „яко непотребны вывнишася: Шуйскимъ Васильемъ царемъ на ина зданія, даже на простыя храмы вся распродалшася“ (Ркп. Флорид. пустыни, лл. 122 об. и 123 об.). Не говоря о томъ, какой именно храмъ хотѣлъ строить Борисъ, Тимоѣевъ только замѣчаетъ, что онъ долженъ былъ замѣнить Успенскій соборъ. Въ первоначальной редакціи Сказанія Палицына читаемъ: „Царь убо Борисъ мысля храмъ новъ воздвигнути во имя Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа и, по образцу содѣланному смѣтивъ, готоваше много множество къ созиданію праведнаго, а неправеднаго собранія. И хотя Устиніану уподоби(т)ся, но Маврикіеву часть получи“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 366 об.—367).

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 39: „.....у пречистыя Богородицы чюдотворного ея образа и у цѣлбоносныхъ гробовъ великихъ чюдотворцевъ Петра и Іоны животворящей крестъ цѣловала“.

насъ всѣхъ Сотворшаго ны милости и святыхъ Его¹⁾. Этимъ самымъ Борисъ, по мнѣнію автора, „анаемѣ всѣхъ подложи“. Но такими угрозами онъ не укрѣпилъ своего господства; это показали послѣдующія событія. Такъ же безплодны, какъ грозная присяга, были и другія мѣры Бориса, направленные „къ укрѣпленію его имени“. Напрасно онъ предписалъ пѣть въ церкви многолѣтіе не себѣ одному, но всей своей семьѣ: „зъ женою ему кунно и съ чады повсюду пѣватися сотвори“. Напрасно приказывалъ онъ писать царское имя „полнымъ имепованіемъ“ при всякомъ случаѣ и жестоко наказывалъ за неисполненіе этого. Напрасно, выстроивъ знаменитую колокольню, онъ написалъ на ней свое имя „въ позлащенныхъ дѣлкахъ златописьманными словесы“. Напрасно, наконецъ, онъ спряталъ торжественную грамоту о своемъ избраніи въ раку мощей святителя Петра, которая до него никогда не открывалась²⁾. Все это не создало ему прочной власти и славы,—и самозванецъ „пришедъ, среди царствія срамне того и всеродно низложи“.

Всѣ приведенные нами факты служатъ для Тимоѣева доказательствомъ чрезмѣрнаго честолюбія Годунова. Изображеніе его преступленій и интригъ, направленныхъ къ достиженію власти и славы, составляетъ главную задачу автора во второй и третьей главахъ его Временника. Однако, безпощадно относясь къ самому Борису, Тимоѣевъ не его одного считаетъ отвѣтственнымъ за зло, имъ сдѣланное. Окруженный льстецами и порочными совѣтниками, Борисъ часто попадалъ ихъ вліянію и дѣйствовалъ по ихъ совѣтамъ³⁾. Но ослаб-

¹⁾ Въ покрестной записи Борисовой дѣйствительно было подобное выраженіе: „А не учну азъ Государю....служити и примити или какое что лихо сдѣлаю мимо се крестное цѣлованіе, и не буди на мнѣ Божья милость и Пречистыя Богородицы....и всѣхъ Святыхъ“ (Акт. Арх. Эксп. II, № 10, стр. 61; сравн. № 44, III).

²⁾ Вотъ какъ говорятъ объ этомъ поступкѣ Бориса Тимоѣевъ: „Къ прочимъ еще о себѣ утвержденіемъ и сіе приложити умысли: ко еже избранію его укрѣпленію скрижалъ велію на хартїи съ печатными вси людїе о немъ иже отъ первосвятителя и синглитъ весь, даже бо и до нарочитыхъ, да напишутъ съ подписаннми своихъ имъ десницъ. Къ сему же еще не устращиса дераутъ, иже заклепанный отвердити гробъ и вложити ту во златый новчегъ ко освятованнымъ мощемъ русскаго первосвятителя во святыхъ дивнаго чюдотворца Петра раку“....„Святителей на се принудилъ, ласкательми же наумняемъ, и по растлѣніи отгвожденіемъ кіота сего пакы оней того затвори“ (Ркп. Флорич. пустыни, лл. 138 — 139. — Сравн. избирательную грамоту въ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 46, и въ Др. Росс. Визлїоникъ, изд. 2-е, VII, стр. 109—110).

³⁾ Самая мысль искать царства внушена Борису, по словамъ автора, отъ „ласкатель ему своихъ бояръ“: они „и къ царствія желанію сего подвигоша“ (Ркп. Флорич. пустыни, лл. 121 об.—122).

ленный жаждою власти, подозрительный и жестокий, онъ платилъ зломъ даже своимъ друзьямъ и руководителямъ. Такъ пострадали отъ него два брата „самописчихъ“ (то-есть, дяковъ), которыхъ Тимоѣевъ не называетъ по имени, но подъ которыми намъ некого разумѣть, кромѣ братьевъ Щелкаловыхъ ¹⁾. Одинъ изъ нихъ, по словамъ автора, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ возвышенію Годунова, былъ его вѣрнымъ „наставникомъ и учителемъ“ на первыхъ шагахъ жизненнаго пути,— и по воцареніи Бориса былъ посланъ въ ссылку вмѣстѣ съ братомъ. Такъ же Борисъ поступалъ и съ прочими своими пріятелями.

Объяснить, какъ зародилась въ душѣ Бориса „гордость“ и стремленіе къ власти, Тимоѣевъ не берется. Онъ только замѣчаетъ, что учрежденіе на Руси патриаршества было первымъ успѣхомъ Бориса, поднявшимъ его самомнѣніе: „устройство се бысть начало гордыни его“, говоритъ онъ ²⁾. Гораздо болѣе интересуется Тимоѣева то обстоятельство, что Борисъ, при полномъ отсутствіи образованія ³⁾ и при всѣхъ своихъ порокахъ, обладалъ тѣмъ не менѣе прекрасными свойствами правителя и человѣка. Скрыть это отъ читателя авторъ не считаетъ возможнымъ, потому что иначе открылось бы пристрастіе писателя, а Тимоѣевъ желаетъ быть безпристрастнымъ. Онъ пытается

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ Тимоѣевъ этихъ „самописчихъ“: „Нѣкоего своему злу злокозненна всячески наставника и учителя си имѣ (Борисъ)...древня мужа, иже въ царскихъ ступающихъ тайнахъ премудрыхъ царей нашихъ предваршихъ приближена бывша и многолѣтна, глаубочайшими сѣдинами цвѣтуши и состарѣвшися. Безъ него же никакая же державныхъ тайна и о землѣ правленіюхъ законоустановка положенія не совершася, понеже въ дѣльныхъ злѣо злохитръ бѣ. Отъ сомнѣнныхъ ему и въ преимушихъ чиномъ всего снисклѣта имѣ свидѣвъ до дне смерти его и по немъ донимѣ не обрѣташася. Такова убо се той желатель царствію учителя тезовлобна по нраву стяжа. Бѣ же сему мнѣ соутробный на се съ нимъ оному споборникъ. Она же своему чину первовачалины суть въ самописчихъ“ (Ркп. Флоріщ. пустыни, лл. 135 об.—136 об.). Подъ это опредѣленіе легко подходитъ думный дякъ Андрей Щелкаловъ съ братомъ Василиемъ, вліятельные въ концѣ XVI в., близкіе къ Годунову и пострадавшіе при немъ (Сказанія Массы и Геркмана. С.-Пб. 1874, стр. 55.—*Карамзина*, Ист. Гос. Росс., X, прим. 344; XI, прим. 159.—„Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся“ и т. д. въ *Чт. Моск. общ. ист. и др.* за 1846—1847 г., IX, стр. 1.

²⁾ Ркп. Флоріщ. пустыни, л. 146.

³⁾ Тимоѣевъ представляетъ Бориса даже неграмотнымъ: „Онъ же презрѣ словесъ силу, глаголемыхъ Богомъ, а не разумѣ: отнюдъ бо бѣ снмъ неуксусемъ смъ отъ роженія до до конца...И чюдо! яко первый таковъ царь не книгочій намъ бысть“ (Ркп. Флоріщ. пустыни, л. 102 об.). „Слѣпый вожъ толико стаду бивъ, грамотичнаго ученія не свѣдѣй же до мала отъ юности, яко ни простымъ буквамъ навичень бѣ. И чюдо! перный бо той въ Росіи десподъ безкинижень бысть“ (л. 125 об.).

объяснить двойственность характера Бориса тѣмъ, что Борисъ только прикидывался добродѣтельнымъ, съ цѣлью обольстить народъ. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ во Временникѣ и такую мысль, что „и отъ самодержавнаго вправду Θεодора многу благу ему (Борису) навикнути: отъ младыхъ бо ноготь придержася пять его“¹⁾.

Желаніе показать читателю и хорошія стороны Годунова наравнѣ съ дурными заставляетъ Тимофеева дать общую характеристику Бориса. Въ первое время его дѣятельности Борисъ еще не осквернилъ себя преступленіями и являлся образцовымъ правителемъ, благочестивымъ, добрымъ и правосуднымъ, защитникомъ слабыхъ и врагомъ всякаго зла²⁾. Властолюбіе привело Бориса ко многимъ преступленіямъ, измѣнило и весь нравъ его. Онъ „всяко всѣмъ жестоко и тяжекъ обрѣтсѣ“, послѣ того какъ достигъ царскаго вѣнца. Но и тогда онъ былъ на столько благоразумнымъ правителемъ, что другіе

¹⁾ Ркп. Флорис. пустыни, л. 118 об.

²⁾ Приводимъ эту похвальную характеристику Бориса съ тѣми несправностями, какія находимъ въ спискѣ: „Въ началѣ убо житія си онъ всяко добровиновень бѣ. Первое его и добро творивъ и началъишнее къ Богу, неже къ людямъ, се еше о благочестіи всяцѣмъ ревнитель усердеа по древнихъ о церквехъ съ чинми тоа бысть попечениемъ прилежень. Требующимъ давателъ неоскудеа; къ мірови въ молбахъ о всяцей вещи преклонительъ кротостень; во отвѣтъхъ всѣмъ сладость; на обидящихъ молящимся, беспомощнымъ и вдовицамъ отистатель скоръ; о земли правленіохъ прилежаніемъ премногъ; правосудства любленіемъ безмездно; неправдѣ всяцей изниматель не лестень; о зданіохъ градостроительныхъ вещей, яже въ царствіи наполнянію тому прилучнымъ красоты, урженіемъ излишень. Доможителное всѣмъ во дни его пребываніе въ тихости необходимо, даже и до начатія еше по немъ самобезначальства въ земли. Насилующимъ маломощныхъ возбраненіе зъ гнѣва прещеніемъ уемно, развѣ обидѣ или слухъ его не пріять; обидимыхъ отъ рукъ сильныхъ изнимательъ крѣпокъ; купно о всея земли утверженіе попеченіемъ показуся прензалиха, дондеже не превзять любовластіемъ. Въ безмѣръ богомерскому винопитію продаваніе отнюдное искорененіе съ наказаніемъ; злыхъ мздопріимству всему вконецъ умерщвленіе неощищено баше, мерско бо ему за нравъ; на всяко зло, сопротивное добру, искоренитель неумодимъ со властію, яко же нинѣмъ воздоброе мздовоздатель не лестень.... Въ чаеъ же смерти его никто же вѣсть, что въ немъ одолѣ въ ка страна мѣрила претягву дѣла его, благая ли злая“ (Ркп. Флорис. пустыни, лл. 117—119). Подобную похвалу дѣятельности Бориса можемъ найти только въ Повѣсти патріарха Іова и отчасти у Авр. Палицына и въ Хронографѣ 2-й редакціи. Не думаемъ, однако, чтобы Тимофеевъ могъ заимствовать у кого-либо изъ нихъ свою оцѣнку Бориса: Хронографъ и Сказаніе Палицына составлены одновременно съ его Временникомъ, а Повѣсть патріарха Іова, если Тимофеевъ ее и зналъ, не подчинила его одностороннимъ взглядамъ патріарха, котораго авторъ считалъ угодиномъ. Бориса, какъ мы видали выше.

монархи не чуждались его и считали его равнымъ себѣ ¹⁾. Однако во внутреннемъ управленіи Борисъ, по мнѣнію Тимоѣева, не избѣгъ роковыхъ ошибокъ. Возвышая не по заслугамъ незнатныхъ людей ²⁾, онъ дѣлалъ этимъ двоякій вредъ. Прежде всего, онъ раздражилъ противъ себя знать, ненависть которой ему и пришлось почувствовать впоследствии ³⁾. А кромѣ того, люди, возвышенные имъ, не имѣя навыка къ государственнымъ дѣламъ, явились весьма плохую и подкупною администраціей, возстановившею народъ противъ Бориса. Все это повело къ тому, что Борисъ, разгнѣвавъ Бога своими дѣлами, не могъ укрѣпить своего царства и на землѣ.

Таковъ взглядъ Тимоѣева на личность и дѣятельность Бориса. Общую оцѣнку Годунова заканчивается третья глава Временника, и въ главѣ четвертой ⁴⁾ авторъ переходитъ къ повѣствованію о самозванцѣ. На сколько внимательно относился Тимоѣевъ къ Годунову, на столько бѣгло говоритъ онъ о Лжедмитріи. Какъ и всѣ прочіе писатели XVII вѣка, онъ убѣжденъ, что роль царевича Дмитрія принялъ на себя Гришка Отрепѣвъ, бѣжавшій въ Литву и тамъ сбросившій иноческое платье. Но обстоятельной біографіи Разстриги Тимоѣевъ не сообщаетъ. Мимоходомъ лишь говоритъ онъ, что Гришка въ Литвѣ обручился съ еретицей Мариной и, съ помощью поляковъ достигнувъ престола, хотѣлъ искоренить на Руси православіе. Объ этомъ послѣднемъ узнали уже послѣ сверженія самозванца: „по смерти его отъ тайныхъ его уведено бысть“. По словамъ Тимоѣева, русскіе

¹⁾ „Таковъ бо той бысть рабодарь, яко и прочая величайшая и прегордая во вселеннѣй цари, иже нечестивыхъ державъ обладателя, рабородства того не отвращахуся, ни гнушахуся; державнаго ради сонменства и благоразумія его, о земныхъ слышаще справаго (быть можетъ, справахъ?), братства и друголюбства не отметахуся, яко же и благородныхъ прежде его бывшихъ, ли и вѣцше. И что давно: аще быша по семъ намъ нѣмъ цари разуму, но къ сего стѣнь суть оныхъ разумъ“ (Рип. Флорш. пустыни, л. 103—103 об.—Сравни. Сказаніе Авр. Паладина, изд. 2-е, стр. 19).

²⁾ „Худородныи на благородныхъ возводи онъ степени кромѣ мѣры и времени, тайнословіа ради тѣхъ ко оному“... (Рип. Флорш. пустыни, л. 140 об.—Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 189).

³⁾ „Сими той на ся въ сердцахъ величайшихъ, о еме на высокая меншихъ вчивенныхъ, велеразсужену (велеразжжену?) и неугасну стрѣлу гнѣва къ неаивности вонмалъ, еме и сотворися по днѣхъ, ео стекшимся отъ него имъ въ прочихъ купно по временахъ досадахъ (досадамъ?)“ (Рип. Флорш. пустыни, лл. 140 об.—141.—Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 189: „на ся отъ всѣхъ Русьскія земли чинаочальниковъ негодование наведе“).

⁴⁾ Рип. Флорш. пустыни, лл. 156 об.—191 об.).

люди, недовольные правленіемъ Бориса и считавшіе Гришку за настоящего царевича, передались ему еще въ то время, когда онъ былъ въ Польшѣ: „еще ему внѣ сущу предѣль Русскія земли“. Борисъ же, слыша о самозванцѣ, „съ высоты престола царствія низвержеся“, не потому, чтобы боялся силы Лжедмитрія, но вслѣдствіе укоровъ собственной совѣсти ¹⁾. Встрѣченный всѣми, какъ истинный государь, самозванецъ легко достигъ Москвы.

Съ полнымъ сочувствіемъ относится Тимофеевъ къ семьѣ Бориса и съ сожалѣніемъ передаетъ о смерти его жены и сына и о несчастіяхъ дочери. Переведенная изъ дворца въ домъ одного изъ угодниковъ самозванца, „приближна нововельможи“ ²⁾, Ксенія была пострижена въ монашество и затѣмъ терпѣла много гора и униженій ³⁾. Одновременно со сверженіемъ Θεодора Борисовича свергнуть былъ и патріархъ Іовъ; поставленный же на его мѣсто Игнатій былъ вѣрнымъ слугою самозванца. Поэтому, когда Аѳ. Власьевъ привезъ въ Москву невѣсту Лжедмитрія ⁴⁾ и поднять былъ вопросъ о ея кре-

¹⁾ Тимофеевъ высказываетъ мысль, что самозванецъ былъ посланъ Богомъ именно для наказанія Бориса: „не только сей на ны, елико оного властолюбца поразити страхомъ пущенъ бысть, суду на неправеднаго пришедшу праведну“ (Рип. Флорищ. пустыни, л. 157).

²⁾ Имени этого вельможи во Временникъ нѣтъ. Въ позднемъ Морозовскомъ Лѣтописцѣ читаемъ, что самозванецъ „даревну же Ксенію повелѣ блюсти и въ дому князя Василья Масальскаго повелѣ ей пребыти“ (Рип. Имп. Публ. Библиотеки F. IV. 228, л. 109.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 348).

³⁾ „Тогда сію не брегому (говорить авторъ о Ксении-монахинѣ) и мелчайшіи чади многи обгляда око, и оттуду на лѣта къ болшему безчестію продолжася животъ ея даждъ и до четвертаго по отцы царюющаго.... И отъ мѣста на мѣсто, и отъ лавры въ лавру она превожденіе подъя. И до толка безславія жизнь ея протяжеся, яко и до еше егда всему царску граду объята отъ противныхъ в во облежаніи бывшу, въ немъ той съ прочими затворени,—всякаго безчестія скудость и нужду претерпѣти, даждъ и до сего, яко и иноплемennыхъ языкъ самыхъ враговъ отца ея ту уничтожене руки осазаша. Прочее же помолчю: елико въ царствіяхъ превзятыхъ высоты достиже, множае въ низайшихъ безчестія всякаго.... И да никто же, иже отъ здѣ глаголъ, сопротивво нѣкое тоя чистотѣ възнепшуетъ, еше бы по изволенію ея: не буди то, развѣ насилія многа“... (Рип. Флорищ. пустыни, лл. 162 об.—163 об.). Хотя эти показанія не идутъ даже намековъ, но они представляются намъ довольно любопытными.

⁴⁾ Объ Аѳ. Власьевѣ находимъ у Тимофеева такой отзывъ: онъ говоритъ, что Марина Минишекъ „въ царскій градъ приводится нѣкоимъ отъ сивилитъ станиникомъ его Власовымъ Оеонасомъ, всяко челоуѣкоугодне ему отъ сердца и душа послужившу чести ради гнилыя... Приведый же сію тайноглагольникъ его Аѳонасъ отъ пославшаго его санъ нѣкій паче достоянія своего и имени сугуби

щеніи, церковный соборъ, уstraшенный участіемъ Іова и прельщенный самозванцемъ, потворствовалъ желаніямъ Лжедимитрія. Лжедимитрій вѣнчался съ Мариною, не крестивъ ея въ православіе.

Дѣятельность самозванца во время его правленія Русью Тимоѣевъ рисуетъ самыми общими чертами и относится къ ней съ рѣзкимъ осужденіемъ. Лжедимитрій „ничимъ тогда мнѣ самого антихриста“ казался русскимъ людямъ. Онъ оскорблялъ народъ въ его вѣрованіяхъ и обычаяхъ; онъ разрушалъ порядокъ въ государствѣ, раздавая чины „ради студныхъ дѣлъ“; онъ истощалъ для удовольствія поляковъ несмѣтныя сокровища древней царской казны. Хотя его окружала сильная стража и онъ наводилъ на всѣхъ страхъ, убивая и заточая обличающихъ его людей,—тѣмъ не менѣе противъ него удачно былъ составленъ заговоръ, и самозванецъ скоро погибъ со всѣми близкими къ нему поляками ¹⁾.

По словамъ Тимоѣева, русскіе люди надѣялись, что со смертію Лжедимитрія наступятъ спокойные дни; но Богъ, погубивъ самозванца, „сохранилъ“ для наказанія Руси лютейшія бѣды. Убіеніемъ Лжедимитрія, бывшаго орудіемъ поляковъ, москвичи возбудили вражду Польши: „всю землю ихъ сами на ся симъ восколебахомъ“, говоритъ авторъ о своихъ современникахъ. Въ сильныхъ чертахъ изображая картину разоренія, постигшаго Русь послѣ перваго самозванца, Тимоѣевъ высказываетъ убѣжденіе, что тяжелыя испытанія посланы Богомъ на русскихъ людей ради ихъ тяжелыхъ прегрѣшеній. Разсужденіе о томъ, „отъ кихъ разлися грѣхъ земля наша“, составляетъ у Тимоѣева какъ бы вступленіе въ пятую главу, содержащую въ себѣ разсказъ о всей позднѣйшей смутѣ. По мнѣнію автора, невозможно и перечислить всѣхъ пороковъ русскаго общества. Главнѣйшими считаетъ онъ клятвopреступленіе и издѣиство, честолюбіе и

честь преложеніе не въ лѣпѣту пріять. Всѣхъ соаровищныхъ царскихъ добротъ властохранителя надо всѣми того постави, вся царская ему вручи хранилища... И предходатая его сотвори себѣ напоследокъ, име втораго чина боярска стулающа съ прочими предъ лицемъ лжецаря“ (Ркп. Флорис. пустыни, лл. 164 об. 165 об.). При Лжедимитріи Ае. Власьевъ былъ въ околничихъ и именовался „Potsearbi nadworny i secretarz wielki“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 93, стр. 210).

¹⁾ Судьба Разстрѣги напоминаетъ Тимоѣеву „Притчу о царевѣ сынѣ римскомъ, име постригся и чини иноческій образъ попра: розстрѣгшися, восхотѣ совокупитися браку“. Эта притча внесена въ конецъ четвертой главы Временника (Ркп. Флорис. пустыни, лл. 188—191); она повѣствуетъ о страшной гибели царевича, презрѣвшаго иноческіе обѣты, и въ заключаетъ въ себѣ нѣкихъ историческихъ чертъ.

оскуднѣніе любви къ ближнимъ, роскошь и нравственное растлѣніе вообще. Православная Русь ничѣмъ не отличается отъ еретическихъ странъ: „единѣмъ точію лучши сихъ явихомся, еже ко иконамъ покланяемую въ себѣ имяхомъ почестъ и еже не сонзволюемъ съ ними преданія намъ посты разорити“. Справедливымъ поэтому наказаніемъ Руси были такіе люди, какъ Борисъ и Лжедимитрій; заслуженнымъ было и то страшное разореніе, какое наступило послѣ нихъ.

Этому разоренію посвящена пятая, самая обширная глава Временника ¹⁾. По сравненію съ предыдущими главами, она представляется гораздо менѣе обработанною и интересною. Тимоѣевъ самъ сознается, что, сидя въ Новгородѣ, онъ могъ только по слухамъ узнавать о событіяхъ, происходившихъ въ Московскомъ государствѣ при царѣ Василии Шуйскомъ и во время московскаго разоренія. О многомъ, какъ напримѣръ, объ освобожденіи Москвы, онъ и вовсе не рассказываетъ. Всего внимательнѣе относится онъ къ новгородскимъ дѣламъ; но и о нихъ говорить не всегда обстоятельно и ясно. При такомъ характерѣ изложенія, мы можемъ извлечь изъ заключительной главы Временника сравнительно немногія любопытныя мелочи и частности.

Начинается пятая глава разсказомъ о воцареніи князя Василія Шуйскаго, къ которому Тимоѣевъ относится очень дурно. По его мнѣнію, Шуйскій самозванно сѣлъ на престолъ помимо согласія народа и патріарха. Виновникомъ его воцаренія былъ Михаилъ Татищевъ. Онъ первый провозгласилъ князя Василія царемъ, но этимъ ничего не достигъ лично для себя ²⁾. Царь Василій послалъ его на

¹⁾ Рип. Флоріщ. пустыни, лл. 192—312.

²⁾ Вотъ какъ описано во Временникѣ воцареніе Шуйскаго: „Безъ Божіа, мню, его избранія же и благоволенія сѣдша, ниже по общаго всеа Русіи городовъ людскаго совѣта себѣ составляша; но самозвольные и единѣмъ нѣкимъ присоединившимся ему сложеніемъ въ мысль, напраснымъ въ дѣлахъ и словесѣхъ, волкохитивымъ лжеислентіаромъ, яже отъ перваго рабониеннаго въ Росіи царя Бориса богопротивное ему нѣкае тайнослуженіа угожденіе не свойственное ниже достойное въ синклитства чинъ нововводнаго, худородна же по всему Михаилъ Татищева. Прже бо нѣкогда оному первоглаголанному Василью, о немъ же здѣ слово, даже и до рукобленія всеродію той досажда, міролюбообладателю первоцарю своему Борису чести ради сана полученія си тому угожда, ового же Василья всеродна безчести. Ся онъ предваршіа ради своия вины ему лстыenne говзвнути хотя, и обаче не получа: оному препомянному Василью на великую Росію всю безъ воля всеа земліа люди по случая нѣкоему спѣшне, елико возмоще того скоростъ, отъ ту сущихъ токмо иже въ царствія и грады людій, безъ прекословья всякого отъ него нарещися первѣ во своемъ ему дворѣ, по-

службу въ Новгородъ, и недовольный Татищевъ сталъ мыслить зло на своего же избранника: „мощенъ мнящеся того и низвергнути“. Однако раньше чѣмъ онъ успѣлъ что-либо предпринять, онъ былъ утопленъ новгородцами. Но немногимъ позже сверженъ былъ и самъ Василій; такимъ образомъ оба они кончили неудачно. „Такова бо високоумныхъ и саомудрыхъ гордоустцовъ кончина“, замѣчаетъ Тимоѣевъ.

О правленіи Шуйскаго авторъ говоритъ очень рѣзко: онъ обвиняетъ его въ безнравственности, жестокостяхъ, расточительности и даже чародѣйствѣ ¹⁾. Его именно считаетъ онъ виновникомъ даль-

томъ же и поставится царю. Ниже первопрестолнѣйшему нареченіи его возвѣсти, да не противословіе кое въ людѣхъ будетъ, но яко просталюдина тогда святителя выѣни, токмо послѣди ему о немъ изъяви. Колико мощаше той безстудствомъ сіа тому сотворити, никому же ему смѣющу возбранити, ли прекословити въ таковѣ превеліи дѣлеса“ (Рип. Флоріщ. пустыни, лл. 192—193 об.). О роли М. И. Татищева въ переворотѣ 1606 г. говорятъ намъ и другіе источники (Устрялова Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 300—301; II, стр. 163, 168, 236; также *Historica Russiae Monumenta*, II, p. 118.—Сказанія Массы и Германа, стр. 232); но о вліяніи Татищева на воцареніе Шуйскаго намъ извѣстій не встрѣчалось.

‘) „Нечестивъ всяко и скотолѣпенъ, царствова во блудѣ и піянствахъ и кровопролитіихъ неповинныхъ кровей, къ симъ же и во вражбахъ богомерскихъ, ими же мня ся во царствіи утвердити. Сего ради паче царство его малолѣтно пребыть. Аще и перводержавнѣйшимъ сроденъ бѣ, но ничтоже успѣ тому тѣхъ сродство ко еме царствію утвержденію, неблагочестивне живущу, оставя Бога, къ бѣсомъ прибѣгаа. Но и жилища снѣмъ собою въ царскихъ кровѣхъ въ прісное пребываніе тайно устрои ради непрестаемаго съ ними пощю и днѣи обаяніи чародѣяннѣи творенія, яже чуже таковая христیانомъ, неже царю. Яко же и прже сего: егда онъ въ синглитствѣ бывъ,—наряденъ въ прочіихъ сверстницѣхъ сточныхъ ему, первосовѣтничѣхъ и предъузаватель въ соборѣ всего синглита о земныхъ вещѣхъ управляемыхъ всѣхъ. Егда жъ страстемъ плотскимъ безумно приплетеса, тогда и умомъ срастлеса“ (Рип. Флоріщ. пустыни, лл. 193 об.—194 об.). „Предивныхъ царскихъ пренарядныхъ и предрагихъ вещей, отъ многъ лѣтъ собранныхъ, снѣхъ всѣхъ добротъ овъ расточитель и искоренитель бѣ, со ими же ся волюбѣ. Сего ради не мощи его изрещи по истинѣ царя, зане мучителски правяща власть, неже царски. Суди ему Боже по дѣломъ его!“ (л. 195 об.). „До сего убо онъ, расгнѣтый умомъ, мнимый царь по себѣ предваршихъ царей исполненна до верха царскія сокровищныя хранилища истощи, яко уже ему снѣмъ его скотскому житію не довѣтися. Но яко нечестивъ, и освященнымъ сосудомъ въ соборѣхъ и по святымъ лаврѣскимъ мѣстомъ всѣхъ грѣдовъ своего владычества, яже прже бывшихъ царей съ роды вданная по душѣхъ ихъ въ вѣчную память,—сіа онъ къ потребѣ своего студожительства въ сребренницахъ разліати не устыдѣся, извѣтъ творящу, яко будто воинномъ разданіи лѣтняго ихъ

нѣйшихъ междоусобій ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ автора тревожитъ мысль: не совершили ли русскіе люди тяжелаго грѣха, самовольно сведя Шуйскаго съ царства? не оскорбили ли они святости сана, снявъ его хотя бы и съ грѣшнаго человѣка? Авторъ сознаетъ, что сверженіе Шуйскаго не прекратило междоусобій и разоренія, а подчинило Русь иноземцамъ-еретикамъ и ввергло ее въ сильнѣйшія бѣдствія. Упомянутое объ этихъ бѣдствіяхъ увлекаетъ автора къ личнымъ воспоминаніямъ. Онъ передаетъ свои собственные впечатлѣнія отъ смуты (мы ихъ коснемся ниже) и рассказываетъ кое-что о самомъ себѣ (этимъ мы уже воспользовались въ біографическихъ замѣткахъ о Тимоѣевѣ). Возвращаясь къ своему разсказу, авторъ даетъ затѣмъ рядъ отдѣльныхъ очерковъ и характеристикъ, плохо связанныхъ между собою и не представляющихъ цѣльной картины смуты. Въ нихъ онъ чаще всего повѣствуетъ о новгородскихъ дѣлахъ; начинаются же эти очерки статьею о воровскихъ таборахъ.

Виновникомъ появленія втораго самозванца и Тушинскихъ таборовъ Тимоѣевъ считаетъ короля Сигизмунда. Видя нестроенія въ Руси при Василии Шуйскомъ, король задумалъ воспользоваться ими и послалъ на Москву свои войска, „соединивъ свое злоуміе о насъ съ несвященнымъ и лжепапою, оскверняющимъ Римъ“. Въ польскихъ войскахъ оказался и новый самозванецъ, который выдавалъ себя за перваго Лжедмитрія. Скудоуміе заставляло нѣкоторыхъ относиться съ довѣріемъ къ ложному царю. Другіе же шли къ самозванцу въ Тушино, вовсе не вѣря въ него, ради полученія „саповъ“ и „безтрудоуа богатства“, — такъ низко, по мнѣнію автора, пали многіе русскіе люди. Слѣдствіемъ такого раздвоенія русскихъ людей между царемъ Василиемъ и воромъ было страшное междоусобіе. Измѣнники непремѣнно желали захватить Москву и такъ стѣснили ее

урока ради; истовый ихъ весь урокъ, на то отлученый предваршими царя, вся сребреницы преже блуднически изжившу“ (л. 196—196 об.).—Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 198, и П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 57. Авторъ Хронографа 2-й редакціи несочувственно относится къ такой оцѣнкѣ В. Шуйскаго, какую высказываетъ Тимоѣевъ; напротивъ, Псковскій сказатель близко къ ней подходит. Этотъ послѣдній, такъ же какъ и Тимоѣевъ, упрекаетъ Шуйскаго въ его несвоевременной женитьбѣ.

¹⁾ „Его же скоропоманавіемъ (говоритъ Тимоѣевъ о Шуйскомъ) вси людіе о немъ предкинушася, и сего ради... возвизъ на ся ненависть. Оттуду бо по первыхъ въ Руси все зло начало пріять и нача много въ земли рожатися зло“ (Ркп. Флоринц. пустыни, лл. 208 об.—209).

и въ то же время такъ разоряли все государство, что даже иностранцы жалѣли о судьбѣ Руси. Ожесточеніе русскихъ измѣнниковъ доходило до того, что сами поляки удивлялись ему и наказывали наиболѣе свирѣпыхъ изъ нихъ ¹⁾. Царь Василій былъ запертъ измѣнниками въ Москвѣ и не могъ ничего предпринять противъ нихъ, потому что „не только бѣ люди со царемъ остало во градѣ, елико лжецарю приложнша“. Тушино могъ уничтожить только М. В. Скопинъ-Шуйскій; но и послѣ паденія Тушинскихъ таборовъ измѣнники и поляки продолжали разорять землю. Они столько принесли вреда Руси, что его не дѣя исчислить одному писателю: „книга особъ каждому мѣсту можѣ быти“, говоритъ Тимофеевъ.

Обращаясь дѣлѣмъ къ описанію дѣятельности князя Скопина-Шуйскаго, авторъ подробно рассказываетъ извѣстный по Новому Лѣтописцу эпизодъ изъ Новгорода Скопина и Татищева ²⁾. Въ повѣствованіи Татищева находимъ новыя черты, не лишеныя интереса. Событія, относящіяся къ намъ, прежде всего, причины тайнаго отъѣзда Скопина. Причины эти вполнѣ объяснены въ Новомъ Лѣтописцѣ. Главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала „мздоимному“ Мишаю Татищеву, напуганный псковскимъ мятежемъ, происшедшимъ въ первые дни сентября 1608 года ³⁾, и боясь принять ту же участь, какъ Псковъ ⁴⁾, Татищевъ уговорилъ „преиззящаго рачива“ Скопина выйти изъ Новгорода. Въ этомъ ему по-

„Роженный рожшаго и сопротивне воспать (то-есть: и обратно), неже дѣтная и далечне и чюдѣнія по роду никакоже себе пощаждѣвающе, но новѣрши убивахуса безъ милосердія отъ крайняа лютоости, ниже вѣру, ниже твое си во умѣ пріемающимъ, и яко самѣмъ противнымъ, иже на се приимитъ, зелоостъ онѣхъ къ сроднымъ имъ зряще дивитися“. Такъ говоритъ авторъ о русскихъ измѣнникахъ и замѣчаетъ: „кровь родительну неакоосиѣнно убивающимъ чюдѣніа отищеваху и неотложно къ будущему побивателей отсылающе: жестоты свѣхъ и суровства къ родителямъ ихъ странніа зрѣти не терпѣху“ (Рип. Флорищ. пустыни, лл. 229 об.—230, л. 232). Въ этихъ показаніяхъ Тимофеевъ сходится съ Авр. Палицынымъ (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 37—38). И въ концѣ его рассказъ о смутѣ при Шуйскомъ напоминаетъ извѣстную шестую Сказанія Палицына.

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 106—108.—Лѣт. о мѣ. мѣт., изд. 2-е, 144—146.—Нов. 97—99.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт., IV, 325; V, 67.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт., V, 67: „и похваташа воеводѣ, всадиша въ темницу“. Словами Тимофеева, Татищевъ и его друзья „народа множествомъ людѣи еше не, ли связанемъ въ Псковѣ имъ къ наставшему тогда мучителю лжецарю тѣся,—сего бояхуса“ (Рип. Флорищ. пустыни, л. 239).

могъ и товарищъ его дьякъ ¹⁾). Подъ ихъ вліяніемъ черезъ недѣлю послѣ псковскаго бунта, именно 8-го сентября, Скопинъ бѣжалъ изъ города тайно, перелѣзши стѣну, „черезъ оплотъ мелющія хитрости“. Съ нимъ ушелъ и Татищевъ и еще нѣсколько „воиновъ“, захвативъ городскую казну. Выбравшись изъ города, бѣглецы прислали сказать новгородцамъ, что пошли въ Иванъ-городъ нанимать нѣмецкое войско. Истинную же причину бѣгства Татищевъ открылъ одному изъ своихъ пріятелей только по возвращеніи своемъ въ Новгородъ. Солгавъ передъ новгородцами, бѣглецы, однако, и на самомъ дѣлѣ пошли къ Иванъ-городу. Тамъ ихъ не приняли бы, ибо городъ этотъ возсталъ уже противъ царя Василія. Но Скопинъ не дошелъ до Иванъ-города: со своими спутниками сталъ онъ блуждать „по непроходимымъ стремнинамъ и пропастямъ“, не зная, что предпринять, и многіе спутники покинули его здѣсь. Они унесли отъ него казну, возвратились въ Новгородъ и рассказывали тамъ о приключеніяхъ Скопина, тогда какъ самъ Скопинъ рѣшился искать пристанища въ Орѣшкѣ. Но воевода, бывшій въ Орѣшкѣ ²⁾), поносилъ его, смѣялся надъ бѣглецами и грозилъ, „веригами обложивъ тѣхъ, предпослати“ къ царю. И только Татищевъ успѣлъ укротить его, благодаря своему съ нимъ родству („за соплемянное“, какъ выражается Тимошеевъ). Между тѣмъ, новгородцы смутились, узнавъ, что Скопинъ не на время только, но и вовсе покинулъ ихъ. Послѣ долгихъ волненій, подъ вліяніемъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ и митрополита, новгородцы рѣшили просить Скопина о возвращеніи и отправили къ нему посольство съ грамотою. Тогда Скопинъ и Татищевъ вернулись въ Новгородъ „воздопутными носилы“ и были торжественно встрѣчены всѣмъ городомъ. Они, однако, не покаялись предъ народомъ и не открыли ему настоящей причины своего бѣгства. Таковъ рассказъ Тимошеева, под-

¹⁾ „Созволяетъ же и способствуетъ того совѣту и отъ втораго чина самописчій нѣкто, иже сосоходенъ злохитрому оному (то-есть, Татищеву) во злобымъ правыхъ и собесѣдливъ, паче же по лукавству свойственъ. Баху бо тогда ему свѣтли дни живота его, тайнаго ради послушенія законопреступнаго и еже злосродныхъ време́не приближенія, честію малемъ не точенъ злохитрому за тайное ко царю языковредіе“ (Рип. Флориз. пустыни, л. 238—238 об.). Тимошеевъ не называетъ этого самописчаго по имени. Но изъ Новаго Лѣтописца узнаемъ, что „князь Михайло жъ совѣтовалъ съ Михайломъ Татищевымъ, да и зъ дьякомъ съ Еенимомъ Телепневымъ“ (Ник. Лѣт. VIII, 107.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е. 144.—Нов. Лѣт., 98).

²⁾ „Въ Орѣшкѣ же въ тѣ поры воевода Михайло Салтыковъ“ (Ник. Лѣт. VIII, 107.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 144.—Нов. Лѣт., 98).

тверждающій и дополняющій показанія Новаго Лѣтописца. Тимоѣевъ, какъ и авторъ Новаго Лѣтописца, не винить ни въ чемъ самого Скопина. Онъ представляетъ его жертвою лукаваго Татищева и весьма удовлетворительно объясняетъ, какія причины заставляли „мздоимнаго“ Татищева стараться о скорѣйшемъ отъѣздѣ изъ Новгорода ¹⁾.

Передъ Скопиннымъ же Тимоѣевъ благоговѣтъ. По его словамъ, князь Михаилъ „аще и юнъ сый тѣломъ, по многолѣтну стяжа ума крѣпость“. Только его талантомъ и счастьемъ Москва могла освободиться отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. И сами поляки, побѣжденные имъ, не могли не признать его рѣдкихъ достоинствъ и желали, чтобы у нихъ явился королемъ такой же человекъ, какъ Скопинъ ²⁾. Что же касается до русскихъ людей, то они прямо смотрѣли на князя Михаила, какъ на помазанника Божія. Народная любовь къ Скопину вызвала со стороны его родныхъ чувство зависти, и онъ былъ „смертнымъ узавень ядомъ“. „Скажутъ нѣдцы, прибавляетъ авторъ: носай вѣнецъ стрій его виновень бѣ“. Главнаго подвига Скопина — похода къ Москвѣ и ея освобожденія — Тимоѣевъ, однако, не описываетъ на томъ основаніи, что, оставаясь въ Новгородѣ, онъ не былъ очевидцемъ этого. Онъ рассказываетъ только, что Скопинъ выступилъ изъ Новгорода 25-го мая 1609 года, въ день Вознесенія ³⁾ и что новгородцы торжественно проводили его: „до внѣ града и вдалѣ съ хлѣбопровождени почтоша“ ⁴⁾.

¹⁾ Показанія Тимоѣева вполне оправдываютъ догадки В. С. Иконникова о роли Татищева въ бѣгствѣ Скопина („Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца*, кн. I, Киевъ. 1879, стр. 121).

²⁾ Тимоѣеву объ этомъ сообщили русскіе люди, слышавшіе это отъ поляковъ: „Намъ тезовѣрніи сказаша, ото онѣхъ (то-есть, поляковъ) се слово приѣмше, пже съ ними въ сооружестѣхъ на ны бывшемъ, яко сопротивніи нѣкогда нѣгдѣ глаголаше нмъ: аще возможно бы, яко да нмъ воѣми таковый юноша кралствуетъ достоинъ, рѣша“ (Рип. Флорнц. пустыни, лл. 253 об.—254).

³⁾ „117-го круга лѣту мѣся каландъ двадесать патыхъ . . . четвертка день Спасенаго Вознесенія“, — такъ опредѣляетъ авторъ день выступленія Скопина въ походъ (въ 1609 г. день Вознесенія приходится действительно на 25-е мая. *Горбачевскаго Археогрѣич. Календарь*, табл. 26). В. С. Иконниковъ на основаніи грамотъ принимаетъ яную дату — 10-го мая („Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца*, кн. I, стр. 128).

⁴⁾ Предъ разказомъ о походѣ Скопина во Временникѣ вставлены двѣ статьи. Въ одной Тимоѣевъ скорбитъ о томъ, что въ смуту „отъ нечестивыхъ“ упразднились „великопачетвенная вся святодѣйствія канолическія церкви“: крестные ходы, водоосвященія, омовеніе ногъ, омовеніе мощей, пещное дѣйство и др. Въ

Отъ Скопина авторъ переходитъ къ другому герою смуты, патриарху Гермогену, и даетъ краткую и витиеватую характеристику его дѣятельности. Когда Москва окончательно попала во власть поляковъ и измѣнниковъ, Гермогенъ крѣпко вооружился противъ нихъ своимъ пастырскимъ словомъ ¹⁾. Но синклитъ царскій, не смотря на увѣщанія патриарха, предался врагамъ, и главные измѣнники, Салтыковъ и Андроновъ, счумѣли склонить и бояръ и самого Гермогена на избраніе въ цари Владислава. Такимъ образомъ, по представленію Тимофеева, патриотическая дѣятельность патриарха была бесплодна и не спасла Руси отъ господства поляковъ ²⁾.

Статьею о Гермогенѣ прекращается сколько нибудь связанное изложеніе событій во Временникѣ. Далѣе у Тимофеева слѣдуетъ „Лѣтописецъ вкратцѣ“, содержащій въ себѣ сокращенное обзорѣніе всего того, о чемъ рассказывалъ авторъ выше. Обширное вступленіе къ этому Лѣтописцу придаетъ ему характеръ самостоятельнаго произведенія, какъ бы попытки вновь передѣлать подробный Временникъ. Въ Лѣтописцѣ однако не находимъ ничего новаго сравнительно съ Временникомъ. Любопытно только вступленіе, дающее нѣсколько показаній о самомъ авторѣ; ими мы уже воспользовались. Окончивъ изложеніе своего Лѣтописца временемъ царя Шуйскаго, Тимофеевъ приписалъ ко нему двѣ отдѣльныя статьи „о крестномъ цѣлованіи Владиславу“ и „о вдовствѣ Московскаго государства“. Въ первой изъ

другой рассказывается, что воры, пришедшіе въ началѣ рождественскаго поста 1606 г. подъ Новгородъ и стоявшіе на Хутыни, неожиданно бѣжали оттуда 11-го января 1609 г. Это бѣгство Тимофеевъ приписываетъ чудотворенію преп. Варлаама Хутынскаго. Ясно, что этотъ рассказъ Тимофеева, любопытный только хронологическими показаніями, долженъ относиться къ пайхамъ Кернозицкаго, о которыхъ обстоятельно повѣствуетъ Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт., VIII, 108—109.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 146—147. — Нов. Лѣт., 99—100).

¹⁾ „Онъ на сихъ (говоритъ авторъ о патриархѣ) крапце храбрѣевова. Языкомъ единымъ токмо со усты, яко мечемъ, противныя немилостивныя посылалъ и падати тѣхъ божь отъвѣты предъ ногами си сотворяя; богоотступныхъ же, яко идоловъ бездушныхъ возгнушався, отвращаяся“ (Рип. Флорищ. пустыня, лл. 267—267 об.).

²⁾ Текстъ статьи о Гермогенѣ во Временникѣ нѣсколько испорченъ переписчикомъ и несовсѣмъ понятенъ. Въ концѣ статьи читаемъ, что измѣнники „преже ласкавши, потомъ же прещеніи къ воли своей неволею привлекоша (кого привлеки: весь ли синклитъ, или въ частности Гермогена, понять трудно) во еже къ тѣхъ повинутію на яже Російскія вся скипетры извѣтомъ Жигимонта, латыномъ краля сына, сыну его Владиславу вдатися“ (Рип. Флорищ. пустыня, лл. 268—268 об.).

нихъ авторъ весьма невразумительно рассказываетъ о томъ, что грамота, по которой должно было цѣловать крестъ королевичу, сперва была составлена какимъ-то дьякомъ; но затѣмъ два властолюбца измѣнника передѣляли эту грамоту по своему „во угожденіе по всему варваромъ“ (то-есть, полякамъ) ¹⁾. Последняя же статья заключаетъ въ себѣ двѣ „притчи“ о разореніи Московскаго государства, въ которыхъ авторъ сравниваетъ безначальную Русь съ домомъ, гдѣ умеръ хозяинъ и безчинствуютъ рабы. За притчами, мало интересными, слѣдуютъ заключительныя строки всего произведенія.

Авторъ задумывается снова надъ вопросомъ: почему такъ страдаетъ въ смутахъ Русская земля. Ему кажется, что недостатокъ единенія въ русскихъ людяхъ помогалъ врагамъ разорять землю и мѣшалъ русскимъ успѣшно бороться со зломъ. По мнѣнію Тимофеева, русское общество издавна не имѣло „мужественной крѣпости“, чтобы „многолюднаго собранія ликъ“ составить къ возбраненію на неугодно нѣмая Богови и человѣкомъ, иже что нововодно и чрезъ законы бываето“. Если и составлялся такой „собранія ликъ“, то въ немъ, — какъ то было при Борисѣ и Разстригѣ, при господствѣ поляковъ и шведовъ, — являлись трусы и доносчики, губившіе дѣло. Плодомъ этого была всеобщая подозрительность; въ русскихъ людяхъ „вогнѣздился недугъ“ взаимнаго недовѣрія. „Мы другъ друзѣ любовнымъ союзомъ растояхомся“, говоритъ Тимофеевъ, — „къ себѣ каждо насъ хрѣпты обращяхомся: овѣи къ востоку зрять, овѣи же къ западу. Но сія наша разность многу на ны врагомъ нашимъ подаде крѣпость“. Если враги разорили Русь, то не они одни въ этомъ виноваты: „не чюждія земли нашей разорители, но мы есмы сами той петребители“, заключаетъ авторъ ²⁾.

Бросая затѣмъ общій взглядъ на исторію смуты, составляющую главный предметъ Временника, Тимофеевъ касается и окончанія смутнаго времени, о которомъ ничего не говорилъ въ своемъ изложеніи. Кратко упоминаетъ онъ объ освобожденіи Москвы „малыми

¹⁾ Незвѣстно, какую грамоту разумѣть здѣсь Тимофеевъ: договоръ ли, заключенный съ Жолтиевскимъ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 199), или крестоцѣловальную запись (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 203. — Акт. Арх. Эксп. II, № 164). О дьякѣ, писавшемъ грамоту, онъ говоритъ только: „ему же ния благодатя“ (то-есть, Іованнъ?). О двухъ властолюбцахъ онъ также не сообщаетъ ничего определеннаго. И вообще весь эпизодъ представляется намъ совершенно непонятнымъ; въ другихъ источникахъ ни на что подобное нѣтъ и намека.

²⁾ Ркп. Флоринц. пустыни, лл. 299 об.—303 об.

останцы людѣй“ и переходить къ „триличному царствію“ Михаила Ѳеодоровича, слагая похвалу какъ самому молодому царю, такъ и его родителямъ, патріарху Филарету и иноку Марѣѣ. Наконецъ, онъ заключаетъ свое изложеніе просьбою къ читателямъ исправить недостатки его труда.

Таково содержаніе Временника Ивана Тимоѣева. Стараясь передать его въ той послѣдовательности, какой держался самъ авторъ, мы имѣли въ виду показать читателю между прочимъ и то, насколько отсутствуетъ система въ изложеніи Тимоѣева. Если хронологическій безпорядокъ въ группировкѣ фактовъ допускался иногда авторомъ съ цѣлю доказать разновременными примѣрами ту или другую мысль, то съ другой стороны на отсутствіе послѣдовательности вліяло и то, что Тимоѣевъ написалъ свое произведеніе не сразу, а въ разное время. Доказательства этого разсѣяны по всему Временнику. Самъ авторъ говоритъ, что началъ писать еще въ Новгородѣ, находясь въ шведскомъ плѣну. Мысль изложить на бумагѣ пережитыя впечатлѣнія явилась у него тотчасъ послѣ взятія Новгорода шведами. Видя разореніе своего города, Тимоѣевъ, по его собственнымъ словамъ, ходилъ, „яко изступивъ умомъ, изгубленіе таковое граду мысля“. Тогда уже въ немъ явилось желаніе записать не только бѣдствія Новгорода, но и всей земли ¹⁾. Однако скромность долго мѣшала ему выступить въ роли писателя, пока не понудилъ его къ этому митрополитъ Исидоръ. Бесѣда автора съ митрополитомъ, намъ уже извѣстная, происходила, насколько мы можемъ судить, въ концѣ новгородскаго плѣна, и если Тимоѣевъ принялся за свой Временникъ послѣ нея, то мы имѣемъ полное право относить начало его Временника къ 1616 году или же къ началу 1617 года ²⁾. Во всякомъ случаѣ, Тимоѣевъ началъ писать до освобожденія Нов-

¹⁾ Ркп. Флорищ. пустыня, л. 211—218.

²⁾ Авторъ такъ опредѣляетъ время этой бесѣды: «Внегда убо хъ концу грядше время лѣтъ, нше отъ нечестивыхъ намъ на долзи во множествѣ бѣдъ имѣемая вражда, и аще ожидахомъ градови сему всицаемыя свободы, еже... царь Михаила посланными его на мѣстѣ нѣкоемъ совѣщавшимъ съ нечистыми о соглашеніи миритъ...» (Ркп. Флорищ. пустыня, л. 277—277 об.—Библиол. Словарь Строева, стр. 270). Изъ Москвы для переговоровъ со шведами послы ин. Д. И. Мезецкій и А. Зювинъ были отпущены въ 7124 (1616) году „послѣ Свѣтлаго Воскресенья на шестой недѣлѣ“, то-есть, въ началѣ мая (Дворцовые Разряды, I, 227.—Горбачевская Археогр. Календарь, табл. 10). Отсюда ясно, что Тимоѣевъ могъ начать свое произведеніе уже лѣтомъ 1616 года.

города, которое произошло въ мартѣ 1617 года. Онъ рассказываетъ, что при шведскомъ господствѣ, боясь и враговъ и своихъ людей, онъ писалъ тайно, сколько могъ и какъ могъ; исправить же написанное онъ надѣялся впоследствии ¹⁾). Мы можемъ даже сказать, съ большою вѣроятностью, что большую часть Временника усилъ онъ написать именно въ Новгородѣ. Во всѣхъ пяти главахъ Временника, до „Лѣтописца вкратцѣ“, находятся такія черты, которыя свидѣлствуютъ, что авторъ писалъ до 1617 года и до окончанія войнъ Москвы съ поляками и шведами въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича ²⁾). Напротивъ, читая „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и

¹⁾ „Моего же скудоумнаго сего составленія писательство (говорить о своемъ трудѣ Тимоѣевъ) совокупленіемъ не купно бѣ; но другъ другъ разстоящея по всему, яко плотовидна несоставне купѣ многоразная удеса хартейныхъ членовъ, или яко новоскроена нѣкая риза, купно же не сошвена, ли распдашася отъ ветхости: иже за страхъ тогда не сподобишася исправленію и въ сличное сочетаніе по чину совокупленія, пѣвнотельнаго ради во градѣ обдержанія, иже не свободіе нашего во страхѣ пребыванія и хартейныя отъ извуревія въ затворѣ скудости, веже тѣлесныхъ потребъ. Но яко же въ безсловесныхъ волѣ затворенъ и утаивъ всѣхъ, отъ затвора исшеде, пажать малу обрѣтъ, во глады срывается, не избирая, траву, токмо еже бы ему утробу наполнити, обзираея обсямо всюдѣ во ужасѣ, да не узрится иже узрѣто будетъ стѣжавшимъ и. Тако ми и о тайнописаніи, въ туждихъ сущу, невольноеоразумій: зѣло бо въ скровне храненія уденіемъ частаго отъ мѣста въ мѣсто преношенія противныхъ страхомъ въ смерти чалнія то еокрывахъ. И самѣхъ темнотѣхъ безгласнѣхъ, иже та въ себѣ таящихъ, яко чюветвена отъ нихъ провѣщанія бояхся, да не проглаголютъ ли, мняхъ си, иже кому повѣдать о сихъ, иже на ния. И не точію тѣхъ, иже градъ враждебно, яко змѣево своими зубы. держащихъ, но сихъ множество и своезѣримыхъ, враждующихъ ми, страшахся, иже присѣдять о насѣ тайно въ ловителѣхъ ко еллинотъ. Ловятъ бо и убиваютъ, яко левъ во оградѣ, сиче они во дни и въ нощи христіаномъ душа съ тѣлесе неповинныя. Вывѣ же, егда оттуду свободи ны Господь Богъ и Царь нашъ, Его же отъ нѣка рабы вси есмо убо Божіею благодатію, въ прочее, аще живи будемъ и обращемея возможны, начнемъ о исправленіи предваршихъ своихъ писаній скривати отеза премудрыхъ и ударятъ во двери могущихъ, по премудрому слоесю“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 218 об.—220). Изъ этого несполнѣ яснаго отрывка видно однако, что Тимоѣевъ началъ „вой Временникъ въ Новгородѣ при шведскомъ господствѣ, то-есть до 1617 года.

²⁾ Такъ авторъ не разъ даетъ понять, что въ то время, когда онъ писалъ, смута еще не кончилась; онъ даже молитъ Бога о ея окончаніи и спасеніи Руси (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 16 об., л. 191 об.). О Литвѣ и Польшѣ говоритъ онъ, что съ ними „и донынѣ“ идетъ война (лл. 173—174, л. 188). О Новгородѣ онъ въ одвомъ мѣстѣ прямо говоритъ, какъ о плѣненномъ шведами: „Азъ, глаголавый се (такъ выражается онъ отъ лица Новгорода), обладанъ елліны и не

слѣдующія за нимъ статьи ясно видимъ, что они были составлены уже послѣ освобожденія Новгорода, но до возвращенія въ Москву Филарета Никитича. Въ началѣ Лѣтописца авторъ замѣчаетъ, что Новгородъ „шестолѣтно же бысть безъ мала одержимъ всяко погано туждихъ (то-есть чуждыхъ) руками“¹⁾. Раньше конца новгородскаго плѣна Тимошеевъ, конечно, не могъ знать его продолжительности. Въ послѣдней же статьѣ („о вдовствѣ Московскаго государства“) Тимошеевъ о родителяхъ царя Михаила говоритъ, что отецъ его находится въ плѣну, а мать его соправительствуетъ сыну²⁾. Значить, о возвращенія Филарета онъ еще не зналъ. По этимъ признакамъ мы могли бы увѣренно полагать, что Временникъ былъ законченъ Тимошеевымъ самое позднее—въ началѣ 1619 года, еслибы заключительныя строки произведенія не говорили о мирѣ съ поляками, о возвращеніи Филарета и о поставленіи его въ патріархи³⁾. Это обстоятельство заставляетъ думать, что Тимошеевъ и позже дополнялъ свой трудъ. Когда онъ прекратилъ эти дополненія, опредѣлить нельзя. Одна только мелочь въ спискѣ Временника даетъ поводъ думать, что Временникъ былъ законченъ и переписанъ немного спустя послѣ 1619 года, къ которому относятся его послѣднія извѣстія. Въ главѣ пятой авторъ между прочимъ повѣствуетъ о томъ сочувствіи, съ какимъ относились европейскія государства къ несчастіямъ Руси. Намекая, какъ мы думаемъ, на извѣстное посредничество Дж. Мерика и Эразма Ганделіуса, Тимошеевъ замѣчаетъ, что

могу сихъ възъ себе истребити, дождеже Введый иже въ мя благоволихъ о мнѣ тѣхъ въи изрынетъ“ (л. 231 об.). Вся эти черты указываютъ на раннее происхожденіе тѣхъ статей, въ которыхъ находятся. Но рядомъ съ ранними статьями замѣчаемъ и позднѣйшія вставки — плодъ дальнѣйшей обработки Временника. Такова, напримѣръ, вставка автобіографическаго характера, приведенная нами въ предыдущемъ примѣчаніи.

¹⁾ Ркп. Флоршц. пустыни, л. 275 об.

²⁾ Авторъ замѣчаетъ, говоря о царѣ Михаилѣ: „Его во свѣтъ сей родители сего міра еще путь живота си проходятъ малъ: жена — во образѣ мишескаго устроения; особѣ и разлитіе кождо; овъ въ земли чуждыхъ правды ради стѣсняемъ, страдательно гѣты многими въ нуждахъ съ прочими подвигнется о всемъ мірѣ нашемъ; ова же во царствіи яко второспестольствуетъ своему ея сыновю, о всѣхъ купно сповѣдая съ нимъ“ (Ркп. Флоршц. пустыни, л. 298 об.). Инокію Марку Тимошеевъ сравниваетъ съ ипп. Θεοδωρῷ: „яко же Θεοδωρῷ съ сыномъ древле получаша греки, сие таковы и мы другія“, говоритъ онъ (л. 298).

³⁾ Ркп. Флоршц. пустыни, лл. 307—312. Нареченіе Филарета въ патріархи происходило 22-го іюня 1619 г. (Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 45).

иностранны хлопчуть объ умиротвореніи Московскаго государства для того, чтобъ и себѣ пріобрѣсти друзей и помощниковъ въ будущемъ на тотъ случай, если съ ними произойдетъ такая же бѣда: „на ся тожде чающе наитіе“, какъ выражается авторъ ¹⁾). На полѣ рукописи противъ этихъ словъ находится любопытная приписка, сдѣланная лицомъ, исправлявшимъ всю рукопись (быть можетъ, это былъ самъ авторъ): „днесъ и на нихъ то же по сему пророчеству сбытсѣ“. Слова эти, очевидно, относятся, къ Тридцатилѣтней войнѣ, о которой знали наши писатели XVII вѣка ²⁾). Изъ того обстоятельства, что приведенный текстъ самаго Временника только предполагаетъ возможность междоусобій на Западѣ и не заключаетъ въ себѣ передѣлокъ, хотя эта возможность скоро осуществилась, мы можемъ заключить, что Тимоѣевъ закончилъ обработку Временника раньше, чѣмъ узналъ о войнѣ въ Германіи ³⁾).

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами о времени составленія Временника ясно, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ весьма рѣшительнымъ. Тимоѣевъ былъ очевидцемъ смуты, принялся писать свои воспоминанія о ней тогда, когда смута по его представленію еще не кончилась; написанное онъ затѣмъ дополнялъ и всетаки закончилъ свой трудъ весьма рано, около 1619 года. Если даже и предполагать, что онъ возвращался къ нему и позднѣе, то смѣло можно думать, что его позднѣйшія поправки не были существенны и значительны: онъ ничѣмъ не отразился на изложеніи Временника. Напротивъ, Временникъ во всѣхъ своихъ частяхъ вполне сохранилъ черты ранняго происхожденія и признаки чисто вѣшняго, механическаго соединенія разновременныхъ статей.

Въ своемъ общемъ обзорѣ литературныхъ памятниковъ мы не

¹⁾ Приводимъ цѣлымъ это мѣсто Временника. Замѣчая, что печальная участь Трои всегда возбуждала сожалѣніе народовъ, Тимоѣевъ продолжаетъ: „И днесъ окрестная величества сего (то-есть, Московскаго государства) опустываека и не въ конецъ падша слышати нетерпѣти. И колеблющая того вѣтры, иже ненавидѣющая по всему миру, мирне укротевають, друголюбное показующе, на ся тожде чающе наитіе по временахъ. Аще нечестіе будутъ мирствують, ни радующеся зломъ нашимъ, Богъ вѣсть“. (Ргп. Флорисц. пустыня, л. 231).

²⁾ Ник. Лѣт., VIII, 238.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 320—321.

³⁾ Эта приписка о Тридцатилѣтней войнѣ помогаетъ опредѣлять и время самаго списка Временника. Приписка сдѣлана во время войны („днесъ“ — говорится въ ней о войнѣ); стало быть, рукопись несомнѣнно относится къ первой половинѣ XVII вѣка.

можемъ болѣе останавливаться на трудѣ Ивана Тимоѣева. Предметомъ отдѣльной монографіи должно быть изслѣдованіе состава Временника, его отдѣльныхъ показаній и тѣхъ источниковъ, какими пользовался его авторъ. Въ нашемъ же изложеніи мы старались дать лишь общую характеристику труда Тимоѣева, отмѣтить наиболѣе любопытныя сообщенія автора, указать время и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ свой Временникъ. Отмѣчая иногда совпаденіе показаній Тимоѣева съ данными другихъ современныхъ ему или позднѣйшихъ трудовъ, мы не входили въ рѣшеніе вопроса объ источникахъ свѣдѣній нашего автора. Тѣмъ не менѣе, хотя зависимость автора отъ официальныхъ грамотъ подмѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Временника ¹⁾, мы рѣшаемся утверждать, что Тимоѣевъ долженъ считаться писателемъ самостоятельнымъ. Если онъ и заимствовалъ откуда нибудь отдѣльныя свои фактическія показанія, то всегда перерабатывалъ ихъ въ самостоятельный рассказъ. Большая же часть его сообщеній прямо обличаетъ въ немъ очевидца событій или современника ихъ, передающаго факты или по личнымъ впечатлѣніямъ, или по свѣжимъ слухамъ. Строго выдержанная точка зрѣнія на эпоху, своеобразный языкъ, одинаковый съ начала до конца рассказа, исключаютъ всякую мысль о томъ, что Тимоѣевъ могъ заимствовать что-либо отъ своихъ литературныхъ предшественниковъ. Сравненіе Временника съ болѣе ранними произведеніями о смутѣ, извѣстными намъ, также показываетъ полную независимость отъ нихъ Тимоѣева. Такимъ образомъ, во Временникѣ мы имѣемъ, безъ всякаго сомнѣнія, оригинальное произведеніе очевидца смуты.

Произведеніе это въ нашихъ глазахъ имѣетъ большое значеніе. Если Тимоѣевъ уступаетъ Авраамію Палицыну въ богатствѣ фактическихъ показаній, ясности и точности языка, даже въ степени богословскаго об-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, рассказывая о намѣреніяхъ противъ православія перваго самозванца, Тимоѣевъ намекаетъ на источникъ своихъ свѣдѣній (върогтно, грамоту Шуйскаго, въ которой были помѣщены допросныя рѣчи Бучинскихъ. Акты Арх. Эксп. II, № 48) такими словами: „по смерти его (то-есть, самозванца) отъ тайныхъ его увѣдено бысть“ (Ркп. Флорит. пустыни, л. 159). Трудно допустить, чтобы Тимоѣевъ самъ могъ узнать что-либо отъ приближенныхъ самозванца. Далѣе въ рассказѣ Тимоѣева, какъ въ разобранномъ нами выше Плачѣ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства, король Сигизмундъ представляется союзникомъ тушинцевъ (л. 222 об.—225). Ошибка Тимоѣева, всего върогтно, произошла отъ такого же излишняго довѣрія къ грамотамъ земскихъ ополченій 1611—1612 гг., каковымъ отличался авторъ Плача.

разованія ¹⁾, то оба писателя могутъ быть поставлены рядомъ въ другомъ отношеніи. Оба они являются въ своихъ произведеніяхъ публицистами, обсуждающими явленія своего времени съ одной точки зрѣнія—моральной. И Тимоѣевъ не менѣ Авраамія Палицына заслуживаетъ вниманія своими взглядами, своимъ отношеніемъ къ дѣйствительности и тѣмъ подборомъ данныхъ для характеристики русскаго общества въ смутную эпоху, какой мы находимъ въ его *Временникѣ*. Этотъ подборъ фактовъ, на которые направлены обличенія Тимоѣева, иногда поразительно сближается съ обличительными мотивами Палицына, что только можетъ усилить нашъ интересъ къ трудамъ обоихъ писателей.

При такомъ взглядѣ на личность и произведеніе Ив. Тимоѣева мы не можемъ согласиться съ тѣмъ строгимъ приговоромъ, какой произнесъ надъ его *Временникомъ* П. М. Строевъ, и не можемъ не жалѣть, что этотъ *Временникъ* такъ долго оставался въ полномъ забвеніи.

Одновременно съ Ив. Тимоѣевымъ работалъ надъ своимъ Сказаніемъ Авраамій Палицынъ. Въ то время, какъ *Временникъ* безвѣстнаго дьяка оставался, на сколько мы можемъ судить, безъ всякаго распространенія среди его современниковъ и вовсе не былъ замѣченъ историками, — Сказаніе знаменитаго старца келаря пріобрѣло широкую извѣстность въ московскомъ обществѣ XVII вѣка, переписывалось очень часто цѣликомъ, вносило по частямъ въ компилятивные хронографы, ²⁾ было издано уже въ прошломъ столѣтіи ³⁾, а въ нашемъ

¹⁾ Впрочемъ, у Тимоѣева нѣрѣдко встрѣчаемъ выписки изъ Св. Писанія и богословскихъ книгъ. Онъ, быть можетъ, знакомъ былъ и съ латынскимъ и греческимъ языками; по крайней мѣрѣ онъ любитъ вставить въ свою рѣчь — и съ надлежащимъ смысломъ — слова вроде: *силентіаръ* (*silentiarius*), *доместикъ* (*domesticus*), *скимень* (*ὁ σκίμνος*) и др. Не беремся рѣшать, откуда онъ ихъ заимствовалъ.

²⁾ Списковъ Сказанія Палицына нѣтъ возможности пересчитать: въ одномъ, напримѣръ, *Погодинскомъ Древлехранилищѣ* Имп. Публ. Библіотеки ихъ девять (№ 1502 — 1510). Нѣкоторые списки указаны и оцѣнены П. М. Строевымъ (*Библіол. Словарь*, стр. 11—12), Д. П. Голохвастовымъ и А. В. Горскимъ (*Московитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 125 — 126; ч. VI, № 12, стр. 421) и С. Н. Кедровымъ (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 444—446). О томъ, насколько пользовались компиляторы Сказаніемъ Палицына, есть обстоятельныя указанія въ трудахъ А. Н. Попова (*Обзоръ хронографовъ* р. редакціи, II, глава 3-я, и *Изборникъ*, стр. 213—281).

³⁾ Въ первый разъ Сказаніе было издано въ 1784 г., во второй — въ 1822 г., оба раза въ Синодальной типографіи.

вѣкъ вызвало цѣлый рядъ замѣчаній и оцѣнокъ со стороны изслѣдователей смуты¹⁾. И практическая дѣятельность Палицына, и его литературное творчество не разъ служили предметомъ научной полемики и создали цѣлую литературу о старцѣ Аврааміи.

Первый занялся изслѣдованіемъ историческихъ показаній Палицына Д. П. Голохвастовъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ объ осадѣ Троицкой лавры“, напечатанныхъ въ 1842 году. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Палицынъ не дорожилъ историческою точностью, что не преслѣдовалъ цѣлей объективнаго лѣтописателя. По своимъ задачамъ Сказаніе Троицкаго старца „есть духовно-историческая эпопея, которой главная видимая цѣль—прославленіе чудеснаго избавленія лавры, и вообще Россіи, предстательствомъ святыхъ Сергія и Никона“²⁾. Голохвастовъ находилъ у Палицына и невидимыя, скрытыя цѣли: прославляя лавру, старецъ желалъ „внести въ исторію свой собственный панегирикъ“; изображая злодѣйства поляковъ, онъ пользовался этимъ, какъ поводомъ къ религіозно-правственнымъ поученіямъ; наконецъ, онъ стремился угодить новой династіи и, въ частности, патріарху Филарету. Всѣ эти практическія задачи помѣшали надлежащей полнотѣ и точности фактическихъ показаній Палицына. Поэтому-то Голохвастовъ и призналъ его Сказаніе источникомъ не вполне надежнымъ. Вскорѣ послѣ напечатанія замѣчаній Голохвастова противъ данной имъ оцѣнки Сказанія высказался А. В. Горскій въ томъ смыслѣ, что „намѣреніе Авраамія было — передать чистую истину, а не украшать повѣствованіе вымыслами эпическими“³⁾. И въ трудѣ Горскаго, какъ въ трудѣ Голохвастова, въ подкрѣпленіе высказанныхъ взглядовъ, произведенъ рядъ историко-критическихъ разысканій. Такимъ образомъ вопросъ о характерѣ литературной дѣятельности Палицына сталъ еще въ 40-хъ годахъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыя связали съ литературною дѣятельностью Палицына его дѣятельность историческую. Рядомъ съ вопросомъ историко-литературнымъ въ полемикѣ Голохвастова и Горскаго разрабатывался вопросъ біографическій.

Позднѣе въ нашей исторіографіи споръ о личности и трудахъ Авраамія Палицына снова былъ поднятъ въ статьяхъ И. Е. Забѣлина и

¹⁾ Наиболѣе раннія изъ нихъ собраны Д. П. Голохвастовымъ (*Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 135—136). Позднѣйшія указаны С. И. Кедровымъ (*Авраамій Палицынъ*, М. 1880. Предисловіе).

²⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 136 и слѣд.

³⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 426.

Н. И. Костомарова ¹⁾. Первый изъ этихъ изслѣдователей принялъ вполне точку зрѣнія Голохвастова и готовъ былъ видѣть въ разсказахъ Авраамія легендарную эпическую поэму, составленную съ одною цѣлью прославленія Троицкаго монастыря и самого Авраамія ²⁾. Но Н. И. Костомаровъ не раздѣлялъ твердой вѣры Горскаго въ искренность и объективность показаній старца келаря. „Мы далеки отъ того“, говорилъ онъ,—„чтобъ довѣрять безусловно Авраамію. Въ его разсказахъ есть легенды... старецъ немного и прихвастываетъ“. Тѣмъ не менѣе Костомаровъ признавалъ за Сказаніемъ Палицына и большую историко-литературную важность: онъ видѣлъ въ немъ прекрасный памятникъ „чувства и воображенія современниковъ“; онъ считалъ необходимымъ пользоваться данными Палицына, хотя бы потому, что старецъ является въ иныхъ случаяхъ единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній. „Повѣрить — нечѣмъ, и отвергать вовсе — также нѣтъ основанія“, говорилъ Костомаровъ и сознавался, что, передавая иногда рассказы старца, считалъ необходимымъ сдѣлать при нихъ оговорку: „если только довѣрять Сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль“ ³⁾. Такимъ образомъ, если въ 40-хъ годахъ споръ шелъ о необходимости или возможности полнаго довѣрія къ Сказанію Палицына, то тридцать лѣтъ спустя спорили только о степени недоовѣрія къ нему: г. Забѣлинъ склоненъ былъ вовсе отвергать годность Сказанія, какъ историческаго источника, Костомаровъ же не соглашался только съ рѣзкостью такого осужденія. И другіе изслѣдователи, придавая цѣну той или другой сторонѣ Сказанія, въ тоже время высказывали убѣжденіе, что Палицыну „во многомъ нельзя вѣрить“ ⁴⁾.

Однако въ послѣднее время въ защиту Палицына написаны были два трактата С. И. Кедровымъ: въ первомъ изъ нихъ изложены данныя о жизни и дѣятельности знаменитаго старца; во второмъ раз-

¹⁾ Н. Е. Забѣлина Мининъ и Пожарскій. М. 1883 (и въ *Русск. Архивъ* за 1872 г.).— Н. И. Костомарова Личности смутнаго времени (*Вѣстн. Европы* за 1871 г., июнь) и Кто виноватъ въ смутномъ времени? (*Вѣстн. Европы* за 1872 г., сентябрь).

²⁾ Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 74—75.

³⁾ *Вѣстн. Европы* за 1872 г., сентябрь, стр. 34.

⁴⁾ К. Н. Бестужев-Рюмина Русская Исторія, т. I, Введеніе, стр. 53, и Обзоръ событій отъ смерти ц. Іованна Вас. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г., августъ, стр. 259—260).—Соловьева Ист. Россія, VIII, по изд. 1873 г. стр. 216—219.

смотрѣны его литературные труды¹⁾. Г. Кедровъ стремится сбросить всякую тѣнь съ добраго имени Палицына, какъ общественнаго дѣятеля, и безусловно считаетъ его достойнымъ представителемъ Троицкаго монастыря. По мнѣнію г. Кедрова, монастырь въ эпоху московскаго разоренія велъ свою особую политику, имѣвшую цѣлью примирить стремленія разныхъ партій и направить ихъ силы на освобожденіе Москвы и восстановленіе порядка. Эта высокая патріотическая цѣль была достигнута трудами и талантами знаменитаго келара²⁾. Такая характеристика дѣятельности Палицына заставляетъ уже предугадывать благосклонное отношеніе г. Кедрова и къ Сказанію его героя. И дѣйствительно, онъ считаетъ Сказаніе искреннимъ и правдивымъ произведеніемъ. Но при этомъ онъ не отрицаетъ у его автора нѣкоторыхъ субъективныхъ цѣлей, именно, желанія оправдать свои поступки и показать свои заслуги. Почему это было нужно Палицыну, г. Кедровъ категорически не объясняетъ: „остается предположить“, говоритъ онъ, — „что свидѣтельства Палицына о самомъ себѣ вызваны были отрицаніемъ его заслугъ“. Признаніе субъективнаго элемента въ трудѣ Палицына ведетъ г. Кедрова къ такому опредѣленію Сказанія: „На Сказаніе Палицына“, говоритъ онъ — „надо смотрѣть, какъ на оправдательный документъ личнаго поведенія автора, какъ на автобіографію, а не какъ на исторію измышленныхъ дѣяній, написанную по тщеславію“³⁾.

Разборъ высказанныхъ относительно Палицына взглядовъ и пересмотръ тѣхъ историческихъ вопросовъ, которые связаны съ его общественною и литературною дѣятельностью, — вывели бы насъ далеко изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Поэтому мы считаемъ себя вправѣ ограничиться изложеніемъ лишь нѣкоторыхъ нашихъ замѣчаній, касающихся собственно литературныхъ трудовъ Палицына. Внѣшняя исторія его Сказанія не можетъ считаться вполне разработанной ни въ одномъ изъ названныхъ нами трудовъ объ Аврааміѣ Палицынѣ.

Еще Д. П. Голохвастовъ полагалъ, что Сказаніе Палицына со-

¹⁾ „Авраамій Палицынъ“ въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* за 1880 г., IV, и отдѣльно: М. 1880. — „Авраамій Палицынъ, какъ писатель“, въ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8.

²⁾ Такой взглядъ на дѣятельность Авраамія развивается и въ томъ, и въ другомъ трудѣ г. Кедрова. Кратко и полно формулированъ онъ въ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 507—508.

³⁾ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 508.

стоитъ какъ бы изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сочиненій и ясно раздѣляется на три отдѣла: краткое повѣствованіе о времени царя Θεодора, Годунова, Разстриги и В. Шуйскаго (главы 1—6), собственно сказаніе объ осадѣ монастыря (главы 7—57) и рассказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ до 1618 года (глава 58 — 86 ¹⁾). А. В. Горскій, въ дополненіе къ разысканіямъ Голохвастова, замѣтилъ, что въ книгѣ Авраамія болѣе, чѣмъ три самостоятельныя части. Первые шесть главъ составляютъ вступительную часть книги; главы 7—57-я заключаютъ въ себѣ исторію осады; главы 58—61-я—„описаніе послѣднихъ событій, относящихся къ исторіи осады“; главы 62—70-я посвящены послѣднимъ мѣсяцамъ правленія Шуйскаго и эпохѣ междоусобицы до разоренія Москвы; главы 71—79-я повѣствуютъ о разореніи и освобожденіи Москвы; главы 80—82-я представляютъ собою исторію избранія на царство царя Михаила, и наконецъ, главы 83—86-я содержатъ рассказъ о нашествіи на Москву Владислава. Все это были, по мнѣнію Горскаго, особые лѣтописные труды Палицына. „Книга сія (говоритъ Горскій о Сказаніи старца-келаря), какъ видно изъ особыхъ заглавій въ главѣ 7-й, 57-й, 71-й и 83-й, составила изъ отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ Аврааміемъ въ разныя времена“ ²⁾. Согласно съ Горскимъ, и П. М. Строевъ считаетъ книгу Палицына историческимъ сборникомъ, „ядромъ“ котораго была исторія осады монастыря. Указывая составныя части этого сборника, Строевъ расходится съ Горскимъ только въ томъ, что соединяетъ въ одно „отрывочное“ повѣствованіе 58 — 79 главы печатнаго изданія, тогда какъ онѣ основательно раздѣляются Горскимъ на три отдѣльныхъ рассказа ³⁾. Позднѣйшій изслѣдователь Сказанія Палицына, С. И. Кедровъ, признавая, что Сказаніе писалось „постепенно“, въ то же время находилъ въ немъ всего три части, указанные Голохвастовымъ ⁴⁾.

Знакомство съ произведеніемъ Палицына несомнѣнно убѣждаетъ, что Горскій и Строевъ были ближе къ истинѣ, чѣмъ г. Кедровъ. Въ книгѣ Палицына замѣчаемъ нѣсколько такихъ частей, которыя сохранили на себѣ слѣды самостоятельныхъ повѣствованій. Таково прежде всего сказаніе о Троицкой осадѣ (главы 7—57-я печатнаго из-

¹⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 126.

²⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421—422.

³⁾ Виблюл. Словарь, стр. 9—11.

⁴⁾ Онъ руководится при этомъ вышними указаніями нѣкоторыхъ списковъ. Слѣд. *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445 и 447.

данія). Предъ нимъ находится особое предисловіе; оно имѣетъ и заключеніе, состоящее въ „словѣ благодарственномъ“ ¹⁾. Содержаніе его вполне цѣльно. Оно хотя и рѣдко, но встрѣчается въ спискахъ отдѣльно отъ прочихъ частей книги Палицына ²⁾. Затѣмъ, первая глава Сказанія, служащая въ общемъ расположеніи книги какъ бы вступленіемъ въ исторію осады Лавры, въ сущности является вполне самостоятельнымъ произведеніемъ и существуютъ въ двухъ редакціяхъ: первоначальной-распространенной и окончательной-краткой. Первоначальная редакція въ единственномъ ея спискѣ сохранилась въ видѣ отдѣльнаго произведенія безъ прочихъ частей книги старца Авраамія ³⁾. Оба эти повѣствованія, занимающія первые 57 главъ книги Палицына, всѣми безспорно признаются за отдѣльные литературные труды; разногласіе существуетъ только о послѣднихъ 29-ти главахъ печатнаго изданія. Г. Кедровъ, какъ и Голохвастовъ, считаетъ ихъ однимъ сочиненіемъ; Строевъ дѣлитъ ихъ на три части (отрывки о событіяхъ 1610 — 1612 годовъ, рассказъ объ избраніи царя Михаила, рассказъ о нашествіи Владислава); Горскій же, какъ мы видѣли выше, находитъ въ нихъ пять отдѣльныхъ повѣствованій. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣленіе Горскаго справедливѣе другихъ.

Прежде всего, совершенно ясно выдѣляются въ послѣднихъ главахъ книги Палицына три отдѣльныхъ „сказанія“. Одно изъ нихъ есть „Сказаніе вкратцѣ о разореніи царствующаго града Москвы“ (главы 71—79-я печатнаго изданія). Оно имѣетъ отдѣльное предисловіе ⁴⁾ и кончается такъ, что не предполагаетъ непосредственнаго продолженія. Предисловіе, въ главѣ 71-й, ясно говоритъ намъ, что Палицынъ въ этомъ сказаніи намѣренъ былъ описать не одно разореніе, но и освобожденіе Москвы. Сравнивая паденіе Москвы съ ра-

¹⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 58—62, 206—212.

²⁾ Такой описокъ знали Строевъ, Горскій и г. Кедровъ (Библиол. Словарь, стр. 11.—*Москвитиникъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421.—*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, § 3).

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175 (описаніе рукописи см. у арх. Леонида „Свидѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ бібліотеку Троицкой дух. семинаріи въ 1747 г.“ въ *Чт. Ник. Общ. Ист. и Др.* за 1884 г., III, стр. 182). Первоначальная редакція 1—6 главъ Сказанія Палицына была извѣстна Горскому (*Москвитиникъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421) и Кедрову (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445).

⁴⁾ Сказаніе, изд. 2-е, глава 71-я до словъ на стр. 245: „Но о семъ убо впреди изъяснено будетъ“....

зореніемъ древнихъ царствъ, онъ прибавляетъ: „Но сія убо... не возмогутъ возстати, царствующій градъ Москва не тако: аще за беззаконія наша и тмочисленныя грѣхи мало наказа насъ Господь, за милость же свою много возлюбилъ и помиловалъ. Егда убо... возопихомъ ко Господу, и услыша насъ и отъ бѣдъ нашихъ избави насъ“ Эти слова обнаруживаютъ главную мысль автора, проводимую въ сказаніи о разореніи Москвы: онъ хотѣлъ показать, что если грѣхи вызываютъ бѣдствія, то раскаяніе ведетъ къ спасенію. Развитие этой мысли стройно заканчивается въ главѣ 79-й разсказомъ объ освобожденіи московскихъ святынь, и вполне естественно, что авторъ, дописывая послѣднія строки этой главы, поставилъ на концѣ слово, аминь. Этимъ онъ обозначилъ конецъ не только главы, но цѣлаго поучительнаго повѣствованія.—Такою же цѣльностью содержанія и изложенія обладаетъ разсказъ Палицына „о избраніи благовѣрнаго и благороднаго великаго государя... Михаила Ѳеодоровича“ (главы 80—82-я печатнаго изданія). Въ началѣ разсказа давая понятъ, что освобожденіе отъ враговъ не спасло безгосударнаго народа отъ безначалія и беспорядковъ, авторъ показываетъ всѣмъ послѣдующимъ изложеніемъ, что благодать Божія осыпала благое дѣло избранія государя, какъ только къ нему обратились отъ своеволія и самоуправства. Сказаніе объ избраніи царя Михаила заканчивается послѣсловіемъ, которое желаетъ государю славнаго и безмятежнаго царствованія, а народу мирной и счастливой жизни. По своему смыслу послѣсловіе относится не къ одной той главѣ, къ которой приписано, а ко всему разсказу о избраніи Михаила. Цѣльность этого разсказа повела даже къ тому, что главы 80—82-я переписывались отдѣльно отъ прочихъ частей книги Палицына, какъ совершенно самостоятельное произведеніе ¹⁾.—Наконецъ, книга Палицына заканчивается совершенно самостоятельнымъ „Сказаніемъ о приходѣ подъ царствующій градъ Москву изъ Польши королевича Владислава“ (главы 83—86-я печатнаго изданія ²⁾). Сказаніе писано, безъ сомнѣнія, позднѣе другихъ частей книги. Въ этомъ убѣдимся, если сравнимъ за-

¹⁾ И. В. Миловидова содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевского монастыря. Кострома. 1887, стр. 1—17, № 1. Въ этой книгѣ цѣликомъ перепечатаны по рукописи главы 80—82-я Сказанія Палицына, сочтенныя за отдѣльное произведеніе неизвѣстнаго автора.

²⁾ Глава 86-я является просто повѣстью припискою къ сказанію о нашествіи Владислава и въ нѣкоторыхъ спискахъ отсутствуетъ (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, § 5).

ключеніе 82-й главы со вступленіемъ 83-й. Въ концѣ разсказа объ избраніи Михаила Феодоровича Палицынъ желаетъ государству мира и не предполагаетъ, чтобы посѣщенный благодатію Божьею народъ могъ снова уклониться съ праваго пути и вызвать на себя Господню кару. Въ началѣ же 83-й главы Палицынъ описываетъ новое нравственное паденіе русскаго общества и новое наказаніе, посланное на него отъ Бога,—приходъ поляковъ на Москву. Прерывая затѣмъ разсказъ о войнѣ и о заключеніи мира съ поляками повѣстью о ново-явленномъ чудѣ преподобнаго Сергія (глава 84-я), Палицынъ продолжаетъ и заканчиваетъ свое повѣствованіе въ главѣ 85-й.

Такъ съ полною очевидностію обнаруживается, что въ 71—86-й главахъ книги Палицына мы имѣемъ дѣло съ тремя произведеніями, независимыми другъ отъ друга, самостоятельно задуманными и выполненными, какъ можно думать, не въ одно время. Два такихъ же отдѣльныхъ сказанія, какъ мы видѣли выше, заключаются въ главахъ 1—57. И только тринадцать промежуточныхъ между ними главъ (58—70) не имѣютъ характера отдѣльныхъ литературныхъ произведеній и играютъ служебную роль, соединяя собою цѣнь отдѣльныхъ сказаній въ одну историческую хронику. Анализъ содержанія этихъ промежуточныхъ главъ приводитъ къ выводу, что четыре изъ нихъ (58—61) составляютъ дополненіе къ сказанію о Троицкой осадѣ и касаются дѣлъ монастыря и чудотвореній преп. Сергія ¹⁾. Остальныя же девять главъ (62—70) повѣствуютъ о дѣлахъ общерусскихъ: въ нихъ весьма кратко описывается освобожденіе Москвы отъ Тушина, смерть Скопина-Шуйскаго, сверженіе царя Василія, избраніе Владислава и притѣсненія поляковъ, смерть Тушинскаго вора и начало народнаго движенія противъ Сигизмунда. Когда написаны первыя четыре главы, судить не беремся. Что же касается до остальныхъ девяти, то, по нашему мнѣнію, онѣ были составлены послѣ сказанія Палицына о разореніи Москвы, вѣроятно, тогда, когда Палицынъ собиралъ свои отдѣльныя произведенія въ одну книгу ²⁾. Этимъ объяс-

¹⁾ Въ томъ спискѣ Сказанія Палицына, гдѣ находится одна исторія Троицкой осады, оказываются и эти четыре главы (58—61): онѣ приписаны, очевидно, какъ позднѣйшія дополненія къ заключительному благодарственному слову (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, § 3.—*Москвитинимъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421).

²⁾ Въ данномъ случаѣ мы высказываемъ не болѣе, какъ догадку. Основаніе для нея мы находимъ слѣдующее: Въ своемъ сказаніи о московскомъ разореніи (глава 71) Палицынъ говоритъ, что ин. Дм. Т. Трубецкой, Пр. Липуновъ и другіе

няется ихъ краткость, отрывочный характеръ изложенія, строгая фактичность: онѣ должны были заполнить тотъ пробѣлъ, который существовалъ въ историческихъ показаніяхъ прочихъ частей книги Палицына. Первая ея часть остановилась на изображеніи смуты при Шуйскомъ, вторая была посвящена описанію осады монастыря, далѣе слѣдовали повѣствованія о разореніи и освобожденіи Москвы, о воцареніи Михаила; паденіе же Шуйскаго и избраніе Владислава оставалось не описаннымъ. Палицынъ и описалъ эти событія въ рядѣ краткихъ замѣтокъ.

Изъ сказаннаго ясно, какъ мы представляемъ себѣ составъ и происхожденіе книги Палицына. Это—сборникъ, составленный изъ нѣсколькихъ цѣльныхъ сказаній, соединенныхъ иногда отдѣльными статьями. Части этого сборника создавались авторомъ, несомнѣнно, въ разное время и имѣли неодинаковый характеръ. Конецъ авторскихъ работъ указанъ самимъ Палицынымъ: въ послѣсловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ, что „послѣдоважеса и исправися книга сія, глаголемая Исторія вкратцѣ,... въ лѣто 7128 (1620)-е“¹⁾. Когда же онъ

воеводы подвиглись на освобожденіе Москвы послѣ ея разоренія вслѣдствіе призыва Троицкихъ властей. А въ главѣ 70-й находимъ показаніе, что Ляпуновъ съ Рязанью и другіе города поднялись сами на поляковъ, видя ихъ „насилства“. Первое изъ этихъ показаній грѣшитъ противъ истины и плохо согласуется со вторымъ. Это и дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ обвинить Палицына въ полномъ противорѣчій самому себѣ (Отвѣтъ Голохвастова Горскому въ Москвитинѣ за 1844 г., ч. IV, № 7, стр. 105—106, и отдѣльно: М. 1844, стр. 138—139.—Забѣлина Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 248—252). Но это противорѣчіе или, вѣрнѣе, несоотвѣтствіе двухъ показаній Палицына, стоящихъ рядомъ, объясняется весьма легко, если предположить, что глава 71-я (о разореніи Москвы) была написана не одновременно съ 70-й, а раньше ея. Составляя сказаніе о гибели и освобожденіи Москвы отъ поляковъ, Палицынъ не имѣлъ нужды объяснять, какъ произошло движеніе противъ поляковъ въ городахъ. Онъ только хотѣлъ—справедливо или нѣтъ—засвидѣтельствовать, что городскія дружины подошли къ Москвѣ вслѣдствіе гонимости его монастыря. Когда же онъ собралъ всѣ свои отдѣльныя повѣствованія въ одно цѣлое и дополнилъ ихъ краткими разсказами о событіяхъ 1610—1611 годовъ, онъ, естественно, не могъ умолчать о движеніи городовъ противъ поляковъ послѣ смерти Тушинскаго вора. Но краткій разсказъ объ этомъ (въ 70 главѣ) онъ не согласилъ, какъ должно, съ прежними замѣтками о городскихъ ополченіяхъ (въ 71 главѣ). Отсюда и произошла шероховатость изложенія, подавшая поводъ къ обвиненію въ противорѣчій.

¹⁾ Послѣсловіе Палицына напечатано въ „Замѣчаніяхъ“ Голохвастова (Москвитинѣ за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 126—127) и въ Библиог. Словарѣ Строева (стр. 10—11).

началъ свой трудъ, опредѣлить трудно. Еслибы можно было твердо установить, что Авраамій началъ свои историческіе труды съ первыхъ главъ его книги, со сказанія о временахъ царя Бориса, то мы стали бы утверждать, что онъ началъ писать въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Во 2-й главѣ своего Сказанія старецъ Авраамій говоритъ, что въ смуту народъ между прочимъ питался и старымъ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ владѣльцами еще во время голода при царѣ Борисѣ: „гумна же пренаполнены одоней, и копенъ и взородовъ и до четырехнадесять лѣтъ, отнелѣже смятеніе бысть во всей Руской земли“ ¹⁾. Это мѣсто показываетъ, что Палицынъ составилъ начало своей книги не ранѣе, какъ черезъ 14 лѣтъ послѣ голода 1601—1603 годовъ, то-есть, въ 1615—1617 гг. ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ старецъ не могъ написать первыхъ главъ своего труда и позже этого времени. Онъ считаетъ смуту еще существующею: говоря о первомъ самозванцѣ, онъ замѣчаетъ, что „и до днесь вся Россія не можетъ отъ выа своея разрѣшити того ярма“, въ какое введена была зломъ самозванщины ³⁾. Филарета Никитича называетъ онъ митрополитомъ, а не патріархомъ ⁴⁾. Значитъ, онъ писалъ первыя главы до окончанія войнъ съ Польшею и до возвращенія Филарета изъ плѣна. Такъ опредѣляется время составленія первой части Сказанія Палицына; но мы не можемъ поручиться, что исторія Троицкой осады или сказаніе о разореніи Москвы не были написаны авторомъ раньше, чѣмъ первыя главы. Въ этихъ частяхъ книги Палицына нельзя уловить опредѣленныхъ хронологическихъ указаній на время ихъ написанія. И только сказаніе о нашествіи Владислава самымъ содержаніемъ своимъ показываетъ, что составлено не ранѣе 1618 года.

Признавая книгу Палицына собраніемъ отдѣльныхъ и разновременныхъ произведеній, мы думаемъ, что она не допускаетъ одной общей характеристики. Именно потому, что въ ней нѣсколько частей различнаго характера, ее нельзя считать ни автобіографическимъ

¹⁾ Такъ читается это мѣсто въ печатномъ изданіи Сказанія (изд. 2-е, стр. 13). Въ первоначальной редакціи: „...до четырехнадесять лѣтъ отъ смятенія во всей Руской землѣ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 330).

²⁾ Этимъ опровергается мнѣніе А. В. Горскаго, что начало Сказанія Палицына написано было во время самой смуты, до избранія царя Михаила (*Московитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 422 и 429).

³⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 22.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 337—337 об.

⁴⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 8—9, 50—51.—Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 175, л. 327 об., л. 358.

трудомъ, ни духовно-историческою эпопеей. Если сказаніе о разореніи и освобожденіи Москвы и рассказъ объ избраніи царя Михаила полны свидѣтельствами о заслугахъ самого Авраамія, если исторія осады эпическимъ складомъ излагаетъ чудеса святыхъ Сергія и Никона и подвиги ихъ служителей, то въ первыхъ главахъ Сказанія не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Въ нихъ Палицынъ выступаетъ обличителемъ русскаго общества и стремится показать, какіе грѣхи низвели Русь до полного паденія. Тотъ же суровый обличитель-моралистъ является иногда и въ послѣднихъ главахъ книги. Словомъ, въ различныхъ частяхъ Сказанія Палицына читатель видитъ большое разнообразіе творческихъ мотивовъ и только тогда составитъ надлежащее представленіе о произведеніяхъ Авраамія, когда дастъ себѣ трудъ анализировать отдѣльно каждую изъ составныхъ частей Сказанія. Всѣ же попытки объяснить Сказаніе старца, какъ нѣчто цѣльное, останутся безплодными, потому что при исправленіи своей книги въ 1620 году Палицынъ не успѣлъ изгладить особенности своихъ отдѣльныхъ произведеній.

Мы, впрочемъ, можемъ думать, что онъ старался сдѣлать это. До насъ дошла въ отдѣльномъ спискѣ первая часть его Сказанія (главы 1—6) далеко не въ томъ видѣ, какой имѣетъ она въ печатномъ изданіи и въ прочихъ спискахъ ¹⁾. Горскій и С. И. Кедровъ уже обращали вниманіе на этотъ списокъ, и г. Кедровъ въ своемъ трудѣ „Авр. Палицынъ, какъ писатель“ ²⁾ напечаталъ изъ него нѣкоторые отрывки, которыхъ нѣтъ въ печатномъ изданіи. Признавая,

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 324—368.

²⁾ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, 448—455. И Горскій, и г. Кедровъ считаютъ отдѣльный списокъ болѣе раннимъ въ сравненіи съ текстомъ печатнымъ. Г. Кедровъ выражается даже такъ, что, судя по письму, это — „древнѣйшій экземпляръ и несомнѣнно списанный съ черновой рукописи“. Не видно, на чемъ основываетъ г. Кедровъ свои заключенія. Мы не будемъ утверждать, что это — древнѣйшій списокъ, но представимъ основанія, почему считаемъ его копіею съ авторской рукописи. На л. 334, въ концѣ 3-й главы, находимъ въ отдѣльномъ спискѣ такое мѣсто: „и одолѣ зла о бритіи брадѣ ба благочестію“. Въ печатномъ изданіи на этомъ мѣстѣ (изд. 2-е, стр. 20) читаемъ просто: „и одолѣ злѣба благочестію“. А немногимъ ниже въ обоихъ текстахъ говорится о бывшемъ при Борисѣ обычаѣ брить бороды. Ясно, что на поляхъ оригинала, съ котораго списанъ отдѣльный списокъ, была авторская замѣтка о томъ, о чемъ слѣдовало написать ниже: „о бритіи брадѣ“. Переписчикъ же по недоразумѣнію присоединилъ эти слова къ той строкѣ, противъ которой они были написаны на полѣ.

что въ отдѣльномъ спискѣ мы имѣемъ дѣло съ первоначальной редакціей, г. Кедровъ старается объяснить тѣ причины, какія побудили Авраамія передѣлать и сократить ее. Онъ думаетъ, что эти причины были чисто внѣшнія: „многаго, что случилось въ смутное время, нельзя было открыто и высказать“. Дѣйствительно, нѣкоторые сокращенія Палицына, приведенныя г. Кедровымъ, наводятъ на такую мысль. Но съ одной стороны, Палицынъ не боялся оставить въ окончательной редакціи 6-й главы извѣстіе о томъ, что Филаретъ Никитичъ былъ въ Тушинѣ нареченъ патріархомъ; не боялся онъ также назвать „безумнымъ“ со стороны народа крестное цѣлованіе „благочестивому“ Шуйскому ¹⁾. Съ другой стороны—многочисленныя сокращенія и поправки Палицына часто вызывались только литературными соображеніями, какъ ясно показываетъ сличеніе текстовъ первоначальнаго и окончательнаго. На этомъ основаніи мы и не можемъ допустить, чтобы Палицынъ измѣнялъ свое произведеніе изъ одной боязни навлечь на себя внѣшнюю бѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ руководила и простая цѣль—придать своему произведенію лучшую форму.

Въ заключеніе не можемъ не остановиться на одной любопытной частности. Всѣ изслѣдователи считаютъ Палицына вполне самостоятельнымъ писателемъ. И мы вообще не можемъ указать у него литературныхъ заимствованій. Тѣмъ болѣе удивляетъ насъ полное тождество немногихъ фразъ Авраамія, которыми онъ описалъ въ окончательной редакціи 1-й главы избраніе Бориса, съ изложеніемъ избранія въ Повѣсти 1606 года ²⁾. Можно было бы думать, что на этотъ разъ Палицынъ, вопреки своему обычаю, просто заимствовалъ изъ Повѣсти. Но въ первоначальной редакціи 1-й главы текстъ Палицына менѣе точно воспроизводитъ слова Повѣсти 1606 г. и заключаетъ въ себѣ обширное прибавленіе, напечатанное г. Кедровымъ ³⁾.

¹⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 50, 56—57.

²⁾ Сравни. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 7 (отъ словъ: „или хотя или не хотя“.... до словъ: „скипетръ Россійскія державы“) съ Инымъ Сказаніемъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, стр. 7 и 9).

³⁾ Въ первоначальной редакціи объ избраніи Бориса рассказано такъ: „Онъ же или хотя или не хотя, но вскорѣ на се не подадеся, и отрицаяся много, и достойныхъ на се избирати по(ве)лѣвая, самъ же отшедь въ великую лавру Матери Слова Божія воспоминаемаго чудеса Смоленскія иконы дѣвочки монастыря и ту сестрѣ си царицѣ Иринѣ, уже иноку Александрѣ, служаше. Отъ народнаго множества по вси дни принужаеи бываше къ воспріятію царствія и молии отъ многихъ слезъ, но никакомъ прекловашеся. Та жъ что просто тую (такъ

Стало быть, будучи сначала очень близокъ къ тексту Повѣсти, Палицынъ не только не удался отъ него впоследствии, но исправилъ свое изложеніе точными словами Повѣсти 1606 года. Это обстоятельство усложняетъ дѣло: понятнѣе было бы, еслибы, передѣлывая свой рассказъ и исправляя заимствованное мѣсто, Палицынъ внесъ въ него еще болѣе отличій отъ оригинала. Очевидно, онъ придавалъ извѣстную цѣну своему заимствованію и имѣлъ передъ глазами Повѣсть 1606 г. и тогда, когда писалъ, и тогда, когда исправлялъ свой трудъ. Если вспомнить, что Повѣсть 1606 г. была составлена Троицкимъ же монахомъ, какимъ былъ самъ Палицынъ, то невольно является мысль, не самъ ли Палицынъ, возвышеніе котораго совершилось при Шуйскомъ, составилъ и Повѣсть 1606 г. При этой догадкѣ понятно будетъ, почему Палицынъ, ни откуда ничего не заимствовавшій, свободно позаимствовалъ изъ этой Повѣсти.

С. Платоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

въ спискѣ) вси церковники повелѣніемъ патриаршимъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ пріемлютъ убо икону Матери всѣхъ Бога, юже и на (е)и пречистую руку воображенъ младенецъ, держай всю тварь словомъ великія, написанъ сый Лукою апостоломъ. Той убо и инии прочіи святыя иконы и мощи пѣшеносцы возносили бываша отъ мѣста. И къ нему жъ царіе со страхомъ многимъ прибѣгающе"... (Далѣе слѣдуетъ вставка, напечатанная г. Кедровымъ въ Русск. Архивъ за 1886 г., № 8, стр. 449.—Рис. Моск. Дух. Академія № 175, л. 325—325 об.).

КЪ ВОПРОСУ О СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

Въ статьѣ П. О. Бобровскаго, напечатанной въ октябрьской и ноябрьской книгахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1887 годъ, снова поднятъ вопросъ о судьбѣ Супрасльской рукописи, принадлежавшей нѣкогда монастырю того же имени, лежащему въ Гродненской губерніи, а нынѣ разбившейся на три части, изъ которыхъ одна находится въ Люблянѣ (Лайбахѣ), другая—въ Варшавѣ и третья наименьшая—въ Петербургѣ. Авторъ имѣлъ двѣ цѣли въ своей статьѣ: сообщеніе свѣдѣній о М. К. Бобровскомъ, открывшемъ означенную рукопись, и раскрытіе обстоятельствъ, приведшихъ къ ея распаденію на части. Что касается первой задачи, то авторъ могъ коснуться ея лишь на столько, на сколько представлялось то нужнымъ ему для выясненія главнаго вопроса—о судьбѣ рукописи. Было бы, однакожъ не лишнимъ и для этой цѣли, въ доказательство ранняго и близкаго знакомства М. К. Бобровскаго съ славянскими землями, древностями и литературами, назвать его сочиненія на польскомъ языкѣ, появившіяся въ *Dziennik Wileński* за 1822—1824 годы, именно: а) Путешествіе по Далмаціи; б) Выдержки изъ путевого дневника по Верхнимъ Лужицамъ; в) Извѣстіе о древней рукописи Далматинской хроники, находящейся въ Ватиканской бібліотекѣ; г) переводъ съ италіанской книжки Матв. Совича, архидіакона Оссерскаго: о художественности письменнаго языка славянскаго въ Далмаціи, съ объясненіями къ ней; д) Воспоминаніе о жизни и сочиненіяхъ дубровчанина Гундулича и въ особенности о его поэмѣ „Османъ“. Еще важнѣе было бы упомянуть, что первое собраніе своихъ книгъ, прибрѣтенныхъ отчасти во время путешествія по славянскимъ землямъ, состоявшее изъ 2000 томовъ, М. К. Бобровскій продалъ главной католической семинаріи, основан-

ной въ Вильнѣ еще въ 1808 году и располагавшей для увеличенія своей библіотеки фундаментомъ, который приносилъ ей ежегодно 4000 злотыхъ. Въ 1826 году эта библіотека уже насчитывала до 7000 томовъ, въ ней хранившихся; въ 1832 году она была слита съ библіотекою католической духовной академіи, куда передана была также и часть книгъ изъ библіотеки Виленскаго университета, закрытаго въ томъ же году. Въ 1842 году академія переведена была въ Петербургъ, а съ нею и библіотека ея¹⁾. Безъ сомнѣнія, въ ней можно ознакомиться и съ тѣми книгами, которыя прежде принадлежали М. К. Бобровскому, заслуги коего по славяновѣдѣнію давно ожидаютъ болѣе подробныхъ изслѣдованій.

Что касается второй задачи — разъясненія вопроса о судьбѣ Супрасльскаго рукописи, то разрѣшая ее, авторъ оставилъ безъ вниманія нѣкоторыя уже изъ извѣстныхъ въ печати свѣдѣній. Такъ, прежде всего слѣдовало бы указать на списокъ книгъ и рукописей, ссуженныхъ изъ библіотеки Супрасльскаго монастыря подъ росписку профессора Виленскаго университета М. Бобровскаго²⁾, всего семнадцать нумеровъ, и изъ нихъ №14-й — „житіи святыхъ съ поученіями купно, на пергаментѣ (безъ начала)“, — могъ быть тою рукописью, о которой идетъ рѣчь. Затѣмъ, при разъясненіи судьбы сей рукописи, нельзя оставить безъ упоминанія тѣ свѣдѣнія и запросы о ней, которые находятся въ письмахъ Вяч. Ганки къ А. С. Норову въ 1849—1850 годахъ³⁾. Въ письмѣ отъ 6-го мая 1849 года Ганка говоритъ: „Вы изволили писать къ Михаилу Федоровичу Раевскому, чтобъ вамъ объяснить про славянскую рукопись, присланную въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ, съ надписей: *Varia ex Chrysostomo aliisque ecclesiasticis Patribus slavo-rossica versia*. Извольте ее сравнить со статьей въ Библіографическихъ листахъ 1825 г. № 14, и если не ошибаюсь, то вы найдете, что она та же. Знаю, что она нѣсколько лѣтъ тому назадъ исчезла изъ Супрасльскаго монастыря; знаю тоже, что таился съ нею покойный Копытарь, и что послѣ его смерти изъ ней напе-

¹⁾ См. *Radziejewskiego Fr. Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych w królestwie Polskiem, Galicyi, w. кз. Poznańskiem i zachodnich guberniach państwa Rosyjskiego. Kraków. 1875, str. 111, 113.*

²⁾ См. Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси. Т. IX (Вильна. 1870), стр. 462.

³⁾ Напечатаны въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей российскихъ* за 1881 годъ, книга I.

„S. Ioannis Chrysostomi homilia in ramos palmarum, 1845“ и „Vitae Sanctorum, 1847“, ибо ихъ сравнивалъ съ упомянутою статью; мнѣ казалось, что я уже что-то такого читалъ, и убѣдился, что это то же. Но кто бы это въ Питеръ (могъ) прислать, это для меня таинствомъ; однакожъ я радъ, что подлинная рукопись не пропала. Петръ Ивановичъ Кеппенъ, которому покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, скажетъ вамъ, можетъ быть, подробнѣе о ней“. Въ письмѣ отъ 29-го августа 1849 года Ганка повторяетъ: „Я не сомнѣваюсь, что вамъ г. Кеппенъ объяснилъ отношенія Супрасльской рукописи. Я радуюсь, что она не пропала, и любопытенъ узнать о ея судьбѣ“. Въ письмѣ отъ 19-го марта 1850 г. онъ спрашиваетъ: „Мнѣ очень любопытно узнать, какъ кончилось съ Супрасльской рукописью: гдѣ она хранится теперь, и та ли это точно, о которой извѣстіе въ Библиографическихъ листахъ П. И. Кеппена стр. 189 и 533?“. Наконецъ, въ письмѣ отъ 11-го сентября 1850 года сказано: „У меня еще одна просьба: вы изволили ко мнѣ писать, что къ вамъ послали рукопись (какъ мнѣ кажется, Супрасльскую), и я очень любопытенъ узнать ея дальшую судьбу“. Ошибался Ганка или нѣтъ, это разяснить необходимо. Достигнуть сего можно, справившись въ письмахъ къ нему А. С. Норова, которая, по всей вѣроятности, хранится въ библіотекѣ Чешскаго музея въ Прагѣ, и въ перепискѣ М. Ѳ. Раевского, которая находится въ рукахъ профессора С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго. Во всякомъ случаѣ, говоря о судьбѣ Супрасльской рукописи, нельзя обойти показаній Ганки.

Ниль Номовъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТАТЬѢ:

„СУДЬБА СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ“.

Появленіе нашей статьи „Судьба Супрасльской рукописи“ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за октябрь и ноябрь текущаго года вызвало новыя сообщенія по этому вопросу. Считаемъ нужнымъ по поводу ихъ сказать нѣсколько словъ съ своей стороны.

I.

Отъ директора Новинской учительской семинаріи Московскаго учебнаго округа Ивана Михайловича Токаревскаго мы получили письмо отъ 2-го ноября съ нѣкоторыми новыми документами, имѣющими непосредственное отношеніе къ нашимъ изслѣдованіямъ и справкамъ. Вотъ это письмо:

„М. Г. Павелъ Осиповичъ. Изслѣдованіе ваше о судьбѣ Супрасльской рукописи, напечатанное въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, напомнило о переданныхъ мнѣ отцомъ моимъ, протоіереемъ Шерешевской церкви, лѣтъ 20 тому назадъ, когда я былъ еще студентомъ, славянскихъ рукописяхъ⁸²⁾. По справкѣ оказалось, что это собственноручно сдѣланные знаменитымъ дядею вашимъ, протоіереемъ Михаиломъ Кирилловичемъ Вобровскимъ, снимки (вѣрнѣе—списки) съ Супрасльской рукописи, а именно: слово св. Іоанна Златоуста „на врьбъницѣ“, слово св. Епифанія

⁸²⁾ Документы, какъ сказано въ нашей статьѣ, въ примѣчаніи 37-мъ, найдены отцомъ И. М. Токаревскаго, Шерешевскимъ благочиннымъ, послѣ смерти священника Саввинскаго, викарнаго моего дяди.

„архієпискоупа Купрьска о погребини тѣісе ѣи нашего ісѣу хѣ“ (въ одной тетради), и то же слово св. Епифанія въ отдѣльной тетради, въ три столбца, неизвѣстно чьею рукою переписанное. Кромѣ того, оказалось отдѣльное письмо Востокова отъ 15-го мая 1831 года, нѣсколько видоизмѣненныя выдержки изъ котораго приведены въ статьѣ вашей (стр. 295)⁸⁴⁾, письмо, изъ котораго между прочимъ видно, что упоминаемый въ отвѣтѣ Михаила Кирилловича шурина Востокова Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ—римскій знакомецъ протоіерея.

„Рукописи эти, съ согласія отца своего, считаю пріятнымъ долгомъ препроводить къ вашему превосходительству, а при первомъ случаѣ сообщенія съ почтовымъ учрежденіемъ пришлю хранящійся у меня Служебникъ 1620 года, въ которомъ есть три вклеенныхъ снимка съ ватиканскихъ рукописей, съ примѣчаніями вашего дяди о древнемъ происхожденіи ихъ (приблизительно XII в.)“.

За такое приношеніе считаю своимъ долгомъ выразить глубокую признательность, какъ отцу протоіерею Михаилу Токаревскому, такъ и сыну его, директору Новинской учительской семинаріи.

Изъ ближайшаго ознакомленія съ доставленными мнѣ списками съ Супрасльской рукописи оказывается, что только одинъ изъ нихъ, а именно—слово св. Іоанна Златоустаго „на врьбвицѣ“, сдѣланъ самимъ М. К. Бобровскимъ. На этомъ списокѣ (въ тетради на сѣрой тонкой бумагѣ въ 8-ю долю) внесены его же рукою въ текстъ и на поляхъ замѣтки на латинскомъ языкѣ, въ родѣ слѣдующихъ: „sic“, слово, повторяющееся очень часто, „sic forma longior“, „hic verba repetita delevit“, „годъ videtur esse propria dial. Ross. magnae. Hinc origo cod. repetenda“, „illud дѣтско inest Polon. linguae dziecko, лѣщо vero Dalmat. in Slav. veter restat derivat. велелѣпота“. Списокъ этотъ содержитъ въ себѣ только 259 строкъ, по 30 строкъ на каждой страницѣ; послѣдняя строка: „Вѣторокъ грѣдъ на облацѣхъ ѣи аггелы“. Въ той же тетради приклеена другая тетрадь такого же малаго формата и на той же бумагѣ, съ переписаннымъ изъ Супрасльской рукописи словомъ св. Епифанія Кипрскаго, но его переписывалъ, кажется, не самъ Бобровский, а кто-либо другой. Это слово въ 645 строкъ, помѣщается на 10 полулисткахъ и написано болѣе мелкимъ, ровнымъ и твердымъ почер-

⁸⁴⁾ Этотъ текстъ письма Востокова отличается отъ издавнаго академическимъ Срезневскимъ нѣкоторыми выраженіями, не измѣняющими однако общаго смысла; издатель переписки Востокова не считалъ нужнымъ помѣщать приписки въ письмѣ къ Михаилу Кирилловичу относительно шурина Востокова, С. И. Гальберга, изъ него екультора.

комъ, и тутъ нѣтъ никакихъ замѣтокъ. Точно также переписанъ и второй экземпляръ того же слова св. Епифанія, на трехъ полулистахъ большаго формата почтовой бумаги, въ три столбца, и тоже отличается отъ списка М. К. Бобровскаго твердымъ и еще болѣе мелкимъ почеркомъ. Здѣсь также не имѣется замѣтокъ. Все это копии тѣхъ самыхъ статей Супрасльской рукописи, о которыхъ писалъ А. Х. Востоковъ къ М. К. Бобровскому въ 1831 году. Не имѣется однако третьей статьи—слова св. Іоанна Златоуста „въ святыхъ четвертьяхъ о прѣдани Іуды и о пастѣ и съказаніи святыхъ тайнъ“. Извѣстно, что эти три статьи кирилловской Супрасльской рукописи (два слова Іоанна Златоуста и слово св. Епифанія) имѣются и въ глаголическомъ сборникѣ графа Клоца, изданномъ Копитаромъ.

Считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей и на снимки (*fac simile*) двухъ ватиканскихъ рукописей, вклеенные въ Служебникъ, изданія Кіево-Печерской лавры 1620 года⁸⁵). Оказывается, что эти снимки имѣютъ непосредственное отношеніе къ описанію ватиканскихъ славянскихъ рукописей, которое было сдѣлано М. К. Бобровскимъ въ Римѣ въ 1820 году и помѣщено въ V-мъ томѣ изданія Анжело Манн: „*Scriptorum veterum Vaticana collectio*, pag. 101—111. *Codices Slavici Bibliothecae Vaticanae*“

Одинъ снимокъ, приклеенный въ серединѣ книги въ литургіи св. Іоанна Златоуста, между стр. 100 и 101 названнаго Служебника, противъ возгласа „Піите отъ нея вси“ и т. д., изображаетъ пять строкъ того же возгласа такъ: „Възглашъ. Піите ѿ неѣ вси сеіѣтъ кровь моѣа новаго завѣта изливаема за вы и за многы въ оставленіи грѣховъ. стѣль ѿтсе таі“. На оборотѣ рукою Бобровскаго написано: „*Fac simile codicis MS. Vaticani bombycini, quem notat № 1X. Scriptus fortasse seculo XII in forma voluminis ad usum diaconorum vel presbyterorum, continet liturgiam divi Chrisostomi*“. Въ упомяну-

⁸⁵) Принадлежавшій профессору Бобровскому Служебникъ, подъ заглавіемъ „Божественная Литургія яже въ святыхъ отецъ нашихъ Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Пржедсвятенная“, есть изданный при архимандритѣ Кіево-Печерской Лавры Елиѣѣ Плетенецкомъ, въ 1620 году, съ изображеніями и украшеніями въ начальныхъ буквахъ (дюймоваго размѣра въ рамкахъ); онъ упоминается въ „Хронологической Росписи славянскихъ книгъ“ (С.-Пб. 1861), подъ № 212. Экземпляръ его имѣются въ Импер. Публич. Библіотекѣ и въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Въ нашемъ экземплярѣ на поляхъ (стр. 43, 97, 98, 306, 340, 341) имѣются записи хозяевъ книги, XVI и XVIII вв., на русскомъ и польскомъ языкахъ. Служебникъ хорошо сохранился, но на многихъ страницахъ, особенно въ концѣ, подклейки, а два листа (508 и 514) возстановлены письмомъ.

той статьѣ Бобровскаго, подѣ № IX, сказано: „Кодексъ бумажный, написанный, быть можетъ—въ XII вѣкѣ, въ видѣ книги, не полный. И видъ этой рукописи, и кирилловскія буквы, и древнѣйшій способъ написанія безъ раздѣленія, и эта пунктуация, и чистота славянской рѣчи, все это обнаруживаетъ отдаленнѣйшее время его происхожденія. Онъ содержитъ въ себѣ чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста безъ начала и конца ея, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ отношеніи строгости канона несовершенный, смотря потому, какъ требуетъ обычай отъ священника, совершающаго съ другими литургію въ славяно-греческой церкви, изъ уваженія къ которому (обычаю), вѣроятно, этотъ кодексъ и былъ написанъ. Начала недостаетъ до молитвы, которая слѣдуетъ за вторымъ антифономъ. Сборникъ обрывается на словахъ, которыя возглашаетъ священникъ, намѣреваясь подойти къ омовенію рукъ. Въ дѣлѣ критики этотъ отрывокъ рукописи имѣетъ высокую цѣнность“.

Другой ватиканскій снимокъ приложенъ въ концѣ Служебника и содержитъ въ себѣ начало пѣсни Пресвятой Богородицы изъ св. евангелиста Луки (гл. I, ст. 56, 57 и нач. ст. 58): „Величить дѣла моя Гѣ и възрадовася дхъ мой въ Бѣѣ Сїсе моимъ. яко призрѣ....“ Подѣ снимкомъ написано рукою Бобровскаго на латинскомъ языкѣ, что это fac simile съ ватиканскаго славянскаго кодекса Псалтыри, помѣченнаго № XIII, а на оборотѣ, также по латини: „Рукопись харатейная въ бодшую 8-ку, неизвѣстнаго столѣтія, въ концѣ попорчена, имѣетъ 197 листовъ и содержитъ въ себѣ псалмы съ пѣснопѣніями“. Въ описаніи же Бобровскаго у Анжело Ман, подѣ № XIII, сказано: „Содержитъ въ себѣ псалмы, къ которымъ на концѣ, по обычаю греческихъ кодексовъ, присоединяется особый (151-й) апокрифическій псаломъ, двѣ пѣсни Моисея, пѣснь Анны (матери Самуила пророка), Аввакума, Исаіи, Іоны, Азаріи, Пресвятыя Богородицы и пророка Захарія, отца Іоанна Крестителя, наконецъ—тропари, которые обыкновенно поются въ субботу, въ дни воскресные на утрени, также тропари и служба въ праздникъ Воскресенія Христова; но окончаніе послѣдней затеряно. Сборникъ написанъ кириллицей, славянскимъ книжнымъ (litterali) языкомъ верхнедунайской редакціи“.

Что же касается до третьяго снимка, наклееннаго на оборотѣ верхней доски переплета Служебника, то онъ, какъ видно, помѣщенъ здѣсь въ качествѣ образца славянской скорописи XV столѣтія; это какая-то запись 1486 года, вовсе не относящаяся къ Служебнику 1620 года: „А се и кнегини Семеновѣ Сымѣновича кнегини Маріѣи даю свои листѣ сеи попоу гольшаньскы....“ и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ и изъ другихъ данныхъ, приведенныхъ нами въ извѣстность, можно заключить, что М. К. Бобровскій располагалъ разнообразнымъ запасомъ снимковъ кирилловскаго письма, добытыхъ имъ собственнымъ трудомъ въ библиотекахъ и музеяхъ западной Европы гораздо ранѣе отсылки въ Петербургъ къ П. И. Кеппену перваго извѣстія объ открытой имъ (Бобровскимъ) въ 1823 г. Супрасльскаго рукописи.

Въ статьѣ нашей мы только привели въ систему хорошо извѣстные намъ факты, на сколько позволяютъ наши свѣдѣнія и наши источники, въ той надеждѣ, что кому-либо изъ любителей и знатоковъ славянскаго литературнаго искусства удастся, наконецъ, разыскать и разобрать тѣ очевидно богатые матеріалы, какими располагалъ ученый Бобровскій въ послѣдніе годы своей жизни, а равно и его библиографическія записки (на латинскомъ языкѣ), въ которыхъ, по свидѣтельству ученика его Плакида Янковскаго, сдѣлана была оцѣнка древнѣйшихъ рукописей славянскихъ, преимущественно кирилловскаго письма, въ палеографическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Очевидно, что располагая разнообразнымъ, весьма цѣннымъ матеріаломъ, какъ въ снимкахъ съ древнѣйшихъ рукописей, такъ и въ старопечатныхъ славянскихъ книгахъ, Бобровскій не могъ оставить безъ оцѣнки и разбора знаменитую Супрасльскую рукопись. Это отчасти видно изъ его замѣтокъ на доставленной намъ части слова Іоанна Златоуста.

II.

По поводу замѣтки Н. А. Попова, помѣщенной въ настоящей книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, считаемъ нужнымъ прежде всего сказать, что въ біографіи М. К. Бобровскаго мы еще многого не разъяснили, хотя собираемъ матеріалы для нея уже болѣе 25 лѣтъ.

Въ 1821 году профессоръ Бобровскій прислалъ изъ Парижа въ Виленскій университетъ полный отчетъ о своемъ путешествіи по славянскимъ землямъ. Гдѣ этотъ отчетъ—намъ до сихъ поръ не извѣстно. Изъ этого-то отчета и была извлечена та именно статья о Далмаціи, о которой говоритъ Н. А. Поповъ. Напечатана она въ апрѣльской книжкѣ Виленскаго Денника за 1822 годъ, а затѣмъ переводъ ея появился въ Вѣстникѣ Европы 1824 г. (№ 22, ноябрь, стр. 122—135). Не только статьи М. К. Бобровскаго по славистицѣ, но и рѣчи, произнесенныя имъ въ публичныхъ засѣданіяхъ

Виленскаго университета, послѣ напечатанія ихъ въ Вильнѣ появились въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Такъ, напри- мѣръ, рѣчь, произнесенная Бобровскимъ 15-го декабря 1823 года, о значеніи арабскаго языка и литературы и о пользѣ знакомства съ нею, между прочимъ и для лицъ, изучающихъ Священное Писаніе и богословіе, была помѣщена въ Русскомъ Вѣстникѣ 1825 г. (№ 5, стр. 15—39, № 7, стр. 190—209), подъ заглавіемъ: „Краткій историческій очеркъ письменнаго языка арабовъ и литературы сего народа съ объясненіемъ пользы, проистекающей отъ ознакомленія съ нею“. Какъ мы уже имѣли случай сказать въ нашей статьѣ, проф. Бобровскій въ 1823 г. возбудилъ вопросъ объ учрежденіи въ Виленскомъ университетѣ двухъ новыхъ кафедръ — восточныхъ языковъ и славянскихъ нарѣчій, и въ то же время предлагалъ существенныя реформы въ преподаваніи богословскихъ наукъ. Намѣренія Бобровскаго встрѣчали не малую оппозицію въ университетскомъ совѣтѣ; тѣмъ не менѣе совѣтъ представилъ попечителю учебнаго округа князю Адаму Чарторыйскому свои соображенія объ этихъ реформахъ; но только два года спустя, министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ возложилъ на М. К. Бобровскаго преподаваніе славянскихъ нарѣчій, и то исключительно греко-уніатскимъ клирикамъ.

Переведенная Бобровскимъ съ италіанскаго книга ученаго Совича имѣетъ въ переводѣ на русскій языкъ такое заглавіе: „Размышленіе надъ незнаніемъ письменнаго языка въ Далмаціи. Посмертный трудъ высокочтимаго Матвѣя Совича, бывшаго архидіакона въ Оссеро, перевелъ съ италіанскаго языка и объяснилъ замѣтками М. Бобровскій, каноникъ Брестской кафедръ“ ⁸⁶⁾. Каченовскій помѣстилъ этотъ переводъ труда Бобровскаго въ Вѣстникѣ Европы 1827 г. подъ заглавіемъ: „О незнаніи славянскаго языка въ Далмаціи“ (ч. 151, № 1, стр. 14, № 2, стр. 106, № 3, стр. 191, № 4, стр. 257). Въ своихъ обширныхъ и весьма цѣнныхъ для науки библиографическихъ замѣткахъ къ сочиненію Совича, также переведенныхъ на русскій языкъ, М. К. Бобровскій стремится доказать, что славянскіе языки подвергались значительной порчѣ между прочимъ отъ принятія латинской азбукъ. Такъ, въ замѣткѣ 31-й по поводу

⁸⁶⁾ Книга Совича имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Refflessioni sul ignoranza della lingua slava letterale in Dalmazia. Opuscolo postumo del reverendissimo don Matteo Sovich fu arcidiacono d'Ossero. Venezia. 1787.* Точно такое же заглавіе и въ *Допл. Вилен.* за 1826 г. (стр. 203—221, 341—354, 391—407): *Uwagi nad nieumiejętnością języka Słowiańskiego litteralnego w Dalmacyi*” и т. д.

измѣненій и порчи хорватскаго (далматскаго) языка, онъ говорить: „Почти то же самое произошло и въ польскомъ языкѣ отъ принятія латинской азбуки“ и т. д. А далѣе, въ примѣчаніи 33-мъ, по поводу общаго заключенія Совича о причинахъ порчи славянскаго языка у хорватовъ, Бобровскій говоритъ, что по тѣмъ же причинамъ и у насъ (то-есть, у греко-уніатовъ, въ которыхъ обращена была его рѣчь въ іюнѣ 1826 г.) пришелъ въ забвеніе языкъ древне-славянскій. Эту-то рѣчь, вошедшую въ видѣ замѣтки въ его переводу книги Совича, мы привели въ извлеченіи въ концѣ статьи нашей о судьбѣ Супрасльскаго рукописи.

Что касается до сообщенія Н. А. Попова о порядкѣ перехода части библіотеки М. К. Бобровскаго черезъ главную духовную семинарію въ римско-католическую духовную академію, то эта часть обширной библіотеки ученаго профессора продана имъ семинаріи въ 1824 году, и деньги, вырученныя за нее, служили ему единственнымъ ресурсомъ для его существованія въ Жаровицахъ (съ 1824 до мая 1826). Мы привели письмо Бобровскаго въ Лобойку, въ которомъ сказано именно о деньгахъ, вырученныхъ имъ за книги, то-есть, за книги, купленныя у него главною духовною семинаріей. Книжки эти, пишетъ Янковскій, — были исключительно богословскія, приобретенныя Бобровскимъ во время пятилѣтняго путешествія, на собственныя средства, съ отказомъ себѣ даже въ необходимомъ, лишь бы удовлетворить своей страсти имѣть рѣдкія изданія. Но богословскія книги, которыми дорожилъ нашъ ученый славистъ, также собранныя имъ въ Европѣ, оставались при немъ до кончины и поступили въ 1848 г. въ обладаніе библіомана Тренбицкаго, жившаго тогда въ им. Линовъ ⁸⁷⁾ (Гродненской губерніи), а послѣ смерти Тренбицкаго, въ 1861 г., какъ уже извѣстно, поступили въ ординатъ гр. Замойскаго. Нужно знать, что въ главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ получали высшее богословское образованіе и греко-уніатскіе клирики, и что источникомъ содержанія ея, а слѣдовательно, и средствомъ пополненія библіотеки, служили деньги, ежегодно собираемыя отъ монастырей, какъ римско-католическихъ орденовъ, такъ и базилианскихъ, то-есть, греко-уніатскихъ. Изъ этой сборнои суммы, съ которой на долю базилианскихъ монастырей причиталась третья часть, въ штатѣ назначалось было къ отпуску на

⁸⁷⁾ Линово находится въ 10 верстахъ отъ г. Пружаны и въ 20 верстахъ отъ м. Шерешова.

библіотеку ежегодно 600 р. (4000 злот.), и на эту-то сумму (называемую Радзивевскимъ фундушемъ) была составлена семинарская библіотека, которая, въ числѣ 7000 томовъ, поступила въ римско-католическую духовную академію. Надо полагать, что начальство греко-уніатской Литовской епархіи въ свое время, то-есть, въ 1832 г., при преобразованіи главной семинаріи обоихъ вѣроисповѣданій въ академію римско-католическую, или при переводѣ сей послѣдней въ Петербургъ въ 1842 году, выдѣлило въ пользу своихъ учреждений законную долю книгъ изъ общаго ихъ состава. Это легко повѣрить сношеніемъ съ православною Литовскою духовною консисторіей.

Относительно же нѣкоторыхъ рукописей и книгъ, взятыхъ М. К. Бобровскимъ въ монастырѣ подъ росписку, всего семнадцати номеровъ, въ числѣ которыхъ могла быть и Супрасльская рукопись, можно замѣтить, какъ уже сказано нами, что если онѣ оставались у М. К. Бобровскаго до самой его кончины въ 1848 году, то и подлежали сдачѣ по принадлежности; но мы видѣли, что ни бывшій депутатъ со стороны духовенства, протоіерей В. Кургановичъ (онъ же и бывшій вице-благочинный), ни Пружанская дворянская опека не исполнили своей прямой обязанности. И не только монастырскія рукописи, о которыхъ идетъ рѣчь, но и всѣ фамиліные документы, равно какъ и вся ученая переписка М. К. Бобровскаго, перешли въ чужія руки. Разъясненіе этого вопроса, во всякомъ случаѣ, мы относимъ къ біографіи Бобровскаго, приготовляемой нами къ печати.

Догадки и предположенія Вячеслава Ганки, на которыя указалъ Н. А. Поповъ, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Любопытны слѣдующія показанія Ганки въ письмѣ къ А. С. Норову отъ 6-го мая 1849 года: „Знаю, что она нѣсколько лѣтъ тому назадъ исчезла изъ Супрасльскаго монастыря; знаю тоже, что таился съ нею покойный Копитаръ“. Отъ кого Ганка могъ знать, что рукопись исчезла изъ Супрасльскаго монастыря нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Кромѣ предложенныхъ г. Поповымъ справокъ, нужно выяснить себѣ и отношенія между Ганкой, Копитаромъ и Бобровскимъ. Отношенія Копитара къ Ганкѣ были враждебны; на это обстоятельство жаловался Копитаръ Востокову въ 1841 г. (см. Переписку Востокова, стр. 339). Напротивъ того, Ганка питалъ къ М. К. Бобровскому особенное расположеніе. Переписка ихъ, какъ мы знаемъ, не прекращалась; а поводы къ ней достаточно объясняются слѣдующими строками Плакида Янковскаго, записанными со словъ его профессора и друга: „Столь знаменитый впослѣдствіи Венцеславъ Ганка состоялъ

еще при Добровскомъ въ скромной должности переписчика. Но нашъ путешественникъ сошелся уже тогда (1819 г.) и подружился съ этимъ чрезвычайно способнымъ симпатичнымъ молодымъ человекомъ, которому вскорѣ суждено было прославиться открытіемъ извѣстной Краледворской рукописи. Ставъ однажды на почвѣ, какъ бы его поджидавшей и встрѣтившей столь хорошимъ предназначенованіемъ, Ганка приступилъ немедленно и къ важнымъ своимъ разслѣдованіямъ о Реймсскомъ Евангеліи (*texte du sacre*). Съ тѣхъ поръ, нуждаясь въ снимкахъ съ разныхъ старинныхъ славянскихъ рукописей, хранящихся по знаменитѣйшимъ бібліотекамъ Европы, онъ обращался постоянно къ опытному и радушному посредству Бобровскаго, имѣвшаго къ тому болѣе средствъ и возможности³⁸⁾.

Благодаря обязательности профессора И. В. Помяловскаго, мы имѣли возможность просмотрѣть хранящіяся у него письма А. С. Норова къ М. Ѳ. Раевскому за 1845—1856 года и нашли въ нихъ два указанія касательно занимающаго насъ предмета. Въ письмѣ отъ 5-го апрѣля 1849 г. А. С. Норовъ говоритъ: „Не можете ли также объяснить недоумѣніе, въ которомъ находится канцелярія министерства иностранныхъ дѣлъ и я; туда прислана славянская рукопись на пергаментѣ въ 4-ю долю листа подъ заглавіемъ: „*Varia ex Chrysostomo aliisque eccl. patrib. slavo-rossica versio*“, а на самой рукописи „Сказаніе главамъ святыхъ книзей“. Такъ какъ я просилъ г. Ганку и васъ одолжить меня присылкою нѣкоторыхъ любопытныхъ книгъ и рукописей славянскихъ для приобрѣтенія, то можетъ быть, это на мой адресъ“. Въ письмѣ отъ 25-го августа 1849 г. А. С. Норовъ писалъ: „Ганка мнѣ писалъ, но никакой разгадки о рукописи не сдѣлалъ. Рукопись эта драгоцѣнна, какъ онъ говоритъ, и извѣстна ученымъ, и онъ не знаетъ, какъ она попала къ намъ“.

Если въ Петербургъ дѣйствительно попала какая-либо часть Супрасльскаго рукописи (всей не могло попасть) въ началѣ 1849 года, то въ виду представленныхъ нами разъясненій о ея судьбѣ и объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Ганкой и Копитаромъ, съ одной стороны, и между Ганкой и Бобровскимъ — съ другой, должна составиться новая комбинація, можетъ быть — неожиданная. Любопытство Ганки не могло быть случайнымъ: онъ цѣлый годъ добивался разъясненія, но желаніе его осталось безъ удовлетворенія.

И. Бобровскій.

³⁸⁾ Холмскій мѣсяцесловъ на 1867 г., ч. II, стр. 109.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Противорѣчія итальянскаго Возрожденія.

Zanelli. LE SCHIAVE ORIENTALI A FIRENZE NEI SECOLI XIV E XV. Firenze. 1885.
LES COURTISANES ET LA POLICE DES MŒURS À VENISE. Documents officiels empruntés aux archives de la République, accompagnés de quelques observations. Bordeaux. 1886.

Vincenzo Crescini. CONTRIBUTO AGLI STUDI SUL BOCCACCIO, con documenti inediti. Torino. 1887.

Michele Scherillo. LA COMMEDIA DELL'ARTE IN ITALIA. Studi e profili. Torino. 1884.

Stoppato. LA COMMEDIA POPOLARE IN ITALIA. Padova. 1887.

Torraca. IL TEATRO ITALIANO DEI SECOLI XIII, XIV e XV. Firenze. 1885.

Barzellotti. SANTI, SOLITARI E FILOSOFI. SAGGI PSICOLOGICI, 2-a edizione. Bologna. 1886.

Trolle. DAS ITALIENISCHE VOLKSTUM UND SEINE ABHÄNGIGKEIT VON DEN NATURBEDINGUNGEN. Leipzig. 1885.

Понятіе итальянскаго Возрожденія—сложное, и разъясненія ему я не нахожу въ новѣйшихъ трудахъ Гейгера и Кёртинга, спеціально ему посвященныхъ. Возрожденіе предполагаетъ нѣчто отжившее и мертвое, снова возникающее къ жизни; дѣло идетъ объ образовательномъ классическомъ преданіи; между тѣмъ именно въ Италіи оно никогда не замирало не только въ школахъ, но и въ бытовомъ обиходѣ и въ остаткахъ древнихъ институтовъ, въ обилии вещественныхъ памятниковъ древности. Нормандскія школы XII вѣка произвели блестящую латинскую поэзію, чѣмъ современныя ей въ Италіи, но это было дѣломъ старанія и выучки, скоро уступившимъ схоластическому теченію мысли. Въ Италіи классическая традиція не

знала таких проблесковъ, но держалась равнѣе, потому что ея средой была не школа, а общество, сознававшее въ ней нѣчто свое, элементъ дѣловаго и культурнаго общенія. Оттого здѣсь долѣе, чѣмъ гдѣ-либо, латинскій языкъ сохранилъ значеніе литературнаго, въ извѣстномъ смыслѣ живаго языка, а италіанскій явился въ первой роли позже другихъ романскихъ, ибо въ его обособленіи дольше не чувствовалось нужды. За то, когда италіанская поэзія освободилась отъ вліянія провансальскихъ и сицилійскихъ образцовъ, формально ее опредѣлившихъ, она сразу заявляетъ себя въ рукахъ болонскихъ поэтовъ и флорентійскихъ представителей новаго поэтическаго стиля продуктомъ страны, въ которой образовательное преданіе древности издавна питало и философское сознаніе, и вкусъ къ изящному, разумѣется, въ границахъ своей доступности и сохранности и въ предѣлахъ, допускаемыхъ христіанствомъ. На верху этого развитія стоитъ Данте; онъ закрѣпляетъ собою средневѣковый періодъ италіанскаго развитія.

Кёртингъ (*Die Anfänge der Renaissance in Italien*, I, стр. 106—107) не допускаетъ этого термина для Италіи: въ ней не было ничего „mittelalterlich“; онъ не въ мѣру принижаетъ въ ея развитіи значеніе христіанскаго элемента и спасается отъ нагляднаго противорѣчія заявленіемъ, что Данте не столько италіанскій, сколько общечеловѣческій (средневѣковый, христіанскій) поэтъ. Построеніе совершенно не нужное, по крайней мѣрѣ для Кёртинга; оно понятно было бы въ системѣ, которая усмотрѣла бы въ явленіи Возрожденія лишь крайнее и болѣе яркое выраженіе никогда не прекращавшагося процесса; въ этомъ процессѣ пришлось бы отвести мѣсто и для Данте и въ угоду цѣлостнаго впечатлѣнія затушевать христіанскіе силуэты картины. Но вѣдь, по Кёртингу, починъ Возрожденія принадлежитъ Петраркѣ; и Альбертино Муссато, и Брунетто Латини, и Феррето — лишь его провозвѣстники. Стало быть, преувеличеніе оказывается лишнимъ.

Говоря о „среднихъ вѣкахъ“ въ Италіи, я не смѣшиваю ихъ понятія съ параллельнымъ развитіемъ по ту сторону Альповъ, которое мы отмѣчаемъ тѣмъ же названіемъ. Разница между тѣмъ и другимъ явленіемъ въ количествѣ образовательныхъ факторовъ. Въ Италіи такимъ факторомъ являлась церковь: она — носительница и христіанскаго ученія, и латинской грамотности; подъ ея сѣнью показываются и первые всходы того, что названо было, едва ли правильно, средневѣковымъ Renaissance (Карлъ Великій; Оттонъ), всходы, быстро улад-

шіе, ибо подъ ними не было питающей почвы. Чѣмъ-то не церковнымъ, классически-плотскимъ отзываются лишь рѣзвыя пѣсни голлардовъ, страствующихъ клериковъ; но ихъ протестъ — протестъ фабліо: онъ не принципиаленъ, не опирается на направленіе, которое въ силахъ было бы потягаться съ вліяніемъ церкви. Всѣ эти движенія, отрицательныя по виду, и выходили изъ нея, и къ ней возвращались; когда позднѣе вліянія италіанскаго Возрожденія коснулись Германіи, они быстро вошли въ теченіе церковной реформы.

Въ Италіи рядомъ съ церковью, вооруженною преданіями римской администраціи и латинской школы, всегда существовало свѣтское образовательное преданіе классицизма, начиная отъ учителей и риторовъ готско-лонгобардской поры до традиціи средневѣковаго ученаго нотаріата. Здѣсь, стало быть, находились на лицо два образовательные фактора, не практически, но принципиально противоположные. На дѣлѣ между ними происходило примиреніе, характерное для всѣхъ среднихъ вѣковъ, не исключая и Италіи: содержаніе классической образованности, на сколько оно было доступно, втягивалось въ жизнь и литературу христіанскаго общества, располагаясь по его клѣткамъ, обогащая его, но и поступаясь частью своей сущности. Какъ классическіе образы троянскихъ героевъ и Александра Македонскаго приняли въ средневѣковой эпикѣ обличіе и нравы современныхъ рыцарей, такъ Virgilіи явился провозвѣстникомъ Христа, а въ мудрости древнихъ философовъ искали подтвержденія изреченіямъ Соломона и отцовъ церкви. При такихъ условіяхъ происходило насыщеніе новой культуры содержаніемъ, если не духомъ, античной; что въ Италіи, при богатствѣ ея народно-классическихъ воспоминаній, этотъ процессъ долженъ былъ совершаться быстрѣе и полнѣе, понятно само собою. Какъ далеко можно было идти въ этомъ направленіи — показываетъ лучше всего Божественная Комедія, поэма средневѣковая, но возможная лишь въ Италіи.

Но въ Италіи же должно было совершиться и то обратное движеніе, которому спеціальнѣе даютъ названіе Возрожденія, привязывая его починъ къ имени Петрарки. Не римляне спускаются, какъ прежде, на землю, чтобы обратиться въ италіанцевъ, а италіанцевъ зовутъ назадъ, къ временамъ Римской республики и имперіи. Центръ симпатій перемѣстился, и понятно, почему. Именно въ Италіи обиліе и народность классическихъ воспоминаній должны были ранѣе всего повести къ спеціальному занятію ими, къ выдѣленію ихъ въ особую область

вѣдѣнія, къ объективизаціи науки о древности. Въ научномъ смыслѣ это былъ шагъ впередъ: устранялась та черезполосица, то наивное смѣшеніе своего и чужаго, древняго и новаго, которое еще характеризуетъ міросозерцаніе Данте; въ обособленіи древности, какъ чего-то самостоятельнаго, получалась точка отправленія для критики и критическое чувство изошралось. Но тутъ же начинаются и недочеты: пристальное занятіе древностью достигалось усидчивымъ, поглощающимъ трудомъ, притупляющимъ живой интересъ къ жизни и ея практическимъ вопросамъ. Такъ было съ Петраркой: отчужденіе отъ жизни тѣмъ болѣе опасное, что оно имъ не ощущалось, ибо и въ его сознаніи, какъ въ сознаніи людей предшествовавшаго ему поколѣнія, современная Италія была лишь продолженіемъ стараго Рима, могучаго и славнаго, обаявавшаго своею славой къ подражанію. Тамъ онъ искалъ политическихъ откровеній для италіанцевъ XIV вѣка: имперія или республика, Карлъ IV или Кола di Rienzo — все равно, практически это безразлично, ибо то и другое можно обосновать достоверно на свидѣтельствахъ римскихъ классиковъ.

Такъ разошлись, въ противоположность къ простодушному синкретизму среднихъ вѣковъ, жизненные требованія съ идеалами, навѣянными ученымъ уединеніемъ. Если въ послѣдствіи они спускались къ жизни, чтобы римскою параллелью оправдать совершившійся фактъ, тираницида или республики, то это явленіе совершенно другого рода.

Къ этому противорѣчію присоединилось и другое. Чѣмъ отвлеченнѣе и объективнѣе занимались Петрарка и люди Renaissance классическою древностію, тѣмъ шире раскрывалась пропасть между ними и христіанствомъ, обусловившимъ новую культуру. Если старому равеннскому грамматикъ Вильгарду явились демоны — любимые имъ классическіе поэты, чтобы поблагодарить его за предпочтеніе, которое онъ имъ оказывалъ передъ Священнымъ Писаніемъ, то это — наивная церковная легенда до-Дантовской поры; Петраркѣ демоны сомнѣнія проникали въ душу, идеи аскетизма и славы, личнаго счастья и христіанскаго самоотреченія боролись въ немъ, одні, унаслѣдованныя воспоминаніемъ, другія, воспитанныя его увлеченіемъ. Борьба не новая, хорошо знакомая средневѣковому человѣку, съ тою разницею, что многое грѣшное и мірское, что прежде относилось на счетъ демонскаго соблазна, получило теперь освѣщеніе римскаго прецедента и, являясь въ ореолѣ древняго величія, и пугало, и привлекало выѣстъ. Борьба знакомая и блаженному Августину, котораго

такъ любилъ цитировать Петрарка; но тотъ выходилъ изъ расторженности религіозныхъ и философскихъ ученій своего времени къ успокоительному синтезу христіанства; этоть всецѣло стоятъ въ немъ, но подновляетъ въ его временномъ, церковномъ проявленіи элементы разлада, которые ни въ немъ самомъ, ни въ слѣдующихъ поколѣніяхъ никогда не окрѣпили въ цѣльное міросозерцаніе, равносильное христіанскому. Оттуда внутренняя и новая расторженность Петрарки; оттуда, въ извѣстной мѣрѣ, и такъ-называемая безнравственность Renaissance: естественный продуктъ быстрого роста италіанскаго общества, она не создана была противорѣчіями христіанской и языческой этики, но могла находить себѣ оправданіе въ существованіи двухъ нравственныхъ критеріевъ, изъ которыхъ одинъ былъ обязательнъ, какъ христіанскій, другой принадлежалъ народно-классической традиціи, обновленной гуманизмомъ, поддержанной идеей римской солидарности и эстетическими предпочтеніями народа-художника.

Итакъ, противорѣчія практики и теоріи, язычества и христіанства, христіанской и языческой нравственности, этики и эстетики—такое впечатлѣніе италіанскаго Renaissance, разложившаго видимую цѣльность италіанской средневѣковой культуры. Присоедините къ этому и исконную двойственность ея источниковъ, классическихъ и христіанскихъ, привнесенныхъ со стороны и туземныхъ литературныхъ направленій, и я оправдалъ заглавіе предлагаемаго обзора нѣкоторыхъ новыхъ книгъ, посвященныхъ Италіи.

I.

Италіанскія республики были первыя, попытавшіяся отнѣнить у себя законодательнымъ порядкомъ вѣчное право, явленія рабства и личной зависимости. Первые шаги въ этомъ отношеніи сдѣланы были еще въ началѣ XIII вѣка Сіэной, затѣмъ Падуйей (1235 г.) и Брешией (1239 г.); въ 1256 году Болонская коммуна скупила всѣхъ сервовъ своей области, запрещая имъ подъ страхомъ смерти вступать въ какія бы то ни было отношенія личной зависимости къ частному лицу. Наконецъ, въ 1289 году флорентійскій народъ положилъ, чтобъ отнынѣ никто не имѣлъ права ни продавать, ни покупать сервовъ, колоновъ и т. п. ни въ постоянную, ни во временную собственность, ибо подобныя сдѣлки будутъ признаны недѣйствительными и обложены пеней; право такого пріобрѣтенія переходило всецѣло къ Флорентійской коммуной, личный сервитутъ замѣненъ государственнымъ.

Что не одни соображенія челоувѣчности руководили италіанскими

городами въ этомъ дѣлѣ освобожденія, понятно само собою. Занелли (стр. 7) представляетъ себѣ, что до горожанъ и правительственныхъ лицъ могли доноситься стоны закрѣпощеннаго деревенскаго населенія, и что эти стоны могли вызвать реакцію чувства въ обществѣ, снова водворившемъ у себя рабство полустолѣтія спустя послѣ акта освобожденія! Последнее обусловлено было практическими нуждами горожанъ, борьбой Флорентійской коммуны, въ которой только что восторжествовала партія гвельфовъ, съ гибеллинскими баронами пригородья, опиравшимися именно на своихъ вассаловъ и колоновъ. Освобождая ихъ, городъ отнималъ главную силу у своихъ враговъ, но интересно замѣтить, какими общими соображеніями обосновывалась эта мѣра, внушенная необходимостью самозащиты: флорентійскій законъ начинается съ заявленія прирожденной человѣку свободы и свободной воли, которую люди (*jus gentium*) склонили подъ иго рабства; болонскій *Paradisus voluptatis* — книга, въ которую вписаны были имена освобожденныхъ — говоритъ о томъ же, но начинается съ воспоминанія объ искупительной жертвѣ Христа за челоѣчество. Христіанскій принципъ явился освѣщеніемъ совершившагося факта.

Немногимъ болѣе полустолѣтія спустя послѣ приведеннаго нами флорентійскаго закона, рабство было восстановлено во Флоренціи (около половины XIV вѣка) и въ другихъ италіанскихъ городахъ; и не только восстановилось, но и нашло себѣ новое принципиальное оправданіе. На этотъ разъ дѣло шло не о туземныхъ сервахъ и колоняхъ, а о фактѣ другаго разбора. Уже начиная съ VIII вѣка слышались нареканія на торговлю рабами, которую вели венеціанцы; съ развитіемъ италіанскихъ колоній въ Крыму опредѣляется и ея главный рынокъ для Италіи. Генуэзскіе колонисты Каффы потворствовавшіе генуэзской торговлѣ рабами, сами начинаютъ принимать въ ней дѣятельное участіе; въ послѣдствіи къ нимъ присоединяются и флорентійцы, и италіанскія семьи наполняются невольными представительницами всѣхъ возможныхъ народностей. Изъ 339 рабынь, купленныхъ во Флоренціи въ промежутокъ между 1366 и 1397 годами, 259 были татарки, 27 гречанокъ, 7 русскихъ, 7 турчанокъ, 3 славянки, 3 черкешенки, 2 изъ Босніи и Албаніи, одна арабка, одна сарацынка (?) и одна родомъ изъ Кандіи (Zanelli, стр. 36). Акты купли и продажи даютъ точныя подробности: 9-го апрѣля 1412 года десятилѣтняя русская дѣвочка, Маргерита, была продана во Флоренцію за 36 дукатовъ; въ 1414 году девятилѣтняя боснячка Andreola за 20; въ 1422 болгарка Катерина за 50 (тамъ же, стр. 47, 48, 49

прим.); встрѣчаются абхазки (тамъ же, стр. 52; de genere Avogastorum?); подъ 1467 годомъ значится, что какіе-то славянскіе торговцы во Флоренціи (fiorentini schiavoni?) привезли на продажу рабынь изъ Рагузы (тамъ же, стр. 58, прим. 2: donne Rangeie, то-есть, вѣроятно, Rausce, Ragusce; сл. Morgurgo—Riv. crit. della letterat. italiana II, № 2, стр. 59). Вообще, начиная съ конца XV вѣка, татарскія рабыни встрѣчаются рѣже, за то чаще сербки, болгарки, гречанки и албанки (тамъ же, стр. 94). Онѣ входятъ въ семьи въ качествѣ мамокъ, служанокъ, чернорабочихъ, но нерѣдко приобрѣтають въ ней хотя незаконное, но вліятельное положеніе. Ихъ умѣютъ выбирать; когда Филиппъ Строцци затѣваетъ жениться, его мать пишетъ ему въ Неаполь въ 1465 году: совѣтую обзавестись рабыней; русскія нѣжнѣе комплексіей и красивѣе, говоритъ она,—черкешенка крѣпка (forts sangue), хотя всѣ онѣ этимъ отличаются; лучше и выносливѣе всѣхъ—татарки (тамъ же, стр. 73).

Новому бытовому факту личнаго рабства отвѣчало и новое законодательство, черпавшее свои положенія изъ идей римскаго права. Торговля и обладаніе рабами обставлены были цѣлымъ законоположеніемъ, выработаннымъ до мелочей и все предусмотрѣвшимъ: внѣшнія примѣты и число лѣтъ, наказаніе за побѣгъ и за совращеніе къ бѣгству, наконецъ, фактъ беременности, если онъ не былъ оговоренъ въ купчей крѣпости, ибо онъ умалалъ цѣнность рабыни.

Какъ примирялось это новое закрѣпощеніе личности съ торжественнымъ заявленіемъ закона 1289 года—о прирожденной человѣку свободѣ? Евреи и язычники исключались изъ благодѣяній того закона, и это исключеніе легко было перенести на новыхъ рабовъ, между которыми большинство были язычники и магометане (тамъ же, стр. 21). Но дѣло въ томъ, что новые хозяева ихъ обыкновенно крестили, и иноподчешкія имена въ родѣ Stimati, Zoniaek, Call, Cadobala, Cullofa и т. п. (стр. 51 прим.) замѣнялись христіанскими: Маргерита, Магдалина и т. д. Фактъ рабства съ этимъ не прекращался, и явилась казуистика, упрочивавшая неволю христіанина. На вопросъ: дозволено ли продавать и покупать иновѣрнаго раба, крестившагося уже въ состояніи рабства, извѣстный новеллистъ XIV вѣка Саккетти отвѣчаетъ утвердительно, ибо рабъ крестился будучи уже таковымъ и находился какъ бы въ положеніи заключеннаго въ тюрьму, лишеннаго права поручаться за себя и вступать въ какія бы то ни было сдѣлки. Крестить такихъ людей то же, что крестить быковъ; ничто не мѣшаетъ отпустить невольника, если онъ добрый человѣкъ и

христiанинѣ, но освобождать людей, каковы въ большинствѣ рабы, хотя бы они были и христiане, дурно и грѣшно, ибо лишивъ ихъ страха палки, ты даешь ему возможность чинить зло (тамъ же, стр. 21—22). Подобныя воззрѣнія приводилъ и св. Антонинъ, епископъ Флоренціи, опирая существованіе рабства на божественномъ, человѣческомъ и каноническомъ правѣ и допуская, что рабъ, крестившійся въ неволѣ, можетъ оставаться рабомъ, ибо „что не запрещено, считается допущеннымъ“. Юристъ Marquado de Susanis говоритъ существенно то же самое; явилось даже оправданіе рабства съ гуманной точки зрѣнія. Слышалъ я отъ стариковъ, говоритъ Понтанъ,—что купцы, торгующіе въ Черномъ морѣ, выкупали изъ скинскаго (татарскаго) плѣна еракійцевъ и грековъ, дабы они не были въ рабствѣ у варваровъ, ибо достойнѣе казалось, чтобы они прожили нѣкоторое время въ услуженіи, пока не окупятъ заплаченнаго за cadaго изъ нихъ, чѣмъ быть имъ добычей варваровъ и въ вѣчной неволѣ, къ посрамленію христiанства. То же дѣлается и нынѣ по отношенію къ тѣмъ, которыхъ зовутъ черкесами и болгарамъ (*quos burgaros et circassos vocant*), прибавляетъ авторъ.

Подобно освобожденію сервовъ въ 1289 году, и обновленіе рабства въ половинѣ XVI вѣка имѣло основаніе въ жизни флорентійской коммуны, лишь въ послѣдствіи обобщенное въ принципъ и мотивированное закономъ. Бонгн (*Le schiave orientali in Italia* въ *Nuova Antologia*, v. II, 1868) усматриваетъ причину развитія рабства въ чумѣ 1348 года, умалившей число рабочихъ рукъ и поднявшей заработную плату; это и усилило спросъ на привозныхъ невольниковъ и невольницъ. Иначе понимаетъ дѣло Занелли (стр. 26 и сл.), связывая явленіе рабства съ упадкомъ древнихъ флорентійскихъ порядковъ, который обнаруживается съ начала XIV вѣка въ постепенномъ ограниченіи демократическихъ учрежденій, приведшемъ къ тиранніи Медичи. Упадокъ политической свободы шелъ объ руку съ общественнымъ, съ пониженіемъ нравственнаго уровня и семейнаго строя; здѣсь и пустило корни рабство. Полагаю, что оба объясненія могутъ быть приняты совмѣстно, не выключая другъ друга въ извѣстныхъ границахъ.

Древнія формы италіанскаго брака, заключавшагося отъ рода къ роду и отъ касты къ кастѣ, безъ счетовъ съ чувствами брачующихся, должны были расшататься подъ вліяніемъ индивидуализма, ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проснувшася въ Италіи и характернаго для весенней поры ея возрожденія. Унаслѣдованныя условія семьи болѣе

не удовлетворяли, и личная жизнь искала себѣ пищи въ ея. Въ XIV вѣкѣ женщина также связана закономъ и обычаемъ, какъ и прежде; ее по старому выдаютъ и продаютъ въ чужой родъ, но она выработала въ себѣ ловкость и хитрую сметку и характеръ, позволяющіе ей пользоваться извѣстною свободой въ отношеніяхъ семейнаго рабства. При тѣхъ же условіяхъ личнаго развитія мужчины ищеть удовлетворенія въ семьѣ; браки становятся такъ рѣдки, что Флорентійская коммуна поощряетъ наградами тѣхъ, кто женится въ извѣстному сроку, и налагаетъ пени на не желающихъ. Развитие содоміи во Флоренціи XIII—XIV вв., въ Венеціи XV и XVI вѣковъ достигло ужасающихъ размѣровъ; венеціанскій совѣтъ издаетъ противъ нея строгія постановленія; куртизанки жалуются въ 1511 году патриарху Антоніо Контарини, что у нихъ отбиваются заработокъ, тогда какъ флорентійскіе пріоры пытаются остановить развитіе порока, но кровителствуя проститутокъ. Все это дополняетъ картину начавшагося разложенія семьи, въ которой рѣдко встрѣчается строгій дантовскій образъ жены-матери, домовитой, прядущей и сторожащей у очага. Умаленіе численности рабочихъ рукъ вслѣдствіе чумы 1348 года и упадокъ семейной дѣловитости вслѣдствіе отвлеченія интересовъ въ сторону индивидуальной жизни: обѣ причины могли одинаково содѣйствовать усиленію спроса на рабскій трудъ. Мы уже слышали совѣтъ одной флорентійской *gentildonna* сыну: обзаводясь женой, обзавестись и работницей-невольницей. Что эти черкешенки, боснийки и татарки, введенныя въ семью, могли способствовать ея дальнѣйшему разложенію и изъ положенія рабынь переходить къ рангу любовницъ—не трудно себѣ представить (Zanpelli, стр. 31). Нѣтъ большаго горя, говоритъ въ XIV вѣкѣ Саккетти,—какъ видѣть рабыню мамку или служанку въ роли барышни, за которою ухаживаютъ родовитые люди, и не только ухаживаютъ, но и женятся на нихъ и заводятъ семью.

E qual maggior dolore
che veder la fancella,
schiava, balia o ancella
damigella—mostrarsi?
e li gentili con loro infardarsi
e spesso ammogliarsi—e far famiglia.

(Morgurgo, l. c., стр. 59).

Правда, показанія, собранныя Завелли (стр. 40 и сл.), представляютъ намъ флорентійскихъ рабынь послѣдней трети XIV вѣка въ

далеко непривлекательномъ свѣтѣ: въ нхъ „паспортныхъ“ отмѣткахъ преобладаетъ отдѣлъ увѣчій, порѣзовъ, встрѣчаются даже указанія на тавро, на слѣды оспы и т. п. Это, разумѣется, не устраняетъ исключеній, вліявшихъ на разложеніе семейной среды. Роль рабовъ и рабынь въ италіанской комедіи XVI вѣка не была лишь отраженіемъ популярныхъ тогда комедій Теренція, а вмѣстѣ и извѣстной роли, какую получилъ въ обществѣ возстановленный римскій институтъ рабства. И въ этомъ случаѣ, какъ въ вопросѣ о безнравственности Возрожденія, самостоятельно выработавшіяся формы жизни покрывались и оправдывались, случайно или нѣтъ, формулами римской. Я готовъ присоединить къ этой параллели и другую: гетеръ обновленной традиціи римской комедіи и италіанскихъ *cortegiane* XVI вѣка, среди которыхъ нерѣдко встрѣтишь образованныхъ и по-своему развитыхъ писательницъ, въ родѣ Вероники Франко или знаменитой Tullia D'Aragona, которую герцогъ Козимо освободилъ отъ позорной обязанности—носить вуаль или кайму желтаго цвѣта, знакъ ея профессіи. Льгота давалась ей, какъ поэтессѣ, дѣйствительно отблагодарившей герцога посвященіемъ ему своего Діалога о безконечности любви (см. S. Bongi, *Il velo giallo de Tullia D'Aragona*, въ *Riv. crit. della letterat. italiana*, III, № 3).

Безнравственность Renaissance, ея Unsittlichkeit, которую Кёртингъ (Boccaccio's Leben und Werke, стр. 657) вмѣняетъ, между прочимъ, Декамерону—фактъ необходимой общественной эволюціи, совершившейся въ Италіи ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Мы можемъ опредѣлить его нѣсколькими словами: разложеніе бытовой семьи подъ вліяніемъ индивидуализма. Общество, изображаемое средневѣковыми фабльо, не менѣе представляетъ соблазновъ, чѣмъ общество Декамерона, но оно цѣлѣнѣе и его смѣхъ надъ какою-нибудь неблаговидною продѣлкой монаха или шашнями невѣрной жены не исключаетъ ихъ осужденія передъ лицомъ христіанской морали, хотя бы она и не высказывалась. Иначе въ Декамеронѣ: тѣ же соблазнительные разказы и тотъ же смѣхъ, но вмѣсто односторонняго осужденія или признанія является обсужденіе, анализъ мотивовъ, интересъ къ эстетической сторонѣ поступка внѣ его нравственной оцѣнки, ибо критерій нравственности сталъ разнообразнѣе съ тѣхъ поръ, какъ индивидуализмъ расшаталъ исключительность стараго этического кодекса. Изъ того, что инны скабрёзныя новеллы разказываются именно дамами, еще нельзя дѣлать заключенія (Koerting, тамъ же, стр. 658) о нравственномъ уровнѣ общества: вѣдь сюжеты

новеллѣ были унаслѣдованы вмѣстѣ съ наивнымъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ явленіямъ половой жизни, о которыхъ позже нельзя было говорить безъ зазора; если осуждать эту сторону дѣла, то осужденіе распространится и на фавль, и на цѣлыя полосы средневѣковаго развитія. Дѣло не въ содержаніи, а въ новыхъ отношеніяхъ къ содержанію разказовъ, въ стремленіи отыскать въ нихъ учительный элементъ, отношеніе къ общимъ вопросамъ жизни.

На эту дидактическую сторону Декамерона, которую слишкомъ часто забываютъ за его потѣшную и сатирическую, обратилъ недавно вниманіе Біаджи (*Riv. crit. della letterat. italiana*, I, № 2, стр. 61—62), сообщая одинъ любопытный, дотолѣ не изданный отзывъ современника Боккачіо: о томъ, какими глазами смотрѣли на Декамеронъ, и что въ немъ цѣнили современные ему люди. Да будутъ похвалены тѣ, кто обращаетъ свои труды на утѣшеніе прелестнымъ дамамъ, ибо онѣ—утѣха свѣта: такъ начинается свою рѣчь безымянный авторъ. Чѣмъ больше у кого добродѣтели и знанія, тѣмъ болѣе онъ долженъ къ тому стремиться: мудрые поэты пусть пишутъ книги, соединяя пріятное съ обиліемъ поученій, дабы, читая ихъ, либо слушая ихъ чтеніе, дамы получали и удовольствіе, и пользу; музыканты пусть сочиняютъ баллаты и мадригалы, дабы онѣ наслаждались, ихъ распѣвая или слушая ихъ пѣніе. Такое служеніе дамамъ не новое: глубокіе ученые отдавали имъ свое знаніе, храбрые рыцари сражались ради нихъ до смерти на турнирахъ, поэты называли ихъ ангелами. Сказать по правдѣ: нѣтъ такого строгаго проповѣдника, осуждающаго красоту и роскошь нарядовъ, который застоялся бы долго на кафедрѣ, еслибы въ числѣ его слушателей не было замужнихъ и вдовыхъ дамъ. Чтобъ ихъ развеселить, онъ вставляетъ въ проповѣдь, рядомъ съ евангельскимъ разказомъ, какую-нибудь потѣшную новеллу; еслибы довѣриться ему, то отъ смѣха недалеко было бы и до чего другаго. Иной разъ въ церкви какой-нибудь магистръ или бакалавръ толкуетъ сидящимъ вокругъ него дамамъ о житіяхъ святыхъ, внушая слушательницамъ необходимость чаще посѣщать монастырь, то-есть, живущихъ въ немъ монаховъ, и не поднимется съ мѣста, если въ то время келарь поввонитъ къ трапезѣ, готовъ отказаться отъ ѣды и питья, лишь бы продолжить бесѣду. Одной онъ дастъ свою сорочку, другой—скапуларій и говоритъ: эти портные портятъ намъ платья, шить не умѣютъ, а вотъ дамы, тѣ строчатъ ровно, точно бисеромъ низутъ. Такъ, порицая ихъ съ амвона, онъ тайно ихъ похваливаетъ;

но Господь да накажетъ ту, которая пойдетъ, по отношенію къ нимъ, далѣе шитья и починки! И авторъ разсказываетъ по этому поводу совершенно боккачьевскій анекдотъ о своей сосѣдкѣ, пошедшей исповѣдываться въ келью и унесшей на своемъ бѣломъ платьѣ слишкомъ ясныя слѣды черной монашеской рясы. Но не будемъ говорить объ этомъ изъ уваженія къ священному сану, а похвалимъ тѣхъ, которые, во уваженіе насъ, приложили трудъ къ написанію нѣкоторыхъ прекрасныхъ и пріятныхъ творевій. Между тѣми, которыхъ я теперь припоминаю, особой славой и похвалы заслуживаетъ мессеръ Giovanni di Boccaccio, которому Господь да продлитъ жизнь и пошлетъ все по его желанію. Нѣкоторое время тому назадъ онъ началъ писать, въ прозѣ и стихахъ, прекрасныя и потѣшныя книги въ честь прелестныхъ дамъ, которыхъ помыслы обращены на хорошее и добродѣтельное, и которыя съ удовольствіемъ слушаютъ или читаютъ тѣ книги и разказы, отчего ему прибываетъ хвалы, а вамъ удовольствій. Между прочимъ, онъ сочинилъ одну прекрасную и потѣшную книгу, подъ названіемъ Декамеронъ, и т. д.

Такъ выдѣляется въ Декамеронѣ, въ оцѣнкѣ современника, элементъ реальнаго и скандальнаго отъ поучительнаго, вызывающаго на размышленіе, и послѣднему дается перевѣсъ: соединеніе и предпочтеніе, которыя могли казаться немислимыми, пока его не обновилъ современный французскій романъ реалистическаго направленія. Я не приравниваю другъ къ другу оба явленія, но только указываю на параллели. То, что отдѣляетъ новеллу Декамерона отъ средневѣковаго фабліо, общество Renaissance отъ средневѣковаго, это элементъ личной рефлексіи, обращенный хотя бы и къ низменнымъ сторонамъ жизни. Зарождалась индивидуальность: Декамеронъ—выраженіе общества, тронутаго ея новымъ поднятіемъ, развитіемъ самоопредѣленной личности, тогда какъ—мы выдѣли—въ его основахъ и нижнихъ слояхъ человѣкъ не только не преуспѣвалъ въ свободѣ, но и сильнѣе закрѣпощался въ новомъ явленіи рабства. Эту черту, можетъ быть, не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ италіанскаго Renaissance, по крайней мѣрѣ его началъ. Развитіе гуманной, обогащенной самосознаніемъ личности и параллельное развитіе личной неволи указываетъ, что первое въ извѣстной мѣрѣ совершалось на счетъ и силами втораго, что одни освобождались для себя, перенося тяжелое иго труда на чужія плечи. Противорѣчіе ли это Renaissance, и случайна ли аналогія съ римскимъ міромъ?

II.

Разбирая сложеніе ранней италіанской Renaissance, какъ она явилась въ разказахъ и міросозерцаніи Декамерона, не слѣдуетъ упускать изъ виду и моментъ рыцарства. Въ Италіи это былъ заходій, не выросшій изъ жизни институтъ, явившійся съ своимъ условнымъ кодексомъ нравственности и выражавшей его поэзіей въ среду, представлявшую совершенно другія условія развитія. Занесенныя въ Италію пѣсни трубадуровъ говорили о служеніи дамъ сердца, выдѣленной изъ связи семьи и брака, о любви, обставленной цѣлымъ ритуаломъ феодально-рыцарскихъ отношеній и искусственныхъ поэтическихъ формулъ. Поэты сициліанской и старо-флорентійской школы подражали этимъ формуламъ, какъ чему-то данному, непрекаемому, не углубляя и не будучи въ состояніи углубить ихъ идеальнаго содержанія, ибо углубленіе не давалось жизнью. Она была слишкомъ реальна и среди безконечныхъ переживовъ провансальскихъ образцовъ нерѣдко давали себя знать проблесками реализма, начиная отъ *Cielo dal Canto* до флорентійскихъ веристовъ XIII—XIV вѣковъ. Обновленіе провансальско-рыцарской поэзіи совершилось на почвѣ поэзіи такъ-называемаго „новаго стиля“, среди которой стоитъ Данте: мадонна провансальцевъ осталась, сохранился и ея культъ, но содержаніе любви одухотворилось: мадонна стала символомъ, олицетвореніемъ чего-то высшаго; любовь, обращенная къ ней, переходитъ за свою непосредственную, земную цѣль къ добродѣтели, къ высшему благу; поэзія получаетъ символическій и аллегорическій характеръ ея настоящею задачей становится представленіе какой-нибудь философской истины, облеченной въ красивые образы, какъ опредѣлялъ поэзію Данте (*Gasparu y Crescini*, I. c., стр. 136). Образъ дантъ дѣйствительностью, реальнымъ увлеченіемъ, но ему дается поэтическое значеніе лишь подъ условіемъ, что оно можетъ быть обобщено до какого-нибудь этического принципа, просвѣтляющаго и матеріальный образъ любимой женщины. Такова любовь Данте къ Беатриче; таково и послѣднее слово рыцарско-провансальскаго теченія — въ области италіанской поэзіи.

Иное значеніе получилъ рыцарскій кодексъ въ отраженіяхъ италіанской жизни и быта. Здѣсь онъ засталъ семью, въ которой индивидуализмъ уже началъ проявлять свое разрушительное дѣйствіе, создавая новыя отношенія, освобождая чувство любви отъ стѣсненій ригористическаго обычая. Рыцарскій кодексъ помогъ упорядочить

эти отношенія, сообщивъ имъ прочность своего этикета и виѣшній блескъ, не измѣняя ихъ сущности. Богатые горожане подражаютъ рыцарямъ не только въ Провансѣ, но и въ Италіи: устраиваютъ турниры, охотятся, ухаживаютъ за дамами, толкуютъ о вопросахъ любви въ *cortí d'amore*, занесенныхъ изъ Прованса; но содержаніе любви осталось свое, реальное, ограниченное ближайшими дѣлами удовлетворенія, увкое и виѣстѣ болѣе полное, пластически-опредѣленное. Въ этомъ сложномъ пониманіи любви, въ которомъ италіанскій реализмъ прикрытъ идеалистическими отношеніями рыцарства, первый элементъ долженъ былъ найти поддержку и оправданіе въ эстетическихъ критеріяхъ древней поэзіи, вновь раскрытой Возрожденіемъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ. Такова любовь въ Декамеронѣ, такова любовь и самого Боккаччіо. Петрарка воспѣваетъ Лауру, въ сущности, какъ трубадуръ; новое въ его поэзіи—не содержаніе идеала, а мощный субъективизмъ поэта, его художественная виртуозность, воспитанная чтеніемъ классиковъ. По отношенію къ содержанію идеала Лаура на столько арханстичнѣ Беатриче, на сколько поэзія новаго флорентійскаго стиля была хотя бы и одностороннимъ прогрессомъ противъ провансальской. Италіанское возрожденіе и его пониманіе любви мы находимъ въ отношеніяхъ Боккаччіо къ его Фіамметтѣ.

Благодаря остроумнымъ работамъ Крешини, мы можемъ теперь глубже заглянуть въ исторію этой привязанности, которую Бѣртингъ пытался недавно обфлѣить, удаливъ изъ нея все казавшееся ему предосудительнымъ, главнымъ образомъ моментъ дѣйствительной, чувственной страсти. Опроверженіе этого взгляда не заставило себя долго ждать; страннымъ кажется, какъ близко, такъ—сказать, на виду лежали нѣкоторыя автобіографическія откровенія Боккаччіо, мимо которыхъ проходили безъ вниманія, пока не указалъ на нихъ Крешини.

Боккаччіо родился въ Парижѣ въ 1313 году; мать его, Жанна, была изъ дворянскаго рода: преимущество, которымъ сынъ впоследствии любилъ гордиться. Отецъ его, пріѣзжавшій въ Парижъ по торговымъ дѣламъ, увлекъ бѣдную дѣвушку обѣщаніемъ брака къ связи плодомъ которой былъ нашъ Джіованни Боккаччіо. Покинувъ Жанну, отецъ уѣхалъ въ Тоскану, женился тамъ на Маргаритѣ di Gian Donato de'Martoli и выписалъ къ себѣ малолѣтняго сына. Жизнь въ отцовскомъ домѣ была не веселая: отецъ былъ практикъ, помѣшанный на обогащеніи и скряжничавшій, когда дѣла, по обыкновенію, шли плохо; если Боккаччіо не можетъ простить ему поступка съ его

матерью, то въ этомъ едва ли не слѣдуетъ видѣть отголоска отношеній, установившихся между мачихой и пасынкомъ. Этимъ объясняется, почему еще мальчикомъ Боккаччіо былъ отданъ на сторону, на внучку къ купцу, а впоследствии посланъ въ Неаполь, чтобы усовершенствоваться въ торговомъ дѣлѣ, которое впрочемъ, съ дозволенія отца, онъ оставилъ для каноническаго права. Но и это занятіе не было по сердцу молодому поэту: его болѣе интересовали бесѣды съ неаполитанскимъ астрономомъ Andalone del Negro, кружокъ ученыхъ, собравшихся подъ сѣнью двора короля Роберта, общество юнаго итальянскаго Renaissance, гдѣ блестящія формы французскаго рыцарства легли на чувственный фонъ итальянскаго быта, народно-классическія воспоминанія жили на Байскомъ берегу, у гробницы Виргилія, и новая наука древности находила себѣ привѣтъ у короля, покровителя Петрарки. Въ этомъ обществѣ сложились эротическій идеалъ Боккаччіо, дающій намъ ключъ къ его Декамерону, пережитый имъ по всей лѣствицѣ увлеченій — до той страсти включительно, которая на долго и серьезно имъ овладѣла, до страсти къ Маріи, побочной дочери короля, которую Боккаччіо восхвалялъ на всѣ лады подъ именемъ Огонька, Fiammetta. Эта была страстная, чувственная красавица, окруженная толпою обожателей, которыхъ она капризно мѣняла, безъ жалости „разбивая сосудъ, изъ котораго напилась“. Беззавѣтная страсть Боккаччіо заинтересовала ее, она обнадѣжила его, робкаго и нерѣшительнаго, и отдавшись ему, завладѣла имъ всецѣло. Его canzoniere полонъ мотивовъ этой начинающей и торжествующей любви; его Filostrato написанъ имъ въ пору томительныхъ ожиданій, что и ему будетъ то же, что Тронлу, и его осчастливить своею любовью Fiammetta-Griseida. Еще болѣе подобныхъ автобіографическихъ указаній въ другомъ романѣ Боккаччіо, Filocolo, въ которомъ, по желанію своей милой, онъ пересказалъ старую поэтическую сагу о Florio и Bianciflore; Florio—это онъ, Bianciflore—Fiammetta. Но романъ и дѣйствительность вскорѣ разошлись, Fiammetta измѣнила; начатый въ Неаполѣ, Filocolo дописанъ во Флоренціи уже подъ впечатлѣніемъ утраты и жгучихъ воспоминаній. Въ сѣррой, будничной обстановкѣ, въ домѣ нелюбимаго отца-старика Боккаччіо снится лазурная декорація Байскаго берега и красавица Fiammetta. Онъ любитъ ее также страстно, какъ и прежде, и все еще надѣется; его Filocolo, Ameto, Amorosa visione говорятъ все о томъ же: нѣсколько разъ, въ разныхъ эпизодахъ и по разнымъ поводамъ, онъ рассказываетъ исторію своей любви, свое первое посѣ-

щеніе Фіаметты въ отсутствіи мужа, когда, изумленная, она сопротивлялась лишь тому, чего сама желала. Прелесть перваго свиданія—вотъ образъ, который онъ постоянно дѣлѣтъ; онъ не въ силахъ отвязаться отъ него, анализъ ощущеній, вызванныхъ измѣной и разлукой, является для него необходимостью, наслажденіемъ. Его чувство не ослабло, но оно должно было стать болѣе спокойнымъ и объективнымъ, когда вслѣдъ за откровеніями Filocolo и Ameto онъ писалъ свою *Fiammetta*. Мы знаемъ, что его покинули; и онъ томится ревностью; въ *Fiammetta* отношенія воображаются обратныя: оставлена Фіаметта и на нее перенесены всѣ муки ожиданія и постоянно обманутыхъ надеждъ, что ея милый еще вернется. Самая возможность такого художественнаго акта, переносящаго внѣ себя, въ новую личность исторію глубоко выстрадавшаго чувства, показываетъ, что его страстный тонъ понизился. Отношенія къ Фіаметтѣ болѣе не возстановились, но благодарная память любовника еще долго будетъ хранить ея образъ. Въ этомъ образѣ нѣтъ ничего идеальнаго, что называется платоническимъ. То и другое могло явиться и явилось въ самомъ дѣлѣ въ посмертныхъ воспоминаніяхъ—когда Фіаметта умерла, всѣ счеты съ землею кончены, страстными мотивамъ не было болѣе мѣста, и усоншая могла явиться въ обычномъ просвѣтленіи небожительницы, съ ореоломъ Беатриче и Лауры—по смерти. Вообразить себѣ подобное просвѣтленіе при жизни, представить себѣ чувственные формы Фіаметты на стезяхъ неземнаго видѣнія, по которымъ такъ воздушно паритъ Беатриче, едва ли кому удастся. Не удалось это и Боккаччіо; если онъ попытался это сдѣлать, то это одно изъ противорѣчій, насилующихъ вкусъ, нерѣдкихъ въ переходный періодъ стилей и идеаловъ, когда старое еще окружено уваженіемъ и участіемъ и обзываютъ къ подражанію, когда интимное ихъ пониманіе уже ослабло. Поэты „новаго стиля“ выработали особые приемы поэтической идеализаціи, въ которой аллегоріи и отвлеченію отводилось первое мѣсто; а Боккаччіо былъ поклонникомъ Данте. На путяхъ его страсти къ Фіаметтѣ недостижимъ былъ достойный ея апофеозъ; и вотъ Боккаччіо заимствуетъ его внѣшнія формы у поэтовъ другаго направленія, какъ бы не замѣчая противорѣчій. Такъ въ *Amorosa Visione*, гдѣ и въ образахъ, и въ сновидѣніяхъ такъ рѣзко бьетъ струя чувственности, Фіаметта могла явиться символомъ руководящей добродѣтели, ея дочерью, *figliuola di virtù*. Еще страннѣе поражаетъ это сочетаніе своего и чужаго въ *Ameto*. Мы въ классическомъ пейзажѣ: Лія и шесть другихъ

нимфѣ просвѣщаютъ грубаго охотника Амето, воспитывая въ немъ человѣчность; въ заключеніе является Венера. Въ числѣ нимфъ названа и Фіаметта: подъ личиною классическихъ клычекъ живые люди и мѣстные воспоминанія, которыя отчасти удалось разгадать. До сихъ поръ сочетаніе естественно, классическая трагестія стоитъ въ уровень съ содержаніемъ разказовъ, посвященныхъ любви. Мопса разказываетъ о себѣ, что она съ юности посвятила себя служенію Палладѣ, когда же пришла въ лѣта, ее выдали замужъ за человѣка, одно имя котораго, Неронъ, наводило на нее ужасъ. Недовольство, мужемъ заставило ее тѣмъ прілежаніемъ отдаться культу своей богини. Однажды она увидѣла съ берега красивѣйшаго юношу въ ладѣ, борющагося съ морскими волнами; впоследствии она узнала, что его зовутъ Афронъ. Увлеченная имъ по велѣнію Венеры, она манитъ его къ берегу, но напрасно; ея молебны и просы не трогаютъ юноши, который продолжаетъ отдаваться бѣшеной игрѣ волнъ. Ея страсть растетъ; забывъ женскую стыдливость, она обнажаетъ свои прелести, и побѣжденный ими Афронъ поворачиваетъ ладью къ берегу.

Въ томъ же родѣ разказы другихъ нимфъ, и мы останавливаемся въ раздумьи надъ загадочнымъ ихъ значеніемъ, когда въ мановенію жезла аллегорій и нимфы и вся классическая фантазмагорія неожиданно разъясняются: Мопса не что иное, какъ мудрость; Афронъ — неразумный человѣкъ, пускающійся въ житейское море, не слушая совѣтовъ благоразумія и мудрости, которая становится дѣятельною, во благо людямъ, по побужденію Господа — Венеры. Въ началѣ ея помощь оказывается неэффективной, но ея красота производитъ въ концѣ концовъ свое дѣйствіе на неразумныхъ и преобразуетъ ихъ нравственно. Такъ было и съ Афрономъ, говоритъ Мопса: когда онъ вышелъ на берегъ и удостоился моихъ объятій, онъ преложилъ грубость на мягкость, и нѣтъ теперь во всей нашей области и наемъ дѣлѣ имени, которое было бы окружено большею похвалою, чѣмъ его имя.

Въ этой связи и всѣ другія нимфы разрѣшаются въ аллегоріи добродѣтелей, ихъ любовные разказы — въ повѣсть объ обращеніи на путь истины; Фіаметта не что иное, какъ надежда, поддерживающая Салеоне — Боккаччіо, который самъ изображаетъ — отчаяніе.

Эти попытки Боккаччіо въ области „новаго стиля“, вѣдоетическія сами по себѣ, любопытны для его литературнаго положенія и для требованій, какія въ то время предъявлялись читателямъ. Если разказъ Мопсы могъ представиться поучительнымъ, почему бы и по-

вела Декамерона не могла получить такое же значеніе? При оцѣнкѣ его этической стороны надо принять въ расчетъ привычку читать за строками, воспитанную литературой аллегоризма.

Когда, забывая о ней, Боккаччо ограничивался сочетаніемъ современнаго или новаго содержанія съ фабулами и формулами древней поэзіи, указаннымъ противорѣчіемъ не было мѣста, хотя и не всюду достигалось желанное единство стиля. Иной разъ, какъ на примѣръ, въ миеологическихъ партіяхъ *Filosofo* классическій элементъ является со стороны, какъ условно-торжественная обстановка, обременяющая ходъ разказа, не овладѣвающая имъ. Въ другихъ случаяхъ Боккаччо глубоко проникается интересомъ античнаго сказанія, когда, на примѣръ, пользуется *Эвандой Стація* для своей *Тезенды*. Что онъ способенъ былъ на лучшее въ этомъ направленіи, тому служитъ блестящимъ доказательствомъ литературная исторія его „*Fiammetta*“. На психологическій моментъ, представленный этимъ романомъ въ жизни поэта, указано было выше: Боккаччо долго страдалъ и не разъ повѣствовалъ о своихъ страданіяхъ; когда вслѣдъ затѣмъ у него явилась мысль перенести эту внутреннюю борьбу на другое лицо, въ сердце обманувшей его красавицы, намъ интересно узнать литературный поводъ къ такому объективированію. Была ли здѣсь простая виртуозность поэта, продолжавшаго играть остывшимъ чувствомъ по старой любви къ его анализу? Это вѣроятно, хотя несомнѣнно также, послѣ указаній Крешини, что именно *Героиды Овидія* навели Боккаччо на сюжетъ любящей женщины, покинутой невѣрнымъ любовникомъ и разглазвляющей о своемъ неутихшемъ горѣ. Въмѣсто *Филлиды*, оплакивающей своего *Демофонта*, явилась *Фіамметта*, сѣтующая о *Panfilo—Воссассіо*; тотъ и другой удалились на родину, общая вернуться черезъ четыре мѣсяца; срокъ прошелъ, а милого все нѣтъ. И вотъ *Фіамметта* плачетъ, обращаясь къ отсутствующему другу: „Скажи мнѣ *Памфило*, сдѣлала ли я что-либо такое, чѣмъ заслужила быть преданною тобою съ такимъ коварствомъ? Никакого проступка я не совершила, кромѣ того развѣ, что неразумно влюбилась въ тебя, и больше чѣмъ должно довѣрилась тебѣ и полюбила тебя,—но за этотъ поступокъ я не заслужила отъ тебя такого наказанія. Одно злодѣяніе я знаю за собою, совершивъ которое навлекла на себя гнѣвъ боговъ: это то, что я приняла тебя, преступнаго и безжалостнаго юношу, на свое ложе, допустила твоимъ чресламъ коснуться моихъ.... Увы! отчего день, предшествовавшій той ночи, не былъ мнѣ послѣднимъ, чтобы

умереть мнѣ честно!... Не подумалъ ты развѣ, какъ мало тебѣ чести въ томъ, что ты обманулъ довѣрившуюся тебѣ женщину? Моя простота заслуживала большей правдивости, чѣмъ твоя, а я не жене довѣрилась тебѣ, чѣмъ призваннымъ тобою богамъ, которыхъ умоляю: пусть будетъ лучшею частью твоей славы то, что ты обманулъ женщину, любившую тебя болѣе самой себя“.

Всѣ эти изліянія оказываются перфѣдко дословнымъ переводомъ Овидіевой Героиды (II, 27—30; 57—66), гдѣ такъ жалуется Филлида:

Dic mihi, quid feci, nisi non sapienter amavi?

Crimine te potui demeruisse meo.

Unum in me scelus est, quod te, scelerate, recepi;

Sed scelus hoc meriti pondus et instar habet.

Turpiter hospitium lecto cumulassem jugali

Poenitet, et lateri conseruisse latus.

Quae fuit ante illam, malleum suprema fuisset

Nox mihi, dum potui Phyllis honesta mori.

Speravi melius, quia me meruisse putavi.

Quaecunque ex merito spes venit, aequae venit.

Fallere credentum non est operosa puellam

Gloria: simplicitas digna favore fuit.

Sum decepta tuis, et amans et femina, verbis.

Dii faciant, laudis summa sit ista tuae

Подражаніе не могло быть болѣе близкимъ; подобныхъ параллелей къ Овидію и заимствованій у него можно указать еще нѣсколько. Въ пору страстныхъ волненій ревности эта выборка изъ классика для выраженія своихъ личныхъ ощущеній поразила бы насъ своею дѣланностью и набросила бы тѣнь на характеръ чувства; но „Fiammetta“ представляетъ какъ бы выходъ изъ страстнаго періода къ болѣе спокойной, хотя еще и волнующей, жизни воспоминаній, и здѣсь мыслимо художественно-объективное отношеніе къ пережитому. Такъ созданъ первый психологическій романъ въ европейскихъ литературахъ, какъ по справедливости назвали „Fiammetta“: условія его даны италіанскимъ Возрожденіемъ, починъ принадлежитъ Боккаччіо, формы указаны Героидами Овидія.

Если ихъ матеріалъ и общія мѣста, на сколько они были пригодны, вошли, такъ сказать безъ остатка, въ содержаніе „Fiammetta“, такъ что безъ знакомства съ ея литературными образцами мы никогда не заподозрили бы ея дѣльности, то въ *Ninfale Fiesolano* Боккаччіо стоитъ еще выше въ смыслѣ непосредственно-поэтического воспроизведенія античнаго стили. Античнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

ваго: таково впечатлѣніе сказки, напоминающей сюжетъ Овидіевыхъ *Метаморфозъ*, съ классическимъ чудеснымъ, вдвинутымъ въ совершенно тосканскій пейзажъ; простая исторія любви, поэзія которой выгадываетъ отъ удаленія въ древность и выстѣ ощущается, какъ свое и близкое. Такое соединеніе стараго и новаго, такое наивно-интимное соприкосновеніе древнихъ образовъ съ теченіями современности не давалось только экскерпированіемъ классиковъ, а всѣмъ характеромъ среды, гдѣ оба теченія сосуществовали въ живомъ обращеніи, гдѣ и очертанія ландшафта и памятники древности, освященные незабытою легендой, говорили, что старое не прошло, а лишь медленно плыло въ новое русло, указанное исторіей. Здѣсь Аристей могъ въ самомъ дѣлѣ влюбиться въ Саффо, оставляя для ней прежнія низменные привязанности: Аристей—Боккаччіо, какъ онъ называлъ себя въ XII-й эклогѣ, Саффо—древнее искусство и поэзія.

III.

Вопросъ о томъ, на сколько то и другое и вообще струя классическаго преданія удержались въ народномъ обиходѣ, надолго, если не навсегда, останется не разрѣшеннымъ. Ученое Возрожденіе XIV и слѣдующихъ вѣковъ ввело въ оборотъ такъ много обновленныхъ имъ классическихъ понятій и именъ, что, встрѣчаясь съ ними изъ нѣхъ, трудно бываетъ рѣшить: имѣемъ ли мы дѣло съ фактами Возрожденія или унаслѣдованія. Когда италіанецъ клянется: *per Basso!* наше рѣшеніе можетъ двоиться съ одинаковою вѣроятностію въ томъ и другомъ направленіи. Ясенъ для насъ лишь древній количественный перевѣсъ классическаго преданія на сторонѣ Италіи, какимъ бы источникомъ онъ ни опредѣлялся. Типическія народныя легенды о Христѣ и святыхъ являются общимъ достояніемъ всей Европы, не исключая и Италіи; легенды о *Виргиліи* и недавно записанныя *сульмонскія* преданія объ Овидіи принадлежатъ, какъ народныя, ей одной, если только въ понятіе народности включать и древнее ея взаимодействіе съ преданіями свѣтской школы. Укажу въ примѣръ на нѣсколько наивныхъ разказовъ изъ Абруццъ, собранныхъ *De Nino (Ovidio nelle tradizioni popolari di Sulmona; вѣ Usi e costumi abruzzesi, vol. IV)*: о папѣ Целестинѣ, вычитавшемъ будто бы въ твореніяхъ Овидія, что въ развалинахъ его виллы у *Monte Morone* хранится кладъ, который и былъ употребленъ на построеніе монастыря *Santo Spirito*; объ Овидіи, волшебникѣ и первомъ „проповѣдникѣ“ Сульмоны, вблизи которой, въ „*fonte d'amore*“, онъ жилъ съ прекрасною феей и теперь

еще стоитъ на стражѣ своихъ сокровищъ; о Богородицѣ, обучавшейся въ языческой школѣ у святой Сивиллы (*Sacra Subilla*) и въ свою очередь обучавшей сверстницъ читать требникъ, пока учительница не дозналась о томъ и не велѣла дѣвочкамъ сжечь всѣ требники. Одна лишь Богородица догадалась спрятать свою книгу подъ мышкой; съ тѣхъ поръ и образовалась у человека та впадина у верха руки, которая такъ зовется.

Недавно вопросъ о томъ и другомъ классическомъ теченіи въ развитіи итальянской литературы былъ снова поставленъ по поводу народнаго итальянскаго театра, единственнаго, заслуживающаго это названіе, такъ-называемой *Commedia dell'arte*. Извѣстно, что съ XV вѣка у итальянцевъ проснулась любовь къ Плавту и Теренцію и явились блестящіе подражанія ихъ стилю; укажу лишь на имена Биббіань, Аріосто, Мазьявелли. Обновились древніи интриги, съ невѣроятными переодѣваніями и признаніями; оживали старыя комическіе типы хвастливыхъ вонновъ, лукавыхъ рабовъ, умныхъ и продажныхъ гетеръ. Рядомъ съ этимъ учено-литературнымъ теченіемъ въ области драмы существовало самостоятельно и другое народное: въ *Farse cavale*, въ которыхъ выводились потѣшные типы крестьянъ изъ Сава; въ *Commedia dell'arte* съ ея вѣчно юными протагонистами: *Pulcinella* и *signora Lucretia*, *Coviello* и *Fracassa* и др. Какъ далеко восходить въ древность это народное драматическое направление? Торрака (I. с. стр. XXXV) предполагаетъ, что *Farse Cavale* могли быть популярными еще въ концѣ XV вѣка; это не исключаетъ ихъ большую древность и популярность, ограниченную мѣстомъ ихъ происхожденія; тѣмъ ближе они были къ очертаніямъ народно-пѣсеннаго діалога, пѣсеннаго пренія, *Contrasto*, маслячнаго маскарада, тѣмъ ближе они держались почвы, ихъ произведшей. Что касается до *Commedia dell'arte*, то *Scherillo* думаетъ, что ея типы зародились въ Италіи не раньше конца XVI вѣка и не являются фактомъ народнаго переживанія—римскихъ ателланъ и мимовъ, какъ полагали многіе. То и другое мнѣніе грѣшитъ крайностью. Изъ того, что *Pulicini-illo*, *Polescenella* является впервые съ своимъ именемъ въ рисункахъ Callot (+1635) и въ *Viaggio di Parnaso* Кортезе (напечат. въ 1621 г.), слѣдуетъ только, что имя у него можетъ быть, новое, что вовсе не обуславливаетъ недавности типа. Очертанія *Commedia dell'arte* сложились во всякомъ случаѣ раньше, судя по сообщеніямъ Camerini и Stoppato (I. с. стр. 131 слѣд.) о пьесѣ, разыгранной итальянцами въ Мюнхенѣ въ 1568 году по слу-

чаю бракосочетанія герцога Вильгельма. Изъ дѣйствующихъ лицъ, обычныхъ въ *Commedia dell'arte*, здѣсь названы *Pantalone* и *Zanne*; *Fritellino*, другое типическое имя въ комедіи этого стиля, является уже въ фарсѣ *Serafino dell'Aquila*, разыгранной при мантуанскомъ дворѣ въ 1495 году (Тоггаса, I. с. стр. XXXIV). И здѣсь мы подошли къ концу XV вѣка, но ничто не мѣшаетъ намъ продолжать эту традицію, предположительно, и далѣе. Встрѣтится ли она гдѣ-нибудь съ традиціей народнаго римскаго театра, сохранившагося въ глубинѣ италянскаго населенія? Отвѣтить на это тѣмъ труднѣе, чѣмъ отрывочнѣе дошедшія до насъ указанія на содержаніе и типы ателланъ, чѣмъ безцвѣтнѣе и общѣе нападенія церкви на остатки древней драмы въ глухую пору среднихъ вѣковъ. Сопоставленіе римскихъ *Massius*, *Bucca*, *Pappus*, *Dorsennus* и т. п. съ *Zanni*, *Pulcinella*, *Pantalone* и т. д. потому останутся колеблющимися и субъективными. (ср. Stoppato, стр. 50), что о первыхъ мы знаемъ не много болѣе ихъ имени, вторые подлежали постоянному развитію, и мы недоумѣваемъ, какіе первичные типы послужили имъ точкой отправленія. Типъ, напротивъ, *Pulcinella*, намъ наиболѣе знакомый, сложился въ половинѣ прошлаго вѣка въ фантазій бѣднаго неаполитанскаго рабочаго, *Francesco Cerlone*. У него *Pulcinella*—плутоватый паренъ, себѣ на умѣ подъ личиной простоты и придурковатости, которая и закупаетъ, и смѣшитъ, и помогаетъ ему вывернуться изъ бѣды, потѣшившись вдоволь надъ другими. Королю, спрашивающему его, какія его занятія, онъ отвѣчаетъ, не обвиняясь, что состоялъ при судѣ; адвокатомъ, при неаполитанскихъ судахъ. „Въ деревнѣ?“ продолжаетъ интересоваться король; Пульчинелла отвѣчаетъ отрицательно, пока не договаривается наивно, что онъ былъ осужденъ на галеры. Изъ Неаполя онъ долженъ былъ бѣжать по разнымъ причинамъ; между прочимъ, служилъ онъ у одного богатаго аптекаря; однажды, когда хозяинъ задремалъ, назойливая муха то и дѣло садилась ему на лицо; чтобы дать ему поспать спокойнѣе, Пульчинелла вооружился тяжелымъ орудіемъ (*tregetola*) и—хватъ по мухѣ; она тутъ и осталась. „А хозяинъ что?“ „Болѣе не просыпался; я, увидѣвъ, что онъ спитъ сладко, сладко, взялъ триста дукатовъ изъ его стола и былъ таковъ“. „Такъ тебѣ и пришлось покинуть родину?“ „И все изъ-за мухи! Каково правосудіе!“ Коварный насмѣшникъ, назойливый съ слабыми и вмѣстѣ трусливый, онъ не скрываетъ своей продажности и потѣшно рисуетъ своей трусостью. „Любишь ли ты меня?“ спрашиваетъ е. . Альбина. „Вотъ какъ люблю!“ „Что бы ты сдѣлалъ ради меня?“ „Сдѣлалъ

бы безумныя вещи: ради тебя я былъ бы способенъ (чего только не творить любовь?) побѣжать къ морскому берегу, на край мола.... изъ любви къ тебѣ..." „Ты бросился бы въ море!“ „О нѣтъ! Я поглядѣлъ бы на него и вернулся бы домой“ (Scherillo, стр. 40 и слѣд.)

Таковъ Пульчинелла Черлоне, живымъ выхваченный изъ жизни, весельчакъ и матеріалистъ до мельчайшей черты, безъ тѣни какого бы то ни было идеалистическаго освѣщенія, чуждаго вообще комедіи dell'arte. Но это Пульчинелла XVIII вѣка; въ XVII его характеръ понимался иначе: Pier Magia Ceschini (1628) такъ наставляетъ актера, который взялся бы за его роль: онъ долженъ стараться переходить границы естественности, представлять простака (goffo), недалекаго отъ дурня, и дурака, не въ мѣру желающаго показаться умнымъ (Scherillo, стр. 9). Иначе у Cortese (1621): о придурковатости нѣтъ и рѣчи: Пульчинелла—просто умный, веселый комикъ. Типъ, стало быть, измѣнялся; еслибы мы имѣли возможность, при помощи фактовъ, возойдти и ранѣе, мы встрѣтили бы постепенно и другія его эволюціи и пришли бы къ болѣе грубымъ очертаніямъ одного изъ тѣхъ простѣйшихъ драматическихъ характеровъ, какіе легко представить себѣ въ началѣ развитія всякаго народнаго театра. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что этихъ началъ слѣдуетъ искать въ латинскомъ элементѣ италіанскаго населенія, какъ бы мы ни представляли себѣ ихъ ближайшія отношенія къ традиціи, напримѣръ, ателланъ. Это построеніе указало бы намъ въ исторіи свѣтской народной драмы перспективу болѣе глухую—ибо она не освѣщена исторіей,—но вмѣстѣ и болѣе далекую, чѣмъ та, въ которой совершалось въ Италіи развитіе народно-христіанской драмы.

Я говорю не о литургической драмѣ, сложившейся внутри церкви въ связи съ обиходомъ и латинскимъ языкомъ мессы, а о той народно-религіозной драмѣ, которая является въ Италіи какъ непосредственный результатъ грандіознаго покаяннаго движенія XIII в. Въ 1258 году Raniero Fasani, одѣтый въ рубище, подпоясанный вервѣмъ, съ бичемъ въ рукѣ, обходилъ умбрійскія веси, проповѣдуя словомъ и дѣломъ покаяніе. Проповѣдь подѣйствовала: образовались общества бичующихся (Disciplinati), ходившія по городамъ и деревнямъ, бичуя себя до крови въ воспоминаніе страстей Христовыхъ и призывая Господне милосердіе. Движеніе было глубокое, страстно охватившее массу, перешедшее, какъ извѣстно, и за границы Италіи, отразившееся, далекимъ отголоскомъ, и въ новгородскомъ дви-

женін стригольниковъ. Все мірское было забыто и оставлено; не слышно было ни музыки, ни любовныхъ пѣсень, пишеть падуанскій монахъ, — только жалобныя пѣсни кающихся. Послѣднія, пѣвшіеся во время процессій, либо въ пору „страды“ самобичеванія, характерны вообще для явленія флагелланства; въ Италіи онѣ получили названіе *laude*, славословій, и только здѣсь онѣ стали ячейкой, изъ которой вышла народно-религіозная драма. Въ началѣ, вѣроятно, *laude* пѣлись антифонно: одна группа страдниковъ подхватывала пѣсню, начатую другою, и та продолжала ее въ свою очередь и свое время. Эта антифонія могла совпадать съ чередованіемъ лицъ въ ходѣ того евангельскаго или легендарнаго воспоминанія, которое легло въ основу *laude*. Вогородицѣ говорятъ, что ея Сына схватили и подвергаютъ истязаніямъ; она сообщаетъ о томъ Магдалинѣ, умоляетъ Пилата о пощадѣ, но тотъ отказываетъ; она обращается къ Христу, который указываетъ ей на распятіе, уже уготованное для него; слѣдуютъ ея мольбы въ кресту, бесѣда съ распятымъ Спасителемъ, ея сѣтованія. Таково содержаніе лауды, озаглавленной „Плачь Вогородицы“ (Тоггаса, см. стр. 8 — 12) и естественно распадающейся на діалогическія части. Стоило только разобрать ихъ отдѣльнымъ лицамъ, участвовавшимъ въ флагеллантской страдѣ, придать дѣйствію болѣе вѣроятія соотвѣтствующимъ костюмомъ, указанія на которые встрѣчаются въ старыхъ инвентаріяхъ покаянныхъ братствъ. и мы придемъ къ той формѣ, посредствующей между хоровою *lauda* и развитою религіозною драмой, которая получила названіе *divozione*. Оторванная отъ среды, создавшей ее въ безпредѣльномъ увлеченіи религіозною идеей, перенесенная во Флоренцію, въ обстановкѣ ея искусства и декоративнаго блеска, она обратилась въ драматическое представленіе (*rappresentazione*), отвѣчавшее болѣе мирнымъ художественнымъ, чѣмъ церковнымъ цѣлямъ. Драма Лоренцо Медичи о свв. Іоаннѣ и Павлѣ забыла о своемъ происхожденіи изъ нѣдръ того христіанско-демократическаго движенія, которымъ папство успѣло овладѣть лишь отчасти въ явленіи францисканства, и которое выразилось въ явленіи бичующихъ, протестовало въ проповѣдяхъ Савонаролы, въ видѣніяхъ и въ вѣщаніяхъ блаженнаго Врандана въ пору борьбы Сіэны съ Cosimo de'Medici. Эти народно-религіозные порывы, нерѣдкіе въ Италіи, повторились и на нашихъ глазахъ — въ исторіи Лаццаретти и его послѣдователей, которую съ такимъ вниманіемъ къ фактамъ и ихъ психическимъ послылкамъ изучилъ недавно Бар-

целлотти (тамъ же, стр. 31 — 297). Точно Италія не страна языческаго возрожденія, — такъ всецѣло переносимся мы къ образамъ и мировоззрѣнію — по ту сторону Данте.

Мѣсто дѣйствія — глухой, гористый уголокъ Тосканы, въ провинціи Гроссето; населеніе — крестьянское, небогатое, но работающее, рабочно настроенное, съ склонностью къ религіозной психонатіи. Среди него выросъ и пророкъ новой вѣры, Давидъ Лаццаретти, по ремеслу извозчикъ, родомъ изъ Arcidosso: высокій, стройный мужчина, съ открытымъ, широкимъ лбомъ, живыми, провидательными глазами и черною бородой, спускавшеюся на грудь. Необычайно сильный и ловкій, обыкновенно смирный, но становившійся страшнымъ, когда, бывало, расходится, невоздержный въ божбѣ — онъ по природѣ былъ мистикъ, увлекавшійся и увлекавшій другихъ своими видѣніями; мистикъ съ художественнымъ и практическимъ пошибомъ италіанца. Въ 1848 году, когда ему было всего 13 лѣтъ, какой-то таинственный незнакомецъ предсталъ ему, предрекая все, что впоследствии съ нимъ приключилось, и запрещая повѣдать о томъ кому бы то ни было. Прошло двадцать лѣтъ; Давидъ успѣлъ обзавестись семьей; видѣніе, не остановившее его до тѣхъ поръ на пути житейскихъ соблазновъ, повторилось снова, на этотъ разъ съ наказомъ — отправиться въ Римъ и обо всемъ разсказать папѣ, что онъ и сдѣлалъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Повинясь новому откровенію свыше, посѣтившему его во снѣ, онъ удалился въ Сабинскія горы, въ пещеру блаженнаго Амедея, служившую когда-то пристанищемъ и другому святому, блаженному Леонарду изъ Porto Maurizio. Здѣсь онъ прожилъ нѣкоторое время, общаясь лишь съ сосѣднимъ пустынникомъ, пруссакомъ Игнатіемъ Микусомъ, поселившимся тамъ лѣтъ пятнадцать назадъ, и здѣсь было ему новое видѣніе, опредѣлившее его посланничество. О немъ онъ не разъ разсказывалъ своимъ: тѣнь закованнаго въ доспѣхи рыцаря явилась ему, умолая его вырыть въ томъ мѣстѣ пещеры, гдѣ Давидъ стоялъ колѣноопреклоненный, его кости и предать священной землѣ. Давидъ принялся за дѣло при помощи одного римскаго священника, свидѣтеля событія, и дѣйствительно отрылъ кости. Послѣ того тотъ же воинъ явился ему еще разъ, въ сообществѣ Богородицы, апостола Петра, архангела Михаила и таинственнаго незнакомца перваго видѣнія и открылъ ему, что онъ — его предокъ, Lazzaro Pallavicino изъ Милана, сорокъ-пять лѣтъ казавшійся въ этомъ мѣстѣ и здѣсь погребенный. При дворѣ Льва X въ Римѣ онъ полюбилъ дочь графа di Pitigliano, убилъ, по ея на-

ущенію, зя отца и прижилъ съ нею ребенка. Сражаясь за церковь и папу противъ какого-то Французскаго короля, онъ попалъ къ нему въ плѣвъ, но былъ имъ пощаженъ, ибо оказался его прижитымъ внѣ брака сыномъ. Къ этимъ романтическимъ откровеніямъ воина другія лица видѣнія присоединили наставленія и пророчества, а апостолъ Петръ наложилъ на Давида печать ожидающаго его подвига, которую съ тѣхъ поръ онъ всегда носилъ на лбу: два С, обращенныя въ разныя стороны, съ крестомъ по срединѣ.

Я обращаю вниманіе на внѣшнюю, декоративную обстановку видѣнія: она отзывается стилемъ средневѣковой легенды. Давидъ зналъ Данте, читалъ житіе св. Брандана; повліяло на него и сожителство съ пустынникомъ Минусомъ и мѣстная память о другомъ странномъ анахоретѣ, Балазарѣ Одиберѣ, будто бы бывшемъ членѣ конвента, явившемся въ 40-хъ годахъ на родину Давида и тамъ, среди покаяній и молитвъ, снискавшемъ въ народѣ репутацію святого. Но рядомъ съ образами аскетической легенды являются и другіе: рыцари, закованные въ латы, блестящій дворъ папы, любовь и тайна происхожденія—отъ Reali di Francia. Эта торжественная часть обстановки не дѣланная: она позволяетъ намъ заглянуть въ художественныя, чисто италіавскіе вкусы толпы, увлеченной мистическимъ ученіемъ Давида и несомнѣнно увлекавшейся фантастическими нарядами и именами его избранниковъ и избранницъ въ торжественной процессіи 1878 года: тутъ были и князья-легіонаріи, начальники крестовоснаго войска св. Духа, апостолы, священники-пустынники и „дщери пѣснопѣнія“, всѣ одѣтые въ яркіе цвѣта, съ цѣломъ лѣсомъ бѣлыхъ, желтыхъ, голубыхъ хоругвей, вѣявшихъ надъ толпой, когда она спускалась съ горъ подъ пѣніе священныхъ пѣсень, сложенныхъ Давидомъ.

Когда въ 1868 году онъ вернулся на родину, слава „божьяго челоуѣка“ уже предупредила его; позднеѣ его называли не иначе, какъ святымъ. Народъ слушалъ его наставленія и чудесные разказы; нашлись и въ мѣстномъ священствѣ люди далеко не безграмотные, увѣровавшіе, что Давидъ въ самомъ дѣлѣ сосудъ избранія, *vas electiois*. По его почину и при общемъ содѣйствіи крестьяне построили ему на сосѣднемъ Monte Labbro башню и недалеко отъ нея церковь со скитомъ (егето): все это вмѣстѣ слыло подъ названіемъ новаго Сіона, а Monte Labbro перекрестили въ Monte Labago, ибо отсюда должно было явиться знаменіе (*labagum*) новаго религіознаго возрожденія. Въ церкви совершали требы два преданные Давиду священ-

ника и онъ самъ проповѣдывалъ народу; въ скитъ собирались къ ночи, иногда издалека, проводили время въ благочестивой бесѣдѣ, а съ разсвѣтомъ снова уходили на работу, не чувствуя усталости. точно обновленные. Замѣтимъ, что въ числѣ сторонниковъ Давида не было, собственно говоря, пролетаріевъ, а напротивъ того, много мелкихъ собственниковъ. Это бросаетъ свѣтъ на затѣянное и осуществленное имъ „общество христіанскихъ семей“, статутъ котораго напечатанъ въ числѣ другихъ сочиненій Давида. Цѣлью общества было способствовать не только духовному и нравственному воспитанію сочленовъ, но и развить въ нихъ привычку къ общему труду, какъ средству поднять состояніе земледѣлія и ремесленного дѣла. Достояніе всѣхъ членовъ считалось общимъ, и доходъ распределялся согласно съ количествомъ капитала и труда, внесеннымъ каждымъ изъ участвующихъ. Эти коммунистическія идеи любопытны въ религіозномъ новаторѣ. Давидъ жила въ Франціи, въ Лионѣ, и можно допустить для этой части его ученія вліяніе постороннихъ, навѣянныхъ идей, но не слѣдуетъ забывать, что уже древнѣйшія народно-религіозныя движенія въ Италіи отличались сходною социалистическою подкладкой, и что въ XIV вѣкѣ папы должны были открыто выступить противъ крайнихъ ученій, объявившихся въ средѣ францисканскихъ „братчиковъ“ (fraticelli): будто Христосъ и апостолы не имѣли собственности и обязываютъ своимъ примѣромъ.

Ту же долю своего и подсказаннаго необходимо признать и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Давида. Его успѣхъ въ народѣ долженъ былъ обратить на него вниманіе клерикальной партіи въ Италіи и Франціи, которая готова была воспользоваться случайнымъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Несомнѣнно, что въ послѣднихъ писаніяхъ Лаццаретти чувствуется помощь какой-то посторонней руки. извѣстная богословская рутинна, внезапно вторгающаяся въ міръ видѣній. Этотъ міръ всецѣло принадлежитъ Лаццаретти; онъ связываетъ его съ средневѣковыми визионаріями и объясняетъ его вліяніе на народную массу, еще жившую въ ихъ преданіяхъ. Нравственное обновленіе церкви и церковно-духовной жизни въ лонѣ католицизма и подѣ верховнымъ водительствомъ папы — таковъ идеалъ Давида. Въ дѣлѣ этого обновленія и ему суждена видная роль, но грядущимъ обновителемъ, дантовскимъ Velho будетъ другой: онъ выйдетъ изъ Италіи, освободитъ и объединитъ латинскіе, католическіе народы и, предоставивъ царское право и достоинство папѣ, станетъ править заодно съ нимъ. Италіи будетъ принадлежать починъ не только

религіознаго, но и народно-латинскаго возрожденія: древняя, спеціально-италіанская идея, которая не разъ сказывалась въ попыткахъ политическихъ и церковныхъ новшествъ. Давидъ пошелъ и далѣе: Греція—такая же классическая страна, какъ Италія, также вошла въ его круговоръ и также обновится въ союзѣ съ романскими народностями. Въ видѣніи, бывшемъ Давиду въ 1868 году, какой-то монахъ взялъ его за руку и сказалъ: „Пойдемъ въ Лацій, въ страну великихъ людей!“

Но Давидъ былъ слишкомъ большой фантастъ, чтобы стать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ какой бы то ни было партіи. Блерики убѣдились въ его непригодности, Римъ, дотолѣ допускавшій его, не только отнялъ у него поддержку, но и подвергъ его отлученію, и его церковь на Monte Labbro была закрыта. Давидъ остался одинъ съ толпой, которая продолжала въ него вѣровать и ждать; и то, и другое питало въ немъ то, что онъ самъ имъ передалъ—увѣренность въ своемъ призваніи. Въ этой послѣдней стадіи развитія онъ совершенно переходитъ на точку зрѣнія средневѣковыхъ „милленаріевъ“ и іоахимитовъ XII—XIII вѣковъ: за нимъ нѣтъ ни Рима, ни папы; онъ самъ тотъ монархъ-избавитель, о которомъ онъ такъ долго говорилъ; періодъ „благодати“ кончился на землѣ; онъ водворитъ періодъ „закона и правды“; преемственность папъ прекратилась; вмѣсто клика: „Да здравствуетъ Римская церковь“, съ которымъ долженъ былъ явиться, по прежнимъ пророчествамъ Давида, ожидаемый избавитель, раздается другой: „Да здравствуетъ республика, царство Господне!“ Въ заключеніи „символа“, составленнаго имъ въ эту пору, стоятъ знаменательныя слова: „Вѣруемъ твердо, что наставникъ нашъ, Давидъ Лаццаретти, помазанникъ Божій, осужденный Римскою куріей, есть воистину Христосъ, вождь и судія, въ настоящемъ образѣ Господа нашего Иисуса Христа во второмъ его пришествіи на землю“.

Далѣе идти было некуда, оставалось „объявить“ себя міру. Какъ и чѣмъ? Лаццаретти едва ли отдавалъ себѣ въ томъ отчетъ, а толпа жаждала откровенія, и оно совершилось въ той фантастической, безцѣльной процессіи новаго Мессіи, о которой сказано было выше. Когда представитель общественной безопасности и синдикъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ остановили ее на пути именемъ закона, Давидъ отвѣчалъ: „Я иду во имя закона правды и судія Христа; если желаете мира, я приношу вамъ миръ, если милость то милость; если хотите моей крови, то я — передъ Вами!“ И онъ раскрылъ при этомъ руки. „Да здравствуетъ республика!“ раздалось

въ народѣ, когда ввволнованный Лаццаретти обратился къ нему съ какою-то рѣчью; но тутъ жандармы дали залпъ, и Давидъ упалъ, пораженный въ голову. Безоружную толпу обуялъ ужасъ, послѣдовали сцены невообразимаго смятенія; когда дымъ разсѣялся, Давидъ лежалъ на землѣ, окруженный близкими. Они не вѣрили, что онъ умеръ, какъ и до сихъ поръ вѣрятъ, что онъ вернется. Барцеллотти посѣтилъ, пять лѣтъ спустя послѣ событія, окрестности Monte Labate и всюду нашелъ въ кружкахъ, близко стоявшихъ къ пророку, и спокойную вѣру въ его посланничество, и надежду на его возвратъ. „Времена соврѣли, исполнилась чаша грѣха“, говорилъ одинъ старый крестьянинъ, устремляя глаза куда-то въ даль, точно ему одному открытую;— „наказаніе близко. Онъ вернется, и мы еще увидимъ его до смерти“.

IV.

Я не сравниваю народно-религіозное движеніе лаццареттистовъ, ни другія подобныя, бывшія и, можетъ быть, еще возможныя въ Италіи, съ тѣмъ языческимъ теченіемъ XV—XVI вѣковъ, которое вызвало, напримѣръ, нареканія Эразма Роттердамскаго на Понтана и защиту послѣдняго Флоридомъ Сабиномъ. Этому противорѣчію легко подыскать объясненіе: язычество ученаго Renaissance, какъ оно водворилось съ половины XIV столѣтія, держалось на верхахъ общества, опредѣляя его вкусы и религіозный индифферентизмъ, который не трудно было принять за безвѣріе; толпа могла жить своими собственными, средневѣковыми и христіанскими интересами. Именно на ученое Возрожденіе падаетъ вина той литературной и культурной розни, которая сдѣлала литературу и поэзію достояніемъ немногихъ, обособивъ ихъ изъ общей связи интересовъ и предоставивъ народу побираться остатками прошлаго и крохами, случайно упавшими со стола богатыхъ.

Другое сравненіе раскрываетъ намъ дѣйствительное противорѣчіе. Религіозное міросозерпаніе простого италіянца, особливо южнаго, не разъ представляли, какъ шаманизмъ или фетишизмъ на почвѣ древнихъ языческихъ вѣрованій, слегка подернутыхъ христіанствомъ (Trolle, стр. 96). Таково, говорятъ намъ, по существу простонародное италіянское, да и вообще романское католичество, тогда какъ протестантизмъ—религія преимущественно германская. „Италіянцу не извѣстно съ такою полнотою, какъ жителю сѣвера, чувство крайней зависимости чловѣка отъ божественнаго существа, этотъ главный источникъ вся-

каго глубокаго релігійнаго движенія. Смітна временъ года, ихъ вліянія на горе и радости человѣка не имѣетъ здѣсь такого значенія, какъ на сѣверѣ. То, что мы, нѣмцы, зовемъ *Gemüth*, — понятіе, для котораго у романцевъ недостаетъ соотвѣтствующаго выраженія, — коренится главнымъ образомъ въ тѣсной связи нашей духовной жизни, релігійной, равно какъ и художественной, съ жизнью окружающей насъ природы. Италіанецъ живетъ въ ней болѣе, чѣмъ мы, но менѣе съ нею. Почти постоянно сѣя и пожиная въ одно и то же время, встрѣчая на томъ же деревѣ наливающійся плодъ и душистый цвѣтъ, онъ не ощущаетъ гнета зимы, погружающей въ мертвый сонъ всю природу, побуждающей человѣка задуматься надъ своею безсильною ограниченностью, не знаетъ и чувства радости при появленіи весны и лѣта, все оживляющихъ и вызывающихъ чувство благодарности къ Создателю. Христіанскіе праздники, совпадающіе на сѣверѣ съ важными для населенія отдѣлами его природной жизни, не имѣютъ для италіанца того же значенія; у него нѣтъ повода видѣть въ праздникѣ Пасхи символъ природы, воскресающей къ новой жизни... Въ христіанствѣ онъ видитъ болѣе всего форму, притомъ по возможности изящную, ибо набожное настроеніе немислимо у него безъ эстетическаго возбужденія“ (тамъ же, стр. 97—99).

Итакъ, рядомъ съ мистическими увлеченіями францисканцевъ, бичующихся, лаццареттистовъ — другая народно-релігійная струя, болѣе языческаго пошиба, съ культомъ изящнаго и древнихъ героевъ и боговъ, обратившихся въ христіанскіе фетиши. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ двумя соизмѣримыми величинами, ибо тамъ и здѣсь дѣло идетъ о проявленіяхъ народно-релігійнаго сознанія. Откуда ихъ противорѣчіе? Объяснить ли его неровною залежью культурно-латинскаго элемента, болѣе сильнаго и устойчиваго въ извѣстныхъ областяхъ, болѣе слабаго и уступчиваго въ другихъ? Или дозволено говорить о разнообразномъ вліяніи мѣстныхъ условій природы, дающихъ извѣстный тонъ и окраску проявленіямъ релігійной мысли? Мистическіе порывы св. Франциска и цѣломудренно строгій колоритъ умбрійской школы живописи не разъ ставили въ связь съ очертаніями окружавшей природы, вызывавшей тѣ, а не другія настроенія. Движеніе лаццареттистовъ произошло въ такихъ же условіяхъ пейзажа.

Я поставилъ эти вопросы, рѣшеніе которыхъ никогда не выйдетъ изъ предѣловъ нѣкоторой вѣроятности, въ виду книги Тролле, обѣщающей доказать вліяніе природы на физику и психику италіанскаго народа.

Именно на эти два отдѣла распадается книга, приложившая къ изслѣдованію италіанской народности антропогеографическій методъ Ратцеля. Первымъ поставленъ вопросъ о вліяніи природы на физическія свойства народнаго организма и собрано множество статистическихъ данныхъ подъ рубриками: болѣзни (кретинизмъ, малярія и т. п.), ростъ, красота, цвѣтъ кожи и глазъ, періодъ половой зрѣлости, число рожденій и смертность. Въ отдѣлѣ, посвященномъ психикѣ, авторъ объясняетъ веселый характеръ италіанца теплымъ климатомъ, привѣтливою и разнообразною природою, безъ особаго труда дающею необходимое ограниченному въ своихъ потребностяхъ человѣку. Къ этому объясненію присоединяется и другое, не связанное съ вопросомъ о вліяніи природы: древнее преобладаніе въ Италіи городскихъ центровъ надъ деревней и развитію вслѣдствіе того склонность къ общественности. Мы такимъ образомъ зашли въ область исторіи, но снова спускаемся къ одному изъ естественныхъ источниковъ италіанской веселости: употребленіе преимущественно растительной пищи и вина дѣлаетъ человѣка остроумнѣе, подвижнѣе, богаче фантазіей, пріятнѣе въ обращеніи. Въ этой характеристикѣ италіанца, въ его зависимости отъ овощей и вина, разнообразящейся по провинціямъ (I. с., стр. 77—79), выдающею чертою является его развитой субъективизмъ, самосознаніе личности и ярко очерченный характеръ со всѣми вытекающими отсюда слѣдствіями: любовью къ жизни и малымъ, относительно, количествомъ самоубійствъ, преобладаніемъ преступленій противъ личности надъ преступленіями противъ имущества и т. п. При этомъ забыто одно обстоятельство: историческій ростъ личности въ Италіи, который отмѣчали другъ за другомъ всѣ, занимавшіеся въ послѣднее время періодомъ ея Возрожденія; обстоятельство, не исключающее воздѣйствія природы, но во всякомъ случаѣ ограничивающее ея вліяніе въ пользу другихъ, болѣе сложныхъ факторовъ. То же самое замѣчаніе приходится сдѣлать по поводу всего, далѣе сказаннаго авторомъ, о религіозномъ міросозерцаніи италіанцевъ, о ихъ искусствѣ, наукѣ и народной поэзіи: всюду раскрывается воздѣйствіе природныхъ условій на характеръ психической производительности народа и не принимается въ разчетъ накопленіе культурнаго преданія, сдѣлавшаго италіанца Возрожденія инымъ человѣкомъ, чѣмъ его предокъ два-три столѣтія назадъ.

Эта постановка вопроса опредѣляетъ, какъ точку зрѣнія автора, такъ и сомнѣнія въ приложимости его метода вообще. Сомнѣнія эти онъ предвидѣлъ и довольно ясно формулировалъ, но не опровергнулъ,

полагая вѣроятно, что этой цѣли отвѣтитъ сама книга. Авторъ хочетъ объяснить намъ особенности итальянской психики изъ вліянія природы и географическаго положенія страны,—но вѣдь та же страна населена была когда-то каннибалами, впоследствии римлянами, столь отличными отъ итальянцевъ, что они производятъ впечатлѣніе какъ бы другой народности: высоко-развитое художественное чутье, политическая неустойчивость, склонность къ интригѣ, хитрость и коварство, способность быстро схватывать и восторгаться, всѣ эти черты скорѣе сближаютъ итальянцевъ эпохи Возрожденія съ эллинами, чѣмъ съ римлянами (Koerting, Anfänge, I, стр. 135—136). Къ этому присоединяется еще и слѣдующее: съ первыхъ началъ римскаго всемірнаго владычества и глубоко въ средніе вѣка, въ Италиі происходило смѣшеніе народностей, приведшее къ окончательному измѣненію ея этническаго состава, такъ что, съ точки зрѣнія Ратцеля, могъ бы подняться вопросъ о вліяніи не одной почвы, а многихъ почвъ, откуда взялись составныя части итальянской національности. Да и позволено ли вообще говорить о таковой, забывая разнообразіе этнологическихъ и географическихъ особенностей?

Отвѣчая на эти возраженія, авторъ заявляетъ, что антропогеографія имѣетъ дѣло съ проявленіями свободной человѣческой воли и необходимо должна отказаться отъ постановки точныхъ законовъ, ограничиваясь вѣроятіями. Задачи, которыя исторія ставитъ народамъ, побужденія и способности, которыя она имъ даруетъ, имѣютъ различное значеніе, смотря по степени народнаго развитія. Къ чему служило Англіи, четыреста лѣтъ тому назадъ, ея морское положеніе и неисчерпаемые запасы каменнаго угля? Теперь, благодаря именно этимъ двумъ обстоятельствамъ, она заняла въ исторіи культуры мѣсто, когда-то принадлежавшее Италиі, и уже объявился на далекомъ западѣ народъ, которому суждено современемъ, когда исторія человечества сдѣлается міровою, лишить и Англію ея настоящаго положенія. Сама природа измѣняется подъ рукою человѣка и, измѣненная, различно воздѣйствуетъ на него. Въ началѣ римской исторіи Италія была во многихъ, важныхъ для народа отношеніяхъ не та, что нынѣ. Изчезли волки, являющіеся въ легендѣ о происхожденіи Рима; климатъ былъ суровѣе и сырѣе, атмосферическіе осадки если не обильнѣе, то въ болѣе ровномъ распредѣленіи въ теченіе года, напримѣръ, на лѣто; растительность отличалась болѣе сѣвернымъ характеромъ, приближаясь къ среднеевропейской. Густые зеленые лѣса не только покрывали возвышенности, но и спускались къ морю,

лишь туго уступая передъ пахотнымъ полемъ, и то болѣе на сѣверѣ, въ долину По. Эта область, нынѣ отличающаяся шелководствомъ и чрезвычайно развитымъ земледѣліемъ, занималась во II вѣкѣ до Р. Х., подобно современной Сербіи, разведеніемъ свиней, которыми снабжала европейскіе рынки, а залитая солнцемъ Лигурія ввозила, по словамъ Страбона, елей и вино и покрыта была пастбищами и мачтовымъ лѣсомъ. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ измѣнился и климатъ: культура полбы, проса и ячменя смѣнилась воздѣлываніемъ пшеницы, которую вытѣсняють теперь, по крайней мѣрѣ въ сѣверной Италіи, маисъ и рисъ. Огородничество, разведеніе плодовъ и овощей, столь важное для устроенія народнаго быта, развилось лишь во времена Римской имперіи и далѣе усовершенствовалось въ средніе вѣка. Прелестнѣйшіе изъ плодовъ, агруми, безъ которыхъ мы не въ состояніи себѣ представить роскоши южнаго ландшафта, принесены были изъ Китая лишь въ 1548 году, сто лѣтъ спустя послѣ водворенія шелководы. Не во всѣхъ отношеніяхъ это воздѣйствіе человѣка на природу было плодотворнымъ. Вслѣдствіе неразумнаго уничтоженія лѣсовъ усилились разливы рѣкъ и затопленіе ими долинъ и побережья при устьяхъ, что умножило центры маларій, издавна существовавшіе на широкихъ пространствахъ, обращенныхъ въ пустыню системой римскихъ латифундій и варварствомъ первыхъ вѣковъ по паденіи имперіи. Однимъ словомъ, страна, отвоеванная для культуры римлянами временъ республики, должна была воздѣйствовать на нихъ иначе, чѣмъ на нынѣшнихъ ея обитателей, пользующихся пріобрѣтеніями своихъ предковъ и платящихся за нихъ грѣхи.

Такъ формулируетъ авторъ одно изъ возраженій противъ своего метода, основанное на необходимости различнаго вліянія природы на послѣдовательность поколѣній, ее послѣдовательно измѣнявшихъ. Что касается до измѣненій, происшедшихъ въ этническомъ составѣ италіанскаго населенія, то соглашаясь, что современные италіанцы также мало потомки римлянъ, какъ нынѣшніе нѣмцы — потомки Арминія, Тролле утверждаетъ, что не слѣдуетъ приписывать иноземцамъ, смѣшивавшимся съ италіанцами, слишкомъ большаго вліянія на психическій типъ послѣднихъ. Всего менѣе можно допустить его для многочисленныхъ провинціаловъ, наводнившихъ Италію въ пору имперіи: волшебныя слова: „Civis romanus sum“ преображали ихъ также быстро въ римлянъ, какъ нынѣшніе переселенцы по ту сторону океана становятся янками. Большее значеніе имѣли позднѣ лонгобарды: если Лео приписываетъ имъ коренное обновленіе италіанскаго

характера, то вѣрнѣе будетъ ограничить ихъ вліяніе физическимъ обновленіемъ туземнаго типа, тогда какъ въ другихъ отношеніяхъ они сами поддались окружающей ихъ южной обстановкѣ и черезъ нѣсколько столѣтій очутились италіанцами.

Какъ бы то ни было, заключаетъ авторъ,—мы можемъ предположить, что въ половинѣ XIII вѣка, то-есть—не задолго до рожденія Данте, національное значеніе котораго никто не станетъ отрицать, съ основаніемъ народной италіанской литературы, уже завершился процессъ смѣшенія, поглотившій германскій элементъ на сѣверѣ Италіи, греческій и арабскій на югѣ и островахъ, приведя ихъ къ одной цѣльной народной единицѣ—италіанской. Ее-то авторъ и анализируетъ далѣе, какъ нѣчто данное, прожившее съ тѣхъ поръ жизнью двадцати поколѣній. Какъ будто за это время не продолжался тотъ же процессъ взаимодействія природы на человѣка и обратно, постоянно измѣнявшій физическій и психическій составъ народности. Какъ будто именно послѣ Данте не совершилось того перелома, претворившаго и фizioномію культурнаго италіанца, и его художественные вкусы на столько, что мы говоримъ, о Возрожденіи. Указаніе на половину XIII вѣка—такое же произвольное, какъ и всякое другое, болѣе раннее или позднее, ибо моментъ сложенія народнаго типа не опредѣлимъ хронологически—оно постоянно, во времени и нѣтъ той точки, въ которой мы могли бы его остановить. Но еслибъ это и могло удасться, цѣль антропогеографическаго анализа все-таки не будетъ достигнута, и ему вѣчно придется орудовать съ сложными величинами, ибо не только человѣка мы не найдемъ, не испытывающаго вліянія природнаго окруженія, но и природы, не испытывшей воздѣйствія культурной среды. О послѣдней только здѣсь и идетъ рѣчь—объ обществѣ, жившемъ исторически, накопившемъ преданія и воззрѣнія, не разъ навсегда и цѣликомъ опредѣляющія народный обликъ, но всегда готовая къ потенциальному воздѣйствію, когда на нихъ явится спростъ. Такъ обновлялись, чередуясь въ явленіяхъ италіанскаго развитія, его народно-классическое и христіанское преданія, поражая насъ своими противорѣчіями, которыхъ не объяснить никакимъ подборомъ антропогеографическихъ данныхъ.

А. Весселовскій.

Al. Semkowicz. KRYTYCZNY ROZWÓB DZIEJÓW POLSKICH IANA DŁUGOSZA DO ROKU 1384. Kraków. 1887.

Давно уже въ исторической литературѣ чувствовалась потребность въ критическомъ изслѣдованіи извѣстій польскаго историка Длугоша. Хроника Длугоша важна для исторіи не только Польши, но и другихъ сосѣднихъ государствъ—Руси, Чехіи, Венгріи, о которыхъ Длугошъ говоритъ въ своемъ огромномъ трудѣ. Исторія его, не смотря на весьма крупные недостатки—отсутствіе безпристрастія, крайне наивные критическіе приемы, тенденціозность и т. д., имѣетъ тѣмъ не менѣе и по сіе время весьма важное значеніе, такъ какъ авторъ обладалъ громаднымъ матеріаломъ, значительная часть котораго до насъ не дошла.

Задачею критическаго разбора извѣстій Длугоша должно быть прежде всего изученіе его приемовъ изложенія и пользованія источниками, а затѣмъ свѣрка его извѣстій съ извѣстіями уцѣлѣвшихъ до нашего времени историческихъ источниковъ съ цѣлью опредѣлить, какими изъ дошедшихъ до насъ матеріаловъ онъ воспользовался при составленіи своей исторіи; наконецъ, послѣднею задачею изслѣдователя Длугоша должно быть выдѣленіе всѣхъ тѣхъ извѣстій его, для которыхъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ данныхъ, и которыя, слѣдовательно, основаны на не дошедшихъ до насъ источникахъ. Подобная работа, въ высшей степени кропотливая и утомительная, вполнѣ однако необходима, если мы желаемъ научнымъ образомъ пользоваться Длугошемъ, а не вѣрить ему на слово.

Въ польской исторической литературѣ появилось уже нѣсколько трудовъ, занимавшихся разборомъ отдѣльныхъ книгъ исторіи Длугоша (перечисленіе ихъ см. въ 1-й главѣ нашего изслѣдованія: Взаимныя отношенія Руси и Польши), но полный и вполнѣ научный разборъ всѣхъ извѣстій Длугоша былъ до сихъ поръ почти не возможенъ, такъ какъ большинство польскихъ, русскихъ и другихъ лѣтописей не было напечатано, а хранилось въ разныхъ архивахъ. Только въ послѣднее время, когда (въ Monumenta Poloniae) явились въ печати большинство польскихъ лѣтописей, и напечатаны главнѣйшія лѣтописи русскія, чешскія, венгерскія, исполненіе такой задачи стало въ значительной степени возможнымъ, и нельзя не отдать полной справедливости г. Семковичу, исполнившему этотъ неблагодарный и утомительный трудъ съ рѣдкимъ тщаніемъ и добросовѣстностью, а къ тому еще съ значительнымъ безпристрастіемъ. Несомнѣнно, что трудъ г. Семковича станетъ настольною книгой всѣхъ работающихъ надъ исторіей Польши, Руси,

Чехія и Венгрія и сохранить изслѣдователямъ массу времени, освобождая ихъ отъ необходимости самимъ отыскивать для каждаго извѣстія Длугоша соотвѣтственный источникъ.

Въ предисловіи къ своему труду г. Семковичъ описываетъ весьма любопытную судьбу исторіи Длугоша. Извѣстно, что трудъ Длугоша долго не появлялся въ печати, и потому нѣкоторые позднѣйшіе историки, какъ Мѣховита и Бромеръ, самымъ безцеремоннымъ образомъ списывали Длугоша, выдавая такой плагіатъ за собственное твореніе. Въ 1614 г. появились впервые въ печати нѣсколько книгъ Длугошевой исторіи (*Dobromil 1614 auctoritate et sumptibus Herbutti Dobromilski*), но появленіе ихъ произвело среди польской шляхты цѣлую бурю, такъ что король Сигизмундъ III долженъ былъ назначить комиссію для разсмотрѣнія Длугошевой исторіи Польши; результатомъ этого цензурнаго разсмотрѣнія было запрещеніе сочиненія Длугоша. Причиной такого суроваго постановленія было то обстоятельство, что многіе польскіе паны, предки которыхъ были выставлены у Длугоша не въ особенно благопріятномъ свѣтѣ, нашли въ этомъ тяжкое оскорбленіе своей шляхетской чести. Тѣмъ не менѣе общество польское XVII вѣка этимъ самымъ обстоятельствомъ еще болѣе заинтересовалось запрещенною исторіей и усердно читало ее въ рукописныхъ спискахъ (наибольшее количество рукописей Длугоша относится именно къ XVII вѣку). Полное изданіе исторіи Длугоша явилось только въ началѣ XVIII столѣтія, и то честь этого изданія принадлежитъ иностранцу, русскому чиновнику, барону Гюйсену (*Huijsen*, изд. 1711 г. *Lipsiae*). Польскіе историки XVIII и начала XIX вѣка (Нарушевичъ, Лелевель) широко пользовались Длугошемъ, но не сумѣли критически отнестись къ его изложенію. Строгой и научной оцѣнкѣ извѣстія Длугоша впервые подверглись у Реппеля въ его извѣстной Исторіи Польши. Замѣчательно однако, что критическій трудъ Реппеля надъ Длугошемъ не только не заслужилъ благодарности въ Польшѣ, но на автора посыпались со стороны нѣкоторыхъ польскихъ борзописцевъ потоки брани за яко бы умаленіе чести славнѣйшаго изъ польскихъ историковъ. Не избѣгли той же участи и тѣ изъ польскихъ писателей, которые по стопамъ Реппеля начали дѣлать попытки научно-критическаго разбора Длугоша. Такъ, извѣстный польскій ученый Гельцель, оцѣнившій въ I томѣ своихъ *Starodawne prawa polskiego* ромнікі первыя книги Длугоша и довольно сурово трактующій его историческіе приемы, заслужилъ только обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма и въ желаніи прославиться на счетъ Длугоша.

Еще недавно покойный Шуйскій старался очистить Длугоша отъ справедливыхъ обвиненій со стороны его ученыхъ судей и, идеализуя его личность, ставилъ ему въ заслугу даже такіе его недостатки, какъ идеализованіе польской старины, умолчаніе или превратное толкованіе неблагоприятныхъ для чести Польши событій! Въ послѣднее время впрочемъ встрѣчаемъ въ польской литературѣ болѣе трезвое и научное отношеніе къ Длугошу, и въ ряду такихъ примѣровъ научной оцѣнки знаменитаго польскаго лѣтописца мы должны поставить на одномъ изъ первыхъ мѣстъ разсматриваемое сочиненіе г. Семковича.

Въ первой главѣ своего труда („Длугошъ какъ изслѣдователь прошлаго“) г. Семковичъ дѣлаетъ общую характеристику Длугоша, его манеры изложенія и способа пользованія источниками. Общіе выводы своего изслѣдованія г. Семковичъ даетъ въ 16 пунктахъ. Главные результаты, къ которымъ онъ приходитъ, слѣдующіе: отношеніе Длугоша къ бывшимъ у него подъ рукой источникамъ крайне произвольное; имѣя передъ собою источники первой и второй руки, Длугошъ отдаетъ нерѣдко предпочтеніе вторымъ передъ первыми въ томъ случаѣ, когда находитъ въ нихъ больше подробностей или большее соотвѣтствіе съ собственными взглядами; если онъ имѣлъ передъ собою два извѣстія, изъ которыхъ въ одномъ находилъ подробности неблагоприятныя для Польши, то опускаетъ эти послѣднія или измѣняетъ ихъ въ пользу Польши. Извѣстія нелѣпыя или, по его мнѣнію, ошибочныя, старается онъ объяснить собственными соображеніями, а часто и домыслами. Если въ источникѣ своемъ онъ не находилъ факта, который, по его мнѣнію, долженъ былъ существовать, то не затруднялся измыслить его; свой домыселъ онъ часто выдаетъ за фактъ и извѣстіе источника приводитъ какъ другую версію его. Обстановка событія, рѣчи дѣйствующихъ лицъ и проч. суть въ весьма частыхъ случаяхъ измышленія Длугоша, которыми онъ хотѣлъ скрасить и оживить сухія извѣстія анналовъ. Одно и то же событіе нерѣдко разказано у него нѣсколько разъ. Наконецъ весьма часто онъ устанавливалъ путемъ собственныхъ соображеній, далеко не всегда удачныхъ, хронологію событій, для которой не имѣлъ данныхъ въ источникахъ.

Таковы общіе выводы г. Семковича, добытые имъ путемъ самаго тщательнаго изученія Длугоша, выводы, подъ которыми мы можемъ только подписаться, тѣмъ болѣе, что сами почти тѣми же словами высказали ихъ нѣсколько лѣтъ назадъ (Взаимное отношеніе Руси и

Польши, гл. I), изучая извѣстія Длугоша о русскихъ дѣлахъ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ (понятнымъ всякому изслѣдователю) встрѣтили подтвержденіе нашихъ выводовъ у почтеннаго знатока Длугоша. (Соображенія наши были не извѣстны г. Семковичу, такъ какъ трудъ его былъ законченъ еще въ 1884 г. Еще за первую обработку этого труда авторъ получилъ въ 1882 г. премію Парижскаго польскаго литературно-историческаго общества, объявившаго въ 1880 г. конкурсъ на изслѣдованіе извѣстій Длугоша).

Оцѣнивая нравственныя и политическія убѣжденія Длугоша, г. Семковичъ указываетъ на странныя противорѣчія, въ которыя историкъ впадалъ часто при оцѣнкѣ отдѣльныхъ лицъ и событій. Считая исторію практическою философіей, научающею насъ путемъ историческихъ примѣровъ любви къ добродѣтельной жизни и ненависти къ пороку, Длугошъ самъ однако относится къ однимъ и тѣмъ же поступкамъ то съ положительной, то съ отрицательной стороны, смотря по лицамъ, ихъ совершившимъ. Такъ, проклиная Болеслава Смѣлаго за убійство епископа Станислава, онъ оправдываетъ убійство родного брата Болеславомъ Кривоустымъ или ослѣпленіе Болеслава Чешскаго Болеславомъ Храбрымъ тѣмъ, что оба могли имѣть для такихъ поступковъ важныя мотивы! Авторъ объясняетъ такую неразборчивость этическихъ воззрѣній Длугоша его ложными религіозными и патриотическими убѣжденіями. Длугошъ прежде всего религіозный фанатикъ, ревниво оберегающій прерогативы католической церкви и крайне нетерпимый къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его религіозными убѣжденіями. Поэтому-то, подъ вліяніемъ современныхъ ему событій, онъ относится къ чехамъ съ ненавистью, хотя и чехи были до его времени такими же вѣрными католиками, какъ поляки.

Въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ Длугошъ является монархистомъ, но свѣтская власть, по его мнѣнію, должна быть подчинена духовной; на Польшу онъ смотрѣлъ какъ на государство подвластное папѣ, а виѣшнимъ выраженіемъ этого подданства считаетъ десятину св. Петра; поэтому-то онъ относится съ такимъ ожесточеніемъ ко всякимъ попыткамъ ограниченія духовной власти и не находитъ словъ для выраженія своей ненависти къ поступку Болеслава Смѣлаго, осмѣлившагося поднять руку на неприкосновенную особу епископа. Единственный залогъ процвѣтанія государства видитъ Длугошъ въ привязанности народа къ католической вѣрѣ и въ любви къ отечеству.

Общую характеристику Длугоша авторъ заканчиваетъ разсмотрѣ-

ніемъ того вліянія, какое оказалъ на польскаго историка XV вѣка Титъ Ливій. Римскій историкъ (что доказано уже давно) служилъ для Длугоша главнымъ образцомъ въ способѣ изложенія его исторіи; риторизмъ, прагматизмъ, вымышленныя подробности событій, длиннѣйшія рѣчи историческихъ особъ, всѣ эти особенности Длугошъ заимствовалъ у знаменитаго римскаго писателя.

Таковъ строгій, но вполне справедливый приговоръ надъ польскимъ историкомъ XV вѣка съ точки зрѣнія научныхъ требованій нашего времени. Если отъ историка требуется главнымъ образомъ безпристрастіе въ оцѣнкѣ событій, добросовѣстность и научные приемы въ обработкѣ источниковъ, то съ этой точки зрѣнія Длугошу едва ли пристало имя историка. Мы не можемъ видѣть въ Длугошѣ лѣтописца, ибо онъ менѣе всего отличается присущею лѣтописцу наивностью, но не можемъ видѣть въ немъ и историка въ современномъ значеніи: для этого ему недостаетъ ни научной добросовѣстности (вспомнимъ только его тенденціозныя умолчанія или примыя извращенія фактовъ, не говорящихъ въ пользу Польши), ни научнаго духа. Мы не можемъ его назвать и простымъ компиляторомъ, ибо компиляторъ только сводитъ данныя разныхъ источниковъ, не комментируя и не перетолковывая ихъ по своему. По нашему мнѣнію, этому польскому писателю XV вѣка приличествуетъ только одно названіе — политическаго писателя. Исторія Длугоша есть, несомнѣнно, политическій памфлетъ, правда, почти безпримѣрный въ исторіи по своему объему, затраченнымъ на него усиліямъ и массѣ матеріала, — памфлетъ, задачей котораго было возвеличеніе прошлаго Польши и программа ея будущаго съ ультра-католической точки зрѣнія. И въ сущности, возвеличивая Длугоша, польскіе писатели возвеличивали и возвеличиваютъ его только съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія политическаго писателя, вѣрнаго сына католической церкви и страство привязаннаго къ своей родинѣ поляка. Вся сущность польскаго національнаго характера, какою ее создала исторія, фанатическая любовь къ родинѣ и католической религіи, неразборчивость въ средствахъ для своеобразно понимаемаго блага родины и церкви, какъ въ зеркалѣ, отразились въ громадномъ трудѣ Длугоша, кости отъ костей польскаго организма. Вотъ почему Длугошъ останется навсегда такъ дорогъ сердцу каждаго поляка до тѣхъ поръ, пока не измѣнится самый характеръ этой причудливой націи.

Въ слѣдующихъ главахъ своего труда г. Семковичъ старается опредѣлить источники, которыми пользовался Длугошъ. Изъ мѣст-

ныхъ источниковъ г. Семковичъ указываетъ на рядъ анналовъ и хроникъ, знакомство съ которыми Длугоша несомѣнно. Замѣтимъ, что Длугошъ рѣдко называетъ свои источники, въ большинствѣ случаевъ ограничиваясь общими выраженіями. Требовался огромный трудъ и стараніе, чтобы путемъ дословнаго сличенія текста Длугоша съ текстомъ другихъ извѣстныхъ намъ источниковъ опредѣлить ихъ взаимное отношеніе.

Длугошъ широко воспользовался хроникой такъ-называемаго Галла, но, по своему обыкновенію, болѣе нежели свободно отнесся къ его довольно простой повѣсти. Не говоря уже о томъ, что онъ стилистически переработалъ грубую для классически-образованнаго автора латынь М. Галла, онъ къ тому же передѣлываетъ по своему его изложеніе, не только распространяя его взятыми изъ собственной фантазіи подробными описаніями битвъ, рѣчами и пр.; но даже измѣняетъ совершенно его разказъ согласно съ своими убѣжденіями, не имѣя, однако, часто передъ собою иныхъ, кромѣ Галла, источниковъ. Единственно, въ чемъ Длугошъ оказалъ услугу Галлу, это введеніемъ хронологіи въ его хронику, писанную, какъ извѣстно, безъ датъ, хотя не всегда дѣлалъ это удачно, переставляя иногда событія.

Также широко, какъ и Галломъ, воспользовался Длугошъ хроникой Кадлубка. Въ общемъ отношеніе его къ этой хроникѣ то же, что и къ хроникѣ Галла. Длугошъ измѣняетъ разказанные Кадлубкомъ факты, опускаетъ или распространяетъ разныя подробности, нерѣдко измышляетъ новыя. Но вообще къ Кадлубку онъ относится съ особеннымъ уваженіемъ (онъ почтилъ его хронику даже цѣлымъ диониромомъ), часто слѣдуя его изложенію въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Кадлубекъ расходится съ Галломъ. Г. Семковичъ удачно объясняетъ это тѣмъ уваженіемъ, которое питалъ Длугошъ къ высокому сану епископа Кадлубка, служившему для Длугоша ручательствомъ правдивости этого лѣтописца. Съ другой стороны, Длугошъ нашелъ у епископа XIII вѣка симпатичные для себя взгляды: такъ въ спорахъ духовенства съ властью Кадлубекъ, подобно Длугошу, стоитъ на сторонѣ перваго, между тѣмъ какъ Галлъ, напримѣръ, называетъ убитаго Болеславомъ Смѣлымъ епископа Станислава мятежникомъ.

Зналъ Длугошъ и хроники Мерзвы, хронику Великопольскую (извѣстную вообще подъ именемъ хроники Богухвала или Годислава) и хронику Яна Чариковскаго. Весь періодъ 1370—1384 гг. Длугошъ написалъ исключительно по этой послѣдней, но замѣчательно, что онъ нигдѣ не называетъ ея автора, хотя, какъ извѣстно, Янъ архи-

діаконъ Чарниковскій самъ весьма часто говоритъ о себѣ въ своей хроникѣ и принималъ не малое участіе въ современныхъ событіяхъ. Вѣроятно, причиною такого неблагоклоннаго отношенія къ Яну Чарковскому (всѣ мѣста, гдѣ Янъ говоритъ о себѣ, Длугошъ опускаетъ, а собственныя рѣчи Яна влагаетъ въ уста другихъ лицъ) было разногласіе въ убѣжденіяхъ обоихъ писателей. Г. Семковичъ приводитъ рядъ фактовъ, гдѣ Длугошъ, имѣя подъ рукою только хронику Яна, совершенно извращаетъ его разказъ, особенно когда дѣло идетъ о вещахъ, неблагопріятныхъ для духовенства. Такъ, не смотря на утвержденіе Яна и на слова постановленія Кошицкаго съѣзда, Длугошъ утверждаетъ, что духовенство было освобождено отъ королевскаго сбора—поральнаго (подымнаго). Что касается отношенія Длугоша къ анналамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Annales Silesiaci compilati*, то, по мнѣнію г. Семковича, Длугошъ пользовался не ими (вопреки мнѣнію другихъ изслѣдователей), а хроникой Мартына Поляка (*Martinus Polonus*), который послужилъ общимъ источникомъ и для Длугоша, и для компилятора *Annales Silesiaci compilati*. Затѣмъ у г. Семковича идетъ подробное перечисленіе другихъ извѣстныхъ намъ польскихъ источниковъ, слѣды пользованія которыми находитъ онъ у Длугоша. Къ числу ихъ принадлежатъ житія святыхъ, легенды, описанія чудесъ (*Passio S. Abalberti*, *Vita S. Hedvigis*, *Vita S. Stanislai*, *Vita S. Kyr-gae*, *S. Salomeae*, *S. Jacchonis*=Яцка), каталоги разныхъ епископовъ польскихъ; наконецъ г. Семковичъ перечисляетъ извѣстные намъ документы, которые зналъ и Длугошъ. Послѣ того авторъ отмѣчаетъ всѣ тѣ факты, разказъ о которыхъ основанъ у Длугоша на неизвѣстныхъ намъ источникахъ (анналахъ, хроникахъ, документахъ, стр. 42—49), извѣстія, основанныя на устной традиціи (стр. 49), и свѣдѣнія, основанныя на личномъ опытѣ (для даннаго періода, конечно, только описаніе мѣстностей, церквей, гробницъ), и оканчиваетъ перечисленіемъ повторенія Длугошемъ однихъ и тѣхъ же событій.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ авторъ старается опредѣлить иностранные источники Длугоша, то-есть, тѣ источники, на основаніи которыхъ Длугошъ описываетъ исторію сосѣднихъ Польшѣ государствъ: Руси, Чехіи, Венгріи, Тевтонскаго ордена и пр. Для насъ, разумѣется, наиболѣе интересны выводы автора относительно извѣстныхъ Длугошу источниковъ русской исторіи, а потому мы нѣсколько подробнѣе остановимся здѣсь на изложеніи авторомъ этого послѣдняго вопроса.

Извѣстно, что Длугошъ былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ (хотя, по собственному сознанію, приступилъ къ его изученію лишь на словѣ

лѣтъ—сапо jam carite) и имѣлъ подѣ руками русскія лѣтописи. Является, слѣдовательно, вопросъ: какимъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ или по крайней мѣрѣ какою редакціей пользовался Длугошъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его разказъ совпадаетъ съ повѣствованіемъ извѣстныхъ намъ списковъ, и воторыхъ, откуда почерпнулъ Длугошъ извѣстія о русскихъ событіяхъ, относительно которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи?

Трудность рѣшенія этого вопроса (помимо мало еще выясненнаго вопроса о взаимномъ отношеніи разныхъ редакцій нашей лѣтописи) увеличивается еще, по мнѣнію г. Семковича, отъ слѣдующихъ причинъ: 1) недостаточнаго знакомства Длугоша съ русскимъ языкомъ; 2) частаго сокращенія лѣтописнаго повѣствованія; 3) незнакомства Длугоша съ хронологіей лѣтописей русскихъ: такъ изъ 92 извѣстій о русскихъ дѣлахъ въ періодѣ 966—1229 гг. только въ тринадцати случаяхъ хронологія Длугоша совпадаетъ съ хронологіей русскихъ лѣтописей; разница его хронологіи съ лѣтописною часто весьма значительна, доходя иногда до 9, 10, даже 11 лѣтъ ¹⁾; въ означеніи дней событій Длугошъ также нерѣдко расходится съ лѣтописью; 4) вслѣдствіе свода нѣсколькихъ разновременныхъ событій подѣ одинъ годъ. Тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ возможнымъ придти къ слѣдующимъ выводамъ, чрезъ сравненіе извѣстій Длугоша съ извѣстіями разныхъ лѣтописныхъ редакцій:

1) Длугошъ пользовался лѣтописью Нестора до 1113 года, умалчивая или сокращая ея повѣствованіе о событіяхъ, неблагоприятныхъ для Польши, соединяя извѣстія русской лѣтописи съ извѣстіями польскихъ источниковъ и представляя въ извѣстной связи событія, которыя ни хронологически, ни логически не могутъ быть между собою связаны.

2) Съ 1117 г. Длугошъ пользовался продолженіемъ Несторовой лѣтописи, идущей до 1139 г. (у Длугоша до 1129) (?) ²⁾.

3) Нѣтъ въ изложеніи Длугоша ни одной подробности, которая находилась бы только въ Радзивилловскомъ спискѣ; тѣ подробности, которыя Длугошъ разказываетъ сходно со спискомъ Радзивилловскимъ, находятся и въ спискѣ Троицкомъ.

¹⁾ Причиною этой значительной разницы въ хронологіи лѣтописи и Длугоша могло быть то, что Длугошъ не учлъ прочесть выставленный лѣтописью годъ.

²⁾ Въ обоихъ случаяхъ авторъ допустилъ какую-то ошибку: ни на 1139, ни на 1239 г. не прерывается въ нашихъ спискахъ продолженіе древней лѣтописи.

4) Въ двухъ случаяхъ Длугошъ сообщаетъ извѣстія, находящіяся только въ Троицкомъ спискѣ (?).

5) Семь извѣстій находятся только въ лѣтописи Лаврентьевской. Такимъ образомъ Длугошъ основываетъ свой разказъ на Лаврентьевской редакціи лѣтописи, дополняя его подробностями, взятыми изъ Троицкаго списка.

Кромѣ лѣтописи Нестора и ея продолженій до 1239 г. (?), Длугошъ пользовался еще нѣкоторыми неизвѣстными намъ лѣтописями. Сопоставленіе однихъ изъ нихъ приводитъ автора къ убѣжденію, что Длугошъ имѣлъ подѣ руками особую Перемышльскую лѣтопись.

Наконецъ, сопоставленіе извѣстій съ конца XII по конецъ XIII в. приводитъ автора къ заключенію, что Длугошъ пользовался еще лѣтописью весьма сходною съ Ипатьевскою, то-есть, Кіевскою и Галицко-Волынскою. Доказательства вышеприведенныхъ выводовъ, не говоря о нѣкоторыхъ неточностяхъ въ изложеніи, нельзя признать вездѣ достаточно убѣдительными. Приводимыхъ авторомъ двухъ фактовъ въ пользу того соображенія, что Длугошу былъ извѣстенъ Троицкій списокъ лѣтописи, не достаточно, ибо эти факты могли находиться и въ какомъ-либо иномъ спискѣ (притомъ факты эти довольно мелки, напримѣръ, указаніе на гибель въ битвѣ съ Литвою князя Мстислава Торопецкаго). Что касается лѣтописи Перемышльской, то сомнительно, чтобы, если такая и существовала, она могла быть извѣстна Длугошу въ своемъ первоначальномъ видѣ; естественнѣе предположить, что перемышльскія извѣстія Длугошъ почерпнулъ изъ не дошедшаго до насъ списка южнорусской лѣтописи болѣе полного, нежели тотъ, какой намъ извѣстенъ подѣ именемъ Ипатьевскаго. Извѣстно, что и самъ Ипатьевскій списокъ не дошелъ до насъ въ цѣлости: такъ, изъ него выпало все княженіе Романа Галицкаго; встрѣчаются иногда ссылки на предыдущее, чего однако въ дошедшемъ до насъ спискѣ нѣтъ (напримѣръ, въ разказѣ о Петрѣ Властѣ, польскомъ вельможѣ, захватившемъ въ плѣнъ Галицкаго князя Володаря). Сравнивая разказъ о южнорусскихъ событіяхъ у Длугоша и Татищева, можно убѣдиться, что оба имѣли подѣ рукою сходныя редакціи южнорусской лѣтописи, только списокъ Татищева былъ, по видимому, полнѣе списка Длугоша. Любопытно было бы сравнить въ этомъ отношеніи извѣстія Татищева съ извѣстіями Длугоша. Къ сожалѣнію, сводъ Татищева остался автору критическаго разбора Длугоша вовсе неизвѣстнымъ.

Обращаясь къ литовско-русскимъ лѣтописямъ, какъ источникамъ извѣстій Длугоша о русскихъ и литовскихъ дѣлахъ XIV—XV вѣковъ,

авторъ замѣчаетъ, что послѣднее извѣстіе, заимствованное Длугошемъ изъ русскихъ лѣтописей, относится къ 1288 году, такъ что въ IX-й книгѣ Длугоша нѣтъ ни одного извѣстія, почерпнутаго изъ русскихъ источниковъ (замѣтимъ, что авторъ еще значительно раньше критически обработалъ IX-ю книгу Длугоша), первый же слѣдъ пользования литовско-русскими лѣтописями находимъ подъ 1382 годомъ.

Сравнивая изданія до сихъ поръ литовско-русскія лѣтописи (автору извѣстна только лѣтопись, изданная Даниловичемъ—*Latorisies Litwy*, то-есть, краткая редакція литовской лѣтописи, и лѣтопись, изданная Нарбутомъ—редакція пространная), г. Семювичъ полагаетъ, что какъ составитель краткой, такъ и составитель обширной литовско-русской лѣтописи, пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, но составитель первой плохо понималъ свой источникъ и довольно безтолково сокращалъ его; редакцію пространную авторъ ставитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше ¹⁾. По мнѣнію г. Семювича, Длугошъ не пользовался ни лѣтописью Даниловича, ни лѣтописью Нарбута, а третьею редакціей литовско-русской лѣтописи, составленною независимо отъ той и другой лѣтописи, но на основаніи одного общаго съ ними источника. Замѣтимъ, что вопросъ, какою изъ извѣстныхъ намъ литовскихъ рукописей пользовался Длугошъ, не можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ изданы сохранившіеся до сихъ поръ списки литовско-русскихъ лѣтописей. Помимо напечатанныхъ трехъ списковъ (одного обширнаго и двухъ краткихъ—Даниловича и изданнаго А. Н. Поповымъ во списку гр. Уварова, оставшагося неизвѣстнымъ автору), существуютъ еще пять-шесть не изданныхъ списковъ. Возможно, что которымъ-нибудь изъ нихъ пользовался Длугошъ. Еще замѣтимъ, что недавно найденъ небольшой отрывокъ литовско-русской лѣтописи въ латинскомъ переводѣ, и весьма возможно, что переводомъ этимъ пользовался Длугошъ; быть

¹⁾ Незнакомство г. Семювича со спискомъ краткой литовской рукописи, изданной Поповымъ, привело его къ этому заключенію; на оборотъ, возможно утверждать съ большою вѣроятностію противное, то-есть, что составитель пространной лѣтописи почти наизусть переписывалъ лѣтопись краткую, составленную несомнѣнно въ концѣ XV вѣка современникомъ, весьма выразительно о себѣ говорящимъ (разказывая объ отравленіи князя Скиргайла, лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ этого не знаетъ достоверно, ибо былъ тогда еще молодъ). Намъ кажется, что слова эти служатъ нѣкоторымъ доказательствомъ тому, что составитель краткой литовской лѣтописи былъ родомъ изъ Кіевской земли (Скиргайло былъ отравленъ въ Кіевѣ).

можетъ даже, переводъ этотъ, подобно переводу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ хроникъ, былъ сдѣланъ спеціально для Длугоша ¹⁾.

Въ остальной части введенія г. Семковичъ разбираетъ еще орденскія хроники, лѣтописи чешскія, венгерскія и нѣмецкія, которыми пользовался Длугошъ.

По мнѣнію г. Семковича, которое онъ подкрѣпляетъ весьма вѣсными доказательствами, Длугошъ не пользовался хроникою Петра Дюсбурга въ оригиналѣ, а зналъ только латинскій переводъ ринованной хроники Іерошина (Іерошинъ переложилъ нѣмецкими стихами латинскую хронику Дюсбурга, а какой-то духовный, по просьбѣ Длугоша, перевелъ эту послѣднюю опять на латинскій языкъ). Что касается хроники Виганда изъ Марбурга, то, по мнѣнію автора, Длугошъ зналъ и ея нѣмецкій оригиналъ, и латинскій переводъ. Наконецъ, Длугошу была извѣстна и вся такъ-называемая Оливская хроника.

Изъ чешскихъ лѣтописей Длугошъ зналъ и широко воспользовался при изложеніи чешскихъ событій лѣтописью Космы Пражскаго и лѣтописью Пулкавы, при чемъ къ первой относился весьма скептически: „Plura enim in hoc opere transcribo, quam credo“, говоритъ Длугошъ о лѣтописи Космы. Но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, убѣжденіе въ неосновательности Космы было у Длугоша чисто априорнымъ, выросшимъ на почвѣ его религіозной ненависти къ чехамъ, о чемъ мы уже упоминали выше. Вслѣдствіе того Длугошъ слишкомъ свободно отнесся къ извѣстіямъ Космы, передѣлывая ихъ на свой ладъ: все, говорящее не въ пользу Польши, онъ или вовсе исключалъ, или извращалъ, обращая побѣды чеховъ надъ поляками въ пораженія и т. д.

Изъ венгерскихъ источниковъ Длугошъ пользовался хроникою венгеро-польскою, житіемъ св. Стефана, писаннаго Гартвигомъ, неизвѣстнымъ намъ житіемъ св. Зороарда и наконецъ тою хроникой, которая дошла до насъ въ обработкѣ (скорѣе спискѣ) Туроца.

Наконецъ, по мнѣнію автора, Длугошъ не пользовался въ оригиналѣ ни хроникою Мартына Поляка (Cbronicon pontificum et imperatorum), ни Церковною исторіей (Historia ecclesiastica) Птоломея, а зналъ ихъ въ какой-нибудь изъ многочисленныхъ переработокъ XV—XVI вв. Замѣтимъ еще, что г. Семковичъ не довольствуется однимъ изслѣдованіемъ разныхъ редакцій того или другаго источника, которымъ

¹⁾ Последнее соображеніе сообщилъ намъ отрывшій этотъ отрывокъ ученый д-ръ Ант. Прохаска.

пользовался Длугошъ, но кромѣ того, даетъ въ сжатомъ изложеніи результаты послѣднихъ изслѣдованій о томъ или другомъ источникѣ, высказывая нерѣдко и самостоятельный взглядъ на тотъ или другой вопросъ.

Со стр. 67 до конца (стр. 402) идетъ самая капитальная часть книги г. Семковича — подробный разборъ каждаго извѣстія Длугоша. При этомъ авторъ въ каждомъ данномъ случаѣ не только старается опредѣлить источникъ извѣстія Длугоша и способъ его обработки польскимъ историкомъ XV вѣка, но въ большинствѣ случаевъ изслѣдуетъ и самый фактъ, сообщенный Длугошемъ, высказывая при этомъ огромную начитанность въ современной исторической литературѣ, относящейся къ изучаемой имъ эпохѣ. Наиболѣе слабою является у автора только обработка русскихъ извѣстій, при чемъ русскіе источники, а особенно русскіе историческіе труды, относящіеся къ соотвѣтственному періоду, ему мало знакомы. По видимому, и русскимъ языкомъ г. Семковичъ владѣетъ довольно плохо, ибо многія мѣста изъ лѣтописей русскихъ напечатаны въ его вообще весьма тщательно изданномъ трудѣ, довольно небрежно (притомъ латиницей, напримѣръ, на стр. 159: *i posla Wolodymer synu swoji Romana u Wolodymer kniazity... posla Wolodymer syna swoji druhii Andria kniazity Wolodymerio*). Удивляться этому нечего, ибо между русскою и польскою литературой стоитъ до сихъ поръ стѣна національнаго антагонизма. Смѣемъ надѣяться, что научный духъ, повѣявшій въ послѣднее время въ польской литературѣ, разрушитъ наконецъ эту китайскую стѣну взаимнаго непониманія. Наукѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ или другихъ политическихъ убѣжденій ея дѣятелей; цѣль науки только одна—истина; пылкій истинный ученый, если только онъ хочетъ добиться истины, долженъ забыть свои національныя и всякія другія симпатіи,—иначе трудъ его не будетъ дѣломъ научнымъ, живучимъ и плодотворнымъ, а только политическимъ памфлетомъ и раздѣлитъ печальную участь всѣхъ памфлетовъ.

Мы не можемъ заняться здѣсь подробнымъ разборомъ не только критики всѣхъ извѣстій Длугоша г. Семковичемъ, но даже и его изслѣдованій данныхъ Длугоша о русскихъ событіяхъ; для этого нужно бы было написать такую же книгу, какую написалъ г. Семковичъ (впрочемъ, извѣстія Длугоша до XIII вѣка разобраны нами въ сочиненіи: *Взаимныя отношенія Руси и Польши*). Разумѣется, не со всѣми выводами автора можно было бы согласиться, но нельзя не признать, что трудъ его сослужитъ намъ въ будущемъ огромную

услугу, освобождая каждаго ученаго отъ необходимости самому разыскивать источники разказа Длугоша.

Какъ мы слышали, авторъ намѣревается продолжить свой трудъ и довести до конца критическое изслѣдованіе всей исторіи Длугоша. Научный духъ, которымъ проникнуто настоящее сочиненіе автора, ругается за то, что и окончаніе его будетъ исполнено съ тою же тщательностью и безпристрастіемъ, съ какими написана вся первая часть. Мы не думаемъ, чтобы теперь, когда польская историческая литература начинаетъ вступать на болѣе или менѣе научную почву, въ отношеніи къ почтенному автору могло повториться что-нибудь подобное тому, чему подверглись въ прежнее время Ренпель и Гельпель. Но еслибъ и такъ, еслибъ и теперь нашлись бораовисцы (съ наукою ничего общаго не имѣющіе), которые обрушились бы на автора за его суровый, но вполнѣ справедливый судъ надъ писателемъ XV вѣка, то мы позволимъ себѣ сказать автору: „возвръъши токмо на науку и истину, дерзай, ничтоже сумняшеся!“.

И. Миниченко.

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей Я. Гротъ съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. С.-Пб. 1887.

Я. К. Гротъ не разъ въ послѣдніе годы обращался къ вопросу о Пушкинѣ и къ исторіи лицей, въ особенности за первое время его существованія. Статьи эти были разсѣяны по разнымъ изданіямъ; собраніемъ ихъ онъ оказалъ несомнѣнную услугу будущимъ издателямъ Пушкина, давъ имъ матеріалы, какъ онъ хорошо выразился, „для другаго рисующагося въ воображеніи всенароднаго памятника Пушкина—историко-критическаго изданія его сочиненій“. Собраніе статей Я. К. Грота заставляетъ только жалѣть о томъ, что не всѣ статьи другихъ изслѣдователей этой эпохи собраны воедино. Напримѣръ, кто изъ людей, интересующихся Пушкинымъ, не пожелалъ бы видѣть собранными статьи В. П. Гаевского, дающія такъ много для объясненія лицейской поры Пушкина и для знакомства съ біографіей Дельвига, такъ тѣсно и неразрывно связаннаго съ Пушкинымъ. Статьи эти приходится отыскивать въ Современникѣ за нѣсколько лѣтъ, составляющемъ въ настоящее время бібліографическую рѣдкость.

Въ лежащей передъ нами книгѣ собраны статьи, по большей части появившіяся по разнымъ случаямъ: открытія памятника Пуш-

кина, пятидесятилѣтія его кончины, и отрывочныя замѣтки, представляющія всегда что-нибудь новое, имѣющее значеніе и для будущаго біографа и издателя Пушкина, и для будущаго историка русской образованности въ началѣ XIX вѣка. Почтенный академикъ съ свойственнымъ ему трудолюбіемъ и изыскательностію, такъ блистательно заявленными во всѣхъ его трудахъ и преимущественно въ монументальномъ изданіи Державина, умѣетъ всегда находить новые источники и тѣмъ дополнять и освѣжать уже имѣющіяся свѣдѣнія. Такъ въ свои статьи о лицѣхъ онъ внесъ и собственные воспоминанія, и остатки архива перваго выпуска, доставшіеся ему отъ Ѳ. Ѳ. Матюшина, а также устные и письменныя показанія товарищей Пушкина; въ подтвержденіе онъ приводитъ вполнѣ показанія двухъ изъ этихъ товарищей: Комовскаго и графа Корфа, изъ которыхъ послѣднее было уже извѣстно, но не вполнѣ. Собственныя примѣчанія издателя, часто документально опровергающія показанія своего источника, придаютъ изданію еще новую цѣну. Указанная авторомъ связь литературнаго направленія лица съ направленіемъ Московскаго университетскаго пансіона заслуживаетъ полнаго вниманія будущаго историка русскаго образованія. Припомнимъ кстати, что литературное направленіе господствовало въ началѣ вѣка и долго позднѣе и въ другихъ заведеніяхъ: укажемъ на воспоминанія Погодина объ его учебныхъ годахъ въ московской гимназіи; чтеніе литературныхъ произведеній и собственныя сочиненія способствовали много развитію юношества, не смотря даже на плохое во многихъ случаяхъ преподаваніе. Въ статьяхъ Я. К. Грота и въ воспоминаніяхъ лицейстовъ проходятъ передъ нами какъ живые преподаватели лицея: авторъ сумѣлъ отнестись къ нимъ безпристрастно и своими замѣчаніями смягчилъ рѣзкость приговоровъ графа Корфа. На сколько можно судить по печатнымъ сочиненіямъ, авторъ правъ относительно Кошанскаго; но о Георгіевскомъ мнѣ кажется правѣе графъ Корфъ. Георгіевскій былъ риторъ совершенно пустой. Въ доказательство позволю себѣ привести опредѣленіе героя эпической поэмы изъ „Пяťтики“ Георгіевскаго, заученное мною въ гимназіи и до сихъ поръ памятное: такъ оно странно ¹⁾. Вотъ это опредѣленіе: „Герой эпической поэмы, ко-
леблемый бурей временъ, несомнѣй вихремъ происшествій, стоитъ не-

¹⁾ „Учебная книга русской словесности“ Георгіевскаго была введена какъ учебникъ въ VII классъ гимназій въ 1840-хъ годахъ, а реторика Кошанскаго служила учебникомъ въ IV, V и VI.

выблемо на своемъ эпическомъ основаніи и чувствуетъ шествіе бо-жества по землѣ*. Кажется, что такая фраза Геркулесовъ столбы безсмыслицы; а такая фраза: „Постояльнй дворъ“ Степанова, „Леонидъ“ Зотова и „Герой нашего времени“ Лермонтова имѣли заслу-женный успѣхъ“ плохо рекомендуетъ умственные способности автора. Библиографическій обзоръ Лицейскаго мудреца, рукописнаго жур-нала лицейстовъ, обзоръіііе празднованія лицейскихъ годовщинъ, краткія біографіи и характеристикн многихъ изъ товарищей Пушкина и переписка ихъ (въ особенности интересны письма Илличевскаго) придаютъ значительную цѣну книгѣ Я. К. Грота.

Разбираемая книга была бы важна даже и въ томъ случаѣ, еслибы она ограничилась только исторіей лицей; но этимъ не исчерпывается ея значеніе: она представляетъ вѣрную характеристику лицейскихъ сти-хотвореній Пушкина, правильный взглядъ на его нравственную лич-ность, основательно опровергая вводимыя на него обвиненія въ раз-вратѣ въ статьѣ „Личность Пушкина“, гдѣ превосходно указываются его идеальныя воззрѣнія, лежавшія въ глубинѣ его натуры. Букваль-ное воспроизведеніе рукописи „Лицейская годовщина“, а въ особен-ности дополненія въ изданіямъ Пушкина, извлеченныя изъ бумагъ Плетнева, гдѣ въ особенности драгоцѣнны новыя строфы „Олѣгина“¹⁾, а также изданіе „Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ“, несомнѣнно принад-лежащихъ Пушкину, не мало послужатъ будущему издателю Пуш-кина. Драгоцѣннымъ пособіемъ для него, какъ основа повѣствованія будетъ тщательно составленная авторомъ „хронологическая канва“. „Очеркъ біографіи Пушкина“ съ удовольствіемъ прочтется публиковъ въ обширномъ смыслѣ слова.

Не сомнѣваемся, что книга Я. К. Грота будетъ въ рукахъ у всѣхъ любителей русской литературы.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

М. Е. Соколовъ. Старорусскіе солнечныя боги и богини. Историко-этногра-фическое изслѣдованіе. Симбирскъ. 1887.

Какой-то рокъ преслѣдуетъ русскую міѳологію: несомнѣнно, въ обществѣ существуетъ интересъ къ ея изученію, такъ какъ ежегодно появляются и отдѣльныя изслѣдованія, и статьи, ей посвященныя, а

¹⁾ Любопытно, что одна изъ нашихъ газетъ въ строѣ, посвященной *Ленскому* (стр. XXXVIII, гл. VI), усмотрѣла черту, характеризующую *Олѣгина*.

между тѣмъ настоящаго движенія впередъ какъ-то не замѣтно, и большинство новѣйшихъ миеологовъ обнаруживаетъ больше прилежанія, чѣмъ успѣховъ. Не такъ давно мы имѣли случай говорить объ объемистой книгѣ г. Фаминцына. Теперь передъ нами провинціальное изслѣдованіе по русской миеологіи, обнимающее, впрочемъ, гораздо болѣе тѣсную область, именно — старорусскихъ солнечныхъ боговъ и богинь. Оба сочиненія произвели на насъ одинаковое впечатлѣніе: у г. Соколова, какъ и у г. Фаминцына, замѣтна значительная начитанность въ памятникахъ русской исторіи, древней литературы и въ изслѣдованіяхъ по миеологіи и этнографіи; видно, что авторъ вращался въ этой области долго и съ любовью. Нельзя также отказать автору въ критическихъ приемахъ, примѣняемыхъ имъ впрочемъ только тогда, когда дѣло идетъ о разборѣ чужихъ мнѣній. Однако, если по прочтеніи книги г. Соколова вы спросите себя: на сколько вы подвинулись впередъ въ дѣйствительномъ знаніи древнерусскаго солнечнаго культа, то на такой вопросъ получится отвѣтъ далеко неутѣшительный. Авторъ называетъ свое изслѣдованіе „историко-этнографическимъ“, относится не безъ ироніи къ прежнимъ миеологамъ и нѣкоторымъ современнымъ и вообще предъявляетъ очень высокія требованія къ изслѣдователю этой области. „Противорѣчія русскихъ миеологовъ“, говоритъ онъ (стр. 166), — „законный результатъ неправильной постановки вопроса о миеологическихъ работахъ; миеологія есть синтезъ исторіи, этнографіи, психологіи и филологіи, а потому миеологъ долженъ равномѣрно знать всѣ эти науки. Въ противномъ случаѣ миеологъ никогда не будетъ стоять на высотѣ своего призванія... Источники ошибокъ русскихъ миеологовъ — полное пренебреженіе къ психологіи миеа и къ законамъ филологіи (?). Въ послѣднемъ отношеніи русскіе миеологи особенно беззаботны: имъ не нужны законы перебора звуковъ, морфологія, исторія языка, — они руководятся одними созвучіями. Часто мы видимъ хитроумныя соображенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдовало бы помнить, что простота и естественность гипотезы или теоріи — вѣрный признакъ истинны“. Послѣ этихъ золотыхъ словъ, въ справедливости которыхъ, конечно, никто не сомнѣвается, намъ слѣдуетъ лишь порадоваться, что г. Соколовъ совмѣщаетъ въ себѣ въ равной степени знаніе всѣхъ перечисленныхъ имъ наукъ и особенно филологіи (то-есть, сравнительнаго языковѣданія), на необходимости которой онъ настаиваетъ, и такимъ образомъ стоитъ на высотѣ своего призванія. Но дабы

радость наша не была преждевременна, взгляды пристальнѣе въ его работу и познакомимся съ ея содержаніемъ и методомъ.

Не придерживаясь обычая дѣлать предисловія и снабжать книгу оглавленіемъ, авторъ прямо вводитъ насъ in medias res. Книга содержитъ въ себѣ семь главъ и заключеніе: I) Древне-русскій солнечный культъ. Историческое обозрѣніе. II) Солнце. III) Хорсъ или Хросъ. IV) Ярило и Яровица. Кострубъ=Кострубонько и Кострома. Страница изъ славяно-русской мифологій и этнологій. V) Чурило и Чурилья. Журило и Джэнджуриха. VI) Ладъ=Ладо и Лада. Лель и Леля. VII) Солнечные праздники. VIII) Заключение.

Въ первой главѣ проводится мысль, что хотя главнымъ богомъ у русскихъ язычниковъ былъ Перунъ, но онъ пользовался меньшимъ значеніемъ и любовью, чѣмъ божество солнца: „Солнце (Дажьбогъ) не было только покровителемъ и благодѣтелемъ русскаго народа; потому-то оно и благоволило къ нему, потому-то оно и было глубоко уважаемо на Руси, что было соединено кровнымъ родствомъ со всѣмъ славяно-русскимъ народомъ. Русскій народъ съ незапамятныхъ временъ считался внукомъ Дажь-бога (солнца)“ (стр. 7). Спрашивается: на чемъ основано такое категорическое утвержденіе? Только на двухъ извѣстныхъ мѣстахъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ упоминается жизнь и силы Дажь-бога внука, при чемъ одни толкователи понимаютъ подъ этимъ украшающимъ эпитетомъ князя, другіе—вообще русскій народъ. Мы не станемъ разбирать здѣсь, чье толкованіе вѣрнѣе (хотя лично держимся первого), но даже допуская второе толкованіе, неужели изъ литературнаго, художественнаго памятника конца XII вѣка можно сдѣлать выводъ, что „русскій народъ съ незапамятныхъ временъ считался (кѣмъ?) внукомъ Дажь бога? Вотъ образецъ осторожности, рекомендуемой авторомъ другимъ мифологамъ! Рѣшивъ, что русскій народъ считалъ себя въ родствѣ съ солнцемъ, г. Соколовъ (на стр. 14), въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ состояніе солнцевыхъ потомковъ: „Будучи внукомъ Дажь бога и, слѣдовательно, находясь съ нимъ какъ бы въ родствѣ, сознавая, что милостивый Дажь богъ дастъ все, что у него ни попросишь, русскій народъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ“. Остается пожалѣть, что русскій народъ утратилъ сознаніе своего родства съ солнцемъ: вѣдь счастье было такъ возможно! Впрочемъ, по мнѣнію г. Соколова, „нѣкоторые факты заставляютъ думать, что народъ, вопреки мнѣнію А. Пыпина (Вѣстн. Европы 1883 г. VI, ноябрь стр. 288), не только не забылъ о Дажь-

богъ, но хотя бы механически (??) помнить о значеніи и смыслѣ его культа⁴ (стр. 17). Любопытно знать, откуда почерпнулъ авторъ такое убѣжденіе. Дѣло вотъ въ чемъ: „Одна изъ современныхъ полукнижныхъ пѣсенъ, которыхъ немало распѣвается на праздниѣ Рождества Христова, упоминаетъ о какомъ-то загадочномъ „даждь-нару“ (Дажь-богъ), смѣшивая его съ Іисусомъ Христомъ, Искупителемъ рода человѣческаго. „Достойно есть днесь удивленія, духовному веселію: нынѣ звѣзда на небеси явися, паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаеши Бога нашего и на землю являеши, яко даждь-нару нашъ наидеть, тако Христосъ смиренный съ небеси снидеть“.

По ученымъ изслѣдованіямъ г. Веліканова, который является авторитетомъ для г. Соколова, нарѣ значитъ человѣкъ, а Дажь-нару—Богочеловѣкъ. „Такимъ образомъ“, говоритъ авторъ, „въ этой народной пѣснѣ очевидно смѣшиваются туманныя языческія преданія и болѣе ясныя христіанскія вѣрованія“ (стр. 18). Не много же нужно, чтобы дѣлать открытія въ русской мѣологіи: какая-нибудь бессмыслица въ родѣ даждь-нару въ пѣснѣ, увѣреніе такого авторитета въ сравнительной филологіи, какъ г. Великановъ, что даждь „есть собственное имя русь-славянскаго (sic) божества, а нару—значитъ человѣкъ“, и мы обогащаемъ любопытнымъ фактомъ, что „народъ хотя бы и механически помнить о значеніи и смыслѣ культа Дажь-бога“. Очевидно, г. Соколовъ не догадывается, что взять санскритское слово нара (мужъ) и выдать его за славянское, значитъ доказать наглядно, что не имѣешь ни малѣйшаго понятія о наукѣ сравнительнаго языковеденія. Разъяснять г. Соколову, въ чемъ тутъ заключается „погрѣшность“, мы не станемъ за полную бесполезностью такого предпріятія,—но должны уомянуть, что, къ сожалѣнію, такіа „погрѣшности“ встрѣчаются у него на каждомъ шагѣ. Такъ, поочивъ съ Дажь-богомъ, г. Соколовъ переходитъ въ Ярилѣ и завѣряетъ, что „впервые онъ упоминается въ лѣтописи подъ именемъ Симарьгла (Симаергла)“ (стр. 18). Основывается это завѣреніе на слѣдующемъ чудовищномъ словопроизводствѣ: „слово Симаергла сложное и состоитъ изъ двухъ: „сима, сема“ и ыргла, ергла. Сима—не что иное, какъ число семь; семь=симъ, какъ великорусск. шесть=малорусск. шість; отсюда произошли двойныя формы Симаньргла и Симаергла... Вторая половина слова—ыргла, ергла; въ ырглѣ или ерглѣ мы видимъ Ярила. Ярило, какъ извѣстно, называется также Ериломъ; изъ Ерида посредствомъ придыхательной : образовалось Ерило, Ерьгло, какъ взъ малорусск. теди, тоди великорусское тогда...

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что таинственное слово Симаирѣгла, Семаерѣгла—то же, что Ерило (Ярило), Семи-ярило* (стр. 25). „Можно думать, что Ярило потому носилъ названіе Семаерѣгла, что онъ, подобно Руевиту, богу войны балтійскихъ славянъ, изображался съ семью головами подъ однимъ черепомъ“ (стр. 26). Авторъ этого удивительнаго открытія не задаетъ себѣ вопроса, почему и кому понадобилось искажать ясное, сложное славянское имя Семи ярила (котораго существованіе предполагаетъ г. Соколовъ) въ какое-то невозможное неславянское Семаерѣгла; далѣе онъ позабылъ доказать, что числительное семь принимаетъ въ сложеніи форму сема; затѣмъ г. Соколовъ обнаруживаетъ незнакомство съ классификаціей звуковъ, называя : придыхательнымъ, и съ законами славянской фонетики, предполагая, что : безъ всякаго повода можетъ выпрыгнуть въ середину слова, и притомъ съ цѣлью сдѣлать изъ славянскаго и понятнаго слова ярило совершенно непонятное ярило; наконецъ, авторъ незнакомъ съ исторіей языка, если предполагаетъ, что великорусское тогда образовалось изъ малорусскаго теди, тоди. Неужели проводить подобнаго рода наивныя этимологическія упражненія значитъ „стоять на высотѣ своего призванія“? Нѣсколько далѣе (на стр. 29) г. Соколовъ употребляетъ совершенно новый приѣмъ, дающій ему возможность сразу при самыхъ простыхъ средствахъ добыть цѣлую уйму новыхъ свѣдѣній по русской мнѣологін. По его мнѣнію, другое имя Ярилы было Ярѣ. Если теперь разсмотрѣть попристальнѣе собственныя имена, сложные съ „Ярѣ“, то получаютъ прелюбопытныя вещи: „имя Яро-полкъ указываетъ намъ на тотъ фактъ, что Ярѣ былъ богомъ войны и въ частности завѣдывалъ собственно сраженіемъ, рукопашною схваткой между двумя непріятельскими сторонами (полкомъ); имя Ярославъ раскрываетъ предъ нами дальнѣйшія черты воинственной личности Яра: оказывается, что честь побѣды (слава), а слѣдовательно, и вообще удачный исходъ войны всецѣло приписывается Яру. Ярѣ былъ непобѣдимымъ богомъ войны, жестокимъ и свирѣпымъ (Ярошъ=жестокій, твердый), а потому понятно, что всегда побѣждалъ тотъ, на чью сторону становился самъ Ярѣ. Вступая въ битву, Ярѣ принималъ видъ Ярѣ-тура, дикаго быка и въ такомъ образѣ убивалъ своихъ враговъ“. Крайне любопытно! Только отчего г. Соколовъ, пользуясь такимъ же методомъ, не обогатилъ нашу мнѣологію еще однимъ богомъ Святѣмъ? Изъ имени Святѣполкъ явствуетъ, что Святѣ былъ богомъ войны, изъ имени Святѣславъ, что Святѣу приписывалась слава побѣды, изъ имени Святѣгорѣ

явствуетъ, что пребываніе Свята было на горахъ и т. под.; а затѣмъ не трудно догадаться, что этому богу войны были посвящены святки. Рѣшивъ, что Ярѣ былъ богомъ войны, авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что ему приносились человѣческія жертвы (стр. 32), а нѣсколько далѣе (стр. 34) путемъ такихъ же заключеній отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному доходитъ до слѣдующаго соображенія: „Мы теперь знаемъ (откуда?), что русскіе азычники послѣ каждой побѣды надъ врагами родины чествовали Яра человѣческими жертвами; а такъ какъ на Руси при ея всѣхъ уравнивающимъ, общинномъ строѣ каждый имѣлъ равное право какъ на жизнь, такъ и на смерть, то вошло въ обычай по жребію выбирать жертву, угодную богу; намъ извѣстно также, что русскій богъ войны особенно любилъ горячую пылкую кровь молодыхъ юношей и красивыхъ дѣвицъ“. Вотъ сколько выводовъ драгоцѣнныхъ для древне-русскаго быта, до сихъ поръ скрывались подъ спудомъ въ имени Ярополкъ!

Перехода затѣмъ къ другой сторонѣ культа Яра или Ярила, г. Соколовъ находитъ, что тотъ же Ярила извѣстенъ былъ подъ именемъ Пиная и Облупы (стр. 37), при чемъ истолкованіе этихъ именъ, благодаря уже знакомымъ намъ филологическимъ приѣмамъ, конечно, не можетъ затруднить нашего миеолога: „Пинай=піяный, пѣяный=сказочному Опивало; Облупа (отъ изроднаго облопаться)=сказочному обѣдало: оба прозвища указываютъ на неумѣренность и разгулъ Ярилова празднества“. Въ какихъ говорахъ русскаго языка и по какимъ законамъ прилагательное пѣяный перешло въ пинай, а отъ облопаться произошло облупа, авторъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ. Говоримъ къ сожалѣнію, потому что эти законы автору извѣстны: иначе онъ не упрекалъ бы другихъ миеологовъ въ томъ, что „имъ не нужны законы перебора звуковъ, морфологія, исторія языка и что они руководятся одними созвучіями“ (стр. 167). Не остается загадочнымъ г. Соколову и божество Переплуть, о которомъ г. Голубинскій замѣчаетъ: что такое Переплуть, остается пока вовсе не объясненнымъ. „Мы думаемъ“, говоритъ авторъ (стр. 37 и слѣд.),— „что довольно даже имѣть самую незначительную долю знанія древне-русскихъ вѣрованій, чтобы по одному только чутью разгадать этого таинственнаго Переплута“. Оказывается, что Переплуть тотъ же Ярило, между прочимъ потому, „что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ собственнымъ именемъ божества, а его прозвищемъ, и притомъ того божества, которое вообще не имѣло одного устойчиваго имени, а такимъ богомъ, какъ мы уже видѣли, былъ Ярило“.

Итакъ, если у Ярила было нѣсколько прозвищъ, то еще одно лишнее въ счетъ же идетъ: мнѣологическое чутье автора подсказываетъ ему, что такимъ прозвищемъ Ярила было *Переплуть*. А если Ярило уже *Переплуть*, то конечно, онъ и просто *Плуть* (см. стр. 39), и мы получаемъ уравненіе: *Плуть*—*Переплуть*—*Ярила*. То же необыкновенное мнѣологическое чутье даетъ автору возможность изъ известной пѣсни: „А мы просо сѣяли, ой Дядь-Ладо, сѣяли, сѣяли“ сдѣлать слѣдующій важный для русской мнѣологии выводъ, что „Лады или „Диды-Лады“, по славяно-русскимъ преданіямъ, имѣли прямое отношеніе къ водѣльванію проса: просо находилось подъ его божественнымъ покровительствомъ (стр. 46). Но изъ ладовыхъ привѣтовъ въ пѣсняхъ, авторъ могъ бы сдѣлать еще болѣе интересныхъ выводовъ о Ладѣ; такъ, пѣсня: „Ай на горѣ мы пиво варили, Ладо мое, Ладо, пиво варили“ несомнѣнно доказываетъ, что то же божество научило людей пивоваренію; пѣсня: „Благослови, Троица, Богородица намъ въ лѣсъ пойти, вѣнокъ сплести, ой дидь Ладо“,—что Лады вмѣстѣ съ Троицей и Богородицей изобрѣли плетеніе вѣнковъ и т. д. Таковую же развязность въ выводахъ обнаруживаетъ авторъ и по отношенію къ Лелю: „Лель или Диди-лель обыкновенно является (гдѣ?) двойникомъ, братомъ солнца, что для насъ вполне понятно; оба эти бога—представители одного начала, именно солнечнаго“ (стр. 40). Неумѣстно спрашивать, откуда все это знаетъ г. Соколовъ, такъ какъ мнѣологическое чутье не дано всѣмъ и каждому.

Сдѣлавъ въ первой главѣ обзоръ солнечныхъ божествъ—Ярила, Лада, Леля, Коляды, Овсеня, Купалы,—авторъ 2-ю главу посвящаетъ солнцу, при чемъ ведетъ славянскій культъ солнца отъ древнѣйшихъ временъ: „Если вѣрить Геродоту“, говоритъ онъ (стр. 65),—„то еще древнѣе скиновъ—предки славянъ и нѣмцевъ—обожали Аполлона-Солнце“. Отчего не повѣрить въ этомъ отцу исторіи? Но труднѣе повѣрить г. Соколову, что скины были предками славянъ и нѣмцевъ. Затѣмъ приводятся всякія (давно извѣстныя) доказательства существованія обожанія солнца у языческихъ славянъ, при чемъ цитируется даже мнѣніе Ф. Эмина (автора Росс. Исторіи), что солнце было славяно-русскимъ богомъ изобилія (стр. 67). Вообще нельзя не отмѣтить, что авторъ накопилъ много всякаго матеріала и годнаго и негоднаго, но въ виду отсутствія порядка, разобраться въ этой грудѣ довольно затруднительно. Къ счастью, въ этой главѣ не было случая къ словопроизводствамъ, за что авторъ насъ въ изобиліи вознаграждаетъ въ слѣдующей главѣ, посвященной Хорсу. Такъ, уже въ

самомъ началѣ описывается, что Хорсъ имѣетъ цѣлую массу родственниковъ, таковы: Къртъ, дѣдъ Радигоста (извѣстный изъ такого чистаго источника какъ глоссы Вацерада), литовскій Гурво, египетскій Озирисъ, индѣйскій Хару и др. Небезинтереснымъ называется авторъ и мнѣніе Максимовича, что Хорсъ сроденъ съ греческимъ Ареемъ, индѣйскимъ Хари, египетскимъ Горосомъ, и что онъ былъ богомъ войны (стр. 87). Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія приводятся слѣдующіе вѣскіе аргументы: а) двойникъ Хорса, другой солнечный богъ славяно-русскаго народа, Яръ или Ярило также былъ въ одно и то же время и богомъ урожая, плодородія, и богомъ войны, битвъ съ врагами; б) въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ вѣщій князь Всеславъ вступаетъ въ состязаніе съ Хорсомъ, — а „извѣстно, что богатырь обыкновенно вызываетъ богатыря, удалецъ — удалца“ (стр. 88). Выше мы видѣли, какъ авторъ доказалъ, что Ярило былъ богомъ войны: второе же доказательство — такого же достоинства: такъ какъ князь Всеславъ отличался быстротой въ передвиженіи и перегонялъ, по поэтическому выраженію, солнце, то солнце было богомъ войны. Хорошъ же былъ богъ, котораго обѣхалъ князь Всеславъ! Продолжая строить мисологію на этимологіи, г. Соколовъ предпринимаетъ далѣе цѣлый рядъ операций съ словомъ Хорсъ: ~~хорсъ~~ по этому отъ того же корня происходятъ: крѣсь, воскресить, словенскій Крес — Ивановъ день (стр. 89), хоро-водъ (стр. 91), но и также близокъ въ ; отсюда „въ связи съ корнемъ гор (Хорсомъ) можно поставить названія весеннихъ игръ: „гору, гору—дубъ, гору, гору—пень“ (стр. 91). Далѣе, такъ какъ весеннія игры и хороводы имѣли любовное значеніе, то и неудивительно, что древне-русскій Хорсъ былъ богомъ любви и разврата. Факты языковѣдѣнія вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Отъ корня гор, гур (Хорса) происходятъ слова куга (нѣмецъ), куге — распутная женщина, сербск. и русск. курва, чешск. кугва“ (стр. 92). Конечно, зная филологическіе приемы г. Соколова, нельзя нисколько удивляться его сопоставленіямъ; но все же жалъ бѣднаго Хорса, котораго нравственность подвергается сомнѣнію только за то, что онъ имѣетъ несчастіе носить „фамилію“, нѣсколько напоминающую нѣкоторыя неприличныя слова. Гдѣ же тутъ справедливость! Едва ли Хорсъ утѣшится тѣмъ, что авторъ (на стр. 96) даетъ ему женскую половину, сербскую богиню (?) Хору, которую, тутъ же, кстати, отождествляетъ съ греческою Корой (Прозерпиной).

Въ 4-й главѣ сообщаются свѣдѣнія и изображенія автора о култѣ

Ярила, Коструба, Костромы. Первые—не новы, послѣднія—иногда весьма рискованнаго свойства, особенно по части словопроизводства. Названіе Ярило сближается съ санскр. *gavi*—солнце и съ не существующимъ словомъ *ga*—огонь, греч. *argós*—блистающій, бѣлый, а также съ греч. *ἔαρ*—весна и латинск. *ver* (стр. 97). Законы, управляющіе такими переходами звуковъ, составляютъ тайну автора. Въ такой же тайнѣ онъ хранитъ и тѣ законы, которые помогаютъ ему производить слово *дѣва* отъ глагола *дѣять*, *дѣлать* (стр. 105) и придавать *дѣвѣ* значеніе работницы. Изъ 5-й главы мы узнаемъ, что „божественное солнце, извѣстное намъ подъ именемъ Хорса или Ярила, является въ великорусскихъ былинахъ въ лицѣ богатыря Чурила, а въ малорусскихъ пѣсняхъ въ лицѣ волокиты Журила“ (стр. 119). Подвергнувъ строгой критикѣ мнѣнія другихъ ученыхъ о богатырѣ Чурилѣ Пленковичѣ, авторъ говоритъ: „Сравнивая наше мнѣніе о Чурилѣ съ вышеупомянутыми, замѣтимъ, что мы не допускаемъ никакой связи между Чурилою и какимъ-нибудь бояриномъ (Чурило, Джурило, Чюрина) и считаемъ его только божествомъ“ (стр. 123). Чтобы доказать божественность Чурила, авторъ беретъ изъ галицко-малорусской пѣсни имя Журило, которое, по его мнѣнію, ни на чемъ впрочемъ не основанному, оказывается древнѣе, чѣмъ Чурило, и затѣмъ сопоставляетъ Журила съ Ярилою: „Нельзя не замѣтить“, говоритъ онъ (стр. 134),—„что самыя имена Журило, Ярѣ, Ярило фонетически почти тождественны. Имя Журило произошло изъ Ярила посредствомъ придыханія *ж*, какъ это случается и съ другими словами, наиримѣръ: гукать (звать, кричать)=жугукать, жу-гакать; пѣть=жупѣть. Посредствующею ступенью между Яриломъ и Журиломъ можетъ быть также литовскій *Gurko* (Гурко), богъ урожая хлѣба. Въ литовскомъ Гурко очевидно (*sic!*) является тотъ же Ярѣ или Ярило съ придыханіемъ *г*, какъ и въ словахъ: острый=гострый (малорусск.); сударь, осударь=государь; вѣдунъ=говѣдунъ (области); но звукъ *г* легко переходитъ въ *ж*, и такимъ путемъ изъ Гурко могъ образоваться Журило“. Весь комизмъ въ появленіи на сцену этихъ необыкновенныхъ „придыхательныхъ“ *г* и *ж* заключается въ томъ, что волшебный жезлъ, вызывающій ихъ появленіе, размахивается иногда лишній разъ: такъ, немного выше авторъ сопоставлялъ Хорса съ Гурко, очевидно—считая *х* и *г* равно принадлежащими корню (сравн. его же сближеніе Гурко и Хорса съ горѣть); а теперь тотъ же *х* въ имени Гурко оказывается „придыханіемъ“, ибо Гурко сопоставляется съ Яромъ! Однако на этомъ не останавливаются фонети-

ческие эксперименты автора, который упрекалъ миеологовъ въ томъ, что „они руководятся одними созвучіями“ (стр. 167). Журило сводится къ корню гор- жар-, а отъ того же корня происходитъ цѣлый выводокъ интересныхъ словъ въ разныхъ языкахъ: лат. herba, gergmel, нѣмец. gras, англ. grow, а также названія птицъ: греч. géranos, русс. журавль, и звѣрей: англ. hare—заяць, horse—конь и т. д. (стр. 136). Отсюда изумительный и любопытнѣйшій для нашей миеологии выводъ: „Изъ разбора корней гар- жар- и словъ, отъ нихъ происшедшихъ, очевидно (!), что Журило имѣетъ связь съ ростомъ злаковъ и травъ, а также возбуждаетъ дѣятельность, силы птицъ и вообще животныхъ“. Вотъ какую массу драгоценныхъ фактовъ можете открыть „чутье“ миеолога, „стоящаго на высотѣ своего призванія“!

Кажется, однако, что мы уже достаточно познакомили читателя съ методомъ и приемами г. Соколова, и потому можемъ оставить безъ рассмотрѣнія дальнѣйшія главы, содержащія въ себѣ такіе же открытія. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что ваши миеологи-любители ничего не позабыли и ничему не научились. Они все еще, подобно Чулкову, Кайсарову и друг., полагаютъ свое самолюбіе въ томъ, чтобы насаждать на славянскій Олимпъ побольше боговъ и богинь, и забавляются дѣтскими словопроизводствами, считая эти упражненія научнымъ занятіемъ. Будемъ надѣяться, что серьезное преподаваніе сравнительнаго языковѣдѣнія на историко-филологическихъ факультетахъ сдѣлаетъ въ ближайшемъ будущемъ невозможнымъ появленіе „словопроизводствъ“ въ родѣ тѣхъ, которыя мы отмѣтили въ книгѣ г. Соколова.

Всем. Миллеръ.

Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею А. С. Гадискаго. Томъ VII. Нижній-Новгородъ. 1887.

Трудолюбивый секретарь Нижегородскаго статистическаго комитета А. С. Гадискій съ давнихъ поръ издаетъ, по временамъ, отдѣльные томы Нижегородскаго Сборника, живой интересъ которыхъ для лицъ, занимающихся изученіемъ нашего отечества, слишкомъ извѣстенъ, чтобы о немъ распространяться.

Лежащій передъ нами VII томъ этого Сборника весьма любопытенъ по своему содержанію, при чемъ однако по характеру за-

ключающихся въ немъ свѣдѣній значительно отличается отъ предшествовавшихъ ему томовъ, и это по слѣдующей причинѣ. Еще въ 1877 году образованная при министерствѣ финансовъ коммиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи предложила г. Гацискому организовать работы по изслѣдованію кустарныхъ промысловъ въ Нижегородской губерніи. Г. Гацискій горячо принялся за дѣло, и въ настоящее время, благодаря самоотверженнымъ трудамъ его непосредственныхъ сотрудниковъ, всѣ изслѣдованія кустарной промышленности по Нижегородской губерніи окончены: результатовъ ихъ и является VI томъ Нижегородскаго Сборника, посвященный исключительно кустарной промышленности Нижегородскаго уѣзда; вѣроятно, въ непродолжительномъ времени появятся въ свѣтъ описанія этой отрасли народнаго труда и по другимъ уѣздамъ той же губерніи.

Въ настоящей замѣткѣ мы не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльных видовъ кустарной промышленности Нижегородскаго уѣзда — ихъ около двадцати восьми различныхъ производствъ; скажемъ только, что о каждомъ промыслѣ сообщаются общія характеристики промысла и его исторія, а также экономическія условія данной мѣстности; затѣмъ говорится о необходимыхъ матеріалахъ промысла, о его производствѣ, о готовыхъ издѣліяхъ и о сбытѣ ихъ, а также о санитарныхъ и культурныхъ условіяхъ того или другаго промысла. Изъ этихъ очерковъ обнаруживается, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ переработка льна въ пряжу и ткани является всего болѣе распространеннымъ промысломъ, и что никакой другой промыселъ не имѣетъ здѣсь такого домашняго, чисто семейнаго характера и не занимаетъ собой столько рабочихъ женскихъ рукъ; ею занимается большая часть женскаго населенія уѣзда. При этомъ однако авторъ изслѣдованія объ этомъ промыслѣ заявляетъ (стр. 51), что переработка льна въ пряжу и ткани едва ли продержится и сто лѣтъ: съ такою быстротой жизнь идетъ впередъ, и за то удешевляется, черезъ раздѣленіе труда, конкурентъ холста, — хлопчато-бумажная ткань (стр. 51). Вѣтъ можетъ, это пророчество и сбудется, но въ подтвержденіе его не мѣшало бы указать хотя на то, что это производство льна и переработка его въ пряжу и ткани повсѣмному и постепенно уменьшается. Между тѣмъ въ статьѣ г. Маравина никакихъ данныхъ о томъ не встрѣчается, и потому намъ кажется, что и предположеніе его о прекращеніи сего производства черезъ сто лѣтъ не имѣетъ твердаго основанія за собою. Матеріаломъ, изъ котораго придутся нитки, а затѣмъ ткутъ

ткани, служить лентъ, добываемый крестьяниномъ самимъ изъ отведеннаго ему надѣла. Матеріалъ этотъ, если не считать трудъ крестьянина, ничего ему не стоитъ, а потому и пряжа, и ткань изъ льна особой статьи расхода для него не составляютъ, тогда какъ всякій хлопчато-бумажный продуктъ является прямымъ для него расходомъ; чтобы приобрести его, крестьянинъ долженъ сперва что-нибудь продать изъ своего хозяйства и добыть деньги для приобретения хлопчато-бумажной ткани, какъ бы дешева она не была. А всѣмъ извѣстно, что въ хозяйствѣ крестьянина самое дорогое и рѣдкое это деньги, безъ которыхъ купить что-либо очень трудно. Вотъ почему и существуетъ по деревнямъ рядъ промысловъ, которые давнымъ давно должны были бы исчезнуть, если бы только у крестьянина были всегда необходимы деньги. Такъ, напримѣръ, онъ давно пересталъ бы носить лапти, еслибъ имѣлъ возможность купить сапоги, а между тѣмъ мы видимъ, что приготовленіемъ лаптей на продажу (независимо отъ того, что ихъ умѣетъ плести едва ли не всякій крестьянинъ), въ одномъ Нижегородскомъ уѣздѣ занимаются нѣсколько селеній и сплетаютъ въ годъ до 147,000 паръ на продажу (тр. 333). Правда, цѣна лаптямъ чуть не грошъ; за сотню плата—отъ четырехъ до семи рублей, но ихъ все-таки выдѣлываютъ, а скупщики отправляютъ ихъ и въ Москву, и въ Ростовъ-на-Дону. Почему же этотъ лапотъ держится? Потому, что онъ крайне дешевъ. Хотя вздорожаніе льна, съ одной стороны, и распространеніе кожаннаго и валяннаго сапога—съ другой, значительно сокращаютъ производство лаптей, но оно продолжаетъ однако существовать за недостаткомъ другихъ, болѣе выгодныхъ занятій и за недостаткомъ средствъ приступить къ симъ послѣднимъ. Грошевый размѣръ основнаго и оборотнаго капитала у лапотника, а также неохота сидѣть безъ дѣла въ долгую зимнюю и осеннюю пору, безъ сомнѣнія, еще долго будутъ заставлятъ однихъ плести лапти, а другихъ носить ихъ.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія читателей еще на одну очень печальную сторону кустарныхъ производствъ, противъ которой желательно было бы въ возможно скорѣйшемъ времени принять дѣйствительныя мѣры. Мы разумѣемъ страшную зависимость кустарей отъ скупщиковъ; зависимость эта доходитъ до невѣроятнаго. Такъ, напримѣръ, въ бондарномъ промыслѣ большая часть заработка бондаря поглощается скупщиками и заказчиками, что видно изъ слѣдующаго: бондарь сдаетъ боченокъ въ четверть ведра заказчику или хозяевамъ по 10—12 копѣекъ за штуку, а заказчикъ предоставляет

эти же самые боченки въ Нижній-Новгородъ по 25 копѣекъ, то-есть, беретъ прибыли съ боченка отъ 15 до 13 копѣекъ. Въ другихъ кустарныхъ промыслахъ, какъ-то столярномъ, или занимающимся выдѣлкой мѣдной проволоки для мѣдныхъ полотентъ, тканьемъ мѣдныхъ и желѣзныхъ полотентъ, вытачиваніемъ желѣзной проволоки для крупныхъ рыбныхъ крючковъ, удъ, петель и цѣпей, а также приготовленіемъ ситъ, рѣшетъ и цѣдилъ для молока, эта зависимость еще хуже: бѣдные кустари работаютъ совсѣмъ задаромъ. Но съ частностями этихъ вопросовъ предоставляемъ читателямъ самимъ познакомиться въ любопытныхъ изслѣдованіяхъ, помѣщенныхъ въ VII томѣ Нижегородскаго Сборника.

И. И.—въ.

Книжныя новости.

50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и правитческій источникъ русскаго брачнаго права. А. Павлова. М.—Этотъ новый трудъ нашего извѣстнаго канониста, профессора Московскаго университета, посвященъ изученію весьма важнаго источника русскаго брачнаго права, именно 50-й главы Кормчей книги. Къ своему изслѣдованію А. С. Павловъ приступилъ еще въ 1870-хъ годахъ. Появленіе въ 1880 году сочиненія профессора М. И. Горчакова „О тайнѣ супружества“, въ которомъ онъ рассматривалъ происхождение, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы Кормчей, вызвало со стороны профессора Павлова цѣлый рядъ статей, печатавшихся въ Христіанскомъ чтеніи за 1882—1886 годы. Статьи эти впоследствии были передѣланы и дополнены авторомъ, съ значительнымъ сокращеніемъ критическаго элемента въ пользу положительнаго, и въ настоящее время изданы особою книгою, заглавіе которой выписано выше. Къ изслѣдованію присоединены «приложенія»; въ Христіанскомъ чтеніи они не были напечатаны. Предварительныя работы надъ источниками русскаго каноническаго права, съ цѣлью опредѣлить ихъ относительное достоинство и указать, на сколько содержится въ нихъ дѣйствующее право, или такое, которое должно быть признаваемо дѣйствующимъ, являются дѣломъ весьма важнымъ, въ особенности, когда они исполнены съ такимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью, какъ трудъ А. С. Павлова. Безъ исполненія подобныхъ работъ не возможны ни построеніе полной научно-догматической системы русскаго каноническаго права (которой мы до сихъ поръ не имѣемъ), ни кодификація этого права, столь настоятельно необходимая. Первая глава изслѣдованія проф. Павлова посвящена опредѣленію и разсмотрѣнію источниковъ 50-й главы Кормчей, а вторая и третья—историко-каноническому ея анализу. Происхожденіе составныхъ частей 50-й главы Кормчей изъ источниковъ, не имѣющихъ для Русской церкви законодательнаго авторитета, не можетъ однако служить предосужденіемъ ея каноническому достоинству. Статья католическаго ритуала

de sacramento matrimonii (источникъ первой части 50-й главы) была принята Петромъ Могилею въ его Требникѣ съ значительными перемѣнами по смыслу православнаго догматическаго ученія о бракѣ и по требованію современной практики русскаго брачнаго права. Равноѣрно и сочиненіе хартофилакса Константинопольской церкви Мануила Ксаневянина о родствѣ, какъ препятствіи къ браку, въ печатномъ изданіи (1-е изд. 1564 года), сдѣланномъ священникомъ Захаріею Скордиіемъ (прямой источникъ второй части 50-й главы), послужило для Петра Могилы только матеріаломъ, которымъ онъ воспользовался вполне свободно для составленія своего руководства мѣстному духовенству при совершеніи браковъ. Всероссійскіе патріархи, принимая статью кievскаго Требника въ Кормчую, въ свой чередъ сдѣлали въ обѣихъ ея частяхъ нѣкоторыя поправки, сокращенія и приспособленія къ особенностямъ мѣстной церковной практики. Только въ такомъ видѣ и только въ значеніи законодательнаго акта русской церковной власти 50-я глава сдѣлалась у насъ однимъ изъ важнѣйшихъ для практики источниковъ брачнаго права. Источникъ этотъ вполне заслуживалъ то уваженіе, которое оказывало ему наша іерархія въ теченіе почти полутора столѣтій: въ 50-й главѣ не заключалось ничего несогласнаго съ коренными и неизмѣнными нормами православнаго брачнаго права, содержащимися въ законодательствѣ Вселенской церкви; она имѣетъ безспорныя преимущества полноты и ясности сравнительно съ другими статьями о бракахъ, принятыми (и не принятыми) въ печатную Кормчую; 50-я глава содержитъ въ себѣ нѣсколько новыхъ и весьма важныхъ предписаній, частью вовсе неизвѣстныхъ прежнимъ источникамъ нашего брачнаго права (именно: правило о публичномъ троекратномъ оглашеніи предстоящаго брака и правило, требующее, чтобы брачующіеся лица знали начатки христіанской вѣры), частью такихъ, которыя служили для практики необходимымъ дополненіемъ и разъясненіемъ того, чтó содержалось въ этихъ источникахъ; какъ практическое же руководство къ точному опредѣленію степеней родства и свойства, запрещенныхъ для брака, она стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ прежнихъ руководствъ, употреблявшихся въ Русской и въ самой Греческой церкви до XVI в.; у насъ и до сихъ поръ нѣтъ другаго, по крайней мѣрѣ officialнаго, руководства, которое, по ясности и полнотѣ росписей родства и свойства (въ особенности послѣдняго), можно было бы поставить на одну линію съ 50-ю главою Кормчей. Въ нашемъ позднѣйшемъ церковномъ законодательствѣ и практикѣ по вопросу о степеняхъ родства и свойства, препятствующихъ браку, замѣчались и теперь продолжаются различныя колебанія; ослабивъ обязательную силу византійскихъ церковныхъ законовъ, изложенныхъ въ 50-й и 51-й главахъ Кормчей, наше церковное законодательство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уклонилось и отъ тѣхъ нормъ православнаго брачнаго права, которыя содержатся въ канонахъ Вселенской церкви. Произведенный А. С. Павловымъ обстоятельный разборъ нашего позднѣйшаго церковнаго законодательства и синодальной практики по брачному праву имѣетъ несомнѣнную практическую важность, и выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи, составляющіе весьма цѣнный вкладъ въ нашу каноническую литературу, ясно указываютъ тотъ путь, котораго они должны держаться въ отношеніи къ данному вопросу. Приложенія къ изслѣдованію (числомъ восемь) занимаютъ вторую половину книги (стр. 229—452); изъ нихъ особенное вниманіе должно обратить на: 1) образцово изданный текстъ 50-й главы Кормчей параллельно съ ея источниками; 2) греческій подлинникъ (по рукописи XIII—XIV вѣка) росписи степеней родства и свой-

ства, въ которыхъ бракъ запрещенъ или дозволенъ, составленной неизвестнымъ авторомъ около половины XI вѣка (такъ-называемая роспись „Раднѣ-Сялнръ“, которая, будучи переведена на славянскій языкъ въ началѣ XIII вѣка, до печатнаго изданія Коричей служила у насъ главнымъ руководствомъ для счета степеней родства и свойства); какъ это, такъ и послѣдующія приложения (№№ III—VII), впервые изданы теперь А. С. Павловымъ; 3) мнѣніе митрополита Ефесскаго Данила, по прозванію Спана (конца XV вѣка), о бракѣ между сыномъ крестника и внукомъ крестнаго отца (греческій текстъ, изданный по рукописи Оксфордской Водлеевой библіотеки); 4) трактатъ о порядкѣ и условіяхъ совершенія брака, составленный отъ лица св. синода С.-Петербургскимъ архіепископомъ Гавріиломъ Кременецкимъ вслѣдствіе указа императрицы Екатерины II отъ 6-го іюня 1765 года объ изданіи въ народъ общедоступной книжки, въ которой бы, между прочимъ, содержалось „увѣдомленіе, въ какомъ именно свойствѣ (то-есть, родствѣ вообще) бракосочетанію быть запрещается по правиламъ церковнымъ“; въ этомъ трактатѣ сдѣлано довольно значительное сокращеніе препятствій къ браку, выводимыхъ въ 50-й главѣ Коричей изъ понятія о различныхъ видахъ родства; 5) предписанія къ предупрежденію злоупотребленій при совершеніи супружескаго таинства, составленные въ св. синодѣ между 1779 и 1787 гг., и 6) „сводъ рѣшеній св. синода, послѣдовавшихъ по дѣламъ о бракахъ, совершившихся въ различныхъ сродствахъ“—трудъ Кіевского митрополита Евгенія Болховитина.

Викентій Лаурео, Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574—1578 и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику Римской курии въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ по отношенію къ Польшѣ, Франціи, Австріи и Россіи, собранныя въ тайномъ Ватиканскомъ архивѣ и изданныя *Федоромъ Вержбовскимъ*. Варшава.—Новый трудъ профессора Варшавскаго университета Вержбовскаго представляетъ драгоценный вкладъ въ исторію Польши 70-хъ годовъ XVI вѣка. Даровитый нунцій папы Григорія XIII былъ дѣятельнымъ представителемъ политики Римской курии въ Польшѣ въ то время, когда главною цѣлью этой политики было проведеніе постановленій Тридентскаго собора въ церковную жизнь католическихъ государствъ. Дѣятельность В. Лаурео въ Польшѣ была очень успѣшна въ этомъ направленіи; вмѣстѣ съ тѣмъ ему удалось подорвать значеніе такъ-называемой Варшавской конфедераціи, которою обезпеченъ былъ религіозный миръ въ Рѣчн Посполитой и всѣмъ диссидентамъ предоставлена была свобода совѣсти. Такимъ образомъ, дѣятельность Лаурео проложила широкій путь католической реакціи, развитіе которой характеризуетъ жизнь Польскаго государства, начиная съ конца XVI вѣка, и которая была, безъ сомнѣнія, однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ паденіи его независимости. Написанныя человекомъ, близкимъ къ событіямъ и притомъ очень наблюдательнымъ, донесенія В. Лаурео содержатъ въ себѣ очень богатый запасъ свѣдѣній о польскихъ событіяхъ и отношеніяхъ въ періодъ съ 1574 по 1578 годъ. Лаурео обладалъ литературнымъ талантомъ, и его донесенія, написанныя на итальянскомъ языкѣ, читаются съ большимъ интересомъ.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. IV (1739—1741). С.-Пб.—Настоящій томъ „Матеріаловъ“ изданъ по той же системѣ, что предшествующіе, и столь же богатъ разнообразными данными для исторіи нашего про-

свѣщенія. Помѣщенные здѣсь документы доходятъ до первыхъ мѣсяцевъ царствованія императрицы Елисаветы. Приложенные къ тому портреты изображаютъ: одинъ—президента фонъ-Бреверна, а другой—проф. Рихмана. Продолжаемъ думать, что присоединеніе подробнаго оглавленія и особенно указателя личныхъ именъ къ каждому тому „Матеріаловъ“ значительно облегчило бы пользованіе этимъ во всякомъ случаѣ драгоценнымъ сборникомъ.

Е. С. Шумиорскій. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. С.-Пб.—Какъ извѣстно, новѣйшіе историки русской литературы приходятъ къ заключенію, что императрица Екатерина II, давъ первый толчокъ сатирической журналистикѣ 1769—1774 гг. изданіемъ *Всякой Всячины*, вскорѣ стала относиться неблагопріятно къ этому литературному движенію. Авторъ вышеозначенной брошюры не соглашается съ такимъ взглядомъ и, подвергая очень обстоятельному анализу журнальную полемику 1769—1774 гг. и сопоставляя ее съ мнѣніями, которыми высказывала Екатерина позже въ *Собесѣдникѣ* любителей русскаго слова, приходитъ къ заключенію, что державная писательница всегда оставалась вѣрна разъ принятому изначала направленію. Доводы г. Шумиорскаго изложены очень убѣдительно и должны быть приняты во вниманіе послѣдующими исследователями.

Жизніе преподобнаго Варлаама Вадескаго. Изданіе древняго рукописнаго житія съ предисловіемъ *А. Григоровича*. М.—Пр. Варлаамъ Вадескій или Шенкурскій жилъ въ XV в. Онъ принадлежалъ къ новгородскому боярскому роду Своеемцовыхъ, которые были обладателями и русскими колонизаторами Заволочья. Въ мірѣ преп. Варлаамъ носилъ имя Василія и въ первой половинѣ XV в. былъ посадникомъ въ Новгородѣ. Въ 1444 г. онъ основалъ на Вагѣ иноческую обитель имени евангелиста Іоанна, куда и удалился впоследствии, и гдѣ кончилъ жизнь. Любопытное житіе его сохранилось въ рукописи Троицкой Сергіевой Лавры, XVI в., подъ названіемъ *Соборникъ*, мѣсяцъ іюнь; нынѣ оно издано по списку съ этой рукописи, изготовленному подъ наблюденіемъ покойнаго А. В. Горскаго.

Автобиографія Платона, митрополита Московскаго. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *С. К. Смирнова*. М.—Это новое изданіе автобіографіи знаменитаго московскаго іерарха, сдѣланное по рукописи самого Платона, хранящейся въ ризницѣ Троицкой Сергіевой лавры, существенно пополняетъ и исправляетъ прежнія ея изданія.

А. А. Титовъ. Ростовская и Ярославская Старина. Вып. I. Ярославль.—Подъ этимъ заглавіемъ г. Титовъ предпринялъ изданіе разныхъ мелкихъ историческихъ документовъ о Ярославскомъ и Ростовскомъ краяхъ, которые составляютъ предметъ его постоянного изученія. Помѣщенные въ I-мъ выпускѣ матеріалы относятся большею частью къ мѣстной церковной жизни въ XVIII вѣкѣ.

Краткое описаніе древняго (XII—XIII вѣка) знаменитаго ирмолога, принадлежащаго Воскресенскому, „Новый Іерусалимъ“ именуемому, монастырю. *Ст. В. Смоленскаго*. Казань.—Описанная въ этой брошюрѣ рукопись есть древнѣйшій изъ сохранившихся до насъ русскихъ ирмологовъ. Авторъ описанія, занимаясь исторіей русскаго знаменитаго пѣвческаго письма, считъ полезнымъ под-

вернуть тщательному изслѣдованію этотъ памятникъ, столь значительный въ области его изученій. Трудъ г. Смоленскаго, снабженный очень хорошо исполненными снимками, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе лицъ, интересующихся древне-русскимъ церковнымъ пѣніемъ.

МАТЕРІАЛЫ для исторіи Императорскаго Общества исторіи и древностей российскихъ. Перениска гг. дѣйствительныхъ членовъ общества. Сообщена А. А. Тимонинъ. М.—„Матеріалы“ эти, извлеченные изъ Чтеній 1887 г., содержатъ въ себѣ письма протоіерея М. Діева къ И. М. Снегиреву (1830—1857) и письма къ О. М. Бодянскому отъ М. А. Максимовича (1838—1873), Н. Н. Мурашевскаго (1838—1866) и П. А. Лавровскаго (1851—1876). Какъ самыя письма, такъ и приложенныя къ нимъ біографическіе очерки писавшихъ ихъ, заключаютъ въ себѣ много важныхъ данныхъ для исторіи нашей учено-литературной жизни означеннаго времени. Нельзя однако не замѣтить, что обнародованіе частной переписки, относящейся къ недавнему прошлому, требуетъ большей осторожности, чѣмъ это сдѣлано въ настоящемъ случаѣ.

А. С. Гачискій. Люди Нижегородскаго Поволжья. Біографическіе очерки. Кн. I. Н.-Новгородъ.—Г. Гачискій предпринялъ составить рядъ біографическихъ очерковъ тѣхъ замѣчательныхъ русскихъ людей, которые были уроженцами Нижегородскаго края, или хотя и родились въ другихъ предѣлахъ, но дѣйствовали въ немъ; сюда же предполагается внести очерки жизни и тѣхъ иностранныхъ путешественниковъ, которые посѣщали и описывали Нижегородское Поволжье. Мысль очень удачная и заслуживающая подражанія въ другихъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Въ первой книжкѣ своего любопытнаго сборника г. Гачискій помѣстилъ біографіи музыканта-любителя А. Д. Улыбышева, статистика Е. К. Огородникова, живописца А. В. Ступина, актрисы Л. П. Косицкой и нижегородскаго городского головы Ф. П. Переплетчикова. Сверхъ того, помѣщены некрологи скончавшихся въ 1886 г. нижегородскихъ дѣятелей: М. Б. Прутченка, А. А. Одицова и Н. И. Русинова. Всѣ эти статьи интересны по содержанію и изложены очень живо.

Библиотека Владимира Владимировича Голубцова, въ селѣ Александровскомъ, Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи. Составилъ А. А. Дмитриевъ. Пермь.

Божественная литургія святаго Іоанна Златоуста. С.-Пб. (на литовскомъ языкѣ).

Спутникъ православнаго поклонника въ Святую землю. 2-й выпускъ. Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества С.-Пб.

Дѣсятилѣтіе Минусинскаго музея. 1877—1887. Составлено по порученію комитета музея. Томскъ.

Памятники древней письменности и искусства, издаваемые Обществомъ любителей древней письменности: Выпускъ LXVIII. Смутное время и Московско-Польская война отъ появленія перваго Самозванца изъ Польши въ 1604 году до Деулинскаго перемирія 1618 года. Изъ славянскаго перевода хроника Перемышльскаго бискупа Павла Пясецкаго сообщилъ архимандритъ Леонидъ.—Выпускъ LXIX. Житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго. Написано государынею императрицею Екатериною Второю. Сообщилъ П. И. Бартенева.

ЖЕНСКІЯ ГИМНАЗІИ ВЪ ГЕРМАНИИ ¹⁾.

(Die höhere Mädchenschule).

5-го октября 1886 года состоялось въ Берлинѣ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ высшихъ чиновъ министерства, десятое собраніе нѣмецкихъ педагоговъ по женскому образованію для обсужденія составленнаго въ 1886 г. нормальнаго учебнаго плана берлинскихъ женскихъ гимназій ²⁾. На это собраніе прибыли не только представители прусскихъ высшихъ женскихъ училищъ, но и директора высшихъ женскихъ училищъ почти изъ всѣхъ меньшихъ германскихъ государствъ, за исключеніемъ Баваріи, и даже нѣкоторые оберъ-шультраты. Директоръ Ольденбургскаго высшаго женскаго училища Вёбкенъ (Wöbken) объяснилъ прибытіе на это собраніе многихъ непрусскихъ директоровъ тѣмъ, что всѣ меньшія германскія государства до такой степени тяготеютъ къ Пруссіи, что всякая перемѣна въ ея государственныхъ учрежденіяхъ не можетъ остаться безъ вліянія на другія государства Германіи. По избраніи предсѣдателемъ собранія ректора Штутгартскаго высшаго женскаго училища д-ра Геллера, министръ народнаго просвѣщенія докторъ Госслеръ открылъ собраніе слѣдующею рѣчью:

„Мнѣ въ высшей степени пріятно, что мои служебныя обязанности позволили мнѣ привѣтствовать васъ сегодня утромъ, при блескѣ сѣвернаго солнца въ столицѣ имперіи. Мнѣ нѣтъ надобности говорить

¹⁾ См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ Свѣдѣнія объ этомъ собраніи заимствованы изъ „Verhandlungen der zehnten Hauptversammlung des Deutschen Vereins für das höhere Mädchenschulwesen“, въ *Zeitschrift für weibl. Bildung* 1886 г. 11—12 Heft.

здѣсь объ интересѣ, съ какимъ я, по своему положенію, долженъ обращать вниманіе на всѣ вѣтви народнаго просвѣщенія; но я особенно чувствую въ настоящую минуту потребность и желаніе выразить вамъ мое сочувствіе и глубокое уваженіе. Я ознакомился съ вашими желаніями и стремленіями; изъ протоколовъ вашихъ собраній я старался составить себѣ понятіе не только о вопросахъ, составляющихъ предметъ вашихъ занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о способѣ, при помощи котораго вы пришли къ такому, а не другому рѣшенію. Чѣмъ болѣе вопросы относительно воспитанія и обученія выступаютъ на очередь дня, тѣмъ болѣе необходимо имѣть передъ глазами точно обозначенные предѣлы, чтобъ избѣжать скачковъ къ невозможному. Въ вопросахъ касательно воспитанія и обученія весьма легко впадать въ невѣрные обобщенія на основаніи частныхъ случаевъ и единичныхъ опытовъ. Рѣдкая газета не беретелѣ рѣшать съ плеча самыя трудныя педагогическія вопросы. Намъ можетъ утѣшить то, что черное сегодня можетъ показаться бѣлымъ завтра. Я радуюсь, что вы избрали золотую средину между крайностями взглядовъ на женское воспитаніе и образованіе. Эти крайности я нахожу преимущественно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, есть еще много мужчинъ и женщинъ, для которыхъ не вполне ясно, что дѣвушкамъ слѣдуетъ давать не только нравственное, но и интеллектуальное образованіе. Съ другой стороны, промышленныя отношенія сдѣлались до такой степени затруднительны, что вопросъ: „что будетъ съ нашими дочерьми?“ весьма сильно волнуетъ сердца родителей и друзей народа. При извѣстномъ шаблонномъ отношеніи къ дѣлу, весьма легко приходять къ тому, чтобы навязать дѣлу женскаго образованія то, что вовсе ему несвойственно: одинаковое обученіе съ мальчиками. Безъ сомнѣнія, принимая во вниманіе сущность нашего германскаго и христіанскаго міросозерцанія, мы должны утверждать, что женщина равноцѣнна (*gleichwertig*) мужчинамъ; но, съ другой стороны, мы не можемъ отрицать, что въ фیزیологическомъ отношеніи женщина имѣетъ совершенно иную организацію. Задача воспитанія разъ навсегда признать своеобразность обонхъ половъ. При этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, что дѣвушка посвящаетъ и можетъ посвящать школѣ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ мальчикъ: это основывается частью на природномъ различіи половъ, частью на укоренившемся обычаѣ. Основы, на которыхъ росла нѣмецкая женщина, мы должны передать послѣдующимъ поколѣніямъ не только не ослабленными, но если Богъ поможетъ, еще болѣе укрѣпленными. Нѣмецкая женщина,

хранительница всего истиннаго, христіанскаго, гуманнаго и идеальнаго, всегда будетъ хранительницею дома и семейства. Нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ даже такихъ людей, которые не были ни нѣмцами, ни христіанами—я имѣю въ виду Тацита и Наполеона,—которые говорили, что достоинство націи почитается на семействѣ, домѣ и женщинѣ. Мы должны стремиться къ тому, чтобы передать будущимъ поколѣніямъ не извращенными качества нѣмецкой женщины. Домъ и семья были и навсегда должны остаться сообразными съ природою кругомъ дѣятельности женщины; а потому занятіе науками и искусствами не должно быть разсматриваемо, какъ главная задача.

„Перехожу теперь къ учебному плану. Онъ задуманъ скромно. Не трудно о немъ говорить тѣмъ, которые не имѣютъ отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ. Но вы должны принять во вниманіе, на основаніи статистическихъ данныхъ, что женскія училища въ Пруссіи весьма разнообразны, а въ отдѣльныхъ провинціяхъ совершенно различны. Въ восточныхъ провинціяхъ преобладаютъ частныя училища. Ради денежнаго вопроса нужно оставить ихъ въ прежнемъ положеніи; въ Западной Пруссіи и Познани придется бороться съ оппозиціей городскихъ общинъ.

„Главная мысль учебнаго плана—гармоническое образованіе сердца и ума, характера и физическаго здоровья. По формѣ планъ приспособленъ къ берлинскимъ условіямъ. Во всякомъ случаѣ основныя положенія его цѣлесообразны.

„Указываютъ на вредъ относительно здоровья ученицъ. Поэтому школа должна всѣми силами стараться устранить все, что можетъ имъ вредить. Дѣвушкамъ недостаетъ движенія. Кромѣ хожденія въ училище и изъ училища, ученицы не имѣютъ никакихъ тѣлесныхъ упражненій. Если на здоровье дѣвушекъ обращаютъ вниманіе въ училищѣ, то на этотъ предметъ обратятъ вниманіе и дома, потому что школа есть воспитательница и семейства, и я считаю большимъ заблужденіемъ мнѣніе, что семья подаетъ руку школѣ.

„Чтобы имѣть время для тѣлесныхъ упражненій, мы увеличили время переминовъ и точно установили число уроковъ. Многіе родители наполняютъ неразумными занатіями внѣклассное время дѣтей. Поэтому училище не въ правѣ говорить, что забота о физическомъ развитіи принадлежитъ исключительно семейству; школа должна воспитывать рѣзвыхъ дѣтей и развивать въ нихъ любовь къ играмъ.

„Если въ учебномъ планѣ окажутся недостатки въ какомъ-либо

отношеніи, я прошу указать ихъ, нисколько не стѣсняясь. Я охотно соглашусь на всякія измѣненія, которыхъ потребуетъ ваша опытность и большее знакомство съ дѣломъ.

„Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія, что служебныя обязанности не позволяютъ мнѣ посвятить личному участию въ вашихъ нынѣшнихъ занятіяхъ столько времени, сколько я желалъ бы. Нѣмецкія дѣвушки суть благороднѣйшія созданія въ развитіи чело-вѣчества, и существо ихъ, какъ хранительницъ идеальныхъ національныхъ идей, должно быть сохранено нами, и будьте увѣрены, что будущее оцѣнитъ насъ за это по заслугамъ“:

Вслѣдствіе разрѣшенія министра высказывать откровенно мнѣнія относительно недостатковъ предлагаемаго учебнаго плана, нѣкоторые директора училищъ ¹⁾ прочли заранѣе приготовленные рефераты, по обсужденіи которыхъ собраніе признало требующими измѣненія, между прочимъ, слѣдующіе недостатки учебнаго плана: а) раздѣленіе училища на 9 классовъ вмѣсто 10; б) отсутствіе объяснительныхъ записокъ относительно преподаванія каждаго предмета; в) неопредѣленность въ обозначеніи нѣкоторыхъ необходимыхъ подробностей учебнаго матеріала и несоразмѣрность количества учебнаго матеріала, назначеннаго въ нѣкоторыхъ классахъ, съ силами учащихся.

Съ своей стороны прибавимъ, что въ новомъ прусскомъ учебномъ планѣ не упомянуто о чтеніи въ старшихъ классахъ произведеній классической древности въ переводѣ на отечественный языкъ, которое практикуется почти во всѣхъ нѣмецкихъ высшихъ женскихъ училищахъ, и объ исторіи искусства, преподаваемой уже въ баденскихъ, саксонскихъ и нѣкоторыхъ прусскихъ высшихъ женскихъ училищахъ.

Изложимъ теперь сущность замѣчаній, сдѣланныхъ на проектъ нормальнаго плана.

Учебный планъ дѣлитъ высшія женскія училища на 9 классовъ; такимъ образомъ, если исключить первые три класса, составляющіе элементарное отдѣленіе, высшія женскія училища должны состоять изъ 6 классовъ. Въ этомъ заключается, во-первыхъ, то неудобство, что для усвоенія назначеннаго учебнымъ планомъ учебнаго матеріала, ученицы должны быть чрезмѣрно обременены, какъ классными, такъ преимущественно домашними занятіями. Нельзя, напри-

¹⁾ Эльберфельдскій—Шористейнъ, Ольденбургскій—Вебкенъ, Дампигскій—Нейманъ, Крефельдскій—Бухнеръ, Брауншвейгскій—Зоммеръ.

мѣрь, не обременяя ученицъ, пройти въ одинъ годъ назначенный для 1-го класса отдѣлъ отечественной исторіи „отъ Карла Великаго до настоящаго времени“, принимая во вниманіе указанія Веймарскаго съѣзда 1872 года и Берлинской конференціи 1873 года, чтобы преподаваніе исторіи возбуждало интересъ въ ученицахъ, и чтобы оно могло имѣть на нихъ нравственное вліяніе. Директоръ Ольденбургскаго высшаго женскаго училища Вёбкенъ представилъ статистическія свѣдѣнія за послѣднія пять лѣтъ о числѣ ученицъ, оставленныхъ на второй годъ въ тѣхъ же классахъ въ нынѣ существующихъ девяти- и десяти-классныхъ высшихъ женскихъ училищахъ. Въ первыхъ число оставленныхъ составляетъ 12,5%, тогда какъ во вторыхъ 7,5%.

Въ элементарномъ отдѣленіи 9-ти кл.	8,5%	10-ти кл.	5%
„ среднемъ „	14%	„	9,5%
„ высшемъ „ „ „	14%	„ „	7,5%.

Вовторыхъ, поступая шести лѣтъ въ девятиклассное училище, большинство ученицъ окончить курсъ ученія 15 лѣтъ, когда дѣвушки только что начинаютъ выходить изъ переходнаго возраста, и когда только можно начинать съ ними болѣе или менѣе серьезныя занятія; потому что, напримѣръ, нѣкоторыя въ высшей степени полезныя и образовательныя произведенія отечественной и иностранныхъ литературъ, которыя возможно читать подъ руководствомъ учителя 16-ти и 17-ти лѣтнимъ ученицамъ, не доступны 14-ти и 15-ти лѣтнимъ. Кромѣ того, что будетъ дѣлать дома 15-ти-лѣтняя дѣвушка по выходѣ изъ училища? Будетъ то, что и теперь случается, что, для окончанія образованія, такихъ дѣвицъ отправляютъ въ иностранныя (бельгійскіе, швейцарскіе, англійскіе) или въ мѣстные французскіе пансіоны, гдѣ меньше всего будущія нѣмецкія матери могутъ проникнуться нѣмецкимъ духомъ.

Отсутствіе въ учебномъ планѣ объяснительныхъ записокъ (Erläuterungen und normative Bestimmungen der Gesichtspunkte, welche den Unterricht leiten sollen), подобныхъ тѣмъ, которыя сдѣланы правительствомъ 31-го марта 1882 года въ учебнымъ планамъ для мужскихъ гимназій, можетъ повлечь прискорбныя послѣдствія, принимая во вниманіе, съ одной стороны, различныя взгляды среди преподавателей на цѣли женскаго обученія, а съ другой—неопытность многихъ изъ нихъ въ этомъ дѣлѣ. Безъ объяснительныхъ записокъ не возможно достигнуть необходимаго единства въ дѣлѣ женскаго воспитанія и обученія, въ главныхъ и существенныхъ сторонахъ этого

дѣла; потому что, по словамъ директора Шорнштейна, въ такомъ случаѣ могутъ свободно практиковаться или eine einseitige, gelehrte Wissenschaftlichkeit des Unterrichtes, не обращающая вниманія на особенности духовной природы женщины и на ея назначеніе, или же невольныя ошибки, вытекающія изъ недостатка педагогической опытности, а нерѣдко и умышленное уклоненіе отъ задачи и цѣли высшаго женскаго училища, вслѣдствіе желанія приобрести одобреніе публики казущимися успѣхами (Scheinbildung). Простое перечисленіе подробностей учебнаго матеріала мало имѣетъ значенія даже въ количественномъ отношеніи, не говоря уже о качественномъ. Еще не всѣми директорами, учителями и учительницами признается несомнѣнною истиной, что обученіе въ высшемъ женскомъ училищѣ должно имѣть воспитательное значеніе, eine innere Einheit der Erkenntnis und des Gemüthslebens bezwecken soll, что его задача въ направленіи ума и сердца учащихся къ благородному, нравственно-религіозному міросозерцанію и идеальному настроенію и къ пониманію идеальныхъ и реальныхъ задачъ жизни женщины, что такъ наглядно высказано въ рѣчи министра. Все это должно быть объяснено въ учебномъ планѣ, хотя бы такъ, какъ это сдѣлано въ учебномъ планѣ для баденскихъ высшихъ женскихъ училищъ.

Относительно подробностей учебнаго плана референтами указаны нѣкоторые существенные недостатки, требующіе болѣе обстоятельной редакціи. Такъ, въ учебномъ планѣ по нѣмецкому языку въ 6-мъ, 5-мъ и 4-мъ классахъ требуется: „Zuführung einer möglichst reichlichen Menge von Lesestoffen und litterarischen Anschauungen durch das Lesebuch“. По поводу этого пункта выражено желаніе, чтобы въ этомъ отношеніи было обращено вниманіе не столько на количество статей для чтенія, сколько на качество и надлежащую разработку ихъ въ классѣ, чтобы такимъ образомъ каждая прочитанная статья могла быть полезна для учащихся, какъ упражненіе въ языкѣ и по своему содержанію. А для этого нѣтъ надобности дѣлать въ учебномъ планѣ удареніе на möglichst reichliche Menge von Lesestoffen.—Для 2-го класса назначены: „болѣе трудныя дидактическія стихотворенія... и отрывки изъ драмъ“. Чтеніе отрывковъ изъ драмъ имѣетъ въ виду осужденное педагогіей для женскихъ училищъ ein Wissen von vielerlei Dingen, вмѣсто разумнаго усвоенія того, что даетъ цѣну чтенію образцоваго произведенія литературы, его внутренней связи и идеальнаго содержанія. Изученіе одного такого цѣлаго произведенія, какъ Wilhelm Tell, во 2-мъ классѣ было бы

гораздо полезнѣе, чѣмъ такъ-называемые „многіе отрывки изъ драмъ“ Для 1-го класса назначено „связное чтеніе Hermann und Dorotea и нѣкоторыхъ доступныхъ пониманію ученицъ классическихъ драмъ“. Въ неопредѣленности этого мѣста учебнаго плана заключается опасность своеобразнаго толкованія различными преподавателями, какія именно драматическія произведенія считать доступными пониманію учащихся и могущими имѣть образовательное значеніе. Какъ видно изъ отчетовъ разныхъ училищъ, взгляды на этотъ предметъ очень разнообразны. Поэтому въ учебномъ планѣ должны быть поименованы произведенія литературы (Schulausgabe), которыя должны быть прочитаны въ извѣстномъ классѣ. Референтъ, директоръ Шорнштейнъ, считаетъ достаточнымъ для 1-го и 2-го классовъ чтеніе слѣдующихъ драматическихъ произведеній: Лессинга „Minna“, Шиллера „Wilhelm Tell“ и „Die Jungfrau von Orleans“, Гёте „Iphigenie“, тѣмъ болѣе, что при этомъ требуется сообщеніе свѣдѣній изъ теоріи поэзіи, расширеніе грамматическихъ свѣдѣній и составленіе сочиненій на заданныя темы. По мнѣнію референта, обстоятельное изученіе этихъ произведеній дастъ ученицамъ возможность пріобрѣсть то, что онѣ могутъ получить отъ училища, интересъ къ самостоятельному толковому чтенію произведеній великихъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей ¹⁾.—Еще большая неопредѣленность въ учебномъ планѣ по исторіи отечественной литературы: „Aus der älteren Zeit nur Kenntniss von einigen Hauptsachen“. По мнѣнію референта, и въ этомъ отношеніи необходимы самыя точныя указанія въ учебномъ планѣ (dürfte solch ein Fingerzeig nicht überflüssig sein).

Я имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣсколькими высшими женскими училищами частію лично, частію по отчетамъ за 1884—1885 и 1885—1886 учебные годы, и вынесъ впечатлѣніе, что ни одинъ предметъ не преподается въ этихъ училищахъ такъ разнообразно, какъ исторія отечественной литературы, какъ относительно способа преподаванія этого предмета, такъ и относительно взгляда на дидактическую пригодность того или другаго произведенія литературы изъ избираемыхъ для класснаго и домашняго чтенія ученицъ, разнымъ образомъ и относительно числа часовъ, назначенныхъ на этотъ предметъ и распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ. Такъ,

¹⁾ При этомъ нѣкоторыми членами было предложено включить въ число произведеній для чтенія въ старшихъ классахъ „einige Gesänge“ Гомера, одну изъ трагедій Софокла и нѣкоторыя статьи Шиллера, какъ, напримѣръ, „О наивной и сентиментальной поэзіи“ и др.

напримѣръ, въ Берлинской Charlottenschule, въ Бреславльской Mädchenschule и въ Лейпцигской на отечественную литературу въ четырехъ старшихъ классахъ назначено 16 уроковъ, въ Данцигской Victoria-schule 18 уроковъ, въ Берлинской Victoria-schule въ 3-хъ классахъ 12 уроковъ, въ Бреславльской Töchterschule въ 2-хъ классахъ 7 уроковъ. Въ однихъ училищахъ исторія литературы преподается систематически въ двухъ послѣднихъ классахъ по извѣстному учебнику, и сообразно съ этимъ ученицы знакомятся и съ произведеніями отечественной литературы въ классѣ или дома. Теорія словесности преподается тоже по извѣстному руководству въ 3-мъ классѣ (Rumpelitz Grundzüge der Deutschen Litteraturgeschichte und Elemente der Poetik; въ другихъ Litteraturgeschichte im Anschluss an „Paldamus, Deutsches Lesebuch. Obere Stufe“). Въ нѣкоторыхъ училищахъ чтеніе литературныхъ образцовъ ведется независимо отъ преподаванія исторіи литературы, и даже руководить имъ особый преподаватель. При этомъ читаются не только произведенія отечественныхъ писателей, но и иностранныхъ (французскихъ, англійскихъ, древне-классическихъ) въ прекрасномъ нѣмецкомъ переводѣ, напримѣръ, Антигона въ переводѣ Доннера. На исторію же литературы назначено по одному уроку въ 4-мъ и 3-мъ кл. и по два во 2-мъ и 1-мъ. Въ 4 и 3 кл. преподаваніе ведется частью durch gemeinsame Lektüre, частью durch Vorlesen resp. Erzählen учителемъ средневѣковыхъ классическихъ стихотвореній (Die Sagenkreise der mittelalt. Dichtungen und das Nibelungenlied; Etwas aus nordischen Mythologie. Gudrun, Inhalt und einige Stellen des Parcival, einige Lieder Walther's von der Vogelweide). Во 2-мъ кл. краткій очеркъ исторіи литературы до Клопштока; Клопштокъ (unter Heranziehung der Dichter der Bremer Beiträge und des Hainbundes); все второе полугодіе проходитъ Шиллеръ in ausführlicher Weise.—Въ 1-мъ кл. Лессингъ (unter Anschluss der Halle'schen Dichter) и Гете (при этомъ значеніе Гердера въ нѣмецкой литературѣ, романтическая школа, die Freiheits Dichter и швабскіе поэты). Такимъ образомъ исторію литературы начинаютъ изучать дѣвочки съ 12-тилѣтняго возраста (4 кл.).

Въ другихъ училищахъ систематическому изученію исторіи литературы предшествуетъ ознакомленіе учащихся съ біографіями сперва писателей позднѣйшаго періода (Lebensbilder aus der Litteraturgeschichte der neueren Zeit), потомъ писателей средневѣковыхъ и изъ новыхъ—болѣе трудныхъ для учащихся, какъ, напримѣръ, Клопштока, Гердера, Гете и др., которые не вошли въ первый отдѣлъ. вмѣстѣ съ

этимъ читаются отрывки или цѣлыя произведенія соотвѣтственныхъ писателей. По этимъ отрывкамъ сообщаются, между прочимъ, свѣдѣнія изъ теоріи прозы и поэзіи выстѣ съ стилистикой и стихосложениемъ. Потомъ въ послѣднихъ двухъ классахъ проходитъ систематическій курсъ исторіи литературы (учебникъ: Kriebitzsch. Vorschule der Littraturgeschichte).

Въ нѣкоторыхъ училищахъ подготовка въ изученію исторіи отечественной литературы начинается чуть не съ перваго года средняго отдѣленія (Mittelstufe). Хрестоматія, избранная для чтенія въ этомъ отдѣленіи, заключаетъ въ себѣ только статейки, заимствованныя изъ сочиненій авторовъ, вошедшихъ въ программу курса исторіи литературы, и доступные и интересные дѣтямъ разказы изъ жизни этихъ писателей. Въ Oberstufe приступаютъ къ чтенію цѣлыхъ произведеній Лессинга, Гете и др., но преимущественно Шиллера, такъ что въ послѣднихъ двухъ классахъ преподаватель только приводитъ въ систему накопленный въ прежніе годы учебный матеріалъ. Но преподаваніе исторіи литературы не имѣетъ научнаго характера, а состоитъ только въ сообщеніи свѣдѣній, необходимыхъ для пониманія произведеній словесности и связи ихъ между собою и съ временемъ, когда жили авторы этихъ произведеній.

Что касается литературныхъ произведеній, избираемыхъ для чтенія въ классѣ и дома, то, кромѣ слѣдующихъ, признаваемыхъ почти во всѣхъ училищахъ вполне соотвѣтственными, какъ-то: „Hermann und Dorothea“ и „Ифигенія“, Лессинга „Minna von Barnhelm“ и Шиллера „Орлеанская дѣва“, „Валленштейнъ“, преимущественно „Смерть Валленштейна“, „Вильгельмъ Тель“, относительно которыхъ существуетъ несогласіе только касательно классовъ, въ которыхъ должны читаться эти произведенія,—во многихъ училищахъ читаются такіа произведенія, которыя въ другихъ признаются вовсе не подходящими для высшаго женскаго училища. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ училищахъ въ старшихъ двухъ классахъ читаются Лессинга „Nathan der Weise“, Шиллера „Braut von Messina“ и Гете „Tasso“ и др.; въ другихъ эти произведенія считаются совершенно непригодными для чтенія въ женскомъ училищѣ; потому что, напримѣръ, въ „Nathan der Weise“ идея произведенія и нѣкоторыя мѣста даютъ поводъ касаться такихъ вопросовъ, которые должны быть несомнѣнными для каждаго христіанина. „Мессинская невѣста“, по своему слишкомъ трагическому содержанию и по идеѣ, что посредствомъ самоубійства человѣкъ какъ будто становится выше судьбы, признается небезопасною преимущественно

для женской молодежи школьнаго возраста. „Торквато Тассо“ и по идеѣ, и по изложенію, признается недоступнымъ пониманію ученицъ даже выпускнаго класса. Едва ли найдетъ сочувствіе въ молодыхъ дѣвушкахъ и будетъ понята ими идея этого высокохудожественнаго произведенія — примиреніе внутренняго міра поэта и его творчества съ міромъ внѣшнимъ и идеальнаго міросозерданія съ реальными явленіями.

Въ этой краткой замѣткѣ, конечно, не исчерпаны всѣ разнообразныя оттѣнки способовъ преподаванія исторіи литературы и выбора литературныхъ произведеній для чтенія въ училищахъ. Во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе такое разнообразіе, становится вполне понятнымъ обращеніе преданныхъ своему дѣлу прусскихъ директоровъ съ просьбою къ министру объ изданіи правительствомъ обязательнаго для всѣхъ училищъ учебнаго плана, который заключалъ бы въ себѣ не только общія указанія, но и точно обозначенныя подробности касательно выбора и распредѣленія по классамъ учебнаго матеріала.

Менѣе, чѣмъ въ исторіи литературы, но все-таки замѣчается извѣстная неопредѣленность и въ учебномъ планѣ исторіи, особенно для двухъ старшихъ классовъ. При такомъ обозначеніи частей учебнаго матеріала можетъ получить полную свободу усмотрѣніе преподавателей, имѣющихъ возможность превратить преподаваніе исторіи въ *Vielwisserei* и обременить ученицъ чрезмѣрными домашними занятіями. Даже опытный и благомыслящій преподаватель задумается надъ составленіемъ программы занятій, прочитавъ въ учебномъ планѣ для 1-го класса: „von Karl dem grossen bis auf die Jetztzeit“ и т. п. Вообще относительно учебнаго плана исторіи собраніе выразило мнѣніе, что онъ также требуетъ существеннаго исправленія, и что было бы полезно начать ознакомленіе ученицъ съ историческимъ матеріаломъ не съ 4-го, а съ 6-го (нашего 2-го) класса. Учебная книга для чтенія могла бы послужить руководствомъ для сообщенія ученицамъ этого класса свѣдѣній изъ міняческаго и героическаго періодовъ греческой, римской и отечественной исторіи. Систематическій курсъ исторіи слѣдовало бы начать съ 5-го (нашего 3-го) класса. При этомъ членъ совѣта прусскаго министерства народнаго просвѣщенія д-ръ Шнейдеръ замѣтилъ, что при преподаваніи всѣхъ вообще предметовъ курса высшихъ женскихъ училищъ слѣдуетъ пользоваться преимущественно методомъ нагляднымъ; при преподаваніи же исторіи этотъ методъ въ особенности долженъ считаться самымъ

подходящимъ. Для болѣе удобнаго примѣненія этого метода слѣдуетъ, по его мнѣнію, историческій матеріалъ расположить концентрически на три курса, такъ чтобы въ каждомъ курсѣ помѣщенъ былъ только такой учебный матеріалъ, который могъ бы интересовать дѣтей даннаго возраста, и вслѣдствіе этого доступный имъ пониманію. Вообще въ преподаваніи исторіи центръ тяжести долженъ находиться въ отечественной исторіи. Чему мальчики изучаются изъ древней, тому дѣвочки должны учиться изъ отечественной исторіи.

Относительно преподаванія иностранныхъ языковъ въ собраніи прочитанъ былъ профессоромъ dr. Раухомъ довольно обширный рефератъ, послѣ чего произошли оживленные дебаты, въ которыхъ приняли участіе многіе директора и особенно баденскій оберъ-шультратъ фонъ Зальвуркъ. Пренія касались преимущественно методовъ преподаванія синтетическаго или *konstruktive* и аналитическаго или *direkte*, называемаго также „*naturliche Methode*“. Мы отмѣтимъ здѣсь только указанія, относящіяся къ учебному плану. Приученіе къ французской разговорной рѣчи учебный планъ относитъ къ старшему отдѣленію (*Oberstufe*). По мнѣнію собранія, желательно, чтобы приученіе къ разговорной рѣчи начиналось съ 7-го класса (нашего 1-го) то-есть, съ перваго года обученія французскому языку. При этомъ только условіи возможно достигнуть, чтобы ученицы, при выходѣ изъ училища, владѣли французскою разговорною рѣчью. На это директоръ Бенекъ сдѣлалъ слѣдующее довольно оригинальное замѣчаніе: „Относительно французскаго языка люди раздѣляются на три категоріи: 1) дамъ, которыя желаютъ, чтобы ихъ дочери какъ можно раньше научились говорить по французски, 2) мужчинъ, предпочитающихъ преподаваніе по аналитическому методу, начиная обученіе съ разговора и 3) мужчинъ, которые полагаютъ, что задача школы давать не только матеріальное, но и формальное образованіе. *Erst müssen die Kinder die Formen beherrschen, ehe sie reden können*“.

Что касается приложенныхъ къ учебному плану примѣчаній, то собраніе выразило мнѣніе, что эти указанія должны быть предписаны не только какъ желанія министерства, а какъ обязательныя правительственныя распоряженія.

Въ заключеніе собраніе поручило избранной комиссіи заняться редакціей учебнаго плана согласно какъ съ вышензложенными, такъ и другими, не упомянутыми въ настоящей статьѣ, замѣчаніями. Эти замѣчанія получили одобреніе министра.

Такимъ образомъ, кажется, положено начало прочной правитель-

ственной организаціи прусскихъ высшихъ женскихъ училищъ, если не повторится то, что случилось послѣ Берлинской конференціи 1873 г. По словамъ директора Бухнера, высказаннымъ по этому поводу въ собраніи, „von da an schlummerte die ganze Angelegenheit in Preussen wieder ein“. Это еще болѣе возможно теперь, потому что *inter arma musae silent*.

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ новомъ прусскомъ учебномъ планѣ, какъ и въ баденскомъ, да и почти во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи и Франціи, при преподаваніи отечественнаго языка обращено вниманіе на такъ-называемое выразительное чтеніе. На этотъ предметъ почти во всѣхъ классахъ назначены особые уроки, независимо отъ уроковъ грамматики, исторіи и исторіи словесности. Во Франціи и Германіи выразительному чтенію придается особенное значеніе, потому что умѣть хорошо читать значитъ сознательно относиться къ читаемому; но при этомъ требуется, чтобы преподаватели имѣли въ виду создать *des lecteurs et des diseurs, non des déclamateurs et des comédiens*. Для этого слѣдуетъ устранить всякаго рода тѣлодвиженія, *les effets du regard, tout l'attirail mimique*, а пользоваться только голосомъ. Во французскомъ *Plan d'études de l'enseignement secondaire des jeunes filles* 28-го іюня 1882 г. сдѣланы самыя обстоятельныя указанія по этому предмету ¹⁾. Въ нѣмецкихъ высшихъ женскихъ училищахъ требуется, чтобы „*wohlbetontes Lesen*“ было *das technisch-sichere, sinngemässe und ausdrucksvolle, ohne alle anspruchsvolle Deklamation*. Но *im Vordergrund steht das mustergiltige Vorlesen des Lehrers* ²⁾. Къ сожалѣнію, нѣмецкіе преподаватели иногда читаютъ въ классѣ съ такимъ искусственнымъ пафосомъ, что ученицы, которымъ раздаются роли, если читается драматическое произведеніе, подражая учителю или учительницѣ, оказываются именно *des déclamatrices et des comédiennes*. Нѣмецкіе учителя въ этомъ отношеніи не имѣютъ французскаго изящества, хотя въ принципѣ, подобно французамъ, *l'art de la diction* считаютъ очень важною статью высшаго образованія.

Въ новомъ прусскомъ учебномъ планѣ, вѣроятно, вслѣдствіе его неполноты вообще, не упомянуто объ ознакомленіи ученицъ съ нѣко-

¹⁾ *Gréard. L'enseignement secondaire des filles. Instruction pour la lecture à haute voix. XLV.*

²⁾ *Lehrplan für den deutschen Unterricht in der Victoria-Schule. Стр. 2.*

торыми произведеніями классической древности. Въ баденскомъ учебномъ планѣ требуется „Die Lektüre und Erklärung einer altgriechischen Tragödie“. Въ годовыхъ отчетахъ нѣкоторыхъ училищъ (напримѣръ, Charlottenschule — Berlin, Victoria-Schule — Danzig) помѣщено чтеніе въ однихъ „Антигоны“, а въ другихъ, сверхъ того, „Эдипа-царя“, „Персовъ“ и отрывковъ изъ Иліады и Одиссеи въ нѣмецкомъ переводѣ. Въ программѣ французскихъ женскихъ лицеевъ (28-го іюля 1882 г.) указаны *morceaux choisis d'auteurs grecs (et latins) tirés des meilleures traductions*¹⁾. Вообще ознакомленіе ученицъ съ важнѣйшими произведеніями классической древности считается занятіемъ гораздо болѣе полезнымъ для образованія дѣвушекъ, чѣмъ изученіе сочиненій Опица, Готшеда и другихъ подобныхъ писателей одно чтеніе которыхъ составляетъ уже мученіе для ученицъ. Нельзя не признать этихъ занятій существеннымъ преимуществомъ французскихъ и нѣмецкихъ женскихъ училищъ.

Не могло пройти незамѣченнымъ, что въ новомъ учебномъ планѣ не помѣщена, ни въ качествѣ отдѣльнаго предмета, ни какъ составная часть исторіи, исторія искусства. Вопросъ о преподаваніи этого предмета въ нѣмецкихъ высшихъ женскихъ училищахъ поднять, кажется, не раньше 1872 г.²⁾, и рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ еще не вездѣ принято, хотя многія училища ввели у себя этотъ предметъ въ числѣ или необязательныхъ (какъ въ Саксоніи съ 1886 г. вмѣстѣ съ педагогикой, миеологіей и италіанскимъ языкомъ), или обязательныхъ—въ однихъ по два урока въ 1-мъ и 2-мъ классѣ (Дессау, Крефельдъ, Галле), въ другихъ по два урока только въ 1-мъ классѣ (Брауншвейгъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Барменъ), а въ Эльберфельдскомъ высшемъ женскомъ училищѣ на исторію искусства назначенъ одинъ урокъ въ 1-мъ классѣ и два урока въ Fortbildungsklasse³⁾. Въ нѣкоторыхъ училищахъ, какъ напримѣръ, во всѣхъ баденскихъ, исторія искусства составляетъ довольно обширный отдѣлъ исторіи, судя по изданному въ нынѣшнемъ году директоромъ высшаго женскаго училища въ Карлсруэ Лёлейномъ (Löhle) ⁴⁾ руко-

¹⁾ Oct. Gréard. L'enseignement secondaire des filles. Documents annexes. XXX—XXXIII.

²⁾ До 1872 г. Kunstgeschichte преподавалась, если не ошибаюсь, только въ берлинскомъ Victoria-Lyceum für Damen.

³⁾ Fortbildungs-Klasse въ Эльберфельдскомъ училищѣ не имѣетъ спеціальнаго характера, а составляетъ какъ бы завершеніе общеобразовательнаго курса высшаго женскаго училища.

⁴⁾ Lehrbuch der Allgemeinen Weltgeschichte. Leipzig. 1887.

водству по исторіи для этихъ училищъ и по указанію баденскаго учебнаго плана. Изъ 349 страницъ этого учебника 82, то-есть, почти четвертая часть посвящена исторіи искусства, вмѣстѣ съ рисунками. Во многихъ прусскихъ высшихъ женскихъ училищахъ въ программѣ исторіи рекомендуется обращать особенное вниманіе въ 1-мъ и 2-мъ классѣ на обстоятельное изложеніе der Kulturzustände, но съ произведеніями изящныхъ искусствъ знакомить на столько, на сколько позволяютъ имѣющіяся въ училищахъ учебныя пособія. Вѣроятно, нормальный учебный планъ имѣетъ въ виду подобное же сообщеніе свѣдѣній изъ исторіи искусства, такъ какъ въ программѣ исторіи находятся §§ „Kulturgeschichtliches“.

При этомъ позволимъ себѣ изложить мнѣнія нѣкоторыхъ компетентныхъ въ дѣлѣ образованія лицъ о необходимости ввести въ курсъ высшихъ женскихъ училищъ исторію искусствъ или, правильнѣе, „einen kunstgeschichtlichen Anschauungsunterricht“.

Исторія изящныхъ искусствъ, по словамъ Даммана ¹⁾, можетъ служить для учащихся удобопонятнымъ руководствомъ въ области прошедшихъ и давнопрошедшихъ эпохъ цивилизаціи, нагляднымъ представленіемъ духовной жизни и прекраснаго въ древности и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ возможность легкаго пониманія идей, которыя, съ исчезновеніемъ древности, воодушевили новыя христіанскіе народы. Этимъ, конечно, не исчерпывается важность преподаванія этого предмета.

Принимая во вниманіе особенности женской природы, что сторона чувства захватываетъ женщину въ гораздо большей степени, чѣмъ логическое мышленіе, что поэтому женщина гораздо болѣе, чѣмъ мужчина, имѣетъ склонность ко всему прекрасному, благородному, возвышенному, трудно найти болѣе пригодный предметъ для питанія и надлежащаго развитія этой склонности, чѣмъ изящныя искусства. Нѣтъ предмета болѣе благороднаго, при преподаваніи котораго съ такимъ удобствомъ и пользою могъ бы быть примѣненъ принципъ наглядности, признаваемый самымъ пригоднымъ въ высшихъ женскихъ училищахъ, какъ образовательныя искусства.

Никто не отрицаетъ громаднаго значенія музыки и пѣнія для женской души. Почти всѣ молодыя образованныя дѣвушки поютъ и играютъ, посѣщаютъ концерты, слушаютъ ораторіи и оперы, посѣщаютъ музеи или, гдѣ нѣтъ музеевъ, съ величайшимъ интересомъ

¹⁾ А. Dammann. Die höhere Mädchenschule. I Theil, 42.

разсматриваютъ снимки съ произведеній образовательныхъ искусствъ. Понятно поэтому, что школа хочетъ прійдти къ нимъ на помощь и дать имъ понятіе о томъ, что составляетъ для нихъ жизненный интересъ, объ искусствѣ. И дѣйствительно, опытъ показываетъ, что уроки исторіи искусствъ оказываются для нихъ самыми пріятными.

„Еслибы все наше образованіе не было столь абстрактнымъ“, говоритъ Любе, — „всѣмъ намъ, педагогамъ, давно бы сдѣлалось очевиднымъ, какое плодородное поле мы оставили не воздѣланнымъ, минуя исторію изящныхъ искусствъ, какимъ могучимъ рычагомъ для образованія духовной жизни мы не воспользовались. Безполезно проходить время самыхъ свѣжихъ впечатлѣній, самой сильной восприимчивости для нашего подрастающаго молодого мужскаго и женскаго поколѣнія, вмѣсто того, чтобы дремлющая въ каждомъ человѣкѣ склонность къ прекрасному пробуждалась посредствомъ знакомства съ прекрасными произведеніями искусства, и драгоценный даръ зрѣнія остается въ тысячахъ молодыхъ глазъ безъ должнаго упражненія вмѣсто того, чтобы развиваться подъ вліяніемъ прекраснаго и благороднаго. Теряя такимъ образомъ самый удобный случай пробудить эстетическое чувство, вскормить духъ чистѣйшими образами идеальнаго, мы въ то же время пренебрегаемъ наиболѣе могущественнымъ и относительно молодого поколѣнія самымъ дѣйствительнымъ, средствомъ вліять на очищеніе, облагороженіе нравственной его жизни. Трудно вознаграждая въ будущемъ потерю!“

Не легко предвидѣть, какая будущность ожидаетъ этотъ предметъ въ нѣмецкихъ высшихъ женскихъ училищахъ; но въ педагогической литературѣ ведутся очень оживленные споры относительно подробностей преподаванія этого предмета, касательно, напримѣръ, возможности ознакомленія съ тѣмъ или другимъ произведеніемъ искусства, если встрѣчается какой-нибудь поводъ, могущій оскорбить женскую стыдливость, и т. п.

Мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми указаніями касательно выбора учебнаго матеріала и способа преподаванія этого предмета въ Крефельдскомъ, Эльберфельдскомъ и Альтонскомъ высшихъ женскихъ училищахъ, по годовымъ отчетамъ этихъ учебныхъ заведеній и по „Die Abhandlungen in den 1886 erschienenen Jahresberichten“. Всѣ складятся въ признаніи настоящей необходимости преподаванія этого предмета въ высшихъ женскихъ училищахъ, какъ одного изъ самыхъ плодотворныхъ средствъ для эстетическаго, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и высоконравственнаго образованія женскаго молодого поколѣнія. На этомъ основаніи одни (Эльберфельдъ) ставятъ слѣдующее основное правило: знакомить ученицъ только съ истинно-прекрасными произведеніями искусствъ, которыя въ полномъ смыслѣ слова могутъ быть названы классическими; а потому всѣ произведенія, могущія въ какомъ бы то ни было отношеніи оскорбить эстетическое чувство, должны быть исключены изъ программы. Эльберфельдское училище пользуется поэтому только самымъ незначительнымъ числомъ художественныхъ произведеній (греческихъ, римскихъ, двухъ-трехъ византійскихъ, арабскихъ и готическихъ построекъ, очень немногихъ изъ эпохи возрожденія и послѣдующихъ періодовъ до нашего времени) и, останавливаясь надъ обстоятельнымъ ознакомленіемъ ученицъ только съ этими произведеніями, считаетъ возможнымъ достигнуть намѣченной цѣли преподаванія—эстетическаго воспитанія. Поэтому въ программу этого училища не входятъ произведенія искусства египетскаго, азіатскихъ народовъ, древне-греческаго, этрускаго, средневѣковая живопись и вообще всѣ предметы, которые представляются не отвѣчающими художественнымъ требованіямъ. Выѣстъ съ этимъ по той причинѣ, что могутъ оскорбить стыдливость ученицъ, исключены изъ программы Лаокоонъ, Аполлонъ Бельведерскій, Фарнезскій Быкъ, Умиравшій Гладіаторъ и т. п. Крефельдское училище, держась того же основнаго положенія, что преимущественное вниманіе при преподаваніи должно быть обращено на истинно классическія произведенія всѣхъ родовъ изящныхъ искусствъ. въ то же время считаетъ очень важными въ образовательномъ отношеніи произведенія, служащія, съ одной стороны, выраженіемъ народнаго духа, а съ другой—исслужившія началомъ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію изящныхъ искусствъ. Такимъ образомъ въ Крефельдскомъ училищѣ признается существенно необходимымъ расположеніе учебнаго матеріала въ историческомъ порядкѣ, какъ и въ баденскихъ высшихъ женскихъ училищахъ и во французскихъ женскихъ лyceяхъ. На этомъ основаніи входитъ въ программу ознакомленіе съ произведеніями искусства индійскаго, египетскаго, ассирійскаго, еврейскаго, греческаго древнѣйшаго періода, средневѣковой живописи и т. п. Что касается произведеній истинно-классическихъ въ художественномъ отношеніи, но могущихъ оскорбить стыдливость молодыхъ дѣвушекъ, то директоръ Бухнеръ того мнѣнія, что, конечно, онъ не покажетъ ученицамъ киндской и медийской Венеры, Іо и Леды Корреджіо, тиціановскихъ портретовъ раз-

ныхъ княгинь въ видѣ Венеръ и т. п. Но онъ не считаетъ вреднымъ (sittenverderblich) ни Лаокоона, ни Аполлона Бельведерскаго, ни Страшнаго Суда Микель Анджело, ни Умирающаго Гладіатора и т. п. Независимо отъ этого, существуютъ копіи, въ которыхъ скрыто все сомнительное въ нравственномъ отношеніи. Исключить же подобныя произведенія изъ программы значить выбросить самыя лучшія страницы изъ исторіи искусствъ.

Преподаватель исторіи въ высшемъ женскомъ училищѣ въ Альтонѣ Варнеке говоритъ, что для учащихся могутъ быть полезны преимущественно такія произведенія изящныхъ искусствъ, которыя могутъ содѣйствовать запечатлѣнію важнѣйшихъ историческихъ лицъ и событій, напримѣръ, портреты выдающихся историческихъ дѣятелей и изображенія замѣчательнѣйшихъ историческихъ фактовъ. Картины эти могутъ дать учащимся наглядное представленіе о связи между историческими идеями и великими произведеніями искусства. На этомъ основаніи онъ знакомитъ своихъ ученицъ съ мюнхенскими Glyptothekfresken Корнелиуса, представляющими греческихъ боговъ и судьбу героевъ, сражавшихся подъ Троей, съ ахенскими фресками изъ исторіи Карла Великаго, Преллера *Odyssee-Landschaften* въ Веймарѣ, съ мюнхенскими фресками Шнорра изъ исторіи Нѣмецкихъ императоровъ, съ отдѣльными картинами Вернера, съ изображеніями событій изъ царствованія императора Вильгельма, особенно изъ послѣдней французской войны, и съ изображеніями героевъ этой войны и т. п. Такимъ образомъ, Варнеке смотритъ на исторію искусствъ только какъ на пособіе при преподаваніи всеобщей и отечественной исторіи ¹⁾ и начинаетъ ознакомленіе учащихся съ произведеніями искусствъ съ 4-го класса, въ которомъ начинается въ Альтонѣ преподаваніе исторіи, отрицая совершенно значеніе *Kunstgeschichte*, какъ отдѣльнаго предмета преподаванія въ высшихъ женскихъ училищахъ, не приводя впрочемъ въ подтвержденіе такого мнѣнія вѣскихъ данныхъ, кромѣ того, что исторія искусства, какъ самостоятельный предметъ, послужитъ къ излишнему обремененію учащихся. Но такъ какъ въ германскихъ училищахъ заведенъ такой порядокъ, что ученіе производится главнымъ образомъ въ классѣ, а не дома, то прибавка двухъ уроковъ въ старшихъ классахъ едва ли много обременитъ ученицъ.

¹⁾ Нѣкоторые преподаватели, какъ я самъ видѣлъ, для этой цѣли пользуются съ большимъ успѣхомъ относящимися къ изучаемымъ событіямъ стихотвореніями, которыя ученицы заучиваютъ наизусть.

Я думаю, не бесполезно будетъ привести здѣсь программы преподаванія исторіи искусствъ въ баденскихъ высшихъ женскихъ училищахъ и во французскихъ лицейхъ. Первая извлечена мною изъ вышеупомянутаго *Lehrbuch der Allgemeinen Weltgeschichte v. Löhlein* (1887), вторая—изъ книги: Oct. Gréard: *L'enseignement secondaire des filles*.

БАДЕНСКАЯ ПРОГРАММА.

1. Древній міръ:

- а) Искусство египетское, ассирійское, персидское и еврейское.
- б) Греческое искусство: изложеніе въ исторической послѣдовательности развитія искусства съ диклопскихъ построекъ до вѣка Перикла. Вѣкъ Перикла. Вѣкъ Александра и Діадоховъ.
- в) Римское искусство.

Средніе вѣка:

- а) Начало христіанскаго искусства: катакомбы, базилики.
- б) Византійскій стиль. (Сюда отнесенъ и Успенскій соборъ въ Москвѣ. Изображеніе его помѣщено въ учебникѣ непосредственно послѣ собора Св. Марка въ Венеціи. Стр. 199, *Russische Kirche*).
- в) Магометанское искусство (*Kunst des Islam*) въ Египтѣ и Испаніи.
- г) Романскій стиль, сюда относятся *Spätromanische oder Uebergangsstil* (1180—1250).
- д) Готическій стиль, въ Италіи, Германіи, Франціи и Англіи.
- е) *Wohnbauten. Bildende Kunst im Mittelalter. Malerei.*

3. Новый міръ:

Эпоха Возрожденія (*Frührenaissance* — 1500; *Höchrenaissance* 1500—1580; *Spätrenaissance* или *Barockzeit*; XVII ст. *Rokoko* und die neuesten Richtungen).

А. АРХИТЕКТУРА.

- а) XV и XVI вв. въ Италіи, Германіи, Франціи, Испаніи, Англіи, Нидерландахъ.
- б) XVII и XVIII вв. } въ тѣхъ же странахъ.
- в) XIX в. }

Б. СКУЛЬПТУРА.

- а) XV и XVI вв. въ Италіи и въ сѣверныхъ странахъ.
- б) XVII и XVIII вв. въ Италіи и Германіи.
- в) XIX в. въ Италіи, Германіи и Франціи.

В. Живопись.

а) XV и XVI вв. школы: миланская, флорентинская, Рафаэля, Корреджіо, венеціанская, фландрская и нѣмецкія:—швабская, франкская и саксонская.

б) XVII и XVIII вв. Италія, Испанія, Нидерланды, Германія, Англія, Франція.

в) XIX в. Франція и Германія: школы мюнхенская, дюссельдорфская, Дрезденъ, Вѣна, Берлинъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОГРАММА.

Cet enseignement doit être surtout pratiqué accompagné de visites aux musées et aux monuments.

Sur l'histoire de l'art français depuis le XIII siècle.

Ce que l'on entend par oeuvre d'art.

Grandes divisions de l'histoire de l'art.

Antiquité. L'art égyptien et l'art assyrien.

L'art grec: art grec archaïque; siècle de Périclès; siècle d'Alexandre.

Les grandes écoles d'art dans le monde hellénique, après Alexandre.

L'art étrusque.

L'art romain. Comment Rome a compris l'art grec.

Moyen âge. L'art chrétien à Rome. L'art byzantin.

L'art arabe en Syrie, en Espagne, en Egypte.

L'art roman.

L'art original, en France, en Allemagne, en Italie, en Espagne, en Angleterre.

L'architecture civile et militaire au moyen âge.

Renaissance. Origines de la Renaissance.

La Renaissance principalement en Italie et en France. Les diverses écoles

L'art au XVII siècle (France, Flandre, Hollande, Espagne).

L'art au XVIII siècle (France, Angleterre).

L'art au XIX siècle.

Я обратилъ здѣсь нѣсколько большее вниманіе на исторію искусствъ потому, что развитіе художественнаго, эстетическаго вкуса учащихся, между прочимъ, посредствомъ ознакомленія ихъ съ произведеніями искусства, служить однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ какъ общаго умственнаго, такъ и нравственнаго образованія, какъ о томъ и высказано въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ нашихъ гимназій.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ относительно письменныхъ упражненій въ старшихъ классахъ, то-есть, такъ-называемыхъ сочиненій на заданныя темы, въ дополненіе къ сказанному въ предыдущей статьѣ. Въ National Zeitung 9-го декабря 1886 года помѣщено слѣдующее извѣстіе: „Въ четвергъ вечеромъ

происходило собраніе берлинскихъ педагоговъ, между которыми было нѣсколько директоровъ училищъ и нѣкоторыя городскія власти, и между прочимъ, зашла рѣчь о томъ, какъ избѣжать педагогическихъ аномалій, которыя постоянно встрѣчаются, особенно въ высшихъ женскихъ училищахъ, при выборѣ темъ для сочиненій. Одинъ изъ присутствовавшихъ разказалъ, что его 13-ти-лѣтняя дочь, ученица вышшаго женскаго училища принесла слѣдующую тему: „Gedanken des Scipio bei seiner Begegnung mit Hannibal vor der Schlacht bei Zama“. Онъ посовѣтовалъ дочери написать, что Сципіонъ, вѣроятно, думалъ такъ: „Dass dich doch ein Himmeldonnerwetter in den Boden schlug!“ Извѣстіе это было перепечатано въ нѣкоторыхъ педагогическихъ журналахъ подъ заглавіемъ: Töchter-Schul-Unsinn ¹⁾. Въ другомъ учебномъ заведеніи была задана слѣдующая тема: „Кто былъ нравственнѣе—Александръ Македонскій или Юлій Цезарь?“ То же своего рода Schul-Unsinn. Такъ какъ подобныя темы и прежде составляли не рѣдкость въ разныхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то нѣкоторые извѣстные педагоги (К. А. Schmid, dr. Haller и др.) предлагали, при выборѣ темъ, ограничиваться описаніями, повѣствованіями, характеристиками, изложеніемъ прочитаннаго и т. п., а преимущественно упражнять ученицъ въ переводахъ съ иностранныхъ (французскаго и англійскаго) языковъ на отечественный ²⁾, начиная съ легкихъ статей и постепенно переходя къ самымъ труднымъ. Опытъ мужскихъ гимназій, гдѣ требуются переводы съ латинскаго и греческаго языковъ на отечественный, можетъ служить доказательствомъ тому, что эти упражненія можно считать самыми цѣлесообразными для пріученія учащихся логически правильно выражать свои мысли на родномъ языкѣ.

Вообще высшія нѣмецкія женскія училища имѣютъ нѣкоторые существенные недостатки; но эти недостатки искупаются съ избыткомъ неоспоримыми достоинствами, заключающимися въ точно определенной цѣли и въ задачѣ этихъ училищъ, въ уваженіи къ училищнымъ порядкамъ, обнаруживающемся въ поразительной на нашъ взглядъ дисциплинѣ, не смотря на недостатокъ средствъ надзора. Директоръ Victoria-Schule въ Данцигѣ говорилъ мнѣ, что уже нѣсколько лѣтъ его слово служитъ единственнымъ наказаніемъ. Сколько я хотѣ

¹⁾ *Zeitschrift. für weibl. Bild.* 1887. 2 Heft.

²⁾ *Schmid.* Encyclopädie. Aufsätze. 1. Здѣсь всесторонне разработаны вопросы о письменныхъ упражненіяхъ на отечественномъ языкѣ.

замѣтить, ученицы питають глубокое, чисто дѣтское уваженіе къ директору, учителямъ и учительницамъ. Мнѣ случалось бесѣдовать съ нѣкоторыми бывшими ученицами одного училища. Съ какимъ удовольствіемъ вспоминають онѣ о времени пребыванія ихъ въ училищахъ, особенно о директорѣ!

Обращеніе учащихся съ ученицами самое кроткое; они называютъ ученицъ младшихъ классовъ по именамъ, а не по фамиліямъ, и дѣти относятся къ учащимъ весело, непринужденно, такъ что бросается въ глаза чисто семейный характеръ отношеній, хотя нѣтъ и тѣни поправки. Однажды при мнѣ, на урокъ, директоръ совершенно спокойно обратился къ ученицѣ средняго класса съ вопросомъ: „вѣроятно, вы забыли?“ Ученица покраснѣла, и слезы показались у нея на глазахъ. Оказалось, что, по приказанію доктора, эта ученица должна была постоянно носить очки—и забыла. Этотъ же директоръ передавалъ мнѣ, что онъ не помнитъ, чтобъ ему приходилось два раза повторять какое-нибудь распоряженіе. Ученицы смотрятъ на распоряженія директора, какъ на требованіе закона, потому что не въ обычаѣ въ Германіи, чтобъ учащіеся знали какую-нибудь другую власть, кромѣ своего непосредственнаго начальника. Благодаря такому положенію начальниковъ учебныхъ заведеній, не парализируется въ сознаніи учащихся уваженіе къ власти, которое, по выходѣ изъ училищъ, они уносятъ съ собою въ жизнь. Не удивительно потому, что нѣмецкая школа воспитываетъ въ учащихся законность и уваженіе къ держащимъ властямъ. Но самое важное достоинство высшихъ женскихъ училищъ, что они дѣйствительно воспитываютъ въ ученицахъ патріотическое настроеніе и искреннюю любовь къ своимъ государямъ, особенно къ императору.

Свѣдѣнія о числѣ девяти и десятиклассныхъ училищъ, помѣщенныхъ въ прежней статьѣ, заимствованы мною изъ отчета директора Шорнштейна. Въ берлинскомъ педагогическомъ собраніи 5-го октября 1886 г. д-ръ Шнейдеръ сообщилъ, на основаніи имѣющихся въ министерствѣ просвѣщенія свѣдѣній, слѣдующія данныя: Въ Пруссіи 185 высшихъ женскихъ училищъ. Изъ нихъ 7 имѣютъ только 1 классъ, 4—2 класса, 12—3, 14—4, 20—5 классовъ, 24—6, 16—7, 41—9, 21—10, 6 болѣе, чѣмъ 10 классовъ. Объ остальныхъ 20 училищахъ нѣтъ свѣдѣній. Во всѣхъ прусскихъ высшихъ женскихъ училищахъ 42726 ученицъ; 2197 учителей, около 1000 учительницъ. Изъ учителей 341 получили академическое образованіе, 266 — богословское; остальные или семинарское, или техническое образованіе.

Директоръ Бухнеръ ¹⁾ считаетъ свѣдѣнія Шнейдера не совсѣмъ вѣрными. По его расчету, 10-ти-классныхъ училищъ 29; но сюда слѣдуетъ причислить 8 девятиклассныхъ съ двухлѣтнимъ 1-мъ классомъ и 3 семиклассныхъ безъ элементарнаго отдѣленія. Такимъ образомъ десятиклассныхъ окажется по крайней мѣрѣ 40. Но такъ какъ статистика женскихъ училищъ находится, по мнѣнію Бухнера, въ самомъ жалкомъ положеніи, то нѣтъ возможности представить точныя свѣдѣнія о числѣ классовъ, учащихся и учащихся въ этихъ школахъ.

Въ нѣмецкомъ Schul-Kalender помѣщены слѣдующія данныя:

10-тиклассныхъ высш. женск. училищъ въ Пруссіи.	21	
Въ другихъ государствахъ .	23	
	44	
Девятиклассныхъ въ Пруссіи.	45	
Въ другихъ государствахъ .	11	^{съ двухлѣтнимъ 1-мъ классомъ}
	51	
Семи и восьмиклассныхъ въ Пруссіи .	52	
Въ другихъ государствахъ .	12	^{безъ элементарнаго отдѣленія}
	64	

М. Стефановичъ.

¹⁾ *Zeitschrift. für weibl. Bild.* 1886. 11—12, 595.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Курсовка русской грамматики. 4 курса: Приготовительнаго, I, II и III-го классовъ. Составилъ А. И. Ельсинъ. Варшава. 1886. Въ 8-ку стр. въ 1-й кн.—VI+56; во 2-й—VI+116; въ 3-й—VI+83; въ 4-й—II+43. Цѣна 1-й—25 к.; 2-й—35; 3-й—35; 4-й—30 (и того за всѣ—1 р. 25 коп.).

Не смотря на оригинальное названіе книги, она есть не что иное, какъ русская грамматика, разбитая на четыре отдѣльныя книжки соотвѣтственно требованію учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія по русскому языку отъ классовъ приготовительнаго, перваго, втораго и третьяго. Что касается до „способа наведенія“, то въ Курсовкѣ онъ выражается только тѣмъ, что всякому грамматическому замѣчанію или правилу предшествуетъ рядъ примѣровъ, изъ разбора которыхъ можно выводить извѣстное правило. Этотъ-то педагогическій приѣмъ—всегда давать извѣстныя правила только послѣ разбора извѣстныхъ примѣровъ, да еще подборъ самыхъ примѣровъ на извѣстныя правила—и составляютъ лучшую сторону труда г. Ельсина. Преподаватель-новичокъ, никогда не дававшій уроковъ дѣтямъ, не имѣющій времени или навыка выбирать для извѣстнаго грамматическаго правила соотвѣтственные примѣры изъ читаемаго или заучиваемаго наизусть, можетъ кое-чѣмъ позанимствоваться изъ Курсовки г. Ельсина.

Но дать въ руки дѣтямъ Курсовку или четыре года заниматься русскимъ языкомъ по ней, даже только руководствоваться ею—не удобно. Прежде всего нужно сказать, что Курсовка въ 4-хъ книгахъ представляетъ собою слишкомъ объемистый для дѣтей (и не очень де-

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

шевый) курсъ. При 4-хъ урокахъ въ недѣлю, если проходить все, что тамъ есть, да еще по способу наведенія, то уже некогда будетъ съ дѣтьми ни читать, ни пересказывать, ни учить наизусть, ни писать. Похвальное желаніе какъ можно больше познакомить русскихъ мальчиковъ съ ихъ роднымъ языкомъ не имѣетъ въ Курсовѣ границъ. Въ курсахъ приготовительнаго и I класса, напримѣръ, г. Ельсинъ говорить, сверхъ требуемаго учебными планами, о грамматическомъ составѣ словъ, пересчитываетъ корни съ буквою ѣ; въ курсѣ II класса—о согласованіи и управленіи словъ, о словорасположеніи; въ курсѣ для III класса излагаетъ синтаксисъ сложнаго предложенія, по его собственному выраженію, въ малѣйшихъ подробностяхъ. Примѣняясь къ учебнымъ планамъ, г. Ельсинъ въ ученіи о склоненіи существительныхъ находитъ нужнымъ для приготовительнаго только класса показать 8 образцовъ склоненія (а примѣровъ 14); для I класса указывается уже 17 нумеровъ и какъ бы видовъ склоненія существительныхъ (стр. 39—49) да 6 нумеровъ спряженія; въ курсѣ II класса (§ 13) для производства настоящаго и будущаго времени ученику предлагается усвоить 19 глагольныхъ группъ (стр. 25—31). Кто же одолѣетъ подобную классификацію или перечень прилагательныхъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ примѣчаніи на стр. 90 I курса, а еще больше перечень суффиксовъ существительныхъ „обыкновенныхъ“ въ § 6 II курса отъ 15—19 страницъ!

Хотя Курсовка и писана по способу наведенія для дѣтей разныхъ возрастовъ и равныхъ степеней развитія, но нельзя не пожалѣть, что въ ней, кромѣ повторенія одного и того же иногда одинаковыми словами въ различныхъ курсахъ, весьма многія правила изложены растянута, на нѣсколькихъ страницахъ тамъ, гдѣ можно бы обойтись нѣсколькими строчками. Для дѣтей, чѣмъ короче правило грамматическое, тѣмъ лучше. У г. Ельсина въ курсѣ приготовительнаго класса, на стр. 24—30, шесть разъ повторяется собственно одно и то же замѣчаніе о сходствѣ винит. падежа то съ именительнымъ, то съ родительнымъ падежомъ въ именахъ существительныхъ. То же самое повтореніе одного и того же сдѣлано и относительно правописанія частицы не въ курсѣ I класса на стр. 97, 110 и 112, относительно правописанія ѣ въ томъ же курсѣ на стр. 12 и 20, относительно запятой во всѣхъ четырехъ книжкахъ.

Мало говорить въ пользу Курсовки и пристрастіе автора ея къ новымъ грамматическимъ терминамъ. Въ курсѣ приготовительнаго класса существительнымъ собственнымъ называется особое имя

предмета, существ. нарицательнымъ—неособое имя предмета (стр. 20 и 21); въ курсѣ I класса вводится терминъ существительное обыкновенное (стр. 32), слогъ открытый и закрытый (стр. 13); въ курсѣ II класса личное предложеіе предлагается называть относительнымъ, безличное — безотносительнымъ (стр. III), вводится расподобленіе (стр. 7) и предложеіе повелительное (§ 45, стр. 68); въ курсѣ III класса сочиненное предложеіе подраздѣляется на сопоставительное и противопоставительное (стр. 32). Новые термины мало приносятъ пользы вообще и вездѣ, въ Курсовкѣ же г. Ельсина они ничѣмъ не вызываются и не подтверждаются.

Самый выдающійся и большой недостатокъ Курсовки г. Ельсина составляетъ неправильность языка, неточность выраженій и правилъ или выводовъ грамматическихъ. Изъ курса приготовительнаго класса сюда относятся выраженія: „Въ I отдѣлѣ помѣщено знакомство съ мыслию“ (I), „знакомство съ предложеіемъ въ единственномъ числѣ“ (стр. 13); „имена существит. въ предложеіи употребляются въ одиночку и не въ одиночку“ (I класса 36 стр.); „членъ, который сказываетъ что-нибудь о подлежащемъ, называется сказуемымъ“ (12 стр.). Въ I курсѣ на стр. 55, въ примѣч. 2-мъ читается: „дополненіе при глаголахъ возвратнаго залога полагается всегда въ творительномъ падежѣ безъ предлога“, хотя то же бываетъ и при страдательномъ; „предлогомъ называется частица предъ словомъ, посредствомъ которой обозначается отношеніе между предметами“ (стр. 113); во II курсѣ въ § 1: „каждое слово состоитъ изъ двухъ частей: 1, неизмѣняющейся, и 2, неизмѣняющейся (напримѣръ, межъ, а, но, къ, ахъ?) и т. д. и т. д. Нерѣдко правило такъ выражено, что и понять его нельзя, напримѣръ, въ курсѣ приготовит. класса на стр. 48, примѣч. 2: „Въ прилагательныхъ на ій, ая, ое, безъ ударенія, послѣ согласныхъ: ц, к, х, за которыми гласныя: а, е, ю, замѣняются гласными: а, о, у“; таково же тутъ и 3 примѣчаніе. Опредѣленіе частей рѣчи вездѣ сдѣлано съ логической точки зрѣнія на ихъ значеніе, что едва ли можетъ быть такъ доступно дѣтямъ, какъ внѣшніе признаки каждой части рѣчи, напримѣръ, родовыя окончанія въ прилагательныхъ, требованіе падежа предлогомъ и т. п.

Примѣры, изъ которыхъ въ Курсовкѣ выводятся правила русскаго языка, нельзя отнести къ изреченіямъ нашихъ лучшихъ писателей и знатоковъ языка; а тѣ упражненія, которыя предлагаетъ дѣлать послѣ каждаго вывода г. Ельсинъ, до того безжизненны, сухи, подъ-часъ многосложны и во всѣхъ четырехъ книжкахъ однообразны, что

могутъ отбить въ ученикахъ всякую охоту заниматься русскимъ языкомъ. Они всѣ почти начинаются словомъ написать и подобны слѣдующему предложенію, помѣщенному послѣ 49 суффиксовъ съ 3 или 5 примѣрами на каждый въ § 19 II курса: „написать нѣсколько предложений, въ которыхъ входили бы вышеприведенныя прилагательныя, какъ опредѣленія, какъ сказуемыя, какъ дополненія, какъ обстоятельныя слова и какъ подлежащія“ (стр. 41). Если выполнить хоть сотую долю подобныхъ упражненій, то уже не только перескажемъ, извлеченіямъ, описаніямъ, но и диктовкѣ за всѣ четыре года нельзя будетъ посвятить и получаю.

Записки по элементарной этимологіи и фонетикѣ для младшихъ классовъ (I и II) среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. П. Ильишевичъ*. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 40. Цѣна 35 коп.

Въ этомъ небольшомъ трудѣ г. Ильишевичъ — какъ изъясняется въ предисловіи — считаетъ не бесполезнымъ подѣлиться съ преподавателями „особаго предмета, называемаго русскимъ языкомъ“, плодами своего „тридцатилѣтняго опыта“ по обученію элементарной этимологіи и фонетикѣ. То же предисловіе обѣщаетъ, что „записки“ сообщать ученикамъ первыхъ двухъ классовъ гимназій „такъ называемую суть“ грамматическаго матеріала и „ознакомить ихъ со свойствами звуковъ роднаго языка“ такъ обстоятельно, что затѣмъ онѣ могутъ служить „справочнымъ указателемъ при прохожденіи дальнѣйшаго курса грамматики и даже при повтореніи ея въ старшихъ классахъ“. Вся эта „суть“ изложена на 23 страницахъ самой разгонистой печати (страницы отъ 24 до 40 посвящены „повторенію сказаннаго“ на предыдущихъ страницахъ). Изъ 23 страницъ пять посвящено этимологіи. Такая краткость объясняется тѣмъ, что всю „суть“ этимологіи г. Ильишевичъ видитъ въ дѣленіи „словъ“ и „словецъ“ на „группы“, называемыя частями рѣчи, и словъ на „сущность“ и „прибавки“, при чемъ даже не находитъ нужнымъ сообщить ученикамъ названія частей рѣчи. На стр. 18, кромѣ того, отмѣчено, что окончанія словъ могутъ измѣняться „для выраженія отношенія одного слова къ другому“... и только. Часть книги, озаглавленная „Фонетика“ (стр. 6 — 23), представляетъ болѣе сносное изложеніе элементарнаго ученія о составѣ слова, о звукахъ языка и ихъ измѣненіяхъ, ученія, которому, впрочемъ, въ любой порядочной грамматикѣ посвящаются страницы двѣ-три. Больше въ „Запискахъ“ нѣтъ ничего.

Уже самая эта ограниченность сообщаемыхъ свѣдѣній, совершенно

не сообразная съ курсами двухъ младшихъ классовъ нашихъ гимназій, указываетъ на непригодность для нихъ книжки г. Ильяшевича и устраняетъ надобность сколько-нибудь подробно останавливаться на оцѣнкѣ изложенія даннаго матеріала. Достаточно отмѣтить, что и скудные свѣдѣнія, сообщаемыя г. Ильяшевичемъ, изложены далеко не удовлетворительно. Не странно ли, напримѣръ, въ книжкѣ, не допускающей даже названія частей рѣчи, встрѣтять слѣдующія тирады: „Всѣ эти измѣненія (гласныхъ звуковъ) происходили вслѣдствіе того, что народное ухо развивалось съ развитіемъ народа вообще и требовало извѣстнаго благозвучія или гармоніи, слѣдую въ этомъ случаѣ невѣдомымъ для него, но вѣчно неизмѣннымъ законамъ природы“ (стр. 12)? Или: „Слово—это музыкальный аккордъ, въ которомъ народное ухо не допускаетъ разногласія“ (стр. 15)? Или: „Переходъ гласныхъ въ согласные есть слѣдствіе того основнаго закона, что природа не допускаетъ скачковъ, а все въ ней совершается послѣдовательно“ (стр. 25)? Чтò ребенокъ пойметъ въ слѣдующемъ опредѣленіи одной изъ частей рѣчи: „Такія слова, которыя не даютъ точнаго понятія о чемъ-нибудь, а выражаютъ общее, неопредѣленное понятіе или о предметъ вообще, или о его признакѣ“ (стр. 2)? Можно ли, да и нужно ли втолковать ребенку, что „словца“: „вездѣ, на, туда“, „ничего не значать“ (стр. 2—3), что „бѣгать, бѣгъ, бѣглый, бѣгло“—,одно и то же, по видимому, слово“ и т. д. (стр. 3)? Вообще трудно представить себѣ для какой школы могли бы пригодиться „Записки“ г. Ильяшевича.

Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Киприановичъ* (преподаватель С.-Петербургской Веденской гимназій). Второе изданіе, дополненное и исправленное. Въ 8-ку стр. IX+113. С.-Пб. 1887. Цѣна 50 коп. сер.

Изъ предисловія видно, что въ этомъ новомъ изданіи своего труда авторъ расширилъ сличеніе синтаксиса отечественнаго языка съ синтаксисомъ языковъ классическихъ, и не только указалъ на аналогичные факты въ синтаксисѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ, но и генетически прослѣдилъ нѣкоторыя синтаксическія формы книжной рѣчи (стр. III). Такая постановка учебнаго курса синтаксиса на сравнительно-историческихъ началахъ, по мнѣнію автора, необходима не только въ общеобразовательномъ, но и въ нравственно-воспитательномъ смыслѣ, чтò и разъясняется имъ на IV и V страницахъ предисловія. Нѣкоторые отдѣлы книги пересмо-

трѣны и изложены—какъ говорить авторъ—доказательнѣе. Пересмотрѣнные параграфы исчислены на страницѣ VIII.

Мы обратимъ вниманіе на нѣкоторые параграфы новаго изданія, вызывающіе сомнѣніе и потому требующіе разъясненія.

Въ § 50-мъ (озаглавленномъ: „Измѣненный порядокъ словъ“), послѣ замѣчанія, что отъ перемѣны порядка въ словахъ „можетъ произойти неясность или двусмысліе, предлагаются правила устранять такой недостатокъ рѣчи. Последнее правило, подъ буквою *д* (стр. 72), предписываетъ „избѣгать стеченія словъ съ однородными согласными звуками и стеченія многихъ гласныхъ звуковъ“. Это правило стоитъ не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ оно относится не къ ясности или точности рѣчи, а къ ея благозвучію.

Въ § 97-мъ, при раздѣленіи періода на двѣ части: повышение и пониженіе, говорится, что „повышеніе занимаетъ первое мѣсто, а пониженіе второе“, и что „одна часть (повышеніе) содержитъ мысль объясняемую, а другая (пониженіе)—объясняющую“. Этими словами противорѣчатъ нижеслѣдующія строки: „въ простомъ періодѣ повышение составляетъ распространенное подлежащее, пониженіе—распространенное сказуемое“. Но такъ какъ, по § 50-му, порядокъ словъ можетъ измѣняться, то-есть, подлежащее можетъ стоять на второмъ мѣстѣ, а сказуемое на первомъ, то слѣдовательно, и повышение (первая часть періода) можетъ слѣдовать за пониженіемъ (вторую частью періода), а не предшествовать ему.

Въ § 99-мъ (Правила построения періодовъ), первые два правила, требующія „единства и соразмѣрности“, относятся не къ однимъ періодамъ, а вообще ко всякому словесному выраженію мыслей, начиная съ самаго простаго предложенія и доходя до многотомнаго ученаго труда.

При дѣленіи періодовъ, по отношенію одной половины къ другой, указавъ періодъ „смѣшанный“ (стр. 107), вовсе не подходящій подъ основу этого дѣленія.

Въ книгѣ, имѣющей предметомъ синтаксическую правильность рѣчи, было бы желательно не встрѣчать подобныхъ мѣстъ: „Надо беречь до конца періода мысль, не только болѣе разительную, но и громкія и благозвучныя слова“ (стр. 102), или въ Предисловіи, на стр. 111: „лестные отзывы въ печати даютъ мнѣ смѣлость ставить шире, съ одной стороны, сличеніе синтаксиса отечественнаго языка съ синтаксисомъ классическихъ языковъ, а съ другой—не только указывать“ и т. д.

Учебный курс синтаксиса русского языка съ необходимыми матеріалами для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ и употребленія знаковъ препинанія. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. П. Красногорскій. С.-Пб. 1887. Въ 8-му стр. IV+163. Ц. 65 к.

Какъ по цѣли своей: „1) внести нѣсколько исправленій и дополненій въ нѣкоторые вопросы синтаксическаго ученія, 2) установить посредствомъ примѣровъ и задачъ связь между теоретическою и практической сторонами преподаванія“, такъ и по осуществленію этой цѣли безъ попытки щегольнуть новинками, разбираемый учебникъ заслуживаетъ вниманія и, можно сказать, составляетъ пріятное явленіе въ массѣ появляющихся въ послѣднее время учебныхъ пособій. Изъ сдѣланныхъ г. Красногорскимъ дополненій и исправленій заслуживаютъ вниманія: а) игнорируемые многими учебниками отдѣлы согласованія и управленія словъ, употребленія времени и наклоненій (§§ 6—15); б) дѣленіе опредѣленій на согласуемые и управляемые (§ 16); в) пополненіе правилъ о знакахъ препинанія (§ 30, 3, 5, п, § 57, д, е); г) введеніе придаточныхъ предложеній связуемаго (§ 33), и д) разсматриваніе условныхъ и уступительныхъ предложеній въ связи съ причинными и цѣлевыми. О придаточныхъ предложеніяхъ связуемаго и о связи условныхъ и уступительныхъ предложеній съ причинными на страницахъ русскаго синтаксиса г. Красногорскій говоритъ, можно сказать, первый, но въ виду логичности и послѣдовательности этого ученія, при существованіи придаточныхъ предложеній подлежащаго и придаточныхъ причинныхъ, можно думать, найдетъ себѣ многихъ послѣдователей. Подборъ примѣровъ и задачъ для упражненія учащихся въ разборѣ и для нагляднаго усвоенія ими теоріи сдѣланъ обстоятельно и добросовѣстно; особенно удобны для подобной практики не дописанные примѣры на согласованіе словъ. Можно развѣ пожелать только того, чтобы всѣ такъ-называемыя упражненія въ разборѣ были вынесены изъ средины текста синтаксическаго и помѣщены хоть въ концѣ книги въ строгомъ соотвѣтствіи ихъ извѣстнымъ параграфамъ и пунктамъ параграфовъ. Устраненіе примѣровъ или упражненій въ разборѣ изъ-подъ параграфовъ извѣстныхъ послужитъ къ болѣе самостоятельному со стороны учениковъ разбору и уясненію явленій языка.

Но есть въ трудѣ г. Красногорскаго и противоположныя вышеуказаннымъ свойства или стороны. Сюда слѣдуетъ отнести встрѣчающіяся противорѣчія одного замѣчанія другому. Напримѣръ, на стр. 5 въ примѣчаніи говорится: „обыкновенно простое предложеніе отдѣляется отъ другихъ точкой или знакомъ, равносильнымъ

точкѣ“. Это замѣчаніе въпервыхъ, невѣрно, а вовторыхъ, на стр. 147, п. а, мы читаемъ, что „между независимыми предложеніями, если они кратки и тѣсно связаны по смыслу, ставится запятая“. Въ § 43 говорится, что придаточныя предложенія сказуемаго „обыкновенно не допускаютъ сокращенія“ (стр. 108); но на стр. 91 среди примѣровъ придаточныхъ предложеній сказуемаго находится: „мы—тѣ, которые питаемъ васъ“—предложеніе. легко сокращающееся въ слѣдующее: мы—питающіе васъ.

Есть замѣчанія, съ правдивостію которыхъ трудно согласиться. Напримѣръ, на стр. 18 въ п. 6-мъ читаемъ, что „глаголь быть, употребленный въ сказуемомъ въ качествѣ самостоятельнаго глагола, то-есть, въ значеніи существовать, находится, ставится въ 3 л. ед. ч., хотя бы подлежащее было во мн. числѣ“. Но глаголь быть въ качествѣ самостоятельнаго никогда и не можетъ имѣть другаго значенія, кромѣ существовать, находится; употребляется же онъ въ 3-мъ л. ед. ч. при подлежащемъ множ. ч. только, когда рѣчь идетъ о части именуемыхъ подлежащимъ предметовъ, напримѣръ: есть люди, будь лишь имъ пріятель...

На стр. 49 (въ § 15. 3, а) вмѣсто: „числительныя два, три, четыре въ имен. и винит. пад. требуютъ опредѣляемыя слова въ родит. пад. ед. ч.“, вѣрнѣе было бы сказать: при числительныхъ 2, 3, 4 въ им. и вин. п. опредѣляемое существительное принимаетъ форму род. пад. ед. ч., потому что прибавляемое въ подобныхъ случаяхъ къ существительнымъ прилагательное никогда нельзя поставить въ род. пад. ед. ч.; никто не говоритъ, напримѣръ, два чернаго стола: значить форма стола только кажущійся род. пад. ед. ч., что и подтверждается славянскимъ двойственнымъ числомъ.

Не совсѣмъ согласно съ ученіемъ о подлежащемъ и съ синтаксисомъ другихъ языковъ называть, какъ это дѣлается на стр. 72 въ пп. 8 и 9, сказуемымъ безличнаго предложенія существительныя лѣнь, охота, жаль, пора и т. п., или называть сказуемымъ и въ то же время нарѣчіемъ слова: полно, довольно и т. п. въ такихъ, напримѣръ, предложеніяхъ, какъ: обѣдать пора, и охота не слушаться, полно спать безпробудно, довольно у него друзей. Существительныя имен. падежа въ подобныхъ предложеніяхъ скорѣе будутъ подлежащими, напоминая латинскіе обороты въ родѣ *tempris dormiendi est*, а неопредѣленныя наклоненія при нихъ — опредѣленіями, указанными на стр. 51; слова же съ краткимъ окончаніемъ

прилагательныхъ среднего рода во всѣхъ грамматикахъ считаются за прилагательныя, если бываютъ сказуемыми.

Странно, что, задаваясь цѣлью „исправленія нѣкоторыхъ вопросовъ синтаксическаго ученія“, г. Красногорскій оставилъ по старому ученію о сокращеніи придаточныхъ предложений, такъ что на стр., напримѣръ, 116 въ § 46 мы находимъ, что оборотъ (равный простому обстоятельству): „по мѣрѣ нашего углубленія въ лѣсъ“ есть отнюдь не обстоятельство, а непремѣнно сокращенное придаточное предложение: чѣмъ далѣе мы углублялись въ лѣсъ. Кому изъ не знающихъ полного предложения придетъ въ голову при разборѣ считать за предложения, а не за обстоятельства, выраженія: по мѣрѣ углубленія, по мѣрѣ успѣховъ, по мѣрѣ силъ и т. п.? Гдѣ въ подобныхъ оборотахъ намекъ на подлежащее и сказуемое—главные элементы предложения—на чтѣ указываютъ, напримѣръ, причастія и дѣепричастія въ предложенияхъ, сокращающихся ими? Гдѣ въ quasi сокращенномъ предложеніи по мѣрѣ углубленія или т. п. выполнение главныхъ требованій сокращения: 1) опущеніе союзныхъ реченій, 2) превращеніе сказуемаго изъ *verbum finitum* въ *verbum infinitum*, то-есть, въ причастіе или неопредѣленное наклоненіе? Почему наконецъ „по мѣрѣ нашего углубленія въ лѣсъ“ слѣдуетъ назвать сокращеннымъ предложеніемъ, когда въ этомъ оборотѣ ровно столько же словъ, сколько и въ признаваемомъ прародителѣ его: чѣмъ далѣе мы углублялись въ лѣсъ? Всѣ эти и подобные вопросы, такъ часто и невольно напрашивающіеся при разборѣ предложений, къ сожалѣнію, упущены авторомъ.

Къ числу недостатковъ третьяго рода въ трудѣ г. Красногорскаго слѣдуетъ отнести тѣ параграфы или страницы, гдѣ дѣлаются многословныя, большія, но слишкомъ общія и часто неточныя опредѣленія чего-либо, или правила. Таково, напримѣръ, на стр. 2 его заключеніе объ этимологіи или опредѣленіи ея, таковъ § 14 объ опредѣленіи, стр. 23 приложеніи, таково же слѣдующее начало § 16: „Кромѣ опредѣленій согласуемыхъ, опредѣляемыя слова могутъ имѣть опредѣленія управляемыя, то-есть, такія, которыя, подобно дополненіямъ, зависятъ въ своемъ падежѣ отъ слова опредѣляемаго, и притомъ такъ, что падежъ опредѣленія остается неизмѣннымъ, какъ бы ни измѣнялся падежъ слова опредѣляемаго“ Какой ученикъ не станетъ въ тупикъ при усвоеніи подобнаго правила? Многословно въ § 29 опредѣленіе слитнаго предложенія, но, прочитавъ его, ученикъ будетъ вправѣ признавать за слитное предложеніе выраженіе: два и три—пять, а

это не вѣрно. Совсѣмъ ничего не даютъ ученику такія правила, каково, напримѣръ, о знакахъ препинанія примѣчаніе на стр. 6 или на стр. 63: „приложеніе отдѣляется отъ своего опредѣляемаго большею частью запятой, иногда же — тире, двоеточіемъ или черточкой“. Когда же, какимъ знакомъ воспользоваться ученику въ подобныхъ случаяхъ,—не уясняется, а между тѣмъ примѣры для разстановки знаковъ препинанія въ подобныхъ случаяхъ даются на слѣдующихъ 64 и 65 страницахъ. Съ пользою для дѣла могли бы быть написаны короче и §§ 13, 18—22, 43 и 44.

Во многихъ параграфахъ разбираемой книги такъ подробно и такъ многословно развивается извѣстное грамматическое правило, что кажется, будто читаешь стенографически записанный урокъ учителя въ классѣ, безспорно опытнаго, умѣющаго разными комбинаціями мысли, повтореніями ея, примѣрами доводить своего ученика до пониманія извѣстнаго правила. Вслѣдствіе того учебный курсъ синтаксиса во многихъ мѣстахъ имѣетъ видъ какого-то самоучителя, пожалуй, пособія при самообученіи, но, еслибы пришлось назначать ученикамъ на урокъ, положимъ, §§ 2, 5, 27, 28 и т. п., то прежде всего необходимо вычеркнуть или выпустить добрую половину изъ назначаемаго.

Самый слогъ и языкъ синтаксиса г. Красногорскаго, отличающійся по большей части отвлеченностью и длинными періодами, тяжелъ и неумѣстенъ въ трудѣ, предназначаеомъ для учебнаго руководства или учебника. Это замѣтно въ весьма многихъ мѣстахъ; для краткости указываемъ на §§ 11 и 28, потому, что обладающій самою счастливою памятью и понятливостью ученикъ излишне теряетъ не мало времени и силъ, когда достанутся ему на урокъ эти параграфы.

Руководство къ изученію древняго церковно-славянскаго языка (для IV класса гимназій). Составилъ А. Преображенскій (преподаватель Московской 4-й гимназіи). Въ 8-ку стр. VIII—84. Москва. 1887.

Это руководство составлено несомнѣнно опытнымъ и знающимъ свое дѣло преподавателемъ. Все почти, что кажется автору нужнымъ для сознательнаго пониманія текста Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, г. Преображенскій излагаетъ вѣрно, кратко и ясно, каково, напримѣръ, его замѣчаніе (на стр. 28) о первоначальной примѣтѣ (или суффиксѣ) аориста с и отношенія ея къ попадающейся въ большинствѣ случаевъ и обыкновенно указываемой другими грамматиками примѣтѣ х. Имѣя въ виду самостоятельность труда учениковъ, г. Пре-

ображенскій повсюду избѣгаетъ свойственнаго нѣкоторымъ учебнымъ пособіямъ и руководствамъ, такъ сказать, пережевыванія грамматическаго матеріала; а чтобы еще болѣе развить эту самостоятельность работы учениковъ и помочь сознательному и отчетливому усвоенію правилъ, почти при каждомъ § Руководства помѣщены такіа задачи, „рѣшеніе которыхъ“, говоритъ авторъ, — „уяснить ученику“ не только свойства церковно-славянскаго языка, но и важныя явленія родного языка, которыя были ему „непонятны при изученіи русской грамматики“. Преслѣдуя самостоятельность труда учениковъ и отчетливость усвоенія правилъ, касающихся церковно-славянскаго языка, Руководство представляетъ для практическихъ занятій и хрестоматію достаточно полную, если сравнить ее съ хрестоматіями, находящимися въ учебникахъ, напримѣръ, Колосова, Бѣлявскаго, Вуслаева, и, такъ сказать, обновленную выборомъ отрывковъ изъ древнихъ славянскихъ памятниковъ юсоваго письма (стр. 49). Даже нѣкоторыя особенности церковно-славянскаго языка новаго періода указаны въ особой статьѣ (стр. 51—56) предъ самыми образцами новославянскаго письма, что, конечно, облегчаетъ возможность чтенія этихъ образцовъ и уясняетъ отношеніе формъ русскаго языка къ формамъ древняго церковно-славянскаго языка.

Вся книга состоитъ изъ трехъ главъ: о фонетикѣ, словообразованіи и словозмѣненіи, представляя собою „исправленное и дополненное изданіе церковно-славянской грамматики, служившей приложеніемъ къ полной русской грамматики“, изданной г. Преображенскимъ въ 1883 году. Но какъ ни исправлялъ, какъ ни дополнялъ разсматриваемую книгу авторъ, все-таки ее скорѣе можно назвать не руководствомъ, а прежнимъ именемъ — Приложеніемъ къ русской грамматикѣ г. Преображенскаго.

Для всѣхъ и каждаго видимымъ и, такъ сказать, ощутительнымъ доказательствомъ родства и тѣсной связи разсматриваемаго Руководства съ прежнимъ трудомъ г. Преображенскаго, по отношенію къ которому оно когда-то было приложеніемъ, можетъ служить прежде всего то обстоятельство, что въ Руководствѣ къ изученію древняго церковно-славянскаго языка (значить, не въ этимологiи только) „всѣ синтаксическія особенности церковно-славянскаго языка опущены“, какъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи, — „потому что онѣ указаны въ русскомъ синтаксисѣ“ его же. Между тѣмъ такіе обороты, какъ дательный самостоятельный, двойной винительный, употребленіе относительныхъ мѣстоименій предъ неопредѣленнымъ

наклоненіемъ въ видѣ греческаго члена и т. п., гораздо сложнѣе, дальше отъ свойственнаго намъ сочетанія словъ и потому непонятнѣе, чѣмъ особенности новославянскаго языка въ склоненіяхъ или спряженіяхъ, на что, однакожь, указываетъ въ Руководствѣ г. Преображенскій (на стр. 51—56). Безъ особаго разъясненія или безъ синтаксиса русскаго языка г. Преображенскаго, при одномъ только разсматриваемомъ Руководствѣ не можетъ быть достигнута намѣченная въ предисловіи авторомъ цѣль — уясненіе исторіи русскаго языка и вполне сознательное пониманіе текста Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ.

Вторымъ доказательствомъ тѣсной связи Руководства съ этимологіей и синтаксисомъ русскаго языка г. Преображенскаго служить 3-я глава—о словозмѣненіи, оставшаяся въ Руководствѣ безъ перемѣнъ, такою, какою она была нѣкогда въ Приложеніи. Оттого-то, вѣроятно, эта 3-я глава, не въ примѣръ другимъ (вновь составленная и передѣланная), имѣетъ (какъ бы какая отдѣльная книжка) особое введеніе (стр. 13), говорящее о богатствѣ формъ церковно-славянскаго языка и о возможности уяснить ими многія явленія въ русскомъ языкѣ, что въ сущности относится столько же къ 3-й главѣ, сколько и ко всему Руководству. Оттого же, вѣроятно, въ этой 3-й главѣ, самой большой и самой важной по содержанію, многое остается, вопреки мнѣнію автора, неяснымъ, неполнымъ; многое кажется не такъ просто изложеннымъ, какъ въ большинствѣ распространенныхъ учебниковъ Вуслаева, Колосова, Бѣлавскаго и друг.

Такъ въ § 22, при всемъ соотвѣтствіи грамматикамъ древнихъ языковъ, при всей научности дѣленія основъ въ именахъ существительныхъ на гласныя и согласныя, положительно неожиданнымъ и неудобнымъ въ учебникѣ для дѣтей кажется то, что одна и та же гласная *о* или *е* признается основою двухъ различныхъ родовъ и двухъ различныхъ склоненій. Большинство русскихъ и церковно-славянскихъ грамматикъ по ощутительному тождеству падежныхъ окончаній въ именахъ мужескаго рода на *ъ*, *ь*, *й*, и средняго рода на *о*, *е*, такія слова, какъ родъ и село, въ послѣднее время относятъ къ одному склоненію съ оговоркою, что основы мужскаго рода *ъ*, *ь*, *и*, а средняго рода—*о*, *е*. И трудно внушить учащемуся въ IV классѣ, что основами словъ рабъ, звѣрь будутъ слоги рабо, звѣре, которые будто бы видны въ творительномъ падежѣ единственнаго числа, какъ это написано въ 2-мъ примѣчаніи къ § 22 Руководства. По крайней мѣрѣ, въ Остромировомъ Евангеліи, какъ говорятъ самъ же

г. Преображенскій далѣ на стр. 16 творительный падежъ единственнаго числа именъ мужскаго рода постоянно попадаетъ съ окончаніемъ тѣмъ или ьмъ: патѣмъ, прікѣмъ, оцѣмъ, авраамѣмъ, исаакѣмъ, наковѣмъ. Педагогично ли же въ теоріи отождествлять то, что на дѣлѣ различается (авраамѣмъ, но селомѣмъ), или дѣлать два склоненія (I и II) тамъ, гдѣ легко можно бы обойтись однимъ? Еще хуже то, что изъ § 22 объ основахъ нельзя узнать, сколько же основъ и склоненій всего—пять, шесть или болѣе—признаетъ г. Преображенскій? Насчитавъ пять основъ и склоненій, г. Преображенскій въ 1-мъ примѣчаніи къ § 22 говоритъ: „кромя того, есть нѣсколько словъ съ основою на з: напримѣръ, сынъ“. Очевидно, есть 6-я основа и 6-е склоненіе, что и подтверждается, хотя безъ прямого насчитыванія шести склоненій, на стр. 16 (§ 23), гдѣ представлено особенное (въ отрывкахъ изъ Остромировскаго Евангелія рѣдко встрѣчающееся) склоненіе слова сынъ, соотвѣтствующее, какъ сказано въ выноскѣ, латинскому 4-му склоненію. Но стоитъ ли изъ-за пяти словъ: сынъ, медъ, домъ, волъ, полъ, склоняющихся большею частію, какъ говоритъ и самъ г. Преображенскій, по обыкновенному I склоненію, въ родѣ рабъ, указывать еще 6-е склоненіе? Основы словъ на з=у, въ родѣ сынъ, могутъ быть понятны только ученому изслѣдователю; знакомящемуся же съ церковно-славянскимъ языкомъ по отрывкамъ, приложеннымъ къ Руководству, если и попадется форма сынѣми, то едва ли когда встрѣтятся: медѣми или подобные, творительный падежъ множественнаго числа другихъ трехъ словъ. Между тѣмъ, въ § 22, исчисляющемъ основы и склоненія, ничего не говорится о томъ, къ какому склоненію слѣдуетъ отнести очень часто встрѣчающіяся слова женскаго рода на ѣи, въ родѣ рабыни, кѣнагѣи; этотъ недостатокъ пополняется только пунктомъ 2-мъ § 25. Но почему же объ основѣ на ѣию или ѣни не сказано при исчисленіи основъ именъ существительныхъ вообще? Ужъ не признаетъ ли ея г. Преображенскій 7-ю основой, что говоритъ о ней отдѣльно?

На стр. 16, въ 6-мъ п. § 23, окончаніе именительнаго падежа, множественнаго числа иге почему-то приписывается только именамъ дѣйствующаго лица на тель. Развѣ матѣ, звѣрьѣ, и многія другія, имѣ подобныя, не могутъ имѣть матиге, звѣриге? Такъ какъ объ этомъ окончаніи иге нигдѣ раньше не замѣчено, то изучающій славянскій языкъ по Руководству станетъ въ тупикъ, встрѣтивъ формы: рыбариге, сыновиге, татиге, людиге и т. п. Этотъ пунктъ 6-й въ § 23 или лишній, или долженъ быть значительно передѣланъ.

По всѣмъ грамматикамъ ученики привыкаютъ предъ каждымъ склоненіемъ читать отличительные признаки извѣстнаго склоненія, выражающіеся въ извѣстныхъ падежахъ: г. Преображенскій нигдѣ не дѣлаетъ точныхъ и полныхъ опредѣленій, съ какими окончаніями или какія имена принадлежатъ извѣстному склоненію, нигдѣ не объясняетъ видимаго различія и филологическаго родства склоненій твердаго и мягкаго, и вообще всѣ замѣчанія о церковно-славянскихъ склоненіяхъ крайне сжаты, отрывочны, безсвязны, какъ дополненіе только чего-то, гдѣ-то начатаго и не досказаннаго. Какую же пользу они могутъ принести, взятые отдѣльно, безъ той русской грамматики, къ которой когда-то они были приложеніемъ?

Въ §§ 29 и 30 объ образованіи причастій и сравнительной степени сказано слишкомъ мало и неясно, а суффиксы этихъ формъ и окончанія именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа и именительный падежъ множественнаго числа (несы—несапы—несаще) отступаютъ отъ общихъ окончаній мягкаго склоненія, и за отсутствіемъ подобныхъ формъ въ современномъ русскомъ едва ли могутъ быть признаны, по крайней мѣрѣ для учениковъ IV класса, „незначительными особенностями“, какъ сказано въ § 29. Тутъ же замѣтны и свойственная всему Руководству безсвязность и отрывочность изложенія, допущенныя, быть можетъ, нарочно, чтобы заставить учениковъ самихъ больше объяснять и вдумываться,—но по слламъ ли ихъ это? Прочитавъ §§ 29 и 30, едва ли они сами поймутъ, встрѣтивъ въ текстѣ Евангелія, какъ образовались и что за формы, напримѣръ, рождни, больни и т. п.

Въ § 33 г. Преображенскій употребляетъ новый терминъ—мѣстоименное склоненіе прилагательныхъ, вмѣсто склоненія прилагательныхъ полнаго окончанія, и предоставляетъ ученику самому доискиваться, какъ, напримѣръ, получаютъ формы творительнаго падежа, единственнаго числа, мужескаго и средняго рода и дательный падежъ единственнаго числа прилагательныхъ полнаго окончанія, потому что сказаннаго замѣчанія „мѣстоименное склоненіе состоитъ въ прибавленіи и, ю, я къ формамъ краткимъ“ мало для образованія указанныхъ падежей, для разъясненія, какъ добрымъ=добръмъ+имъ.

Въ § 35, въ п. 2, напрасно показана окончаніемъ 1 лица единственнаго числа аориста и переходящаго времени буква ж, такъ какъ, вопервыхъ, въ текстѣ Остромирова Евангелія никогда не встрѣчается это окончаніе, а вовторыхъ, въ самомъ Руководствѣ говорится, что „окончаніе ж вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ слилось въ

а и потомъ сократилось въ ѣ“. Въѣдъ это лишній балластъ свѣдѣній, на бѣду учениковъ отождествляющій въ ихъ головахъ окончанія настоящего и прошедшихъ временъ и тѣмъ самымъ затрудняющій усвоеніе формъ, на самомъ дѣлѣ отличающихся другъ отъ друга. Гораздо лучше, подобно другимъ учебникамъ, показать окончаніемъ 1-го лица единственнаго числа прошедшихъ временъ ѣ, сказавъ, пожалуйста, что личныя окончанія тутъ отпали, какъ это сказано г. Преображенскимъ объ окончаніяхъ 2-хъ и 3-хъ лицъ—с и т.

Въ замѣчаніи о производствѣ переходящаго времени (§ 37, п. 3) не понятно, почему г. Преображенскому понадобилось производить это время и отъ основы настоящего времени, при чемъ какой-то „гласный звукъ основы е растягивается въ ѣ“, и отъ основы неопредѣленнаго наклоненія, если глаголы съ примѣтами ѣ, а, ова, ева. Гораздо проще въ другихъ учебникахъ переходящее время производится отъ основы неопредѣленнаго наклоненія чрезъ суф. *ѣа* послѣ согласныхъ и чрезъ *аа* послѣ гласныхъ основъ.

Въ томъ же § 37, въ п. 2, о производствѣ повелительнаго наклоненія встрѣчается замѣчаніе, что „суф. повелительнаго наклоненія и сливается съ е въ ѣ передъ согласнымъ звукомъ“, на примѣръ, неси—несѣмъ, несѣвъ: ни примѣръ, ни предпосланныя правила фонетики не разъясняютъ этого замѣчанія.

Изъ двухъ послѣднихъ замѣчаній, касающихся 3-й главы о словоизмѣненіи, видно уже, что, хотя правила фонетики, составляющія содержаніе 1-й главы Руководства, по словамъ автора „дополнены и отчасти иначе изложены“, чѣмъ были въ приложеніи, но все же фонетика Руководства не приноровлена къ изложенію и объясненію встрѣчающихся въ Руководствѣ правилъ. Со стр. 2 до 11 говорится о разныхъ фонетическихъ законахъ, но ничего нельзя найти тамъ въ объясненіе вышеприведенныхъ изреченій: „гласный звукъ основы е растягивается въ ѣ“, „и сливается съ е въ ѣ“; тамъ нѣтъ даже дѣленія гласныхъ буквъ на твердыя и мягкія, соотвѣтствія однихъ другимъ (напримѣръ, *и* = *и* или *ѣ*) и указанія на законъ строгой послѣдовательности въ смѣнѣ гласныхъ твердыхъ твердыми и мягкихъ—мягкими, безъ чего учащемуся по Руководству придется машинально заучивать окончанія твердыхъ и мягкихъ склоненій.

Что касается вновь прибавленной 2-й главы Руководства о словообразованіи, то страннымъ кажется, почему, задавшись цѣлью „разобрать случаи, безъ которыхъ не объяснимы весьма важныя факты русскаго языка“, г. Преображенскій говоритъ только объ образованіи

существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ. Неужели въ русскихъ именительныхъ числительныхъ или нарѣчіяхъ нѣтъ ничего такого важнаго, что можно объяснить только изъ церковно-славянскаго языка? Скорѣе можно было пропустить § 12 объ образованіи глаголовъ, потому что различеніе глаголовъ коренныхъ, отыменныхъ и отглагольныхъ и дѣленіе ихъ по примѣтамъ на шесть классовъ вовсе не даетъ особенно важныхъ результатовъ ни для правописанія, ни для пониманія въ славянскомъ текстѣ глагольныхъ формъ. Самый вопросъ о дѣленіи глаголовъ по примѣтамъ на классы, кажется, еще не установился. Призываетъ же, напримѣръ, г. Добровскій 9 глагольныхъ основъ и примѣтъ (Филол. Зап. 1880 г. VI. Къ ученію о русскомъ глаголѣ). Въ грамматикахъ Буслаева и Бѣлявскаго примѣтами глагольными объясняются, по крайней мѣрѣ, залоги и виды въ глаголахъ, но чѣмъ обогатится ученіе IV класса, заучивъ по Руководству г. Преображенскаго признаки шести классовъ глагольныхъ? Нѣкотораго рода схоластичностью отличаются и поставленные на разрѣшеніе для отчетливаго усвоенія ученія о пяти глагольныхъ классахъ, вопросы: „какъ звучали бы глаголы дръжати, лежати, слышати, еслибы они принадлежали къ 5-му классу?“—иначе говоря—еслибы они произносились и писались не такъ, еслибы было то, чего нѣтъ въ языкѣ?

Остается сказать нѣсколько словъ о задачахъ, прибавленныхъ почти къ каждому параграфу Руководства. Помѣщеніе ихъ въ Руководствѣ и самостоятельное разрѣшеніе ихъ учениками, дѣйствительно, дѣло полезное и хорошее. Но бѣда въ томъ, что на многихъ страницахъ Руководства г. Преображенскаго помѣщены задачи, не объясняющіяся сказаннымъ выше, не вытекающія изъ находящагося впереди ихъ правила и потому самому могущія быть не по силамъ изучающимъ славянскій языкъ по Руководству г. Преображенскаго. Безъ его личныхъ объясненій или безъ его же русской грамматики ученику, усвоившему, напримѣръ, § 23, не разрѣшить такихъ двухъ задачъ: „Почему мы говоримъ въ дательномъ множественномъ рабамъ, конямъ, а не работъ, конемъ? Почему мы говоримъ: изъ лѣсу, въ лѣсу, а не изъ лѣса, въ лѣсѣ?“ То же нужно сказать и о задачахъ § 32: „Почему именительный падежъ единственнаго числа мѣстоименія *тѣ* измѣненъ въ русскомъ языкѣ? Какъ составлено склоненіе мѣстоименія *и* въ русскомъ?“ Вѣдь послѣ подобнаго вопроса, пожалуй, и ученикъ задастъ вопросъ учителю: а развѣ есть мѣстоименіе *и* въ русскомъ языкѣ?

Систематическій курсъ ариметики, приспособленный къ наглядному преподаванію, съ задачами, взятыми изъ вопросовъ научныхъ и житейскаго опыта, расположенными постепенно отъ легкаго къ трудному, съ чертежами и хромо-литографированными рисунками, для гимназій, реальныхъ и духовныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій городскихъ и сельскихъ школъ, профессиональныхъ и ремесленныхъ училищъ. Казань. 1887.—Выпускъ I, составленный Д. *Адамантовымъ*, и В. *Владимірскою*. Въ 8-ку стр. XII—391, съ двумя хромо-литографированными рисунками. Цѣна 1 р. 10 к.—Выпускъ II, составленный Д. *Адамантовымъ*, преподавателемъ математики мужской гимназій, кандидатомъ юридическихъ наукъ, членомъ Юридическаго Общества и математической секціи Общества естествоиспытателей. Въ 8-ку стр. 123. Цѣна 60 коп.

Учебникъ элементарной ариметики въ 514 страницъ въ большую восьмушку и притомъ назначаемый непосредственно въ руки малолѣтнихъ дѣтей, нельзя, конечно, отнести къ явленіямъ зауряднымъ. Касательно назначенія книги именно для дѣтскаго круга читателей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія слѣдующія слова автора (въ Предисловіи): „Такъ какъ I-й выпускъ предназначенъ для дѣтей младшаго возраста, поэтому, языкъ изложенія долженъ быть, по возможности, близокъ къ ихъ пониманію, для чего я вошелъ въ соглашеніе съ бывшею учительницей народныхъ школъ, г-жей Владимірскою, которая хорошо знакома съ понятіями и языкомъ дѣтей, и I-й выпускъ составленъ мною въ сотрудничествѣ съ нею. Не разъ министерство народнаго просвѣщенія высказывало мысль печатать учебники такимъ шрифтомъ, который не оказывалъ бы вреднаго вліянія на зрѣніе учениковъ, замѣчаемаго очень часто въ нынѣшнее время; это же самое проповѣдуется теперь всѣми педагогами, какъ иностранными, такъ и русскими, а также всѣми глазами врачами; на этомъ основаніи я нашелъ нужнымъ напечатать 1-й выпускъ 12-мъ шрифтомъ, то-есть, немного крупнѣе обыкновеннаго, а задачи же обыкновеннымъ принятымъ шрифтомъ, такъ какъ на чтеніе задачи ученику придется тратить менѣе времени, чѣмъ на чтеніе ариметики; задачу онъ напишетъ на бумагѣ и будетъ ее дѣлать, а ариметику придется прочитывать по нѣскольку разъ. Вслѣдствіе этого, изданіе ариметики хотя становится невыгоднымъ и болѣе дорогимъ для издателя при новомъ шрифтѣ, но имѣя въ виду пользу юношества, лучше пожертвовать выгодой, чтобы достигнуть цѣли. Что касается до 2-го выпуска ариметики, составленной вмѣстѣ съ задачникомъ, то онъ, какъ назначенный для старшаго возраста, составленъ однимъ мною и напечатанъ 11-мъ шрифтомъ“.

Нужно отдать справедливость г. Адамантову, что онъ не только позаботился объ облегченіи зрѣнія учащихся и о приспособленіи своего учебника для дѣтскаго пониманія, но даже указалъ въ предисловіи, къ какимъ классамъ и какихъ именно заведеній приноровленъ этотъ учебникъ, хотя при этомъ и умолчалъ о многихъ школахъ, тщательно перечисленныхъ на обложкѣ книги. „Я составилъ“, говоритъ онъ,—„учебникъ ариметики выѣстъ съ задачникомъ, который (конечно, не задачникъ?) по методу изложенія былъ бы удобенъ для народныхъ и профессиональныхъ школъ, а по расположенію правилъ соотвѣтствовалъ бы министерской программѣ, рекомендованной министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій; онъ раздѣленъ мною на два выпуска: I-й выпускъ (содерж. 25 печатн. лист.) предназначается для приготовительнаго, 1-го и 2-го классовъ гимназій, 1-го, 2-го и 3-го отдѣленій сельскихъ, городскихъ народныхъ школъ, ремесленныхъ и профессиональныхъ училищъ; II-й выпускъ (содерж. 8 печатн. лист.)—для 3-го класса гимназій и для старшаго класса городскихъ 4-хъ годичныхъ и ремесленныхъ училищъ“. Причина преувеличенныхъ размѣровъ этого начального учебника объясняется, конечно, не обиліемъ разработаннаго въ немъ матеріала, въ сущности довольно ограниченнаго: она кроется, какъ увидимъ, въ замысловатости плана изложенія и въ многословіи автора.

Первый выпускъ „Систематическаго курса“, „расположенный концентрически“, состоитъ изъ двухъ частей. Въ 1-й части, посвященной цѣлымъ числамъ, каждое изъ основныхъ четырехъ дѣйствій „изучается“, выражаясь словами г. Адамантова, по три раза: сначала въ „первомъ циклѣ“, изучаются дѣйствія надъ числами перваго десятка; потомъ, во второмъ „циклѣ“, изучае(ю)тся сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе на именованныхъ числахъ, гдѣ постепенно знакомится ученикъ съ болѣе сложными мѣрами; „наконецъ въ третьемъ циклѣ окончательно изучаются“ тѣ же дѣйствія надъ именованными и отвлеченными числами. Во 2-й части „изучается“ каждое изъ дѣйствій надъ дробными числами, но уже не по три раза, а только по два: сначала подъ именемъ „приготовительныхъ дѣйствій къ дробнымъ“, а затѣмъ — „окончательно“. Во второмъ выпускѣ „Систематическаго курса“ изложены отношенія, пропорціи и всѣ употребительные приемы рѣшенія сложныхъ ариметическихъ задачъ на извѣстныя правила, изложены тоже подробно и наглядно, но лишь по одному разу.

Изложеніе обоихъ выпусковъ отличается крайнимъ многословіемъ,

расточаемымъ по поводу всякой мелочи, а иногда и совсѣмъ безъ повода. Напримѣръ, приступъ къ изученію отношеній (1 стр. 2-го Вып.) предложенъ учащимся въ такой формѣ: „Если возьмемъ два рядомъ стоящихъ дома, сейчасъ является вопросъ, чѣмъ одинъ домъ больше или меньше другого; точно также, если поставимъ рядомъ двѣ скамейки, является желаніе сравнить ихъ между собою, на сколько одна скамейка болѣе другой; кромѣ того, что одна скамейка длиннѣе другой, возникаетъ другой вопросъ, во сколько разъ одна скамейка длиннѣе или короче другой, то-есть, если мы маленькою скамейкой будемъ измѣрять большую, то сколько разъ меньшая скамейка помѣстится на большой“, и т. д. Точно съ такимъ же словообиліемъ авторы 1-го выпуска распространились на 12 страницахъ (45—57) о дѣленіи чиселъ перваго десятка, при чемъ рѣшеніе вопроса о дѣленіи 8 аршинъ на четыре равныя части заняло у нихъ двѣ страницы, дѣленіе же 9 вершковъ на 3 вершка, кромѣ всесторонняго обсужденія вопроса, подало еще поводъ къ странному заключенію (стр. 49), что „конкретныя числа будутъ выражать собою сумму предметовъ однородныхъ, но не строго равныхъ“, а „именованныя числа есть (суть) такія числа, которыя показываютъ собою совокупность однородныхъ и одинаковыхъ по величинѣ единицъ“ (курсивъ подлинника).

Отъ концентрической системы и отъ авторскаго многословія пострадали болѣе или менѣе всѣ статьи въ разсматриваемомъ сочиненіи: объясненіе четырехъ дѣйствій надъ числами перваго десятка, растянутое на 52 страницы (7—58), нумерація—на 20 страницахъ (65—84), дѣленіе цѣлыхъ чиселъ—на 34 страницахъ (45—56, 126—140, 212—221), и т. д.

Одолѣть столь обширный учебникъ, разумѣется, не подъ силу дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что онъ написанъ негладкимъ языкомъ и, мѣстами, искаженъ фантастическою пунктуациею. Не говоря уже о фразахъ (вып. I): „дециметръ, метръ есть величины условныя“ (стр. 6), „здѣсь 5 куриць, 3 гуся и 1 утка сложить нельзя—это есть предметы разнородные“ (стр. 11), „разсматривая, что цыпленокъ, курица и гусь есть видовыя понятія“ (стр. 30) и т. д., въ книгѣ г. Адамантова нашли себѣ мѣсто даже такія, совсѣмъ непонятныя выраженія (вып. I): „перейдемъ теперь, что было сказано ранѣе“ (стр. 64), „изъ разсмотрѣнія 4-хъ дѣйствій заключаемъ: когда употребляется сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе“ (стр. 51), „мы приводимъ къ I-й (одной?) секундѣ потому, что можемъ сравнивать скорости

между собою только тогда, когда они (онѣ, то-есть, скорости?) пройдены въ равные промежутки, получимъ 1 саж." (стр. 174). И такихъ выраженій не мало въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Особенно грубыхъ научныхъ ошибокъ нѣтъ въ „Систематическомъ курсѣ“, но погрѣшностей и промаховъ встрѣчается болѣе, чѣмъ можно бы ожидать отъ элементарнаго учебника. Отметимъ нѣкоторые, въ видѣ образчиковъ.

Опредѣленіе отвѣченныхъ чиселъ сдѣлано столь же сбивчиво, какъ „конкретныхъ и именованныхъ“, о которыхъ выше приведена была выдержка. „Число 9 куб. вершк.“, говорятъ авторы на 49 стр. вып. I-го, — „есть также результатъ сравненія 9 куб. верш. съ 1-мъ куб. верш. и можетъ быть тоже названо отвѣченнымъ числомъ, но если 1 куб. верш. приемъ за мѣру или единицу, то 9 куб. верш. выражаютъ собою 9 такихъ единицъ или мѣръ (,) и поэтому 9 куб. верш. называется именованнымъ числомъ въ отличіе отъ конкретныхъ“. На стр. 331 уже категорически утверждается, что „отвлеченныхъ чиселъ нѣтъ, а есть отношенія чиселъ къ единицѣ“ и „поэтому всякое цѣлое число можно представить подъ видомъ дроби, у которой знаменатель будетъ единица“. Эта шаткость основныхъ понятій напоминаетъ о себѣ всякій разъ, какъ только рѣчь заходитъ о числахъ, то-есть, почти на всякой страницѣ книги.

О составныхъ именованныхъ числахъ авторы I-го выпуска имѣютъ установившееся, но невѣрное представленіе, — иначе они не писали бы при всякомъ случаѣ: $2\frac{1}{2}$ пуд. $7\frac{3}{4}$ ф. вмѣсто 2 пуд. $27\frac{3}{4}$ фун. (стр. 332); $3\frac{1}{2}$ п. $17\frac{1}{8}$ ф. вмѣсто 3 пуд. $37\frac{7}{8}$ фун. (стр. 336); 15,97 метр. 4,7 децим. вмѣсто 16,44 метр. (стр. 365); 3,4 пуд. 5,8 фун. вмѣсто 3 пуд. 21,8 фун. (стр. 367), и т. п.

Невѣрное понятіе, какъ это ни странно, имѣютъ авторы даже о нашихъ кредитныхъ билетахъ и серіяхъ государственнаго казначейства: кредитныхъ билетовъ въ 1,000 руб. (стр. 158) не существуетъ и прежде не было; по купонамъ же серій государственное казначейство платитъ не 2 р. 25 коп., какъ утверждаютъ авторы (158 стр. I-го вып. и 63 стр. II-го вып.), а только 2 руб. 16 к.

О сложении и вычитаніи кратныхъ пропорцій ничего не сказано, хотя и общаю объясненіе этихъ дѣйствій въ заголовкѣ § 15 (стр. вып. II-го).

На стр. 39 вып. II-го ошибочно утверждается, что въ пропорціи $X:944 = 12:4$ количество X есть четвертое пропорціональное число къ даннымъ 944, 12 и 4.

Понятіе объ обратной пропорціональности авторъ пытается выяснитъ на примѣрѣ (стр. 40, вып. II), но крайне неудачно: „На- няты 6 каменщиковъ, чтобы сложить каменный подвалъ; они про- работали 24 дня. Сколько дней проработали бы 18 каменщиковъ, чтобы сложить такой же подвалъ? — Въ этой задачѣ пропорціональ- ность иная (чѣмъ въ предыдущихъ примѣрахъ): такъ въ первомъ условіи задачи 6 каменщиковъ проработали 24 дня, во второмъ условіи число каменщиковъ утроилось, слѣдовательно, пропорціо- нально этому, должно бы утроиться и число дней, въ которые камен- щики кончатъ работу, но это условіе представляетъ практическую несообразность, такъ какъ изъ житейскаго опыта, изъ логическаго разсужденія выходитъ, что большее число рабочихъ должны кончить ту же самую работу скорѣе, потому что“... и т. д. Такимъ образомъ выходитъ, что хотя число рабочихъ дней и должно бы быть прямо пропорціонально числу каменщиковъ, но, вслѣдствіе практической несообразности условій задачи и житейскаго опыта, это не такъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о задачахъ, которыя въ учебникѣ г. Адамантова раздѣляются на двѣ рѣзкія категоріи: задачи одной категоріи разработаны авторами „подробно“ и „наглядно“ съ дидактическою цѣлью; задачи другой категоріи, предназначенныя для самостоятельныхъ занятій учащихся, распределены по разнымъ отдѣ- ламъ книги группами, занимающими, въ общей совокупности, около 120 страницъ.

Шероховатость языка, о которой говорилось выше, отразилась, конечно, и на задачахъ обѣихъ категорій; кромѣ того, подборъ дан- ныхъ въ этихъ задачахъ не всегда свидѣтельствуетъ въ пользу из- обрѣтательности составителей разсматриваемаго учебника. Изъ нема- лаго числа неудачныхъ въ какомъ-либо отношеніи задачъ выпи- сываемъ нижеслѣдующія изъ I-го выпуска:

„Ширина одного полотенца пришта къ ширинѣ другого поло- тенца; опредѣлить ширину полученнаго полотенца, если“... (стр. 15).

„На постилку пола пошло три одинаковыхъ доски, длиною каждая по 1 арш. 3 четв. 2 верш. Опредѣлить длину пола“ (стр. 39).

„Два ученика мѣрили въ длину классную комнату съ двухъ про- тивоположныхъ концовъ (.) и когда сошлись, то оказалось, что одинъ отмѣрилъ 2 арш. 3 четв. 2 верш., другой вдвое болѣе, да осталось 2 арш. 3 вер. Сколько арш. въ длину имѣетъ классная комната?“ (стр. 43). Не понятно, откуда взялся остатокъ, коль скоро ученики „сошлись“.

„Если нѣкто расходуетъ въ мѣсяцъ 65 р., то сколько онъ израсходуетъ въ 20, 300, 5000 и т. д. мѣсяцевъ? стр. 119). Этотъ „нѣкто“, очевидно, безсмертное существо, пережившее уже нѣсколько столѣтій“.

„Гонецъ обязанъ пріѣхать изъ одного мѣста въ другое въ 4 дня; онъ рассчиталъ, что, проѣзжая каждый день по 1405 верстъ 307 саж., онъ пріѣдетъ въ назначенный срокъ. Какъ велико...?“ (стр. 125).

„Нѣкто возвратился изъ путешествія 11 ноября въ 3 часа 17 мин. 23 сек. ночи, пробывъ въ дорогѣ 4 мѣс. 28 дней 22 часа 16 мин. 45 сек. Определить“... (стр. 205).

„Пѣшеходъ, отправившись въ путешествіе, проходитъ ежедневно 30 верстъ 480 саж. 6 фут. 9 дюймовъ. Сколько оцъ пройдетъ въ 15 дней?“ (стр. 205).

„Въ одномъ магазинѣ для продовольствія войска было запасено хлѣба 137 пуд. 16 фун. 19 лот. 2 золотника“... и т. д.

На стр. 327, въ зад. № 12, нѣкто ежедневно проходитъ отъ 59 километровъ до 84 килом.

Задачи II-го выпуска редактированы значительно лучше.

АРИМЕТИКА. Полный систематическій курсъ для повторенія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Второе изданіе, переработанное и приуроченное къ установленнымъ программамъ. Составилъ С. Будаевскій. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 182 Ц. 70 к.

Разсматриваемое изданіе Арифметики г. Будаевского вполнѣ справедливо названо „переработаннымъ“. Его можно было бы назвать даже новымъ сочиненіемъ, потому что отъ перваго изданія книги остался нетронутымъ, кажется, одинъ лишь заголовокъ (да и его, уже встать, слѣдовало бы нѣсколько измѣнить). Переработка оказалась весьма удачною, потому что, благодаря ей, новый трудъ автора пріобрѣлъ именно тѣ качества, которыя отсутствовали въ первомъ изданіи книги: правильный языкъ, сжатость объясненій, научный характеръ изложенія и почти совершенную безукоризненность въ корректурномъ отношеніи.

Сочиненіе г. Будаевского приурочено къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній, гражданскихъ и военныхъ. Такъ какъ эти программы не вполнѣ совпадаютъ между собою, то авторъ счелъ нелишнимъ отмѣтить, въ концѣ „Оглавленія“, параграфы книги, „не входящіе въ обязательный курсъ“ гимназій, реальныхъ училищъ кадетскихъ корпусовъ. Впрочемъ, такія статьи, какъ теорема Фермата (дѣлимость извѣстнаго двучлена)*, „признаки дѣлимости чиселъ на

всякое простое число, отличное отъ 2-хъ и 5-ти“, гармоническая пропорція и т. п., изложены такъ вразумительно, что, не будучи обязательными для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, навѣрное заинтересуютъ многихъ любознательныхъ юношей.

Въ книгѣ г. Будаевского пять отдѣловъ, изъ которыхъ самые короткіе: третій — „приближенное вычисленіе“ (стр. 117—131) и четвертый — „разныя системы счисленія“ (стр. 133—138). Въ самомъ обширномъ изъ всѣхъ отдѣловъ книги, первомъ — „цѣлыя числа“ (стр. 3—78), объясненіе десятичной системы счисленія и четырехъ основныхъ ариметическихъ дѣйствій занимаетъ всего лишь 32 страницы; въ остальной части отдѣла изложены главнѣйшія свойства цѣлыхъ чиселъ. Второй отдѣлъ книги посвященъ „дробнымъ числамъ“ (стр. 79—116). Въ этомъ отдѣлѣ авторъ, между прочимъ, даетъ понятіе о переменныхъ величинахъ и такъ-называемыхъ предѣлахъ, которыми онъ воспользовался при изложеніи ученія о періодическихъ дробяхъ. Системы мѣръ, дѣйствія надъ именованными числами, пропорціи и извѣстныя „правила“ рѣшенія сложныхъ ариметическихъ задачъ изложены въ послѣднемъ отдѣлѣ книги — въ „приложеніяхъ“ (стр. 139—181).

Относительно небольшой объемъ книги, при обиліи обработаннаго въ ней матеріала, объясняется умѣньемъ автора выражать свои мысли сжато и касаться лишь такихъ подробностей, которыя дѣйствительно необходимы.

Изъ опечатокъ, которыхъ вообще очень немного въ разсматриваемомъ сочиненіи, одна заслуживаетъ отиѣтки: на стр. 141 проба рублей, полтинниковъ и четвертаковъ, чеканки до 1886 года, вмѣсто $83\frac{1}{2}$ показана $88\frac{1}{2}$.

Ариметическія дѣйствія. Руководство къ ариметикѣ для старшаго возраста. Москва. 1887. Въ 8-ку стр. 71 + II Цѣна 40 к.

Въ разсматриваемомъ случаѣ, подъ „Ариметическими дѣйствіями“, вопреки существующему ихъ опредѣленію, слѣдуетъ понимать такой курсъ элементарной арифметики, въ которомъ кое-что, и даже очень существенное, совсѣмъ опущено, а большая часть изложена поверхностно и съ значительными недомолвками. Незвѣстный авторъ назвалъ свой трудъ „руководствомъ къ ариметикѣ“ для старшаго возраста“, но такое названіе не оправдывается ни элементарнымъ характеромъ книжки, свидѣтельствующей объ узкости возрѣвнїи автора на содержаніе арифметики, ни помѣщеніемъ въ ней такихъ свѣдѣній, въ которыхъ не нуждаются взрослые учащіеся. Съ учащимися стар-

шаго возраста, конечно, можно было бы и не распространяться на трехъ страницахъ (5—8) о десятичной системѣ „словеснаго и письменнаго счисленій“, и не толковать о сложеніи и вычитаніи небольшихъ чиселъ при помощи черточекъ и посредствомъ „прямаго и обратнаго счетовъ“ (стр. 8), какъ это сдѣлалъ авторъ, пожелавшій почему-то скрыть свое имя. Для юношей, умственно окрѣвшихъ и уже нѣсколько знакомыхъ, быть можетъ, даже съ элементами алгебры, интересенъ и умѣстенъ только курсъ ариметики, хотя бы и краткій, но непремѣнно построенный на научныхъ основаніяхъ, при посредствѣ котораго они могли бы и упрочить прежде приобрѣтенныя ими свѣдѣнія, и обогатиться новыми, недоступными для дѣтскаго пониманія.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи не только отсутствуютъ научныя основанія, но не сообщается даже и такихъ свѣдѣній, приобрѣтеніе которыхъ обязательно для всякаго взрослого учащагося.

Изъ всѣхъ арифметическихъ дѣйствій авторъ далъ научное опредѣленіе одному только умноженію, и то какъ бы случайно и не на своемъ мѣстѣ (стр. 42). „Сложить два числа“, говоритъ авторъ на стр. 8,—„значить къ первому прибавить столько единицъ, сколько ихъ содержится во второмъ“; „вычесть изъ одного числа другое значить отъ перваго отнять столько единицъ, сколько заключается во второмъ“,—и на такой замѣнѣ одного неопредѣленнаго термина другимъ, столь же неопредѣленнымъ, совершенно успокоивается.

Въ особенности неудачно опредѣлено и изложено дѣленіе. Разчлененіе этого дѣйствія на „дѣленіе по содержанію“ и „дѣленіе на равныя части“ авторъ основалъ на голословной фразѣ (стр. 9): „раздѣлить одно число на другое можно двумя способами“, а по случаю дѣленія дробныхъ чиселъ на части (стр. 45) обнаружилъ даже сомнѣніе касательно свойствъ дѣлителя (который „можетъ быть отвлеченнымъ числомъ“). Шероховато сформулированный намекъ на научное опредѣленіе дѣленія заброшенъ на послѣдній планъ (стр. 45), гдѣ едва ли обратитъ на себя вниманіе неопытнаго читателя.

Изъ статей, которыя обязанъ знать учащійся старшаго возраста, но которыхъ нѣтъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, назовемъ: 1) образованіе всѣхъ дѣлителей даннаго числа изъ его простыхъ множителей, 2) опредѣленіе наименьшаго кратнаго такихъ чиселъ, которыя не легко разлагаются на свои простые множители, 3) доказательство дѣлимости числа на произведеніе его взаимно-первыхъ дѣлителей, 4) понятіе о различныхъ системахъ счисленія.

Впрочемъ, неизвѣстный авторъ не сообщаетъ въ своей книжкѣ даже такихъ свѣдѣній, которыя необходимы и малолѣтнимъ учащимся; на примѣръ, онъ не говоритъ ни слова о дѣйствіяхъ надъ дробными именованными числами, а изъ денежныхъ знаковъ, въ таблицѣ мѣръ (стрн. 32), упоминаетъ только о рублѣ.

Недомолвки, вкравшіяся въ §§ 36, 37, 41, 42 и 43, авторъ исправилъ въ „Дополненіяхъ“ и „Примѣчаніяхъ“, помѣщенныхъ въ концѣ книжки; но слѣдовало бы и еще кое-что исправить. На примѣръ, слѣдовало бы устранить такую обмолвку (на стр. 28): „для дѣлимости даннаго числа на 2, 5 или 10 необходимо и достаточно, чтобы послѣдняя цифра дѣлилась на 2, 5 или 10 безъ остатка“. На стр. 56 авторъ несправедливо утверждаетъ, что вѣрная пропорція

$$5 \text{ саж.} \quad 35 \text{ арш.} = 30 \quad 70$$

будто бы означаетъ: „5 саж. во столько разъ меньше 35-ти аршинъ, во сколько 30 меньше 70“.

Вообще совокупность недостатковъ скромной по размѣрамъ книжки настолько значительна, что въ ней совершенно теряется страница 36-я, на которой довольно толково объясняется на примѣрахъ способъ возможно-точного опредѣленія промежутковъ времени.

Записки Зоологін, составлены *Теръ-Барсеговымъ*. С.-Пб. 1886.

Заглавіе этой книги неточно. Конечно, подъ записками можно подразумѣвать краткое руководство или учебникъ; но во всякомъ случаѣ, слѣдовало обозначить, что эти записки не обнимаютъ всей зоологін, а содержатъ въ себѣ только описаніе позвоночныхъ животныхъ.

Въ этихъ границахъ книга представляетъ обыкновенное содержаніе, именно подробную характеристику классовъ, и менѣе полную—отрядовъ, семействъ, родовъ и видовъ. Слѣдуетъ только замѣтить, что чѣмъ ниже дѣленіе, тѣмъ сокращеніе оно трактуется въ этомъ учебникѣ—противъ чего можно возражать, но чего нельзя однако считать чѣмъ-либо не допустимымъ. Свѣдѣнія, которыя излагаются въ этихъ рамкахъ, имѣютъ, вообще говоря, достаточную доброкачественность и изложены съ довольно хорошимъ знаніемъ дѣла. Но книга страдаетъ большими недостатками въ отношеніи языка, порядка предмета и точности характеристикъ. Первая же фраза книги не правильна: „Разсматривая природу, сразу бросаются въ глаза три ея царства“ и проч. Далѣе, не говоря о неудачныхъ оборотахъ и неточномъ употребленіи словъ, приведемъ лишь встрѣчающіяся въ

книгѣ слова: отмирать (стр. 1), вклиниваться (стр. 5), кутись вмѣсто кожа (стр. 4), рептиліи вмѣсто пресмыкающіяся (слово, всёмъ извѣстное уже изъ Библии), и т. д. Вмѣсто есть зубы вездѣ пишется зубы присутствуютъ, вмѣсто нѣтъ такого-то органа говорится: органъ отсутствуетъ и т. д.

Но самое важное есть неполнота характеристикъ и безпорядокъ въ перечисленіи отдѣловъ. Напримѣръ, въ общей характеристикѣ рыбъ (стр. 29) и амфибій (стр. 39) нельзя найти того признака, что у рыбъ сердце имѣетъ двѣ полости, а у амфибій—три. Или въ характеристикѣ кошекъ забыты выпускные когти (стр. 120). Не видно ни малѣйшей заботы о точномъ различеніи подраздѣленій.

Какъ самый ясный примѣръ безпорядка приведемъ то, что на таблицѣ стр. 133 отряды расположены безъ всякаго вниманія къ ихъ сродству, и даже рыбообразныя не только не поставлены на первомъ мѣстѣ въ подклассѣ послѣднихъ, но причислены къ копытнымъ животнымъ. Въ самомъ текстѣ послѣдовательность ничуть не соответствуетъ таблицѣ, но лишь потому, что представляетъ новый, удвоенный безпорядокъ. Тутъ рыбообразныя стоятъ между ластоногими и рукокрылыми, а полуобезьяны отдѣлены семью отрядами отъ обезьянъ. Ясно, что извѣстный послѣдовательный порядокъ вовсе не признается чѣмъ-либо существеннымъ: важная ошибка противъ естественной системы.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1884 ГОДУ.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 29-й день января 1882 года, объ устройствѣ мѣстныхъ управленій Кавказа, Кавказскій учебный округъ, составлявшій отдѣльное управление, подчиненное намѣстнику, перечисленъ въ непосредственное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и съ 1884 года присоединяется къ общей отчетности сего министерства объ испытаніяхъ зрѣлости. Со включеніемъ 5-ти гимназій означеннаго учебнаго округа (Тифлисскихъ 1-й и 2-й, Кутаисской, Ставропольской и Кубанской), всего въ 1884 году въ имперіи числилось 156 учебныхъ заведеній, въ коихъ производились испытанія зрѣлости; къ испытаніямъ явились и пожелали подвергнуться экзамену по установленнымъ правиламъ 3.686 молодыхъ людей, а именно: учениковъ 147 правительственныхъ гимназій—3.121, учениковъ 4 церковныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, пользующихся правами правительственныхъ гимназій—53, учениковъ 5 гимназій, содержимыхъ частными лицами—54 и 458 постороннихъ молодыхъ людей ¹⁾.

Изъ числа учениковъ правительственныхъ гимназій (3.121), заявившихъ о своемъ желаніи подвергнуться испытаніямъ зрѣлости, не

¹⁾ Подробное ихъ перечисленіе по учебнымъ округамъ помѣщено въ таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ этой статьи.

были допущены къ экзамену по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время ихъ пребыванія въ гимназій 115 человекъ и 1 изъ учениковъ частныхъ гимназій; наиболѣе устраненныхъ отъ испытаній учениковъ этой категоріи выпадаетъ на долю гимназій Московскаго учебнаго округа—31 изъ 505 заявившихъ о желаніи подвергнуться испытаніямъ (6,1%) и Варшавскаго округа—25 изъ 441 (5,6%). Не допущенныхъ къ испытаніямъ за неодобрительное поведеніе числилось не болѣе 3 учениковъ гимназій; изъ постороннихъ лицъ, явившихся къ испытаніямъ, не допущены къ экзамену: 5 молодыхъ людей, обучавшіеся прежде въ какой-либо гимназій или иномъ учебномъ заведеніи, кои по разчету времени ко дню экзамена не могли окончить полнаго 8-ми-лѣтняго курса, установленнаго для гимназій, 1 молодой человекъ по недостиженію опредѣленнаго для испытанія зрѣлости 17-ти-лѣтняго возраста и 29 оказавшихъ, на основаніи представленныхъ ими свидѣтельствъ, прошеній или собственнаго жизнеописанія, явные признаки умственной или нравственной незрѣлости (пп. а, б, в, § 44 правилъ объ испытаніяхъ). Кромѣ того, 12-ти гимназистамъ и 1-му постороннему лицу испытанія отсрочены на годъ по болѣзни, а 9 гимназистамъ и 3 постороннимъ лицамъ отсрочены на тотъ же срокъ за попытки къ обману, употребленіе недозволенныхъ пособій или иное нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ (п. і, § 55 означенныхъ правилъ). Всего устраненныхъ или добровольно отказавшихся отъ испытаній въ 1884 году числилось 179, что составляетъ 4,5% въ отношеніи къ общему числу всѣхъ заявившихъ желаніе экзаменоваться или съ небольшимъ по 1 ученику въ среднемъ выводѣ на каждую гимназій. Въ 1882 году таковыхъ было 76 человекъ (2,3%), въ 1883 году 141 (4%).

За сѣмъ, подверглись испытанію въ 1884 году 3.507 человекъ въ удовлетворительно ихъ выдержали 2.983 (85%), а именно:

Учениковъ:	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія.	Не выдержали ихъ.	Процентное отношеніе.
Правительств. гимназій	2.983	2.696	287	9,6
Церковныхъ училищъ.	53	51	2	3,8
Частныхъ гимназій.	52	50	2	3,8
Постороннихъ лицъ. .	419	186	233	55,6
Всего	3.507	2.983	524	14,9

При сличеніи вышеприведенныхъ цифръ съ таковыми же за предыдущіе годы, оказывается довольно значительное колебаніе въ числѣ учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ испыта-

ній, и въ ихъ процентномъ отношеніи къ числу подвергавшихся экзамену:

	Подвергались испытаніямъ.	Не поддержа- ли таковыхъ.	Процентное отношеніе.
Въ 1878 году.	1.652	134	8,1
1879	1.882	118	6,2
1880	2.174	75	3,4
1881	2.396	71	2,9
1882	2.801	177	6,3
1883	2.891	273	9,4
1884	2.983	287	9,6

За исключеніемъ вновь присоединеннаго къ общей отчетности Кавказскаго учебнаго округа, въ 1884 году подвергались испытаніямъ 2.866, не выдержали таковыхъ 287, что составляетъ 10,1⁰/₀, процентъ довольно значительный. Тѣмъ не менѣе, и въ 1884 году во многихъ гимназіяхъ вовсе не было учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости; такъ, напримѣръ, въ 9-ти гимназіяхъ города С.-Петербурга (считая въ томъ числѣ гимназію историко-филологическаго института и гимназію Человѣколюбиваго общества), въ Императорской Царскосельской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Гельсингфорской, Московской 2-й, Калужской, Рязанской, Нижегородскомъ Александровскомъ институтѣ, въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института, трехъ Казанскихъ гимназіяхъ, Астраханской, Троицкой, Уральской; во всѣхъ 4 гимназіяхъ Западной Сибири, во всѣхъ 5 гимназіяхъ Кавказскаго округа и т. д. Всего въ 1884 году, въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ, въ 60 гимназіяхъ вовсе не было учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, изъ числа допущенныхъ къ испытаніямъ. Въ отношеніи къ остальнымъ 87 гимназіямъ, въ коихъ производились означенныя испытанія, 287 не выдержавшихъ окончательнаго выпускнаго экзамена составляютъ въ среднемъ выводѣ не болѣе 3 или 4 учениковъ на каждое учебное заведеніе.

Указываемое выше значительное пониженіе процента не выдерживающихъ испытаній въ 1880 и 1881 гг. объясняется, по всей вѣроятности, нѣкоторымъ послабленіемъ, допущеннымъ въ этихъ годахъ на переводныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, послабленіемъ, которое не могло не отразиться вреднымъ вліяніемъ на успѣшность въ ученіи и выразилось въ слѣдующихъ годахъ увеличеніемъ числа неудачныхъ учениковъ, достигавшихъ до VIII класса безъ надлежащей подготовки, а слѣдовательно, и процента оказывающихъ неудовлетворитель-

ныя успѣхи на испытаніяхъ зрѣлости. Надо полагать, что болѣе серьезное вниманіе къ переводу учениковъ изъ класса въ классъ въ скоромъ времени возстановитъ нормальное отношеніе числа мало-успѣшныхъ къ успѣвающимъ.

Успѣшность испытаній по отдѣльнымъ учебнымъ округамъ опредѣляется нижеслѣдующею таблицей, показывающею процентное отношеніе удостоенныхъ аттестата зрѣлости къ числу подвергавшихся испытаніямъ за послѣдніе четыре года:

Въ учебныхъ округахъ:	Въ 1881 г.	Въ 1882 г.	Въ 1883 г.	Въ 1884 г.
С.-Петербургскомъ.	100	97,2	92,8	94,2
Московскомъ.	97,7	93	90,4	92,2
Казанскомъ	99,3	98,2	99,5	96,5
Оренбургскомъ .	100	96,4	87,2	89,5
Харьковскомъ	98,6	90,9	85,9	88
Одесскомъ	97,2	95,3	95,2	95,5
Кіевскомъ	97,3	95,3	89,3	92,6
Виленскомъ	96,5	97,3	89,2	86,6
Варшавскомъ	98,1	92,5	91,7	82,7
Дерптскомъ	87,5	84,4	81,5	83,5
Западной Сибири	100	100	95,2	100
Восточной Сибири .	100	100	100	80
Туркестанскомъ краѣ .	—	—	60	100
Кавказскомъ	—	—	—	100

Въ общей сложности				
по всѣмъ округамъ	97	93,7	90,5	90,4

Изъ этой таблицы усматривается, что наибольшее пониженіе процента успѣвающихъ произошло въ учебныхъ округахъ: Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Виленскомъ на 10 и 10,6%, и Варшавскомъ на 15,3%, наименьшее—въ учебныхъ округахъ Казанскомъ (2,8%) и Одесскомъ (1,7%); въ учебныхъ округахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ процентъ успѣвающихъ, однако же, нѣсколько увеличился за послѣдній годъ въ сравненіи съ предыдущимъ и только по Виленскому и Варшавскому округамъ продолжаетъ равномѣрно понижаться, въ сравненіи съ предшествовавшими тремя годами. Что же касается до Сибири и Ташкентской гимназіи Туркестанскаго края, то, по малому числу учениковъ, тамъ подвергающихся испытаніямъ зрѣлости, едва ли возможно дѣлать какіе-либо о нихъ положительные выводы изъ при-

веденныхъ въ таблицѣ процентныхъ отношеній; въ двухъ гимназіяхъ Восточной Сибири въ 1884 году изъ 20 учащихся 4 не выдержали испытаній зрѣлости, и въ Ташкентской гимназіи съ 1883 года изъ 5 человѣкъ, подвергавшихся тѣмъ же испытаніямъ, 2 ихъ не выдержало: числа, легко объяснимыя случайными обстоятельствами, при совершенномъ отсутствіи не выдержавшихъ испытаній въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ за другіе отчетные годы.

Указанное выше пониженіе процента успѣвающихъ за послѣдніе четыре года не имѣло значительнаго вліянія на измѣненіе числа оканчивающихъ полный курсъ въ гимназіяхъ; въ 1881 году удостоены были аттестата зрѣлости, въ общей сложности по всѣмъ учебнымъ округамъ, 2.325 учениковъ правительственныхъ гимназій, въ 1882 году—2.624, въ 1883 году—2.617, въ 1884 году 2.696, а за исключеніемъ вновь присоединеннаго къ общей отчетности Кавказскаго учебнаго округа—2.579, на 38 человѣкъ или 1,4% менѣе предыдущаго года. Въ среднемъ выводѣ за 1884 годъ оказывается, что въ гимназіяхъ оканчиваютъ курсъ съ аттестатами зрѣлости по 18 или 19 человѣкъ на гимназію (2.696 въ 147 учебныхъ заведеніяхъ), наиболѣе въ учебныхъ округахъ: Кіевскомъ (по 27 человѣкъ въ среднемъ выводѣ на каждую гимназію округа), Кавказскомъ (по 23) и Казанскомъ (21), наименѣе—въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ (10), въ Западнѣй Сибири (11), Восточной Сибири (8) и Ташкентской гимназіи (8).

На испытаніяхъ устныхъ и письменныхъ 287 учениковъ правительственныхъ гимназій, признанные, какъ выше объяснено, недостаточно подготовленными къ экзамену, получили въ общей сложности 795 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ ¹⁾, изъ чего слѣдуетъ заключить, что каждый изъ нихъ оказалъ слабые успѣхи, въ среднемъ выводѣ, по 2 или 3 предметамъ курса. Наиболѣе неудовлетворительныхъ отмѣтокъ оказалось на письменныхъ испытаніяхъ изъ латинскаго языка (143 не выдержавшихъ испытанія изъ 287), затѣмъ изъ русскаго языка и словесности (140), изъ греческаго языка (126) и математики (114); на устныхъ испытаніяхъ по тѣмъ же предметамъ оказали неудовлетворительные успѣхи: по русскому языку 2, по латинскому 83, по греческому 71 и по математикѣ 58, и кромѣ того, по закону Божію 10, исторіи всеобщей и отечественной 45, по физикѣ и математической географіи 3.

¹⁾ См. вѣдомость № 2 въ концѣ статьи.

Изъ числа учениковъ церковныхъ училищъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости, только 2 въ 1884 г. не выдержали экзамена, и изъ числа учениковъ частныхъ гимназій также 2. Означенные 4 ученика получили на экзаменѣ не болѣе 7 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ: 3 на письменныхъ испытаніяхъ по русскому языку и словесности, 1 на устномъ испытаніи по тому же предмету, и по 1 не выдержали письменныхъ испытаній изъ латинскаго языка, изъ математики и устнаго изъ исторіи.

Изъ числа учениковъ гимназій, не выдержавшихъ испытаній, значительное большинство (204) пожелали остаться на второй годъ въ старшемъ классѣ, для повторенія курса, и 87 (84 ученика правительственныхъ гимназій, 1 церковнаго училища и 2 частныхъ гимназій) выбыли со свидѣтельствами, выдаваемыми на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ.

Постороннія лица, являющіяся къ испытаніямъ зрѣлости, какъ и въ предыдущіе годы, оказали успѣхи значительно слабѣе учениковъ гимназій. Общее число учащихся этой категоріи, не выдержавшихъ испытаній, составляло въ отношеніи къ числу подвергавшихся экзамену:

въ 1879 году	46,1%
„ 1880	43,2%
„ 1881	41,4%
„ 1882	49%
1883	54,6%
„ 1884	55,6%

Не выдержавшіе испытаній въ 1884 г. 233 постороннія лица получили въ общей сложности 689 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдовательно, оказали слабые успѣхи, въ среднемъ выводѣ, каждый по тремъ предметамъ одновременно. Наиболѣе неудовлетворительныхъ отмѣтокъ оказалось:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.
Изъ русскаго языка.	119	51
латинскаго языка	111	40
греческаго языка	115	36
математики	83	37

Кромѣ того, неудовлетворительно выдержали испытанія: изъ закона Божія 11 человекъ, исторіи 26, географіи 15, физики 10, логики 16 и новыхъ иностранныхъ языковъ 19.

Въ распредѣленіи удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства

зрѣлости по возрастамъ не замѣчается въ 1884 г. значительныхъ уклоненій отъ нормы, опредѣлившейся въ предыдущіе годы. Въ общемъ итогъ всѣхъ признанныхъ зрѣлыми, какъ и прежде, преобладали молодые люди трехъ старшихъ возрастовъ 19-ти лѣтъ (24,9%), 20-ти лѣтъ (22%), 21-го года и болѣе (29%); 18-ти лѣтніе составляли не болѣе 18,8% общаго числа, 17-ти лѣтніе — 5,3%. То же распределение, приблизительно, примѣнимо специально и къ ученикамъ, окончившимъ курсъ правительственныхъ гимназій; между ними числилось:

17 лѣтъ	139 или 5,2%
18	526 „ 19,5%
19	689 „ 25,6%
20 „	605 „ 22,4%
21 года и болѣе	787 „ 27,3%

Въ числѣ постороннихъ лицъ, удостоенныхъ свидѣтельства зрѣлости, преобладали молодые люди 21-го года и болѣе, составляя 60,2%; въ числѣ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій 18-ти лѣтніе (20,8%) и 19-ти лѣтніе (29,7%).

Получившіе аттестаты или свидѣтельства зрѣлости направляются, для окончанія своего образованія, преимущественно въ университеты. Въ 1881 г. общее число поступающихъ въ университеты и въ высшія учебныя заведенія, соотвѣтствующія имъ по курсу, составляло 94,8%, въ 1882 г. — 94%, въ 1883 г. — 95,2% и въ 1884 г. — 94,9%; въ томъ числѣ въ 1884 г. избрали факультеты:

богословскій.	39 или 1,3%
историко-филологическій.	359 „ 12%
физико-математическій.	721 „ 24,2%
юридическій.	648 „ 21,7%
медицинскій.	1025 „ 34,4%
восточныхъ языковъ	40 „ 1,3%
Всего.	2832 или 94,9%

Въ сравненіи съ предыдущими годами усматривается нѣкоторое, хотя и не значительное, уменьшеніе поступающихъ на медицинскій факультетъ (въ 1881 г. — 37,1%, 1882 г. — 36,8%, 1883 г. — 34,5%, 1884 г. — 34,4%) и нѣкоторое увеличеніе поступающихъ на историко-филологическій (въ 1882 г. — 10,3%, 1883 г. — 10%, 1884 г. — 12%), а также на юридическій (въ 1883 г. — 19,7%, въ 1884 г. — 21,7%).

Число поступающихъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія составляло въ 1884 г. не болѣе 4,3⁰/₀; въ томъ числѣ предполагали поступать: въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія—10 человекъ, въ горный институтъ—20, въ технологическій и Рижское политехническое училище—40, въ земледѣльческія академіи или дѣсной институтъ—41, въ строительное училище—4, въ Академію Художествъ—10 и въ военно-учебныя заведенія—3 человека, всего 128.

Непосредственно практической дѣятельности предполагали себя посвятить въ томъ же году не болѣе 12 человекъ, что составляетъ 0,4⁰/₀ въ отношеніи къ общей массѣ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельствъ зрѣлости; въ томъ числѣ избрали военную службу 6 человекъ; въ гражданскую службу никто въ этомъ году не намѣревался поступить непосредственно по выходѣ изъ гимназій; сельскохозяйственную практическую дѣятельность избралъ себѣ 1 изъ учениковъ Харьковской 3-й гимназій, и коммерческой дѣятельности предполагали себя посвятить по выходѣ изъ гимназій 5 человекъ.

Лучшіе ученики правительственныхъ гимназій награждаются медалями золотыми и серебряными. Тотъ же обычай введенъ и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ частныхъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ училищахъ. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, впрочемъ, онъ соблюдается только въ двухъ гимназіяхъ Александровскихъ, Рижской и Ревельской, съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ; въ другихъ гимназіяхъ округа такая награда не полагается, равно какъ и въ коллегіи Павла Галагана, Кіевскаго учебнаго округа. Въ 1884 году роздано 252 медали, въ томъ числѣ ученикамъ правительственныхъ гимназій 126 золотыхъ и 118 серебряныхъ, 2 золотыя ученикамъ церковнаго училища въ Москвѣ и 3 золотыя въ гимназій г. Гуревича въ С.-Петербургѣ ¹⁾, что составляетъ въ общей сложности 10,1⁰/₀ награжденныхъ медалями, въ отношеніи къ общему числу учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ установлена эта награда.

Независимо отъ сего, многія гимназіи представляютъ при своихъ отчетахъ особые именныя списки тѣхъ учениковъ, отъ которыхъ, на основаніи оказанныхъ успѣховъ, способностей, прилежанія, примѣрнаго поведенія и твердости характера, ихъ учебное начальство ожидало дальнѣйшихъ успѣховъ въ наукахъ. Въ 1884 г. таковыя списки

¹⁾ Въ отчетѣ Казанскаго учебнаго округа не объяснено какія 3 медали выданы въ Астраханской гимназій, золотыя или серебряныя.

представили 67 учебныхъ заведеній, изъ числа 156, въ коихъ производились испытанія зрѣлости; въ списки внесены имена 168 молодыхъ людей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія, подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія, что составляетъ не болѣе 6% въ отношеніи къ общему числу учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, и по 2 или 3 ученика въ среднемъ выводѣ на каждую изъ гимназій, представившихъ списки. Изъ числа этихъ немногихъ, несомнѣнно лучшихъ учениковъ гимназій большинство въ 1884 г. изъявило желаніе поступить на физико-математическій факультетъ университетовъ, именно 49; на медицинскій предполагали поступить 39, на историко-филологическій и въ историко-филологическіе институты 35 и на юридическій 28. Такимъ образомъ, распредѣленіе между упомянутыми четырьмя факультетами наиболѣе способныхъ изъ абитуриентовъ гимназій оказывается несравненно болѣе равномернымъ, нежели распредѣленіе по факультетамъ общей массы молодыхъ людей, удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости. Кромѣ того, изъ числа внесенныхъ въ списки лучшихъ учениковъ 11 заявили о своемъ намѣреніи поступить на богословскій факультетъ Дерптскаго университета, 2 на факультетъ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета, 3 въ техническія учебныя заведенія (технологическій институтъ и политехническое училище) и 1 въ Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи.

На испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа присутствовали по закону Божію: главный наблюдатель за преподаваніемъ этого предмета — преосв. Арсеній, епископъ Ладожскій, и его помощникъ—протоіерей Яхонтовъ; по другимъ предметамъ приглашаемы были профессора мѣстнаго университета; ихъ также посѣщали попечитель округа, его помощникъ и окружные инспекторы. Депутатами отъ Московскаго окружнаго управленія на испытаніяхъ зрѣлости присутствовали: въ 3-й Московской гимназій, въ Петропавловскомъ училищѣ, въ гимназіяхъ Ярославской, Смоленской, Владимірской, Орловской и въ гимназій Поливанова—профессоры мѣстнаго университета—по кафедрѣ всеобщей исторіи Герье, по кафедрѣ механики Слудскій, доцентъ сравнительнаго языковѣднія В. О. Миллеръ, преподаватель 4-й Московской гимназій Шапошниковъ, инспекторъ Серпуховской прогимназій Кяндлеръ, преподаватель Лазаревскаго института Корелинъ и въ частной гимназій Креймана на всѣхъ испытаніяхъ окружный инспекторъ Лаврентьевъ; г. Лаврентьевъ, кромѣ того, присутствовалъ на устныхъ испытаніяхъ

въ гимназіи Поливанова и по нѣкоторымъ предметамъ (латинскому и греческому языкамъ, по математикѣ и исторіи) во всѣхъ шести Московскихъ гимназіяхъ и въ гимназическихъ классахъ Лаваревского института восточныхъ языковъ. Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ попечитель округа лично присутствовалъ на испытаніяхъ въ Уфимской гимназіи, окружные инспекторы были командированы на испытанія въ Оренбургскую и Пермскую гимназіи. Въ Киевскомъ учебномъ округѣ въ одну только гимназію, Киевскую 4-ю, командированъ былъ депутатомъ отъ окружнаго управленія — окружный инспекторъ Шульженко. Въ Виленскомъ учебномъ округѣ испытанія производились въ присутствіи депутатовъ въ гимназіяхъ: Виленской 1-й по закону Божию римско-католическаго исповѣданія, въ Гродненской — по латинскому языку, исторіи и географіи, въ Ковенской — по исторіи и латинскому языку, въ Витебской — по тѣмъ же предметамъ и въ Могилевской — по математикѣ; въ первыхъ четырехъ гимназіяхъ присутствовалъ въ качествѣ депутата окружный инспекторъ Бѣлецкій, а въ послѣдней — окружный инспекторъ Грузовъ. На испытанія зрѣлости въ гимназіи города Варшавы были командированы въ качествѣ депутатовъ профессора мѣстнаго университета: Востоковъ, Соининъ, Бобчинскій, Мѣржинскій, Дьячанъ, Трессъ, Смирновъ, Гротъ и доцентъ Зининъ; въ другія гимназіи округа депутатовъ командировано не было.

Испытанія зрѣлости въ 1884 г. были произведены съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для нихъ правилъ. Нѣкоторое отступленіе отъ обычнаго въ нихъ порядка, хотя и разрѣшаемое правилами объ испытаніяхъ (§ 52), составляетъ назначеніе въ Киевскомъ учебномъ округѣ для каждой гимназіи особыхъ темъ и задачъ. Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ для Кутанской гимназіи была назначена особая тема по русскому языку, вслѣдствіе возникшаго сомнѣнія, что заданная основная тема была ранѣе извѣстна ученикамъ гимназіи. Въ Вѣрненской гимназіи предложены были темы и задачи отдѣльныя отъ прочихъ гимназій Западно-Сибирскаго округа, въ виду Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 28-го августа 1880 г., объ увеличеніи каникулярнаго времени въ этой гимназіи, вслѣдствіе чего экзамены были назначены ранѣе прочихъ гимназій округа.

Разногласій депутатовъ съ испытательными комиссіями, подлежащихъ разсмотрѣнію попечительскихъ совѣтовъ, въ 1884 г. вовсе не происходило.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1884 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

I. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Сравненіе законодательствъ Ликурга, Солона и Сервія Тулія.

2. По латинскому языку.

Основная. Ганнибалъ, изгнанный изъ отечества, отправился къ царю Антиоху, готовившемуся къ войнѣ съ Римлянами, и старался убѣдить его вести войну въ Италію, потому что оттуда, какъ онъ полагалъ, будутъ доставлять и продовольствіе, и воиновъ *внѣшнему* ¹ врагу. Себѣ онъ требовалъ 100 кораблей, 10,000 пѣхоты и 1,000 всадниковъ, говоря, что съ этимъ флотомъ онъ сперва отправится въ Африку, такъ какъ увѣренъ, что можно побудить Карфагенянъ къ *возобновленію войны*; ² если же Карфагеняне замедлятъ, то онъ надѣется возбудить войну противъ Римлянъ въ какой-либо части Италіи. *Расположивъ* ³ къ себѣ царя, Ганнибалъ, хотя и считалъ необходимымъ приготовить къ этому умы своихъ *соотечественниковъ* ⁴, но не посмѣлъ однако написать письмо, опасаясь, что, будучи какъ-нибудь *перехвачено* ⁵, оно откроетъ его попытку. Посему, найдя въ Ефесѣ какого-то тирійца *Аристона* ⁶ и испытавъ его *ловкостью на мелкіе* ⁷ *услуги* ⁸, онъ послалъ его въ Карфагенъ съ порученіями, указавъ имена тѣхъ, съ которыми ему слѣдовало сойтись. Какъ только враги Ганнибала узнали, за чѣмъ пріѣхалъ Аристонъ, они тотчасъ *доложили* ⁹ дѣло Карфагенскому сенату и требовали, чтобы Аристонъ былъ немедленно отправленъ назадъ въ Римъ, если не будетъ въ состояніи достаточно *выяснить* ¹⁰ причину своего пріѣзда; иначе, несомнѣнно, вследствие *непримиренія* ¹¹ къ вознямъ, которыя строились Римлянамъ, всему государству придется *платиться* ¹² за безразсудство одного человѣка. Аристонъ, вызванный въ судъ, старался оправдать себя особенно тѣмъ, что не приносилъ никому никакихъ писемъ; однако вечеромъ онъ *вытѣсалъ* ¹³ на самомъ *бойкомъ* ¹⁴ мѣстѣ города таблички, на которыхъ было написано, что онъ имѣлъ порученіе не къ частному человѣку, а къ сенату. Ночью онъ сѣлъ на корабль и бѣжалъ.

1. externus. 2. rebellare. 3. conciliare. 4. popularis. 5. intercipere. 6. Aristo. 7. levis. 8. ministerium. 9. referre. 10. expedire. 11. neglegere. 12. poenas dare. 13. suspendere. 14. celeber.

Запасная. Платонъ справедливо указываетъ, что употребленіе письма препятствуетъ памяти, потому что мы перестаемъ *хранить* ¹ (въ памяти) то,

что записали, и забываемъ именно вслѣдствіе *безлечности* ¹. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи *оимательность* ² имѣетъ большое значеніе. Потому-то бываежъ, что самая мысль удерживаетъ въ памяти то, что мы пишемъ для изученія. На искусство памяти первый, говорятъ, указалъ Симонидъ. Разказъ о немъ *известенъ* ³: когда онъ написалъ для какого-то борца ⁴ пѣснь, какалъ обыкновенно сочиняется въ честь побѣдителя, за условное вознагражденіе, то ему будто бы отказано было въ части денегъ потому, что онъ, по обычаю, весьма частому у поэтовъ, *отступилъ отъ темы* ⁵, *вдался* ⁶ въ похвалы Кастору и Поллуксу. Поэтому ему велѣли требовать часть вознагражденія отъ тѣхъ, чьи подвиги онъ прославлялъ. Они, какъ гласитъ преданіе, и заплатили поэту. Когда однажды въ честь того же побѣдителя былъ большой пиръ и на этотъ обѣдъ былъ приглашенъ Симонидъ, то ему сообщили, что будто бы двое юношей, пріѣхавшіе на коняхъ, требуютъ его. Онъ не нашелъ этихъ юношей, но по исходу дѣла узналъ, что это были благодарные боги. Ибо, какъ только онъ *переступилъ за порогъ* ⁸, *столовая* ⁹ обрушилась на пирующихъ. Всѣ были такъ раздавлены, что родственники, искавшіе тѣла убитыхъ для погребенія ни по какой *примѣтѣ* ¹⁰ не могли различить ихъ. Тогда, говорятъ, Симонидъ, помня порядокъ, въ которомъ каждый возлежалъ за столомъ, отдалъ тѣла, роднымъ. Изъ этого усматривается, кажется, что память поддерживается *зачастѣйшими* ¹¹ умомъ мѣстоположеніями, и всякій можетъ *протѣкнуть* ¹² это своимъ опытомъ. Когда мы спустя нѣкоторое время возвращаемся опять въ какія-либо мѣста, то не только узнаемъ ихъ самихъ, но вспоминаемъ, что мы дѣлали тамъ, намъ *приходятъ на умъ* ¹³ лица, а иногда *возникаютъ въ памяти* ¹⁴ и молчаливыя размышленія.

1. custodire. 2. securitas. 3. напряжение ума. 4. vulgatus. 5. pugil. 6. digredi. 7. exire. 8. ultra limen egredi. 9. triclinium. 10. nota. 11. signare. 12. cognoscere. 13. subire. 14. возвращаются въ память.

1

3. По греческому языку.

Основная. Аѳиняне, осаждаемые Лизандромъ съ суши и съ моря, не знали что дѣлать, такъ какъ у нихъ не было ни кораблей, ни союзниковъ, ни хлѣба. Когда припасы уже совершенно *истощились* ¹, они послали пословъ въ Спарту (для переговоровъ) о мирѣ. Однако Лакедемоняне заявили, что не заключать мира, если Аѳиняне не *снесутъ* ² длинныхъ стѣвъ, если не *примутъ* ³ изгнанниковъ и не будутъ считать врагомъ и другомъ того же, кого считают Лакедемоняне. Аѳиняне, не будучи въ состояніи медлить вслѣдствіе множества погибающихъ отъ *голода* ⁴, приняли миръ на этихъ условіяхъ. Но какъ только стѣвы были *разрушены* ⁵, тотчасъ выбранны были (такъ называемые) тридцать (правителей). Они, учредивъ ⁶ совѣтъ и другія *должности* ⁷, по своему усмотрѣнію, уговорили Лизандра содѣйствовать тому, чтобы кто (на помощь) пришелъ *гарнизонъ* ⁸, пока они, *устранивъ* ⁹ дурныхъ людей, не установятъ государственнаго правленія. Получивъ гарнизонъ, они стали *ожидать* ¹⁰ начальнику его Каллибію, чтобы онъ одобрялъ все, что они ни сдѣлаютъ, и стали захватывать уже не дурныхъ, а самыхъ достойныхъ гражданъ. Въ особенности Критій *склоненъ* ¹¹ былъ къ убійству многихъ, и когда Бера-

меня воспротивился ему, увѣряя, что не слѣдуетъ умерщвлять тѣхъ, кто не дѣлаетъ никакого зла *аристократамъ* ¹², то Критій обвинялъ его въ пзмѣнѣ правителямъ. Приставивъ къ совѣту людей съ *кинжалами* ¹³, чтобы никто не помогъ Терамену, онъ приказалъ *оттащить* ¹⁴ его отъ *жертвенника* ¹⁵, куда тотъ бѣжалъ, и отвести на казнь. Такимъ образомъ погибъ Терамень.

1. ἐπιλείπειν. 2. καθαιρέω. 3. καθίημι. 4. ὁ λιμός. 5. κατασκάπτω. 6. καθίστημι. 7. ἡ ἀρχή. 8. ἡ φρουρά или οἱ φρουροί. 9. ἐκποδών. 10. θεραπεύω. 11. προπετής ἐπὶ τῷ вин. 12. οἱ καλοὶ ἀγαθοί. 13. τὸ ἐγχειρίδιον ποιεῖν. 14. ἀφέλω. 15. ὁ βωμός.

Запасная. Послѣ взятія Сарды, давая какія-то порученія ¹ своимъ друзьямъ и военачальникамъ, Киръ замѣтилъ отсутствіе *Абрадаты* ². Поэтому, позвавъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ тутъ *слугъ* ³, онъ сказалъ: „скажите мнѣ, не видалъ ли кто-нибудь изъ васъ Абрадату. Странно вѣдь, что онъ теперь нигдѣ не показывается, тогда какъ прежде посѣщалъ насъ часто“. Одинъ изъ слугъ отвѣчалъ: Государь, его нѣтъ въ живыхъ; *устремиль* ⁴ колесницу на Египтянъ, онъ палъ въ сраженіи, остальные же, кромя друзей его, *отступили* ⁵, говорятъ, увидавъ *только сомнутыя* ⁶ ряды Египтянъ. И теперь-то, продолжалъ онъ, супруга его, какъ сказываютъ, *подняла* ⁷ трупъ и положила на *повозку* ⁸, въ которой сама *пѣла* ⁹, свезла его къ рѣкѣ *Пактолу* ¹⁰. Тутъ, на какомъ-то холмѣ, слуги его роютъ, говорятъ, покойнику *могилу*, ¹¹, жена же, украсивъ мужа тѣмъ, что у нея было, сидитъ на землѣ, держа его голову на своихъ колѣняхъ. Услыхавъ это, Киръ *вскочилъ* ¹² на лошадь и поѣхалъ съ тысячею всадниковъ къ *мѣсту печали* ¹³. При видѣ лежащаго трупа и *рыдающей* ¹⁴ женщины, Киръ поплакалъ нѣкоторое время, и потомъ, обѣщая устроить покойному великолѣпное погребеніе, а несчастную *вдове* ¹⁵ *взять подъ свое покровительство* ¹⁶, сказалъ: „на долю твоего мужа, *Паноя* ¹⁷, выпала прекрасная кончина, ибо онъ палъ побѣдителемъ“.

1. ἐπιτάσσω. 2. Ἀβραδάτας. 3. ὁ ὑπηρετής. 4. ἐμβαλλω. 5. ἐκκλίνω. 6. συστρέφω. 7. ἀναιρέω. 8. ἡ ἀρμάμας. 9. ὀυέομαι. 10. Πακτωλός. 11. ἡ θήκη. 12. ἀνακηδάω. 13. τὸ πᾶθος. 14. ὀδύρομαι. 15. ἡ χήρα. 16. ἐπιμελέομαι. 17. Πάνθεια.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Купецъ хочетъ составить 11 ф. 60 з. смѣшаннаго чаю, цѣною въ 2 руб. 15 коп. за фунтъ изъ двухъ сортовъ. Фунтъ перваго сорта стоитъ столько рублей, какъ велико частное отъ дѣленія $\frac{1}{12}$ на 0,01666..., а цѣна одного фунта втораго сорта составляетъ 6% на 30 рублей. Сколько онъ долженъ взять того и другаго сорта для составленія смѣси?

Запасная. Капиталъ, отданный въ ростъ по 6% и приносящій въ 1 годъ и 1,333.... мѣсяцъ 590 руб. прибыли, былъ раздѣленъ между тремя братьями обратно пропорціонально ихъ возрасту. Сколько получилъ каждый, если старшему брату было 32 года, число лѣтъ средняго составляло 0,75 числа лѣтъ старшаго, а лѣта младшаго относились къ суммѣ лѣтъ его старшихъ братьевъ, какъ 0,5 къ 13999.....?

6) По алгебрѣ.

Основная. Сумма второго и двадцатаго члена арифметической прогрессіи $= 10$, а произведение этихъ членовъ $= 23 \frac{47}{64}$. Определить сумму первыхъ 16 членовъ этой прогрессіи.

Запасная. Два путешественника *А* и *В* выѣзжаютъ изъ одного и того же мѣста; второй два дня спустя послѣ перваго. Оба ѣдутъ по одному и тому же направленію, *А* проѣзжаетъ въ первый день 4 версты, во второй 8, въ третій 12 и т. д. каждый день 4-мя верстами болѣе. *В* проѣхалъ въ первый день 1 версту, во второй 6, въ третій 11 и т. д. каждый день 5 верстами болѣе. Черезъ сколько дней послѣ своего отъѣзда путешественникъ *В* догонитъ *А*?

в) По геометріи.

Основная. Боковая поверхность прямого конуса равна 60 квадр. арш., а полная его поверхность равна площади такого треугольника, стороны котораго суть 13 арш., 14 арш. и 15 арш. Определить радіусъ шара, объемъ котораго равенъ объему этого конуса.

Запасная. Діаметръ основанія прямого конуса равняется меньшей сторонѣ прямоугольника, периметръ котораго $= 68$ дюйм., а площадь $= 280$ кв. дюйм.; поверхность же его равномѣрна боковой поверхности цилиндра, котораго высота равняется большей изъ параллельныхъ сторонъ трапеціи, а діаметръ основанія меньшей. Найти образующую конуса, когда извѣстно, что площадь упомянутой трапеціи содержитъ въ себѣ 414,72 кв. дюйм., высота ея равна 23,04 дюйм., одна изъ непараллельныхъ сторонъ 28,8 дюйм., а другая 23,2 дюйма.

г) По тригонометріи.

Основная. Двѣ силы $P=72$ пуд. и $Q=58$ пуд. дѣйствуютъ на одну и ту же точку тѣла по двумъ направленіямъ, составляющимъ между собою уголъ $= 72^\circ 30' 44''$. Определить равнодѣйствующую этихъ силъ.

Запасная. Гипотенуза прямоугольнаго треугольника $= 5,3$ арш., и одинъ изъ острыхъ угловъ $= 27^\circ 3' 24''$. Вычислить площадь этого треугольника.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. „Доселѣ древніе служатъ вамъ образцами. Никто не презрѣлъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ.... Какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ исторіи, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души“ (Карамзинъ).

Запасная. Заслуги духовенства въ исторіи просвѣщенія древней Русы.

2. По латинскому языку.

Основная. Когда въ Римѣ узнали, что Ганнибалъ послѣ пораженія ¹ Антіоха бѣжалъ къ царю *Вивиніи* ², сенатъ отправилъ къ послѣднему пословъ съ требованіемъ выдать имъ Ганнибала. Царь не сомнѣвался, что *удодитъ* ³ Римлянамъ, если выдастъ или умертвить ихъ *злѣйшаго врага* ⁴ и, тотчасъ же по прибытіи пословъ, приказалъ окружить вооруженными солдатами домъ, въ которомъ жилъ Ганнибалъ, чтобы (тотъ) не могъ убѣжать, когда узнаетъ, какая ему *грозитъ* ⁵ опасность. Тогда Ганнибалъ рѣшился лучше умереть, чѣмъ *попасть въ руки* ⁶ Римлянъ. Онъ *потребовалъ* ⁷ ядъ, который у него заранѣе былъ приготовленъ, и сказалъ, что желаетъ освободить Римлянъ отъ продолжительной заботы, такъ какъ они, *кажется*, боятся, что не *дождутся* ⁸ смерти старика; что отъ побѣды надъ безоружнымъ и *злѣйши* ⁹ преданнымъ врагомъ они не *приобрѣтутъ* ¹⁰ ничего, развѣ только безславіе; что вѣкогда Римляне сами выдали Пирру, *оторкнувшемуся* ¹¹ съ враждебнымъ войскомъ въ Итацію, одного изъ перебѣжниковъ, который обѣщалъ помощью яда умертвить могущественнаго врага, а нынѣ тѣ же Римляне отправляютъ пословъ, чтобы принудить царя предать своего гостя. Затѣмъ, *осыпавъ проклятіями* ¹² голову и царство вѣроломнаго царя, онъ *осушилъ* ¹³ (отравленный) кубокъ, *призывая* ¹⁴ боговъ въ свидѣтели нарушеннаго гостепріимства.

1. vincere. 2. Bithynia. 3. gratum facere alicui. 4. форма отъ inimicus. 5. imminere. 6. in potestatem venire. 7. poscere. 8. что никогда не умереть. 9. перевести не нарѣчіемъ, а существ. scelus съ надлежащимъ предлогомъ. 10. ferre aliquid ex aliqua re. 11. invadere. 12. execrari in. 13. exhauste. 14. invocare.

Запасная. Послѣ сраженія при Каннахъ, въ которомъ Римляне потеряли почти все свое войско, недостатокъ въ свободныхъ людяхъ при наборѣ новыхъ солдатъ былъ такъ великъ, что сенатъ, узнавъ о желаніи многихъ рабовъ *поступить въ военную службу* ¹, рѣшилъ купить и вооружить на счетъ ² государства 8,000 сильныхъ юношей и *составить* ³ изъ нихъ два легіона подъ названіемъ *добровольцевъ* ⁴. Такъ какъ эти рабы сражались съ большою храбростью и, въ теченіе двухъ лѣтъ, оказали многія услуги Римскому государству, Тиберій Гракхъ, который былъ назначенъ ихъ начальникомъ, написалъ въ Римъ, что имъ не доставтъ только свободы, чтобы быть *настоящими* ⁵ римскими солдатами. Сенатъ отвѣтилъ ему, чтобы онъ сдѣлалъ (то), что считаетъ *полезнымъ для* ⁶ государства. Тогда Тиберій Гракхъ обѣщалъ даровать обоимъ легіонамъ свободу, если они побѣдятъ въ ближайшемъ сраженіи. Спустя немного времени битва произошла недалеко отъ Беневента, города въ южной Италіи, и хотя оба легіона сражались съ обыкновенною храбростью, всетаки исходъ долго оставался сомнительнымъ, но когда Гракхъ велѣлъ объявить, чтобы они не надѣялись когда-либо сдѣлаться свободными, если въ этотъ день непріятель не будетъ разбитъ, они съ такою силою *ринулись* ⁷ на Пунійцевъ, что ряды тѣхъ *дрожили* ⁸ и скорѣе все войско ихъ обратилось въ безпорядочное бѣгство. На другой день всѣ рабы, участвовавшіе въ бою, были *объявлены* ⁹ свободными.

1. militare. 2. conficere. 3. sumptus. 4. volones, um. 5. iustus. 6. предлогомъ ex. 7. se inferre in... 8. inclinare. 9. получили приказаніе (iubeor) быть свободными.

3. По греческому языку.

Основная. Послѣ обѣда Киръ, созвавъ военачальниковъ, сказалъ слѣдующее: „Друзья! царь Армянскій ¹ былъ прежде и союзникомъ, и *подданнымъ* ² Кіаксара ³; теперь же, когда онъ замѣтилъ, что непріятель приближается, *возгордившись* ⁴, ни войска не посылаетъ намъ, ни *дамы* ⁵ не платитъ; итакъ, теперь должно *поймать* ⁶ его, если сможемъ. Вотъ какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Ты, Хризантъ ⁷, отправляйся *по горному* ⁸ пути и займи высоты на которыя, говорятъ, онъ *спасается* ⁹ всякій разъ, когда бьется чего-нибудь. Я же, съ разсвѣтомъ, пойду *съ* ¹⁰ половиною пѣхоты и со всею конницею черезъ равнину на *столицу* ¹¹. И если царь станетъ сопротивляться, то, очевидно, надо будетъ сражаться; если же удалится изъ равнины, ясно, что надо будетъ преслѣдовать его; если же будетъ *искать спасенія* ¹² въ горахъ, тогда твое дѣло не выпускать никого изъ тѣхъ, которые придутъ къ тебѣ“.

1. ὁ Ἀρμένιος. 2. ὑπήκοος. 3. Κιαξάρης, ου. 4. κατὰφρονέω. 5. ὁ δαμνός. 6. θύραω. 7. Χρυσάντας. 8. ὄρεϊνός. 9. καταφύγω εἰς. 10. part. 11. τὰ βασίλεια.

За п а с н а я. Когда *предводитель Гирканецъ* ¹, исполнивъ приказаніе ², подошелъ, Киръ сказалъ: „Я, Гирканецъ, съ удовольствіемъ замѣчаю, что ты не лишенъ *сообразительности* ³. Въ самомъ дѣлѣ теперь стало очевиднымъ, что для насъ полезно одно и то же; ибо *Ассирійцы* ⁴ враждебны и мнѣ, и тебѣ, тебѣ даже враждебнѣе, чѣмъ мнѣ. Поэтому мы оба должны заботиться о томъ, чтобы никто изъ нашихъ союзниковъ отъ насъ не отложился, а напротивъ мы, по возможности, *прилегли на свою сторону* ⁵ и другихъ. А между тѣмъ ты слышалъ, какъ *Мидяны* ⁶ отзывалъ всадниковъ; если они уйдутъ, то мы пѣхотинцы, останемся одни. Мы съ тобой должны вести *дѣло* ⁷, такъ какъ этотъ (человѣкъ), приглашавшій ихъ возвратиться ⁸, самъ захотѣлъ остаться у нихъ. Итакъ, ты дай ему лучшую палатку, а я постараюсь *поручить* ⁹ ему такое дѣло, которое доставитъ ему большое *удовольствіе* ¹⁰. Въ разговорѣ съ нимъ ты *упомяни* ¹¹, что друзья мои получаютъ достойныя награды. Когда исполнишь это, приходи опять ко мнѣ“.

1. ὁ Ὑρκάνιος. 2. ἐπιστέλλω. 3. σύνεσις. 4. Ἀσσύριοι. 5. προσηλβάνω. 6. Μῆδος. 7. ποίεω. 8. ἀποκαλέω. 9. προτάσσω. 10. τί εἶχαι ἡδονήν τινι. 11. προϋτίθημι.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Проданъ серебряный слитокъ изъ 6 фунтовъ 72-й пробы и 10 фунтовъ 80-й пробы, при чемъ золотникъ чистаго серебра оцѣненъ въ

$$1 + \frac{1}{1} + \frac{1}{7} + \frac{1}{1} + \frac{1}{1} + \frac{1}{7} + \frac{1}{1}$$

$\frac{1}{1} + \frac{1}{7}$ франка (77 франковъ=13 руб. сер.), за вырученныя девяти куплено два сорта чаю, по 12 и по 5 руб. сер. за фунтъ, и полученная смѣсь 56 фунтовъ чаю продана по 7 рублей за фунтъ. Узнать: 1) какой пробы былъ слитокъ; 2) за сколько рубл. сер. онъ былъ проданъ и 3) по скольку фунтовъ каждаго сорта чаю куплено?

З а п а с н а я. Торговец продалъ одному покупателю 0,5 куска матеріи, другому—0,75 остатка, а третьему все остальное, каждому по $3\frac{1}{2}$ руб. за аршинъ. Послѣдній покупатель заплатилъ процентными деньгами за 8 мѣсяцевъ съ капитала 1.575 руб., отданнаго по 5%. Сколько аршинъ купилъ каждый покупатель?

б) *По алгебрѣ.*

О с н о в н а я. Найдти три числа, составляющія геометрическую прогрессію, когда извѣстно, что произведеніе этихъ чиселъ=64, а сумма ихъ кубовъ=584.

З а п а с н а я. Рѣшить уравненія: $x + y = xy = x^2 - y^2$.

в) *По геометріи.*

О с н о в н а я. Площадь правильнаго треугольника, описаннаго около окружности=248 кв. дюйм. Узнать сторону вписаннаго въ ту же окружность правильнаго многоугольника, каждый изъ внутреннихъ угловъ коего=135° (ограничиваясь однимъ десят. знакомъ).

З а п а с н а я. Три концентрическихъ шара имѣютъ такое свойство, что поверхность большаго шара, радіусъ коего = R, равна суммѣ поверхностей двухъ остальныхъ, а объемъ средняго шара есть средній—пропорціональный между объемами двухъ другихъ. Узнать отношеніе между объемами наибольшаго и наименьшаго шара.

г) *По тригонометріи.*

О с н о в н а я. Въ трапеціи съ равными непараллельными сторонами даны: большая сторона=81,6 дюйм., непараллельная сторона=17,9 дюйм., и заключенный между ними уголъ=64° 5'. Узнать меньшую изъ параллельныхъ сторонъ трапеціи.

З а п а с н а я. Определить площадь правильнаго девятиугольника, описаннаго около круга, радіусъ коего=8,2 фута.

III. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Значеніе памятниковъ, воздвигаемыхъ великимъ людямъ.

Запасная. Значеніе духовенства въ древней Руси.

2. По латинскому языку.

Основная. Фокіонъ, о которомъ мы читаемъ у Корнелія Непота, что онъ отказался отъ большой суммы денегъ, предложенной ему Филиппомъ, царемъ Македонскимъ,—такимъ же точно образомъ велъ себя и въ отношеніи къ сыну его Александру. Когда этотъ послалъ ему въ даръ сто талантовъ, что для того времени составляло большую сумму, то Фокіонъ спросилъ принесшихъ эти деньги, почему-это царь прислалъ подарокъ ему одному между столькими Афинянами. Когда ему отвѣтили, что Александръ его только считаетъ честнымъ

и безкорыстнымъ человѣкомъ, то Фокіонъ сказалъ: „пустъ же царь позволить мнѣ быть такимъ, какимъ онъ меня считаетъ“. Присланные все-таки *приставали* къ нему съ *просьбою* принять подарокъ, особенно послѣ того, какъ *пришедши*, увидѣли его *бѣдную обстановку*. Но Фокіонъ, не измѣнивъ своего рѣшенія, сказалъ: если я приму деньги, которыя вы мнѣ предлагаете и оставлю ихъ *безъ употребленія*, то такое огромное сокровище *непроизводительно пропадетъ* въ моихъ рукахъ, а между тѣмъ, я приобрѣту себѣ и Александру *дурную репутацию*.

Запасная. Л. Манлій освобождается отъ суда, благодаря (орегу) своему сыну. (Cic. de officiis, 3,31).

Л. Манлію, сложившему съ себя должность диктатора (abdicare se dictatura или черезъ dictatorem esse), М. Помпоній, народный трибунъ, назначилъ день суда за то, что онъ на нѣсколько дней продлилъ свою диктатуру (что онъ нѣскольکو дней прибавилъ къ отправленію должности диктатора) Обвинялъ онъ Манлія также и въ томъ, что онъ сына Тита, который послѣ получилъ прозваніе Торквата, удалилъ отъ общества (relegare ab hominibus) и приказалъ ему жить въ деревнѣ. Рассказываютъ, что когда узналъ объ этомъ юноша сынъ, то тотчасъ же помчался (assurgere) въ Римъ и вмѣстѣ съ разсвѣтомъ явился въ домъ Помпонія. Когда послѣднему дали знать объ этомъ, то онъ, полагая, что сынъ, разгнѣванный на отца, сообщитъ ему что-нибудь (aliquid) важное противъ своего отца, немедленно всталъ съ постели и, удаливши свидѣтелей, приказалъ юношѣ войти къ себѣ. А тотъ, какъ только вошелъ, тотчасъ обнажилъ мечъ и поклоняся, что онъ умертвить его, если Помпоній не поклянется въ свою очередь, что освободить (missum facere) отца. Помпоній—подъ влияніемъ (cogere) страха — далъ клятву, сообщилъ объ этомъ обстоятельстве (rem deferre) народу и объяснилъ, почему ему необходимо прекратить процессъ, Манлія же освободилъ. Такъ велико было въ тѣ времена значеніе клятвы.

3. По греческому языку.

Основная. Когда Аѳиняне въ сраженіи при Саламинѣ обратили Персовъ въ бѣгство,Themistocles совѣтовалъ Грекамъ разрушить мостъ на Геллеспонтѣ, чтобы такимъ образомъ *отрѣзать* Персамъ *возвратный путь* въ Азію. Но Аристидъ не одобрялъ совѣта Themistocles, такъ какъ онъ боялся, чтобы враги, сражаясь за *личное свое спасеніе*, не стали *предприимчивѣе* и храбрѣе. Поэтому онъ сказалъ Themistocles, что Грекамъ слѣдуетъ болѣе заботиться о томъ, чтобы Ксерксъ оставилъ Грецію. Когда всѣ съ этимъ *согласились*, Themistocles послалъ вѣстника къ царю и приказалъ ему сказать царю, что Греки поплывутъ къ Геллеспонту и разрушатъ мостъ, если онъ не переправится какъ можно скорѣе въ Азію. Услышавъ это, царь не хотѣлъ ждать, пока Греки *нападутъ* на него, но *испугавшись*, началъ быстро *отступать*.

Запасная. Аѳиняне и прочіе Элліны.

Когда всѣ прочіе Элліны, при *нашествіи* Ксеркса, *упали дугомъ*, п одни изъ нихъ, какъ Аѳиняне, *подпали* подъ власть варваровъ и отправились съ ними въ походъ, а другіе, какъ Пелопоннесцы, искали только своего спасенія, тогда

одни Аѳиняне *жилились лучше* умереть, чѣмъ признать себя рабами варваровъ. Въ то время, когда *приближалось* 1200 триремъ и безчисленное сухопутное войско *грозило* вторгнуться въ Аттику, въ то время, когда такимъ образомъ нигдѣ не оставалось для Аѳинянъ надежды на спасеніе, и они были *безъ союзниковъ* и видѣли себя *обманутыми* во всѣхъ своихъ надеждахъ, они однакоже *отказались* отъ всѣхъ предложеній царя, хотя могли бы не только избѣжать грозившихъ опасностей, но и воспользоваться великими почестями, которыя имъ царь предлагалъ, думая, что, если склонить флотъ этого государства на свою сторону, онъ тотчасъ сдѣлается властителемъ Пелопоннеса. Аѳиняне не гнѣвались даже на Грековъ за то, что были оставлены ими, по вооружились одны, чтобы взять на себя борьбу за свободу всей Греціи.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Изъ двухъ сортовъ чаю въ 2 руб. 50 коп. и 1 руб. 20 коп. за фунтъ составить 2 пуда смѣшаннаго чаю, съ тѣмъ, чтобы, продавая его фунтъ по 1 руб. 80 коп., имѣть при продажѣ прибыли 10%.

Запасная. Въ общемъ торговомъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6000 руб., бывшимъ въ оборотѣ 2 мѣсяца, а другое лицо—капиталомъ, составлявшимъ 0,1666... первого и находившимся въ оборотѣ 6 мѣс.

Сколько получить каждый изъ общей прибыли, поступившей въ видѣ векселя на 1200 руб., при продажѣ котораго необходимо было сдѣлать учетъ за 8 мѣсяцевъ до срока по 6% годовыхъ (учетъ коммерч.)?

б) По алгебрѣ.

Основная. Въ банкъ внесено 25278 руб. и въ концѣ каждаго года прибавляется по 100 руб.

Узнать, сколько будетъ въ банкѣ денегъ черезъ 10 лѣтъ, считая по 5 сложнымъ процентамъ?

Запасная. Опекунъ оставшагося малолѣтняго продалъ имѣніе за 24800 р. и внесъ эти деньги въ банкъ, для обращенія, по 5% годовыхъ. Какую сумму получить владѣлецъ по истеченіи 15 лѣтъ, по достиженіи совершеннолѣтія?

в) По геометріи.

Основная. Въ шаръ радіуса 10 дюймовъ вписать усѣченный конусъ, котораго верхнее и нижнее основанія отстоятъ отъ центра на 8 и 6 дюймовъ. требуется опредѣлить объемъ и полную поверхность этого конуса.

Запасная. На половинѣ діагонали прямоугольника, имѣющаго основаніе 12, а высоту 9 футовъ, построенъ квадратъ, діагональ котораго служилъ стороною правильнаго треугольника. Вычислить радіусъ окружности, описанной около этого треугольника.

г) По тригонометріи.

Основная. Въ треугольникѣ $\triangle ABC$ сторона $a=4827$, уголъ $A=127^\circ 50'$, уголъ $B=30^\circ 25' 48''$. Найдти на его сторонѣ AC такую точку D , чтобы треугольникъ DBC былъ равнобедренный, то-есть, чтобы уголъ при D былъ равенъ углу C .

Запасная. Вычислить діагональ и площадь ромба, стороны котораго равны 37,52, а уголъ между ними заключенный $30^\circ 20' 15''$?

IV. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Ученые—свѣтъ, а неученые тьма.

Запасная. Трудъ и удовольствіе.

2. По латинскому языку.

Основная. Justin. XXIX. 4. Филиппъ, царь Македонскій, узнавъ, что Римляне и во второмъ сраженіи были побѣждены Карфагенянами, объявилъ себя ихъ врагомъ и началъ строить корабли, чтобы перевезти свои войска въ Италію. Потомъ онъ посылаетъ посла съ письмами къ Ганнибалу для того, чтобы заключить союзъ. Посолъ былъ схваченъ и приведенъ въ севать, который, не причинивъ ему никакого вреда, отпустилъ его, не изъ уваженія къ царю, а съ цѣлью не дѣлать врага, пока еще *нерешительнаго* (dubius), открытымъ. Но, получивъ потомъ извѣстіе, что Филиппъ готовится переправить войска въ Италію, Римляне посылаютъ съ флотомъ претора *Левина* (Laevinus), съ цѣлью помѣшать переправѣ. Прибывъ въ Грецію, въ двѣсти одиннадцатомъ году до Рождества Христова, преторъ общаніями склоняетъ *Этолійцевъ* (Aetoli) къ войнѣ противъ Филиппа, который, съ своей стороны, побуждаетъ *Ахейцевъ* (Achaei) объявить войну Римлянамъ. Но въ это время *жители Дарданіи* (Dardāni) начинаютъ опустошать границы Македоніи и привуждаютъ Филиппа оставить Римлянъ и сдѣлать для защиты своего царства. Между тѣмъ какъ *дѣла принимаютъ такой оборотъ* (= это дѣлается), Левинъ, заключивъ союзъ съ царемъ *Атталомъ* (Attalus), опустошаетъ Грецію. *Приведенные въ ужасъ* (persecuti) этими опустошеніями, многіе города умоляютъ Македонскаго царя оказать имъ помощь. Тогда Филиппъ, *недоумывая* (ambigere), что ему дѣлать въ столь *затруднительномъ положеніи* (res dubiae) и боясь потерять своихъ союзниковъ, заключаетъ миръ съ Римлянами, которые удовлетворились пока тѣмъ, что война съ Македоніей была *отсрочена* (differtur).

Запасная. Justin. I. 8. Киръ, покоривъ Азію и подчинивъ своей власти весь Востокъ, началъ войну съ Скиѣами. Прибытіе непріятелей не устрасило *Томирисъ* (Tomiris, is), которая была въ то время царицей Скиѣовъ: хотя она и могла не допустить Персовъ до перехода черезъ рѣку *Араксъ* (Araxes, is), однако дозволила ее перейти въ томъ убѣжденіи, что сражаться для нея легче въ предѣлахъ ея царства, для непріятелей же труднѣе должно быть бѣгство,

такъ какъ препятствованъ будетъ служить рѣка. Поэтому Киръ, переправивъ свои войска, подвинулся немного впередъ въ Скию (Scythia) и разбилъ лагерь. Затѣмъ, на слѣдующій день, выказывая притворный страхъ, онъ, какъ бы отступая, покинулъ свой лагерь, но оставилъ тамъ достаточно вина со всѣми запасами, необходимыми для пиршества. Узнавъ объ этомъ, царяца посылаетъ для преслѣдованія непріятелей своего еще очень молодого сына съ третьєю частью своего войска. Но юноша не зналъ войны: по прибытіи въ лагерь Кира онъ оставляетъ безъ вниманія непріятелей и дозволяетъ Скиавамъ, не приехавшимъ (inpetus) къ употребленію вина, напиться до излишества (опегаге vino). Между тѣмъ Киръ возвращается ночью въ лагерь, застаётъ пьяныхъ (saucius) варваровъ и умерщвляетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ сыномъ царяцы. Тогда, потерявъ столь значительную армію и, что еще болѣе должно было ее опечалить, своего единственного сына, не изливаетъ своей скорби слезахъ, но ищетъ утѣшенія въ мести.

3. По греческому языку.

Основная. Xenoph. Hellenica. Lib. I, cap. 4, §§ 12 sqq. Когда Алкивиадъ увидѣлъ, что Аены благосклонны (εὖνοος) къ нему, что граждане выбрали его вождемъ и что друзья его (ὁ ἐπιτήδειος) призываютъ его, онъ поплылъ въ Пирею. Когда онъ приближился къ берегу (καταπλέω), то весь народъ, и изъ Пирея, и изъ верхняго города, собрался къ кораблямъ, удивляясь и желая видѣть Алкивиада. Одни говорили, что это самый лучший изъ гражданъ, что онъ оправдался (ἀπολογέσθαι), что несправедливо былъ изгнанъ по кознямъ (ἐπιβουλεύματι) тѣхъ, которые были и безсильнѣе его, и ниже его даромъ слова (μολυβρότερον λέγειν), и управляли государствомъ ради собственной выгоды, что нужда (ἀμυχάνια) заставила его служить враждебнѣйшимъ лицамъ и ухаживать (θραπεύω) за ними, рискуя каждый день погибнуть. Другіе напротивъ утверждали, что онъ единственная причина всѣхъ бывшихъ у нихъ бѣдствій. Алкивиадъ, приставши къ землѣ, не тотчасъ вышелъ, опасаясь своихъ враговъ, но, стоя на палубѣ (κατάστρωμα), высматривая своихъ друзей, тутъ ли они. Увидѣвъ же своего двоюроднаго брата (ἀνέψιος) и прочихъ родныхъ, онъ только, тогда, спустившись съ корабля, вступилъ въ городъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые готовы были никому не позволить затронуть (ἀπτοῦναι) его.

Запасная. Xenoph. Hellenica. Lib. I, cap. 4, §§ 1—8. Фарнабазъ и аенскіе послы, бывшіе въ теченіе зимы во Фригій, узнали о событіяхъ, совершившихся у стѣнъ Византии. Съ началомъ же весны, когда они были на пути къ царю, повстрѣчались съ ними послы лакедемонскіе, возвращавшіеся отъ него (καταβαίνω), и стали говорить, что Лакедемоняне получили (πρόσω) отъ царя все, въ чемъ нуждались, что Киръ будетъ управлять всѣми приморскими областями и будетъ воевать заодно съ Лакедемонянами; они несли письмо за царскою печатю (ἔχειν τὸ βασιλείου σφράγισμα) ко всѣмъ прибрежнымъ жителямъ (οἱ κάτω), въ которомъ заключалось слѣдующее: „посылаю Кира начальникомъ (κράνος) тѣхъ войскъ, которые собираются въ Кастолъ (Καστωλός)“. Итакъ, слыша это и увидѣвъ самого Кира, аенскіе послы все-таки (μάστα) желали дойти до самого царя или же возвратиться домой. Но Киръ предложилъ Фарнабазу либо передать ему пословъ, либо не отпускать ихъ на родину

не желая, чтобы Аенняне знали, что совершается. И Фарнабазъ въ некоторое время задерживалъ пословъ, то говоря, что онъ *препроводитъ* (ἀναίω) ихъ къ царю, то,—что отправить ихъ домой. По прошествіи трехъ лѣтъ Фарнабазъ попросилъ Кира отпустить ихъ, утверждая, что онъ покаялся препроводить ихъ, если не къ царю, то къ морю. И такъ, отославъ ихъ къ Аріобарзану ('Αριοβαρζάνης), онъ поручилъ ему *переправить* ихъ (παράκομιζω); этотъ отвезъ ихъ въ Кіонъ (Κίος), откуда они отплыли къ стоявшему лагеремъ своему войску.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. На кирпичномъ заводѣ 20 работниковъ въ 18 дней, работая въ день по $\left[24 \frac{68}{105} - 23, (571428) \dots \right] \cdot 4,375$ часовъ, приготовили 14400 кирпичей.

Сколько кирпичей могутъ приготовить 16 работниковъ въ 20 дней, увеличивъ продолжительность рабочаго дня на 20%, если рабочая сила вторыхъ работниковъ относятся къ рабочей силѣ первыхъ какъ $\frac{1}{3+1} \cdot \frac{11}{24}$?

Запасная. Для составленія 7,75 пуда смѣси сахарнаго песку цѣною по 3 р. 25 коп. за пудъ взять песокъ двухъ сортовъ: пудъ перваго сорта стоитъ столько, какъ великъ учетъ векселя въ 262 р. 40 коп. по 8% за 1½ мѣсяца до срока; а цѣна пуда втораго сорта во столько разъ больше цѣны пуда перваго сорта, во сколько 0,4 (857142).... больше 0,375. Сколько нужно взять каждаго сорта песку для составленія смѣси?

б) По алгебрѣ.

Основная. Капиталистъ помѣстилъ 120,000 р. въ банкъ по 4¼%; часть годоваго дохода съ этого капитала онъ проживаетъ, а другую—прибавляетъ къ своему капиталу. Къ концу 5-го года капиталъ возросъ до 140,000 рублей. Спрашивается, сколько расходовалось ежегодно.

Запасная. Сумма крайнихъ членовъ непрерывной геометрической прогрессіи равна 35, а сумма квадратовъ—833. Найти средній членъ.

в) По геометріи.

Основная. Построить треугольникъ, когда даны: радіусъ круга, вписаннаго въ треугольникъ, уголъ А и линия, раздѣляющая этотъ уголъ пополамъ.

Запасная. Черезъ точку А пересѣченія двухъ данныхъ окружностей О и О' провести сѣкущую ВАС такъ, чтобы сумма хордъ ВА и АС была равна данной прямой S.

г) По тригонометріи.

Основная. Зная гипотенузу a прямоугольнаго треугольника и одинъ изъ острыхъ угловъ B , вычислить радіусъ круга, вписаннаго въ этотъ треугольникъ, полагая $a = 32793$ аршинамъ, а $B = 28^\circ 17' 48''$, 7.

Запасная. Въ трапеціи $ABCD$ основаніе $AB = 32, \text{ м } 375$; другое основаніе $CD = 17, \text{ м } 225$; уголъ $A = 42^\circ 30' 27''$; уголъ $B = 61^\circ 29' 13''$. Требуется определить объемъ, происходящій отъ вращенія трапеціи вокругъ AB .

V. ВЪ ОДЕССКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Заслуги духовенства въ исторіи просвѣщенія древней Руси.

2. По латинскому языку.

О Цицеронѣ, какъ обвинителѣ Верреса.

Самую большую и самую справедливую славу приобрѣлъ Цицеронъ обвиненіемъ Верреса, хотя и прежде не было никого въ Римѣ, кто бы не удивлялся его краснорѣчію. Верресъ въ качествѣ пропретора въ продолженіи трехъ лѣтъ имѣлъ Сицилію провинцію и съ такою надменностью, съ такою жестокостью, съ такимъ корыстолюбіемъ свирѣпствовалъ ¹ надъ Сицилійцами, что отнималъ обманомъ, угрозами и силой драгоценныя предметы у многихъ частныхъ людей и изъ городовъ похищалъ, какъ разбойникъ, художественныя ² статуи и другіе предметы украшенія ³, и даже изъ храмовъ изображенія боговъ. Поэтому, когда Сицилійцы рѣшились обвинить его въ лихоимствѣ, то всю свою надежду возложили ⁴ на Цицерона и не сомнѣвались, что выиграютъ ⁵ дѣло, если онъ возьметъ его на себя. Цицеронъ уступилъ ихъ просьбамъ, тотчасъ отправился въ Сицилію, и чтобы точнѣе разузнать дѣло, объѣхалъ ⁶ весь этотъ островъ, такъ какъ во всѣхъ мѣстахъ онъ самъ хотѣлъ видѣть и слышать какія злодѣянія совершилъ Верресъ. Когда Цицеронъ такимъ образомъ подготовилъ ⁷ обвиненіе съ такою дѣятельностью и заботливостью, онъ предсталъ ⁸ предъ судомъ съ такою неустрашимостью и съ такою силою краснорѣчія, что Гортензій, покровитель и защитникъ защищаемаго Верреса, не могъ ничего возражать ему. Верресъ добровольно удался въ изгнаніе, хотя еще не былъ произнесенъ приговоръ ⁹.

1. grassari in aliquem. 2. summo artificio factus. 3. decora. 4. collocare. 5. causam vincere. 6. perlustrare. 7. instituere. 8. existere in... 9. sententiam dicere.

3. По греческому языку.

Исторія единовластія ¹ Псамметиха въ Египтѣ.

Одважды Египтяне поставили у себя двѣнадцать царей, при чемъ и страну раздѣлили на двѣнадцать частей. Цари эти стали править вмѣстѣ ², подъ условіемъ жить между собою въ совершенной дружбѣ. Они сдѣлали эти условія

по той причинѣ, что имъ было предсказано отъ оракула, что тотъ изъ нихъ будетъ царствовать надъ всѣмъ Египтомъ, кто въ храмѣ Гефеста совершитъ возліаніе изъ мѣдной чаши. Однажды, когда цари въ храмѣ Гефеста приносили жертвы и имъ нужно было совершить ³ возліаніе, то жрецъ по ошибкѣ, вмѣсто двѣнадцати подалъ имъ только одиннадцать золотыхъ чашъ. Псамметихъ, стоявшій въ ряду царей послѣднимъ, не имѣя чаши, снялъ ⁴ въ головы мѣдный шлемъ и безъ всякаго злаго умысла употребилъ его для возліанія. Но другіе цари, вспомнивъ предсказаніе оракула, близко приняли ⁵ къ сердцу поступокъ Псамметиха и изгнали его въ болота ⁶, лишивъ большей части владѣній. Псамметихъ задумалъ отомстить своимъ гонителямъ. Вопросивъ объ этомъ оракула, онъ получилъ отвѣтъ ⁷, что отмщеніе наступитъ, когда явятся отъ моря мѣдные люди. И действительно, случилось, что Іоняне и Карійцы, которые разбойничали ⁸ по морямъ, были занесены въ Египетъ. Когда они въ мѣдныхъ доспѣхахъ вышли на берегъ, то какой-то Египтянинъ пришелъ къ Псамметиху съ извѣстіемъ, что пришли мѣдные люди и опустошаютъ страну. Понявъ, что предсказаніе сбывается, Псамметихъ склонилъ Іонянъ и Карійцевъ вступить къ нему на службу ⁹, а затѣмъ вмѣстѣ съ вѣрными Египтянами и этими помощниками свергнуть ¹⁰ другихъ одиннадцать фараоновъ.

1. монаρχία. 2. συνδοικέω τινί. 3. κατασπένδω. 4. περιαιρέμαί τί τινος. 5. λαμβάνω ἐν φρενί. 6. τὸ βλος. 7. χρημαός. 8. ληστεύω. 9. μεθ' ἑαυτοῦ γενέσθαι. 10. καθαιρέω.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

При земляныхъ работахъ 20 рабочихъ снимаютъ въ 15 дней 45 куб. саж. ³земли; сколько куб. саж. земли снимутъ 25 рабочихъ въ 40 дней, предполагая, что ~~перыи~~ рабочіе работаютъ 8 часовъ, вторыя 10 часовъ въ сутки, что сила первой артели относится къ силѣ второй, какъ 6 къ 7, и что твердость первой земли есть $\frac{2}{11}$ твердости второй.

б) По алгебрѣ.

Сумма неизвѣстнаго числа членовъ арифметической прогрессіи равна 4599, послѣдній членъ равенъ 212, а разность прогрессіи равна 5. Определить первый членъ и число членовъ.

в) По геометріи.

Вычислить объемъ прямого усѣченного конуса, если извѣстно, что радіусы основаній этого конуса 8 и 4 дюйма, а боковая поверхность его равна суммѣ площадей обонхъ основаній.

г) По тригонометріи.

Площадь круга, вписаннаго въ прямоугольный треугольникъ, одинъ изъ угловъ котораго равенъ $15^{\circ} 25' 10''$, равна 154 квадр. дюйм. Определить стороны треугольника.

VI. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Характеръ поэзіи Державина (по одамъ „Фелица“, „Видѣніе мурзы“, „Богъ“ и „На смерть князя Мещерскаго“).

Запасная. Отличительныя черты ложноклассической оды, съ указаніемъ важнѣйшихъ представителей ея въ русской литературѣ.

2. По латинскому языку.

Основная. Когда Кампанцы, по совѣту Колавія, заключили союзъ съ Ганнибаломъ, одинъ только Магій Децій не скрывалъ своего негодованія и говорилъ открыто, что принятый въ городъ карфагенскій гарнизонъ нужно или выгнать, или умертвить для того, чтобы возстановить союзъ съ Римлянами. Ганнибалъ, которому объ этомъ было донесено, сперва приказалъ схватить Деція и въ оковахъ привести къ себѣ, но потомъ, опасаясь, что онъ этимъ взволнуетъ гражданъ, порѣшилъ самъ отправиться въ городъ. Прибывъ туда, онъ первый день употребилъ на осмотръ города, а на слѣдующій созвалъ сенатъ и потребовалъ выдачи Деція. Хотя большинству сенаторовъ этотъ мужъ казался не заслуживающимъ (не достойнымъ) такой бѣдственной участи, однако они согласились. Схватенный Децій былъ приведенъ къ Ганнибалу, который приказалъ ему оправдываться. Но когда Децій сказалъ, что на основаніи договора его нельзя принудить къ этому, то было приказано отвести его въ лагерь. Когда его привели въ лагерь, то Ганнибалъ, опасаясь, что сенаторы раскаются въ выдачѣ знатнаго мужа и потребуютъ его возвращенія, отослалъ его въ Карфагенъ. Но буря занесла корабль въ Кирену, бывшую тогда подъ властью Египетскаго царя, который освободилъ Деція и предоставилъ ему возвратиться или въ Капую или въ Римъ. Децій же, не считая себя безопаснымъ ни въ одномъ изъ этихъ городовъ, заявилъ, что предпочитаетъ остаться во владѣніяхъ того, кто его освободилъ.

Взволновать — *concitare*, употребить — *consumere*, осмотръ — *visere*, бѣдственная участь — *calamitas*, требовать возвращенія — *perpetere*, Кирена — *Cyrenae*, предоставить — *permittere*.

Запасная. Такъ какъ Римляне понимали, что Карфагеняне были бы для нихъ опасны, еслибы расширили свои владѣнія въ Испаніи, то они заключили съ Гасдрубаломъ союзъ, по которому было определено, чтобы рѣка Эбро была границею завоеванной Карфагенянами земли, и чтобы Сагунтъ былъ переданъ подъ покровительство Римлянъ. Между тѣмъ какъ Гасдрубалъ соблюдалъ заключенный съ Римлянами союзъ, Ганнибалъ, лишь только ему была передана верховная власть, рѣшился завоевать Сагунтъ, чтобы расширить владѣнія Карфагенянъ. Но побоявшись, чтобы Римляне, узнавши о томъ, что онъ предпринимаетъ, не помѣстили въ городѣ гарнизона, онъ напалъ на Сагунтъ прежде, чѣмъ его планъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ въ Римѣ. Какъ скоро Римляне услышали, что союзный съ ними городъ тѣснимъ Ганнибаломъ, то отправили пословъ, чтобы тѣ напомнили ему о договорѣ. Но Ганни-

балъ даже не принялъ ихъ, говоря, что у него болѣе важныя дѣла, чѣмъ выслушивать пословъ. Также и отправленное въ Карфагенъ посольство не достигло ничего. Такимъ образомъ случилось, что Сагунтинцы, защищавшіеся весьма храбро восемь мѣсяцевъ и мужественно перенесши всѣ бѣдствія осады, были поставлены въ необходимость сдать городъ. Въ слѣдующемъ году Ганнибалъ, думая, что принесетъ Римлянамъ величайшій вредъ, если нападетъ на нихъ въ самой Италіи, выступилъ изъ Новаго Карфагена съ 90,000 чело-вѣкъ пѣхоты, 12,000 всадниковъ и 37 слонами, перешелъ Пиреней и поднявшійся на Альпы съ величайшими усиліями и трудностями ⁴ прибылъ въ Италію по прошествіи пяти мѣсяцевъ.

1. in fidem. 2. permanere 3. foedere iunctus. 4. molestiae.

3. По греческому языку.

Основная. Титъ Фламиній ¹, пришедши въ качествѣ посла къ царю Вивинскому и замѣтивъ, что при дворѣ его проживаетъ ² Ганнибалъ, разсердился на то, что самый заклятый врагъ Римскаго народа еще живетъ, и не постыдился требовать, чтобы Ганнибалъ былъ ему выданъ, хотя самъ Прузій упрямивалъ его (оставить Ганнибала въ покоѣ) и доказывалъ ему, что Ганнибалъ теперь совершенно безвреденъ ³. Но такъ какъ Фламиній не переставалъ требовать, то Прузій, видя, что не въ состояніи убѣдить его, согласился. Когда Ганнибалъ услышалъ, что Фламиній требуетъ его выдачи, то тотчасъ хотѣлъ убѣжать изъ дома, въ которомъ онъ жилъ, тайными подземными ходами, но это ему не удалось. Тогда онъ увидѣвъ, что нѣтъ надежды на спасеніе и потому рѣшился добровольно умереть. Смѣшавъ ядъ съ водою и взявъ въ руки чашу, онъ сказалъ: „Избавимъ наконецъ Римлянъ отъ постоянной ⁴ заботы, такъ какъ они не въ состояніи дожидаться смерти ненавистнаго ⁵ старика“. Сказавъ это, Ганнибалъ выпилъ ядъ и такимъ образомъ скончался.

1. Τίτος Φλαμίνιος. 2. διατρίβαι. 3. ἀβλαβής. 4. πόλος. 5. μισορόματος.

Запасная. Сраженіе при островѣ Саламинѣ.

Θемистоклѣ, желая дать сраженіе при островѣ Саламинѣ, отправилъ надежнаго чело-вѣка въ Персидскій лагерь, объяснивъ ему, что онъ долженъ говорить. Этотъ чело-вѣкъ былъ учителемъ его дѣтей. Прибывши въ Персидскій лагерь, онъ сказалъ полководцамъ слѣдующее: „меня прислалъ аѳинскій вождь Θемистоклѣ безъ вѣдома ¹ остальныхъ Грековъ. Онъ благопріятствуетъ ² царю и желаетъ, чтобы Персы одержали побѣду надъ Греками. Въ настоящее время Греки не согласны ³ между собою и не будутъ въ состояніи вамъ противостоять ⁴, такъ какъ тѣ, которые вамъ благопріятствуютъ, будутъ сражаться противъ тѣхъ, которые вамъ не благопріятствуютъ“. Сказавъ это, онъ удался. Персы, довѣряя этимъ словамъ, высадили ⁵ большее число войска на островъ Пеннталею ⁶ и затѣмъ двинулись ⁷ съ своими кораблями. Остальные Персы заняли заливъ отъ Саламина до Мунихія ⁸, такъ какъ они надѣялись, что, такимъ образомъ, Греки, не имѣя возможности убѣжать, всѣ погибнутъ въ этомъ мѣстѣ. Греческіе вожди, узнавъ объ этомъ, рѣшили приготовиться къ морскому сраженію ⁹ и на разсвѣтѣ созвали солдатъ. Собранныхъ солдатъ они увѣще-

вали сражаться храбро за свое отечество. Затѣмъ вожди велѣли солдатамъ отплыть въ открытое ⁴⁰ море для того, чтобы сразиться съ Персами. Въ этомъ сраженіи Персы были разбиты и большая часть ихъ кораблей погибла.

1. Λάθρα. 2. εὐνοον εἶναι. 3. ὁμοφρονεῖν. 4. ὑφίστασθαι. 5. ἀποβιβάζω. 6. Ψυττάλεια. 7. двинуться = двинуть = ἀπάγειν. 8. Μοוניχία. 9. выразить глаголомъ ναυμαχεῖν. 10. открытое море πόντος.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. На процентныя деньги, полученныя за 8 мѣсяцевъ съ капитала 540 р., отданнаго въ ростъ по 5%, куплено 9 фунтовъ чаю. Этотъ чай былъ смѣшанъ съ 16 фунтами чаю другого сорта, при чемъ получилась смѣсь въ 2 р. 64 к. за фунтъ. Сколько стоитъ фунтъ другого сорта чаю?

Запасная. Три артели работниковъ, изъ которыхъ въ 1-й было 8 человекъ, во 2-й 10 человекъ, а въ 3-й 12 человекъ, получили отъ нанимателя за работу процентныя деньги съ 14,700 руб. за 8 мѣсяцевъ, считая по 8% въ годъ. Сколько слѣдуетъ выдать каждой артели, если 1-я работала 5 дней по 6 часовъ, 2-я 8 дней по 5 часовъ, а 3-я 3 дня по 4 часа.

б) По алгебрѣ.

Основная. Два путешественника выѣхали на встрѣчу другъ друга изъ двухъ городовъ, находящихся на разстояніи 240 верстъ, при чемъ одинъ выѣхалъ двумя часами раньше другаго; встрѣтились они на срединѣ дороги. Еслибъ они выѣхали въ одно и то же время, то чрезъ 9 часовъ пути они были бы еще другъ отъ друга въ 42 верстахъ. Во сколько часовъ каждый изъ путешественниковъ могъ бы проѣхать разстояніе между городами?

Запасная. Сумма капиталовъ, отданныхъ въ ростъ—5,900 р., сумма процентовъ 10; процентныя деньги за годъ съ перваго капитала 210 р., со втораго 96 р. Определить капиталы и узнать, по скольку процентовъ каждый изъ нихъ отдалъ въ ростъ?

г) По геометріи.

Основная. Въ шарѣ радіуса κ вписать прямой конусъ, объемъ котораго равенъ объему сегмента, имѣющаго съ нимъ общее основаніе. Вычислить высоту конуса. Частное значеніе $\kappa = 1$ футу. Точность до 0, 01.

Запасная. Основаніе правильной пирамиды есть квадратъ, сторона котораго равна a дюймамъ. Высота пирамиды h дюймовъ. На разстояніи d дюймовъ отъ основанія проведена плоскость параллельная основанію. — Определить боковую поверхность усѣченной пирамиды. $a = 7$, $h = 12$, $d = 5\frac{1}{2}$.

г) По тригонометріи.

Основная. Изъ точки вѣвъ круга проведены касательная и сѣкущая; онѣ образуютъ уголъ въ $68^{\circ} 18' 50''$. Внутренній отрѣзокъ сѣкущей—5, 6612, вѣшній—2, 8425. Определить радіусъ круга и хорду, соединяющую конецъ сѣкущей съ точкой прикосновенія касательной.

Запасная. Перпендикуляръ, опущенный изъ вершины прямого угла на гипотенузу, дѣлитъ ее на два отрѣзка, длина которыхъ 4, 928 метра и 3, 643 метра. Опредѣлить углы и стороны треугольника.

VII. ВЪ ВАРШАВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Ломоносовъ и значеніе его дѣятельности въ исторіи просвѣщенія Россіи.

2. По латинскому языку.

Существуетъ древнее изреченіе мудраго Солона, въ которомъ онъ говоритъ, что не жалеетъ, дабы его смерть была лишена скорби и рыданій друзей, но едва ли не лучше полагалъ Эниій, который требуетъ, чтобы никто не удостоивалъ его послѣ смерти слезъ и не провожалъ съ плачемъ его тѣла. Онъ не думаетъ, чтобы нужно было оплакивать смерть, за которою слѣдуетъ безсмертіе. Въ этомъ должны быть убѣждены всѣ тѣ, которые не хотятъ, чтобы страхомъ смерти было нарушаемо спокойствіе ихъ жизни; ибо никто не можетъ быть спокоенъ духомъ, если онъ не относится равнодушно къ смерти. Вѣдь умереть во всякомъ случаѣ должно и только неизвѣстно, въ этотъ ли самый день. А кто боится ежечасно угрожающей смерти, какъ можетъ сохранить спокойствіе духа? Нѣтъ, кажется, никакой нужды такъ много распространяться объ этомъ, если вспомнимъ, не объ обоихъ Деціяхъ, которые своею добровольною смертью спасли римское войско, не объ Атиліи Регулѣ, который подвергся смертной казни за то, что не хотѣлъ нарушать даннаго непріятелямъ слова, не объ обоихъ Сципіонахъ, которые желали хотя бы своими тѣлами преградить Пунійцамъ дорогу, не о Люціѣ Павлѣ, который во время Каннскаго позора искупилъ смертью легкомысліе своего товарища, не о Маркѣ Марцеллѣ, котораго даже жесточайшій врагъ не хотѣлъ лишать чести погребенія: но о томъ, что часто цѣлые легіоны жертвовали своею жизнью для блага отечества и съ веселымъ и добрымъ видомъ отправлялись туда, откуда они никогда не надѣялись возвратиться. Ужели же мудрецы будутъ бояться того, что презираютъ юноши, и притомъ не только не ученые, но даже совсѣмъ необразованные?

3. По греческому языку.

Киръ, помиривъ Халдеевъ съ Армянами, сталъ спускаться съ горъ въ Арменію. Когда онъ прибылъ въ населенныя мѣста, ни одинъ Армянинъ не остался дома. Радаясь миру, всѣ мужины и женщины выходили къ нему на встрѣчу и везли все, что кто имѣлъ драгоценнаго. Царь Армянскій не сердился на своихъ подданныхъ за это, такъ какъ онъ понималъ, что Киръ радъ былъ такому общему почету. Наконецъ вышла на встрѣчу супруга царя съ дочерью и младшимъ сыномъ. Вместе съ другими дарами она привезла и тѣ деньги, которыхъ Киръ прежде не хотѣлъ взять. Увидя это, Киръ сказалъ: „вы не заставите меня за плату ходить повсюду и дѣлать добро. Ты, женщина, возвращайся съ этими деньгами и не давай ихъ мужу зарывать ихъ въ

землю. Снаряди на нихъ какъ можно лучше своего сына и отправь въ предпринимаемый мною походъ, а на остальное приобрѣти для себя, для мужа, для дочерей и сыновей тѣ вещи, благодаря которымъ вы будете въ состояніи проводить жизньъ лучше и пріятнѣе; а въ землю зарывайте тѣла, когда кто умретъ". Сказавъ это, Киръ уѣхалъ. Царь и всѣ прочіе жители Арменіи провожали его, называя его благодѣтелемъ и прекраснымъ человѣкомъ, и это дѣлали до тѣхъ поръ, пока онъ не выбылъ изъ ихъ страны.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Три купца на общій капиталъ приобрѣли пшеницу и отправили ее въ Марсель, платя за провозъ 5%, ея стоимости. Продавъ пшеницу въ Марсель за 84672 франка, они получили прибыли 12% всей суммы, затраченной на покупку и провозъ пшеницы. Какая сумма затрачена была на покупку пшеницы, если 1 рубль по курсу равенъ 3,599.... франк. и части 1-го и 2-го купцовъ относятся какъ $\frac{1}{1+1}$, а часть третьяго составляетъ $66\frac{2}{3}\%$ суммы частей двухъ первыхъ?

б) По алгебрѣ.

Нѣкто сдѣлалъ заемъ по 5% (сложныхъ) съ тѣмъ, чтобы погасить его въ 25 лѣтъ ежегодными равными взносами. Определить какой % занятой суммы должны составлять ежегодные взносы.

в) По геометріи.

Вычислить объемъ правильной шестиугольной пирамиды по даннымъ: боковому ребру В и площади сѣченія с' пирамиды плоскостью, проходящей черезъ ребро и высоту. В = 3 фут., с = 2 фут.

г) По тригонометріи.

Опредѣлить углы прямоугольнаго треугольника, въ которомъ перпендикуляръ, опущенный изъ вершины на гипотенузу, дѣлитъ ее въ крайнемъ и среднемъ отношеніи.

VIII. ВЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКОМЪ ОКРУГѢ.

(Въ гимназіяхъ Тобольской, Томской и Омской).

1. По русскому языку.

Государственныя заслуги русскаго духовенства до XVIII столѣтія.

2. По латинскому языку.

Римляне всегда предпочитали религію всему другому, какъ видно изъ слѣдующаго факта. Когда Римъ взятъ былъ Галлами, жрецъ Коиринъ вывѣстѣ съ весталками выносилъ изъ города священную утварь, чтобы спасти ее отъ всякаго оскверненія. На улицѣ, не далеко отъ деревяннаго моста, встрѣтился съ

ними Маций Альбинъ, сидя съ женою и съ дѣтьми своими на *простой телеги* чтобы также убѣжать отъ варваровъ и какъ можно скорѣе *выбраться* изъ Рима. Но лишь только онъ увидѣлъ жреца и весталокъ, несущихъ въ рукахъ священную утварь, какъ тотчасъ же велѣлъ своей женѣ и своимъ дѣтямъ сойти съ телеги и возвратиться домой, а весталокъ и священную утварь помѣстилъ на своей телегѣ и отвезъ въ городъ *Цере*. Жители этого города приняли весталокъ и священную утварь Римлянъ съ такимъ *благоуваженіемъ*, что съ того времени начали называть священные обряды *церемоніями*, а простую телегу Альбина почитали выше самой драгоценной триумфальной колесницы.

3. По греческому языку.

Пелопидъ. Въ первый годъ сто четвертой олимпіады Тессалійцы, воевавшіе съ Александромъ, тиранномъ *Ферейскимъ*, потерпѣвъ пораженіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и лишившись многихъ воиновъ, отправили пословъ къ Фивянамъ съ просьбой помочь имъ и послать къ нимъ Пелопида въ полководцы: ибо они знали, что этотъ мужъ за то, что былъ взятъ Александромъ въ плѣнъ, былъ враждебно настроенъ противъ этого властителя и вѣсть съ тѣмъ отличался своею храбростію и *сдѣлался извѣстенъ* своимъ стратегическимъ талантомъ. Беотійцы созвали общее собраніе и согласились исполнить просьбу Тессалійцевъ; они дали Пелопиду около 7,000 солдатъ съ порученіемъ идти на помощь Тессалійцамъ. Въ то время, какъ Пелопидъ немедленно выступилъ съ войскомъ, *случилось затмѣніе солнца*, и не смотря на то, что нѣкоторые предсказатели по этому (случаю) объявили Пелопиду смерть, онъ все-таки двинулся съ войскомъ. Пришедши въ Тессалію, онъ увидѣлъ, что Александръ раньше занялъ возвышенныя мѣста и имѣетъ болѣе 20,000 воиновъ, но все-таки расположился противъ вепріателей и, получивъ отъ Тессалійцевъ *всюмогательныя* войска, завязалъ съ противниками битву.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

А отдалъ свой капиталъ въ ростъ по 6% и получилъ годовой прибыли 1,935 руб., В отдалъ свой капиталъ по столько процентовъ, по скольку слѣдуетъ отдать въ ростъ 0,1333... капитала А для того, чтобы въ два года получить прибыли 602 руб. Прибыль, полученная В, составляетъ сумму, вырученную отъ продажи векселя въ 6,510 руб., учтеннаго по 5% за 8 мѣцевъ до срока. Каковъ былъ капиталъ В?

б) По алгебрѣ.

Два купца А и В составили капиталъ, чтобы взять подрядъ; часть капитала, принадлежавшая купцу В, была 100 рублями болѣе половины части А. Подрядъ принесъ 100 руб. прибыли, изъ которой купцу А приходилось получить долю, равную $\frac{2}{3}$ капитала В. Сколько внесъ каждый въ предпріятіе?

в) По геометріи.

Боковая поверхность правильной четырехугольной пирамиды $S = 32, 16$, а высота ея $h = 2, 24$. Вычислить площадь сѣченія этой пирамиды, зная, что сѣченіе проходить чрезъ средину высоты пирамиды параллельно основанію.

г) По тригонометріи.

Длина одной изъ сторонъ треугольника равна 45 дюйм., другой 300 дюйм., а площадь 200 кв. дюйм. Опредѣлять углы этого треугольника и третью сторону.

Темы по письменнымъ испытаніямъ, предложенныя въ Вѣрненской гимназіи.

1. По русскому языку.

Черты средневѣкового общества въ „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкина.

2. По латинскому языку.

Киръ, покорившій всю Азію и приведшій весь Востокъ подъ свою власть, началъ войну противъ Скиновъ. Въ это время царицей Скиновъ была *Томирисса*, которая не испугалась, какъ женщина, прихода непріятелей и, хотя и могла имъ воспрепятствовать въ переходѣ чрезъ рѣку Оаксасъ, дозволила имъ перейти, думая, что сраженіе внутри предѣловъ своего царства для нея будетъ легче, а бѣгство, *благодаря преданности* рѣки, для непріятелей труднѣе. Итакъ Киръ, переправивъ свои войска, *расположился лагеремъ*. Затѣмъ на слѣдующій день Киръ, будто бы съ притворнымъ страхомъ, покинулъ лагерь, оставилъ *одоволь* вина и всего того, что необходимо для пира. Когда это возвѣщено было царицѣ, она послала своего юнаго сына съ третьєю частью войска, чтобы онъ его преслѣдовалъ. Когда пришли къ лагерю Кира, то юноша, неопытный въ военномъ дѣлѣ, какъ будто бы пришелъ къ пиру, а не къ сраженію, *упустилъ* непріятелей изъ виду, дозволивъ своимъ варварамъ *напиться виномъ*. Киръ же, узнавшій объ этомъ, вернулся обратно, началъ на *пьяныхъ* и убилъ всѣхъ Скиновъ вмѣстѣ съ сыномъ царицы. Потерявъ столько войска и, о чемъ слѣдовало *еще больше скорбѣть*, своего единственнаго сына, Томирисса, *не изливала скорби о потерѣ въ слезахъ, а искала облегченіе* въ мести и поставила тѣмъ же самымъ обманомъ въ *затруднительное положеніе непріятелей*, ликующихъ еще надъ своею недавнею побѣдой; именно, она съ притворнымъ *отчаяніемъ* вслѣдствіе нанесеннаго ей удара, отступая, *завлекла* Кира до самыхъ тѣсныхъ. Здѣсь, разставивъ по горамъ засады, она убила 200,000 Персовъ вмѣстѣ съ самимъ царемъ.

3. По греческому языку.

О Гераклѣ. Элліны разказываютъ, что, когда Гераклъ прибылъ въ Египетъ, Египтяне увѣнчали его и повели въ торжественной процессіи, съ тѣмъ, чтобы принести въ жертву Зевсу. Сперва онъ шелъ спокойно, но лишь только они хотѣли заковать его передъ алтаремъ, онъ *собрался со всеми силами* и перебилъ Египтянъ. По моему мнѣнію, Элліны, говоря такимъ образомъ, обнаруживаютъ совершенное незнаніе характера Египтянъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы они знали, что Египтянамъ не позволялось приносить въ жертву даже

его однажды просилъ себя потомства, Аполлонъ Дельфійскій далъ такой отвѣтъ: „ты желаешь потомства, Лай, но это тебѣ не послужитъ въ пользу, потому что сынъ твой убьетъ тебя“. Царь Лай отдалъ впоследствии маленькаго сына, который у него родился, пастуху, чтобы убить его; но этотъ отдалъ его другому пастуху, который отнесъ его въ Коринѣ и передалъ тамошнему царю, у котораго не было дѣтей. Эдипъ долгое время жилъ въ Коринѣ. Онъ казался Коринѣянамъ однимъ изъ величайшихъ мужей (ихъ) города, такъ какъ внушалъ имъ, чтобы они уважали добродѣтель и въ ней полагали высшее благо. Но, однажды случилось, что одинъ пьяный назвалъ его поджидищемъ. Хотя ему и можно было остаться дома и управлять Коринѣянами, однако онъ, оскорбленный упомянутымъ обиднымъ словомъ, рѣшился отправиться въ Дельфы, чтобы спросить бога о своемъ происхожденіи. Не назвавъ именъ родителей, оракулъ далъ отвѣтъ, что онъ убьетъ отца и женится на своей матери. Тогда онъ удалился въ Фивы и думалъ наслаждаться здѣсь полнѣйшимъ счастьемъ. Дѣйствительно, онъ получилъ царство и, кромѣ того, женился на Юкастѣ. О, какъ неразуменъ и несчастенъ (этотъ) человѣкъ! Онъ оказался въ наибольшемъ несчастьи (именно) тогда, когда, по видимому, боги даровали ему полнѣйшее счастье.

1) Жизнь—*aetās*; 2) предъ словами: „когда отецъ его“... прибавить — *nam*; 3) прошу потомства — *peto ut filio augear*; 4) родился — выразить глаголомъ *augeo*; 5) полагаю (высшее благо)—*positum esse credo*; 6) поджидишь — *filius subditus*; 7) обидное слово — *contumeliosa vox*; 8) о своемъ происхожденіи—*quo patre utor*; 9) удалиться—*descendere*; 10) оказываюсь—*vergor*.

3. По греческому языку.

Какимъ образомъ исполнился отвѣтъ оракула Крезу. Когда отвѣтъ Дельфійскаго оракула былъ донесенъ въ Сарды, Крезъ весьма обрадовался (ему), думая, что онъ говоритъ въ его пользу, и вполне надѣясь разрушить царство Кирова. Поэтому, вооруживъ громадное войско, двинулся походомъ противъ Персовъ. Но вскоре оказалось, что онъ ложно (ошибся) понялъ изреченіе оракула. Именно, (когда) произошло ожесточенное сраженіе, и (на) обѣихъ (сторонахъ) пало большое (число людей), и наконецъ *ни та, ни друа* (одно слово) сторона не одержали побѣды, Крезъ отступилъ назадъ въ Сарды, а Киръ погнался за нимъ какъ можно скорѣй и, осадивъ и занявъ городъ, опустошилъ его и взялъ въ плѣнъ самого Креза. Такимъ образомъ Крезъ, по двусмысленнымъ словамъ оракула, разрушилъ не (царство) Кира, а свое собственное великое государство, процарствовалъ 14 лѣтъ и послѣ 14-дневной (=осаждаемый 14 д.) осады. Потомъ онъ въ послѣдній разъ отправилъ въ Дельфійскому богу пословъ, поручивъ имъ положить оковы его въ храмъ и спросить бога Эллинскаго, вошло ли у него въ обычай обманывать своихъ благодѣтелей. Пнеія, говорятъ, отвѣчала имъ, что отъ опредѣленной судьбы не возможно убѣжать даже богу.

1) Весьма обрадоваться—*ὀπερήδεσσαι*; 2) говорить въ пользу кого-нибудь—*πρόσ τινα εἶπαι*; 3) оказываться—быть очевидцемъ; 4) гнаться—*ἐλαύνειν*; 5) опустошать—*δρῶν*; 6) брать въ плѣнъ—*ζωρεῖω*; 7) двусмысленный—*κίβδηλος*; 8) слова оракула = изреченіе оракула, отвѣтъ оракула; 9) оковы = *πέδα*; 10) вошло въ обычай, есть обычай—*νόμος ἐστὶ τιμὴ*; 11) опредѣленный—*παπρωμένη* adj.

часть ССЛIV, отд. 4.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

200 рабочихъ въ 40 дней, работая по 10 час. въ день, вырыли каналъ длиною въ 1 вер. 120 саж., шириною въ 5 саж. 3 ф., глубиною въ 2 арш. 12 вершк. Сколько человекъ надо прибавить къ этимъ рабочимъ, чтобы можно было въ 60 дней, работая ежедневно по 12 ч., вырыть каналъ въ 250 саж. длиннѣе предыдущаго, при той-же ширинѣ и глубиною въ 3 арш., если трудность второй работы относится къ трудности первой какъ 6 ?

б) По алгебрѣ.

Для покупки имѣнія явились три охотника. Первый предлагаетъ за имѣніе 30.000 рублей чистыми деньгами; второй обязуется заплатить 33.500 рублей по прошествіи 3 лѣтъ, а третій предлагаетъ 40.000, обязуясь заплатить оные чрезъ 7 лѣтъ. Спрашивается: который изъ трехъ покупателей предлагать наибольшую сумму, полагая, что капиталъ могъ бы приносить 5%?

в) По геометріи.

Кусокъ льда въ формѣ прямоугольнаго параллелепипеда плаваетъ въ морской водѣ. Длина вертикальнаго ребра параллелепипеда=10,5 метра, длина двухъ другихъ его измѣреній 15,75 метра и 20,45 метра. Плотность льда при 0°=0,93; плотность морской воды=1,026. На сколько кусокъ льда погруженъ въ воду?

г) По тригонометріи.

При опредѣленіи высоты одного фонтана оказалось, что лучъ зрѣнія, направленный изъ глаза наблюдателя на вершину струи, составляетъ съ горизонтальною плоскостью уголъ въ 22° 10'; отойдя по направленію къ фонтану на 50,84 метра отъ перваго мѣста, наблюдатель нашелъ, что уголъ, который лучъ зрѣнія, направленный къ вершинѣ струи, составляетъ въ этомъ мѣстѣ съ горизонтальною плоскостью, равняется 43° 10'. Высота солнца въ моментъ наблюденія была равна 62° 17'. Глазъ наблюдателя при измѣреніи угловъ отстоялъ отъ поверхности земли на 1,765 метра. Опредѣлить высоту струи.

X. ПО КАВКАЗСКОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

О значеніи труда въ жизни человека.

2. По латинскому языку.

На десятомъ году Мессенской войны Лакедемоняне заключили съ Мессенцами на сорокъ дней перемиріе, чтобы отпраздновать отечественный праздникъ Гіацинтій '). Сами они дѣйствительно пошли домой и приняли участіе въ

празднествъ; однако критскіе стрѣлки, которыхъ они наняли за плату, дѣлали между тѣмъ набѣги на Мессенію. Когда поэтому Аристоменъ, геройскій предводитель Мессенцевъ, полагаясь ¹⁾ на перемиріе, покынулъ хорошо укрѣпленную Иру и, ничего не опасаясь, шелъ по тѣмъ мѣстамъ, то его схватили семь (человѣкъ) изъ числа Критянъ и связали ремнями. Такъ какъ наступалъ вечеръ, то они удалились съ нимъ на хуторъ ²⁾ въ Мессенской области, гдѣ жила съ своею матерью одна дѣвушка, отецъ которой умеръ. Этой (последней) въ предшествующую ночь снился сонъ, будто волки привели въ ея домъ скованнаго льва, которому она разбила ³⁾ оковы и такимъ образомъ дала возможность растерзать волковъ. Итакъ, когда Аристоменъ былъ введенъ Критянами, дѣвушка поняла, что ея сонъ сбывается ⁴⁾ и спросила свою мать, кто это (такой). Услыхавъ имя того мужа, къ которому она давно была проникнута удивленіемъ ⁵⁾, она тѣмъ болѣе ободрилась и поняла, что ей было приказано видѣніемъ ⁶⁾. Итакъ она поднесла ⁷⁾ Критянамъ вина, сколько они хотѣли пить и, когда они всѣ пьяные валялись ⁸⁾ на землѣ, вытащила ⁹⁾ у того, котораго нашла спящимъ крѣпче ¹⁰⁾ другихъ, ножъ и разрѣзала узы Аристомена, который тотчасъ перерѣзалъ всѣхъ. Дѣвушка же онъ выразилъ заслуженную и должную благодарность за свое спасеніе тѣмъ ¹¹⁾, что отдалъ ее замужъ за своего сына Горга, достойнаго юношу.

1) Solemnia Hyacinthiorum. 2) Fiducia. 3) Villa. 4) Solvere. 5) Eventu comprobati. 6) Admiratione alicuius imbutum esse. 7) Somni species. 8) Largiri 9) Se abicere. 10) Abducere. 11) Graviore somno sopitus. 12) Ita.

3. По греческому языку,

Діонисій, тиранъ Сиракузскій, окончивъ войну съ Карфагенянами, наслаждался ¹⁾ продолжительнымъ миромъ и досугомъ. Поэтому онъ съ большиною усердіемъ принялся ²⁾ писать стихи, приглашалъ къ себѣ всѣхъ пользующихся славой за свои стихотворенія поэтовъ и, имѣя ихъ въ большомъ почетѣ, бесѣдовалъ съ ними и давалъ имъ поправлять ³⁾ свои произведенія. Изъ всѣхъ гостившихъ у Діонисія поэтовъ только одинъ Филоксенъ, сочинитель днотрабозъ, не прибѣгалъ ⁴⁾ къ лести, но часто говорилъ тирану истину. Однажды тиранъ, прочитавъ на пирѣ очень плохіе стихи, спросилъ его, какое онъ имѣетъ объ нихъ мнѣніе. Когда этотъ отвѣтилъ съ большою откровенностью, то тиранъ, разсердившись, сталъ упрекать ⁵⁾ его, что онъ порицаетъ изъ зависти, и приказалъ слугамъ тотчасъ отвести его въ тюрьму. На слѣдующій же день, когда друзья просили простить Филоксена, тиранъ, примирившись съ нимъ, пригласилъ его снова на пиръ и снова сталъ восхвалять свои стихи. Но Филоксенъ молчалъ и когда былъ спрошенъ затѣмъ, какими кажутся ему стихи, то приказалъ слугамъ отвести себя въ темницу. Діонисій, удивившись его присутствію духа, засмѣялся и не сдѣлавъ ему никакого вреда, простилъ его.

1) ἔχω. 2) ἐπιχειρέω. 3) διορθόω. 4) χράομαι. 5) καταμέμφομαι.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили же- лан. подверг- нуться исп.			Не были допущены къ ис- пытанію.						Отсрочено испы- таніе.		
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимна- зисты.	По мало-успѣш- ности.	По нравствен- ной неадекват- ности.	Посторон- ніе на основаніи § 44 пунк- товъ.			Итого (и процент- ное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 65 правилъ.
							а.	б.	в.			
<i>С.-Петербургскій:</i>												
20 правительств. гимназій	283	43	326	4	—	—	—	—	—	4 (1,2)	—	—
3 церковныя училища	—	—	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназій	—	—	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 25 учебн. завед.												
	283	43	392	4	—	—	—	—	—	4 (1,02)	—	—
<i>Московскій:</i>												
20 правительств. гимназій	473	36	509	30	1	1	—	4	36 (7,1)	3 (гимн.)	4 (гимн.)	—
1 церковное училище.	—	—	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназій	—	—	21	1	—	—	—	—	1 (4,7)	1 (гимн.)	—	—
Во всѣхъ 23 учебн. завед.												
	473	36	541	31	1	1	—	4	37 (6,8)	4	4	—
<i>Казанскій:</i>												
8 правительств. гимназій	184	32	216	9	1	1	—	2	13 (6)	1 (гимн.)	—	—
<i>Оренбургскій:</i>												
6 правительств. гимназій	75	4	79	—	—	—	—	—	8 (10,1)	—	—	—
<i>Харьковскій:</i>												
14 правительств. гимназій	279	43	322	12	—	2	—	2	16 (5)	1 (пост.)	—	—
<i>Одесскій:</i>												
13 правительств. гимназій	275	53	328	9	1	1	1	12	24 (7,3)	—	1 (пост.)	—
<i>Кіевъ:</i>												
14 правительств. гимназій	421	104	528	13	—	—	—	—	13 (2,4)	3 (гимн.)	—	—

и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1884 году.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей		
Гимназисты.	Посторонніе.	В с е г о.	Гимназисты.	Посторонніе.	В с е г о.	Среднее число на каждое учебное засѣданіе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и про- центное отноше- ніе въ числу удостоенныхъ аттестата).
279	13	322	263 (94,2%)	(53,5%)	286 (88,8%)	11 ⁵ / ₂₀	25	15	40 (15.2)
—	—	12	—	—	40 (95,2%)	13 ¹ / ₃	—	—	—
—	—	21	—	—	24 (100%)	12	3	—	(12.5)
279	13	328	263	23	350 (90,2%)	14	22	15	43 (13.1)
435	31	466	401 (92,2%)	13 (11,9%)	414 (88,8%)	20 ¹⁴ / ₇	24	17	41 (10.2)
—	—	11	—	—	11 (100%)	11	2	—	2 (18.1)
—	—	19	—	—	19 (100%)	9 ¹ / ₂	—	—	—
435	31	496	401	13	444 (89.5%)	19 ⁷ / ₂₃	26	17	43 (10)
173	29	202	167 (96,5%)	19 (65,5%)	186 (92,1%)	23 ² / ₃	9	12 3 ²	21 (14,3%)
67	4	71	60 (89.5%)	2 (50%)	62 (87,3%)	10 ⁴ / ₆	—	2	(8,3%)
267	38	305	235 (88%)	(60.5%)	258 (84,6%)	18 ⁸ / ₁₁	7	15	22 (9,3%)
265	38	303	(95,5%)	16 (42.1%)	269 (88,8%)	20 ⁹ / ₁₃	13	11	24 (9,5%)
408	101	512	378 (92.6%)	44 (42.3%)	422 (82.1%)	30 ² / ₇	13	13	26 (7% изъ 368)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили же- дан. подверг- нуться исп.		Не были допущены къ ис- пытанію.				Отсрочено испы- таніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимна- зисты.	Посторон- ніе на основаніи § 44 пункт. а. б.	Итого (и процент- ное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55 правилъ.
<i>Виленскій:</i>								
8 правительств. гимназій	188	17	206	1	—	9 (4,3)	—	2 (пост.)
<i>Виршавск</i>								
18 правительств. гимназій	441	29	470	—	—	126 (5,5)	2 (гимн.)	4 (гимн.)
<i>Дерптск</i>								
11 правительств. гимназій	310	89	399	4	—	4 (1)	2 (гимн.)	1 (гимн.)
1 частная гимназія	—	—	9	—	—	—	—	—
Въ 15 учебн. заведеніяхъ:	310	89	408	4	—	4 (0,9)	2	1
<i>Западная Сибирь:</i>								
4 правительств. гимназій	44	—	44	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь:</i>								
2 правительств. гимназій	20	—	20	—	—	—	—	—
<i>Туркестанск. край:</i>								
1 правительств. гимназія	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Кавка</i>								
5 правительств. гимназій	117	7	124	—	—	—	—	—
Итого:								
Въ 147 прав. гимназіяхъ	3121	458	3579	115	—	129 153 (4,3)	11 (гимн.) 1 (пост.)	9 (гимн.) 3 (пост.)
4 церкви училищъ	—	—	—	—	—	—	—	—
частн. гимназіяхъ	—	—	54	1	—	1 1,8)	1 (гимн.)	—
А								
Въ 1 учебн. заведеніяхъ	3121	4	116	—	—	129 154 (4,2)	13	12

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
187	8	195	162 (86,6%)	3 (37,5%)	165 (84,6%)	20 ³ / ₈	1	7	8 (4,9)
410	28	438	339 (82,7%)	6 (21,4%)	345 (78,7%)	19 ⁸ / ₁₈	8	17	25 (7,3)
303	89	392	253 (83,5%)	36 (40,4%)	289 (82,9%)	20 ⁹ / ₁₄	3	2	5 (18,5% изъ 27 въ 2 гнм.)
—	—	9	—	—	7 (77,7%)	7	—	—	—
303	89	401	253	36	296 (73,8%)	19 ¹¹ / ₁₅	3	2	5
44	—	44	44 (100%)	—	44 (100%)	11	9	—	9 (20,4)
20	—	20	16 (80%)	—	16 (80%)	8	1	1	2 (12,5)
8	—	8	8 (100%)	—	8 (100%)	8	1	1	2 (25)
117	7	124	117 (100%)	1 (14,3%)	118 (95,1%)	23 ³ / ₅	9	5	14 (11,9)
2983	419	3402	2696 (90,4%)	186 (44,4%)	2882 (84,7%)	19,6	126	118	247 (10% изъ 2460)
—	—	53	—	—	51 (96,2%)	12,7	2	—	2 (18% изъ 11)
—	—	52	—	—	50 (96,1%)	10	3	—	3 (12,5% изъ 24)
2983	419	3507	2696	186	2983 (85,1%)	19,1	131	118	252 (10,1% изъ 2495)
							3		

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытанію. Общее число не выдержавшихъ испытанія. Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.			Число не выдержавшихъ							
				Заколу Божію.	Русск. яз. словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.		
					Письменнаго.	Устного.	Письменнаго.	Устного.	Письменнаго.	Устного.	
<i>С.-Петербургскій.</i>											
Ученики правительств. гимназій	279	16	5,7	—	4	—	8	—	5	8	
церковныхъ училищъ	42	2	4,7	—	1	—	1	—	—	—	
частныхъ гимназій	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Постороннія лица	43	20	46,5	1	10	2	8	3	10	2	
Всего.	388	38	9,8	1	15	2	17	6	15	8	
<i>Московскіе.</i>											
Ученики правительств. гимназій	435	34	7,8	1	14	—	27	5	23	4	
церковнаго училища.	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
частныхъ гимназій	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Постороннія лица	31	18	58	1	5	3	11	1	9	—	
Всего.	496	52	10,5	2	19	3	38	6	32	4	
<i>Казанскіе.</i>											
Ученики правительств. гимназій	173	6	3,4	—	—	—	5	5	4	1	
Постороннія лица	29	10	34,5	1	5	—	7	2	4	1	
Всего.	202	16	7,9	1	5	—	12	7	8	2	
<i>Оренбургскій.</i>											
Ученики правительств. гимназій	67	7	10,4	1	3	—	5	—	2	—	
Постороннія лица	4	2	50	—	1	—	1	—	1	—	
Всего.	71	9	12,6	1	4	—	6	—	3	—	
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правительств. гимназій	267	32	11,9	1	18	—	17	11	16	10	
Постороннія лица	38	15	39,5	1	4	—	9	2	9	2	
Всего.	305	47	15,4	2	22	—	26	13	25	12	
<i>Одесскіе.</i>											
Ученики правительств. гимназій	—	12	4,5	—	10	—	—	—	1	—	
Постороннія лица	38	22	57,9	—	11	2	11	3	11	2	
Всего.	303	34	11,2	—	21	2	11	3	12	2	
<i>Кіевскіе.</i>											
Ученики правительств. гимназій	408	30	7,3	—	10	—	15	13	14	8	
Постороннія лица	104	60	57,7	3	25	1	35	15	30	12	
Всего.	512	90	17,6	3	35	1	50	28	44	20	

Испытанія зрѣлости въ 1884 году.

Испытанія по слѣдующимъ предметамъ:								Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свѣдѣтельствомъ на основаніи § 72 правилъ.
Письмен- наго.	Устного.	Физикъ и мате- матической гео- графіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.	Общее число неудовле- творительныхъ отмѣтокъ по всемъ предметамъ.		
4	3	3	3	—	—	—	39 на 16 (243%)	11	5
1	—	—	1	—	—	—	4 на 2 (200%)	1	1
9	3	2	4	2	—	—	56 на 20 (280%)	—	—
14	6	5	8	2	—	—	99 на 38 (260%)	12	6
10	2	—	—	—	—	—	91 на 34 (267%)	25	9
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	1	—	—	—	1	—	41 на 18 (227%)	—	—
19	—	—	5	—	1	—	132 на 52 (254%)	25	9
3	1	—	1	—	—	—	20 на 6 (333%)	4	—
5	1	—	2	1	—	—	20 на 10 (200%)	—	—
4	2	—	3	1	—	—	49 на 16 (306%)	—	—
6	1	—	—	—	—	—	18 на 7 (257%)	4	—
2	—	—	—	—	—	—	5 на 2 (250%)	—	—
8	1	—	—	—	—	—	23 на 9 (255%)	—	—
9	12	—	11	—	—	—	105 на 32 (328%)	18	14
5	1	1	1	—	1	1	37 на 15 (246%)	—	—
14	13	1	12	—	1	1	142 на 47 (302%)	—	—
3	2	—	1	—	—	—	17 на 12 (141%)	11	1
5	1	1	—	1	7	1	56 на 22 (254%)	—	—
5	3	1	1	1	7	1	73 на 34 (211%)	—	—
7	7	—	3	—	—	—	87 на 30 (290%)	24	—
12	16	2	11	3	1	3	179 на 60 (298%)	—	—
19	23	2	14	3	1	3	266 на 90 (295%)	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подержавших испытаніе.	Общее число не подержавших испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Закопу Божію.	Число не выдержавшихъ					
					Русск. яз. словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устного.	Письменнаго.	Устного.	Письменнаго.	Ус.
<i>Виленскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	157	25	13,3	—	2	—	—	9	6	—
Постороннія лица	2	5	62,5	—	2	—	3	—	5	—
В с е г о	159	30	15,4	—	10	—	11	9	11	—
<i>Варшавскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	110	71	17,3	—	38	—	31	14	27	—
Постороннія лица	28	22	78,5	—	12	4	8	1	6	—
В с е г о	138	93	21,2	2	50	4	39	15	33	—
<i>де,</i>										
Ученики правительств. гимназій	303	50	16,5	—	32	2	24	20	25	—
частныхъ гимназій	9	2	22,2	—	2	1	—	—	—	—
Постороннія лица	9	53	59,5	4	39	34	17	13	23	—
В с е г о	401	105	26,2	9	73	37	41	33	48	—
<i>Западная Сибирь.</i>										
Ученики правительств. гимназій	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь</i>										
Ученики правительств. гимназій	20	4	20	—	3	—	3	3	—	—
<i>Турк. Край.</i>										
Ученики правительств. гимназій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Кав.</i>										
Ученики правительств. гимназій	117	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	7	6	85,7	—	5	5	5	—	3	—
В с е г о	124	6	4,8	—	5	5	5	—	—	—
И Т О Г О:										
Ученики правительств. гимназій	298	—	9,6	10	140	—	143	83	126	—
церковныхъ училищъ	—	—	3,2	—	1	—	1	—	—	—
частныхъ гимназій	52	—	3,2	—	2	1	—	—	—	—
Постороннія лица	119	233	55,6	11	119	51	115	40	111	3
В с е г о	3507	521	14,9	21	262	54	259	123	237	107
					316		382		34	

Испытанія по слѣдующимъ предметамъ:

Математикѣ.							Общее число неудовлетворительныхъ отѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свѣдѣтельствомъ на основаніи § 72 правилъ.
Письменнаго.	Устног.	Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.			
8	—	—	4	—	—	—	48 на 25 (192%)	17	8
5	1	1	—	—	—	2	19 на 5 (380%)	—	—
13	1	1	4	—	—	2	67 на 30 (223%)	—	—
30	7	—	7	—	—	—	168 на 71 (236%)	62	9
9	1	2	1	1	1	1	48 на 22 (218%)	—	—
39	8	2	8	1	1	1	216 на 93 (232%)	—	—
20	19	—	10	—	—	—	180 на 50 (360%)	24	26
10	9	1	7	7	—	6	3 на 2 (150%)	—	2
							186 на 53 (351%)	—	—
30	28	1	17	7	—	6	369 на 105 (351%)	24	28
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	4	—	—	—	—	—	22 на 4 (550%)	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	3	—	—	—	5	5	33 на 6 (550%)	—	—
2	3	—	—	—	5	5	33 на 6 (550%)	—	—
14	58	3	45	—	—	—	796 на 287 (277%)	203	84
1	—	—	1	—	—	—	4 на 2 (200%)	1	1
33	37	10	26	15	16	19	3 на 2 (150%)	—	2
							689 на 233 (295%)	—	—
18	95	13	72	15	16	19	1491 на 524 (284%)	204	87
293									

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	263	13	—	56	—	71	—	67	—	56	—
церковн. училищъ.	40	5	—	8	—	10	—	11	—	6	—
частныхъ гимназій.	24	6	—	3	—	6	—	2	—	7	—
Постороннія лица .	23	—	—	1	—	7	—	5	—	10	—
Всего .	350	24	6,8	68	19,4	94	26,8	85	24,3	79	22,6
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	401	20	—	87	—	110	—	86	—	98	—
церковн. училища.	11	2	—	4	—	5	—	—	—	—	—
частныхъ гимназій.	19	1	—	4	—	8	—	3	—	3	—
Постороннія лица .	13	—	—	2	—	4	—	3	—	4	—
Всего .	444	23	5,2	97	21,8	127	28,6	92	20,7	105	23,6
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	167	13	—	51	—	50	—	27	—	26	—
Постороннія лица .	19	—	—	1	—	3	—	3	—	12	—
Всего .	186	13	7	52	27,9	53	28,5	30	16,1	38	20,4

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Оренбургскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	60	4	—	17	—	13	—	11	—	15	—
Постороннія лица.	2	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Всего.	62	4	6,4	17	27,4	13	21	12	19,3	16	25,8
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	235	8	—	45	—	67	—	59	—	56	—
Постороннія лица.	23	1	—	2	—	3	—	6	—	11	—
Всего.	258	9	3,5	47	18,2	70	27,1	65	25,2	67	26
<i>Одесскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	253	13	—	45	—	61	—	56	—	78	—
Постороннія лица.	16	—	—	1	—	1	—	2	—	12	—
Всего.	269	13	4,8	46	17,1	62	23	58	21,6	90	33,5
<i>Кіевскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	378	11	—	59	—	99	—	75	—	134	—
Постороннія лица.	44	—	—	2	—	2	—	10	—	30	—
Всего.	422	11	2,6	61	14,4	101	23,9	85	20,1	164	38,9

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Виленскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	162	4	—	26	—	40	—	40	—	52	—
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—
Всего . .	165	4	2,4	26	15,8	40	24,2	41	24,8	54	32,7
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	339	15	—	64	—	89	—	89	—	82	—
Постороннія лица.	6	—	—	—	—	—	—	1	—	5	—
Всего . .	345	15	4,3	64	18,5	89	25,8	90	26,1	87	25,2
<i>Дерптскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	253	25	—	45	—	59	—	60	—	64	—
Частной гимназій.	7	4	—	2	—	1	—	—	—	—	—
Постороннія лица.	36	1	—	4	—	3	—	4	—	24	—
Всего . .	296	30	10,1	51	17,2	63	21,3	64	21,6	88	29,7

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Западная Сибирь.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	44	6	13,6	15	34,1	5	11,3	4	9,1	14	31,8
<i>Восточная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	16	3	18,7	4	25	4	25	3	18,7	2	12,5
<i>Туркестанск. край.</i>											
Ученики правит. гимназій.	8	1	12,5	2	25	—	—	3	37,5	2	25
<i>Кавказскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	117	3	—	10	—	21	—	25	—	58	—
Постороннія лица.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . .	118	3	2,5	10	8,5	21	17,8	25	21,2	59	50
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій.	2696	139	5,2	526	19,5	689	25,6	605	22,4	737	27,3
церковн. училищъ.	51	7	13,7	12	23,5	15	29,4	11	21,6	6	11,8
частныхъ гимназій.	50	11	22	9	18	15	30	5	10	10	20
Постороннихъ .	186	2	1,1	18	7	23	12,3	36	19,3	112	60,2
Всего . .	2983	159	5,3	560	18,8	742	24,9	657	22	865	29

№ 4. Распределение признанныхъ зрѣлѣи по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ	Поступающіе на факультеты:						Всѣ	Всѣмъ учащимъ
	Бо- го- сл. Фило- со- фичес- кій	Историко- филологиче- скій	Физико-ма- тематиче- скій	Юриди- чес- кій	Медици- нскій	Восточныхъ языковъ		
<i>Санктъ-Петербургъ</i>								
20 правительств. гимназій	—	12	5	15	78	12	208	—
3 церковныя училища	1	1	6	7	11	1	36	—
частныя гимназій	—	1	8	7	6	—	—	—
Изъ всѣхъ 25 учебн. заведеній	4		99	59	98	13	326	—
<i>Московский.</i>								
20 правительств. гимназій	1 ³⁾	51	100	86	166	4	408	—
1 церковное училище.	—	2	8	1	3	—	9	—
2 частныя гимназій	—	4	5	7	1	1	18	—
Изъ всѣхъ 23 учебн. заведеній	1	57	108	94	170	5	435	—
<i>Казанскій.</i>								
8 правительств. гимназій ³⁾	—	22	40	52	65	2	181	—
<i>Оренбургскій.</i>								
6 правительств. гимназій	—	4	10	11	83	—	58	—
<i>Харьковский.</i>								
14 правительств. гимназій	—	51	55	57	85	2	250	1
<i>Одесскій.</i>								
13 правительств. гимназій	—	19	78	66	95	5	263	—
<i>Кіевскій.</i>								
14 правительств. гимназій ³⁾	—	63	109	89	140	4	405	—
<i>Виленскій.</i>								
8 правительств. гимназій ³⁾	—	9	51	40	49	1	150	—

¹⁾ Николаевское инженерное училище. — ²⁾ Въ томъ числѣ 2 въ Лазной институт-
ской гимназій не доставлено свидѣній о двухъ ученикахъ и по Астраханской объ одномъ.
числа удостоенныхъ аттестата зрѣлости 3 еще не рѣшили, какое избрать вышнѣ

занятія, къ которымъ они себя предназначали.

Поступающие въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:					
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. акад.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Въ гос. службу.	Частной дѣятельности.				Всего.
Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и жезан дорожн.							
—	1	—	6 ⁴⁾	—	1	17	—	1	—	—	—	1
—	1	1	—	—	1	2	—	1	—	—	—	2
1	—	—	6	—	—	21	—	—	—	1	—	3
1	—	3	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—
—	—	1 ⁴⁾	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1
—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
1	—	1	3	—	—	—	—	—	—	1	—	1
—	1	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	1	3 ⁶⁾	—	—	1	—	—	—	—	—	—
1	—	1	7 ⁾	—	—	—	—	—	—	1	—	1
—	—	—	1	—	1	6	—	—	—	—	—	—
1	—	—	1	1	—	14	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	—	—	—

1) Духовную академію.—4) Въ политехническій институтъ за границу.—5) По Саратову.—6) Одинъ въ Лѣсной институтъ.—7) Одинъ изъ нихъ въ Лѣсной институтъ.—8) Изъ учебное заведеніе.—9) Объ одномъ ученикѣ не доставлено свидѣній.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Всѣхъ учащихся.
	Еuroslo- вскій.	Историко- филологиче- скій.	Физико-ма- тематиче- скій.	Юриче- скій.	Медицин- скій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	
<i>Варшавскій.</i>								
18 правительств. гимназій ¹⁰⁾ .	1	14	79	89	125	4	312	—
<i>Дерптскій.</i>								
14 правительств. гимназій	31	32	41	64 ¹¹⁾	95 ¹²⁾	2	265	—
1 частная гимназія.	2	1	—	3	—	—	6	—
Изъ всѣхъ 15 учебн. заведеній.	33	33	41	67	95	2	271	—
<i>Западная Сибирь.</i>								
4 правительств. гимназій	—	10	6	7	20	—	43	—
<i>Восточная Сибирь.</i>								
2 правительств. гимназій	—	—	7	3	6	—	16	—
<i>Туркестанскій Край.</i>								
1 правительств. гимназія	—	2	3	1	—	—	6	—
<i>Кавказскій.</i>								
5 правительств. гимназій.	—	22	35	13	44	2	116	1
Всего въ 156 учебн. заведеніяхъ	39	359	721	648	1025	40	2832	3
Процентное отношеніе а) къ общему числу зрѣлыхъ (2983) ¹³⁾ .	1,3	12	24,2	21,7	34,4	1,3	94,9	0,1
б) поступившихъ на различ- ные факультеты, въ спеціальныя училища и на поприще практи- ческой дѣятельности къ общимъ числамъ каждой изъ этихъ трехъ категорій	1,4	12,7	25,4	22,9	36,2	1,4	—	23

¹⁰⁾ О четырехъ ученикахъ не доставлено свѣдѣній.—¹¹⁾ Изъ нихъ одинъ въ Лѣсной Медико-хирургическую академію.—¹²⁾ Одинъ въ Рижское политехническое училище.—¹³⁾

ступающіе въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:							
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. академію.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					Всего.
Гражданскую.	Восную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн. дороги.									
3	4	9	9 ¹¹⁾	1	1	27	—	1	—	—	1	—	—	2
1	2	6 ¹⁴⁾	10	—	1	20	—	2	—	—	—	—	—	4
—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1	2	7	10	—	1	21	—	2	—	—	—	—	—	4
—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	20	10	11	4	10	128	—	6	—	1	—	—	—	12
0,3	0,7	1,3	1,4	0,1	—	4.	—	0,2	—	0,03	—	—	—	0,4
.8	15,6	31.	—	3,1	—	—	—	50	—	3,3	41,6	—	—	—

институтъ.—¹²⁾ Одинъ изъ нихъ въ Училище Правовѣдѣнія.—¹³⁾ Изъ нихъ четыре въ
Всего по отчетамъ не доставлено свидѣній объ 11 ученикахъ.

**№ 5. Списовъ гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1884 году аттестата
шихъ успѣховъ**

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназін, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
С.-Петербургскій	Историко-филологическаго ин- ститута.	Солнцевъ Всеволодъ (С.-Пб. ун.).
Итого .	(1)	1
Московскій	Московская 1-я . > 2-я > 3-я > 5-я Ярославская . Костромская . Лазаревскій институтъ. Петропавловское училище	Ивановъ Вячеславъ (?) — Ланговой Александръ (?) Самаринъ Сергѣй (?) — Виноградовъ Василій (?) — Кембереръ Георгъ (?)
Итого.	(8)	5
Казанскій	Имп. Казанская 1-я . Казанская 2-я . 3-я . Симбирская . Самарская Вятская .	— Нагулло Владиміръ и Ольш- мовскій Павелъ (Казанск. унив.). Богородицкій и Ивановъ Андрей (Казанск. унив.). Романовъ Николай и Рузскій Сергѣй (Казанск. унив.). — Кувшинскій Сергѣй (Моск. унив.), Срѣтенскій Викторъ (С.-Пб. ист.-филолог. инст.).
Итого .	(6)	8
Оренбургскій.	Оренбургская Пермская. Екатеринбургская	Кизеветтеръ (Моск. унив.). — —
Итого .	(3)	1

зрѣлости, отъ которыхъ учебное ихъ начальство ожидало дальнѣй-
въ наукахъ.

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
—	—	—	
—	—	—	1
Кожевниковъ Григорій (?)	—	—	
Матусевичъ Марсалій (?)	—	Гаяринъ Владиміръ (?)	
—	—	Еремѣевъ Алексѣй (?)	
—	—	—	
Каттерфальдъ Геврихъ (?)	—	—	
—	—	Зевзиновъ Ѳеодоръ (?)	
—	—	—	
3	—	3	11
Домрачевъ Александръ, Усовъ Сергѣй и Ѳеодо- ровъ Поліевскъ (Ка- занск. унив.).	—	Курочкинъ Дмитрій, Гатнеръ Ефимъ, Кам- Геринъ и Кузнецъ Александръ (Ка- занск. унив.)	
—	Брупениковъ Николай (Казанск. унив.).	—	
Чирпихинъ и Саноженниковъ (Казанск. унив.).	Ботеловъ и Головинскій (Казанск. унив.).	Гуськовъ (Казанск. унив.).	
—	—	—	
—	—	Преображенскій Але- ксѣй и Овуровичъ Иванъ (Казанск. унив.).	
—	—	—	
5	3	7	23
—	—	—	
—	—	Гордягинъ Андрей (Ка- занск. унив.).	
—	—	Любомудровъ Павелъ и Фроловъ Валеріанъ (Моск. унив.).	
—	—	—	
—	—	3	4

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназія, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Харьковскій	Корочанская Воронежская Новочервасская	— Дьяковъ Александръ (Харьк. унив.). —
Итого Одесскій.	(3) Одесская 2-я. 3-я. Николаевская Анапьевская. Кишиневская Керченская	1 — — — — — Сапожниковъ Иванъ (С.-Пб. унив.).
Итого . Кіевскій	(6) Кіевская 1-я 2-я 3-я. 4-я Житомирская Каменецъ-Подольская Черниговская Полтавская Лубенская Коллегія Павла Галагана .	1 Балакѣвъ Иванъ, Меркуловъ Алексій и Сивидкій Евгеній (Кіевск. унив.). — — — — — Ганжа Никита (Кіевск. унив.). Кузнецкій Петръ (ф.восточн. унив.). Погорѣлякъ (Новоросс. унив.). Грабаръ Владиміръ (Московск. унив.).
Итого.	(10)	Ист.-фил. 6, ф. вост. яз. 1.

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣямъ въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
— — Суринъ Петръ (С.-Пб. ун.), Сидоровъ Анатолий и Сви́саревъ Андрей (Моск. унив.).	Струковъ Михаилъ (Моск. унив.). Шуриновъ Николай (Моск. унив.). —	Косминскій Николай (Харьк. унив.). — —	
3 Циммерманъ Влади́миръ и Варшавскій Абрамъ (?) — Кортацци Георгій (Новор. унив.). Лихтерманъ Яковъ (Но- воросс. унив.). Томулецъ Григорій (Моск. унив.). —	2 — Герценштейнъ Арнольдъ (Новоросс. унив.). — — — Левинскій Сергій (Моск. унив.).	1 — — Кни́лебергъ Михаилъ (Моск. унив.). — — —	7
5 — Воробьевъ Вячеславъ (Кіевск. унив.). Цвѣтковъ Алексѣй (Кіевск. унив.). — Пуріевичъ Константинъ (Кіевск. унив.). Дембскій Николай (Кіевск. унив.). Вербидскій Михаилъ (С.-Пб. унив.). Свердловъ Овсей (С.-Пб. унив.). — Бруй Григорій (Кіевск. унив.).	2 — Козаковскій Валерій, Лаппо - Данилевскій Николай и Козаков- скій Клементій (Кіевск. унив.). — — — — — Лебедянский Евгений (Моск. унив.). — —	1 — Редлихъ Александръ (Кіевск. унив.). Ланда Моисей (Кіевск. унив.). Багимочниковъ Василий (Кіевск. унив.). — — — — —	9
7	4	3	21

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназія, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Виленскій.	Виленская Гродненская. Минская Слудская	Витунскій (С.-Пб. унив.), Вестбергъ Фридрихъ-Николай (С.-Пб. унив.). — Чижиковскій Василій (Нѣжин- скій Истор.-фил. вист.).
Итого.	(4)	3
Варшавскій.	Варшавская 2-я 4-я 6-я Петроковская Калишская Кѣлецкая. Люблинская. Холмска Сѣдлецкая Бѣльская . Маріампольская	— — — — — — — — Пигловскій Святославъ (Вар- шавск. унив.). — —
Итого .	(11)	1
Дерптскій	Рижская губернская .	Кордесъ Артуръ, Эльферфельдъ Карлъ (Дерптск. унив.). Берзинъ Карлъ, Леймааъ Карлъ, Мольтрехтъ Эрнстъ и Руцель Іоаннъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣмъ въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Жуковский (С.-Пб. унив.).	Ярошенко (С.-Пб. унив.).	—	
—	—	—	
Мосальскій и Сахаровъ (С.-Пб. унив.).	—	Рымашевскій (Харьк. унив.).	
Добрый Хонювъ (Кіевск. универс.), Малькевичъ Иванъ, Малькевичъ Че- славъ, Хиневичъ Але- ксандръ (С.-Пб. унив.) и Рымашевскій Викентій (Моск. унив.).	—	—	
8	1	1	13
Фляуъ Маврикій (С.-Пб. унив.).	—	—	
Старчевскій Сигизмундъ (С.-Пб. унив.) и Хохлов- скій Станиславъ (инст. сельск. хоз. Нов. Але- ксандрія).	—	—	
—	Покровскій Николай (Моск. унив.).	—	
Богушевичъ Иванъ (Варш. унив.).	Станиславскій Адамъ (Варш. унив.).	Розенбергъ Исаакъ (Варшавск. унив.).	
Вержиковскій Степанъ (С.-Пб. унив.).	Мазуркевичъ Веславъ (Варш. унив.).	—	
Мотковскій Мордка (Варш. унив.).	Лущкевичъ Эдуардъ (Варш. унив.).	—	
Семеновъ Алексѣй (Кіев- унив.) и Шульцъ Ка- зиміръ (С.-Пб. технолог. инст.).	Тумовскій Адамъ (Варш. унив.).	—	
Галицкій Владиміръ (Моск. унив.).	—	—	
—	—	Бровскій Брониславъ (Варш. унив.).	
Яковелко Евгений (С.-Пб. техпол. инст.).	—	—	
Крулнковскій Геврихъ (С.-Пб. унив.), Леонасъ Петръ и Давидовъ Гер- шовъ (Моск. унив.).	—	—	
Физ. мат. 10, технолог. 2, сельск. хоз. 1.	5	2	21
Гудеке Геврихъ (Дерптск. унив.).	—	Юргенсонъ Іоаннъ и Ма- гидъ Ілья (Дерптск. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназій, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Дерптскій .	Рижская городская	Шекшанъ Іоаннъ (ф. восточн. яз. С.-Пб. унив.), Целиннъ Мартинъ (богословск. фак. (Дерптск. унив.).
	Александровская	—
	Ревельская губернская.	Рехтлинъ Францъ (богословск. фак. Дерптск. унив.) и Эйхгорнъ Карлъ (Дерптск. унив.).
	Эстляндское рыцарское и домское училище . Дерптская	— Леллепъ Іоаннъ и Синтенисъ Францъ (богословск. фак. Дерптск. унив.).
	Феллинская	—
	Митавская Гольдингенская. Частная Кольмана	Гринъ Юлій (богословск. фак. Дерптск. унив.). Фельмиъ Эмилій (Дерптск. унив.). Фонъ Майдель Эрнстъ (Дерптск. унив.), Гольманъ Францъ и Гольманъ Рудольфъ (богословск. фак. Дерптск. унив.).
Итого.	(10)	Истор.-филол. 5, богослов. 11, восточн. яз. 1.
Западная Сибирь.	Тобольская	Евграфовъ Федоръ (С.-Пб. ист.-филолог. инст.).
	Томская	—
	Омская	Созоновъ Сергѣй (Моск. унив.).
	Вѣрненская	Соболевскій Василій (С.-Пб. унив.).
Итого.	(4)	3
Восточная Сибирь.	Иркутская .	—
Всего.	67 изъ 156.	Истор.-филол. фак. 35, богословск. 11, восточн. яз. 2

въ распредѣленіи ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
румкинъ Маркъ (С.-Пб. унив.).	Стучка Петръ (С.-Пб. ун.).	Дарашкевичъ Леонъ и Шварцъ Эдуардъ (Дерптск. унив.).	
ешихинъ Василій (С.-Пб. унив.), Дмитриевскій Сергій (Моск. унив.).	Бурнатовскій Николай (С.-Пб. унив.).	—	
—	—	Фикъ Вольдемаръ (Дерптск. унив.).	
—	Фонъ Беняно Павелъ (Дерптск. унив.).	—	
ундманъ Альфредъ (Дерптск. унив.).	Шмидтъ Карлъ и Краузе Рудольфъ (Дерптск. унив.).	Бекманъ Вильгельмъ, Кнорре Георгій, Марви Карлъ, фонъ Цурт-Мюленъ Рихардъ, Штида Германъ, Рей-демейстеръ Рихардъ и Копель Гейнрихъ (Дерптск. унив.).	
оль Пьерсъ (Дерптск. унив.).	Фонъ Сиверсъ Фёдоръ и фонъ Унгернъ-Штернбергъ Вильгельмъ (Дерптск. унив.).	Фонъ Крюдинеръ Генрихъ (Дерптск. унив.).	
—	Канъ Уріасъ (С.-Пб. ун.).	—	
—	—	Фонъ Іогансонъ Освальдъ (Дерптск. унив.).	
гнеръ Фридрихъ (Рижск. политехн. уч.).	Фонъ Бреккеръ Гарри, Гарпе Григорій и Рехлингъ Германъ (Дерптск. унив.).	—	
из.-мат. 6 и 1 полвт. уч.	11	14	49
—	—	—	
укланъ Григорій (С.-Пб. унив.).	—	—	
—	—	Поваренныхъ Иванъ, Шестаковъ Фёдоръ и Гуминскій Францъ (Казанск. унив.).	
—	—	Матвѣевъ Павелъ (Казанск. унив.).	
1	—	4	8
рфильевъ Василій (?)	—	—	1
из.-матем. 49, технич. 3, сельск. хоз. 1.	28	39	168

II.

УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ НА КАВКАЗѢ ВЪ 1885 ГОДУ ¹⁾.

Всѣхъ городскихъ училищъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ имѣется 29; находятся они въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Кубанской области 5—въ Ейскѣ, Баталпашинскѣ, Майкопѣ, Анапѣ и Темрюкѣ; въ Ставропольской губерніи 1—въ Ставрополѣ; въ Терской области 4—во Владикавказѣ, Моздокѣ, Кизлярѣ и Георгіевскѣ; въ Тифлисской губерніи 6—въ Тифлисѣ 2 (въ томъ числѣ одно при Александровскомъ учительскомъ институтѣ), Гори, Телавѣ, Сигнахѣ и Ахалцыхѣ; въ Кутаисской губерніи 4—въ Кутансѣ, Озургетахъ, въ Мингрелии и Батумѣ; въ Елисаветпольской губерніи 3—въ Елисаветполѣ, Шушѣ и Нухѣ; въ Эриванской губерніи 3—въ Александрополѣ, Новобаязетѣ и Нахичевани; въ Бакинской губерніи—1 въ Шемахѣ, и въ областяхъ: Карсской—1 въ Карсѣ и Дагестанской 1—въ Дербентѣ. Время основанія перваго городского училища, открытаго при учительскомъ институтѣ, относится къ 1872 году; за нимъ послѣдовало открытіе въ 1874 г. 3 училищъ и въ 1873 еще 3; въ 1876 открыто 2 училища, въ 1877 и 1878 опять по 3, въ 1879—2, въ 1880—8, въ 1881 и 1882—по 1 и въ 1884—2. По большей части училища эти трехклассныя. Кромѣ существующихъ при классахъ отдѣленій, есть специально приготовительные классы въ 10 училищахъ; въ 5 училищахъ учреждены параллели, числомъ 9, и 3 ремесленные отдѣленія въ двухъ училищахъ. Подготовительные классы устроены собственно для поступающихъ въ училища съ недостаточнымъ пониманіемъ русскаго языка.

Всѣ городскія училища снабжены библіотеками фундаментальными и ученическими, за исключеніемъ того изъ Тифлисскихъ, которое состоитъ при учительскомъ институтѣ и пользуется отъ него всѣми учебными пособиями. По количеству сочиненій преобладающее мѣсто занимаютъ фундаментальныя библіотеки училищъ Нахичеванскаго, Моздокскаго, Кизлярскаго и Телавскаго; наименьшее число сочиненій имѣется въ библіотекахъ двухъ недавно открытыхъ училищъ—Елисаветпольскаго и 2-го Тифлисскаго; изъ ученическихъ библіотекъ полнѣе прочихъ въ училищахъ Баталпашинскомъ, Александровскомъ и Нухинскомъ, наи-

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

меньшее число сочиненій въ ученическихъ библіотекахъ имѣютъ училища Тифлисское, Озургетское и Батумское; Кутаисское училище вовсе не имѣетъ ученическаго отдѣла въ своей библіотекѣ. Вся же стоимость библіотекъ оцѣнивается въ 60.842 р., въ томъ числѣ ученическія—въ 8.771 р. Пополненій библіотекъ въ отчетномъ году было сдѣлано по всѣмъ фундаментальнымъ на сумму 2.843 р., а по ученическимъ лишь въ 17 училищахъ на сумму 576 р. За исключеніемъ училищъ Елисаветпольскаго и Александропольскаго, во всѣхъ городскихъ училищахъ имѣются физическіе кабинеты, снабженные 3.399 физико-химическими приборами, стоимостью въ 13.245 р. Лучшими по пѣнности кабинетами располагаютъ училища Батапаинское, Ахалцихское, Анапское, Новобаязетское и Шушинское. Вновь были сдѣланы приобрѣтенія въ 11 училищахъ на сумму 1.030 р. Прочихъ учебныхъ пособій по училищамъ находится на 19.385 р., въ числѣ 10.164 экземпляровъ, и въ нѣкоторыхъ училищахъ ихъ имѣется болѣе чѣмъ на 1.000 р. въ каждомъ. Изъ суммы въ 1.931 р., отпущенной въ отчетномъ году на пополненіе училищъ учебными пособиями, воспользовались ею 20 училищъ.

На содержаніе всѣхъ городскихъ училищъ, за исключеніемъ состоящаго при учительскомъ институтѣ, въ отчетномъ году поступило 169.237 р., а именно: изъ государственнаго казначейства—95.085 (въ томъ числѣ на прибавочное жалованье—1.604 р.), отъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ—4.156 р., изъ земскихъ сборовъ—2.914 р., отъ городскихъ обществъ—31.883 р., отъ сбора за ученіе—31.632 р., отъ почетныхъ попечителей и другихъ пожертвованій—2.299 р., процентовъ съ капиталовъ—767 р. и изъ другихъ источниковъ—501 р. Считая же съ суммой, оставшеюся отъ прежнихъ лѣтъ въ размѣрѣ 56.959 р., изъ коихъ въ наличности было 24.220 р. и въ процентныхъ бумагахъ—32.799 р., городскія училища имѣли въ своемъ распоряженіи 226.196 р., то-есть, каждое среднимъ числомъ 8.078 р. Изъ числа 12 училищъ, имѣющихъ запасный въ %о бумагахъ капиталъ, болѣе находится въ Кизлярскомъ училищѣ—8.400 р., затѣмъ во Владикавказскомъ—7.948 р. и въ Темрюкскомъ—5.000 р.; наименьшій—въ Новобаязетскомъ, всего 292 р., и въ Мингрельскомъ—268 р.

Расходъ въ отчетномъ году по городскимъ училищамъ простирался до 168.770 р.; въ томъ числѣ затрачено изъ штатныхъ суммъ 134.848 и изъ спеціальныхъ средствъ—33.922 р., а именно: на наемъ помѣщеній для 13 училищъ—13.286 р., на ремонтъ 15 заведеній—2.644; на хозяйственные расходы по всѣмъ заведеніямъ—

18.861 руб.; на содержаніе личнаго состава—103.368 р. и на добавочное жалованье—1.604 р., на содержаніе параллелей при 5 училищах—3.943 р. и на воспитаніе стипендіатовъ въ двухъ училищах—3.600 руб.; на пособія: учебныя—6.380 р., служащимъ—5.146 р. и учащимся по 7 училищамъ—232 руб.; на отчисленіе въ Кавказскій учебный округ—666 р. и на прочіе расходы—9.040 р.

Всѣхъ спеціальныхъ средствъ оставалось отъ 1885 г. наличными и въ процентныхъ бумагахъ 55.080 р., поступило въ отчетномъ году 34.698 р., а израсходовано—37.060 р.; къ 1-му января 1886 года всѣхъ спеціальныхъ средствъ было 52.718 рублей, въ томъ числѣ наличными—20.846 р. и въ процентныхъ бумагахъ—31.872 руб. или оставалось: а) со сбора за ученіе отъ минувшаго года—23.810 р., поступило въ отчетномъ году—31.632 р., израсходовано 33.348 р. и осталось къ концу года—22.094 руб.; б) изъ другихъ спеціальныхъ средствъ оставалось отъ прежнихъ лѣтъ 31.270 р., поступило отъ почетныхъ попечителей—1.350 р., разныхъ пожертвованій—949 р. и $\frac{1}{2}$ съ капиталовъ—767 руб.; израсходовано 3.71 р. и осталось къ концу года—30.624 руо.

Средняя стоимость обученія въ городскихъ училищахъ составляетъ 31 р. на каждого ученика, а стоимость содержанія 1 воспитанника конвикта, кои имѣются при 2 училищахъ—Озургетскомъ и Шушинскомъ, 95 р. Размѣръ годовой платы за ученіе по городскимъ школамъ неодинаковъ: наибольшая въ Шушинскомъ училищѣ 15 р., а наименьшая въ Майкопскомъ—4 р.; въ Темрюкскомъ училищѣ плата за ученіе вовсе не взимается. Освобожденных отъ платы учениковъ считается болѣе шестой части всего числа учащихся.

При 6 училищахъ (Анапскомъ, Горійскомъ, Телавскомъ, Сигнахскомъ, Ахалцхскомъ и Шемахинскомъ) существуютъ благотворительныя учрежденія подъ названіемъ обществъ вспоможенія; въ началѣ отчетнаго года они имѣли свободныхъ суммъ 3.223 р., а затѣмъ въ теченіе года вновь поступило изъ разныхъ источниковъ 2.907 р.; израсходовано же было на пособіе ученикамъ 500 р. и на другіе предметы 260 р., всего 760 руб. Къ 1-му января 1886 года спеціальныя средства обществъ состояли изъ 4.560 р.

Изъ числа городскихъ училищъ 5 помѣщаются въ принадлежащихъ имъ казенныхъ зданіяхъ, 11—въ городскихъ или нанимаемыхъ городахъ, и наконецъ, остальные 13—въ зданіяхъ, нанимаемыхъ на счетъ штатныхъ суммъ. Ремонту произведено было на 3.942 р. по 16 училищамъ. Изъ всѣхъ заведеній лучшими и удобнѣйшими помѣ-

щеніями пользуются училища Темрюкское, Баталпагинское, Кизлярское, Батумское, Карсское, Ахалдихское и Шемахинское. Что же касается частных квартиръ для учащихся въ городскихъ училищахъ, то по большей части онѣ неудовлетворительны, хотя въ нихъ проживаетъ 535 учениковъ или 10% всего числа учащихся. Въ продолженіе отчетнаго года всѣ частныя ученическія квартиры время отъ времени посѣщаемы были инспекторами и учителями этихъ заведеній.

Личный составъ учащихся въ городскихъ училищахъ въ отчетномъ году состоялъ изъ 224 лицъ, а именно: почетныхъ смотрителей—13, учителей-инспекторовъ — 27, законоучителей — 51, штатныхъ учителей — 73, помощниковъ учителей — 35, прочихъ должностныхъ лицъ—19; вновь назначенныхъ лицъ въ отчетномъ году было 36, въ томъ числѣ почетныхъ смотрителей—4, инспекторовъ—3, законоучителей—3, штатныхъ учителей—8, помощниковъ ихъ—13 и другихъ должностныхъ лицъ—5; вакантныхъ должностей въ концѣ года оставалось 18-

Изъ числа 103,855 уроковъ, которые слѣдовало дать въ отчетномъ году, преподавателями пропущено было 4,426 или 4,26%, чему главною причиною были случаи болѣзни; остальные случаи пропуска уроковъ происходили вслѣдствіе служебныхъ, домашнихъ и другихъ уважительныхъ причинъ. Большая часть пропущенныхъ уроковъ приходилась на училища Дербентское, Темрюкское, Кизлярское и Баталпагинское, наименьшее—на Ейское, Анапское, Георгіевское, Владикавказское, Ставропольское, Мингрельское, Батумское, Шупинское. Въ замѣнъ уроковъ, пропущенныхъ преподавателями, даны были уроки завѣдывающими училищами или другими учителями, или же ученики были заняты письменными работами, и лишь на 526 уроковъ дѣти были отпущены по домамъ.

Число засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ отчетномъ году было 676; на нихъ рѣшались вопросы хозяйственные и педагогическіе, относящіеся къ устройству и улучшенію училищъ, къ поддержанію порядка и дисциплины между учащимися, къ постановкѣ и улучшенію преподаванія и успѣховъ. Кромѣ того, сюда слѣдуетъ отнести мѣры и заботы объ улучшеніи училищъ: пополненіе библіотекъ, кабинетовъ и другихъ учебныхъ пособій, распространеніе при училищахъ книжныхъ складовъ для снабженія учащихся учебниками и учебными пособиями по удешевленнымъ цѣнамъ, заботы объ улучшеніи училищныхъ помѣщеній, учрежденіе очередныхъ дежурствъ изъ преподавателей для наблюденія за учениками во время перемѣнъ, пригла-

шеніе въ училища родителей для совмѣстнаго обсужденія мѣръ относительно успѣховъ и поведенія дѣтей, посѣщеніе преподавателями квартиръ учениковъ, взаимное посѣщеніе уроковъ учителями для установленія единства въ методахъ преподаванія и требованій отъ учениковъ, наблюденіе директоровъ за исправностью посѣщеній уроковъ учителями и недопущеніе манкировокъ и постоянное наблюденіе директоровъ и педагогическихъ совѣтовъ за письменными работами учениковъ, принятіе мѣръ къ ихъ улучшенію, и наконецъ, выдача родителямъ табелей съ отмѣтками объ успѣхахъ учениковъ въ концѣ каждой четверти года. При педагогическихъ же совѣтахъ городскихъ училищъ производились испытанія лицъ на званіе начальныхъ учителей и на право производства въ первый классный чинъ. Испытуемыхъ въ отчетномъ году было 99 лицъ, и изъ нихъ выдержали испытаніе 78, а именно: на званіе учителей городскихъ училищъ 12, на званіе учителей сельскихъ училищъ 24 и на полученіе 1-го чина 42.

Нѣкоторые изъ преподавателей городскихъ училищъ заявили себя въ отчетномъ году полезными литературными трудами, а сверхъ того, учитель-инспекторъ Темрюкского городского училища *Θ. Ф. Арванниковъ* производилъ, по предложенію главной физической обсерваторіи, наблюденія надъ грозами, зарницами и атмосферными осадками.

Число учащихся въ городскихъ училищахъ въ началѣ отчетнаго года было 5.245 и къ 1-му января 1886 года увеличилось лишь на 2 ученика; оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ по училищамъ: болѣе 300 учащихся было въ училищѣ Кутанскомъ; отъ 200 до 300 въ 9 училищахъ — Озургетскомъ, Шупинскомъ, Горійскомъ, Нухинскомъ, Елисаветпольскомъ, Мингрельскомъ, Ахалцыхскомъ, Баталпашинскомъ и Тифлискомъ; отъ 150 до 200 обучалось также въ 9 училищахъ — Темрюкскомъ, Нахичеванскомъ, Ставропольскомъ, при учительскомъ институтѣ, въ Карскомъ, Сигнахскомъ, Телавскомъ; въ Александровскомъ и Шемахинскомъ было по 165 въ каждомъ; отъ 100 до 150 было въ 8 училищахъ — Ейскомъ, Моздокскомъ, Владикавказскомъ, Георгіевскомъ, Майкопскомъ, Дербентскомъ, Батумскомъ и Кизлярскомъ, и только въ двухъ училищахъ — Новобаязетскомъ и Анапскомъ, было менѣе 100 учениковъ. Учащіеся по сословіямъ распредѣлялись такъ: дворянъ — 902 или 17,2%, духовнаго званія — 303 или 5,8%, городскихъ сословій — 2.691 или 51,3%, сельскихъ сословій — 910 или 17,3%, нижнихъ чиновъ — 422 или 8,0% и иностранцевъ — 19 или 0,4%; по исповѣданіямъ: православныхъ — 3.035 или 57,8%, армяно-григоріанъ — 1.765 или 33,7%, католиковъ — 97

или 1,8%, лютеранъ—35 или 0,7%, раскольниковъ—32 или 0,6%, мусульманъ—248 или 4,7% и евреевъ—35 или 0,7%; по національностямъ: русскихъ—1.611 или 30,7%, грузинъ—1.404 или 26,8%, армянъ—1.812 или 34,5%, татаръ—252 или 4,8%, горцевъ—49 или 0,9%, евреевъ—35 или 0,7% и иностранцевъ—84 или 1,6%.

Въ отчетномъ году по всѣмъ заведеніямъ прошеній о приѣмѣ было подано 2.150 и болѣе всего въ училища: Кутаисское, Тифлисское, Нухинское, Озургетское и Моздокское; изъ этого числа принято 1.543 или 71,8% и отказано—607 или 28,2%; причиною отказа былъ главнымъ образомъ недостатокъ мѣста. Изъ 1.543 принятыхъ 851 получили домашнюю подготовку, 424—въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, 104—въ казенныхъ, 141—въ частныхъ и 23 принято по свидѣтельству.

Выбывшихъ въ отчетномъ году было 1.551 или 29,4%. Окончили курсъ 219 человекъ; кромѣ того, уволенныхъ было: по прошенію 1.213, за неуспѣшность 37 и за поведеніе 13; затѣмъ за болѣзнь выбыло 42 ученика и за смертью—17. Изъ числа выбывшихъ на сколько извѣстно, поступило въ другія учебныя заведенія 290, въ военную службу—16 и въ гражданскую—49, а 370 обратились къ частной дѣятельности; объ остальныхъ же 599 свѣдѣній не имѣется.

Изъ общаго числа учащихся, кончъ къ концу учебнаго года было 4.827, оказали удовлетворительные успѣхи 3.272 ученика и потому были переведены въ слѣдующіе классы.

Изъ необязательныхъ предметовъ, введенныхъ въ нѣкоторыя училища, изучали: языки—французскій 146 уч. въ 4 училищахъ (Ахалцхскомъ, Мингрельскомъ, Шушинскомъ и Александропольскомъ), греческій—58, въ 2 училищахъ (Анапскомъ и Карсскомъ), грузинскій 1.030 въ 7 училищахъ (Тифлискомъ, Горійскомъ, Телавскомъ, Сигнахскомъ, Ахалцхскомъ, Кутаисскомъ и Озургетскомъ); армянскій 572 въ 9 училищахъ (Моздокскомъ, Тифлискомъ, Горійскомъ, Телавскомъ, Сигнахскомъ, Ахалцхскомъ, Новобаязетскомъ, Карсскомъ и Дербентскомъ), и татарскій 17 въ 1 училищѣ (Дербентскомъ). Гимнастикой занимались въ 13 училищахъ 2.174, а пѣнію въ 12 училищахъ—2.019; рисованіе преподавалось только въ училищахъ Ейскомъ и Карсскомъ, и обучалось ему 208; затѣмъ мастерствамъ обучалось: столярному 96 уч.—въ 5 училищахъ (Ейскомъ, Баталпашинскомъ, Моздокскомъ, Георгіевскомъ и Батумскомъ) слесарному—27 уч. въ 3 училищахъ (Баталпашинскомъ, Георгіевскомъ и Батумскомъ) и кузнечному—3 въ Баталпашинскомъ училищѣ.

Что касается поведенія учащихся, то, по заявленію директоровъ, въ отчетномъ году оно было весьма удовлетворительно: получившихъ полную отмѣтку было 4.291 или 82%, и отмѣтку 4—820 или 15%. Взысканію же изъ 5.247 учениковъ подверглось всего 498 или 9,5%, при чемъ наибольшая часть провинившихся подвергалась легчайшимъ наказаніямъ: аресту свыше 26 часовъ—231 и выговору совѣта—220; а изъ остальныхъ 47 присуждено было къ временному удаленію 24 и къ исключенію съ правомъ поступленія въ другія заведенія—22, и лишь одинъ ученикъ подвергся исключенію безъ права перехода куда-либо.

Пропущенныхъ учащимися уроковъ въ отчетномъ году по училищамъ было 147.667, что составитъ на 1 ученика 28,1; причиной ихъ были главнымъ образомъ болѣзни. Вообще во всѣхъ училищахъ строго соблюдались возможные гигиеническія условія; преимущественно вниманіе обращалось на чистоту и опрятность классныхъ помѣщеній, училищныхъ дворовъ и одежды учащихся.

Уѣздное училище имѣется въ Кавказскомъ учебномъ округѣ только одно—въ Закаталахъ; оно основано въ 1862 году, и при немъ есть пансіонъ на 30 казенныхъ воспитанниковъ туземнаго населенія и на 5 русскихъ уроженцевъ; за все время своего существованія оно выпустило 134 окончившихъ курсъ, въ томъ числѣ въ 1885 году 5 чел. Всѣхъ обучавшихся къ концу отчетнаго года было 97. Училище состоитъ изъ приготовительнаго класса, 3 основныхъ и 7 отдѣленій, изъ коихъ 3 ремесленныхъ, а остальные—при приготовительномъ классѣ. Въ отчетномъ году открыто 1 отдѣленіе. При училищѣ находятся библіотека и физическій кабинетъ; въ фундаментальномъ отдѣлѣ библіотеки 341 названіе, стоимостью въ 1.360 р., а въ учебномъ 96 названій на 195 р.; въ отчетномъ году прибрѣтеній было сдѣлано лишь по фундаментальной библіотекѣ на 129 р.; въ физическомъ кабинетѣ имѣется 49 приборовъ на 48 р. Прочихъ учебныхъ пособій въ училищѣ 266 предметовъ на 492 р., а вновь прибрѣтено было на 22 р.

На содержаніе училища въ отчетномъ году имѣлась сумма въ 12.251 р., въ томъ числѣ поступило: изъ государственнаго казначейства—10.785 р., изъ земскихъ сборовъ—250 р., со сбора за ученіе—270 р., за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—455 р., а остатка отъ прежнихъ лѣтъ было 491 р. Изъ этой суммы израсходовано 11.734 р., а именно: на наемъ помѣщенія—1.200 р., на ремонтъ его—102 р., на расходы хозяйственные—1.198 р., на содержаніе:

личнаго состава — 3.511, добавочнаго ему жалованья — 514 р., параллелей — 400 р., воспитанников пансіона — 4.446 р.; на пособия: учебныя — 144 р., служащимъ — 50 р., учащимся — 20 р.; на отчисленіе въ учебный округъ — 5 р. и др. расходы — 144 р. Въ израсходованной суммѣ затрачено изъ штатныхъ денегъ — 11.331 р. и изъ специальныхъ средствъ — 403 р.

Средняя стоимость обученія 1 ученика составляетъ 60 р., а содержаніе 1 воспитанника — 161 р. Размѣръ годовой платы съ приходящаго ученика полагается въ 6 р., за воспитаніе казеннокоштныхъ — 100 р. Въ отчетномъ году число освобожденныхъ отъ платы, было 5; въ пансіонѣ въ теченіе года состояло 25 штатныхъ воспитанниковъ.

Помѣщеніе Закатальскаго училища весьма удобно, именно въ зданіи, принадлежащемъ ремесленной школѣ, составляющей отдѣленіе училища. Всѣ приходящіе ученики въ числѣ 61, проживаютъ съ родителями или родственниками, кромѣ 1, живущаго на частной квартирѣ. Кромѣ осмотра уѣзднаго училища окружнымъ инспекторомъ Коровавымъ, въ отчетномъ году оно посѣщено было съ тою же цѣлью директоромъ и инспекторомъ народныхъ школъ Тифлисской губерніи. Наставники же училища посѣщали своихъ приходящихъ питомцевъ въ теченіе года 22 раза.

Личный составъ преподавателей состоитъ изъ 8 лицъ. Уроковъ въ отчетномъ году слѣдовало дать всего 2.577, но изъ нихъ пропущено было 142 или 5,5%, въ томъ числѣ по причинѣ болѣзни — 130. Пропущенные уроки распределены были между преподавателями, такъ что ни на одинъ часъ дѣтей не распускали по домамъ. Педагогическій совѣтъ имѣлъ въ отчетномъ году 27 засѣданій, которыя были посвящены разсмотрѣнію какъ учебно-воспитательныхъ, такъ и хозяйственныхъ вопросовъ. Кромѣ того, 4 лица подвергались въ педагогическомъ совѣтѣ испытанію на право производства въ 1-й классный чинъ, и всѣ четверо выдержали его успѣшно.

Всѣхъ учащихся въ началѣ отчетнаго года было 76 (въ томъ числѣ пансіонеровъ 39), и число это къ концу года возросло до 97, то-есть, на 21 или 28% (число пансіонеровъ за то уменьшилось на 2); распределялись учащіеся: а) по сословіямъ: дворянъ — 23 или 23,7% духовнаго званія — 1 и 1,1%, городскихъ сословій — 49 или 50,5%, сельскихъ сословій — 20 или 20,6% и нижнихъ чиновъ — 4 или 4,1%; б) по исповѣданіямъ: православныхъ — 16 или 16,5%, армяно-григоріанъ — 59 или 60,8%, католиковъ — 1 или 1,1% и мусульманъ — 21 или 21,6% и в) по національностямъ: русскихъ — 7

или 7,2%, грузинъ — 7 или 7,2%, армянъ — 59 или 60,8%, горцевъ — 22 или 22,7% и европейцевъ — 2 или 2,1%.

Подававшихъ прошенія о приѣмѣ въ училище въ отчетномъ году было 42 лица, и всѣ они приняты. Изъ нихъ 40 имѣли подготовку общественныхъ учебныхъ заведеній, 1—домашнюю и 11 приняты по свидѣтельству.

Выбыло изъ училища въ отчетномъ году 21, въ томъ числѣ 5 окончившихъ курсъ, а прочіе 16 всѣ по прошенію. Изъ нихъ 5 поступили въ другія учебныя заведенія, 2 въ военную службу, 1—въ гражданскую, 5 занялись частною дѣятельностью, а о прочихъ нѣтъ свѣдѣній.

Въ число необязательныхъ предметовъ включено 5 языковъ: французскій, арабскій, грузинскій, армянскій и татарскій; изъ нихъ изучать первые два желающихъ не оказалось; мѣстнымъ же языкамъ обучалось: грузинскому—14, армянскому—58 и татарскому—21. Гимнастикѣ и пѣнію обучались всѣ 97 учащіеся, мастерствамъ: столярному—18, токарному—6 и переплетному—6.

Успѣхи учащихся въ отчетномъ году выразились переводами ихъ въ слѣдующіе классы: изъ 42 учениковъ приготовительнаго переведено—34 (81%), изъ 14 I класса во II—6 (43%), всѣ 8 учениковъ II класса перешли въ III (100%) и изъ 6 учениковъ III класса, за исключеніемъ 1, выбывшаго по прошенію, 5 окончили успѣшно курсъ (83%). Всего же переведенныхъ и окончившихъ курсъ по отношенію къ числу учащихся въ концѣ учебнаго года было 76%; по отношенію же къ числу учащихся каждой національности и сословія, переведенныхъ и окончившихъ курсъ было: русскихъ—63%, грузинъ—100%, армянъ—80%, горцевъ—64% и европейцевъ—100%; дворянъ—72%, духовнаго званія—100%, городскихъ сословій—82%, сельскихъ сословій—73% и нижнихъ чиновъ—80%. Что же касается поведенія учащихся, то въ отчетномъ году оно было весьма хорошее: ни одинъ ученикъ ни разу не подвергался взысканіямъ и изъ 97 учащихся полную отлѣтку въ 5 заслужили 36 (или 37%) и отлѣтку въ 4 всѣ остальные ученики, числомъ 61 (или 63%).

Уроковъ пропущенныхъ въ отчетномъ году было 3.091, что составитъ на 1 ученика 31,9, большею частью по причинѣ болѣзни.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ имѣется 5 горскихъ школъ, которыя, на основаніи Положенія о нихъ 1859 года, назначены служить къ распространенію гражданственности и образованія между горцами и доставлять семействамъ офицеровъ и чиновниковъ сред-

ства къ воспитанію и обученію дѣтей, для чего при каждой изъ школъ учреждены пансіоны съ опредѣленнымъ въ нихъ числомъ вакансій для горцевъ и русскихъ. Горскія школы находятся: три въ Терской области, а именно: въ Нальчикѣ (открыта въ 1860 г.), въ Грозномъ (открыта въ 1863 г.) и Назрановская (открыта въ 1870 г.); въ Кубанской области одна, въ Майкопѣ (открыта въ 1866 г.), и одна въ Кутаисской губерніи, въ Сухумскомъ округѣ (открыта въ 1863 г.). Школы, со времени своего существованія выпустили 811 окончившихъ курсъ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году 51. Изъ 5 горскихъ школъ Нальчикская трехклассная, Сухумская, Майкопская и Грозненская — двухклассныя, а Назрановская — одноклассная; кромѣ основныхъ классовъ, коихъ по всѣмъ школамъ 10, въ каждой имѣется еще приготовительный классъ, итого всѣхъ классовъ въ школахъ 15.

При каждой школѣ имѣются библіотеки фундаментальныя и учебныя; наиболѣе богатая по числу названій и стоимости при Нальчикской школѣ, наименьшая библіотека — въ Назрановской школѣ. Пополненій библиотекъ въ отчетномъ году было сдѣлано на 852 руб. Небольшіе физическіе кабинеты имѣются только при 2 школахъ — Сухумской и Нальчикской. Прочихъ учебныхъ пособій по школамъ имѣется на 2.036 р. въ числѣ 1.307 предметовъ; новыхъ приобретений было сдѣлано на 168 р.

На содержаніе горскихъ школъ въ отчетномъ году поступило 44.529 р., а именно: изъ государственнаго казначейства — 36.727 р. (въ томъ числѣ на прибавочное жалованье 441 р.), изъ земскихъ сборовъ — 3.470 р., отъ городскихъ обществъ — 100 р., сбора за ученіе — 903 р., за содержаніе частныхъ воспитанниковъ — 1.620 р., отъ почетныхъ попечителей и другихъ пожертвованій — 1.034 р., процентовъ съ капиталовъ — 375 р. и изъ другихъ источниковъ — 300 р. Сверхъ того, былъ остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ — наличнымъ 2.250 р. и въ процентныхъ бумагахъ — 2.500 р. всего 49.279 р.

Расходу изъ этой суммы было произведено въ отчетномъ году на 45.406 р.: на наемъ помѣщенія — 1.500 р., на ремонтъ — 1.492 р., на расходы хозяйственныя — 7.947 р., на содержаніе: личнаго состава — 12.573 р., воспитанниковъ пансіоновъ — 17.740 р.; на пособия: учебныя — 630 р., служащимъ — 1.015 р., учащимся — 35 р., на отчисленіе въ Кавказскій учебный округъ — 9 р. и другіе расходы — 2.465 руб. Изъ затраченныхъ 45,406 р. приходилось на содержаніе безъ пан-

сіона 22.635 р. и на пансіоны—22.771 р., въ томъ числѣ изъ штатныхъ суммъ—39.823 р. и изъ специальныхъ средствъ—5.583 р.

Состояніе специальныхъ средствъ было слѣдующее: въ остаткѣ отъ 1884 года было—4.750 р., вновь поступило—4.566 р., изъ нихъ израсходовано—5.583 р. и къ концу отчетнаго 1885 года всего оставалось—3.733 р., изъ коихъ наличными—1.233 р. и въ процентныхъ бумагахъ—2.500 р.

Средняя стоимость обученія 1 ученика въ горскихъ школахъ составляетъ 45 р., а стоимость воспитанія—106 р. Плата годовая за ученіе взимается съ приходящихъ учениковъ въ Майкопской, Грозненской и Назрановской школахъ по 3 р., въ Нальчикской—5 р. и въ Сухумской—6 руб.; за воспитанниковъ казенныхъ полагается въ школахъ Майкопской, Грозненской и Нальчикской по 60 р. и въ тѣхъ же школахъ за частныхъ—по 80 р., а въ школахъ: Назранской за казенныхъ воспитанниковъ полагается 85 р., за частныхъ—66 р. и въ Сухумской—за казенныхъ 128 р. и за частныхъ—100 р. Изъ числа 508 обучающихся въ горскихъ школахъ 28 вовсе освобождены отъ платы, 150 воспитываются на счетъ казны, 5—на экономическія суммы, 3—на проценты съ капиталовъ и 45—на счетъ разныхъ учреждений, всего даровымъ обученіемъ и воспитаніемъ пользуются 231 ученикъ.

За исключеніемъ Грозненской школы, остальные 4 имѣютъ помѣщенія въ казенныхъ зданіяхъ, цѣною въ 155.000 р.; помѣщеніе Майкопской, обширнѣйшее и удобнѣйшее изъ всѣхъ, выстроено специально для учебнаго заведенія, на средства городского населенія. Для Грозненской школы помѣщеніе нанимается за 1.500 р. Ремонту подвергались всѣ школы, кромѣ Грозненской, на что затрачено было изъ специальныхъ средствъ 900 р. и изъ штатныхъ суммъ 592 р., всего 1.492 р. Учениковъ, проживающихъ на частныхъ квартирахъ, изъ числа 291 приходящихъ, всего 3, въ Нальчикской школѣ; всѣ же приходящіе живутъ при родителяхъ или родственникахъ. Служащіе въ школахъ посѣщали своихъ учениковъ въ отчетномъ году 66 разъ. Осматривали школы г. попечитель, окружной инспекторъ, директора и инспектора училищъ.

Личный составъ горскихъ школъ состоитъ изъ 42 лицъ, а именно: почетныхъ попечителей—5, завѣдывающихъ учебными заведеніями—4, законоучителей—6, учителей—15, прочихъ должностныхъ лицъ—2; вновь назначено было 4, въ томъ числѣ 1 законоучитель и 3 учителя.

Изъ 12,501 урока, которые слѣдовало дать, пропущено было 438 или 3,5%, въ томъ числѣ по причинѣ болѣзни 142. Но почти всѣ

пропущенные учителями уроки были возмѣщены другими преподавателями. Число засѣданій педагогическихъ совѣтовъ было 117, и относились они къ обсужденію вопросовъ хозяйственныхъ и педагогическихъ.

Число учениковъ въ горскихъ школахъ въ отчетномъ году увеличилось на 6⁰/₀: въ началѣ его было 479 (въ томъ числѣ 210 пансіонеровъ), а къ концу—508 (пансіонеровъ 214). Всѣ учащіеся въ названныхъ школахъ распредѣлялись: а) по сословіямъ: дворянъ—161, духовнаго званія—10, городскихъ сословій—149, сельскихъ сословій—139, нижнихъ чиновъ—47 и иностранцевъ—2; б) по исповѣданіямъ: православныхъ—322, армяно-григоріанъ—10, лютеранъ—2, мусульманъ—158 и евреевъ 16, и в) по національностямъ: русскихъ—220, грузинъ—45, армянъ—10, горцевъ—206, евреевъ—16 и иностранцевъ—11.

Всѣхъ прошеній о принятіи въ школы было подано 159; по нимъ принято 139 учениковъ, а по остальнымъ 20 отказано въ приѣмѣ по недостатку мѣста, по невыдержанію испытанія и по другимъ причинамъ. Изъ принятыхъ, за исключеніемъ 4, перешедшихъ изъ другихъ заведеній, всѣ получили домашнюю подготовку и размѣщены были по соответствующимъ классамъ.

Выбывшихъ въ продолженіе отчетнаго года по всѣмъ 5 школамъ было 110, въ томъ числѣ окончившихъ курсъ—51, по причинѣ неуспѣшности—7, по причинѣ дурнаго поведенія—1, по прошеніямъ—46, за болѣзью—2 и за смертью—3. На сколько извѣстно, изъ выбывшихъ поступили: въ другія учебныя заведенія 35, въ военную службу—1, въ гражданскую службу—3, а 46 занялись частною дѣятельностью; о прочихъ 42 свѣдѣній не имѣется.

Изъ необязательныхъ предметовъ обучались: французскому языку въ школѣ Нальчикской 20; изъ прочихъ языковъ арабскому обучалось 139 человекъ въ школахъ: Грозненской, Нальчикской и Назрановской. Пѣніе введено, за исключеніемъ Майкопской школы, во всѣ прочія, и занимались имъ 347. Мастерствамъ обучались: столярному, кромѣ Сухумской, въ другихъ школахъ 102 ученика, токарному въ Грозненской, Нальчикской и Назрановской—66 и переплетному въ Майкопской и Назрановской—22. Кромѣ того, занимались въ школахъ Грозненской, Нальчикской и Назрановской садоводствомъ 95 учениковъ и огородничествомъ—130.

Успѣхи учениковъ въ городскихъ школахъ выразились въ отчетномъ 1885 году переводомъ въ высшіе классы и выпускомъ окончившихъ

успѣшно курсъ—изъ 485 учениковъ 332 или 68⁰/₁₀₀. За поведеніе 326 учениковъ имѣли высшую отмѣтку 5 и 143 ученика—4; изъ всего же числа 508 подвергались взысканіямъ 28 учениковъ, въ томъ числѣ: аресту свыше 2 часовъ—18, выговору совѣта—4, временному удаленію изъ заведенія—5 и исключенію съ правомъ перехода въ другое заведеніе—1.

Пропущенныхъ учениками уроковъ въ отчетномъ году было 6,689, что составитъ на 1 ученика 13,2, и 9,5⁰/₁₀₀, изъ нихъ были по болѣзни 4,845 случаевъ. Не смотря на заботы начальства о сохраненіи здоровья учащихся въ ввѣренныхъ ихъ попеченію школахъ и на всѣ гигиеническія и врачебныя мѣры, какъ-то: строгое наблюденіе чистоты школьныхъ помѣщеній, опрятность и вентиляція классовъ, прогулки учениковъ на чистомъ воздухѣ, немедленное подаваніе заболѣвавшимъ медицинской помощи, а приходящимъ ученикамъ, по указанію врача, выдача бесплатныхъ медикаментовъ изъ имѣющихся при школахъ небольшихъ аптекъ, случаевъ заболѣваній учащихся въ отчетномъ году во всѣхъ школахъ было 938 и между воспитанниками пансіоновъ—347; кромѣ того, было 3 смертные случая.

Связь, установившаяся между училищами городскими и горскими школами, съ одной стороны, и обществомъ—съ другой, продолжала въ 1885 г. поддерживаться по прежнему. Для этой цѣли отъ времени до времени родители и родственники учащихся приглашались для совмѣстнаго съ училищнымъ персоналомъ обсужденія мѣръ и способовъ къ улучшенію успѣховъ и поведенія учениковъ, при чемъ вслушивались заявленія и желанія родителей; кромѣ того, въ концѣ учебнаго года устраивались публичные акты, на которые приглашались родители и члены мѣстныхъ обществъ, читались отчеты о состояніи училищъ и представлялись работы учениковъ; въ праздники и торжественные дни устраивались дѣтскія собранія, подъ именемъ елокъ, литературно-вокальныхъ утръ и вечеровъ. Черезъ каждые два мѣсяца раздавались учащимся табели о ихъ успѣхахъ и поведеніи для предъявленія родителямъ, которымъ впрочемъ и во всякое время представлялось право заходить въ училища осмѣдомляться о своихъ дѣтяхъ и заявлять свои желанія, каковыя принимались къ соображенію.

Ремесленныхъ училищъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ находится 4: въ Ставропольской губерніи Ставропольское-Михайловское, открытое въ 1872 году, въ Терской области Владикавказское Лорисъ-Меликовское, открытое въ 1866 году, въ Елисаветпольской губерніи—

Елисаветпольское-Михайловское, открытое въ 1884 году, и Тифлисское городское Михайловское, открытое въ 1880 году. Кромѣ прохожденія общеобразовательныхъ курсовъ, въ этихъ училищахъ обучаютъ мастерамъ: столярному, слесарному, литейному и какъ вспомогательнымъ къ нимъ — токарному и кузнечному; сверхъ того, въ Елисаветпольскомъ училищѣ занимаются садоводствомъ и огородничествомъ. Всѣхъ окончившихъ успѣшно курсъ въ отчетномъ году было 21, а именно: въ Ставропольскомъ 3, въ Владикавказскомъ 2 и въ Тифлисскомъ 16; въ Елисаветпольскомъ же училищѣ, по недавнему его открытію, окончившихъ курсъ еще не было.

Число классовъ во всѣхъ училищахъ 13 и отдѣленій 28, изъ нихъ въ отчетномъ году открыто 1 при Елисаветпольскомъ училищѣ. Въ Ставропольскомъ имѣется 3 общеобразовательные класса и 7 отдѣленій, изъ нихъ 3 мастерскія и чертежныя; въ Владикавказскомъ — 2 общеобразовательные класса, 1 практическій и 6 отдѣленій, въ Елисаветпольскомъ — 2 профессиональные класса, 1 приготовительный и 3 отдѣленія и въ Тифлисскомъ — 4 класса, изъ которыхъ каждый дѣлится на 3 отдѣленія: русское, армянское и грузинское, съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ въ каждомъ отдѣленіи на родномъ языкѣ учащихся, кромѣ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи.

При училищахъ имѣются библіотеки, изъ которыхъ фундаментальными снабжены всѣ 4 училища, а ученическими 2 — Владикавказское и Тифливское. Общее число томовъ во всѣхъ библіотекахъ 1,529 на сумму 2,528 руб., и пополненія въ отчетномъ году дѣлались по всѣмъ библіотекамъ на сумму свыше 300 руб. По количеству названій и по стоимости всѣхъ значительнѣе библіотека Ставропольскаго училища. Физическіе кабинеты училищъ состоятъ изъ 764 приборовъ на сумму 1,888 руб.; изъ нихъ лучшій въ Елисаветпольскомъ училищѣ. Приобрѣтенія дѣлались въ отчетномъ году двумя училищами — Елисаветпольскимъ на 95 руб. и Тифлискимъ, которое затратило на училищныя пособія и инструменты для своихъ мастерскихъ 3,003 руб., имѣя въ послѣднихъ 1,287 приборовъ на сумму 26,525 руб. и паровую машину въ 5 силъ, стоимостью въ 1,200 руб.; кромѣ того, Тифливское училище имѣетъ еще техническій кабинетъ изъ образцовъ разныхъ сортовъ деревъ, металловъ, рудъ и необходимыхъ для ихъ обработки инструментовъ. По тремъ прочимъ училищамъ разныхъ учебныхъ пособій по преподаванію предметовъ и обученію мастерамъ считается 1,905 (изъ нихъ менѣе всѣхъ находится въ Елисаветпольскомъ училищѣ) на сумму 5,741 руб.; въ томъ числѣ вновь

приобрѣтено въ отчетномъ году на 1,513 руб., при чемъ Владикавказскимъ училищемъ на 1,350 руб.

На содержаніе ремесленныхъ училищъ въ отчетномъ 1885 году имѣлась сумма въ 76,718 руб., изъ коихъ для Тифлискаго училища отпущено городомъ 31,473 руб., а остальная сумма въ 45,245 руб. для трехъ прочихъ училищъ образовалась изъ слѣдующихъ источниковъ: государственнаго казначейства—5,263 руб. (въ томъ числѣ добавочнаго жалованья 1,363 р.), отъ Терскаго войска—2,055 р., изъ земскихъ сборовъ—14,558 р., отъ городскихъ обществъ—8,629 р., со сбора за право ученія—590 р., сборъ за содержаніе частныхъ воспитанниковъ—1,551 р., отъ почетныхъ попечителей и другихъ пожертвованій—6,769 р., процентовъ съ капиталовъ—593 р. и изъ другихъ источниковъ—4,185 р., всего 44, 193 р., а съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ имѣлось 45,245 руб.

Изъ поступившихъ суммъ произведены слѣдующіе расходы: на наемъ помѣщеній—117 р., на ремонтъ зданій—1,396 р., на хозяйственные и другіе расходы—27,989 р., на содержаніе личнаго состава—31,216 р. (въ томъ числѣ добавочнаго жалованья—1,362 р.), на учебныя пособія и инструменты для мастерскихъ—4,188 р., на содержаніе воспитанниковъ пансіоновъ—5,261 р., на обѣдъ воспитанниковъ Тифлискаго училища—4,832 р., на пособія служащимъ—755 р., учащимся—398 р., итого 76,152 руб.

Спеціальныхъ средствъ училищъ, кромѣ Тифлискаго, имѣлось: въ остаткѣ отъ 1884 года—1,052 р., вновь поступило—12,497 р., израсходовано—12,380 р. и оставалось къ 1-му января 1886 года 1,169 р. въ наличныхъ деньгахъ.

Плата годовая за обученіе въ ремесленныхъ училищахъ взимается съ приходящихъ учениковъ въ Ставропольскомъ—3 р., въ Елисаветпольскомъ—12 р. и въ Владикавказскомъ—25 р. За воспитаніе пансіонеровъ казеннокоштныхъ въ Елисаветпольскомъ полагается 60 р., а во Владикавказскомъ—100 р., а за частныхъ въ обоихъ училищахъ по 100 р. Обученіе же въ Тифлисскомъ училищѣ, гдѣ 241 уч., бесплатное для всѣхъ. По другимъ училищамъ даровымъ обученіемъ и воспитаніемъ пользовался 61 ученикъ.

Три училища съ основанія своего помѣщались въ домахъ, имъ принадлежащихъ, и только для Елисаветпольскаго въ продолженіе отчетнаго года нанималось помѣщеніе за 700 р., такъ какъ собственный его домъ не былъ оконченъ постройкою; но къ 1-му ян-

варя 1886 года всѣ уже 4 училища помѣщались въ собственныхъ зданіяхъ, цѣною въ 108,000 руб.

Въ отчетномъ году всѣ ремесленные училища подвергались неоднократно осмотру директоровъ и инспекторовъ.

Личный составъ училищъ въ отчетномъ году состоялъ изъ 44 лицъ: почетныхъ смотрителей—2, завѣдывающихъ училищами—4, законоучителей—6, преподавателей—15, мастеровъ—6 и на прочихъ должностяхъ—11. Вакансій въ отчетномъ году оставалась 1—учителя въ Елисаветпольскомъ училищѣ. Всѣхъ уроковъ слѣдовало дать 11.227, изъ нихъ по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ пропущено было 253. Пропущенные уроки восполнены были, какъ уроками, данными смотрителями и другими учителями, такъ и письменными работами учениковъ.

Всѣхъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ отчетномъ году по всѣмъ училищамъ было 109, и кромѣ того, въ Тифлисскомъ училищѣ было 6 засѣданій училищнаго комитета, состоящаго изъ гласныхъ думы. Въ этихъ засѣданіяхъ, кромѣ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, обращалось особенное вниманіе на матеріальную сторону училищъ.

Всѣхъ учащихся къ концу отчетнаго года по 4 училищамъ было 399 (въ томъ числѣ пансіонеровъ—74), а именно: въ Ставропольскомъ—19, во Владикавказскомъ—73, въ Елисаветпольскомъ—66 и въ Тифлисскомъ—241. Учащіеся распредѣлялись по сословіямъ: дворянъ—59, духовнаго званія—9, городскихъ сословій—168, сельскихъ сословій—118, нижнихъ чиновъ—42 и иностранцевъ—3; по исповѣданіямъ: православныхъ—212, армяно-григоріанъ—149 католиковъ—7, лютеранъ—3, раскольниковъ—8, мусульманъ—18 и евреевъ—2, и по національностямъ: русскихъ—140, грузинъ—73, армянъ—149, татаръ—15, горцевъ—10, евреевъ—2 и иностранцевъ—10.

Подававшихъ прошенія о принятіи въ ремесленные училища въ отчетномъ году было 242, въ томъ числѣ въ Тифлисское училище—135; всѣхъ принятыхъ было 155, въ томъ числѣ въ Тифлисское училище поступило 103; остальные 87 не приняты по недостатку мѣста или по невыдержанію испытанія, а также по другимъ причинамъ. Выбыло въ продолженіе года изъ училищъ 134; изъ нихъ 21 окончили полный курсъ.

Изъ необязательныхъ предметовъ 73 ученика Владикавказскаго училища обучалось пѣнію. Оказавшихъ къ концу учебнаго года удовлетворительные успѣхи и переведенныхъ въ слѣдующіе классы было 221 изъ 353, считая въ томъ числѣ и окончившихъ курсъ. Поведеніе

учащихся было всюду удовлетворительное: случаи взысканій были рѣдки, всего 23, а уволенных по 4 училищамъ было 19, въ томъ числѣ 16 изъ Тифлискаго училища, всѣ за неуспѣшность. Число уроковъ, пропущенныхъ учащимися въ продолженіе года, было 4,954, болѣею частью по болѣзни.

Въ вѣдѣніи Кавказскаго учебнаго округа состоятъ 3 мореходные класса для приготовленія штурмановъ каботажнаго и дальняго плаванія и шкиперовъ каботажнаго плаванія, а именно: въ Анапѣ Кубанской области (основанъ въ 1879 г.), въ Поті Кутаисской губерніи, (открытъ въ 1880 г.) и въ Баку (открытъ въ 1881 г.). Всѣхъ окончившихъ курсъ въ мореходныхъ классахъ, за все время ихъ существованія, было 47; въ томъ числѣ въ отчетномъ 1885 году было 19. Всѣхъ классовъ въ заведеніяхъ 4 основныхъ и 6 отдѣленій; изъ нихъ въ Анапскомъ 1 классъ при двухъ отдѣленіяхъ, въ Потійскомъ—2 класса шкиперскій и штурманскій и 3 отдѣленія, и въ Бакинскомъ—1 классъ въ трехъ отдѣленіяхъ.

Во всѣхъ трехъ классахъ существуютъ бібліотеки: фундаментальныя въ Потійскомъ и Бакинскомъ, а въ Анапскомъ ученическая. Приобрѣтеній сдѣлано въ отчетномъ году только по фундаментальнымъ бібліотекамъ на 28 р. Въ навигаціонныхъ кабинетахъ, имѣющихся во всѣхъ мореходныхъ классахъ, имѣется 197 разнаго рода приборовъ, инструментовъ, картъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ пособій на сумму 2,395 р.

На содержаніе морскихъ классовъ въ отчетномъ году имѣлась сумма въ 6,916 р., изъ слѣдующихъ источниковъ: государственнаго казначейства—3,000 р., отъ городскихъ обществъ—3,600 р., отъ почетныхъ попечителей и другихъ пожертвованій—85 р. и изъ остатка отъ прежнихъ лѣтъ—231 р.

Расходу было произведено на 6,451 р., а именно. на наемъ помѣщеній—1.300 р., ремонтъ зданій—50 р., хозяйственные расходы—503 р., содержаніе личнаго состава—3,701 р., на пособія учащимся—95 р., въ отчисленіе въ Кавказскій учебный округъ—5 р. и на другіе расходы—794 р., въ томъ числѣ изъ штатныхъ суммъ—6,366 р. и изъ спеціальныхъ средствъ—85 р. или 1, 3⁰/₁₀₀.

Для всѣхъ трехъ учрежденій помѣщенія нанимаются въ частныхъ, болѣе или менѣе удобныхъ, домахъ. Всѣ обучающіеся въ мореходныхъ классахъ приходящіе и живутъ или на квартирахъ, или съ родителями и родными.

Въ продолженіе отчетнаго года всѣ морскіе мореходные классы

были осматриваемы директорами училищъ, а Потійскій, кромѣ того, осматрѣвъ окружнымъ инспекторомъ Короваевымъ.

Личный составъ въ мореходныхъ классахъ состоитъ изъ 6 служащихъ въ нихъ лицъ, изъ коихъ 3 завѣдывающихъ классами, они же состоятъ и преподавателями, и 3 учителя. Всѣхъ уроковъ въ отчетномъ году слѣдовало дать 1.237, что и выполнено преподавателями безъ пропусковъ.

Всѣхъ учащихся въ мореходныхъ классахъ въ началѣ учебного года было 55, а въ концѣ 63; обучалось въ Анапскомъ—11 чел., въ Потійскомъ—12 и въ Бакинскомъ 40; въ общемъ числѣ учащихся было: дворянъ—12, духовнаго званія—2, городскихъ сословій—36, сельскихъ—7, нижнихъ чиновъ—4 и иностранцевъ—2; по исповѣданію: православныхъ—47, армяно-григоріанъ—12, католиковъ—2, лютеранъ—1 и мусульманъ—1; по національностямъ: русскихъ—38, грузинъ—9, армянъ—12, татаръ—3 и иностранцевъ—3.

Подавшихъ прошенія о приѣмѣ въ мореходные классы въ отчетномъ году было 37; по невидержанію испытанія отказано въ приѣмѣ 4; поступившіе получили подготовку: въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ—11, домашнюю—3, а по свидѣтельству принято—13. Выбывшихъ изъ мореходныхъ классовъ въ продолженіе учебного года было 25, въ томъ числѣ окончившихъ курсъ 17, по прошенію 7 и за смертью—1.

Изъ 50 учащихся, находившихся въ морскихъ классахъ, въ концѣ учебного года показали удовлетворительные успѣхи и переведены были 21 или 42%. Число окончившихъ курсъ и вообще оказавшихъ удовлетворительные успѣхи, по отношенію къ національностямъ, къ которымъ они принадлежатъ, было слѣдующее: русскихъ—44% и армянъ—36%, а по отношенію къ сословію: дворянъ—100%, городскихъ сословій—45% и сельскихъ—27%. За поведение изъ 63 учащихся 61 имѣли отмѣтку 4 и 2 ученика—5. Уволенныхъ или подвергавшихся высканіямъ вовсе не было. Пропущенныхъ уроковъ было 1.636, что составитъ на каждого 26,0, въ томъ числѣ по болѣзни—1,7 и по другимъ причинамъ 24,3. Что касается санитарнаго состоянія учащихся въ мореходныхъ классахъ, то только въ Бакинскомъ было 9 случаевъ болѣзни; смертный случай былъ 1 тоже въ Бакинскомъ классѣ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ ¹⁾.

IX.

Лионъ $\frac{30\text{-го марта}}{11\text{-го апреля}}$ 1887 года.

Горныя обсерваторіи во Франціи. — Средства на ихъ постройку и содержаніе. — Обсерваторія въ Клермонѣ и на Пюи де Домѣ. — Большія суточные колебанія температуры въ Клермонѣ. — Восхожденіе на Пюи де Домѣ. — Растительность. — Сильный вѣтеръ и морозный туманъ на вершинѣ. — Башня съ метеорологическими инструментами. — Анемометръ. — Иней. — Обширное жилое помѣщеніе. — Утро. — Тонкій слой тумана. — Разрывъ его. — Освѣщеніе тучъ солнцемъ. — Видъ съ горы. — Сопки (Puys). — Монъ Доръ. — Храмъ Меркурія. — Спускъ съ горы. — Вліяніе солнца. — Влажность нижняго горнаго пояса. — Быстрое измѣненіе влажности на Пюи де Домѣ. — Грозы въ Оверни. — Алз. — Лѣсоразведеніе въ Севеннахъ. — Постройка обсерваторіи на горѣ Эгуаль. — Путь до Перпinya. — Соленыя озера. — Перпinya. — Директоръ обсерваторіи д-ръ Фивъ. — Осмотръ обсерваторіи. — Самопишущіе инструменты. — Атмосферное электричество. — Температура почвы. — Магнитный павильонъ. — Мистраль. — Быстрое замерзаніе водъ сравнительно съ окрестностями Парижа. — Ливни. — Теплота климата. — Растенія южныхъ странъ и береза. — Авиньонъ. — Обсерваторія въ городѣ и на горѣ Ванту. — Лионъ. — Обсерваторія Сень-Жени. — Три метеорологическія станціи въ окрестностяхъ. — Различіе топографическаго положенія. — Музей. — Мѣстныя коллекціи. — Проф. Шантръ.

Франція опередила другія страны относительно устройства горныхъ метеорологическихъ обсерваторій, такъ какъ она имѣетъ двѣ вполне устроеныя — на Пюи де Домѣ (Puys de Dôme) и Пикъ дю Миди (Pic du Midi), одну, отчасти устроенную, но не снабженную еще всѣми необходимыми инструментами на Монъ Ванту (Mont Ventoux) близъ Авиньона, и одну, къ постройкѣ которой только еще приступлено, Эгуаль (Aigoual), на одной изъ главныхъ вершинъ Севеннъ.

¹⁾ См. октябрьскую выписку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

Изъ двухъ вполнѣ устроенныхъ Пикъ дю Миди въ Пиринеяхъ значительно выше, но въ концѣ марта, послѣ многоснѣжной зимы, пробраться туда было бы до крайности трудно, а при дурной погодѣ и совсѣмъ не возможно, такъ что мнѣ пришлось удовольствоваться Пюи де Домомъ. Это—высшая вершина горной группы Оверни въ центральной Франціи, страны потухшихъ сопокъ (вулкановъ), классической для геологовъ, очень часто посѣщаемой ими и превосходно описанной.

Горная обсерваторія на Пюи де Домъ—первая вполнѣ устроенная не только во Франціи, но и въ Европѣ. Постройка и содержаніе первоклассной горной обсерваторіи обходится не дешево; строительные матеріалы, за исключеніемъ камня (и то не всегда), приходится привозить или приносить издалека, а для удобства постройки и сообщенія сначала прокладывать дорого стоящія дороги; затѣмъ, конечно, содержаніе рабочихъ обходится не дешево. Далѣе установка инструментовъ, особенно анемометра, требуетъ особыхъ приспособленій вслѣдствіе бурь и вняе, и инструменты все-таки часто портятся; содержаніе наблюдателей также стоитъ дороже. Къ этимъ неизбѣжнымъ источникамъ расходовъ присоединялось сначала неумѣнное хорошо устроить дѣло, ошибки, которыхъ нынѣ легко избѣжать, благодаря дорого стоящему опыту первыхъ обсерваторій.

Средства на постройку обсерваторіи на Пюи де Домъ стали сначала собирать частною подпиской, а затѣмъ получились субсидіи города и департамента и небольшія отъ государства. Собрано было 200 тысячъ франковъ, на которыя и была построена обсерваторія, но содержать ее было не на что. Тогда обратились къ содѣйствію правительства, которое приняло обсерваторію въ свое завѣдываніе. Ежегодные расходы на содержаніе этой обсерваторіи и другой, устроенной въ г. Клермонѣ, составляютъ 22 тысячи франковъ, изъ которыхъ 15 тысячъ тратятся на жалованье разнымъ лицамъ.

Во главѣ обѣихъ обсерваторій стоитъ директоръ, живущій въ Клермонѣ и состоящій вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ въ тамошнемъ физико-математическомъ факультетѣ. Онъ получаетъ, сверхъ своего профессорскаго жалованья, 5 тысячъ франковъ. Его помощникъ, тоже живущій въ Клермонѣ, — 3 тысячи, и столько же наблюдатель, живущій на горной обсерваторіи. Первымъ директоромъ обсерваторіи и ея строителемъ былъ проф. Аллюаръ (Alluard), недавно вышедшій въ отставку за преклонностью лѣтъ. Его преемникомъ былъ назначенъ проф. Юрионъ (Jurion), только что переведенный изъ Гренобля въ Клермонъ.

Тотчасъ по прїѣздѣ изъ Парижа въ Клермонъ меня посѣтилъ помощникъ директора г. Плюмандонъ (Plumondon), говоря, что директоръ, которому я писалъ о своемъ прїѣздѣ, занятъ экзаменами на бакалавра и будетъ свободенъ лишь пополудни. Плюмандонъ уже тринадцать лѣтъ занимаетъ свое мѣсто и превосходно знакомъ съ обсерваторіей на Пюи де Домъ. Мы отправились смотрѣть Клермонскую обсерваторію.

Нужно замѣтить, что городъ расположенъ на холмистой мѣстности, къ востоку отъ горной группы Оверни, главные вершины которыхъ отсюда превосходно видны. Обсерваторія находится на самомъ краю города, вдали отъ другихъ строеній и посреди обширныхъ огородовъ. Такое положеніе само по себѣ очень удобно для метеорологической обсерваторіи, но это еще не все. Клермонская обсерваторія, кромѣ того, находится на днѣ довольно обширной долины или котловины съ отлогими краями. Это — положеніе, наиболѣе удобное для обсерваторіи у подошвы горы, такъ какъ здѣсь—вогнутая форма темной поверхности, а на вершинѣ отдѣльной горы—выпуклая.

Годовыя и особенно суточные колебанія температуры и суточные колебанія давленія воздуха вблизи земной поверхности всего болѣе на днѣ отлогихъ долинъ и котловинъ и всего менѣе на вершинѣ крутыхъ горъ. Нигдѣ на земной поверхности нѣтъ двухъ метеорологическихъ обсерваторій, столь близкихъ одна отъ другой и притомъ находящихся въ столь различныхъ топографическихъ условіяхъ, какъ Клермонъ и Пюи де Домъ. На Клермонской обсерваторіи суточные колебанія температуры необычайно велики; въ иные дни получаются такія разности между раннимъ утромъ и самымъ теплымъ временемъ дня, что онѣ напоминаютъ Сахару и нагорья Тибета. Плюмандонъ обратилъ мое вниманіе на колебанія въ іюлѣ 1881 г., превзошедшія все, что и здѣсь было наблюдаемо до тѣхъ поръ. Я просилъ показать мнѣ подлинный журналъ наблюденій за этотъ мѣсяцъ. Въ одинъ день послѣ полудня было 32° Ц., а рано утромъ 3°. Былъ иней и минимумъ-термометръ, положенный на поверхность травы, показывалъ—2. На Пюи де Домъ, напротивъ, суточные колебанія очень малы, какъ бываетъ вообще на вершинахъ горъ. Поэтому ночью разность температуры между долиной Клермона и вершиной горы значительно менѣе, чѣмъ днемъ. Точно также она болѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою. Въ послѣднее время года даже нерѣдко бываетъ, что на вершинѣ горы теплѣе, чѣмъ въ долинѣ. Это бываетъ при господствѣ антициклоновъ, то-есть, при высокомъ стояніи барометра и затишьѣ или

слабыхъ вѣтрахъ. Въ долинахъ тогда очень холодно, особенно если лежитъ снѣгъ, а на горахъ теплая и ясная погода, при малой относительной влажности. Это явленіе было особенно продолжительно и рѣзко выражено въ декабрѣ 1879 г., чрезвычайно холодномъ въ долинахъ и на равнинахъ средней Европы. Приведу примѣръ средней температуры и влажности съ 20-го по 28-е декабря 1879 г. въ 6 часовъ утра.

	Температура.	Влажность.
Пюя де Домъ.	3,8	38%
Клермонъ.	—13,2	91%

Здѣсь не мѣсто давать объясненія этого явленія ¹⁾, но замѣчу что оно тоже въ Альпахъ и на Кавказѣ бываетъ нерѣдко, и по разказамъ всѣхъ, бывавшихъ на горахъ въ такую погоду, воздухъ необычайно прозраченъ, и вообще экскурси въ горы рѣдко бываютъ такъ пріятны, какъ при такихъ условіяхъ.

Суточные колебанія столь значительны, что еще очень замѣтны въ почвѣ на глубинѣ 30 сантиметровъ (около 7 вершковъ), но здѣсь какъ наибольшая, такъ и наименьшая, запаздываютъ и первая наблюдается рано утромъ, то-есть, обратно противъ того, что наблюдается на поверхности почвы и въ нижнемъ слоѣ воздуха. Наблюденія надъ температурой почвы дѣлались въ 1875—1878 годахъ, затѣмъ термометры были разбиты и наблюденія возобновились лишь въ началѣ 1887 году, то-есть, по назначеніи новаго директора. Они производятся посредствомъ термометровъ съ длинною шкалой, которыя не приходится вынимать при наблюденіи.

Наблюденія главныхъ метеорологическихъ элементовъ производятся каждые три часа. Изъ самопишущихъ инструментовъ имѣются анемометръ ²⁾ системы Робинсона, ртутный барометръ Редье и анерондъ, термометръ и гигрометръ братьевъ Ришаръ. Послѣдними тремя инструментами здѣсь очень довольны, при чемъ, само собою разумѣется, что показанія самопишущаго термометра приходится проверять помощью обыкновеннаго термометра, показанія гигрометра — помощью гигрометра Аллюара, а показанія анеронда — посредствомъ ручнаго барометра.

Установка термометровъ та же, что въ Parc St.-Maur близъ Па-

¹⁾ См. *Налл*, *Klimatologie*, Stuttgart. 1883, и мои *Климаты земнаго шара* — С.-Петербургъ. 1884. Изданіе А. Ильина.

²⁾ То-есть, инструментъ, показывающій направленіе и скорость вѣтра.
часть ССЛIV, отд. 4.

рижа. Магнитная обсерваторія точно также устроена по тамошнему образцу и снабжена такими же инструментами. Колебанія магнитныхъ инструментовъ въ отдѣльные дни замѣчательно согласны съ наблюдаемыми въ Парижѣ и Перпиньянѣ, какъ я могъ во-очію убѣдиться, сравнивая копіи съ записей тамошнихъ инструментовъ и подлинныя записи инструментовъ въ Клермонѣ.

Я сказалъ о своемъ желаніи посѣтить Пюи де Домъ. Восхождение на гору не трудное, и свѣгу было очень мало. Однако, погода была переменчивая. Я справился съ метеорологическимъ бюллетенемъ. Оказывается, что въ Клермонѣ изъ парижскаго Bureau central météorologique не только присылается телеграмма, содержащая въ себѣ обзоръ погоды и предсказаніе ¹⁾ на каждый день, но сообщаются телеграфомъ и показанія барометра, термометра и т. д. на нѣсколькихъ станціяхъ Франціи и другихъ странъ. На основаніи этого матеріала и принимая во вниманіе мѣстные условія, Клермонская обсерваторія составляетъ ежедневно метеорологическую карту, съ обзорѣніемъ погоды и предположеній о погодѣ. Карта и другія свѣдѣнія воспроизводятся въ нѣсколькихъ экземплярахъ и выставляются въ разныхъ мѣстахъ города, а наблюденія и „вѣроятія“ печатаются въ мѣстныхъ газетахъ, но безъ карты.

Оказалось, что можно ждать продолженія переменчивой погоды, на ясную же разчитывать нельзя. Мнѣ, конечно, было любопытно взойти на гору и при такихъ условіяхъ, но не хотѣлось однако совсѣмъ не видать солнца и освѣщенія солнцемъ тучъ, и для того, чтобы было болѣе вѣроятія на это, я спросилъ, нельзя ли переочековать на вершинѣ. Это оказалось вполне возможнымъ; поэтому я рѣшился не торопиться восхожденіемъ.

Пополудни я зашелъ къ проф. Юріону; онъ тоже захотѣлъ отправиться со мною; поѣхали также его зять и г. Плюмандонъ. Мы отправились въ четверомѣстной каретѣ до перевала (Col) между двумя Пюи (Pu). Тамъ вышли изъ экипажа и далѣе пошли пѣшкомъ. Высота надъ уровнемъ моря здѣсь нѣсколько менѣе 1000 метровъ, такъ что намъ пришлось подняться еще на 500, то-есть, до 1467 метровъ надъ уровнемъ моря. Дорога на вершину очень удобная, лишь сначала немного крутая, затѣмъ довольно отлогая. Ее почему-то проложили по западному склону горы, хотя столь же удобно можно

¹⁾ Или какъ ихъ здѣсь называютъ „предположеніе“ (probabilité).

было сдѣлать и по восточному, и притомъ она была бы ближе отъ Клермона и защищена отъ господствующихъ вѣтровъ.

Впрочемъ, мы были довольны, что дорога шла по западному склону, такъ какъ вѣтеръ былъ сѣверо-восточный. У подошвы горы онъ былъ не силенъ, но конечно, можно было ожидать, что онъ будетъ сильнѣе по мѣрѣ подъема. У подошвы погода была облачная: солнце то показывалось, то скрывалось, но вскорѣ послѣ начала нашего восхожденія оно скрылось за тучами, и мы его въ этотъ день уже не видѣли. Уже въ Клермонѣ было мало зелени, не болѣе чѣмъ въ Парижѣ, а на высотѣ, въ которой мы поднимались, ея уже совсѣмъ не было. Изчезли и листовныя деревья, были одни ели, и далеко до вершины онѣ превратились въ стланецъ, а затѣмъ и совсѣмъ изчезли.

Нужно замѣтить, что именемъ Руу обозначаются вообще потухшія сопки (вулканы), но это имя примѣняется и къ Пюи де Дому, который не вулканическаго происхожденія. Порода, изъ которой состоятъ эта гора, такъ-называемый домитъ,—не вулканическая. Это твердый сѣрый камень, содержащій въ себѣ значительное количество кремнезема и очень пригодный для построекъ. Нѣтъ на Пюи де Домѣ и ничего похожаго на кратеръ. Вершина довольно обширная и почти плоская, а затѣмъ на ней поднимается еще очень небольшой холмикъ, на которомъ и построена башня для метеорологическихъ инструментовъ, а у подошвы—жилой домъ.

Когда мы достигли вершины, то очутились въ густомъ морозномъ туманѣ; термометръ показывалъ — 3. Вѣтеръ былъ довольно умѣренный для Пюи де Дома, но намъ, конечно, показался очень сильнымъ. 10 или 15 минутъ, что намъ пришлось идти до дома, были довольно непріятны. Мы остались въ домѣ лишь минутъ 5, чтобы обогрѣться, и затѣмъ сейчасъ же пошли на обсерваторію. Башня двухэтажная. Въ нижнемъ этажѣ пока ничего не помѣщается, но думаютъ помѣстить магнитные инструменты; во второмъ этажѣ внутри помѣщаются барометры, а съ сѣверной стороны пристроенъ полукруглый балконъ, гдѣ помѣщаются психометръ, термометры и испарители (évaporomètres).

Французы вообще помѣщаютъ свои термометры подъ легкую защитой; здѣсь же я увидѣлъ совсѣмъ иное. Надъ балкономъ сплошная, прочная крыша, затѣмъ снаружи полукругомъ все пространство закрыто деревянной жалузи, а за нею тоже кругомъ всего балкона рѣшетка изъ мѣдной проволоки. Все это, какъ мнѣ объяснили, необходимо чтобы хоть нѣсколько защитить термометры отъ вѣевъ, который иначе покрывалъ бы ихъ сплошь и не давалъ бы возможности

наблюдать температуру воздуха. И теперь иней проникаетъ до термометровъ, но конечно, его не особенно много. Притомъ вѣтеръ такъ силенъ, что двойное закрытіе не мѣшаетъ получить настоящую температуру воздуха. Впрочемъ нѣсколько разъ въ день, если не мѣшаютъ бури, наблюдаютъ температуру воздуха на открытомъ мѣстѣ помощью термометра-праца (thermomètre-fronde). Затѣмъ мы поднялись на верхнюю платформу башни, гдѣ помѣщенъ анеометръ (указатель направленія и силы вѣтра). Такъ какъ сила вѣтра очень велика, то анеометръ помѣщенъ на крѣпкой мачтѣ, прикрѣпленной еще нѣсколькими канатами. Инея было такъ много, что анеометръ не дѣйствовалъ: такъ бываетъ слишкомъ половину времени въ шесть холодныхъ мѣсяцевъ. Было множество инея на мачтѣ, на веревкахъ и т. д., а упавшій съ нихъ и анеометра покрывалъ полъ на поларшина. И притомъ, еще теперь инея было не особенно много, такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ была продолжительная оттепель, зимній иней весь стоялъ; зимою же бываетъ, что мачта, анеометръ, канаты, все превращается въ сплошной комъ инея.

Такое же громадное количество инея наблюдается и на другихъ, не очень высокихъ, но отдѣльныхъ горахъ, гдѣ устроены метеорологическія обсерваторіи, напримѣръ, на Брокенѣ въ сѣверной Германіи и на Бенъ-Невисѣ въ Шотландіи. Дѣло въ томъ, что къ сѣверу и западу отъ Пюи де Дома до Ламанша и океана нѣтъ болѣе высокихъ горъ; слѣдовательно, сырые западные вѣтры свободно проходятъ до него, не осаждая своей влаги на болѣе высокихъ вершинахъ. Зимой здѣсь, при температурѣ ниже 0°, воздухъ часто по дѣльнымъ суткамъ насыщенъ влагой, наполненъ морознымъ туманомъ. При этомъ вѣтеръ, весьма часто достигающій скорости 15 метровъ въ секунду, а нерѣдко и 25. Повятно, что при такихъ условіяхъ на всѣхъ твердыхъ тѣлахъ съ навітренной стороны долженъ осѣдать толстый слой инея; иногда на шестахъ и столбахъ онъ достигаетъ толщины аршина.

Всего болѣе инея здѣсь осѣдаетъ при сѣверо-западномъ (NW) вѣтрѣ, такъ какъ онъ и холодный, и вмѣстѣ съ тѣмъ влажный. Брокенъ и Бенъ-Невисъ также открыты со стороны моря, а такъ какъ и тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ температура ниже 0°, то осѣдаетъ очень много инея. Въ Альпахъ инея не такъ много; высокія вершины этихъ горъ находятся уже въ такомъ слоѣ воздуха, гдѣ влаги менѣе, а вершины пониже защищены другими горами.

Назадъ мы спустились по витой лѣстницѣ до подземнаго корри-

дора, а затѣмъ прошли имъ до жилого зданія. Этотъ корридоръ, длиною 40 метровъ, и лѣстница построены для того, чтобы наблюдатель могъ во всякую погоду пройти до башни, а снаружи иногда сообщеніе прекращается. Проф. Юріонъ тотчасъ же долженъ былъ воротиться назадъ: у него на другой день были экзамены; мы трое остались.

Помѣщеніе довольно обширное, двухэтажное, внизу кухня, двѣ комнаты для наблюдателя и комната, гдѣ хранятся журналы наблюдений и помѣщаются телеграфъ и телефонъ. Мы тотчасъ же вошли туда, и г. Плюмандонъ просилъ по телефону передать полученныя изъ Парижа телеграммы (утромъ не всѣ были получены). Въ верхнемъ этажѣ 4 комнаты, назначенныя для директора обсерваторіи и пріѣзжихъ ученыхъ. Мы въ нихъ и устроились. Въ столовой пылали каминъ; онъ былъ далеко не лишній при — 4, сильномъ вѣтрѣ и отсутствіи двойныхъ рамъ. Мы пообедали недурно, благодаря отчасти провизіи, найденной на мѣстѣ, отчасти принесенной съ собою. Замѣчу еще, что наблюдатель живетъ съ семьей, между прочимъ двумя маленькими дѣтьми.

Обсерваторія на Пюя-де-Домъ, стоявшая довольно дорого, имѣетъ и большія неудобства. Одно изъ главныхъ — отдѣленіе жилища наблюдателя отъ помѣщенія инструментовъ. Къ нимъ можно пройти во всякую погоду, но все-таки не мѣшало бы устроить дѣло иначе. Далѣе, стѣны башни слишкомъ толсты, именно 1½ метра (2 аршина). Это не только лишній расходъ, но имѣетъ и серьезныя неудобства. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ дней внутри башни температура почти такая же, что и наружнаго воздуха, а когда затѣмъ она возвышается, то на стѣнахъ осаждается обильная роса или иней, такъ какъ стѣны еще долго сохраняютъ низкую температуру. Отъ того портятся инструменты, стѣны сырѣютъ, поврываются плѣсенью и т. д. Прежній директоръ обсерваторіи пристроилъ еще стеклянную галерею къ нижнему этажу башни. Это увеличило еще пространство, подверженное сильнымъ вѣтрамъ и сырости и требующее дорогого ремонта.

Мы разошлись довольно рано; я спалъ въ комнатѣ директора, окна которой, какъ и другихъ, обращены на югъ. Окна, конечно, сплошь замерзли. Проснувшись вскорѣ послѣ 6 часовъ и видя яркій свѣтъ, я думалъ, что свѣтитъ солнце, но открывъ немного окно, увидалъ, что мы все еще въ морозномъ туманѣ, но что слой его надъ нами не толстъ: на небольшой высотѣ должно было свѣтить солнцу.

Около 8-ми часовъ мы собрались въ столовой пить кофе; каминъ опять пылалъ, окна оттаяли. Туманъ былъ все такой же. Вдругъ морозный туманъ сталъ быстро проноситься мимо насъ, а надъ нами его уже не было. Солнце ярко освѣщало бѣлую пелену тучъ на юго-востокѣ, лежащую на вершинахъ сопотъ (Pu). Картина была очень красива. Сначала, когда освѣщались довольно далекія тучи, казалось, какъ будто видна поверхность снѣга. Мы поторопились подняться на башню. Оттуда также видны были облака, освѣщенные солнцемъ, но и болѣе близкія, чѣмъ видѣнныя сначала. Впрочемъ мы видѣли это освѣщеніе не постоянно; временами опять солнце закрывалось туманомъ. Отъ времени до времени сосѣднія горы и часть равнины очищались отъ тучъ и становились видны, но полного вида мы не имѣли ни разу. На югѣ виднѣлась широкая группа Монъ Доръ (Mont Dore) болѣе высокаго, чѣмъ Пюи де Домъ, но вершина все время была закрыта облаками. На востокѣ виднѣлись горы Форетъ (Forez), а въ ясные дни, говорятъ, видны и Альпы. Въ воздухѣ все еще носились ледяныя иглы, вѣтеръ былъ еще сильнѣе, чѣмъ вчера, и хотя температура была не ниже—5, мы долго не вытерпѣли, но потомъ возвращались еще нѣсколько разъ на башню.

Сойдя внизъ, г. Пюмандонъ опять спросилъ по телефону, какая погода въ Клермонѣ, и затѣмъ нѣсколько разъ спрашивалъ еще, получена ли телеграмма изъ Парижа. Около полудня ее передали; онъ быстро составилъ синоптическую карту и предположенія о погодѣ и все это передалъ внизъ.

Послѣ полудня тучи поднялись выше насъ, солнце скрылось, но внизъ стало видно лучше, чѣмъ утромъ. Видъ очень обширенъ и красивъ, хотя недоставало одного—зелени. Формы разныхъ Пюи выступали замѣчательно рельефно; особенно замѣчательна была одна небольшая сопка почти прямо подъ нами, кратеръ совершенно правильной овальной формы. Мѣстные жители называютъ его Куринымъ Гнѣздомъ (Nid de la Poule).

Послѣ полудня, вѣтеръ значительно ослабѣлъ. Это явленіе довольно обыкновенное на высокихъ отдѣльныхъ вершинахъ, между тѣмъ какъ на равнинахъ и въ долинахъ, особенно въ ясную погоду, вѣтеръ обыкновенно усиливается къ полудню. Мы воспользовались ослабленіемъ вѣтра и осмотрѣли развалины храма Меркурія, построеннаго изъ мѣстнаго камня (домита), и около 3 ч. по полудни спустились по той же дорогѣ, по которой пришли. На кануѣ лишь вблизи обсерваторіи мы нашли снѣгъ, теперь онъ стоялъ, и на до-

рогѣ была грязь. А между тѣмъ много, если въ теченіе получаса свѣтило солнце, въ остальное время былъ туманъ, но сквозь него, очевидно, отчасти проходили и тепловые лучи солнца.

Кромѣ грязи на дорогѣ, вліяніе солнечныхъ лучей видно было еще въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ произошелъ земляной обвалъ, въ другомъ—поперекъ дороги повалилась молодая ель. То и другое, очевидно, вліяніе оттепели.

Я остался очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ Пюи-де-Дома и жалѣлъ лишь о томъ, что не пришлось побывать здѣсь въ разные времена года и при различныхъ условіяхъ погоды. Нужно желать, чтобы на горныхъ метеорологическихъ обсерваторіяхъ поселялись ученые на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ здѣсь самыя благопріятныя условія для наблюденій надъ облаками, оптическими явленіями въ атмосферахъ и т. д.

Наблюдатели на существующихъ горныхъ обсерваторіяхъ, за исключеніемъ, кажется, Пикъ-дю-Миди, люди мало образованные. Они могутъ съ успѣхомъ вести наблюденія по опредѣленной программѣ, но есть множество явленій, не укладывающихся въ подобныя программы и теперь часто пропадающихъ для науки.

Экипажъ ждалъ насъ тамъ же, гдѣ мы остановились на канунѣ, и мы воротились другою дорогою, чрезъ Роѳа (Rouat), мѣстечко, известное своими теплыми щелочными водами и сильно посѣщаемое лѣтомъ. Нѣсколько ранѣе, чѣмъ мы доѣхали до этого мѣстечка, на высотѣ около 700—800 метровъ надъ уровнемъ моря было замѣчательное обиліе воды, наклонные луга были болотисты, было множество родниковъ, вода съ шумомъ низвергалась у дороги. Такое обиліе воды часто встрѣчается у подножія вулкановъ, гдѣ склоны становятся отлоги, между тѣмъ какъ выше поверхность суха, вода быстро просачивается сквозь вулканическій пепелъ и туфы.

Въ Клермонѣ я опять былъ на обсерваторіи и просматривалъ подлинныя журналы наблюденій здѣсь и на Пюи-де-Домѣ. На послѣднемъ довольно часты большія измѣненія относительной влажности, напримѣръ, въ февралѣ 1887 г. въ одинъ часъ съ 30% до 90%, при чемъ эти измѣненія не сопровождаются большими измѣненіями температуры. Въ Клермонѣ же, какъ вообще въ долинахъ и на склонахъ горъ, измѣненія температуры и относительной влажности обратны, послѣднія слѣдуютъ за первыми.

Съ вершины Пюи-де-Дома должно быть чрезвычайно любопытно наблюдать во время грозъ, а нужно замѣтить, что онѣ лѣтомъ бы-

вають часто въ Оверни. Для этого есть всѣ условія. На равнинѣ и въ низшихъ долинахъ температура высока, роскошная растительность испаряетъ много влаги, а горы способствуютъ образованію грозовыхъ тучъ. Нерѣдко грозы возникаютъ здѣсь и распространяются отсюда по разнымъ направленіямъ. Самыя благопріятныя условія для грозъ — высокая температура на равнинѣ, при довольно равномерномъ давленіи, особенно, если оно немного ниже средняго. Сильныя грозы и ливни бываютъ обыкновенно тогда, когда въ Клермонѣ вѣтеръ восточный или юго-восточный, а на Пюи де Домѣ западный. Очень низкое давленіе при большихъ градіентахъ (то-есть, большой разности давленія, приведеннаго къ уровню моря, на небольшихъ разстояніяхъ) неблагоприятно для грозъ: тогда бываютъ тамъ бури и продолжительные, обложные дожди.

Въ Клермонской обсерваторіи хранится обширный матеріалъ для изученія грозъ. Въ департаментѣ Пюи де Домъ, который не болѣе многихъ нашихъ уѣздовъ, до 100 пунктовъ, гдѣ дѣлаются наблюденія надъ грозами. Для нѣкоторыхъ дней, замѣчательныхъ сильными грозами, составлены карты за каждый часъ, иногда даже за полчаса, при чемъ еще особыми знаками показано, гдѣ грозы прекратились, гдѣ продолжаются и гдѣ только что начались. Особенно замѣчательны карты грозъ 3-го іюня 1886 г. На западѣ департамента были грозы отъ 3 до 6 часовъ утра, потомъ до полудня ни одной и въ 12¹/₂ пополудни самостоятельно возникла гроза къ юговостоку отъ Клермона, центръ ея двигался на юговостокъ, потомъ на югъ, западъ, сѣверъ, при чемъ прошелъ надъ самымъ Пюи де Домомъ. Эта траекторія говоритъ въ пользу гипотезы нѣкоторыхъ ученыхъ, предполагающихъ, что движеніе центра циклоновъ находится въ соотношеніи съ температурой, и что самый теплый воздухъ притекаетъ справа. Такъ и было 3-го іюня 1886 г.; центръ грозы обогнулъ небольшую сильно-нагрѣтую равнину у подошвы Пюи-де-Дома, и притокъ наиболѣе теплаго воздуха все время былъ справа. Остается желать, чтобы такой подробный матеріалъ изъ мѣстности, представляющей особый интересъ въ вопросѣ о возникновеніи и движеніи грозъ, былъ надлежащимъ образомъ обработанъ ученымъ специалистомъ.

Въ день моего отъѣзда окончились экзамены на *bachelier ès-lettres* и *ès-sciences*. Первый изъ этихъ экзаменовъ даетъ доступъ въ *faculté des lettres*, по нашему историко-филологическій факультетъ, второй въ *faculté des sciences*, то-есть, физико-математическій. Въ Клермонѣ только эти два факультета. Профессоръ Юріонъ экза-

меновалъ на bachelier és-sciences. Изъ 21 экзаменующагося получили степень лишь 6. Я удивился такой строгости, но мой собесѣдникъ сказалъ мнѣ, что лучше быть строже теперь, когда молодые люди легко могутъ приготовиться къ другой дѣятельности, а потративъ еще три-четыре года на пребываніе въ высшемъ учебномъ заведеніи, уже трудно найти другую дорогу. Большинство молодыхъ людей, слушающихъ курсы означенныхъ факультетовъ, готовятся къ преподаванію¹⁾, но въ послѣдніе годы окончило курсъ такъ много молодыхъ людей, что мѣстъ не хватаетъ, и приходится долгіе годы ожидать очереди, пробавляясь частными уроками.

По отъѣздѣ изъ Клермона я останавливался въ Алэ (Alais), небольшомъ городѣ къ югу отъ Севеннъ. Я проѣхалъ ночью и потому сразу очутился въ совершенно иной мѣстности. Вечеромъ еще я былъ на довольно суровомъ нагорьѣ средней Франціи, ночью перевалилъ чрезъ Севенны, а утромъ я былъ въ долину Гардона, въ окрестностяхъ Алэ (Alais); здѣсь уже природа южной Франціи, растительность совершенно иная. На холмахъ вокругъ города росли масличныя деревья, вѣчнозеленый кустарный дубъ, мѣстами алеппская сосна, все растенія, характерныя для странъ у Средиземнаго моря. Растительность подвинулась гораздо далѣе, чѣмъ у Клермона: отцвѣли абрикосовыя деревья, цвѣли грушевыя, но и здѣсь она отстала противъ обыкновеннаго. Долина рѣчки широка, но воды мало, масса гальки доказываетъ, что иногда рѣчка разливается и производитъ опустошенія. Таковъ вообще характеръ здѣшнихъ рѣчекъ: послѣ дождей бурные потоки, уносящіе все, что имъ встрѣтится, а лѣтомъ иногда и совсѣмъ нѣтъ воды.

Этотъ характеръ рѣкъ отчасти зависитъ отъ климата: лѣтомъ очень мало дожда, воздухъ сухъ, испареніе сильно, а весной и осенью бываютъ сильныя ливни, особенно въ горахъ. Но человекъ значительно усилилъ это зло, вырубивъ лѣса на склонахъ и стараясь воспользоваться всякимъ клочкомъ для поля или пастбища. Эта неразумная жадность нарушила гармонію природы и въ очень сильной степени усилила зло, причиняемое наводненіями. Пришлось затѣмъ исправлять то, что испорчено, искусственно разводить лѣсъ; это удалось, но стоило, конечно, очень дорого.

Изъ Алэ я ѣздилъ и ходилъ смотрѣть лѣсоразведеніе въ горахъ,

¹⁾ Во Франціи профессора обыкновенно назначаются изъ лицъ, пробывшихъ нѣсколько лѣтъ учителями въ lycées (гимназіяхъ).

служащее выѣстъ съ тѣмъ средствомъ для прекращенія разрушительнаго дѣйствія горныхъ потоковъ. Подобныя работы во французскихъ Альпахъ уже давно приобрѣли всеобщую извѣстность. Въ Севеннахъ онѣ начались позже, но и здѣсь производятся очень толково. Между прочимъ, здѣсь избѣгаютъ крупныхъ работъ по укрѣпленію склоновъ, а дѣлаютъ вмѣсто одной нѣсколько мелкихъ. Это и дешевле, и менѣе рисковано.

Главный лѣсничій, завѣдующій этими работами, г. Фабръ (Fabre), строитъ обсерваторію на горѣ Эгуаль (Aigoual). Онъ показалъ мнѣ планы и разрѣзы постройки. Она должна стоять дешевле Пюя де Дома, именно 120 тысячъ франковъ, при чемъ жилой домъ и мѣста наблюденій не будутъ раздѣлены. Изъ Алэ на Эгуаль дорога идетъ чрезъ Валлерогъ (Vallerogue); это самая дождливая станція во Франціи, тамъ выпадаетъ ежегодно болѣе 2-хъ метровъ воды. Но г. Фабръ убѣждаетъ, что на Эгуаль будетъ еще болѣе. У него въ теченіи шести лѣтнихъ мѣсяцевъ была дождемѣрная станція на южномъ склонѣ горы, и тамъ выпало въ 1½ раза болѣе, чѣмъ въ то же время въ Валлерогѣ. Станція на Эгуаль интересна особенно тѣмъ, что здѣсь граница между климатомъ Средиземнаго моря и нагорій (plateaux) средней Франціи.

Для осмотра лѣсныхъ посадокъ мнѣ пришлось проѣхать обратно по желѣзной дорогѣ, которая привезла меня до мѣстечка Женольякъ (Genolhac). Здѣсь уже мѣстность гористая, хотя еще не высока, около 500 метровъ надъ уровнемъ моря. Посадки начались съ 1863 года, и сразу засѣяно 100 гектаровъ сосны. И послѣ эта порода была преобладающею. Главныя породы разведены на слѣдующихъ высотахъ надъ уровнемъ моря:

Сосна (Pin à crochets) и лиственница (Melèze)	1300 до 1400
Ель (Epicéa, sapin.)	1100 „ 1300
Букъ (Hêtre)	800 „ 1300
Оверньская сосна (Pin d'Auvergne)	700 „ 1100
Дубъ, дикая вишня, ольха (Chêne, merisier, aulne).	500 „ 1100
Сосны морская и ларицію, каштанъ (Pin Laricio, pin maritime, chataignier .	500 „ 700

Не смотря на успѣхъ облѣсенія и значительное уменьшеніе вреда отъ горныхъ потоковъ, крестьяне все еще недовольны этими работами, отнимающими у нихъ пастбище.

Здѣсь еще довольно много общинныхъ земель, служащихъ пастби-

щами. По закону 1862 года, если облѣсеніе общинныхъ земель признавалось необходимымъ, то работа производилась на счетъ казны, а доходъ отъ лѣса дѣлился пополамъ между казною и общиною. Общинѣ предоставлялось, вознаградивъ казну за расходы, вступить въ пользованіе всѣмъ доходомъ отъ лѣса, при чемъ, конечно, лѣсное хозяйство оставалось подъ надзоромъ казенныхъ лѣсниковъ. Въ 1882 г. вышелъ законъ, позволяющій обязательное отчужденіе общинныхъ и частныхъ земель, которыя нуждаются въ облѣсеніи и въ работахъ для обузданія горныхъ потоковъ. Но обыкновенно казна сходитя съ владѣльцами земель; такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Гаръ (Gard), гдѣ я теперь смотрѣлъ работы, обязательнаго отчужденія пока еще не было, но въ сосѣднихъ департаментахъ заплатили очень высокія цѣны по обязательному отчужденію: въ Лозеръ (Lozère) до 500 франковъ за гектаръ плохихъ пастбищъ, въ Ардешъ до 900 франковъ.

Далѣе я проѣхалъ чрезъ Монпелье, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ университетскихъ городовъ Франціи; особенно знаменитъ здѣсь медицинскій факультетъ. Мнѣ хотѣлось тамъ видѣть проф. Крова (Croua), извѣстнаго своими работами надъ солнечною радіаціей. Но по случаю вакацій Страстной недѣли большинство профессоровъ разъѣхалось. Поэтому я продолжалъ путь и остановился въ Церпиньянѣ, городѣ у подножія Восточныхъ Пириней.

По дорогѣ мѣстность вообще плоская, но не лишена интереса. Вблизи Нима (Nîmes) широко распространено искусственное орошеніе, съ воздѣлываніемъ пшеницы, люцерны и эспарцета, но рядомъ съ равнинами, гдѣ такая высокая культура, попадаются холмы изъ желтоватаго известняка, совершенно не обработанные и покрытые растеніями, характерными для мѣстностей у Средиземнаго моря. Около Сетта (Cette), порта, извѣстнаго своимъ вывозомъ винъ низшаго качества, попадалось много затопленныхъ виноградниковъ. Это—мѣра противъ филлоксеры, самая дѣйствительная изъ придуманныхъ до сихъ поръ.

Далѣе желѣзная дорога пошла по мѣстности, очень напоминающей сосѣдство нашихъ соленыхъ лимановъ у береговъ Чернаго моря. Дорога шла по косѣ или пересыпи; налѣво было Средиземное море, направо лиманы, называемые здѣсь étangs. Они имѣютъ соленую воду, и несомнѣнно, что это — остатки моря, но такъ какъ въ нихъ впадаютъ горныя рѣчки, то соленость незначительна, и соли изъ нихъ не добываютъ, между тѣмъ какъ она производится у насъ изъ Куяльницкаго лимана близъ Одессы и Бессарабскихъ озеръ. Другое

отличіе между здѣшними озерами и нашими у сѣвернаго берега Чернаго моря то, что послѣдніи имѣютъ большую ось, почти перпендикулярную къ морю, а здѣшнія тянутся параллельно морю. Здѣсь добываютъ соль изъ морской воды, какъ извѣстно, болѣе соленой, чѣмъ вода Чернаго моря и океановъ, напуская ея въ мелкіе бассейны, нарочно для того вырытые и по мѣрѣ испаренія проводятъ разсолъ въ другіе бассейны.

Послѣ болѣе обработанной мѣстности около Нарбонны (Narbonne) опять пошли лиманы у станцій Leucate, la Nouvelle, наконецъ, прекрасно-орошенныя равнины около Перпиньяна, гдѣ въ большихъ размѣрахъ производится воздѣлываніе раннихъ овощей (primeurs). Отсюда они отправляются въ Парижъ и Лондонъ. Къ югу надъ зеленою равниною поднимается высокая снѣжная шапка Канигу (Canigou), главной вершины восточныхъ Пиринеевъ.

Въ Перпиньянѣ меня интересовала обсерваторія, обязанная своимъ существованіемъ энергіи и умѣнію одного человѣка, д-ра Фина (Dr. Fines). Это уже старикъ, врачъ, сначала заинтересовавшійся метеорологіей въ виду вліянія климата на человѣка. Въ первое время онъ, какъ признавался мнѣ, дѣйствовалъ оцупью, затѣмъ болѣе и болѣе заинтересовался дѣломъ, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Парижъ, вступалъ въ письменныя и личныя сношенія съ учеными и кончилъ тѣмъ, что построилъ образцовую магнито-метеорологическую обсерваторію. Онъ показывалъ ее мнѣ съ особымъ удовольствіемъ. Хотя городъ и невеликъ, но внутри него нельзя было найти удобнаго мѣста: постройки слишкомъ тѣсны. Обсерваторія выстроена къ сѣверу отъ города, за укрѣпленіями, среди древеснаго питомника (perinière) на ровномъ мѣстѣ. Обсерваторія построена отчасти на средства доктора Фина, съ прибавкой субсидій отъ города и департамента. Она теперь содержится на казенный счетъ; весь ея бюджетъ 9,000 франковъ; изъ нихъ первый ассистентъ получаетъ 3,000, второй 2,200 франковъ, а директоръ ничего. У Фина замѣчательный механическій талантъ; многія приспособленія очень оригинальны. Главное зданіе, хотя очень просто, но однако лучше, чѣмъ въ Parc Saint Maurice около Парижа. Начать съ того, что оно кирпичное, а не досчатое; поэтому переѣмны температуры не такъ быстры, какъ тамъ, а нѣкоторое постоянство температуры очень важно для барометра.

Перпиньянская обсерваторія одна изъ первыхъ во Франціи ввела самопишущіе инструменты, при чемъ почти всѣ они въ двухъ экземплярахъ, какъ для взаимнаго контроля, такъ и для предупрежденія

перерыва наблюдений въ случаѣ порчи одного изъ нихъ. Здѣсь я нашелъ барометръ Редье, употребляемый и на другихъ обсерваторіяхъ Франціи. Замѣчательнѣ единственный существующій экземпляръ анемометра, работы Саллерона (Salleron) въ Парижѣ. Давленіе вѣтра здѣсь передается манометру, который и служитъ для наблюдений. По словамъ директора, показанія этого инструмента сходятся съ показаніями анемометра системы Робинсона и значительно разнятся отъ показаній анемометра системы Ослера (Osler), гдѣ давленіе вѣтра дѣйствуетъ на пружинную пластинку. Финъ отдаетъ предпочтеніе анемометру Salleron.

Термометры и психрометръ установлены на высотѣ 3 метровъ надъ поверхностью земли и болѣе защищены, чѣмъ въ Parc Saint Maur и большинствѣ другихъ обсерваторій Франціи. Кромѣ крыши, здѣсь есть еще деревянныя жалюзи къ востоку, югу и западу. Кромѣ того, наблюдаютъ температуру на высотѣ 1 метра. Далѣе здѣсь есть наблюденія надъ атмосфернымъ электричествомъ. Докторъ Финъ держится особой системы при вычисленіи этихъ наблюдений: онъ не принимаетъ въ разчетъ тѣхъ дней, когда очень большія колебанія и является отрицательное электричество, говоря, что это уже электричество не воздуха, а воды (оно является въ дождливыя и снѣжныя дни).

Есть термометры для наблюденія температуры почвы на глубинахъ 0.₀₂, 0.₂, 0.₃ и 1 метра. Первые три не вынимаются при наблюденіяхъ, такъ какъ шкала достаточно выступаетъ наружу, а послѣдній вынимается. Термометръ, измѣряющій температуру на глубинѣ 0.₀₂ метра (то-есть, 2 сантиметровъ), погруженъ въ землю по верхнюю часть шарика. Это даетъ величины, болѣе сравнимыя между собою, чѣмъ часто встрѣчающійся способъ покрытія шарика тонкимъ слоемъ земли. Вѣтеръ легко сноситъ ее, и тогда солнечныя лучи дѣйствуютъ уже прямо на шарикъ термометра.

Павильонъ для магнитныхъ наблюдений стоитъ отдѣльно и также кирпичный. Такъ какъ инструменты помѣщены подъ землей, то пришлось принять мѣры для защиты отъ воды: рѣчка Тетъ (Tét) близка и разливы ея значительны. Поэтому пришлось сдѣлать бетонное основаніе въ 75 сантиметровъ толщины. Оно вполнѣ достигаетъ цѣли, въ погребахъ сухо.

Инструменты системы Маскара (Mascart), то-есть, такіе же, какъ видѣнные мною въ Parc Saint Maur близъ Парижа. Докторъ Финъ обратилъ вниманіе на поправки относительно температуры, а осо-

бенно влажности, которая измѣняется значительно и имѣетъ большое вліяніе на показанія магнитныхъ инструментовъ. Наблюденія Перпиньянской обсерваторіи не печатаются въ издаваемыхъ въ Парижѣ *Annales du Bureau central météorologique*, а въ особомъ изданіи (*Bulletin*). Это даетъ возможность обмѣна изданій съ метеорологическими учрежденіями другихъ странъ. Докторъ Финъ обѣщалъ присылать это изданіе и въ кабинетъ физической географіи Петербургскаго университета.

Въ Перпиньянѣ въ холодные мѣсяцы года нерѣдко бываетъ сильный и чрезвычайно сухой сѣверо-западный вѣтеръ, называемый мистраль (*mistral*) или трамонтана (*tramontana*). На равнинѣ, напротивъ выхода изъ горныхъ ущелій, онъ бываетъ такъ силенъ, что уже не разъ опрокидывалъ поѣзда желѣзной дороги. Влажность во время мистраля опускается до 7%. Разъ, во время посѣщенія Перпиньяна парижскимъ метеорологомъ Рену (*Renou*) ему сказали, что наблюдали влажность 14%. Онъ усумнился въ возможности такой сухости зимой. Въ то время были три станціи въ разныхъ частяхъ города, и всѣ онѣ дали одинаковыя величины. Тогда же случилось замерзаніе рѣчки въ одну ночь, при сильномъ мистралѣ, хотя термометръ показывалъ всего —1. Рену находилъ, что это не возможно, говоря, что Марна у *Parc Saint Maug* замерзаетъ лишь если температура въ теченіе нѣсколькихъ дней опускается до —5 или ниже.

Докторъ Финъ объясняетъ столь быстрое замерзаніе слѣдующими причинами: 1) рѣчка, вытекающая изъ горъ, мелка; зимой въ ней мало воды и теченіе слабо; 2) при сильномъ мистралѣ надъ водой проносятся большія массы холоднаго воздуха; 3) по той же причинѣ испареніе сильно; 4) небо было совершенно ясно, и воздухъ, вслѣдствіе ясности, очень теплопрозраченъ, отсюда сильное излученіе тепла съ поверхности воды. Поэтому Сена и Марна въ окрестностяхъ Парижа должны замерзать при болѣе низкой температурѣ, такъ какъ масса воды болѣе, теченіе сильнѣе, да и нѣтъ атмосферныхъ условій благопріятствующихъ быстрому замерзанію рѣчки въ Перпиньянѣ, то-есть, сильнаго холоднаго и сухаго вѣтра и теплопрозрачнаго воздуха.

Въ Перпиньянѣ, какъ и вообще близъ Средиземнаго моря, бываютъ очень сильные ливни, хотя среднее годовое количество дождя и не велико. Разъ въ три дня выпало 340 миллиметровъ дождя. Недалеко отсюда въ горахъ въ теченіе 2 часовъ выпало 300 миллиметровъ. Наблюдатель, записавшій эти цифры, вполне надеженъ.

Снѣгу выпадаетъ немного, но нынѣшняя зима — исключеніе. Въ февралѣ выпалъ слой снѣга (не воды) высотой 30 сантиметровъ (7 вершковъ) и лежалъ болѣе 3 дней, хотя температура была все время выше 0°. Никакого вреда нѣжнымъ растеніямъ однако не было, сельскіе хозяева и садоводы радовались снѣгу, который при таяніи глубоко пропиталъ землю водой. Теплый климатъ Перпиньяна даетъ возможность разводить тѣ же растенія, чтò въ окрестностяхъ Ниццы, но однако здѣсь находится мало экзотическихъ растеній, такъ какъ не живетъ богатыхъ иностранцевъ, а мѣстные жители не имѣютъ охоты къ этому дѣлу. Есть однако садъ, гдѣ я нашелъ много растеній теплыхъ климатовъ; онъ принадлежитъ богатому винодѣлу Фабру. Здѣсь рядомъ съ пальмами, магноліями и т. д. растутъ и березы. Есть совершенно такія же, чтò и наши (*Betula alba*); онѣ выписаны изъ Пиринеевъ, есть и американскія съ зубчатыми листьями. Онѣ растутъ очень хорошо, приходится лишь изрѣдка поливать, какъ и другія деревья.

Я упоминаю о березѣ въ Перпиньянѣ по слѣдующему случаю. Въ классическомъ сочиненіи нѣмецкаго ботаника Гризебаха (*Grisebach. Die Vegetation der Erde*; Растительность земнаго шара есть русскій переводъ подъ редакціей профессора Бекетова), есть разказъ о посѣщеніи ботаническаго сада въ Генуѣ нѣмецкимъ ботаникомъ, гдѣ ему показывали березу, какъ самое драгоцѣнное растеніе сада, которое было всего труднѣе развести. Ученый авторъ пускается въ длинные разсужденія о томъ, насколько климатъ странъ у Средиземнаго моря непригоденъ для деревьевъ сѣверной Европы, въ особенности вредно, по его мнѣнію, жаркое и сухое лѣто. Въ Перпиньянѣ лѣто жарче, чѣмъ въ Генуѣ, дождя выпадаетъ еще менѣе, и однако береза растетъ отлично. Не доказываетъ ли это, что нужно быть осторожнымъ, приписывая климату то или другое вліяніе на растенія?

Я говорилъ съ докторомъ Финномъ о способахъ измѣренія снѣга. Онъ также убѣжденъ въ томъ, что обыкновенно принятый способъ не точенъ. У него введенъ слѣдующій способъ контроля количества снѣга, собираемаго въ дождемѣрахъ. На траву кладутъ желѣзный листъ. По окончаніи снѣга, на листъ накладываютъ цилиндръ отверстіемъ внизъ, затѣмъ сметають снѣгъ вокругъ цилиндра, опрокидываютъ цилиндръ и взвѣшиваютъ его. Финъ пробовалъ и другой способъ, именно оттаивать снѣгъ въ дождемѣрѣ, для чего ставилась

небольшая лампа. Но при сильныхъ метеляхъ всѣ отверстія заносились снѣгомъ и лампа гасла.

Послѣ Перпиньяна я отправился въ Авиньонъ, гдѣ остановился на короткое время. Я видѣлъ тамъ директора нормальной школы или, по нашему, учительской семинаріи, Жиро (Giraud), уже 15 лѣтъ производящаго метеорологическія наблюденія, сначала въ одномъ изъ небольшихъ городовъ французскихъ Альповъ, затѣмъ здѣсь. Наблюденія производятся въ саду школы, достаточно далеко отъ всякихъ строеній. Анемометръ системы Робинсона помѣщается на башнѣ, откуда обширный видъ на городъ и окрестности. День былъ солнечный, но на востокъ были облака, скрывавшія Альпы. Даже болѣе близкій Ванту (Mont Ventoux) былъ плохо видѣнъ.

На этой горѣ строится метеорологическая обсерваторія и уже производятся наблюденія. Жиро далъ мнѣ литографированную таблицу наблюденій въ Авиньонѣ и на Ванту за 15 мѣсяцевъ. На послѣднемъ наблюденія далеко не полны: такъ, напримѣръ, для давленія воздуха и температуры даны лишь суточные наибольшія и наименьшія, для вѣтра лишь направление и приблизительныя указанія силы, напримѣръ, сильный, умѣренный, слабый и т. д. Наблюденія въ Авиньонѣ полнѣе. Относительно силы вѣтра замѣчательно слѣдующее. Вообще здѣсь она болѣе днемъ, чѣмъ ночью, особенно въ ясные дни, но въ дни сильнаго мистрала (mistral) ¹⁾ бываетъ обратно, то-есть, вѣтеръ сильнѣе ночью, чѣмъ днемъ.

Такъ какъ Авиньонъ очень близокъ отъ Ванту, то наблюденія на этой горѣ дадутъ любопытные результаты, напримѣръ, относительно уменьшенія температуры съ высотой и т. д. Климатъ здѣсь уже въ значительной степени континентальный, такъ какъ преобладаетъ вѣтеръ изнутри материка (с. и с.-з.). Воздухъ суше, и суточная амплитуда ²⁾ здѣсь значительно болѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Парижѣ, хотя послѣдній вдвое далѣе отъ моря, чѣмъ Авиньонъ.

Ванту значительно выше Пюи де Дома (1,907 метровъ надъ уровнемъ моря), и такъ какъ еще равнина у его подошвы ниже, чѣмъ Оверньская, то оказалось значительно труднѣе устроить дорогу. Средства на постройку здѣшней обсерваторіи даны частною подпиской и

¹⁾ Сильный, сухой сѣверный или сѣверо-западный вѣтеръ, очень частый въ холодные мѣсяцы, болѣе рѣдкій и слабый лѣтомъ.

²⁾ Суточной амплитудой называется разность между наименьшею температурой рано утромъ и наибольшею послѣ полудня.

субсидіями департамента и общинъ, а содержаніе ея, по окончаніи, возьметъ правительство. Дорогу же провела на свой счетъ община, которой принадлежитъ дубовый лѣсъ по склонамъ горы. Эта община вдругъ разбогатѣла, такъ какъ въ лѣсу растутъ превосходные трюфели; сборъ ихъ отдается въ аренду за большую цѣну. Это и дало общинѣ возможность построить дорогу.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ перепискѣ съ директоромъ Ліонской обсерваторіи г. Андре (André). Прочтя мою статью о вліяніи топографическихъ условій на суточную амплитуду температуры, онъ прислалъ мнѣ извлеченія изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Ліонѣ и его окрестностяхъ. По нимъ также оказалось явленіе, о которомъ была рѣчь въ моей статьѣ. Вскорѣ по приѣздѣ, я отправился на Ліонскую обсерваторію Сенъ Жени (Saint Genis), въ 9 верстахъ къ западу отъ города. Обсерваторія содержится городомъ; она астрономическая, магнитная и метеорологическая. Она помѣщается на почти плоской вершинѣ невысокаго, широкаго холма, такъ что есть довольно мѣста для павильоновъ съ разными инструментами, жилища наблюдателей и сада. Замѣчательны астрономическіе часы, помѣщенные въ разрѣженномъ воздухѣ (74 миллиметра давленія, то-есть, около $\frac{1}{10}$ атмосфернаго). Магнитные инструменты системы Маскара. Есть самопишущіе метеорологическіе инструменты, и г. Андре изобрѣлъ способъ передачи наблюденій вдалѣ. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи извѣстны приборы, изобрѣтенные бельгійцемъ Рейссельбергомъ (van Rysselberghe), но способъ Андре лучше, такъ какъ употребляемый имъ термометръ чувствительнѣе.

Кромѣ обсерваторіи Сенъ Жени, подъ вѣдѣніемъ Андре находятся двѣ метеорологическія станціи; одну изъ нихъ, въ паркѣ Тетъ д'Оръ (Tête d'Or), я посѣтилъ на другой день. Она находится въ новомъ кварталѣ города, за Реной. Паркъ обширенъ, мѣстность ровная, много лужаекъ. Термометры и психрометръ помѣщены по системѣ Рену, не ближе 20 сажень отъ строеній и 5 сажень отъ высокихъ деревьевъ. Третья станція находится на вершинѣ горы Вердѣнь (Mt. Verdun), въ 24 верстахъ къ сѣверу отъ города, на высотѣ слишкомъ 700 метровъ надъ уровнемъ моря. Вскорѣ наблюденія этихъ трехъ станцій будутъ изданы. Паркъ Тетъ д'Оръ есть вполнѣ станція долины, обсерваторія на вершинѣ отлогого холма, а Монъ Вердѣнь—на вершинѣ болѣе высокаго, съ крутыми боками, такъ что является значительное разнообразіе топографическихъ условій. Какъ и слѣдовало ожидать, суточная амплитуда наибольшая на первой станціи и наи-

меньшая на третьей. Весьма часто въ ясные дни наименьшая рано утромъ выше на обсерваторіи, чѣмъ на двухъ другихъ станціяхъ, но во время антициклоновъ ¹⁾, позднюю осенью и зимой, она всего выше на Монъ Вердёнъ, а нерѣдко и средняя температура сутокъ здѣсь выше, чѣмъ въ обсерваторіи и особенно въ паркѣ Тетъ д'Орѣ.

Въ Ліонѣ я посѣтилъ проф. Шантра (Chantre), извѣстнаго геолога и антрополога, и съ нимъ пошелъ смотрѣть Ліонскій музей, котораго онъ вице-директоръ. Этотъ музей содержится на счетъ города и заключаетъ въ себѣ большое разнообразіе предметовъ; есть картины, монеты и другіе предметы римскіе и галло-римскіе, затѣмъ богатая зоологическія и геологическія коллекціи. Музей особенно старается собрать богатая мѣстныя коллекціи. Особенно много находятъ пліоценовыхъ и третичныхъ млекопитающихъ, нерѣдко въ самомъ городѣ. Инженеры путей сообщенія слѣдятъ за тѣмъ, чтобы при порученныхъ имъ постройкахъ все по возможности было сохранено и передано музею. День былъ праздничный, и мы пришли ранѣе открытія музея для публики. Когда ее впустили, то нельзя было ничего смотрѣть, до того было много народа. Мой спутникъ говорилъ мнѣ, что много посѣщаются и естественно-историческія коллекціи. Проф. Шантръ бывалъ на Кавказѣ и въ Москвѣ, знаетъ много русскихъ ученыхъ и немного читаетъ по русски. Русскій языкъ становится все болѣе необходимымъ для ученыхъ, и многіе въ западной Европѣ указывали мнѣ на томы, полученные изъ Россіи, и которые они не въ состояніи читать. Русскихъ въ Ліонѣ теперь нѣтъ, но Шантру иногда помогаютъ молодые армяне, которыхъ постоянно бываетъ по нѣсколько въ здѣшнемъ коммерческомъ училищѣ. Они обыкновенно пріѣзжаютъ лѣтъ въ 14, остаются года три, и возвратясь домой, принимаются за торговые дѣла.

А. Восильевъ.

¹⁾ Высокаго давленія воздуха, сопровождаемаго ясною погодою (иногда туманами въ долинахъ) и слабыми вѣтрами или затишьемъ.

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ ¹⁾.

Книга X-я.

[О наслажденіи] ²⁾.

§ 1. Послѣ этого, можетъ быть, слѣдуетъ разобрать наслажденіе, ибо оно, какъ кажется, болѣе всего сроднилось съ родомъ человѣческимъ; поэтому-то юношей воспитываютъ тѣмъ, что направляютъ ихъ наслажденіемъ и страданіемъ; кажется также, что и для доброй нравственности чрезвычайно важно радоваться чему должно и ненавидѣть что слѣдуетъ; ибо это распространяется на всю жизнь и имѣетъ большое значеніе и силу, какъ по отношенію къ добродѣтели, такъ и къ блаженной жизни, ибо пріятное люди избираютъ, а сопряженнаго со страданіемъ избѣгаютъ. Подобные тому вопросы, кажется, всего менѣе слѣдуетъ проходить молчаніемъ, такъ какъ въ нихъ, сверхъ того, много спорнаго. Одни, напримѣръ, утверждаютъ, что наслажденіе есть благо; другіе, напротивъ, считаютъ наслажденіе совершенно дурнымъ, при чемъ первые, вѣроятно, убѣждены въ справедливости своего утвержденія, а вторые думаютъ, что для нашей жизни лучше причислить наслажденіе къ дурнымъ вещамъ, хотя бы это и было не такъ, ибо большинство людей слишкомъ склонно къ наслажденіямъ и рабски имъ подчиняется, поэтому людей должно направлять въ противоположную сторону; такимъ путемъ, можетъ быть, и придеши къ серединѣ. Однако, какъ бы не оказалось здѣсь ошибки, ибо рѣчи, касающіяся страстей и дѣйствій, менѣе убѣдительны, чѣмъ дѣла; когда рѣчи расходятся съ очевидностью, ихъ начинаютъ

¹⁾ Окончаніе. См. июльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Аристотель возвращается къ тому, что говорилъ въ VII книгѣ § 11.

презирать, и тѣмъ уничтожается истина, [содержащаяся въ нихъ]. Кто хулитъ наслажденіе, но въ то же время на глазахъ всѣхъ гонится за нимъ, тотъ покажется отступающимъ отъ своихъ словъ и признающимъ мнѣніе всѣхъ, [что наслажденіе есть благо]: различать понятія не дѣло толпы. Истинныя положенія тѣмъ и отличаются, что они наиболѣе полезны не только для познанія, но и для жизни; согласуясь съ фактами, они возбуждаютъ къ себѣ вѣру и въ силу того побуждаютъ людей жить сообразно съ ними. Но достаточно объ этомъ; рассмотримъ теперь мнѣнія о наслажденіи.

§ 2. Евдоксъ думалъ такимъ образомъ, что наслажденіе есть высшее благо, ибо мы видимъ, что всѣ существа—разумныя и неразумныя—стремятся къ наслажденію, а избранная цѣль во всемъ есть благо и наиболѣе важна. Всѣ стремятся къ одному и тому же; это указываетъ, что оно-то и есть для всѣхъ лучшее, ибо всякій ищетъ себѣ блага, какъ, напримѣръ, пищи, а то, что является благомъ для всѣхъ и къ чему всѣ стремятся, то и есть [безотносительное или высшее] благо. Эти положенія показались убѣдительными больше вслѣдствіе нравственности самого Евдокса, чѣмъ ради ихъ самихъ, ибо онъ считался въ высшей степени благоразумнымъ человекомъ. Полагали, что, онъ училъ этому не потому что любилъ наслажденія, а потому, что это ему казалось справедливымъ. Это же—думалъ Евдоксъ—не менѣе ясно и изъ противоположнаго, ибо страданіе само по себѣ избѣгается всѣми, [точно также противоположное ему избирается всѣми, а болѣе всего избирается то, къ чему мы стремимся не ради чего-либо другаго или ради другой какой-либо цѣли; подобною цѣлью, согласно мнѣнію всѣхъ, является наслажденіе, ибо никто вѣдь не спрашиваетъ, ради чего кто-либо наслаждается, предполагая, что наслажденіе цѣнно само по себѣ; сверхъ того, добавленное къ какому-либо благу, наслажденіе дѣлаетъ его еще болѣе цѣннымъ, напримѣръ, [добавленное] къ справедливому или благоразумному образу дѣйствія; а благо возрастаетъ лишь отъ прибавленія блага же. Кажется, этимъ доказано, что наслажденіе относится къ благамъ, однако оно не большее благо, чѣмъ всякое другое, ибо всякое благо въ соединеніи съ другимъ болѣе цѣнно, чѣмъ взятое въ отдѣльности. Подобнымъ же образомъ и Платонъ ¹⁾ опровергаетъ мнѣніе, будто наслажденіе есть [высшее] благо: „Пріятная жизнь [говоритъ онъ] въ связи съ пониманіемъ болѣе цѣнна, чѣмъ безъ послѣдняго“. Если же соединенное

¹⁾ Въ Филебѣ.

лучше, то наслаждение не может быть высшимъ благомъ, ибо это послѣднее самое цѣнное и безъ всякаго къ нему добавленія. Ясно, что не можетъ быть высшимъ благомъ ничто такое, что, благодаря связи съ другимъ, безотносительнымъ благомъ, оказалось бы болѣе цѣннымъ. Но что же тогда высшее благо, которое доступно и намъ? Вѣдь ничемъ мы именно такого. Тѣ говорятъ пустое, которые утверждаютъ, что то, къ чему всѣ стремятся, не есть благо. Мы утверждаемъ, что принимаемое всѣми и составляетъ дѣйствительность. Отвергающій эту увѣренность врядъ ли найдетъ болѣе достовѣрную. Еслибы только неразумныя существа стремились къ наслажденіямъ, то высказанный доводъ имѣлъ бы нѣкоторый вѣсъ, но такъ какъ стремятся и разумныя, то что же значать ихъ слова? Можетъ быть, и въ неразумныхъ существахъ есть извѣстное природное благо, превосходящее ихъ самихъ и стремящееся къ родственному ему благу. Кажется, и то, что говорится о принципѣ противоположности [Евдокса], не имѣетъ значенія: „Изъ того, говорятъ, что страданіе есть зло, не слѣдуетъ, что наслаждение есть благо, ибо зло противоположно и злу, и оба противоположны безразличному“. Это они говорятъ недурно, но оно несправедливо относительно настоящаго предмета. Если то и другое зло, то обоихъ слѣдуетъ избѣгать; если же ни то, ни другое [то-есть, не зло и не благо], то ни къ тому, ни къ другому [не слѣдуетъ стремиться или избѣгать его], или же къ одному на столько же, на сколько и къ другому. Мы видимъ однако, что люди избѣгаютъ одного, потому что оно зло и стремятся къ другому, потому что оно благо. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи они противоположны. Невѣрно также и то, что наслаждение потому не принадлежитъ къ благамъ, что оно не есть качество (τὸν ποιοῦν), ибо и добродѣтельныя дѣйствія не суть качества, и блаженство не есть качество. Говорятъ ¹⁾: благо опредѣленно, а наслаждение неопредѣленно въ виду того, что оно допускаетъ большую и меньшую степень. Если судить такъ на основаніи процесса наслажденія (ἐκ τοῦ ἡδοναῖ), то это же разсужденіе примѣнимо къ справедливости и къ другимъ добродѣтелямъ, про которыя, очевидно, говорятъ, что онѣ допускаютъ большую или меньшую степень въ людяхъ, ими обладающихъ; вѣдь бываютъ же люди болѣе справедливыя и болѣе храбрыя, чѣмъ другіе, и вѣдь бываетъ же большая и меньшая степень справедливаго или благоразумнаго образа дѣйствій. Если такъ судятъ на основаніи самихъ наслажденій (ταῖς ἡδοναῖς), то пожалуй, что не

¹⁾ Пифагорейцы.

называютъ настоящей причины, когда въ то же время допускаютъ, что наслажденія бываютъ частью смѣшанныя, частью не смѣшанныя; почему бы наслажденію не быть такимъ же опредѣленнымъ понятіемъ, какъ здоровью, хотя оно и допускаетъ болышую и меньшую степень; вѣдь и симметрія [то-есть, здоровье] не одна и та же во всѣхъ людяхъ и не остается въ одномъ человѣкѣ постоянно одною и тою же, а постепенно ослабѣвая, сохраняется до извѣстнаго времени и различается болышею или меньшею степенью. Совершенно то же самое можетъ относиться и до наслажденія.

Считая высшее благо совершеннымъ, а движеніе и становленіе—несовершеннымъ, они [платоники] стараются доказать, что наслажденіе есть движеніе и становленіе. Но, кажется, они разсуждаютъ неправильно, и наслажденіе не есть движеніе, ибо всякому движенію присущи быстрота и медленность,—если же не движенію самому по себѣ, какъ, напримѣръ, міровому, то по крайней мѣрѣ относительному. Наслажденію же не свойственно ни то, ни другое. Можно предаваться наслажденію быстро, какъ быстро гнѣваться, но въ самомъ процессѣ наслажденія нѣтъ ни абсолютной, ни относительной быстроты; а есть она въ ходѣбѣ, ростѣ и тому подобномъ. Быстрота и медленность существуютъ въ переходѣ къ наслажденію, въ самой же дѣятельности, то-есть, въ самомъ наслажденіи нѣтъ быстроты. Но какимъ образомъ наслажденіе можетъ быть становленіемъ? Вѣдь не изъ случайнаго же становится случайное, но изъ чего что-либо образуется на то оно и распадается. Такимъ образомъ, уничтоженіе того есть страданіе, становленіе чего есть наслажденіе. Далѣе они говорятъ, что страданіе есть недостача естественной потребности, а наслажденіе есть восполненіе этой же потребности; состоянія эти—тѣлеснаго свойства; если же наслажденіе есть восполненіе естественной потребности, въ такомъ случаѣ именно то и должно бы испытывать наслажденіе, въ чемъ происходитъ заполненіе, а это есть тѣло. Но кажется, это не такъ. Итакъ, наслажденіе не есть восполненіе, но человѣкъ наслаждается, въ то время когда происходитъ восполненіе и, страдаетъ въ то время, когда его рѣжутъ. Это мнѣніе, какъ кажется, образовалось вслѣдствіе страданій и наслажденій, сопровождающихъ питаніе, ибо нуждаясь въ питаніи, мы страдаемъ и наслаждаемся восполненіемъ.

Но не всѣ наслажденія подходятъ сюда, ибо совершенно лишены страданія наслажденія изслѣдывающаго истину и многія изъ чувственныхъ, какъ напримѣръ, наслажденія обонанія, слуха и зрительныя, а

также воспоминаній и надежды. Отчего же считать ихъ становленіемъ? Здѣсь нѣтъ недостатка, коего они могли бы быть восполненіемъ. Что касается тѣхъ, которые приводятъ въ доказательство постыдныя наслажденія ¹⁾, то можно бы имъ возразить, что это не наслажденія, ибо если они пріятны для людей дурной природы (*κακῶς διακειμένων*), то изъ этого не слѣдуетъ, что они сами по себѣ, не считая указанныхъ людей, суть наслажденія, подобно тому, какъ еще не здорово, сладко и горько то, что больнымъ кажется такимъ, или еще не бѣло то, что кажется таковымъ больнымъ глазами. Имъ можно было бы отвѣтить и такъ, что желательны эти наслажденія, но не всѣ средства ихъ пріобрѣтенія желательны, какъ напримѣръ, хорошо быть богатымъ, но не стать имъ путемъ измѣны, или же быть здоровымъ, но не стать таковымъ путемъ ѣды всего, что ни попало. Или можетъ быть, наслажденія различны по роду, и происходящія отъ прекрасныхъ отличаются отъ происходящихъ отъ позорныхъ причинъ, и человѣкъ, не будучи справедливымъ, не можетъ наслаждаться справедливостью, какъ нельзя наслаждаться музыкой, не будучи музыкальнымъ, то же и въ другихъ случаяхъ. Что наслажденіе не есть благо, или что существуютъ различные роды наслажденія, кажется, явствуетъ также изъ различенія друга отъ лстеца; первый въ общеніи ищетъ блага, второй—наслажденія, и его бранятъ, а перваго, напротивъ, хвалятъ за его заботу о другомъ. Далѣе, никто не пожелалъ бы имѣть въ теченіе всей своей жизни дѣтскій умъ, хотя этимъ путемъ онъ въ высшей степени наслаждался бы всѣмъ дѣтскимъ; точно также никто не наслаждался бы позорнымъ образомъ дѣйствія, даже еслибъ онъ отъ этого никогда не пострадаетъ; съ другой стороны, человѣкъ многое охотно дѣлаетъ, хотя бы оно ему и не приносило никакого наслажденія, напримѣръ, смотреть, припоминаетъ, познаетъ, обладаетъ добродѣтелями; не дѣлаетъ различіе и то, что за этими вещами необходимо слѣдуютъ наслажденія, ибо мы желали бы ихъ и въ томъ случаѣ, еслибъ отъ нихъ не проистежало бы наслажденія. Итакъ ясно, что наслажденіе не есть высшее благо, и что не всѣ наслажденія желательны; далѣе, кажется, ясно, что существуютъ нѣкоторые наслажденія, желательныя сами по себѣ, отличающіяся какъ по роду, такъ и по источникамъ своимъ. Достаточно сказано о существующихъ воззрѣніяхъ на наслажденіе и страданіе.

§ 3. Что такое наслажденіе по существу и по своимъ качествамъ, это станетъ яснѣе, если мы начнемъ сначала. Кажется, что зрѣніе

¹⁾ Въ доказательство того, что наслажденіе не есть благо.

въ каждое данное время есть совершенное нѣчто, ибо оно не нуждается ни въ чемъ, что будучи прибавлено вполнѣдствіи, доводило бы его до совершенства (τελειώσαι τὸ εἶδος). Подобнымъ кажется и наслажденіе, ибо и оно есть нѣчто цѣльное, и не бываетъ наслажденія, которое отъ большаго времени становилось бы совершеннымъ. Поэтому-то оно и не есть движеніе, ибо всякое движеніе совершается во времени и ради какой-либо цѣли, какъ напримѣръ, домостроеніе тогда завершено, когда выполнено то, къ чему оно стремится, то-есть, [оно завершено] въ теченіе всего времени или же въ результатѣ [ἐν τοούτῳ]. Части же во времени всѣ несовершенны и отличаются по виду какъ отъ цѣлаго, такъ и между собою, ибо соединеніе камней отличается отъ вырѣзанія желобовъ на колоннѣ или отъ постройки храма. Съ другой стороны, постройка храма сама по себѣ совершенна, ибо она ни въ чемъ не нуждается для своего назначенія, между тѣмъ какъ постройка фундамента и триглифа несовершенна, ибо они суть части. Итакъ, они по роду различны, и невозможно найти совершеннаго движенія въ данный моментъ времени, развѣ только взявъ его въ цѣломъ времени. То же самое и съ ходеніемъ, и со всѣмъ остальнымъ, ибо если всякое перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто есть движеніе, то тѣмъ же должно считать и его различныя видоизмѣненія: полетъ, ходеніе, прыганіе и т. п. Но не только такимъ способомъ, а и въ самомъ ходеніи можно видѣть то же самое, ибо понятія „отсюда до сихъ поръ“ означаютъ не одно и то же въ стадіи или же въ части стадіи, и не одно и то же въ той или въ другой части, и не все равно пройти ли ту линію или другую, ибо вѣдь проходятъ не просто линію [отвлеченную], а находящуюся въ извѣстномъ мѣстѣ, которое различно для одной или для другой. Въ точности о движеніи говорено въ другомъ сочиненіи ¹⁾. Итакъ, движеніе не завершено въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ времени, но большинство движеній не закончены и различны по роду, если только предѣлы „отсюда до сихъ поръ“ опредѣляютъ собою родъ движенія. Наслажденіе, напротивъ, въ любой моментъ времени по своему роду закончено. Итакъ ясно, что они другъ отъ друга отличны, и что наслажденіе есть нѣчто цѣльное и законченное. Это, кажется, слѣдуетъ и изъ того, что движеніе не можетъ быть внѣ времени, наслажденіе же можетъ, ибо то, что существуетъ въ настоящемъ [въ мгновеніи], есть нѣчто цѣлое. Изъ этого ясно, что несправедливо

¹⁾ φυσικῆς ἀφρ. §§ V—VII.

опредѣляютъ наслажденіе движеніемъ и становленіемъ, ибо эти понятія примѣнимы не ко всему, а лишь къ тому, что частично и не составляетъ цѣлаго. Вѣдь не существуетъ же становленія зрѣнія или точен, или монады; въ этихъ вещахъ нѣтъ ни движенія, ни становленія,—нѣтъ его и въ наслажденіи, ибо оно нѣчто цѣлое.

§ 4. Всякое ощущеніе, дѣйствуя на объектъ (τὸ αἰσθητόν), бываетъ совершеннымъ тогда, когда оно здорово и обращено на прекраснѣйшій объектъ, доступный ощущенію. Таковою, кажется, болѣе всего бываетъ совершенная дѣятельность; при этомъ безразлично, скажемъ ли мы, что дѣйствуетъ она сама, или то, въ чемъ она находится. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣятельность бываетъ прекраснѣею, когда она исходитъ изъ находящагося въ лучшемъ состояніи и направлена на значительнѣйшій предметъ, подлежащій ей. Такая дѣятельность самая совершенная и самая пріятная, ибо она доставляетъ наслажденіе какъ всѣмъ чувствамъ, такъ и мысленію и созерцанію; самая пріятная—въ то же время и самая совершенная; а совершеннѣйшая—та, которая, будучи въ нормальномъ состояніи, направлена на самый хорошій объектъ, подлежащій ей. Наслажденіе завершаетъ дѣятельность. Однако наслажденіе завершаетъ не одинаковымъ способомъ объектъ и самое ощущеніе, если оно хорошо, подобно тому, какъ здоровый организмъ (ὁὔσια) и врачъ не одинаковымъ образомъ суть причины здоровья (τοῦ ὑγιαίνειν).

Ясно, что наслажденіе возникаетъ изъ каждаго ощущенія; ибо мы говоримъ, что зрительныя и слуховыя ощущенія бываютъ пріятными. Ясно также, что наслажденіе бываетъ наибольшимъ, когда само ощущеніе прекрасно, и когда его дѣятельность обращена на такой же предметъ. Итакъ, когда ощущающій и ощущаемый таковы, всегда возникнетъ наслажденіе, если только есть нѣчто дѣятельное и страдательное. Заканчивается же наслажденіе дѣятельность не какъ, присущее послѣдней свойство, а какъ присоединяемый конецъ, какъ напримѣръ, красота присоединяется къ возмужалымъ. Пока таковъ мыслимый или ощущаемый предметъ и лицо судящее и созерцающее такое, каковы должно быть, до тѣхъ поръ въ дѣятельности будетъ наслажденіе, ибо если дѣятельное и страдательное начала однородны и находятся въ одинаковыхъ другъ къ другу отношеніяхъ, то и въ результатъ должно получиться однородное. Почему же никто не наслаждается непрерывно? Не потому ли, что утомляется? Ибо ни одна человѣческая способность не можетъ быть дѣятельною непрерывно;

тогда и не возникает наслажденія, ибо наслажденіе слѣдуетъ за дѣятельностью.

Нѣкоторыя вещи доставляютъ намъ наслажденіе, пока новы, а потомъ уже не доставляютъ его по той же причинѣ. Ибо сначала наша мысль вполне завлечена и напряженно занята предметомъ, подобно тому, какъ зрѣніе, когда мы смотримъ [на новый предметъ], а впоследствии энергія уже болѣе не такова, но ослаблена, поэтому и наслажденіе уменьшается. Можно предположить, что всѣ люди стремятся къ наслажденію, подобно тому, какъ всѣ стремятся и къ жизни. Жизнь же есть извѣстнаго рода дѣятельность и каждый дѣятеленъ въ той сферѣ и тѣмъ, что онъ болѣе всего любитъ, напримѣръ, музыкантъ слушаніемъ мелодій, любознательный дѣятеленъ мыслью въ области теоріи; то же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ. Наслажденіе же придаетъ законченность дѣятельности, а слѣдовательно, и жизни, къ которой люди стремятся; естественно, что они стремятся также и къ наслажденію, такъ какъ оно только придаетъ законченность жизни каждому, жизни, которая дорога всѣмъ.

§ 5. Въ настоящемъ случаѣ мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ, желаемъ ли мы жизни ради наслажденія, или же ради жизни желаемъ наслажденія. Одно сопряжено съ другимъ и, какъ кажется, не можетъ быть раздѣлено, ибо безъ дѣятельности не бываетъ наслажденія, наслажденіе же заканчиваетъ собою всякую дѣятельность. Принимаютъ наслажденія различныя по роду, ибо мы полагаемъ, что различныя по роду вещи получаютъ законченность различнымъ способомъ; это проявляется на предметахъ искусства и природы, напримѣръ, на животныхъ и деревьяхъ, на картинахъ и украшеніяхъ на домахъ и домашней утвари. Подобнымъ же образомъ и различныя по роду дѣятельности завершаются предметами различными по роду. Дѣятельность размышленія отличается отъ дѣятельности ощущеній, и послѣднія различны другъ отъ друга по роду, а слѣдовательно, различны и завершающія ихъ наслажденія. Это становится очевиднымъ изъ того, что каждое наслажденіе свойственно той дѣятельности, которую оно завершаетъ; свойственное наслажденіе усиливаетъ дѣятельность, ибо люди, работающіе съ наслажденіемъ, лучше судятъ о частностяхъ и точнѣе ихъ выполняютъ, напримѣръ: геометрами становятся тѣ, которые наслаждаются геометрическими задачами, и они лучше внимаютъ въ каждую частность; подобнымъ же образомъ любящіе музыку и любящіе архитектуру и тому подобныя занятія будутъ предаваться своему дѣлу, наслаждаясь имъ. Такимъ образомъ наслажденія усили-

ваютъ дѣятельность, а то, что усиливаетъ ее, родственно ей. Если дѣятельности различны по роду, то и родственныя имъ наслажденія должны быть различны по роду. Еще яснѣе это можетъ стать изъ того, что дѣятельности можетъ препятствовать наслажденіе, происходящее отъ другой дѣятельности: любящіе флейту, напримѣръ, не въ состояніи внимать рѣчамъ, если они слышатъ играющаго на флейтѣ, такъ какъ они болѣе наслаждаются музыкой, чѣмъ тою дѣятельностью, которою въ настоящій моментъ заняты, такъ что наслажденіе игрой на флейтѣ уничтожаетъ собою дѣятельность, обращенную на слова. То же бываетъ и въ другихъ случаяхъ всякій разъ, когда человѣкъ одновременно занять двумя дѣлами: болѣе пріятная дѣятельность уничтожаетъ другую тѣмъ болѣе, чѣмъ больше разница относительно наслажденія, такъ что становится невозможнымъ заниматься другимъ дѣломъ. Поэтому, наслаждаясь чѣмъ-либо, мы не въ состояніи заниматься другимъ, и на оборотъ, мы беремся за что-либо другое, если наше дѣло мало намъ нравится, напримѣръ: въ театрахъ ѣдятъ сладости преимущественно тогда, когда актеры плохи. Итакъ, если наслажденіе, свойственное дѣятельности, обостраетъ ее, дѣлаетъ болѣе продолжительною и лучшею, въ то время, какъ чуждое наслажденіе портитъ дѣятельность, то ясно, что они далеко отстоятъ другъ отъ друга; наслажденія, чуждыя дѣятельности дѣлаютъ почти то же, что страданіе, присущее дѣятельности. Присущія дѣятельности страданія уничтожаютъ ее, какъ напримѣръ, если кому-либо непріятно и тягостно писать или вычислять, то первый перестанетъ писать, а второй вычислять, такъ какъ эти дѣятельности имъ непріятны. Итакъ, наслажденія и страданія, свойственныя дѣятельности, обращаются въ противное; свойственны же ей тѣ, которыя появляются при дѣятельности, взятой самой по себѣ. Чуждыя наслажденія производятъ, какъ сказано, нѣчто похожее на страданіе; они уничтожаютъ дѣятельность, хотя и не тѣмъ же путемъ, [какъ страданія]. Дѣятельности различаются другъ отъ друга тѣмъ, что однѣ хороши, а другія дурны, однѣ желательны, а другихъ слѣдуетъ избѣгать, третьи, наконецъ, безразличны; то же самое слѣдуетъ сказать и о наслажденіи, такъ какъ всякой дѣятельности свойственно соотвѣтственное наслажденіе. Итакъ, одно наслажденіе, свойственное нравственной дѣятельности,—хорошо, другое, соотвѣтствующее дурной дѣятельности,—дурно. Точно также только тѣ страсти считаются похвальными, которыя направлены на прекрасное, порицаются же [страсти] тогда, когда направлены на позорное. Но

наслажденія еще болѣе, чѣмъ стремленія, срослись съ дѣятельностями, отъ которыхъ происходятъ; стремленія по времени и по природѣ отличаются отъ дѣятельностей, а наслажденія, напротивъ, ближайшимъ образомъ связаны съ дѣятельностями и до того нераздѣльны, что можетъ возникнуть сомнѣніе: не одно ли и то же—дѣятельность и наслажденіе. Однако, наслажденіе не есть ни мысль, ни ощущеніе; это было бы нелѣпо. Оно кажется тождественнымъ съ ними, благодаря невозможности отдѣлить его. Итакъ, дѣятельности различаются точно также, какъ и наслажденія. Зрѣніе отличается отъ осязанія ясностью, какъ слухъ и обоняніе отличаются отъ вкуса; также совершенно отличаются и наслажденія этихъ ощущеній, какъ отъ наслажденій мышленія, такъ и между собою. Каждое живое существо имѣетъ, какъ кажется, свойственное ему наслажденіе и назначеніе, и первое соотвѣтствуетъ дѣятельности. Это выяснится, если разсмотрѣть каждое существо въ отдѣльности; наслажденіе лошади отличается отъ наслажденія собаки и человѣка, и Гераклитъ вѣдь говоритъ: „оселъ предпочтетъ осоку золоту“, ибо ослу пища пріятнѣе золота. Слѣдовательно, наслажденія существъ различныхъ по роду должны быть различно напротивъ того, естественно, что наслажденія одного рода тождественны. Но у людей они очень различны, ибо одинъ и тотъ же предметъ вызываетъ удовольствіе въ одномъ и страданіе въ другомъ, такъ что однимъ онъ тягостенъ и ненавистенъ, а другимъ пріятенъ и милъ. То же самое видно на сладкихъ предметахъ, ибо не одно и то же кажется сладкимъ человѣку въ лихорадкѣ, или же здоровому; то еще не кажется теплымъ слабому человѣку, что есть таковое для здороваго. То же самое слѣдуетъ и изъ разсмотрѣнія другихъ ощущеній. Во всѣхъ подобныхъ вопросахъ дѣйствительнымъ слѣдуетъ считать то, что кажется таковымъ нормальному человѣку (τῷ σπουδαίῳ). Если это справедливо, какъ намъ кажется, и если мѣра всего [касающагося человѣка] есть добродѣтель и совершенный человѣкъ, какъ таковой, то и наслажденіями слѣдуетъ считать тѣ, которыя ему кажутся таковыми, и пріятными то, что ему пріятно. Совсе не удивительно, что непріятное можетъ такому человѣку показаться пріятнымъ, такъ какъ люди подвержены многимъ порчамъ и уклоненіямъ; но это не дѣйствительно пріятныя вещи, а лишь пріятныя такимъ людямъ и въ ихъ состояніи. Ясно, что наслажденія, всѣми признанныя дурными, не слѣдуетъ называть наслажденіями, за исключеніемъ развѣ только для испорченныхъ людей. Но какое наслажденіе изъ признанныхъ хорошимъ слѣдуетъ признавать человѣческимъ? Или же это выяснится изъ раз-

смотрѣнія дѣятельностей? Вѣдь наслажденія являются ихъ слѣдствіями. Будь у совершеннаго и счастливаго человѣка такихъ одна или много дѣятельностей, во всякомъ случаѣ тѣ наслажденія, которыя заканчиваютъ эти дѣятельности, слѣдуетъ назвать человѣческими въ собственномъ смыслѣ, а всѣ остальные наслажденія и дѣятельности могутъ быть названы такъ только на второмъ планѣ, или еще болѣе отдаленно.

[О блаженствѣ].

§ 6. Разсмотрѣвъ добродѣтели, и дружбу, и наслажденія, намъ остается разобрать въ общихъ чертахъ блаженство, ибо его мы считаемъ цѣлью человѣческой жизни. Отъ повторенія ранѣе сказанное, наша рѣчь выйдетъ связнѣе. Мы сказали, что блаженство не есть пріобрѣтенное свойство, ибо въ такомъ случаѣ оно могло бы быть приписано тому, кто проспитъ всю жизнь, живя жизнью растенія, или же тому, кто терпитъ величайшія несчастія; это не возможно, но скорѣе должно считать его дѣятельностью, какъ это мы сказали ранѣе; дѣятельности же бываютъ частью необходимыя и избираемыя ради иного, частью желательныя сами по себѣ; ясно, что блаженство должно отнести къ дѣятельностямъ, которыя желательны сами по себѣ, а не ради иного чего, ибо блаженство ни въ чемъ не нуждается: оно вполне совершенно. Желательны сами по себѣ тѣ дѣятельности, въ которыхъ человѣкъ ни къ чему иному не стремится, помимо самой дѣятельности; таковы дѣйствія, сообразныя съ добродѣтелью, ибо прекрасный и нравственный образъ дѣйствій принадлежитъ къ тому, что цѣнно само по себѣ; пріятны также развлеченія (*paidéia*), такъ какъ ихъ избираютъ не ради иного чего-либо; къ тому же они приносятъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу: ради ихъ не падаютъ ни тѣла, ни денегъ; къ подобнымъ-то развлеченіямъ прибѣгаетъ большинство людей, считааемыхъ счастливыми; потому и тиранны высоко чтутъ людей умѣлыхъ въ подобныхъ развлеченіяхъ, ибо именно въ томъ они оказываются пріятными, къ чему стремятся тиранны; въ такихъ-то людяхъ тиранны нуждаются. Подобныя занятія, кажется, потому приписываютъ блаженнымъ, что представители династій проводятъ въ нихъ свой досугъ, но они врядъ ли могутъ служить доказательствомъ, ибо властвованіе не предполагаетъ добродѣтели и разума, отъ которыхъ зависитъ нравственная дѣятельность; и если такіе люди, неспособные къ чистому и благородному наслажденію, прибѣгаютъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, то вслѣдствіе этого послѣднія нельзя еще считать болѣе

цѣнными; вѣдь и дѣти считаютъ то наиболѣе важнымъ, что имъ болѣе всего цѣнно; естественно, что, какъ дѣтими и взрослыми, точно также дурнымъ людямъ и хорошимъ различное кажется цѣннымъ. Какъ уже часто было говорено, цѣнно и дѣйствительно пріятно только то, что является такимъ нравственному человѣку, а каждому человѣку та дѣятельность наиболѣе желательна, которая сообразна его свойствамъ характера, такъ что нравственному желательна дѣятельность, сообразная съ добродѣтью. Итакъ, блаженство не въ развлеченіяхъ; нелѣпо предположить, что цѣль жизни развлеченіе, что мы работаемъ и испытываемъ бѣдствія въ теченіе всей жизни ради развлеченія; все другое, за исключеніемъ блаженства, мы, такъ сказать, избираемъ ради другаго, блаженство же есть цѣль. Глупою и слишкомъ ужъ дѣтскою покажется нравственная жизнь и работа ради развлеченія. Развлечься, чтобы потомъ работать—вотъ, слѣдую Анахарсису, кажется, вѣрное изреченіе; развлеченіе подобно отдыху; люди непрерывно работать не могутъ и нуждаются въ отдыхѣ, но отдыхъ не есть цѣль, ибо отдыхъ существуетъ ради дѣятельности. Блаженная жизнь кажется намъ жизнью сообразною съ добродѣтью. Такая жизнь состоитъ въ работѣ, а не въ развлеченіи. Вѣдь серьезное мы почитаемъ выше смѣшнаго и шутиваго, точно также какъ дѣятельность высшей части души человѣка мы считаемъ болѣе серьезною. Итакъ, дѣятельность высшей части души есть лучшая и болѣе блаженная. Чувственнымъ наслажденіямъ одинаково можетъ придаваться всякій, и рабъ не менѣе, чѣмъ прекраснѣйшій человѣкъ. Рабу же никто не припишетъ блаженства, не придавъ ему соотвѣтственной жизни, ибо блаженство заключается не въ подобныхъ развлеченіяхъ, а въ дѣятельности, сообразной съ добродѣтью, какъ было сказано выше.

§ 7. Если блаженство есть дѣятельность, сообразная съ добродѣтью, то конечно, сообразная съ важнѣйшею добродѣтью, а эта присуща лучшей [части души]. Будь то разумъ или иное что, естественно правящее по природѣ нами и ведущее насъ, и разумѣющее прекрасное и божественное — потому ли, что оно само божественной природы, или же самое богоподобное, что въ насъ есть, во всякомъ случаѣ дѣятельность этой части, сообразная съ ея добродѣтью, и будетъ составлять совершенное блаженство. Уже говорено, что это дѣятельность созерцательная, и это согласно съ мнѣніями предшественниковъ и съ истиной, ибо эта дѣятельность самая важная, подобно разуму и предметамъ, имъ познаваемымъ. Сверхъ

того, она есть самая непрерывная дѣятельность, ибо мы болѣе способны къ непрерывному созерцанію, чѣмъ къ другой какой-либо дѣятельности; къ тому же, мы думаемъ, что къ блаженству должно быть примѣшано наслажденіе, а по общему признанію, созерцаніе истины есть самая пріятная изъ всѣхъ дѣятельностей, сообразныхъ съ добродѣтелью. Дѣйствительно, философія доставляетъ удивительныя по чистотѣ и силѣ наслажденія, и естественно, что знающіе пріятнѣе проводятъ время, чѣмъ стремящіеся. Сверхъ того, такъ-называемая „самоудовлетворенность“ болѣе всего свойственна созерцанію, ибо, что касается житейскихъ нуждъ, то онѣ въ одинаковой мѣрѣ присущи какъ мудрецу, такъ и праведнику и всѣмъ другимъ; если же нужды въ достаточной мѣрѣ удовлетворены, то праведный, сверхъ того, еще нуждается въ людяхъ, относительно которыхъ и вмѣстѣ съ которыми станетъ поступать справедливо, одинаковымъ образомъ и благоразумный, и мужественный, и всякій другой, а мудрецъ можетъ предаться созерцанію и одинъ самъ съ собою, и тѣмъ лучше, чѣмъ онъ мудрѣе; можетъ быть, лучше, когда у него есть сотрудники, но во всякомъ случаѣ, онъ самый „самоудовлетворенный“. Далѣе, только созерцаніе любятъ ради его самого, ибо отъ него, кромѣ созерцанія, ничего не происходитъ, между тѣмъ какъ дѣйствіями мы всегда въ болѣе или меньшей мѣрѣ достигаемъ чего-либо, помимо самаго дѣйствія. Наконецъ, блаженство заключается въ покой, ибо мы безпокоимся ради пріобрѣтенія покоя, подобно тому, какъ ведемъ войну ради мира. Дѣятельность практическихъ добродѣтелей заключается въ политикѣ или въ войнѣ; дѣятельность же, касающаяся подобныхъ предметовъ, кажется, лишена покоя, не говоря уже о военной дѣятельности. Никто вѣдь не стремится къ войнѣ ради самой войны, если дѣлаетъ военныя приготовленія; такой человѣкъ показался бы совершенно кровожаднымъ, какъ тотъ, кто своихъ друзей превращалъ бы въ враговъ, чтобы происходили сраженія и убійства. Дѣятельность политика тоже лишена покоя и всегда имѣетъ въ виду, помимо самаго управленія, власть или почести. Если же она имѣетъ въ виду собственное блаженство, блаженство гражданъ, то все же очевидно, что это иное блаженство, чѣмъ искомое нами. Хотя нельзя отрицать, что добродѣтельная дѣятельность политическая и военная выдается надъ другими по красотѣ и величію, но все же она лишена покоя, стремится всегда къ извѣстной цѣли и желательна не ради ея самой; Созерцательная дѣятельность разума, напротивъ, отличается значительностью, существуетъ ради себя самой, не стремится ни къ какой

[внѣшней] цѣли и заключаетъ въ себѣ ей одной свойственное наслажденіе, которое усиливаетъ энергію; если она, сверхъ того, является самоудовлетворенною, заключающею въ себѣ покой и лишенною тревоженій, на сколько это возможно человѣку, и имѣющею всѣ остальные качества, которыя можно приписать блаженному и которыя свойственны подобной дѣятельности, то она-то и есть совершенное блаженство человѣка, если оно продолжается всю жизнь, ибо ничто неполное не свойственно блаженству. Однако, такая жизнь окажется, пожалуй, болѣе значительною, чѣмъ это возможно человѣку; и прожилъ бы онъ ее не потому, что онъ человѣкъ, а потому, что въ немъ есть нѣчто божественное; и по скольку оно отличается отъ человѣка, какъ сложнаго существа, на столько и энергія его [божественнаго начала] отличается отъ дѣятельности всякой другой добродѣтели. Если же разумъ въ сравненіи съ человѣкомъ есть нѣчто божественное, то и жизнь, сообразная ему, будетъ божественною въ сравненіи съ жизнью человѣка. Не должно внимать тѣмъ, которые увѣщиваютъ насъ заботиться о близкомъ человѣку, такъ какъ мы люди, и о томъ, что брэнно, такъ какъ мы сами смертны, а слѣдуетъ какъ можно болѣе стремиться къ безсмертію и дѣлать все возможное, чтобы жить сообразно съ тѣмъ, что въ насъ наиболѣе сильно и значительно, ибо хотя оно по объему и незначительно, но по силѣ и значенію превышаетъ все остальное. Можно даже сказать, что каждый человѣкъ и есть только это, такъ какъ оно въ немъ самое властвующее и лучшее. Итакъ, нелѣпо было бы, еслибы человѣкъ избиралъ не свою собственную жизнь, а жизнь кого-то другаго. Ранѣе сказанное совершенно согласно съ настоящими мыслями, то-есть, что каждому по природѣ свойственно, что для cadaго значительнѣе и пріятнѣе всего, а слѣдовательно, человѣку естественна разумная жизнь, такъ какъ это дѣлаетъ его человѣкомъ по преимуществу. Такая жизнь, значить, самая блаженная.

§ 8. На второмъ планѣ стоитъ жизнь сообразная съ остальными добродѣтелями. Осуществленіе ихъ — дѣло человѣческое. Ибо дѣла справедливости и мужественности и другія сообразныя добродѣтелямъ дѣла мы совершаемъ другъ относительно друга въ общеніи, подъ вліяніемъ нужды и различныхъ обстоятельствъ, въ аффектахъ, стараемся найти для cadaго подходящее. Всѣ эти дѣла, кажется, чисто человѣческія, и кое-какія изъ нихъ, какъ кажется, зависятъ отъ тѣла; вообще этическая добродѣтель во многомъ подобна аффектамъ. И размышленіе связано съ этическою добродѣтелю, а эта послѣдняя — съ

размышленіемъ, если только справедливо, что принципы размышленія заключены въ этическихъ добродѣтеляхъ, а правильное въ этическомъ отношеніи въ свою очередь познается размышленіемъ. Такъ какъ этическія добродѣтели связаны съ аффектами, то онѣ касаются человека, по скольку онъ сложное существо, а добродѣтели сложнаго существа суть въ свою очередь человѣческія; слѣдовательно, такова же жизнь сообразная имъ и блаженство, а блаженство разума отдѣльное. Но о немъ достаточно сказано, и болѣе подробное разъясненіе переступаетъ цѣли настоящаго сочиненія. Кажется, однако, что это блаженство только въ малой мѣрѣ нуждается во вѣншихъ благахъ, или же въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ этическая добродѣтель, ибо, что касается необходимаго, то въ немъ нуждаются оба, и допустимъ, нуждаются равнымъ образомъ, хотя политикъ болѣе заботится о тѣлѣ и тому подобномъ, но это лишь незначительное различіе. Больше различіе относительно дѣятельностей, ибо щедрый нуждается въ деньгахъ, чтобы творить дѣла щедрости, справедливый—чтобы воздавать (ибо однихъ добрыхъ намѣреній недостаточно, а справедливыми прикидываются и такіе люди, которые вовсе не намѣрены поступать по справедливости), мужественный нуждается въ силѣ, если онъ желаетъ совершить что-либо сообразное своей добродѣтели, и благоразумный нуждается въ достаткѣ; какимъ образомъ иначе онъ или остальные проявятъ себя? Существуетъ сомнѣніе, что для добродѣтели важнѣе—намѣреніе или дѣйствіе, такъ какъ она проявляется и въ тѣхъ, и въ другихъ. Ясно, что совершенство заключалось бы въ томъ и въ другомъ. Дѣйствіе же нуждается во многомъ, и притомъ тѣмъ въ большихъ средствахъ, чѣмъ значительнѣе и прекраснѣе самыя дѣйствія. Человѣкъ, занятый созерцаніемъ, ни въ чемъ подобномъ для своей дѣятельности не нуждается, и можно сказать, все это служить лишь помѣхой для созерцанія, но такъ какъ онъ человѣкъ и сожительствуетъ со многими другими, то онъ стремится поступать сообразно добродѣтели, а потому и нуждается во всемъ этомъ, чтобы быть человѣкомъ. Изъ нижеслѣдующаго явствуетъ также, что совершенное блаженство состоитъ въ созерцательной дѣятельности: Мы считаемъ боговъ наиболѣе счастливыми и блаженными; но въ какого рода дѣйствіяхъ они нуждаются? Неужели же въ справедливыхъ? Не покажутся ли они смѣшными, заключая союзы, выдавая влады и дѣлая тому подобное? Или же въ мужественныхъ, при чемъ они станутъ переносить страшное и опасное, ибо это прекрасно? Или же въ щедрыхъ? Но кого же они станутъ дарить? Къ тому же не-

лѣпо думать, что у нихъ есть долги или нѣчто подобное. Или же, можетъ быть, въ дѣлахъ благоразумія? Но не будетъ ли обидною похвалою сказать, что они не имѣютъ дурныхъ страстей? Если мы пройдемъ всю область дѣйствій, то она окажется мелкою и недостойною боговъ. Однако всѣ приписываютъ имъ жизнь, а слѣдовательно, и дѣятельность; не спятъ же они подобно Эидиміону. Но если отнять у живаго существа не только дѣятельность, но въ еще большей мѣрѣ и производительность, то что же останется за исключеніемъ созерцанія. Итакъ, дѣятельность Божества, будучи самою блаженною, есть созерцательная дѣятельность, а слѣдовательно, и изъ людскихъ дѣятельностей, наиболѣе блаженна та, которая родственнѣе всего божественной. Доказательствомъ служитъ и то, что остальные животныя не участвуютъ въ блаженствѣ, такъ какъ они совершенно лишены подобной дѣятельности. Жизнь боговъ всецѣло блаженна, жизнь людей—на столько, на сколько въ нихъ есть подобіе такой дѣятельности. Ни одно изъ остальныхъ животныхъ не блаженствуетъ, ибо вовсе не участвуетъ въ созерцаніи. Блаженство простирается также далеко, какъ и созерцаніе, и чѣмъ въ какомъ-либо существѣ болѣе созерцанія, тѣмъ въ немъ и болѣе блаженства, и это не случайно, а сообразно съ сущностью созерцанія, ибо оно само по себѣ цѣнно. Итакъ, блаженство есть своего рода созерцаніе.

§ 9. Но человѣкъ, какъ таковой, нуждается еще во внѣшнемъ благополучіи, ибо человѣческая природа не достаточно самоудовлетворенна для созерцанія, но необходимо, чтобъ и тѣло было здорово, чтобы была пища и остальные удобства. Однако, не должно думать, что блаженный нуждается во многомъ и большомъ, хотя счастье не возможно безъ внѣшнихъ благъ. Ибо самоудовлетворенность и способность къ дѣятельности заключаются не въ избыткѣ; можно поступать прекрасно, не будучи повелителемъ земли и моря; даже съ умѣренными средствами можно поступить сообразно съ добродѣтелью. Это вполне очевидно: частныя лица, какъ кажется, совершаютъ добрыхъ дѣлъ не только не менѣе династовъ, но даже болѣе ихъ; достаточно, значитъ, чтобы было на столько, и жизнь человѣка, дѣйствующаго сообразно съ добродѣтелью, будетъ счастлива. Солонъ хорошо, кажется, опредѣлилъ блаженнаго, указывая на людей съ средними достатками, которые, какъ онъ полагалъ, совершили прекраснѣйшія дѣла и жили благоразумно. Вѣдь очень можно поступать, какъ слѣдуетъ, имѣя лишь средній достатокъ. Кажется, и Анаксагоръ не считалъ блаженнымъ ни богатаго, ни династа, говоря,

что онъ не удивился бы, еслибы блаженный показался толпѣ совершенно непригоднымъ для блаженства, такъ какъ толпа судить всегда по виѣшности, которую только и понимаетъ. Итакъ, мнѣнія мудрецовъ согласуются, по видимому, съ этими положеніями; такое согласіе придаетъ извѣстную достовѣрность мнѣніямъ, хотя истина въ практикѣ опредѣляется лишь дѣлами и самою жизнью, ибо въ нихъ заключается рѣшающій моментъ. Сказанное слѣдуетъ рассмотреть по отношенію къ дѣламъ и жизни, и если оно согласуется съ дѣлами, то должно считать его доказаннымъ, если же расходится—считать пустыми рѣчами.

Кажется, наиболѣе пріятенъ Богу тотъ человѣкъ, который поступаетъ сообразно разуму, служить разуму и лучшимъ образомъ пользуется имъ. Если дѣйствительно боги нѣсколько пекутся о людскихъ дѣлахъ, а это кажется такъ, то естественно богамъ радоваться тому, что есть прекраснѣйшаго и родственнѣйшаго имъ (а таковъ вѣдь разумъ), и естественно награждать тѣхъ, которые разумъ болѣе всего любятъ и почитаютъ, награждать за заботу и правильное и прекрасное пользованіе тѣмъ, что любимо богами. Вполнѣ ясно, что все это болѣе всего подходитъ къ мудрецу. Итакъ, онъ болѣе всѣхъ любимъ богами, онъ же и наиболѣе блаженный. Слѣдовательно, и этимъ способомъ выходитъ, что мудрецъ есть наиболѣе блаженный.

§ 10. Слѣдуетъ ли полагать, что мы достигли цѣли нашего намѣренія послѣ того, какъ достаточно сказали обо всемъ этомъ и о добродѣтеляхъ, и о дружбѣ, и о наслажденіи, или же напротивъ въ практикѣ, какъ говорятъ, цѣль составляетъ не созерцаніе и знаніе частныхъ, а скорѣе осуществленіе ихъ. Вѣдь недостаточно только знать добродѣтель, но нужно и обладать ею и стараться осуществить ее, или какимъ-либо инымъ путемъ стать хорошимъ человекомъ. Еслибы науки было достаточно для того, чтобы сдѣлать человека хорошимъ, то она по справедливости заслуживала бы, по словамъ Теогида, многихъ и большихъ подарковъ, и необходимо было бы пройти ее. Нынѣ же оказывается, что она побуждаетъ благородныхъ юношей, подвигаетъ и совершенно наполняетъ людей хорошаго нрава и любящихъ по истинѣ прекрасное, но что она не въ состояніи побудить толпу къ „калокагатіи“, ибо толпа не привыкла повиноваться стыду, а только страху, и воздерживается отъ дурнаго не въ силу того, что оно постыдно, а лишь вслѣдствіе наказаній. Живя подъ вліяніемъ страсти, она стремится къ соотвѣтственнымъ наслажденіямъ и къ средствамъ ихъ пріобрѣтенія,

избѣгая противоположныхъ страданій. О прекрасномъ же и о дѣйствительно пріятномъ толпа не имѣетъ понятія, ибо никогда не испытывала его. Какая наука способна настроить иначе такихъ людей? Не возможно, или по крайней мѣрѣ не легко, измѣнить подъ вліяніемъ науки то, что издавна укоренилось въ нравахъ. Нужно довольствоваться тѣмъ, что при существованіи всѣхъ условій, благодаря которымъ мы становимся нравственными, насъ обратятъ къ добродѣтели. Одни полагаютъ, что люди становятся хорошими отъ природы, другіе—благодаря привычкѣ, третьи—обученіемъ. Что касается природы, то ясно, что она не находится въ нашей власти, но по какой-то божественной причинѣ даруется тѣмъ, которые по истинѣ счастливы. Доводы же и обученіе не на всѣхъ имѣютъ силу, но необходимо, чтобы душа слушателя заранее была подготовлена привычкой наслаждаться и ненавидѣть то слѣдуетъ, подобно тому, какъ земли, которая должна вскормить зерно; человѣкъ, живущій страстями, врядъ ли станетъ выслушивать доводы, удерживающіе его, и даже не пойметъ ихъ. Какъ же разубѣдить подобнаго человѣка? Вообще говоря, страсть повинуется не доводамъ, а только силѣ. Итакъ, необходимо, чтобы заранее былъ характеръ, родственный добродѣтели, любящій прекрасное и ненавидящій позорное. Трудная вещь—въ молодости получить правильное воспитаніе, ведущее къ добродѣтели, если не живешь въ соответственныхъ законахъ: ибо для большинства людей непріятно жить благоразумно и воздержанно, въ особенности же для молодыхъ; поэтому-то тѣлесное воспитаніе и занятія должны быть опредѣлены законами: что привычно, перестаетъ быть непріятнымъ. Но можетъ быть, недостаточно правильного воспитанія и заботы въ одной только молодости, а возмужавъ мы должны заботиться о томъ же и привыкать къ тому же, такъ что и относительно этого мы нуждаемся въ законахъ и вообще относительно всей жизни, ибо большинство повинуется скорѣе необходимости, чѣмъ разуму, и скорѣе наказаніямъ, чѣмъ прекрасному. Оттого-то нѣкоторые и полагаютъ, что законодатели должны привлекать къ добродѣтели и побуждать гражданъ къ прекрасному, въ предположеніи, что тѣ послушаются нравственности, которыхъ характеръ подготовленъ, а на непослушныхъ и недаровитыхъ отъ природы должно налагать наказанія, совершенно же неизлѣчимыхъ должно удалять изъ предѣловъ города; нравственный человѣкъ, живущій сообразно съ понятіемъ прекраснаго, будетъ повиноваться разуму, между тѣмъ какъ дурной человѣкъ, стремящійся къ наслажденію, будетъ удерживаемъ страданіемъ,

подобно животному, несущему ярмо. Поэтому говорятъ, что страданія должны быть такими, чтобы болѣе всего противодѣйствовать любимѣйшимъ наслажденіямъ. Для того, чтобы стать хорошимъ, какъ было сказано, нужно получить хорошія воспитаніе и привычки, нужно провести жизнь въ хорошихъ занятіяхъ и не дѣлать ни произвольно, ни противъ воли ничего дурнаго; все это возможно только тогда, когда человѣкъ живетъ по извѣстному предписанію разума и правильному распорядку, имѣющему силу; однако власть отца не имѣетъ ни той силы, ни той принудительности—не имѣетъ ея вообще никогда власть одного лица—если онъ не будетъ царемъ, или чѣмъ-либо подобнымъ; законъ, напротивъ, имѣетъ принудительную силу, ибо онъ есть положеніе, вытекающее изъ размышленія и разума. Людей, которые противодѣйствуютъ нашимъ стремленіямъ, мы ненавидимъ, хотя бы они и поступали правильно,—законъ же, опредѣляющій дозволенное, не можетъ быть ненавидимъ. Въ одномъ только государствѣ спартанцевъ, и еще въ немногихъ другихъ, законодатель позаботился о тѣлесномъ воспитаніи и о занятіяхъ. Въ большинствѣ же государствъ на тому подобныя вещи не положено заботы, и каждый живетъ, какъ хочетъ, подобно циклопамъ, „творя судъ надъ женой и дѣтьми“. Весьма важно было бы, чтобы объ этихъ предметахъ существовала общая и правильная забота, и чтобы она проявлялась на дѣлѣ. Но если государство не заботится объ этомъ, то кажется, слѣдуетъ каждому въ отдѣльности помогать своимъ дѣтямъ и друзьямъ въ приобрѣтеніи добродѣтели, или же, по крайней мѣрѣ, имѣть подобное наимѣреніе; но лучше всего, какъ явствуетъ изъ сказаннаго, онъ будетъ въ состояніи выполнить это, если станетъ способнымъ къ законодательству. Ясно, что для общественнаго воспитанія необходимы законы, а для хорошаго—необходимы хорошіе законы. При этомъ, кажется, нѣтъ различія, будутъ ли законы писанные или не писанные, будетъ ли по нимъ воспитываться одинъ человѣкъ или многіе, какъ это безразлично и при обученіи музыкѣ, гимнастикѣ или другимъ наукамъ. Какъ въ государствахъ получаютъ власть законъ и обычаи, точно также въ домѣ — отцовскія правила и привычки, и это благодаря родству и взаимной помощи еще въ большей мѣрѣ, ибо здѣсь управляемые исполнены отъ природы любовью и потому охотно повинуются. Есть, однако, разница между частнымъ и общественнымъ воспитаніемъ, такая же разница, какъ во врачебномъ искусствѣ; вообще говоря, больному лихорадкой полезны покой и діета, извѣстному же больному, можетъ быть, и не полезны; и учитель кулачнаго

боя не всѣхъ обучаетъ одному и тому же роду боя. Кажется, что каждая отдѣльная вещь становится тѣмъ болѣе законченною, чѣмъ больше на нее положено особой работы; такимъ путемъ каждый достигнетъ того, что ему полезно. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лучше всего заботиться будетъ врачъ, или гимнастъ, или вообще имѣющій общія свѣдѣнія о томъ, что всѣмъ или именно этимъ опредѣленнымъ лицамъ полезно, ибо науки считаются знаніемъ общаго и дѣйствительно суть это. Однако ничто не мѣшаетъ допустить, что лицо, хотя и не обученное, не могло бы хорошо озаботиться, лишь бы оно въ точности изъ опыта знало то, что необходимо для каждаго отдѣльнаго предмета, подобно тому, какъ бывають люди, которые для самихъ себя оказываются лучшими врачами, хотя другому не умѣють ни въ чемъ пособить. Тѣмъ не менѣе тотъ, кто хочетъ стать искуснымъ техникомъ и теоретикомъ, долженъ, какъ кажется, направить свои старанія къ общему, и познать его, на сколько возможно, ибо, какъ уже сказано, съ общимъ имѣють дѣло науки; точно также и тотъ, кто захотѣлъ бы сдѣлать людей лучшими, заботясь о нихъ, многихъ или немногихъ, долженъ попытаться овладѣть знаніемъ законодателя въ виду того, что мы становимся хорошими благодаря законамъ: не всякій можетъ расположить надлежащимъ образомъ перваго попавшагося или перваго встрѣчнаго, и если кто-либо это можетъ, то знающій; такъ дѣло обстоитъ и въ врачебномъ искусствѣ, и въ другихъ, гдѣ есть забота и размышленіе объ остальныхъ людяхъ. Послѣ этого слѣдуетъ разсмотрѣть, изъ какихъ источниковъ и какимъ способомъ кто-либо можетъ стать способнымъ къ законодательству. Не точно также ли, какъ и въ другихъ случаяхъ, то-есть, путемъ тѣхъ, которые занимаются политикой? Ибо вѣдь законодательство есть часть политики. Или же въ политикѣ дѣло поставлено иначе, чѣмъ въ остальныхъ наукахъ и способностяхъ? Ибо въ остальныхъ наукахъ одни и тѣ же люди являются учителями извѣстныхъ практическихъ свѣдѣній, точно также, какъ и практическими въ нихъ дѣятелями, какъ, напримѣръ, врачи и живописцы. Но вѣдь софисты возвѣщаютъ себя учителями политики, хотя никто изъ нихъ не дѣйствуетъ въ этой области, а дѣйствуютъ государственные люди, которые, какъ кажется, руководствуются въ своей дѣятельности скорѣе извѣстною сноровкой и опытностью, чѣмъ теоретическимъ знаніемъ, ибо они не пишутъ и не говорятъ о подобныхъ предметахъ (хотя это, вѣроятно, имъ было бы болѣе

къ лицу, чѣмъ судебныя рѣчи и народныя), а также не дѣлають политиками своихъ дѣтей или дѣтей своихъ друзей, хотя этого естественно ожидать, еслибъ они могли это выполнить; они не могли бы ничего лучшаго оставить въ наслѣдство государствамъ, и не могутъ болѣе желать ничего инаго себѣ или людямъ, наиболѣе ими любимымъ. Однако опытность не маловажная вещь; въ противномъ случаѣ, какъ могли бы люди становиться политиками путемъ навыка въ государственныхъ дѣлахъ? Поэтому-то желающимъ политическаго знанія, сверхъ того, необходима, какъ кажется, и практика. Что касается софистовъ, то они, не смотря на свои возвышанія, кажется, очень далеки отъ умѣнья научить политикѣ. Они вообще не знаютъ, что такое политика, и какихъ предметовъ она касается: въ противномъ случаѣ, они не приравнивали бы ея и не подчиняли бы ея риторикѣ, и не думали бы, что легко создавать законы тому, кто сдѣлалъ сводъ наиболѣе славныхъ законовъ, ибо онъ можетъ выбрать лучшіе. Какъ будто подобный выборъ не требуетъ, какъ въ музыкѣ, привычки; умѣнье правильно судить есть труднѣйшее дѣло, ибо только знающіе частности могутъ правильно судить о дѣлахъ и понять, въ силу чего и какимъ способомъ они возникаютъ, и что съ чѣмъ согласуется. Неопытнымъ же должно быть уже то пріятно, если отъ нихъ не ускользнуло, хорошо или дурно написана, напримѣръ, картина. Законы суть дѣло государственнаго знанія. Какимъ же образомъ кто-либо можетъ стать законодателемъ, опредѣлить лучшіе законы, руководствуясь только собраніемъ законовъ? Вѣдь, кажется, врачемъ никто не становится благодаря книгамъ, хотя онѣ стараются указать не только одни лѣчебныя средства, но и способъ лѣченія и уходъ за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, свойство коего они опредѣляютъ. Все это очень полезно опытнымъ врачамъ и совершенно бесполезно не имѣющимъ опытности. Точно также, вѣроятно, собранія законовъ и государственныхъ устройствъ полезны лишь для тѣхъ, кто умѣетъ опредѣлить и различить въ нихъ хорошее отъ дурнаго, и что съ чѣмъ согласуется. Тѣ же, которые безъ такой подготовки станутъ заниматься подобными сборниками, врядъ ли будутъ въ состояніи вѣрно опредѣлить—развѣ только случайно хотя, конечно, благодаря этому занятію, они станутъ болѣе проницательными.

Такъ какъ прежніе мыслители оставили не разсмотрѣннымъ вопросъ о законодательствѣ, то пожалуй, лучше, чтобы мы сами взялись за такое разсмотрѣніе и вообще за государственное устройство, для того,

чтобы по мѣрѣ силъ довести до конца философiю, касающуюся человека. Сначала мы попробуемъ разобрать, что хорошаго сказали наши предшественники относительно частныхъ; далѣе постараемся опредѣлить, на основанiи существующихъ государственныхъ устройствъ, чѣмъ держится и что губить государство вообще и каждое государство въ частности, и въ силу какихъ причинъ одни управляются хорошо, а другiя — дурно. Разсмотрѣвъ это, мы, пожалуй, яснаго увидимъ, какое государственное устройство—лучшее, и какъ каждое устроено, и какими законами и обычаями оно пользуется. Итакъ, начнемъ съ начала ¹⁾).

Э. Радловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ПЛАТОНУ ¹⁾.

1. (2 В.). Упрямой гетерѣ.

Я отдаю тебѣ яблоко; взявши его добровольно,
Если ты любишь меня, страстью своей отдари.
Если жь не хочешь, чтобъ это случилось, то, все-таки взявши,
Вспомни, какъ время любви недолговѣчно у насъ.

2. (4 В.). Надпись на зеркалѣ, посвященномъ Лансою Венерѣ.

Гордо презрѣвшая грековъ, имѣвшая толпы влюбленныхъ
Передъ своими дверьми, зеркало это дарю
Славной Венерѣ Ланса: смотрѣться въ него не хочу я
Тю, какая теперь; тю, какъ встарь, не могу.

3. (5 В.). Бъ мѣдному изваянію лягушки, посвященному нимфамъ.

Влажный пѣвецъ, славныхъ нимфъ почитающій, ищущій тѣни,
Капли прозрачной воды пьющій, лягушка, твое
Изображеніе изъ мѣди сковавши, на память поставилъ
Путникъ, въ томительный зной жажду свою утоливъ.
Ты вѣдь, когда заблудился онъ, воду ему указала,
Въ самое время запѣвъ въ влажной долигѣ своей.

¹⁾ Числа, поставленные въ скобкахъ, означаютъ нумерацію, принятую въ изданіи Бергга (Bergk).

Не пренебрегши спасительнымъ голосомъ, скоро достигъ онъ
Сладостной влаги—воды, страстно желаемой имъ.

4. (6 В.). Въ Пиндару ¹⁾.

Милъ чужеземцамъ и собственнымъ гражданамъ вѣчно-любезенъ
Пиндаръ, святыхъ Пiereйхъ вѣрный поклонникъ и жрецъ.

5. (7 В.). Діону Сиракузскому.

Слезы несчастной Гекубѣ, а съ нею и прочимъ троянкамъ,
Неотвратимой судьбой были назначены встарь.
Но на тебя, о, Діонъ, совершавшаго славное дѣло,
Щедрой рукою излилъ геній всѣ блага земли.
Въ пышной странѣ ты покоишься, чтимый гражданами всѣми,
О, взволновавшій мое сердце любовью Діонъ!

6. (9 В.). Эретрійцамъ, похороненнымъ въ Экбатанѣ ²⁾.

Нѣкогда шумныя волны Эгейскаго моря покинувъ,
Мы на равнинѣ теперь близъ Экбатаны лежимъ,
Родина наша Эретрія, милой Эвбеи сосѣдка.
Городъ Аеины, прости! Милое море, прости!

7. (10 В.). Эретрійцамъ, умершимъ въ Сузѣ.

Мы, эретрійцы съ Эвбеи, поконимся мирно близъ Сузы...
Горе! Отъ нашей земли какъ далеко мы теперь!

8. (11 В.). Надпись на могилѣ мореходца.

Я—мореходца могила, а противъ меня—земледѣльца:
Морю и твердой землѣ общій наслѣдникъ—Аидъ.

¹⁾ Эту эпиграмму приписываютъ также Леониду. О ней упоминаетъ также Плутархъ (De an. прог. с. 33).

²⁾ Это и слѣдующее стихотвореніе относятся къ эретрійцамъ, выселеннымъ въ 490 г. Датисомъ и Артаверномъ (Herod. VI, 119).

9. (12 Б.). Мореходецъ, у котораго отняли одежду.

Я—мореходецъ. Шумящее море меня погубило,
 Но постыдилось оно плащъ мой послѣдній отнять.
 Нѣкій его человѣкъ съ святотатственной дерзостью отнялъ,
 Взявъ на себя такой грѣхъ ради ничтожной цѣны.
 О, еслибъ, плащъ мой надѣвъ, съ нимъ въ суровый Андъ онъ спу-
 стился,
 Чтобы въ одеждѣ моей Миносъ его увидалъ.

10. (13 Б.). Надишсь на могилѣ мореходца.

О, мореходцы! Судьба да хранить васъ на сушѣ и въ морѣ:
 Знайте: плывете теперь мимо могилы пловца.

11. (14 Б.). Къ Астеру ¹⁾.

Смотришь на звѣзды, Астеръ мой? О, еслибы могъ многозвѣзднымъ
 Небомъ я стать, чтобъ глядѣть множествомъ глазъ на тебя!

12. (15 Б.). Къ Астеру ²⁾.

Прежде, Астеръ, ты блисталъ межъ живущихъ по утреннимъ зорямъ;
 Свѣтишь, скончавшись, теперь мертвымъ вечерней звѣздой.

13. (16 Б.). Къ дереву, посаженному возлѣ дороги ³⁾.

Дерево, я для прохожихъ посажено возлѣ дороги,
 Цѣлю мѣткимъ камнямъ ради забавы дѣтей.
 Всѣ мои вѣтви, покрытыя яркою зеленью листьевъ,
 Сломаны, такъ какъ въ меня множество камней летитъ.
 Хуже плодовымъ деревьямъ нѣтъ участи; я жъ, какъ нарочно
 Лишь на несчастье свое, бѣдное, плодъ приношу.

¹⁾ Астеръ—одинъ изъ учениковъ Платона. У Діогена изъ Лаэрти есть извѣстie, что онъ вмѣстѣ съ Арестиппомъ, Діономъ и Федромъ любилъ заниматься астрологіей. Стихотвореніе это основано на игрѣ словъ (ἀστὴρ значитъ звѣзда).

²⁾ Здѣсь опять игра словъ: 'Αστὴρ 'Εφωσ и ἀστὴρ Ἑσπερος—одна и та же звѣзда.

³⁾ Это стихотвореніе приписывается также Антипатру.

14. (17 В. ¹).

Золото нѣкто нашелъ и оставилъ веревку, а тотъ, кто
Злато свое потерялъ, къ найденной петлѣ прибѣгъ.

15. (19 В.).

Вѣчность приноситъ намъ все: передъ временемъ долгимъ ничтожны
Славное имя и видъ, сущность вещей и судьба ²).

16 (20 В.).

Девять считается Музъ... какъ ошибочно это; межъ ними
Сафо Лезбійскую намъ должно десятой считать.

17. (21 В.). Надпись на камнѣ съ изображеніемъ пяти быковъ ³).

Пять круторогихъ быковъ мы имѣемъ на маленькой яшмѣ;
Изображеніе ихъ будто живые быки.
Право, они разбѣжались бы; но золотая оправа
Малое стадо теперь прочно удержитъ собой.

18. (24 В.). Къ Пану.

Тише, тѣнистая роща дріадъ! Вы, источники, тише
Прядайте съ камней, и пусть смолкнетъ бляенье овецъ.
Самъ наслаждается Панъ сладковзвучною звонкой свирѣлью,
Къ влажнымъ губамъ приложивъ связку сухихъ камышей.
Вкругъ же него и Дріады, и Гамадріады ⁴), составивъ
Дружной толпой хороводъ, кружатся въ пляскѣ живой.

¹) Диогенъ изъ Лаврты приписываетъ это стихотвореніе Платону. Въ антологіи (IX, 44) оно приписано Статилію Фланку; но и тамъ (45) въ нѣскольکو неизмѣненномъ видѣ оно также приписано Платону.

²) Ср. у Herod. V, 9: γένετο δ' ἂν πᾶν ἐν τῷ μακρῷ χρόνῳ.

³) Приписывается также Полемону.

⁴) Дріады и Гамадріады собственно нимфы, оживлявшія дерево и умирившія съ нимъ; здѣсь же вообще лѣсными нимфы.

19 (25 В.).

Сядь здѣсь подъ деревомъ съ пышнокудрявой, тѣнистой вершиной,
 Сладко шумящей листвою при небольшомъ вѣтеркѣ,
 Сядь, и журчанье ручьевъ и мелодія звонкой свирѣли,
 Очаровавъ тебя, сномъ вѣки твои отягчатъ.

20 (26 В.). Къ статуѣ Венеры.

Въ Книдѣ Книерей Пафосская шла черезъ бурныя волны,
 Чтобы, прибывъ, посмотрѣть на изваянье свое,
 Все осмотрѣвши на мѣстѣ въ подробностяхъ частныхъ, вскричала
 Громко она: „Гдѣ нагой видѣлъ Пракситель меня?“
 Нѣтъ, онъ не видѣлъ запретнаго; но изваяло желѣзо
 Тою тебя, каковой ты для Ареса мила.

21 (27 В.). Къ статуѣ Венеры.

Нѣтъ, не Пракситель тебя изваялъ, не желѣзо: сама ты
 Стала предъ нимъ, какъ тогда передъ судомъ красоты.

22 (28 В.). Къ изображенію Сатира.

Не изваялъ Діодоръ: усыпиль онъ волшебнo Сатира;
 Встанетъ онъ, если толкнуть; кажется, спитъ серебро.

23 (30 В.). Къ Археапассѣ¹⁾.

Нынѣ подруга моя—колофонянка Археапасса:
 Даже въ морщинахъ ея прячется пылкій Эротъ.
 Право, несчастливы вы, кто встрѣчались съ ней въ юности ранней:
 Что за огромный костеръ вамъ приходилось пройти!

24 (31 В.). Музы и Киприда.

Музамъ сказала Киприда: „О, дѣвушки, вы Афродиту
 „Чтите, не то я на васъ сына Эрота пошлю“.

¹⁾ Приписывается также Асклепіаду.

Музы Кипридѣ въ отвѣтъ: „Угрожать этимъ Марсу ты можешь:
Намъ же не страшно совсѣмъ рѣзвое это дитя“.

25. (32 В.). Эпическій отрывокъ.

Темной священной дубравы достигши, увидѣли въ ней мы
Схожаго видомъ съ пурпуровымъ яблокомъ сына Кнееры.
Не было съ нимъ ни колчана для стрѣлъ, ни скривленнаго лука:
Возлѣ они на прекрасно вѣтвистыхъ деревьяхъ висѣли,
Самъ же онъ, сномъ отягченный, на чашечкахъ розъ пурпуровыхъ
Спалъ улыбаясь; по немъ желтобурыя ползали пчелы,
Медъ изливая на полуоткрытыя красныя губы.

К. С—ский.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ, данныйъ правительствующему сенату.

(13-го сентября 1887 года)

СТРАВ.

3

Высочайшія повелѣнія.

1. (29-го іюля 1887 года). О принятіи Императорскою Академіею Наукъ капитала, пожертвованнаго дочерью генерала отъ инфантеріи двинцею Софіею Шубертъ.

2. (8-го сентября 1887 года). Объ освобожденіи приватъ-доцентовъ Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лица отъ призыва изъ запаса въ армию и отъ службы въ государственномъ ополченіи

4

3. (16-го августа 1887 года). О порядкѣ представленія къ наградѣ орденомъ св. Владимира 4 ст. лицъ, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію

4. (13-го сентября 1887 года). О разрѣшеніи открытъ подписку среди медицинскихъ обществъ и частныхъ лицъ въ Россіи для образованія стипендіи имени доктора медицины Петрова.

5

5. (13-го сентября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Сазоновымъ.

27

6. (27-го сентября 1887 года). Объ учрежденіи при Старицкомъ уѣздномъ училищѣ пяти стипендій, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „стипендіи Императора Александра II“. 27
7. (27-го сентября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго провизоромъ Язгевичемъ . —
8. (13-го сентября 1887 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго титулярнымъ совѣтникомъ Д. Ѳ. Самариннымъ. 29
9. (8-го октября 1887 года). О подчиненіи новобрескскихъ школъ юго-западнаго края вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія —

Высочайшія награды. 30

Министерскія распоряженія.

1. (19-го сентября 1887 года). Правила о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ восемь тысячъ руб., завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Александромъ Михайловичемъ Саоновымъ 5
2. (19-го сентября 1887 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Константиновича и Маріи Петровны Куманиныхъ 6
3. (20-го сентября 1887 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ освобожденіи приватъ-доцентовъ университетовъ и Демидовскаго юридическаго лица отъ призыва изъ запаса въ армію и отъ службы въ государственномъ ополченіи. —
4. (27-го сентября 1887 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недомыкахъ за земствами и городскими обществами по содержанію учебныхъ заведеній 7
5. (6-го декабря 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Императора Александра II при Старицкомъ уѣздномъ училищѣ. 9
6. (6-го октября 1887 года). Правила о единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени покойнаго провизора Павла Семеновича Язгевича 10
7. (8-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Михаила Власевича Грумъ-Гржимайло при Тверской мужской гимназіи. 11
8. (8-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Михаила Никифоровича Каткова при Бѣльскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ. 12
9. (11-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Ивана Зноско и дворянки Аполлоніи Зноско при Виленской 1-й мужской гимназіи 13
10. (13-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени священника Іоанна Попова при Боровичской женской прогимназіи . 14

11. (21-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени Епифана Ефимовича Чернова при Дерптскомъ городскомъ училищѣ 42
12. (22-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра III при Холмской мужской гимназій въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ —
13. (26-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Василія Яковлевича Моисеенко-Великаго при Казанскомъ реальномъ училищѣ. 43
14. (30-го октября 1887 года). Положеніе о Самаринскомъ фондѣ для бѣдныхъ учениковъ Московской пятой гимназій 44
15. (31-го октября 1887 года). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ руб., пожертвованнаго ташкентскими любителями драматическаго искусства 45
16. (5-го ноября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени Анны Саввиной Котельниковой при Московской 3-й гимназій. 46
17. (5-го ноября 1887 года). Правила о единовременныхъ пособіяхъ, учрежденныхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ пятнадцать тысячъ девятьсотъ руб., завѣщаннаго вдовою полковника Елизаветою Ивановною Николевою 47
18. (7-го ноября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Григорія Антоновича Захарьина при Саратовской мужской гимназій. —
19. (11-го ноября 1887 года). Положеніе о стипендіи имени купеческой вдовы Анны Саввиной Котельниковой при Московской 4-й мужской гимназій. 48

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- (18-го сентября 1887 года) 14
- (7-го октября 1887 года) 19

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- О книгѣ: „Н. Воскресенскій. Словесность — наука, ея значеніе въ учебной литературѣ и въ дѣлѣ преподаванія русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ В. Истоминъ“ 22
- О книгѣ: „Г. Нидерле. Грамматика греческаго языка. Ч. II. Обработка И. Мейеръ и В. Рейнеръ“ —
- О „Наглядной таблицѣ всемірной исторіи И. Пясецкаго“. —
- О книгѣ: „Заразные болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ А. С. Виреніусъ“ —
- О книгѣ: „Теорія словесности. Курсъ I. Составлено по методу Ф. А. Зеленогорскаго“ —

О книгѣ: „Lehrbuch der Geschichte für die oberen Klassen höherer Lehranstalten. Von D-r Friedrich Hofmann“	22
О книгѣ: „Краткій курсъ ботаники. Составилъ М. Сіазовъ“.	—
О книгѣ: „Учебникъ латвискаго языка. В. I. Составили П. Смирновъ и О. Клеменчичъ“.	23
О книгахъ П. П. Фанъ-дери-Флита: 1) „Основанія механики“ и 2) „Введеніе въ механику. Чч. I и II“.	—
О книгѣ: „Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка съ необходимыми матеріалами для упражненій въ синтаксическомъ разборѣ и употребленія знаковъ препинанія. Составилъ Н. Красногорскій“	49
О книгѣ: „Полная практическая славянская грамматика, составленная свящ. Крыловымъ“	—
О книгѣ: „Пособіе при изученіи исторіи русской словесности, Составилъ П. Смирновскій. Ч. IV“	—
О книгѣ: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школы. Мартыновскаго“	50
О книгахъ, составленныхъ В. Шенрокомъ: 1) „Указатель къ письмамъ Гоголя“ и 2) „Ученическіе годы Гоголя“	—
О книгѣ: „Руководство къ средней исторіи. Составилъ И. Белярминовъ“	—
О книгѣ: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Н. Невзорова. Чч. I и II“.	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Азбуковникъ церковно-славянскаго языка съ изборникомъ для чтенія для начальныхъ училищъ. Составилъ П. Случевскій“.	23
О книгахъ Вс. Миропольскаго: 1) „Курсъ русской грамматики для высшихъ учебныхъ заведеній. Чч. I и II“	—
О книгѣ: „Какъ останавливать кровь и можно ли ее заговаривать. Составилъ Ив. Милотворскій“.	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики“	24
Официальныя извѣщенія	50
Открытіе училищъ	24 и 51
Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1879, 1880 и 1881 (окончаніе).	45

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

С. О. Платоновъ. Древнія русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ (продолженіе)	1 и 251
П. М. Занковъ. Старецъ Артемій, писатель XVI вѣка	47

И. В. Безобразовъ. Матеріалы для исторіи Византійской имперіи.	65
П. О. Бобровскій. Судьба Супрасльской рукописи (<i>окончаніе</i>).	79
А. И. Барбашевъ. Таненбергская битва	151,
В. Г. Дружнинъ. Три неизвѣстныхъ произведенія князя Антіоха Кантемира.	194
П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы.	205
Н. А. Поповъ. Къ вопросу о Супрасльской рукописи	304
П. О. Бобровскій. Дополненіе къ статьѣ: „Судьба Супрасльской рукописи“	307

КРИТИКА И ВИВПОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. А. Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка. С.-Пб. 1886.	103
К. Я. Гротъ, Les lois roumaines et leur connexité avec le droit byzantin et slave. Par I. Ladislav Pič. Bukarest. 1887	111
В. Х. Л. Оукидидъ. Исторія Пелопоннесской войны. Переводъ. О. Г. Мищенко. Москва. 1887	122
И. В. П — скій. Сборникъ статей по классической древности. В. III. Кіевъ. 1887	123
С. А. П — скій. Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Составилъ С. А. Пташницкій. С.-Пб. 1887.	127
П. Н. П. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Соч. Д. И. Багалъя. Т. I. М. 1887.	129
Х. М. Лопаревъ. Второе хожденіе Тифона Коробейникова	139
А. Н. Н — въ. Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. Соч. д—ра А. С. Вирениуса. С.-Пб. 1888.	144
А. Н. Веселовскій. Противорѣчія италіанскаго Возрожденія	316
И. А. Линнченко. Al. Semkowicz. Krytyczny rozbiór dziejów polskich Iana Długosza do roku 1384. Kraków. 1887	350
Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. С.-Пб. 1887	362
В. О. Миллеръ. М. Е. Соколовъ. Старорусскіе солнечные боги и богини. Симбирскъ. 1887.	364
П. М. М — въ. Нижегородскій Сборникъ. А. С. Гацискаго. Т. VII. Книжныя новости	147 и 376

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Ө. Н. Леонтовичъ. Коммерческія училища за границей и въ Россіи (<i>продолженіе</i>).	1
М. Л. Стефановичъ. Женскія гимназій въ Германіи.	.
Наша учебная литература (разборъ 15 книгъ)	28 и 71

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТРАН.

Наши учебныя заведенія: Варшавскій университетъ въ 1886 году.	1
Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1884 году.	39
Учебная часть на Кавказѣ въ 1886 году (<i>продолженіе</i>)	98
П. И. Броуновъ. Письма изъ-за границы. VI	16
А. И. Воейковъ. Письма изъ-за границы. IX	116
Некрологъ: I. А. Е. Свѣтлинъ; II. Л. С. Це вковскій; III. Н. П. Гиларовъ-Платоновъ .	30

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. А. Стрѣльцовъ. Въ исторіи медицины у древнихъ Римлянъ.	103
Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля (<i>окончаніе</i>) .	156
Е. Н. С — скій. Стихотворенія, приписываемыя Платону	177

